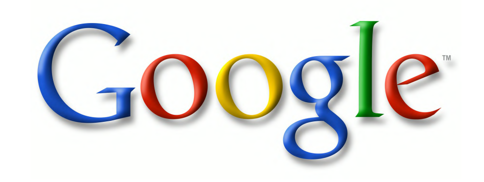





LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES



ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

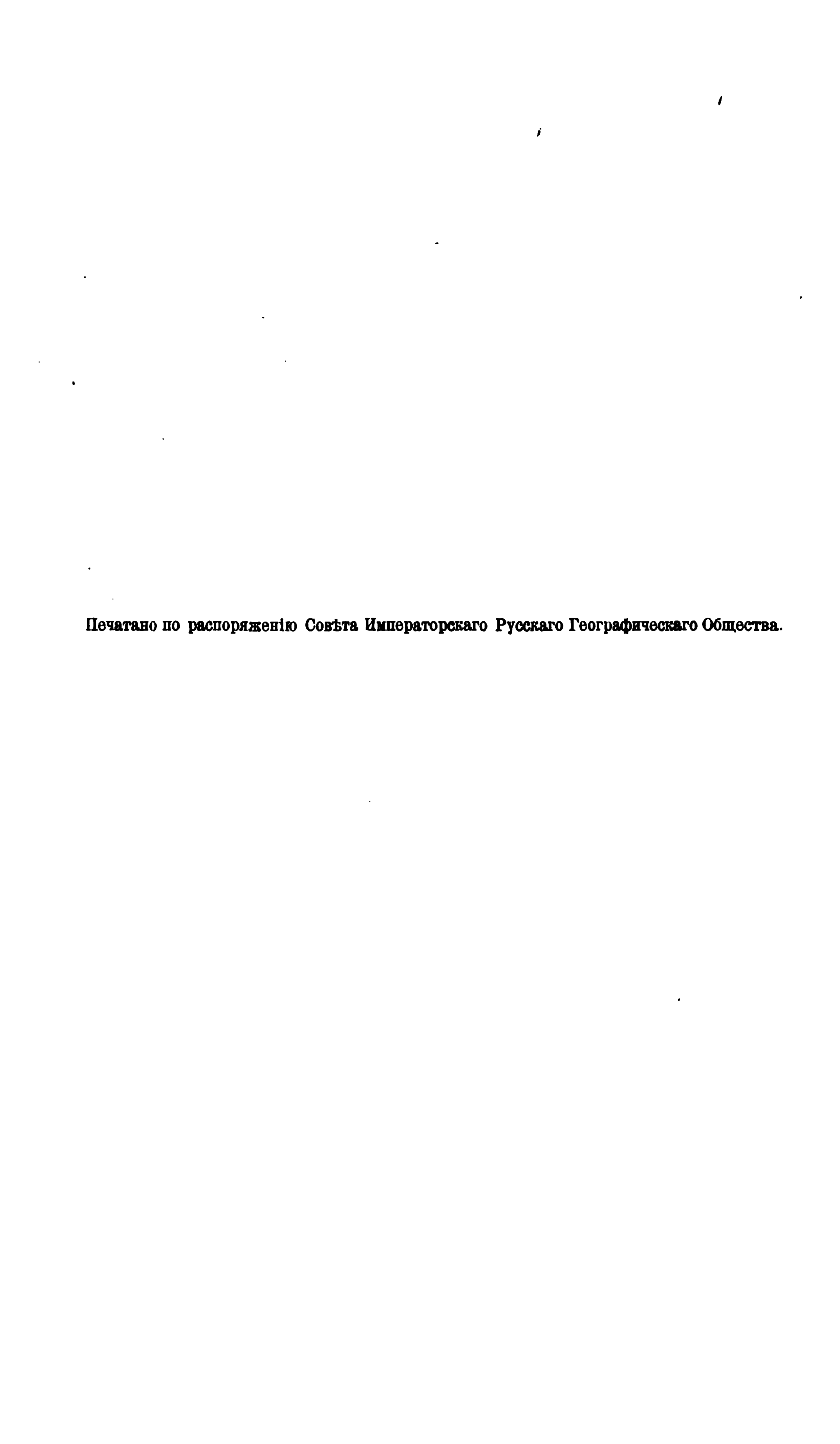
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I—II

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900



Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

АНГЛО-ИНДІЙСКІЙ „КАВКАЗЪ".

Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами.

(Этнико-историческій и политическій этюдъ).

III. Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами.

1) *Система «закрытой границы» (1849—1879 г.г.).*

Не углубляясь въ мало извѣстную и неразработанную исторію восточныхъ авганскихъ племенъ, необходимо однако же имѣть въ виду, что племена эти большею частію сохраняли свою независимость во все время владычества въ Индіи и Кабулистанѣ Бабера и его потомковъ. Почти тоже надо сказать и о времени основателя существующей авганской монархіи Ахмедъ-шаха и его потомковъ, которымъ, какъ и баберидамъ, подчинялось въ Восточномъ Авганистанѣ лишь населеніе нѣкоторыхъ долинъ. Еще менѣе горныя племена признавали власть баракзійской династіи. Отнявшіе у баракзійцевъ всѣ земли на востокѣ отъ Инда и подчинившіе себѣ пишаверскую долину и низменность праваго берега Инда сейки не смогли покорить горныя племена и должны были, для охраны населенія равнинъ отъ набѣговъ горцевъ, возвести или возобновить рядъ укрѣпленій, преграждающихъ важнѣйшіе выходы изъ горъ въ долины. Захвативъ въ 1849 году всѣ земли сейковъ, англичане унаслѣдовали и ихъ оборонительную въ отношеніи горныхъ племенъ политику. Держаться ея побудилъ англо-индійское правительство недавній опытъ англо-авганской войны 1838—1842 гг., убѣдившій, что обладаніе бѣдными странами авгановъ требуетъ ничѣмъ неокупающихся усилій и затратъ для исполненной опасностей и тяжкой борьбы съ воинственными

племенами, страстно дорожащими своею независимостью и упорно ее защищающими.

Система „закрытой границы“ (Close Border), неуклонно примѣнявшаяся болѣе 30 лѣтъ съ 1849 года, состояла, съ одной стороны, въ устраненіи англійскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла горцевъ между собою и въ отношенія ихъ къ эмиру авганскому, съ другой же—въ строгомъ охраненіи британской территоріи отъ грабежей и вторженій горцевъ. Содержаніе гарнизоновъ въ 15, не менѣе, фортахъ и 50 постахъ разнаго рода, соединявшихся разъѣздами, и вообще обереженіе простиравшейся всего до 800 миль или 1200 верстъ границы (свѣдѣнія эти, изъ записки бывшаго секретаря пенджабскаго управленія сэра Ричарда Темпля, шестидесятыхъ годовъ, приведены въ книгѣ Sitana: a mountain campaign on the borders of Afghanistan in 1863, by colonel Iohn Adye, London, 1867, не совсѣмъ полный переводъ которой помѣщенъ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1873 г., іюль, стр. 153—182, и августъ, стр. 351—378) возложены были на особыя пенджабскія пограничныя войска. Войска эти, набиравшіяся изъ туземцевъ (сейковъ, индусовъ, пенджабскихъ мусульманъ, авгановъ, белучжей и пр.), съ британскими офицерами, имѣли вооруженіе и организацію, одинаковыя съ прочими англо-индійскими туземными войсками, но находились въ вѣдѣніи пенджабскаго губернатора, а не общаго военнаго начальства Индіи. Численность ихъ простиралась отъ 10 до 12 т. ч. въ 12 полкахъ пѣхоты, 5 полкахъ кавалеріи и 6 батареяхъ (Sitana, p. 12).

Для предупрежденія безпорядковъ на британской территоріи горцы допускались въ предѣлы ея только безъ оружія. Туземцы британской территоріи пропускались за границу въ земли горцевъ для торговыхъ и другихъ ихъ надобностей, но съ отклоненіемъ гарантіи британскаго правительства за безопасность ихъ лицъ и имуществъ. Пропускъ европейцевъ вообще былъ запрещенъ, британскіе же офицеры не имѣли права отлучаться за границу, даже для охоты, иначе, какъ съ разрѣшенія начальства, которое всегда въ этомъ дозволеніи впрочемъ отказывало. Всѣ эти мѣры значительно устраняли поводы и случаи для столкновеній съ пограничными горцами, но по огромному протяженію границы оберегающія ее войска не всегда могли пресѣкать вторженія на британскую территорію какъ отдѣльныхъ хищниковъ, такъ и болѣе или менѣе многочисленныхъ шаекъ, которыя иногда успѣвали совершать грабежи и убійства и уходить за границу безнаказанно. Въ важнѣйшихъ изъ такихъ случаевъ, когда горныя племена, которымъ принадлежали грабители, отказывались вознаградить причиненные убытки, или оказывались открыто враждебными, англо-индійское правительство вынуждено было прибѣгать къ военнымъ экспедиціямъ.

Первая военная экспедиція была предпринята уже въ 1849 году, въ ноябрѣ, противъ племени отманхейль и нѣкоторыхъ юсуфзіевъ на сѣверо-западной границѣ пишаверскаго округа (Раверти, въ газетѣ The Mail, 15 апрѣля 1895 г., см. „Сборникъ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 64, стр. 281). Въ томъ же году, собравшись въ числѣ около 6 т., моменды вторгнулись въ пишаверскій округъ около Шабкадара, но отрядъ генерала Кембля прогналъ ихъ, причинивъ значительный уронъ; моменды однако не переставали возбуждать тревоги на границѣ до 1861 года, когда одинъ изъ ихъ вождей Нуабъ-ханъ успѣлъ установить на нѣкоторое время спокойствіе на этой части границы (The Punjaub and North-west Frontier of India, by an old Punjaubee, London, 1878, см. изложеніе этой книги въ „Военномъ Сборникѣ“, 1879 года, январь, стр. 20—32, и февраль, стр. 118—135, въ отдѣлѣ Библіографіи, подъ заглавіемъ „Пенджабъ и сѣверо-западная граница Индіи“, стр. 118). Въ 1849 же году англо-индійское правительство обязалось платить по 570 фунтовъ стерлинговъ (впослѣдствіи платежъ доведенъ до 1370 ф. ст.) ежегодно восточнымъ родамъ афридіевъ за охраненіе дороги по ущелью между Пишаверомъ и Кохатомъ, но чрезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора шайка афридіевъ напала на саперовъ и рабочихъ, занявшихся исправленіемъ дороги въ ущельи, и вызвала возмездіе отъ отряда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ Чарльза Непира. Лѣтомъ 1853 года, афридіи долины Бори сдѣлали нѣсколько набѣговъ въ равнину Пишавера, а кохатскіе закрыли проходъ. Когда въ сентябрѣ того же года, у форта Мекисонъ, близъ входа въ кохатское ущелье, собрался англійскій отрядъ силою болѣе 3 тыс. чел., кохатскіе афридіи извѣстили, что закрытіе прохода послѣдовало по недоразумѣнію и что теперь путь свободенъ. Пройдя вслѣдствіе этого часть ущелья безъ препятствій, отрядъ повернулъ въ сторону долины Бори и достигъ ее чрезъ горы съ трудными подъемами и спусками; когда отрядъ приступилъ къ сожиганію и разрушенію оставленныхъ населеніемъ деревень, занявшіе прилегающія крутизны горцы открыли стрѣльбу, попытки же выбить ихъ изъ занятыхъ позицій не удались. Близилась ночь, а отрядъ не имѣлъ воды и продовольствія кромѣ сухарей. Англичане благополучно вышли изъ своего стѣсненнаго положенія, обратившись, по совѣту состоявшаго при сопровождавшемъ отрядъ пишаверскомъ коммиссарѣ Лоуренсѣ авганца Фетъ-хана, къ одному изъ мѣстныхъ авганскихъ племенъ, враждовавшему съ другими, съ просьбою о пропускѣ; племя это, соблюдавшее дотолѣ нейтралитетъ между англичанами и сражавшимися съ ними авганцами, согласилось, за приличное вознагражденіе, пропустить отрядъ чрезъ свои земли. Сильно насѣдавшіе на уходившій отрядъ горцы прекратили свое преслѣдованіе по вступленіи англичанъ на земли подкупленнаго племени

и къ утру утомленныя войска благополучно возвратились въ свой лагерь у сѣвернаго входа въ кохатское ущелье (статья Горлова „Англійская экспедиція въ Кохатскій проходъ въ 1853 году“ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1878 года, январь).

Въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ сосѣдства Англо-Индіи съ авганскими горными племенами противъ послѣднихъ снаряжено было „не менѣе 20 экспедицій“, („Ситана“, стр. 374), изъ которыхъ можно еще упомянуть экспедицію генерала Невиля Чемберлэна, съ 6 полками пѣхоты, полкомъ кавалеріи и 3 батареями, противъ занимающаго верхнюю долину р. Курама племени тури, которое дѣлало постоянные набѣги на англійскую территорію; такъ какъ обращенія къ кабульскому эмиру, которому это племя номинально подчинялось, успѣха не имѣли, то въ 1856 году, съ согласія эмира, и была предпринята противъ нихъ экспедиція („Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, вып. 16, 1885 года, стр. 129), во время которой произведена была съемка всей долины Курама до перевала Пейваръ (Journal of the R. Geographical Society, 1862, vol. 32, p. 306).

Самая значительная и наиболѣе замѣчательная экспедиція шестидесятыхъ годовъ направлена была противъ „индустанскихъ фанатиковъ“, какъ называли ихъ британцы, или „муджахидовъ“, т. е. воиновъ за вѣру, какъ именовало ихъ мусульманское населеніе. Въ 1823 году, нѣкто Сеидъ-Ахмедъ, по возвращеніи изъ Мекки, собралъ на своей родинѣ, въ Рохилькендѣ, области на востокѣ отъ Дели, населенной давно объиндусившимися по языку авганами, нѣсколько десятковъ единомышленниковъ, отправился съ ними въ Авганистанъ, проповѣдуя священную войну противъ невѣрныхъ, и въ 1824 году основался окончательно у юсуфзіевъ, въ средѣ которыхъ быстро пріобрѣлъ большое вліяніе. 31 декабря 1826 года онъ объявилъ джихадъ противъ сейковъ, которымъ подчинялся въ то время Пишаверъ, и принялъ титулъ падишаха. Не будучи въ состояніи противиться общему движенію мѣстныхъ мусульманъ, правившіе Пишаверомъ, въ качествѣ данниковъ сейковъ, баракзійскіе сердари вынуждены были стать подъ знамена Сеидъ-Ахмеда, но весною 1827 года, въ бою при Саиду, сердари эти, по предварительному уговору съ сейками, обратились съ своимъ войскомъ въ бѣгство. Авганское ополченіе вслѣдствіе этого было разбито сейками. Сеидъ-Ахмедъ бѣжалъ въ Сватъ, гдѣ вскорѣ собралъ новыя силы и направилъ ихъ противъ измѣнниковъ. Войска его напали ночью на лагерь выступившаго противъ нихъ Яръ-Мохаммедъ-хана и разбили его, при чемъ этотъ глава пишаверскихъ сердарей былъ убитъ. Мстя за его смерть, родственники его успѣли возбудить противъ Сеидъ-Ахмеда часть юсуфзіевъ, недовольныхъ его строгостью; произошло возстаніе, при которомъ погублено было много муджахидовъ, но самъ

Сеидъ-Ахмедъ спасся съ 1.600 ч. муджахидовъ, чрезъ нѣкоторое время перешелъ на лѣвый берегъ Инда и былъ убитъ лишь въ бою противъ сейковъ при Балакотѣ, въ 1831 году, во главѣ своего небольшого ополченія. Послѣдователи его сначала разсѣялись, но затѣмъ одинъ изъ его учениковъ Сеидъ-Омаръ собралъ остатки муджахидовъ въ мѣстности Ситана, находящейся на восточномъ склонѣ хребта Махабунъ или Махабанъ, на сѣверо-восточной границѣ пишаверскаго округа, въ земляхъ отманзіевъ. Пользуясь сочувствіемъ мѣстныхъ горцевъ и получая помощь деньгами отъ мусульманъ Бенгаліи, съ которыми еще Сеидъ-Ахмедъ поддерживалъ непрерывныя сношенія, муджахиды Ситаны не переставали возбуждать мѣстныхъ мусульманъ къ войнѣ противъ невѣрныхъ сейковъ, а потомъ противъ занявшихъ ихъ положеніе англичанъ, и сами подавали примѣръ набѣгами въ предѣлы британской территоріи. Производимыя ими убійства и грабежи вызвали наконецъ въ 1858 году экспедицію подъ начальствомъ генерала Сиднея Коттона; англичане разбили муджахидовъ, глава которыхъ Сеидъ-Омаръ былъ убитъ въ бою, разогнали ихъ, истребили ихъ селенія и заставили отманзіевъ и гадуновъ (племя вѣтви парни гургуштской группы, которое занимаетъ часть южныхъ отроговъ хребта Махабанъ между отманзіями на востокѣ и худу-хелями на западѣ, и обитаетъ также на лѣвомъ берегу Инда) обязаться не дозволять муджахидамъ возобновленія ихъ поселеній въ Ситанѣ. Черезъ нѣкоторое время муджахиды однако вновь появились около Ситаны и образовали поселеніе Мелька (Malka) въ долинѣ Чемла, на сѣверныхъ склонахъ Махабана, въ земляхъ амазіевъ. Отсюда они снова начали дѣлать набѣги въ англійскія земли, производить грабежи, захватывать торговцевъ для вымогательства выкупа и т. д.

18 октября 1863 года, генералъ Невиль Чемберлэнъ, съ отрядомъ изъ 5 тыс. пѣхоты (въ томъ числѣ четвертая часть англичанъ) съ 11 орудіями, направился къ южному подножію Махабана, такимъ образомъ, что муджахиды и горцы должны были думать, что отрядъ идетъ въ Ситану путемъ 1858 года. Вмѣсто того, 19 октября Чемберлэнъ повернулъ къ ущелью Умбела, отдѣляющему Махабанъ отъ горъ и земель юсуфзіевъ области Бунирь, разсчитывая пройти это 12-ти верстное ущелье, проникнуть въ долину Чемла, расправиться съ муджахидами и возвратиться обратно тѣмъ же ущельемъ прежде, чѣмъ горцы успѣютъ собраться и начать военныя дѣйствія, если бы и рѣшились воевать. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Бунирь были отправлены прокламаціи, завѣряющія, что отрядъ идетъ исключительно и единственно на муджахидовъ, для наказанія ихъ за разбои, и не причинитъ никакого вреда горцамъ и ихъ имуществу. Утромъ 20 октября отрядъ Чемберлэна вступилъ въ ущелье Умбела и авангардъ его въ тотъ же день достигъ выхода въ долину Чемла, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. Но для главнаго отряда,

и особенно для его обоза, пролегающій по тѣсному ущелью, обставленному съ обѣихъ сторонъ горами высотою до 6 тыс. фут., путь, идущій по ложу рѣчки, заваленный каменьями и заросшій деревьями и кустарникомъ, оказался до такой степени труднымъ, что ни 20, ни 21 октября отрядъ Чемберлэна не успѣлъ добраться до выхода изъ ущелья. Когда же 22 октября отрядъ могъ быть наконецъ двинутъ къ выходу, то посланная послѣ полудня для рекогносцировки часть отряда подверглась на обратномъ пути нападенію появившихся съ лѣвой стороны ущелья значительныхъ массъ горцевъ Бунира, которые преслѣдовали ее до лагеря главнаго отряда и нападали на самый лагерь до полуночи. Считая возможнымъ, что въ случаѣ ухода отряда въ Чемла горцы займутъ проходъ Умбела, отрѣжутъ его сообщенія и пресѣкутъ обратный путь, и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ опаснымъ раздѣлять отрядъ на двѣ части для дѣйствій противъ муджахидовъ и охраненія ущелья, генералъ Чемберлэнъ потребовалъ подкрѣпленій, до прибытія же ихъ рѣшился занимать ущелье Умбела. Подкрѣпленія эти подоспѣли лишь чрезъ два мѣсяца. Между тѣмъ уже 24 октября бунирцы и муджахиды произвели на свѣту нападеніе на позиціи отряда съ правой стороны ущелья, но, встрѣтивъ отпоръ, отступили. 26 октября усиленные ополченіями ближайшихъ племенъ горцы предприняли аттаку на „Орлиное гнѣздо“, какъ англичане назвали одну выдающуюся свою позицію на лѣвой сторонѣ ущелья; отраженіе горцевъ обошлось въ этотъ день англійскому отряду въ 129 чел. убитыми и ранеными. Въ ближайшіе засимъ дни силы горцевъ умножились ополченіемъ „сватскаго ахуна“.

Прославившійся подъ титуломъ „сватскаго ахуна“ или „сахиба“ (господина), урожденецъ округа Ноушехры (въ сѣверной части пишаверской долины), Абдулъ-Гафаръ, принадлежащій по происхожденію къ гуджарамъ, одной изъ низшихъ кастъ у индусовъ, прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ восемнадцати-лѣтняго возраста на одномъ островѣ Инда около Аттока, въ качествѣ мусульманскаго отшельника, предаваясь религіознымъ изученіямъ, созерцаніямъ и упражненіямъ. Въ двадцатыхъ годахъ онъ поселился между юсуфзіями Свата и послѣ гибели Сеидъ-Ахмеда пріобрѣлъ надъ ними и другими окрестными племенами огромное вліяніе, въ качествѣ всенароднаго духовнаго наставника, уже при жизни почитавшагося святымъ. Въ противоположность Сеидъ-Ахмеду, съ которымъ состоялъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, Абдулъ-Гафаръ склоненъ былъ къ богомольной, мирной и спокойной жизни, а потому оказывалъ весьма благопріятное для Англіи вліяніе на авганскія горныя племена, удерживая ихъ отъ столкновеній съ сосѣдями, что особенно было кстати для Англо-Индіи въ 1857 г., во время возстанія сипаевъ, когда значительная часть пограничныхъ войскъ была двинута за Индъ для

усмиренія возстанія и вторженія авганскихъ горцевъ могли натворить на границѣ большія непріятности.

При всемъ своемъ миролюбіи, сватскій ахунъ не могъ однако оставить безъ вниманія просьбы о помощи отличавшихся особой къ нему преданностью бунирскихъ юзуфзіевъ, угрожаемыхъ отрядомъ Чемберлэна, объявилъ священную войну противъ невѣрныхъ англичанъ и явился самъ съ 2—3 т. наскоро собравшихся въ Сватѣ ополченцевъ. 30 октября, одушевленные прибытіемъ своего „пира“, горцы произвели аттаку англійскихъ позицій на лѣвой сторонѣ ущелья, но успѣха не имѣли; напротивъ, дѣйствовавшіе одновременно на правой сторонѣ ущелья муджахиды успѣли, послѣ ожесточенной борьбы, овладѣть „Пикетомъ Скалистымъ“, являвшимся весьма важнымъ пунктомъ для обороны англичанъ съ махабанскаго фланга. Британцы однако успѣли отбить захваченную позицію обратно и всѣ усилія муджахидовъ вновь овладѣть ею остались тщетными. Они оставили на мѣстѣ 54 тѣла, потери же англичанъ состояли изъ 53 убитыхъ и раненыхъ.

6 ноября, состоявшее при рабочихъ, разработывавшихъ прямую дорогу отъ отряда къ долинѣ Чемла, прикрытіе подверглось неожиданному нападенію непріятеля; большая часть солдатъ успѣла въ разбродъ добраться до отряда, но командовавшій маіоръ Гардингъ и два офицера съ 34 н. ч. были убиты, а два офицера и 37 н. ч. ранены. Въ ночь на 12 ноября горцы нѣсколько разъ нападали на „Скалистый Пикетъ“, утромъ наконецъ овладѣли имъ, но англичане отбили его, потерявъ 51 ч. убитыми и 108 ранеными. Въ авганскихъ народныхъ пѣсняхъ эта позиція называется Каталгаръ, т. е. „крѣпость побоища“, и аттаковывавшіе ее газіи представляются неимѣвшими другого оружія кромѣ дубинъ (Darmesteter, Chants populaires des Afghans, p. 27). Находя затруднительнымъ защищать всѣ свои позиціи вслѣдствіе усиленія силъ горцевъ прибытіемъ предъ послѣднимъ нападеніемъ 3 т. ополченцевъ изъ Баджаура, генералъ Чемберлэнъ, въ ночь на 18 ноября, очистилъ отъ своихъ войскъ всю лѣвую сторону ущелья, сосредоточивъ свои силы на махабанской сторонѣ. Увидавъ утромъ отступленіе англичанъ, горцы немедленно аттаковали махабанскія позиціи и оттѣснили передовые посты, но дальнѣйшихъ успѣховъ не имѣли. Англичане однако потеряли въ этомъ дѣлѣ 4 офицеровъ и 40 н. ч. убитыми и 75 ранеными. 20 ноября горцы овладѣли утесомъ надъ „Скалистымъ Пикетомъ“. Послѣ упорныхъ стычекъ англичане отняли этотъ утесъ, съ потерею 2 офицеровъ и 25 н. ч. убитыми; 5 офицеровъ (въ томъ числѣ генералъ Чемберлэнъ) и 105 н. ч. ранены.

Въ концѣ ноября и началѣ декабря, утомленные упорной защитой англичанъ, горцы утратили свою энергію и военныя дѣйствія велись вяло. Всего болѣе бремя войны тяготѣло на бунирцахъ, которые должны были продовольствовать

стекшихся изъ отдаленныхъ областей ополченцевъ, явившихся съ незначительными запасами. Воспользовавшись такими обстоятельствами, состоявшій при британскомъ отрядѣ политическій агентъ Джемсъ завязалъ съ бунирцами переговоры, которые къ 10 декабря завершились было соглашеніемъ съ старшинами племенъ Бунира о прекращеніи войны на условіи допущенія англичанъ къ уничтоженію дер. Мелька и изгнанію муджахидовъ, но такъ какъ бунирцы поставили предполагаемое соглашеніе въ зависимость отъ утвержденія сватскаго ахуна, а онъ въ своемъ одобреніи отказалъ, то 14 декабря переговоры прекратились. Между тѣмъ англичане получили наконецъ столь долго ожидавшіяся подкрѣпленія и могли перейти въ наступленіе. 15 декабря заступившій мѣсто Чемберлэна генералъ Гарвокъ (Garvock), располагавшій 9 т. ч. большею частію свѣжихъ войскъ, двинулся съ 6 т. ч. въ долину Чемла, оставивъ для охраненія ущелья 3 т. ч. Горцы заняли значительными силами одинъ изъ выходящихъ въ долину Чемла отроговъ Махабана, но обходное движеніе англичанъ съ праваго фланга и фронтальная атака вынудили ихъ обратиться въ бѣгство. 16 декабря отрядъ вышелъ въ долину Чемла и нанесъ горцамъ еще болѣе рѣшительное пораженіе. Въ теченіи 15 и 16 декабря англичане потеряли убитыми и ранеными 172 ч. Но потери горцевъ были весьма значительны, обезкураженныя ополченія изъ Баджаура и другихъ мѣстъ ушли домой, сватскій ахунъ тоже скрылся. Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, бунирскіе мелики явились въ англійскій отрядъ, изъявляя согласіе на примиреніе согласно британскимъ требованіямъ, нѣсколько смягченнымъ. Отрядъ прекратилъ дальнѣйшее движеніе и 22 декабря посланные съ меликами британскіе офицеры были свидѣтелями сожженія самими бунирцами выстроенной изъ сосноваго лѣса деревни Мелька, оставленной своими обитателями. 25 декабря англійскій отрядъ уже вышелъ изъ ущелья Умбела въ пишаверскую долину, видя, что слѣдомъ за нимъ горцы уничтожаютъ оставленныя британскія укрѣпленія и портятъ устроенныя англичанами дороги. Потери англійскаго отряда за всю экспедицію составили въ общей сложности 36 офицеровъ и 872 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ убитыхъ 238 (изъ нихъ 15 офицеровъ) и раненыхъ 670; въ числѣ послѣднихъ офицеровъ 21 (свѣдѣнія капитана Carter'а въ Journal of the United Service Institution of India, 1893, vol. XXII, p. 418, и статья The Hindustani Fanatics, by captain A. H. Mason, въ томъ же Journal, 1890, vol. XIX, p. 196).

Изложенныя свѣдѣнія объ умбеллахской экспедиціи и муджахидахъ взяты мною изъ вышеназванныхъ сочиненій генерала Эдай и „Стараго пенджабца“, а также отчасти у Дарместетера (Chants populaires des Afghans, pp. 5—24, и Narrative of various journeys etc., by Charles Masson, London, 1842,

vol. I, pp. 132—143). Я имѣлъ сверхъ того въ виду выше цитированную статью капитана Месона, которая составлена имъ на основаніи труда подполковника Paget, Record of expeditions against the North-West Frontier Tribes, 1873 г., доведеннаго самимъ Месономъ до 1884 года и изданнаго въ 1885 г. въ Лондонѣ. Изъ этой статьи Месона я приведу нѣкоторыя подробности о муджахидахъ и столкновеніяхъ съ ними англичанъ, отсутствующія въ другихъ источникахъ.

Селеніе Ситана, служившее муджахидамъ убѣжищемъ, принадлежало нѣкоему Сеидъ-Экберу, который состоялъ при Сеидъ-Ахмедѣ казначеемъ и совѣтникомъ, послѣ же смерти его далъ пріютъ уцѣлѣвшимъ его сподвижникамъ. Они выстроили близъ Ситаны укрѣпленіе, названное ими Mandi. Послѣ перехода Пишавера подъ власть Англіи, „сватскій ахунъ“ Абдулъ-Гафаръ побудилъ народъ Свата признать Сеидъ-Экбера свѣтскимъ своимъ государемъ (p. 184). Первое столкновеніе съ муджахидами Ситаны съ англичанами произошло въ 1853 году изъ-за отнятія у британскаго данника хана Амба (Amb) форта Котла (Kotla) хасанзіями въ союзѣ съ муджахидами. 6 января 1853 года маіоръ Абботъ переправился съ 4 полками черезъ Индъ, прогналъ муджахидовъ изъ укр. Котла, разрушилъ на другой день покинутую населеніемъ Ситану и 8 числа возвратился обратно за Индъ (pp. 184 и 185). Во время возстанія сипаевъ въ Индіи, стоявшій въ сел. Марданъ пишаверскаго округа 55-й полкъ въ концѣ маѣ 1857 года возмутился и уцѣлѣвшіе изъ его состава 600 сипаевъ бѣжали въ Сватъ. Если бы духовный глава Абдулъ-Гафаръ и свѣтскій Сеидъ-Экберъ-шахъ дружно объявили въ это время джихадъ, то едва ли бы англичане могли удержать за собою Пишаверъ. Но Сеидъ-Экберъ вскорѣ послѣ принятія бѣглыхъ сипаевъ умеръ, сватскій же ахунъ и старшины юзуфзіевъ возъимѣли опасеніе, что старшій сынъ и наслѣдникъ Сеидъ-Экбера Сеидъ-Мубарекъ-шахъ обзаведется регулярнымъ войскомъ, зерномъ котораго могли послужить сипаи, и пріобрѣтетъ надъ страною деспотическую власть. Для предупрежденія этого юсуфзіи выгнали изъ Свата и Сеидъ-Мубарекъ-шаха, и сипаевъ. Послѣдніе выпровожены были за Индъ и большею частію погибли, пробираясь въ Кашміръ. Уцѣлѣвшіе собрались потомъ къ Сеидъ-Мубарекъ-шаху въ сел. Пенджтаръ, въ земляхъ худухелей, на южной сторонѣ Махабана, близъ селенія Мангалъ-Тана, основаннаго частью муджахидовъ изъ Ситаны; въ то же время одинъ изъ старшинъ худухелей пригласилъ въ сосѣднее селеніе Чинглай муджахидскаго муллу Инаятъ-хана. Вслѣдствіе этого скопленія фанатиковъ въ земляхъ худухелей возникли, чрезъ нѣкоторое время, смуты въ сосѣднихъ селеніяхъ британской территоріи, изъ числа которыхъ населеніе дер. Шейхъ-Джана призвало къ себѣ 250 ч. изъ Чинглая. 1 іюля 1857 года маіоръ Воганъ, командовавшій въ Марданѣ,

выступилъ съ небольшимъ отрядомъ противъ Шейхъ-Джаны и прогналъ оттуда чинглайцевъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Инаятъ-мулла занялъ горное британское селеніе Наринджи и объявилъ джихадъ. Въ ночь на 18 іюля Воганъ, съ отрядомъ въ 700 ч., неожиданно подошелъ къ Наринджи, на разсвѣтѣ напалъ на это селеніе, овладѣлъ нижнею его половиною, разрушилъ ее и вечеромъ отступилъ, потерявъ лишь 5 ч. убитыми и 21 ранеными. 3 августа, получивъ подкрѣпленіе, Воганъ вновь подступилъ къ Наринджи; обойденные частью силъ Вогана съ тылу защитники бѣжали и все селеніе было уничтожено; ни одинъ домъ не былъ пощаженъ и даже заборы были разрушены при помощи слоновъ; взятые въ плѣнъ три индустанца были немедленно повѣшены. Въ отместку, въ октябрѣ того же года, муджахиды неожиданно напали на лейтенанта Хорна, находившагося съ небольшимъ конвоемъ въ Шейхъ-Джана; онъ спасся лишь благодаря темнотѣ ночи, но пять человѣкъ его прислуги были перебиты. Это нападеніе вызвало экспедицію генерала Сиднея Коттона, который, съ отрядомъ въ 4877 ч., двинулся въ апрѣлѣ 1858 года въ земли худухелей и разрушилъ селенія Пенджтаръ и Чинглай. 30 апрѣля той же участи подвергнуто сел. Мангалъ-Тана. 3 мая отрядъ подошолъ къ Ситана и на другой день взялъ позиціи муджахидовъ, которые дрались отчаянно, хотя союзники ихъ изъ мѣстныхъ авганскихъ племенъ обратились въ бѣгство. Разрушивъ селеніе, отрядъ удалился, преслѣдуемый непріятелемъ. Потеря отряда составила въ сложности 5 убитыхъ и 29 раненыхъ, у индостанцевъ же было убито около 50 ч. и у авгановъ до 10. Взятые въ плѣнъ два муджахида были немедленно повѣшены въ Ситанѣ. Вслѣдствіе этой экспедиціи отманзіи и гадуны обязались не допускать муджахидовъ возобновить ихъ осѣдлость въ Ситанѣ. Индостанцы удалились поэтому въ дер. Мелька, въ земляхъ амазіевъ, на сѣверномъ склонѣ Махабана. Въ 1861 году они вновь появились около Ситаны въ мѣстности Сири и начали посылать отсюда партіи для грабежей торговцевъ на лѣвой сторонѣ Инда; за пропускъ ихъ отманзіи подвергнуты были „блокадѣ“ и за снятіе ея обязались не пропускать впредь муджахидовъ для грабежей. Однако грабежи впослѣдствіи возобновились, а въ началѣ іюля 1863 г. получено было извѣстіе о томъ, что индустанцы снова заняли Ситану. Это и вызвало вышеописанную умбеллахскую экспедицію, во время которой индустанцы, предводимые Абдулла-муллою, выставили противъ англичанъ около 900 воиновъ, дравшихся съ фанатическимъ одушевленіемъ (pp. 185—192). По сожженіи деревни Мелька и выходѣ изъ ущелья Умбеллахъ, одна бригада отряда ген. Гарвока двинулась на востокъ для уничтоженія возобновленнаго поселенія муджахидовъ около Ситаны. По прибытіи въ Хабалъ, на берегу Инда противъ Торбелы, англичане потребовали отъ отманзіевъ и гаду-

новъ разрушенія притона муджахидовъ въ укрѣпленномъ селеніи Mandi. 4 января 1864 года всѣ постройки были разрушены и окружавшая Mandi стѣна сравнена съ землею, самая же Ситана оказалась находящеюся въ развалинахъ, какъ оставлена въ 1858 году. Гадуны и отманзіи возобновили обязательство не допускать на свои земли индустанцевъ, а отрядъ возвратился 5 января на британскую территорію. Дальнѣйшую исторію муджахидовъ прослѣдить, по словамъ Месона, не легко, но кажется достовѣрнымъ, что послѣ изгнанія изъ Мелька большая ихъ часть, съ муллою Абдуллою во главѣ, удалилась въ страну чагарзіевъ, на сѣверѣ отъ орошающей Бунирь рѣки Беренду. Тамъ они получили земли въ деревняхъ Тангорѣ и Баторѣ, но положеніе ихъ было незавидно, такъ какъ хозяева земель старались возможно больше наживаться на ихъ счетъ, пожертвованія же изъ Индустана были скудны. Сватскій ахунъ также относился къ нимъ недружелюбно, почему они держались партіи соперничествовавшаго съ нимъ въ Бунирѣ Кота-муллы. Въ февралѣ 1868 года, по приглашенію сторонника Кота-муллы Азимъ-хана, 500—600 муджахидовъ оставили Тангоръ и Батору и переселились въ дер. Беджкетте на р. Беренду, въ центрѣ Бунира. Но 29 мая того же года созванные уполномоченнымъ сватскимъ ахуномъ Мирджи-ханомъ въ общее собраніе муллы и старшины Бунира рѣшили изгнать муджахидовъ изъ своей страны, такъ какъ пребываніе ихъ въ ней непріятно сватскому ахуну и можетъ вызвать раздоръ съ Англіею. Вслѣдствіе этого индустанцы, въ числѣ около 700 ч., ушли изъ Беджкетте въ Мелька, гдѣ начали возобновлять дома, вступивъ въ соглашеніе съ амазіями. Между тѣмъ Абдулла-мулла лично посѣтилъ сватскаго ахуна и нашелъ средства прекратить его враждебность; онъ отозвалъ Мирджи-хана и дозволилъ индустанцамъ остаться въ Бунирѣ. Большая часть ихъ вернулась изъ Мелька въ Беджкетте, но прожить здѣсь имъ привелось не долго, такъ какъ Абдулла-мулла снова присталъ къ враждебной ахуну партіи. Когда 2 августа старшина Зайдулла-ханъ схватилъ проѣзжавшихъ чрезъ его земли сватскихъ торговцевъ, ахунъ немедленно распорядился изгнать индустанцевъ и умертвить враждебнаго старшину. Зайдулла-ханъ былъ убитъ, а затѣмъ 12 августа люди ахуна прибыли въ Беджкетте и назначили Абдулла-муллѣ суточный срокъ для удаленія индустанцевъ. Послѣ нерѣшительной попытки къ сопротивленію, муджахиды выступили въ назначенный срокъ, преслѣдуемые бунирцами и подвергшись съ ихъ стороны нападенію въ проходѣ между Беджкетте и Баторою; арьергардъ ихъ, послѣ храброй обороны, былъ истребленъ. Изъ Баторы они бѣжали въ земли чагарзіевъ, но и тѣ, побуждаемые ахуномъ, отказали имъ въ пріютѣ. Они нашли наконецъ убѣжище за Индомъ въ Джудба (Judba), но движеніе отряда генерала Wilde вынудило ихъ переправиться обратно на правый бе-

регъ Инда и, послѣ неудачной попытки водвориться въ долинѣ Палоси, въ земляхъ хасанзіевъ, уйти въ Такотъ, отсюда назадъ въ Джудба и снова къ хасанзіямъ, которые дали имъ близъ Палоси мѣстность Майданъ, на правомъ берегу Инда, въ 15 миляхъ выше Дербенда, лежащаго близъ границы британскихъ земель съ Ягистаномъ. Въ Майданѣ индустанцы наконецъ и осѣли, въ числѣ около 700 ч., имѣя во главѣ Абдуллу-муллу и уплачивая хасанзіямъ ежегодно около 800 рупій аренды за занимаемыя земли, сады и постройки (pp. 196—199).

По свѣдѣніямъ Биддельфа (семидесятыхъ годовъ), селеніе свое индустанцы именовали Кила-муджахидинъ; ихъ было около 500 ч., изъ которыхъ лишь 8—10 имѣли семьи; почти все время свое они проводили въ ученьяхъ, при которыхъ командныя слова употреблялись арабскія; у нихъ было два укрѣпленія, вооруженныя пушками, сдѣланными изъ кожи и приходящими въ негодность послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ; существовали они на средства, доставляемыя сочувствующими имъ жителями Индустана, и вовсе не занимались обработкой земли („Народы, населяющіе Гинду-кушъ“, переводъ П. Лессара, Асхабадъ, 1886 года, стр. 7).

Въ 1885 г., во время столкновеній Англіи съ бунирцами, индустанцы собирали на случай войны пожертвованія въ Индіи. Во время смутъ, вызвавшихъ въ 1888 г. экспедицію въ Черныя горы, индустанцы, въ числѣ 120 ч., подъ предводительствомъ престарѣлаго Абдуллы-муллы, участвовали 27 іюня въ демонстраціи хасанзіевъ противъ англичанъ. Но когда въ іюлѣ была снаряжена противъ нихъ экспедиція, то Абдулла-мулла уклонился отъ неравной борьбы и только около сотни его людей участвовало въ бою съ горными племенами при Коткаѣ 4 октября 1888 г., гдѣ изъ числа 88 убитыхъ 48 признаны были за индустанцевъ. Черезъ девять дней послѣ этого дѣла англичане переправились черезъ Индъ и уничтожили укрѣпленіе и поселеніе муджахидовъ въ Майданѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Индустанцы разсѣялись между чагарзіями и окрестными племенами. Послѣднія свѣдѣнія, кототорыя имѣлъ о нихъ Месонъ (статья его напечатана въ 1890 г.), гласили, что около 600 индустанцевъ добивались у амазіевъ дозволенія поселиться въ долинѣ Чемла, въ 5 миляхъ отъ разрушеннаго въ 1863 г. ихъ селенія Мелька, но согласія не получили (p. p. 199, 200).

Въ телеграммѣ завѣдующаго британскимъ округомъ Хезаре, сосѣдящимъ съ Ягистаномъ, отъ 17 августа 1897 года, сообщалось, что на помощь юсуфзіямъ Свата, послѣ нападенія ихъ на Малакандъ и Чакдере, отправилось около 300 ч. изъ Чемла и отъ худухелей, 200 гадуновъ, около 120 отманзіевъ, 200 индустанцевъ съ небольшимъ числомъ амазіевъ и т. д. (Military operations on the North-west Frontiers of India, vol. II,

London, 1898, p. 86): отсюда можно заключить, что муджахиды продолжають обитать гдѣ-то въ сосѣдствѣ Ягистана, на земляхъ амазіевъ, чагарзіевъ или другихъ мѣстныхъ племенъ, въ числѣ конечно не менѣе 600 ч., такъ какъ высылали на Сватъ довольно значительную партію.

Большія потери и значительность расходовъ, вызванныхъ умбеллахской экспедиціею, побудили лондонское правительство выразить порицаніе умноженію числа и размѣровъ карательныхъ экспедицій. Въ особой депешѣ 1864 г. вице-королю статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи Чарльзъ Вудъ заявилъ, что наступательная политика „противна истиннымъ интересамъ государства. Успѣхъ экспедицій во всякомъ случаѣ можетъ быть лишь временный; мы могли бы держаться въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ лишь при раззорительномъ расточеніи жизней и денегъ. Когда же мы удаляемся, населеніе тотчасъ снова принимается за старое и, въ добавокъ, оказывается вдвойнѣ ожесточеннымъ противъ насъ вслѣдствіе понесенныхъ имъ потерь. Самое вѣрное для насъ, это не мѣшаться въ ихъ дѣла, но заводить и поддерживать дружественныя сношенія и стараться убѣдить нашей снисходительностью и ласковымъ обращеніемъ, что для нихъ самихъ всего выгоднѣе быть съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ и пользоваться всѣми удобствами, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ обмѣна взаимныхъ услугъ и товаровъ“ (Sitana, p. p. 98, 99).

Указанная политика довольно строго соблюдалась до второй половины семидесятыхъ годовъ. Въ составленной въ 1876 г. запискѣ о пограничныхъ дѣлахъ пенджабское управленіе констатировало, что въ послѣднія шесть лѣтъ предпринята была только одна военная экспедиція и что отношенія къ пограничнымъ племенамъ улучшились: „онѣ остались дикими, фанатичными, невѣжественными, но научились вѣрить въ честность нашихъ намѣреній и цѣнить наше управленіе настолько, что въ значительномъ числѣ, разставшись съ своею разбойничьею жизнью въ горахъ, водворились осѣдло на британской территоріи“ (sir Lepel Griffin, бывшій членъ пенджабскаго управленія и составитель упомянутой записки, въ Nineteenth Century, 1897, October, p. 512).

При воздержаніи отъ военныхъ экспедицій система „закрытой границы“ дѣйствительно могла со временемъ установить дружелюбныя отношенія пограничныхъ горцевъ къ англо-индійскому сосѣдству, такъ какъ, помимо устраненія британскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла горцевъ за границею, упразднявшаго опасенія племенъ за ихъ независимость, система эта допускала примѣненіе различныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію дружественныхъ чувствъ со стороны горцевъ и ознакомленію ихъ съ благами цивилизаціи. Такъ, для облегченія торговыхъ сношеній, отмѣнены были таможенныя пошлины, а также всѣ налоги, которыми при сейкахъ были обложены

въ подвластныхъ имъ земляхъ иностранцы, т. е. главнымъ образомъ авганы независимыхъ племенъ; поземельные сборы съ занимающихъ на британской территоріи земли горцевъ уменьшены до номинальныхъ размѣровъ; для удобства сообщеній пограничныхъ рынковъ проведены дороги; распространены и развиты ирригаціонныя сооруженія; устроены лечебницы и заведенъ безплатный отпускъ лекарствъ и т. п. Доступъ ко всему этому для пограничныхъ горцевъ былъ совершенно свободенъ. Воинственнымъ наклонностямъ горцевъ открытъ былъ широкій путь въ видѣ вербовки въ англо-индійскія туземныя войска и въ полицейскія команды. Всѣмъ пограничнымъ должностнымъ лицамъ и военно-служащимъ вмѣнено было въ обязанность заботиться объ утвержденіи дружественныхъ отношеній къ пограничному населенію и о пресѣченіи возможныхъ недоразумѣній убѣжденіями, твердостью и тактомъ, а не силою оружія. Результаты примѣненія этихъ мѣръ и системы „закрытой границы", по свидѣтельству бывшаго секретаря пенджабскаго управленія Т. Торнтона, были весьма успѣшны, безопасность на британской сторонѣ границы начала утверждаться и набѣги горцевъ на британскую территорію сдѣлались рѣдкими исключеніями, хотя ссоры за ирригацію иногда отражались насиліями и на британской сторонѣ границы, а кровомщенія продолжались и съ британскими подданными (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, July, p. p. 134, 135).

2) *Попытки наступательной политики (1879—1895 г. г.).*

Система „закрытой границы" и соединенныхъ съ нею осторожныхъ мѣропріятій конечно могла достигнуть намѣченныхъ для нея результатовъ, но требовала для этого неуклоннаго примѣненія въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Между тѣмъ быстрое распространеніе владѣній Россіи въ Средней Азіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ возбудило въ общественномъ мнѣніи и правящихъ сферахъ Англіи опасенія русскаго нашествія на Индію и расположеніе къ рѣшительной и наступательной политикѣ съ цѣлію предупрежденія угрожающей опасности. Объявивъ войну эмиру Авганистана за вступленіе въ связи съ Россіею, положившее начало „имперіалистской" наступательной политикѣ министерство Биконсфильда, при заключеніи мира въ Гандамакѣ, пріобрѣло для Англіи обладаніе главными путями изъ Индіи въ Авганистанъ и „контроль" надъ независимыми горными племенами. Либеральное министерство, которому привелось ликвидировать возобновившуюся съ Авганистаномъ войну, возвратило новому эмиру Абдэррахманъ-хану отдѣленный было отъ Авганистана Кандахаръ, но оставило за Англіею обладаніе Сулеймановыми горами и Хайберомъ съ Мични, а также „контроль" надъ

независимыми племенами, уступая въ этомъ отношеніи приверженцамъ „наступательной политики“, почитающимъ нахожденіе отдѣляющихъ долину Инда отъ Авганистана горъ въ рукахъ Англіи необходимѣйшимъ для обороны Индіи условіемъ. Предстоявшаго сопротивленія горныхъ племенъ либеральный кабинетъ думалъ избѣгнуть при помощи примѣненія системы Сендемана.

Состоя съ 1866 года „политическимъ офицеромъ“ въ округѣ Дере-Гази-хана, на границѣ съ Белучжистаномъ и юго-восточными авганскими племенами, Робертъ Сендеманъ пріобрѣлъ извѣстность большимъ вліяніемъ на хановъ и меликовъ белучжей, брахуйцевъ и авгановъ, которыхъ онъ успѣвалъ склонять къ миролюбивому разрѣшенію всякихъ возникающихъ между ними раздоровъ на собраніяхъ или джиргахъ изъ почетныхъ и уважаемыхъ людей, вмѣсто обычнаго обращенія къ насиліямъ, набѣгамъ и кровавымъ столкновеніямъ. Хотя Белучжистанъ состоялъ въ политическомъ подчиненіи Англіи со временъ первой англо-авганской войны 1838—1842 г. г. и въ 1854 г. съ властвующимъ въ странѣ брахуйскимъ ханомъ былъ заключенъ новый договоръ, сдѣлавшій связи съ Англіею болѣе тѣсными за ежегодную субсидію въ 50 т. рупій, но внутреннія смуты, происходившія вслѣдствіе раздоровъ между ханомъ и сильными главами племенъ, препятствовали установленію прочнаго порядка и спокойствія, а также безопасности торговыхъ сообщеній, пока Сендеманъ въ іюлѣ 1876 года не устроилъ на съѣздѣ въ Местунгѣ общаго между вождями Белучжистана примиренія и соглашенія о разрѣшеніи на будущее время всякихъ споровъ и раздоровъ между ними на джиргахъ. Въ концѣ того же года, при свиданіи лорда Литтона съ ханомъ въ Джекобъ-абадѣ, заключенъ былъ новый договоръ, давшій Англіи право проводить по Белучжистану желѣзныя дороги и телеграфы и обязавшій хана и старшинъ, въ случаѣ недостиженія соглашеній на джиргахъ, подчиняться рѣшенію генералъ-губернаторскаго агента, постъ котораго занималъ Сендерманъ; субсидія хану доведена до 100 т. рупій. Въ 1877 году ханъ передалъ Англіи за субсидію въ 25 тыс. рупій ежегодно управленіе долиною Кветты, которую еще въ 1876 году заняли британскія войска съ цѣлію охраненія Боланскаго прохода и обезпеченія движенія, въ случаѣ надобности, на Кандахаръ (I. and A. Quarterly Review, 1888, January, Beluchistan and the New Indian Province, by T. H. Thornton, p. p. 55—68).

Благодаря установившемуся въ Белучжистанѣ спокойствію и окрѣпшему британскому вліянію, чрезъ Боланскій проходъ возстановилось прекратившееся уже двадцать лѣтъ торговое движеніе и во время англо-авганской войны 1878—1879 г.г. передвиженія англійскихъ войскъ и транспортовъ совершались по нему въ безопасности; за недостаткомъ въ занятомъ англичанами Кандахарѣ хлѣба, белучжистанскій ханъ, по соглашенію съ Сендеманомъ,

доставилъ туда шестимѣсячный запасъ провіанта. По окончаніи войны, проведя въ Лондонѣ около полугода, Сендеманъ весьма много повліялъ на оставленіе въ рукахъ Англіи пріобрѣтенныхъ по гандамакскому договору Курама, Пишина и Сиби, которые либеральное министерство склонно было возвратить Авганистану вмѣстѣ съ Кандахаромъ. По возвращеніи въ Индію, онъ занялся устройствомъ управленія въ Пишинѣ и Сиби, а равно въ прилегающихъ къ Сиби долинахъ Талъ-Чотіали, Барханъ и Бори, которыя, наконецъ, въ 1887 г. и были формально присоединены къ Индіи, въ качествѣ новой области, названной почему-то „Британскимъ Белучжистаномъ“, хотя, за исключеніемъ Кветты, населеніе принадлежало преимущественно племенамъ авганскимъ. Затѣмъ, по словамъ его біографа, Сендеманъ „въ теченіе пяти лѣтъ привелъ въ новой области все въ такой порядокъ, что теперь нѣтъ части британской Индіи, гдѣ наше управленіе было бы болѣе дѣйствительно и болѣе популярно“; проведены руками населенія дороги, устроена дешевая или безмездная врачебная помощь, упорядочена и расширена ирригація, приняты мѣры для охраненія лѣсовъ, произведены съемки и т. д.; доходы провинціи почти покрываютъ расходы по ея управленію. Между тѣмъ, въ 1888 г. Сендеманъ приступилъ къ распространенію своей системы на смежную съ Пишиномъ и Бори долину Зхоба (правый притокъ р. Гомула, заселенный какерами и другими авганскими племенами). Еще въ 1884 году, для наказанія населенія Бори и Зхоба за производимые въ долинѣ Талъ-Чотіали грабежи, былъ отправленъ британскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Теннера, котораго сопровождалъ Сендеманъ. Послѣ пораженія скопища въ 500 чел., населеніе обѣихъ долинъ покорилось и уплатило наложенные штрафы. Долина Бори, чрезъ которую проходитъ часть устроенной въ 1885 году военной дороги изъ Пишина въ Дере-Гази-ханъ, вошла въ составъ „Британскаго Белучжистана“, долина же Зхоба оставалась не присоединенною. Послѣ поѣздки въ долину Зхоба Сендемана, мѣстные мелики заявили просьбу о принятіи ихъ народа подъ ближайшее покровительство Англіи. Просьба эта, по ходатайству Сендемана, была уважена и въ Зхобѣ учреждено британское агентство. Въ 1891 г. Сендеманъ устроилъ администрацію новаго агентства, резиденція котораго, селеніе Апозай, была переименована въ фортъ Сендеманъ. 29 января 1892 года Сендеманъ умеръ, не успѣвъ распространить свою систему на племена Везиристана, какъ надѣялись его почитатели. По мнѣнію одного изъ нихъ, Торнтона, согласно съ свѣдѣніями котораго сдѣланъ этотъ очеркъ дѣятельности Сендемана, успѣшность ея зависѣла частію отъ личныхъ качествъ Сендемана, частію отъ примѣненія имъ системы tribale service и дѣйствованія чрезъ джирги. Tribale service состояла въ широкомъ употребленіи туземцевъ, подъ начальствомъ ихъ мели-

ковъ и хановъ, за хорошее вознагражденіе, для проведенія дорогъ, охраны ихъ, содержанія порядка и пр., чѣмъ мѣстные роды заинтересовывались въ поддержаніи мира и спокойствія; обсужденіемъ же дѣлъ на джиргахъ народъ присовокуплялся къ административной дѣятельности. Сендеманъ не изобрѣлъ и не открылъ tribale service и джирги, ибо обоими уже пользовалась иногда пенджабская практика, но онъ сумѣлъ широко и искусно примѣнять ихъ, воспользовавшись мѣстными условіями; при непригодности этихъ способовъ въ другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ успѣлъ бы найти иныя средства для достиженія тѣхъ же цѣлей британской политики (I. and A. Quarterly Review, 1895, July, Sir Robert Sandeman and the Indian Frontier Policy, by Thomas H. Thornton, p.p. 136—144, и отзывъ H. N. D. Prendergast'a, p. 203).

Противники „наступательной политики" утверждаютъ, что система Сендемана не могла дать прочныхъ результатовъ ни въ Белучжистанѣ, ни въ юго-восточномъ Авганистанѣ, такъ какъ сводится къ подкупу хановъ и меликовъ или къ „дани разбойникамъ" (black-mail) и опирается въ сущности лишь на британскія войска, которыя приходится содержать, для поддержанія британской власти, въ готовности. Такъ, хотя во время войны 1878—1880 г.г. Сендеманъ, по выраженію Раверти, умостилъ дорогу отъ Инда до Кандагара рупіями (I. and A. Q. Review, 1894, April, p. 319), однако, при первой же серьезной неудачѣ англичанъ (пораженіе бригады генерала Берро при Мейвандѣ) мѣстныя племена приняли враждебное положеніе, разрушили въ нѣсколькихъ мѣстахъ едва построенную желѣзную дорогу и пресѣкли бы, пожалуй, сообщенія Кандахара съ Индіею, если бы англійское оружіе вскорѣ не одержало надъ Эюбъ-ханомъ рѣшительныхъ успѣховъ (I. and A. Q. Review, 1893, January, p. 25). Въ 1897 г., во время возстанія юзуфзіевъ, момендовъ, афридіевъ и другихъ племенъ на сѣверѣ, начинались безпорядки и на югѣ; нѣкоторыя племена белучжей возмутились и производили грабежи; нѣсколько родовъ авганскихъ племенъ ачекзіевъ и какеровъ укочевали изъ Пишина во владѣнія эмира (Major Yates въ The Scottisch Geographical Magazine, 1898, March, p. 144), и вѣроятно въ „Британскомъ Белучжистанѣ" и въ Сивистанѣ произошло бы общее возстаніе, если бы англичане на сѣверѣ потерпѣли неудачи. Введеніе британскаго управленія въ долинѣ Зхоба совершилось не такъ гладко, какъ описалъ Торнтонъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, посланный въ 1888 г. для изслѣдованія гомульскаго пути англійскій отрядъ не могъ исполнить порученія вслѣдствіе сопротивленія горцевъ. Вслѣдствіе этого въ 1889 году снаряженъ былъ значительный отрядъ со стороны Британскаго Белучжистана, въ сопровожденіи Сендемана, для занятія долины Зхоба до западной оконечности гомульскаго прохода, но

этотъ отрядъ не могъ исполнить своей задачи вслѣдствіе сопротивленія хайдерзіевъ (kidarzais). Лишь въ слѣдующемъ 1890 г. Сендеману, при помощи субсидій меликамъ Зхоба, удалось добиться ихъ согласія на учрежденіе британскаго поста въ Апозаѣ, и склонить меликовъ везирей на открытіе торговаго пути чрезъ Гомулъ за условленную ежегодную субсидію (I. and A. Quarterly Review, 1893, January, p. 18).

Одновременно съ дѣйствіемъ у юго-восточныхъ племенъ системы Сендемана, на сѣверѣ продолжала примѣняться система „закрытой границы" съ карательными экспедиціями. Такъ въ 1877 г. предпринималась экспедиція изъ Кохата противъ афридійской вѣтви джовакіевъ, которые отказывались платить 80 т. рупій убытковъ и штрафа за нападеніе на партію строительно-дорожныхъ рабочихъ и выдать четырехъ главныхъ виновныхъ; послѣ упорнаго боя и трехмѣсячнаго пребыванія въ земляхъ враждебнаго племени, отрядъ долженъ былъ уйти, получивъ лишь обѣщаніе удаленія четырехъ виновныхъ изъ среды племени (тамъ же, 1893, July, p. 39). Въ 1878 г. отрядъ Каваньяри предпринималъ походъ на отманъ-хейлей за нападеніе на проводившіе дороги рабочіе отряды. Въ 1879 г. производились экспедиціи противъ замустовъ и оракзіевъ, въ 1880, 1881 и 1882 г.г. противъ момендовъ и двухъ вѣтвей везирей. Въ 1883 г. посылался отрядъ въ земли шираніевъ для изслѣдованій ихъ страны. Въ 1884 и 1885 г.г. ходили отряды въ земли какеровъ и везирей. Въ 1886 и 1887 г.г. посылались экспедиціи противъ шираніевъ и юсуфзіевъ Бунира (id., p.p. 39 и слѣд.).

Такъ какъ всѣ эти экспедиціи заканчивались возвращеніемъ англійскихъ войскъ за прежнюю границу, то пограничныя племена, земель которыхъ военныя дѣйствія не касались, не придавали имъ большого значенія и считали ихъ въ каждомъ случаѣ счетами англичанъ съ заинтересованными племенами, не касающимися остальныхъ племенъ. Благодаря тому же внушенному примѣнявшеюся съ 1849 года системою „закрытой границы" убѣжденію въ томъ, что Англо-Индія, при всѣхъ столкновеніяхъ съ горцами, неизмѣнно уважаетъ ихъ независимость и неприкосновенность ихъ земель, авганскія независимыя племена большею частію сохраняли нейтралитетъ во все время войны Англіи съ Авганистаномъ въ 1878 — 1880 г.г., когда ихъ непріязнь едва-ли не лишила бы англичанъ возможности движенія на Кабулъ хайберскимъ и курамскимъ путями и не измѣнила бы условія войны въ пользу эмира. Юсуфзіи отнеслись къ этой войнѣ, какъ къ дѣлу, ихъ не касающемуся. Получавшіе отъ эмира Ширъ-Али-хана субсидіи хайберскіе афридіи въ началѣ войны 1878 года держали сторону эмира, но когда англичане овладѣли Али-Месджидомъ и предложили болѣе значительныя субсидіи, то часть хайберцевъ приняла эти предложенія, по заключеніи же гандамакскаго трактата вошли

въ соглашенія съ англичанами и остальные хайберцы. По окончаніи войны дружественныя отношенія къ афридіямъ были упрочены въ 1881 году окончательною передачею имъ, по особому договору, охраны торговаго движенія по Хайберскому проходу. Эта охрана, считая содержаніе особыхъ отрядовъ „хайберскихъ стрѣлковъ", набиравшихся главнымъ образомъ изъ афридіевъ же, обходилась до 1897 года англо-индійскому казначейству ежегодно до 10 т. ф. ст., изъ которыхъ афридіямъ *) доставалась львиная доля („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи", вып. 41, 1890 г., стр. 50—52).

Сохранивъ, въ видѣ уступки приверженцамъ „наступательной политики", пріобрѣтенныя по гандамакскому трактату обладаніе Пишиномъ и пр. и исключительный „контроль" надъ независимыми племенами, англійское правительство уклонилось, однако, въ первые годы послѣ войны отъ какихъ-либо фактическихъ мѣропріятій по вступленію въ обладаніе Сулеймановыми горами между прежней и новой границами и даже по точному опредѣленію послѣдней. Оно только нѣсколько менѣе препятствовало снаряженію карательныхъ экспедицій, а также посылкѣ отрядовъ для съемокъ и изслѣдованій въ земляхъ горцевъ, въ виду предстоящихъ приспособленій Сулеймановыхъ горъ къ оборонѣ Индіи, отказывая однако въ средствахъ на осуществленіе послѣднихъ. Но завоеваніе Туркменіи, занятіе Мерва и стычка на Кушкѣ въ 1885 году возобновили въ Англіи опасенія сдѣлавшагося не неисполнимымъ нашествія на Индію и сильно склонили правительство и общественное мнѣніе въ пользу мѣропріятій, требуемыхъ приверженцами Forward Policy. Въ 1885 же году миссія Локхарта привела Читраль подъ протекцію Англіи. Въ 1887 г. возстановлено было упраздненное съ 1881 года агентство въ Гильгитѣ. Прекращенная послѣ войны постройка желѣзной дороги отъ Инда къ Кандахару была теперь возобновлена и въ сентябрѣ 1891 года прошелъ первый поѣздъ чрезъ Ходжа-Амранскій тоннель къ Новому Чаману, первой пока станціи на кандахарской сторонѣ горъ. Системѣ Сендемана данъ былъ полный ходъ и въ 1887 г. оффиціально присоединена къ Индіи новая область Британскаго Белучжистана, а въ 1890 г. долина Зхоба. Наступила пора фактическаго подчиненія лежащаго далѣе на сѣверъ Везиристана.

Занимающіе наиболѣе трудно-доступную часть Сулеймановыхъ горъ, между рѣками Гомуломъ и Курамомъ, на протяженіи около 180 верстъ по сейкской, а потомъ англо-индійской границѣ, роды везирей, по свѣдѣніямъ Раверти, составляли въ общей сложности, въ концѣ XVIII столѣтія, до 100 т. семей, нынѣ же численность ихъ должна быть больше (I. and A. Quarterly

*) Точная цифра получавшихся афридіями за охраненіе Хайберскаго прохода—89.540 рупій въ годъ (The Peshawar Border, by Captain E. G. Burrow, въ Journal of the United Service Institution of India, 1884, p. 74).

Review, 1895, January, p. 165), и хотя свѣдѣнія эти кажутся преувеличенными, однако обыкновенно принимаемая цыфра въ 45 тыс. воиновъ, могущихъ быть выставленными везиріями, едва ли далека отъ дѣйствительности. Изъ главныхъ ихъ вѣтвей месуды (mahsûds),—въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ которыхъ Белью считаетъ 12 тыс. семей (An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, 1891, p. 120), — занимаютъ восточную часть страны, а муса или дервишъ—западную; вѣтвь дервишъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: отманзи въ 18 тыс. семей и ахмедзи въ 10 тыс. семей (Белью, p.p. 116—118). Почти всѣ везири кочевники и скотоводы; земледѣліемъ занимаются мало по недостатку удобныхъ земель, встрѣчающихся лишь по берегамъ рѣкъ небольшими участками (Раверти, p.p. 157, 158). По свѣдѣніямъ Эльфинстона (1809 г.), везири живутъ между собою въ замѣчательномъ согласіи; между родами ихъ никогда не бываетъ войнъ и ссоры очень рѣдки (L'Afghanistan, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 303). По завѣренію Раверти, они и нынѣ отличаются отъ всѣхъ авгановъ своимъ родовымъ единеніемъ (I. and A. Quarterly Review, 1894, April, p. 319). Вмѣстѣ съ тѣмъ однако везири пользуются извѣстностью, какъ самые отчаянные разбойники и грабители, за нападенія на гомульскомъ торговомъ пути на повиндах'овъ. Подъ именемъ послѣднихъ извѣстны кочевники разныхъ племенъ, занимающіеся торговлею и перевозкою товаровъ. Зиму семьи этихъ повиндаховъ проводятъ между Индомъ и Сулеймановыми горами, тогда какъ взрослые ихъ мужчины отправляются съ товарами и кладями въ Индію. Возвращаются они съ пріобрѣтенными за Индомъ товарами и принятыми для доставки кладями весною и идутъ съ семьями чрезъ Сулеймановы горы на лѣтовки въ земляхъ гильджіевъ, гдѣ опять оставляютъ семьи, а сами расходятся съ товарами по владѣніямъ эмира, а также за Хиндукушъ и въ Бухару. Осенью они возвращаются къ семьямъ и отправляются къ Инду. Эти весеннія и осеннія передвиженія повиндаховъ совершаются обыкновенно по составляющему кратчайшую дорогу между Газною и Мультаномъ Гомульскому пути чрезъ земли везирей. Такъ какъ вьючный и остальной скотъ тысячъ повиндаховъ вытравляетъ до тла и безъ того скудныя пастбища мѣстнаго населенія, а сами повиндахи нерѣдко обижаютъ тѣхъ при-гольмульскихъ жителей, кто почему либо не успѣлъ убраться подальше во время движенія ихъ массъ, то становится понятнымъ, что сосѣдніе везири относятся къ повиндахамъ съ крайней враждебностью и часто производятъ на нихъ нападенія съ цѣлію грабежа. Съ своей стороны повиндахи всегда вооружены и въ готовности отражать разбойниковъ. При такихъ отношеніяхъ ни та, ни другая сторона не даетъ побѣжденнымъ пощады. Везири однако не обижаютъ ни-

когда попавшихся въ ихъ руки женщинъ и даютъ имъ возможность добраться до своихъ родовъ.

По словамъ „Стараго Пенджабца", везири оказались такимъ же бичемъ въ южной части границы, какъ афридіи въ сѣверной. Сначала всѣхъ безпокойнѣе держали себя кабулъ-хейли (изъ вѣтви отманзійской), дѣлавшіе частые набѣги на сосѣднюю съ ихъ землями долину Маранзи кохатскаго округа, почему противъ нихъ посылались три экспедиціи, а въ 1860 году принимались репрессивныя мѣры за укрытіе убійцъ одного англійскаго офицера. Противъ вторженій месудовъ „пришлось устроить цѣлый рядъ укрѣпленныхъ постовъ и организовать правильную систему патрулей. Но они десять лѣтъ (съ 1849 года) не прекращали набѣговъ". Въ 1860 году они подступили къ укрѣпленному городу Такъ или Танкъ, но гарнизонъ отразилъ нападеніе, при которомъ месуды потерями 200 чел. убитыми. Для наказанія ихъ двинулся изъ Така въ апрѣлѣ 1860 года, съ 5 тыс. пѣхоты и 4 батареями, генералъ Невиль Чемберлэнъ. Поднявшись по р. Заму, онъ взялъ укрѣпленную позицію месудовъ въ Пулозинѣ и разсѣялъ ея защитниковъ. 1 мая являлась къ Чемберлэну депутація месудскихъ меликовъ для переговоровъ о мирѣ, но на уплату потребованной генераломъ контрибуціи въ 1400 фун. ст. и на выдачу заложниковъ не согласилась. Чрезъ два дня, преодолѣвъ продолжавшееся сопротивленіе месудовъ, англійскій отрядъ занялъ главное селеніе ихъ страны Каниграмъ, заявившее покорность (населеніе его состоитъ, по Белью, р. 62, изъ пришлаго объавганеннаго, неизвѣстнаго происхожденія, племени бараки), и выжегъ до-тла городъ или группу селеній Мекинъ, жители котораго оказали сопротивленіе. Такъ какъ сообщенія отряда съ британской территоріей были прерваны уже двѣ недѣли, то Чемберлэну пришлось затѣмъ вернуться въ Такъ по долинѣ Кайсоры, не добившись покорности месудовъ („Пенджабъ" въ „Военномъ Сборникѣ", 1879, февраль, стр. 120—123; см. также Bannù, by S. S. Thorburn, London, p. 58, гдѣ брит. потери опредѣлены въ 475 убитыхъ и раненыхъ, и статью майора Walker въ Journal of R. Geogr. Society, 1862, vol. 32, p.p. 315 и 327).

Во время войны 1878—1880 года ближайшіе къ дѣйствовавшему въ бассейнѣ Курама англійскому отряду роды везирей дѣятельно помогали мѣстнымъ племенамъ, нападали на англійскіе посты и сообщенія и т. д. Послѣ войны граница съ везиріями и отношенія къ нимъ возвратились къ прежнему положенію, въ которомъ и оставались до поворота къ наступательной политикѣ, послѣдовавшаго за доведеніемъ русской границы въ сосѣдство съ Хератомъ. Въ августѣ 1887 года управленіе Индіею нашло, что наступило время принять мѣры къ подчиненію британскому „контролю" и „къ организаціи, въ цѣляхъ защиты противъ внѣшняго нападенія, той огромной по-

лосы территоріи независимыхъ племенъ, которая лежитъ вдоль сѣверо-западной границы и которая до сихъ оставлялась грознымъ барьеромъ противъ англичанъ. Такъ какъ употребленіе силы оружія потребовало бы большихъ затратъ людьми и средствами, то предположено привести племена въ намѣченное положеніе при помощи тѣсныхъ и дружественныхъ отношеній съ британцами. Для начала систематическихъ усилій въ этомъ направленіи индійское правительство признало желательнымъ склонить племена къ открытію, подъ надзоромъ британскихъ пограничныхъ коммиссаровъ, торговыхъ путей чрезъ Гомулъ и Точи. „Набравъ для охраненія этихъ путей вольнонаемные отряды изъ мѣстныхъ горцевъ, мы привлечемъ на свою сторону заинтересованныя племена и пріучимъ къ присутствію нашихъ офицеровъ въ ихъ средѣ; и надо надѣяться, что такое начало новыхъ отношеній съ ними дастъ благопріятные для послѣдующаго результаты“ (Military operations on the North-west Frontiers of India, London, 1898, C.—8713, vol. I, p. 9). Сообразно этому Сендеманъ и коммиссаръ Дереджата (округа Дере-Измаилъ-хана и Банну) Брюсъ (Bruce) созвали въ 1889 году въ Апозай на Зхобѣ меликовъ прилегающихъ къ гомульскому пути племенъ и вошли съ ними въ соглашеніе объ открытіи торговаго движенія и охранѣ его на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ. Въ томъ же и слѣдующихъ годахъ учреждено въ земляхъ везирей, въ ближайшихъ къ британской территоріи мѣстностяхъ гомульскаго пути, нѣсколько постовъ изъ наемныхъ горцевъ, а нѣкоторымъ меликамъ стало выдаваться жалованье *). Дальнѣйшія мѣропріятія были пріостановлены, такъ какъ выставка упомянутыхъ постовъ и офиціальное присоединеніе къ британскимъ владѣніямъ въ 1890 году Зхоба вызвали протестъ эмира. Основываясь на томъ, что въ гандамакскомъ трактатѣ не упомянуто объ уступкѣ Англіи Зхоба, а равно Гомула и прочихъ земель везиріевъ, составлявшихъ издревле часть Авганистана, эмиръ заявилъ на эти земли притязанія и протестовалъ противъ включенія ихъ во владѣнія Англіи. Британское правительство отвергло притязанія эмира на томъ основаніи, что Зхобъ и Везиристанъ не признавали власти его предмѣстниковъ, но эмиръ стоялъ на своемъ и могъ сослаться на признаніе его правъ самими везирами, такъ какъ едва лишь въ январѣ 1892 года два его офицера съ сотнею всадниковъ показались на Гомулѣ, какъ населеніе, даже получавшіе уже жалованье мелики, перешло на его сторону. Раздраженіе Англіи достигло край-

---

*) 6 тыс. рупій на жалованье меликамъ отпускались уже съ 1881 года, но такъ какъ изъ нихъ производились вычеты штрафовъ за набѣги, то жалованье часто совсѣмъ не доходило до меликовъ. Въ 1888 г. везири не допустили въ свою страну посланную для съемокъ партію и отпускъ жалованья меликамъ совсѣмъ прекращенъ („Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, 1890 г., вып. 41, стр. 43).

ней степени и „Times“ 2 ноября 1892 года угрожалъ прекращеніемъ существованія Авганистана, какъ государства. Но правительство сохранило хладнокровіе и эмиръ по договору Дюранда въ ноябрѣ 1893 года отказался отъ своихъ притязаній, принялъ границу, оставлявшую въ его владѣніяхъ Хостъ и Пермуль (верховья р. Точи), и устранился отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла везирей и другихъ пограничныхъ племенъ, предоставленныхъ „контролю“ Англіи.

Въ началѣ 1894 года, въ виду предстоявшаго проведенія въ натурѣ границы владѣній эмира съ независимыми племенами, согласно договора Дюранда, коммиссіонеръ Брюсъ высказалъ свое мнѣніе относительно дальнѣйшихъ отношеній къ везиріямъ, настаивая на примѣненіи въ Везиристанѣ системы Сендемана. Сообразно съ этимъ Брюсъ находилъ необходимымъ, вмѣсто отпуска 17 тыс. рупій на жалованье меликамъ и содержаніе стражниковъ для охраненія гомульскаго пути, назначить впредь къ ежегодному отпуску до 100 тыс. рупій на всѣ племена, чтобы распространить британское вліяніе и спокойствіе на весь Везиристанъ, открывъ кромѣ гомульской дорогу по долинѣ Точи и соединивъ обѣ поперечнымъ сообщеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Брюсъ признавалъ необходимымъ, для утвержденія въ странѣ между Точи и Гомуломъ прочнаго спокойствія, помѣстить въ ея предѣлахъ постоянный отрядъ изъ двухъ полковъ пѣхоты, полка кавалеріи и одной горной батареи (id., p.p. 7—13). Излагая свое заключеніе относительно представленія Брюса, пенджабскій губернаторъ замѣтилъ, что рекомендуемая коммиссіонеромъ система не примѣнима къ племенамъ везирей, имѣющимъ строго демократическое устройство, такъ какъ мелики ихъ не имѣютъ почти никакой власти; недовѣрчиво также отнесся губернаторъ къ увѣреніямъ Брюса объ общемъ желаніи племенъ подчиняться англійской власти и видѣть въ своей странѣ постоянный британскій отрядъ, поддерживающій спокойствіе, замѣтивъ, что мелики ахмедзіевъ Вано, заявленіе которыхъ доставлено Брюсомъ, получая отъ Англіи жалованье, лишились его за переходъ на сторону эмира, а потому, для возврата потеряннаго, они готовы сдѣлать какія угодно заявленія (тамъ же, p.p. 13—23). При обсужденіи дѣла въ совѣтѣ генералъ-губернатора Индіи возникло разногласіе. Вице-король лордъ Эльджинъ, главнокомандующій войсками Индіи Хуайтъ (White) и два члена совѣта находили, что для прекращенія все болѣе и болѣе увеличивающихся набѣговъ и грабежей въ Дереджатѣ и особенно въ Зхобѣ и на гомульскомъ пути необходимо усилить англійское вліяніе и средства воздѣйствія въ Везиристанѣ, а потому полагали разрѣшить отпускъ 100 тыс. рупій и выставить отрядъ намѣченной силы, поручивъ переговоры съ меликами и выборъ мѣстъ стоянки войскъ коммиссару, имѣющему проводить предстоявшей осенью границу съ владѣніями эмира

(id., p.p. 1—6). Остальные три члена совѣта опасались, что проектируемыя большинствомъ мѣры повлекутъ за собою подчиненіе англійскому управленію племенъ везирей, присоединеніе къ британскимъ владѣніямъ ихъ земель, перенесеніе существующей британской границы на новую границу владѣній эмира съ доселѣ независимыми племенами, вызовутъ возстанія племенъ и огромныя затрудненія и расходы; съ своей стороны три члена совѣта полагали правильнымъ держаться прежней политики,—обсуждавшейся и одобренной лондонскимъ кабинетомъ въ 1893 году и основанной на признаніи независимости племенъ и невмѣшательствѣ въ ихъ дѣла,—ограничившись усиленіемъ обереженія гомульскаго пути (p.p. 25—30). Статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи тогдашняго либеральнаго министерства Фоулеръ разрѣшилъ 24 августа 1894 года исполненіе предположеній большинства (p.p. 31).

Въ сентябрѣ того же года получены были свѣдѣнія, что три месудскихъ мелика, участвовавшіе въ выдачѣ британскимъ властямъ нѣсколькихъ своихъ соплеменниковъ, обвиняемыхъ въ убійствахъ англичанина Келли и одного сипая, въ отомщеніе за ихъ поступокъ убиты родственниками выданныхъ. Пенджабскій губернаторъ ходатайствовалъ о посылкѣ карательной экспедиціи для наказанія виновныхъ въ убійствѣ трехъ меликовъ, но совѣтъ генералъ-губернатора отклонилъ ее, чтобы не испортить отношеній къ горцамъ въ виду предстоящаго проведенія границы съ Авганистаномъ и мѣропріятій по выставленію въ Везиристанѣ постояннаго отряда. Заблаговременно предупредивъ везирей о предполагаемомъ проведеніи границы и посылкѣ для этого уполномоченнаго съ конвоемъ, Брюсъ, назначенный такимъ уполномоченнымъ, прибылъ, въ сопровожденіи значительнаго отряда въ постъ Каджури-качъ и на другой день, 19 октября, объявилъ собравшимся меликамъ, что идетъ для проведенія въ натурѣ границы съ владѣніями эмира, что затѣмъ набѣги за эту границу воспрещаются и обиженные подданными эмира должны обращаться къ британскимъ властямъ, и что въ Вано или другомъ пунктѣ будетъ выставленъ постоянный британскій отрядъ. Мелики дали подписку о полномъ согласіи на объявленныя имъ распоряженія правительства. 25 октября Брюсъ прибылъ съ отрядомъ въ Вано. Положеніе везирей продолжало казаться дружественнымъ, но 28 октября получены были извѣстія о сборѣ Повинда-муллою до тысячи человѣкъ изъ родовичей горцевъ, выданныхъ меликами по обвиненію въ убійствѣ Келли и сипая. Мулла отрицалъ враждебныя намѣренія, но требовалъ освобожденія выданныхъ горцевъ. Собирались послать противъ него летучую колонну, но вечеромъ 3 ноября отъ 1200 до 2000 месудіевъ, преимущественно изъ Мекина, подобравшись незамѣтно, вслѣдствіе условій мѣстности и темноты, напали на британскій лагерь у Вано. Хотя часть нападающихъ ворвалась въ лагерь, но нападеніе было

отражено и горцы вынуждены были спасаться бѣгствомъ, преслѣдуемые кавалеріею и артиллеріею. Однако потери англичанъ были немаловажны: убито 3 офицера, въ томъ числѣ одинъ англичанинъ, и 18 солдатъ изъ туземцевъ, ранено 6 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ; сверхъ того убито 23 человѣка и ранено 20 ч. нестроевыхъ. Пока на границѣ сосредоточивались и снаряжались предназначавшіяся противъ месудіевъ подъ начальствомъ генерала Локхарта войска, Брюсъ 18 ноября объявилъ обращавшимся къ нему за примиреніемъ меликамъ, что правительство даруетъ месудіямъ миръ, если къ назначенному сроку они возвратятъ захваченныя при нападеніи 3 ноября 3 т. рупій денегъ, 36 ружей и 15 лошадей, выдадутъ нѣкоторыхъ вожаковъ и удалятъ на время изъ своей страны Повинда-муллу. Хотя многіе мелики надѣялись склонить народъ къ выполненію поставленныхъ условій и Повинда-мулла распустилъ свое сборище, но противники примиренія одержали верхъ и къ послѣдне назначенному на 12 декабря сроку требованія англичанъ не были выполнены. 17 и 18 декабря войска генерала Локхарта, въ общей сложности около 9.500 ч. съ 18 орудіями, выступили въ страну месудіевъ тремя колоннами почти одинаковой силы изъ Банну, Джандолы и Вано. Вторгнувшіяся такимъ образомъ съ трехъ сторонъ войска прошли земли месудіевъ по разнымъ направленіямъ, не встрѣчая значительнаго сопротивленія, проникли въ наименѣе доступныя мѣстности, захватили множество рогатаго скота, барановъ и козъ и разрушили башни и укрѣпленія селеній. 21 января 1895 года Локхартъ объявилъ меликамъ месудіевъ, что сверхъ выполненія ранѣе поставленныхъ требованій налагается на мехсудіевъ штрафъ въ размѣрѣ 50 заряжающихся съ казенной части ружей, 200 обыкновенныхъ горскихъ ружей и 200 сабель или кинжаловъ; крайнимъ срокомъ для окончанія выполненія требованій и штрафа было назначено 1 марта. Но уже въ концѣ января, въ виду предупрежденія, что войска не будутъ выведены изъ земель месудіевъ до выполненія всѣхъ требованій, выяснилось, что месудіи исполнятъ ихъ до наступленія срока, такъ какъ уже доставили большую часть заложниковъ, Повинда-мулла бѣжалъ изъ предѣловъ Везиристана и т. д., такъ что Локхартъ предполагалъ въ февралѣ вывести войска изъ земель месудовъ (p.p. 31—41).

Вслѣдствіе неожиданныхъ столкновеній съ месудіями предстоявшее въ началѣ ноября проведеніе границы не состоялось, но такъ какъ остальныя племена остались спокойными, то въ январѣ 1895 года признано было возможнымъ и съ 28 числа этого мѣсяца выполнено проведеніе въ натурѣ границы отъ Доманди на Гомулѣ къ сѣверу до пункта Ходжа-Хайдеръ. Дальнѣйшее проведеніе границы въ раіонѣ долины Точи было отложено до весны. 25 февраля генералъ Локхартъ съ частью войскъ, оставляющихъ

земли месудовъ, и съ войсками изъ Банну, всего съ 6 полками пѣхоты и одной горной батареей, двинулся вверхъ по долинѣ притока Курама рѣки Точи для прикрытія работъ по окончанію проведенія границы Везиристана съ Авганистаномъ, которое и было выполнено въ мартѣ и началѣ апрѣля. Часть средняго теченія Точи именуется Даверомъ и подобно сосѣднимъ Хосту и Пермулю заселена объавганенными таджиками и индійцами, усердно занимающимися земледѣліемъ и склонными къ мирной жизни. Еще во время нахожденія въ Точи силъ Локхарта, который, послѣ окончанія разграниченія, съ большею частію ихъ удалился, производившій разграниченіе комиссаръ Андерсонъ заручился 6 апрѣля письменнымъ заявленіемъ 394 меликовъ даверцевъ и 142 меликовъ везирей вѣтвей дервишей, обитающихъ въ долинѣ Точи и смежныхъ земляхъ, о желаніи ихъ находиться подъ британскимъ управленіемъ, съ тѣмъ, чтобы они почтены были жалованьемъ и службой, чтобы мѣстные обычаи и права были сохраняемы, чтобы дѣла были рѣшаемы по магометанскому закону на джиргахъ, когда возможно, и т. д. (р. 46). Сообразно этому въ Точи назначено было расположеніе главнаго постояннаго британскаго отряда Везиристана изъ двухъ батальоновъ съ горною батареею и эскадрономъ кавалеріи, второстепенный же отрядъ изъ батальона пѣхоты съ 4 орудіями и эскадрономъ помѣщенъ въ Вано. Отъ стоянки главнаго отряда въ Датта-хелѣ недалеко авганская граница и лишь около 150 в. до Газны, тогда какъ на востокъ пролегаетъ хорошая дорога въ Банну, на югъ находится дорога въ Вано, и съ Точи имѣются легкіе доступы въ земли месудіевъ.

Еще войска Локхарта находились въ Везиристанѣ, какъ безпорядки въ Читралѣ и осада тамошняго резидента Робертсона съ его небольшимъ отрядомъ туземцами вынудили Англо-Индію направить на выручку Робертсона дивизію генерала Лоу чрезъ земли юсуфзіевъ Свата и Пенджкоры. Чтобы отвратить вооруженное сопротивленіе юсуфзіевъ, Лоу объявилъ, что по окончаніи операцій въ Читралѣ британскія войска очистятъ земли горцевъ. Однако войскамъ его привелось пролагать себѣ путь оружіемъ. 3 апрѣля Лоу овладѣлъ, послѣ пятичасового боя, малакандскимъ проходомъ между долинами пишаверской и сватской, но сопротивленіе юсуфзіевъ и затрудненія въ переправахъ чрезъ рѣки Сватъ и Пенджкору на столько задержали движеніе Лоу, что лишь 22 апрѣля передовой его отрядъ достигъ дружественнаго Дира. Между тѣмъ Робертсонъ въ Читралѣ уже 20 апрѣля освободился отъ осады. Выводя по окончаніи похода свои войска изъ земель юсуфзіевъ, англичане признали необходимымъ имѣть обезпеченное сообщеніе между Пишаверомъ и Читраломъ и выставили постоянные отряды въ малакандскомъ

проходѣ и въ Чакдере, у моста чрезъ р. Сватъ, возведя въ этихъ пунктахъ укрѣпленія и связавъ ихъ съ Диромъ постами изъ наемныхъ горцевъ.

Кромѣ мѣропріятій наступательной политики въ земляхъ везиріевъ и юсуфзіевъ немаловажное значеніе для возбужденія независимыхъ племенъ противъ Англіи имѣло возведеніе укрѣпленій въ хребтѣ Самана, принадлежащемъ оракзіямъ. Хребетъ этотъ лежитъ на сѣверной сторонѣ долины Миранзай кохатскаго вѣдомства. Въ январѣ 1891 года въ Миранзайскую долину посланъ былъ британскій военный отрядъ для понужденія къ платежу штрафовъ за набѣги въ британской территоріи. Не встрѣтивъ вооруженнаго сопротивленія, отрядъ этотъ 24 февраля возвратился, оставивъ прикрытія при начатыхъ въ трехъ пунктахъ хребта Самана постройкахъ фортовъ съ цѣлью прекращенія набѣговъ оракзіевъ. Заявивъ оставленный безъ удовлетворенія протестъ противъ возведенія укрѣпленій на своихъ земляхъ, оракзіи напали на одно изъ прикрытій, которое потеряло 14 человѣкъ убитыми и 7 ранеными; прикрытія при другихъ двухъ фортахъ также были прогнаны и работы прекращены. 10 апрѣля горцы нападали на собиравшійся противъ нихъ отрядъ, но были отражены, потерявъ до 60 ч. убитыми и ранеными. 17 апрѣля англійскія войска, въ составѣ 17 батальоновъ, 15 орудій и 7 эскадроновъ, приступили къ овладѣнію хребтомъ Самана. Оракзіи оказали значительное сопротивленіе, но были побѣждены. Военныя дѣйствія закончились 15 мая, потери же англичанъ за все время ихъ составили до 110 ч. убитыми и ранеными. Три форта были окончены и заняты британскими гарнизонами („Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 191—196, и вып. 54, 1893 г., стр. 197 и 198).

3) *Возстанія пограничныхъ племенъ въ 1897 году.*

Хотя англо-индійское правительство не переставало объявлять, что признаетъ независимость пограничныхъ племенъ и не намѣрено ни вмѣшиваться въ ихъ внутреннее управленіе и отношенія между собою, ни покушаться на присвоеніе ихъ земель, но выставленіе постоянныхъ отрядовъ въ Везиристанѣ, возведеніе укрѣпленій въ земляхъ оракзіевъ въ хребтѣ Самана, устройство укрѣпленій въ малакандскомъ проходѣ и въ Чакдере въ земляхъ юсуфзіевъ убѣдило не только непосредственно заинтересованныя племена, но и всѣ сосѣдніе, что Англія стремится постепенно подчинить независимыя племена и владѣть ихъ землями. Неуспѣшность сопротивленія месудіевъ, оставленныхъ безъ помощи дервишами, оракзіевъ, которымъ зашевелившіеся было афридіи не дали всетаки поддержки, наконецъ юзуфзіевъ средняго Свата, которые были предоставлены остальными соплеменниками почти однимъ ихъ собствен-

нымъ силамъ, указывала конечно необходимость общаго дружнаго дѣйствія противъ сильнаго врага, но вѣковыя разрозненность, соперничество и враждебность не только между племенами, но и между ихъ вѣтвями, не могутъ еще долго не препятствовать политическому объединенію пограничныхъ племенъ въ борьбѣ противъ Англо-Индіи, ибо и при общемъ сознаніи необходимости политическаго единенія практическія трудности единства дѣйствій безчисленнаго множества независимыхъ демократическо-родовыхъ общинъ очень велики. Однако общая опасность, угрожающая независимости пограничныхъ племенъ, разбудила въ нихъ столь недавно еще дремавшее чувство національности и, вслѣдствіе единства ихъ религіи и иновѣрія врага, возбудила религіозный фанатизмъ, такъ какъ у національностей, не имѣющихъ политической самостоятельности или находящихся въ опасности потерять ее, чуждая поработителямъ религія всегда дѣлается знаменемъ и орудіемъ борьбы за народную самобытность. При возбужденіи религіознаго фанатизма неизбѣжно возвышеніе политическаго вліянія духовенства. Чуждое и по духу ислама, и по не авганскому большею частію своему происхожденію, племенныхъ и родовыхъ распрей духовенство пограничныхъ племенъ оказалось могучею силою для объединенія племенныхъ вѣтвей и даже сосѣднихъ племенъ съ цѣлію борьбы съ англичанами. Эти возстанія пограничныхъ племенъ, происшедшія въ 1897 году, мы опишемъ въ ихъ хронологической послѣдовательности въ разныхъ группахъ племенъ *).

---

*) Источники будутъ указываемы съ своихъ мѣстахъ. Главнѣйшимъ служила изданная англійскимъ правительствомъ въ январѣ 1898 года «Синяя книга» Military operations on the North-west Frontiers of India (Papers regarding British relations with the neighbouring Tribes on the North-west Frontier of India, and the military operations undertaken against them during the year 1897—1898. Presented toboth Houses of Parliament by Command of Her Majesty, London, 1898, два тома). Возстаніямъ 1867 года посвящены двѣ статьи, помѣщенныя въ «Военномъ Сборникѣ», именно въ августовской книжкѣ 1898 года, г. Г. В., «Очеркъ Тирахской экспедиціи генерала Локгарта въ 1897 году», стр. 342—384, и въ пяти книжкахъ 1899 года съ января по май, всего около 120 страницъ, г. М. Грулева, «Очеркъ возстаній на сѣверо-западной границѣ Индіи въ 1897 году». Первый изъ этихъ очерковъ дастъ краткое, достаточно обстоятельное, почти исключительно съ спеціально-военной стороны, описаніе экспедиціи Локхарта, на основаніи умѣло собранныхъ и соображенныхъ газетныхъ и телеграфныхъ извѣстій, причемъ основою служили, повидимому, офиціальныя свѣдѣнія. Въ очеркѣ г. Грулева «фактическая сторона событій, въ виду отсутствія другихъ источниковъ, изложена по англійскимъ газетамъ» (январская книжка 1899 г., стр. 183). Такъ какъ почти за годъ до появленія статьи г. Грулева издана вышеуказанная «Синяя книга» и за полгода и болѣе вышли въ свѣтъ книги полковника Хетчинсона, корреспондента агентства Рейтера Ліонеля Джемса, Спенсера Черчилля и пр., а также много статей въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ, принадлежащихъ людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ, большею частію участникамъ экспедицій, то исключительное пользованіе «англійскими газетами» отнюдь не вызывалось необходимостію и весьма неблагопріятно отразилось на качествѣ труда г. Грулева, особенно на исторической, этнической и политической его сторонахъ, потому что газетные корреспонденты обыкновенно не обладаютъ по этимъ предметамъ ни нужными свѣдѣніями, ни компетентностью, на которую естественно и не претендуютъ.

а) Столкновенія въ Везиристанѣ.

Въ депешѣ статсъ-секретарю 1 января 1896 года индійское правительство констатировало, что раздача жалованья (меликамъ) у дервишей и даверцевъ вызвала общее удовольствіе (M. o., vol. 1, p. 50); имъ досталась львиная доля вышеупомянутыхъ 100 т. рупій. Однако это самое жалованье уже въ февралѣ дало поводъ къ раздорамъ въ одной изъ вѣтвей дервишъ-визирей. Эта вѣтвь, по имени мадда, могла выставлять 1600 воиновъ и занимала самую верхнюю часть долины Точи отъ сел. Ширанни до авганской границы. Вліятельнѣйшимъ въ ней меликомъ состоялъ, по своему происхожденію, родству и личнымъ качествамъ, нѣкто Садда-ханъ. 9 февраля 1896 года въ Ширанни произошло сборище до 100 мадда-хелей, по поводу недовольства нѣсколькихъ младшихъ меликовъ на невыдачу на ихъ долю жалованья, хотя Садда-ханъ получилъ 23 оклада пѣшихъ стражниковъ для удовлетворенія, между прочимъ, младшихъ меликовъ, не получившихъ офицерскихъ окладовъ. Разгорячившись при спорахъ по этому поводу, нѣкоторые участники сходки угрожали выгнать изъ временнаго стражническаго поста въ Ширанни его мунши (писаря), а также дѣлали угрозы стражникамъ. 14 февраля принимавшіе участіе въ сходкѣ отправились въ другую вѣтвь мадда-хелей, желая привлечь ее на свою сторону по поводу жалованья меликовъ, но произошла ссора и одинъ человѣкъ былъ убитъ, послѣ чего сходка разошлась. Садда-ханъ 9 и 14 февраля, когда происходили упомянутыя сборища, былъ въ отлучкѣ въ сел. Миранъ-шахъ, гдѣ первоначально стоялъ отрядъ и пребывалъ политическій агентъ. 16 марта, по случаю мусульманскаго праздника, происходило по обычаю большое собраніе мадда. На немъ недовольные и нѣкоторые муллы обвиняли меликовъ, что именно они, по своимъ видамъ, призвали въ страну англійскія войска. Садда-ханъ и другіе мелики, отвергая это, приняли присягу въ томъ, что британскихъ войскъ не приглашали. По полученіи обо всемъ этомъ свѣдѣній, политическій агентъ Андерсонъ далъ знать меликамъ, что правительство возлагаетъ отвѣтственность за происходящія смуты лично на нихъ. Послѣ этого, по уговору съ другими меликами, Садда-ханъ взялъ на себя удовлетворить обойденныхъ меликовъ изъ полученныхъ имъ окладовъ и недовольство ихъ прекратилось. Политическіе агенты объяснили изложенныя смуты возбужденіемъ ихъ Садда-ханомъ и другими старшими меликами съ цѣлію побудить правительство увеличить сумму назначенныхъ мадда-хелямъ выдачъ. Главныя основанія этого мнѣнія: Садда-ханъ приписывалъ волненія сначала тому, что народъ недоволенъ назначеніемъ жалованья ахмедзіямъ, не имѣющимъ земель въ долинѣ

Точи, что къ смутамъ подстрекалъ одинъ авганскій служащій, наконецъ тому, что рѣшеніе правительства не брать въ свои руки полнаго обладанія и управленія страною везиріевъ возбудило чувство независимости и побудило народъ возставать противъ подчиненія своимъ меликамъ; въ виду этого мелики настаивали, чтобы въ земли мадда-хелей были двинуты англійскія войска, на которыя они могли бы опираться для возстановленія своей власти надъ народомъ; когда же мелики увидѣли, что желаемаго увеличенія жалованья не послѣдуетъ, и что агентъ признаетъ смуты результатомъ интригъ ихъ самихъ, то Садда-ханъ удовлетворилъ обойденныхъ меликовъ и сталъ утверждать, что смуты не имѣютъ никакого значенія и что онъ въ силахъ самъ прекратить агитацію. Сообразно этому англо-индійскія власти оштрафовали меликовъ мадда на 1 т. рупій, а главный отрядъ перемѣстили изъ Миранъ-шаха въ Датта-хель, находящійся отъ Ширанни лишь въ 2 миляхъ. Упомянутый штрафъ мелики уплатили (Mil. oper., v. I, pp. 167—177). Мнѣ кажется, что ни приведенные факты, ни опущенныя мною подробности (см. указанныя страницы Синей книги), не подтверждаютъ мнѣнія мѣстныхъ англійскихъ властей. Сборища 9 и 14 февраля произошли во время отлучки Садда-хана и несомнѣнно имѣли своею причиною невыдачу нѣкоторымъ младшимъ меликамъ доли жалованья и окладовъ, данныхъ англичанами мадда-хелямъ и подлежащихъ по обычаямъ раздѣлу между всѣми частями общины и представляющими ихъ меликами, какъ всякая добыча и иной доходъ родовой общины. На сборищѣ 16 марта выразились уже не претензіи обойденныхъ меликовъ, а общее неудовольствіе и раздраженіе племени на присвоеніе англичанами власти надъ нимъ, и подозрѣнія противъ меликовъ въ томъ, что именно они, изъ корысти и для порабощенія народа, призвали англичанъ и ихъ войска. Правильность такого взгляда доказывается тѣмъ, что послѣ удовлетворенія обойденныхъ жалованьемъ меликовъ и послѣ принятія меликами очистительной присяги, убѣдившей народъ, что во всякомъ случаѣ англійскія войска заняли страну не по ихъ призыву, смуты у мадда-хелей прекратились и спокойствіе въ ихъ странѣ болѣе года ни чѣмъ не нарушалось, если не считать такимъ нарушеніемъ убійство Хонда Рама, одного изъ чиновъ туземнаго поста, совершеннаго мѣстнымъ жителемъ, по оставшимися невыясненными причинамъ. Убійство это получило политическія послѣдствія лишь потому, что убійца бѣжалъ за авганскую границу и правительство 7 сентября 1896 г. рѣшило не требовать отъ эмира его выдачи, но взыскать съ мадда-хелей штрафъ въ 2 т. р. (p. 77), впослѣдствіи въ маѣ 1897 г. уменьшенный до 900 рупій (pp. 78 и 136).

Въ Ширанни, какъ уже упомянуто, находился постъ изъ туземцевъ для охраненія дороги въ Газну и пресѣченія набѣговъ и грабежей. По перенесе-

нія стоянки главнаго отряда изъ Миранъ-шаха въ Датта-хель, постъ этотъ, очутившійся отъ отряда лишь въ двухъ миляхъ, рѣшено было еще въ 1896 г. перенести за Майзаръ, группу деревень и домовъ мадда-хелей, въ девяти миляхъ отъ Ширанни. Въ 1897 году предстояло построить помѣщеніе для поста на новомъ мѣстѣ, а потому, пригласивъ съ собою для совѣта при выборѣ мѣста для поста командующаго отрядомъ въ Датта-хелѣ полковника Бенней, политическій агентъ Джи (Gee) 10 іюня 1897 года отправился изъ Датта-хеля въ Майзаръ, въ сопровожденіи конвоя изъ 300 ч. пѣхоты, двухъ орудій и 12 ч. кавалеріи. По прибытіи въ Майзаръ, Джи оставилъ здѣсь пѣхоту и орудія, а самъ съ 2 офицерами и кавалеріею отправился осмотрѣть мѣстность до селенія Дотоя. По возвращеніи, около полудня, офицеры и конвой позавтракали. Мѣстные жители дружественно разговаривали съ солдатами конвоя изъ авганъ. Такъ какъ Джи предполагалъ окончить здѣсь раскладку и взысканіе упомянутаго штрафа съ мадда-хелей въ 900 рупій за убійство и для того были собраны мелики, то онъ освѣдомился: пришли ли къ соглашенію о раскладкѣ. Около 2 ч. офицеры находились, по окончаніи завтрака, въ тѣни деревьевъ на возвышеніи и Джи собирался отправиться для избранія мѣста для постройки помѣщеній поста, какъ раздалось два выстрѣла на воздухъ, населеніе отхлынуло и начало стрѣльбу по офицерамъ и конвою. Конвой сталъ отстрѣливаться и орудія открыли огонь. Въ пять минутъ орудія израсходовали весь имѣвшійся запасъ снарядовъ и полковникъ Бенней, уже смертельно раненый, приказалъ конвою отступать. Это отступленіе было весьма затруднительно для обремененнаго ранеными конвоя, особенно въ началѣ, до пункта Котелъ, до котораго дорога лежала между возвышенностями и была обстрѣливаема стекавшимся изъ окрестностей населеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь отрядъ понесъ наибольшую потерю. Дальнѣйшее отступленіе продолжалось чрезъ шесть небольшихъ горныхъ отроговъ. Достигнувъ послѣдняго отрога, за которымъ начиналась уже равнина, отрядъ остановился въ ожиданіи помощи изъ Датта-хеля. На разстояніе въ двѣ мили (3 версты) отъ Майзара до послѣдняго отрога потребовалось болѣе трехъ часовъ времени, потому что отрядъ остановился въ 5 ч. 30 м. Подкрѣпленіе изъ Датта-хеля подоспѣло къ 6 ч. 15 м., при чемъ оно прошло разстояніе въ 9 миль въ полтора часа. Къ этому времени число горцевъ достигло до 1 т. ч., но отрядъ могъ двигаться безъ затрудненій до Датта-хеля, въ который арьергардъ его прибылъ въ 12 ч. 30 м. по полуночи. Изъ пяти офицеровъ отряда одинъ былъ убитъ, двое ранены смертельно и умерли во время отступленія, двое ранены; раненый также врачъ отряда впослѣдствіи умеръ отъ своей раны. Сверхъ того раненъ одинъ туземный офицеръ, убито 22 и ранено 30 нижнихъ чиновъ. Потеря мадда оцѣнялась болѣе 100 убитыхъ,

кромѣ раненыхъ. Политическій агентъ Джи, въ своихъ телеграммахъ и донесеніяхъ, признавалъ ничѣмъ невызванное и совершенно неожиданное нападеніе 10 іюня произведеннымъ по предварительному соглашенію мѣстныхъ фанатиковъ, съ участіемъ или съ вѣдома меликовъ, возлагалъ главную отвѣтственность на вліятельнѣйшаго изъ меликовъ Садда-хана и требовалъ присылки войскъ для примѣрнаго наказанія мадда-хелей (M. o., vol. 1, pp. 77, 84, 93—100).

Въ англійскихъ войскахъ долины Точи 10 іюня 1897 года состояло 1476 ружей и 120 сабель, 4 орудія и 4 пулемёта Максима. Снаряженный для наказанія мадда-хелей подъ начальствомъ генерала Берда (Bird) дѣйствующій отрядъ сформированъ былъ изъ шести туземныхъ полковъ, двухъ англійскихъ батальоновъ, 10 орудій и проч., всего болѣе 6 тыс. чел. Такой значительный составъ отряда Берда можетъ быть объясненъ правильно лишь чрезмѣрнымъ опасеніемъ возможности возстанія другихъ вѣтвей везирей кромѣ мадда, хотя индійское правительство признавало возстаніе наиболѣе опасныхъ изъ нихъ, мехсудовъ, мало вѣроятнымъ (р. 79): въ нападеніи на отрядъ Джи принимала участіе лишь часть мадда, отдѣленіе же ихъ казха поспѣшило заявить, что оно дѣлу не причастно; компрометированныя вѣтви чувствовали себя не въ состояніи противостоять англійскому отряду изъ Датта-хеля и уже въ ночь 10 іюня одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ ихъ меликовъ спѣшилъ убраться съ своими пожитками за недалекую границу, и конечно многіе его общинники сдѣлали тоже (р. 98); по имѣвшимся еще въ іюнѣ свѣдѣніямъ индійскаго правительства, Повинда-мулла, „единственный человѣкъ, который могъ бы соединить разрозненныя вѣтви везиріевъ“ противъ англичанъ (р. 57), не имѣлъ прикосновенности къ нападенію 10 іюня и едва-ли о замыслѣ его зналъ, когда же мадда, послѣ нападенія, просили его помощи, то онъ обратился къ одному состоящему на британской службѣ въ Вано офицеру изъ мусульманъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для заключенія мира съ мадда, но отвѣта не получилъ; вѣроятно онъ попытается,—думали англійскія мѣстныя власти,—поднять племена, но всѣ донесенія сходились въ мнѣніи о невѣроятности, чтобы отрядъ Берда встрѣтилъ какое-либо сопротивленіе (р. 80). Такъ дѣйствительно и вышло.

Вступивъ 8 іюля съ своимъ отрядомъ въ долину Точи, Бердъ изданною 13 іюля прокламаціею объявилъ, что идетъ къ Майзару для разрушенія укрѣпленныхъ зданій въ Майзарѣ и Ширанни и останется тамъ или въ окрестностяхъ, пока виновные въ нападеніи 10 іюня не исполнятъ требованій правительства, которыя будутъ въ свое время объявлены (р. 79). 20 іюля отрядъ Берда достигъ Ширанни и Майзара, которые оказались оставленными всѣми жителями. 4 августа окончено было разрушеніе построекъ въ Ширанни

и Майзарѣ (р. 111). 17 августа Бердъ объявилъ слѣдующія условія дарованія прощенія мадда-хелямъ: выдача Садда-хана и 17 меликовъ, подозрѣваемыхъ въ качествѣ главныхъ виновныхъ нападенія 10 іюня; возвращеніе всего захваченнаго при нападеніи или уплата его стоимости; уплата штрафа въ 900 рупій за убійство Хонда Рама и уплата деньгами или рабочими для правительственныхъ построекъ штрафа въ 10 тыс. рупій, налагаемаго на мадда за нападеніе 10 іюня (р. 103). Отъ мадда-хельскаго отдѣленія казха, не принимавшаго въ массѣ участія въ нападеніи, Бердъ потребовалъ выдачи двухъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ этомъ участіи, когда же казха выдачи не произвели до назначеннаго къ 26 сентября срока, то ихъ укрѣпленныя жилища были разрушены и неубранныя жатвы уничтожены (р. 115). Продолжая находиться за авганской границей, мадда-хели не переставали извѣщать о своемъ желаніи получить прощеніе, но согласія на выполненіе условій прощенія не изъявляли. Садда-ханъ настоятельно увѣрялъ въ своей преданности правительству и невиновности, но отъ явки къ англійскимъ властямъ уклонялся. Тщательно провѣривъ съ своей стороны обстоятельства нападенія 10 іюня и степень участія въ немъ разныхъ лицъ, генералъ Бердъ пришелъ къ заключенію, что это нападеніе не было послѣдствіемъ какого-либо предварительнаго заговора или замысла и что въ частности нѣтъ никакихъ основаній обвинять Садда-хана и главныхъ меликовъ въ какомъ-либо коварствѣ или предательствѣ (р.р. 137, 139). Поэтому и полагая, что мадда-хели не въ состояніи арестовать и выдать своихъ меликовъ, если бы и желали, тѣмъ болѣе при нахожденіи всѣхъ ихъ на авганской территоріи, Бердъ призналъ возможнымъ обнадежить Садда-хана, что въ случаѣ добровольной явки онъ не будетъ ни лишенъ жизни, ни подвергнутъ ссылкѣ. 23 октября правительство дало на это разрѣшеніе (р. 145). Послѣ этого, въ виду бѣдствій, которымъ подвергались мадда-хели, лишенные домовъ и жатвъ, на авганской територіи и которыя должны были особенно увеличиться съ наступленіемъ зимы, а также опасаясь, что англійское правительство окончательно отниметъ, при дальнѣйшей непокорности, у мадда-хелей ихъ земли, Садда-ханъ, не уступая увѣщаніямъ даже женщинъ и дѣтей всѣхъ деревень, встрѣчавшихся на пути, не отдаваться въ руки англичанъ, явился 31 октября къ генералу Берду. Тоже сдѣлали за нимъ и остальные мелики. 14 ноября Бердъ принялъ отъ общей джирги мадда-хелей заявленіе покорности и согласіе на всѣ поставленныя условія, исполненіе котораго они обезпечили заложниками (р. 146).

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣлахъ въ Везиристанѣ я не имѣю, но по газетнымъ извѣстіямъ весь 1898 годъ прошелъ тамъ спокойно, хотя, конечно, не безъ обычныхъ въ земляхъ горцевъ и на границахъ мелкихъ набѣговъ и грабежей. Между прочимъ въ декабрѣ того года газеты упо-

минали о заявленныхъ эмиромъ жалобахъ на грабежи и набѣги везирей на авганской территоріи.

Во все время нахожденія отряда Берда въ сѣверномъ Везиристанѣ онъ не встрѣтилъ серьознаго сопротивленія. Были конечно угоны вьючныхъ верблюдовъ, нападенія на транспорты и отдѣльныхъ солдатъ одиночныхъ горцевъ или небольшихъ шаекъ и тому под., но все это обычно и въ мирное время. Наибольшее кровопролитіе произвели за все время это не горцы, а сейки британской пѣхоты и кавалеріи, принявъ 7 іюля 40 стражниковъ одного поста изъ состоявшихъ на британской службѣ везирей за непріятеля и открывъ по нимъ огонь: правительство выдало семействамъ двухъ убитыхъ и 14 раненымъ везиріямъ вознагражденіе изъ казны (р. 105).

Англо-индійскія власти сначала приписывали нападеніе 10 іюня взрыву мусульманскаго фанатизма (р. 81), но впослѣдствіи сдѣлалось общимъ (конечно въ административныхъ инстанціяхъ) мнѣніе, что нападеніе имѣло своимъ источникомъ родовые раздоры по поводу распредѣленія штрафа за убійство Хонда Рама (депеша вице-короля 4 ноября 1897 г., стр. 130). По мнѣнію статъ-секретаря по дѣламъ Индіи лорда Хамильтона, бездѣйствіе племенъ везиріевъ во время полученія извѣстій о возстаніи горцевъ Свата и момендовъ убѣждаетъ, что во всякомъ случаѣ религіозное возбужденіе не было главнымъ источникомъ майзарскаго нападенія (М. о., vol. 2, р. 176).

Изъ этихъ причинъ нападенія 10 іюня внутренніе родовые раздоры между мадда по поводу штрафа въ 900 рупій, раздоры, о которыхъ впрочемъ въ виду индійскаго правительства имѣлись лишь смутные намеки и догадки, очевидно должны быть исключены: какимъ образомъ внутренніе раздоры между мадда, возбуждавшіе неудовольствія родовичей лишь другъ на друга, могли повести къ внезапному нападенію на англійскій отрядъ? Съ другой стороны воздержаніе племенъ везирей отъ общаго возстанія по полученіи извѣстій о возстаніяхъ въ Сватѣ и момендовъ объясняется совсѣмъ не отсутствіемъ у везирей религіознаго фанатизма, а просто нахожденіемъ въ предѣлахъ Везиристана большихъ британскихъ военныхъ силъ, справиться съ которыми, послѣ недавней неудачи 1894—1895 года, месуды и остальныя племена основательно считали для себя невозможнымъ. Вѣрно, что религіозный фанатизмъ не имѣлъ доминирующаго значенія въ нападеніи 10 іюня, но доказывается это не воздержаніемъ отъ возстанія остальныхъ везирей, объясняемымъ другими причинами, а тѣмъ, что глава духовенства Повиндамулла повидимому даже не зналъ о предстоящемъ нападеніи, что не видно въ немъ участія другихъ муллъ и что во всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ нападенія нѣтъ ничего спеціально проявлявшаго преобладающее религіозное происхожденіе. Вслѣдствіе этого кореннымъ и главнымъ источникомъ напа-

денія 10 іюня слѣдуетъ считать страстную ненависть и вражду мѣстныхъ авганскихъ племенъ къ англичанамъ, возбужденныя попытками подчинить своей власти независимыя племена. Эти стремленія племена везирей ясно и правильно видѣли въ договорѣ эмира съ Англіею объ отказѣ въ пользу послѣдней отъ власти надъ горными племенами,—которой онъ на дѣлѣ не имѣлъ и которой племена за нимъ не признавали,—въ проведеніи границы, опредѣленной Англіей и безъ вѣдома племенъ, и въ фактическомъ осуществленіи англійскаго господства введеніемъ въ земли племенъ войскъ, а также присвоеніемъ власти надъ племенами въ различныхъ формахъ и степеняхъ отъ привлеченія старѣйшихъ и меликовъ на англійскую службу назначеніемъ имъ жалованья до ближайшаго подчиненія управленія племенъ англійской власти, какъ въ юго-восточныхъ племенахъ и въ Даверѣ. Эта политическая вражда, благодаря иновѣрію англичанъ, слилась съ мусульманскимъ фанатизмомъ, который развился именно благодаря ей. Вполнѣ яснымъ доказательствомъ такого настроенія въ средѣ мадда-хелей служатъ возбужденныя на народномъ сборищѣ 16 марта 1897 года обвиненія меликовъ въ томъ, что они призвали въ Точи англійскія войска. Присяга меликовъ болѣе или менѣе отклонила отъ нихъ подозрѣнія, но вражда и ненависть къ поработителямъ—англичанамъ остались и возрастали. При такомъ настроеніи народной массы воинственныхъ горцевъ съ расовымъ сангвиническимъ темпераментомъ, достаточно было 10 іюня одного или двухъ, вѣроятно случайныхъ, выстрѣловъ на воздухъ, чтобы всегда вооруженные горцы, находившіеся кругомъ конвоя Джи, открыли огонь противъ ненавистныхъ враговъ и чтобы въ подмогу имъ, на выстрѣлы, стеклось все окрестное населеніе, даже женщины, которыя бросали въ отступавшій англійскій отрядъ камнями, а нѣкоторыя стрѣляли изъ ружей (vol. 1, p. 96). Нападеніе 10 іюня было такимъ образомъ стихійнымъ взрывомъ народной ненависти, которымъ увлечены были даже мелики, особенно майзарскіе, такъ что въ числѣ убитыхъ горцевъ оказалось четыре мелика *). Лишь немногіе изъ меликовъ, подобно Садда-хану, сохранили настолько хладнокровія, чтобы воздержаться отъ участія въ общемъ стихійномъ увлеченіи.

б) Возстаніе въ Сватѣ.

По окончаніи читральской экспедиціи (отрядъ Лоу былъ расформированъ 27 сентября 1895 года), британскія войска остались въ земляхъ не-

*) Подтвержденіемъ неожиданности нападенія для всего населенія служитъ между прочимъ присутствіе женщинъ и дѣтей, которыя, по обычаю горцевъ, въ случаѣ предстоящаго боя, всегда отсылаются заблаговременно въ безопасныя мѣста: въ числѣ убитыхъ оказалось 13 женщинъ и дѣтей (vol. I, p. 142).

зависимыхъ юсуфзіевъ лишь въ лагерѣ на Малакандскомъ перевалѣ и въ фортѣ Чакдере, охраняющемъ устроенный англичанами висячій желѣзный мостъ черезъ рѣку Сватъ. Дальнѣйшее охраненіе дороги въ Читраль производилось постами наемныхъ стражниковъ изъ мѣстныхъ горцевъ и возложено на отвѣтственность меликовъ мѣстныхъ племенъ и хана Дира. Весною 1896 года и затѣмъ весною 1897 года войска и запасы въ Читраль и смѣненныя оттуда части прошли безпрепятственно, а почты слѣдовали все время исправно. Политическій агентъ Дира и Свата маіоръ Динъ (H. A. Deane), въ отчетѣ о положеніи дѣлъ къ іюню 1896 года, признавалъ отношенія мѣстныхъ племенъ къ британскому правительству удовлетворительными и постепенно улучшающимися и опасался возбужденія смутъ лишь со стороны хана Дира, обладающаго безпокойнымъ характеромъ и находящагося въ дурныхъ отношеніяхъ какъ съ родными братьями, такъ и съ подвластными племенами, которыя тщетно жалуются ему на притѣсненія его агентовъ. Динъ думалъ, что Диръ слишкомъ далекъ отъ Малаканда, чтобы можно было изъ послѣдняго имѣть полный „контроль", а потому находилъ нужнымъ выставить на лѣто летучую колонну въ долину Адинзай, подчинивъ британскому управленію какъ эту долину, такъ и сосѣдній округъ Талашъ; онъ утверждалъ, что мѣстное населеніе будетъ этимъ довольно, съ ханомъ же Дира не трудно будетъ сговориться. Между тѣмъ окончательно обезпечится вліяніе Англіи на племена Баджаура, Пенджкоры, Дира и Верхняго Свата. Если же правительство намѣрено держаться политики рѣшительнаго невмѣшательства и воздерживаться отъ всякаго наступленія впередъ, то Динъ считалъ возможнымъ уменьшить количество войскъ въ Малакандѣ и оставить тамъ вмѣстѣ съ Чакдере только полкъ пѣхоты и одинъ или два эскадрона кавалеріи (M. o., vol. 2, p.p. 40—47). Вице-король „въ совѣтѣ", 20 августа 1896 года, не разрѣшилъ движенія войскъ въ долину Адинзай; желая ограничиться удержаніемъ и охраненіемъ дороги изъ Малаканда въ Читралъ и не воспрещая Дину пріобрѣтать личное вліяніе на окружающія племена для достиженія той же цѣли, правительство признало однако, что чѣмъ менѣе британскія власти будутъ вмѣшиваться въ дѣла страны, тѣмъ будетъ лучше; немедленное уменьшеніе войскъ въ Малакандѣ также было отклонено (p. 48). 9 іюня 1897 года, въ отчетѣ за истекшій годъ, Динъ доносилъ, что мѣстныя племена, дотолѣ скрытно враждебныя, теперь утвердились въ столь великомъ довѣріи (great confidence) къ правительству, оставившему неприкосновенными ихъ земли, не наложившему податей и не вмѣшивающемуся въ ихъ дѣла, что правительству представляется возможность побудить ихъ смотрѣть на себя, какъ на союзниковъ (allies), и пренебрегать происками Адда-муллы въ Баджаурѣ и міянгуловъ въ Верхнемъ Сватѣ, старающихся раздуть фана-

тизмъ и возбудить народъ противъ Англіи. Правительство, если бы захотѣло, легко могло бы собрать у нихъ иррегулярную армію отъ 15 до 20 тыс. человѣкъ, которые не желали бы ничего лучшаго, какъ получить приказъ объ исполненіи любой службы (p. 50). Ханъ Дира хорошо обращается съ своимъ народомъ и постоянныя прежде жалобы на него прекратились. Ханъ этотъ собирается подавить фанатическую партію въ Верхнемъ Сватѣ, распространивъ на него свою власть; въ случаѣ успѣха, Динъ ожидалъ большихъ выгодъ для правительства вслѣдствіе успокоенія страны (p.p. 50, 51). Еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 9 мая 1897 г., Динъ извѣщалъ, что Адда-мулла, Манки-мулла и Паламъ-мулла, главнѣйшіе послѣдователи покойнаго „ахуна Свата" (изъ нихъ Адда-мулла жилъ среди момендовъ, Манки-мулла между отманъ-хейлями, а Паламъ-мулла на р. Аушири, лѣвомъ притокѣ Пенджкоры), стараются возбуждать религіозный фанатизмъ, и первый изъ нихъ разослалъ воззваніе, объявляющее, что наступило для добрыхъ мусульманъ время возстанія. Съ своей стороны Динъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе хана Дира на Паламъ-муллу, который возбуждалъ стражниковъ британскихъ постовъ по дорогѣ въ Читраль къ дезертирству. Ханъ отвѣтилъ, что двинется противъ Паламъ-муллы, управившись съ фанатической партіей въ Верхнемъ Сватѣ. Динъ далъ понять хану, что намѣренія его одобряетъ (p. 58). Индійское правительство съ своей стороны 4 іюня 1897 г. утвердило дѣйствія Дина (p. 59).

Появленіе хана въ Верхнемъ Сватѣ возбудило большое волненіе. Въ виду всѣмъ извѣстныхъ отношеній этого хана къ Англіи *), племена Свата отправили къ Дину посланцовъ съ просьбою защитить ихъ отъ хана. Динъ отвѣтилъ, что не находитъ основаній вмѣшиваться (p. 59). Тогда 12 іюня старшій изъ міангулей, внуковъ „ахуна Свата", обитающихъ въ Верхнемъ Сватѣ, обратился къ губернатору Пенджаба съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что изстари состоявшій слугою его дѣда и его самого ханъ Дира 3 іюня вторгнулся въ предѣлы Свата, переправился черезъ рѣку и произвелъ у мѣстныхъ племенъ грабежи на сумму отъ 2 до 3 лаковъ рупій, увѣряя, что получилъ распоряженіе отъ правительства и что вся страна поступаетъ въ англійское управленіе; не вѣря, чтобы ханъ производилъ грабежи и насилія дѣйствительно по распоряженію серкера (такъ называютъ горцы англо-индійское правительство), Сеидъ-Бадшахъ просилъ разрѣшенія противостать хану силою оружія (p. p. 64, 65). Никакого отвѣта на эту просьбу

*) Въ 1895 году ему подарено, за услуги во время читральской экспедиціи, 40 ружей Снайдера и затѣмъ ежегодно отпускаются къ нимъ патроны. Сверхъ того ханъ получаетъ ежегодно 20 т. рупій на поправки дороги въ Читраль и ея охрану (по свѣдѣніямъ англо-индійскихъ газетъ).

не дано, но посланцу объявлено, что онъ можетъ обратиться къ маіору Дину (р. 59), тогда какъ міянгулямъ уже было извѣстно, что на подобную просьбу меликовъ Динъ отвѣчалъ, какъ выше значится, отказомъ.

Въ концѣ іюня, съ одной стороны ханъ Дира съ 400 меликами Верхняго Свата его партіи, съ другой болѣе 1000 меликовъ противной стороны явились къ Дину и были имъ приняты, въ началѣ іюля, въ Чакдере. Подлинныхъ донесеній Дина о происходившемъ при этомъ въ „Синей книгѣ" не напечатано, за исключеніемъ „извлеченія" изъ письма его отъ 21 іюля, очевидно сильно сокращеннаго. По помѣщеннымъ въ депешѣ вице-короля отъ 1 сентября 1897 года свѣдѣніямъ, всѣ мелики признавали страну находящеюся подъ британскимъ вліяніемъ и политическимъ „контролемъ". Всѣ желали спокойствія и заявляли готовность нести всякую службу, какая нужна правительству, выставлять для этого ратниковъ, когда потребуется. „Главная ихъ просьба состояла въ томъ, чтобы отъ народа не требовалось безплатныхъ работъ и чтобы изгнанные за убійства не возвращались въ общины противъ ихъ желанія". Маіоръ Динъ объявилъ, что правительство не намѣрено вмѣшиваться во внутреннія дѣла и управленіе племенъ, но желаетъ помогать имъ улаживать раздоры, если за этимъ будутъ обращаться къ политическому офицеру. „Горцы выразили сожалѣніе, что не вошли ранѣе въ дружескія сношенія съ нами, чѣмъ было бы устранено вмѣшательство хана Дира, который недавно совершилъ удачное вторженіе въ часть враждебной ему страны". „Главное въ настоящемъ положеніи дѣлъ то,— писалъ Динъ 3 іюля,— что власть міянгулей, связанная съ именемъ ахуна, уничтожена": міянгули добивались, чтобы племена Верхняго Свата не входили съ англійскими властями въ непосредственныя сношенія, а теперь, въ полученныхъ отъ нихъ Диномъ письмахъ, сами объявляютъ себя слугами правительства. Динъ находилъ особенно успѣшнымъ, что все это достигнуто безъ употребленія британскихъ военныхъ силъ (р.р. 59, 60).

По напечатанному въ „Синей книгѣ" извлеченію изъ письма Дина отъ 21 іюля, занявъ правый берегъ Свата, ханъ по авганскому обычаю выставилъ караулы, „которые обыкновенно производятъ насилія и притѣсняютъ народъ". Желая отвратить являющіяся послѣдствіемъ такого образа дѣйствій смуты, Динъ предложилъ хану явиться къ нему съ признавшими его власть меликами. „Прямымъ послѣдствіемъ этого (т. е. поѣздки хана съ меликами его партіи на поклонъ къ Дину) было то, что всѣ лишенные власти и сдѣлавшіеся ширунки или изгнанниками (т. е. мелики и вообще жители праваго берега Свата, не пожелавшіе подчиниться насиліямъ и беззаконіямъ хана и вынужденные вслѣдствіе этого бѣжать на лѣвый берегъ Свата) направились

ко мнѣ по своему собственному желанію, и съ ними прибыли всѣ мелики муса-хелей“ и другихъ племенъ лѣваго берега (р. 65).

Такимъ образомъ, зная, что нѣкоторое, чрезмѣрно впрочемъ имъ преувеличенное, улучшеніе настроенія мѣстныхъ племенъ въ отношеніи Англіи, въ послѣдовавшіе за читральской экспедиціей два года, произошло вслѣдствіе воздержанія отъ вмѣшательства въ дѣла и отношенія между племенами и вслѣдствіе уваженія къ ихъ независимости, британскій политическій агентъ разрѣшилъ хану Дира, или скорѣе подстрекнулъ его, насильственно завладѣть независимыми племенами праваго берега Свата. Такъ какъ силы хана были недостаточны, чтобы справиться съ племенами Свата, то ханъ этотъ объявлялъ или давалъ понять, что дѣйствуетъ по распоряженію британскаго правительства, которое вступаетъ въ обладаніе страною. Отказъ Дина воспретить хану его насилія и затѣмъ поведеніе его на съѣздѣ меликовъ не могли не убѣдить племена, что Англія затѣваетъ, пользуясь дирскимъ ханомъ, какъ ширмою, лишить горцевъ независимости. Въ то время, когда Динъ восторгался ловкостью, съ которой привелъ онъ упрямыхъ меликовъ Верхняго Свата,—казавшихся ему „съ ихъ четками въ рукахъ, скорѣе сборищемъ фанатическихъ муллъ, чѣмъ авганскими старшинами“ (р. 66),—къ заявленіямъ преданности и покорности, съ единственною просьбою не принуждать народъ къ безплатнымъ работамъ, мелики развозили по всей странѣ несомнѣнныя извѣстія о томъ, что дѣйствительно Англія намѣревается лишить племена независимости и подчинить своему управленію. Возстаніе сдѣлалось неминуемымъ. Не доставало только искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ, который долженъ былъ обнять всѣ сѣверныя пограничныя племена. Такой искрой оказалось объявленіе джихада, сдѣланное „безумнымъ“ или „плѣшивымъ“ факиромъ.

Появленіе этого факира въ предѣлахъ Свата Динъ относилъ ко времени около 18 іюля (р. р. 66, 77), но вѣрнѣе, конечно, свѣдѣнія меликовъ Верхняго Свата, которые утверждаютъ, что факиръ прибылъ изъ Бунира въ Мангаору на верхнемъ Сватѣ около 6 іюля, т. е. немедленно послѣ полученія въ Бунирѣ вѣстей о происходившемъ въ Чакдере на представленіи меликовъ Дину; по ихъ же словамъ, факиръ объявлялъ въ Мангаорѣ, что намѣренъ начать священную войну; отсюда онъ черезъ день отправился въ сел. Лендекей (въ одномъ переходѣ отъ Малаканда), гдѣ и началъ свои проповѣди, утверждая, что получилъ повелѣніе свыше изгнать невѣрныхъ, пушки и ружья которыхъ лишатся дѣйствія противъ мусульманъ, а пули и снаряды обратятся въ воду; онъ увѣрялъ, что пятью пригоршнями риса можетъ насытить тысячи людей и т. под. Народъ однако относился къ факиру недовѣрчиво и считалъ его безумнымъ. 25 іюля факиръ собрался выступить на Малакандъ, но мѣстные жители удержали его, объясняя его

поступки безуміемъ. Имѣя объ этомъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ меликовъ, Динъ, намѣревавшійся было отправить противъ факира летучій отрядъ изъ Малаканда, счелъ лучшимъ воздержаться, опасаясь придать фанатику серьезное значеніе и вмѣсто умиротворенія вызвать образованіе сборищъ для защиты факира. 26 іюля безумный факиръ, съ другимъ присоединившимся къ нему неизвѣстнымъ факиромъ, въ предшествіи нѣсколькихъ мальчиковъ 13—14 лѣтъ, изъ которыхъ одного выдавали за потомка мусульманскихъ императоровъ Дели, изъ династіи Бабера, двинулся къ Малаканду чрезъ самое многолюдное изъ селеній Свата Тана или Тарна; тутъ къ нему присоединилось нѣсколько мѣстныхъ жителей, такъ что образовалась толпа человѣкъ въ 400, большею частію безоружныхъ. На дальнѣйшемъ пути сборище увеличилось людьми изъ попутныхъ селеній, между прочимъ туземными стражниками изъ британскихъ постовъ между Малакандомъ и Чакдере. Около 9 ч. 15 м. вечера джемадаръ поста въ сел. Харъ прискакалъ въ малакандскій лагерь съ извѣстіемъ о приближеніи скопища факира, а въ 10 ч. 30 м. оно, состоя уже изъ 1 т. ч., напало на англійскія позиціи при Малакандѣ. Нападенія горцевъ продолжались всю ночь почти до утра, но были отражены съ большими для нихъ потерями, какъ и одновременно произведенныя нападенія окрестныхъ жителей на фортъ Чакдере. Силы англичанъ (всего до 4 т. ч., изъ которыхъ лишь малая часть находилась въ Чакдере) первоначально превышали численность нападающихъ, но въ теченіе ночи и слѣдующаго дня толпы горцевъ достигли значительныхъ размѣровъ (р. р. 120, 77, 78, 174).

27 іюля на свѣту отправленъ былъ изъ Малаканда, для возстановленія сообщенія съ Чакдере, полкъ пѣхоты съ 4 орудіями и кавалеріею, но долженъ былъ возвратиться, такъ какъ путь былъ прегражденъ значительными силами горцевъ; только взводъ кавалеріи пробился до Чакдере. Въ тотъ же день нападенія горцевъ, силы которыхъ постоянно смѣнялись подходившими подкрѣпленіями, возобновились и продолжались до прибытія 31 іюля первыхъ англійскихъ подкрѣпленій въ количествѣ двухъ полковъ пѣхоты, усиливаясь ночами. Ночью 29 іюля безумный факиръ былъ раненъ въ руку, а товарищъ его убитъ. Первоначальныя нападенія 26 іюля на Малакандъ и Чакдере производило населеніе ближайшихъ селеній; въ слѣдующіе дни къ нимъ постепенно прибыли на помощь юсуфзіи нижняго Свата, сосѣдящіе съ ними съ юго-запада отманъ-хейли, затѣмъ юсуфзіи Пенджкоры, племена Баджаура, далѣе юсуфзіи Верхняго Свата и Бунира, а также около 2 т. юсуфзіевъ и другихъ племенъ пишаверской долины непосредственнаго британскаго подданства съ винтовками Энфильда, розданными имъ англійскими властями для обороны отъ набѣговъ горцевъ. Общее число дѣйствовавшихъ

противъ Малаканда горцевъ оцѣняется до 12 т. и противъ Чакдере до 8 т., но одновременно нападало на Малакандъ не болѣе 6 т. и на Чакдере до 4 т. Общая потеря горцевъ подъ Малакандомъ и Чакдере опредѣляется въ 2—3 т. убитыхъ кромѣ множества раненыхъ (р.р. 60, 61, 78—80).

Неуспѣшность производившихся пять дней и ночей нападеній на Малакандъ и Чакдере и огромныя при этомъ потери лишили горцевъ надежды на успѣшное продолженіе борьбы по полученіи англичанами подкрѣпленій. Поэтому ополченія ихъ начали расходиться и двинутый 2 августа изъ Малаканда отрядъ изъ двухъ полковъ пѣхоты встрѣтилъ весьма незначительное сопротивленіе при движеніи своемъ къ Чакдере. Мелики ближайшихъ къ Малаканду и Чакдере селеній не замедлили явиться къ Дину съ покорностью. Примѣру ихъ послѣдовали ближайшія племена праваго берега Свата. Ханъ Дира, укрывавшійся во время возстанія, въ страхѣ, въ своей столицѣ, приступилъ къ наказанію своихъ подданныхъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (р. 61).

Уже 3 августа Динъ испрашивалъ разрѣшенія двинуться съ отрядомъ въ Верхній Сватъ, гдѣ находился „безумный“ факиръ Сайдулла (р. 68). Для наказанія за возстаніе и для предупрежденія возобновленія въ будущемъ Динъ полагалъ необходимымъ наложить на племена штрафы, отобрать у нихъ все оружіе и обложить ближайшихъ юсуфзіевъ податями (р. 80). 12 августа индійское правительство разрѣшило движеніе отряда въ Верхній Сватъ, но съ предварительнымъ объявленіемъ племенамъ, что правительство не намѣрено лишать ихъ независимости и желаетъ лишь принять мѣры для удостовѣренія, что племена эти не нападутъ на его войска снова (р. 74). Выступившая 16 августа съ генераломъ Биндонъ Блудомъ (Bindon Blood) бригада легко разсѣяла 17 числа около Лендекея скопище горцевъ до 1200 ч., прошла до Мангаоры и 24 августа пустилась въ обратный путь, такъ какъ племена покорились, платили штрафы и выдавали оружіе (р. р. 62, 117). Во время движенія отряда по лѣвому берегу ханъ Дира шелъ по правому, взыскавъ около 20 т. рупій штрафовъ. Факиръ бѣжалъ въ Буниръ (р. р. 118, 121).

По возвращеніи отряда, Динъ продолжалъ взысканіе штрафовъ и оружія на лѣвомъ берегу Свата, тогда какъ ханъ Дира занимался тѣмъ же на правомъ. Къ концу сентября общая цифра взысканныхъ съ юсуфзіевъ штрафовъ составила 85 т. рупій, оружія же отобрано до 3800 ружей, 1500 сабель, кинжаловъ или ножей и 118 заряжающихся съ казны винтовокъ (р. р. 94, 136). Уже 18 августа, во время движенія отряда по Верхнему Свату, явился къ Дину съ покорностью руководящій молодыми міянгулями Пизани-мулла (р. 118); 24 сентября пріѣзжалъ къ нему на

поклонъ младшій изъ міянгулей, 14 лѣтъ, съ меликами Верхняго Свата (р. 127). Въ концѣ октября міянгули предложили свои услуги для приведенія къ покорности юсуфзіевъ Бунира, которые присылали людей на помощь сватцамъ при нападеніяхъ на Малакандъ и Чакдере. Предпринятая ими въ ноябрѣ поѣздка съ этою цѣлію въ Бунiръ осталась однако безуспѣшною. Въ концѣ декабря индійское правительство объявило бунирцамъ, что отъ нихъ требуется присылка меликовъ съ заявленіемъ покорности, выдача 600 ружей, въ томъ числѣ 50 заряжающихся съ казенной части, и уплата штрафа въ 11.500 рупій; сверхъ того потребовано отъ племенъ долины Чемла 1500 р. штрафа и по 100 ружей и сабель, и подобныя же количества штрафа и оружія отъ племенъ гадунъ и худу (р. р. 171—172). За неисполненіемъ этихъ требованій, двѣ бригады, подъ начальствомъ генерала Блуда, проникли между 7 и 19 января 1898 года въ Буниръ и почти безъ сопротивленія принудили племена уплатить штрафы и выдать оружіе. Безумнаго факира не нашли въ селеніи Рега въ его жилищѣ, но имущество его конфисковано (р. р. 7—10). Этимъ и закончилась расправа съ юсуфзіями за нападенія ихъ на Малакандъ и Чакдере въ концѣ іюля 1897 года.

Конечно маіоръ Динъ никакъ не хотѣлъ признать, что возстаніе было вызвано дѣйствіями руководимаго имъ дирскаго хана и его самого (р. 118). Онъ не переставалъ утверждать, что возстаніе было взрывомъ религіознаго фанатизма, который подготовлялся Адда-муллой, Паламъ-муллой и міянгулями съ 1895 года и не вспыхивалъ лишь за неимѣніемъ подходящаго главы. Глава этотъ явился въ лицѣ безумнаго факира и возстаніе разразилось (р. 81). Однако о Паламъ-муллѣ за все время возстанія не было никакихъ упоминаній. Дѣятельность міянгулей или скорѣе окружающихъ ихъ и дѣйствующихъ ихъ именемъ муллъ выразилась по отношенію къ началу возстанія тѣмъ, что міянгули посылали своихъ людей удалить безумнаго факира изъ Свата, опасаясь, что этотъ человѣкъ натворитъ бѣдъ, но подѣлать ничего не могли (телеграмма Дина отъ 26 іюля, р. 66); хотя, повинуясь общему движенію, міянгули должны были присоединиться къ возстанію, но сдѣлали это лишь 30 іюля, по переходѣ же англичанъ въ наступленіе никакого сопротивленія не оказывали и являлись съ покорностью не послѣдними. Духовный руководитель отманъ-хейлей и юсуфзіевъ нижняго Свата, въ томъ числѣ населенія многолюдной Таны, Манки-мулла объявилъ обращавшимся къ нему за указаніями относительно призывовъ факира къ нападенію на англичанъ въ Сватѣ: „Малакандъ—гора осъ; не совѣтую ее трогать“ (донесеніе Дина, р. 80). Этотъ старикъ, 70—80 лѣтъ, получилъ свое прозвище отъ мѣста его родины, селенія Манки, пишаверской долины; онъ

имѣетъ значительныя земли въ британскихъ владѣніяхъ и пишаверскія власти не слыхали, чтобы отъ него исходили зажигательныя посланія, какъ отъ другихъ муллъ (p. 104); во время читральской экспедиціи 1895 года онъ уклонился отъ участія въ дѣйствіяхъ противъ британскихъ войскъ, вторгшихся въ Сватъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предпринялъ сорока-дневное моленіе объ успѣхѣ сватцевъ, и это значительно уронило его репутацію, какъ ревнителя ислама (p. p. 106, 107). Что касается до Адда-муллы, то хотя Динъ и утверждаетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что онъ находился въ сношеніяхъ съ факиромъ между 18 и 22 іюля (p. 81), но вѣсти о нападеніи на Малакандъ и Чакдере застали его нисколько неподготовленнымъ къ участію въ войнѣ; разумѣется онъ немедленно началъ собирать своихъ приверженцевъ, но могъ выступить лишь 1 августа и долженъ былъ, вслѣдствіе извѣстій о пораженіи сватцевъ, направиться вмѣсто Свата въ сосѣднюю съ момендами часть британской территоріи (p. 83).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о религіозно-фанатическомъ происхожденіи возстанія, Динъ указываетъ на то, что считавшіеся наиболѣе преданными и получавшіе наиболѣе выгодъ отъ присутствія англичанъ въ странѣ, но оказавшіеся жесточайшими врагами жители Таны и Алладанда, на вопросы о причинѣ возстанія, давали тотъ единственный отвѣтъ, что ихъ обманулъ „безумный“ факиръ (81): неужели мелики Таны и Алладанда, находившіеся во власти всесильнаго послѣ неуспѣха возстанія Дина, могли сказать ему, что оно вызвано собственными его дѣйствіями? По свѣдѣніямъ же Дина, ханъ Дира, отказываясь, не смотря на общія увѣщанія, принять участіе въ возстаніи, тѣмъ не менѣе находился въ смертельномъ страхѣ, что обладающій сверхъ-естественными способностями и силами факиръ явится къ нему „невидимкою“ и убьетъ его (p. 81): нѣтъ мудренаго, что предавшему свой народъ изъ корысти и честолюбія суевѣру могли мерещиться всевозможныя вещи. Наконецъ доказательствомъ фанатическаго происхожденія возстанія Динъ признаетъ тотъ фактъ, что уже во время читральской экспедиціи 1895 г. состоявшіе при немъ на службѣ почетные туземцы пишаверскаго округа внезапно отказались отъ службы и разъѣхались по домамъ, а во время возстанія 1897 г. и экспедиціи въ Верхній Сватъ онъ имѣлъ только одну просьбу о пріемѣ такихъ туземцевъ на службу, тогда какъ при прежнихъ экспедиціяхъ не было отбоя отъ желающихъ принять въ нихъ участіе (p. 119). Безспорно, мусульманскій фанатизмъ увеличивается какъ въ независимыхъ племенахъ, такъ и въ населеніи британскихъ владѣній праваго берега Инда и низовьевъ р. Кабулъ-дарьи, состоящемъ изъ авганскихъ племенъ. Но подъ религіозной оболочкой заключается политическое содержаніе: растетъ, выставляя религіозное знамя, чувство національное. Экзальтиро-

ванныхъ фанатиковъ у авгановъ, какъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ, всегда было и будетъ въ избыткѣ, но возбуждать національныя и политическія движенія они не въ силахъ, если нѣтъ подходящихъ національно-политическихъ условій. По свѣдѣніямъ Дина, „безумный“ факиръ проповѣдывалъ джихадъ въ Бунирѣ три мѣсяца до перехода въ Сватъ, „но народъ смотрѣлъ на него, какъ на лунатика, и не обращалъ на него въ то время никакого вниманія“ (p. 119). Такъ же три недѣли относилось къ проповѣдямъ факира и населеніе Свата, но когда онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу и двинулся съ нѣсколькими мальчиками на Малакандъ, чувство ненависти къ англичанамъ за ихъ покушенія на народную независимость, только что произведенныя въ Верхнемъ Сватѣ подъ ширмою дирскаго хана, вспыхнуло стихійнымъ взрывомъ и на помощь факиру отовсюду устремились тысячи воиновъ, хотя вѣра въ посланничество факира свыше, если она существовала, была уничтожена первыми выстрѣлами британцевъ, показавшими, что пули ихъ не обращаются въ воду, а иные выстрѣлы изъ орудій укладываютъ сразу по 80 горцевъ.

в) Вторженіе момендовъ и усмиреніе ихъ и сосѣднихъ племенъ.

Урожденецъ селенія Адды или Хадды (Hadda) джелальабадской области Кабулистана Неджмъ-эддинъ, извѣстный подъ именемъ Адда-муллы, имѣетъ тысячи преданныхъ учениковъ и послѣдователей въ населеніи средняго теченія Кабулъ-дарьи и между момендами. Около 1890 г., возбудивъ противъ себя неудовольствіе эмира Абдэррахманъ-хана, къ которому вмѣстѣ съ большинствомъ авганскаго духовенства относился враждебно, какъ къ другу невѣрныхъ англичанъ, Неджмъ-эддинъ вынужденъ былъ удалиться изъ владѣній эмира. Онъ водворился въ селеніи Джароби, въ земляхъ баизіевъ, главнѣйшей вѣтви момендовъ, на границѣ между владѣніями эмира и территоріею независимыхъ племенъ, предоставленныхъ британскому „контролю“ (pp. 83, 89). По словамъ эмира, моменды и народъ джелальабадской области смотрятъ на Неджмъ-эддина, какъ на своего пророка; Адду, населенную кожевниками, ученики его называютъ Адда-Шерифъ, т. е. „Благородная Адда“ (p. 89).

Вскорѣ послѣ полученія извѣстій о возстаніи въ Сватѣ, Адда-мулла разослалъ населенію джелальабадской области, шинваріямъ и др. посланія, въ которыхъ значилось, что „соединенное населеніе Свата, Баджаура и Бунира уничтожило войска невѣрныхъ, стоявшія въ Сватѣ, и разграбило ихъ имущество. Да будетъ извѣстно всѣмъ мусульманамъ, что всѣ моменды соединились со мною для похода на Дхери (Шабкаддаръ) чрезъ долину Гандабъ,

съ цѣлію вести священную войну. Надо надѣяться, что и вы, по полученіи сего письма, встанете, если сидите, и двинетесь, если стоите, и, взявъ съ собою необходимые запасы, придете, нисколько немедля. По волѣ Божіей наступило время гибели невѣрныхъ. Не будьте лѣностны" и пр. Подписано „Факиръ Адды" (р. 84). Подобныя воззванія къ 4 августа были разосланы афридіямъ и другимъ окрестнымъ племенамъ (р. 70). 7 августа Адда-мулла съ 2—5 т. ополченцевъ, изъ которыхъ около трети подданныхъ эмира, вышелъ изъ долины Гандабъ и въ 4 часа по полудни напалъ на постъ Шабкаддаръ, занятый небольшимъ гарнизономъ пограничной стражи. Прилегающее селеніе индусовъ было сожжено; населеніе его заблаговременно удалилось, оставшіеся же два индуса убиты (р. 11). Посланный немедленно на выручку Шабкаддара изъ находящагося въ 18 миляхъ Пишавера полкъ пѣхоты съ 4 орудіями и двумя эскадронами конницы добрался до Шабкаддара 8 числа и на другой день прогналъ занявшія ближайшія горы силы Адда-муллы въ далѣе лежащія, болѣе высокія горы. Британскій отрядъ получилъ затѣмъ подкрѣпленія, но дальнѣйшаго наступленія не предпринялъ. Съ своей стороны Адда-мулла изъ горъ не показывался, ожидая, быть можетъ, открытія военныхъ дѣйствій отъ афридіевъ, главный мулла которыхъ Сеидъ-Экберъ назначилъ по этому поводу собраніе муллъ и старшинъ на 6 августа и затѣмъ, по слухамъ, отложилъ до 13 числа (р. 74). Не придавая значенія ходившимъ въ это время слухамъ о намѣреніи оракзіевъ напасть на британскіе форты въ хребтѣ Самана и о враждебномъ настроеніи афридіевъ, пишаверскій коммиссіонеръ сэръ Ричардъ Эдни (Udny), въ телеграммѣ отъ 10 августа, настоятельно представлялъ о необходимости немедленной посылки отряда въ земли момендовъ для наказанія ихъ за набѣгъ на Шабкадаръ (р. 75). Правительство рѣшило однако отложить расправу съ момендами до окончанія усмиренія Свата и выясненія отношеній къ волненіямъ пограничныхъ племенъ со стороны авганскаго эмира, такъ какъ британскіе пограничные агенты, введенные въ заблужденіе распускаемыми коноводами смутъ слухами о намѣреніи эмира объявить Англіи священную войну, доносили, что слухи эти подтверждаются нахожденіемъ въ скопищѣ Адды-муллы значительнаго числа подданныхъ эмира и даже, будто бы, его солдатъ (рр. 2, 62, 74 и др.).

Посланное по этому предмету вице-королевское сообщеніе было 18 августа прочитано эмиромъ на состоявшемся въ тотъ день, по случаю годовщины принятія имъ титула Зія-эль-миллятъ-вад-динъ („Свѣточъ единенія и вѣры"), торжественномъ собраніи сановниковъ, племенныхъ старѣйшинъ и духовенства, всего въ числѣ до 3 т. лицъ. Изложивъ исторію вступленія своего на престолъ и отношеній къ Англіи, эмиръ заявилъ, при общемъ подтвержденіи присутствующихъ, что никогда не думалъ дѣйствовать противъ Англіи и

отнюдь не допускалъ своихъ подданныхъ и солдатъ принимать участіе въ мятежахъ противъ британскаго правительства; эмиръ торжественно при этомъ клялся, что всегда поддерживалъ дружбу съ англійскимъ правительствомъ и никогда не желалъ причинить ему какой-либо вредъ (pp. 91, 92). Въ прочитанномъ и одобренномъ на томъ же собраніи отвѣтѣ вицѣ-королю значится, что слухи, собранные британскими пограничными чиновниками, не основательны и что эмиръ готовъ лично принять присягу, что ни его солдаты, ни ихъ начальники не принимали ни малѣйшаго участія въ возстаніяхъ противъ британскаго правительства (88, 89).

Не дождавшись возстанія оракзіевъ и афридіевъ и не ожидая большого успѣха отъ повторенія набѣга, подобнаго шабкаддарскому, Адда-мулла во второй трети августа распустилъ на время свое ополченіе. Когда въ двадцатыхъ числахъ афридіи и оракзіи открыли военныя дѣйствія, началъ снова собирать свои ополченія и Адда-мулла. 1 сентября онъ уже предпринялъ съ ними движеніе, но внезапно вновь распустилъ ихъ, подъ предлогомъ полученія отъ эмира извѣщенія о томъ, что онъ отлагаетъ на нѣкоторое время начатіе военныхъ дѣйствій (pp. 82, 88, 110, 115, 126). На самомъ дѣлѣ, какъ справедливо полагали британскія власти (p. 99), Адда-мулла получилъ не какое либо письмо эмира, а вѣсти объ энергическихъ мѣропріятіяхъ эмира къ недопущенію помощи возставшимъ изъ предѣловъ его владѣній. Такъ, вѣроятно къ этому времени относится разогнаніе авганскими властями собиравшагося выступить на помощь Адда-муллѣ въ Лемганѣ скопища въ 30 т. ч., о чемъ упоминается въ письмѣ эмира вице-королю отъ 10 сентября (p. 122). Между тѣмъ, по окончаніи экспедиціи въ Верхній Сватъ, въ виду слуховъ о намѣреніи Адда-муллы напасть на дирскаго хана, индійское правительство 2 сентября распорядилось, чтобы съ одной стороны генералъ Блудъ съ тремя бригадами изъ Свата, а съ другой генералъ Эллисъ съ двумя бригадами изъ Пишавера направились на Адда-муллу; по соединеніи съ Эллисомъ и по истребленіи Адды-муллы, большая часть войскъ Блуда должна была идти съ возвращающимися бригадами Эллиса на пишаверскую границу для участія въ предполагавшемся затѣмъ походѣ въ Тира (p. 112).

Войска Блуда проникли въ бассейнъ Пенджкоры и въ Баджауръ, не встрѣчая сопротивленія. Ханы Навагая, Хара и Джара держали себя дружественно, племена заявляли покорность и вступали въ переговоры о размѣрахъ налагаемыхъ на нихъ штрафовъ за участіе въ сватскомъ возстаніи. 14 сентября бригада генерала Джефрейса отправилась изъ Хара къ перевалу Раматъ, намѣреваясь войти въ связь съ войсками Эллиса, но въ ночь на 15 сентября лагерь Джеффрейса въ Макранэѣ былъ окруженъ населеніемъ долины Мамундъ (Mamund) при участіи отманъ-хельской вѣтви салярзіевъ.

Во время шести-часовой перестрѣлки бригада потеряла двухъ офицеровъ и двухъ сипаевъ убитыми; одинъ британскій и одинъ туземный офицеръ, а также пять сипаевъ были ранены. Вслѣдствіе этого Джеффрейсъ прекратилъ свое движеніе, дабы расправиться съ оказавшимися въ его тылу враждебными мамундами (рр. 94, 95, 13, 14). Оставшись съ другою бригадою въ Навагаѣ, Блудъ возвратилъ третью на Ценджкору для охраненія сообщеній съ Сватомъ и Малакандомъ (р. 14). Между тѣмъ Джеффрейсъ, ставъ 15 сентября лагеремъ при Инаятъ-кала, выступилъ отсюда 16 числа для операцій противъ мамундовъ и саларзіевъ; при возвращеніи войскъ къ вечеру въ лагерь, самъ Джеффрейсъ съ небольшимъ количествомъ пѣхоты и саперъ, съ частью артиллеріи, не поспѣлъ до ночи добраться до лагеря и долженъ былъ заночевать въ долинѣ Ваделай въ небольшой деревнѣ, гдѣ по восходѣ луны горцы открыли противъ него огонь и поставили въ весьма затруднительное положеніе, изъ котораго однако выручили подоспѣвшія изъ лагеря четыре роты; бывшія съ Джеффрейсомъ части потеряли двухъ офицеровъ ранеными, 9 нижнихъ чиновъ убитыми и 60 ч. ранеными. Съ 18 сентября Джеффрейсъ возобновилъ операціи противъ мамундовъ, занявшись истребленіемъ ихъ деревень. 19 сентября Блудъ въ Навагаѣ подвергся въ полночь нападенію 1200 ополченцевъ Адда-муллы, спустившихся съ Бадманайскаго перевала, на которомъ они виднѣлись уже нѣсколько дней. Нападеніе было нерѣшительное, но въ слѣдующую ночь возобновлено 3 т. горцевъ; перестрѣлка продолжалась четыре часа и горцы понесли при аттакахъ значительныя потери (рр. 14, 15, 95).

Между тѣмъ двинувшійся 15 сентября отъ Шабкаддара съ двумя бригадами генералъ Эллисъ прошелъ перевалъ Карappa и проникъ въ долину Гандабъ, не встрѣчая сопротивленія, такъ какъ силы момендовъ и вниманіе Адда-муллы обращены были противъ войскъ Блуда. Галимзіи долины Гандаба изъявили покорность и согласіе на уплату штрафа въ 5 т. рупій, 300 ружей и 300 сабель. Разрушивъ укрѣпленныя жилища сторонниковъ Адда-муллы въ этой вѣтви момендовъ, Эллисъ 19 сентября прошелъ черезъ перевалъ Нахаки, оставивъ здѣсь одну свою бригаду для охраненія сообщеній. 21 сентября, въ 15 миляхъ отъ Нахаки, онъ встрѣтился въ горахъ Лакарай съ генераломъ Блудомъ, который вышелъ сюда изъ Навагая, находившагося въ 6 миляхъ. Отдавъ здѣсь въ распоряженіе Эллиса бывшую съ нимъ бригаду, Блудъ самъ отправился къ Джеффрейсу. Эллисъ 23 сентября аттаковалъ Бадманайскій перевалъ и овладѣлъ имъ послѣ слабой защиты. Адда-мулла бѣжалъ за авганскую границу, ополченіе же его разсѣялось. Разрушивъ всѣ укрѣпленные дома въ селеніи Бадманай, отрядъ Эллиса произвелъ 24 сентября такое же разрушеніе въ деревнѣ Митай, а 25 числа въ

селеніи Суранъ, и въ тотъ же день прошелъ въ каменистую съ утесистыми съ каждой стороны горами долину Джароби. Не тронувъ мечеть, оказавшуюся и жилищемъ Адда-мулы, отрядъ уничтожилъ всѣ укрѣпленія въ находившейся въ вершинѣ долины деревнѣ, а также въ селеніяхъ непокорявшихся момендовъ. 26 числа Эллисъ пошелъ обратно, принимая покорность мемендскихъ и отманъ-хельскихъ вѣтвей. Не смирилась только хвазійская деревня Кундъ, которая 28 сентября разрушена. 6 октября отрядъ Эллиса возвратился въ британскіе предѣлы. По разсчету этого генерала, его экспедиція обошлась момендамъ до 150 т. рупій (pp. 14, 15, 95, 96), считая конечно убытки, причиненные истребленіемъ деревень и т. п. Ружей выдано момендами 1030, сабель 850, заряжающихся съ казенной части винтовокъ 72; штрафовъ уплачено 15 т. рупій (p. 18).

Карательныя операціи генерала Джеффрейса продолжались до 25 сентября, когда мамунды выказали готовность вступить въ переговоры о примиреніи. Причиненный имъ разрушеніемъ деревень и имущественный убытокъ оцѣнялся уже къ этому времени въ 25 т. рупій. Генералъ Блудъ требовалъ возвращенія 22 винтовокъ, доставшихся мамундамъ отъ британскихъ войскъ въ дѣлѣ 16 сентября, но мамунды отъ возврата отказались, утверждая, что ружья эти взяты помогавшими имъ авганскими подданными, которые удалились за границу, почему отобрать ихъ у нихъ мамунды не имѣютъ возможности (pp. 95, 129, 131, 132, 16). Вслѣдствіе этого Блудъ возобновилъ карательныя мѣры. 29 сентября войска его произвели разрушеніе 15 башенъ въ 12 деревняхъ и уничтожили много имущества. 30 сентября, двигаясь на деревни Агру (Agrah) и Гатъ, бригада Джеффрейса встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны мамундовъ въ числѣ 2 т. ч., въ благопріятныхъ для обороны мѣстныхъ условіяхъ. Первая и часть второй деревни были заняты и сожжены, горцы понесли значительный уронъ, но и у англичанъ было убито 2 и ранено 3 британскихъ офицера, убито 10 и ранено 38 нижнихъ чиновъ. 3 октября разрушена была деревня Баделай (Badelai), при слабомъ сопротивленіи, но опять не безъ потерь и у британцевъ: 2 нижнихъ чина убито и 14 ранено (pp. 135, 17). Такъ какъ для овладѣнія долиною мамундовъ, вслѣдствіе недостатка воды и крѣпости позицій, занятыхъ довольно многочисленными и хорошо вооруженными горцами, предстояли значительныя трудности и кровопролитіе, то предложено было баджаурскимъ ханамъ употребить свое вліяніе для склоненія мамундовъ къ покорности; вмѣстѣ съ тѣмъ дано было знать мамундамъ, чтобы они, если желаютъ мира, отослали обратно шедшую къ нимъ на помощь отъ авганской границы партію въ числѣ около 1 т. ч. Мамунды немедленно исполнили это требованіе и 9 октября доставили часть требовавшихся 22 британскихъ ружей. 11 октября генералъ Блудъ

лично принялъ покорность меликовъ мамундовъ, доставившихъ остальныя изъ 22 винтовокъ, кромѣ трехъ, возвратъ которыхъ они обезпечили; во вниманіе къ большимъ потерямъ, понесеннымъ мамундами лично (однихъ убитыхъ 200 ч.) и имущественно, ген. Блудъ освободилъ ихъ отъ штрафа деньгами и оружіемъ (рр. 135, 137, 140). Съ 13 по 21 октября Блудъ занимался понужденіемъ къ платежу штрафовъ и выдачѣ оружія саларзіевъ (вѣтвь отманъ-хейлей) и шамозіевъ (племени юсуфзійскаго). 23 октября войска его переправились на обратномъ пути къ Чакдере и Малаканду чрезъ Пенджкору и къ концу октября прибыли въ Малакандъ (р. 135). Ханамъ Навагая, Хара и Джара, за содѣйствіе британскимъ войскамъ, выдано было изъ взысканныхъ штрафовъ первому 10 т. рупій, второму 3500 р. и третьему 2 т. рупій (р. 142), хотя ханы эти подозрѣвались сначала въ тайномъ подстрекательствѣ мамундовъ къ сопротивленію (р. 132).

Такъ какъ часть отманъ-хелей нижняго Свата уклонялась отъ уплаты штрафовъ и выдачи оружія въ наказаніе за участіе въ возстаніяхъ момендовъ и юсуфзіевъ, то въ земли ихъ 23 ноября былъ посланъ особый отрядъ изъ трехъ полковъ пѣхоты съ кавалеріею и артиллеріею. Они поспѣшили выполнить требуемое безъ сопротивленія и отрядъ этотъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Рейда, уже 6 декабря возвратился въ британскіе предѣлы (р. 7).

По уходѣ войскъ Эллиса Адда-мулла возвратился въ Джароби около половины октября, но походъ Рейда въ концѣ ноября повидимому побудилъ его удалиться въ авганскіе предѣлы, такъ какъ эмиръ, въ полученномъ вице-королемъ 10 декабря письмѣ, увѣдомлялъ, что, подъ угрозою ареста, приказалъ объявить Неджмъ-эддину, чтобы онъ немедленно удалился изъ его владѣній или слѣдовалъ въ Кабулъ, а оттуда въ Мекку черезъ Персію (р. 18).

г) Война съ афридіями и оракзіями.

Въ найденномъ впослѣдствіи англичанами, во время похода въ Тира, въ домѣ главнаго муллы афридіевъ Сеидъ-Экбера письмѣ Адда-муллы,— адресованномъ мулламъ и старшинамъ афридіевъ и оракзіевъ, безъ даты, но относящемся по содержанію къ концу іюля или началу августа 1897 года,— говорится, что высказывавшій до сего времени малодушіе народъ Баджаура и Свата, понявъ свою вину, раскаявшись и устыдившись своего поведенія, возсталъ противъ кафировъ, нападаетъ на нихъ день и ночь и приводитъ ихъ въ трепетъ. „Я, съ своей стороны, оповѣстилъ народъ Легмана и Кунара, момендовъ, джелальабадцевъ (Ningragaris) и шинваріевъ, и всѣ они приготовляются принять участіе въ войнѣ“. Призывая и афридіевъ съ орак-

зіями къ джихаду, во избѣжаніе посрамленія предъ Богомъ въ день страшнаго суда и т. д., Адда-мулла увѣдомлялъ, что посылаетъ къ нимъ для наставленія и совѣта духовнаго главу момендовъ муллу Абдуллу. Съ своей стороны онъ выступитъ на бой въ опредѣленномъ ими мѣстѣ и въ назначенное время, но проситъ о рѣшеніи по этому предмету увѣдомить (pp. 39A, 39B). Хотя захваты англичанами земель и водвореніе войскъ въ хребтѣ Самана у оракзіевъ, въ Сватѣ и Везиристанѣ поселили въ горцахъ общее опасеніе за сохраненіе независимости пограничныхъ племенъ и неприкосновенность ихъ территорій, но придти къ соглашенію относительно общей войны съ Англіею было не легко, тѣмъ болѣе, что интересовъ нѣкоторыхъ племенъ, напр. афридіевъ, покушенія англичанъ явно пока не затрогивали. Трудно достижимо было единодушное рѣшеніе даже въ средѣ одного и того же племени, такъ какъ вѣтви племенъ часто враждебны между собою и имѣютъ разные интересы. По доходившимъ до англійскихъ пограничныхъ властей отрывочнымъ слухамъ, Сеидъ-Экберъ и другіе муллы афридіевъ и оракзіевъ озаботились созывомъ меликовъ и вожаковъ племенъ для совѣщаній о джихадѣ (напр., на 6 августа, на 13 августа, какъ выше упоминалось), но для принятія общихъ рѣшеній потребовалось не малое время. Набѣгъ Адда-муллы на Шабкаддаръ по всей вѣроятности сильно подвинулъ совѣщанія у афридіевъ и оракзіевъ. 14 августа командиръ форта Локхартъ въ хребтѣ Самана телеграфировалъ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, что оракзіи рѣшили начать войну противъ Англіи въ союзѣ съ афридіями; въ виду предстоящихъ вслѣдствіе этого нападеній горцевъ на форты въ Самана, служащіе въ этихъ фортахъ англичане въ тотъ же день отправили свои семейства въ безопасныя мѣста внутри британской территоріи (p. 83). 17 августа одинъ прибывшій въ Пишаверъ меликъ извѣстилъ, что 10 тыс. афридіевъ выступили изъ Тира для овладѣнія фортами и постами въ Хайберскомъ проходѣ (p. 84). Продолжавшій не вѣрить возможности возстанія афридіевъ пишаверскій коммиссіонеръ Udny и командующій тамъ войсками генералъ Эллисъ рѣшили, на всякій случай, предоставить защиту хайберскихъ фортовъ и постовъ занимавшимъ ихъ „хайберскимъ стрѣлкамъ", подъ командою ихъ офицеровъ изъ азіатцевъ; начальствовавшій въ Хайберѣ британскій офицеръ былъ отозванъ въ британскіе предѣлы (pp. 90, 91). Извѣстія о воинственныхъ сборахъ племенъ оказались вѣрными. Многочисленныя ополченія афридіевъ напали на хайберскіе форты и всѣми ими 23—25 августа овладѣли послѣ болѣе или менѣе упорнаго сопротивленія „хайберскихъ стрѣлковъ". Послѣдніе, частію, въ теченіе сентября, пробрались въ британскіе предѣлы, такъ что изъ числа 836 винтовокъ Снайдера утрачено съ убитыми, ранеными и перешедшими на сторону непріятеля только 274 штуки (p. 96). Изъ вѣтвей афридіевъ остались вѣрными

англичанамъ адамъ-хели, по находящемуся въ земляхъ которыхъ кохатскому проходу войска и транспорты двигались во все время войны безпрепятственно; отказывалась сначала воевать также вѣтвь куки, но, опасаясь сожженія и разграбленія домовъ и имущества, и она 26 августа присоединилась къ возставшимъ (р. 105). У оракзіевъ роды самиль первоначально уклонялись отъ войны, но послѣ успѣховъ афридіевъ въ Хайберѣ поднялись и они, начавъ съ 26 августа набѣги и нападенія на британскіе посты между Кохатомъ и фортомъ Курамъ; нѣкоторые изъ этихъ постовъ были оставлены стражниками и сожжены горцами; тогда къ возстанію присоединились и уклонявшіеся доселѣ восточные шіитскіе роды оракзіевъ, ближайшіе къ Кохату. Въ концѣ августа оракзіи начали скопляться къ британскимъ формамъ въ хребтѣ Самана. 3 сентября произвели они нерѣшительное нападеніе на фортъ Гулистанъ, но на приступъ не пошли. Къ 11 сентября прибыли на помощь афридіи съ Сеитъ-Экберомъ. Командовавшій войсками отъ Кохата до Курама генералъ Етманъ Биггсъ двинулся вдоль подножія хребта Самана и воспрепятствовалъ горцамъ произвести предположенное ими нападенія на городъ Хангу, но его арьергардъ подвергся ночью аттакѣ и потерялъ 20 чел. убитыми и ранеными (рр. 97, 24). 12 числа отрядъ, по недостатку воды, долженъ былъ возвратиться въ Хангу. Между тѣмъ горцы аттаковали въ это время большими силами два поста, изъ которыхъ одинъ, въ Сарагари, былъ взятъ ими послѣ мужественной обороны гарнизона, состоявшаго изъ 23 сейковъ, которые были всѣ перебиты. Ночью 13 сентября британскій отрядъ двинулся изъ Хангу, вынудилъ огнемъ своихъ орудій заграждавшихъ путь горцевъ къ отступленію и освободилъ форты Локхартъ и Гулистанъ отъ обложенія (рр. 121, 24, 98). Засимъ, вплоть до начала движенія англичанъ въ Тира 18 октября, военныя дѣйствія почти прекратились.

По свѣдѣніямъ капитана Barrow (Journal of the United Service Institution of India, 1884, № 59, p. 74), афридіи могли выставить 23.900 ратниковъ, въ томъ числѣ вѣтвь адамъ-хель 4400 чел. и вѣтви закка, куки и меликдинъ по 4 тыс. чел. каждая. Въ 1897 г. пенджабскій губернаторъ полагалъ, что афридіи имѣютъ около 19 тыс. воиновъ, не считая всѣхъ адамъ-хелей и части куки, силы же оракзіевъ оцѣнялъ онъ въ 21.880 воиновъ, не считая шіитскихъ родовъ (Mil. oper., vol. II, p. 151). Такимъ образомъ силы афридіевъ и оракзіевъ составляли въ совокупности около 40 тыс. чел., изъ которыхъ до 2 или, крайнее, до 3 тыс. чел. были вооружены добытыми разными путями винтовками, заряжающимися съ казенной части, различныхъ системъ. Не имѣя ни кавалеріи, ни артиллеріи, горцы были не въ состояніи противостоять англійскимъ войскамъ въ открытомъ полѣ и были лишены возможности овладѣвать укрѣпленіями, защищаемыми сколько

нибудь значительнымъ гарнизономъ изъ регулярныхъ войскъ, а тѣмъ болѣе снабженными пушками. По этимъ причинамъ африди и оракзіи въ продолженіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые англичане употребляли на сборы къ походу въ Тира, не предпринимали никакихъ движеній въ британскую территорію и готовились, съ бо́льшими шансами на успѣхъ, бороться съ англичанами въ своихъ горахъ, гдѣ для кавалеріи нѣтъ мѣста и гдѣ дѣйствія регулярной пѣхоты и артиллеріи значительно парализируются трудными и невыгодными мѣстными условіями, представляющими напротивъ многія удобства для партизанской войны мѣстныхъ горцевъ.

Сознавая свою слабость предъ мощью Англо-Индіи, въ особенности же предъ ея артиллеріею и регулярными войсками, африди и оракзіи обратились за помощью къ эмиру. Посланцы ихъ были задержаны въ Джедальабадѣ, въ письменныхъ же прошеніяхъ, которыя привезли они и которыя были датированы 5 сентября 1897 года, значилось слѣдующее: „Британское правительство съ давнихъ поръ производитъ постепенные захваты въ нашей странѣ и даже на авганской территоріи, и возводитъ въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія. При многихъ случаяхъ мы жаловались на это авганскому правительству, но ваше высочество не обратили на наши жалобы вниманія. Нынѣ, хотя и малосильные, но опираясь на исламъ и свою твердость въ религіи, мы, по волѣ Божіей, отворили врата джихада противъ сказаннаго правительства и прекратили сношенія съ нимъ на всѣхъ путяхъ. Мы разграбили и разрушили пять фортовъ въ Самана, надъ Хангу, фортъ въ Шинавари у подножія Самана на британской территоріи, одинъ фортъ въ проходѣ Обланъ близъ Кохата“. Поименовавъ затѣмъ мѣстности, гдѣ разрушены семь тана (посты) и одно индуское торговое селеніе, петиціи продолжаютъ: „Осталось три большихъ форта на вершинѣ этихъ горъ (Самана, т. е. форты Локхартъ, Гулистанъ и меньшаго значенія третій), которые мы еще не взяли, но надѣемся, съ Божіей помощью, разрушить и сжечь. Весь народъ Тира занялъ позиціи на вершинахъ этихъ горъ и у ихъ подножія. Граница оракзіевъ тянется отъ Кохата до Рудъ-и-Кермана въ курамскомъ округѣ, и племена, каждое на своихъ частяхъ границы, ведутъ священную войну. И мы не желаемъ подчиниться британскому правительству и сдѣлаться его подданными, и не хотимъ отдавать бразды власти надъ нашей страною въ руки этого правительства. Мы желаемъ, напротивъ, подчиняться правительству государя ислама. Правительству же ислама надлежитъ разсмотрѣть не только наши интересы и обсудить наше положеніе, но сообразить интересы и положеніе всего Авганистана. Посему мы посылаемъ этихъ 18 лицъ изъ нашихъ меликовъ, духовныхъ и старшинъ съ нашими просьбами къ вашему высочеству. Въ настоящее время мы ведемъ священную войну въ хребтѣ Са-

мана, и просимъ ваше высочество сдѣлать возможное для нашей пользы и блага, а мы, съ Божьею помощью, будемъ дѣйствовать по указаніямъ вашимъ, такъ какъ отдаемъ веденіе и направленіе нашихъ дѣлъ въ ваши руки. Мы употребимъ всѣ старанія для службы вашему высочеству. Теперь время достигнуть цѣлей вашего высочества. Всѣ мусульмане теперь въ распоряженіи вашего высочества, государя ислама. Остаемся въ надеждѣ на помощь вашего высочества регулярными войсками, артиллеріею и деньгами. Если британцы окажутся побѣдителями, они раззорятъ всѣхъ мусульманъ. Всякую службу въ этомъ отношеніи мы готовы нести для вашего высочества. Надѣемся, что, по разсмотрѣніи нашего ходатайства, ваше высочество благоволите почтить насъ отвѣтомъ" (p. 133).

Данный эмиромъ письменный отвѣтъ,—копія котораго, по донесенію британскаго агента отъ 25 сентября, была вывѣшена въ Кабулѣ для всеобщаго свѣдѣнія,—состоялъ въ существѣ въ томъ, что въ продоженіе 18 лѣтъ со времени вступленія эмира на престолъ, даже въ то время, когда онъ проѣзжалъ для свиданія съ вице-королемъ по Хайберскому пути, а равно и во время проѣзда сэра Мортимера Дьюранда для соглашенія о границѣ, никто къ нему по предмету ходатайствъ горцевъ не обращался. Все время они хранили молчаніе, молчаніе же означаетъ согласіе. Теперь, поссорившись съ англичанами и начавъ съ ними войну, они обратились къ нему. Между тѣмъ онъ, по государственнымъ соображеніямъ, состоитъ въ союзѣ съ британскимъ правительствомъ и до настоящаго времени англичане, хотя христіане, не подавали ему никакого повода союзъ этотъ нарушить. Какъ мусульмане, просители сами должны знать, что въ коранѣ сказано: „исполняйте свои обязательства". Онъ не можетъ по одному желанію немногихъ, заботящихся лишь о своихъ выгодахъ, лицъ посрамить себя самого и народъ свой. Что они натворили своими руками, пусть сами и выносятъ на своихъ шеяхъ (p. 132, 134).

По полученіи извѣстій о нападенія афридіевъ на хайберскіе форты и посты и о прекращеніи вслѣдствіе этого торговаго и иного сообщенія Пишавера съ Кабуломъ по прямому пути, англо-индійское правительство немедленно, уже 26 августа, рѣшило подвергнуть афридіевъ строгой карѣ, предпринявъ экспедицію въ средоточіе ихъ земель. Для приготовленій къ ней оно считало достаточными недѣли три (p. 21), но на дѣлѣ для нихъ потребовалось болѣе чѣмъ полтора мѣсяца, такъ какъ движеніе въ Тира начато лишь 18 октября. Угрожаемыя племена имѣли поэтому достаточно времени, чтобы вновь обратиться за помощью къ эмиру. Уже 5 октября англійскія власти получили свѣдѣнія о томъ, что афридія и оракзіи рѣшили отправить въ Кабулъ новую депутацію съ просьбою о помощи и съ заявленіемъ обязательства племенъ уплачивать за нее впредь по одной рупіи съ каждаго плуга

ежегодно (р. 156). 15 октября британскій агентъ въ Кабулѣ обратился къ эмиру съ представленіемъ объ отказѣ въ ходатайствѣ вновь прибывшей депутаціи (р. 167). 17 октября эмиръ собственноручно отвѣтилъ, что не принималъ еще депутаціи, но не откажется во всякомъ случаѣ отъ дружбы съ Англіей, пока живъ. „Что можетъ—писалъ онъ между прочимъ—этотъ жалкій и трепещущій народъ сказать мнѣ такого, что могло бы побудить меня измѣнить свои намѣренія? Если врагъ (несомнѣнно Россія) вступитъ въ борьбу съ славнымъ британскимъ правительствомъ, то не взирая на его мощь и силу и хотя бы моя страна была раззорена его руками, я всетаки не откажусь отъ своего союза съ славнымъ британскимъ правительствомъ“ (р. р. 167—168). Въ тотъ же день, послѣ пріема депутатовъ, эмиръ дополнительно написалъ агенту, что умы депутатовъ поражены страхомъ и говорятъ они безсвязно и какъ безумные. Теперь они раскаиваются и очень жалѣютъ. Они не имѣютъ никакой надежды избѣжать заслуженнаго ихъ негодными дѣйствіями, и молятъ Бога, чтобы высокіе сановники славнаго британскаго правительства даровали прощеніе за ихъ преступленія. Они готовы сдѣлаться подданными правительства. Они желали бы знать, можетъ ли правительство простить ихъ и на какихъ условіяхъ. Эмиръ сомнѣвался было въ ихъ искренности но они клялись, что говорятъ правду. Если правительство еще не отдало приказанія объ ихъ наказаніи, то агентъ могъ бы спросить—нельзя ли вступить съ ними въ переговоры, о чемъ эмиръ могъ бы съ ними потолковать. Если же приказанія о наказаніи этихъ безумныхъ горцевъ уже отданы, то возражать противъ нихъ нечего. Они заслужили всяческую кару. „Да будутъ прокляты ихъ муллы“, которые довели ихъ до такого положенія (р. 168).

Предназначенный для похода въ Тира дѣйствующій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Локхарта, былъ составленъ изъ четырехъ бригадъ, соединенныхъ въ двѣ дивизіи; въ каждую дивизію включено было по одному піонерному батальону, по 1—2 роты саперъ, по два эскадрона кавалеріи и по три горныхъ батареи, такъ что въ отрядѣ составилось до 20 т. ч. Сверхъ того для охраны сообщеній дано около 3.500 ч., въ курамской подвижной колоннѣ 2.500 ч., въ пишаверской колоннѣ, выставленной на р. Барѣ, 3.500 ч. и въ резервахъ въ Раваль-Пинди 3.200 ч., такъ что въ общей сложности состояло въ распоряженіи Лакхарта до 34½ т. ч. Задачами для дѣйствій силъ Локхарта поставлены были достиженіе британскими войсками центра земель афридіевъ и оракзіевъ, выси Тира, занимающей верховья рѣкъ Бары и притока ея Мастуры, и вынужденіе племенъ къ покорности, къ возврату захваченныхъ въ Хайберѣ 274 винтовокъ Снайдера и вообще всякаго имущества, принадлежащаго правительству и его служащимъ,

съ возмѣщеніемъ непосредственныхъ убытковъ въ немъ, и, въ наказаніе за возстаніе, къ уплатѣ штрафа афридіями 50 т. рупій, оракзіями 30 т. рупій, съ выдачею тѣми и другими по 1 т. заряжающихся съ казенной части ружей (p. 142). Пенджабскій губернаторъ полагалъ, что хотя по всей вѣроятности племена не согласятся безъ боя принять условія прощенія, но тѣмъ не менѣе, по соображеніямъ гуманности и согласно прежней практикѣ въ такихъ случаяхъ, слѣдовало бы объявить горцамъ эти условія до вторженія дѣйствующаго отряда, дабы дать имъ возможность добровольно исполнить британскія требованія безъ напраснаго кровопролитія и раззоренія (p. 148), но вице-король „въ совѣтѣ" рѣшилъ объявить горцамъ условія примиренія лишь по вступленіи британскихъ войскъ въ Тира, дабы возстановить пострадавшій будто бы отъ ничѣмъ невызваннаго возстанія престижъ (153). Если бы Англія воздержалась отъ большею частію неразумныхъ и напрасныхъ жертвъ Молоху „престижа", то сберегла бы много жизней своихъ солдатъ и офицеровъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ половина оракзіевъ и афридіевъ, особенно послѣ отказовъ въ помощи со стороны эмира, готова была покориться во избѣжаніе непосильной и безнадежной борьбы. Въ такомъ настроеніи безспорно находились у оракзіевъ роды самиль (p. 126), не говоря уже о шіитскихъ, а у афридіевъ вѣтвь куки и отчасти другія. Ихъ примѣръ могъ бы увлечь остальные роды, во всякомъ же случаѣ ихъ уклоненіе отъ участія въ борьбѣ много уменьшило бы встрѣченное войсками Локхарта сопротивленіе и дальнѣйшее упорство горцевъ въ продолженіи борьбы. Напротивъ, неизвѣстность условій примиренія, при предварительномъ занятіи британскими войсками центра земель племенъ, не могла не побудить всѣ роды къ единодушному сопротивленію, такъ какъ въ числѣ требованій англичанъ могли заключаться не однѣ кары, но отнятіе земель, построеніе крѣпостей, введеніе англійскаго управленія и податей и такъ далѣе. Да и на самомъ дѣлѣ главнокомандующій войсками Индіи Хуайтъ (White) настаивалъ на присоединеніи или постоянномъ занятіи Тира (p. 28), а отвергшее это мнѣніе большинство совѣта съ вице-королемъ во главѣ склонялось однако къ обложенію оракзіевъ и афридіевъ небольшими податями въ знакъ фактическаго проявленія англійскаго верховенства (p. 28), и только лондонское министерство отклонило это предположеніе, справедливо находя, что никакое соглашеніе съ горцами не продержится, если въ него войдетъ установленіе податей, взиманіе которыхъ сопряжено будетъ съ крайними затрудненіями, тѣмъ болѣе, что даже чисто номинальныя подати вызовутъ безполезное озлобленіе (p. 29).

7 октября Локхартъ разослалъ племенамъ извѣщеніе, гласившее, что вслѣдствіе ничѣмъ невызваннаго открытія непріязненныхъ дѣйствій со стороны

афридіевъ и оракзіевъ англійскія войска пройдутъ въ центръ ихъ страны и онъ объявитъ тамъ окончательныя условія британскаго правительства, въ случаѣ же непринятія ихъ племенами, онъ принудитъ ихъ къ выполненію поставленныхъ требованій, а равно и другихъ, какія будутъ вызваны сопротивленіемъ племенъ, ихъ частей и отдѣльныхъ лицъ (p. 155). 9 октября Локхартъ отправился изъ Кохата къ хребту Самана, у котораго сосредоточивался весь дѣйствующій отрядъ. Съ своей стороны ополченія афридіевъ и оракзіевъ собирались въ долинѣ рѣки Ханки (p. 143). 16 октября являлись въ Джамрудъ со стороны Хайбера депутаціи отъ всѣхъ афридіевъ и оракзіевъ съ мирными предложеніями, но имъ было объявлено, чтобы они представили ихъ генералу Локхарту по прибытіи его въ Тира (pp. 159, 143). Движеніе своего отряда, собраннаго въ Шинавари, Локхартъ думалъ направить въ долину Ханки чрезъ проходъ Чагру (Chagru Kotal). Посылавшіяся для поправки дороги чрезъ Чагру рабочія партіи ежедневно подвергались нападеніямъ горцевъ, устроившихъ сенгеры въ деревнѣ Даргай, за переваломъ (pp. 143, 144). Кажется, Локхартъ не ожидалъ значительнаго сопротивленія движенію чрезъ Чагру, быть можетъ вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи горцевъ сосредоточиться для защиты прохода Сампага (p. 158). Предположивъ передвинуть одну изъ своихъ дивизій чрезъ долину Ханки 22 октября, на слѣдующій день отправить за нею другую дивизію и 24 числа аттаковать соединенными ихъ силами проходъ Сампага (p. 26), Локхартъ 18 октября послалъ двѣ бригады подъ начальствомъ генерала Пальмера, изъ лагеря при Шинавари, для очищенія отъ непріятеля Чагру, съ цѣлью безпрепятственной разработки дороги. Направивъ одну бригаду во флангъ защитниковъ прохода, Пальмеръ далъ другой бригадѣ возможность легко овладѣть проходомъ, а затѣмъ въ полдень занялъ и Даргай; пока онъ занимался разрушеніемъ сенгеровъ Даргая, къ горцамъ подошли большія подкрѣпленія изъ долины Ханки. Въ виду трудности дороги чрезъ Чагру, Пальмеръ, еще до достиженія прохода, отослалъ назадъ, въ лагерь при Шанавари, свой обозъ, а потому, по словамъ его телеграммы, „имѣлъ возможность причинить непріятелю столь значительныя потери, что могъ возвратиться въ лагерь при Шанавари, не безпокоимый имъ; арьергардъ прибылъ въ лагерь въ 11 часовъ ночи“; потери состояли изъ 1 убитаго и 1 раненаго офицеровъ, изъ 8 убитыхъ и 44 раненыхъ нижнихъ чиновъ (pp. 26, 144, 161). Оставленіе занятаго было прохода и Даргая отозвалось при предпринятомъ 20 октября движеніи всѣхъ силъ Локхарта въ долину Ханки немалыми затрудненіями. Дойдя безпрепятственно до прохода, дивизія генерала Етманъ Биггса нашла его занятымъ значительными силами горцевъ. Послѣ безуспѣшной аттаки позиціи въ продолженіе четырехъ часовъ, генералъ этотъ телеграфировалъ

Локхарту, что пройти невозможно (p. 161: after attacking position for about four hours, he reported it to be impossible to get through). Аттака производилась послѣдовательно, но одинаково безуспѣшно батальономъ гурка и двумя англійскими батальонами, пока наконецъ въ 3 ч. 15 м. позиція не была взята батальономъ шотландскихъ горцевъ Гордона, поддержаннымъ батальономъ сейковъ, подъ прикрытіемъ сосредоточеннаго огня четырехъ горныхъ батарей (pp. 161, 162, 164, 27). Потери англичанъ состояли изъ 163 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, 3 убитыхъ и 5 раненыхъ британскихъ офицеровъ (p. 144). Оставленіе занятыхъ 18 октября Чагру и Даргая и непосылка 20 октября особой колонны во флангъ защитниковъ Чагру и Даргая кажутся ошибками Локхарта или Пальмера и Етманъ Биггса, но не смотря на продолжавшуюся въ англо-индійской прессѣ и военныхъ кругахъ еще въ 1898 году горячую полемику по этому поводу возникающіе вопросы недостаточно выяснены *).

Защищали Чагру главнымъ образомъ ополченія афридіевъ и роды гаръ племени оракзіевъ. О численности ихъ можно судить по имѣвшимся у Локхарта къ 18 октября свѣдѣніямъ о нахожденіи въ долинѣ Ханки афридіевъ въ числѣ 18 знаменъ, или по 300—400 ратниковъ на каждое знамя, отъ 5400 до 7200 ч., оракзіевъ родовъ гаръ 6 т. ч. и оракзіевъ родовъ самиль 3—4 т. ч. (pp. 144, 160).

21 октября дивизія Етманъ Биггса спустилась съ перевала Чагру (5.525 футовъ) въ долину Ханки (4.380 ф.), но передвиженіе ея обозовъ и второй дивизіи, по трудности пути, который пришлось разрабатывать, и дальнѣйшее движеніе отряда къ подножію перевала Сампага потребовали недѣлю времени. Зато перевалъ Сампага (6.550 ф.) взятъ былъ 29 октября

*) Изъ свѣдѣній полк. Хетчинсона, состоявшаго при штабѣ ген. Локхарта, можно заключить, что оставленіе части войскъ въ Даргаѣ и Чагру не входило въ намѣренія Локхарта, наблюдавшаго за операціями 18 октября съ горы Самана-Сукъ, и что войска не могли быть оставлены въ Даргаѣ за неимѣніемъ на мѣстѣ воды, которая находилась въ трехъ миляхъ далѣе и была труднодоступна вслѣдствіе плохого состоянія дороги, подвергавшейся притомъ обстрѣливанію съ сопровождавшихъ ее высотъ. Локхартъ предполагалъ срочно занять Чагру 19 октября и отдалъ соотвѣтствующія приказанія, но войска были такъ утомлены движеніемъ 18 октября, что ген. Етманъ-Биггсъ нашелъ необходимымъ дать имъ день отдыха; когда Локхартъ, находившійся въ фортѣ его имени, узналъ объ этомъ, было уже поздно отмѣнять распоряженіе Етманъ Биггса. При движеніи 20 октября Локхартъ имѣлъ въ виду кромѣ фронтальной аттаки обходное движеніе съ лѣваго фланга въ тылъ непріятеля, но Етманъ Биггсъ призналъ опаснымъ предпринять это фланговое движеніе до взятія командующихъ ущельемъ высотъ, а потому повелъ одну фронтальную аттаку (The Campaign in Tirah 1897—1898, London, 1898, pp. 6 , 65, 67, 69). За болѣзнью ген. Етманъ Биггса и послѣдовавшей вскорѣ (4 января) его смертью относящіяся до него обстоятельства подвергаются въ нѣкоторыхъ кругахъ сомнѣнію, такъ какъ, по мнѣнію его друзей, генералъ этотъ былъ не такой человѣкъ, чтобы дозволить себѣ не исполнить приказаній командующаго войсками.

легко, съ потерею лишь 4 ч. убитыи и 20 ч. ранеными, такъ какъ перевалъ этотъ защищали лишь оракзіи родовъ самиль, при содѣйствіи небольшаго числа афридіевъ, и сосредоточеніе артиллерійскаго огня на сенгерахъ прохода лишило горцевъ возможности въ нихъ удержаться; ополченіе родовъ гаръ племени оракзіевъ не приняло участія въ оборонѣ вслѣдствіе демонстраціи, которою оно было отвлечено на западъ отъ Сампага. Сверхъ того фронтальная аттака на Сампага была облегчена фланговымъ движеніемъ съ востока (рр. 28, 144, 164, 170). 30-е октября войска Локхарта провели въ долинѣ Мастуры (5.880 ф.), а 31 октября взяли перевалъ Арханга (7.050 ф.), слабо защищавшійся афридіями, и спустились въ котловину Майданъ (6.090 ф.), въ верховьяхъ рѣки Бары, въ центрѣ страны Тира. Защитники перевала Арханга были выбиты изъ сенгеровъ артиллерійскимъ огнемъ, да и число ихъ было не велико, такъ какъ афридіи заняты были удаленіемъ семействъ въ безопасныя мѣста; сверхъ того позиціи горцевъ были обойдены съ лѣваго фланга (рр. 28, 29).

По вступленіи въ Майданъ Локхартъ оповѣстилъ племена афридіевъ и оракзіевъ, чтобы старшины ихъ явились къ нему въ лагерь для выслушанія условій, выполненіе которыхъ требуется британскимъ правительствомъ для возстановленія мира. Онъ ожидалъ, что ближайшіе роды явятся 6 или 7 ноября, но прибыли къ 12 ноября лишь мелики оракзіевъ, которымъ и объявлены выше изложенныя условія, въ которыхъ Локхартъ, по предоставленной ему власти, смягчилъ требованіе относительно оружія, уменьшивъ цифру его до 500 винтовокъ, вѣроятно по трудности, граничившей съ невозможностью, найти у оракзіевъ большее количество заряжающихся съ казны ружей: мелики оракзіевъ заявляли, что и 500 винтовокъ у нихъ не розыщется, но требованіе объявлено окончательнымъ (р. 30, 31). Оракзіи приняли условія, приступили вскорѣ къ ихъ исполненію и къ 18 декабря выполненіе это закончили (р. 37). Съ 9 ноября стали являться мелики нѣкоторыхъ вѣтвей афридіевъ, но закка держались явно враждебно, а куки камрай и сипа отъ примиренія и покорности уклонялись, такъ что, послѣ тщетныхъ ожиданій общей покорности, Локхартъ къ 21 ноября объявилъ условія словесно вѣтвямъ меликдинъ, камбаръ, ака и адамъ-хель (обитающей въ Тира части послѣдней), остальнымъ же послалъ письменныя объявленія (рр. 31, 33). Количество штрафа винтовками назначено было въ 800 штукъ (р. 34).

Скорая покорность оракзіевъ, помимо большей легкости доступа для британскихъ войскъ во всѣ части ихъ земель, не представляющихъ такихъ удобствъ для обороны, какъ земли афридіевъ,—объясняется отдаленностью ихъ территоріи отъ границы владѣній эмира, почему оракзіи не могли, по-

добно афридіямъ, отправить свои семьи и наиболѣе цѣнное имущество за границу, а должны были удалить семейства свои въ горы, гдѣ проживаніе въ палаткахъ и пещерахъ въ зимнее время сопряжено съ гибелью дѣтей, стариковъ и менѣе крѣпкихъ женщинъ отъ холода и недостатка топлива и продовольствія. Напротивъ афридіи, отправивъ свои семьи, имущество и скотъ за авганскую границу, частію еще до начала движенія Локхарта, частію же потомъ, отчего Сампага и Арханга имѣли такъ мало защитниковъ, могли затѣмъ вести оборонительную и партизанскую войну, не стѣсняясь заботами о безопасности семей и въ полной мѣрѣ пользуясь благопріятными для такой войны условіями своей страны, въ которой даже долины и котловины изрѣзаны оврагами и ущельями съ труднопроходимыми, узкими пѣшеходными тропинками (Tirah, by colonel sir T. H. Holdich, въ Geographical Journal, 1898, October, pp. 347—348). Вслѣдствіе этого британскіе транспорты и ихъ прикрытія, а равно отряды, посылавшіеся для рекогносцировокъ, фуражировокъ, разрушенія сенгеровъ, башенъ, домовъ и деревень, подвергались, особенно при возвращеніи, нападеніямъ горцевъ, пользовавшихся всякой случайностью и возможностью для нанесенія противникамъ вреда, устраивавшихъ засады, производившихъ днемъ и ночью стрѣльбу въ лагери англичанъ и т. д. Такъ 6 ноября фуражиры въ окрестностяхъ лагеря въ Майданѣ потеряли 2 нижнихъ чиновъ убитыми и 6 ранеными. Того же числа, при ночной стрѣльбѣ въ лагерь, одинъ британскій офицеръ убитъ, другой тяжело раненъ; черезъ одну ночь убитъ еще одинъ офицеръ (p. 30). 9 ноября въ арьергардѣ разрушившаго 40 башенъ у закка отряда были убиты 1 офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ, а 2 офицера и 43 н. ч. ранены (pp. 30, 31). 16 ноября, при возвращеніи колонны генерала Кемпстера изъ Варана въ Майданъ, отдѣлившаяся рота дорсетшейрскаго батальона и два сейкскихъ полка понесли значительныя потери (p. 32), именно офицеровъ убито 4 и ранено 6 (въ томъ числѣ 3 изъ туземцевъ) и нижнихъ чиновъ убито 25 и ранено 37 (The Campaign in Tirah, by col. Hutchinson, London, 1898, pp. 145, 146).

Предвидя, что войска скоро придется вывести изъ Тира, такъ какъ наступили холода, Локхартъ испросилъ заблаговременно разрѣшеніе и 27 ноября издалъ прокламацію, гласившую: „Я уйду съ майданской выси, потому что выпалъ снѣгъ и я не хочу держать свои войска на морозѣ. Но я не покину страны афридіевъ. Я останусь въ ней, пока афридіи не согласятся выполнить требованія правительства, и буду нападать на васъ зимою въ другихъ вашихъ мѣстахъ обитанія. Какъ старый другъ нѣкоторыхъ изъ васъ, совѣтую покориться и перемѣстить женъ и семьи изъ холодныхъ горъ въ свои дома“ (p. 35). Въ ожиданіи результата, Локхартъ съ частью

своихъ войскъ совершилъ, между 27 ноября и 6 декабря, изъ Майдана, походъ въ восточныя земли оракзіевъ, на р. Курману, гдѣ племена масузіевъ и чамканніевъ не покорялись. 30 ноября тамъ соединилась съ нимъ курамская подвижная колонна. При разрушеніи деревень масузійскихъ хани-хейлей встрѣчено упорное сопротивленіе, высоты брались въ штыки и понесены нѣкоторыя потери. 6 декабря Локхартъ вернулся въ Багъ въ Майданѣ чрезъ верховья Ханки (рр. 34—36). Между 7 и 14 декабря, отославъ лишнія тяжести обратно въ Шинавари прежнимъ путемъ, Локхартъ вывелъ всѣ свои войска на пишаверскую границу. Одна изъ бригадъ первой дивизіи спустилась по теченію Мастуры, захвативъ съ собою другую бригаду, охранявшую сообщенія съ Шинавари. Вторая дивизія слѣдовала внизъ по рѣкѣ Бара. Обѣ колонны разрушали лежавшія на пути и въ сосѣдствѣ башни и деревни афридіевъ. Трудности пути умножались сопротивленіемъ и нападеніями горцевъ (р. 36). Общая цифра потери за время выхода изъ Тира состояла изъ 33 убитыхъ и 133 раненыхъ (Imp. and Asiatic Quarterly Rеriew, 1898 January, p. 214).

Черезъ нѣсколько дней предприняты были операціи для занятія Хайберскаго прохода. 23 декабря пишаверская колонна заняла фортъ Али-Месджидъ и 26 числа достигла конечнаго пункта Хайбера Ленди-котеля. Въ то же время первая девизія двигалась вверхъ по р. Базару и возвратилась обратно въ Джамрудъ 30 декабря, разрушивъ деревни и башни афридіевъ на своемъ пути. Сопротивленіе горцевъ было во время этихъ операцій, особенно въ Хайберѣ, незначительное, но безъ потерь, преимущественно при отступленіяхъ, не обошлось (рр. 37—39).

Въ концѣ декабря афридіи еще разъ обратились къ эмиру съ просьбою о помощи. На письмо по этому поводу вице-короля эмиръ 3 января сообщилъ, что отпустилъ посланцовъ обратно съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Депутаты вернулись изъ Кабула, потерявъ всякую надежду на заступничество или помощь эмира (р. 39). Въ связи съ этимъ 17 января прибыли въ Джамрудъ мелики всѣхъ вѣтвей афридіевъ кромѣ закка (р. 39).

Здѣсь кончаются свѣдѣнія „Синей книги", изданной ко времени открытія сэссіи парламента, начавшейся 8 февраля. Изъ газетъ и вообще изъ печатныхъ источниковъ извѣстно, что въ началѣ февраля заявили покорность и закка, но возвратъ и выдача ружей встрѣчали такія затрудненія и подвигались столь медленно, что, не смотря на назначеніе Локхартомъ разныхъ сроковъ, подъ угрозою возобновленія военныхъ дѣйствій, выполненіе условій закончено лишь въ концѣ марта и отрядъ Локхарта расформированъ лишь въ началѣ апрѣля 1898 года.

Торговое движеніе по занятому англійскими войсками Хайберскому про-

ходу возобновилось, подъ охраною возстановленныхъ „хайберскихъ стрѣлковъ" въ половинѣ марта. Въ октябрѣ 1898 года правительство окончательно объявило афридіямъ, что охраненіе хайберской дороги принимаетъ непосредственно на себя; тѣмъ не менѣе афридіи обязываются помогать безопасности торговаго движенія, за что вѣтвямъ ихъ будетъ продолжаться отпускъ субсидій въ прежнемъ размѣрѣ, подъ опасеніемъ окончательнаго ихъ лишенія въ случаѣ новаго нарушенія своихъ обязанностей.

За все время военныхъ дѣйствій противъ афридіевъ и оракзіевъ англійскія войска потеряли убитыми и ранеными 1150 чел., въ томъ числѣ 79 британскихъ офицеровъ, изъ которыхъ убито и умерло отъ ранъ 23 чел., и 20 офицеровъ изъ туземцевъ, которыхъ убито 4 чел. (The Campaign in Tirah by col. Hutchinson, London, 1898, Appendix), слѣдовательно болѣе половины общаго урона британскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ разныхъ племенъ на сѣверо-западной границѣ Индіи, состоявшаго съ 10 іюня 1897 года по 8 марта 1898 года, изъ 506 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ (въ томъ числѣ британскихъ офицеровъ 44 и нижнихъ чиновъ изъ англичанъ 136, туземныхъ офицеровъ 6) и 1378 раненыхъ (въ томъ числѣ офицеровъ 93 и нижнихъ чиновъ изъ англичанъ 404), итого 1884 чел. Сверхъ того отъ болѣзней умерло англійскихъ офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ изъ европейцевъ 250 и туземцевъ 220, итого 480 чел. (The Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, April, p. 456).

Сравнивая экспедицію Локхарта въ Тира съ экспедиціей Киченера въ Хартумъ, одинъ газетный корреспондентъ, участвовавшій въ обѣихъ, справедливо замѣчаетъ, что экспедиція въ Тира требовала такого напряженія мужества и сопряжена была съ такой непрерывностью опасностей, какія рѣдко выпадаютъ на долю войскъ. Боевая борьба въ Хартумской экспедиціи ограничилась продолжавшимся два съ половиною часа сраженіемъ при Обдурманѣ, гдѣ, выпустивъ свои пули на воздухъ безъ прицѣла, въ надеждѣ, что Богъ направитъ ихъ въ невѣрныхъ, дервиши, съ холоднымъ оружіемъ, устремились на 20 тысячъ англійскихъ и египетскихъ магазинокъ, на 70 орудій и на 30 пулеметовъ Максима: конечно произошло двухъ-часовое избіеніе нападающихъ и немедленно затѣмъ обратившихся въ бѣгство фанатиковъ, въ сущности не бой, а бойня, которою все и закончилось. „Бой же въ Тира не прекращался два съ половиною мѣсяца. Съ момента, когда первый гурка вступилъ, 21 октября, въ долину Ханки, до момента, когда послѣдній солдатъ арьергарда вышелъ изъ долины Бары, въ концѣ декабря, не было ни одного часа дня или ночи, когда бы не происходило стычекъ". Войска „подвергались выстрѣламъ невидимаго непріятеля на ходу, за обѣдомъ, даже въ постеляхъ, если не спали безъ пищи и безъ подстилокъ; утромъ же ожидало зрѣлище

убитыхъ товарищей арьергарда или обознаго прикрытія, погибшихъ подъ напоромъ превосходящаго числомъ непріятеля". Войска Киченера, если не плыли по Нилу на судахъ въ полной безопасности и съ завиднымъ комфортомъ, могли дѣлать по прибрежной ровной пустынѣ $2^1/_2$ мили въ часъ; войска же въ Тира, двигаясь по тропинкамъ въ 2 фута шириною, въ постоянномъ ожиданіи нападенія, надъ пропастями, проходили $2^1/_2$ мили въ день (Nineteenth Century, 1898, December, pp. 1041—1047, The Tirah and Khartoum Expeditions. By L. Oppenheim, Correspondent with both Expeditionary Forces).

Помимо многаго другого, существенная разница между противниками англичанъ въ двухъ экспедиціяхъ заключалась въ томъ, что дервишами, фатально шедшими на убой, двигалъ безраздѣльно религіозный фанатизмъ, тогда какъ авганскими горцами руководила привязанность къ племенной и національной независимости, религіозное же чувство являлось мотивомъ второстепеннымъ, отнюдь не достигавшимъ фанатической фазы, такъ какъ горцы, въ особенности же знакомые по службѣ въ рядахъ англо-индійскихъ туземныхъ войскъ съ вооруженіемъ и тактикою врага афридіи, вели борьбу свою съ могущественнымъ врагомъ такимъ образомъ, чтобы причинить ему наибольшій вредъ собственными силами и при помощи благопріятныхъ мѣстныхъ условій, а не полагаясь исключительно или предпочтительно на помощь небесныхъ силъ. Въ отношеніи „фанатизма" свѣдущіе въ англо-авганскихъ пограничныхъ дѣлахъ люди, не несущіе за пограничную политику послѣднихъ лѣтъ непосредственной отвѣтственности, не имѣютъ никакихъ иллюзій. Такъ даже сэръ Ричардъ Темпль, считающій обыкновенно мнѣнія и рѣшенія англо-индійскаго правительства образцами „политической мудрости", какъ онъ тутъ же объявлялъ, отозвался однако, что хотя оффиціальные авторитеты признаютъ причиною возстаній горцевъ въ 1897 году фанатизмъ, но что-нибудь дало же пищу для возбужденія этого фанатизма: это, по заявленіямъ самихъ горцевъ, захваты ихъ земель и покушенія на ихъ независимость; „конечно, угрозы независимости племенъ далеки отъ намѣреній индійскаго правительства, но мы безсознательно дѣлали вещи, имѣвшія не тѣ слѣдствія, которыя мы имѣли въ виду". Замѣтивъ затѣмъ, что указанія на допущенныя въ разныхъ пунктахъ границы уклоненія отъ правительственной политики сдѣланы были въ замѣчательной рѣчи бывшаго вице-короля лорда Норсбрука въ февралѣ 1898 года, въ палатѣ лордовъ, сэръ Р. Темпль призналъ другой причиной возстаній проведеніе въ натурѣ границы, на основаніи договора Дюранда, въ чемъ племена усмотрѣли явный знакъ лишенія ихъ независимости (The Journal of the Royal United Service Institution, 1899, January, p. 4). Подобнымъ образомъ, по мнѣнію полковника Хетчинсона, корреспондента Times'а

изъ дѣйствовавшаго въ Тира отряда и автора лучшаго пока описанія этой экспедиціи, проповѣди и внушенія муллъ остались-бы безъ послѣдствій, если бы въ горцахъ не были возбуждены опасенія за ихъ независимость проведеніемъ границы и выставленіемъ отрядовъ и постовъ въ Вано, Точи, Малакандѣ и хребтѣ Самана (The Campaign in Tirah 1897—1898, by colonel H. D. Hutchinson, Director of Military Education of India, London, 1898, pp. 2, 3, 10, а также сообщеніе его The Story of Tirah, and the Lessons of the Campaign. Lecture by colonel H. D. Hutchinson, въ Journal of the United Service Institution of India, 1898, July, pp. 229, 230). Напротивъ англо-индійскія власти, вообще приписывая возстанія 1897 года религіозному фанатизму, въ особенности упирали въ качествѣ доказательства, на возстаніе афридіевъ, которые, получая значительныя субсидіи за охрану Хайбера, рѣшительно не имѣли никакихъ причинъ жаловаться на правительство, не вмѣшивавшееся въ ихъ дѣла и не трогавшее ихъ земель. Лордъ Хамильтонъ, присоединяясь къ этому мнѣнію, находилъ доказательство его правильности въ единодушіи по этому предмету пограничныхъ политическихъ офицеровъ (Military operations, vol. 2, p. 179). Однако это единодушіе есть результатъ не правильности, а единодушной ошибки, являющейся слѣдствіемъ одинаковыхъ обстоятельствъ. Именно, будучи постоянно окружены меликами и другими туземцами, ищущими отъ нихъ великихъ и богатыхъ милостей и непрестанно для того расточающими увѣренія въ преданности своей Англіи, политическіе офицеры невольно проникались убѣжденіемъ, что выражаемыя меликами чувства раздѣляются ихъ племенами. Доставляя постоянно въ такомъ смыслѣ отчеты свои, пограничные агенты въ 1897 году совершенно неожиданно увидали племена возставшими, а самыхъ преданныхъ меликовъ стоящими въ рядахъ инсургентовъ и впослѣдствіи оправдывавшимися тѣмъ, что не въ силахъ были противиться общему движенію, руководимому муллами. Понятно, что „политическіе офицеры“ стали усматривать корень зла въ Адда-муллѣ и другихъ духовныхъ и что пишаверскій, напр., главный коммиссіонеръ, не хотѣвшій вѣрить возможности возстанія афридіевъ до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно не овладѣли всѣми фортами въ Хайберѣ, поспѣшилъ включить въ число условій покорности афридіевъ „безусловную выдачу двадцати муллъ-вожаковъ, которые принимали главное участіе въ возбужденіи настоящихъ смутъ“ (p. 147). Требованіе это отклонено, согласно мнѣнію пенджабскаго губернатора, который находилъ, что можно было бы домогаться выдачи вожаковъ, муллы они или нѣтъ, все равно, если бы возстаніе сопровождалось какими либо коварствами, тайной измѣною и т. д., но возстаніе афридіевъ и оракзіевъ произошло открыто и ихъ поведеніе не даетъ никакихъ основаній къ возбужденію подобныхъ

требованій (р. 149). Обратившись къ тѣмъ документамъ въ „Синей книгѣ", въ которыхъ выражается собственное мнѣніе племенъ и туземцевъ о причинахъ возстаній, найдемъ, что мотивами его сами племена выставляли не фанатизмъ. Такъ, по разспросамъ эмира, причинами возставій служили стремленія британскихъ властей захватывать земли племенъ и лишать ихъ независимости, прокладывая дороги, вводя налоги, налагая штрафы и т. д., вообще желаніе поставить вольныхъ горцевъ въ то же положеніе, въ какое приведено туземное населеніе Индіи, вопреки постоянныхъ объявленій и обѣщаній правительства уважать независимость горныхъ племенъ; между тѣмъ горцы вообще бѣдны, налоговъ и штрафовъ платить не въ состояніи и въ подчиненіи имъ видятъ свое окончательное раззореніе (р. 123). Въ петиціяхъ эмиру отъ 5 сентября 1897 года афридіи и оракзіи писали, что британское правительство издавна старается постепенно овладѣть ихъ землями и возводитъ на нихъ укрѣпленія и посты; это и вынудило ихъ возстать (pp. 133). Даже Адда-мулла, въ наиболѣе интересной изъ своихъ прокламацій, отправляется отъ того положенія, что „кафиры овладѣли всѣми мусульманскими странами" (р. 39 А). Въ отвѣтахъ на разосланную Локхартомъ 7 октября прокламацію разныя вѣтви афридіевъ и оракзіевъ весьма опредѣленно заявляли, что подняли оружіе вслѣдствіе произведенныхъ англичанами захватовъ земель въ Сватѣ, „священной для мусульманъ землѣ", и въ хребтѣ Самана, а также вслѣдствіе притязаній Англіи владѣть и распоряжаться въ Хайберѣ, исконной собственности афридіевъ (pp. 158, 160, 168, 169). Нѣкоторыя вѣтви жаловались еще на наказанія горцевъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, даже послѣ принятія ими присяги, очищающей по обычаямъ отъ всякаго обвиненія, на невыдачу мужьямъ бѣжавшихъ на британскую территорію женъ ихъ (р. 160), на браки невѣрныхъ съ мусульманками, на возвышеніе акциза съ кохатской соли (р. 160 и др.). На политическіе же мотивы возстаній указываетъ присоединеніе къ возставшимъ вѣтвей шіитскихъ. Съ другой стороны уклоненіе отъ возстанія нѣкоторыхъ родовъ, какъ кохатскихъ афридіевъ, изъ опасенія лишиться субсидій, хотя мусульманскій фанатизмъ едва ли у нихъ менѣе развитъ, чѣмъ у другихъ, также указываетъ на политическія побужденія. Наконецъ нельзя не видѣть, что покорность племенъ, слѣдовавшая обыкновенно за первыми пораженіями, достигалась главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что, налагая штрафы и требуя выдачи оружія, британское правительство давало однако обѣщанія не посягать на земли горцевъ, на ихъ независимость и самоуправленіе, въ чемъ выдавались племенамъ письменныя удостовѣренія (р. 140). Въ противномъ случаѣ, не одни мамунды и закка продолжали бы упорное сопротивленіе, но вѣроятно большинство возставшихъ племенъ.

Вообще, пограничныя племена конечно сильно пострадали вслѣдствіе потерь убитыми и изувѣченными въ бояхъ, а также вслѣдствіе выдачи части оружія, разрушенія жилищъ и сенгеровъ, но сила ихъ далеко не сломлена и отношенія ихъ къ Англіи въ будущемъ опредѣлятся тою политикою, которой будетъ держаться британское правительство. Къ разсмотрѣнію этой политики мы теперь и обратимся.

IV. Политика Англіи въ отношеніи авганскихъ пограничныхъ племенъ.

Необходимость заблаговременнаго принятія мѣръ для обороны Индіи противъ возможнаго нападенія Россіи, въ случаѣ войны съ нею, признается въ Англіи всѣми. Но относительно выбора и оцѣнки ведущихъ къ этой цѣли мѣропріятій существуютъ весьма разнообразные взгляды, которые однако можно свести къ двумъ противоположнымъ политическимъ системамъ. Одна изъ нихъ, извѣстная подъ кличкою Forward Policy, „наступательной политики", въ виду стратегическихъ выгодъ обладанія Хиндукушемъ и его западнымъ до персидской границы продолженіемъ Паропамизомъ, укрѣпленными и защищаемыми англо-индійскими войсками и средствами, всегда настаивала на перенесеніи англо-индійской границы на Хиндукушъ, съ подчиненіемъ британской власти всего Авганистана, не стѣсняясь нужными для выполненія жертвами и расходами, которыя съ избыткомъ оплатятся безопасностью и благосостояніемъ Индіи. Противоположная политическая система исходила изъ того убѣжденія, что подчиненіе Авганистана, населеннаго страстно привязанными къ независимости племенами, потребуетъ,—даже при выполнимости, которая мало вѣроятна,—громадныхъ пожертвованій и средствъ, но не усилитъ, а ослабитъ оборону Индіи, такъ какъ нашествіе найдетъ въ озлобленномъ до крайности противъ Англіи населеніи Авганистана ревностныхъ союзниковъ; по мнѣнію противниковъ „наступательной политики", слѣдуетъ, отнюдь не добиваясь насильственнаго подчиненія авганскихъ племенъ, строго уважать ихъ независимость, содѣйствовать благосостоянію Авганистана, а также усиленію и крѣпости національной правительственной власти въ странѣ и ея военныхъ силъ, и пріобрѣсти этимъ довѣріе и дружбу Авганистана, дабы имѣть въ немъ, въ случаѣ нашествія, вѣрнаго союзника.

Иногда называютъ основателемъ „наступательной политики" бомбейскаго генерала Джекёба (Jacob), который, изъ первыхъ, забилъ въ 1856 году тревогу по поводу возобновившихся притязаній Персіи на Хератъ, видя въ нихъ козни Россіи и требуя занятія Кветты и посылки въ Хератъ двадцатитысячнаго гарнизона. Но однимъ изъ первыхъ проявленій Forward Policy

была уже война 1838—1842 г.г. *). Ея огорченія были еще такъ свѣжи,

*) Къ числу основателей «наступательной политики» принадлежитъ безспорно лордъ Элленборо, который въ 1829 году писалъ: «Русскіе взяли Эрзерумъ и разсѣяли турецкую армію въ азіатской Турціи. При каждомъ ихъ успѣхѣ въ этихъ мѣстахъ сердце мое обливается кровью. Каждая побѣда ихъ кажется мнѣ одержанною надо мною, такъ какъ Азія моя... Индъ долженъ сдѣлаться британской рѣкою... Если русскіе овладѣютъ Хивою, мы должны занять Лахоръ и Кабулъ. Встрѣчать врага надо не на Индѣ. Если мы не встрѣтимъ его въ Кабулѣ, у подножій Хиндукуша или въ проходахъ чрезъ него, то для насъ лучше оставаться на Сетледжѣ». Для успѣха борьбы съ Россіею онъ находилъ необходимымъ, во-первыхъ, захватить Египетъ (къ этой мысли онъ возвращался и въ 1841 году когда не имѣлось никакихъ предлоговъ и случаевъ для овладѣнія Египтомъ), и, во-вторыхъ, упразднить остъ-индскую компанію и передать управленіе Индіею непосредственно коронѣ, объявивъ короля Великобританіи императоромъ Индіи. Однако именно этотъ самый лордъ Элленборо, будучи назначенъ на мѣсто лорда Окланда вице-королемъ Индіи въ 1842 году послѣ истребленія авганами англійскаго войска, занимавшаго Кабулъ, распорядился очищеніемъ Авганистана отъ англійскихъ войскъ, прославившись знаменитымъ предоставленіемъ генералу Нотту, подъ его, а не подъ своей, отвѣтственностью, совершить отступленіе изъ Кандахара въ Индію не чрезъ Боланскій проходъ, а чрезъ Газну и Кабулъ. Помѣстивъ затѣмъ на медаляхъ въ память авганской войны надпись Pax Asiae restituta, но думая, что неудача предпріятія лорда Окланда овладѣть Авганистаномъ произошла отъ неподчиненности Англіи земель между Авганистаномъ и тогдашними британскими владѣніями, лордъ Элленборо рѣшилъ присоединить долину Инда подъ тѣмъ предлогомъ, что владѣльцы Синда будто-бы не исполнили своихъ обязательствъ по договору съ Окландомъ. Конечно слабые эмиры Синда были побѣждены и желаніе Элленборо сдѣлать Индъ британской рѣкою было выполнено. Однако директоры остъ-индской компаніи нашли себя обязанными заявить лондонскому правительству, что обращеніе вице-короля съ эмирами Синда не можетъ считаться ни справедливымъ, ни политичнымъ, и противно интересамъ и чести индійскаго правительства. Не смущаясь этимъ, лордъ Элленборо затѣялъ въ 1844 г. войну съ Гваліоромъ и послѣ двухъ побѣдъ такъ расхрабрился, что могъ писать: «Я долженъ имѣть армію, чтобы идти къ Дарданелламъ. Въ четыре мѣсяца у меня будетъ подъ ружьемъ 275.000 ч.». Планъ этотъ остался безъ исполненія уже потому, что совѣтъ директоровъ остъ-индской компаніи обвиняя Элленборо въ беззаконныхъ и самовластныхъ дѣйствіяхъ и неправильномъ израсходованіи огромныхъ суммъ, постановилъ отозвать его изъ Индіи, и лондонскій кабинетъ долженъ былъ изъявить на это согласіе. Карьера лорда Элленборо этимъ не кончилась, такъ какъ онъ и впослѣдствіи занималъ разные высокіе посты, когда власть доставалась его партіи, но попадать на самостоятельныя должности внѣ Лондона ему уже не пришлось. Сэръ Спенсеръ Вальполъ изъ статьи котораго (The Nineteenth Century, 1899, July, p. p. 123—130, Lord Ellenborough, by sir Spencer Walpole) всѣ эти свѣдѣнія взяты, заключаетъ, что лордъ Элленборо имѣлъ похвальное стремленіе возвысить могущество своей страны и предчувствовалъ направленіе, въ которомъ будетъ расширяться британская имперія, но въ своемъ желаніи увеличить мощь Англіи онъ не обращалъ вниманія на чужія права и справедливость. Онъ не стѣснялся завладѣвать чужимъ, если оно нужно для округленія территоріи британской имперіи. Хотя совѣсть его не смущалась захватомъ Синда и предположеніемъ завладѣть Египтомъ, однако онъ не обладалъ мужествомъ, необходимымъ для того, чтобы справиться съ дѣломъ, представлявшимъ дѣйствительныя затрудненія: «странно и почти необъяснимо—какимъ образомъ отступленіемъ британскихъ войскъ изъ Авганистана распорядился тотъ самый человѣкъ, который брался бороться съ Россіею въ Хиндукушѣ и увѣрялъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ состояніи будетъ идти къ Дарданелламъ».

Мнѣ кажется достаточно яснымъ, что обнаруженный лордомъ Элленборо недостатокъ мужества и твердости предъ неудачей въ Авганистанѣ есть черта личная, индивидуальная; мечтанія его объ императорѣ-королѣ, о походѣ изъ Индіи къ Дарданелламъ и т. под. суть ребяческія фантазіи, къ которымъ способны и не-англичане, но его непомѣрная жадность и циническое пренебреженіе къ чужимъ правамъ и къ требованіямъ нравственности типичны

что правительство не приняло совѣтовъ Джекёба и ограничилось морскимъ воздѣйствіемъ на Персію и заключеніемъ договора съ Достъ-Мохаммедъ-ханомъ. Политика благоразумія продолжала потомъ господствовать почти двадцать лѣтъ, будучи утверждена особенно вице-королемъ лордомъ Джономъ Лоуренсомъ и нѣсколькими его преемниками. Не было однако въ рядахъ англо-индійскихъ дѣятелей недостатка и въ приверженцахъ наступательной политики, выжидавшихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для ея проведенія. Къ числу ихъ принадлежали бывшіе бомбейскіе же офицеры Генри Роулинсонъ и Бартль Фреръ. Послѣ завоеванія Самарканда и подчиненія Бухары, въ меморандумѣ отъ 20 іюля 1868 г., поданномъ консервативному статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи, сэръ Г. Роулинсонъ, въ виду угрожающихъ Индіи успѣховъ Россіи, настаивалъ на необходимости занятія Кветты, заведенія британскаго резидента въ Кандахарѣ и т. д. Вице-король лордъ Лоуренсъ въ депешѣ 4 января 1869 г. отклонилъ эти предложенія (The Eastern Question etc., by Duke of Argyll, London, 1879, vol. II, p.p. 243—251). Въ маѣ 1874 г., послѣ совершившагося въ февралѣ вступленія во власть торійскаго министерства Дизраэли, членъ совѣта вице-короля сэръ Бартль Фреръ вновь возобновилъ предложенія Роулинсона, но снова встрѣтилъ возраженія лорда Лоуренса, сохранившаго, и по оставленіи поста вице-короля въ 1869 году, вліятельное положеніе. Не стѣсняясь этимъ, Бартль Фреръ 11 января 1875 г. подалъ статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи новую записку въ прежнемъ смыслѣ, а 22 января статсъ-секретарь лордъ Солсбери уже предписалъ вице-королю потребовать отъ эмира Ширъ-Али допущенія въ Авганистанъ британскихъ резидентовъ и т. д. Однако вице-король лордъ Норсбрукъ, вѣрный политикѣ своихъ предмѣстниковъ и опираясь на мнѣніе своего совѣта, возсталъ противъ „наступательной политики". Примѣненіе ея замѣнившимъ Норсбрука въ 1876 году лордомъ Литтономъ повело въ 1878 году къ войнѣ съ Авганистаномъ (тамъ же, p.p. 356, 363, 380 и слѣд.).

Какая была къ этому времени у приверженцевъ „наступательной политики" программа, которой они вѣрны во многомъ и понынѣ, можно видѣть изъ книги ревностнаго ея послѣдователя Бульджера England and Russia in Central Asia (by D. A. Boulger, London, 1879), изданной въ началѣ войны и посвященной Роулинсону. „Для рѣшенія центрально-азіатскаго вопроса мало исправленія границы Индіи, мало удаленія Россіи изъ Кабула, мало пріобрѣтенія права содержать въ Авганистанѣ британскихъ агентовъ: мы должны занять Хератъ, вооружить туркменовъ и возвратить Персіи ея прежнюю силу. Когда мы достигнемъ всего этого, тогда только мы можемъ

едва ли не для большинства британскихъ государственныхъ дѣятелей и составляютъ почти неотъемлемую принадлежность англійской политики всюду и во всѣ времена.

предоставить судьбѣ дальнѣйшее развитіе соперничества между Россіею и Англіею, съ полной увѣренностью въ результатахъ. Тогда только мы можемъ откинуть всякія опасенія русскаго нашествія на Индію“ (vol. 2, p. 371). Кандахаръ долженъ остаться въ рукахъ Англіи и обратиться въ сильную крѣпость (p. 318). О пограничныхъ съ Индіею авганскихъ горныхъ племенахъ Бульджеръ замѣчалъ, что въ теченіи 30 лѣтъ обладанія Пенджабомъ британскія войска совершили болѣе 30 экспедицій противъ этихъ горцевъ; потери людьми были немаловажныя, расходы значительные, а результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Болѣе благопріятны были для улучшенія отношеній къ этимъ горцамъ проведеніе хорошихъ дорогъ, устройство лѣчебницъ, развитіе торговыхъ сношеній, но мѣропріятія въ этомъ смыслѣ требуютъ слишкомъ долгаго времени. Необходимо найти скорые и вѣрные способы для подчиненія безпокойныхъ и опасныхъ горцевъ. Никакая держава не потерпѣла бы продолженія такого положенія индійской границы, при которомъ на ней находится около 150 т. вооруженныхъ людей, пользующихся полной независимостью и питающихъ къ англо-индійцамъ упорную враждебность. Вѣрнѣйшей системой для ихъ подчиненія было бы постепенное занятіе земель каждаго открыто враждебнаго племени, съ обезоруженіемъ всѣхъ мужчинъ и съ проведеніемъ дорогъ на его земляхъ, присоединяемыхъ къ британскимъ владѣніямъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовало бы сверхъ того добавлять къ этимъ мѣрамъ изгнаніе (ejectement) и выселеніе враждебныхъ племенъ, какъ это было сдѣлано сэромъ Чарльзомъ Непиромъ въ Синдѣ съ племенемъ jakrani'евъ. Кромѣ того Бульджеръ находилъ возможнымъ устроить на индійской границѣ нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній, учрежденныхъ Австріею противъ Турціи, но мысли его въ этомъ отношеніи остались не выясненными и мало понятными (p.p. 298, 299, 308—310). „Можетъ быть Провидѣніе въ послѣдній разъ даетъ намъ возможность уничтожить честолюбивые замыслы Россіи“—патетически заключалъ Бульджеръ свои призывы къ „наступательной политикѣ“.—Гандамакскій трактатъ 30 мая 1897 года не удовлетворилъ ея приверженцевъ, такъ какъ возвращалъ эмиру Кандахаръ и Джелальабадъ. Сэръ Генри Роулинсонъ объявилъ, что смотритъ на этотъ трактатъ лишь какъ на переходную ступень между независимостью Авганистана и желательнымъ его присоединеніемъ (Nineteenth Century, 1879, August). Сообразно этому, по возобновленіи войны, министерство Биконсфильда, съ одной стороны, завязало переговоры съ Персіею объ отдачѣ ей Херата за союзъ съ Англіею и подчиненіе Туркменіи, дабы предупредить захватъ ея Россіею, съ другой же образовало изъ Кандахара особое вассальное владѣніе. Неудачи возобновленной войны были одною изъ причинъ паденія кабинета Биконсфильда. Ликвидируя его затѣи въ Авганистанѣ, мини-

стерство Гладстона прекратило переговоры съ Персіею, признало эмиромъ Абдэррахманъ-хана и намѣревалось отказаться отъ гандамакскихъ пріобрѣтеній, но русское завоеваніе Ахалъ-теке, возобновивъ страхи за Индію, побудило его удержать Пишинъ, Сиби и Курамъ. Правительство однако не принимало мѣръ и не отпускало средствъ для фактическаго осуществленія власти Англіи въ Сулеймановыхъ горахъ. Но присоединеніе Мерва въ 1884 году и особенно стычка на Кушкѣ въ 1885 году дали приверженцамъ „наступательной политики" поводы возбудить въ Англіи тревогу. Министерству Гладстона удалось избѣгнуть войны, но оно вынуждено было возобновить прекращенную въ 1880 году постройку желѣзной дороги отъ Инда въ Пишинъ до авганской границы и признать необходимость принятія мѣръ къ занятію и укрѣпленію проходовъ чрезъ Сулеймановы горы. Вслѣдствіе этого и такъ какъ приверженцы „наступательной политики", въ виду вѣрности эмира Абдэррахманъ-хана союзу съ Англіею и враждебности его къ Россіи, отложили выполненіе своихъ плановъ относительно подчиненія или присоединенія Авганистана до смерти эмира, въ политикѣ смѣнявшихъ одно другое съ 1885 года до настоящаго времени консервативныхъ и либеральныхъ министерствъ нѣтъ принципіальной разницы. Либералы нѣсколько менѣе склонны къ наступательнымъ мѣропріятіямъ, консерваторы нѣсколько болѣе, но тѣхъ и другихъ одинаково сдерживаетъ стѣсненное положеніе финансовъ Индіи. Именно послѣднее послужило причиною тому, что въ теченіи послѣднихъ пятнадцати или двадцати лѣтъ для обороны индійской границы сдѣлано немного. Существеннымъ можно считать здѣсь лишь доведеніе синдъ-пишинской желѣзной дороги до Нью-Чамана (обошлась она въ общемъ не менѣе 100 милл. рублей), укрѣпленія Кветты и Пишинскаго лагеря (120 т. ф. стерл.), занятіе гомульскаго и точійскаго путей чрезъ Сулеймановы горы, подчиненіе Гильгита, Хунзы, Нагара, Ясссина и Читраля, съ военною дорогою къ послѣднему отъ Кабулъ-дарьи. Въ отношеніи къ пограничнымъ авганскимъ племенамъ, какъ либеральныя, такъ и торійскія или уніонистскія министерства одинаково воздерживались отъ значительныхъ отступленій отъ прежней политики невмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и отъ завладѣній ихъ землями, но не изъ принципіальнаго уваженія къ ихъ независимости и къ неприкосновенности ихъ территорій, а изъ опасенія возстаній и сопряженныхъ съ ихъ усмиреніями значительныхъ расходовъ.

Конечно образъ дѣйствій правительства не удовлетворялъ ни противниковъ „наступательной политики", ни ея защитниковъ. Первые порицали стремленія правительства подчинить пограничныя племена, проведеніе желѣзныхъ дорогъ на правой сторонѣ Инда, постройки укрѣпленій въ земляхъ горцевъ, занятіе Читраля, устройство военной къ нему дороги чрезъ Сватъ и т. д., призна-

вая лучшею оборонительною линiею рѣку Индъ, а правильнѣйшею политикою—дружбу и союзъ съ Авганистаномъ и уваженiе независимости пограничныхъ племенъ, и не сомнѣваясь, что, въ случаѣ нашествiя, русскiя войска достигнутъ береговъ Инда въ крайне разстроенномъ, вслѣдствiе трудности прохода чрезъ враждебный Авганистанъ, положенiи и будутъ легко побѣждены. Во время читральской экспедицiи, не разъ выше упоминавшiйся по поводу экспедицiй противъ горцевъ, генералъ сэръ Невиль Чемберлэнъ, напоминая, что въ 1881 году онъ настаивалъ на отказѣ отъ Кандахара и передачѣ его эмиру, рѣшительно высказался за неуклонное и строгое уваженiе независимости пограничныхъ племенъ, доказывая, что невозможно остановиться на чемъ-нибудь среднемъ между полной независимостью и полной зависимостью, хотя бы имѣлось искреннее желанiе удержаться въ промежуточномъ пунктѣ: „если въ машину англо-индiйскаго управленiя туземцами попадетъ одна рука, за нею неизбѣжно втянется все тѣло“ (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, July, p. 200). Сэръ Невиль Чемберлэнъ имѣлъ въ виду систему Сендемана. Отвергалъ эту послѣднюю, какъ противорѣчащую принципу невмѣшательства, въ посвященной положенiю дѣлъ на индiйской границѣ, въ концѣ 1897 года, статьѣ и сэръ Auckland Colvin, доказывая примѣрами, что примѣненiе этой системы влекло за собою сопротивленiе племенъ, военныя экспедицiи и озлобленiе горцевъ. Онъ цитировалъ между прочимъ слѣдующее мнѣнiе одного изъ авторитетныхъ по авганскимъ дѣламъ генераловъ сэра Генри Грина, помѣщенное въ „Синихъ книгахъ“ (Afghanistan, № 2, 1881, p. 26): „Что сказать о патанскихъ племенахъ? Онѣ не имѣютъ истинныхъ начальниковъ, потому что родовые старшины пользуются лишь номинальной властью. Патаны—фанатичные мусульмане, коварные, мстительные, незаслуживающiе никакого довѣрiя. Они ненавидятъ всѣхъ европейцевъ, да и туземцы, попадающiе въ ихъ горы, столь же небезопасны, какъ 30 лѣтъ назадъ. Единственное ихъ достоинство—личное мужество. Эти племена—лучшая оборона англо-индiйской границы по вреду, который они нанесутъ арьергарду и флангамъ армiи нашествiя, но лучшая система обращенiя съ ними—держать себя на почтительномъ разстоянiи... Всякая попытка поставить въ горныхъ проходахъ передовые посты, съ цѣлiю защиты или устрашенiя независимыхъ горцевъ, поведетъ только къ постоянному раздраженiю и частымъ экспедицiямъ“ (Nineteenth Century, 1897, December, p. 262). Генералъ (нынѣ лордъ) Робертсъ, въ запискѣ 12 мая 1880 года, высказываясь подобно Грину за удержанiе Кандахара, писалъ между прочимъ: „Можетъ быть это не лестно для нашего самолюбiя, но я долженъ сказать, что чѣмъ менѣе авганцы будутъ насъ видѣть, тѣмъ менѣе они будутъ насъ ненавидѣть. Если Россiя вознамѣрится завоевать Авгани-

станъ или вторгнуться въ Индію, мы имѣли бы больше возможности привязать къ себѣ авганцевъ, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣла до того времени".

По мнѣнію одного изъ самыхъ свѣдущихъ въ пограничныхъ дѣлахъ противниковъ „наступательной политики" сэра Лепель Гриффина, умноженіе военныхъ экспедицій и усиленіе ихъ состава, съ громаднымъ возрастаніемъ непроизводительныхъ расходовъ, ведущихъ Индію къ банкротству, находится въ связи съ изъятіемъ пограничныхъ войскъ изъ вѣдѣнія пенджабской администраціи и съ подчиненіемъ ихъ главнокомандующему войсками Индіи, противъ чего, съ своей стороны, пенджабское начальство долго возставало. „Дѣло въ томъ, что казначейство Индіи находится слишкомъ близко къ главнокомандующему, и потому военныя экспедиціи снаряжаются все въ большемъ и большемъ составѣ и на границѣ собираются, какъ въ 1897 году, силы въ 60 т. ч., достаточныя для отраженія нападенія европейской державы". Когда командующій войсками, плохо знающій пограничныя племена и дѣла, требуетъ усиленія войскъ, калькутское управленіе, мало знакомое съ мѣстными дѣлами и условіями, еще менѣе въ состояніи достигать экономіи. Другая причина огромной стоимости нынѣшней политики заключается въ дурной системѣ разбрасыванія военныхъ постовъ и укрѣпленій по территоріямъ независимыхъ племенъ вдали отъ поддержки; въ мирное время войска, содержаніе которыхъ обходится тамъ весьма дорого, занимаютъ эти укрѣпленія безъ всякой пользы, въ военное же время они требуютъ цѣлыхъ армій для своего освобожденія. Слѣдуетъ изъять пограничныя войска изъ непосредственнаго вѣдѣнія главнокомандующаго и подчинить ихъ генералъ-губернатору, въ вѣдѣніе котораго передать и пограничные округа, учредивъ, подъ его начальствомъ, главнаго коммисара для завѣдыванія пограничными округами и дѣлами, притомъ изъ гражданскихъ чиновъ, а не изъ военныхъ офицеровъ, которые весьма рѣдко обладаютъ необходимой для успѣшнаго отправленія пограничныхъ дѣлъ опытностью. Полная независимость пограничныхъ племенъ есть вѣрнѣйшая защита Индіи. „Мы не должны требовать военныхъ дорогъ чрезъ земли независимыхъ племенъ, потому что дороги эти облегчатъ движеніе армій нашествія, и не должны обезоруживать населеніе, ибо оно этимъ было бы лишено возможности противостоять нашествію". Конечно вмѣстѣ съ тѣмъ сэръ Л. Гриффинъ порицалъ проведеніе военной дороги въ Читралъ, съ содержаніемъ на ней войскъ, находя, что юсуфзіи справедливо считаютъ это захватомъ ихъ территоріи вопреки прокламаціи генерала Лоу, обѣщавшей очистить ихъ земли по окончаніи экспедиціи (The Breakdown of the Forward Frontier Policy, by Sir Lepel Griffin, въ Nineteenth Century, 1897, October, p.p. 512—516).

Принадлежащій къ числу наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ „насту-

пательной политики“ Дж. Керзонъ, возражая (въ газетѣ The Mail, 17 іюня 1895 года) „отставнымъ губернаторамъ и генераламъ“, „наводнившимъ почти всю прессу“ доводами противъ этой политики по читральскимъ дѣламъ, ссылался на авторитетъ главнокомандующаго войсками Индіи генерала Хуайта (White) и его предмѣстника лорда Робертса. „Положительныя выгоды хорошихъ дорогъ для обороны, по его словамъ, неизмѣримо превосходятъ предполагаемыя опасности отъ пользованія ими со стороны нашествія“. Онъ не желалъ покорять пограничныя племена, ни раззорять ихъ, ни управлять ихъ страною, „но ихъ слѣдуетъ вразумить, что они наши, а не какой либо другой державы; что они не могутъ, по своему произволу, интриговать или сражаться противъ англичанъ; что удержаніе автономіи зависитъ отъ охраненія ими мира и содержанія открытыми сообщеній съ нашими передовыми позиціями на границѣ. Тысячи патановъ между Кветтой и Пишаверомъ уже поняли этотъ полезный урокъ. Почему же не понять его живущимъ между Пишаверомъ и Читраломъ?“.

Возстанія 1897 года показали, что „полезный урокъ“ не усвоенъ и племенами между Пишаверомъ и Кветтою, но „наступательная политика“ дѣйствительно имѣетъ большую часть своихъ послѣдователей въ военныхъ кругахъ, какъ это естественно и должно быть. Въ рѣчи, напечатанной въ газетѣ Pionneer Mail 9 октября 1897 года, тогдашній главнокомандующій сэръ Джорджъ Хуайтъ высказалъ убѣжденіе, что „цивилизація и варварство, какъ показываетъ исторія всѣхъ временъ, не могутъ существовать въ мирѣ и сосѣдствѣ, при независимости варваровъ... Когда мы имѣемъ на границѣ приблизительно 200 т. воиновъ, принадлежащихъ племенамъ самымъ безпокойнымъ, самымъ необузданнымъ и воспламененнымъ фанатизмомъ, мы не можемъ надѣяться на миръ съ ними и должны стоять во всеоружіи и готовности“. Мы упоминали уже, что сэръ Хуайтъ высказывался за присоединеніе Тира къ британскимъ владѣніямъ и за обезоруженіе горцевъ. Такъ какъ мнѣнія его не опубликованы, то съ взглядами индійскаго главнаго штаба можно пока ознакомиться по статьѣ одного изъ офицеровъ этого штаба маіора Юнгхесбанда. Изложенный имъ планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы“ во всякомъ случаѣ выражаетъ взгляды, господствующіе въ средѣ наиболѣе энергичныхъ и вліятельныхъ чиновъ индійской арміи, и конечно будутъ, по мѣрѣ возможности, проводиться ими на практикѣ. Подобно главнокомандующему, Юнгхесбандъ отправляется отъ того „великаго закона человѣческаго рода, по которому варварство отступало предъ цивилизаціею или поглощалось ею въ Индіи, какъ и вездѣ“ *). Дѣйствію этого закона подлежатъ и тѣ

*) Маіоръ Юнгхесбандъ могъ бы цитировать слѣдующія строки изъ книги Романовскаго «Кавказъ и кавказская война» (Спб., 1860 г., стр. 48): «Торжество Россіи въ войнѣ

занимающія сѣверо-западную границу Индіи племена, „которыя, представляясь мирными сосѣдями и добрыми друзьями, въ дѣйствительности суть толпы кровожадныхъ и коварныхъ дикарей, готовыхъ въ любой моментъ обрушиться на руку, расточающую имъ ежедневно благодѣянія". Примѣнявшіяся въ отношеніи къ нимъ пятьдесятъ лѣтъ мѣры не достигли удовлетворительныхъ результатовъ. Такъ, первоначально дѣйствовавшая система карательныхъ экспедицій не прекратила ни ихъ враждебности, ни грабежей. Замѣнившая ее „политика рупій" или субсидій также не увѣнчалась успѣхомъ: горцы съ жадностью домогались субсидій, но, вмѣсто пріобрѣтенія плуговъ и орудій производства, они употребляли субсидіи на покупку огнестрѣльнаго оружія и военныхъ припасовъ, не дѣлаясь нимало дружественными, а становясь все болѣе и болѣе сильными и опасными. Теперь практикуется третья политическая система: вмѣсто мелкихъ экспедицій стали предпринимать систематическіе походы большими силами, овладѣвать вражескими твердынями и оставаться въ нихъ продолжительное время, пока предположенныя кары и иныя цѣли вполнѣ не выполнены и не достигнуты. Опытъ 1897 года доказалъ, что и эта система неудовлетворительна. Необходимы другія средства для того, чтобы „избѣжать ежегодныхъ смутъ на границѣ и громадныхъ расходовъ, истощающихъ финансы Индіи. „По всемірной исторіи съ древнѣйшихъ временъ" первѣйшее средство для умиротворенія безпокойнаго населенія есть его обезоруженіе. Если бы горцы сѣверной Шотландіи и населеніе Вандеи не были обезоружены, то и понынѣ сѣверная Шотландія и Вандея были бы столь же небезопасны, какъ горы афридіевъ. Съ обезоруженіемъ пограничныхъ племенъ необходимо соединить, во-первыхъ, постройку желѣзныхъ дорогъ для удобнаго доступа во всѣ части территоріи этихъ племенъ, и во-вторыхъ, переселеніе наиболѣе упрямыхъ и враждебныхъ племенъ или ихъ отдѣловъ изъ горъ въ открытыя долины. Для примѣненія предлагаемыхъ мѣръ необходимо всю границу подчинить одному военному губернатору, съ резиденціей въ Пишаверѣ, раздѣливъ пограничную территорію на шесть, примѣрно, участковъ, завѣдываемыхъ приставами (deputy governors) изъ офицеровъ. Желѣзныя дороги конечно надо строить такъ, чтобы непріятель не получилъ большихъ противъ теперешняго удобствъ для прорыва черезъ горы (Nineteenth Century, 1898, February, p.p. 250—255, The Permanent Pacification of the Indian Frontier, by Major G. J. Younghusband).

При сличеніи программы Юнгхусбанда съ вышеприведенной программой Бульджера легко видѣть, что за исключеніемъ „Военной границы" на ма-

съ кавказскими горцами составляетъ торжество цивилизаціи надъ самымъ упорнымъ варварствомъ... На каждомъ великомъ народѣ лежитъ обязанность ...содѣйствовать по мѣрѣ силъ развитію другихъ болѣе отсталыхъ народовъ...» и т. д.

неръ австрійской, о способахъ устройства которой на сѣверо-западѣ Индіи и самъ Бульджеръ не могъ сказать ничего осуществимаго, и особаго устройства желѣзныхъ дорогъ, оставшагося секретомъ для читателей (да вѣроятно и для самого автора), обѣ программы тождественны. Послѣ нихъ менѣе радикальныя программы сторонниковъ „наступательной политики“ большого интереса представить не могутъ и я ограничусь еще изложеніемъ, въ видѣ образчика, замѣтки по тому же предмету лорда Непира Магдальскаго. „Мы не можемъ,— говоритъ онъ—допустить образованія на нашей границѣ ряда независимыхъ, хорошо вооруженныхъ и неприступныхъ Эльзасовъ (?)“. Предоставленныя самимъ себѣ пограничныя племена, вражда которыхъ къ Англіи питается религіознымъ фанатизмомъ и злобою за помѣхи ихъ грабительству, съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе сильными и лучше вооруженными, съ каждымъ днемъ болѣе убѣждаются въ противоположности ихъ интересовъ съ британскими, съ каждымъ днемъ становятся доступнѣе враждебнымъ вліяніямъ. Положеніе это невыносимо и требуетъ безотлагательныхъ мѣропріятій, такъ какъ политика равнодушія, разнообразившаяся карательными экспедиціями и блокадами, цѣли не достигаетъ. Слѣдуетъ продолжать съ успѣхомъ начатое сэромъ Робертомъ Сендеманомъ на южной части границы подчиненіе племенъ англійскому „контролю“, распространивъ его систему на сѣверныя племена. Надо прежде всего разъединить пограничныя племена другъ отъ друга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природа страны сама этому способствуетъ, ибо племена на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи совершенно отдѣлены отъ афридіевъ, а затѣмъ долина Курама раздѣляетъ афридіевъ и оракзіевъ отъ болѣе южныхъ везиріевъ и т. д. Ключъ къ успѣху лежитъ въ странѣ афридіевъ, наиболѣе труднодоступной и соединяющей племена сѣвера съ племенами юга. Нельзя допустить, чтобы 20 т. не признающихъ никакихъ законовъ горцевъ ставили упорную преграду политическимъ потребностямъ великой имперіи. „Надо это племя усмирить, во что бы то ни стало“. Долину Тира, центръ страны афридіевъ, слѣдуетъ занимать войсками, пока горцы не покорятся вполнѣ. Можно устроить здѣсь постоянную лѣтнюю стоянку для британскихъ войскъ, чѣмъ, благодаря горному здоровому климату, будетъ сберегаемо больше людей, чѣмъ стоила вся экспедиція. Когда афридіи будутъ усмирены, остальныя племена, будучи разъединены, покорятся сдѣлавшемуся неизбѣжнымъ цивилизующему вліянію. Идеальное положеніе для этой границы: рядъ находящихся подъ покровительствомъ англійской власти небольшихъ владѣньицъ, управляемыхъ собственными старѣйшинами или собраніями и какъ можно болѣе обособленныхъ другъ отъ друга. Къ каждому племени или группѣ должны быть назначены особые офицеры для веденія дѣлъ съ ними, для пріобрѣтенія ихъ довѣрія и для наблюденія за ихъ вооруженіемъ, и т. д. Возраженія, указы-

вающія на то обстоятельство, что только въ ихъ нынѣшнемъ дикомъ состояніи горныя племена въ состояніи оказать противодѣйствіе нашествію, авторъ опровергаетъ соображеніемъ, что трудно предвидѣть—чью сторону примутъ горцы: непріятельскіе агенты могутъ обѣщать грабежъ богатыхъ городовъ и долинъ Индіи, „а что можемъ предложить имъ за союзъ мы?“ Что касается финансовой стороны, то если предлагаемая политика вызоветъ нынѣ значительные расходы, за-то она доставитъ несравненно большія сбереженія, предотвращая пограничныя войны въ будущемъ (A brief note on the Northwestern Frontier Policy, by Lord Napier of Magdala, въ Nineteenth Century, 1898, March, p.p. 371—373).

Въ концѣ 1897 и въ началѣ 1898 гг., послѣ вывода войскъ Локхарта изъ Тира, безъ приведенія афридіевъ къ покорности, перевѣсъ въ борьбѣ съ горцами казался значительной части общественнаго мнѣнія Англіи и почти всей континентальной прессѣ находящимся на сторонѣ афридіевъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій весною, съ новыми расходами и жертвами со стороны Англо-Индіи, неминуемымъ. Вслѣдствіе этого, на основаніи весьма неполныхъ свѣдѣній, содержавшихся въ телеграммахъ и болѣе или менѣе плохо освѣдомленныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, политика правительства, дѣйствія Локхарта, организація и дѣятельность штабовъ, интендантства и т. д. подвергались рѣзкой критикѣ и порицаніямъ. При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, весенняя сэссія парламента, открывавшаяся 8 февраля 1898 года, обѣщала имперіалистско-консервативному министерству значительныя затрудненія, такъ какъ оппозиція могла воспользоваться непопулярностью и неудачами правительственной политики на сѣверозападной границѣ Индіи. По этой причинѣ статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи лордъ Хамильтонъ озаботился изданіемъ, ко времени открытія парламента, сборника документовъ о столкновеніяхъ съ горцами, закончившагося его депешею вице-королю отъ 28 января 1898, очевидно составленною для оправданія политики правительства противъ нападеній и содержавшую обзоръ пограничныхъ столкновеній 1897 года съ указаніями относительно будущей политики.

Въ депешѣ этой, главною причиною возстаній лордъ Хамильтонъ признаетъ, какъ уже выше было приведено, мусульманскій фанатизмъ, возбуждаемый муллами. Въ числѣ второстепенныхъ поводовъ онъ указываетъ на проведеніе въ натурѣ границы съ владѣніями эмира согласно договору Дьюранда, которое могло послужить мулламъ предлогомъ для обвиненія правительства въ намѣреніи лишить племена ихъ независимости (Military operations etc., vol. II, p. 177), возвышеніе акциза на кохатскую соль, вызванное необходимостью устранить контрабанду и содержаніе особаго таможен-

наго надзора, извѣстія о пораженіяхъ, нанесенныхъ мусульманами-турками христіанамъ-грекамъ, слухи о небывалыхъ неудачахъ Англіи и пр. (p. 177).

Приступая къ обсужденію дальнѣйшей англо-индійской политики въ отношеніи къ пограничнымъ племенамъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи замѣтилъ, что задачи правительства въ этомъ отношеніи могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) въ отношеніи къ британскимъ землямъ, непосредственно прилегающимъ къ территоріи независимыхъ племенъ, 2) относительно „строгаго исключенія всякаго внѣшняго вмѣшательства на территоріи племенъ, отданной по предшествовавшимъ соглашеніямъ въ сферу британскаго политическаго вліянія“, и 3) „по исполненію нашихъ обязательствъ въ отношеніи Авганистана и по оборонѣ естественныхъ границъ Индіи“ (p.p. 177, 178).

По первому предмету, въ послѣдніе годы произошли значительныя перемѣны, заключающіяся въ томъ, что,—вслѣдствіе развитія пограничной торговли и успѣховъ земледѣлія и промышленности въ приграничной полосѣ,—сношенія между населеніемъ британской территоріи и горцами очень участились; отъ этого увеличилось, между прочимъ, вліяніе духовенства независимыхъ племенъ на британскихъ пограничныхъ мусульманъ, возрастаніе же фанатизма выразилось участіемъ британскихъ подданныхъ въ возстаніи въ Сватѣ и въ набѣгѣ момендовъ на Шабкаддаръ (p. 178). Никакихъ однако дальнѣйшихъ выводовъ изъ этихъ фактовъ и какихъ либо указаній на соотвѣтствующія мѣропріятія въ депешѣ не содержится.

По второму предмету, лордъ Хамильтонъ начинаетъ съ замѣчанія, что отношенія къ племенамъ сѣверной части границы, начиная съ Везиристана, отличаются отъ отношеній къ племенамъ белучжей, контролируемымъ изъ Кветты, вслѣдствіе различія во внутреннемъ управленіи; сверхъ того разнообразны и отношенія къ разнымъ сѣвернымъ племенамъ: даверская часть долины Точи принята подъ непосредственное покровительство, тогда какъ, напр., племена Хайберскаго прохода остаются вполнѣ независимыми, внѣ принятыхъ ими на себя обязательствъ по отношенію къ Хайберскому проходу; иныя племена, какъ даверцы, платятъ небольшія подати, тогда какъ другимъ правительство само даетъ субсидіи за военныя и полицейскія услуги. Опредѣливъ границу между Авганистаномъ и землями племенъ, состоящихъ въ сферѣ англійскаго вліянія, соглашеніе Дьюранда имѣло однако и тотъ результатъ, что, освободивъ племена отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла эмира и упразднивъ исканіе ими помощи противъ эмира у Англіи, оно обратило все ихъ недовѣріе и всѣ ихъ опасенія исключительно на Англію. „Постепенное устраненіе этого недовѣрія должно быть однимъ изъ первостепенныхъ предметовъ предстоящихъ намъ дѣйствій“. Съ умноженіемъ сношеній горцевъ съ британскими туземцами участятся обращенія горцевъ къ пограничнымъ офицерамъ. Увеличатся или

уменьшатся вслѣдствіе этого поводы къ враждебнымъ столкновеніямъ—неизвѣстно. Но при надлежащей внимательности и предусмотрительности можно бы надѣяться, что непріязненныя столкновенія будутъ устраняемы и учащенныя сношенія повліяютъ на исправленіе къ лучшему грабительскихъ и безнравственныхъ наклонностей горцевъ, безъ вмѣшательства въ родовую систему ихъ самоуправленія (p.p. 178, 179).

По третьему предмету, лордъ Хамильтонъ ограничился констатированіемъ, что принятое въ 1880 году обязательство защищать владѣнія эмира въ случаѣ невызваннаго внѣшняго нападенія, если эмиръ во внѣшнихъ дѣлахъ будетъ слѣдовать указаніямъ британскаго правительства, подтверждено, но не расширено соглашеніемъ Дьюранда, „въ доказательство же возрастающаго дружелюбія между двумя правительствами субсидія эмиру увеличена на шесть лаковъ". Къ сказанному обязательству добавилась обязанность (duty) надзора за пограничными горными проходами въ Индію, а равно содержанія достаточнаго „контроля" надъ главными путями, соединяющими Авганистанъ съ Индіею, „съ цѣлію предупрежденія чьего-либо враждебнаго политическаго вліянія на высокихъ плато, съ которыхъ внутренній Авганистанъ господствуетъ надъ этими проходами" (p. 179).

Хотя замѣчанія лорда Хамильтона по тремъ группамъ задачъ пограничной политики отрывочны, неполны и довольно неопредѣленны, тѣмъ не менѣе онъ отказывается дать индійскому правительству болѣе точную инструкцію на томъ основаніи, что пограничныя дѣла и вопросы столь сложны и разнообразны, что для разрѣшенія ихъ не можетъ быть какихъ либо точныхъ формулъ и плановъ и что, напротивъ, „всякая попытка дать однообразныя правила для руководства могла бы повредить главному объекту общей политики правительства ея величества, именно уваженію къ правамъ другихъ, при твердой поддержкѣ своихъ". „Вмѣстѣ съ тѣмъ однако есть нѣкоторые руководящіе принципы, касающіеся пограничной политики, которыхъ правительство ея величества рѣшилось придерживаться" и на которые обращаетъ вниманіе вице-короля:

1) Большое протяженіе и трудности горной границы дѣлаютъ желательнымъ, чтобы содержаніе постовъ и постоянныхъ военныхъ отрядовъ было ограничено тѣми позиціями, которыя необходимы для точно опредѣленныхъ нуждъ пограничной политики. Такъ, напр., лордъ Хамильтонъ еще въ августѣ 1895 года указывалъ на необходимость обсудить—настолько ли отрядъ въ Вано полезенъ, чтобы окупались производимые на его содержаніе расходы. Онъ полагаетъ, что такіе посты, какъ въ Сарагари (см. выше, стр. 53), должны быть упразднены. Вообще же вопросъ о лучшемъ размѣщеніи пограничныхъ постовъ и о выборѣ подлежащихъ удержанію сообщеній чрезъ по-

граничныя земли долженъ быть подвергнутъ тщательному изученію, на основаніи котораго слѣдуетъ составить ясный и вполнѣ опредѣленный планъ, соотвѣтствующій мѣстнымъ обстоятельствамъ. Посты отъ регулярныхъ войскъ должны быть оставлены лишь въ такихъ мѣстностяхъ и условіяхъ, гдѣ возможно скорое и успѣшное отраженіе всякихъ нападеній на нихъ, постамъ же изъ наемныхъ стражниковъ или милиціонеровъ долженъ быть, на сколько возможно, придаваемъ характеръ полицейской, а не военной силы.

2) Второй принципъ, указываемый лордомъ Хамильтономъ, заключается въ избѣжаніи всякихъ столкновеній съ племенами, которыя могутъ быть устраняемы безъ вреда для насущныхъ интересовъ. Именно по этой причинѣ онъ, по зрѣломъ обсужденіи, отказалъ въ своемъ согласіи на обложеніе афридіевъ и оракзіевъ податью. Онъ не отвергаетъ, что такой налогъ былъ бы видимымъ проявленіемъ правъ, пріобрѣтенныхъ по соглашенію Дьюранда; возможно также, что номинальная подать могла бы усилить положеніе меликовъ противъ проповѣдей муллъ и фанатическихъ взрывовъ; боязнь обложенія податьми удерживала бы иногда враждебно настроенныхъ горцевъ. Но, съ другой стороны, желательно избѣгать подтвержденій мысли о томъ, что правительство намѣревается управлять землями горцевъ или желаетъ включить ихъ въ предѣлы индійскихъ провинцій. Сверхъ того лордъ Хамильтонъ опасается, что наложеніе даже номинальной подати можетъ воспламенять умы горныхъ племенъ, доставлять враждебно расположеннымъ людямъ матеріалъ для приписыванія британскому правительству намѣреній, которыхъ оно не имѣетъ, особенно же можетъ дать племенамъ возможность выбирать время для отказа въ уплатѣ податей и, чрезъ это, для открытаго возстанія противъ британской власти. Въ такомъ случаѣ единственнымъ средствомъ вынудить исполненіе правительственныхъ требованій, вмѣсто карательныхъ экспедицій и блокадъ, могло бы быть лишь введеніе прямого административнаго „контроля" или, наконецъ, присоединеніе къ непосредственнымъ британскимъ владѣніямъ. Но распространеніе прямаго управленія за границу вызоветъ увеличеніе отвѣтственности, котораго желательно избѣгать, присоединеніе же повлечетъ за собою расширеніе британскихъ гражданскихъ и военныхъ учрежденій, съ слишкомъ большой и все растущей тяжестью для финансовыхъ средствъ. Между тѣмъ страхъ присоединенія несомнѣнно отвращаетъ отъ совершенія насильственныхъ дѣйствій и можетъ оказывать такое вліяніе на сохраненіе порядка, какое отсутствуетъ въ присоединенныхъ земляхъ.

3) По поводу обезоруженія, одобряя помѣщеніе въ числѣ условій покорности возстававшихъ племенъ выдачу такихъ количествъ оружія, какія разумно могутъ быть требуемы, лордъ Хамильтонъ находитъ однако, что всякая попытка держать племена или часть ихъ обезоруженною повлечетъ за

собою серьезныя послѣдствія, ибо при томъ отсутствіи законовъ и власти, въ какомъ живутъ племена внѣ британской территоріи, племена эти не могутъ существовать безъ средствъ для защиты. Пока правительство не приготовилось принять на себя ихъ защиту противъ всѣхъ ихъ сосѣдей, отнятію средствъ самозащиты неизбѣжно должны быть опредѣлены какія-нибудь границы.

Въ заключеніе статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи говоритъ, что хотя взрывъ фанатизма, послѣдовавшій вслѣдствіе пропаганды муллъ, открылъ гораздо болѣе глубокій и шире распространенный источникъ опасности, чѣмъ до сихъ поръ подозрѣвалось, но съ другой стороны мягкость условій покорности, предъявленныхъ возставшимъ племенамъ, и явное нежеланіе правительства посягать на независимость и обычаи самоуправленія племенъ не могутъ не устранять то недовѣріе, которое ранѣе существовало у горцевъ относительно намѣреній правительства. Ближайше предстоящія въ отношеніяхъ къ горцамъ затрудненія соединены, поэтому, не столько съ опасеніями вмѣшательства въ ихъ дѣла, сколько съ неугомонностью (характера) горцевъ. Поэтому вице-король долженъ обратить вниманіе на эту перемѣну положенія и посвятить свои заботы новымъ сторонамъ вопроса. Въ виду же трудностей, съ которыми сопряжено было усмиреніе возстаній, совпавшихъ съ голодомъ и чумою въ Индіи, индійское правительство будетъ имѣть въ виду, что „никакія новыя отвѣтственности (responsibility) не могутъ быть допущены кромѣ неизбѣжно вызываемыхъ дѣйствительными стратегическими нуждами и защитою индійской границы“ (p.p. 179—182).

По открытіи парламента оппозиція, какъ и ожидалось, направила свои удары на индійскую пограничную политику. Представители правительства, помимо возраженій по существу, упирали съ своей стороны на то обстоятельство, что правительство было вѣрнымъ продолжателемъ политики либеральнаго кабинета и держалось тѣхъ же принциповъ, принимало такія же мѣры, какъ предшествовавшія либеральныя министерства. Дѣйствительно, первое выставленіе военнаго отряда въ земляхъ независимыхъ племенъ, со всѣми послѣдствіями, было, какъ выше излагалось, разрѣшено въ 1894 году либеральнымъ статсъ-секретаремъ Фоулеромъ, который нашелъ, что это необходимо для установленія „дѣйствительнаго контроля надъ Везиристаномъ“ (Mil. operations on the North-west Frontiers of India, I, p. 31). Выставленіе войскъ въ Читралѣ и въ Малакандѣ было конечно отнюдь не менѣе необходимо для „дѣйствительнаго контроля“ надъ Читралемъ и Сватомъ, а затѣмъ во всемъ остальномъ лордъ Хамильтонъ дѣйствовалъ совершенно такъ же, какъ поступалъ и поступилъ бы Фоулеръ. При такой постановкѣ дѣла, весьма естественно, что въ палатѣ общинъ внесенная оппозиціею поправка къ адресу, выражавшая порицаніе политикѣ правительства на сѣверо-западной

границѣ Индіи, была 15 февраля 1898 г. отвергнута большинствомъ 311 голосовъ противъ 208. Когда, съ другой стороны, защитникъ „наступательной политики“, бывшій главнокомандующій войсками Индіи, фельдмаршалъ лордъ Робертсъ Кандахарскій (of Kandahar) выступилъ, 7 марта, въ палатѣ лордовъ, съ заявленіемъ о необходимости энергичныхъ и дѣйствительныхъ мѣропріятій къ подчиненію пограничныхъ племенъ, положеніе которыхъ служитъ грозою для безопасности Индіи, то правительство заявило свое рѣшительное несогласіе съ мнѣніями Робертса и твердое намѣреніе держаться намѣченной лордомъ Хамильтономъ политики. Противники Forward Policy напротивъ торжествовали: предсѣдатель восточно-индійской ассоціаціи лордъ Reay, въ рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи этого общества 27 мая 1898 года, между прочимъ, утверждалъ, что положеніе, принятое правительствомъ, и принципы, установленные имъ въ депешахъ вице-королю, при точномъ исполненіи, предотвратятъ новыя усложненія на сѣверо-западной границѣ Индіи; онъ сказалъ при этомъ: „изъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ достиженію столь желательнаго результата, первое мѣсто занимаетъ предсѣдатель нашего совѣта сэръ Лепель Гриффинъ, могучее перо котораго сдѣлало очень многое“ (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, July, p. 183).

Значитъ ли все это, что Англія отказалась въ отношеніи къ авганскимъ горнымъ племенамъ отъ Forward Policy и безповоротно приняла политику уваженія независимости этихъ племенъ и неприкосновенности ихъ территоріи?

По увѣренію одного изъ англо-индійскихъ публицистовъ, „Синяя книга“ 1898 года ничего не скажетъ тому, кто не умѣетъ читать между строками (Vista въ I. a. A. Quarterly Review, 1899, January, p. 10). Но и не претендуя на такое умѣнье, достаточно вникнуть внимательно въ содержаніе депеши лорда Хамильтона, чтобы убѣдиться, что главною, единственно существенною, цѣлью англійской политики на сѣверо-западной границѣ признается „защита“ Индіи отъ русскаго нашествія и „стратегическія нужды“ этой обороны. Хотя при достиженіи этой цѣли предполагается уважать „права другихъ, при твердой поддержкѣ своихъ“, но въ той же депешѣ англійскіе „интересы“ отождествляются съ „правами“, права же „другихъ“ оставляются безъ вниманія и попираются, если не совпадаютъ съ англійскими интересами. Такъ, для обороны Индіи важно имѣть „контроль“ надъ пограничными племенами и ихъ территоріею: Англія присвоиваетъ его себѣ на основаніи гандамакскаго договора съ Якубъ-ханомъ и кабульскаго соглашенія Дьюранда съ Абдэррахманъ-ханомъ, тогда какъ пограничныя племена въ зависимости отъ этихъ эмировъ не состояли, и потому Англія не могла правильно пріобрѣсти отъ нихъ правъ, которыхъ сами эмиры эти не имѣли. О независимости племенъ въ депешѣ трактуется только какъ о предметѣ, въ

высшей степени дорогомъ для горцевъ, а не какъ о началѣ, признаваемомъ Англіею. Правительство желаетъ, чтобы индійскія власти возстановили и поддерживали въ горцахъ убѣжденіе въ томъ, что оно не намѣрено посягать на независимость племенъ. Но оно поступаетъ такъ не потому, что твердо и искренно признаетъ эту независимость и право на нее племенъ, а потому лишь, что не видитъ пока лучшаго средства достигнуть умиротворенія племенъ и дружелюбныхъ съ ними отношеній. Рекомендуемыя прямолинейными приверженцами „наступательной политики“ насильственныя мѣропріятія—обезоруженіе, обложеніе податями, подчиненіе британскому управленію и т. д.—отвергаются лордомъ Хамильтономъ не принципіально, не потому, что они противорѣчатъ началу независимости племенъ, а только по практическимъ трудностямъ и невыгоднымъ результатамъ ихъ примѣненія. Отклоняя упомянутыя насильственныя мѣропріятія, правительство пріобрѣло по этой причинѣ одобреніе своей политикѣ со стороны всѣхъ противниковъ Forward Policy, но сохранило также поддержку всѣхъ умѣренныхъ сторонниковъ „наступательной политики“, которые мирятся съ правительственною политикою, такъ какъ она не находится съ Forward Policy въ принципіальномъ противорѣчіи и стремится къ тѣмъ же цѣлямъ, хотя другими средствами. Такъ стоящій болѣе тридцати лѣтъ въ рядахъ сторонниковъ Forward Policy сэръ Ричардъ Темпль,—мнѣніе котораго о горныхъ племенахъ, высказанное въ шестидесятыхъ годахъ, было мною приведено, — въ любопытномъ сообщеніи, сдѣланномъ 8 декабря 1898 года въ Royal United Service Institution, заявилъ, что если бы результатомъ незадолго передъ тѣмъ законченнаго столкновенія съ Франціею изъ-за Фашоды была война и сторону Франціи приняла бы Россія, то непріязненныя отношенія съ авганскими горными племенами сильно усугубили бы трудности войны для Англіи. Онъ питаетъ надежду, что принятая нынѣ правительствомъ политика освободитъ Англо-Индію отъ враждебности горцевъ. Изъ иныхъ политикъ ту, которая заключалась бы въ поступленіи съ горцами такъ, „какъ Россія обошлась съ Черкесіею послѣ крымской войны, т. е. состояла бы въ истребленіи ихъ“, онъ обсуждать нашелъ излишнимъ, потому что ни индійское правительство ея не приметъ, ни англійскій народъ ее не допуститъ. Политика подчиненія независимыхъ племенъ и управленія ими и ихъ землями такимъ же порядкомъ, какъ управляются провинціи Индіи, „была бы слишкомъ дорога и едва-ли имѣла бы успѣхъ, потому что горцы не покорились бы: возстанія и усмиренія были бы безконечны и закончились бы тѣмъ, что я называю черкесскимъ методомъ“. Не годится также примѣнявшаяся на югѣ границы съ успѣхомъ бомбейская политика (сэра Роберта Сендемана, подъ руководствомъ, между прочимъ, стоявшаго одно время его начальникомъ сэра Ричарда Темпля), потому что

афридіи, по своему характеру, совершенно отличаются отъ южныхъ племенъ. Поэтому сэръ Ричардъ Темпль вполнѣ одобряетъ принятую нынѣшнимъ правительствомъ политику не щадить стараній убѣдить афридіевъ и остальныя племена, что ихъ независимость будетъ абсолютно сохраняема подъ британскимъ владычествомъ: that their independence under us is absolutely secure (Journal of the Royal United Service Institution, 1899, January, p.p. 4, 5).

Желавшій въ 1895 году „вразумить" авганскія племена, что они „наши", Керзонъ, въ излагавшей впервые, по назначеніи его вице-королемъ Индіи, съ титуломъ лорда Керзонъ-Кедльстона, взгляды его относительно политики на сѣверо-западной границѣ лахорской рѣчи 30 марта 1899 г., объявилъ, по газетнымъ извѣстіямъ, что намѣренъ уважать независимость племенъ и быть дружественнымъ съ тѣми, кто этого пожелаетъ, но твердымъ въ дѣйствіяхъ относительно тѣхъ, кто нападетъ безъ вызова. Подобно лорду Хамильтону, онъ, однако, уклонился отъ дальнѣйшихъ разъясненій: никто-де не въ состояніи предвидѣть, что можетъ случиться въ столь обильной неожиданностями странѣ, какъ сѣверо-западная граница Индіи; пограничная политика менѣе зависитъ отъ инструкцій и плановъ, чѣмъ отъ методовъ и средствъ, а еще болѣе отъ людей. Хотя въ рѣчи лорда Керзонъ-Кедльстона не слышится особаго сочувствія политикѣ лорда Хамильтона, однако, въ теченіе всего 1898 года, при лордѣ Эльджинѣ, и въ 1899 году, при новомъ вице-королѣ, индійское правительство дѣйствовало совершенно въ духѣ миролюбія и воздержанія отъ всякихъ покушеній на вмѣшательство въ дѣла горныхъ племенъ и на неприкосновенность ихъ территоріи. По обыкновенію, отдѣльныя лица, шайки и даже мелкія вѣтви племенъ производили грабежи и небольшія вторженія на британскую территорію, но пограничныя власти, слѣдуя, конечно, инструкціямъ свыше, ограничивались прекращеніемъ безпорядковъ и наказаніемъ виноватыхъ по возможности, не затѣвая большихъ экспедицій и не распространяя отвѣтственности на цѣлыя племена, остававшіяся чуждыми возникавшимъ безпорядкамъ. Появлялся въ ноябрѣ 1898 года въ Сватѣ „безумный факиръ", пытаясь поднять юсуфзіевъ противъ хана Дира, но успѣха не имѣлъ, будучи прогнанъ самими горцами. Начинались военныя дѣйствія между ханомъ Дира и баджаурцами, но своевременныя строгія внушенія не замедлили возстановить спокойствіе.

Хотя заведенное съ начала 1898 года охраненіе Хайберскаго прохода британскими войсками не вызывало столкновеній съ афридіями, но съ цѣлію окончательнаго примиренія съ ними и устраненія поводовъ къ столкновеніямъ и неудовольствіямъ, въ мартѣ 1899 года британскія войска выведены изъ Хайбера, и для охраны его сформированы два батальона „хайберскихъ стрѣл-

ковъ", каждый изъ шести ротъ, по 100 ч. въ ротѣ, подъ командою британскихъ офицеровъ; восемь изъ этихъ ротъ вербуются изъ афридіевъ Хайбера, племенамъ которыхъ сверхъ того сохранены получавшіяся ими ранѣе субсидіи. Кромѣ того, изъ вышеупомянутаго сообщенія сэра Ричарда Темпля 8 декабря 1898 года слѣдуетъ заключить, что, во-первыхъ, правительство, для успокоенія афридіевъ, отказалось отъ постройки по Хайберу желѣзной дороги, ограничившись проведеніемъ ея отъ Пишавера до Джамруда и заготовленіемъ всего необходимаго для укладки рельсовъ отъ Джамруда до Кабула, когда въ этомъ встрѣтится надобность; во-вторыхъ, во избѣжаніе неудовольствія и столкновеній съ везиріями, рѣшено не возводить укрѣпленій по Гомульскому пути чрезъ Сулеймановы горы и не занимать для этой цѣли пункта около Худайдэда, какъ предлагали нѣкоторые военные авторитеты, ограничившись, въ видахъ обороны Гомульскаго прохода, постройкою постояннаго черезъ Индъ моста у Дере-Измаилъ-хана (The Journal of R. U. S. Institution, 1899, January, p.p. 3, 4, 6, 15—17) *).

*) Считаю не лишнимъ привести здѣсь сокращенно изъ этого же сообщенія сэра Ричарда Темпля (The present situation on the Indian Frontier) соображенія его относительно обороны Индіи противъ нападенія Россіи, такъ какъ эти соображенія составляютъ главнымъ образомъ лишь отраженіе мнѣній и свѣдѣній правительственныхъ сферъ въ концѣ 1898 года. Заявляя, разумѣется, что Англія съ своей стороны желаетъ сохранять съ Россіею миръ и согласіе, онъ указалъ на два недавнихъ факта, свидѣтельствующихъ о явно недружелюбныхъ замыслахъ Россіи противъ Индіи: во-первыхъ, проведеніе желѣзной дороги отъ Мерва до Кушка на авганской границѣ, дороги, которая не доходитъ до Херата лишь 70 миль, не имѣетъ никакого торговаго значенія и является угрозою для Авганистана и Индіи, и во вторыхъ, наполненіе авгано-персидской границы въ Сеистанѣ русскими офицерами и агентами, съ невѣдомыми, но очевидно враждебными цѣлями (p.p. 7, 8). Относительно положенія Авганистана въ случаѣ войны Англіи съ Россіей сэръ Р. Темпль того мнѣнія, что, какъ и во время столкновеній съ пограничными племенами, эмиръ останется вѣрнымъ Англіи, хотя «кто можетъ читать въ сердцѣ авгана?» (p. 3). Обыкновенно полагаютъ, что русское нашествіе можетъ быть произведено по двумъ направленіямъ: на Хератъ-Кандахаръ и на Балхъ-Кабулъ. Сэръ Р. Темпль убѣжденъ, что успѣшное движеніе русской арміи на Кабулъ, гдѣ она встрѣтитъ британскую армію, соединенную временною желѣзною дорогою съ Пишаверомъ, практически невозможно вслѣдствіе чрезвычайной трудности путей чрезъ Хиндукушъ (p.p. 11, 12). Остается направленіе Хератъ-Кандахаръ. «Можетъ-ли Хератъ защищаться и пожелаютъ ли его защищать—этого никто не можетъ знать. Если авганы будутъ хорошо настроены, то я не сомнѣваюсь, что крѣпость можетъ защищаться». Индійское правительство можетъ послать нѣсколько отборныхъ инженеровъ, артиллеристовъ и офицеровъ. «Я думаю, что благодаря этому Россіи придется потанцовать предъ Хератомъ нѣсколько дней, а можетъ быть и недѣль. Весьма важно, между прочимъ, укрѣпить всѣ высоты кругомъ Херата, съ которыхъ русскіе могли бы командовать надъ городомъ. Все это однако надолго не пособитъ, русскіе возмутъ Хератъ, и я думаю, что мы не пошлемъ своихъ войскъ въ такую даль отъ своей базы. Хератъ долженъ пасть, но продержавшись нужное для насъ время» (p. 12). Оттуда русская армія направится къ Кандахару и встрѣтится съ британскою, которая ее несомнѣнно отразитъ. Если-бы, паче чаянія, позиція при Кандахарѣ не была удержана и русская армія двинулась бы къ Гомульскому проходу, то тамъ ее встрѣтитъ британскій корпусъ, тогда какъ арьергарду ея будетъ угрожать другой корпусъ, поддерживаемый третьимъ изъ Кветты. Такимъ образомъ противъ одного аттакующаго русскаго корпуса, имѣющаго другой корпусъ въ резервѣ, будутъ дѣйствовать три британскихъ корпуса.

Если бы миролюбивая и благоразумная политика лорда Хамильтона не была только результатомъ „урока“ 1897 года, показавшаго какія трудности и опасности представляетъ борьба съ доведенными до крайности горцами, защищающими свою независимость, но имѣла принципіальныя основы, а съ ними и прочную устойчивость на долгое время, то по всей вѣроятности Англія въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не ранѣе, пріобрѣла бы мирное сосѣдство и дружбу горныхъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннаго и вѣрнаго союзника для обороны Индіи противъ нашествія чрезъ Авганистанъ и Сулеймановы горы. Къ несчастію не только для авганскаго народа, но и для самой Англіи, на сколько-

---

Изъ нихъ два, повидимому, будутъ взяты изъ индійской арміи, третій же будетъ присланъ изъ Англіи, гдѣ будетъ немедленно приступлено къ формированію второго корпуса. Потребуются значительные расходы, «но я полагаю, что мы возвратимъ эти издержки съ Россіи» которая должна будетъ выплатить ихъ деньгами или землями въ Китаѣ» (p.p. 12, 13).

Численность арміи нашествія сэръ Р. Темпль опредѣляетъ не выше 100 т. ч., такъ какъ закаспійская желѣзная дорога, одноколейная и отрѣзанная отъ внутреннихъ губерній Каспійскимъ моремъ, не въ состояніи перевезти большаго количества войскъ и снабжать ихъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ, и такъ какъ для движенія отъ Херата арміи въ 100 т. ч. потребуется подъ продовольствіе и другія тяжести не менѣе 100 т. верблюдовъ, между тѣмъ какъ вся страна на сѣверъ до Аральскаго моря едва ли можетъ дать такую массу верблюдовъ. Вообще этотъ недостатокъ перевозочныхъ средствъ явится главнѣйшимъ затрудненіемъ для русскаго нашествія, тогда какъ индійскія желѣзныя дороги доходятъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ британскимъ войскамъ придется вступать въ бой, и на основаніи своего личнаго опыта по завѣдыванію транспортною частью во время войны 1879—1880 г.г. сэръ Р. Темпль завѣряетъ въ возможности добыть въ Индіи любое количество вьючнаго скота, 100 т. верблюдовъ и т. д.

Если Россія не предприметъ немедленно по объявленіи войны движенія къ Инду, а ограничится овладѣніемъ Хератомъ и Авганскимъ Туркестаномъ, размѣститъ свои войска въ этихъ областяхъ и займется здѣсь полгода или годъ приготовленіями для дальнѣйшаго похода на Индію, то, по мнѣнію сэра Р. Темпля, Англія, вслѣдствіе отдаленности указанныхъ областей отъ Инда, не можетъ ни защитить ихъ, ни послать войска для отнятія ихъ. Ей придется принудить Россію къ возвращенію ихъ посылкою флотовъ въ Черное и Балтійское моря, уничтоженіемъ морской торговли Россіи и завладѣніемъ нѣкоторыми пріобрѣтеніями ея въ Китаѣ. Сомнительно, чтобы Россія могла долго выносить такую войну, тогда какъ для Англіи она будетъ нечувствительна, ибо ни ея владѣнія, ни торговля, ни сообщенія съ Индіею ни мало не пострадаютъ (p. 13). Если бы, сдѣлавъ всѣ приготовленія для снабженія арміи въ дальнѣйшемъ пути къ Инду изъ Херата и Балха, Россія произвела нашествіе, то изготовившаяся къ отраженію Англія дала бы ей надлежащій отпоръ и въ Кабулѣ, и въ Кандагарѣ. Сэръ Р. Темпль не допускаетъ однако одновременнаго нападенія по обоимъ направленіямъ, такъ какъ по первому наступленіе невозможно въ зимнее время по причинѣ страшныхъ холодовъ, по второму же въ лѣтнее вслѣдствіе необыкновенныхъ жаровъ (p. 14).

Завѣренія лектора о легкости снабженія британскихъ войскъ транспортными животными изъ Индіи столь не согласны съ опытомъ англо-авганскихъ войнъ, что предсѣдательствовавшій въ собраніи генералъ лордъ Метуенъ долженъ былъ выразить по этому поводу сомнѣніе, указавъ на затрудненія въ транспортныхъ средствахъ во время экспедиціи 1897 года (p. 19). Сэръ Р. Темпль отвѣтилъ, что въ Синдской пустынѣ и въ Раджпутанѣ существуютъ лучшія въ мірѣ пастбища для разведенія верблюдовъ (p. 17). Не трудно однако замѣтить, что мало имѣть пастбища, надо развести сотни тысячъ верблюдовъ, а на это потребуются десятки лѣтъ и громадные расходы со стороны индійской казны, ибо разведеніе вьючнаго скота убито въ Индіи желѣзными дорогами.

нибудь продолжительное примѣненіе нынѣшней политики разсчитывать невозможно, во-первыхъ, вслѣдствіе безраздѣльнаго преобладанія въ англійской политикѣ принципа британскихъ интересовъ, съ попираніемъ чужихъ правъ, и во-вторыхъ, вслѣдствіе крайней нервности правящихъ круговъ и общественнаго мнѣнія Англіи и готовности къ рискованнымъ и неразумнымъ насиліямъ въ случаяхъ воображаемой опасности для Индіи. Salus Indiæ suprema lex— восклицалъ въ 1893 году въ одной своей статьѣ нынѣшній вице-король Индіи; „я вѣрю, что мы рады были бы истратить всѣ снаряды вульвичскаго арсенала и что каждое англійское семейство съ готовностью отдало бы своего послѣдняго сына, чтобы не допустить вступленія врага на индійскую почву“ (Nineteenth Century, 1893, August, India between two fires, by M. George Curzon). Изъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ Индіи, нынѣшній вице-король считалъ и, конечно, продолжаетъ считать важнѣйшею возможность подкупа и возбужденія фанатизма и вражды противъ Англіи въ средѣ авганскихъ пограничныхъ племенъ: „тогда положеніе можетъ измѣниться изъ сомнительнаго въ неоспоримо опасное, и на протяженіи всей тысячемильной границы закипитъ хроническое возмущеніе“.

Вполнѣ естественно со стороны Англіи, если она употребитъ для защиты своихъ индійскихъ владѣній всѣ свои силы и достояніе, но и при оборонѣ недозволительно нарушать требованія общеобязательныхъ для человѣчества нравственности, гуманности, справедливости и уваженія къ правамъ другихъ; и при законной оборонѣ постыдно, неразумно и невыгодно отдаваться во власть чувствъ страха и мстительности. Между тѣмъ, во всемъ этомъ повинна политика Англіи вообще, между прочимъ и въ отношеніяхъ ея къ народу авганскому. Такъ, въ 1838 году, когда неимѣвшій никакихъ обязательствъ предъ Англіею и нежелавшій подчинять ей безъ всякаго вознагражденія свою политику эмиръ Достъ-Мохаммедъ-ханъ вошелъ въ соглашеніе съ Россіей, то хотя Россія, не желая воевать съ Англіею, отреклась отъ данныхъ ея именемъ обѣщаній и отъ политическихъ сношеній съ эмиромъ, Англія тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ чувства страха предъ предстоявшей Индіи опасностью, хотя вполнѣ миновавшей, и изъ мстительности, обращенной вмѣсто сильнаго и опаснаго соперника на слабый и безвредный для Индіи Авганистанъ, начала войну для подчиненія этой страны. Послѣдовавшая, послѣ эфемерныхъ успѣховъ, катастрофа съ окупаціоннымъ отрядомъ обнаружила громадныя трудности удержать завоеванную страну и вынудила англичанъ очистить Авганистанъ послѣ вторичнаго похода для мести и выручки плѣнныхъ. Чрезъ тридцать пять лѣтъ Англія успѣла позабыть полученный урокъ. Когда чрезмѣрныя притязанія англичанъ побудили Ширъ-Али принять русское посольство, Англія начала войну, снова изъ страха за Индію и изъ мести, хотя

оставленному Россiею безъ защиты эмиру не оставалось ничего другого, какъ признать протекторатъ Англiи на возможныхъ условiяхъ. Вмѣсто принятiя неминуемой покорности эмира Авганистана Англiя предпочла воевать, чтобы свергнуть Ширъ-Али съ престола. Снова за обманчивыми удачами возникли трудности борьбы съ народомъ, мужественно и стойко защищающимъ свою независимость, и снова Англiя вынуждена была очистить Авганистанъ, считая счастьемъ, что нашла въ лицѣ Абдэррахманъ-хана эмира, принявшаго условiя, болѣе для Авганистана выгодныя, чѣмъ тѣ, которыми удовольствовался бы Ширъ-Али. Едва прошло послѣ этого пятнадцать лѣтъ, какъ сторонники Forward Policy начали забывать и этотъ вторичный урокъ.

Въ письмѣ къ редактору газеты „The Mail“ 17 iюня 1895 года нынѣшнiй вице-король Индiи спрашивалъ уже: „когда въ исторiи британскихъ войнъ оставленiе занятой территорiи было успѣшно? Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы отступленiе изъ Авганистана въ 1842 году было выигрышемъ, а не потерей. Оставленiе Кандахара въ 1881 году“ нѣсколько извиняется лишь тѣмъ, что Абдеррахманъ-ханъ оказался вѣрнымъ другомъ Англiи, хотя нахожденiе Кандахара въ британскихъ рукахъ было бы всетаки надежнѣе. Если и принять въ соображенiе, что такiя мнѣнiя высказывались Керзономъ въ пылу полемики противъ индiйскихъ „отставныхъ губернаторовъ и генераловъ, наводнившихъ почти всю прессу“ требованiями о выводѣ британскихъ войскъ изъ Читрала послѣ возстановленiя въ немъ англiйскаго влiянiя, изъ опасенiя возбудить вражду и волненiя пограничныхъ племенъ (въ чемъ, какъ показали событiя 1897 года, „отставные губернаторы и генералы“ оказались вполнѣ правыми); что въ Англiи не мало людей, готовыхъ стоять за соблюденiе въ дѣйствiяхъ правительства справедливости, гуманности и уваженiя къ правамъ другихъ народовъ, и что Гладстону удавалось иногда примѣнять въ нѣкоторой степени эти начала въ политикѣ Англiи,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что даже Гладстону приходилось дѣлать уступки, между прочимъ, и по авганскимъ дѣламъ, нацiональному шовинизму и что со смертью его имперiализмъ получилъ рѣшительное преобладанiе.

Лордъ Керзонъ-Кедльстонъ, на постѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, являлся въ 1895—1898 г.г. въ палатѣ общинъ довольно точнымъ и вѣрнымъ выразителемъ умѣренной политики лорда Солсбери, но въ качествѣ публициста, въ предшествовавшiе годы, оказывался способнымъ къ имперiалистскимъ увлеченiямъ. Недавнiй маскатскiй инцидентъ побуждаетъ опасаться отъ него и на постѣ вице-короля Индiи опрометчивой дѣятельности въ томъ же духѣ. Власть вице-короля закономъ и практикою настолько ограничена, что онъ обыкновенно не можетъ предпринимать ничего серьезнаго безъ вѣдома и разрѣшенiя лондонскаго министерства. Однако при отсутствiи между мини-

стерствомъ и вице-королемъ много различія кромѣ степени благоразумія и осторожности, такъ какъ безраздѣльное и неограниченное никакими этическими требованіями господство британскихъ интересовъ признается непреложнымъ, такой талантливый, энергичный и занимающій въ правительственной партіи вліятельное положеніе вице-король, какъ лордъ Керзонъ-Кедльстонъ, можетъ давать англо-индійской политикѣ рѣшительное направленіе въ смыслѣ своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій. Указаніе его, въ лахорской рѣчи, на зависимость англо-индійской пограничной политики не столько отъ намѣреній и инструкцій, сколько отъ людей и случайностей, даетъ основаніе ожидать, что лордъ Керзонъ разсчитываетъ на свою личную талантливость, энергію, ловкость и счастіе для опредѣленія путей и средствъ будущей англо-индійской политики, причемъ неизбѣжно будутъ имѣть преобладающее, быть можетъ, значеніе его симпатіи къ Forward Policy.

Что касается „людей",—которыми часто созидаются и самыя „случайности" на границѣ, какъ видѣли мы въ дѣятельности "политическихъ офицеровъ", предшествовавшей возстаніямъ въ Сватѣ и пр.,—то политика лорда Лоуренса и его преемниковъ до лорда Литтона пользовалась среди индійскихъ англичанъ весьма малыми симпатіями. Гордые британцы съ трудомъ переносили эту политику, требовавшую необычной сдержанности въ отношеніи наглыхъ пограничныхъ дикарей, тогда какъ вся исторія владычества Англіи въ Индіи пріучила къ совсѣмъ иной системѣ обращенія съ азіатцами. По словамъ сэра Лепеля Гриффина, военный секретарь лорда Литтона, полковникъ Pomeroy Colley, фактически правившій при этомъ вице-королѣ Индіею, особенно возмущался воспрещеніемъ британскимъ офицерамъ переходить границу съ горными племенами даже для охоты (Nineteenth Century, 1897, October, p. 510). Со времени лорда Литтона сторонники „наступательной политики" и имперіализма получили преобладаніе въ гражданскомъ, особенно же въ военномъ управленіи Индіи. Рѣчи бывшаго главнокомандующаго войсками Индіи лорда Робертса въ 1893 году въ Лондонѣ, по возвращеніи его изъ Индіи, и въ мартѣ 1898 года, въ палатѣ лордовъ, а также его преемника сэра Генри Хуайта въ Индіи въ октябрѣ 1897 года, мнѣнія послѣдняго въ совѣтѣ генералъ-губернатора относительно афридіевъ, планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы" маіора Дж. Юнгхесбанда и т. д. не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно настроенія военныхъ круговъ Индіи. По справедливому замѣчанію лорда Reay, въ вышеупомянутой рѣчи его 27 мая 1898 г., отношенія къ горнымъ племенамъ много зависятъ отъ такъ называемыхъ „политическихъ офицеровъ", которые завѣдуютъ пограничными дѣлами. Недостаточно указать правильную политику; „мы должны обезпечить себя агентами, способными вести ее и внушать горцамъ довѣріе". —

Газетныя корреспонденціи изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ въ 1887 году, часто заключали въ себѣ жалобы на „политическихъ офицеровъ“, будто бы вынуждавшихъ начальниковъ отрядовъ, къ которымъ они назначались для веденія политическихъ сношеній, къ неумѣстной слабости и снисходительности къ племенамъ, къ уменьшенію размѣровъ подлежавшихъ съ нихъ штрафовъ, оружія и т. п. Въ дѣйствительности, какъ ясно изъ „Синей книги“, „политическіе офицеры“ высказывались большею частію за строгія мѣры и высокіе размѣры взысканій. Та же „Синяя книга“ показала, что возстанія 1897 года были въ значительной степени послѣдствіемъ вмѣшательства пограничныхъ агентовъ въ дѣла горцевъ, несогласнаго съ правительственною политикою, хотя иногда и одобрявшагося индійскимъ правительствомъ. Трудно думать, чтобы и въ будущемъ пограничные коммиссіонеры, сознательно или безсознательно, не проявляли въ своей дѣятельности симпатій къ „наступательной политикѣ“, уже по тому одному, что политика невмѣшательства лишаетъ пограничныхъ агентовъ случаевъ высказывать свои способности въ активной политикѣ.

Вообще, до осени 1899 года, представлялось весьма мало вѣроятнымъ, чтобы политикѣ лорда Хамильтона предстояло продолжительное примѣненіе. Казалось, что даже безъ всякихъ особыхъ случайностей, какъ только впечатлѣніе опасностей и трудностей, сопровождавшихъ усмиреніе смутъ 1897 года, нѣсколько изгладится, англо-индійское правительство болѣе и менѣе постепенно и сознательно, подъ вліяніемъ воинствующаго имперіализма, возвратится на путь „наступательной политики“ въ отношеніи къ пограничнымъ авганскимъ племенамъ. Поводы къ столкновеніямъ обильны съ обѣихъ сторонъ. Достаточно, напр., индійскому правительству, во исполненіе требованій нѣкоторыхъ военныхъ авторитетовъ, провести желѣзную дорогу по Хайберу или гомульскому пути, съ возведеніемъ въ земляхъ горцевъ соотвѣтствующихъ укрѣпленій, или послать военный отрядъ на помощь хану Дира для поддержки вѣрнаго союзника противъ мятежныхъ подданныхъ или враждебныхъ сосѣдей, и т. под., чтобы возбудить въ горныхъ племенахъ опасенія за независимость и вызвать войну съ ними. Съ другой стороны, сколь ни удручены горныя племена бѣдствіями и раззореніемъ вслѣдствіе возстаній 1897 года, тѣмъ не менѣе ненависть и озлобленіе противъ англичанъ столь въ нихъ прочно укрѣплены, что кромѣ обычныхъ грабежей и мелкихъ вторженій весьма возможны стихійные взрывы, подобные возстаніямъ въ Сватѣ и у маддахелей. Въ случаѣ же возобновленія войны съ однимъ или нѣсколькими изъ горныхъ племенъ индійскому правительству едва-ли окажется возможнымъ устоять противъ требованій сторонниковъ „наступательной политики“ относительно обезоруженія, обложенія податями, подчиненія англійскому управленію,

занятія стратегическихъ пунктовъ и прочихъ мѣропріятій, составляющихъ „планъ прочнаго умиротворенія“ или „черкесскій методъ“.

Въ такомъ видѣ представлялось положеніе отношеній Англо-Индіи къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ осенью 1899 года, до войны Англіи съ бурами двухъ южно-африканскихъ республикъ, начавшейся 11 октября. Ознаменовавшаяся неудачами и пораженіями англійскихъ войскъ, выказавшая несостоятельность Англіи, въ качествѣ военной державы, обнаружившая нравственное и политическое ея одиночество и вызвавшая единодушное порицаніе покушеній Англіи лишить независимости и поработить небольшой численностью, но сильный мужественною привязанностью къ свободѣ народъ, колонизовавшій южную Африку,—порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ, война эта, чѣмъ бы она ни кончилась, не можетъ не оказать огромнаго вліянія на послѣдующія судьбы Англіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на ея политику на сѣверо-западной границѣ Индіи. Возможное выясненіе вліянія совершающихся измѣненій въ положеніи Англіи на отношенія ея къ авганамъ составитъ одинъ изъ предметовъ заключительной главы настоящаго этюда.

V. Русскій и англо-индійскій „Кавказы“.

Утверждая, что индійское правительство не пожелаетъ и англійскій народъ не допуститъ примѣненія „черкесскаго метода“ къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ, сэръ Ричардъ Темпль выражалъ господствующее издавна въ Англіи отношеніе къ русскимъ мѣропріятіямъ по покоренію Кавказа, которыя подвергались въ этой странѣ, въ свое время, горячимъ и единодушнымъ порицаніямъ. Хотя планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы“ есть лишь полная систематизація мѣропріятій „черкесскаго метода“,—примѣнявшихся въ разное время, въ различныхъ размѣрахъ и съ неодинаковыми результатами,—однако, не желая навлекать на свой планъ непопулярности „черкесскаго метода“, маіоръ Юнгхесбандъ ссылался, вмѣсто кавказскихъ горцевъ, на горцевъ Шотландіи и населеніе Вандеи, у которыхъ слишкомъ мало общаго съ авганскими пограничными племенами, ихъ средою и исторіею. Между тѣмъ аналогіи между борьбою Англіи съ авганскими горцами и покореніемъ Россіею кавказскихъ горцевъ столь во многомъ поразительны, что начинаютъ сильно интересовать англо-индійскихъ военныхъ писателей.

Такъ, въ майской книжкѣ Nineteenth Century, 1898 (The Caucasus and Tirah: a Retrospect, p.p. 717—723), лордъ Непиръ Магдальскій

занялся сравненіемъ военныхъ дѣйствій генерала Локхарта противъ оракзіевъ и афридіевъ съ экспедиціею графа Воронцова въ Дарго въ 1845 году. Онъ нашолъ, что „оба театра военныхъ дѣйствій сходны по климату, по топографическимъ условіямъ и по пространству. Если русскіе имѣли невыгоду дѣйствовать въ покрытой густыми лѣсами странѣ, то есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Тира лѣса, которые давали, въ двухъ или трехъ случаяхъ, афридіямъ нѣкоторыя преимущества; притомъ Тира вѣроятно много гористѣе и труднѣе для сообщеній, ибо русскія извѣстія упоминаютъ о сопровождавшихъ войска легкихъ колесныхъ экипажахъ, что въ Тира было бы невозможно“. Въ обоихъ случаяхъ враждебные горцы были сходны, какъ одинаково опасные противники, привыкшіе носить орудіе съ дѣтства и проводящіе всю жизнь въ междоусобіяхъ и стычкахъ. У тѣхъ и другихъ одинаково примѣнялась тактика слабаго сопротивленія при наступленіи противника и отчаяннаго на него натиска при отступленіи. Но племена сѣверо-западной границы Индіи лучше вооружены, чѣмъ сподвижники Шамиля. Неудачи русскихъ (въ экспедиціи 1845 года) были слѣдствіемъ военныхъ талантовъ Шамиля, успѣхи же англичанъ (въ Тира) зависѣли отъ талантовъ полководца и превосходства офицеровъ новѣйшаго времени.

Свѣдѣнія лорда Непира во многомъ невѣрны или неполны, а потому и заключенія его ошибочны. Такъ изрѣдка встрѣчающаяся скудная древесная растительность Тира *) не имѣетъ никакого сходства съ занимающими огромныя пространства лѣсами Чечни **). Затѣмъ лорду Непиру повидимому неизвѣстно, что кавказскіе горцы были вооружены лучше русской пѣхоты и кавалеріи: „горцы всегда имѣли предъ нами преимущество въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи... Винтовки ихъ уступаютъ въ дѣйствіи только новѣйшимъ штуцерамъ и нарѣзнымъ ружьямъ“ (донесеніе князя Барятинскаго военному министру 8 ноября 1857 года, см. А. Л. Зиссермана „Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, Москва, 1890 г., томъ II, стр. 185). Что не таланты Шамиля были

---

*) См. описаніе театра военныхъ дѣйствій начальника топографовъ въ войскахъ Локхарта полковника Хольдича въ The Geographical Journal, 1898, October, p. 345.

**) Нѣкоторое сходство существуетъ, въ качествѣ театра военныхъ дѣйствій, лишь между Дагестаномъ и Тира и вообще землями авганскихъ горцевъ. По словамъ генерала Смѣкалова (1877 г.), между условіями военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ и Чечнѣ «и сравненія быть не можетъ»: «какъ бы ни были труднопроходимы горныя тропы Дагестана, вы ихъ все же хорошо видите и опредѣляете издали, что на нихъ есть, тогда какъ въ терской области непроницаемая завѣса лѣсовъ, до самаго момента встрѣчи съ опасностью, оставляетъ васъ въ полной неизвѣстности, «гдѣ и чего ожидать» (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ Терской области въ 1877 году», Спб., 1896, стр. 123). Превосходно также выяснены различіе условій военныхъ операцій въ Дагестанѣ и Чечнѣ и разница въ системѣ войны между лезгинами и чеченцами въ интересной запискѣ генерала Пассека, убитаго въ экспедиціи князя Воронцова 1845 г., напечатанной въ книгѣ Романовскаго «Кавказъ и кавказская война», Спб., 1860 г., стр. 371—378.

главною причиною неуспѣха экспедиціи князя Воронцова, а лѣса Чечни, это доказывается еще болѣе полнымъ пораженіемъ 10-ти тысячнаго отряда Граббе въ 1842 г. въ тѣхъ же лѣсахъ, пораженіи, нанесенномъ какими-нибудь 2 тыс. мѣстныхъ чеченцевъ въ то время, когда Шамиль съ главными своими силами находился въ другой части Дагестана, въ казикумухскомъ ханствѣ. Далѣе, если генералы и офицеры дѣйствовавшихъ въ 1897 г. противъ авганскихъ горцевъ англо-индійскихъ войскъ вообще стояли на высотѣ требованій отъ европейскихъ войскъ въ настоящее время, то равнымъ образомъ генералы и офицеры составлявшихъ въ сороковыхъ годахъ боевую часть русской арміи кавказскихъ войскъ соотвѣтствовали военнымъ требованіямъ своего времени. Вопреки мнѣнію наслѣдника имени побѣдителя негуса Θеодора, сопротивленіе афридіевъ сломлено было отнюдь не какими-либо особыми талантами генерала Локхарта, а превосходствомъ вооруженія британской пѣхоты, превышавшею силы горцевъ численностью англо-индійскихъ войскъ и, главное, артиллеріею, которой горцы совсѣмъ не имѣли.

Во всякомъ случаѣ сравненіе отдѣльныхъ эпизодовъ кавказской войны съ эпизодами англо-авганской не можетъ дать столь цѣнныхъ и поучительныхъ результатовъ, какъ сравненіе той и другой борьбы въ ихъ общихъ условіяхъ и историческомъ развитіи. Изъ всѣхъ примѣровъ борьбы европейскихъ державъ съ нецивилизованными горными народами, страстно и упорно отстаивавшими свою независимость, всего ближе подходятъ къ столкновеніямъ Англо-Индіи съ авганскими горными племенами завоеваніе Кавказа Россіею и Алжиріи Франціею. Но наибольшее сходство принадлежитъ покоренію Кавказа, а потому, намѣтивъ нѣкоторыя главныя черты сходства и различія между кавказскими и авганскими горцами и условіями ихъ обороны, я сдѣлаю краткій очеркъ покоренія кавказскихъ горцевъ и его результатовъ до настоящаго времени, а затѣмъ попытаюсь примѣнить данныя кавказскимъ опытомъ указанія къ борьбѣ англо-авганской.

Пространство территоріи кавказскихъ горцевъ почти одинаково съ пространствомъ земель авганскихъ пограничныхъ племенъ. Численность кавказскихъ горцевъ также равнялась численности авганскихъ, составляя около $1^{1}/_{2}$ милл. душъ обоего пола, въ томъ числѣ около 1 милл. въ Восточномъ Кавказѣ и около 500—600 т. д. въ Западномъ. Кавказскіе горцы находились въ той же стадіи устарѣвшаго и разлагающагося родового быта, какъ авганскіе, и также раздѣлялись на множество независимыхъ обществъ то демократическихъ, то съ наслѣдственными ханами и остатками аристократическихъ классовъ, какъ пережитками былыхъ нашествій и завоеваній. Мусульманство было религіею большинства кавказскихъ горцевъ, но у западныхъ племенъ значеніе его сильно ослаблялось остатками языческихъ и, мѣстами, христіан-

скихъ вѣрованій. Кавказскіе горцы были столь же воинственны и мужественны, какъ авганскіе, и столь же привязаны къ независимости, но они не составляли какъ авганы, лишь разныхъ племенъ и дѣленій одной и той же народности, говорящей на одномъ языкѣ, а распадались на десятки особыхъ народностей, различнаго происхожденія и съ особыми языками. Вслѣдствіе этого необходимое для болѣе успѣшной борьбы съ могучимъ врагомъ единеніе кавказскихъ горцевъ встрѣтило несуществующія у авганскихъ горцевъ препятствія и не могло быть вполнѣ достигнуто. Сверхъ того объединенію Западнаго Кавказа съ Восточнымъ значительно мѣшало раздѣленіе ихъ землями иновѣрныхъ осетинъ и отчасти грузинъ. Другая важная невыгода кавказскихъ горцевъ сравнительно съ авганскими заключалась въ томъ, что территорія ихъ была со всѣхъ сторонъ окружена русскими владѣніями или морями, обыкновенно находившимися во власти Россіи. Напротивъ авганскія пограничныя племена всѣмъ тыломъ своимъ прилегаютъ къ владѣніямъ эмира и не только могутъ находить въ нихъ безопасный пріютъ, но разсчитывать и на помощь подвластныхъ эмиру племенъ авганскаго народа.

Экономическія условія Кавказа и земель авганскихъ горцевъ, разумѣется, весьма разнообразны, но въ общемъ хозяйственное положеніе кавказскихъ и авганскихъ горцевъ сходно въ томъ отношеніи, что, при отсутствіи иныхъ важныхъ промысловъ кромѣ земледѣлія и скотоводства, населеніе было бѣдно и едва могло пропитываться продуктами своихъ промысловъ.

Доставляемыя горною природою выгоды обороны были вообще одинаковы, но могучая древесная растительность въ Чечнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ давала кавказскимъ горцамъ значительное предъ авганскими преимущество.

1) *Покореніе Кавказа Россіею.*

Столкновенія Англіи съ авганами происходили вслѣдствіе желанія ея подчинить своему вліянію или владычеству ихъ страну, съ цѣлью лучшей обороны Индіи противъ болѣе или менѣе возможнаго и вѣроятнаго нашествія съ сѣверо-запада. По распространенному между русскими писателями мнѣнію, „война на Кавказѣ, съ цѣлью его умиротворенія и покоренія русской власти, началась собственно съ 1799 г., со времени занятія нами Грузіи... Россія вовлечена была въ нее силою обстоятельствъ, необходимостью защитить единовѣрцевъ, взывавшихъ къ ней о помощи, а разъ начавъ войну, Россія не могла отступить предъ ея трудностями, не роняя достоинства имперіи, прежде ея совершеннаго окончанія, которое не могло быть иное, какъ полное подчиненіе Кавказа“ („Военный Сборникъ“, 1864 г., октябрь, стр. 382, „Очеркъ

кавказской войны", безъ означенія имени автора). Однако, для защиты собственно Грузіи отъ набѣговъ горцевъ не было необходимости покорять народы Кавказа, а достаточно было держать въ Грузіи одинъ-два русскихъ батальона, которые, при Екатеринѣ II, съ полнымъ успѣхомъ оберегали Грузію въ 1783—87 г.г. не только отъ горцевъ, но и отъ остальныхъ ея внѣшнихъ враговъ. Мнѣніе о томъ, что покореніе Кавказа, сколь бы громадны ни были требующіяся для выполненія жертвы и усилія, требуется „достоинствомъ имперіи", сдѣлалось правительственнымъ лишь при императорѣ Николаѣ I. Два его предмѣстника и Екатерина II держались противоположнаго взгляда.

Принявъ по договору 24 іюля 1783 года подъ свое покровительство Грузію, Россія долго не имѣла за Кавказомъ никакихъ владѣній кромѣ этого вассальнаго царства. Ввѣряя графу В. А. Зубову командованіе предназначаемыми противъ Персіи войсками, императрица Екатерина II писала ему 19 февраля 1796 года: „Приведя къ желаемому концу дѣла имперіи нашей въ Европѣ..., простерли мы вниманіе наше и на азіатскіе предѣлы и съ прискорбіемъ видимъ... злое мучительство свирѣпаго и коварнаго Аги-Махометъ-хана" (Н. Ф. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", томъ 3, Спб., 1886 года, стр. 70). Поводомъ къ походу послужило совершенное въ сентябрѣ 1795 года основателемъ владычества въ Персіи царствующей и понынѣ каджарской династіи нашествіе на Грузію, откуда русскія войска были выведены во время войны съ Турціею. Сколь ни прискорбно было разграбленіе персами Тифлиса, которое притомъ легко могло быть предотвращено своевременною присылкою взятыхъ оттуда войскъ, однако предположенное императрицею завоеваніе Персіи не вызывалось никакой необходимостью, тѣмъ болѣе, что виновникъ нашествія былъ зарѣзанъ своими приближенными до выступленія Зубова въ походъ. Войска наши, впрочемъ, дошли только до Муганской степи, гдѣ и застало ихъ посланное императоромъ Павломъ I, немедленно по вступленіи его на престолъ (6 ноября 1796 г.), повелѣніе возвратиться въ наши предѣлы. Въ концѣ 1799 года, по настоятельнымъ просьбамъ новаго грузинскаго царя Георгія XIII, ссылавшагося на договоръ 1783 года, утвердивъ его въ царскомъ достоинствѣ, Павелъ I послалъ въ Грузію одинъ егерскій полкъ (тамъ же, стр. 251), но на домогательство Георгія, чрезъ особое посольство въ 1800 году, о принятіи Грузіи „навсегда въ полную зависимость и подданство" приказалъ объявить, что просьба будетъ удовлетворена лишь въ томъ случаѣ, если „грузины вторично заявятъ грамотою о своемъ желаніи вступить въ подданство Россіи" (id., стр. 338). Хотя, не дождавшись требуемаго вторичнаго заявленія, Павелъ I подписалъ 18 января 1801 года манифестъ о присоеди-

неніи Грузіи и указомъ Сенату 6 марта того же года обратилъ ее въ губернію (тамъ-же, стр. 357, 381), но вступившій на престолъ 12 марта 1801 года императоръ Александръ I, сомнѣваясь въ желаніи царскаго дома и народа Грузіи лишиться независимости, „почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли“ („Архивъ Государств. Совѣта“, томъ 2, Спб., 1888 г., стр. 1191) и признавая для себя обязательнымъ руководствоваться не однѣми выгодами своего государства, а также справедливостью и уваженіемъ чужихъ правъ („пользамъ царствъ земныхъ, въ правилахъ вѣчныхъ, предустановлена другая мѣра, единая истинная и непреложная: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву“), 19 апрѣля 1801 года поручилъ командовавшему войсками кавказской линіи Кноррингу удостовѣриться: 1) дѣйствительно ли Грузія не въ состояніи собственными силами устроить свои внутреннія дѣла и защищаться отъ внѣшнихъ враговъ, и 2) точно ли народъ желаетъ поддаться Россіи, такъ какъ присоединеніе Грузіи можетъ быть допущено лишь для ея собственнаго блага („Исторія войны“ и пр., т. 3, стр. 391, 394 и 395). Совершивъ поѣздку въ Грузію, Кноррингъ 28 іюня донесъ, что по внутреннему и внѣшнему своему положенію Грузія не въ состояніи однѣми собственными силами ни противостоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отражать набѣги окружающихъ ее горныхъ народовъ, и что хотя дворянство на половину желаетъ сохранить собственнаго царя и прежніе порядки, но „весь народъ“ жаждетъ подданства (стр. 411—414). Въ виду этого и согласно мнѣнію государственнаго совѣта, въ четвертый разъ высказавшагося за присоединеніе, Александръ I, 12 сентября 1801 г., предписалъ Кноррингу „въ царствѣ грузинскомъ, ради собственнаго его блага, устроить правленіе и порядки“ (стр. 419).

Первыя военныя столкновенія между Россіею и горцами Восточнаго Кавказа произошли чрезъ два года послѣ принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, которое могло внушить горцамъ опасенія за свою независимость, такъ какъ русскія войска оказывались и на сѣверѣ, и на югѣ Кавказа. Въ началѣ 1785 года сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Мансура чеченецъ сел. Алды началъ, подъ вліяніемъ религіозной экзальтаціи, проповѣдывать соплеменникамъ необходимость точнаго соблюденія законовъ ислама, а затѣмъ объявилъ, что, по повелѣнію свыше, ему предстоитъ совершить обращеніе невѣрныхъ народовъ въ мусульманство. Командовавшій кавказскою линіею генералъ-поручикъ Потемкинъ счелъ нужнымъ, въ обращенныхъ къ горцамъ прокламаціяхъ, обличать Мансура, какъ обманщика. Мансуръ отвѣтилъ объявленіемъ газавата противъ русскихъ. Посланный генералъ-поручикомъ Леонтьевымъ (Зиссерманъ „Исторія Кабардинскаго полка“, Спб., 1881 г. томъ I, стр. 158—160) съ порученіемъ схватить Мансура отрядъ полков-

ника Піери 6 іюля 1785 года захватилъ сел. Алды въ—расплохъ, но Мансуръ успѣлъ скрыться. Когда, разграбивъ и сжегши селеніе, Піери пустился въ обратный путь, то подвергся такому ожесточенному нападенію чеченцевъ, что отрядъ его былъ почти уничтоженъ: 8 офицеровъ (въ томъ числѣ Піери) и 414 н. ч. были убиты и 162 ч. взяты въ плѣнъ. Во главѣ собравшихся подъ его знаменами горцевъ Мансуръ совершилъ вскорѣ набѣгъ на Кизляръ, но послѣдующія его дѣйствія были неудачны и закончились уходомъ его въ 1787 году на Западный Кавказъ, гдѣ въ 1791 г. онъ попалъ въ плѣнъ при взятіи турецкой крѣпости Анапы („Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", т. 2, стр. 86—116, 234 и 275). Участь отряда Піери побудила затѣмъ надолго къ соблюденію въ отношеніи горцевъ оборонительной политики: „Не входя въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и не касаясь жительствъ и собственностей ихъ, старайтесь предуспѣть сохранить ихъ въ спокойствіи, презирая неважные грабежи, противъ коихъ полезнѣе умножить собственныя предосторожности и оными наказывать дерзающихъ, чѣмъ отмщать цѣлому народу за грабежи нѣсколькихъ хищниковъ и возбуждать противъ себя взаимное отмщеніе цѣлаго народа, и трудными походами въ ущелины терять людей напрасно, тратить время и одерживать побѣды безполезныя"... (тамъ же, томъ 3, стр. 82, рескриптъ Екатерины II графу Зубову 19 февраля 1796 г.). Той же политики держался Павелъ I: „Относительно собственныхъ нашихъ границъ мы почитаемъ существенно выгоднѣйшимъ, чтобы линія для сохраненія ихъ наблюдаема была отъ устья р. Кубани... на р. Терекъ до Кизляра... Народы горскіе... удерживать въ кротости и повиновеніи ласкою, отвращая отъ нихъ все, что служитъ къ ихъ притѣсненію или отягощенію"... Изъ добровольно желающихъ покровительства Россіи владѣній кавказскихъ и закавказскихъ Павелъ желалъ составить „федеративное государство, зависящее отъ насъ, яко верховнаго ихъ государя и покровителя, который... ни въ образъ ихъ правленія мѣшаться, ниже отъ нихъ дани или иныя повинности... требовать" не намѣренъ (тамъ же, стр. 199 и 200). Гуманный и склонный руководствоваться справедливостью и уваженіемъ къ правамъ другихъ народовъ, Александръ I не только предпочиталъ въ отношеніи кавказскихъ горцевъ согласную съ здраво понятыми интересами Россіи оборонительную политику, не только требовалъ соблюденія гуманности, но не переставалъ настаивать на установленіи и сохраненіи мирныхъ отношеній съ горскими народами, заключая съ ними договоры на условіяхъ мирнаго сосѣдства (томъ 6, стр. 584, 318, 362 и др.). Незадолго до своей кончины онъ писалъ Ермолову по поводу одной экспедиціи за Кубань: „Я не могу перемѣнить объявленное вамъ убѣжденіе мое, что подобные поиски и истребленіе селеній, коихъ

жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ, но по духу сего народа, склоннаго и обычаями и законами къ мщенію за обиды, ведутъ только къ большему его противу насъ ожесточенію". Онъ отказалъ въ наградѣ офицеру, совершившему экспедицію, за то, что онъ истребилъ „болѣе 300 семействъ, изъ коихъ конечно большая часть женщинъ и дѣтей невинныхъ" (т. 6, стр. 584 и 585, „Записки Ермолова", ч. 2, приложенія, 192). Но и на Кавказѣ воспитанникъ Лагарпа встрѣтилъ непониманіе или болѣе или менѣе сознательное несочувствіе и противодѣйствіе со стороны исполнителей, выросшихъ въ Россіи XVIII столѣтія и начавшихъ практическую дѣятельность въ почти тридцатипятилѣтнее царствованіе Екатерины II. И здѣсь, ему пришлось допустить примѣненіе политики и мѣропріятій, въ значительной степени чуждыхъ и противныхъ его намѣреніямъ и инструкціямъ.

Изъ часто смѣнявшихся въ продолженіе первой половины царствованія Александра I правителей Кавказа болѣе другихъ дѣйствовалъ въ духѣ инструкцій императора симпатичный и талантливый князь Циціановъ (1802—1806 г. г.), который правильно видѣлъ главныя средства для умиротворенія горцевъ въ образованіи народномъ, развитіи промышленности, ремеслъ и пр. (Дубровинъ „Исторія войны" и пр., томъ 4, стр. 389 и 390), и старался упрочить и облегчить покорность и преданность подчинявшихся Россіи хановъ и владѣльцевъ Дагестана заключеніемъ съ ними договоровъ и сохраненіемъ существовавшихъ въ ихъ владѣніяхъ внутреннихъ порядковъ (т. 4, стр. 523, и т. 6, стр. 225). Генералъ Ртищевъ заключилъ „дружественный договоръ съ чеченцами" *); Александръ I предписывалъ ему „снискивать дружбу горскихъ народовъ дружественнымъ обращеніемъ съ ними, допуская военныя дѣйствія лишь въ крайнихъ случаяхъ. Наступательная война противъ горцевъ началась... съ назначеніемъ... Ермолова" („Очеркъ кавказской войны" въ „Военномъ Сборникѣ", 1864 года, октябрь, стр. 287 и 288).

На личность и дѣятельность А. П. Ермолова существовали и существуютъ различные взгляды. Отчасти дѣйствія его могутъ быть объяснены тѣмъ, что этотъ энергичный, умный, свѣдущій и талантливый въ своей военной спеціальности генералъ, будучи назначенъ въ правители Кавказа, пере-

---

*) Я не знаю—на чемъ основано это утвержденіе о «дружественномъ договорѣ» Ртищева съ чеченцами, но 16 сентября 1815 г. генералъ этотъ писалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ: «Воля всемилостивѣйшаго государя императора, неоднократно повторенная есть та, чтобы народовъ, Грузіи сопредѣльныхъ, не раздражать и всемѣрно уклоняться отъ наступательныхъ на нихъ дѣйствій безъ крайней необходимости... Если, паче чаянія дагестанцы сами начнутъ военныя дѣйствіи, въ такомъ случаѣ предписываю отражать ихъ силою оружія и оборонительно защищать цѣлость границы» («Акты, собранные Кавказскою Археографической Коммиссіею», т. 5, Тифлисъ, 1873 г., стр. 608).

несъ въ управленіе и отношенія къ мѣстнымъ народамъ тѣ же понятія и пріемы, какіе были ему привычны въ войскахъ его времени *). Когда же оказалось, что горскіе народы имѣютъ очень мало общаго съ воинскими частями, а горцы съ солдатами, приказовъ не исполняютъ, угрозъ не боятся и силу отражаютъ силой, то раздраженному ослушаніемъ и сопротивленіемъ, деспоту по характеру, Ермолову горцы стали представляться какими-то чудовищами, съ которыми дозволительно и даже необходимо всякое насиліе и мщеніе. „Плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ—предписывалъ онъ 30 мая 1818 г. „обществу старшинъ чеченскаго народа“—не медля отдать... Плѣнные и бѣглые или мщеніе ужасное“! („Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, т. 6, стр. 300, и „Акты, собранные Кавказской Археографич. Коммиссіей“, т. 6, ч. 2, Тифлисъ, 1875 г., стр. 499). Выдачи не послѣдовало, и Ермоловъ 22 іюня того же года пишетъ, въ непреложномъ убѣжденіи: „Сего народа, конечно, нѣтъ подъ солнцемъ ни гнуснѣе, ни коварнѣе, ни преступнѣе. У нихъ и чумы не бываетъ“ (Дубровинъ, т. 6, стр. 295) съ злобнымъ сожалѣніемъ замѣчаетъ этотъ однако, по своему, добрый въ обыденной жизни человѣкъ. Двѣ трети кабардинцевъ погибло тогда отъ чумы, занесенной нашими войсками изъ Турціи, но распорядившись „истребить“ одно ихъ селеніе, какъ „гнѣздо разбойниковъ и вѣчной почти чумы“, Ермоловъ утверждаетъ, что это народъ столь же „гнусный и подлый, какъ чеченцы“ (стр. 294), что не мѣшало ему имѣть объ остальныхъ горскихъ народахъ отнюдь не лучшее мнѣніе. Горцы въ офиціальной его перепискѣ и даже въ прокламаціяхъ къ нимъ именовались постоянно „мошейниками“ (мошенниками, повидимому на жаргонѣ военныхъ писарей). „Вы не защитите ихъ (дагестанцевъ),—писалъ онъ 5 ноября 1818 года начинавшему непріязненныя дѣйствія аварскому хану,—и если соберете подобныхъ себѣ мошенниковъ, тѣмъ жесточнѣе наказаны будете. Всегда такова участь подлыхъ измѣнниковъ“ (стр. 335). Ермоловъ не хотѣлъ знать, что вольные горцы не понимали и не признавали иныхъ отношеній между народами, кромѣ договорныхъ, терявшихъ обязательность въ случаѣ войны. Такъ же конечно смотрѣлъ на свои отношенія къ русскому правительству аварскій ханъ, который получалъ 5 т. рублей жалованья взамѣнъ соотвѣтственной дани,

*) Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифлисъ Ермоловъ писалъ, 29 декабря 1816 г., графу Воронцову: «Я въ такой землѣ, гдѣ незнакомые мнѣ предметы занятія, по роду для меня совсѣмъ новые, даютъ мнѣ чувствовать недостатка моихъ способностей. Безпорядокъ во всемъ чрезвычайный. Въ народѣ врожденная къ нему наклонность, слабостію многихъ изъ предмѣстниковъ моихъ ободренная. Мнѣ надобно употребить чрезвычайную строгость»... («Архивъ князя Воронцова», книга 36, Москва, 1890 г., стр. 174).

платившейся ему царями Грузіи за воздержаніе отъ набѣговъ на грузинскія земли. Брань конечно вызывала легкую расплату: 11 ноября, „когда войска подошли къ подошвѣ хребта..., съ вершины горы посыпались на Ермолова самыя дерзкія ругательства“ (стр. 336). Неумѣренно щедрыя угрозы Ермолова большею частію оставались безъ исполненія, но не по недостатку желанія, а по безсилію. Разграблялись, сожигались и разрушались селенія, вѣшались десятками аманаты, но непосредственный личный вредъ причинялся этимъ невиннымъ женщинамъ, дѣтямъ, аманатамъ. Подчиненные конечно слѣдовали примѣру корпуснаго командира. Такъ, по словамъ генерала князя Мадатова, дагестанцы „ни удовлетворенія ни въ чемъ не видятъ и даже ни одного ласковаго слова отъ (генералъ-маіора) Пестеля, а слышатъ одни лишь всегдашнія повторенія его—прикажу повѣсить“ (стр. 301). Однако и Пестель, получивъ отъ Ермолова приказаніе повѣсить всѣхъ заложниковъ отъ сел. Башлы, исполнилъ это предписаніе только относительно 17 человѣкъ, остальныхъ же 12 просилъ помиловать, по малолѣтству ихъ и какъ дѣтей лицъ, которыя старались удержать башлынцевъ отъ возмущенія, но достигнуть этого не имѣли возможности“ („Акты, собранные Кавк. Арх. Коммиссіей“, т. 6, стр. 57). Образъ дѣйствій Ермолова столь былъ извѣстенъ, что императоръ Николай вынужденъ былъ 16 сентября 1826 года предписывать ему: „Я желаю, чтобы, въ мѣрахъ необходимой строгости, вы ограничили всякое мщеніе частныхъ начальниковъ, за что отвѣчаете; лучше прощать, чѣмъ мщеніемъ походить на подлыхъ нашихъ противниковъ“ („Записки Ермолова“, Москва, 1868 г., приложенія, стр. 220).

„Однимъ изъ первыхъ распоряженій Ермолова“ было объявленіе „мирнымъ мошенникамъ“, что если они будутъ пропускать чрезъ свои земли хищниковъ, то находящіеся у насъ аманаты будутъ казнены, сами же они будутъ казнены оружіемъ и прогнаны въ горы, „гдѣ истребятъ ихъ или непріятели, или моровая язва“ (стр. 286). Такъ какъ объявленіе это набѣговъ на линію по Тереку не прекратило, то въ 1818 году Ермоловъ приступилъ къ перенесенію линіи укрѣпленій съ Терека на р. Сунджу, чтобы отнять у чеченцевъ хлѣбопахатныя земли и важныя для ихъ скотоводства пастбища между Терекомъ и Сунджою. Чеченскія деревни были „сняты“ и населеніе ихъ выслано подъ конвоемъ до границъ чеченскихъ (стр. 302), внѣ новой линіи. „Съ чеченцами, народомъ сильнымъ, живущимъ въ состояніи совершеннаго равенства,—доносилъ Ермоловъ 22 іюня 1818 года,—употребляю я единственное средство—терпѣніе, и рѣшился на оное до 1820 года, зная, что до того времени надобно сносить и досады, и потери, но за все то они заплатятъ впослѣдствіи и будутъ принуждены обратиться къ жизни спокойнѣйшей, усмирены будучи недостаткомъ самыхъ первыхъ потребностей“ (стр. 294). Разсчеты Ермолова не оправда-

лись. Вытѣсненные новой линіею чеченцы уходили въ горы и въ глубь своихъ лѣсовъ, заводили тамъ на полянахъ и розчистяхъ новыя гашни, но не покорялись, а все болѣе озлоблялись и готовились къ оборонѣ. Между тѣмъ наступательныя дѣйствія противъ чеченцевъ и отнятіе у нихъ земель вызвали общія опасенія и раздраженіе во всемъ Дагестанѣ. И владѣльцы, кромѣ одного шахмала тарковскаго, и вольные народы стали готовиться къ борьбѣ съ общимъ врагомъ, не начиная однако военныхъ дѣйствій. Вызвалъ войну Ермоловъ, который,—не стѣсняясь полученнымъ отъ 30 сентября приказаніемъ „приложить все стараніе къ сохраненію мира, ибо войны государю императору ни подъ какимъ предлогомъ не угодно“ (стр. 318),—предписалъ генералу Пестелю двинуться къ сел. Башлы и потребовать аманатовъ отъ акушинцевъ, не покидая страны до исполненія требованія (стр. 315). Послѣ трехдневнаго боя со стекшимися отовсюду ополченіями дагестанцевъ Пестель вынужденъ былъ 26 октября оставить Башлы, потерявъ изъ своего двухтысячнаго отряда убитыми и ранеными 12 офицеровъ и 406 н. ч. (стр. 321) *). Двинувшись самъ съ новой линіи, изъ кр. Грозной, съ 4 т. ч., Ермоловъ прошелъ въ Тарки и оттуда проникъ въ мехтулинское ханство, 14 ноября разграбилъ и предалъ огню столицу его селеніе Дженгутай, но этимъ и долженъ былъ закончить военныя дѣйствія 1818 года, по недостатку войскъ (стр. 340 и слѣд.), не воздержавшись отъ писанія одному изъ враждебныхъ хановъ непокорнаго Дагестана нижеслѣдующаго: „Всю фамилію подлѣйшихъ дженгутайскихъ бековъ выгналъ изъ ихъ владѣній и перваго изъ нихъ— гнуснаго измѣнника султана Ахмедъ-хана аварскаго, и даю слово, что они вѣчно въ своихъ владѣніяхъ не будутъ“ **). Однако Ахмедъ-ханъ продолжалъ властвовать въ своей Аваріи до самой смерти, послѣдовавшей въ 1823 году. „Остаются теперь одни измѣнники, присягѣ своей измѣнившіе и извѣстные скотской глупостью своею акушинцы. Если они осмѣлятся что-нибудь предпринять: истреблю до основанія скотскій сей заводъ“ ***) (Сурхай-хану казыкумыхскому, 22 ноября 1818 года, тамъ же, стр. 347).

*) Ермоловъ оказался плохимъ знатокомъ горцевъ и пророкомъ въ письмѣ Воронцову 30 октября 1818 года: «Ожидаю, что они придутъ къ городу Башлы..., постреляютъ издалека... и ...разойдутся по домамъ. Будущей весною ...я приду разведаться съ мошенниками въ ихъ собственныхъ жилищахъ» («Архивъ князя Воронцова», кн. 36, стр. 217).

**) Порицая, послѣ потери Аваріи въ 1843 году, занятіе ея въ 1837 году при Головинѣ, котораго не любилъ, Ермоловъ утверждалъ въ 1846 году въ письмѣ Воронцову: «Никогда не мыслилъ я объ Аваріи»... («Архивъ князя Воронцова», кн. 36, стр. 333).

***) Въ «Запискахъ А. П. Ермолова во время управленія Грузіею» о тѣхъ же акушинцахъ находимъ: «Отличительное народа свойство есть добронравіе и кротость. Къ воровству нѣтъ наклонности ни малѣйшей, праздность почитается порокомъ и ободряется трудолюбіе» («Записки А. П. Ермолова», часть II, Москва, 1868 года, стр. 101). Разумѣется, акушинцы не отличались ни «скотской глупостью», ни «добронравіемъ и кротостью»: мѣнялось лишь субъективное мнѣніе о нихъ Ермолова, впадая изъ одной крайности въ другую, одинаково далекія отъ дѣйствительности.

Хотя война была вызвана наступательными дѣйствіями и угрозами Ермолова въ Чечнѣ и его подчиненнаго Пестеля въ Дагестанѣ, однако въ донесеніяхъ своихъ онъ старался обвинить горцевъ, себя же оправдывалъ такими разсужденіями: „Здѣсь между народами, загрубѣлыми въ невѣжествѣ, чуждыми общихъ понятій, первый законъ есть сила. Знаю, что недостойно Россіи во зло употреблять оную, но не могу не чувствовать, что она необходима, дабы отразить насиліе". Мало того, „во всякомъ другомъ мѣстѣ" можно ограничить употребленіе силы отраженіемъ насилія, „но здѣсь этого недовольно: здѣсь надобно наказать. Теперь сіе довольно легко, но въ другой разъ не легко могутъ встрѣтиться" благопріятныя обстоятельства. Онъ заключалъ ходатайствомъ объ усиленіи кавказскихъ войскъ тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи, завѣряя, что „съ сими войсками и много въ два года времени Дагестанъ будетъ совершенно въ рукахъ нашихъ, ибо одного акушинскаго народа надо смирить гордость; прочихъ всѣхъ бѣдность и нужда покорятъ нашимъ законамъ" (стр. 348). Помимо не вполнѣ вѣрнаго освѣщенія фактической стороны, о чемъ въ Петербургѣ вѣроятно догадывались, въ самыхъ разсужденіяхъ Ермолова былъ очевиденъ существенный пробѣлъ: отсутствіе основаній къ наступательнымъ дѣйствіямъ и къ „наказаніямъ". Поэтому, съ подтвержденіемъ прежнихъ инструкцій, Ермолову дано было знать, что государь императоръ „не одобряетъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ нарушить общее спокойствіе, вопреки намѣренія его и. в., нарочито пекущагося о сохраненіи мира, какъ въ семъ краѣ, такъ и вообще со всѣми державами". Авторъ „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ" по этому поводу замѣчаетъ: „Находясь у самаго дѣла и сознавая, что чеченцы не держава, а шайка разбойниковъ (?), Алексѣй Петровичъ поступалъ по внушеніямъ своей совѣсти и въ интересахъ пользы отечества" (стр. 362). Но вѣдь и императоръ Александръ I руководствовался внушеніями своей совѣсти, а равно пользами Россіи; какъ глава государства, онъ съ большей компетентностью могъ рѣшить вопросъ не только мѣстнаго значенія, но касавшійся важныхъ интересовъ государства. Вопросъ въ томъ: кто правильнѣе относился къ дѣлу, Александръ I, стоявшій за оборонительную политику, принятую его предмѣстниками на основаніи указаній опыта и совпадавшую съ руководившими имъ высокими началами справедливости и уваженія къ чужимъ правамъ, или кавказскій „проконсулъ" (такъ называлъ себя самъ Ермоловъ въ нѣкоторыхъ письмахъ), который, въ моментъ установленія своихъ взглядовъ (впослѣдствіи, по свойствамъ характера Ермолова, уже не подвергавшихся существеннымъ измѣненіямъ) на отношенія къ населенію Кавказа обладалъ весьма недостаточнымъ и поверхностнымъ знакомствомъ

съ горцами, такъ какъ предшествовавшіе полтора года кавказской своей службы провелъ въ посольствѣ въ Персію и въ занятіяхъ дѣлами Закавказья?

Исторія дала на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, *) что нельзя не жалѣть, что правильность взгляда Александра I не соединялась съ энергіею и настойчивостью въ его примѣненіи **).

Такъ какъ война, хотя и напрасная, была начата и требовала средствъ даже для обороны, то достигавшія ко времени Ермолова до 45 т. пѣхоты войска были въ 1819 году значительно увеличены и доведены почти до 60 т. пѣхоты (стр. 216 и 360). Въ декабрѣ 1819 года, разоривъ нѣсколько богатыхъ селеній, Ермоловъ занялъ наконецъ оставленную жителями Акушу („Исторія войны“ и пр., т. 6, стр. 382). Въ 1820 году разбитъ и изгнанъ изъ своихъ владѣній ханъ казыкумухскій (стр. 440). Послѣ смерти въ 1823 году Ахметъ-хана удалось привести въ вассальное положеніе Аварію. Но горныя общества западнаго Дагестана и Чечня не покорялись. Разсчеты Ермолова на отнятіе у непокорныхъ средствъ къ продовольствію не оправдались. Такія мѣры, какъ подтвержденіе казачьимъ полкамъ и войскамъ по Тереку и Сунджѣ „дѣлать чеченцамъ всевозможное зло и безъ всякой пощады“ (стр. 363), печально отражались на успѣхахъ благосостоянія и нравственности казаковъ, горцевъ же лишь ожесточали.

Система грубаго насилія, ни чѣмъ въ глазахъ горцевъ не вознаграждаемаго, начала приносить свои плоды еще при Ермоловѣ. Озлобленные до

---

*) «Къ великому горю Россіи Екатериненскій завѣтъ былъ потомъ, въ XIX столѣтіи, забытъ»... «Собственно съ походовъ Ермолова въ Чечню и Дагестанъ и открывается та Кавказская война, которая прославила русское оружіе и стоила неимовѣрныхъ жертвъ государству... Быть можетъ, лучше было бы держаться завѣта Екатерины II не входить въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и стараться лишь охранять свои границы» (В. С. Кривенко «По Дагестану. Путевыя замѣтки». Спб., 1896, стр. 24 и 26).

**) Объясненіе послѣдняго обстоятельства главнымъ образомъ заключается въ «двойственности» императора Александра I, въ душѣ котораго одновременно жили, противорѣчиво и непримиренно, съ одной стороны гуманно-либеральныя идеи XVIII вѣка, съ другой же навыки и практика прусско-гатчинскаго милитаризма. Мечты о дарованіи Россіи «либеральныхъ учрежденій», напр., не были еще покинуты въ то время, когда Александръ I твердо рѣшился учредить военныя поселенія, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова» («Русскій біографическій словарь», т. I, Спб., 1896 года, стр. 352). «Проконсульство» Ермолова относится притомъ ко второй половинѣ царствованія, когда прусско-гатчинская практика рѣшительно преобладала. Образъ дѣйствій Ермолова въ сущности ей соотвѣтствовалъ, а потому, изрѣдка журя Ермолова за противные гуманности и миролюбію поступки, императоръ сохранялъ къ нему благоволеніе и удовлетворялъ его представленія, даже плохо мирящіяся съ инструкціями, исходившими по собственной иниціативѣ государя. Такъ въ 1818 же году, по особому ходатайству Ермолова, былъ ему посланъ просимый имъ указъ, которымъ повелѣвалось, какъ Ермолову, такъ и будущимъ его преемникамъ «утвердиться на р. Сунджѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяться иначе, какъ ставъ твердою ногою и обезпечивъ занятое пространство отъ покушеній непріятельскихъ» (Зиссерманъ «Исторія Кабардинскаго полка», т. I, стр. 333).

крайности горцы скоро оказались готовыми на всякія жертвы для борьбы съ жестокимъ врагомъ съ цѣлію возврата независимости. Не доставало только общей связи и организаціи. Онѣ явились въ мусульманскомъ фанатизмѣ и мюридизмѣ. Возбудителями освободительнаго движенія естественно дѣлались муллы, проповѣдывавшіе войну противъ невѣрныхъ общими силами правовѣрныхъ горцевъ, для чего неизбѣжно требовалось объединеніе разноплеменныхъ и разноязычныхъ народовъ подъ властію единаго духовнаго и свѣтскаго главы. Ученики—мюриды такого главы—имама должны были служить организаторами, являясь, въ качествѣ уполномоченныхъ имама, правителями обществъ и предводителями войскъ, и служа вмѣстѣ съ тѣмъ отборною и преданною его гвардіей. Въ имамы предстояло попасть одному изъ наиболѣе энергичныхъ, талантливыхъ и счастливыхъ въ своихъ предпріятіяхъ проповѣдниковъ. Вѣроятно поэтому дѣятельность одного изъ первыхъ пропагаторовъ борьбы противъ русскихъ муллы Магомы ярагскаго обратила на себя вниманіе Ермолова, который въ 1824 году распорядился его арестовать. Мулла Магометъ или Магома, чуждый впрочемъ по своему характеру и склонностямъ всякихъ притязаній на роль предводителя борьбы, успѣлъ скрыться въ горахъ (стр. 511). Надоумленные, быть можетъ, преслѣдованіемъ Магомы и помнившіе во всякомъ случаѣ объ успѣхахъ Мансура вожаки чеченцевъ объявили въ началѣ 1825 года пророкомъ нѣкоего юродиваго Яука, но ничего изъ этого не вышло. Не теряя надежды на успѣхъ съ болѣе способнымъ человѣкомъ, тѣ же вожаки выдвинули маюртупскаго муллу Магому, который 24 мая 1825 года провозгласилъ себя имамомъ, посланнымъ для избавленія отъ русскихъ. Новый пророкъ уклонился отъ боя съ двинутыми въ окраины Чечни въ началѣ лѣта русскими отрядами, объявляя, что еще не настало для борьбы время, но вскорѣ сдѣлалъ удачную попытку начать наступательныя дѣйствія. Передъ разсвѣтомъ 7 іюля 1825 года, незамѣтно подкравшись къ укрѣпленію Амиръ-Аджи-юртъ, чеченцы овладѣли имъ; изъ 155 (или, по другимъ извѣстіямъ, 177) человѣкъ гарнизона спаслось только 2 офицера и около 60 нижнихъ чиновъ, которые успѣли переплыть черезъ Терекъ, начальникъ же гарнизона капитанъ Осиповъ утонулъ (тамъ же, стр. 532 и 533, и „Кавказскій сборникъ", т. X, стр. 98—104). 9 іюля 4 тыс. одушевленныхъ побѣдою горцевъ окружили укр. Герзель-аулъ, но оно было выручено подоспѣвшимъ на выручку значительнымъ отрядомъ. Прибывшій лично Ермоловъ остановилъ возстаніе между кумыками, а неудача попытки взять кр. Грозную (30 августа) прекратила наступательныя дѣйствія и чеченцевъ („Кавказскій сборникъ", т. X, стр. 106 и слѣд., 132, 133).

Начавшаяся въ 1826 году война съ Персіею отвлекла наши силы и вниманіе Ермолова и его преемника Паскевича отъ Чечни и Дагестана. За

персидской войной послѣдовала турецкая, кончившаяся въ 1829 году. Между тѣмъ въ эти четыре года возбужденное или по крайней мѣрѣ чрезвычайно усиленное ермоловскою политикою политическо-религіозное движеніе среди народовъ Восточнаго Кавказа распространилось, развилось, укрѣпилось и начало организоваться. Изъ среды проповѣдниковъ борьбы за вѣру и независимость выдвинулся урожденецъ аула Гимры фанатическій, энергичный и даровитый Кази-мулла, присвоившій себѣ, въ качествѣ имама, духовную и свѣтскую власть надъ горскими народами и утвердившій ее при помощи своихъ мюридовъ. Подчиненіе власти имама демократическихъ горныхъ народовъ и обществъ не встрѣтило большихъ затрудненій, потому что большинство духовенства и народныя массы сознавали необходимость объединенія власти для успѣха борьбы; напротивъ большая часть хановъ, не желая лишиться своей власти, оказала сопротивленіе, то пытаясь найти поддержку въ населеніи своихъ владѣній, то прибѣгая къ помощи русскихъ. Бывшее первымъ проявленіемъ силы Кази-муллы, произведенное имъ въ февралѣ 1830 года нашествіе, съ 6 тыс. чел., на Аварію, не смотря на сочувствіе населенія ханства, кончилось неудачею, такъ какъ предпринятый имъ штурмъ Хунзаха былъ отраженъ ханскими войсками и преданною ханскому семейству частью жителей („Кавказскій сборникъ", т. XI, стр. 171). Однако, благодаря изумительной энергіи Кази-муллы и пріобрѣтенному имъ на горцевъ вліянію, онъ въ короткое послѣ каждой неудачи время оказывался сильнѣе прежняго. Въ іюнѣ 1831 года онъ съ 14 тыс. чел. двѣ недѣли осаждалъ укр. Внезапное, защитники котораго потеряли 536 чел. убитыми и ранеными, и затѣмъ нанесъ значительный уронъ отряду генералъ-маіора Бековича, у котораго было убито и ранено 16 офицеровъ и 365 нижнихъ чиновъ (тамъ же, т. XIII, стр. 234—237). 1 ноября того же года онъ произвелъ успѣшный грабительскій набѣгъ на г. Кизляръ (тамъ же, т. XIV, стр. 120—123). 1 декабря отрядъ полковника Миклашевскаго, съ потерею 392 чел., взялъ укрѣпленія Чумкескента, съ нанесеніемъ горцамъ большого урона, но Кази-мулла успѣлъ спастись (т. XIV, стр. 148—153). Въ концѣ 1832 года онъ былъ убитъ при взятіи барономъ Розеномъ аула Гимры, но дѣло газавата не погибло, такъ какъ мѣсто его занялъ столь же энергичный Гамзатъ-бекъ, который 18 октября 1834 г. овладѣлъ Хунзахомъ и Аваріею, вырѣзавъ все ханское семейство. Послѣ паденія Гамзатъ-бека въ 1835 году отъ руки кровомстителя изъ аварцевъ, имамомъ сдѣлался даровитый Шамиль, который въ томъ же году угрожалъ уже Хунзаху, а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался властителемъ почти всего Восточнаго Кавказа.

Нѣкоторые изъ низшихъ мѣстныхъ кавказскихъ дѣятелей довольно скоро и вѣрно опредѣлили значеніе происходящаго у горцевъ движенія. Такъ на-

чальникъ укр. Бурнаго маіоръ Ивченко доносилъ 20 января 1830 года: „Навѣрное можно полагать за настоящую ихъ цѣль, что введеніемъ новой секты (мюридизма) поселится въ народѣ единодушіе и рвеніе къ защитѣ свободы“ (т. XI, стр. 149). Но главное кавказское начальство и за нимъ правительство долго еще приписывало это движеніе, какъ Паскевичъ (т. XII, стр. 78), „необузданности нравовъ“. Хотя Ермоловъ, обѣщавшій въ 1818 году „много въ два года времени“ управиться съ горцами Восточнаго Кавказа, въ его время еще разъединенными, не могъ до оставленія Кавказа въ 1827 году закончить покоренія Дагестана и Чечни, но императоръ Николай I считалъ возможнымъ совершить покореніе Восточнаго Кавказа однимъ ударомъ. Желая для этого воспользоваться освобожденіемъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Персіи и Турціи, онъ предписалъ въ планѣ военныхъ дѣйствій на 1830 годъ: „произвести одновременный поискъ противъ всѣхъ горскихъ народовъ, завладѣть всѣми важнѣйшими пунктами ихъ земель, а въ особенности низменностями, и такимъ образомъ, лишивъ средствъ къ пропитанію, заставить ихъ покориться“ (т. XI, стр. 150). Это предписаніе не было выполнено Паскевичемъ, занявшій же его мѣсто въ 1831 году баронъ Розенъ 12 ноября донесъ, что при шестидесяти тысячахъ пѣхоты во всемъ краѣ, онъ не находитъ возможнымъ дѣйствовать наступательно и полагаетъ ограничиться приведеніемъ линіи въ надежное оборонительное состояніе и затѣмъ укрощать горскіе народы не оружіемъ, а путемъ мирныхъ сношеній и торговли, частію же и постепеннымъ утвержденіемъ нашимъ въ пунктахъ, гдѣ обстоятельства и силы наши позволятъ (т. XIV, стр. 132). Наиболѣе опытный и талантливый изъ кавказскихъ генераловъ того времени Вельяминовъ не переставалъ въ 1828—1833 г.г. настаивать, что „главное и надежнѣйшее средство къ прочному овладѣнію горами и къ покоренію обитающихъ въ оныхъ народовъ состоитъ въ занятіи укрѣпленіями важнѣйшихъ въ топографическомъ отношеніи мѣстъ... Средство ускорить покореніе горцевъ состоитъ въ отнятіи у нихъ плоскостей и занятіи оныхъ казачьими станицами. ...Истребленіе полей ихъ въ продолженіе пяти лѣтъ сряду дастъ возможность обезоружить ихъ и тѣмъ облегчить всѣ дальнѣйшія дѣйствія“. Полагая, что при обыкновенномъ составѣ и средствахъ кавказскаго корпуса на покореніе горцевъ потребуется быть можетъ „цѣлое столѣтіе“, Вельяминовъ требовалъ прибавки войскъ и признавалъ въ 1833 году, для выполненія предлагаемаго имъ плана, необходимымъ ежегодное (не менѣе пяти лѣтъ сряду) выставленіе, сверхъ обычно охраняющихъ кавказскую линію и укрѣпленія войскъ, по крайней мѣрѣ шести отрядовъ, каждый изъ шести тысячъ пѣхоты, 1 тыс. казаковъ и 24 орудій, съ запаснымъ паркомъ и 500 повозками для подвоза провіанта, больныхъ и раненыхъ („Кавказскій сборникъ“,

т. VII, стр. 145, 150, 151, 154 и 155). По соображеніямъ своей европейской политики, Николай I не нашелъ возможнымъ усилить на продолжительное время кавказскія войска на счетъ силъ и средствъ западной границы. Когда же, вслѣдствіе недостаточности войскъ нашихъ и усиленія Шамиля, положеніе наше ухудшилось, между прочимъ вслѣдствіе возбудившей Чечню, въ началѣ 1840 года, попытки генерала Пулло обезоружить чеченцевъ и взимать съ нихъ подать (т. II, стр. 31 и 32), то въ 1842 году возобновленъ былъ отвергаемый почти всѣми кавказскими генералами планъ покоренія горцевъ посредствомъ наступательныхъ дѣйствій значительной массы войскъ, посланныхъ на Кавказъ на короткое время. По присылкѣ на Кавказъ 14-й пѣхотной дивизіи, исполненіе плана возложено было на генерала Граббе, который еще въ 1839 году взялъ,—послѣ 76 дневной осады и съ потерею въ 140 офицеровъ и около 2.300 нижнихъ чиновъ,—служившій резиденціею Шамиля аулъ Ахульго (т. II, стр. 22—24). Граббе на этотъ разъ предоставлено было „дѣйствовать независимо отъ распоряженій корпуснаго командира“ (стр. 56), такъ какъ Головинъ (1838—1842 г.г.), подобно Розену, придерживался осторожной системы дѣйствій.

Выступившій 30 мая 1842 года изъ укр. Герзель-аула отрядъ Граббе направленъ былъ вверхъ по р. Аксаю съ цѣлію достигнуть аула Дарго, сдѣлавшагося послѣ Ахульго резиденціею Шамиля, истребить этотъ аулъ, перейти потомъ черезъ хребетъ и овладѣть Гумбетомъ и Андіею. Отрядъ состоялъ изъ 10 тыс. чел. при 24 орудіяхъ. „Онъ имѣлъ съ собою множество повозокъ и до 3 тыс. лошадей. При движеніи, обозъ этотъ, по трудности дороги, растягивался на нѣсколько верстъ и для прикрытія его, даже рѣдкой цѣпью стрѣлковъ, необходимо было употребить почти половину отряда“ (стр. 65). Въ первый день отрядъ прошелъ только 7 верстъ, еще не встрѣчая непріятеля. Къ вечеру 31 мая, послѣ 15-ти часоваго марша, отрядъ сдѣлалъ 12 верстъ, при безпрерывномъ боѣ съ горцами, и былъ вынужденъ остановиться для ночлега на безводной полянѣ. 1 іюня дорога была еще труднѣе, завалы чаще, число раненыхъ при отрядѣ простиралось до нѣсколькихъ сотъ, общій безпорядокъ часъ отъ часу увеличивался. „Такимъ образомъ въ три дня войска успѣли пройти только 25 верстъ, и генералъ-адъютантъ Граббе убѣдился, что продолжать движеніе уже не было возможности. Ночью на 2 іюня, отказавшись отъ своего предпріятія, онъ отдалъ приказаніе отступить по той же дорогѣ, по которой пришолъ. Какъ ни бѣдственно было описанное движеніе впередъ, но отступленіе отряда было еще несравненно бѣдственнѣе. Войска..., видя необычную для нихъ неудачу, поколебались и упали духомъ, замѣшательство и безначаліе дошли до крайней степени... Были батальоны, которые обращались въ бѣгство отъ одного только лая собакъ...

Какъ ни печальна эта картина, но къ сожалѣнію она заключаетъ въ себѣ сущую истину, безъ всякаго преувеличенія... Наконецъ, 4 іюня, чеченскій отрядъ возвратился въ Герзель—аулъ, потерявъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 66 штабъ и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 1.700 нижнихъ чиновъ, одно полевое орудіе и почти всѣ военные и продовольственные свои запасы". Число горцевъ, дѣйствовавшихъ противъ отряда, „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ", „не составляло и 2,000 человѣкъ, потому что всѣ главныя силы находились съ Шамилемъ въ Казыкумухѣ" (тамъ же, стр. 66 и 67). Въ приведенныхъ цифрахъ потерь значатся 9 офицеровъ и 480 нижнихъ чиновъ убитыми, и 57 офицеровъ съ 1.239 нижними чинами ранеными („Кавказскій сборникъ", т. VI, стр. 2). „Вся потеря въ войскахъ въ послѣднее четырехлѣтіе (1839—1842 г г.) во время экспедицій, предпринятыхъ большею частію подъ личнымъ начальствомъ генерала Граббе, составляетъ" 8.366 чел., въ томъ числѣ убитыми 64 офицера и 1.756 нижнихъ чиновъ („Кавказскій сборникъ", т. II, стр. 68).

Фіаско экспедиціи Граббе отозвалось въ слѣдующемъ 1843 году необыкновеннымъ увеличеніемъ предпріимчивости и силъ Шамиля. Въ концѣ августа, по окончаніи полевыхъ работъ, онъ вторгнулся въ Аварію и 29 числа истребилъ отрядъ выступившаго на помощь осажденному аулу Унцукулю подполковника Веселитскаго (12 офицеровъ и 477 нижнихъ чиновъ). Возстаніе мѣстнаго населенія заставило прибывшаго съ 1350 штыками для защиты Аваріи генерала Клюки фонъ-Клугенау сосредоточить войска въ Хунзахѣ. По прибытіи къ нему сюда на помощь самурскаго отряда, Клугенау, имѣя 4.000 пѣхоты, 1.760 ч. конницы и 17 орудій, выступилъ противъ Шамиля. Не достигнувъ успѣховъ, онъ оставилъ въ Хунзахѣ гарнизонъ подъ командою подп. Пассека, а самъ 26 сентября ушолъ изъ Аваріи въ Темиръ-ханъ-шуру. Съ 11 ноября Шамиль обложилъ его здѣсь и продолжалъ блокаду до прибытія 14 декабря отряда генерала Фрейтага. Между тѣмъ Пассекъ, получивъ приказаніе оставить Аварію, 16 ноября выступилъ изъ Хунзаха въ укр. Зыряны, отсюда же могъ направиться въ Темиръ-ханъ-шуру лишь 18 декабря. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ съ 27 августа по 22 декабря 1843 г. мы потеряли Аварію, 12 укрѣпленій и укрѣпленныхъ постовъ разной силы, 27 орудій, 2160 ружей, 92 офицеровъ и 2528 нижнихъ чиновъ („Кавказскій сборникъ", т. 6, стр. 54—207).

Прислав въ 1844 году на Кавказъ 5-й пѣхотный корпусъ, императоръ Николай I поставилъ задачею 1845 года: „1) разбить, буде можно, скопище Шамиля, 2) проникнуть въ центръ его владычества, и 3) въ немъ утвердиться"; для этого предписано двумъ отрядамъ, чеченскому и дагестанскому, изъ 16 батальоновъ каждый, „двинуться одновременно къ Андіи, искать

твердынь Шамиля, будс можно, разбить его, взять Андію и истребить сіе гнѣздо“ (стр. 236—238). Замѣнившій Головина въ 1843 году генералъ Нейгардтъ, „хотя лично и былъ противникомъ той системы подчиненія непокорныхъ горцевъ, что предписывалась изъ столицы, но, по слабохарактерности своей, не выражалъ противорѣчія, хотя бы въ формѣ сомнѣнія въ успѣхѣ, и подготовлялъ всѣ распоряженія къ наступательнымъ военнымъ дѣйствіямъ“ (тамъ же, стр. 231). Исполненіе однако выпало на долю назначеннаго на его мѣсто главнокомандующимъ графа Воронцова. Вѣря въ успѣхъ, вопреки мнѣнію всѣхъ кавказскихъ генераловъ, Воронцовъ выступилъ 31 мая 1845 г. изъ лагеря подъ кр. Внезапной, успѣшно преодолѣвалъ трудные пути и сопротивленіе горцевъ и наконецъ 6 іюля двинулся изъ аула Гагатля къ аулу Дарго, имѣя однако уже только 7940 ч. пѣхоты, 1218 ч. кавалеріи и 16 орудій, съ шестидневнымъ лишь запасомъ провіанта и 5 тысячами подъемныхъ лошадей. Въ тотъ же день, послѣ нелегкаго боя, съ потерею 206 ч. убитыми и ранеными, пробившись чрезъ лѣсистыя горы, отрядъ прибылъ въ Дарго, сожженный и оставленный непріятелемъ. Не желая возвращаться назадъ и не считая возможнымъ идти впередъ за недостаткомъ провіанта, Воронцовъ простоялъ здѣсь до 10 іюля, когда на высотахъ за даргинскимъ лѣсомъ, пройденнымъ 6 іюля, показался ожидаемый изъ Темиръ-ханъ-шуры транспортъ. Въ увѣренности, что транспорту этому невозможно пройти къ Дарго, Воронцовъ отправилъ къ нему почти половину своей пѣхоты, подъ начальствомъ ген. Клюки фонъ-Клугенау, для того, чтобы люди доставили на себѣ, разобравъ по рукамъ и въ пустые ранцы, продовольствіе для всего отряда на четыре дня. Найдя путь еще болѣе труднымъ, чѣмъ 6 іюля, Клюки фонъ-Клугенау тѣмъ не менѣе пробился до транспорта, сильно пострадавъ отъ натисковъ горцевъ, особенно на арьергардъ. Переночевавъ, онъ пустился въ обратный путь. Обремененная ранеными колонна подверглась такимъ нападеніямъ горцевъ, что едва ли достигла бы Дарго, если бы не получила помощи отъ высланной на встрѣчу части главнаго отряда. Вообще въ этой „сухарной экспедиціи“ потери состояли въ 2 генералахъ, 17 офицерахъ и 537 н. ч. убитыми и 36 офицерахъ съ 822 н. ч. ранеными или контуженными. Уничтоживъ всѣ тяжести, Воронцовъ 13 іюля выступилъ по направленію къ укр. Герзель-аулу, отстоявшему на 40 верстъ, имѣя въ отрядѣ уже только до 5 т. штыковъ и около 2 т. подъемныхъ лошадей. Пройдя въ четыре дня непрерывнаго боя едва половину разстоянія до Герзель-аула и имѣя уже до 1500 больныхъ и раненыхъ, Воронцовъ остановился у аула Шаухалъ-берды въ ожиданіи прибытія на помощь генерала Фрейтага со стороны Герзель-аула. Соединившись съ Фрейтагомъ 19 іюля послѣ боя, въ которомъ потери отряда Фрейтага составили 107 ч. убитыми

и ранеными, Воронцовъ прибылъ 20 іюля въ Герзель-аулъ. Убыль его отряда съ 14 іюня до 21 іюля составила всего 3510 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 генерала, 34 офицера и 819 н. ч. убитыми, 2 офицера и 177 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшими („Кавказскій сборникъ", т. 6, стр. 291—364).

Послѣ такого исхода экспедиціи князя Воронцова попытки покоренія горцевъ однимъ ударомъ были оставлены. Съ 1846 года въ теченіе десяти лѣтъ мы держались оборонительной системы дѣйствій. Наступленіе производилось въ ограниченномъ раіонѣ, съ большою осмотрительностью и по проведеніи и обезпеченіи путей сообщенія. Военныя дѣйствія возобновлялись ежегодно, и хотя не доставляли намъ большихъ выгодъ, но не сопровождались и важными неудачами. Съ другой стороны наступательныя предпріятія Шамиля оканчивались постоянно неуспѣшно и въ такой мѣрѣ поселили въ умахъ горцевъ убѣжденіе въ крѣпости нашихъ оборонительныхъ позицій, что во время восточной войны 1853—1856 г.г., когда кавказское начальство, не надѣясь по недостатку войскъ удержать въ нашей власти принадлежащія намъ окраины Дагестана и Чечни, предполагало одно время оставить ихъ, Шамиль напротивъ не рѣшился напасть на насъ въ этомъ направленіи и ограничился нашествіемъ на Кахетію. По заключеніи парижскаго мира, новый главнокомандующій кн. Барятинскій испросилъ согласіе на оставленіе на Кавказѣ, съ цѣлію его покоренія, дѣйствовавшихъ въ Азіатской Турціи войскъ и приступилъ къ систематическимъ военнымъ дѣйствіямъ на Восточномъ Кавказѣ. Главныя усилія предприняты были со стороны Чечни и состояли въ постепенномъ овладѣніи ею, съ проведеніемъ дорогъ и возведеніемъ укрѣпленій. Работы и военныя дѣйствія не прекращались около трехъ лѣтъ ни лѣтомъ, ни зимою. Наконецъ въ началѣ іюля 1859 года предпринято было общее наступленіе съ разныхъ сторонъ трехъ отрядовъ, въ общей сложности около 40 т. ч. изъ 240 т., составлявшихъ въ это время кавказскую армію (Ѳадѣевъ „Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны", Тифлисъ, 1860 года, стр. 106). Во второй половинѣ іюля, благодаря отчасти счастливымъ случайностямъ, отряды соединились, и, утомленные многолѣтней войною, безконечными жертвами и деспотизмомъ Шамиля, горцы прекратили сопротивленіе и спѣшили покоряться. Оставленный всѣми, кромѣ небольшей кучки мюридовъ, Шамиль былъ окруженъ нашими войсками въ Гунибѣ и 25 августа сдался.

Еще въ 1857 княземъ Барятинскимъ былъ представленъ планъ покоренія Западнаго Кавказа, основанный на очищеніи отъ горцевъ черноморскаго прибрежья и самаго Кавказскаго хребта, съ заселеніемъ ихъ казаками и съ переселеніемъ горцевъ на при-кубанскія плоскости и частію на Донъ, такъ какъ оставленіе горцевъ въ ихъ земляхъ представлялось опаснымъ въ случаѣ

новой восточной войны. При разсмотрѣніи этого плана въ особомъ комитетѣ въ Петербургѣ сдѣланы были противъ него различныя возраженія, указывавшія между прочимъ на неизбѣжность ожесточеннаго со стороны горцевъ сопротивленія отнятію у нихъ земель, а также на невозможность успѣшнаго и прочнаго водворенія на этихъ земляхъ русскаго населенія по климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ, но въ общемъ предположенныя мѣропріятія были признаны полезными, съ тѣмъ однако, чтобы не оставлять горцевъ безъ достаточнаго земельнаго надѣла и „не ставить ихъ въ отчаянное положеніе" (Зиссерманъ въ „Русскомъ архивѣ", 1884 г., вып. 5, стр. 426, и „Фельдмаршалъ кн. Барятинскій", Москва, 1890 г., т. 2, стр. 348 и слѣд.). Въ 1860 году значительная часть освободившихся на Восточномъ Кавказѣ войскъ была передвинута въ Западный. Въ 1861 году горцы предлагали покорность съ сохраненіемъ неприкосновенности ихъ земель и управленія по обычаямъ, но отъ нихъ потребовано было безусловное подчиненіе съ выселеніемъ изъ горъ. Вслѣдствіе этого горцы взялись за оружіе и весь 1862 годъ напрягали всѣ усилія, но не могли остановить движенія нашихъ войскъ отъ Анапы къ востоку и отъ Лабы къ западу; вытѣсненное изъ занятыхъ въ этомъ году земель, населеніе частію, въ числѣ 50 т. д., покорилось и поселено на Кубани (письмо начальника штаба кавказской арміи ген. Карцева, цитированное въ статьѣ А. П. Берже „Выселеніе горцевъ съ Кавказа" въ „Русской старинѣ", 1882 года, февраль, стр. 340 и 341). Оставляя постъ намѣстника и сообщая преемнику свои соображенія по управленію краемъ, кн. Барятинскій въ декабрѣ 1862 года между прочимъ писалъ, что для покоренія черкесскихъ племенъ необходимо „отрѣзать ихъ отъ моря и вытѣснить въ нѣдра западнаго хребта..., а затѣмъ усиленною колонизаціею закубанскихъ земель (казаками) довершить всю прочность его (т. е. покоренія)... Вытѣсненный непріятель конечно будетъ защищаться съ упорнымъ ожесточеніемъ, но... можно облегчить столь желанную развязку, если бы условиться съ Портою о водвореніи Шамиля на земляхъ турецкихъ, съ дозволеніемъ ему колонизировать добровольныхъ кавказскихъ выходцевъ. Этимъ мы освободимся скоро отъ недовольныхъ, отъ фанатиковъ и всей теократической партіи, одновременно успокоимъ и европейскихъ филантроповъ, и нашу собственную совѣсть, предоставляя черкесамъ исходъ изъ настоящаго отчаяннаго положенія" („Фельдмаршалъ кн. Барятинскій", томъ 2, стр. 417).

Эмиграція кавказскихъ горцевъ въ Турцію началась по окончаніи восточной войны, когда исходъ этой войны показалъ, что разсчитывать на внѣшнюю помощь для сохраненія независимости Кавказа нѣтъ основаній. Съ 1858 года имѣются и оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ переселившихся. Въ началѣ 1860 года, констатируя, что „подъ вліяніемъ партіи фанатиковъ, члены

которой ...разжигаютъ въ своихъ единовѣрцахъ подозрѣнія относительно неприкосновенности ихъ религіи и имущества“, наклонность мусульманскаго населенія къ выселенію въ Турцію прогрессивно растетъ, кн. Барятинскій признавалъ необходимымъ „если не пресѣчь совершенно, то по крайней мѣрѣ урегулировать, на сколько возможно“, эмиграцію горцевъ; облегчивъ переселеніе фанатиковъ, онъ надѣялся удержать отъ него массу населенія: „разъ возмутители и фанатики будутъ удалены, несомнѣнно, что народъ успокоится („Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, т. 2 стр. 342 и 343). Въ цитируемомъ письмѣ кн. Барятинскаго упоминается о посылкѣ имъ въ Константинополь ген. Лорисъ-Меликова для испрошенія согласія Порты на принятіе и водвореніе вдали отъ нашихъ границъ 3 т. семействъ кавказскихъ выходцевъ. Желаемое разрѣшеніе было получено безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ для упорядоченія происходящаго переселенія горцевъ турецкое правительство еще въ 1859 году обнародовало правила о колонизаціи кавказкихъ выходцевъ и просило наше правительство о возможныхъ распоряженіяхъ лишь къ тому, чтобы переселеніе совершалось партіями, а не массами (Берже въ „Русской старинѣ“, 1882 г., февраль, стр. 241 и 242). Вѣроятно кн. Барятинскій предполагалъ въ числѣ этихъ 3 т. семействъ выселить „возмутителей и фанатиковъ“, но едва ли это осуществилось, такъ какъ трудно и придумать, какимъ способомъ это было бы возможно выполнить. Во всякомъ случаѣ выселеніе горцевъ въ Турцію въ 1860—1862 г.г. не прекращалось, но не принимало и значительныхъ размѣровъ.

Возобновившіяся въ 1863 году военныя дѣйствія имѣли своимъ результатомъ къ осени того же года окончательное оттѣсненіе горскаго населенія на юго-западные склоны хребта и очищеніе имъ сѣверовосточныхъ, такъ какъ лишь весьма малая часть его согласилась переселиться за Кубань, большинство же, прекративъ сопротивленіе, предпочло эмигрировать въ Турцію и для этого направилось къ Черному морю. 19 мая 1864 года убыхи, послѣднее изъ кавказскихъ племенъ, продолжавшее защищаться, заявили покорность на условіи непрепятствованія имъ переселиться въ Турцію. Такимъ образомъ, къ осени 1863 года „быстрота и рѣшительность дѣйствій нашихъ войскъ возбудили панику въ горцахъ, спѣшившихъ во что бы то ни стало покинуть свои родныя горы и добраться до морскаго берега, чтобы выселиться въ Турцію“. Побросавъ или сбывъ за безцѣнокъ свое имущество, „истощенные тяжкими лишеніями на берегу, въ ожиданіи прихода судовъ изъ Турціи, горцы не выдерживали бѣдствій плаванія въ зимнее время, заболѣвали и умирали массами“. „Нельзя рѣшить, когда бѣдствія горцевъ достигли болѣе ужасающихъ размѣровъ: въ 1863 или 1864 году“ (Берже въ „Русской Старинѣ“, 1882 г., февраль, стр. 352—355). „Поразительное зрѣлище

представилось глазамъ нашимъ по пути“ къ морскому берегу въ маѣ 1864 года,— разсказываетъ одинъ изъ участниковъ „Послѣдней борьбы съ горцами на Западномъ Кавказѣ“ въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ („Кавказскій сборникъ“, т. 2, стр. 456): „разбросанные трупы дѣтей, женщинъ, стариковъ, растерзанные, полуобъѣденные собаками; изможденные голодомъ и болѣзнями переселенцы, едва поднимавшіе ноги отъ слабости, падавшіе отъ изнеможенія и еще заживо дѣлавшіеся добычею голодныхъ собакъ. Живымъ и здоровымъ некогда было думать объ умирающихъ; имъ и самимъ перспектива была неутѣшительна; турецкіе шкиперы, изъ жадности, наваливали, какъ грузъ, черкесовъ, нанимавшихъ ихъ кочермы до береговъ Малой Азіи, и, какъ грузъ, выбрасывали лишнихъ за бортъ, при малѣйшемъ признакѣ болѣзни... Едва ли половина отправившихся въ Турцію прибыла къ мѣсту. Такое бѣдствіе и въ такихъ размѣрахъ рѣдко постигало человѣчество“...

Общая цыфра выселившихся въ Турцію горцевъ Западнаго Кавказа съ 1858 до 1865 года опредѣляется по официальнымъ свѣдѣніямъ въ 470,703 души, но въ дѣйствительности вѣроятно составляла около полумилліона душъ или 100 т. семействъ, такъ какъ официальныя свѣдѣнія не полны, число же водворившихся на плоскостяхъ въ нашихъ предѣлахъ не превысило 100 т. душъ „(Русская старина“, 1882 года, январь, стр. 163—167, и февраль, стр. 347). Кавказскія власти наши повидимому не были подготовлены къ внезапному массовому выселенію горцевъ въ концѣ 1863 и первой половинѣ 1864 года, потому что 19 сентября 1863 года, когда горцы уже начали толпиться на берегу Чернаго моря, командующій правымъ флангомъ графъ Евдокимовъ предпринялъ ходатайство лишь о „поощреніи“ горцевъ къ выселенію въ Турцію въ числѣ до 10 т. семей „небольшими преміями“, сообразно чему главнокомандующій 10 ноября 1863 года вошолъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ о назначеніи 100 т. рублей на пособія переселенцамъ, въ видахъ удаленія такихъ личностей, которыя отличаются фанатизмомъ и вредно вліяютъ на соплеменниковъ. Назначеніе полк. Ѳадѣева съ двумя помощниками для наблюденія за выселеніемъ горцевъ и выдачи бѣднѣйшимъ провіанта и денежныхъ пособій послѣдовало 28 апрѣля 1864 г. Къ концу 1864 года выселеніе почти закончилось. Всѣ расходы казны по выселенію горцевъ, въ томъ числѣ на пособія не свыше 10 рублей на семью, а также на наемъ судовъ для перевозки, составили 289.678 р. 17 к. („Русская старина“, 1882 г., февраль, стр. 348, 330—362).

Нѣкоторое понятіе о взглядахъ и мотивахъ кавказскаго начальства по выселенію горцевъ въ Турцію и о послѣдовавшихъ чрезъ два-три года въ этихъ взглядахъ измѣненіяхъ могутъ дать слѣдующія строки изъ относящагося къ сентябрю 1867 года письма намѣстника: „Военныя соображенія,

владѣній эмира, а десятки тысячъ (какъ 30 тыс. въ Лемганѣ) готовились слѣдовать за ними. Развитіе этого движенія остановили не столько, быть можетъ, энергичныя мѣры эмира, сколько свѣдѣнія о сохраненіи, со стороны англичанъ, за побѣжденными племенами ихъ земель и самоуправленія.

По свидѣтельству сэра Лепель Гриффина,—состоявшаго британскимъ уполномоченнымъ въ 1880 году при возведеніи Абдэррахманъ-хана на престолъ эмира,—большинство авганскихъ вождей и народа было расположено въ то время въ пользу Якубъ-хана и его семьи, и относилось къ Абдэррахманъ-хану съ нелюбовью и страхомъ, опасаясь его мстительности и жестокости (A page of Afghan History, by sir Lepel Griffin, въ Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 250). Увѣряя англичанъ въ своей преданности, на условіи субсидій и поддержки, и указывая имъ—кого изъ вліятельныхъ и подозрѣваемыхъ имъ во враждебности къ себѣ народныхъ вождей слѣдуетъ подвергнуть задержанію, для общей безопасности, Абдэррахманъ-ханъ въ то же время тайно возбуждалъ въ народѣ противъ англичанъ религіозно-національныя чувства, дабы пріобрѣсти этимъ путемъ популярность и опору противъ неудобныхъ требованій британскаго правительства (тамъ же, p. p. 250, 257 и др.). Достигнувъ этой „двойной игрой“ престола и утвердившись на немъ, Абдэррахманъ-ханъ далъ волю своей мстительности и жестокости. Результатомъ были возстанія, усмиренія которыхъ сопровождались свирѣпыми пытками и казнями. Лепель Гриффинъ признаетъ вѣрнѣйшаго изъ всѣхъ союзниковъ Англіи въ Европѣ и Азіи самымъ жестокимъ (most cruel) правителемъ и замѣчаетъ, что Ширъ-Али-ханъ наказывалъ своихъ подданныхъ розгами, Абдэррахманъ-ханъ же сталъ ихъ бичевать скорпіонами (p. 255). Другой почитатель эмира, Керзонъ, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Кабулъ зимою 1894—1895 г.г., утверждалъ, что въ мірѣ не найдется государя, къ которому его народъ питалъ бы чувство страха съ такой полной основательностью. Ненавидимый главами племенъ, духовенствомъ и народомъ и держащійся главнымъ образомъ субсидіями Англіи и ея, въ случаѣ надобности, военной помощью Абдэррахманъ-ханъ лишь въ крайности можетъ принять сторону пограничныхъ племенъ и рѣшиться на войну съ Англіею. Но состояніе здоровья Абдэррахманъ-хана давно уже внушаетъ опасенія.

Вопреки газетнымъ толкамъ о неизбѣжныхъ смутахъ въ Авганистанѣ послѣ смерти нынѣшняго эмира, вслѣдствіе появленія претендентовъ, съ наибольшею вѣроятностью слѣдуетъ полагать, что вступленіе на престолъ назначеннаго Абдэррахманъ-ханомъ въ преемники старшаго сына его Хабибуллы-хана совершится спокойно и никакихъ претендентовъ не появится или претензіи ихъ останутся совершенно безуспѣшными, ибо Хабибулла-ханъ уже

нѣсколько лѣтъ принимаетъ участіе въ управленіи и замѣняетъ отца въ разныхъ случаяхъ, а претенденты, бѣжавшіе изъ Авганистана уже десять—двадцать лѣтъ (Эюбъ-ханъ въ 1881 году, Исхакъ-ханъ въ 1888 году), не имѣютъ въ странѣ ни значительнаго числа приверженцевъ, ни шансовъ на успѣхъ. Положеніе новаго эмира будетъ совсѣмъ иное, чѣмъ Абдэррахманъ-хана. Ненависть народа и духовенства не можетъ быть перенесена на сына, невиннаго въ его жестокостяхъ. Съ своей стороны Хабибулла-ханъ, надо думать, пожелаетъ пріобрѣсти расположеніе своего народа, дабы не быть въ тяжкой зависимости отъ англо-индійскаго правительства и основать свою власть на прочномъ фундаментѣ народной преданности. Разумѣется, чтобы не лишиться возможно дольше ежегодной субсидіи въ 1.800.000 рупій, онъ будетъ выполнять обязательства отца предъ Англіею, но трудно сомнѣваться, что при возобновленіи борьбы пограничныхъ племенъ съ Англіею, онъ вынужденъ будетъ принять сторону единоплеменниковъ, подчиняясь единодушному чувству своего народа и во избѣжаніе потери престола. Уклоненіе авганскаго эмира отъ борьбы съ Англіею за независимость авганскаго народа приготовило бы баракзійской династіи участь предшествовавшей ей саддозійской; духовный и свѣтскій глава пограничныхъ племенъ, появленіе котораго было бы вѣроятно неизбѣжно, столь же легко прогналъ бы или обратилъ въ ничтожество баракзійскихъ эмировъ, какъ сдѣлалъ это Шамиль съ дагестанскими ханами.

Какъ бы то ни было, Англіи придется, рано или поздно, бороться не съ одними пограничными племенами, но и съ Авганистаномъ. Если $1^1/_2$ милліона душъ пограничныхъ племенъ выставляютъ 200 тыс. воиновъ, то въ общей сложности $6^1/_2$ милл. авганъ и подвластныхъ имъ народностей могутъ, безъ сомнѣнія, дать по крайней мѣрѣ 650 тыс. ратниковъ или десятую часть населенія, въ томъ числѣ до 150 тыс. регулярныхъ войскъ эмира съ ихъ резервами.

По свѣдѣніямъ Бернса, Достъ-Мохаммедъ-ханъ содержалъ въ тридцатыхъ годахъ около 2.500 чел. пѣхоты, вооруженной крѣпостными ружьями, и 12—13 тыс. всадниковъ („Кабулъ", изд. Голубева, Москва, 1847 года, часть 2, стр. 164). Послѣ войны съ Англіею онъ завелъ регулярное войско, которое въ 1858 году, когда онъ владѣлъ всѣмъ Авганистаномъ кромѣ Херата, состояло изъ 16 полковъ пѣхоты, 3 полковъ кавалеріи и 80 орудій (Юль, статья его Afghanistan въ Encyclopaedia Britannica, изд. 1878 года), всего 12—15 тыс. чел. Ширъ-Али-ханъ, получивъ въ 1869 году въ подарокъ отъ англо-индійскаго правительства 5 тыс. ружей Снайдера и 15 тыс. Энфильда, около 1 милл. патроновъ къ нимъ и 12 орудій, въ томъ числѣ 6 горныхъ, устроилъ выдѣлку пороху, ружей и пушекъ по англійскимъ образцамъ чрезъ

туземныхъ мастеровъ, ознакомившихся нѣсколько съ техникою въ пишеверскомъ арсеналѣ; въ результатѣ, къ войнѣ 1878 года, численность ручнаго огнестрѣльнаго оружія разныхъ системъ доходила до 50 тыс., въ томъ числѣ болѣе 2 тыс. ружей Снайдера и 8 тыс. Энфильда туземной выдѣлки; имѣлось значительное количество патроновъ, болѣе 1 милл. фунтовъ пороху и 379 орудій (The Afghan War of 1879—1880, by Howard Hensman, London, 1881, p.p. 72—74, 320—327). Самъ Ширъ-Али-ханъ опредѣлялъ численность своей арміи, при переговорахъ съ русскимъ посольствомъ, въ 60 тыс. чел. (И. Л. Яворскій „Путешествіе русскаго посольства по Авганистану“ и пр., Спб., 1883 г., т. II, стр. 149), вѣроятно нѣсколько преувеличенно. По свѣдѣніямъ Н. И. Гродекова, собраннымъ въ концѣ 1878 года во время проѣзда по Авганскому Туркестану въ Хератъ, у эмира имѣлось отъ 50 до 60 батальоновъ пѣхоты (30—35 тыс. чел.), около 20 полковъ кавалеріи (около 8 тыс. чел.) и около 200 орудій („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“ вып. V, Спб., 1883 г., стр. 101), значитъ всего регулярнаго войска до 50 тыс. Но изъ этихъ войскъ 15 батальоновъ и 15 кавалерійскихъ полковъ находились въ Авганскомъ Туркестанѣ и 15 батальоновъ въ Хератѣ (тамъ же, стр. 106), такъ что противъ трехъ англійскихъ отрядовъ, вступившихъ въ предѣлы Авганистана, могли быть выставлены лишь 20—30 батальоновъ, пока не подошла часть туркестанскихъ и хератскихъ батальоновъ. Хотя вслѣдствіе недостатка въ транспортныхъ средствахъ англійскія войска, направлявшіяся изъ Пишавера къ Кабулу, употребили почти полгода, чтобы добраться до Джелальабада, но утратившій мужество, рѣшительность и энергію, отличавшія его въ молодые годы, Якубъ-ханъ ничего не сдѣлалъ для организаціи борьбы и заключилъ унизительный миръ. Такую же растерянность выказалъ онъ при возобновленіи войны. Добровольно отдавшись вмѣстѣ съ главными своими министрами въ руки двигавшагося на Кабулъ корамскимъ путемъ шеститысячнаго отряда генерала Робертса, онъ думалъ спасти столицу своею покорностью. Только передъ самымъ Кабуломъ движеніе не встрѣчавшихъ никакаго сопротивленія англичанъ было 6 октября 1879 года остановлено 13 регулярными батальонами, которые накануне возмутились, захватили орудія и военные припасы въ бала-хиссарскихъ складахъ и заняли ведущій къ Кабулу горный проходъ Сенги-Невишта, подъ вольнымъ или невольнымъ начальствомъ дяди эмира Никъ-Мохаммедъ-хана. Въ штабѣ Робертса численность этихъ батальоновъ оцѣняли то въ 9—10 тыс., то въ 4—5 тыс. чел. (Hensman, p.p. 37, 84). Будучи обойдена съ фланга при фальшивой фронтальной аттакѣ прохода, авганская регулярная сила къ вечеру обратилась въ бѣгство, побросавъ свою артиллерію и оставивъ на мѣстѣ около 300 тѣлъ, тогда какъ англичане потеряли лишь 20 чел. уби-

тыми и 67 ранеными. Доступъ къ беззащитному Кабулу сдѣлался для англійскаго отряда свободнымъ. Большая часть авганскихъ батальоновъ разсѣялась. Только три батальона, всего до 2 тыс. чел., съ 20 орудіями, заняли высоты Асмай, прилегающія къ городу Кабулу съ сѣверо-запада. Предпринятое противъ нихъ 8 октября движеніе англичанъ ограничилось перестрѣлкою до наступленія ночи, когда же утромъ 9 октября предпринято было рѣшительное наступленіе, то оказалось, что авганы бѣжали, бросивъ орудія (Hensman, p.p. 41—51). Въ обоихъ дѣлахъ 6 и 8 октября, которыми закончилось существованіе регулярной арміи эмира Ширъ-Али-хана, авганскія войска ограничились пассивной обороной. Значительное численное превосходство ихъ артиллеріи и недурной выборъ позицій для орудій не повели ни къ чему вслѣдствіе неудовлетворительности стрѣльбы. Огонь пѣхоты также оказывался недѣйствительнымъ, такъ какъ по невѣрности прицѣла пули авганской пѣхоты такъ же не попадали въ цѣль, какъ снаряды авганскихъ орудій (p. 330).

Видѣвшій авганскія войска передъ войною, въ авганскомъ Туркестанѣ и въ Хератѣ, русскій офицеръ генеральнаго штаба высказалъ мнѣніе, что „пѣхота не годна вслѣдствіе принятія совершенно механически англійскаго устава“ („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“, вып. V, стр. 160). Практика на войнѣ выяснила, что ближайшими причинами непригодности авганской регулярной арміи были неудовлетворительность офицеровъ и командировъ, а главное—плохое ознакомленіе людей со стрѣльбою. Надлежащихъ офицеровъ и генераловъ армія эмира имѣть не могла за отсутствіемъ военныхъ школъ и необходимаго образованія; лучшіе офицеры были изъ отставныхъ чиновъ англо-индійской туземной арміи, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи сносно руководить движеніями даже одной бригады (Hensman, p. 328). Для обученія стрѣльбѣ каждому солдату выдавалось только три патрона въ годъ, а на каждое орудіе только одинъ снарядъ (p. 332). Не удивительно, что въ октябрѣ 1879 года регулярные батальоны не умѣли стрѣлять, а черезъ два мѣсяца, послѣ нѣкоторой практики, тѣ же солдаты, въ составѣ 20—50 т. ч. собравшагося противъ англичанъ народнаго ополченія, стрѣляли и дрались весьма сносно. Ополченцы эти нанесли Робертсу пораженіе и вынудили запереться въ Ширпурскій укрѣпленный лагерь. Послѣ восьмидневной блокады и стычекъ, авганы предпринимали 23 декабря штурмъ лагеря. Ночь на 24 декабря осажденные провели съ оружіемъ въ рукахъ, ожидая возобновленія штурма, но по наступленіи дня оказалось, что авганскія ополченія исчезли, разсѣявшись по своимъ мѣстамъ, съ обѣщаніемъ возвратиться въ большихъ силахъ къ веснѣ. Англичане приписывали снятіе блокады приближенію подкрѣпленій (тамъ же, p. 254), но эти подкрѣпленія состояли всего изъ 1.400 чел. (p. 268) и едва пополнили убыль отряда Робертса убитыми, ранеными

родовыхъ союзахъ и въ обезсиленныхъ и лишенныхъ почти всякой власти и средствъ воздѣйствія обществахъ, тогда какъ русская администрація, уже по одной своей малочисленности, не въ состояніи достигать дѣйствительной охраны личной и имущественной безопасности, при отсутствіи содѣйствія туземныхъ обществъ, немогущихъ его оказывать не столько по недостатку желанія, сколько по безсилію. Развившіеся съ особою силою, отчасти подъ вліяніемъ подобныхъ же причинъ, грабежи и разбои въ Закавказьи вызвали примѣненіе и на Восточномъ Кавказѣ въ послѣдніе годы чрезвычайныхъ и исключительныхъ мѣръ, каковы поголовное обезоруженіе, имущественная отвѣтственность территоріальныхъ обществъ за убійства, грабежи и даже кражи на ихъ территоріяхъ, отнятіе у цѣлыхъ обществъ ихъ земель съ отдачею подъ казачьи поселенія и съ разселеніемъ жителей по разнымъ туземнымъ обществамъ (по „Терскимъ вѣдомостямъ“ отъ 4 марта 1899 года такая мѣра примѣнена къ аулу Баматъ-юртъ, состоявшему изъ 104 дворовъ, за уклоненіе отъ выдачи двухъ абрековъ-разбойниковъ, укрывавшихся, по свѣдѣніямъ мѣстной р. администраціи, въ этомъ аулѣ), и т. под. Въ областномъ городѣ Владикавказѣ туземцамъ воспрещено появляться на улицахъ позже девяти часовъ вечера; ингушамъ запрещено ночевать въ чужихъ аулахъ и т. д. Будучи соединены съ крайними стѣсненіями для населенія и связаны съ административнымъ усмотрѣніемъ, легко переходящимъ въ произволъ *), подобныя мѣропріятія, какъ всегда почти показывалъ опытъ, обыкновенно не приводятъ къ цѣлямъ, имѣвшимся въ виду. Такъ, напр., усиленныя старанія по обезоруженію горцевъ ведутъ къ тому, по мѣстнымъ отзывамъ изъ терской области, что „мирные граждане отданы въ жертву разбойникамъ“, ибо лишь послѣдніе успѣваютъ сохранить оружіе («Спб. Вѣдомости“, 30 іюля 1898 года) **). Экономическое положеніе туземнаго населенія

*) По словамъ циркуляра Главноначальствующаго на Кавказѣ отъ 31 декабря 1899 года, «земледѣльческое податное населеніе Кавказа»... «крайне обременно казенными податями и земскими сборами, подъ названіемъ подымныхъ» и «особыхъ частныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, въ видѣ добавочныхъ къ податному и земскому обложенію». Стремясь къ устраненію «того ненормальнаго порядка, въ силу котораго не только отдѣльные дымы, обремененные непосильными податными сборами, но цѣлыя селенія исчезли», циркуляръ этотъ отмѣнилъ, между прочимъ, содержаніе постоянныхъ обывательскихъ разъѣздныхъ командъ и «произвольное назначеніе на счетъ обществъ жалованья» опредѣляемымъ администраціею сельскимъ старшинамъ и низшимъ при нихъ служащимъ «въ размѣрѣ, иногда превышающемъ всякое вѣроятіе».

**) По мнѣнію сенатора Кони, «циркуляры бакинскаго губернатора и администраціи терской области, запретившіе оружіе, увѣнчались успѣхомъ и можно разсчитывать, что при нѣсколько большей энергіи на Кавказѣ разоруженіе могло бы быть достигнуто» («Новое время», 27 января 1897 года). Мѣстныя свѣдѣнія гласятъ противное, да и по словамъ г. Кони «писаные законы встрѣчаютъ часто непримиримыя противорѣчія съ обычаями»; «кавказецъ чуть не родится съ оружіемъ» и «въ силу вѣкового обычая оно составляетъ органическую его принадлежность и фамильную драгоцѣнность». По его же словамъ,

Восточнаго Кавказа не менѣе плачевно, отчасти вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель, *) главнымъ же образомъ вслѣдствіе неподвижности устарѣлыхъ формъ хозяйства, отсутствія промышленности и т. д.

Культурное развитіе и успѣхи гражданственности невозможны безъ широкаго и прочнаго распространенія въ населеніи школъ, научныхъ и техническихъ знаній и т. д. Выше уже приведено основательное мнѣніе по этому предмету князя Циціанова, выраженное въ началѣ истекающаго столѣтія. Подобнымъ образомъ одинъ изъ командовавшихъ на Восточномъ Кавказѣ генераловъ, Клюки фонъ-Клугенау, заявилъ въ 1843 году, что „слѣдовало бы въ будущемъ обратить вниманіе на образованіе туземнаго населенія, такъ какъ это, безъ сомнѣнія, былъ бы долгій и трудный, но тѣмъ не менѣе неизбѣжный и достойный имени русскаго путь къ прочному утвержденію нашей власти въ Дагестанѣ“ („Кавказскій сборникъ“, т. VI, приложенія, стр. 35). Конечно и всѣ позднѣйшіе правители Кавказа и его частей раздѣляли это мнѣніе **). Между тѣмъ изъ двухъ областей, между которыми дѣлится нынѣ

«обычай кровомщенія такъ глубокъ, что отъ него не спасутъ никакія законныя кары и можетъ спасти одно только образованіе и нравственное воздѣйствіе» (тамъ же). Все это вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что и обычай ношенія оружія столь же мало можетъ быть искорененъ «циркулярами», какъ кровомщеніе; такіе обычаи упраздняются лишь съ измѣненіемъ быта и условій, ихъ создавшихъ, подъ вліяніемъ народнаго образованія, но для этого нужны десятки, если не сотни лѣтъ.

*) Въ дагестанской области «естественный прирость туземнаго населенія значительно ниже нормальнаго..; причиной этого явленія, безъ сомнѣнія, служатъ крайне стѣсненныя экономическія условія» («Памятная книжка дагестанской области», Темиръ-ханъ-шура, 1895 г., стр. 128). «Мѣстное земледѣліе... не обезпечиваетъ существованія земледѣльца... Мѣстнаго хлѣба, даже въ урожайные года, не хватаетъ на продовольствіе населенія въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году» (тамъ же, стр. 107). «Народному продовольствію оказываютъ косвенно большую поддержку овцеводство, отхожій промыселъ и кустарныя производства» (стр. 117).

Въ терской области, у чеченцевъ (всего въ области въ 1894 г. 193.338 п., а вообще горцевъ въ области 476.083 д. о. п.) средній надѣлъ въ горахъ приходится въ среднемъ въ 1,23 дес. удобной земли, а на плоскости въ 4,11 дес. на 1 муж. душу: отъ 0,05 дес. (въ 6-мъ участкѣ грозненскаго округа) до 14,9 дес. (въ одномъ сел. Мундаръ-юртъ); у ингушей не превышаетъ (въ 1894 г. 45.016 д.) 1 дес. на душу («Кавказскій календарь на 1897 г.», отдѣлъ 6, стр. 149). Между тѣмъ сосѣдніе съ чеченцами казаки имѣютъ на Сунджѣ 15 дес. на душу, а на Терекѣ даже 30 дес. (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ терской области въ 1877 году», Спб., 1896 г., стр. 18).

**) «Изъ всѣхъ мѣръ... въ цѣляхъ нравственнаго скрѣпленія горскихъ народностей съ Россіею развитіе образованія въ средѣ горцевъ есть мѣра самая важная и радикальная» (Всеподд. отчетъ главнокомандующаго кавказскою арміею по военно-народному управленію за 1863—1869 г. г., Спб., 1870 г., стр. 98), но къ 1870 году «всѣхъ школъ, содержимыхъ правительствомъ для горцевъ» было только «7, въ томъ числѣ 4 въ терской и по 1 въ дагестанской и кубанской областяхъ и сухумскомъ отдѣлѣ» (стр. 101): «нельзя не сознаться, что до сихъ поръ дано горцамъ въ этомъ отношеніи менѣе, чѣмъ слѣдовало бы и какъ того требуютъ собственные наши разсчеты, не только нравственные, но и матеріальные» (тамъ же, стр. 99).

почти весь Восточный Кавказъ, въ терской къ 1895 году „только 6 заведеній на 458 учащихся открыты для дѣтей туземцевъ..., численность коихъ въ общей сложности простирается до 421,128 душъ обоего пола“ („Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, книжка 19, Тифлисъ, 1897 года, стр. 134), въ дагестанской же области, по отчету попечителя кавказскаго учебнаго округа за 1897 годъ, всего 10 начальныхъ училищъ съ общею численностью учащихся 480, въ томъ числѣ горцевъ 264 („Кавказскій календарь на 1899 годъ“), и 1 лечебное заведеніе (пріемный покой на пять кроватей) на всю область („Врачъ“, 1898 г., № 31), въ которой перепись 1897 года опредѣлила 586.636 душъ обоего пола.

Итакъ чрезъ 35—40 лѣтъ послѣ покоренія Кавказа, потребовавшаго милліардовъ денегъ, потоковъ крови и многолѣтняго содержанія громадной арміи,—что въ совокупности было одною изъ главныхъ причинъ нашей культурной и экономической слабости и отсталости, ибо слишкомъ значительная часть государственныхъ средствъ и силъ отвлекалась почти полвѣка на цѣли, чуждыя развитію народнаго образованія, хозяйства и благоустройства,—Россіи предстоитъ: на Западномъ Кавказѣ—заселеніе опустѣвшей и одичавшей страны и тяжелая борьба съ неблагопріятными условіями ея природы, на Восточномъ же Кавказѣ—не менѣе тяжкія усилія и затраты къ культурному развитію страны и ея находящагося въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ до завоеванія, туземнаго населенія. Предстоящіе для этихъ задачъ расходы, въ особенности на Восточномъ Кавказѣ, безотлагательны, хотя по свѣдѣніямъ за 24 года (1868—1891 г.г., см. монографію проф. Н. Яснопольскаго „О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи“ въ „Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1895—1897 г.г.“) государственные доходы Кавказа и Закавказья равнялись лишь 454½ милліоновъ руб., тогда какъ расходы составили 1.136 милліоновъ руб., т. е. дефицитъ составилъ за 24 года 681½ милліонъ руб., или въ среднемъ почти 28½ милліоновъ руб. ежегодно (см. таблицу № 42 при означенной монографіи), причемъ этотъ огромный дефицитъ происходилъ не отъ однихъ расходовъ на военныя надобности (въ среднемъ, вѣроятно, военные расходы доходили лишь до 23 милліоновъ руб., какъ въ 1887 году, см. таблицу № 6), имѣющія въ виду потребности всей имперіи, а не однѣ мѣстно-кавказскія. По приведеннымъ даннымъ, показывающимъ во-что обходится Россіи обладаніе Кавказомъ и Закавказьемъ послѣ ихъ покоренія, можно заключить, что говоря въ 1859 году о „колоссальныхъ размѣрахъ“ средствъ и усилій, которыя потребовались для покоренія Кавказа, капитанъ Окольничій не впадалъ въ преувеличеніе, утверждая, что „если бы пришлось теперь исчислить всю

нашу потерю на Кавказѣ, то цифры эти испугали бы самое смѣлое воображеніе" („Военный Сборникъ", 1859 года, январь, стр. 109 и 110).

2) *Англо-Индійскій „Кавказъ".*

Изъ вышеизложеннаго видно, что борьба Россіи съ кавказскими горцами имѣла двѣ главныхъ фазы: до объединенія горцевъ Восточнаго Кавказа, подъ властью единаго духовнаго и свѣтскаго главы, и послѣ объединенія. Въ первой фазѣ оказываются два періода; въ одномъ, до Ермолова, преобладала оборонительная система; вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя русскіе правители не оставляли стремленій подчинить горскія ханства и общества, но сохраняли независимость внутренняго ихъ управленія по существовавшимъ обычаямъ и установившимся порядкамъ; во второмъ періодѣ, при Ермоловѣ, принята была наступательная система, ставившая прямою задачею покореніе горцевъ съ упраздненіемъ самостоятельности и внутренняго ихъ управленія: „терзаютъ меня ханства, стыдящія насъ своимъ бытіемъ; управленіе ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ"—писалъ Ермоловъ уже въ началѣ своего управленія Кавказомъ („Архивъ князя Воронцова", кн. 36, стр. 185), а демократическое общество, безъ хана, какъ акушинское, одно время представлялось ему, мы видѣли, лишь „скотскимъ заводомъ".

Борьба Англо-Индіи съ авганскими горными племенами находится уже полстолѣтія, съ 1849 года, все еще въ первой фазѣ, такъ какъ объединенія горцевъ еще не совершилось, но и здѣсь видимъ два ея періода: оборонительной системы—Close Border—съ 1849 до 1876 года, и наступательной со времени лорда Литтона. Оборонительная система выполнялась здѣсь съ несравненно большей послѣдовательностью и твердостью, чѣмъ на Кавказѣ, и хотя многія карательныя экспедиціи и жертвы Молоху „престижа" и погонѣ за чинами и орденами были совершенно излишни и вредны для достиженія постановленной для этой политики цѣли, однако результаты лишь двадцати пяти-лѣтняго ея примѣненія были достаточно удовлетворительны, такъ какъ горныя племена начинали убѣждаться, что англо-индійское правительство не желаетъ посягать на ихъ независимость и уважаетъ неприкосновенность ихъ земель. Благодаря именно этому убѣжденію, не имѣя опасеній за свою независимость со стороны Англо-Индіи, большинство пограничныхъ горныхъ племенъ не только не заботилось объ утвержденіи связей съ эмиромъ Авганистана, но отвергало всякую отъ него зависимость, не видя нужды налагать на себя лишнее ярмо. По этой же причинѣ, во время войны 1878—1880 г.г., пограничныя племена, за немногими исключеніями, не только не приняли сторону эмира, но отчасти, какъ афридіи, брали на себя охрану безопасности сообщеній вторгнувшихся въ Авганистанъ британскихъ войскъ.

Принятая съ 1876 года, подъ вліяніемъ воинствующаго имперіализма и раздуваемаго имъ страха нашествія на Индію, наступательная политика имѣла, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, извѣстный успѣхъ въ Белучжистанѣ и у юго-восточныхъ авганскихъ племенъ, но у остальныхъ горныхъ племенъ она встрѣтила полную неудачу. Захваты стратегическихъ пунктовъ и путей сообщенія, выставленіе на нихъ отрядовъ, постройки укрѣпленій и постовъ, попытки подчиненія горцевъ британской власти—все это постепенно убѣдило горныя племена въ стремленіи Англіи попрать ихъ независимость и свободу. Соглашеніе Дьюранда, присвоивавшее Англіи владычество надъ независимыми горными племенами, безъ ихъ вѣдома и согласія, окончательно выяснило намѣренія Англіи, а потому попытки постановки знаковъ на границѣ съ Авганистаномъ и другія проявленія стремленій Англіи осуществить свое владычество надъ горными племенами вызвали рядъ вооруженныхъ столкновеній и возстаній, заключившихся борьбою 1897 года, охватившею почти всю границу Индіи съ авганскими горными племенами. Событія 1897 года выяснили, по словамъ лорда Хамильтона, что „боевыя силы“ „дѣйствовавшихъ доселѣ порознь“ горныхъ племенъ „и способность ихъ соединяться (для общей борьбы съ Англіею) въ послѣдвіе годы возросли одновременно“ (Military operations etc., vol. II, p. 178).

Такъ какъ Англія, по всей вѣроятности, будетъ держаться наступательной политики и возобновленіе борьбы ея съ горными племенами неминуемо въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, то возникаетъ вопросъ: совершится ли объединеніе пограничныхъ племенъ подъ единой властью, для борьбы съ могучимъ врагомъ ихъ независимости, и въ какой оно осуществится формѣ? Явится ли у нихъ своей Шамиль?

Каждое изъ авганскихъ горныхъ племенъ и каждая изъ племенныхъ вѣтвей такъ дорожатъ своей независимостью и самоуправленіемъ, что соединенія всѣхъ пограничныхъ племенъ подъ властью единаго главы доселѣ, сколько извѣстно, не бывало. Мы знаемъ однако о союзахъ нѣсколькихъ племенъ для завоеваній (напр. союзъ группъ каши и горіахель для завоеванія низовьевъ Кабулъ-дарьи и Свата въ XV вѣкѣ) и для защиты противъ внѣшняго врага (напр., противъ Экбера). Союзы эти распадались по достиженіи непосредственной своей цѣли или по миновaніи вызвавшей ихъ внѣшней опасности. Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ проповѣдникъ войны съ невѣрными Сеидъ-Ахмедъ, въ виду угрожавшей горнымъ племенамъ опасности отъ завоеваній сейковъ, успѣлъ соединить подъ свою власть юсуфзіевъ и племена низовьевъ Кабулъ-дарьи. Власть его была сокрушена не столько побѣдами сейковъ, интригами баракзійскихъ сердарей, соперничествомъ „сватскаго ахуна“ абдулъ-Гафара и желаніемъ племенъ освободиться отъ деспо-

тизма падишаха, сколько воздержаніемъ сейковъ отъ попытокъ покоренія горныхъ племенъ. Подобнымъ образомъ паденіе Сеидъ-Мубарекъ-шаха,—наслѣдовавшаго Сеидъ-Экберу, пріобрѣвшему власть надъ юсуфзіями вслѣдствіе опасеній горцевъ за свою независимость со стороны замѣнившихъ сейковъ англичанъ,—послѣдовало вслѣдствіе того, главнымъ образомъ, что разгоравшееся въ Индіи возстаніе сипаевъ упраздняло для горныхъ племенъ страхъ британскаго завоеванія. Въ настоящее время, послѣ событій 1897 года, несомнѣнно выяснившихъ пограничнымъ племенамъ необходимость, для успѣха борьбы за независимость, объединенія ихъ силъ и средствъ, появленіе имама-падишаха, съ духовной и свѣтской властью надъ всѣми горными племенами, весьма вѣроятно и возможно.

Я могъ бы, конечно, высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и соображенія—изъ какой среды явится имамъ-падишахъ авганскихъ горныхъ племенъ, при какихъ обстоятельствахъ, какими путями и чьими вліяніями будетъ онъ выдвинутъ и т. д., но все это были бы лишь гипотезы. Несомнѣнно же одно: авганскіе горцы получатъ вождя для борьбы противъ Англіи за свою независимость, какъ получили кавказскіе горцы Казимуллу и его преемниковъ, алжирскіе горцы Абд-эль-Кадера и т. д., если только авганскій эмиръ не станетъ своевременно во главѣ борьбы съ Англіею, принявъ подъ свою власть всѣ пограничныя горныя племена.

То обстоятельство, что пограничныя племена составляютъ часть авганскаго народа и что вслѣдствіе этого они получатъ, рано или поздно, помощь своихъ остальныхъ соплеменниковъ въ борьбѣ съ Англіею, составляетъ весьма важное преимущество авганскихъ горцевъ предъ кавказскими и алжирскими и влечетъ за собою самыя большія для Англіи трудности борьбы съ ними. Полтора милліона пограничныхъ авганскихъ горцевъ не лишены, подобно кавказскимъ горцамъ, единоплеменниковъ и не окружены со всѣхъ сторонъ владѣніями врага, а составляютъ лишь авангардъ двухъ милліоновъ соплеменниковъ Авганистана, располагающихъ силами и средствами трехъ милліоновъ подчиненныхъ народовъ. Относительно неминуемости участія Авганистана въ борьбѣ пограничныхъ племенъ съ Англо-Индіею не можетъ быть основательнаго сомнѣнія, такъ какъ,—помимо естественнаго стремленія авганскаго населенія Авганистана помочь своимъ единоплеменникамъ въ оборонѣ противъ иноплеменнаго и иновѣрнаго врага,—нашествія англичанъ 1838—1842 г.г. и 1878—1880 г.г. прочнѣйшимъ образомъ вкоренили въ авганскомъ народѣ ненависть къ Англіи и опасенія возобновленія съ ея стороны покушеній къ порабощенію Авганистана. Мы знаемъ, что въ 1897 году, при первыхъ извѣстіяхъ о возстаніи въ Сватѣ, на помощь своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ немедленно устремились тысячи добровольцевъ изъ смежныхъ

владѣній эмира, а десятки тысячъ (какъ 30 тыс. въ Лемганѣ) готовились слѣдовать за ними. Развитіе этого движенія остановили не столько, быть можетъ, энергичныя мѣры эмира, сколько свѣдѣнія о сохраненіи, со стороны англичанъ, за побѣжденными племенами ихъ земель и самоуправленія.

По свидѣтельству сэра Лепель Гриффина,—состоявшаго британскимъ уполномоченнымъ въ 1880 году при возведеніи Абдэррахманъ-хана на престолъ эмира,—большинство авганскихъ вождей и народа было расположено въ то время въ пользу Якубъ-хана и его семьи, и относилось къ Абдэррахманъ-хану съ нелюбовью и страхомъ, опасаясь его мстительности и жестокости (A page of Afghan History, by sir Lepel Griffin, въ Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 250). Увѣряя англичанъ въ своей преданности, на условіи субсидій и поддержки, и указывая имъ—кого изъ вліятельныхъ и подозрѣваемыхъ имъ во враждебности къ себѣ народныхъ вождей слѣдуетъ подвергнуть задержанію, для общей безопасности, Абдэррахманъ-ханъ въ то же время тайно возбуждалъ въ народѣ противъ англичанъ религіозно-національныя чувства, дабы пріобрѣсти этимъ путемъ популярность и опору противъ неудобныхъ требованій британскаго правительства (тамъ же, p. p. 250, 257 и др.). Достигнувъ этой „двойной игрой“ престола и утвердившись на немъ, Абдэррахманъ-ханъ далъ волю своей мстительности и жестокости. Результатомъ были возстанія, усмиренія которыхъ сопровождались свирѣпыми пытками и казнями. Лепель Гриффинъ признаетъ вѣрнѣйшаго изъ всѣхъ союзниковъ Англіи въ Европѣ и Азіи самымъ жестокимъ (most cruel) правителемъ и замѣчаетъ, что Ширъ-Али-ханъ наказывалъ своихъ подданныхъ розгами, Абдэррахманъ-ханъ же сталъ ихъ бичевать скорпіонами (p. 255). Другой почитатель эмира, Керзонъ, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Кабулъ зимою 1894—1895 г.г., утверждалъ, что въ мірѣ не найдется государя, къ которому его народъ питалъ бы чувство страха съ такой полной основательностью. Ненавидимый главами племенъ, духовенствомъ и народомъ и держащійся главнымъ образомъ субсидіями Англіи и ея, въ случаѣ надобности, военной помощью Абдэррахманъ-ханъ лишь въ крайности можетъ принять сторону пограничныхъ племенъ и рѣшиться на войну съ Англіею. Но состояніе здоровья Абдэррахманъ-хана давно уже внушаетъ опасенія.

Вопреки газетнымъ толкамъ о неизбѣжныхъ смутахъ въ Авганистанѣ послѣ смерти нынѣшняго эмира, вслѣдствіе появленія претендентовъ, съ наибольшею вѣроятностью слѣдуетъ полагать, что вступленіе на престолъ назначеннаго Абдэррахманъ-ханомъ въ преемники старшаго сына его Хабибуллы-хана совершится спокойно и никакихъ претендентовъ не появится или претензіи ихъ останутся совершенно безуспѣшными, ибо Хабибулла-ханъ уже

нѣсколько лѣтъ принимаетъ участіе въ управленіи и замѣняетъ отца въ разныхъ случаяхъ, а претенденты, бѣжавшіе изъ Авганистана уже десять—двадцать лѣтъ (Эюбъ-ханъ въ 1881 году, Исхакъ-ханъ въ 1888 году), не имѣютъ въ странѣ ни значительнаго числа приверженцевъ, ни шансовъ на успѣхъ. Положеніе новаго эмира будетъ совсѣмъ иное, чѣмъ Абдэррахманъ-хана. Ненависть народа и духовенства не можетъ быть перенесена на сына, невиннаго въ его жестокостяхъ. Съ своей стороны Хабибулла-ханъ, надо думать, пожелаетъ пріобрѣсти расположеніе своего народа, дабы не быть въ тяжкой зависимости отъ англо-индійскаго правительства и основать свою власть на прочномъ фундаментѣ народной преданности. Разумѣется, чтобы не лишиться возможно дольше ежегодной субсидіи въ 1.800.000 рупій, онъ будетъ выполнять обязательства отца предъ Англіею, но трудно сомнѣваться, что при возобновленіи борьбы пограничныхъ племенъ съ Англіею, онъ вынужденъ будетъ принять сторону единоплеменниковъ, подчиняясь единодушному чувству своего народа и во избѣжаніе потери престола. Уклоненіе авганскаго эмира отъ борьбы съ Англіею за независимость авганскаго народа приготовило бы баракзійской династіи участь предшествовавшей ей саддозійской; духовный и свѣтскій глава пограничныхъ племенъ, появленіе котораго было бы вѣроятно неизбѣжно, столь же легко прогналъ бы или обратилъ въ ничтожество баракзійскихъ эмировъ, какъ сдѣлалъ это Шамиль съ дагестанскими ханами.

Какъ бы то ни было, Англіи придется, рано или поздно, бороться не съ одними пограничными племенами, но и съ Авганистаномъ. Если $1^1/_2$ милліона душъ пограничныхъ племенъ выставляютъ 200 тыс. воиновъ, то въ общей сложности $6^1/_2$ милл. авганъ и подвластныхъ имъ народностей могутъ, безъ сомнѣнія, дать по крайней мѣрѣ 650 тыс. ратниковъ или десятую часть населенія, въ томъ числѣ до 150 тыс. регулярныхъ войскъ эмира съ ихъ резервами.

По свѣдѣніямъ Бернса, Достъ-Мохаммедъ-ханъ содержалъ въ тридцатыхъ годахъ около 2.500 чел. пѣхоты, вооруженной крѣпостными ружьями, и 12—13 тыс. всадниковъ („Кабулъ", изд. Голубева, Москва, 1847 года, часть 2, стр. 164). Послѣ войны съ Англіею онъ завелъ регулярное войско, которое въ 1858 году, когда онъ владѣлъ всѣмъ Авганистаномъ кромѣ Херата, состояло изъ 16 полковъ пѣхоты, 3 полковъ кавалеріи и 80 орудій (Юль, статья его Afghanistan въ Encyclopaedia Britannica, изд. 1878 года), всего 12—15 тыс. чел. Ширъ-Али-ханъ, получивъ въ 1869 году въ подарокъ отъ англо-индійскаго правительства 5 тыс. ружей Снайдера и 15 тыс. Энфильда, около 1 милл. патроновъ къ нимъ и 12 орудій, въ томъ числѣ 6 горныхъ, устроилъ выдѣлку пороху, ружей и пушекъ по англійскимъ образцамъ чрезъ

туземныхъ мастеровъ, ознакомившихся нѣсколько съ техникою въ пишеверскомъ арсеналѣ; въ результатѣ, къ войнѣ 1878 года, численность ручнаго огнестрѣльнаго оружія разныхъ системъ доходила до 50 тыс., въ томъ числѣ болѣе 2 тыс. ружей Снайдера и 8 тыс. Энфильда туземной выдѣлки; имѣлось значительное количество патроновъ, болѣе 1 милл. фунтовъ пороху и 379 орудій (The Afghan War of 1879—1880, by Howard Hensman, London, 1881, p.p. 72—74, 320—327). Самъ Ширъ-Али-ханъ опредѣлялъ численность своей арміи, при переговорахъ съ русскимъ посольствомъ, въ 60 тыс. чел. (И. Л. Яворскій „Путешествіе русскаго посольства по Авганистану" и пр., Спб., 1883 г., т. II, стр. 149), вѣроятно нѣсколько преувеличенно. По свѣдѣніямъ Н. И. Гродекова, собраннымъ въ концѣ 1878 года во время проѣзда по Авганскому Туркестану въ Хератъ, у эмира имѣлось отъ 50 до 60 батальоновъ пѣхоты (30—35 тыс. чел.), около 20 полковъ кавалеріи (около 8 тыс. чел.) и около 200 орудій („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи" вып. V, Спб., 1883 г., стр. 101), значитъ всего регулярнаго войска до 50 тыс. Но изъ этихъ войскъ 15 батальоновъ и 15 кавалерійскихъ полковъ находились въ Авганскомъ Туркестанѣ и 15 батальоновъ въ Хератѣ (тамъ же, стр. 106), такъ что противъ трехъ англійскихъ отрядовъ, вступившихъ въ предѣлы Авганистана, могли быть выставлены лишь 20—30 батальоновъ, пока не подошла часть туркестанскихъ и хератскихъ батальоновъ. Хотя вслѣдствіе недостатка въ транспортныхъ средствахъ англійскія войска, направлявшіяся изъ Пишавера къ Кабулу, употребили почти полгода, чтобы добраться до Джелальабада, но утратившій мужество, рѣшительность и энергію, отличавшія его въ молодые годы, Якубъ-ханъ ничего не сдѣлалъ для организаціи борьбы и заключилъ унизительный миръ. Такую же растерянность выказалъ онъ при возобновленіи войны. Добровольно отдавшись вмѣстѣ съ главными своими министрами въ руки двигавшагося на Кабулъ корамскимъ путемъ шеститысячнаго отряда генерала Робертса, онъ думалъ спасти столицу своею покорностью. Только передъ самымъ Кабуломъ движеніе не встрѣчавшихъ никакаго сопротивленія англичанъ было 6 октября 1879 года остановлено 13 регулярными батальонами, которые наканунѣ возмутились, захватили орудія и военные припасы въ бала-хиссарскихъ складахъ и заняли ведущій къ Кабулу горный проходъ Сенги-Невишта, подъ вольнымъ или невольнымъ начальствомъ дяди эмира Никъ-Мохаммедъ-хана. Въ штабѣ Робертса численность этихъ батальоновъ оцѣняли то въ 9—10 тыс., то въ 4—5 тыс. чел. (Hensman, p.p. 37, 84). Будучи обойдена съ фланга при фальшивой фронтальной аттакѣ прохода, авганская регулярная сила къ вечеру обратилась въ бѣгство, побросавъ свою артиллерію и оставивъ на мѣстѣ около 300 тѣлъ, тогда какъ англичане потеряли лишь 20 чел. уби-

тыми и 67 ранеными. Доступъ къ беззащитному Кабулу сдѣлался для англійскаго отряда свободнымъ. Большая часть авганскихъ батальоновъ разсѣялась. Только три батальона, всего до 2 тыс. чел., съ 20 орудіями, заняли высоты Асмай, прилегающія къ городу Кабулу съ сѣверо-запада. Предпринятое противъ нихъ 8 октября движеніе англичанъ ограничилось перестрѣлкою до наступленія ночи, когда же утромъ 9 октября предпринято было рѣшительное наступленіе, то оказалось, что авганы бѣжали, бросивъ орудія (Hensman, p.p. 41—51). Въ обоихъ дѣлахъ 6 и 8 октября, которыми закончилось существованіе регулярной арміи эмира Ширъ-Али-хана, авганскія войска ограничились пассивной обороной. Значительное численное превосходство ихъ артиллеріи и недурной выборъ позицій для орудій не повели ни къ чему вслѣдствіе неудовлетворительности стрѣльбы. Огонь пѣхоты также оказывался недѣйствительнымъ, такъ какъ по невѣрности прицѣла пули авганской пѣхоты такъ же не попадали въ цѣль, какъ снаряды авганскихъ орудій (p. 330).

Видѣвшій авганскія войска передъ войною, въ авганскомъ Туркестанѣ и въ Херате, русскій офицеръ генеральнаго штаба высказалъ мнѣніе, что „пѣхота не годна вслѣдствіе принятія совершенно механически англійскаго устава" („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи", вып. V, стр. 160). Практика на войнѣ выяснила, что ближайшими причинами непригодности авганской регулярной арміи были неудовлетворительность офицеровъ и командировъ, а главное—плохое ознакомленіе людей со стрѣльбою. Надлежащихъ офицеровъ и генераловъ армія эмира имѣть не могла за отсутствіемъ военныхъ школъ и необходимаго образованія; лучшіе офицеры были изъ отставныхъ чиновъ англо-индійской туземной арміи, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи сносно руководить движеніями даже одной бригады (Hensman, p. 328). Для обученія стрѣльбѣ каждому солдату выдавалось только три патрона въ годъ, а на каждое орудіе только одинъ снарядъ (p. 332). Не удивительно, что въ октябрѣ 1879 года регулярные батальоны не умѣли стрѣлять, а черезъ два мѣсяца, послѣ нѣкоторой практики, тѣ же солдаты, въ составѣ 20—50 т. ч. собравшагося противъ англичанъ народнаго ополченія, стрѣляли и дрались весьма сносно. Ополченцы эти нанесли Робертсу пораженіе и вынудили запереться въ Ширпурскій укрѣпленный лагерь. Послѣ восьмидневной блокады и стычекъ, авганы предпринимали 23 декабря штурмъ лагеря. Ночь на 24 декабря осажденные провели съ оружіемъ въ рукахъ, ожидая возобновленія штурма, но по наступленіи дня оказалось, что авганскія ополченія исчезли, разсѣявшись по своимъ мѣстамъ, съ обѣщаніемъ возвратиться въ большихъ силахъ къ веснѣ. Англичане приписывали снятіе блокады приближенію подкрѣпленій (тамъ же, p. 254), но эти подкрѣпленія состояли всего изъ 1.400 чел. (p. 268) и едва пополнили убыль отряда Робертса убитыми, ранеными

и больными. Дѣйствительная причина вѣроятно состояла въ недостаткѣ продовольствія. Когда взятый каждымъ ополченцемъ изъ дома на себѣ запасъ пищи истощился въ-продолженіи двухъ недѣль военныхъ дѣйствій, ополченіямъ оставалось только разойтись по домамъ, потому что окрестности Кабула, въ которыхъ только-что были съ большимъ трудомъ собраны, за огромныя деньги и реквизиціями, запасы для продовольствія отряда Робертса на зиму, не въ состояніи были продовольствовать десятки тысячъ ополченія.

Когда британскія войска уходили въ 1880 году окончательно изъ Кабула, то по усиленнымъ просьбамъ Абдэррахманъ-хана было ему подарено 30 орудій, преимущественно малаго калибра (Hensman, p. 459). Въ 1885—1887 г.г., во время разграниченія и опасеній войны съ Россіей, англо-индійское правительство обильно снабжало своего союзника оружіемъ, но никакихъ точныхъ свѣдѣній по этому предмету въ общедоступныхъ источникахъ не имѣется, какъ и о тогдашнихъ и продолжающихся съ того времени пріобрѣтеніяхъ эмиромъ предметовъ вооруженія изъ Европы, провозившихся съ разрѣшенія правительства чрезъ Индію. Сверхъ того эмиръ возобновилъ выдѣлку пороха, ружей и орудій въ Кабулѣ, подъ руководствомъ принятаго имъ для того на службу англичанина Солтера Пайна, который оставилъ службу въ Кабулѣ лишь въ 1899 году послѣ тринадцати-лѣтняго на ней пребыванія. Если сколько нибудь достовѣрны извѣстія о томъ, что мастерскія эмира при помощи машинъ, доставленныхъ изъ Индіи, производятъ по 15 ружей и по 20 тыс. патроновъ въ день и по два орудія въ недѣлю (Statesman's Year-book, 1898, p. 313), то одно домашнее изготовленіе могло дать въ 13 лѣтъ до 70 тыс. ружей англійскихъ образцовъ и нѣсколько сотенъ орудій, съ подарками же и покупками надо предполагать у эмира болѣе 100 тыс. огнестрѣльнаго оружія, можетъ быть даже до 200 тыс.

„По свѣдѣніямъ 1882 г. *) регулярная армія эмира состояла изъ 30.890 пѣхотинцевъ, 9.750 всадниковъ и 1.600 артиллеристовъ, при 182 орудіяхъ" („Сборникъ ...матеріаловъ по Азіи", Спб. 1896 г., вып. 64. стр. 102, по The Ameer Abdur Rahman, by Stephen Wheeler, London, 1895). Въ Revue militaire de l'étranger (1891, Mai) численность арміи эмира, на основаніи свѣдѣній, приписываемыхъ Керзону, оцѣнялась въ 45 т. пѣхоты и 16 т. кавалеріи. По The Statesman's Year-book, 1898 (p. 313), численность войскъ эмира опредѣлялась по свѣдѣніямъ 1896 года въ 50 т.; тамъ же утверждалось, что въ 1896 г. эмиръ распорядился ввести наборъ по 1 ч. съ каждыхъ 7, но мѣра эта не получила исполненія вслѣдствіе общаго сопротивленія населенія: едва ли это не повтореніе давнишнихъ, ока-

*) Можетъ быть эта опечатка вмѣсто 1892.

зывавшихся невѣрными, газетныхъ слуховъ. Были также въ разное время извѣстія объ образованіи эмиромъ резервовъ для своей регулярной арміи. Во всякомъ случаѣ регулярная армія эмира не можетъ превышать, не считая резервовъ, 50—60 т. ч., потому что онъ не располагаетъ для содержанія большей цифры финансовыми средствами.

Авганистанъ—страна бѣдная. „Вѣковая обработка и искусство въ земледѣліи и орошеніи, стоящемъ даже на болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ въ Индіи, превратила многія части“ сѣверныхъ провинцій „въ прекрасные сады и плодородныя поля, какими едва ли можетъ похвалиться и Ломбардская долина. Но только глядя съ вершинъ горъ, можно замѣтить, какъ узки эти ярко-зеленыя ленты плодородной земли, извивающіяся и мѣстами разбросанныя въ болѣе широкихъ долинахъ среди обнаженныхъ склоновъ и унылой пустыни, покрытой песками и скалами. Значительнѣйшая часть Авганистана представляетъ совершенно и навсегда безплодную почву, такъ что, каковы бы ни были настоящіе доходы страны, можно съ достовѣрностью утверждать, что они не могутъ быть увеличены посредствомъ распространенія земледѣлія. Я не думаю также, чтобы земледѣльцы могли пойдти еще далѣе въ искусствѣ обработки этихъ узкихъ полосокъ пахотной земли. Въ особенности искусственное орошеніе, какъ открытыми канавами, такъ и подземными водопроводами (карызы), доведено до высокаго совершенства. Можно, дѣйствительно, сказать про авганцевъ, что они употребляютъ въ дѣло всю воду, которую имѣютъ. Достовѣрно извѣстно, что рѣка Кабула и Герирудъ... бываютъ въ извѣстное время года почти безъ воды“ („Извѣстія Кавказскаго отдѣла и. р. географическаго общества“, т. 8, Тифлисъ, 1884—5 г.г., стр. 7 и 8, „Географическіе результаты авганской кампаніи“ 1878—1880 г.г., русскій переводъ статьи полковника Хольдича изъ Proceedings of the R. Geographical Society, 1881, February). Хотя часть населенія ведетъ жизнь кочевую и питается главнымъ образомъ продуктами скотоводства, однако земледѣліе даетъ недостаточное для прокормленія количество хлѣба и во многихъ мѣстностяхъ приходится прибѣгать къ питанію сушеными тутовыми ягодами и мукою изъ нихъ. Обработывающая промышленность развита слабо и не выходитъ изъ предѣловъ ремеслъ и кустарныхъ производствъ. Такое экономическое состояніе страны и ея производительныхъ силъ достаточно ясно обнаруживается въ ея внѣшней торговлѣ.

Главные предметы вывоза изъ Авганистана по индійской границѣ суть шерсть, мѣха (лисьи, мерлушки), кожи, лошади и мулы, шелкъ, фрукты, ассафетида, ковры и другія издѣлія изъ шерсти. Ввозятся въ Авганистанъ по индійской границѣ хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, металлы и металическія издѣлія, чай и затѣмъ незначительныя количества дру-

гихъ товаровъ. Въ 1895—96 финансовомъ году (съ 1 апрѣля по 31 марта) вывозъ въ Индію составлялъ изъ Кабула цѣнность въ 1.650.030 рупій и по синдо-пишинской желѣзной дорогѣ 5.806.050 рупій (Statistical Abstract relating to British India, Number 31, London, 1897), но по этой желѣзной дорогѣ привозятся товары не изъ одного Авганистана (чрезъ Кандахаръ), а также изъ Белучжистана и британскихъ владѣній въ юго-восточномъ Авганистанѣ, а потому, принимая приблизительно (сообразуясь съ нѣкоторыми изъ предшествовавшихъ годовъ, когда вывозъ изъ Кандахара показывался отдѣльно) вывозъ изъ владѣній эмира въ треть этой цифры, получимъ цифру вывоза изъ всего Авганистана въ Индію приблизительно въ $3^1/_2$ милл. рупій. Ввозъ изъ Индіи въ Авганистанъ за тотъ же годъ равнялся по направленію къ Кабулу 3.262.510 рупій и по желѣзной дорогѣ 4.340.570 рупій, что при отнесеніи на владѣнія эмира трети послѣдней цифры, дастъ общій примѣрный итогъ ввоза въ Авганистанъ изъ Индіи въ $4^3/_4$ милл. рупій. По границѣ съ русскими средне-азіатскими владѣніями и бухарскимъ ханствомъ въ 1897 году вывозъ изъ Авганистана составлялъ („Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1897 годъ“, изд. Департ. тамож. сборовъ, Спб., 1899 г.) по цѣнности всего 1.576.751 руб. (противъ 2.093.366 р. въ 1896 г. и 2.485.842 р. въ 1895 г.), т. е. сильно и прогрессивно падаетъ со времени включенія бухарскихъ владѣній въ русскую таможенную черту; вывозъ этотъ состоитъ изъ „жизненныхъ припасовъ“ на 120.081 р. (въ томъ числѣ фруктовъ, орѣховъ и т. под. на 75.854 р., риса на 16.779 р., патоки и т. под. 12.474 р., „чаю всякаго“ 228 пудовъ на 9.134 р.), „сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ“ на 1.087.491 р. (кожъ не выдѣланныхъ на 577 т. р., шерсти 223 т. р., хлопка 74 т. р., лисьихъ мѣховъ и прочей „мягкой рухляди“ на 49 т. р.), „животныхъ“ на 240.682 р. (80.418 штукъ мелкаго рогатаго скота на 240.230 р.), наконецъ „издѣлій“ на 128.497 руб. (ковровъ и другихъ продуктовъ изъ шерсти 103.791 р.). Ввозъ въ Авганистанъ по русской таможенной границѣ опредѣленъ нашими оффиціальными свѣдѣніями на сумму въ 479.278 рублей (въ 1896 году 906.571 р., за 1895 г. свѣдѣній не имѣется, кромѣ цифры издѣлій на 558 т. р., сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ на 38 т. р. и животныхъ на 2 т. р., см. „Вѣстникъ финансовъ“ 1897 г., № 35), въ томъ числѣ жизненныхъ припасовъ на 13.509 р. (сахаръ, табакъ, хлѣбъ), сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ 39.267 р. (шелкъ, бумажная пряжа, желѣзо и другіе металлы, пухъ козій), наконецъ издѣлій на 426.278 р. (бумажныхъ тканей 266.941 р., льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій 126.075 р., металлическихъ издѣлій на 9.344 р.). Торговля Авганистана съ Персіей незначительна: въ

1895 году („Вѣстникъ финансовъ“, 1897 г., № 5, стр. 269) вывозъ изъ Херата въ Хорасанъ оцѣнялся въ 203 т. р. и ввозъ въ 551 т. р. (въ томъ числѣ индо-британскихъ товаровъ на 345 т. р., русскихъ, преимущественно сахару, на 163 т. р. и персидскихъ на 43 т. р.). Взявъ свѣдѣнія за послѣдній извѣстный годъ, мы видимъ изъ вышеприведеннаго, что ввозъ въ Авганистанъ составляетъ въ сложности около $4^3/_4$ милл. рупій и около 1.030.000 рублей, а вывозъ около $3^1/_2$ милл. рупій и 1.780.000 рублей, при чемъ ввозъ состоитъ изъ произведеній обработывающей промышленности, чая и сахара, вывозъ же главнѣйшимъ образомъ изъ продуктовъ скотоводства (рогатый скотъ, лошади, мулы, невыдѣланныя кожи, шерсть); въ частности большая часть вывоза въ русскія владѣнія состоитъ изъ произведеній Авганскаго Туркестана, а не изъ продуктовъ земель къ югу отъ Хиндукуша.

При выясненной приведенными данными бѣдности страны государственные ея доходы не могутъ быть значительны. По Эльфинстону (vol. 2, p.p. 258—260), въ началѣ настоящаго столѣтія, когда шахъ кабульскій владѣлъ долиною Инда, Кашмиромъ и пр., государственные доходы Авганистана оцѣнялись въ 30 милл. рупій или 3 милл. фунтовъ стерл., но изъ этой суммы 10 милл. оставались въ рукахъ вассальныхъ владѣтелей, изъ остальныхъ же 20 милл., за расходомъ на платежи главамъ племенъ, духовнымъ учрежденіямъ и пр., поступало въ казну шаха только 9 милл. рупій, которыя и употреблялись на содержаніе двора, арміи, придворнаго духовенства и пр. Въ послѣдніе годы правленія Достъ-Мохаммедъ-хана доходы достигали до 710 т. ф. ст., изъ которыхъ содержаніе арміи поглощало 430 т. ф. ст. (Юль, въ не разъ упомянутой статьѣ). По свѣдѣніямъ отъ одного министра Ширъ-Али-хана, въ 1872—1876 г.г. доходы составляли 712.968 фунт. стерл. (Statesman's Yearbook, 1898, p. 313). Самъ Ширъ-Али-ханъ, крайне повидимому преувеличенно, оцѣнялъ свои доходы въ 20 милл. рупій (Яворскій „Путешествіе“ и пр., т. 2, стр. 149), тогда какъ по точнымъ исчисленіямъ маіора Хастингса, завѣдывавшаго политическою частію при ген. Робертсѣ во время оккупаціи Кабула, доходы Авганистана при этомъ эмирѣ опредѣлились въ 7.982.390 рупій (Hensman, p. 327), четверть которыхъ (именно 1.921.195 рупій) расходовалась на военныя издержки. О доходахъ Авганистана за время нынѣшняго эмира свѣдѣній нѣтъ, но по всей вѣроятности эти доходы (помимо субсидій) близки къ 8 м. рупій, какъ при Ширъ-Алиханѣ *), и изъ нихъ также употребляется на содержаніе арміи четверть или

*) Вѣроятно, вслѣдствіе большей силы правительства и строгости взиманія, налоги поступаютъ въ большей цифрѣ, но за-то въ послѣдніе годы таможенные сборы значительно сократились, даже противъ времени Ширъ-Али-хана. Этимъ сборамъ, достигавшимъ 106 рупій съ верблюжьяго вьюка въ 14 пудовъ, британскіе писатели приписывали обыкновенно упа-

около 2 милл. рупій. Это даетъ въ среднемъ на 1 ч. 40 рупій, если армія состоитъ изъ 50 т. ч. При раздѣленіи бюджетной суммы всѣхъ военно-сухопутныхъ расходовъ на число чиновъ всѣхъ ранговъ получается для Италіи 36 ф. стерл., Франціи болѣе 39, Англіи почти 94 ф., а содержаніе 1 пѣхотнаго солдата (безъ расходовъ на офицеровъ, на вооруженіе и вообще всѣхъ издержекъ, не касающихся непосредственно солдата) обходится во Франціи $16^1/_2$ фунтовъ стерл., въ Италіи болѣе 23, въ Германіи болѣе 22, въ Англіи болѣе $45^1/_2$ фунтовъ ст. (Journal of the R. United Service Institution, 1899, January, p.p. 96—98). Хотя авганскому солдату неизвѣстны многія потребности европейскаго солдата, а другія удовлетворяются въ несравненно меньшей степени, однако средняя въ 40 рупій столь незначительна, что расходы по вооруженію и часть другихъ относятся, безъ сомнѣнія, на счетъ получаемой эмиромъ отъ Англо-Индіи ежегодно субсидіи, достигшей съ 1894 года 1.800.000 рупій. Вмѣстѣ съ тѣмъ кажется очевиднымъ, что Авганистанъ не можетъ содержать регулярной арміи болѣе, чѣмъ въ 50—60 т. ч. за неимѣніемъ средствъ.

Что касается качествъ регулярной арміи Абдэррахманъ-хана, то, по отзывамъ англійскихъ наблюдателей, ознакомившихся съ нею во время столкновеній на русско-авганской границѣ въ 1885 году и въ Кабулѣ, армія эта не можетъ успѣшно противостоять европейскимъ военнымъ силамъ по отсутствію европейски-образованныхъ офицеровъ (The Northern Afghanistan, by Major C. E. Yate, London, 1888, p.p. 367, 368 ctr.). Относительно стрѣльбы извѣстно, что солдату выдается въ годъ для практики 4—5 пуль (Statesman's Year-book, 1898, p. 314). Повидимому армія нынѣшняго эмира имѣетъ почти тѣ же недостатки, какъ при Ширъ-Али-ханѣ.

Помимо неимѣнія финансовыхъ средствъ на содержаніе значительной регулярной арміи, сформированіе ея было бы и безцѣльно, такъ какъ, по недостатку въ странѣ продовольственныхъ средствъ и удобствъ для ихъ перемѣщенія, передвиженія туземной арміи значительнаго состава были бы столь

докъ вывоза изъ Индіи въ Авганистанъ, особенно зеленаго чая. На самомъ дѣлѣ 106 рупій съ груза верблюда не такъ уже велики, если ихъ сравнить съ русской таможенной пошлиной въ 201 р. 60 к. съ того же верблюжьяго груза (по 14 р. 40 к. съ пуда зеленаго чая). Если еще въ 1887 году, по одному русскому оффиціальному источнику («Сборникъ ...матеріаловъ по Азіи», вып. 33, 1888 г., стр. 1—7), въ Бухару привозилось изъ Индіи чрезъ Авганистанъ до 70 т. пудовъ зеленаго чаю, значительное количество индиго, кисеи и пр., всего до 100 т. пудовъ на 5.475.000 рублей, а въ 1897 году привезено лишь 228 пудовъ зеленаго чаю на 9.134 р., то сборы эмира тутъ не причемъ. Объясненіе главнымъ образомъ заключается въ томъ, что съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда чаи въ Среднюю Азію направились вмѣсто Авганистана на Персію и Закаспійскую желѣзную дорогу, а съ 1895 года,—со времени включенія Бухары въ русскую таможенную черту и дозволенія транзита чрезъ Батумъ,—по Суэзскому каналу въ Батумъ и на Закаспійскую желѣзную дорогу, все вслѣдствіе большей дешевизны и скорости перевозки, чѣмъ чрезъ Авганистанъ.

же почти затруднительны или невозможны, какъ и для иностранныхъ войскъ. Противъ всякой авганской регулярной арміи Англо-Индія въ состояніи выставить армію не меньшей численности, но несравненно лучше вооруженную, командуемую и снабжаемую. Не въ регулярной войнѣ при помощи регулярной арміи, а, какъ свидѣтельствуетъ примѣръ Кавказа и опытъ англо-авганскихъ войнъ, только въ народной войнѣ можетъ авганскій народъ оказать громадное и многолѣтнее сопротивленіе всякому врагу. Въ такой войнѣ небольшая регулярная армія можетъ принести оборонѣ драгоцѣнную помощь, въ особенности своею артиллеріею, но главнымъ агентомъ являются ополченія воинственнаго и одушевленнаго любовью къ независимости и ненавистью къ врагу народа, отстаивающаго шагъ за шагомъ горныя твердыни родной страны и неустанно нападающаго на силы непріятеля, въ особенности же на его сообщенія, транспорты и охраняющія ихъ мелкія части войскъ. Въ январѣ 1880 года, единственный частный газетный корреспондентъ при только-что испытавшемъ мощь авганскихъ народныхъ ополченій отрядѣ генерала Робертса сообщалъ въ свои газеты слѣдующій, вѣроятно внушенный въ отрядномъ штабѣ, планъ воспользоваться авганами для обороны Индіи; „Когда Авганистанъ обратится въ вассальное государство, руководимое англо-индійскимъ правительствомъ, и народъ убѣдится въ выгодахъ союза съ англичанами", то Англія получитъ въ немъ громадную милицію; все населеніе будетъ вооружено заряжающимися съ казны ружьями, будетъ ежегодно собираемо на короткое время для обученія, съ раздачею для учебной стрѣльбы, на глазахъ офицеровъ, обильнаго количества патроновъ, и образуетъ собою великолѣпный (splendid) военный матеріалъ; при роспускѣ съ учебныхъ сборовъ, „людямъ будутъ оставляемы ихъ ружья, но безъ патроновъ, которые будутъ выдаваться на руки лишь по распоряженію офицеровъ", конечно англійскихъ (Hensman, p.p. 332—333).

Сравнительно съ Авганистаномъ финансовыя средства Англо-Индіи неизмѣримо громадны. Отпускная торговля Индіи исчислена за 189⁸/₉ финансовый годъ въ 1.127 милл. рупій, при привозѣ почти въ 685 м. рупій (1 рупія равняется 67 к., см. «Вѣстникъ финансовъ», 1899 г. № 45, 7 ноября), тогда какъ, напр., весь внѣшній вывозъ Россіи составлялъ въ 1897 г. только 484,4 милл. рублей и привозъ 373,3 м. р. Если принять въ соображеніе, что львиная доля отпуска и привоза Индіи направляется въ Англію и обратно; что индійскій бюджетъ уплачиваетъ ежегодно правящимъ страною англійскимъ чиновникамъ 200 милл. рупій и что индійская казна отпускаетъ 17 милл. ф. стерл. на расходы метрополіи (The Westminster Review, 1897, vol. 148, p.p. 406—407), то эти факты дадутъ лишь частичное и слабое понятіе о преобладающемъ значеніи Индіи въ образованіи и возрастаніи богатства и благосо-

стоянія Англіи. Лишиться Индіи съ ея громадными ресурсами и 300 милл. населенія (по переписи 1891 г. болѣе 287 милл. душъ, но приростъ за предшествовавшее десятилѣтіе въ 33 м. душъ убѣждаетъ, что въ настоящее время населеніе уже далеко превысило цыфру въ 287 м.) значило бы для Англіи потерять главнѣйшій источникъ ея благосостоянія и положеніе міровой державы, такъ какъ связи ея съ колоніями слишкомъ слабы и съ утратою Индіи Англіи предстоитъ занять въ политическомъ отношеніи роль немного болѣе значительную, чѣмъ та, какую, напр., имѣетъ Голландія съ Бельгіей. При владычествѣ Англіи на моряхъ, британская имперія знаетъ теперь только одну «границу» — отъ Памировъ до Персидскаго залива: It is the Achilles heel of the Empire, the one vulnerable point (Imp. and Asiatic Quarterly Review, 1899, July, p. 42). Понятно, что Англія не щадитъ средствъ подвластной Индіи для предупрежденія опасностей на «границѣ». Такъ, съ 1877 года до 1897 года израсходовано на укрѣпленіе и распространеніе владычества Англіи на сѣверо-западной границѣ Индіи 714.500.000 рупій сверхъ обыкновенныхъ расходовъ на содержаніе арміи; въ эту сумму входятъ 21 м. ф. стерл., израсходованныхъ на войну съ Авганистаномъ въ 1878—1880 г.г., изъ которыхъ Англія дала изъ своихъ средствъ только 5 м. ф. стерл. (Westminster Review, vol. 148, 1897, p. 403). Если бы была возможность обратить Авганистанъ и его населеніе въ прочный и вѣрный навсегда оплотъ Индіи цѣною единовременныхъ финансовыхъ затратъ, то едва ли бы размѣръ ихъ могъ остановить Англію: можно бы удвоить, даже утроить государственный долгъ Индіи (къ 1897 году около 232 м. ф. ст.), и сама Англія могла бы на много увеличить свою задолженность (въ 1897 г. долгъ ея составлялъ лишь 640¾ м. ф. ст., съ ежегоднымъ расходомъ на проценты и погашеніе въ 25 м. изъ государственныхъ доходовъ въ 106½ м. ф. стерл.). Богатства Соединеннаго королевства опредѣлялись въ 1895 году въ 11.806.000.000 ф. ст.; цѣнность имуществъ и капиталовъ, принадлежащихъ британскимъ подданнымъ внѣ королевства, оцѣняютъ отъ 2 до 5 милліардовъ ф. ст., съ ежегоднымъ доходомъ отъ 22 до 50 милліоновъ ф. стерл. (The Contemporary Review, 1899, July, The Imperialism of British Trade). Но для покоренія Индійскаго «Кавказа» потребуется не единовременный расходъ, а постоянныя огромныя жертвы въ продолженіи десятковъ лѣтъ, такъ какъ свойства страны и ея воинственнаго населенія дозволяютъ оборонять ее многіе годы противъ тѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя въ состояніи выставлять Англо-Индія. Между тѣмъ многолѣтніе и огромные непроизводительные расходы на безконечную войну, большое увеличеніе налоговъ, финансовые и промышленные кризисы неизбѣжно вызовутъ истощеніе и раззореніе Индіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Англіи.

Недостаточная численность англо-индійской арміи и невозможность значи-

тельнаго ея увеличенія представляются однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій для успѣшности борьбы Англіи съ авганами. Опытъ 1897 г. выяснилъ, что война только съ пограничными племенами, восстававшими разновременно и дѣйствовавшими разрозненно, потребовала выставленія на границу 60—70 т. ч. изъ англо-индійской арміи, причемъ дѣйствовало противъ непріятеля въ каждое данное время не болѣе 10—30 т. ч., остальныя же войска необходимы были для удержанія отъ восстаній недавно усмиренныхъ или собиравшихся начать непріязненныя дѣйствія племенъ. При войнѣ съ объединенными авганами едва будетъ достаточно 100 т. ч. для обороны британскихъ земель по сѣверо-западной границѣ Индіи отъ вторженій горцевъ на 800 миляхъ ея протяженія, тѣмъ болѣе, что возстаніе вѣроятно обниметъ многія племена белуджей и брахуи, и сторону авгановъ примутъ многіе патаны и другіе мусульмане англо-индійской территоріи. Эти 100 т. ч. будутъ во все продолженіе войны прикованы къ британской сторонѣ границы и для наступленія въ авганскіе предѣлы понадобятся неизбѣжно другія войска въ числѣ тоже около 100 т. ч., такъ какъ для сколько-нибудь успѣшнаго дѣйствій противъ арміи эмира въ 50 т. ч., а съ резервными въ 100 или даже 150 т., вспомоществуемой ополченіями, необходимо по крайней мѣрѣ 50 т. ч. и столько же надо употребить для охраненія сообщеній. Разумѣется 50 т. активно дѣйствующихъ войскъ не въ состояніи будутъ уничтожить сопротивленіе 3½ милліоннаго воинственнаго горнаго народа, отстаивающаго свое существованіе, скорѣе, чѣмъ въ десятокъ или болѣе лѣтъ, а потому на одно пополненіе убыли двухсотъ-тысячной арміи отъ болѣзней, помимо боевыхъ потерь, понадобится ежегодно 25—50 т. ч., такъ какъ индійскія войска сильно страдаютъ отъ климата и условій жизни горныхъ странъ. И такъ для войны съ объединеннымъ авганскимъ народомъ Англіи необходимо будетъ выставить по крайней мѣрѣ 200 т. ч., и комплектовать эту армію десятки, быть можетъ, лѣтъ. Между тѣмъ вся англо-индійская армія состоитъ въ настоящее время изъ 214 т. ч., въ томъ числѣ около одной трети англичанъ. Къ этой цифрѣ можетъ быть добавлено около 18 т. такъ называемыхъ «имперскихъ войскъ», содержимыхъ на счетъ туземныхъ владѣтелей, но мало разнящихся отъ британскихъ туземныхъ войскъ. Съ призывомъ резервныхъ, образованіе которыхъ началось лишь нѣсколько лѣтъ и численность которыхъ не велика, вся англо-индійская армія можетъ быть съ трудомъ доведена до цыфры немного болѣе 250 т. ч. Дальнѣйшее ея увеличеніе представитъ едва ли одолимыя трудности, такъ какъ, по указаніямъ опыта, вербовка во время войнъ съ авганами у туземцевъ Индіи бываетъ безуспѣшна. Для гарнизоновъ внутри Индіи и на другихъ ея границахъ, а также для предупрежденія возстаній и подавленія смутъ въ самой Индіи необходимы по крайней мѣрѣ 150 т., такъ что за Индъ можетъ быть дано изъ состава индійской

арміи никакъ не болѣе 100 т. ч., которые едва будутъ достаточны для чисто оборонительной войны. 100 т. ч. для наступленія въ предѣлы Авганистана должна будетъ доставить сама Англія, постоянная армія которой въ настоящее время едва доходитъ до 165 т. ч., въ томъ числѣ 75 т. ч. въ Индіи; гарнизоны въ Египтѣ и въ разныхъ стратегическихъ пунктахъ, захваченныхъ Великобританіею по всему свѣту, также требуютъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ результатѣ, чтобы послать до 100 т. ч. въ южную Африку для войны съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, пришлось созвать не только всѣхъ резервныхъ (считалось до 80 т. ч. къ началу 1899 г.) но частью и милицію, которая однако не можетъ быть употребляема внѣ Европы. Начало войны показало уже, что раздавить двѣ маленькія республики не такъ легко, какъ ожидалось, и что, чѣмъ бы война ни кончилась, Англіи надолго предстоитъ бороться съ голландскимъ населеніемъ южной Африки за обладаніе страною и содержать здѣсь 25—50 т. лучшаго войска, дабы усмирять возстанія буровъ, если они будутъ побѣждены въ первой войнѣ, или защищать отъ нихъ Капскую колонію и другія свои владѣнія съ голландскимъ населеніемъ, если война кончится признаніемъ независимости Трансваальской и Оранжевой республикъ. Во всякомъ случаѣ имперіалистская политика въ южной Африкѣ значительно увеличила трудности для Англіи выслать нужные для успѣшной войны съ авганами 100 т. ч.

Чѣмъ менѣе будетъ выставлено Англіею войскъ для наступательныхъ дѣйствій въ Авганистанѣ, тѣмъ война будетъ продолжительнѣе и раззорительнѣе. Доводя къ 1815 году свой долгъ до колоссальной по тому времени цыфры въ 861 м. ф. стерл., Англія завоевывала владычество на моряхъ и рынки всего міра для своей промышленности и торговли, захватывала колоніи европейскихъ державъ и обезпечивала безспорное обладаніе Индіею. Истощая и раззоряя Индію и подрывая собственное благосостояніе для покоренія Авганистана, Англія лишь ослабитъ свои силы и средства, необходимыя для обороны Индіи отъ нападенія Россіи, которое будетъ не затруднено, а облегчено сокрушеніемъ или истребленіемъ авганскаго народа, если бы оно и было осуществлено цѣною громаднѣйшихъ для того жертвъ. По вѣрному замѣчанію В. Т. Лебедева, для успѣшности русскаго похода на Индію необходимо или покорить Авганистанъ, «или заключитъ съ авганскимъ эмиромъ союзъ съ условіемъ оккупаціи его государства нашими войсками. Покореніе Авганистана—дѣло весьма трудное; это будетъ повтореніе завоеванія Кавказа, только при болѣе невыгодныхъ условіяхъ, такъ какъ англичане будутъ снабжать нашихъ противниковъ усовершенствованнымъ оружіемъ и инструкторами» («Въ Индію. Военно-статистическій и стратегическій очеркъ. Проектъ будущаго похода», Спб., 1898 г., стр. 79 и 80). Отвергая такимъ образомъ, повидимому, покореніе

авгановъ, г. Лебедевъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и союзъ съ ними, во первыхъ, невыгоденъ, и во вторыхъ, мало вѣроятенъ. Въ виду невозможности ни покоренія Авганистана, ни союза съ нимъ, г. Лебедеву надлежало опредѣлить условія возможности похода на Индію, при враждебности Авганистана, но, къ значительному ущербу его труда, этого не сдѣлано. Между тѣмъ, при враждебности Авганистана, походъ на Индію представляетъ трудности чрезвычайныя и почти никакихъ шансовъ для прочныхъ успѣховъ, такъ какъ даже при одной операціонной линіи на Кандахаръ (движеніе на Кабулъ конечно совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста) охрана сообщеній между Хератомъ и Индомъ сдѣлается задачей невыполнимой или неимовѣрно трудной, а движеніе за Индъ невозможнымъ или чрезмѣрно рискованнымъ. При враждебности авгановъ къ Англіи и при союзѣ съ ними Россіи, походъ въ Индію будетъ дѣломъ труднымъ, но исполнимымъ; при нейтралитетѣ Авганистана, походъ этотъ гораздо болѣе труденъ и рискованъ, при враждебности же авгановъ къ Россіи и союзѣ ихъ съ Англіею походъ въ Индію имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ. Мнѣніе свое о невыгодности союза съ авганами г. Лебедевъ мотивируетъ лишь тѣмъ, что «дѣйствуя съ ними въ союзѣ, Россіи придется, сдѣлавъ громадныя затраты, ограничиться только платоническимъ желаніемъ нанести вредъ англичанамъ» (стр. 80 и 81). Такъ какъ, въ случаяхъ враждебныхъ столкновеній съ Англіею въ Европѣ и Азіи, Россія можетъ нанести ей чувствительные удары только въ Индіи и такъ какъ союзъ съ Авганистаномъ необходимъ для похода въ Индію, то этотъ союзъ дастъ возможность нанести Англіи не «платоническій», а самый дѣйствительный вредъ, который въ случаѣ нужды можетъ состоять въ полной для нея потерѣ Индіи или въ освобожденіи отъ ея владычества болѣе или менѣе значительной ея части. Намѣчая условія союза съ Авганистаномъ, г. Лебедевъ полагаетъ потребовать отъ эмира согласія на занятіе важнѣйшихъ пунктовъ страны русскими гарнизонами, на содѣйствіе авганскихъ войскъ и племенъ и на отдачу Россіи Хератской и Кандахарской областей; взамѣнъ эмиру могутъ быть обѣщаны: расширеніе границъ Авганистана вплоть до р. Инда, гарантія въ полной независимости Авганистана и извѣстная денежная субсидія. «Мало вѣроятія, что союзъ на этихъ условіяхъ состоится»—замѣчаетъ г. Лебедевъ; «развѣ только сознаніе своего безсилія и невозможности бороться съ могуществомъ Россіи, а также личная выгода—сохранить престолъ, заставитъ эмира принять ультиматумъ» (стр. 81). Къ этому г. Лебедевъ добавляетъ, что «независимость Авганистана, охваченнаго съ трехъ сторонъ нашими владѣніями, окажется номинальною и не будетъ помѣхою для нашихъ дальнѣйшихъ задачъ въ средней и южной Азіи» (стр. 81).

При обсужденіи отношеній Россіи къ Авганистану необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) Россія уже дважды, чрезъ своихъ послан-

цевъ, въ 1838 и въ 1878 г.г. предлагала Авганистану союзъ противъ Англіи, получала согласіе, навлекала этимъ оба раза нашествіе на Авганистанъ Англіи и оставляла его безъ помощи, такъ что «авганцы повѣрятъ нашему будущему посольству только въ томъ случаѣ, если слѣдомъ за нимъ пойдетъ наша армія» (И. Л. Яворскій «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану» и пр., Спб., 1883 г., т. 2, стр. 387). 2) Участь народовъ Кавказа и средней Азіи столь же мало завидна для авгановъ, какъ и положеніе народовъ Индіи, и нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ защищать свою независимость совершенно одинаково какъ противъ Россіи, такъ и противъ Англіи. 3) За свою независимость авганы естественно могутъ больше питать опасеній со стороны Россіи, чѣмъ со стороны болѣе слабой, въ качествѣ военной державы, Англіи, тѣмъ болѣе, что полувѣковой слишкомъ опытъ показалъ, что Англія можетъ довольно вѣрно и строго уважать внутреннюю независимость и самостоятельность управленія во владѣніяхъ эмира. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, союзъ Авганистана съ Россіею возможенъ только въ случаѣ войны его съ Англіею и необходимости въ чужой помощи для защиты своей независимости. Война съ Англіею, какъ знаемъ мы, весьма возможна, и при господствѣ въ правительствѣ и общественномъ мнѣніи Англіи имперіализма является лишь вопросомъ времени. При неминуемомъ возстаніи пограничныхъ племенъ, вслѣдствіе новыхъ попытокъ къ ихъ подчиненію и овладѣнію ихъ землями, Авганистанъ долженъ будетъ принять сторону своихъ единоплеменниковъ и тогда прибѣгнетъ къ помощи и союзу Россіи, но на условіяхъ, не угрожающихъ его независимости. Въ крайности онъ вѣроятно согласится на уступку Россіи Херата, гдѣ коренное населеніе не-авганское, въ обмѣнъ на Пишаверъ и земли до Инда, но отдача Кандахарской области, гдѣ находятся земли дураніевъ и часть гильджійскихъ, если бы и состоялась по волѣ эмира, никогда не получитъ утвержденія авганскаго народа и сдѣлается источникомъ вражды въ Россіи и неискоренимымъ зародышемъ Индійскаго «Кавказа», обращеннаго противъ Россіи. Проходъ русскихъ войскъ чрезъ авганскія земли въ союзной войнѣ противъ Англіи можетъ, конечно, оказаться неизбѣжнымъ, но постоянное занятіе авганскихъ центровъ русскими гарнизонами не можетъ быть допущено, не вызывая опасеній за независимость и враждебныхъ столкновеній съ населеніемъ. Такъ какъ для Россіи было бы крайнимъ неразуміемъ создавать противъ себя новый Кавказъ, который несомнѣнно получитъ для борьбы съ нею поддержку во всѣхъ силахъ и средствахъ Англіи, то единственнымъ путемъ для уклоненія Россіи отъ той горькой и пагубной чаши, къ которой неудержимо влечетъ Англію ея политика, можетъ быть лишь твердая и неизмѣнная рѣшимость Россіи строго и вѣрно уважать независимость авганскаго народа и неприкосновенность вѣковыхъ его земель. Сообразно съ этимъ, сколь бы ни выгодно было въ военномъ отношеніи обла-

данie Кандахаромъ и его округомъ, Россiи вѣроятно придется ограничиться прiобрѣтенiемъ, отъ Херата чрезъ Сеистанъ и низовья Хильменда къ Кветтѣ и Инду, лишь полосы земли, необходимой для желѣзной дороги и опорныхъ пунктовъ.

Разумѣется и Англiя могла бы освободиться отъ созидаемаго ею для себя Индiйскаго «Кавказа» передачею пограничныхъ племенъ и ихъ территорiи авганскому эмиру, согласно его и ихъ желанiямъ, какъ намекали нѣкоторые противники «наступательной политики», не рѣшаясь прямо высказать это предложенiе изъ опасенiя задѣть британскую гордость и возбудить противъ себя всѣхъ «джинго». Выговоривъ при этой передачѣ право устройства укрѣпленiй въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ стратегическихъ пунктахъ Сулеймановыхъ горъ и проведенiя къ этимъ укрѣпленiямъ дорогъ, съ обязательствомъ для эмира охраны ихъ безопасности со стороны мѣстнаго населенiя, Англiя устранила бы важнѣйшiе поводы къ враждебности и ненависти горцевъ. Несмотря на умноженiе пограничныхъ постовъ и карательныя экспедицiи, Англiя не могла прекратить набѣги горцевъ на свою территорiю. Не легко будетъ, на первыхъ порахъ, достигнуть этого и эмиру, но не можетъ быть сомнѣнiя, что мѣрами власти и строгости, которыя племена не переносятъ отъ британскихъ властей, но стерпятъ со стороны нацiональнаго государя—мусульманина, эмиръ въ состоянiи прекратить пограничные набѣги и низвести правонарушенiя на границѣ до предѣловъ обыкновенныхъ ссоръ, кражъ и похищенiй. За вѣрность эмира союзу противъ нашествiя съ сѣвера, Англо-Индiи нѣтъ основанiй опасаться, такъ какъ Авганистанъ естественно болѣе можетъ страшиться покушенiй на свою независимость со стороны Россiи, и притомъ, относительно субсидiй, по вѣрному разсужденiю сэра Лепель Гриффина и его правительства въ 1880 году, Англiя всегда можетъ «дать эмиру больше, чѣмъ въ состоянiи предложить ему Россiя» (Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 249)

Весьма мало однако вѣроятно, чтобы Англiя избрала указываемый путь наилучшаго для обѣихъ сторонъ установленiя своихъ отношенiй къ авганскому народу. По традицiонной привычкѣ къ политикѣ попирательства чужихъ правъ, своекорыстiя и насилiя, англiйскiя правящiя сферы и руководимое ими общественное мнѣнiе не могутъ смотрѣть на передачу эмиру пограничныхъ авганскихъ племенъ съ ихъ землями иначе, какъ на дѣло невозможное: отдача въ чужiя руки Сулеймановыхъ горъ, т. е. лучшей естественной преграды противъ нашествiя на Индiю, была бы, въ ихъ глазахъ, полнымъ безумiемъ и непростительной слабостью.

Конечно всѣ государства во взаимныхъ отношенiяхъ преимущественно руководствуются собственными интересами, но рѣдкiя отличаются такой степенью

своекорыстной жадности и такой наклонностью къ насилію, какъ Англія. Причины этого заключаются въ исторіи и расовыхъ особенностяхъ англійскаго народа.

Переправившіеся съ материка Европы и завоевавшіе южную половину Британскаго острова, англо-саксы были въ XI вѣкѣ въ свою очередь покорены франко-норманнами. Образовавшійся изъ смѣшенія аборигеновъ и послѣдовательно завоевывавшихъ страну кельтовъ, англо-саксовъ, датчанъ и нормандцевъ, англійскій народъ *) подчинилъ себѣ долго защищавшіеся кельтскіе Уэльсъ и Ирландію, а также Шотландію. Основанное на усиленной эксплуатаціи порабощеннаго населенія двухъ острововъ, благосостояніе и могущество Англіи, каково бы ни было развитіе ея промышленности и торговли, отнюдь не могли бы, вслѣдствіе незначительности территоріи и населенія, достигнуть нынѣшнихъ громадныхъ размѣровъ, если бы въ XVIII и XIX столѣтіяхъ она не захватила множества острововъ и странъ въ разныхъ частяхъ свѣта и не подвергла ихъ населенія усиленной эгоистичной эксплуатаціи. Отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній, вслѣдствіе попытокъ такой же эксплуатаціи, побудило Англію отказаться отъ прямой финансовой эксплуатаціи колоній съ европейскимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что коронное управленіе ими поглощало всѣ доходы и часто требовало приплатъ, почему предоставленіе колоніямъ самоуправленія вызывалось и финансовыми выгодами, но въ отношеніи къ главнѣйшему изъ ея захватовъ, къ главному источнику ея богатства, къ Индіи, Англія продолжаетъ и понынѣ держаться системы непосредственнаго управленія и усиленной эксплуатаціи. Первые двадцать лѣтъ англійскаго владычества въ Индіи представляли собою почти сплошной грабежъ и безумную погоню за милліонами; англичане отнюдь не уступали въ этомъ испанскимъ завоевателямъ Перу и Мексики, съ тѣмъ различіемъ, что испанскіе грабители по крайней мѣрѣ долго оставались въ странѣ и иногда водворялись въ ней совсѣмъ, тогда какъ англійскіе, заграбивъ все воз-

*) Извѣстный антропологъ Топинаръ склоненъ видѣть въ аборигенахъ Англіи вѣтвь смуглой и длинноголовой средиземноморской расы (L'Anthropologie et la Science sociale, par Paul Topinard, Paris, 1900, p.p, 547, 152). По его мнѣнію, короткоголовые кельты, родственные славянамъ, составляютъ вмѣстѣ съ ними очень древнее отвѣтвленіе желтой расы (p. 228), съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Дѣля народы на эгоистическіе или практическіе и альтрюистическіе или сантиментальные, и считая типомъ первыхъ англичанъ, а вторыхъ—французовъ, онъ полагаетъ, что оба народа составились изъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же трехъ расъ (средиземноморской, кельтской и длинноголовой, высокорослой и бѣлокурой—blonde—скандинавской и сѣверо-германской), разница же въ ихъ характерахъ произошла отъ преобладанія въ составѣ англійскаго народа скандинаво-германской расы и отъ счастливой пропорціи смѣшенія тѣхъ же трехъ расъ во французскомъ народѣ, изъ каковыхъ расъ первая (средиземноморская) представляетъ собою альтрюистическій, вторая (кельтская) положительный, практическій, но неэгоистичный, и третья положительный и эгоистичный элементы (p.p. 538—540, 544, 547—549). Топинаръ не указываетъ антропологическихъ основъ различныхъ характеровъ расъ. При настоящемъ положеніи научныхъ знаній, мнѣ кажется возможнымъ искать пока причины этихъ различій въ отличіяхъ физіологическихъ основъ расовыхъ темпераментовъ.

можное, спѣшили возвратиться со всею своею добычею въ Англію, уступая мѣсто новой смѣнѣ грабителей, которая поступала точно также (L'Inde d'aujourd'hui d'après les ecrivains indiens, par M. Augustin Filon, въ Revue des deux mondes, 1899, 15 Novembre, p.p. 383, 384). Съ прибытіемъ, въ 1786 году, лорда Корнуэльса,—перваго генералъ-губернатора, назначеннаго короной,—эксплуатація начала постепенно регулироваться и принимать приличныя по внѣшности формы, но въ существѣ система осталась та же самая и понынѣ (тамъ же). Одинъ англійскій писатель опредѣлилъ чистые барыши отъ обладанія Индіею до 1838 года въ 700 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; въ настоящее время оцѣняютъ ихъ въ 30 м. ф. ст. ежегодно (тамъ же, p. 385), не считая конечно выгодъ, которыми пользуется отъ индійскаго рынка англійская торговля и промышленность, а также капиталисты, затрачивающіе свои капиталы на разныя предпріятія въ Индіи и получающіе проценты на государственные долги Индіи. Одинъ изъ вице-королей Индіи лордъ Уильямъ Бентинкъ утверждалъ, что англичане заставили туземцевъ Индіи жалѣть во многихъ отношеніяхъ о прежнемъ мусульманскомъ владычествѣ. Туземные писатели дѣйствительно находятъ, что прежніе завоеватели постепенно возвращали странѣ большую часть награбленнаго при завоеваніи, Англія же, «вмѣсто продолжавшагося часъ грабежа, обираетъ 150 лѣтъ методически правильно и прогрессивно; вмѣсто избіенія послѣ проиграннаго рѣшительнаго сраженія, народъ осужденъ на медленную смерть, будучи запертъ въ Башнѣ Голода и притомъ—о ужасъ!—размножаясь, ибо при страшной смертности рождаемость еще ужаснѣе». При всемъ томъ, «если бы англичанамъ пришла фантазія сѣсть на корабли въ Бомбеѣ и предоставить Индію ея собственной участи, они нашли бы, по прибытіи въ Аденъ, телеграмму, приглашающую ихъ возвратиться,» потому что туземцы Индіи не могли бы безъ нихъ обойтись (тамъ же, p.p. 389, 390). Не довольствуясь преимуществами и богатствами отъ обладанія Индіею и другими захватами во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія не упускала никакихъ случаевъ и не отказывалась ни отъ какихъ насилій для уничтоженія морской торговли и военныхъ флотовъ другихъ державъ, и благодаря этому сдѣлалась въ XIX столѣтіи владычицею морей и міровой торговли. Недостатокъ войскъ для сухопутной войны не дозволилъ ей употребить силу для господства на внутреннихъ рынкахъ европейскихъ державъ, но въ другихъ частяхъ свѣта она ничѣмъ не стѣснялась для открытія и эксплуатаціи рынковъ. По словамъ прусскаго историографа Трейчке, «это Англія вела самую отвратительную войну, какую когда—либо предпринималъ христіанскій народъ»,—войну для вынужденія Китая къ допуску англо-индійскаго опіума, отравляющаго китайское населеніе.

То же чрезмѣрное преобладаніе корысти и насилія характеризуетъ внутреннюю исторію Англіи. Ограничивъ болѣе сильную въ Англіи, чѣмъ на мате-

рикѣ Европы, королевскую власть, феодальные бароны постепенно усилили значеніе и права парламента, верхняя палата котораго и понынѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ ихъ потомковъ по праву первородства, съ добавленіемъ главъ родовъ служебной и имущественной аристократіи, а нижняя палата многіе вѣка составлялась изъ младшихъ членовъ тѣхъ же олигархическихъ родовъ, избираемыхъ въ эту палату общинъ вслѣдствіе имущественнаго и политическаго преобладанія въ странѣ олигархіи. Лишь во второй четверти XIX вѣка торговые и промышленные классы, опираясь на народную массу, вынудили олигарховъ дать народу нѣсколько большее вліяніе на составъ нижней палаты, но, получивъ долю власти, значительная часть бароновъ торговли, промышленности и капитала вступила съ земельными олигархами въ союзъ противъ рабочихъ классовъ. По этой и другимъ причинамъ, демократизація политическаго и общественнаго устройства Англіи совершается съ весьма большой медленностью. Весьма важное значеніе долженъ имѣть здѣсь, мнѣ кажется, расовый темпераментъ англійскаго народа.

Флегматическій или лимфатическій темпераментъ англо-саксонской расы, характеризующійся «медленными, но сильными реакціями нервной системы *),» имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Медленность первныхъ реакцій даетъ разсудку большее время для обсужденія рѣшеній, а сила реакцій вліяетъ на твердость и энергію исполненія этихъ рѣшеній; въ результатѣ англичане отличаются практичностью и энергіею своей дѣятельности. Но съ другой стороны разсчетливость и практичность ведутъ къ преобладанію эгоизма, медленность же первныхъ реакцій легко переходитъ въ косность, а сила ихъ въ упорство въ этой косности и въ упрямое противодѣйствіе всему новому: англійскій консерватизмъ коренится, между прочимъ, въ особенностяхъ расоваго темперамента. Будучи предпріимчивъ и энергиченъ въ дѣятельности, направленной къ личному обогащенію, англичанинъ склоненъ къ консерватизму въ отношеніяхъ соціальныхъ и политическихъ, боится новшествъ и упорно держится традиціонныхъ принциповъ. Когда стремленіе къ обогащенію преобладаетъ, деньги естественно дѣлаются кумиромъ, бѣдность порокомъ. Эмерсонъ приводитъ слѣдующія слова Нельсона: «Недостаточность состоянія есть преступленіе, котораго я не могу простить» (Revue des deux mondes, 1899, 15 Novembre, p. 477). По замѣчанію Сиднея Смита, «въ Англіи бѣдность позорна» (тамъ же). Такъ какъ эксплуатація другихъ народовъ и вообще слабѣйшихъ есть древнѣйшій и простѣйшій источникъ для обогащенія, то презрѣніе къ чужимъ правамъ и насиліе являются коренными основами англійской политики. По словамъ А. Фуилье, величайшій ораторъ Англіи въ послѣднемъ столѣтіи заявлялъ: «Мы прекратимъ

*) По Вундту. См. проф. И. Т. Оршанскаго «Темпераментъ и характеръ» въ журналѣ «Жизнь», 1899 г., іюль.

свое существованіе, если будемъ справедливы хотя одинъ день» (Revue des deux mondes, 1899, 1 Decembre, p. 581).

Обѣ политическія партіи, попеременно правящія Англіею, имѣютъ своими руководителями членовъ олигархіи, продолжающей фактически удерживать въ своихъ рукахъ политическую власть, хотя численное преобладаніе на выборахъ въ палату общинъ уже нѣсколько десятилѣтій принадлежитъ народной массѣ. Различіе между той и другой партіями заключается главнымъ образомъ въ томъ, что виги или либералы стремятся къ постепенному упраздненію олигархическихъ привиллегій, къ демократизаціи политическаго и соціальнаго строя и къ улучшенію экономическаго положенія народной массы; тори или консерваторы упорно отстаиваютъ всѣ олигархическія привиллегіи и противодѣйствуютъ всѣмъ реформамъ, въ случаѣ же видимой невозможности избѣгнуть ихъ, нерѣдко сами проводятъ требуемыя общественнымъ мнѣніемъ реформы, дабы урѣзать ихъ на сколько возможно и удержать въ своихъ рукахъ власть. Во внѣшней политикѣ либералы стоятъ обыкновенно на сторонѣ мира, необходимаго для внутреннихъ реформъ, и не чужды склонности къ нѣкоторому примѣненію и во внѣшнихъ отношеніяхъ началъ справедливости и уваженія правъ слабѣйшихъ, во имя которыхъ требуютъ они внутреннихъ реформъ; консерваторы, напротивъ, держатся во внѣшней политикѣ традиціонныхъ своекорыстія и презрѣнія къ чужимъ правамъ, не опирающимся на достаточную силу.

Убѣдившись, что непримиримая враждебность въ продолженіе вѣковъ эксплуатировавшихся ирландцевъ *) парализируетъ въ парламентѣ проведеніе необходимѣйшихъ реформъ и можетъ быть крайне опасна въ случаѣ неудачной внѣшней войны, гуманнѣйшій и дальновиднѣйшій изъ англійскихъ государственныхъ людей Гладстонъ поставилъ, во второй половинѣ весьмидесятыхъ годовъ, во главѣ политической программы либеральной партіи дарованіе Ирландіи самоуправленія съ особымъ парламентомъ. Наиболѣе пропитанные духомъ традиціоннаго своекорыстія и насилія, члены либеральной партіи отдѣлились и вступили въ коалицію съ консерваторами, но масса партіи осталась вѣрною своему вождю, не столько повидимому по убѣжденію, сколько изъ дисциплины. Однако, когда проведенный въ палатѣ общинъ ирландскій билль былъ отвергнутъ палатою лордовъ и на выборахъ въ палату общинъ въ 1895 году противники либераловъ, поставившихъ своею программою самоуправленіе Ирландіи и упраздненіе

*) Явилась пословица «убійство ирландца не есть преступленіе» (It is no felony to kill an Irishman). Въ царствованіе Елизаветы, въ нѣсколькихъ ирландскихъ округахъ было произведено систематическое уничтоженіе всѣхъ животныхъ и культуры, чтобы уморить голодомъ населеніе, которое нельзя было истребить инымъ путемъ. Современный поэтъ Спенсеръ описалъ, съ чувствомъ удовольствія, страшныя мученія погибавшихъ отъ этого искусственно устроеннаго голода (A. Fouillée, Revue des deux mondes, 1899, 1 Décembre, p. 582).

или реформу палаты лордовъ, одержали побѣду, то и въ рядахъ либераловъ восторжествовало мнѣніе о несвоевременности обѣихъ предположенныхъ реформъ, вслѣдствіе неодобренія ихъ большинствомъ англійскаго народа. На самомъ дѣлѣ попытка Гладстона достигнуть примиренія съ ирландцами сдѣлана была весьма своевременно, ибо устраненіе этой вражды было очень важно въ виду вскорѣ выяснившихся весьма неблагопріятныхъ для Англіи міровыхъ событій и теченій, угрожающихъ ея торговому и промышленному преобладанію, а съ нимъ и ея благосостоянію и могуществу. Такъ, возвращеніе многихъ европейскихъ державъ къ протекціонизму сократило или остановило сбытъ въ ихъ предѣлахъ произведеній англійской промышленности. Въ то же время необыкновенно быстрое и успѣшное развитіе промышленности Соединенныхъ Штатовъ и Германіи создало весьма опасное для англійской промышленности и торговли соперничество, такъ какъ произведенія этимъ странъ отнимаютъ у Англіи находившіеся въ обладаніи рынки и отчасти успѣшно конкурируютъ съ англійскими издѣліями въ самой Англіи. На поприщѣ завладѣнія остававшимися независимыми внѣ-европейскими странами, съ цѣлію обезпеченія за собою ихъ рынковъ, Англія встрѣтила могучихъ и счастливыхъ соперниковъ во Франціи, которая распространила свои владѣнія въ Индо-Китаѣ, пріобрѣла Мадагаскаръ и захватила огромныя пространства въ Африкѣ, сдѣлавъ даже попытку утвердиться въ верховьяхъ Нила, и въ Германіи, которая также заняла въ Африкѣ изрядные куски. Еще хуже для Англіи идетъ раздѣлъ Китая, формально начатый германскимъ захватомъ Цяо-чжеу, за которымъ послѣдовали занятіе Россіею Портъ-Артура и французскія пріобрѣтенія въ южномъ Китаѣ. Англіи пришлось удовольствоваться завладѣніемъ Вэй-хай-вэемъ, въ качествѣ противовѣса Портъ-Артуру, и притязаніями на бассейнъ Янъ-цзы-цзяна, а, выступившая подъ ея протекціею для полученія частицы китайскаго пирога, Италія потерпѣла рѣшительное фіаско. Весь этотъ рядъ неудачъ и остановка непрерывнаго доселѣ возрастанія вывоза изъ Англіи естественно возбудили не только въ политическихъ кругахъ, но и въ торговыхъ и промышленныхъ понятныя опасенія за будущее. Разумѣется, всего разумнѣе было бы для Англіи бороться съ промышленнымъ и торговымъ соперничествомъ тѣми же средствами, какіе примѣняютъ конкурренты, т. е. удовлетвореніемъ вкусовъ потребителей и удешевленіемъ издѣлій, для котораго развитіе техники и дешевизна въ Англіи капиталовъ даютъ полную возможность. Въ политической сферѣ, по незначительности ея сухопутныхъ военныхъ силъ, владычицѣ морей надлежало пріобрѣсти прочные союзы съ тѣми или другими европейскими военными державами, принявъ на себя болѣе или менѣе тяжкія обязательства и принеся необходимыя жертвы. Вмѣсто всего этого, нерасположенное, по традиціонному своекорыстію, къ какимъ либо жертвамъ и уступкамъ для пріобрѣтенія союзовъ, ибо смотритъ на всѣ великія державы какъ на соперниковъ

или враговъ въ настоящемъ или будущемъ, общественное мнѣніе Англіи обнаруживало стремленіе исправить неудачи и возвратить потерянное лишь традиціоннымъ путемъ насилія и устрашенія недруговъ. При отсутствіи союзниковъ и непримиримости интересовъ Англіи съ интересами каждой изъ трехъ сильнѣйшихъ державъ Европы, Англіи оставалось выжидать внутренней европейской войны, а между тѣмъ готовиться къ борьбѣ. Расходы на армію и флотъ увеличены были въ теченіе 13 лѣтъ съ 28 м. ф. ст. до 44 милл. (Revue de Paris, 1899, 15 Décembre, p. 882). Въ 1898 году, увлекшись желаніемъ доставить британской гордости дешевый тріумфъ, англійское правительство съ большимъ шумомъ мобилизировало флотъ и потребовало отъ Франціи очищенія Фашоды. Ни мало не расположенная ссориться съ Англіею и не готовая къ войнѣ, Франція уступила, но естественно должна была принять мѣры къ усиленію флота и морской обороны. Примѣру ея послѣдовали Россія и Германія. Англіи пришлось готовиться къ увеличенію и своего флота до громадныхъ размѣровъ. Конечно, увеличивъ податное бремя, она въ состояніи настроить массу новыхъ судовъ, но умноженіе числа военныхъ судовъ тогда только увеличиваетъ морское могущество, когда увеличивается удовлетворительнаго качества личный составъ. Между тѣмъ, по отзывамъ свѣдущихъ людей, численность командъ и офицеровъ англійскаго военнаго флота и въ настоящее время едва доходитъ до половины противъ необходимаго, да и изъ этого состава едва половина обладаетъ соотвѣтственными качествами (тамъ же, p. 884). Такъ какъ комплектованіе флота, подобно арміи, производится наемной вербовкой, то нельзя ручаться, что въ морской войнѣ Англіи не могутъ предстоять такія же катастрофы, какія неожиданно потерпѣла она въ войнѣ съ южно-африканскими республиками.

Пожелавъ воспользоваться наступившимъ къ половинѣ 1899 года затишьемъ въ міровой политикѣ и временнымъ спокойствіемъ на сѣверо-западной границѣ Индіи для уничтоженія независимости двухъ республикъ Трансваальской и Оранжевой и для устраненія возможной со стороны голландскаго населенія оппозиціи британскому владычеству въ южной Африкѣ, а также движимое жаждой мести за нанесенныя въ 1881 и 1884 г.г. бурами англійскимъ войскамъ пораженія, министерство Солсбери и Чемберлэна вынудило буровъ къ войнѣ предъявленіемъ все возраставшихъ по мѣрѣ уступокъ буровъ притязаній и усиленіемъ своихъ войскъ и вооруженій въ южной Африкѣ. Противъ всякихъ ожиданій, вмѣсто предполагавшейся военной прогулки, вмѣсто отплаты за неудачу произведеннаго въ 1895 г. съ вѣдома и одобренія, по всей вѣроятности, министра колоній Чемберлэна набѣга Джемсона и вмѣсто присвоенія богатѣйшихъ пока въ мірѣ золотоносныхъ рудниковъ Трансвааля, подобно такому же захвату алмазныхъ пріисковъ Оранжевой республики, англійскія войска понесли отъ буровъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, рядъ пораженій и неудачъ. Такъ какъ

изъ Индіи уже взято отъ 10 до 15 т. англійскихъ войскъ и дальнѣйшее уменьшеніе европейскихъ войскъ тамъ невозможно безъ опасности со стороны между прочимъ туземнаго населенія, въ средѣ котораго голодъ уже вызвалъ волненія, и такъ какъ почти всѣ регулярныя войска и гарнизоны изъ Англіи и колоній отправлены противъ буровъ и большею частію уже понесли отъ нихъ пораженія, то положеніе сдѣлалось критическимъ: за истощеніемъ регулярныхъ войскъ Англіи придется двигать въ южную Африку милицію и волонтеровъ, т. е. сбродъ по большей части непригодныхъ къ военной службѣ людей, которыхъ лишь малая частица можетъ быть, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ обращена въ нѣкоторое подобіе регулярныхъ войскъ.

Такъ какъ война затѣяна была съ общаго одобренія страны, то общественное мнѣніе почти единодушно обвиняетъ министерство лишь въ непредусмотрительности, въ неотправкѣ въ южную Африку достаточнаго числа войскъ заблаговременно, до открытія военныхъ дѣйствій; обвиняются также, по обыкновенію, военное министерство, главнокомандующій, генералы, интендантство и т. д. Забываютъ при этомъ, что буры точно также не стали бы дожидаться скопленія англійскихъ войскъ и объявили бы войну при первыхъ къ умноженію войскъ значительныхъ попыткахъ, какъ сдѣлали это 11 октября; что для существенныхъ заблаговременныхъ приготовленій къ войнѣ необходимо было ассигнованіе парламентомъ соотвѣтствующихъ кредитовъ, испрошеніе которыхъ также могло вызвать буровъ на объявленіе войны, и, главное, что корень всѣхъ бѣдъ лежитъ, съ одной стороны, въ традиціонной англійской политикѣ чрезмѣрнаго своекорыстія и насилія, съ другой же, въ отсутствіи необходимыхъ для веденія такой политики, противъ маломальски мужественнаго и обладающаго современнымъ оружіемъ врага, регулярныхъ войскъ, ибо 90 т. войскъ, остающихся за вычетомъ находящихся въ Индіи, совершенно не въ состояніи содержать гарнизоны въ Ирландіи и многочисленныхъ захватахъ Англіи во всѣхъ частяхъ свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ воевать съ успѣхомъ даже противъ столь слабаго численно непріятеля, какъ буры, которые могли выставить въ началѣ войны не болѣе 50 т. ч. Во всякомъ случаѣ кабинету Солсбери-Чемберлэна предстоитъ паденіе, если не при весеннемъ созывѣ парламента, то при предстоящихъ въ настоящемъ году выборахъ въ палату общинъ, срокъ полномочій состава которой истекаетъ. Торіи и уніонисты потерпятъ по всей вѣроятности пораженіе на этихъ выборахъ, въ наказаніе за неудачную войну. Власть перейдетъ въ руки либераловъ, но либеральная партія находится въ состояніи полнаго разложенія.

Это разложеніе либеральной партіи есть послѣдствіе общей всему англійскому народу заразы чрезмѣрнаго эгоизма и склонности къ насилію противъ слабѣйшихъ. Самъ Гладстонъ до конца дней своихъ не могъ отъ нея освободиться. Его благородная агитація по поводу турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи не по-

мѣшала бы Биконсфильду начать войну съ Россіей, если бы онъ нашолъ союзниковъ. Дарованіе Ирландіи самоуправленія Гладстонъ оправдывалъ не столько требованіями справедливости, сколько опасностью для Англіи отъ непримиримой враждебности ирландцевъ. Разоблаченія сотоварища Гладстона лорда Кимберлея въ рѣчи 14 ноября 1899 года въ Ньюкестлѣ, выяснили, что признаніе независимости Трансвааля въ 1884 году вызвано было не какимъ-либо великодушіемъ, а достовѣрными свѣдѣніями о томъ, что буры Оранжевой республики и всѣ африкандеры англійскихъ колоній южной Африки готовы присоединиться къ Трансваалю въ борьбѣ его за независимость: Гладстономъ просто руководилъ здравый разсчетъ и благоразуміе, которыхъ не оказалось у Солсбери, Чемберлэна и К°. Хотя замѣнившій Гладстона, по удаленіи его отъ дѣлъ, во главѣ либеральной партіи лордъ Розбери принялъ въ наслѣдство, всю программу своего великаго предмѣстника, но вскорѣ обнаружилось, что по иностранной и колоніальной политикѣ глава либераловъ ничѣмъ не отличается отъ послѣдователей Биконсфильда; такъ какъ и во внутренней политикѣ онъ обнаруживалъ склонность отдѣлаться отъ обременительнаго наслѣдства, то несогласія съ вѣрными убѣжденіямъ Гладстона либералами понудили Розбери, послѣ пораженія на выборахъ 1895 года, отказаться отъ предводительства либеральной партіею. Занявшій мѣсто Розбери, сэръ Уильямъ Харкуртъ стоялъ нѣсколько ближе къ истиннымъ гладстонитамъ, группирующимся въ небольшомъ числѣ около Джона Морлея, но и онъ въ 1898 году оставилъ предводительство либералами, признавая невозможнымъ устранить раздоры розберитовъ съ радикалами. Новый глава распадающейся либеральной партіи сэръ Кемпбелль-Баннерманъ, не обладающій никакими выдающимися талантами, еще менѣе въ силахъ возстановить въ партіи единомысліе. Разладъ между ея фракціями весьма ясно обнаружился по поводу трансваальскихъ дѣлъ. Въ то время какъ Морлей и Харкуртъ съ самаго начала возстали противъ политики Чемберлэна, лордъ Розбери оказался ярымъ ея защитникомъ, а Кемпбелль-Баннерманъ, одобряя эту политику въ принципѣ, критиковалъ лишь пріемы правительства въ ея проведеніи, давая понять, что его партія, принявъ власть вмѣсто торіевъ, стремилась бы къ тѣмъ же цѣлямъ, лишь нѣсколько иными средствами и съ большимъ искусствомъ.

Нѣкоторые изъ членовъ нынѣшняго министерства пробовали отнестись съ высокомѣріемъ и насмѣшкою къ публицистамъ континента, указывающимъ признаки начинающагося паденія Англіи, приписывая подобныя предсказанія легкомысленной зависти. Но на самомъ дѣлѣ трансваальская война обнаружила, съ одной стороны, политическое одиночество и военное безсиліе Англіи, съ другой же окончательно выяснила, что политика Англіи, основанная неизмѣнно на непомѣрномъ своекорыстіи и склонности къ насилію, влечетъ ее къ катастрофамъ

и паденію, такъ какъ опирается на ничѣмъ неоправдываемую жадность и самомнѣніе, а не на дѣйствительную силу: слабость сухопутныхъ силъ Англіи стала очевидна для всѣхъ, что же касается до ея армадъ, то весьма возможно, что морская война обнаружитъ въ большей части флота Британіи такую же декорацію, какою оказались ея сухопутныя силы. Чтобы избѣгнуть вѣроятнаго низведенія къ роли третьестепенной державы, влачащей свое существованіе подъ протекціею заатлантическихъ Соединенныхъ Штатовъ, Англія должна отказаться отъ своей пагубной традиціонной политики, прекратить эгоистическую эксплуатацію подвластныхъ и слабѣйшихъ независимыхъ народовъ и странъ, уважать чужія права и обращаться къ силѣ только для необходимой обороны, послѣ обращенія къ посредничеству постороннихъ державъ и къ третейскому суду, установленному недавнимъ конгрессомъ въ Гагѣ. Сохраненіе Англіи, въ ряду европейскихъ великихъ державъ, при такихъ измѣненіяхъ въ основахъ ея политики, было бы весьма желательно для блага человѣчества, такъ какъ англійскій народъ оказалъ великія услуги цивилизаціи своею долею участія въ развитіи европейской науки и ея примѣненій въ техникѣ и промышленности, а также въ развитіи и обезпеченіи индивидуальной свободы и прогрессивныхъ политическихъ учрежденій. Къ сожалѣнію, внутреннее политическое положеніе Англіи не таково, чтобы переходъ къ новой политикѣ обѣщалъ навѣрное совершиться своевременно, до наступленія катастрофъ, къ которымъ влечетъ нынѣшняя политика. Консервативная партія, разумѣется, не даетъ никакихъ надеждъ на обращеніе ея къ иной политикѣ, помимо имперіалистской. Большая часть либераловъ находится въ такомъ же настроеніи. Только меньшая часть либеральной партіи, именно радикалы, группирующіеся около Морлея, и ирландскіе депутаты исповѣдуютъ новую политику во внѣшнихъ и колоніальныхъ дѣлахъ, наравнѣ съ внутренними и экономическими реформами въ демократическомъ направленіи, отрѣшившись отъ традиціонной политики олигархизма, эгоизма и насилія. Эта радикальная партія должна естественно пріобрѣсти современемъ неоспоримый перевѣсъ въ управленіи Англіею, но потребуется, къ несчастію, не мало времени для того, чтобы народныя массы поняли, что спасеніе и благосостояніе Англіи можетъ быть достигнуто лишь выполненіемъ программы радикаловъ фракціи Морлея. До сихъ поръ, подъ вліяніемъ олигархическихъ классовъ и духовенства, народныя массы во внѣшней политикѣ безусловно шли за консерваторами и либералами, согласно проводившими политику чрезмѣрнаго національнаго своекорыстія и насилія, какъ единственно достигающую величія и благостоянія англійскаго народа. Событія послѣднихъ лѣтъ, особенно же трансваальская война, вѣроятно выяснятъ рабочимъ классамъ и средней буржуазіи, что политика эта гибельна и что правильные взгляды на внѣшнюю политику имѣютъ только тѣ же радикалы, которые и во внутренней политикѣ стремятся къ преобладанію интересовъ и правъ народныхъ массъ.

Пока народно-демократическая или радикальная партія не пріобрѣтетъ большинства въ палатѣ общинъ и не преобразуетъ или не упразднитъ палату

лордовъ, слабыя либеральныя и консервативныя министерства будутъ смѣнять другъ друга, продолжая держаться традиціонной политики и навлекая на Англію бѣдствія и катастрофы *). По всей вѣроятности имперіалисты будутъ пытаться ввести въ Англіи обязательную воинскую повинность, потому что вербовка не можетъ доставлять количества войскъ, необходимаго великой державѣ, особенно имѣющей повсюду разбросанныя владѣнія и въ числѣ ихъ Индію, одна защита которой или усмиреніе возстаній можетъ требовать сотенъ тысячъ европейскихъ войскъ. Послѣ эксплуатаціи Индіи и другихъ странъ, отсутствіе воинской повинности было главнымъ преимуществомъ Англіи предъ другими державами, ибо въ то время какъ остальныя европейскія государства уже нѣсколько столѣтій требуютъ отъ населенія обязательнаго нахожденія подъ знаменами цвѣта молодыхъ людей въ лучшіе годы ихъ жизни, отрывая отъ занятій, доставляющихъ средства къ жизни и требующихъ для успѣха ознакомленія съ ними въ первые годы молодости, англичане освобождены отъ этой обременительной и крайне невыгодно отражающейся на промышленной и экономической сторонахъ народной жизни повинности, свободно и безпрепятственно совершая обученіе, подготовленіе и вступленіе на промышленные, хозяйственные и иные пути добыванія средствъ къ существованію. При мирной политикѣ, устраняющей всякія войны, кромѣ оборонительныхъ, при островномъ положеніи Англіи и при существованіи сильнаго флота, введеніе воинской повинности едва ли можетъ быть проведено и попытки въ этомъ смыслѣ всего скорѣе могутъ содѣйствовать успѣхамъ радикальной партіи, которая конечно будетъ противиться развитію милитаризма.

Въ предстоящее, критическое для судебъ доселѣ счастливой Англіи, время отношенія ея къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ и къ Авганистану могутъ имѣть доминирующее значеніе. Если бы Англія потеряла всю южную Африку въ результатѣ войны съ бурами,—что невѣроятно,—она все же останется обладательницею Индіи, главнаго источника ея богатства и могущества. Столкновенія съ авганами грозятъ, напротивъ, не только истощеніемъ Индіи и самой Англіи для покоренія Индійскаго «Кавказа», но нашествіемъ съ сѣверо-запада и потерею Индіи. Въ настоящее время даже крайніе имперіалисты и адепты «наступательной политики» видятъ выгоды благоразумной политики лорда Хамильтона. Но трудно думать, чтобы эта политика окончательно упрочилась. Какъ только дѣла въ южной Африкѣ уладятся, вниманіе имперіалистовъ обратится на сѣверо-западную границу. Политика лорда Хамильтона подвергнется жесточайшимъ нападеніямъ, какъ ни малѣйше не ограждающая Индію, планы «прочнаго

*) «Послѣ Гладстона, за единственнымъ исключеніемъ г. Джона Морлея (котораго здравомысліе и честность неоспоримы, хотя, къ несчастію, ему недостаетъ всеподчиняющаго вліянія), мы не обладаемъ ни однимъ государственнымъ человѣкомъ, который относился бы къ общественнымъ дѣламъ съ полной добросовѣстностью и самоотреченіемъ; взамѣнъ мы имѣемъ тысячу неотвязчивыхъ совѣтчиковъ, циниковъ, подобно лорду Солсбери, или флюгеровъ (trimmers), подобно лорду Розбери, къ которымъ никто въ глубинѣ сердца не чувствуетъ ни малѣйшаго уваженія» (Mr. Robert Buchanan въ Contemporary Review, 1899, December, p. 777).

умиротворенія сѣверо-западной границы» вѣроятно пріобрѣтутъ горячихъ защитниковъ и популярность, и въ результатѣ, при удобныхъ случаяхъ, которыхъ на «границѣ» и въ Авганистанѣ встрѣтится сколько угодно, Англія заполучитъ Индійскій «Кавказъ».

Н. А. Аристовъ.

14 января 1900 года.
С.-Петербургъ.

Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ *).

Бродячее населеніе тундры между рѣками Индигиркой и Колымой ничтожно количествомъ. На пространствѣ приблизительно въ 60,000 кв. верстъ, кочуютъ всего около 800 чел., что составляетъ 75 кв. вер. на одного человѣка. Но для народовѣдѣнія населеніе это представляетъ интересъ не малой важности.

Во первыхъ мелкіе роды, кочующіе на указанной тундрѣ, разнообразны по своему племенному составу и у нихъ именно этнологія можетъ получить любопытный матеріалъ для прослѣживанія взаимнаго вліянія другъ на друга въ духовномъ, матеріальномъ и физическомъ отношеніяхъ представителей разнородныхъ этническихъ группъ. Тамъ отношенія между племенами не отличаются сложностью взаимовліяній большихъ и культурныхъ народовъ, исторія столкновеній между собой отдѣльныхъ родовъ не отличается древностью и при внимательномъ изученіи, не трудно разобраться въ процессѣ взаимодѣйствія пришлыхъ племенъ, каковы: тунгузы, ламуты, якуты и русскіе пришельцы, и аборигеновъ страны — юкагировъ, чукчей и др. Во вторыхъ бытъ и нравы полярныхъ обитателей тундры нашего крайняго сѣверо-востока весьма мало извѣстны образованной публикѣ, ибо рѣдко кто изъ путешественниковъ имѣлъ возможность ихъ наблюдать, а тѣ незначительныя свѣдѣнія, которыя попадаются о нихъ въ этнографической литературѣ не отличаются особой точностью.

Главною цѣлью моего изученія въ бытность мою членомъ Якутской экспедиціи въ 1894—97 гг. было маленькое и вымирающее, но любопытное племя юкагировъ, которыхъ этнологи причисляютъ къ такъ называемымъ Гиперборейцамъ. Разумѣется въ классификаціонномъ смыслѣ терминъ этотъ ничего собой не выражаетъ и извѣстный этнологъ Пешелъ не даромъ выразился, говоря о нѣкоторыхъ племенахъ Сѣверо-Восточной Сибири и между прочимъ о юкагирахъ, что по отношенію къ нимъ научное зданіе народовѣдѣнія находится еще въ него-

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Рус. Географ. Общ. 29-го октября 1899 г.

товомъ видѣ. Съ отдѣльными родами юкагирскаго племени, родами, разбросанными на громадномъ разстояніи другъ отъ друга между р.р. Колымой и Яной, я жилъ и странствовалъ болѣе двухъ лѣтъ. Моей второстепенной экспедиціон-



Двѣ юкагирскихъ молодыхъ дѣвушки съ рѣки Ясачной въ лѣтнихъ костюмахъ.

ной задачей было изслѣдованіе полярныхъ якутовъ. Разумѣется, что въ той или иной степени пришлось также знакомиться съ другими племенами, съ которыми обѣ названныя народности приходятъ въ столкновеніе. Изслѣдованіе юкагировъ меня привело также къ бродячимъ родамъ Колымской тундры, на которой я провелъ Январь, Февраль и часть Марта 1897 г., и свѣдѣнія, которыя будутъ приведены въ настоящемъ очеркѣ, заимствованы изъ собран-

собранныхъ мной, но необработанныхъ еще матеріаловъ для составленія монографіи о юкагирскомъ племени *).

Отъ края лѣсовъ, приблизительно отъ 68° с. ш., къ югу живетъ сѣверный осколокъ тюркскаго племени якутовъ, пришедшихъ въ полярный край со скотомъ въ весьма недалекомъ прошломъ изъ Якутскаго округа, но теперь на половину только оставшихся скотоводами. Къ сѣверу отъ нихъ до береговой полосы Ледовитаго моря бродятъ 4 маленькихъ рода. Два изъ нихъ юкагирскіе: первый и второй Алазейскіе, одинъ родъ Тунгузскій и одинъ Ламутскій. Необходимо тутъ замѣтить, что ламуты и тунгузы суть не отдѣльныя племена, а родовыя названія одного и того же, родственнаго Манджурамъ, племени—тунгузскаго. На самой сѣверной тундрѣ у береговъ океана, преимущественно въ устьяхъ рѣкъ, начиная отъ р. Колымы до р. Шандрона **), живутъ и кочуютъ немногочисленныя чукотскія семьи, недавніе выходцы съ восточныхъ береговъ р. Колымы. Небольшое число чукочъ живетъ еще на притокѣ Индигирки Іерченъ ***) и отчасти въ нижнемъ теченіи р. Алазеи.

Кромѣ того на Колымо-Алазейской тундрѣ то здѣсь, то тамъ можно встрѣтить въ поискахъ за пищей ламутское семейство съ южныхъ отроговъ Алазейскаго хребта или юкагиро-ламутскій лагерь съ западныхъ береговъ Индигирки.

Прежде чѣмъ характеризовать бытовыя особенности бродячихъ родовъ Колымской тундры, необходимо сказать нѣсколько словъ о природѣ края. Весь крайній сѣверо-востокъ Азіи, вопреки обычному представленію о тундрѣ,

---

*) До сихъ поръ на основаніи собранныхъ матеріаловъ напечатаны мной слѣдующія статьи: 1) Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. Живая Старина, вып. II, 1895 г.; 2) Къ вопросу объ исчезнувшихъ народностяхъ Колымскаго края. Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XXVIII, № 2, 1897 г.; 3) Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ крайняго сѣвера Якутской области. (Съ картой маршрутовъ). Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. XXIX, (1898) стр. 9—25; 4) Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Спб. 1898, Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III, т. X, ч. 3; 5) По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества, т. XXXIV, вып. 3. 1898 г.; 6) Нѣкоторыя данныя о рыбахъ Колымскаго края. Землевѣдѣніе, III—IV. Москва, 1898; 7) Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1898 г. Сент., т. IX. № 2; 8) Über die, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen-Geographischen Gesellschaft, ausgeführte Untersuchung der Völkerschaften der Provinz Jakutsk Bern, 1899. Сообщеніе, читанное мной въ засѣданіи Бернскаго Географическаго Общества 17 ноября 1898; 9) Über die Sprache und Bilderschrift der Jukagiren. Jahresbericht der Geographischen gesellschaft in Bern, 1900. Докладъ, читанный въ засѣданіи Бернскаго Географич. Общ. 29 іюня 1899; 10) In Polargegenden. Ethnographische Skizzen, журналъ Mutter-Erde. Berlin. 1898—99; 11) Скоро выйдетъ: Первый томъ матеріаловъ по юкагирскому языку и фольклору. Юкагирскіе тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Изданіе Имп. Академіи Наукъ.

**) Шандронъ—исковерканное юкагирское слово Ш á н д-э н ý, что значитъ: лѣсистая рѣка, отъ Шал-дерево, лѣсъ и Эну—рѣка. Верховья этой полярной рѣчки покрыты лиственичнымъ лѣсомъ.

***) На картахъ этотъ притокъ Индигирки названъ Эрченъ, но мѣстные инородцы произносятъ I е р ч е н ъ.

какъ о понижающейся къ морю равнинѣ, образуетъ настоящую горную страну, скалы которой мѣстами вдаются въ океанъ. Къ востоку отъ рѣки Лены до Тихаго океана, мы встрѣчаемъ въ полярномъ краѣ только три значительныхъ равнины: въ среднемъ теченіи Индигирки, на пространствѣ между рр. Алазеей и Колымой и въ области р. Чауна къ востоку отъ Колымы.

Раіономъ кочевокъ тундренныхъ родовъ служитъ вторая низменность, заключенная между западнымъ, «землянымъ» берегомъ Колымы и восточнымъ, холмистымъ Алазеи. Вся эта область покрыта густою сѣтью многочисленныхъ озеръ, различныхъ размѣровъ — начиная отъ бассейновъ въ сто верстъ въ окружности и кончая топями или испаряющимися лѣтомъ лужами. Всѣ озера соединены съ рр. Колымой, Чукочьей, Алазеей или между собою посредствомъ постоянныхъ или временныхъ рѣчекъ, называемыхъ **висками**. Съ птичьяго полета эта страна озеръ должна быть похожа на рѣшето съ неправильными ячеями.

Образованіе этихъ озеръ надо, повидимому, приписать какъ обильнымъ зимнимъ осадкамъ, такъ и рельефу мѣстности. Слой снѣга достигаетъ нерѣдко толщины въ два и больше аршина. Не имѣя весной стока, снѣжная вода заполняетъ всѣ углубленія равнины. Хотя рѣки Чукочья и Алазея получаютъ посредствомъ височъ свое питаніе главнымъ образомъ изъ озеръ, но медленное теченіе височъ и ничтожное испареніе воды во время короткаго лѣта способствуютъ сохраненію озерныхъ бассейновъ. Большинство озеръ имѣетъ берега низкіе, болотистые, кочковатые; но надъ нѣкоторыми возвышаются невысокіе земляные яры. Часто одно озеро отъ другого раздѣляетъ валъ или кочковатое мѣсто шириной въ нѣсколько саженъ или даже метровъ.

Климатъ страны является, послѣ такъ назыв. полюса холода около Верхоянска, наиболѣе суровымъ на земномъ шарѣ. Температура падаетъ зимой до — 65° Ц. и ниже. Рѣки вскрываются въ концѣ Мая, а около устьевъ — въ началѣ Іюня, и покрываются льдомъ въ Сентябрѣ. На тундренныхъ озерахъ ледъ стоитъ еще въ концѣ Іюня и даже въ Іюлѣ.

Отсутствіе теченія на озерахъ лишаетъ полярную природу механическаго дѣятеля, разбивающаго и раздробляющаго рѣчные льды, а лѣтнее солнце, хотя и не сходитъ съ горизонта, слишкомъ медленно плавитъ 3-хъ аршинную толщу озерныхъ льдовъ.

Почва оттаиваетъ на полъ аршина, самое большее на 3/4 аршина. Собственно говоря, нельзя назвать тамъ верхній слой земной коры почвой, ибо перемѣшанные между собой ледъ, земля и торфъ образуютъ лѣтомъ, когда они оттаиваютъ, тотъ библейскій хаосъ, когда жидкій и твердый элементы еще не были отдѣлены другъ отъ друга. Весь край представляетъ собой лѣтомъ обширное травяное или моховое болото съ многочисленными озерами. Виски, соединяющія озера между собой, часто покрыты болотной растительностью, скрывающей ихъ отъ глазъ неопытнаго путешественника, попадающаго внезапно въ глубокую канаву изъ жидкой черной грязи.

Такимъ образомъ сообщенія въ странѣ лѣтомъ затруднены или вовсе прекращаются. Якутскія лошади края лѣсовъ бродятъ по брюхо въ болотѣ, а на оленяхъ верхомъ можно ѣздить только въ гористыхъ мѣстахъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ. На тундрѣ же только склоны холмовъ представляютъ собою какъ бы слабую попытку природы отдѣлить воду отъ суши, но попытку недоведенную до конца. Впрочемъ, такое раздѣленіе элементовъ въ полярной странѣ не имѣло бы особаго смысла, ибо и безъ того всѣ жидкости въ теченіе 9 мѣсяцевъ обращены въ твердыя массы.

Зимой же край, скованный льдомъ, покрытый снѣгомъ и лишенный свѣта, являетъ собой картину того періода въ исторіи земли, когда она, по разсчетамъ астрономовъ, будетъ умирать вслѣдствіе угасанія самаго источника жизни на землѣ — солнца. Стоитъ ему только одно лѣто остаться за горизонтомъ, какъ вся скудная органическая жизнь полярнаго края прекратила бы свое существованіе. Но къ счастью солнце является каждую весну и растительный и животный міръ за короткое лѣто запасается тепломъ и свѣтомъ для длинной зимы. Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ матеріальная культура обитателей края должна быть самая первобытная и жалкая. Высокій градусъ широты предписываетъ имъ извѣстный образъ жизни. Тамъ не только земледѣліе невозможно, но, заведенное съ юга якутами почти до 69° с. ш., скотоводство должно вести жестокую борьбу съ суровостью климата. Якуты притундренной полосы, полосы корявыхъ лиственницъ и южнаго предѣла кочевокъ тундренныхъ родовъ, являются уже наполовину собаководами, а свое питаніе они почти исключительно получаютъ отъ рыбнаго промысла на озерахъ.

Что касается до 4-хъ тундренныхъ родовъ, то на особенности ихъ быта, кромѣ климата, вліяютъ еще этническіе факторы. Ихъ образъ жизни, языкъ, вѣрованія и обычаи такъ же смѣшаны, какъ ихъ племенной составъ. Приведу прежде всего нѣкоторыя данныя о происхожденіи и мѣстахъ кочевокъ каждаго изъ тундренныхъ бродячихъ родовъ.

Первый Алазейскій юкагирскій родъ, кочующій теперь по р. Б. Чукочьей, есть остатокъ древняго населенія Большой тундры. Ихъ называютъ Алаями, что значитъ Алазейцы, или Алаи-омокъ т. е. Алазейскій родъ. Свѣдѣнія прежнихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и барона Врангеля, объ омокахъ, какъ объ исчезнувшемъ полярномъ племени, основаны на недоразумѣніи. Омó или омóкъ по юкагирски значитъ р о д ъ, и омоки и юкагиры одно и тоже племя. Преданіе же объ исчезнувшихъ омокахъ можетъ относиться только къ тому или другому вымершему юкагирскому роду, а не къ племени.

Второй Алазейскій юкагирскій родъ, называющій себя Эрбеткенъ-омокъ или Дудки-омокъ, кочуетъ по западному берегу р. Алазеи. Эрбеткенъ слово ламутское и означаетъ гусиный, отъ «эрбеть»-гусь. Названіе это связано съ легендой о родовомъ шаманѣ, летавшемъ оборотившись гусемъ. Дудки тоже ламутское слово и означаетъ: на прямки идущій, т. е. человѣкъ, для котораго не существуетъ препятствій. Значеніе этой клички можетъ служить указаніемъ на

юкагирское происхожденіе этого рода, ибо эпическія сказанія рисуютъ древнихъ юкагировъ храбрыми и ловкими воинами. По преданію, этотъ родъ пришелъ на Алазею съ р. Индигирки. И дѣйствительно, обламутѣвшій юкагирскій родъ на Индигиркѣ, оффиціально называемый Каменно-юкагирскимъ, тоже именуетъ себя самъ Дудки. Тѣмъ же именемъ называетъ себя объякутѣвшій Омолойскій юкагирскій родъ на р. Янѣ.

Третій тундренный родъ, кочующій на одной территоріи съ Эрбеткенъ-омокъ и самъ себя называющій юкагирскимъ словомъ Ходейджилъ-омокъ оффиціально числится «Вторымъ каменно-ламутскимъ родомъ» и сохранилъ преданіе о своемъ приходѣ на Алазейскую сторону съ хребтовъ восточнаго, гористаго берега р. Колымы, гдѣ и теперь кочуютъ ламутскіе роды. Но трудно утверждать, чтобы происхожденіе этого рода было чисто ламутское. Въ архивныхъ бумагахъ начала этого столѣтія онъ называется то юкагирскимъ, то ламутскимъ родомъ.

Четвертый родъ Тунгузскій, самый большой, кочующій по тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Алазеей, оффиціально называется Тунгузскимъ Бетильскимъ. По сохранившемуся преданію родоначальники этого рода пришли на тундру съ якутской стороны. Ихъ было семь братьевъ, изъ которыхъ старшій шаманъ. Когда они пришли на «Большую рѣку» *) т. е. рѣку Алазею, шамана заставили шаманить, чтобы узнать отъ духовъ, гдѣ имъ засѣсть. Послѣ камланія шаманъ оборотился въ орла, сѣлъ на дерево и всѣ перья у него выпали. «На этой землѣ дѣти наши жить будутъ», сказалъ онъ. Тогда они поселились на рѣкѣ Алазеѣ. Пошли они вверхъ по рѣкѣ, къ лѣсамъ, встрѣтили якутскую дѣвушку и насильно увели ее; пошли внизъ по рѣкѣ, нашли юкагировъ во время пляски. Увидѣвъ ихъ, юкагиры стали луки и стрѣлы готовить, но тунгузскій шаманъ приворожилъ юкагирскихъ дѣвушекъ, которыя перебѣжали къ тунгусамъ и юкагиры не стали съ ними воевать, помирились. Отъ этого союза произошелъ Бетильскій родъ. Судя по этому преданію, въ генеалогіи рода участвовали не только тунгусо-юкагирскіе элементы, но и якутскіе.

Замѣчу, что Бетильскій родъ имѣется у тунгусовъ, какъ Якутскаго, такъ и Вилюйскаго округовъ.

Всѣ указанные четыре рода, выбираютъ каждый своего князца, но они соединены еще однимъ общимъ выборнымъ лицомъ, именуемымъ «головою».

Роль князцевъ исчерпывается сборомъ съ родовичей ясака, по 1 рублю съ чѣмъ-то съ души въ годъ, и доставленіемъ его Колымскому исправнику. Они еще заботятся объ отправленіи натуральной повинности по провозу зимой на оленяхъ изъ Средне-Колымска на тундру и обратно исправника и священника. Голова же никакой роли не играетъ. Выборъ головы есть наслѣдіе Зашиверскаго Коммисарства, обнимавшаго въ прошломъ столѣтіи два нынѣшнихъ округа Верхоянскій и Колымскій.

*) Р. Алазея на тундренномъ юкагирскомъ нарѣчіи называется Чомод-Эну т. е. Большая рѣка.

Тогда голова завѣдывалъ всѣми бродячими родами Полярной части Якутской области, т. е. онъ отвѣчалъ за ясакъ и доставлялъ въ русскія зимовья, такъ называемыхъ аманатовъ т. е. заложниковъ. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Зашиверскія власти брали у бродячихъ инородцевъ въ залогъ дѣтей, чтобы



Младшій братъ князца перваго Алазейскаго юкагирскаго рода.

Князецъ Бетильскаго Тунгузскаго рода съ кортикомъ, пожалованнымъ Екатериной II и переходящимъ отъ князца къ князцу.

обезпечить себѣ ихъ покорность и правильное поступленіе ясаку, ибо розыскивать бродячихъ людей на безконечной тундрѣ или въ мало-приступныхъ хребтахъ дѣло не легкое. Бродячіе инородцы сами приносили въ русскія зимовья ясакъ, какъ это и теперь дѣлаютъ. Но случалось, что тотъ или другой родъ забирался

въ невѣдомыя дебри и не являлся нѣсколько лѣтъ. Обязанностью головы было предупредить такое уклоненіе отъ ясачныхъ обязанностей. Большей частью эти «головы» назначались изъ воспитанныхъ русскими аманатовъ. На тундрѣ еще передаются разсказы объ нѣкоемъ «Афонькѣ», бывшемъ головой тундренныхъ родовъ при Екатеринѣ II. Онъ умѣлъ говорить по русски и зналъ даже русскую грамоту. Это искусственное административное объединеніе въ извѣстномъ смыслѣ содѣйствовало ассимилированію различныхъ племенныхъ группъ. По закрытіи въ 1822 Зашиверскаго Коммисарства бродячіе роды къ западу отъ Алазеи и Индигирки причислены были къ г. Верхоянску, а кочевые роды къ востоку отъ Алазеи — къ г. Средне-Колымску. Головой въ то время былъ родовичъ изъ Бетильскаго рода и такимъ образомъ онъ остался завѣдующимъ 4-хъ маленькихъ родовъ. Теперь голова послѣдними выбирается каждые 3 года, и утверждается губернаторомъ, но вся его дѣятельность заключается въ томъ, что при встрѣчѣ исправника онъ одѣваетъ кортикъ и красный пожалованный ему кафтанъ.

Если навязанное тундреннымъ родамъ административное объединеніе въ лицѣ головы чисто внѣшнее, то внутренней, естественной связью между ними служитъ общность языка. Всѣ эти роды говорятъ теперь нарѣчіемъ юкагирскаго языка. До сихъ поръ это тундренное нарѣчіе считали тунгузскимъ языкомъ. Такъ и теперь его называютъ русскіе на Колымѣ. Таковымъ его считали прежніе путешественники и въ томъ числѣ послѣдній путешественникъ баронъ Майдель, видѣвшій тундренные роды и бывшій на тундрѣ въ 1870 г. Впрочемъ, баронъ Майдель, который, въ бытность свою начальникомъ, такъ называемой Чукотской экспедиціи, былъ назначенъ для удобства изслѣдованія временнымъ исправникомъ Колымскаго округа, очевидно, не зналъ также, что въ Верхнеколымской части, управляемаго имъ округа еще сохранился юкагирскій языкъ. Образцы словъ и фразъ, доставленные имъ академику Шифнеру, были имъ записаны на Анадырѣ въ обрусѣвшей юкагирской семьѣ отъ старухи, помнившей еще свой родной языкъ *). Съ того времени малоизученный, но интересный юкагирскій языкъ считался вымершимъ, и еслибъ это было такъ, то лингвистика была бы лишена возможности, когда либо опредѣлить его родство съ той или другой группой языковъ, а этнологія одного изъ средствъ для классифицированія племени. Теперь оказалось, что не только языкъ еще сохранился въ Верхнеколымскихъ юкагирскихъ родахъ, но что выработался отдѣльный тундренный діалектъ. Послѣдній, правда, всосалъ въ себя извѣстное количество тунгузскихъ словъ, но слова эти подчинены законамъ грамматики юкагирскаго языка. Отъ Верхнеколымскаго нарѣчія онъ отличается главнымъ образомъ своей фонетикой. Большинство же корней одни и тѣже въ обоихъ нарѣчіяхъ. Хотя на тундрѣ и сохранилось преданіе, что нарѣчіе тундренныхъ родовъ есть языкъ древнихъ Алаевъ, т. е. Алазейскихъ юкагировъ и что Бетильцы когда то говорили на

*) Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ записей образцовъ юкагирскаго языка, сдѣланныхъ до сихъ поръ, записи барона Майделя оказываются самыми лучшими.

номъ языкѣ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время главными представителями этого языка являются Бетильскіе тунгусы. Они не только говорятъ «Міт ару— одуд-ару т.-е.» нашъ языкъ есть юкагирскій языкъ, но сами о себѣ говорятъ одулнгоджаіі т. е. мы «одулы». Одулъ — общее племенное названіе юкагировъ и означаетъ «крѣпкій», «сильный». Юкагиры сами себя такъ называютъ, по всей вѣроятности, потому, что, какъ я уже раньше замѣтилъ, они считались самыми храбрыми воинами на всемъ сѣверо-востокѣ. Изъ другихъ же народностей края — русскіе называютъ Бетильцевъ тунгусами, подразумѣвая впрочемъ подъ этимъ именемъ всѣ тундренные роды, и языкъ ихъ тунгузскимъ, а якуты или «тонгусъ» или хангаями (хангаілäр) а языкъ ихъ хангайскимъ (ханга-тыла). Весьма возможно, что слово хангаи заимствовано съ монгольскаго ханга – охотиться. Слово это усвоено Верхнеколымскимъ юкагирскимъ нарѣчіемъ, промышленникъ называется х а н г и ч э. Хангаилäр такимъ образомъ можетъ быть означаетъ—охотники, охотничій народъ. Верхнеколымскіе юкагиры, удаленные отъ тундренныхъ родовъ тысячеверстнымъ разстояніемъ, называютъ ихъ однимъ именемъ Алаи, но подразумѣвая подъ этимъ не родственныхъ себѣ юкагировъ, а тунгусовъ. Сами Бетильцы называютъ тундренныхъ юкагировъ только родовымъ именемъ Алаи; индигирскихъ юкагировъ—Дудки, а колымскихъ—Кӧгимэ. По разсказамъ же колымскихъ юкагировъ Когимэ есть названіе одного вымершаго юкагирскаго рода.

Когда я сообщилъ Верхнеколымскимъ юкагирамъ, что тѣ тундренные люди, которыхъ они называютъ тунгусами, говорятъ на юкагирскомъ языкѣ и именуютъ себя одул, то они были весьма удивлены первымъ обстоятельствомъ, а по поводу второго возмущены самозванствомъ тунгусовъ. Князецъ пришелъ въ такую ярость отъ моего разсказа, что онъ воскликнулъ: «Еслибъ тунгусъ сказалъ при мнѣ, что онъ одул, я бы ему лицо разбилъ». Изъ сказаннаго по поводу тундреннаго нарѣчія видно, насколько ненадежна народная классификація языковъ и какъ перепуталось тамъ взаимное представленіе различныхъ племенъ другъ о другѣ. Эта путаница отразилась также въ этнографической литературѣ.

Баронъ Майдель говоритъ о тундренныхъ людяхъ Колымскаго края только какъ о тунгусахъ, а г. Сѣрошевскій, послѣдній авторъ писавшій о племенахъ крайняго сѣвера-востока, сообщаетъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о «Якутахъ», со словъ послѣднихъ, слѣдующія свѣдѣнія о мелкихъ народностяхъ глубокаго сѣвера. Сѣверные тунгусы дѣлятся на морскихъ и горныхъ. Горные еще распадаются на двѣ вѣтви, схожихъ по внѣшности и обычаямъ, но говорящихъ разными нарѣчіями. Такія же вѣтви есть и среди морскихъ тунгусовъ. Одна изъ этихъ вѣтвей есть народецъ Кангхай*), кочующій съ чукчами въ низовьяхъ Индигирки и Колымы. Къ приморскимъ тунгусамъ причисляются также юкагиры.

Изъ того, что мной сообщено было о юкагирахъ и о тунгусо-ламутскихъ

---

*) См. Сѣрошевскій. Якуты, стр. 246.

родахъ Колымскаго и Верхоянскаго округа, можно видѣть насколько спутаны свѣдѣнія якутовъ, приведеннныя указаннымъ авторомъ.

Якутское дѣленіе тунгусовъ на «морскихъ» и «горныхъ» можно назвать топографическимъ. Море и тундра, камень и хребетъ являются въ



Юкагиры на р. Ясачной связываютъ десятками омулей общественнаго промысла для дѣленія рыбы на паи (См. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону». Изв. И. Р. Г. О. 1898 ь. 3).

мѣстномъ русскомъ нарѣчіи синонимами, такъ что «морскимъ» человѣкомъ называютъ жителя тундры, а «каменнымъ» человѣкомъ—обитателя горъ. Оффиціальное наименованіе ламутскихъ и юкагирскихъ родовъ, кочующихъ по хребтамъ, каменно-ламутскими или каменно-юкагирскими основано на этомъ именно дѣленіи. Разумѣется, что въ этнологическомъ смыслѣ оно не существенно. Еще менѣе смысла имѣетъ дѣленіе тунгусовъ на двѣ вѣтви, говорящихъ разными нарѣчіями. Всѣ тунгусы и ламуты Якутской области, за исключеніемъ тѣхъ, ко-

торые объякутѣли (какъ въ устьѣ Лены или Яны) или объюкагирѣли (какъ на Колымской тундрѣ и на рѣкѣ Ясачной), говорятъ діалектами общаго всему племени языка - тунгузскаго, изученнаго Кастреномъ. Народецъ Кангхай очевидно есть Бетильскій Тунгузскій родъ, называемый якутами Хангаями и кочующій на тундрѣ между Б. Чукочью и Алазеей, а не въ устьяхъ Индигирки и Колыми. Юкагировъ якуты причислили къ тунгусамъ, должно быть, потому, что на тундрѣ тѣ, и другіе говорятъ однимъ языкомъ—юкагирскимъ.

Специально же въ тундренномъ т. е. юкагирскомъ нарѣчіи мы получаемъ ясное доказательство ненадежности одного языка въ роли признака для классификаціи расъ. Тутъ мы видимъ не только усвоеніе тунгусами юкагирскаго языка, весьма мало общаго имѣющаго съ урало-алтайской группой языковъ, къ которой, по классификаціи Кастрена, принадлежитъ тунгузскій языкъ, но и присвоеніе себѣ ими племеннаго названія народа, выработавшаго этотъ языкъ; съ другой стороны въ обоихъ юкагирскихъ родахъ тундры физическія свойства не могутъ уже въ настоящее время служить показателемъ древне-юкагирскаго типа. По отношенію къ Алаямъ именно языкъ является доказательствомъ ихъ юкагирскаго происхожденія. По типу же они вполнѣ приблизились къ тунгусамъ. Не даромъ Миддендорфъ, видѣвшій случайно въ Якутскѣ привезенныхъ туда за какое то преступленіе, двухъ Индигирскихъ юкагировъ, причислилъ ихъ къ тунгузской вѣтви монгольской расы.

Къ сожалѣнію я не могу тутъ вдаваться въ подробности о типѣ юкагиро-тунгусовъ. Антропологическій матеріалъ мой о юкагирахъ еще не обработанъ, а сравнительными данными о физическомъ типѣ тунгусовъ,—племени, разрозненныя части котораго разбросаны на громадномъ пространствѣ между Китаемъ и Ледовитымъ океаномъ и Енисеемъ и Охотскимъ моремъ, антропологія еще не располагаетъ.

Какъ бы то ни было два приведенныхъ мной первостепенныхъ элемента въ вопросѣ о племенномъ родствѣ—языкъ и типъ—достаточно уже указываютъ на смѣшанность тундренныхъ родовъ и на взаимное вліяніе составляющихъ ихъ элементовъ. Тунгусы переняли юкагирскій языкъ, введя въ него извѣстное количество тунгузскихъ корней, а юкагиры приблизились къ тунгусамъ по физическимъ свойствамъ, сохранивъ нѣкоторыя племенныя особенности.

Тѣ же слѣды смѣшенія разнородныхъ этническихъ группъ мы находимъ въ бытѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ тундренныхъ родовъ. Относительно вѣрованій слѣдуетъ замѣтить, что они носятъ гораздо болѣе юкагирскій характеръ, чѣмъ тунгузскій. Не то съ матеріальнымъ бытомъ и обычаями; въ нихъ тунгузское вліяніе довольно сильно.

Мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что древніе юкагиры области р. Колымы были рѣчными жителями, собаководами, рыболовами и охотниками. Труднѣе рѣшить этотъ вопросъ по отношенію къ древнимъ тундреннымъ юкагирамъ, занимавшимъ рѣки Алазею и Большую Чукочью. Рѣшеніе этого вопроса связано съ другимъ вопросомъ—откуда взялся на тундрѣ домашній олень?

Есть указанія на то, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ недалекомъ еще прошломъ были мелкіе оленные роды, служившіе связью между юкагирами и чукчами. Къ нимъ можно причислить живущій еще остатокъ чуванскаго племени. Какой былъ у этихъ родовъ олень—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперешній тундренный домашній олень не чукотскій, а тунгузскій. Чукотскіе и тунгузскіе олени образуютъ по своимъ физическимъ свойствамъ двѣ вполнѣ отличныхъ расы. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что домашній олень пришелъ къ тундреннымъ юкагирамъ съ юга, вмѣстѣ съ тунгусами. Теперь же всѣ четыре рода—оленные люди. Но оленеводами въ строгомъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать. По произведенной мной на тундрѣ переписи оказалось,



Подледный промыселъ рыбы юкагировъ на р. Ясачной. (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

что изъ 66 шатровъ, составляющихъ 4 рода, одно только хозяйство имѣло 60 оленей, два по 50, а среднее—отъ 10 до 20 оленей. Всѣ же 66 семействъ имѣли вмѣстѣ 1020 оленей, въ то время какъ одинъ богатый чукча западной тундры, Арара, владѣетъ стадомъ въ 5000 оленей. У большинства изъ указанныхъ семействъ едва хватаетъ оленей на перевозку урасы, семьи и домашняго скарба при перекочевкахъ. Нѣкоторыя семьи имѣютъ всего 2—3 или 5 оленей, а для того чтобы двинуться въ путь средней семьѣ въ 5 человѣкъ, нужно отъ 20 до 30 санокъ, стало быть 20—30 оленей. Такіе люди кочуютъ въ хвостѣ болѣе богатаго родственника, пользуясь его лишними оленями, или они перевозятъ свое хозяйство по частямъ, причемъ взрослые и здоровые члены семьи ходятъ пѣшкомъ. Такой способъ кочевки называется на Колымѣ «кочевать съ отвозомъ». Такимъ образомъ домашній олень не только не питаетъ тундренныхъ людей, но и недостаточно выполняетъ свою роль рабочаго скота. Какъ и у юкагировъ—собаководовъ, главной пищей этихъ оленныхъ людей

служитъ рыба, добываемая ими въ рѣкахъ Алазеѣ и Большой Чукочьей и въ многочисленныхъ озерахъ тундры.

Въ рѣкахъ встрѣчается «бѣлая рыба» нельма, омуль, муксунъ, въ озерахъ чиръ, пелядь, щокуръ — это все различные виды Coregonus т. е. сига. Въ озерахъ, ближайшихъ къ морю, имѣется красная рыба «краска», одинъ изъ видовъ Salmo, кромѣ того водятся въ озерахъ щука, налимъ. Тундренные озерные чиры (Coregonus nasutus) подъ названіемъ Алёрскихъ, отъ имени двухъ озеръ—Большого и Малаго Алёрскаго, славятся вкусомъ во всемъ краѣ. Промышляютъ тундренные люди рыбу сѣтями изъ конскихъ волосъ, выѣзжая въ легкихъ челнокахъ изъ тонкихъ осиновыхъ досокъ, называемыхъ тамъ вѣтками. При переходѣ лѣтомъ отъ одного озера къ другому тундренные рыбаки волокутъ за собой челноки по мокрому мшистому грунту, точно санки, или переносятъ ихъ на плечахъ черезъ болота и кочки.



Тундренный рыбакъ переноситъ свой челнокъ изъ одного озера въ другое.

Побочнымъ источникомъ питанія служитъ охота на дикихъ оленей. Главный промыселъ оленей производится весной по насту, когда олени изъ лѣсовъ направляются для лѣтняго пребыванія къ морскому берегу, или на острова. Тогда, говорятъ юкагиро-тунгусы, слухъ дикаго оленя притупляется. Зимой же промыселъ на него трудный: олень не подпускаетъ къ себѣ, онъ слышитъ шумъ на далекомъ разстояніи. Это объясняется тѣмъ, что сжатый морозомъ воздухъ является хорошимъ проводникомъ звука. Зимой на тундрѣ малѣйшій шорохъ передается на десятки верстъ кругомъ. Вы слышите трескъ отъ замерзанія выдыхаемаго пара, и малѣйшее движеніе въ атмосферѣ отражается въ вашемъ ухѣ какимъ либо звукомъ или шумомъ. Трудна также охота на оленя осенью во время любовнаго сезона. Лѣтомъ тоже по временамъ удается убить оленя на озерѣ, куда онъ заходитъ, спасаясь отъ комаровъ, или подкрадываться къ нему на тундрѣ, ползая брюхомъ по мокрымъ мхамъ, ибо тамъ нѣтъ деревьевъ, за которыми охотникъ могъ бы скрываться во время частаго оглядыванія назадъ преслѣдуемаго оленя.

Интересно указать тутъ, что тундренные охотники употребляютъ еще на охотѣ главнымъ образомъ оружіе костяного вѣка—лукъ и стрѣлы, въ то время какъ у верхнеколымскихъ юкагировъ и лѣсныхъ тунгусовъ мы уже находимъ почти исключительно кремневую винтовку. Отсталость тундреннаго охотника объясняется не одной недоступностью для него оружія желѣзнаго вѣка, а также отсутствіемъ на тундрѣ бѣлки, для промысла которой необходимо ружье.



Охота Верхне-Колымскихъ юкагировъ на оленей по насту на лыжахъ (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

Значительнымъ подспорьемъ въ питаніи служитъ еще лѣтомъ перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всякими способами—стрѣлами, петлями и сѣтями, а во время линянія—просто палками, но праздникъ дичи продолжается не долго и, не смотря на то, что въ мерзлой почвѣ тундры всякая вырубленная топоромъ яма является естественнымъ ледникомъ, бродячіе люди мало кладутъ въ запасъ изъ убитыхъ птицъ. Отчасти это объясняется первобытной непредусмотрительностью, а отчасти краткостью сезона лѣтняго промысла рыбъ и птицъ.

При всемъ усердіи первобытнаго промышленника трудно тамъ ему за короткое время лѣтнихъ и осеннихъ промысловъ запасти пищу на весь годъ, особенно съ тѣми орудіями, которыя имѣются у жителей колымской тундры.

лѣтомъ рѣдко у кого есть порядочная сѣть, а зимой нечѣмъ долбить толстый ледъ, чтобы сдѣлать прорубь. Трудно найти на тундрѣ желѣзное кайло, и саженный ледъ колютъ топоромъ, или ножами. Надо еще замѣтить, что люди, питающіеся главнымъ образомъ хлѣбной и другой растительной пищей, не могутъ имѣть яснаго представленія о томъ громадномъ количествѣ рыбы или мяса, которое потребно для годоваго прокормленія семьи, питающейся исключительно животной пищей. Я ѣмъ весьма мало, но когда отсутствовала другая пища, мнѣ нужно было 5 фунтовъ рыбы въ день, чтобы не чувствовалась пустота въ желудкѣ.

Такимъ образомъ по отношенію къ питанію тундренный годъ можно раздѣлить на сытые и голодные сезоны.

Первые бываютъ лѣтомъ во время хода рыбы въ рѣкахъ, осенью во время ея нереста въ озерахъ, а весной, если есть дикіе олени. Но оба рода промысла подвержены колебаніямъ и случайностямъ. Нерѣдко бываетъ, что сейчасъ за рѣкоставомъ запасная рыба кончается и начинается недоѣданіе. Въ зимнее же время, когда подъ толщей льдовъ рыба скрывается въ ямахъ озеръ или она уплываетъ изъ рѣкъ въ океанъ, наступающій голодъ заставляетъ тѣ или другія бѣдныя семейства уйти къ востоку отъ Колымы, или въ Индигирскую сторону, или на самой тундрѣ ходить за чукотскими лагерями въ качествѣ приживальщиковъ, пользующихся подачками и отбросами отъ чукочъ. Отношенія между богатымъ оленеводомъ чукчей и окружающимъ его станъ голоднымъ бродячимъ людомъ весьма любопытны. Примитивный оленеводъ,—чукча считаетъ себя обязаннымъ кормить голодныхъ людей, точно духъ покровитель стада даетъ его хозяину не въ полную собственность, а только въ завѣдываніе, для общей пользы, а бродячій тунгусо-юкагиръ смотритъ на себя, какъ на пайщика въ чукотскомъ стадѣ.

Впрочемъ къ этимъ первобытно-филантропическимъ отношеніямъ примѣшиваются еще обмѣнно-торговыя сношенія. Богатый чукча является не только кормильцемъ бѣдныхъ людей, но и торговцемъ-посредникомъ между настоящимъ купцомъ и промышленникомъ и получаетъ отъ своихъ кліентовъ песцовыя шкуры въ обмѣнъ за «ѣдёмныхъ», какъ говорятъ на Колымѣ, оленей. Разсчеты этого обмѣна бываютъ довольно запутаны, но въ общемъ за одного оленя считаютъ 2-хъ песцовъ *). Песцовый промыселъ и въ извѣстной степени нахожденіе мамонтовой кости даетъ бродячимъ людямъ тундры также средство для пріобрѣтенія русскихъ привозныхъ товаровъ, главнымъ образомъ кирпичнаго чаю и табаку, платковъ, бисеру, желѣзныхъ вещей, наконецъ водки. Мамонтовую кость находятъ лѣтомъ въ обвалахъ земляныхъ береговъ озеръ. Обыкновенно ее ищутъ артелями и на каждаго пайщика можетъ выйти 1—2 пуда кости. Оцѣниваютъ кость отъ 12 до 25 руб. за пудъ. Песцовъ хорошій промышленникъ добываетъ

*) Какъ въ Верхнеколымской части округа роль монетной единицы играетъ бѣличья шкурка, такъ на тундрѣ обращается песцовая шкура.

отъ 10 до 20 въ годъ и шкурка при обмѣнѣ оцѣнивается отъ 1 до 2 руб. Промышленникъ можетъ такимъ образомъ имѣть отъ 50 до 60 руб. въ годъ. Но если принять во вниманіе обмѣнныя цѣны—1 ф. табаку цѣной у насъ 7 к. засчитывается въ 1 руб., 30-ти копеечный топоръ—въ 3 рубля и т. д.—то покупательная способность охотника будетъ ничтожна и привитыя ему какъ вредныя, такъ и полезныя культурныя потребности остаются почти неудовлетворенными.

Главный обмѣнъ между тундренными людьми и русскими и якутскими торговцами производится на ярмаркѣ на Дулбѣ. Это мѣсто на тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Колымой. Туда въ октябрѣ мѣсяцѣ прикочевываютъ бродячіе роды, пріѣзжаютъ торговцы для обмѣна, исправникъ для полученія ясака и походный священникъ для совершенія требъ. Я не буду распространяться о характерѣ мѣновыхъ сношеній. Болѣе или менѣе они извѣстны. Они основаны на кредитѣ, на переходѣ долговыхъ обязательствъ по наслѣдству, такъ что каждый



Зимняя ураса у края лѣсовъ семьи князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода и его отца. Направо—женщины, налѣво—мужчины съ луками и стрѣлами.

инородецъ является на свѣтъ съ готовымъ дефицитомъ, на произволѣ въ разсчетахъ и чудовищныхъ процентахъ за отсрочки платежей. Если напр. кто нибудь не доставилъ на ярмарку 10 песцовъ согласно обязательству, то къ будущей ярмаркѣ онъ долженъ доставить 15, т. е. прибавляется 50%. Въ денежныхъ займахъ процентъ доходитъ до 100. Часто случается, что небольшой рублевый ясакъ, уплачиваемый, по обыкновенію, путемъ займа, выростаетъ, проходя черезъ рядъ отсрочекъ и мѣновыхъ разсчетовъ, въ стоимость полугодового промысла.

Для иллюстраціи мѣновыхъ отношеній я разскажу объ одной характерной сдѣлкѣ, имѣвшей мѣсто на тундрѣ передъ самымъ моимъ пріѣздомъ туда. Въ томъ году повезло семейству князца I-го алазейскаго рода. У князца есть еще два брата—лучшіе промышленники на тундрѣ и старикъ отецъ. Это самое почетное и богатое семейство на тундрѣ. Богатство ихъ заключается въ оленяхъ—у князца вмѣстѣ съ отцемъ ихъ около 100, затѣмъ въ числѣ и качествѣ промышленниковъ и наконецъ въ количествѣ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ долговъ. Степень задолженности тоже служитъ мѣриломъ



Жена (ламутка) и сестра
Князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

для представленія о богатомъ человѣкѣ. Около урасы князца, который самъ нерѣдко сидитъ безъ чаю и табаку, всегда всетаки ютится нѣсколько урасъ болѣе бѣдныхъ родовичей. Въ 1896 году выпало его семейству особое счастье. Братья его вырыли мамонтовый клыкъ въ 6 пуд. Такой вѣсъ чрезвычайно рѣдко попадается. Обыкновенно крупнымъ уже считается трехпудовый клыкъ. Чѣмъ крупнѣе клыкъ, тѣмъ онъ дороже. За особенно большой клыкъ купцы даютъ по 30 р.

съ пуда. Вѣсть объ этой находкѣ скоро распространилась по всему округу. Старика, отца князя, различные торговцы соблазняли самыми выгодными предложеніями для мѣны, но вѣрный своему постоянному заимодавцу, одному разбогатѣвшему торговлей среднеколымскому казаку, онъ выждалъ его пріѣзда на тундру. Чтобы устранить сразу всѣхъ конкуррентовъ, послѣдній, не упоминая о долгахъ, предложилъ за кость наличныя деньги, товаръ, который весьма дорого цѣнится въ округѣ. Въ виду наличности сдѣлки и старыхъ сношеній сошлись на 100 руб. Получивъ такую кучу денегъ, старый юкагиръ былъ въ восторгѣ. Онъ мечталъ уже о дешевой покупкѣ на деньги чаю и табаку, объ уплатѣ за всѣхъ родовичей ясаку и о полученіи взамѣнъ этого съ послѣднихъ съ выгодой для себя песцовъ. Послѣ угощенія водкой торговецъ рѣшилъ, что деньги ему нужно получить обратно и началъ въ искусной рѣчи излагать хозяину, какъ онъ, купецъ, всегда вѣрилъ ему, всегда былъ добръ къ нему, никогда не отказывалъ ему въ кредитѣ, всегда откладывалъ платежи; напомнилъ ему, какъ онъ обѣщалъ не разъ заплатить осенью часть долга и такъ какъ онъ теперь имѣетъ



Средній братъ Князца. Жена Князца (ламутка). Князецъ 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

деньги, то долженъ исполнить обѣщаніе. Старикъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая то крупная несправедливость, но всѣ слова купца онъ долженъ былъ подтвердить, ибо такъ оно и было. На возраженія, чѣмъ онъ заплатитъ ясакъ, торговецъ отвѣтилъ, что онъ никогда не отказывалъ его родовичамъ въ деньгахъ, пусть они къ нему обратятся. Въ концѣ концовъ купецъ получилъ 90 руб., но далъ юкагиру на 200 руб. товаровъ въ кредитъ, а его родовичамъ роздалъ

подъ промыселъ будущаго года мелкія суммы денегъ для платежа ясаку, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ.

Кромѣ внѣшняго обмѣна еще производится на тундрѣ внутренній обмѣнъ, по пріобрѣтенію предметовъ не привознаго, а мѣстнаго происхожденія. Такъ напр. привозятъ изъ лѣсной полосы на ярмарку березовое дерево для полозьевъ и копыльевъ нарты, осиновыя доски для челноковъ и лиственничную сѣру для заливанія швовъ челнока; чукчи привозятъ оленьи жилы на нитки, тюленьи и моржевые ремни для связыванія частей нарты; якуты — коровьи ремни и конскій хвостовый волосъ на сѣти, чаще всего готовыя сѣти. Въ обмѣнъ на эти вещи идетъ пушнина, оленьи шкуры, оленье мясо, рыба, дичь, мамонтовая кость и даже тундренная морошка, которую доставляютъ русскимъ въ Средне-колымскъ.



Тундренный тунгусъ на бѣговыхъ санкахъ.

Послѣ ярмарки на Дулбѣ, съ наступленіемъ морозовъ и времени отсутствія солнца тунгусо-юкагиры спускаются съ тундры на югъ, въ притундренную полосу края лѣсовъ, гдѣ они соприкасаются съ зимниками-юртами полярныхъ якутовъ. Тамъ они ставятъ свои кожаныя урасы и самое сѣверное дерево— лиственница доставляетъ имъ топливо для очага и нѣсколько защищаетъ отъ снѣжныхъ заносовъ и отъ вѣтровъ, столь безпощадныхъ на тундрѣ во время жестокихъ морозовъ. Но не смотря на постоянно поддерживаемый огонь, температура въ кожаномъ домѣ съ дымовымъ отверстіемъ немногимъ выше, чѣмъ на дворѣ. Впрочемъ за исключеніемъ стариковъ обитатели урасы проводятъ большую часть дня и даже ночи на морозѣ. Защита оленей (для чего нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ) отъ изобилующихъ на краю лѣсовъ волковъ требуетъ постояннаго надзора за ними со стороны молодыхъ людей; женщины и подростки ставятъ зимой петли на куропатокъ, рубятъ и возятъ дрова, охотники ищутъ песцовъ и дикихъ оленей. Такъ проводятъ они время въ лѣсу, пока еще есть запасы пищи отъ осенняго рыбнаго промысла. Часто приходится зимой съѣсть весь приплодъ, обмѣнять ѣздовыхъ оленей у чукочъ на ѣдемныхъ или, если чукчей нѣтъ вблизи, съѣсть свои перевозочныя средства и остаться пѣшими.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда полярная весна возбуждаетъ новыя надежды и вызываетъ заснувшій край къ новой жизни, тунгусо-юкагиры оставляють лѣса и начинаютъ двигаться на сѣверъ въ голую и глухую тундру. Бѣдные люди еще раньше уходятъ на сѣверъ, чтобы раздобыть пищу у чукочъ на морскомъ берегу. Еще стоятъ 20 и даже 30-ти градусные морозы, но это уже считается теплымъ временемъ. Солнце уже большую часть дня стоитъ надъ горизонтомъ, и непосредственный свѣтъ его лучей въ соединеніи съ ихъ яркимъ отраженіемъ на необозримомъ снѣжномъ покровѣ вызываетъ явленіе, хорошо знакомое альпійскимъ путешественникамъ и извѣстное подъ именемъ снѣжной слѣпоты. Глаза инородца довольно хорошо переносятъ этотъ ослѣпительный блескъ. Впрочемъ и они употребляютъ различнаго рода окуляры въ видѣ сѣтокъ изъ чернаго конскаго волоса, металлическихъ пластинокъ или просто кусочковъ березовой коры съ узенькими щелями для глазъ, уменьшающими силу свѣта. Время это представляетъ собой полярную весну и если промыселъ оленей удаченъ, это самое веселое время на тундрѣ.

Въ началѣ іюня, съ таяніемъ снѣговъ и вскрытіемъ рѣкъ и озеръ, сразу наступаетъ полярное лѣто. Тундра покрывается зеленовато-сѣрымъ ковромъ травъ и мховъ, но съ моря дуютъ холодные вѣтры съ туманами, такъ что тундреннымъ людямъ нѣтъ необходимости мѣнять зимнюю одежду на лѣтнюю. Они и лѣтомъ носятъ свои кафтаны изъ мохнатыхъ оленьихъ шкуръ, въ то время, какъ верхнеколымскіе юкагиры лѣтомъ одѣваются въ одежду изъ тонкой хорошо выдѣланной замши. Все лѣто тунгусо-юкагиры проводятъ далеко за краемъ лѣсовъ, но на 100—200 верстъ не доходятъ до океана. Какъ и колымскіе юкагиры, это не морскіе *) люди и съ морскими промыслами они не знакомы. Они промышляютъ рыбу въ нижнемъ теченіи Алазеи и Б. Чукочьей и на озерахъ. Тамъ для топлива попадаются уже только ползучіе кустарники; иной разъ, чтобы имѣть возможность вскипятить чай, приходится ѣхать къ морскому берегу за плавникомъ, жечь запасныя жерди урасы или старую нарту. Хотя комаровъ на сѣверной тундрѣ меньше, чѣмъ въ лѣсахъ, но они достаточно мучатъ людей и животныхъ. Чтобъ избавиться отъ нихъ, разводятъ дымокуры изъ торфяныхъ кочекъ. Но въ смыслѣ питанія короткое лѣто является самымъ лучшимъ временемъ года. Такъ живутъ тунгусо-юкагиры до наступленія зимы. Потомъ они снова спускаются на югъ, въ зону лѣсовъ.

Изъ краткаго обзора матеріальнаго быта тундренныхъ родовъ достаточно явствуетъ, насколько онъ является смѣшаннымъ, тунгусо-юкагирскимъ или оленно-рыболовческимъ, но не мѣшаетъ указать еще на нѣкоторыя особенности этого быта. Тундренные люди употребляютъ оленя, какъ въ упряжи, такъ и подъ сѣдломъ, въ то время какъ горные ламуты ѣздятъ только верхомъ, а чукчи только на нартѣ. Нарта тундренная чукотскаго типа. Ураса же тундренная чисто тунгуз-

---

*) Здѣсь я слово морской употребляю не въ локальномъ, а въ настоящемъ его значеніи.

ская. Она состоитъ изъ нижней цилиндрической части, и верхней—конической. Ни чукчи, ни верхнеколымскіе юкагиры таковой не ставятъ.

Еще болѣе любопытный матеріалъ для сужденія о смѣшеніи на тундрѣ различныхъ племенныхъ элементовъ даютъ обычаи при сватовствѣ и бракѣ.

Положеніе дѣвушки въ семьѣ до замужества одинаково какъ у тундренныхъ родовъ, такъ и у верхнеколымскихъ юкагировъ. Названіе для дѣвушки въ языкѣ есть «Мàрхіl», но оно не связано съ понятіемъ о невинности, а со свободой располагать собой. Дѣвушка, достигшая зрѣлаго возраста, получаетъ въ урасѣ отдѣльный пологъ (палатка), и пріѣзжій, ночуя въ урасѣ, не лишенъ права расчитывать на благосклонность свободныхъ отъ брачныхъ узъ особъ. Древне-юкагирскій обычай предписывалъ класть гостей на дѣвичью постель. Это была добрачная поліандрія.



Тундренный юкагиръ старикъ Ягловскій готовитъ для меня съ женой дорожный чукотскій зимній пологъ изъ мохнатыхъ шкуръ.

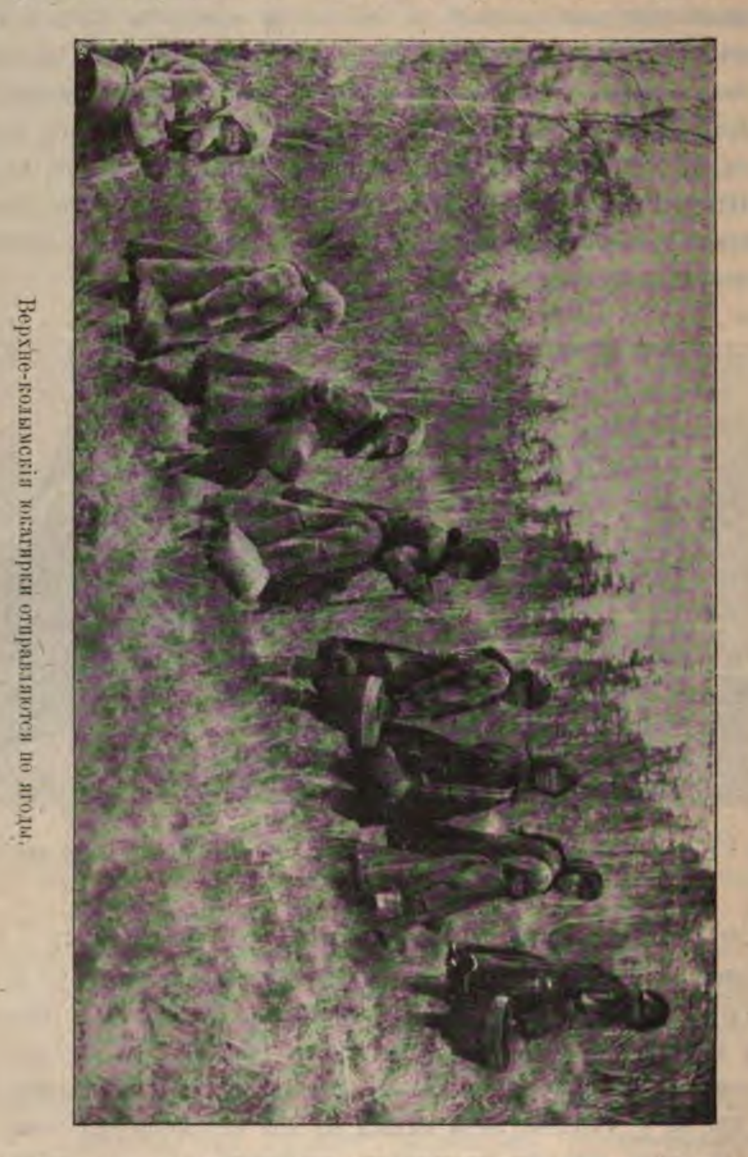
Мой переводчикъ юкагиръ Долгановъ разъ при мнѣ спросилъ у старика, хозяина урасы на Коркодонѣ, у котораго мы остались ночевать: — «Дѣдъ, гдѣ я спать буду? и послѣдній отвѣтилъ: «ложись съ дѣтьми». У старика были двѣ дочери дѣвушки. Въ сказкахъ встрѣчаются разсказы, въ которыхъ глава семьи указываетъ, на чью именно постель лечь—старшей или младшей. Замѣчу, впрочемъ, что на р. Ясачной жена князца на мои разспросы по этому поводу отвѣтила, что умная дѣвушка не снимаетъ передника, если не любитъ гостя.

Внутри рода отношенія между полами таковы, что юноши рѣдко проводятъ ночь дома. Свободныя отношенія имѣютъ мѣсто среди самыхъ близкихъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, несмотря на запрещенія священниковъ *), и что еще болѣе удивительно, по обычаю, родные, двоюрод-

*) Юкагиры всѣ православные.

ные, троюродные и т. д. братья и сестры, т. е. каждое данное поколѣніе группы, связанной кровнымъ родствомъ, не должны между собой разговаривать.

Замѣчу мимоходомъ, что юкагирская система родства вполнѣ похожа на системы родства американскихъ индѣйцевъ, приведенныя Морганомъ. Старшій



Верхне-колымскія юкагирки отправляются по ягоды.

братъ матери называется дѣдомъ, а старшій братъ отца называется «большимъ отцемъ». Не смотря на эндогамическій характеръ брака, обычай не говорить между собой распространяется въ системѣ родства на три группы родственниковъ. Первая группа погільпä обнимаетъ отца, мать, и старшихъ братьевъ женщины по отношенію къ ея мужу и обратно. Вторая группа ніальпä обнимаетъ отца, мать, старшихъ братьевъ мужчины по отношенію къ его женѣ и обратно. Третью группу äмджäпул составляютъ братья и сестры въ прямой, т. е. родные, и

во всѣхъ боковыхъ линіяхъ т. е. все данное поколѣніе рода *). Этотъ обычай называется нехіјінчі — «взаимно стѣсняются» и очевидно предупреждалъ половыя сношенія среди извѣстныхъ степеней родства, а между тѣмъ сожительство двоюродныхъ братьевъ и сестеръ не считается за грѣхъ. Интересную юкагирскую семью я видѣлъ на р. Коркодонѣ. Эта самая большая и уважаемая семья. Мужъ и жена—двоюродные братъ и сестра, старики 70—75 лѣтъ. Они говорятъ между собою во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Дѣти считаются незаконными. Старикъ много разъ обращался съ просьбой, чтобы его обвѣнчали. Когда я готовился въ 1896 г. ѣхать съ р. Ясачной на р. Коркодонъ, старикъ этотъ, по приказанію верхнекалмыжскаго священника, долженъ былъ оставить семью и жить на р. Ясачной у чужихъ. Но, за отсутствіемъ другихъ опытныхъ проводниковъ, я долженъ былъ его взять съ собой и такимъ образомъ онъ могъ увидѣться со своей семьей.

На тундрѣ тѣ же самыя отношенія къ дѣвушкѣ, какъ въ верховьяхъ р. Колымы.

Весьма характерный отвѣтъ я получилъ отъ одного старика Бетильскаго рода, имѣющаго взрослыхъ дочерей, на мой вопросъ, какъ они смотрятъ на свободныя сношенія молодыхъ людей. «Это не считаемъ за грѣхъ, сказалъ онъ, отецъ дѣвушки не сердится, ибо она сама согласилась. Если парень не нравится отцу, то онъ про себя будетъ недоволенъ, замужъ не дастъ, но ничего не скажетъ, не станетъ ругаться, чтобы дитя свое не конфузить». Вообще родители и др. родственники дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ночныхъ посѣщеній полога дѣвушки молодыми людьми. Но свобода дѣвушки не исключаетъ съ ея стороны предпочтенія того или другого лица, т. е. настоящей любви. Такая связь кончается бракомъ, если роднѣ невѣсты нравится женихъ. Женихъ разумѣется является посѣтителемъ полога невѣсты задолго до начала сватовства. Это—періодъ испытанія, насколько прочна привязанность молодыхъ людей. Неоффиціальное положеніе жениха весьма часто легализируется услугами и подарками, которые онъ доставляетъ отцу или другимъ старшимъ родственникамъ невѣсты. Женихъ дровъ привезетъ или доставитъ результатъ своего промысла: рыбу, оленя, песца и т. д., и отецъ невѣсты принимаетъ приношенія молча, не показывая никакого вида, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Такія услуги разсматриваются на тундрѣ, какъ начало выкупа (уоленгъ—цѣна) и называются ханджай, а у юкагировъ, какъ начало отработка (эймэ). Эти услуги впрочемъ ни къ чему не обязываютъ обѣ стороны. Завязанныя отношенія могутъ прекратиться безъ всякаго ущерба для чести невѣсты. Благоволеніе же отца невѣсты къ услугамъ жениха разсматривается, какъ моментъ благопріятный для начала сватовства.

Начиная съ сватовства и кончая свадьбой, мы уже видимъ въ обычаяхъ тундренныхъ родовъ рядомъ съ юкагирскими и тунгузскіе обычаи, значительно

*) Полную таблицу системы родства юкагировъ на обоихъ нарѣчіяхъ я помѣстилъ въ печатающихся матеріалахъ по юкагирскому языку и фольклору. См. прим. стр. 2.

измѣняющіе архаическій строй юкагирскихъ семейныхъ отношеній. Для удобства сравненія я предварительно приведу главные моменты въ юкагирскомъ сватовствѣ и бракѣ.

Согласно преданіямъ, надо думать, что сватовство у юкагировъ есть институтъ позднѣйшаго времени, заимствованный у пришлыхъ племенъ, пріобрѣтающихъ невѣсту куплей, а также у русскихъ. Въ старину, разсказываютъ,



Чукча съ женой юкагиркой въ чукотскомъ костюмѣ.

молодой человѣкъ устраивалъ свои дѣла безъ чьего либо посредства. Женихъ или скорѣе супругъ-экстернъ, желая сдѣлаться супругомъ-интерномъ, три дня кололъ дрова передъ урасой тестя, накладывая кучу выше его жилища. На четвертый день послѣдній начиналъ пользоваться дровами, если желалъ принять зятя. Тогда женихъ ночью, какъ обыкновенно, приходилъ въ пологъ невѣсты, но приносилъ уже съ собой свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, ставилъ ихъ на видномъ мѣстѣ и утромъ оставался въ домѣ тестя, точно старый членъ. Такимъ образомъ юкагирскій бракъ отличается полнымъ отсутствіемъ какихъ либо свадебныхъ церемоній; я конечно не говорю о церковномъ обрядѣ, совершающемся post factum. И теперь женихъ, сватовство котораго принято, является

ночью къ невѣстѣ и утромъ остается у тестя, ничего не принося съ собой, кромѣ одного кремневаго ружья, ибо говорятъ юкагиры, онъ приходитъ на «готовое ложе». Онъ у жены находитъ также новый костюмъ, ею для него сшитый. Любопытно также, что рыболовныя снасти должны быть у невѣсты, хотя сѣти ставятъ мущины. Только охотничье оружіе приноситъ женихъ. Но со дня вступленія въ домъ невѣсты ея отецъ или старшій братъ перестаютъ обращаться къ зятю прямо, а во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Въ такой формѣ старикъ говоритъ: «На такой то рѣкѣ ловушки не насторожены», ни къ кому не обращаясь, и зять идетъ ихъ сторожить или тесть скажетъ: «Сѣти надо бы посмотрѣть», и зять идетъ смотрѣть сѣти.

Изъ записаннаго мной на р. Ясачной образца юкагирскаго сватовства, я укажу наиболѣе интересныя мѣста. Сватовство рѣдко кончается въ одинъ день. Сватъ обыкновенно много разъ ходитъ и уходитъ съ отвѣтомъ отца невѣсты или старшаго брата, чтобы «ихъ такими рѣчами не встрѣчали». Бываетъ, что родня невѣсты тянетъ нѣсколько лѣтъ, испытывая солидность привязанности жениха или его усердіе на охотѣ, или просто по капризу, потому что такъ принято. Въ первый разъ сватъ, предлагая союзъ, отъ имени родныхъ жениха проситъ родню невѣсты сидѣть «у тепла одного очага». Самое характерное и интересное мѣсто въ рѣчахъ свата—слѣдующія слова его, обращенныя къ родителямъ невѣсты послѣ ихъ обычнаго первоначальнаго отказа: «Отецъ — мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?» въ каковыхъ словахъ выражается просьба пріобщить жениха къ культу предковъ семьи невѣсты, культу чрезвычайно развитому у юкагировъ. Затѣмъ интересенъ отвѣтъ на это отца невѣсты: «мои люди, моя родня какія слова изрекутъ, я не знаю», указывающій на участіе всего рода въ рѣшеніи вопроса, принять ли въ домъ зятя. Наконецъ, отецъ невѣсты даетъ согласіе, но ставитъ условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома. Вообще поселеніе жениха въ домѣ тестя является правиломъ, но и теперь и въ старину бывали исключенія. Напр., если въ семьѣ и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вмѣсто того, чтобы зятья переходили изъ дома въ домъ.


Тундренныя тунгуски
въ тунгузскомъ костюмѣ. въ чукотскомъ костюмѣ.

Обратившись къ сватовству и браку тундренныхъ родовъ, мы увидимъ, насколько въ нихъ тунгузскій элементъ уже смѣшанъ съ юкагирскимъ. Какъ изъ верхнеколымскаго сватовства, я и изъ записаннаго мной текста сватовства на

тундрѣ обращу вниманіе на самыя интересныя мѣста. Женихъ былъ богатый старикъ-вдовецъ, а невѣста молодая дѣвушка, любившая уже одного бѣднаго юношу. Это была цѣлая драма. Ее не заставляли выходить за старика, но было оказано нравственное давленіе такъ же тонко, какъ у культурныхъ людей, такъ что подчиненіе обычаю и желанію родни подавило голосъ сердца.

Духъ рѣчей свата и родственниковъ невѣсты—говорить о вещахъ не прямо, а намеками и аллегоріями—чисто юкагирскій, но содержаніе ихъ уже иное. Сватъ тоже долго ходилъ, пока получилъ согласіе, хотя родня невѣсты очень желала богатаго жениха. На тундрѣ сватъ получаетъ отъ жениха за труды оленя, который называется арйнэтунгелъ, что значитъ «на починку подошвъ», ибо свату иной разъ приходится не одну пару обуви износить, пока получаетъ согласіе.

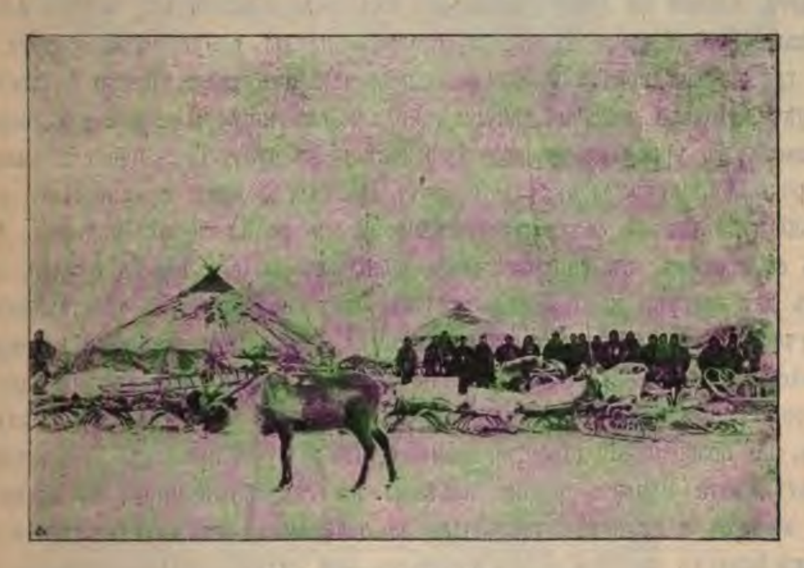
Въ тундренномъ сватовствѣ отсутствуетъ самое существенное изъ юкагирскаго сватовства—обращеніе свата къ роднѣ невѣсты о допущеніи жениха къ огню ихъ очага, ибо не женихъ переходитъ въ домъ невѣсты, а послѣдняя покупается и переходитъ въ домъ родни жениха т. е. материнскій строй семьи рыболововъ-охотниковъ—юкагировъ перешелъ въ патріархально-родовой—тунгусовъ-оленеводовъ. Чтобъ характеръ юкагирскаго матріархата не былъ ложно понятъ, необходимо прибавить, что въ обоихъ типахъ семьи значеніе мужчины почти одинаково. И въ юкагирской семьѣ, въ которой кровное родство ведется по женской линіи, авторитетомъ пользуется, за исключеніемъ хозяйственной сферы, старшій мужчина—дѣдъ или старшій братъ матери. Наконецъ, пришлый зять, причисленный къ семьѣ обрядомъ пріобщенія къ семейному культу, становится домоправителемъ, если въ семьѣ нѣтъ старше его мужчинъ.

Какъ на тунгузское вліяніе, надо также смотрѣть на усиленіе значенія рода въ дѣлѣ отдачи замужъ дѣвушки. Когда сватъ приходитъ, приглашаются всѣ родственники невѣсты, и сватъ обращается не къ однимъ ея родителямъ, а ко всему роду, и согласіе является результатомъ общаго соглашенія всѣхъ родственниковъ. Основой, какъ материнской семьи юкагировъ, такъ и патріархальнаго рода тунгусовъ, одинаково служитъ кровное родство, въ первой по женской линіи, во второмъ по мужской. Но хотя въ материнской семьѣ кровное родство надежнѣе, патріархальный родъ тѣмъ не менѣе дисциплинированнѣе.

Но вотъ сватъ истощилъ все свое краснорѣчіе и терпѣніе и получаетъ все-таки отказъ; тогда онъ является съ оленемъ и со шкурой лисицы, песца или болѣе цѣннаго мѣха и говоритъ, что это онъ даритъ родственникамъ невѣсты, чтобы открыть у нихъ ротъ. Это обычай какъ тунгузскій, такъ и якутскій, но не юкагирскій. Наконецъ сватъ получаетъ согласіе. Тогда начинаются переговоры о количествѣ калыма, о чемъ въ собственно-юкагирскомъ сватовствѣ не можетъ быть и рѣчи. Но съ другой стороны, какъ на остатокъ юкагирскаго семейнаго строя надо смотрѣть на роль старшаго брата невѣсты, къ которому въ извѣстномъ мнѣ сватовствѣ отецъ обратился за совѣтомъ, и на рѣшающее значеніе словъ матери, сказавшей, чтобы свата больше не

мучили. Кромѣ того, какъ пережитокъ обычая перехода жениха въ домъ тестя, рядомъ съ выкупомъ, остался на тундрѣ обычай отслуживанія. Обыкновенно невѣста не сейчасъ переходитъ въ семью жениха, а послѣдній послѣ удачнаго исхода сватовства, нѣсколько лѣтъ служитъ у родныхъ невѣсты. Срокъ службы не бываетъ больше 7 лѣтъ, и тесть довольный зятемъ работникомъ, обыкновенно сбавляетъ количество оленей условленнаго выкупа и увеличиваетъ приданое.

Тундренная свадьба, т. е. переходъ невѣсты въ домъ родителей, бѣдна обрядами, но, по сравненію съ отсутствіемъ въ юкагирскомъ бракѣ какихъ бы



Тундренная свадьба.

то ни было свадебныхъ празднествъ, она является торжественнымъ моментомъ въ однообразной жизни полярнаго кочевника. Разумѣется свадебныя дѣйствія въ этомъ торжествѣ не юкагирскаго происхожденія. Главнымъ образомъ они принесены тунгусами, но символическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь, при измѣненіи условій брака, потеряло уже всякій смыслъ. Кромѣ того на то или другое дѣйствіе очевидно повліяли съ одной стороны якутскіе, съ другой—чукотскіе обычаи. Укажу вкратцѣ на главные моменты свадьбы. Передъ переходомъ невѣсты изъ родительскаго дома въ домъ жениха, родня послѣдняго прикочевываетъ со своимъ стойбищемъ близко къ стойбищу родни невѣсты. За невѣстой отправляется одна только сваха—жена свата. Отецъ невѣсты вмѣстѣ съ другими родственниками тогда ловятъ оленей, назначенныхъ для приданаго и запрягаютъ ихъ въ нарты, а женщины укладываютъ на нихъ одежду, хозяйственныя вещи, принадлежности женскихъ работъ и постель. Сверху кладутъ подарки для родственниковъ жениха. Потомъ отецъ невѣсты колетъ оленя, и при переодѣваніи невѣсты, ей мажутъ свѣжей кровью всѣ суставы. Этотъ обрядъ называютъ меріэшумъ т. е. вымываніе или помазаніе. Наружно онъ походитъ

на помазаніе невѣсты жертвенною кровью у чукочъ, но у нихъ это дѣлаютъ въ домѣ родителей жениха, при пріемѣ невѣсты, какъ обрядъ пріобщенія ея къ новому семейному культу. Тутъ надо полагать это имѣетъ значеніе отлученія ея отъ семейнаго культа родителей. Послѣ этого невѣсту передаютъ въ руки свахи, она сажаетъ ее на первую нарту, къ которой привязаны всѣ остальныя и пѣшкомъ уводитъ поѣздъ къ стойбищу жениха. При отправленіи поѣзда, родственники невѣсты стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами, чтобы прострѣлить глаза злыхъ дьяволовъ, и возвращаются въ урасу. Подъѣхавъ къ урасѣ родителей жениха, сваха три раза обводитъ по солнцу кругомъ дома поѣздъ, отпускаетъ оленей къ стаду, вымазавъ ихъ рога краской изъ отвара ольховой коры, какъ это дѣлаютъ чукчи, и ставитъ нарты полукругомъ у того мѣста урасы, гдѣ внутри помѣстятъ постель невѣсты. Изъ урасы никто не выходитъ на встрѣчу, только молодая дѣвушка поднимаетъ шкуру, служащую дверью, и пропускаетъ въ урасу сваху, ведущую невѣсту за руку. Тутъ невѣста кланяется всѣмъ родственникамъ жениха и ставитъ на очагъ, какъ будущая его жрица, нѣсколько полѣньевъ, а сваха заноситъ и раздаетъ роднѣ жениха подарки. Затѣмъ женихъ со сватомъ, въ сопровожденіи молодыхъ людей, берутъ оленей, назначенныхъ для выкупа и отправляются къ отцу невѣсты. Въ доставленіи выкупа участвуютъ всѣ родственники жениха, какъ въ снаряженіи приданаго всѣ родственники невѣсты. Отецъ невѣсты, принявъ выкупъ, раздаетъ по оленю родственникамъ, а остальныхъ пускаетъ въ свое стадо. Женихъ со сватомъ, по возвращеніи домой, заявляютъ, что выкупъ принятъ. Тогда хозяинъ посылаетъ свата просить родню невѣсты на свадебный пиръ. Во время пиршества женихъ и невѣста отдѣляются за отдѣльный отъ другихъ гостей столъ т. е. имъ кладутъ на шкуры, на которыхъ они сидятъ, отдѣльную доску. Послѣ угощенія раздаютъ подарки родственникамъ невѣсты.

При описаніи сватовства я уже указалъ, какое значеніе имѣютъ всѣ кровные родственники въ рѣшеніи вопроса о выдачѣ замужъ. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ свадебныхъ обычаяхъ. Какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты всѣ родственники участвуютъ въ доставленіи предметовъ для подарковъ, оленей для выкупа и для приданаго. Это весьма характерный признакъ для общественныхъ отношеній, основаныхъ на единствѣ крови и обнимаемыхъ понятіемъ родового быта. Остальныя свадебныя дѣйствія ужъ не такъ легко объяснить, и то, что могло бы хоть символически указать на прежній обычай умыканія, приписываемаго тунгусамъ, потерялъ теперь всякій смыслъ, ибо, если раньше у пришлыхъ на тундру тунгусовъ, какъ у другихъ вѣтвей тунгузскаго племени, преобладалъ экзогамическій бракъ, то теперь подъ юкагирскимъ вліяніемъ бракъ сдѣлался преимущественно эндогамическимъ. Значительная часть замужнихъ женщинъ на тундрѣ не только одного рода съ мужемъ, но нерѣдко носятъ одну и туже фамилію, что указываетъ на кровное родство. Изъ опроса мной 41 замужнихъ женщинъ Бетильскаго рода оказалось, что 20 изъ нихъ происходятъ изъ того же рода, а 21 распредѣлены между ламутками, юкагир-

ками и чукчанками. Впрочемъ, только одно свадебное дѣйствіе—обмѣнъ подарками, символически можетъ еще представлять мировую, по мы почти ужъ не видимъ другихъ пережитковъ похищенія. За невѣстой приходитъ одна сваха, а не вооруженный поѣздъ родственниковъ жениха, какъ у якутовъ, родственники невѣсты стрѣляютъ въ злыхъ духовъ, а не въ похитителей, подарки даютъ



Ночлегъ на снѣгу на берегу р. Коркодона (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

раньше родственники невѣсты, а калымъ посылается родней жениха послѣ того, какъ сватьей доставлена имъ невѣста съ приданымъ. Въ якутскомъ бракѣ, въ которомъ есть много слѣдовъ прежняго умыканія, раньше выплачивается калымъ, а потомъ невѣста переходитъ въ домъ жениха. Отдѣленіе же молодыхъ за особый столъ сближаетъ тундренную свадьбу съ якутской, указывая на подчиненную

роль вступающихъ въ бракъ по отношенію къ группѣ лицъ, связанныхъ единствомъ крови. Калымъ, какъ вознагражденіе за убытки роду невѣсты, тоже фактически не существуетъ, ибо отецъ невѣсты и ея родственники тратятъ обыкновенно на приданое больше, чѣмъ калымъ стоитъ. Кромѣ того молодые черезъ годъ послѣ свадьбы объѣзжаютъ родственниковъ невѣсты и получаютъ



Іерченскіе чукчи и ихъ жилище.

назадъ оленей, доставшихся имъ изъ калыма. Этотъ обычай такъ и называется нятмар мэнга т. е. обратно взяли.

Мы видѣли, что во всѣхъ сферахъ тунгусо-юкагирскихъ взаимовліяній въ отношеніи къ языку, быту, обычаямъ и т. д. мы имѣемъ два элемента, изъ которыхъ преобладаетъ юкагирскій, только въ физическомъ типѣ и въ брачныхъ обычаяхъ тунгузскій элементъ выступаетъ рѣзче. Объюкагиреніе же полярнаго

осколка тунгузскаго племени во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тѣмъ болѣе достойно вниманія, что культура юкагирскаго племени примитивнѣе, архаичнѣе тунгузской. Если на Ленѣ, Янѣ, въ Туруханскомъ краѣ *) тунгусы ассимилировались съ якутами, то общественная организація и матеріальная и духовная культура послѣднихъ выше тунгузскихъ, здѣсь же ассимиляція тунгусовъ является пониженіемъ ихъ культурнаго типа.

Что касается религіозныхъ воззрѣній, то скажу только въ общемъ, что, несмотря на сходство шаманскихъ религій вообще, очень легко опозить, что духъ юкагирскихъ вѣрованій взялъ верхъ. Особенно интересенъ культъ предковъ, получившій у юкагировъ свое высшее развитіе. Недавнее поклоненіе черепу умершаго представителя рода еще живетъ въ памяти тундренныхъ обитателей. Мало того, даже къ западу отъ Индигирки, тамъ гдѣ юкагирскіе роды обламутѣли по языку, мы встрѣчаемъ совершенно юкагирскій характеръ вѣрованій.

Даже на р. Янѣ, гдѣ юкагиры успѣли подвергнуться вторичной ассимиляціи, гдѣ они послѣ того какъ обламутились, теперь, вмѣстѣ съ ламутами, вполнѣ ассимилировались съ якутами, еще сохранились преданія о чисто юкагирскомъ культѣ предковъ. Я записалъ тамъ тѣже разсказы, какіе мной были записаны въ верховьяхъ Колымы, на 2500—3000 верстъ къ юго-востоку отъ Яны. Согласно этимъ преданіямъ, умершаго шамана или представителя рода анатомировали люди, одѣтые въ маскахъ и перчаткахъ, чтобы лицо ихъ не видѣло тѣла покойнаго и голыя руки не прикасались къ нему, потомъ при помощи крючковъ и костяныхъ ножей они снимали и счищали съ костей мясо. Послѣднее вялили на солнцѣ, чтобы оно не гнило и клали въ гробницы, поставленныя на высокихъ деревьяхъ или столбахъ, или вмѣстѣ съ собачьими жертвами оставляли въ тальничной урасѣ, а кости дѣлили между всѣми членами рода, носившими ихъ съ собой, какъ амулеты, и вопрошавшими ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Черепъ же получалъ старшій въ родѣ. Поставленному на деревянный чурбанъ и одѣтому въ лучшую одежду, черепу воздавали божескія почести, приносили жертвы и называли хоілъ т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ нынѣ называютъ христіанскаго Бога **). Въ устьѣ Яны мнѣ передавали, что тамъ и засушеное мясо покойниковъ носили въ кожаныхъ мѣшочкахъ въ качествѣ амулетовъ. Устьянскій священникъ мнѣ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще нашелъ такой амулетъ у одного омолойскаго юкагира.

---

*) Я полагаю, что Долгане тоже объякутѣвшіе тунгусы или якуто-тунгусскіе метисы.

**) Весьма интересно указать на то, что, вскрывая и препарируя покойниковъ, юкагиры сдѣлались хорошими анатомами. Они знали всѣ кости скелета, положеніе внутреннихъ органовъ и въ извѣстной степени ихъ отправленія. Мало того по названіямъ въ языкѣ кровеносныхъ сосудовъ и сердца можно было бы подумать, что, если древніе юкагиры не предупредили открытіе Гарвея, то по крайней мѣрѣ имъ было знакомо, что кровь движется по тѣлу и направляется отъ сердца по сосудамъ. Кровеносные сосуды юкагиры называютъ лäпун-чуго т. е. кровяныя дороги и артеріи въ отличіе отъ венъ называютъ äджун-лäпун-чуго, т. е. живая кровяная дорога. Сердце же они называютъ ч у г о д ж ä или чубоджä, что означаетъ—бѣгъ, движеніе или—я бѣгу, я двигаю. Бьющійся пульсъ—јуку-чубоджä т. е. маленькое сердце.

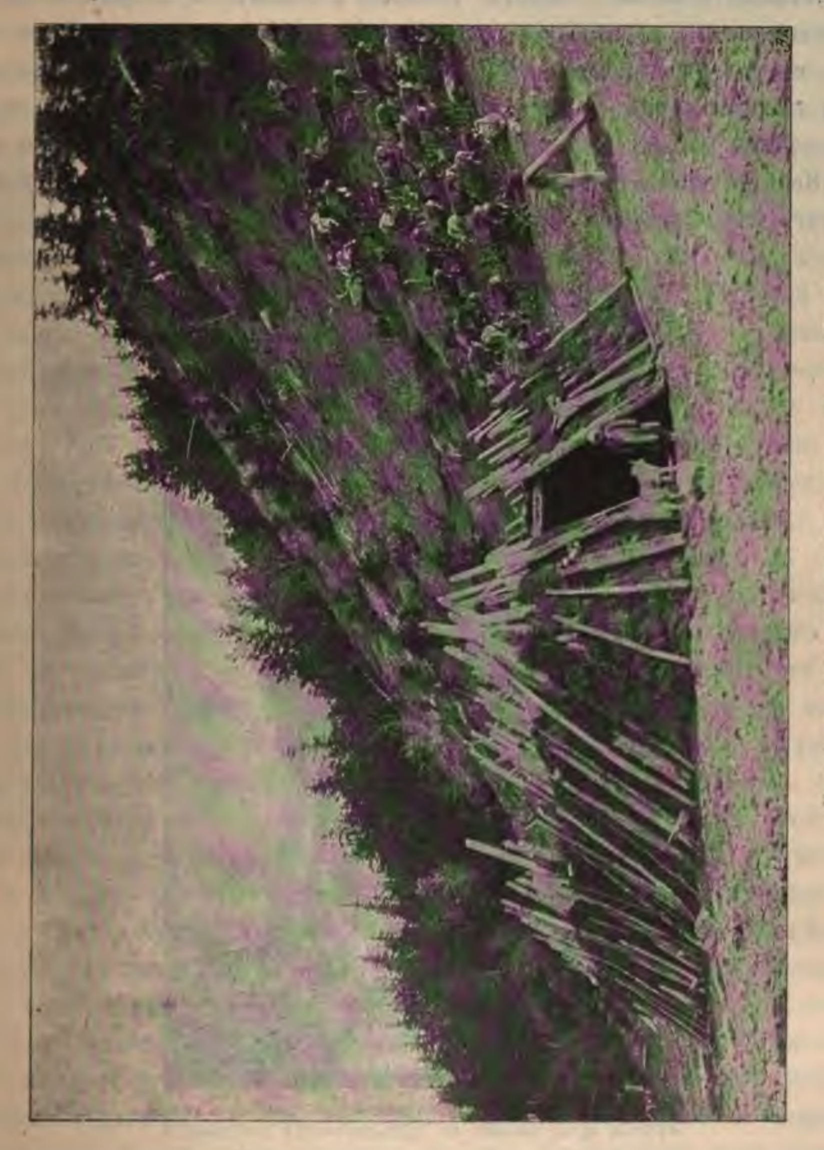
Чтобы закончить свой докладъ о бродячихъ родахъ тундры необходимо, прибавить кое что объ ихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ якутамъ, съ другой къ чукчамъ. Духовное вліяніе якутовъ на эти роды выражается въ томъ, что по якутски они всѣ говорятъ, какъ по юкагирски. Въ Якутской области якутскій языкъ является международнымъ языкомъ. Но физически якуты рѣдко смѣшиваются съ тундренными людьми. Въ числѣ замужнихъ женщинъ на тундрѣ я не нашелъ ни одной якутки точно также якуты рѣдко берутъ тундренныхъ дѣвушекъ.



Чукча съ чукчанкой съ восточнаго берега р. Колымы.

На сѣверѣ Колымскаго округа якуты, какъ ни жалка ихъ жизнь, все-таки сохранили сознаніе своего культурнаго превосходства надъ бродячими племенами. Есть нѣсколько примѣровъ, что тундренные бродячіе люди поселились въ лѣсу около якутовъ и обзавелись скотомъ, но я не знаю примѣра, чтобы якутъ совершенно вышелъ на тундру—куда между прочимъ отдѣльные промышленники выходятъ зимой для промысла песцовъ и лѣтомъ—озерныхъ рыбъ,—и зажили бродячей жизнью юкагиро-тунгуса. Обладаніе извѣстнымъ количествомъ оленей, которыхъ нѣкоторые богатые якуты Колымскаго округа держатъ для содержанія почтовыхъ станцій, или для перевозки клади купцовъ, нисколько не мѣняетъ ихъ образа жизни. Пастухами къ оленямъ у нихъ служатъ главнымъ образомъ тунгусы. Другое дѣло якуты сѣвера Верхоянскаго округа между Ин-

дигиркой и Леной. Тамъ они лишились рогатаго скота, сдѣлались оленеводами или, по близости отъ моря, собаководами, но надо замѣтить, что они выработали тамъ своеобразный типъ оленеводства. Вернувшись къ Колымскимъ якутамъ, мы съ другой стороны можемъ утверждать, что не только климатическія условія повліяли на измѣненіе типа хозяйства, сравнительно съ хозяйственнымъ бы-



Хозяйство якута-оленевода въ низовьяхъ р. Лены

томъ южныхъ якутовъ, но что, несмотря на ихъ способность ассимилировать другія племена, сами они не ушли отъ вліянія древнихъ обитателей края, юкагировъ. И ихъ обычаи и вѣрованія получили во многихъ отношеніяхъ юкагирскую окраску. Приведу два примѣра. Изъ литературы о якутахъ извѣстенъ экзогамическій характеръ ихъ брака, а у притундренныхъ якутовъ, по собран-

нымъ мной даннымъ, большинство браковъ совершается не только внутри наслега (административная единица, обнимающая большее или меньшее количество родовъ), но и между однофамильцами, что̀ указываетъ на ихъ кровное родство. Большинство притундренныхъ якутовъ не знало названія рода, отъ котораго они происходятъ. Вопросъ этотъ ихъ теперь уже не интересуетъ. Только по архивнымъ бумагамъ старыхъ ревизскихъ сказокъ, я собралъ свѣдѣнія о количествѣ родовъ въ каждомъ наслегѣ, объ ихъ названіяхъ и о томъ, изъ какого именно рода происходятъ опрошенные мной якуты. Этимъ объясняется, почему г. Сѣрошевскій въ своемъ трудѣ о якутахъ для полярныхъ якутовъ слилъ понятіе наслегъ и родъ, отмѣтивъ въ каждомъ наслегѣ только одинъ родъ. Нерѣдки также тамъ сожительства въ такихъ степеняхъ родства, которыя не могутъ быть освящены церковью.



Якутки края лѣсовъ въ праздничныхъ костюмахъ.

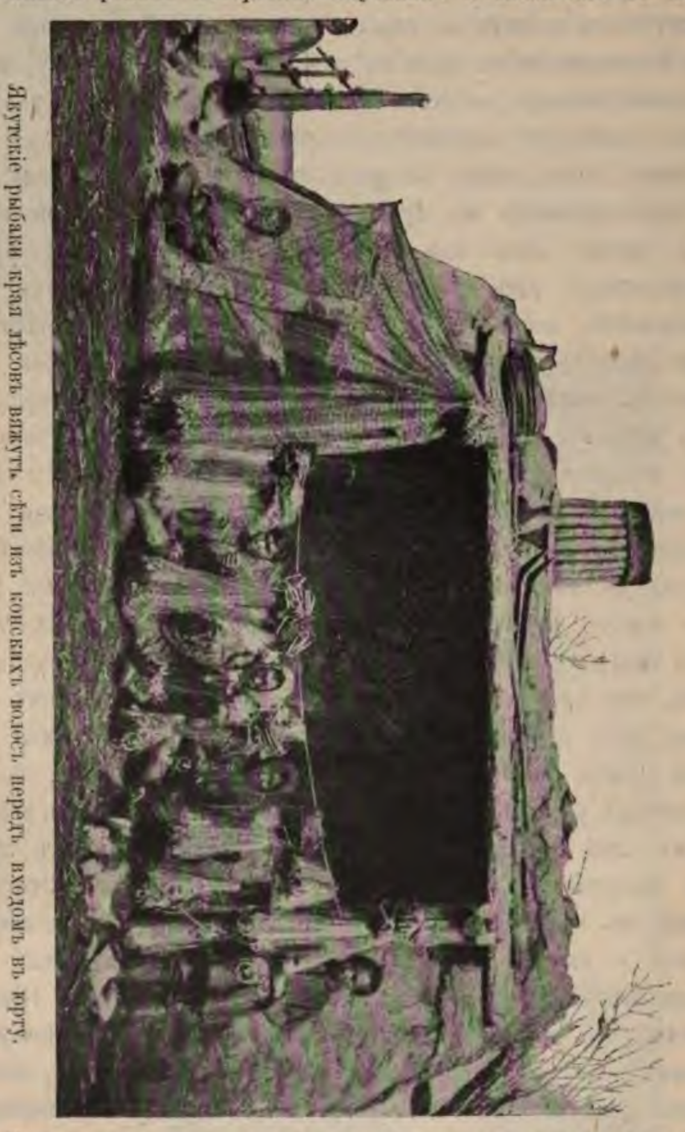
Другой примѣръ возьмемъ изъ религіозныхъ воззрѣній. Въ этнографіи извѣстенъ мрачный характеръ якутской демонологіи. У якутовъ не только различные демоны (абасы) по природѣ ѣдятъ людей, причиняютъ имъ болѣзнь и смерть, но и души умершихъ родственниковъ, главнымъ образомъ шамановъ, превращаются послѣ смерти нерѣдко въ демоновъ, именуемыхъ ӱрӧ'ами, пи-

тающихся человѣческими душами. Поэтому якуты питаютъ такой страхъ передъ всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ покойнику, и посѣщеніе его духомъ жилищъ считается нежелательнымъ и опаснымъ. Другое дѣло у юкагировъ. Ихъ демонологія мягче. Души покойниковъ добрые благодѣтельные геніи для рода. Тѣни предковъ живутъ въ подземномъ царствѣ тѣней (Аібідзі) настоящей идиллической жизнью. Переправляются души въ царство тѣней черезъ рѣку, на которой стоитъ готовый челнокъ, но безъ лодочника Харона. Только входъ въ подземное царство охраняется старухой съ собачкой. Въ царствѣ тѣней души живутъ родами точно также, какъ на землѣ ихъ живые родственники; тѣни вновь умершихъ присоединяются къ душамъ своихъ предковъ. Тѣни ведутъ такой же образъ жизни, какъ ихъ падземные родственники, но промышляютъ не матеріальныхъ оленей, лосей и рыбъ, а тѣни послѣднихъ. Тѣни умершихъ родственниковъ несутъ заботу о живыхъ. Между живущими и мертвыми членами рода существуетъ постоянная связь, отъ которой зависитъ самая жизнь и питаніе живущихъ, ибо прежде чѣмъ матеріальный человѣкъ убиваетъ лося или оленя, духъ его родственника предварительно долженъ убить тѣнь обреченнаго на смерть животнаго, иначе оно не дастся охотнику. Тѣни умершихъ являются покровителями рода, и входъ тѣни умершаго въ новорожденнаго считается особымъ благоволеніемъ и счастіемъ для ребенка. По большей части въ новорожденныхъ входятъ не случайныя души, а возобновляющія земную жизнь тѣни умершихъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ ребенокъ наружно похожъ на умершаго родственника, и когда онъ начинаетъ говорить, онъ прежде всего объявляетъ, какая душа въ немъ поселилась. Въ старину тогда только ребенокъ получалъ имя, и именно имя умершаго родственника. Теперь же дѣти получаютъ имена при крещеніи, но крестное имя съ моментомъ установленія личности тѣни, поселившейся въ ребенкѣ, замѣняется именемъ этой тѣни. Поэтому многіе юкагиры, которыхъ зовутъ Иванами, Петрами, записаны въ метрикахъ Михаилами, Васильями. Этотъ же обычай заимствовали отъ юкагировъ и колымчане русскіе, но что еще интереснѣе, я нашелъ его у якутовъ. Ночуя разъ у князца Кангаласскаго наслега, я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ назвалъ своего сына Уйбанъ (Иванъ). Изъ переписи я зналъ, что мальчикъ числится Павломъ (Байбалъ). «Почему ты зовешь сына чужимъ именемъ», спросилъ я его. «Э, отвѣтилъ онъ, это имя нашего родственника, умершаго въ осенный годъ». Оказалось, что способность рѣчи открылась у ребенка слѣдующимъ монологомъ: «Много насъ было на Джаргатахѣ (урочище въ притундренной полосѣ), всѣ умерли и только на одной лошади уѣхали». Такъ говорила въ немъ поселившаяся душа родственника «уру – кута».

Дѣло тутъ было въ томъ, что въ осну 1884 г. умеръ ихъ родственникъ Иванъ, состоятельный якутъ, на его могилѣ закололи по обычаю коня. Въ это же время умерло нѣсколько бѣдныхъ якутовъ, на могилѣ которыхъ не были заколоты лошади. Такимъ образомъ всѣ бѣдныя души усопшихъ должны были

совершить трудный и утомительный путь въ подземное царство на тѣни одной только лошади.

Обратившись теперь къ чукчамъ, мы увидимъ, что ихъ отношенія къ тундренныхъ родамъ интереснѣе якутскихъ и связь ихъ съ ними древнѣе.



Якутскіе рыбаки края лѣсовъ вяжутъ сѣти изъ конскихъ волосъ передъ входомъ въ юрту.

У бродячихъ родовъ западной тундры сохранилось не мало преданій о древнемъ пребываніи чукочъ къ западу отъ Колымы: на это указываетъ также названіе рѣки Большой Чукочьей.

Согласно упомянутымъ же преданіямъ, Алаи, т. е. тундренные юкагиры, воевали съ чукчами, между тѣмъ, какъ у обрусѣвшихъ Омолонскихъ, такъ и у Верхнеколымскихъ юкагировъ я записалъ вполнѣ тождественныя преданія о томъ, что юкагиры съ чукчами не воевали, ибо считались родными братьями, послѣ взаимнаго убійства которыхъ солнце должно было померкнуть. Имѣются

на тундрѣ и матеріальныя указанія на древнее пребываніе тамъ оленнаго племени — въ остаткахъ жертвенныхъ кучъ оленьихъ роговъ, складываемыхъ чукчами въ весенній праздникъ роговъ и на могильникахъ; бродячіе жители тундры приписываютъ ихъ чукчамъ, но г. Богоразъ полагаетъ, что это есть слѣды вымершаго племени чаачеповъ, служившаго связывающимъ звеномъ между двумя древними племенами края, собаководами юкагирами и оленеводами чукчами. Но кто бы ни были древніе оленные люди тундры, въ новѣйшее время чукчи впервые появились къ востоку отъ Колымы недавно. По даннымъ, почерпнутыхъ мной въ Нижнеколымскомъ архивѣ, въ первый разъ чукчи обратились съ просьбой позволить имъ перейти со стадами на лѣвый берегъ Колымы къ ревизовавшему округъ чиновнику Шевелеву въ 1857 г. Тогда же нѣкоторые чукчи были привлечены къ платежу ясака. Баронъ Майдель приписываетъ себѣ почипъ въ дѣлѣ перехода на западный берегъ Колымы и первой попытки обложенія чукочъ, что относится къ 1869 г. Какъ бы то ни было, чукчи, съ вѣдома представителей русской власти, появились на западной тундрѣ въ началѣ второй половины текущаго столѣтія.

Въ 70-хъ годахъ вся тундра была полна чукотскими стойбищами. Многіе чукчи перешли р. Алазею и появились не далеко отъ Индигирки, уже въ предѣлахъ Верхоянскаго округа. Надо замѣтить, что совершенно неправильно считаютъ р. Алазею границей между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Не говоря уже о чукчахъ, значительная часть Колымскихъ якутовъ живетъ къ западу отъ р. Алазеи. Оспа 1884 года скосила около половины чукочъ западной тундры. Многіе изъ богатыхъ чукочъ обѣднѣли, оставшись почти безъ оленей. Съ одной стороны ихъ объѣдали вѣчно голодные тундренные тунгусы и юкагиры, а съ другой стороны разоряли русскіе и якутскіе торговцы водкой и другими соблазнами. Многіе чукчи поэтому поспѣшили убраться отъ новыхъ друзей назадъ, къ востоку отъ Колымы. Во время моего проѣзда по тундрѣ съ Колымы на Индигирку около 30-ти чукотскихъ лагерей были главнымъ образомъ расположены на морскомъ берегу въ устьяхъ всѣхъ рѣкъ къ западу отъ Колымы до Шадрона. Это оленные люди, но зимой промышляютъ также тюленей. За отсутствіемъ лѣса они пользуются для топлива плавникомъ. Нѣкоторое количество чукотскихъ лагерей тундры откочевываютъ на зиму къ лѣсамъ восточнаго берега Колымы, около устья Омолона. Три чукотскихъ стойбища я во время своего проѣзда засталъ на среднемъ теченіи Алазеи, а 9 лагерей на р. Іерченъ, притокѣ Индигирки. Къ западу отъ Колымы это самые богатые чукчи, обладатели стадъ въ 3000—5000 оленей. Это также самые западные чукчи. Зимой они живутъ въ долинѣ рѣки Іерченъ, недалеко отъ устья котораго начинается лѣсъ, а лѣтомъ поднимаются къ сѣверу, въ сторону Шадрона и Алазеи. Между стойбищами Іерченскихъ чукочъ и послѣдними жительствами якутовъ Колымскаго округа съ одной стороны и якутскими семействами на Индигиркѣ съ другой, лежитъ необитаемая гористая тундра разстояніемъ съ обѣихъ сторонъ въ 200—250 верстъ. Путь къ этимъ чукчамъ ле-

житъ какъ со стороны Алазеи, такъ и со стороны Индигирки по отрогамъ хребта, который служитъ водораздѣломъ этихъ рѣкъ и главная ось котораго



Типы чукочъ съ рѣки Іерченъ (профиль).

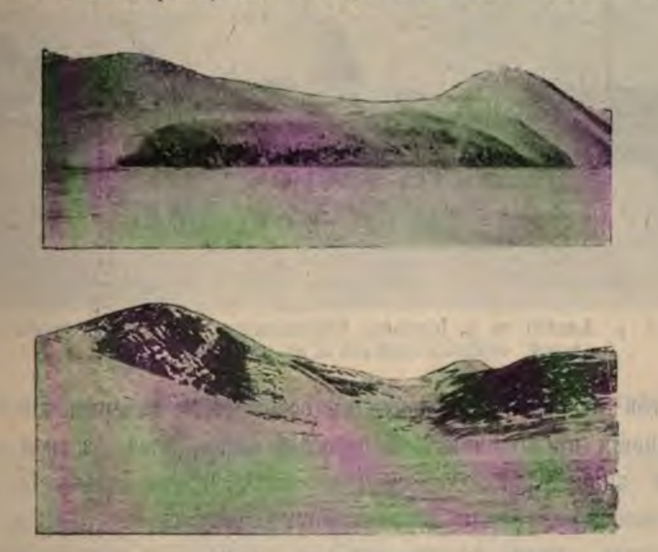
тянется діагональю между среднимъ теченіемъ Индигирки и нижнимъ Алазеи. Мѣстность состоитъ изъ голыхъ отроговъ, лишенныхъ растительности. Только



Типы чукочъ съ рѣки Іерченъ (фасъ).

на нѣкоторыхъ сопкахъ и по берегамъ рѣчекъ торчатъ одиноко отдѣльныя урод ливыя лиственницы. Дороги нѣтъ, ибо тамъ господствуютъ постоянные вѣтры

которые заносятъ всякій слѣдъ. Безъ опытнаго проводника тамъ ѣхать не совѣтуютъ. По хребтамъ легко заблудиться, а когда настигаетъ пурга, то приходится лежать подъ снѣжнымъ заносомъ, пока она не прекратится. Все это нисколько не мѣшаетъ пилигримству со всѣхъ сторонъ юкагировъ, тунгусовъ и ламутовъ къ чукотскимъ оленямъ. Кругомъ чукотскихъ стойбищъ раскинуты жалкіе кожаные шатры голоднаго бродячаго люда, выжидающаго подачекъ, выпрашивающаго въ долгъ оленьяго мяса или предлагающаго себя въ пастухи. Съ самыхъ верховьевъ Индигирки приходятъ «каменные» ламуты, чтобы сдѣлаться пастухами чукотскихъ оленей. Когда я проходилъ черезъ этотъ хребетъ, направляясь къ чукчамъ, у меня вдругъ оказалось столько спутниковъ: ламутовъ, тунгусовъ и юкагировъ, что поѣздъ мой былъ похожъ на переселеніе



Виды гористой тундры.

цѣлаго племени. Это все были спутники приживальщики, присоединившіеся къ намъ подъ предлогомъ быть полезными въ качествѣ проводниковъ, но съ разсчетомъ, что на ночевкахъ я ихъ не обдѣлю чаемъ и сухарями, а мои возчики чукчи—мясомъ.

Чукчи, переселившись на западъ отъ Колымы, съ одной стороны внесли новую струю не только въ матеріальный бытъ другихъ бродячихъ родовъ, но и въ ихъ нравы, обычаи и брачныя отношенія, съ другой стороны сами перенимаютъ многое отъ другихъ племенъ.

На матеріальный бытъ тундреннаго населенія переселеніе чукчей повліяло въ общемъ неблагопріятно. Во-первыхъ первобытная готовность богатыхъ оленеводовъ убивать оленей, для людей нуждающихся въ пищѣ, отвлекала безпечнаго охотника отъ промысла. Во-вторыхъ конфликтъ между хозяйственными расчетами оленеводческой экономіи и обычаемъ гостепріимства и ненасытностью просителей долженъ былъ разрѣшиться кризисомъ. Одни чукчи обѣднѣли, другіе переселились на востокъ, третьи перестали давать даромъ оленей, а тундренное

молодое поколѣніе отвыкло отъ охоты. Старики говорятъ, что нынѣшніе молодые люди научились быть пастухами чужихъ оленей, но стали плохими промышленниками.

Кромѣ того чукотскій домашній олень захватомъ кормовищъ, вытѣснилъ полевого. Тунгусы говорятъ, что дикій олень убѣжалъ отъ домашняго, какъ послѣ пала, и ушелъ на острова. Въ промыслѣ песцовъ молодые чукчи начинаютъ конкурировать съ другими бродячими людьми.



Мой переѣздъ съ р. Алазеи на р. Іерченъ. Чукчи-ямщики собираютъ утромъ на почлегѣ оленей, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь.

Съ другой стороны, у чукочъ, въ особенности у Іерченскихъ, тоже произошли измѣненія въ хозяйствѣ. Тунгузскій олень, какъ ѣздовой и болѣе ручной, цѣнится значительно больше чукотскаго. Чукчи Іерченскіе, при помощи подбора, совершенно измѣнили первоначальную расу своихъ оленей. Они научились промышлять сѣтями на озерахъ рыбу и подобно ламутамъ стали ѣздить также на оленяхъ верхомъ.

Извѣстно, что примитивныя религіи весьма легко включаютъ въ свой пантеонъ на правахъ божествъ духовъ, которыхъ почитаютъ сосѣдніе народы. Такимъ же образомъ изъ терпимаго отношенія первобытныхъ племенъ къ обычаямъ и обрядамъ другъ друга возникаютъ заимствованія. Но болѣе всего располагаютъ къ нимъ брачные союзы. Значительная часть женъ западныхъ чукочъ состоятъ изъ ламутокъ, тунгусокъ и юкагирокъ, а въ тундренныхъ родахъ уже встрѣчаемъ чукчанокъ. Чукча, пріобрѣтая куплей тунгуску, подчиняется всѣмъ описаннымъ выше обычаямъ сватовства и брачнымъ обрядамъ. Онъ даже первые дни послѣ прибытія невѣсты въ его домъ носитъ вышитый тунгусо-юкагирскій костюмъ, привозимый въ числѣ приданаго невѣстой. Старикъ чукча Арара самымъ уморительнымъ образомъ расказывалъ мнѣ. какъ онъ послѣ женитьбы на тунгускѣ носилъ 3 дня тунгузскій расходящійся кафтанъ и все думалъ, что брюхо у него вылетитъ *). Но тунгуски или юка-

*) Тунгусо-юкагирская верхняя одежда состоитъ изъ кафтана съ расходящимися полами, а чукотская—изъ глухихъ мѣховыхъ рубахъ.

гирки, перейдя въ домъ чукчи, должны одѣть чукотскій костюмъ, мѣнять образъ жизни и подчиняться требованіямъ чукотскаго поліандро-полигамическаго



Чукчанки съ р. Іерченъ (фасъ).

брака, названнаго г. Богоразомъ перемѣннымъ бракомъ и заключающагося въ



Чукчанки съ р. Іерченъ (профиль).

томъ, что люди, состоящіе въ такомъ союзѣ, имѣютъ взаимное право на ложе

своихъ женъ. Я спросилъ одного почетнаго тунгуса, сестра котораго передъ этимъ была отдана чукчамъ, будетъ ли его сестра жить со смѣнными товарищами мужа. «Поневолѣ будетъ, если мужъ прикажетъ», отвѣтилъ онъ. Извѣстны случаи подчиненія этому обычаю русскихъ женщинъ, вышедшихъ за чукочъ, только якутки питаютъ такой страхъ передъ дикими нравами, образомъ жизни и брачными обычаями чукочъ, что я не знаю ни одного случая перехода якутской женщины въ чукотское стойбище. Я видѣлъ на урочищѣ Сенкель якутскую дѣвушку, проданную было ея дядей чукчамъ за 30 оленей, но, привезенная въ чукотскій лагерь, она сопротивлялась совершенію обряда пріобщенія ея къ семейному культу т. е. помазанію жертвенной кровью, си-



Группа Іерченскихъ чукочъ.

дѣла безъ сна, безпрестанно рыдая, такъ что чукчи рѣшили ее вывезти обратно къ якутамъ. Разумѣется своихъ оленей они отъ якутовъ обратно уже не получили.

Съ другой стороны тунгусо-юкагиры нерѣдко въ качествѣ пріемныхъ зятей отрабатываютъ у чукочъ какъ Іаковъ у Лавана, а случаи, что они состоятъ съ чукчами въ союзѣ перемѣннаго брака, довольно часты.

Впрочемъ группа западныхъ чукочъ довольно быстро ассимилируется со своими новыми сосѣдями. Они оказываются способными къ усвоеніямъ другихъ языковъ. Молодое поколѣніе говоритъ хорошо по ламутски, а нѣкоторые чукчи знаютъ по юкагирски и по якутски.

Нравы и обычаи ихъ значительно смягчились. Вмѣсто того, чтобы жечь или бросать мертвецовъ на съѣденіе песцамъ, они уже начинаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Стариковъ и старухъ уже не убиваютъ. Лѣтъ пять тому назадъ на Алазеѣ еще задавили чукчу Эчейвуке ремнемъ его два

сына, по его собственной просьбѣ. Съ тѣхъ поръ не слышно больше объ исполненіи этого обычая. Можно думать, что черезъ короткое время западные чукчи войдутъ какъ одинъ изъ этническихъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ бродячіе роды и придадутъ имъ новую окраску.

Если нѣсколько десятковъ лѣтъ достаточно для того, чтобы взаимодѣйствіе разнородныхъ племенъ произвело новыя отношенія и смѣшеніе обычаевъ, то нѣсколько сотенъ лѣтъ тамъ могутъ повести къ коренному измѣненію типа. Первобытныя племена, какъ простѣйшіе организмы, весьма мало устойчивы. Два съ половиной вѣка, протекшіе между завоеваніемъ крайняго сѣверо-востока и нынѣшнимъ временемъ, несомнѣнно произвели глубокія измѣненія въ бытѣ и типѣ населенія. Съ тѣхъ поръ не только отдѣльные роды, но и цѣлыя племена вымерли, или растворились въ крови другихъ народностей. Такъ на краю исчезновенія находятся теперь два тундренныхъ юкагирскихъ рода. Какъ интересно было бы знать, что̀ представляло собой населеніе тундры во время прихода на нее русскихъ въ 17 вѣкѣ!

Къ сожалѣнію первые завоеватели не интересовались этнографіей, и всѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ къ ихъ донесеніяхъ, касаются количества собранныхъ въ ясакъ мѣховъ и въ лучшемъ случаѣ приводятся, и то не всегда вѣрно, имена вновь обложенныхъ племенъ.

Вл. Іохельсонъ.

ОТДѢЛЪ II.

Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ вотяковъ, черемисовъ и мордвы.

Лѣтъ 7—8 тому назадъ мы предприняли собираніе народныхъ мелодій чувашскихъ, черемисскихъ, вотяцкихъ и мордовскихъ отъ нижнихъ чиновъ Варшавскаго Военнаго округа, съ цѣлью изучить мелодію русской народной пѣсни путемъ сравненія ея съ мелодіями сосѣднихъ народовъ и народцевъ. Такое собираніе встрѣчено было съ полнымъ сочувствіемъ, какъ офицерами Варшавскихъ полковъ, такъ и самими нижними чинами, отъ которыхъ приходилось дѣлать подобнаго рода записи. Ласковое и простое обращеніе съ солдатиками-инородцами производило на нихъ неотразимое вліяніе, едва-ли не большее, чѣмъ на ихъ сотоварищей русскихъ. Эти безхитростные и довѣрчивые полудикари за ласковое слово, имъ сказанное, за участіе къ ихъ судьбѣ за незнакомый для нихъ, искренній интересъ къ ихъ домашнимъ дѣламъ, готовы были, какъ говорится, душу свою выворотить на изнанку. Передавая намъ свои пѣсни, они сообщали множество весьма интересныхъ разсказовъ изъ своей домашней жизни, свои вѣрованья, суевѣрія, примѣты и прочія вещи, могущія имѣть весьма важное значеніе для этнографіи. Многое такое, о чемъ они же сами затруднились бы разсказать постороннему лицу, посѣтившему ихъ деревню, здѣсь, вдали отъ своей родины, въ разговорѣ съ человѣкомъ, который никакого отношенія къ ихъ родной деревнѣ не имѣетъ, они передавали съ полной откровенностью и со всѣми интимными подробностями.

Это послѣднее обстоятельство заставило насъ измѣнить первоначальное намѣреніе, заставило кромѣ мелодій и пѣсенъ заносить въ записную книжку и другой этнографическій матерьялъ, который, если такъ можно выразиться, самъ напрашивался на запись. Сначала такое записыванье мы вели безъ всякаго порядка и почти безъ всякой системы, но затѣмъ стали пользоваться для этого программой Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, изданной въ 1889 году. Такъ собирали мы матерьялъ отъ Ногайцевъ Оренбургскихъ и Астраханскихъ, отъ Вотяковъ и Черемисовъ. Что же касается Мордвы, то при собираніи отъ нея матерьяла, мы пользовались спеціальной программой, составленной профессоромъ Казанскаго Университета, Иваномъ Николаевичемъ Смирновымъ. Изъ всего собраннаго такимъ образомъ матерьяла напечатано уже во первыхъ все то, что было записано отъ Ногайцевъ въ т. XII Извѣст. Общест. Арх. Ист. и Этногр. при Импер. Казанск. Универс., а во вторыхъ часть Мордовскаго матерьяла вошла въ составъ Этнографическаго очерка проф. И. Н. Смирнова «Мордва», изданнаго въ 1894 году. Весь остальной Мордовскій, Вотяцкій и Черемисскій этнографическій матерьялъ, находящійся у насъ въ рукописи, мы рѣшили соединить вмѣстѣ и напечатать отдѣльными статейками, по той классификаціи его, какая принята въ программѣ Моск. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Кромѣ міросозерцанія инородцевъ, составляющаго предметъ настоящаго очерка, у насъ остаются:

1) Вѣрованья и разсказы о божествахъ Вотяцкаго и Мордовскаго Олимпа, т. е. о Ву-Муртѣ, Нюллэсъ-Муртѣ, Гидъ-Муртѣ, Вѣдь-Авѣ, Варм-Авѣ, Паксь-Авѣ и проч. 2) Обычаи свадебные, похоронные и обычаи, соединенные съ различными, годовыми праздниками. 3) Моленія и жертвоприношенія, 4) Суевѣрія, обряды и примѣты 5) Семейныя отношенія и названія для разныхъ степеней родства изъ разныхъ мѣстностей и 6) Коллекція родовыхъ знаковъ (тамга̀) и Вотяцкихъ языческихъ именъ.

Что касается личностей самихъ разсказщиковъ, то они происходили почти изъ всѣхъ губерній Волжско-Камскаго края: Вятской, Казанской, Пермской, Самарской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Области Уральской. По вѣроисповѣданію между ними были и православные и язычники (такъ называемые «некрещенные»). Само собой разумѣется, что всѣ они довольно порядочно говорили по Русски, въ особенности Мордва. При той массѣ молодыхъ людей, которые привлекаются въ настоящее время къ отбыванію воинской повинности, изъ нихъ легко выбрать такихъ, которые владѣютъ русскимъ языкомъ, въ особенности изъ побывавшихъ въ сельской школѣ.

Въ общемъ, какъ это ни странно, всѣ эти полудикари, проходившіе передъ нами десятками, производили на насъ несравненно болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Полѣшуки Минской губ. Волынской и Влодавскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., отъ которыхъ намъ также доводилось собирать этнографическій матерьялъ. Прежде всего это были люди несомнѣнно болѣе любознательные и болѣе наблюдательные, чѣмъ наши Полѣшуки. Хотя объясненіе для различныхъ явленій природы, какъ читатель убѣдится ниже, у нашихъ восточныхъ инородцевъ ребячески наивны, по всетаки существованіе такого рода объясненій указываетъ на вопросы, которые стоятъ за ними, и на потребность такъ или иначе объяснить себѣ окружающія явленія природы. Что касается Полѣшуковъ, въ особенности Волынскихъ, то эти послѣдніе, по сравненію съ восточными инородцами, являются отчаянными прозаиками, не интересующимися ничѣмъ, кромѣ того, что непосредственно касается ихъ насущнаго куска хлѣба, беря этотъ вопросъ въ самомъ узкомъ его значеніи. Если имъ задавать тѣ вопросы, на которые отвѣтомъ является настоящая статья, то легко убѣдиться, что вопросы эти не только никогда не приходятъ имъ въ голову, но даже вызываютъ ихъ удивленіе. Для этого народа даже непонятно, какъ можетъ кто-нибудь интересоваться подобными вопросами.

Некрещеные инородцы, язычники Вотяки, Черемисы, опять таки къ нашему величайшему удивленію, оказались не только не ниже, но пожалуй даже выше своихъ крещеныхъ сородичей. При видѣ ихъ, невольно являлась мысль, что не низкій уровень умственнаго развитія удерживаетъ ихъ отъ принятія христіанства, а что-то другое. Ихъ языческія вѣрованія очевидно приведены въ болѣе стройную систему, а главари ихъ болѣе тверды въ своихъ убѣжденіяхъ и болѣе фанатичны, чѣмъ это было у остальной массы ихъ сородичей «крещеныхъ» передъ тѣмъ, какъ они приняли православіе. Между прочимъ Черемисы-язычники, познакомившись съ нами, горько жаловались на презрѣніе и насмѣшки, съ которыми къ нимъ относятся, какъ къ «язычникамъ» ихъ товарищи по полку, и на то, что полковое начальство не признаетъ ни ихъ праздниковъ, ни постовъ, тогда какъ праздники евреевъ и магометанъ всегда принимаются въ расчетъ тѣмъ же самымъ начальствомъ. «Чѣмъ же мы хуже, спрашивали они, евреевъ и магометанъ? Вѣдь и они также, какъ и мы, не признаютъ Христа»? При этомъ наши «язычники» касались такихъ тонкостей религіи, такъ горячо защищали свои религіозныя понятія и обряды, что намъ пришлось значительно измѣнить свои прежніе взгляды на этотъ народъ. Многіе изъ насъ думаютъ, что наши некрещеные инородцы ничто иное, какъ невѣжественное стадо безъ пастыря, то, что поляки называютъ «быдломъ», т. е. толпа людей-скотовъ, не доросшихъ еще до пониманія высокихъ христіанскихъ истинъ. Если они еще не приняли до сихъ поръ христіанства, то, думаемъ мы, только потому, что у насъ нѣтъ еще достаточнаго количества школъ, чтобы ихъ просвѣтить, и достаточнаго контингента миссіонеровъ, которые могли бы принять на себя ихъ обращеніе въ христіанство. Между тѣмъ оказывается на самомъ дѣлѣ, что въ подобныхъ взглядахъ на нашихъ инородцевъ язычниковъ есть много ошибочнаго. Такъ, напримѣръ, «некрещеные», съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, въ своихъ разговорахъ о вѣрѣ выказывали не только знакомство съ основами мусульманства, но

и порядочное знаніе православнаго Закона Божія, въ томъ объемѣ, какъ онъ преподается въ сельскихъ училищахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, окончившіе курсъ въ сельскихъ школахъ, были хорошо грамотными и еще въ школѣ изучали православный Законъ Божій наравнѣ съ прочими учениками, а въ полку занимали писарскія или другія вакансіи, на которыя требуются люди грамотные. Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей между прочимъ старался намъ доказать, что мы совершенно несправедливо называемъ его религію язычествомъ и идолопоклонствомъ; для этого онъ проводилъ паралель между своей религіей и христіанствомъ, стараясь для каждаго изъ извѣстныхъ ему элементовъ христіанскаго вѣроученія подъискать соотвѣтствующее вѣроученіе своего язычества. Такъ напримѣръ, среди множества Черемисскихъ божествъ, онъ выдѣлялъ трехъ главныхъ и сопоставлялъ ихъ съ христіанской Троицей, всѣхъ остальныхъ божествъ приравнивалъ къ христіянскимъ Святымъ, свои моленія приравнивалъ къ нашимъ богослуженіямъ, и т. под. Словомъ, наши «некрещеные» перестали намъ представляться такими темными, какъ прежде. Если они, какъ всякая народная масса, представляютъ изъ себя стадо овецъ съ вожаками во главѣ, то ясно, что стадо это не останется въ настоящее время безъ вожаковъ, а вожаки его, по силѣ своего духа и по твердости убѣжденія, не уступятъ вожакамъ старообрядчества или главарямъ нашихъ многочисленныхъ сектъ.

Уже когда были написаны настоящія строки, намъ попалась на глаза замѣтка доктора Н. Тезякова (Новое Слово, 1896, № 4, стр. 9), описавшаго празднества у Вотяковъ язычниковъ Больше-Гондырской волости (Осинскаго уѣзда). Сообщеніе автора этой замѣтки вполнѣ подтверждаетъ только что высказанное нами наблюденіе. Онъ говоритъ, что «на обращеніе Больше-гондырскихъ Вотяковъ въ христіанство давно уже обращено вниманіе миссіонерами. Но обращенныхъ въ христіанство Вотяковъ здѣсь мало: въ 1888 году такихъ всего здѣсь насчитывалось до 20 душъ обоего пола, да и это почти исключительно нищіе».

Небо.

Между Вотяками распространено убѣжденіе, что небо представляетъ изъ себя такую же плоскость, какъ земля, что оно не имѣетъ ни начала, ни конца. То, что мы называемъ небомъ, есть только нижняя свѣтлая его поверхность, верхняя поверхность его такая же темная, какъ наша земля и вообще ничѣмъ отъ нашей земной поверхности не отличается. На этой верхней землѣ живутъ маленькіе люди, у которыхъ есть свое небо и свой Богъ. Наша земля съ нижней поверхности также свѣтла, какъ небо, потому что она служитъ небомъ нижнему міру, расположенному подъ нами, въ которомъ живутъ некрещеные люди. Такимъ образомъ міръ представляется Вотякамъ трехъ-этажнымъ зданіемъ, средній этажъ котораго занимаемъ мы, обыкновенные люди. [А. Б. В. Г.]. Маленькихъ людей верхняго неба нѣкоторые изъ Вотяковъ замѣняютъ святыми (Б. В.), а на нижнее небо помѣщаютъ кромѣ некрещеныхъ людей еще грѣшниковъ [Б.] (1).

Небо было прежде очень близко къ намъ, такъ что можно было достать его рукой. Но одна баба разъ пекла блины, а въ это время у нея былъ маленькій ребенокъ, который обмаралася. Баба, не долго думая, взяла блинъ, вытерла имъ ребенка и положила блинъ на небо. Съ тѣхъ поръ небо отошло отъ насъ далеко. [А.]. (2).

Передъ дождемъ Илья Пророкъ отмыкаетъ небо, а послѣ дождя замыкаетъ его [А]. (3).

Звѣзды.

Звѣздъ на небѣ столько, сколько людей на землѣ, потому что у каждаго человѣка есть своя звѣзда. [А. В). Когда звѣзда падаетъ, то это значитъ, что умеръ какой-нибудь человѣкъ. [А]. (4). Упавшая звѣзда можетъ иногда попасть на домашнее животное,

лошадь, свинью или собаку и зашибить ихъ. Поэтому, если животное заболѣетъ безъ видимой причины и сляжетъ такъ, что даже встать не можетъ, то говорятъ, что на него упала звѣзда (А.).

Млечный путь называютъ Гусиной дорогой [Б.] или Дорогой дикихъ гусей [А]. Созвѣздіе Большой медвѣдицы—по вотяцки «Утиное гнѣздо» [А.]. «Гусиной же д рогой» млечный путь называютъ и Черемисы [Д.]. (5).

Кометы, являясь на небѣ, предвѣщаютъ тяжелый годъ [А.] (6).

Солнце.

Астрономическія истины при посредствѣ сельскихъ школъ начинаютъ мало по малу проникать и въ среду нашихъ восточныхъ инородцевъ, правда пока еще въ искаженномъ видѣ: они уже представляютъ себѣ солнце не такимъ маленькимъ, какъ оно кажется и даютъ ему размѣры 30 саженъ въ окружности [А.], а иные даже полторы версты [Д]. Далѣе говорятъ, что не солнце ходитъ вокругъ земли, а земля вокругъ него, но при этомъ представляютъ себѣ солнце висящимъ на веревкѣ [Д]. Но другіе еще не слыхали о такихъ новостяхъ и по прежнему представляютъ себѣ, что на ночь солнце прячется подъ землю [Б] или за большія горы, находящіяся на концѣ земли [А]. (7).

Солнечное затмѣніе объясняютъ себѣ тѣмъ, что солнце, какъ и человѣкъ, старѣется и во время затмѣнія замѣняется новымъ. [А] (8).

Луна.

Темныя пятна на мѣсяцѣ, которыя можно различить простымъ глазомъ, какъ Вотяки, такъ и Черемисы представляютъ себѣ человѣческими фигурами [В, Д, Ж]. По большей части это фигура молодой дѣвушки съ ведрами въ рукахъ [Д, Ж], о которой Черемисы передаютъ даже слѣдующій разсказъ: У одного крестьянина, когда онъ овдовѣлъ, осталась дочь. Крестьянинъ снова женился, но мачиха стала сильно обижать падчерицу. Разъ она послала дѣвушку въ ночное время за водой, дѣвушка пошла, но дорогой, глядя на мѣсяцъ, пожаловалась ему: «хотя бы ты меня взялъ». Мѣсяцъ тотчасъ же исполнилъ ея желаніе, и съ тѣхъ поръ на мѣсяцѣ видна фигура дѣвушки [Д], (9). Иные говорятъ, что фигура на мѣсяцѣ принадлежитъ Маріи Магдалинѣ и что фигура эта не съ ведрами, а съ однимъ ведромъ и весломъ въ рукахъ [В].

Затмѣніе луны, такъ же, какъ и солнца, Вотяки объясняютъ необходимостью для нея возрождаться каждый мѣсяцъ, потому что она старѣется [А], но кромѣ того думаютъ, что луну въ это время ѣдятъ злые духи (у Черемисовъ ихъ называютъ Буверъ [Д]), иной разъ такъ объѣдятъ, что мѣсяцъ дѣлается совсѣмъ желтымъ. Отъ этого мѣсяцъ сталъ гораздо темнѣе, тогда какъ прежде онъ былъ такой же свѣтлый, какъ солнце [Д]. Или же говорятъ, что мѣсяцъ портятъ колдуны, за то, что онъ ночью свѣтитъ и мѣшаетъ имъ поѣдать людей [А] (10).

При появленіи новаго мѣсяца, Мордва считаетъ обязательнымъ ему поклониться и прочитать особую молитву на мордовскомъ языкѣ [Е, І, И], его называютъ Од-гоў Матушка [Е] (11). Иные вѣрятъ, что при видѣ новаго мѣсяца нужно перекреститься, а у кого болятъ зубы, въ теченіи полгода, на каждый новый мѣсяцъ прочитывать «Отче нашъ» [З] (12).

Облака.

Облака Вотяки представляютъ себѣ въ видѣ киселя. Одинъ крестьянинъ будто бы нашелъ кусокъ облака на полѣ послѣ дождя и положилъ его въ бутылку. Когда

шелъ дождь, то этотъ кусокъ разбухалъ и заполнялъ всю бутылку, а когда устанавливалась сухая погода, то и кусокъ облака въ бутылкѣ высыхалъ и становился твердымъ, какъ сыръ [А] (13).

Вѣтеръ.

Черемисы объясняютъ себѣ происхожденіе вѣтра тѣмъ, что на концѣ земли сидитъ Святой Мардэжъ (Мардэж по черемисски — вѣтеръ), который дуетъ своимъ ртомъ. Онъ живетъ съ Богомъ, но прикованъ постоянно къ мѣсту на цѣпи. Спустить его съ цѣпи нельзя, потому что тогда онъ бы всю землю перевернулъ. Этотъ святой-добрый, его ругать нельзя, а нужно каждый день поминать въ особой молитвѣ [Д]. Вотяки же говорятъ, что вѣтеръ производится шейтаномъ, который сидитъ на концѣ земли, прикованный на цѣпь. Во рту у него вставлены три мѣдныя трубы, черезъ которыя онъ и дуетъ. Въ маломъ видѣ вѣтеръ можетъ производить и лѣшій (Нюлэс-мурт) (14) [А]. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, составляется изъ смѣси того, который идетъ отъ неба, и земного воздуха.

Кругообращеніе на земной поверхности и воды.

Вотяки думаютъ, что если человѣкъ доживетъ до 120 лѣтъ, то онъ три раза въ жизни будетъ пить одну и ту же воду, такъ какъ изъ рѣкъ вода вливается въ море, а изъ моря подъ землей возвращается въ источники, изъ которыхъ снова попадаетъ въ рѣку [А].

Громъ.

Черемисы говорятъ, что громъ производитъ Кюдэрчэ-юму (Божество), который ѣздитъ на тройкѣ лошадей въ колесницѣ. Направляется онъ туда, гдѣ есть нечистая сила, и бросаетъ въ нее камнемъ. Но если нечистая сила заберется въ воду, то тамъ въ нее попасть нельзя. Огня отъ молніи ничѣмъ затушить нельзя. Люди, которыхъ убиваетъ молнія, считаются грѣшными и нечистыми. Во время грома грѣшно пѣть и бѣгать, если человѣкъ не соблюдаетъ этой предосторожности, то къ нему привязывается нечистая сила, и онъ можетъ быть убитымъ молніей [Д].

Вотяки приписываютъ громъ и молнію Ильѣ Пророку [А, Н]. Говорятъ, что онъ и его сынъ ѣздятъ на тарантасахъ и иногда встрѣтятся между собою и заспорятъ. Молнія происходитъ оттого, что Илья Пророкъ стрѣляетъ въ шейтана. Одинъ разъ этотъ святой заспорилъ съ шейтаномъ и грозилъ, что будетъ въ него стрѣлять. «А если я спрячусь за самаго хорошаго человѣка, ты не будешь тогда въ меня стрѣлять?» спросилъ его шейтанъ.—Нѣтъ, буду, отвѣтилъ ему Пророкъ. Вотъ почему Вотяки считаютъ праведнымъ человѣка, убитаго молніей (15). Яичную скорлупу нельзя бросать въ цѣломъ видѣ на землю, потому что во время грозы въ нее прячется шейтанъ (15). Если молнія ударитъ въ дерево, то на верхушкѣ дерева можно увидѣть пламя, но это не дерево горитъ, а кровь шейтана. При первой грозѣ кувыркаются для того, чтобы быть здоровымъ во все лѣто и тогда же три раза ѣдятъ землю съ своего сапога, чтобы «сердце не горѣло», т. е. чтобы не мучила изжога. Послѣ грома больные пьютъ воду, чтобы выздоровѣть. Во время грома нельзя ругаться, шумѣть и стоять противъ окна. Подъ дерево можно спрятаться въ время грозы, но въ него нужно воткнуть ножъ или топоръ, чтобы нечистый духъ туда не забрался [А]. Стоя во время грозы подъ деревомъ, отнюдь нельзя свистать, чтобы не привлечь къ себѣ нечистую силу [М] (17). При ударѣ молніи земля въ этомъ мѣстѣ поднимается [А]. Новѣйшее объясненіе грозы, распро-

страняющееся между Вотяками, вѣроятно подъ вліяніемъ школы,—это то, что она происходитъ отъ столкновенія между собою двухъ тучъ [А].

Радуга.

Радуга, по мнѣнію Вотяковъ, пьетъ воду изъ озеръ, прудовъ и рѣкъ, чтобы пополнить убыль воды на небѣ (18). До нея можно добраться, если идти шаговъ 200, не дыша, а если человѣку удается до нея дойти, то онъ можетъ тамъ достать много золотыхъ вещей: кресты, ковшики, тарелки и т. под. Одинъ человѣкъ пытался дойти до радуги и не дошелъ только шаговъ 10-ти. Онъ увидѣлъ, что тамъ горитъ, какъ будто бы золото, но въ это время онъ чуть не упалъ отъ того, что долго не дышалъ. Вздохнулъ, и все сразу пропало [А]. Другіе говорятъ, что, если подойти къ радугѣ, то получишь серебряную чашку и ложку [О] (19).

Черемисы говорятъ, что Богъ создалъ радугу изъ 7-ми цвѣтовъ, для того, чтобы она служила для него образчикомъ, когда онъ создавалъ цвѣты [Д]. Къ ней можно подойти, если все время, пока идешь, не дышать. А если дойдешь до нея такимъ образомъ и схватишься за нее рукой, то можно изъ мужчины сдѣлаться женщиной или наоборотъ [П].

Метеоры.

Паденіе метеоровъ Вотяки считаютъ полетомъ по воздуху шейтановъ. У одной женщины померъ мужъ. Она сильно горевала и въ горѣ призывала своего покойнаго мужа. Шейтанъ услышалъ ея призывъ и принялъ на себя видъ ея покойнаго мужа. Сталъ онъ каждую ночь къ ней прилетать. При этомъ онъ всякой разъ приносилъ ей гостинцевъ въ платкѣ. Но какъ только женщина захочетъ попробовать чертовскіе гостинцы, такъ они обращались въ кости и коровій пометъ. Узнали объ этомъ люди и не пустили женщину на сѣновалъ, куда прилеталъ къ ней шейтанъ. Шейтанъ прилетѣлъ, попортилъ крышу ея дома, разбилъ въ избѣ окна и самую женщину убилъ, когда она шла на гумно [Б] (20).

Земля.

Вотяки представляютъ себѣ землю плоской, круглой и окруженной со всѣхъ сторонъ водой. Сама земля лежитъ на трехъ огромныхъ рыбахъ, а рыбы лежатъ на водѣ. Когда эти рыбы отряхиваются, то происходитъ землетрясеніе [А] (21). Для образованія на земной поверхности горъ Вотяки имѣютъ два объясненія, одинъ болѣе старый, что это соръ, который набросалъ Богъ [Ж], а другой новѣйшій, что когда-то земля вся горѣла, отъ жару она раскалилась, скипѣлась и образовала горы [А].

Мордва думаетъ, что землю Богъ насѣялъ въ морѣ [Г] и что она лежитъ на одной большой рыбѣ [Е].

Черемисы думаютъ, что земля была создана сначала ровною, но поднялся сильный вѣтеръ и понадѣлалъ въ ней горы и рытвины [Д].

Озера, по мнѣнію Вотяковъ, раскопали шейтаны, чтобы было гдѣ имъ скрываться [А].

Камни и металлы.

Черемисы думаютъ, что камни растутъ изъ земли (22), а желѣзо изобрѣтено чортомъ. Чортъ сдѣлалъ себѣ желѣзный топоръ и рубитъ, а Богъ увидѣлъ и спраши-

ваетъ: «какъ ты это сдѣлалъ?» Чортъ не хотѣлъ открыть секрета, тогда Богъ подослалъ къ нему своего работника, чтобы тотъ выспросилъ будто-бы для себя. Чортъ на вопросы работника объяснилъ, что онъ дѣлаетъ желѣзо изъ земли, накаливаетъ и соль подсыпаетъ. Съ тѣхъ поръ Богъ и самъ сталъ приготовлять желѣзо и научилъ тому же людей [Д].

Любопытно вѣрованье Вотяковъ, что всѣ металлы, камни и деревья имѣютъ свой языкъ. Шейтаны знаютъ всѣ эти языки, и деревянный и желѣзный и золотой. Если въ нихъ стрѣлять, то никакой пулей нельзя ихъ убить, кромѣ чугунной, это потому, что только съ чугуномъ нельзя говорить, потому что у него нѣтъ языка. Говорятъ, передавалъ мнѣ разсказчикъ, что генералъ Гурко во время войны стоялъ подъ градомъ изъ пуль, и ни одна его не задѣла. Это потому, что онъ зналъ свинцовый языкъ. Дѣдъ разскащика, по словамъ его, зналъ желѣзный языкъ, но почему-то своему сыну этого искусства не передалъ. Знаніе желѣзнаго языка даетъ человѣку много выгодъ, такъ напримѣръ, если онъ захочетъ откормить свою лошадь, то можетъ сдѣлать это за три дня. Но есть и неудобства, сопряженныя съ этимъ знаніемъ: если человѣкъ, знающій желѣзный языкъ, куда нибудь ѣдетъ, то обязательно долженъ запрягать въ свою телегу пару, потому что если онъ напьется, то къ нему въ телегу непремѣнно подсядетъ желѣзо, и тогда одна лошадь воза не свезетъ (23).

Человѣкъ, знающій деревянный языкъ, можетъ слышать, о чемъ разговариваютъ между собою деревья въ лѣсу. А если лѣсъ играетъ передъ снѣгомъ и если знающій человѣкъ скажетъ одно слово, то деревья, которыя особенно разыгрались и сошли со своего мѣста, не найдутъ уже этого мѣста и засохнутъ [А]. Черемисы также вѣрятъ въ существованіе деревяннаго языка: «когда вѣтра нѣтъ въ лѣсу, говорятъ они, а деревья скрипятъ, то это они между собою разговариваютъ» [П] (24).

Первые люди.

Богъ создалъ человѣка изъ земли. Для этого онъ нарисовалъ на землѣ человѣка и повелѣлъ ему встать, человѣкъ всталъ и пошелъ (Мордва [Р]). Первый человѣкъ, по словамъ Вотяковъ, назывался Аврамъ. Однажды онъ ѣхалъ на лодкѣ и сказалъ своей женѣ: «садись, жена». Жена не сѣла, по его приглашенію, тогда онъ разсердился и сказалъ: «садись, чортъ»». Тотчасъ же явился шейтанъ и съ тѣхъ поръ человѣкъ узналъ шейтана [Ж].

Вотяки разсказываютъ, что первые люди были великанами, для которыхъ нашъ лѣсъ былъ все равно, что для насъ трава. Жили они по 150 по 200 лѣтъ, шубы и валенокъ зимой не носили, а ходили въ одной рубашкѣ и въ лаптяхъ [С и Г] (25). Но въ это время жили также и маленькіе люди, меньше насъ (Пичи-мурт), ихъ нужно было 12 человѣкъ, чтобы зарѣзать одного барана. Великанъ разъ набралъ ихъ въ карманъ и принесъ показать своей матери: «мы теперь больше жить на землѣ не будемъ, сказалъ онъ, а вотъ эти маленькіе люди будутъ жить вмѣсто насъ». Такъ оно и случилось, прибавлялъ разскащикъ, мы теперь гораздо меньше первыхъ людей, а послѣ насъ будутъ люди еще меньше [С] (26). Прежніе люди, по словамъ другихъ Вотяковъ, были мудрые, они знали не меньше самого Бога и могли даже летать по воздуху. Собирались они на моленіе по нѣскольку деревень, и были у нихъ одна женщина и одинъ мужчина знающіе. Собираясь на моленіе, ихъ ждали и безъ нихъ ничего нельзя было дѣлать. Пока они не подлетятъ, люди сидѣли и ждали, пока имъ не прикажутъ встать. И тишина между ними была такая, что быдто-бы тутъ никого не было. А когда начнутъ молиться и если кто-нибудь не встанетъ на колѣни, то посыльный былъ такой особый съ плетью, и онъ сейчасъ плетью огрѣетъ. Зато въ то время, о чемъ ни просили Бога, сейчасъ же исполнялось: если дождя нѣтъ, то помолятся, и сейчасъ дождь пойдетъ, и потому тогда жили богато, не то что теперь [А].

Черемисы также разсказывали, что первые люди были великаны. Они ходили въ лаптяхъ и, когда много земли въ лапти набиралось, высыпали ее; отъ этого образовались курганы. Около насъ (въ Уржумскомъ уѣздѣ), передавалъ разскащикъ, есть

такіе два кургана; одинъ изъ нихъ великанъ высыпалъ изъ правой лапти, а другой изъ лѣвой, а между тѣми курганами есть верстъ 50 разстоянія (27). Такихъ великановъ было немного, всего толко два брата. У одного тѣло, какъ у рыбы (въ городѣ Казани около моста есть его портретъ). Одинъ братъ померъ, а другой гдѣ-то сидитъ закованнымъ. Братья, не смотря на свой огромный ростъ, были очень добрыми людьми. Они помогали малымъ людямъ вырубать лѣсъ: они дергали его съ корнемъ, какъ мы ленъ, и выпивали за одинъ разъ цѣлую бочку квасу [П].

Очень интересные разсказы передавали намъ Вотяки о первыхъ шагахъ человѣка на пути цивилизаціи. Въ старину, говорили они, люди не умѣли отъ костра отодвинуться, когда ихъ сильно пекло, а засыпали его землей. Отодвигаться отъ огня ихъ научилъ одинъ безногій мальчикъ. Было такое время, что люди не умѣли ни пахать, ни боронить землю, пахали палкой, а боронили граблями, и не умѣли добывать огня. Разъ пришли они въ боръ и нашли старый сухой кленъ. «Давайте, говорятъ, повалимъ этотъ кленъ». Повалили, сдѣлали изъ него палочки, и давай ихъ терѣть одну объ другую. Палочки загорѣлись. Люди узнали тогда, что такое огонь, и забрали съ собой кленъ, думая, что только изъ клена можно добыть огонь. А потому, когда весь кленъ у нихъ израсходовался, они не знали, откуда можно добыть новый огонь. «Давайте, говорятъ, сходку сдѣлаемъ». А въ то время звѣри съ людьми въ ладу жили, говорили по человѣчески и собирались вмѣстѣ съ людьми на сходку. На этотъ разъ собрались всѣ люди и звѣри, только одного ежа не было. Всѣ звѣри пошли за нимъ, чтобы пригласить его на сходку, говорятъ: «иди скорѣй, тебя ждутъ». Ежъ нейдетъ: «не пойду, я буду черезъ порогъ перелѣзать, еще свалюсь, и всѣ будутъ надо мной смѣяться». Долго уговаривали его, онъ все отказывался, но наконецъ пошелъ и дѣйствительно, перелѣзая черезъ порогъ, упалъ, и всѣ надъ нимъ засмѣялись. Ежъ разсердился, но его успокоили и начали распрашивать, гдѣ и какъ достать огня?

«Развѣ, говоритъ ежъ, на горѣ нѣтъ камня? Возьмите, говоритъ, кремень, возьмите трутъ съ березы и возьмите кусокъ желѣза». Сдѣлали все, какъ сказалъ ежъ, и стало легко добывать огонь. Впослѣдствіи люди стали ухитряться все больше и больше и приготовили наконецъ спички [А].

Жали хлѣбъ прежде зубами и не знали никакого приспособленія, чтобы обойтись безъ зубовъ. Разъ пошли жать, пришло время обѣда. Сѣли обѣдать, смотрятъ на свои копны и видятъ, что въ нихъ воткнутъ горбатый серпъ. Они подумали, что это змѣя ѣстъ ихъ хлѣбъ, испугались, схватили серпъ и понесли его топить въ воду. Размахнутся, а серпъ вмѣсто того, чтобы попасть въ воду, все попадаетъ въ шею тому, кто его бросалъ, всю шею изрѣзалъ. Попробовали люди рѣзать имъ солому и видятъ, что такъ лучше будетъ жать, чѣмъ зубами, собрали общество и говорятъ: «мы новость нашли». Стали думать, какъ бы еще и другой такой серпъ сдѣлать, собрали всѣхъ своихъ лучшихъ людей, кузнецовъ въ то время еще не было. Человѣкъ 50 принялись за серпъ и на другой день сдѣлали что-то вродѣ серпа. Потомъ одинъ изъ нихъ приловчился лучше другихъ и сталъ дѣлать серпы по 5-ти рублей за штуку, а отъ него уже и всѣ научились [А].

Отношеніе къ иностранцамъ.

Свѣдѣнія по этому, очень интересному вопросу, характеризующему нашихъ восточныхъ инородцевъ, къ сожалѣнію, намъ удалось добыть только отъ Вотяковъ. Изъ числа чуждыхъ имъ народовъ, тѣ Вотяки, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, знали только трехъ: Русскихъ, Татаръ и Евреевъ, послѣднихъ, впрочемъ только теоретически.

О Татарахъ намъ сообщили, что ихъ называютъ по вотски Бідер [А] или Бігер [Г и С]. «Татары, говорятъ Вотяки, очень боятся, чтобы на нихъ креста не надѣли. Мы ихъ не боимся, но не любимъ, потому что они страшные воры, всѣ конокрады у насъ изъ Татаръ. У насъ въ полѣ, чтобы дѣти хлѣба не мяли, дѣлаютъ чучело съ палкой въ рукахъ и говорятъ дѣтямъ, что это Татаринъ» [А и Г].

Русскихъ называютъ дютць [А], дзютць [С], или джютсь [Г] (очевидно чудь). Въ отношеніи къ нашему народу очень характерно выраженіе нѣкоторыхъ Вотяковъ: «я, говорятъ они, никого не боюсь, ни волка, ни медвѣдя, а Русскаго боюсь». [А]

Про своихъ богатыхъ односельчанъ, которые заводятъ у себя все на русскій ладъ, Вотяки говорятъ, что они совсѣмъ забыли Бога, и что у нихъ и свое солнце есть (блестящій самоваръ) и мѣсяцъ есть (лампа), и сами они хотятъ быть солнцемъ (носятъ красную рубашку) [А].

Что касается Евреевъ, то ихъ Вотяки никогда не видятъ, но тѣмъ не менѣе на основаніи слуховъ, составили о нихъ довольно странное представленіе. Одного солдатика Вотяка я спросилъ разъ, не боялись ли его товарищи ѣхать на такую далекую отъ нихъ чужбину, какъ Польша? «Страшно боялись», отвѣчалъ онъ.—Чего же вы здѣсь особенно боялись?» Мы испугались, когда намъ сказали, что въ здѣшнихъ сторонахъ живутъ Евреи. У насъ дома думаютъ, что евреи—это огромные великаны, которые хватаютъ обыкновеннаго человѣка и сейчасъ же его съѣдаютъ. Поэтому, когда намъ здѣсь въ первый разъ показали Евреевъ, мы ни за что не хотѣли повѣрить, что это Евреи, думали, что надъ нами шутятъ. Какъ же можно было повѣрить, что эти слабые, тщедушные человѣчки, съ десяткомъ я одинъ справляюсь, тѣ самые великаны-людоѣды, о которыхъ у насъ дома разсказывали? [А] *).

Животные.

Какъ было уже говорено выше, въ старину, по мнѣнію Вотяковъ, животныя жили съ человѣкомъ дружно, говорили съ нимъ по человѣчески, давали свои совѣты и собирались съ людьми на сходки, но потомъ все это кончилось, потому что человѣкъ сталъ дурно обращаться съ животными [А].

Медвѣдь. Относительная близость этого животнаго къ человѣку послужила темой для слѣдующаго разсказа о его происхожденіи, передаваемаго Вотяками:

Въ старину одна женщина родила семерыхъ ребятъ за одинъ разъ, всѣ семеро были величиною въ кулакъ. Мать забросила ихъ, одного въ лѣсъ, другаго въ рѣку, третьяго въ озеро и т. дал., всѣхъ пораскидала. Всѣ они стали нечистыми духами. Мальчика, который былъ заброшенъ въ лѣсъ, забралъ къ себѣ и выкормилъ заяцъ, онъ сдѣлался медвѣдемъ. Потому-то у медвѣдя и груди, какъ у человѣка, и хвость коротенькій, а если снять съ него шкуру, то и совсѣмъ будетъ, какъ человѣкъ [А] (28). Одну половину зимы медвѣдь спитъ на одномъ боку, другую на другомъ, а когда просыпается и перевертывается съ боку на бокъ, то только одинъ палецъ пососетъ и съ тѣмъ засыпаетъ (29). Медвѣдь потому такъ долго можетъ спать зимой, что онъ ѣстъ особый сонный корешокъ. «Мнѣ случилось, передавалъ разсказчикъ, пойти въ лѣсъ на охоту и вдругъ вижу, что какой-то звѣрокъ, величиною въ собаку, лапами разрываетъ

---

*) У Болгаръ и теперь жидъ, жидавецъ—исполинъ, жидовски гробове, подъ самой Софіею на Нишской дорогѣ, двѣ большія впадины, могилы великановъ, нашь же Жидъ у Болгаръ исключительно—Евреинъ.—Вѣроятно у Вотяковъ тоже Жидъ—великанъ. Это слова и съ этимъ именно значеньемъ (Жид—исполинъ) напоминаетъ сл. Щоуд-Чуд-Чудь (соб.), прил. щоуждь, р. чужь;—быть можетъ дюжь—предполагаетъ пропавшія Дуд (тоуждь), тјуд. р. чуд, дрвс. щоужд—и дуд (срвн. гатати и гадати), дјуд (дюжь), дјид (жид), дјуд-дјид—Жюд-Жид. Отчего только у Болгаръ не Ждидъ (дрвн. сл.), а р. Жид? Но у Болгаръ есть: чудо, чуден, чудовит, чужденецъ, чуждина, чуждъ, и чужина и пр. И это потому что коренным согласнымъ тутъ было не *т*, а *к*, *г* (кјуд), а въ Жид—гјуд-гјид=Жид. Такое смягченіе было въ праславянском языкѣ (по-кой—по-чити, гой—жити). И такъ Жјуд=Жид-было однозначительно съ Кјуд—(чудо-кудесникъ)=Чуд, исполинъ. Съ другой стороны Гјуд легко переходило и въ Дјуд и въ Юд (срн. Гюрги, Дюрди и Юрій). Въ извѣстномъ сочетаніи: чудо-юдо, рыба-китъ—сохранилась память о связи этихъ словъ и по смыслу и по происхожденью. Iуд и Жид—по созвучьд и по первоначальной однозначимости стали употребляться для обозначенія Iудѣевъ. *Ред.*

землю, вытащилъ какой-то темный корешокъ и съѣлъ. Я взялъ кусокъ этого корня, отрѣзалъ и принесъ домой. Мой отецъ сказалъ, что съ этого корня медвѣдь спитъ всю зиму». А то одна женщина поздно жала рожь и видѣла, какъ медвѣдь вырылъ изъ земли желтый корешокъ. Она выкопала этотъ корешокъ и съѣла. Въ тотъ же день она заснула и проспала всю зиму. Ее бросили въ подполье, и она проснулась только на весну [А] (30).

Волкъ. О волкѣ Вотяки разсказываютъ, что онъ ѣстъ мясо затравленныхъ имъ животныхъ только тогда, когда очень голоденъ, а въ противномъ случаѣ выпиваетъ изъ нихъ только кровь. Подъ видомъ волка иногда можно встрѣтить людей, которыхъ колдуны обращаютъ въ волковъ. Такъ напримѣръ у одного человѣка была свадьба, а на него одинъ колдунъ сердился. Этотъ колдунъ взялъ и всю свадьбу, когда молодыхъ повезли домой, обратилъ въ волковъ [А] (31).

Свинья. Некрещеные Вотяки считаютъ большимъ грѣхомъ ѣсть свинину, на томъ основаніи, какъ они выражаются, что «свинья Вотяку мать была» [Ж].

Ежъ. Этого звѣря, какъ Вотяки, такъ и Черемисы почему-то считаютъ очень умнымъ. Въ добавокъ къ вышеприведенному разсказу о томъ, какъ ежъ научилъ человѣка высѣкать огонь, мы приведемъ здѣсь разсказъ Вотяка о томъ, какъ ёжъ научилъ человѣка пахать землю. Прошелъ онъ разъ въ поле и видитъ, что человѣкъ копаетъ землю деревянной сохой. «Ты бы, говоритъ, наложилъ на деревянную соху желѣзко». Человѣкъ такъ и сдѣлалъ [В]. Черемисы добавляютъ къ этому, что ёжъ научилъ человѣка правую сторону сохи дѣлать кривой, а лѣвую—прямой [Б].

Летучая мышь. У летучей мыши, говорятъ Вотяки, нѣтъ сердца, такъ какъ она умираетъ на зиму. Это ужь такъ Богъ назначилъ, чтобы тѣ животныя, которыя не могутъ работать зимой, умирали по окончаніи лѣта, поэтому онъ и не далъ имъ сердца [А].

Кромѣ обыкновенныхъ звѣрей Вотяки вѣрятъ еще въ существованіе какого-то мифическаго звѣря Лапчі, котораго насылаютъ колдуньи. Если «лапчі» пососетъ у коровы молоко, то у нея молока уже болѣе не будетъ. Но узнать по виду коровы, пососалъ ли ее «лапчі» нельзя. Для предотвращенія коровъ отъ такой порчи имъ навязываютъ не шею медвѣжьяго сала въ тряпочкѣ [А] (32).

Черемисы думаютъ, что звѣри и до сихъ поръ не утратили своего языка, но только мы его не понимаемъ [Л] (33).

Какъ Вотяки, такъ и Черемисы вѣрятъ въ существованіе вырья (теплаго мѣста) куда птицы улетаютъ на зиму [А и Л] (34).

Мухи. О происхожденіи мухъ Вотяки имѣютъ правильное представленіе. Они говорятъ, что мухи происходятъ изъ червей, которые заводятся на падали [А].

Комары. О комарахъ Вотяки думаютъ, что это животное родится изъ орѣшковъ, которые иногда выростаютъ на листьяхъ деревьевъ [В и Ж]. Черемисы думаютъ, что мухи и комары зимуютъ въ дуплахъ деревьевъ, гдѣ имъ очень тепло [Л].

Божья коровка. Если Божья коровка сядетъ человѣку на руку, то Вотяки говорятъ: «если будетъ дождь,—лети, а если нѣтъ,—сиди» [В]. Считается грѣшно убивать это животное, и даже ни одинъ мальчишка-шалунъ никогда его не тронетъ [В А] (35).

Блохи заводятся изъ пыли, если въ нее попадетъ вода [Вот. А].

Вши выводятся изъ угрей, которые вскакиваютъ на лицѣ человѣка [Вот. А].

Тараканы зарождаются изъ углей пихтоваго дерева. Вывести ихъ можно травой «урбӧ турӯм.» Если ее положить въ щели хаты, то тараканы издыхаютъ отъ ея запаху [А].

Клопы заводятся отъ сырости въ избѣ и отъ сырости дерева [А].

Муравьи сердца не имѣютъ, такъ какъ на зиму они умираютъ [А].

Имена расказчиковъ.

[А]—Вотякъ Лаврентьевъ. Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда, Большедоранинской волости, дер. Вишуръ-Норья.

[Б]—Вотякъ Михаилъ Корепановъ } Вятской губ., Глазовскаго уѣз., Кестомск.
[В]—Вотякъ Лукьянъ Корепановъ } вол., д. Извиль.

[Г]—Вотякъ Дмитрій Кильдебековъ. Вятской губ., Глазовск. уѣз., с. Елганъ.

[Д]—Черемисъ Иванъ Афанасьевъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз.. Каракселинской вол., д. Ишитмычашъ.

[Е]—Мордва-Мокша Андрей Савкинъ. Тамбовск. губ., Спасск. уѣз., Зарубинск. вол., с. Стар. Селища.

[Ж]—Некрещеный Вотякъ Туптагулъ Забаировъ. Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырской вол., с. Больш. Гондырь.

[З]—Мордва-Эрзя. Фролъ Коттинъ. Самарск. губ., Бузулукск. уѣз., Борской вол., с. Коновалова.

[І]—Мордва. Тимофей Чекаевъ. Пензенск. губ., Чембарск. уѣз., с. Карцаево.

[И]—Мордва-Эрзя Дмитрій Авдѣевъ. Пензенск. губ., Городищенск. уѣз., Вашелейской вол., с. Пазелокъ.

[К]—Некрещен. Вотяки Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырск. вол.: Разимъ Файрушинъ, д. Гожанъ и Арманша Исангуловъ, д. Стар. Кырга.

[Л]—Черемисъ Михаилъ Федоровъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз., Косолапск. вол., дер. Моркинери.

[М]—Вотякъ Гаврило Корепановъ. Вятской губ., Глазовск. уѣз., Игринск. вол., починка Верхсетъ.

[Н]—Вотякъ Семенъ Поздѣевъ. Вятск. губ., Глазовск. уѣз., Лудошурск. вол., д. Качкашуръ.

[О]—Мордва-Мокша Михаилъ Еремннъ. Пензенск. губ., Городищенск. уѣз., с. Пазелокъ.

[П]—Черемисъ Исаевъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз., Кузнецовск. вол, с. Малый Чашкаялъ.

[Р]—Мордва-Эрзя Андрей Пищацкинъ. Симбирск. губ., Ардатовск. уѣз., Пичаурской вол., с. Косогоры.

[С]—Некрещеные Вотяки: Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырск. вол. 1) Шамгай Кысматовъ, д. Ватнюша; 2) Галимша Заанжиновъ, д. Копчакъ и 3) Акмадей Бикташовъ, д. Варавань.

В. Мошковъ.

Примѣчанія.

1)—Представленіе о существованіи подземнаго міра извѣстно у многихъ народовъ земнаго шара. Такъ въ индійскихъ Ведахъ подземный міръ называется Naraka, у древнихъ грековъ— , у германцевъ—гелла, у славянъ—пекло. О раѣ, какъ жилищѣ Бога и праведниковъ, также существуетъ представленіе у всѣхъ христіанъ и перешло къ нимъ вмѣстѣ съ Ветхимъ Завѣтомъ отъ евреевъ. Что касается понятія о мірѣ, какъ многоэтажномъ зданіи, въ которомъ наша земная поверхность представляетъ собою только одинъ изъ этажей, то и это вѣрованье принадлежитъ къ числу международныхъ. Малороссы, напримѣръ, говорятъ, что за видимымъ небомъ есть еще шесть такихъ же небесъ, да кромѣ того и подъ землей есть нѣсколько такихъ же этажей. Отсюда наше выраженіе: «на седьмомъ небѣ». Подобное же выраженіе: «седмеро небеса» встрѣчается и въ сербскихъ пѣсняхъ. Извѣстно также, что такой же взглядъ на мірозданіе имѣютъ и магометане.

Афанасьевъ. Поэтич. воззр. ч. I, стр. 124; ч. II, стр. 402 и ч. III, стр. 16; Чубин. ч. I, стр. 1, 2, 37 и 38.

2)—Вѣрованье, передаваемое въ этомъ разсказѣ, чрезвычайно широко распространенно въ Европѣ, несмотря на кажущуюся его безсмыслицу. Варіанты взятаго нами разсказа есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, словенцевъ, болгаръ, латышей, киргизовъ, торгоутовъ, монголовъ, жителей Малой Азіи и нѣмцевъ.

Zb. Wiadom. do Antrop. т. II, стр. 63, № 4; O. Kolberg. Chelm. т. 2, стр. 180; Добровольск. Смоленск. этногр. сборн., ч. I, стр. 289, №№ 58 и 59; Антоновичъ и Драгомановъ, стр. 14, № 39; Трейландъ, стр. 43, № 40; Этногр. Обозр., т. 7, стр. 263 и 265.

3)—У русскаго народа въ древности существовало убѣжденіе, что языческое божество Перунъ «отпираетъ небо и низводитъ на землю плодотворное сѣмя дождя». Тоже вѣрованье сохранилось у нашего народа и до настоящаго времени, съ тою только разницей, что функція Перуна перешла на христіанскихъ Святыхъ Юрія и Илью Пророка. Такъ вѣрятъ великороссы и малороссы, а кромѣ того моравы, сербы и болгары. Впрочемъ бѣлоруссы и моравы выражаются, что Св. Илья Пророкъ отмыкаетъ не небо, а землю, что не измѣняетъ сущности вѣрованья.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возгр., ч. II, стр. 138, 402 и 403; Чубинскій, ч. I, стр. 26—7.

4)—Такое вѣрованье есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, чеховъ, приморскихъ сербовъ, болгаръ, французовъ, грузинъ, китайцевъ и даже у народа Сахо въ сѣверной Африкѣ. Кромѣ того въ нѣмецкомъ этнографическомъ журналѣ Am-Urquell. Monatsschrift für Volkskunde т. 6, 1805 г. есть статья объ этомъ вѣрованьи Л. Шерманна, къ которой авторъ находитъ извѣстія о немъ въ древнихъ литературныхъ памятникахъ индійскихъ, греческихъ и латинскихъ.

Mélusine revue de mythol. litterat. popul. traditions et usage. т. I, № 19, стр. 456; Česky lid Čis. 4. Roč. 5, стр. 324; Zb. Wiadom. do Antrop. т. 9, стр. 32 и т. 11, стр. 31; Сборн. за народ. умотв. т. 7, стр. 127; Къ этногр. Китая сообщ. Ю. Талько-Грынцевича въ общемъ собр. Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣл. Пріамурск. Отдѣла И. Р. Г. О. 26 апрѣля 1895 г. Иркутскъ 1896 стр. 12; А. Афанасьевъ. Поэтич. возгр. ч. I, стр. 161 и ч. III, стр. 810; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 16, 1894 г., стр. 78; Чубинск. ч. I, стр. 16 и 17; Фр. Гельвальдъ. Естеств. истор. плем. и народ. Спб. 1885, т. II, стр. 304.

5)—Малороссы также думаютъ, что млечный путь—это дорога, по которой дикія птицы улетаютъ въ вырей. Литовцы называютъ млечный путь paukszcziû kielês, т. е. птичья дорога, финское linnunrata означаетъ тоже самое.

Чубинск. ч. I, стр. 15; А. Афанасьевъ. Поэтич. возгр. ч. III, стр. 284.

Спеціальная статья о вѣрованіяхъ, соединенныхъ у разныхъ народовъ съ млечнымъ путемъ, H. Gaidoz и E. Rolland есть во французскомъ этнографическомъ журналѣ Mélusine, т. 2, № 7.

Что касается вотяцкаго названія для созвѣздія Большой Медвѣдицы,—«Утиное гнѣздо», то мы встрѣчаемъ его и у другихъ народовъ, только въ примѣненіи къ созвѣздію Плеядъ. Такъ у грековъ это созвѣздіе называется Дикій голубь, у нѣмцевъ—Kluckhenne, Abendhenne, у французовъ—Poussinière, а у нашихъ русскихъ крестьянъ—Птичье или Утиное гнѣздо.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возгр., ч. I, стр. 533.

6)—Страхъ передъ кометой, появляющейся на небѣ, и мнѣніе, что свѣтило это предвѣщаетъ что-либо необычайное или дурное, какъ кажется, извѣстно въ цѣлой Европѣ, но намъ удалось найдти объ этомъ указаніе въ этнографической литературѣ только относительно великороссовъ, малороссовъ и литовцевъ.

А. Афанасьевъ. Поэт. возгр. ч. I, стр. 74; Чубинск. ч. I, стр. 18.

7)—О томъ, что солнце при закатѣ уходитъ подъ землю или прячется за высокія горы, знаютъ и малороссы.

Чубинск., ч. I, стр. 11 и 12.

8)—Такое же вѣрованье есть и у малороссовъ.

Чубинск. ч. I, стр. 13.

9)—Такой же разсказъ написанъ отъ Вотяковъ и Гр. Верещагинымъ, но въ гораздо болѣе полномъ видѣ онъ передается у словаковъ. Здѣсь также описываются злоключенія дѣвушки по милости ея мачехи, и также ей помогаетъ мѣсяцъ, но въ заключеніе дѣвушка

не попадаетъ, какъ у Вотяковъ на луну, а остается на землѣ. Въ фигурахъ видныхъ на лунѣ, кромѣ вотяковъ, замѣчаютъ ведра съ коромысломъ и скандинавы.

Гр. Верещагинъ. Вотяк. Сарап. уѣзд., стр. 85; А. Афанасьевъ. Поэт. воззр., ч. I, стр. 356 и ч. III, стр. 265.

10)—Объясненіе солнечнаго, а въ особенности луннаго затмѣнія борьбой свѣтила со звѣрями или съ злыми духами и пожираніемъ его принадлежитъ къ числу самыхъ широко распространенныхъ вѣрованій, ибо захватываетъ весь земной шаръ. Самое слово, затмѣніе у нѣкоторыхъ народовъ по своему смыслу указываетъ на народное вѣрованіе, которымъ это явленіе природы объясняется. Такъ персидское названіе для затмѣнія значитъ захватъ, у ирландцевъ—борьба, битва, у литовцевъ—разрушеніе, у кельтовъ и англо-саксовъ—болѣзнь, у китайцевъ—пожираніе. Поѣданіе луны приписываютъ то волку, волкодлаку, или воркулаку, то змѣю, то упырю, то вѣдьмамъ, то просто нечистой силѣ. Когда случается затмѣніе, то многіе народы приходятъ въ отчаяніе изъ боязни за участь солнца или луны, плачутъ, поютъ жалобныя пѣсни и производятъ страшный шумъ, чтобы напугать и отогнать предполагаемое чудовище: стучатъ въ тазы, и другую металлическую посуду, трубятъ въ трубы, бьютъ въ барабаны, стрѣляютъ изъ луковъ и изъ ружей, кричатъ, скачутъ, дѣлаютъ угрожающіе жесты, молятся Богу и т. под.

Вотъ списокъ народовъ, у которыхъ существуетъ интересующее насъ вѣрованіе:

Въ Европѣ: ирландцы, исландцы, древніе скандинавы, шведы, жители Бургундіи, древніе кельты и англо-саксы, сербы въ Крайнѣ, болгары, галицкіе гуцулы, великороссы, малороссы, чуваши, оренбургскіе татары (по нашей записи), румыны, литовцы и сванеты.

Въ Азіи: древніе индійцы, персы, китайцы, Стіенги въ Сіамѣ, жители о. Суматры, О—въ Индійскаго океана и карагасы (въ Сибири).

Въ Африкѣ: жители верхняго Египта, восточной и средней Африки и готентоты.

Въ Америкѣ: гренландцы, ирокезы, туземцы сѣверной Мексики, чикитосы, гуайкурусы, туземцы Юкатана, перувіанцы и караибы.

Voyage dans le royaume de Siam Henri Mouhot. Paris, 1872, стр. 163, Am Urquell, Monatsschrift für Volkskunde, т. IV, 1895; Allgem. Ethnogr. von Fr. Müller Wien, 1879, стр. 114; Revue des traditions. popul. Годъ I, т. I, 1886, стр. 252; Die Huculen R. Kaindl стр. 97; Начало цивилизаціи С. Джонъ Леббокъ, втор. изд. подъ редакц. Коропчевскаго, Спб. стр. 160—161 и 152; Сборн. матерьял. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. X, стр. 90; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. ч. XVIII, вып. II, стр. 223; Н. Сумцовъ. Культурн. пережиеан. стр. 268—269; Гр. Верещагинъ, Вотяк. Сарап. уѣзд., стр. 139; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. ч. VI, стр. 250; Чубинскаго, ч. I, стр. 13; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 112, 755 и 756; ч. III, стр. 805.

Вѣрованье, что солнце и мѣсяцъ были прежде одинаково ярки, но что мѣсяцъ потемнѣлъ, потому что змѣй или колдуны его высосали, съ черемисами раздѣляютъ великоросы Смоленской губ.

Добровольскій, Смоленск. этногр. сборн. ч. I, стр. 235.

11)—При появленіи новой луны, евреи собираются ночью и, глядя на мѣсяцъ, читаютъ молитву. Познанскіе поляки произносятъ особую привѣтственную фразу, которая приноситъ благополучіе. Люблинскіе поляки читаютъ три раза Отче нашъ, малоросы крестятся, а французы читаютъ молитву, становятся на колѣни.

Но все это только остатки весьма древняго и весьма широко распространеннаго культа луны. У однихъ, какъ у китайцевъ, чувашей и американскихъ индѣйцевъ еще и до настоящего времени лунѣ приносятъ жертвы, у другихъ совершаютъ празднества въ честь луны, какъ японцы. Наконецъ у большинства народовъ сохранились только различные остатки того же культа въ видѣ суевѣрій, запрещающихъ какіе либо работы на новолуніе или наоборотъ рекомендующихъ ту или другую работу въ ту или другую фазу луны и т. п. Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что немного такихъ народовъ найдется на земномъ шарѣ, у которыхъ не было бы никакихъ остатковъ этого культа. Но въ цѣляхъ библіографическихъ мы перечислимъ нѣсколько народовъ, о которыхъ имѣются указанія въ этнографической литературѣ. Вотъ они: великоросы, малоросы, грузины, французы, шведы, венгры, чехи, болгары, древніе индусы, древніе ассирійцы, даяки, волофы въ западной Африкѣ, туземцы южной Африки, туземцы Луизіаны и Бразиліи.

Revue des traditions popul. годъ V, стр. 708; годъ VII, стр. 37 и 94; Mélusine 1877, т. I, № 7, стр. 458 и № 4, стр. 95; т. IV, 1888—1889, стр. 91; Ethnologische Mitheilungen aus Ungarn, годъ I. тетр. I. 1887, стр. 23; Allgem. Ethnogr. von F. Müller Wien. 1879, стр. 358; O. Kolberg Lud. Ser. 7, ч. II, стр. 70 и Ser. 15, ч. VII, стр. 5; Lud. Organ. Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. Rok I. zesz. IV и V, стр. 131; Вѣстн. Европ., годъ III, т. II, 1868, стр. 33; ibid. Апрѣль 1895, стр. 276; «Русск. мысль», 1896, Іюль, стр. 85; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. III, стр. 776 и 780; З. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр., т. XVII, вып. II, стр. 102; Этногр. Обозр. 1891, кн. X, стр. 77; Д. Афанасьевъ, Ковенск. губ. Спб. 1861, стр. 575; Къ этногр. Китая. Сообщ. Ю. Талько-Грынцевичъ. Иркутск. 1896, стр. 19; Е. Н. Водовозова, «Жизнь Европ. народ.» т. II, стр. 489; Чубин. ч. I, стр. 10 и 11.

12)—Лѣченіе зубовъ наговорами на новый мѣсяцъ есть: у великоросовъ, малоросовъ и бѣлорусовъ. Кромѣ того малороссы, поляки и евреи лѣчатъ такимъ же образомъ головныя боли.

Materyał. antropol., archeolog. i etnogr. wydan. staran. komissyi antropol. Akadem. umiejęnt. w Krakowie, т. I, 1896, стр. 157; O. Kolberg. Lud. Ser. 7, ч. II, стр. 70; Чубинскій, ч. I, стр. 23—24 и 124—126; «Русск. мысль» 1896, Іюль, стр. 85.

13) Русскій народъ, такъ же, какъ и вотяки, представляетъ себѣ облака иногда въ видѣ киселя или студня.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. ч. II. стр. 134; Чубинскаго, ч. I, стр. 25.

14) Вѣрованье черемисовъ относительно происхожденія вѣтра весьма близко къ малоросійскому преданію, приводимому у А. Афанасьева: «що теперъ витри, јето молодь шатаеццяа, старій же тильки иноди въ щилинки номижъ губивъ дмуха—и отто бури бувають. Якъ би ему губи раскувать и винъ дмухонувъ на ввесь ротъ—всебъ поздувавъ на свити, гори зъ долинами поривнявъ, кинець свитови бувъ би... Одже колись таки ему раскуюцця губи».

Средневѣковое искусство постоянно изображало вѣтры въ видѣ дующей человѣческой головы, тоже и на нашихъ лубочныхъ картинкахъ; кромѣ того старинное искусство представляло олицетвореніе вихрей, дующими въ рога.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 310, 311 и 323.

15) Вѣрованье, что громъ и молнію производитъ божество или святой тѣмъ, что ѣздитъ по небу или по облакамъ въ колесницѣ и бросаетъ стрѣлы въ демоновъ, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ и международныхъ. Въ индійскихъ Ведахъ функція эта приписывалася Индрѣ, у грековъ—Зевсу, у германцевъ—Тору, у славянъ—Перуну, отъ котораго, съ принятіемъ христіанства, перешла къ Пророку Ильѣ. Вѣрованье это въ настоящее время съ русскимъ народомъ раздѣляютъ: поляки, сербы, болгары, литовцы, нѣмцы, скандинавы и осетины. Убѣжденіе, что дьяволъ во время грозы прячется за человѣка, кромѣ вотяковъ и черемисовъ, есть у русскаго народа въ Россіи и въ Галиціи. Что касается человѣка, убитаго молніей, то о немъ мнѣнія народовъ расходятся, одни считаютъ его, какъ черемисы, грѣшникомъ, а другіе, какъ вотяки,—праведникомъ и даже святымъ. Такъ, по древне-еврейскому вѣрованью, убитые громомъ «Бога узрятъ», у малоросовъ думаютъ, что такіе люди получатъ Царство Небесное, такъ какъ молнія очищаетъ ихъ отъ всѣхъ грѣховъ. Въ Литвѣ человѣкъ, убитый молніей, признается за святого, а у осетиновъ даже чествуютъ его трупъ.

O. Kolberg. Pokuc., ч. III, стр. 91; Караджичъ. Обычаи, стр. 66; Добровольскій. Смоленск. этногр. сборн., ч. I, стр. 226; Чубинскій, ч. I, стр. 19; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 264, 266—7, 480—7, 630.

16) Г. Сумцовъ («Культурн. переживан.» стр. 294) говоритъ, что обычай ломать скорлупу яица, для того, чтобы въ нее не поселился нечистый духъ, существуетъ: въ Малороссіи, въ Германіи, въ Голландіи, въ Англіи и въ Португаліи.

17) У малоросовъ во время грома нельзя пѣть и нельзя стоять подъ дубомъ и вербой, а въ Олонецкой губерніи (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ), какъ намъ приходилось испытать самимъ, не позволяютъ въ домѣ во время грозы пѣть, свистать, играть на какомъ-либо инструментѣ или вообще производить какой либо шумъ.

Соотвѣтственно вотяцкому обычаю при первой грозѣ ѣсть три раза землю, у чеховъ при первой грозѣ три раза цѣлуютъ землю.

Чубинскій, ч. I, стр. 22—23, А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. 3, стр. 778.

18) Тоже вѣрованье есть у всего русскаго народа, у поляковъ, болгаръ, кашубовъ, словаковъ и было въ древности у римлянъ.

O. Kolberg. Lud. Ser. 7, стр. 73; Чубинскій, ч. I, стр. 27; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 355.

19) Древніе греки представляли себѣ Ирисъ (радугу) съ золотымъ кубкомъ, въ которомъ она разносила богамъ Стиксову воду. Въ Германіи простой народъ думаетъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась концомъ радуга, остается золотой ключъ или золотыя деньги. Болгары думаютъ, что радуга на томъ мѣстѣ, гдѣ она сосетъ воду, оставляетъ серебрянную чашу. Кто найдетъ такую чашу, тотъ узнаетъ будущее, и чего бы онъ ни пожелалъ, все ему исполнится.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 355.

20)—Вѣрованье, что демоны прилетаютъ къ женщинамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Оно передается въ древне-индійскихъ Ведахъ оно же было извѣстно древнимъ грекамъ (происхожденіе Александра Македонскаго), римлянамъ (происхожденіе Императора Августа) и нашимъ русскимъ предкамъ (происхожденіе Волха Всеславича по русскимъ былинамъ). Въ томъ же самомъ видѣ извѣстно оно въ настоящее время полякамъ и сербамъ. Демоны, вступающіе, по народному вѣрованью, въ связь съ человѣкомъ, во времена классической древности назывались фавнами и сильванами. Въ средніе вѣка въ Европѣ между ними различали инкубовъ, демоновъ мужскаго пола, вступающихъ въ связь съ женщинами, (у поляковъ—пшиложники) и суккубовъ, демоновъ женскаго пола, вступающихъ въ связь съ мужчинами (у поляковъ—положники). Вѣра въ нихъ въ средніе вѣка была распространена не только въ простонародьи, но и среди правящихъ классовъ, а потому въ то время изъ за нея погибло не мало народу по обвиненію въ колдовствѣ и въ сношеніи съ дьяволомъ. Въ настоящее время тоже вѣрованье сохранилось: у великоросовъ, малоросовъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ, имеретинъ, татаръ и туземцевъ на о-хъ Самоа, въ Австраліи.

Деталь того же вѣрованья, что къ женщинѣ, сильно и безутѣшно тоскующей объ своемъ умершемъ мужѣ, покойный мужъ ея будетъ летать въ видѣ «огненнаго змѣя», извѣстно русскому народу.

Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 279—280; Чубинск. Ч. I, стр. 16, 33, 80 и 193; Das deutsche Volk in Schilderung von Eduard Duller. Leipzig. 1847, стр. 298; З. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. т. III, 1873, стр. 36; Teodor Narbutt. Dzieze starożytne narodu Litewskiego. Wilno. 1835. T. I, стр. 117; O. Kolberg. Lud. Ser. 15. Ч. VII, стр. 34. А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. II, стр. 567—579 и ч. III, стр. 815.

21)—Вѣра въ то, что земля покоится на одной или нѣсколько рыбахъ, плавающихъ въ морѣ, кромѣ Мордвы и Вотяковъ, извѣстна русскому народу, сербамъ, болгарамъ и японцамъ. Но число рыбъ или китовъ, поддерживающихъ землю, въ разныхъ мѣстностяхъ измѣняется, начиная съ 1 оно увеличивается до 3, 4 и до 7.

Чубинск. Ч. стр. 37—38; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. II, стр. 162, 164 и 166.

22)—Вѣрованье, что камни растутъ, существуетъ также и у русскаго народа, въ доказательство чего можно привести пѣсню, извѣстную великоросамъ, малоросамъ и бѣлорусамъ, въ которой задается загадка: «А что растетъ безъ кореня?» На что въ той же пѣснѣ дается отгадка: «Камень растетъ безъ кореня».

Шейнъ. Русск. пѣсн., стр. 233, № 87; Шейнъ. Бѣлорусск. пѣсн. 1874, № 159; Чубин. Т. III, стр. 190, № 7 и стр. 314, № 44.

23)—Намекъ на то, что и у русскаго народа, также какъ у вотяковъ, было когда-то вѣрованье въ существованіе языка металловъ, даетъ слѣдующій русскій наговоръ, произносимый ратниками при выступленіи ихъ на войну: «За дальними горами есть окіянъ-море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ пастухъ чугунный... Завѣщаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, свинцу, олову, сребру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣзо, каменья и свинецъ, въ свою мать-землю отъ раба (имя рекъ).....»

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. II, стр. 438.

24)—Вѣрованье русскаго народа въ существованье языка деревьевъ видно изъ русской сказки, о томъ, какъ человѣкъ напился воды, въ которой варилась змѣя и сталъ понимать языкъ животныхъ, травъ и деревьевъ.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возвр. Ч. II, стр. 574—5.

25)—Разсказы о томъ, что въ древности были великаны и что великаны эти предшествовали обыкновеннымъ людямъ, общи всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Такъ, по сказаніямъ Эдды, въ началѣ міроздания отъ таянія снѣговъ явился на свѣтъ первородный великанъ Имиръ. По греческому миѳу, скандинавскимъ великанамъ соотвѣтствовали мѣдные люди, которыхъ Зевсъ истребилъ потопомъ за исключеніемъ Девкаліона и Пирры, спасшихся въ ящикѣ. Отъ этой пары произошли предки нынѣшнихъ людей, но только не обыкновеннымъ путемъ, а изъ камней, которые они бросали черезъ голову. Литовскій миѳъ о началѣ міра сходится въ общихъ чертахъ съ греческимъ: предками обыкновенныхъ людей здѣсь также является пара великановъ, которые воспроизвели себѣ потомство, перескакивая черезъ камни. Современные малоросы также вѣрятъ въ существованіе великановъ (Велытни) и говорятъ, что они были до потопа.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возвр. Ч. II, стр. 374 и 637—8; Чубинск. Ч. I, стр. 216.

26)—Совершенно такой же разсказъ о карликахъ, которыхъ «12 человѣкъ будутъ молотить въ нашей обыкновенной печи» и которые будутъ жить «послѣ страшнаго суда» записанъ и отъ малоросовъ.

Чубинск. Ч. I, стр. 212 и 216.

27)—Къ черемисскому разсказу о происхожденіи кургановъ ближе всего подходитъ разсказъ о томъ же, записанный отъ малорусовъ Луцкаго уѣзда, по словамъ которыхъ курганы насыпаны какимъ-то воинствомъ «Бунякъ» [1]), которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха воздвигало курганы, насыпая землю своими башмаками.

Чубинск. Ч. I, стр. 39.

28)—О томъ, что медвѣдь произошелъ отъ человѣка, записаны разсказы и отъ малорусовъ, но только по этимъ разсказамъ Богъ обратилъ въ медвѣдя мельника за то, что онъ, спрятавшись подъ мостомъ, хотѣлъ напугать Бога.

Чубинск. Ч. I, стр. 50—51.

29)—Русскій народъ также вѣритъ, что медвѣдь въ день солнцоворота (12-го декабря) поворачивается въ своей берлогѣ съ одного боку на другой.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возвр. Ч: I, стр. 388.

30)—Совершенно такой же разсказъ, какой мы записали отъ Вотяковъ, передается въ одной хорутанской сказкѣ: «Однажды при началѣ зимы медвѣдь откопалъ невѣдомый корень, лизнулъ его нѣсколько разъ и ушелъ въ яму; увидя то, человѣкъ и самъ лизнулъ его нѣсколько разъ, послѣ чего немедленно впалъ въ усыпленіе и проспалъ въ лѣсу до самой весны......»

А. Афанасьевъ. Поэтич. возвр. Ч. II, стр. 421.

31)—Разсказы объ оборотняхъ-волкахъ, такъ называемыхъ волкодлакахъ, мы находимъ еще у Геродота, который передаетъ, что каждый изъ Невровъ, народа, жившаго въ Скиѳіи, разъ въ году на нѣсколько дней обращается въ волка. Такое же вѣрованье есть у русскаго народа, у поляковъ, у сербовъ, у нѣмцевъ, у армянъ, у жителей острова Митилины, въ Малой Азіи и у всѣхъ индо-германскихъ народовъ.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возвр. Ч. I, стр. 736 и Ч. III, стр. 527—8; Чубинск. Ч. I, стран. 52.

32)—Въ этомъ вѣрованьи слиты два мотива: 1) что женщины-колдуньи владѣютъ средствомъ невидимо отъ хозяина отбирать у его коровъ молоко, 2) что колдуньи имѣютъ въ своемъ распоряженіи животныхъ прирученныхъ или дрессированныхъ, которыхъ они могутъ подсылать къ людямъ, для того, чтобы на ихъ счетъ нажиться, а самимъ остаться незамѣченными.

Первое изъ этихъ вѣрованій широко распространено въ Европѣ, оно извѣстно у великорусовъ, малорусовъ, бѣлорусовъ, поляковъ, болгаръ, чеховъ, литовцевъ, нѣмцевъ и норвежцевъ.

Второе распространено по Европѣ пожалуй не меньше перваго, но характеръ зага-

[1]) Память о Половецкомъ Бонякѣ. *Ред.*

дочнаго животнаго, служащаго колдуньямъ, и видъ его сильно измѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ.

Намъ удалось записать отъ крестьянъ дер. Малая Дубровица Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., малорусовъ, слѣдующій расказъ, который мы передадимъ здѣсь вкратцѣ: «Есть у насъ, говорятъ они, звѣрь величиной съ кошку, котораго мы называемъ шпорыхомъ. (Изъ дальнѣйшихъ распросовъ и по виду трупа этого животнаго, котораго намъ показывали въ деревнѣ, мы убѣдились, что это обыкновенный хомякъ). Шпорыхи бываютъ дикіе и домашніе. Дикіе имѣютъ за щеками мѣшки, въ которые они собираютъ для себя зерно на поляхъ и сносятъ въ особыя норы, гдѣ они устраиваютъ себѣ запасной магазинъ на зиму. Что же касается шпорыховъ домашнихъ, то ихъ увидѣть очень трудно, но о существованіи ихъ у насъ всякій знаетъ. Нѣкоторые хозяева держатъ ихъ у себя подъ величайшимъ секретомъ и посылаютъ въ чужія поля, чтобы они собирали для нихъ хлѣбныя зерна. Шпорыхъ очень усердно работаетъ для своихъ хозяевъ и приноситъ имъ хлѣбъ всякаго сорта, какой только ему прикажутъ, но если хозяева пошлютъ его за деньгами, то онъ, хотя и идетъ, но при этомъ горько плачетъ, такъ какъ денегъ достать несравненно труднѣе по нынѣшнимъ временамъ, когда всѣ обзавелись хорошими замками».

Мы прослѣдили это вѣрованье во многихъ мѣстностяхъ Сѣдлецкой губерніи и между прочимъ узнали, что оно совершенно въ томъ же видѣ извѣстно между бывшимъ уніатскимъ населеніемъ въ Радинскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ, съ той только разницей, что въ Константиновскомъ уѣздѣ шпорыхъ называется спорышомъ.

Между тѣмъ извѣстно, что въ Бѣлоруссіи есть вѣрованіе въ какое-то миѳическое существо, также называемое спорышомъ и что тамъ существуютъ даже особыя пѣсни, называемыя спорышевыми, которыя поются по окончаніи жатвы, въ такъ называемыя «Дожинки». Вотъ образчикъ одной изъ такихъ пѣсенъ, записанныхъ въ сборникѣ Бѣлорусскихъ пѣсенъ Шейна (1874 г. № 357):

Ходзіу Спорышъ по вулицѣ, по вулицѣ по широкой, по мурауцѣ по зяленой,
А нихто Спорыша у дворъ не зовець. Вышла, выѣхала Хвядориха:
«Ходзи, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ, ко мнѣ на дворъ, на чисовы столъ,
У мяне столы позасциланы, виномъ кубки поналиваны,
У мяне пирогоу понапечана, у мяне меду понасычана, у мяне каша наварена.
Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ, на покуцѣ, да на золоцѣ, пи, Спорышъ, зялено вино».
Сдоры, Божа, у моемъ гумнѣ, у моемъ гумнѣ, у моемъ дворѣ:
На току вмолотъ, а въ дзяжи подходъ, а въ печи ростъ, а на столѣ сыщѣ.

Эта пѣсня записана въ с. Цашники Витебской губ. Кромѣ того въ томъ же сборникѣ есть 4 варіанта ея, записанные въ Лепельскомъ уѣздѣ той же губерніи и 2 въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губ. Въ сборникѣ Шейна 1887 года есть 9 варіантовъ той же пѣсни въ числѣ дожиночныхъ: Витебскаго уѣзда — 1, Борисовскаго уѣзда Минск. губ. — 2, Слуцкаго уѣзда—2, Игуменскаго—1, Горецкаго Могилев. губ.—2 и Слонимскаго Гродненск. губ.—1. Наконецъ въ сборникѣ 1890 г. есть два варіанта той же пѣсни въ числѣ свадебныхъ, одинъ Рогачевскаго уѣзда Могилевск. губ., другой—Игуменск. уѣз. Минск. губ. (стр. 319—320). Во всѣхъ этихъ варіантахъ содержанье одно и то же, развѣ съ той только разницей, что въ свадебныхъ варіантахъ прибавляется:

Ой радзь......, добрую раду,
Я сына женю, я Бога хвалю.

Что касается имени Спорыша, то оно повторяется только въ двухъ варіантахъ Горецкаго уѣзда, а во всѣхъ остальныхъ замѣняется словами: Рай, Раёкъ, Рой, Богъ и Добро.

Въ своей замѣткѣ о Спорышевыхъ пѣсняхъ г. Шейнъ приходитъ къ заключенію, что Спорышъ или Рай—это древнее божество жатвы. Что Спорышъ—божество, съ этимъ нельзя не согласиться, потому, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ нашей пѣсни онъ прямо называется Богомъ, но причислить это божество къ числу боговъ общественныхъ, такихъ, которыхъ признавало цѣлое общество и каковыми были, напримѣръ, греческій Зевсъ, славянскій Перунъ и проч., мы бы не рѣшились. Изъ сличенія всего, собраннаго нами здѣсь матерьяла скорѣе можно предположить, что Спорышъ принадлежитъ къ числу бо-

жествъ интимныхъ, личныхъ, вродѣ христіанскаго Ангела Хранителя или же къ числу божествъ домашняго очага, семейныхъ, какъ нашъ русскій Домовой.

Далѣе мы находимъ имя Спорыша у поляковъ Люблинской губерніи. Здѣсь этимъ именемъ называется какое-то миѳическое существо «малое», но могущее по желанію вырости до огромныхъ размѣровъ. Названіе это объясняется тѣмъ, что существо это споритъ людямъ въ ихъ имущественныхъ дѣлахъ.

У поляковъ въ Познани подобное же миѳическое существо называется Скшатъ (Skzrat). Это—человѣкоподобное существо небольшого роста, которое можетъ приносить отдѣльнымъ людямъ деньги и достатокъ, для чего оно обращается въ куръ, гусей и т. под.

Въ другой мѣстности Познани то же вѣрованье уже измѣняется: Мѣсто Скшата заступаетъ Дьяволъ или Смокъ (Змѣй), который человѣку, записавшему ему свою душу, носитъ во всю его жизнь все, что этотъ человѣкъ потребуетъ. Такой «Смокъ» влетаетъ въ домъ черезъ трубу и обращается въ цыпленка.

Наконецъ въ третьей мѣстности той же Познани записанъ расказъ, что одинъ крестьянинъ нашелъ однажды въ полѣ промокшую и продрогшую курицу и принесъ ее къ себѣ домой. Курица эта вскорѣ стала приносить въ его домъ рожь и пшеницу. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ въ одинъ прекрасный день не побилъ курицы и не выбросилъ ее вонъ. Тогда что-то вдругъ загрохотало и, все принесенное курицею жито сразу изчезло.

У литовцевъ Сувалкской губерніи есть вѣрованье въ существованіе нѣкоего Айтвара (Aitwaras). Это также человѣкоподобное существо маленькаго роста съ длинными когтями, оно можетъ обращаться въ разныхъ животныхъ, а когда перелетаетъ изъ дома въ домъ, то принимаетъ видъ блуждающаго огонька или огненной палочки. Айтваръ имѣетъ своего хозяина, которому онъ носитъ деньги, для чего хозяинъ долженъ вставить въ конекъ своей крыши пустую ступицу отъ колеса, чрезъ которую Айтваръ и сыплетъ деньги во внутрь хаты. По другимъ же источникамъ Айтвары соотвѣтствовали средневѣковымъ Инкубамъ и Суккубамъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ Литвы то же миѳическое существо въ старину было извѣстно подъ именемъ Рингуса.

Всѣ перечисленныя здѣсь вѣрованія имѣютъ между собою много общаго, а потому несомнѣнно происходятъ изъ одного и того же источника. Повидимому они имѣютъ широкое распространеніе въ Европѣ, такъ какъ къ нимъ примыкаютъ; 1) весьма древнее и широко распространенное вѣрованіе, послужившее основой Гетевскому Фаусту, гдѣ роль Спорыша играетъ Мефистофель, 2) вѣрованье въ существованіе Инкубовъ и Суккубовъ, о распространеніи котораго уже было говорено выше (въ примѣчаніи 20-мъ): демонъ, входящій съ человѣкомъ въ любовную связь, въ тоже время заботится объ его матеріальномъ благосостояніи и наконецъ 3) къ культу Домового, котораго иногда представляли въ видѣ змѣя и который всегда заботится объ имуществѣ своего дома.

Dzieje starożytne narodu litewskiego Teodora Narbutta. Wilno. 1835, т. I, стр. 117, O. Kolberg. Lud Ser. VII, стр. 92 и Ser. XV. стр. 25—27; Живая старина вып. 4, годъ 4, 1894, стр. 137; Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 264; А. С. Дембовецкій. Опыт. опис. Могилев. губ. ч. Ч. I, стр. 499; Д. Афанасьевъ. Описан. Ковен. губ. Спб. 1861, стр. 574; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. III, стр. 485—500.

33)—Вѣрованье это есть и у другихъ европейскихъ народовъ, да и вообще, какъ извѣстно, очень широко распространено по земному шару, судя по широкому распространенію такъ называемаго «животнаго эпоса». Малорусы кромѣ того вѣрятъ, что животные разъ въ году, наканунѣ Новаго года, получаютъ даръ разговаривать между собою на человѣческомъ языкѣ.

Чубинск. Ч. I, стр. 48.

34)—Вѣрованье въ существованіе такъ называемаго Вырья, т.-е. мѣста, иногда отождествляемаго съ раемъ, гдѣ господствуетъ вѣчное лѣто и куда улетаютъ на зиму всѣ перелетныя птицы, широко распространено въ Европѣ и неудивительно, такъ какъ оно имѣетъ реальное основаніе въ существованіи тропическихъ странъ. Оно есть у русскаго народа, у другихъ славянъ, у нѣмцевъ, у древнихъ грековъ и т. д.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. II, стр. 137—139; Чубинск. Ч. I, стр. 38—39.

35)—Маленькій жучокъ Божья коровка (Concinella septempunctata) пользуется благоволеніемъ и покровительствомъ, повидимому, у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ: у индусовъ, литовцевъ, нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, поляковъ и у русскихъ. Однако народамъ этимъ не только обще покровительственное отношеніе къ этому жучку, но и странный обычай, если животное это сядетъ на руку человѣка, произносить, разъ навсегда установленныя, фразы или словесныя формулы. Мы привели такую формулу, записанную отъ вотяковъ, но она есть и у сербовъ и у нѣмцевъ; русская же формула каждому изъ насъ хорошо извѣстна:

Божья коровка, улети на волю,
Тамъ тепленько, здѣсь холодненько.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. III, стр. 294—298.

Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ.

(Галицко-бойковскій говоръ).

Горцы южно-западной части Калушскаго, южныхъ частей Стрыйскаго, Дрогобычскаго и Самборскаго повѣтовъ (уѣздовъ) и въ цѣломъ Турчанскомъ уѣздѣ южной Галичины зовутся «Бойки». Занимаются они землепашествомъ, скотоводствомъ и торговлею. Почва карпатскаго подгорья и сами Карпаты, производящіе только овесъ и картошку, изобилуютъ хорошими пастбищами и сѣножатями. И потому-то бойко является главнымъ образомъ скотоводомъ-овчаремъ. Громадная выдѣлка овечьяго сыра—бryндзы толкаетъ его къ торговлѣ. Предпріимчивый духъ бойка указалъ ему дорогу къ расширенію своей торговли,—бойко взялъ въ свои руки и овощную торговлю. Почти въ каждомъ большомъ городѣ Австріи, а даже и за ея предѣлами можно встрѣтить крестьянъ съ долгими волосами, въ расшитыхъ насаленыхъ рубахахъ, въ тулупчикахъ и въ лаптяхъ, предлагающихъ вамъ лѣтомъ венгерскія сливы и виноградъ, зимой же орѣхи, яблоки, сушенныя сливы и померанцы—это наши галицкіе бойки.

Различіе въ говорѣ, характерѣ и этнографическомъ отношеніи обратило на себя, уже въ началѣ истекающаго столѣтія, вниманіе этнографовъ и ученыхъ ивызвало ближайшее изученіе этого народца.—Шафарикъ, основываясь на замѣчаніи Константина Багрянороднаго о землѣ «боевъ» лежащей за Молдавіей, высказываетъ въ Slovansky-хъ Starožitnost-яхъ мнѣніе, что бойки живутъ именно въ этой землѣ боевъ. Это мнѣніе развиваетъ дальше и шире галицкій поэтъ-этнографъ, Вагилевичъ въ статьѣ о бойкахъ, напечатанной въ Časopis-ѣ českeho Museum 1841 г., относя происхожденіе бойковъ къ кельтическому племени боевъ. Я. Ѳ. Головацкій опровергаетъ это мнѣніе о кельтическомъ происхожденіи галицкихъ бойковъ на основаніи факта, что Несторъ и другіе лѣтописцы, упоминая о галицкихъ жителяхъ, не упоминаютъ о бойкахъ, какъ инородческомъ племени—и что у бойковъ и кельтическихъ племенъ нѣтъ особыхъ общихъ черть; въ виду же факта, что горцы бойки, считаютъ названіе «бойко» постыднымъ, а предпочитаютъ названіе «гуцулъ», предполагаетъ онъ, что названіе «бойко» есть остаткомъ стародавнихъ жителей Карпатскихъ горъ, боевъ, порабощенныхъ и прогнанныхъ русскимъ элементомъ. Особый же типъ бойка есть послѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій. (Народныя пѣсни;—историко-географическіе очерки Карпатской Руси. Москва 1878 г.) Въ рецензіи на сборникъ Я. Ѳ. Головацкаго, напечатанной въ Отчетѣ о 22-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова (37-ой т. Записокъ Академіи Наукъ) высказывается А. А. Потебня слѣдующимъ образомъ: «Разъ мы въ кругу возможностей, можно допустить и то, что прозвище Бойковъ дано окрестнымъ русскимъ населеніемъ по неизвѣстнымъ причинамъ, въ родѣ приводимыхъ лѣтописью о Радимичахъ (подъ 896-ымъ г.) и принадлежитъ языку этого населенія. Въ такомъ случаѣ можно бы думать о связи съ «боятися» (Бойка изображаютъ робкимъ—между тѣмъ какъ Гуцулъ является удалымъ молодцомъ)..... Возможно, что прозвище «бойко», которое становится документально извѣстнымъ одновременно съ именемъ Гуцуловъ (1703—4 г.), относится не къ столь глубокой древности, какъ думаютъ, и сложилось

подъ вліяніемъ мысли о противоположности характера Бойковъ и Гуцуловъ... въ окончательной своей формѣ не можетъ быть древнѣе имени Гуцуловъ т. е. по всей вѣроятности, XIV в., времени переселенія Румынъ въ Буковину, но м. б.—гораздо позднѣе». (стр. 86—7).—Въ Галичинѣ былъ поднятъ этотъ вопросъ о происхожденіи бойковъ мѣстными учеными А. С. Петрушевичемъ, И. Верхратскимъ и О. Партыцкимъ въ 80-ыхъ годахъ. Говорили и о румынскомъ происхожденіи бойковъ, и относили названіе «бойко» къ слову «бойкій», и мѣстной поговоркѣ «бо-й-е» (вотъ, ибо и есть).

Професоръ Верхратскій собралъ и издалъ небольшой словарь галицкихъ говоровъ (Знадоби до словаря южно-руского. Львовъ 1877). Въ словарѣ обратилъ онъ отчасти вниманіе какъ на фонетическія, такъ и синтактическія особенности этихъ говоровъ.—Въ «Временникахъ» Ставропигійскаго Института въ Львовѣ помѣщалъ о. I. А. Гоцкій въ 1895—1900 гг. части своего бойковскаго словаря. Оба упомянутые словаря и приняты въ основаніе предлежащаго «Опыта».

Сопоставленіе бойковскаго говора съ другими русскими говорами указываетъ, что названія растеній, животныхъ, блюдъ, снастей, сосудовъ, одежды во многихъ случаяхъ общи бойковскому и сѣверо—и юговосточнымъ русскимъ говорамъ; напр.: боръ, бусенръ, головастень, грузь, зимозель, зубровникъ, команка; бабецъ, зюшка, казачка, мня; варь, верхнина, глаза, киселиця, перепечка; бичева, бѣгало, верея, вершка, драниця; канька, кушка, саганъ, саква; волокъ, кучма, оплеча и др. Нѣкоторые обряды, игры, суевѣрія, какъ «досватки, жмурки, громовые дни, паликона» обозначены этимъ же самымъ названіемъ. Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ и бойковскомъ говорахъ суффиксъ сь употребляется для обозначенія прошедшаго времени: лѣто-сь, зиму-сь.—Съ другой стороны замѣчаемъ и слѣдующее: слова употребляемыя въ великорусскихъ говорахъ въ значеніи дѣйствія въ бойковскомъ означаютъ состояніе или снарядъ: вывертка, вывозъ, говѣти, задавка, напоръ, нажимъ. Во многихъ случаяхъ употребляется часть въ значеніи цѣлаго и на оборотъ: валъ, завора, опашня; окончаніе средняго и мужского вмѣсто мужского и женскаго рода: било, бабецъ, бичевикъ, облавъ. Относительно окончаній именъ можно слѣдующее замѣтить: окончанію щ и к ъ отвѣчаетъ въ бойковскомъ н и к ъ: вѣяльникъ, вязальникъ; окончаніе а ш а чередуется въ бойковскомъ съ а с ъ и а ш ъ: любасъ, гуляшъ. Для означенія повторительнаго или продолжительнаго дѣйствія интерполируютъ бойки согласный *к*: здоровкати, ревкати, или с т въ словѣ «молиститися». Согласные *к*, *д*, *т*; *х*, *с*, *т*; *л*, *р*; *с*, *ш* (передъ *к*, *в* а даже и передъ гласнымъ) замѣняютъ часто другъ друга: обыдлатися (обыклый), кѣсто (тѣсто), табатерка, (табакерка, ср. Даль-Тол. Сл., т в р. в о р.); обчемсати (обчемхати), рубатка (рубшка); пролубъ (прорубъ); шкарадь, шкитевый, шкребтачка, шкали, швайка, шадый (сѣдой), шуниця.—Въ нѣкоторыхъ словахъ отбрасывается префиксъ, или приставляется: (у-) жасъ, (и-) ржище. Пазвукъ неударяемаго *о—а* находится въ словѣ л а м а н ь е.

Большое количество словъ, свойственныхъ однимъ бойкамъ (въ Галичинѣ) и говорамъ сѣверно-русскимъ можетъ привести къ слѣдующему заключенію: 1) если горцы—бойки старожилы въ галицкихъ Карпатахъ, тогда лишній разъ подтверждается, что въ свое время былъ одинъ русскій языкъ, не раздѣленный на нарѣчія и говоры; 2) если же бойки, элементъ пришлый въ Карпатахъ, такъ можно предполагать откудова пришелъ, именно отъ сѣверо-востока. Второе предположеніе, конечно останется предположеніемъ, пока не будетъ указано такое же сходство между бойками и сѣверянами въ этнографическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ слово бойковскаго говора, дальше слѣдуетъ слово изъ Толковаго словаря В. И. Даля 1880 г.—Употребленныя сокращенія слѣдующія: б. = бойковское слово изъ мѣстностей Ясень, Сливки, Небыловъ, Прислопъ и Майданъ; Др. = дрогобычскій у., Кал. = Калушскій у., Крс. = Красне въ Калушскомъ, Либ. = Либогора, Оп. = Опака, Самб. = Самборскій у., Син. = Синеводско, Стр. = Сурыйскій у., Сян. = Сяноцкій у., Тур. = Турка, Угр. = Угрыновъ, Ур. = Уричъ, Яс. = Ясень.—Сокращенія взятыя изъ Толковаго словаря приняты извѣстными.—Въ предлежащемъ «Опытѣ» сохранено этимологическое правописаніе, слѣдуетъ однако отмѣтить, что у бойковъ и вообще въ малорусскихъ говорахъ произношеніе *и* = ы, *е* = э, *ѣ* = *и* (за изъятіемъ слова м р ѣ в ы й, гдѣ сохранилось правильное произношеніе подъ вліяніемъ

тежре(-я-)вый). Для отмѣченія мѣстныхъ фонетическихъ измѣненій введены а̄, е̄, произносимые какъ *і*, и г̄, произносимое *г*, при общепроизносимомъ *h*.

Бабецъ (Яс.), бабица (пск.), родъ рыбки, головастая рыбка.

Багоръ (Сян.), косякъ; (Т. С.), желѣзный крюкъ....

Багра (б.), черная корова; багряная (Т. С.), чисто бурая, кофейная гончая собака.

Бадулити (б.), работать, заходиться около чего: бадровь (Т. С.), начало дѣла, причина; бадровать (арх.), замышлять, затѣвать.

Баяти (Либ.), баить (Т. С.), шептатать, ворожить.

Балбенковатый (б.), балбесъ, болванъ.

Балта (б. орнб.), топоръ; (б.), отмѣтка на ушахъ овецъ, чтобы можно было ихъ въ толпѣ узнавать.

Барлокъ (б.), висящій подбородокъ у скота; барлой (Т. С.), мѣхъ; барловина (в.-сиб.), шкура оленя или козули.

Барыше̄вникъ (Самб.), барышникъ, посредникъ, маклеръ.

Барыше̄вне (Самб.), барышевка, ряды.

Бебенье (Яс.), малыя рыбки; бебеня (влд.), родъ саламаты, кушанье.

Бейкати (Син.), кричати на волка «бей-бей» (въ Галичинѣ общеупотребительно повел. накл. бій-бый).

Белендѣти (Кал.), белендрясить, балагурить.

Бендюга (б. нврс.), рычагъ, бревно.

Берверно (Яс.), берв но (южн.-зап.), колода, чистый пень.

Било (б.), билень, короткая палка у цѣпа, которой бьется.

Бичевникъ (Самб.), пристяжъ; бичева (Т. С.), веревка для тяги судовъ, лошадьми или людьми.

Богодѣлати (б.), молить, просить кого; богадѣльствовать (Т. С.), богорадствовать, призрѣвать нищихъ.

Боги (б.), кудесники; (Т. С.), мнимые управители вселенной.

Боръ (б. смб. сам.), родъ чорнаго проса.

Бочити (б), колоть рогами, гнѣваться; бочиться (Т. С.), принимать важный видъ.

Брыдняво (б), о состояніи погоды, непастье; брыдкой (пск.), рѣзкій вѣтеръ.

Будити (Син.), коптить ветчину; (С. Т.), буженица, буженина.

Бусекиръ (б.), родъ травы; бусенецъ (влгд. прм. арх. сиб.), чичеръ; (орл.) ситникъ.

Бутинъ (б.), мѣсто по срубленномъ лѣсѣ; бутня (арх.), сухая моховина.

Бутыти (б.), бутыскать (сѣв. вост.), бодать, пырять.

Бызунка (б.), яловка, которая первый разъ обходилась; быза (вят.), хвостъ; бузыня (прм.) ласковое названіе жены.

Бѣгачка (б.), рычагъ, которымъ передвигаютъ борону; (побѣгало (б.), кольцо на улуку бороны); бѣги (волж.), снасть, веревка, тяга.

Бѣличка (б.), бѣлка.

Валъ (Кал.), пластъ скошенаго сѣна; (тмб. пен.), куча сѣна, скатанная граблями изъ одного пласта.

Варитъ (Крс.), говоря о солнечномъ зноѣ; варъ (Т. С.), солнечный зной.

Варь (б.), овощная похлебка; (Т. С.), похлебка.

Ватажокъ (б.), самый старшій пастырь овецъ; (раньше названіе предводителя опрышковъ-разбойниковъ); (Т. С.), предводитель шайки, толпы, артели.

Велѣти (Син.), велѣть, приказать.

Вередитися (Син.), хвастаться, важничать; вередуха (Т. С.), пакостникъ, проказникъ, худой, бѣдовый баловникъ; вередливый (Т. С.), нѣженка, недотрога.

Веретеница (б.), ядовитая змѣя; (Т. С.), мѣдяница хрупкая, неядовитая змѣйка.

Вереи (Кал. Т. С.), столбы, на которые навѣшиваются полотенца воротъ.

Верхнина (Стр. Слав.), верхи (ярс. влгд.), сливки, снимки верхъ удоя.

Вершка (б.), верша, рыболовный снарядъ изъ прутьевъ.

Веселка, веселичка (Син. Либ. пск. смл.), радуга.

Весноватый (Стр.), тощій (Скотъ подъ весну); вешнять (арх.), доѣдать послѣдніе запасы къ веснѣ.

Волоки (б. южн-зап.), отборы, завязки у постолъ, лаптей.
Волотка (б.), вершина снопа, колосъ; (смб. кст.), стебель, горсть стеблей.
Вороски (б.), веревки, на которыхъ виситъ люлька; ворошить, ворохать (Т. С.), трогать, шевелить.
Ворохъ (б.), толпа, куча; въ вороху, вмѣстѣ, общими силами; (Т. С.), горка сыпучаго.
Время (б.), ненастье; (Т. С.), состояніе воздуха, погода.
Вывертка (б.), дерево опрокинутое вихремъ; (Т. С.), дѣйствіе въ значеніи: класть что въ переверть (состояніе—дѣйствіе); выверть (Яс.), земля у опрокинутаго дерева.
Вывозъ (б), дорога на гору; (Т. С.), дѣйствіе въ значеніи глагола.
Вывѣживати (б.), вывѣдывать, вывѣдать.
Выдруститися (Самб.), выдрыхнуться, выспаться.
Вѣдавь (б.), вѣдь, вѣдай.
Вѣяльникъ (б.), вѣяльщикъ.
Вязальникъ (б.), вязальщикъ.
Вязи (б.—вези), вязки, связки нѣкоторыхъ частей телеги, саней.
Гавзунъ (Кал.), корчага, большой горшекъ; гавезъ (ряз.), множество, тьма, пропасть.
Гарасиковатися (Син.), спорить, ссориться; гарасить (кал.), ударить.
Гачуга (Яс.), букъ, дерево; гачки (сиб. орн.), сосновое лыко, облонь, мезга.
Гинтяй (б.), парень, (гонтяй—гониться?); гилъ (Т. С.), шутникъ.
Глаза (Син.), ячменная каша; глазуха (пск. кал.), гороховая кашка съ крупой.
Глей (Яс.), грязь; (нврс.), глина; глевъ (Т. С.), слизь, покрывающая рыбу; глень (Т. С.), сокъ, влага.
Гнетенка (б.), кружочекъ сыра, находившійся или находящійся подъ камнемъ; гнетень (твр.), прижимъ, нажимъ.
Говѣти (б), истощаться; (Т. С.), поститься.
Година (Яс.), хорошая погода; (Т. С.), время, пора, часъ.
Головастень (б.), раст. головастикъ.
Голенатый (Стр.), голеняй, долгоногій.
Гонтина (б. Т. С.), короткая дранка, расколотое бревешко.
Гроза (Либ.), большущій, исполинскій; (нвг.), много, ужасъ сколько, пропасть.
Громовый день, (б.): дни свв. Иліи, Пантелеймона, Кирилла; (Т. С.): день св. Иліи.
Грузь (б.), груздъ (пск.), грузделокъ (сиб.), грузень (вят.), съѣдомый грибъ.
Гуляшъ (б.), пастырь въ горахъ; гуляшки (б. Т. С.), праздношатательство; гулевой скотъ (Т. С.), не рабочій, отгуливающійся на пастбищѣ.
Гуркало (Стр. Самб.), болтунъ; гурлить (сар.), болтать.
Гурный (Либ.), гордецъ; гурлить (влгд.), хвастаться.
Гутити (б.), густи, гудить.
Давнечко, давѣ (Син.), давичка, не такъ давно, еще сегодня.
Дань (Либ. Т. С.), подать, оброкъ.
Дата (б.), кормъ данный скоту дача (Т. С.), пайка, мѣсчина.
Двичи (б.), двоича (тмб.), двоичи (южн.-зпд.), два раза.
Девяносто (Син.), девяносто, (въ Галичинѣ общеупотребительно: девятдесять).
Дзюня (б.), дюжка, зюжка (твр.), поросенокъ.
Дневка (Либ.), работа одного дня; (Т. С.) проведеніе цѣлаго дня за занятіемъ.
Домарити (Яс.), домашничать.
Долгунья (б.), долгая рубашка у малыхъ дѣтей; (Т. С.), великорослый человѣкъ или другой предметъ.
Дѡ-разъ (Либ.), доразу (кал. кур.), сразу.
Досватки (б.), рукобитье, согласіе насчетъ приданаго.
Драница (б. Т. С.), колотыя, сосновыя дощечки для кровель.
Другаръ (б.), рычагъ у плотины, къ которому привязываютъ кормило; дружокъ (спб.), петля, вдѣваемая въ бердо.
Дужатися (Либ. зпд.), бороться; дужій (зпд. юж. кур. твр. кал. б.), крѣпкій.
Дучайка (Син.), дучка (Угр. юж.), дырка, дыра.

Жало (б.), жалива, крапива.
Жаркій (Самб. Т. С.), горячій, раскаленный.
Жасати (Симб. Кал.), ужасати; жасъ (ibid), ужасъ.
Жиръ (б.), буковые желуди; (Т. С.), масло, приволье, тропинки дикихъ звѣрей.
Жменя (б.), малый снопикъ соломы; (смл.), горсть чего; жмина (каз.), горсть колосьевъ.
Жмохати (кал.), жмакать, жмокать (ряз. ярс.), бить, колотить.
Жмурки (Либ. Т. С.), игра.
Завора (б.), ворота въ овинахъ; (Т. С.), засовъ, застава.
Заворотъ (б.), чадъ; (Т. С.), на дворѣ, ненастье.
Задавка (б.), дифтеритъ; (Т. С.), задавленіе.
Задаръ (Либ.), задаромъ, понапрасно.
Задубѣти (Либ.), задубѣть, окрѣпнуть.
Зазорити (Самб.), начинаетъ разсвѣтать; (нвг.), засвѣтить, зажечь.
Заметати (Стр.), заметать, завѣвать.
Запечекъ (б., скамья между печью и стѣною; (Т. С.), промежутокъ между печью и стѣною.
Зарубъ (б.), небольшое огражденное мѣсто для скота; (Т. С.), засѣка.
Зарѣдити (б.), дать въ пищу молока или масла; (Т. С.), дѣлать что̀-либо рѣже прежняго.
Запоръ (Крс. Т. С.), запирка.
Затворка (б.), окно; (твр.), ставень лавочки.
Затесъ (б.), желѣзная трубка у колеса, чтобы ось не стирала его; (Т. С.), затесанное мѣсто, засѣка.
Затынити (Ур. Т. С.), обносить тыномъ.
Захистъ (б.), что захичаетъ избу отъ стужи и вѣтра; захитить (Т. С.), защитить отъ стужи и вѣтра.
Заходистый (б.), неспокойный; заходчивый (Т. С.), скорый.
Зачерети (Самб.), зачерпнуть.
Звонецъ (Яс. Т. С.), раст. синелька.
Здоровкати (Стр.), здороваться.
Зимозель (б.), раст. зимовикъ.
Зубровникъ (б. Т. С.), растеніе.
Иванъ, самое обиходное имя; Иванъ головатый (Яс.)—растеніе похожее на клеверъ, цвѣтетъ бѣло; Иванъ-трава (Т. С.) кипрей.
Истина (б. стар.) Капиталъ.
Иржйще (Яс.), ржаное пожниво.
Ка, ко (б. Т. С.), частица, присоединяемая къ повелительному наклоненію въ цѣли поощренія.
Каблу̀къ, (клобу̀къ), каблучекъ, суконный или кожаный колпачекъ; ср. клебаня (Либ.).
Кавушъ, боченокъ, употребляемый горцами при приготовленіи овечьяго сыра – брындзы; кавшикъ, (прм., сиб.), плетенный изъ прутьевъ плоскій ковшъ для выборки изъ котла пельменей.
Казачка, медвѣдь; казакъ (прм.), боровъ; казачекъ (прм.), поросенокъ; (сиб.) самецъ кабарги; казачиха (арх.), самка моржа.
Казити (Самб.), портить, разбить стекло, искажать.
Кайла̀къ, отбросокъ дерева въ лѣсопильныхъ заводахъ; кайла (Т. С.), землекопное орудіе.
Каленица (Стр.), сосудъ для приготовленія глины; каленка (Т. С.), банная печь, каменка.
Калѣчина (Либ.), уродъ, хромой; калѣка (Т. С.), увѣчный.
Канатъ, самая толстая вервь, веревка.
Канятко (произносится кеньетко), малый сосудецъ; канька (арх.), деревянная кружка, жбанокъ; конюхъ; (вор. ниж.), ковшъ, ковшикъ; канка (Самб.), украшеніе головы у крестьянокъ.
Капа̀къ (Ср.), плугъ, ср. копа̀ть; лама̀къ (ib), сошникъ, лемехъ, ср. ломать,

Капустянка (Либ.), капустное поле послѣ уборки капусты; (прм.), помочь для рубки капусты.

Катранъ, передникъ: катранъ, катръ (Т. С.), растеніе, серпуха.

Кваснина (Либ.), кислое козье (или овечье) молоко, наз. у горцевъ жентиця; квасъ (Т. С).

Кедровка (Яс.), птица проживающая въ кедровыхъ лѣсахъ, Nucifraga caryocataetes.

Кервянка, кровянка (Лаб.), кровь, (твр. пск.), сукровица.

Кійнье, (б.) кій, которымъ глушатъ рыбу; кіемъ глушатъ рыбу подо льдомъ (Т. С.).

Кйлавка (множ.—й, Яс.), неспѣлая слива, выродокъ, падочка; килавое дерево (Т. С.), дерево съ наростами.

Килиндати (б.), медленно заниматься чѣмъ; Килиться (пск.), мѣшкать, медлить, возиться.

Кипѣти (б.), волноваться, кипѣть.

Кирина (б.), безпорядокъ, грязь; киръ (астр.), пропитанная нефтью земля.

Киселиця (б), борщъ изъ ржаной муки; киселина (Т. С.), кисельный растворъ, сулой.

Китайка (Либ.), кить, китица у папахи; китиця (Сип.), соломенная витушка, горсть соломы; кить (пск.), соломенная плетеница.

Кичер(к)а (Либ.), обрывистая гора, покрытая лѣсомъ; кичить (Т. С.), кичень (твр. пск.), гордецъ; кичерюга (ол.), берестянка.

Кладня̀ (б.), копна; кладь (Т. С.), стогъ, скирда.

Клепачъ (Либ.), клепецъ (Т. С.), молотокъ, которымъ отбиваютъ косы.

Клубъ (б.), дерево, опрокинутое съ корнемъ; клубъ дерева (Т. С.), сучья, вѣтви и листья.

Клюка (Лвб.), крючекъ съ загибомъ.

Клянчити (б. влгд.), просить, кучиться, канючить.

Кобелецъ, тычекъ надъ кроватью, для повѣски платья: коба (нвг.), кобелъ (вост.) колъ, тычекъ.

Ковбиця, ковбокъ, ковбня̀, ковбанъ (Стр.), пень, для рубки дровъ; коба, коблюхъ (Т. С.), колъ, пень, надолба; ковня, наковальня.

Ковйряти (Яс.), долго хворать; ковéркать (Т. С.), гнуть, ломать, мять, сгибать. Его падучая коверкаетъ; ковырять, копать, рыть; ковылять, хромать; поживать кой-какъ; всѣ перековыляли, перехворали; кыркать (твр. пск.), хворать, недомогать.

Козелъ (б.), долгая жердь у кормы; (Т. С.), ручной воротъ; (влгд.), два кола на крестъ перевязанные вицей.

Колѐсни (об.), двухколесная тележка у плуга.

Колосйна, колосинье(-ья) (Стр.), вотря, вымолоченные или недомолоченные колосья для корма скота; (сѣв.) колосяга.

Колоситися (б.), колоситься, растить на себѣ колосъ.

Колотилецъ (б.), палка съ колокольчиками, употребляемая свадебнымъ бояриномъ; колотило (Т. С.), клепало, желѣзная доска, въ которую бьютъ сторожа.

Колотушка (об.), колотавка (б.), колотилка, снарядъ для колоченья.

Колубахъ (Стр.), водоворотъ; колотьба (Т. С.), дѣйствіе и состояніе по знач. глагола.

Колыба (б.), изба горцевъ изъ досокъ и коры; колыбель (Т. С.),... родина, мѣсто рожденія.

Колядо̀ванье (б.), обрядъ хожденія по домамъ, въ дни Рождества и Новаго года, съ поздравленіями и пѣснями; ходятъ парни и дѣвушки; коляда, коледа (юж. зап.), святки, праздникъ Рождества Христова и всѣ дни до Богоявленія.

Коль (б.), коли, если, буде.

Кома̀нка (Яс.), клеверъ, трилистникъ; команйка,—йца (твр.), ягода, перелетъ, латочный горошокъ, Gemeiner Hornklee.

Комарникъ (Стр.), плетенная постройка, гдѣ спятъ пастыри и гдѣ хранятъ овечій сыръ; (арх. астр. урльс.-каз.), холчевая накидка, калпакъ на всю голову, съ сѣткою изъ конскаго волоса передъ лицемъ.

Конюхарити (Самб.), быть конюхомъ.

Конюшѝна (об.), клеверъ, трилистникъ; (твр. пск.), раст. конскій щавель.

Копаня (Либ.), доска у устья печи, печная заслонка; копаница (кур.), одноручная кирочка печниковъ.

Копани (об.), пара санныхъ полозьевъ.

Копылъ, копылья (Стр. Либ.), въ санныя полозья вдолбленные копылы.

Коржъ, овсяный хлѣбъ; (юж.), прѣсная лепешка.

Корòлька, королица (Яс.), растеніе, родъ трилистника; садовые корольки, (Т. С.), красный, стручковатый перецъ.

Кортàчка (Самб.), нетерпѣливое выжиданіе, страстное влеченіе; кортѣть (вост.), жадно выжидать.

Корчàга (Син.), корчуля (Стр.), глиняный сосудъ съ узкой шейкой; (Т. С.), большой горшокъ.

Космогрудый (Самб.), съ косматой грудью.

Котячка (б.), овечья волна, смѣшанная съ шерстью; котиться (тмб.), объ овцахъ или козахъ, ягниться; котька (гяз.), ягня.

Кочерыга (Син.), брюква, нѣмецкая рѣпа; (Т. С.), хрящеватый кочанный стебель.

Кочѐрга (б.), кочергà, печная клюка.

Кохать (б.), заботливо ходить около скота; кохать(ся), (смл. зпд.), любить(ся).

Крещàтина, крещàтое полотно (Либ.), полотно въ крестахъ; крещатый (Т. С.) въ крестахъ.

Кривуля (Син.), что либо кривое, изогнутое.

Крошня (Самб.), плетеная корзина, для ловли рыбы; долгая плетенка съ холщевой крышкой для телегъ.

Крутарь, (Либ.), сумасбродъ, пройдоха, обманщикъ; крутила (Т. С.), крутящій что-либо; крутиль (Либ.), крутильня, отдѣленіе канатнаго завода, гдѣ крутятъ веревки; крутѝло (Стр.), крутливѐцъ (Син.), пучина, водоворотъ, крутень (Т. С.); крутить (б.), приготовлять дерево къ спуску, въ рѣку; круть, крутизна (Т. С.), обрывъ, утесъ, скала; круторогій (об. Либ.), волъ.

Кручѐника (Самб.), крендель; кручники (ярс.), гостинцы, лакомства, приносимые женихомъ невѣстѣ.

Крушѝна (б.), рябина; (Т. С.), горная береза, карлушина.

Крыжовница (б.), поперечный шестъ между дышломъ и грядками саней; крыжевать (Т. С.), вязать накрестъ.

Крыша, крытіе, прикрытіе, кровля.

Крянути (Либ.), грянуть, ударить.

Кубашка (б.), деревянный сосудъ съ ушкомъ для питья; кубышка, (Т. С.), деревянный или кожанной сосудъ для питья.

Кугава (Син.), обрывъ, ярь; когва, когма (арх.), второй слой льду, намерзающій отъ морскихъ приливовъ; куговина (сред. и юж.) мѣсто заросшее кугою, тростникомъ; куàва (Калуш.), престарѣлая изба; (кал.), неопрятный растрепа.

Кỳканица (Яс.), вешній цвѣтокъ; кỳколица (Т. С.), раст. Melandrium pratense, лѣсной куколь.

Кумбỳкъ,—чъ (Яс.), кривое, выбракованное дерево; комель (Т. С.), толстый конецъ бревна; комлюхъ (твр.), дубина, комель; комъ (Т. С.), обломокъ, кусъ.

Курта (Стр.), короткая мужская одежда; куртый (Дрог.), короткій; (Т. С.), курта, куртикъ (дон.).

Курево (Стр.), служащее для курки, дымленія въ пасѣкѣ.

Кучма (б.), шапка изъ цѣлаго барана; (Т. С.), выслоухая, мѣховая шапка.

Кушка (Калуш., вор.) у косарей, бурачекъ съ водою и съ брускомъ для правки косъ, ср. точѐкъ.

Кущавый (б), больной, истощенный, сухощавый; кущникъ (арх.), старикъ-отшельникъ.

Лавка (б.), пѣшеходный мостикъ, кладка; (юж. нвг. ярс.) лава.

Лагодный (б.), готовый, снаряженный къ дѣлу; лагодиться (юж.), собираться.

Ладкати (Стр. Самб.), пѣть свадебныя пѣсни; ладо (Т. С.), мужъ; ладковать (Тул.), сватать.

Лазъ (б.), изба горцевъ въ полѣ, гдѣ проводятъ все лѣто; (Т. С.) тѣсный проходъ, путь, гдѣ проходятъ звѣри.
Ламанье (отъ ломать, Либ.), ломанье, дѣйст. по знач. глагола (ломать стручки, лопатки кукурузы).
Латити (лип.), покрывать избу латинами; (кур.) лата, латвина; (юж. зпд. твр.) латать.
Легинь [1]) (б.), парень, холостой человѣкъ; легастый, легостай (влгд.), вѣтренный опрометчивый человѣкъ.
Леговище (б.), мѣсто на пастбищѣ, отведенное для скота; логовище (Т. С.), лежка, лежище, постель животнаго.
Лежанка (Син.), тифъ; лежка (нвг.), повальная болѣзнь.
Лёжень (б.), лѣнтяй, лежебокъ.
Лелетка (б.), сова, сычъ; птица, которой появленіе на гумнѣ предвѣщаетъ смерть члена семьи; лелекъ (Т. С.), козодой; лелетка (смл.), овсяная мякина; лелетки (Либ.), блёстки; лелеять, (кур. вор.), мелькать, блестѣть.
Леличъ (б.), родъ дерева, растущаго въ горахъ, можевельникъ, сухія ягоды котораго употребляютъ, какъ кадило; лельямъ (Ряз.), куренія, благовонія.
Леска (б.); плетеная изъ прутьевъ сѣть; леса (вят.), лесодь (твр.), леска, лѣса, нить или шнуръ на удѣ.
Липина (б.), скипка, которой свѣтятъ по вечерамъ; (кур.) липовая лучина; лапникъ (Калуш.), липецъ (Т. С.), вареный бутылочный медъ (съ липоваго сока).
Липиниця (Яс.), липучка (Т. С.), раст. пряда.
Лихва (об.), ростовщичьи проценты.
Логинъ (Син.), лежащее дерево; логъ, логовина (Т. С.), балка, ущелье, долина.
Ломскій (б.), о молодомъ баранѣ говорятъ; (Т. С.), ломаться, о коровахъ: быть въ порѣ, въ течкѣ; (прм. вят.), метаться во второй половинѣ стельности, ломоватый, неуклюжій, грубый; ломовитый, дюжій, плотный, здоровый.
Ломыгати (Либ.), бить кого ломагой, палкой; ломыхать (нвг. пск.), ломать, коверкать, мять.
Лопарь (Либ.), лопата; (названія разныхъ лопатъ, какъ: заступъ, городникъ, общеупотребительны въ Галичинѣ).
Лопата (б.), городникъ, деревянная лопата съ оковкою, гора непокрытая деревомъ и зеленью; глядѣть подъ лопату, готовиться умирать; во время грозы выносятъ лопату или кочергу на дворъ; (ср. Т. С.).
Лопатень, напарій, коимъ сверлятъ ступицы, колеса.
Лопатка (б.), стручекъ гороху; (об.) деревянная дощечка съ рукоятью, усыпанная по смолѣ пескомъ для правки косъ.
Лоскавецъ (б.), растеніе василекъ, служащее къ украшенію; (Т. С.) лоскутникъ, лоскутница, раст. василекъ, волошки.
Лоточить (б.), бранить, ругать; лотошить (юж. курс. тмб. вят.), лепетать, болтать, молоть языкомъ бойко.
Лубье (об.), лубъ, лубки, кора.
Луговина (б.), лоза, изъ которой плетутъ корзины; (Т. С.), небольшой лугъ; (ниж.), мурава, дернъ; пролѣсокъ, прогалина.
Лудити (Либ.), манить собаку; (Т. С)., обманывать.
Лукавити (б.), ненавидѣть; (Т. С.), дѣйствовать коварно.
Лутье (б.), лыка; лутьё (кур., ряз.), молодой липнякъ, годный для съемки лыкъ.
Лучинйця (Стр.), лучина, щепань.
Лѣвакъ, лѣвкунъ (об.), лѣвко, лѣвачь, лѣвшакъ.
Лѣпакъ (Самб.), вареникъ; (Т. С.) лѣпокъ, липкій комъ, лепёшка.
Лѣпанда (Самб.), мазь изъ воска, смолы и сала; (окончаніе)!
Лѣтеплый (Либ. пск.), тепловатый, о водѣ.
Лѣто-сь (об.), лѣтомъ, прошлымъ годомъ.
Лѣторостъ (Син.), лѣторосль, вѣтка.

[1]) Мадьярск. legény—парень, молодецъ.

Любасъ (б.), любаша, избранный.
Лютый (об.), свирѣпый, звѣрскій.
Лямити (Яс.), увидѣть что; (пск. твр.), тянуть, мѣшкать.
Манна (б. юж.), медовый опадъ въ теплую лѣтнюю ночь; (юж.) собираемое въ южной России по росистой травѣ сѣмя.
Мановцы (об. гал. мановцй), оманецъ (Самб)., дорога наугадъ, прямкомъ, (Т. С.) мановьемъ, мановью.
Мантäрь (Самб. Стр.), манйла, манщйкъ (Т. С.), обманщикъ, надуватель.
Мáточина (Самб. юж. зпд.), колесная ступица.
Маценьй, маценьятко (Син.), мацинча (Самб.), махдня, махдтка (ряз. тул. тмб.), кашничекъ, маленькій горшечекъ.
Мжа, мжиця (Син., тмб. тчл. кил. вят.), холодный, мокрый туманъ, мелкій дождь; мга (кал. тул. кур.).
Медвяный (б.), дорогой, сладкій.
Ментусъ (б.), мантусъ (Смб.), рыба мень, налимъ.
Метель (об. Либ.), вихорь со снѣгомъ.
Міръ (Яс.), народъ, громада.
Митьмà (Син.), на поперекъ бросить; ср. опрометью (Т. С.).
Мнюхъ (б.), родъ рыбы; (Т. С.), мень, рыба; мня, обжора.
Мокрышъ (б.), родъ зелья; мокринникъ (Т. С.), растеніе.
Молиститиса (Стр.), маливать, покорно просить.
Молодина, верхнина (Либ.), сливки; молодь, молодизна (Т. С.), пѣна на недобродившемъ пивѣ, меду, квасу.
Молотилка, молотильня (об.), молотня (Самб.), молотильная машина.
Мòлотъ (Стр. об.), дѣйствіе и состояніе по знач. глаг.
Морокâ (Либ.), топкое болото; ср. мокротà, мокредйна и морòка.
Москати (Дрог.), ударять со стукомъ; (нвг.) москотать.
Мостъ (б. сѣв. вост. орл. тмб. ряз. смл.), избной полъ, помостъ.
Мостовка, мустъ (Син.), навозная жижа; мустъ (Т. С.) виноградное сусло, ягодный сокъ.
Мошна (-я), кошель, сумка, киса.
Мочà (Син.), урина.
Моцарь, мочäрь (Либ.), мощный, крѣпкій человѣкъ.
Мочйло (б.), прудъ; колдобина, прудъ (Т. С.).
Мрѣвый (б.), дождливый, больный; мрѣть, мрѣять (Т. С.), маячить, мерцать, неясно обозначаться въ мракѣ.
Мудерный (Калуш.), мудреный, искусный.
Мурандиль (Либ.), морандель (Дрог.), муравей.
Мурашовникъ (Яс.), муравьиная трава.
Муреша (б.), овца съ желтыми пятнами; мурашанъ (Т. С.), о шерсти коровъ, собакъ: волнистый, мрамористый, рыжебурый съ черною волною, желтоватый съ темнобурою волною, темнопестрый, въ волнистыхъ полосахъ и пятнахъ.
Мургатый, мурганистый (Самб.); мурый, мурастый, муругій (Т. С.), темнопестрый.
Мучанка (мучонка, Либ.); мўченка, мўчница (арх.), мучнянка (Т. С.), мучная болтуша, саламата.
Мушеникъ (Тур.), мошенникъ.
Мѣровникъ (Яс.), землемѣритель, инженеръ.
Мѣрчити (Син.), брать установленное количество зерна за молотье въ мельницѣ; мѣрка (Т. С.), мѣреніе.
Надега (б.), надёжа (нрд.), надежда; ср. помога у (Некрасова: Морозъ, красный носъ XXII).
Надчалистый (Либ.), наглый; чалить (Т. С.), привязывать, наставать, напирать на кого (отдѣльно наплавистый (Либ.), наглый.
Нанизати (Либ.), нанизывать.

Напоръ (Стр.), ступица у колеса; (Т. С.) напиранье.
Нараквицы (Яс.), вязанные или суконные рукавчики.
Нарожницы (Син.), угловые снопы крыши.
На̀-силу (Либ.), насильственно; на̀-стежь (об.), распахнулъ.
Настрамокъ (об. гал.), острамокъ (смб. пен. влд. ниж.), возишка сѣна.
Начахолити (Самб.), нарубить дерева; чахнуть, чахлый (Т. С.).
На̀шибка (Яс.), варывъ; нашибать (Т. С.), сбивая ронять что, ударять.
Недоходокъ (Яс.), недоноска (обуви).
Нетеча (б.), малый ручей; нетека (Т. С.), остановка теченія.
Норичка (б.), норка, водяной звѣрекъ въ родѣ выдры.
Нѣмота (об.), нѣмецъ, всякій иностранецъ, не говорящій по русски.
Нѣтъ (б.), нѣтъ.
Нюхтити (Яс. сиб.), причувать, искать чутьемъ, слѣдить.
Обгонянка (б.), открытый овинъ для овецъ; обгонокъ (Т. С.), небольшой участокъ дороги, гдѣ гурты обгоняютъ верхомъ.
Облавъ (Самб.), облава (зад.), осока.
Облазъ (б.), облазная тропа, (Т. С.), узкая окольная дорога, тропа.
Облиця (Либ.), облецъ (влгд.), обля̀къ (кур.), круглое неколотое полѣно, пень, чурбанъ.
Облукъ (б.), скрученная обечайка; (Т. С.), грядки на телегахъ, саняхъ; облучать (Т. С.), обогнуть, обнести лучкомъ.
Ободъ (об.), гнутое дерево, образующее колесо.
Оболонка (б.), оконное стекло; (кур. кал. зап.), болонка, оконная, оконное стекло.
Оборины (б.), этотъ моментъ свадьбы, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы идти съ ней въ церковь; обирать (юж. марс.), избирать; отымать, грабить.
Оборень (б), ушко въ лаптѣ.
Оборины (б.), опора, столбы, на которыхъ покоится передвижная крыша.
Обручъ (б.), обечайка, которой привязывается крышу «оборога» (стога) къ столбамъ оборинамъ.
Обсѣкати (об.), обсѣкать, обтесать; (б.), обносить землею молодую картошку.
Обухъ (об.), обнимающій ухо сѣкиры, тупеё.
Обчимхати, обчемсати (Самб.), обчѝкать, обрѣзать, обчакрыжить.
Обчѐрати, обчерсти (Яс.), очерчивать деревья, сбивать кожу, лупить кору.
Обыдлатися (б.), прижиться, обытѣть: обыклый (Т. С.), къ дѣлу навычный, привыклый.
Обыльцѐ, (обельце), (Яс.), стебель растенія; обельно̀й (сиб.), округлый, облѐцъ (влгд.), круглое полѣно.
Огарокъ (об.), остатокъ свѣчи.
Оденокъ, одонокъ (б. гуц.), одѐнье, одонокъ (влд. сар. кур. орл. новг. тамб. тул.), круглая скирда.
Одностебѐлица (Яс.), родъ травы; одностебельный (Т. С.), о растеніяхъ.
Отъ (Либ.), чтобы; (мск. ряз.), неузи, трели.
Ожеледиця, ожеледъ (Син. юж.), гололедь.
Озниця (Сам.), дыра въ крышѣ, на мѣсто трубы; ср. сквозной.
Окидь (б. кстр.), изморозь, иней.
Околотовати (Син.), полуобмалачивать; околотъ, около̀токъ (об.-гал. влд), околоченный, обитый снопъ.
Окопище (об.-гал.), еврейское кладбище; окопъ (тул.), окопанное кладбище.
Окуръ (Яс.), огонь разведенный для окурки комаровъ; (Т. С.), окуриванье.
Омачка, ма̀чка (б.), юшка въ мундштуку, табачная жвачка; обма̀чка, обмакиванье; (новг.) вареный и мятый картофель въ маслѣ.
Омяснутися (Либ.), ошибаться; омягнуть (зап.), угомиться, изнемочь.
Ондѣ, оногда (нар. об.), тамъ, недавно.
Опачина (б.), корма плотины; опашня (сиб.), гребокъ, весло.
Оплета (Самб.), оплеть, плетенка.

Оплетины (Либ.), плетенка для кос.
Оплеча (Либ.), женская рубашка; оплечникъ, оплечье (Т. С.), нараменникъ, шитокъ женскихъ рубахъ.
Опой (Дрог.), опіумъ, отрава; (Т. С), опиванье, перепой.
Оскарбъ (Самб.), топоръ; оскарябить (вор. моск. ряз.), оцарапать.
Осквернитися (Либ.), запачкаться, оскверниться въ постъ.
Оскепище (Дрог.), древко, грабельная рукоятка; (стар.), древко копья.
Оскорбъ (Син.), оскорбленье, несправедливость.
Ослемени (б.), кривые дрюки, подпирающіе хижины горцевъ; оследь, оследина (прм. вят.), ослопъ, ослопина (сѣв. вост.), бревно, жердь, дрюкъ, колья.
Ослонъ (Самб. зап. юж.), лавка, приставная скамья; (новг. пск.), жерди, для сушки сноповъ, остовины.
Остебня (Самб.), желѣзная драбина; остебать (Т. С.), строчить, остегать.
Остѐга (Самб.), колосовая ость; остѐга (Т. С.), околотень, отбоишъ.
Островъ (б. пск. твр. новг. птрб. прм.), лѣсины съ острякамп для сушки хлѣба въ копнахъ.
Островки (Син.), оборни, ушки въ лаптяхъ.
Отбой (б.), бревна плотинъ, вздерживающихъ воду рѣкъ; (Т. С.), отталкиваніе, отраженіе.
Отказать что̀ кому, (об.), завѣщать.
Охаба (Стр. Сим.), толстое бревно; лужа сухое русло рѣки; охабка, (Т. С.) вязка дровъ, соломы.
Ошуя (б.), человѣкъ, никѣмъ не любимый; ошуять (Т. С.), быть отвержену.
Па̀даличина (б.), изломы въ лѣсу, изломанныя деревья; па̀далица, па̀далище (Т. С.), обоишъ, плоды обитые вѣтромъ, вѣтробой, обронъ.
Патъ (Яс.), пазъ (Т. С.), узкая и длинная щель, скважина, желобовина въ доскѣ.
Па̀здерити (Др.), па̀здерить (влгд. арх. прм.), сдирать, драть, сѣчь, наказывать.
Паленя (Либ.), паленикъ, паленка, лепешка, испеченная въ золѣ.
Палій (об.), день св. Иліи 20-го іюня; паликопа (юж.), паликопна (ряз.), день Бориса и Глѣба 24 іюля.
Па̀молодокъ (Самб.), отпрыскъ, побѣгъ у растеній.
Па̀морока (Син. сѣв.), морось, пасмурная, мрачная погода.
Памятки (б.), память (Т. С.) церковная служба въ честь святыхъ или въ поминовеніе усопшихъ.
Па̀ренити (Самб.), па̀рить (Т. С.), пахать первый разъ.
Па̀ровина (Дрог.), дубина, толстая палка; парня (Т. С.), устройство для распарки и гнутія дерева, для выдѣлки ободьевъ, дугъ.
Пасклемъ (б.), клинъ у косы; пакленки (Т. С.), коротkіе обрубки бревенъ; паскальникъ (кмч.), тонкая жердочка.
Па̀сѣка (Самб. нвг. пск.), посѣка, лѣсорубъ, гдѣ лѣсъ рубится.
Пасть (Самб.), ловушка, слопецъ, западня.
Пеня (б. юж.), выговоръ, упрекъ, бѣда.
Первоха (б.), корова съ первымъ телятемъ; (Т. С.), кличка коровы.
Перелѣсокъ (б.), несплошной, прогалистый лѣсъ.
Переме̄тка (б.), бѣлое, холщевое рядно, которымъ прикрывается невѣста при входѣ въ церковь; (Либ.), кладка.
Перѐметье (б.), переметь, переметикъ (Т. С.), поворы, паутины, плетенка изъ прутьевъ.
Перѐпе̄чка (б.-гал.), пѐрепечь (прм.), хлѣбное печенье, собираемое попами.
Перепонина (б.), ремень которымъ сшиты носы лаптей; перепона (Т. С.), болона плена, кожа.
Перерубъ (Самб.), перегородка въ амбарѣ, житницѣ.
Перила (б.), переводина въ амбарѣ; (Т. С.), поручья, обносъ, ограда въ поясъ, переводина на столбикахъ.
Перистый (Син.), пестрый; (Т. С.), оперенный.

[1]) Перть (Стр.), перть (Син.), тропа, которой овцы ходятъ; (Арх.), хилая изба.
Печура (б.), печеная картофель; (Т. С.), заломчикъ въ печи, гдѣ ставятъ, грѣютъ или сушатъ кое что.
Пили (б), шибко, живо, скоро; пиль (Т. С.), пора жаркой работы, лѣтнія работы, страда.
Пипàкъ (Либ.), пипка (Т. С.), опухоль, нарость или высокая бородавка.
Порхнути, порхнути (Син.), порхать, порхнуть, взлетѣть.
Плавця идти (Либ.), плынуть, пловкомъ гонить, плавить.
Платати (Либ.), чинить одежду, (об.-гал.) латати.
Платка (Либ. пск. твр.), заплатка.
Платина (Самб.), платы (прм.), платокъ, фата, платъ.
Плаха (Кал. Яс. Т. С.), колода, плашковатыя (гал.), плашниковыя (Т. С.), дрова, колотыя пополамъ, плашка (Яс.), скамья.
Плесо (б.), глубокое мѣсто въ тихо плывущей рѣкѣ; плесо, (Т. С.), плесъ (дон.) плесина (тмб.), прямое теченіе, межъ двухъ изгибовъ.
Плетеръ (б.), плетень (Т. С.), тынъ, заборъ изъ хворосту.
Плосканъ (Либ.), плоскость, ровная поверхность.
Плотникъ (б.), сверло, употребляемое при стройкѣ плотинъ; (Т. С.), топоръ, долото и другія орудія плотника.
Поволити (Яс.), поволить (сѣв.), соизволить, дать въ чемъ волю, оставить (б.); повилять (Т. С.), уклоняться.
Повѣковати (Либ.-об. гал.), повѣковать, долго пожить.
Погарь (б.), гарь, погорѣлый лѣсъ.
Погдй (Либ.), погоди, подожди, (въ скороговоркѣ и въ другихъ говорахъ *о* не слышно).
Погодйти (Яс.), счастливо случиться, повезти говоря о ведрѣ.
Погостити кого (Кал.), угостить кого; погостить (Т. С.), гостить у кого.
Пòдавно (Др.), пòдàвну (нар. вост.), давно.
Подобой (Син.), подкладка, подшивка.
Поддувати, поддути (б.), раздувать пламя, зажигать скибку.
Подкладка (б), подкладъ подъ сѣдло; (Т. С.), вещь подсунутая подъ чтò либо.
Поднебенье (Стр.), сводъ печки; поднебина (тмб.), подставка подъ верхъ.
Поднèвокъ (Яс.), нива, требующая одного дня для вспаханья; поденный (Т. С.), денной, въ теченье дня бывающій; подѐнкомъ (твр.), поденно, поденщиной.
Подорожникъ (б.), мохъ; (Т. С.), нѣсколько родовъ растеній.
Подпèчины (Яс.) подпèчье, подпèчекъ (Т. С.), опечекъ, основанье печи.
Подплетень (б.), обечайка изъ прутья; подплетать (Т. С.), проплетать.
Подстолины (Либ.), подстолье, часть стола: ножки съ обвязкой.
Подушка (б.), брусъ, поддѣлка подъ передокъ телѣги для шворня; (Т. С.), всякая подложка, для упору.
Подь (б.), повелит. накл. = пойди.
Позирати (Либ.), позирать, посматривать.
Поимитись (б.), приняться, взяться за чтò; поиматься (новг.), обѣщаться, взяться за чтò.
Покровецъ (Самб.), покрывало; общеупотребительно въ значеніи: платъ, которымъ, покрывается дискосъ.
Полà (Син.), плита; полье (Собир.), плиты.
Полата (б.), полка, куда горцы кладутъ сыръ; полати (Т. С.), помостъ и подмостъ.
Пòлегки (Либ. Дрог.), пòлегку, легко (въ значеніи: мнѣ полегку жить).
Полица (б.), полка, сошная полица, отвалъ, лопата, придѣланная повыше сошника для отвала земли.
Полка (об-гал.), передникъ, пола.

---

[1]) Лит. pirtis—баня, также сушильня (для льна—jaujа). Па-перть—старый предл. па (па-жить, па-мять, па-сѣка). Нын. паперть—не первоначальнаго, а переносного значенья. *Ред.*

Полубка (Угр.), ситяная обечайка; полубина (пеп. смб.), лубъ, лубокъ, кора старой липы годная на крышу; полубь (пск. тар.), береста для повивки горшокъ.

Полянка (Самб.), поляна, лѣсная прогалина.

Пометь (Стр.), хлѣбъ въ покосѣ, покошенный хлѣбъ.

Помолодитися (Крс. говоря о небѣ), помолаживаетъ на дворѣ (нвг. кстр.), клонится къ дождю, къ ненастью.

Пониже, повыже, ниже, выже (б.), ниже, выше. (Общеупотреб. нижше, выжше).

Понюрити (б.), заниматься, трудиться; понурый, понырый (Т. С.), наклонный, потупленный.

Порожникъ (Самб.), уголъ у порога, для метлы; (Т. С.), понуростъ, склонъ, передъ устьемъ топки.

Посоромити (б.), бранить кого; посрамить (Т. С.), пристыдить, осрамить.

Пōстникати (Либ.), постничать, поститься.

Пŏсудокъ (Ур.), сосудъ; пŏсудъ (смл.), столовая посуда.

Потаращити (Угр.), потащить; (Т. С.), потаращить глаза.

Потахнути (Кал.), потухнуть, погасить.

Потроптити (Либ.), измять, растоптать посѣвъ; тропать (нвг. арх.), топать, стучать ногами; тропотъ (Т. С.), топотъ многихъ тропа, дорожка.

Потя (гал.), украшеніе, въ видѣ гусьихъ дѣтенышей, на свадебномъ караваѣ; потька, поточка (влгд. вят.), пичуга, птичка.

Прайникъ (Либ. гуц. прàникъ), праникъ.

Праскати (Либ.), трескать; (орнб.), праскъ, трескъ.

Привой (б.), ремень, которымъ привязываютъ молотъ колокола; навой, привитый конецъ веревки.

Пригатокъ (б.), малая плотина у берега рѣки, пруда; пригатить пруда (Т. С.), увеличать его, отнести плотину ниже.

Придурковатый (об.-гал.), придурковатый, глуповатый (общерусск.).

Прилавокъ (б.), полка въ низу шкафа; (Т. С.), глухая придѣланная къ чему лавка (тоже).

Прилуда (Стр.), узкая полоса луга, земли; прилугъ (сиб.), порѣчье; прилужать (сѣв.), залужать, задернѣть.

Примѣрокъ (б.), набавка; примѣрка, примѣръ (Т. С.), излишекъ оказавшійся въ чемъ мѣрою, противъ назначенія и счету.

Присѣнокъ (Сим.), сѣнцы, пристроенныя сѣни.

Притьмомъ (б. юж. зап.), внезапно и спѣшно, безотложно.

Притыка (б.), часть телѣги, соединяющая ея тыльную часть съ передней, шкворень; (Т. С.), затычка.

Прищебсти болѣзнь (б.), прекратить ее лѣкарствами; прищебенить (Т. С.), посыпать щебнемъ; прищемъ (Т. С.), придавленіе.

Прищепа (б.), привитая вѣтка; прищепъ (Т. С.), привой, насадка.

Причōлокъ (Оп.), чело избы, причѐлина (сар.), подоконникъ, дощатая прибоина верху дверей или воротъ; (орл.), бабій головной уборъ.

Проваль (Стр.), проваль, провалина, ущелье.

Провередити (Др.), пробить ножемъ или остріемъ, повредить.

Прогайновати (об.-гал.), прогалунить (Т. С.), промотать.

Проглубь (Стр.), глубь; проглублять (Т. С.), углубить напр. рѣку.

Прогòня (Либ. Т. С.), прогонная дорога, въ изгородяхъ, гдѣ прогоняются скотъ на выгонъ.

Прозрѣнье (Оп.), полученіе зрѣнія.

Пролубь (Либ., Т. С.), прорубь, прорубанное во льду окошко.

Прометный (Яс.), пронырливый, любопытный; прометчивый (Т. С.), опрометчивый, скорый и неразсудительный.

Пронурщикъ (б), птица рыболовъ; пронырщикъ (Т. С.), пронира, пролазъ.

Простый человѣкъ (Стр.), простой, добродушный человѣкъ.

Протōсъ (Либ.), протесъ (ниж.), самый толстый тесъ для построекъ.

Прохватная дорога (Стр.), дорога черезъ горы и долины; прохватокъ, (пск., твр.), разстояньe, пространство, которое надо пройти, прохватить работой; прохватка (Крив.), усталость.

Прочухрати (Кал.), высѣчь, избить; прочуханка (Т. С.), головомойка, розги.

Проща (б.), рѣчь у могилы покойника; прощать, простить (Т. С.), освободиться отъ мукъ и страданій, упокоиться.

Пруда, прунда (б.), сила, молодой сильный человѣкъ; (Т. С.), ребенокъ, который прудится въ постель; пруга (Т. С.), пружина.

Пўга (б. юж. зап.), кнутовище.

Пупакъ (б.), падочка у сливы, неуспѣвшій развиться зародышъ; пупокъ, пупочекъ (Т. С.), зародышъ, почка на растеніяхъ.

Пустый (б.), пустой, плохой, тщетный.

Путь (б.), дорога.

Пчелинецъ, пчѣльникъ (б.), пасѣка; пчелинецъ (ниж.), пасѣчникъ.

Пыплятн (б.), пыплить (зап.), шипля́ть, дѣлать что̀ копотно, мѣшкотно.

Пѣнка (б.), сливки, сметана; (Т. С.), плена или корка, осаждающаяся на остывающей жидкости.

Пѣхурка, пѣшка, пѣшакъ (б.), тропинка для пѣшеходовъ; (Т. С.), шахматочная пѣхота.

Пялы (б.), шесты, служащіе для уставленія сѣтей на рыбу; доска, натягивающая веревку у пилы; пяло (Т. С.), шестъ, доска, для разстяжки чего либо.

Пятакъ (б), пятерикъ, бревно пяти саженъ длины.

Равашъ (Яс.), слѣдъ послѣ раны; равча (ол.), железа, опухоль, волдырь.

Ревкати (Яс.), ревѣть, громко кричать, бранить кого; ревѣть, ревка (Т. С.).

Ретитися (Стр.), биться; ретиться (Т. С.), горячиться, храбриться.

Ровень (Син.), равнина.

Рога̀тина (Яс.), рѣзное украшеніе въ видѣ рога; (Т. С.), ручное оружіе.

Роженъ (б.), шестъ, тычекъ у граблей; копылъ, заостренный шестъ.

Розлучка (б.), овца, разлученная отъ общаго стада, для отдачи хозяевамъ подъ зиму; (Т. С.), дѣйствіе по глаголу разлучать.

Розсоха (Ур. Син.), разсоха, развилина, вилы.

Роско̄лъ (б), плетенная ограда, гдѣ стоятъ разлученныя овцы «розлучки»; расколъ (Т. С.), дѣйствіе по глаголу «расколоть».

Ростерети (б.), растирать, растереть, молоть.

Росточка (Самб.), росточь, оврагъ, водороина.

Ростока (б.), растокъ рѣки на два рукава.

Росцарапати (Угр.), расцарапать, разодрать ногтями.

Рубатка, рубатя (Стр. Либ.), рубашка.

Рукопачь (б.), усердно приниматься за дѣло; рукопашь (Т. С.), схватка, ручной бой.

Рунокъ (б.), прутъ, тонкій хворостъ; руно (арх.), ростовая трава на пожнѣ, китина, вырваный повойный кустъ.

Рунтовати (Яс.), уничтожать раззорять; (г) рунтовати (?), сравнивать съ землей; рунь (Кстр.) рубище, лохмотье.

Рыбарити (Яс.) нвг.), ловить рыбу.

Рындье (б.), платье; рында (стар.), тѣлохранитель, оруженосецъ.

Рѣзецъ (Син.), всякое орудіе для рѣзки.

Рѣзуха (Яс.), родъ травы; рѣзуня (арх.), трава, которой скотъ не пасетъ.

Саганъ (Самб. днс.), большой горшокъ, миска.

Саква (б.), холщевая сума.

Самодругъ (Син. Либ.), самъ-другъ, вдвоемъ. Самодесятый (Син.), вдесятеромъ, самъ-десять. Самодвадьсятый (Син.), вдвадцатеромъ. Самотреть (Син. Либ.), втроемъ. Самочетвертый (Син.), вчетыремъ.

Самосѣвный (Яс., Т. С.), все родящееся отъ сѣмянъ, само собою.

Свищъ (Син., Т. С.), проточенный червемъ и выѣденный орѣхъ (общерусск.).

Сволокъ (Яс. сѣв. вост.), валъ. навой у кросенъ, на который навивается основа.
Сволочитися съ кѣмъ (б.), сволочиться съ кѣмъ, завести любовныя сношенія.
Свѣдомый (Крс. Т. С.), знающій что, увѣдомленный о чемъ.
Свѣтичъ (Либ. Т. С.), родъ шандала для лучины; (Яс.), длинная жердь съ свѣчкой на концѣ, служащая до зажиганія свѣчей въ церкви.
Свѣчурка (Яс.), свѣчка, растеніе.
Сепелявити, сепеляти (Стр.), шепелять, шепелявить.
Сербати, сёрбати (Стр.-зап.), хлебать вслухъ.
Серповнйкъ (Яс.), серпникъ, копръ.
Сигла (Либ.), горскій лѣсъ; (запад.), зыбучее болото, трясина.
Скала (Яс.), деревянное мѣрило молока, сосудъ; (Т. С.) чашка вѣсовъ; скалина (сѣв.), пивка, черпачекъ для питья.
Скатерть (б. Т. С.), платъ, ширинка, коею покрываютъ столъ (общер.).
Скальє (Самб. Т. С.), сколотая кора, лубъ, скебки.
Скверна (Син. Т. С.), мерзость, гадость.
Скебка, скибка, скипа (б.), мелкіе куски дерева, которыми свѣтятъ: (смл., орл., кур., нвг.), щепка, ломоть.
Скомити (б.гал.), скомить (сѣв.), болѣть, ныть, щемить.
Склончити (Яс.), склонить, нагибать.
Скоблити (Самб.), скоблить, скрести, драть.
Сколотины (Син.), сколотина, сыворотка изъ-подъ сбитаго масла.
Скородь (Яс.), скорода, полевой, дикій лукъ и чеснокъ.
Скотарити (б.), скотничать; скотарь (б.), скотникъ.
Скрутецъ, скрутень (б.), твердо свитый листъ табаку, который горцы очень рано курятъ и даже жуютъ; скрутокъ (Т. С.), витокъ, витень, свертокъ.
Скусъ (Дрог., нвг., влгд., пск., твр.) вкусъ; скусный; (ib)., вкусный.
Слабина (Яс.), пахъ, подвздохи, (Т. С.), отвислость, припускъ.
Слопъ слопецъ (б.), тенета, ловушка на мышей; (сѣв.-вост.), ослопъ, шестъ, родъ ловушки на мелкихъ звѣрей.
Смутолоха (б.), насморкъ; смутолокъ (арх.), смутолока (пск., нвг.), безпорядокъ, неурядица, безтолочь.
Сновалка (б. Т. С.), станъ, на которомъ готовятъ основу подъ ткань.
Снозы (б.), дверные крюки; (Т. С.), жердочки, кресты, на коихъ пчелы строятъ соты.
Снѣтъ (Сим.), чурбанъ, колода; (пск.), снятокъ, рыба; снѣть, родъ завихи, доска.
Солодышъ (б.), солодыжникъ, буя, раст. солодковый корень.
Солянка (б.), солонка.
Соплавый (Либ.), сопливый, возгривый.
Соха (б. Т. С.), столбъ, подпора.
Спадать (б.), идти въ помочь, спасать; (пск.), сбѣгать, слетать, сходить и воротиться скоро.
Сплечитися (Угр.), свихнуть плечи; (Т. С.), свихнуть ногу лошади.
Спрокудити,—ся (Стр.), охота пришла; спрокудить (сѣв.), нашалить,—ся, провиниться, капризничать.
Старшинникъ (Стр.), старшина.
Стая (б.), мѣсто, гдѣ овцы дольшее время пасутся; (твр., втк., прм., ол., влд., орнб. сиб., влгд.), хлѣвъ, сарай, овинъ.
Стихъ (б.), минуточка; (народн. Т. С.)... состояніе, внезапная блажь, странность.
Стоговиця (б.), стожаръ (сѣв.), шестъ втыкаемый твердо посреди стога.
Столбины (б.), пиръ для свадебныхъ гостей послѣ вѣнчанія; столбуха (вост.-сѣв.), большой стаканъ хмельнаго; столбушки (Т. С.), круговая игра.
Сторонскій (б.), сторонній, чужой.
Судникъ (б.), сосудъ; (южн.-зап.), ларь, прилавокъ для посуды и прилавокъ.
Суета (б.), мученіе, болѣзнь; (Т. С.), пустота, хлопоты.
Сусѣчниця (Самб.), сусѣкъ (вост.), засѣкъ, закромъ.
Сушня (Син.), всякое устройство для сушки.

Сухій (б.), храбрый смѣльчакъ; (Т. С.) сухой, о дѣйствіяхъ человѣка: суровый, неласковый.
Суятитися (Оп.), бѣдствовать; суетиться (Т. С.), метаться потерявъ слѣдъ, торопиться.
Текучка (б.), нефть; (Т. С.), смола, самотекъ; (пск.), текучая вода.
Темесити (б.), догадываться; темить (вят.), твердить одно и то-же; тмить (кур.), долго помнить; темесить (Т. С.), бить кого.
Тенеты (Самб.), тенето, сѣть.
Теслиця (Самб.), тесла, маленькое желобчатое орудіе.
Тирса (б. Т. С.), метлица, костра.
Тогодъ (б.), прошлаго, того года.
Толкація (б.), толченная картофель съ кукурузной мукой, блюдо; толокница, толокнянка (Т. С.), ѣда, толокно съ водой; толокно (Т. С.), толченная, немолотая мука.
Тропъ (б.), узкая лѣсная тропа, тропинка.
Трояшки (б.), трояшки, тройчатки, трерогія вилы.
Трусакъ (Син). трусъ, трусикъ (южн.-здн.), кроликъ.
Тупакъ, тупецъ (Либ. Стр. Т. С.), тупой ножъ, скобель.
Тушъ (Яс.), тѣло безъ головы, туша.
Тынянка (Либ.), тынина, заборная доска.
Тяга (б.), вѣсъ; (Т С.), центръ тяжести, равновѣсія; тяжка (арх.), беремя, ноша.
Тягло (б.), пара воловъ, лошадей; мужъ съ женою и съ семьей (Т. С.).
Тяжъ (Стр.), ремень или веревка у плуга; (Т. С.), веревка отъ оглобли до переджейки.
Убезвѣчити (Лаб.), изувѣчить, укоротить вѣку.
Увозъ (Син. стар.), съѣздъ, дорога въ лощинѣ.
Увязка (Либ.), увязь, ремень, веревка.
Ужвà (Либ.), ужица (сѣв.-вост.), вервь, обечайка.
Узденица (Син.), уздечка, конская збруя.
Улогъ (Яс.), опрокинутое дерево; на-улогъ (Т. С.), наповалъ.
Уплетка (б.), уплетъ, косоплетка.
Урвитель (Дрог.), урванецъ, урвень, сорвиголова.
Урядно (Син. Т. С.), порядочно, хорошо.
Устѣкъ (б.), сѣверо-восточный вѣтеръ; (Кола, Онега, Байкалъ), восточный вѣтеръ.
Утирало (Либ.), утиральникъ (сѣв.-вост.), утирникъ (южн.), утирышъ (твр. пск.), полотенце, ручникъ.
Уторы (Син.), уторы, нарѣзка въ клепкахъ обручной посуды для дна.
Утямити (Либ. Кал.), запомнить, запримѣтить.
Ѵха (б), уши солнца, пасолнца.
Ущемокъ (б.) кисточки у платья; ущемъ, ущимка (Т. С.), сдавленіе, сжиманіе.
Фанта, фантье (Калуш.), платье; фанты (нвг.), фантцы (кал.), боры, складки, полы одежи.
Фатèвъ (Либ.) фатюй, розиня.
Хандра (Угр. Т. С.), скука, тоска, сплинъ.
Хирѣти (Самб. Стр. смл. влгд. тмб.), болѣть, хилѣть.
Хлѣбакъ (б.), хлѣбникъ, хлѣбный настольный ножъ.
Ходули (Стр.), два шеста, на коихъ ходятъ (общер.).
Храпа (Син.), неровная, бугорчатая дорога послѣ мороза; (волж.), неровный, бугорчатый ледъ на рѣкѣ.
Худобый (б.), худобый (пск.), худой, бѣднякъ.
Цапа (б.), бревна въ плотинахъ; (тмб.), карши, подводные кряжи, затопшій хворостъ.
Царина (Стр.), засѣянное поле; (Т. С.), пахотныя земли.
Цвѣтина (Яс.), цвѣтень, цвѣточная пыль.
Цурахи (Угр. Син.), способъ заклинанія отъ нехорошихъ глазъ; цураться (южн.), отрекаться, заклинаясь.
Цѣлина (Дрог. Т. С.), перелогъ, залежъ (общер.).

Цѣлушка (об.-гал.); цѣлуха (ряз.), горбушка хлѣба.
Цямкати (об.-гал.), цякати (вят.), зубами щелкать, стучать, чавкать.
Чебрикъ (б.), растеніе, цвѣтущее синимъ цвѣтомъ; чаберъ (Т. С.), чеберъ, чебрецъ.
Чёвка (Самб.), (чѐлка—чēлка—чēвка), челка, чубъ у лошади.
Челядно (Яс.), много людей; челядия (нвг. твр.), большая семья.
Червити (Крс.), черить, сносить яички.
Червонюкъ (Син.), родъ съѣстныхъ грибовъ; червечникъ, червеница, червивка, (Т. С.), растенія.
Четвертòкъ (Либ.), четверикъ, мѣра сыпучаго.
Чечъ (б.), ручей; чечень (вост.), сажалка, садокъ; чечуга (нвр.), стерлядь.
Чечки (Яс.), чечвà (Стр.), цвѣтъ растенія, болотныя растенія; чечина (Т. С.) горчакъ, брылена.
Чипера, чапера, чаперга (Самб. Син.), разсошная вѣтвь; чипа (арх.), мелкій, наносный лѣсъ, береговой выкидъ; чипоракъ, чипорыга (нвг.), шиповникъ, кустъ дикой розы.
Чистецъ (б.), болотное растеніе, похожее на крапиву; (Т. С.), растенія, гребникъ, живучки.
Чопашъ (б.), оленьи слѣды; чопурокъ (лапл.), оленій теленокъ.
Чуравый, цуравый (б), чурилья (иркт.), замарашка, грязный.
Чухнути (Яс.), ударить, попасть; чушиться (прм.), драться.
Шаръ (Яс.), рядъ досокъ, составляющихъ часть кровли; (Т. С.), слой, рядъ, скатъ кровли; (Самб.), рядъ, площадь.
Швайка (б.), проволока, которой прочищаютъ трубку; (южн., нвг.), свайка, коточикъ.
Шелопати (кал.), шелошить, шелестѣть.
Шерехатый (Самб.), шероховатый.
Шибкій (Стр. Т. С.), быстрый.
Шишакъ (б.), игра при умершемъ (одинъ ложится на полъ, другіе же поочередно ударяютъ его такъ долго, пока онъ не отгадаетъ, кто ударилъ); шишмонить, (нвг.), шалить, баловаться.
Шлыкъ, шешлакъ (Стр. Самб.), папаха, остроконечная шапка; (твр., тамб., прм.), шапка, колпакъ, кокошникъ.
Шонтавый (Либ.), оборванецъ; шоня (прм.), розиня.
Шпанка (б.), шпонка (смл.), запонка, застежка.
Шпеникъ (Стр.), шпинь, гвоздь безъ шляпки.
Шпинь (б.), верхъ горы; (Т. С.), шипъ, тычекъ.
Штамбъ (б.), изломанное дерево; (Т. С.), стволъ дерева (нѣм.).
Шулёкъ (б.), косячка, въ которую прячутъ лопатку отъ косы; шуло, (Т. С.), ятка, ядра.
Щитъ (б.), поперечные шары крыши; (Т. С.), крыша сводомъ.
Щуптати (кал.), щупать.
Язъ (Син. сѣв.-вост.), котцы, родъ плетня поперекъ рѣки (общер.).
Язва (Угр.), вѣдьма; баба-яга; язва (Т. С.), въ значеніи худого человѣка.
Язвина (Син.), язва (сѣв.-вост.), щель, трещина, выбоина.
Ярыга (б.), ерыга, ярыжникъ (Т. С.), пьяница.
Ящикъ (Самб.), ящикъ.

Иларіонъ Свѣнцицкій.

Сборникъ Панаіота Дьиновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ).

Сообщилъ П. А. Ровинскій.

(Продолженіе).

Редакціонная замѣтка.

Послѣ описанія обычаевъ слѣдуютъ пѣсни, которыя представляютъ весьма важный матеріялъ, какъ по содержанію, весьма разнообразному, такъ и по своеобразному языку.

Весь этотъ богатый матеріялъ П. Дьиновскимъ далеко не былъ приведенъ въ порядокъ и заключался во множествѣ отдѣльныхъ листковъ, написанныхъ различными руками (кромѣ его, еще четыре различныхъ почерка), часто очень неразборчиво, испорченно, испещрено поправками; а есть писанное и карандашомъ, который почти совсѣмъ стерся. Поэтому, сколько мы ни старались все хорошо разобрать и точно переписать, кое-что осталось нами неразобрано, иное механически только воспроизведено или-же осталось неправильно нами прочитано.

Правописаніе этихъ записей крайне непослѣдовательно, иногда преисполнено явныхъ несообразностей. Самъ Дьиновскій знакомъ съ новымъ сербскимъ правописаніемъ, поэтому употребляетъ j, слитныя љ и њ, особые знаки ђ, ћ и џ, въ словахъ, оканчивающихся на согласную, въ концѣ не ставитъ ъ и т. д.; но рядомъ съ этимъ онъ употребляетъ й, я, ю, ъ, ѣ, послѣднему придаетъ особенное, jотированное произношеніе или какъ-бы передъ нимъ стоялъ ь; иногда встрѣчается и є. У другихъ не замѣтно знакомство съ новымъ сербскимъ правописаніемъ, изрѣдка только попадается j. Каково-бы ни было правописаніе, мы старались соблюсти его вполнѣ, позволяя себѣ иногда не писать слитно љ и њ для облегченія типографіи и отбрасывать на концѣ ъ, гдѣ онъ въ большей части рукописи выбрасывался. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ ъ и ь пишутся одинаково или-же съ очень малымъ различіемъ; по возможности мы старались уловить это различіе; но тѣмъ не менѣе вполнѣ разобрать не могли, и потому писали по догадкѣ. Не исправляли мы иногда и явныя описки, если онѣ повторяются и совершаются въ духѣ того языка напр., плечи-те вм. пчели-те (два раза или больше) по тому-же закону, какъ: тнока кошуля (тонка), лизгавье (изглавье), сона вм. носа (носитъ), Пазаите вм. Паязите (Баязитъ) и т. п. Мѣстами встрѣчается дивайче вм. девойче. Все это мы оставляемъ безъ измѣненій, такъ какъ нашу задачу составляетъ обнародованіе матеріяла во всей его оригинальности. Отъ себя мы ставили только знаки препинанія, которые въ иныхъ рукописяхъ совсѣмъ отсутствуютъ, и сообразовались при этомъ со смысломъ, какъ мы понимали текстъ. Есть случаи, гдѣ мы не поняли смысла слова или цѣлаго выраженія, и тогда мы копировали текстъ.

По содержанію пѣсни, кромѣ нѣсколькихъ эпическаго характера, всѣ метрическія, выражающія личное чувство и настроеніе, хотя-бы и на эпической подкладкѣ, и всѣ

поются, а не сказываются, какъ поющіяся подъ акомпаниментъ инструмента, какъ говорятъ сербы уз гусле. Изъ нихъ мы ставимъ въ особый отдѣлъ пѣсни, пріуроченныя къ особымъ днямъ и временамъ года и свадебныя, какъ то дѣлаетъ и самъ собиратель, сдѣлавъ надписи: божичански, великденски, сватовски и т. д., и собственно лирическими мы назвали пѣсни, не идущія ни въ одинъ изъ этихъ отдѣловъ, при чемъ и между ними различаемъ обыденныя, надъ которымъ мы изрѣдка находили надпись любовны, а то все безо всякаго обозначенія. Это собственно секогашны песны т. е. поющіяся во всякое время, но съ этою надписью мы нашли только 4 пѣсни, изъ которыхъ три поставили въ концѣ (стр. 25—26, №№ 35, 36 и 37), а одну по характеру ея въ шутливыхъ (стр. 40, № 12). Сообразно съ надписями въ оригиналахъ мы выдѣлили пѣсни: жалобныя, кардальскія, аргатскія, а также подъ общимъ названіемъ пѣсенъ при играхъ и забавахъ въ хороводахъ и на качеляхъ. Тамъ-же мы помѣстили и билярскія (при собираніи травъ), хотя ихъ можно-бы помѣстить въ числѣ особыхъ, по временамъ года.

Относительно послѣднихъ замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ рождественскихъ и пасхальныхъ названы также однѣ зимними, другія весенними, поэтому мы такъ ихъ и соединили, хотя-бы это общее названіе и не стояло на всѣхъ. Одна пѣсня названа осеннею; мы ее отдѣлили, но поставили рядомъ съ рождественскими, такъ какъ у сербовъ (южныхъ) говорится: «Божич—есенски светац».

Свадебныя пѣсни мы распредѣлили по различнымъ актамъ свадьбы сообразно съ имѣющимися въ оригиналахъ надписями, въ домѣ жениха или невѣсты и при совершеніи различныхъ обрядовъ. При этомъ встрѣчается иногда и непослѣдовательность, вслѣдствіе того, что часть ихъ мы переписывали съ отдѣльныхъ листковъ на отдѣльные-же листки, а одну часть цѣлой тетрадкой оригинала мы вставили между ними, не касаясь распредѣленія въ ней.

Вообще о распредѣленіи пѣсенъ слѣдуетъ замѣтить, что точныхъ, неизмѣнныхъ признаковъ для него не существуетъ: пѣсня свадебная легко можетъ попасть въ обыденныя и наоборотъ, а также и въ другихъ отдѣлахъ. Эту перетасовку мы замѣтили прежде у И. С. Ястребова (обычаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ 1886 г.) то-же самое, хотя въ меньшей степени, мы встрѣчаемъ и въ собраніи Дьиновскаго.

Что касается содержанія и формы пѣсенъ, то ихъ можно считать вполнѣ оригинальными и въ массѣ новыми. Многія изъ этихъ пѣсенъ, особенно свободныхъ, встрѣчаются въ богатомъ собраніи И. С. Ястребова, но очень рѣдко онѣ бываютъ совершенно одинаковы: всегда есть разница, если не въ содержаніи, то въ расположеніи, въ вставкахъ или пропускахъ въ томъ или другомъ собраніи, особенно-же въ языкѣ. У Ястребова рядомъ съ пѣснями, вполнѣ сохраняющими языкъ дебрскаго нарѣчія, есть измѣненныя въ сторону сближенія съ чисто сербскимъ языкомъ; а въ одной пѣснѣ вм. юнак у г. Я. стоитъ србин (Ястр. 423, Дьин. въ свадебн. стр. 40, № 73). Поэтому собраніе Дьиновскаго, настоящаго дебранина, имѣетъ для насъ цѣнность по несомнѣнно важному діалекту языка, и въ тоже время даетъ намъ любопытные варіанты и сравненіе съ подобнымъ же матеріяломъ, напечатаннымъ у И. С. Ястребова. Для этого мы во всѣхъ случаяхъ одинаковости пѣсенъ отмѣчаемъ страницу съ изд. Я—ва; эпическихъ пѣсенъ немного, но онѣ по нашему мнѣнію, важны и кажется, новы въ печати. Изъ сказокъ одна вполнѣ напоминаетъ мотивъ русскихъ сказокъ, а двѣ другихъ не окончены. Изъ нихъ «бабушка и дики козы» сколько мнѣ припоминается (слышалъ или читалъ, не припомню) оканчивается тѣмъ, что козы отдаются бабушкѣ за ея уходъ за ними; и тогда что сказка выражаетъ взглядъ сербовъ на прирученіе дикихъ животныхъ, все равно какъ въ первой сказкѣ выражена связь между человѣкомъ и остальнымъ животнымъ міромъ и ихъ взаимопомощь.

Много можно-бы сказать еще по поводу этого сборника, но здѣсь не мѣсто.

П. Р—ій.

Пѣсни А. Лирическія.

I. Обыденныя.

1.

Цутит ружа, цутитъ ружа
Лелей ружа тамо долу.
Тамо долу, тамо долу,
Лелей ружо под село-то.
Послѣ:
въ ливађо-то
ни исосены
ни носены.
Размириса, размириса,
Лелей ружа тамо горе.
Тамо горе, тамо горе,
Лелей ружа въ планина-та.
Овчару му, овчару му
Лелей ружа помириса.
Слезе овчар, слезе овчар,
Лелей ружа да я берет.
од татка.

2.

Мор, чуму ти беше,
Бре Елењко моме!
На друм да седиш,
Мор, на друм да седиш,
Бре, Елењко моме!
Карван да чекаш.
Мор, карван да чекаш,
Бре, Елењко моме!
Вино да служиш,
Мор, вино да служиш.
Бре, Елењко моме!
Вино-ле немерено,
Мор, вино да служиш,
Бре, Елењко моме!
Пары да береш.
Мор, пары да береш,
Бре, Елењко моме!
Пары-ле неброяны.

3.

Садило моме,
Мор моме, ран бел босилек (2).
Как го садило моме,
Мор моме, не го видело (2).
Кога го виде моме,
Мор моме, орман се сторил (2),
Орман се сторил, моме,
Мор моме, коњ да пладнуват (2),
Коњ да пладнуват, моме,
Мор моме, и лудо и младо (2).
Туе помина, моме,
Мор моме, лудо и младо (2).
«Тако ти Бога, моме,
Мор моме, дай ми босилек» (2).
— Ак си жЂенато, лудо,
Бре младо, оди поть-от 2.
Оди поть-от, лудо,
Бре младо, скърши си черет-от (2)
Ако си неженат, лудо,
Бре младо, скочи, прескочи (2),
Скочи, прескочи, лудо,
Бре младо, сам набери си. (2).
од татка, 1880

4.

Слнце ме зайде—мале-ле-майко!
На врф планина;
Едно ме зайде,
Друго ме огрея.
Си заборавиф,
Дома да дойда.
Кога помина
Овчар со овцы,
Оту ме рече:
«Добор ти вечер!»
Того ми темно,
Али е вечер.
Заилиф (стегнаф) коня,
Дойдоф дома.
Дойдоф си дома
В петлены добы.
Порты си найдоф
Се затворены.
Заилиф коня,
Прескочиф порты.
Вргаф си коня
Долу все тремот.
Оту се качиф
Горе на диван.
Тамо си найдоф
Пуста постеля.

А до постеля
Маико-но дете
Какъ повіено,
Неразвіено.
Оту си излегоф
На мала врата;
На мала врата,
Во градина-та.
Тамо си найдоф
Млада невеста.
Глава-та клала
Во босилек-от;
Роцѣте клала
Во трандафил-от;
Нози-те клчала
Во каранфил-от.
Жалба ми беше,
Да я разбуда;
Пожаль ми беше,
Да я остава.

5.

Ветор повея, мори, ветор повея,
Достум Стано, мори, по рамно поле.
Не было ветор, мори, не было ветор,
Достум Стано, мори, по рамно поле,
Достум добро, мори, по рамно поле.
Ток быле моми, мори, ток быле моми,
Достум Стана, мори, от жетва идет,
Достум добро, мори, от жетва идет,
От жетва идет, мори, от жетва идет,
Достум Стано, мори, песны пеѣт,
Достум добро, мори, песны пеѣт.

6.

Свирни ми свирни,
Митре-ле дълноземче
Как що свиреше.
Как що свиреше,
Митре-ле дълноземче,
На дълна земя,
Митре-ле дълноземче,
На дълна земя».
— Как да ти свирнам,
Юдо-ле самовило,
Как да посвирам,
Юдо-ле самовило,
Как да посвирам?
Моя-та майка,
Юдо-ле самовило,
Црна ми кърпа носит;
Юдо-ле самовило,
Црна ми кърпа носит.
Црна ми кърпа носит,
Юдо-ле самовило,
Мене ме жалит;
Юдо-ле самовило,
Мене ме жалит.

7.

Що ми е жалба?
Де море, пиле Іове, море
Дека ћа умрам;
Де море, пиле Іове, море,
Дека ћа умрам.
Дека ћа умрам,
Де море, пиле Іове, море,
Младо й зелено
Де море, пиле Іове,
Младо й зелено.
Младо й зелено;
Де море, пиле Іове, море
Скоро женато;
Де море, пиле Іове, море,
Скоро женато.
Ћа си оставам?
Да море, пиле Іове, море,
Млада невеста:
Де море, пиле Іове, море
Млада невеста.
Млада невеста;
Де море, пиле Іове, море,
Не наљубена.
Де море, пиле Іове, море,
Не наљубена.
Ћа си оставам?
Де море, пиле Іове, море,
Бела промена;
Де море, пиле Іове, море,
Бела промена.
Бела промена,
Де море, пиле Іове, море,
Не паносена;
Де море, пиле Іове, море
Не наносена.
Ћа си остава?
Брза коня,
Не канвана.

8.

О, на кого си намутена,
Стано-ле, малка Стано?
О, на кого си намутена,
Стано-ле посестримо?

Иль на татка, иль на майку,
Стано-ле, малка Стано?
Иль на татка, иль на майку,
Стано-ле посестримо?
Да-ли татко те кароно,
Стано-ле, малка Стано,
Стано-ле посестримо?
Да-ли майко те тепала,
Стано-ле, малка Стано,
Стано-ле посестримо?—
«Нито татко мекарало,
Димо ле мил побратим;
Нито майка ме тепала,
Димо-ле, дели Димо,
На тебе сум намутена,
Димо ле, дели Димо,
Димо-ле дели побратим.
Що атави дервење-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ли мил побратим.
Ладоско-то, Ваденско-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил побратим.
Ти й зеде Дебранче-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил по братим.

9.

Ситно просо, црно око,
Не стой сфроти мене! (2).
Си продадоф бърза кона
Се заради тебе (2).
Си продадоф чиф' пищоли,
Се заради тебе (2).
Си продадоф остра собя,
Се заради тебе (2).

10.

Софекео дивойче с гърло превързано,
С гарло превързано с Велешка шамлія,
С Велешка шамлія, не стой сироти мене;
Не стой сфроти мене, изгореф за тебе,
Изгореф за тебе, како лен за вода;
Како лен за вода, босилек за сенка;
Босилек за сенка, карафиль за роса;
Карафиль за роса, трандафиль за сълнце.

11.

Крени се глава, Софке, од перница-та,
Крени се глава, добро, од перница-та!
Ей Софке, Софке, мори, битольско моме!
Ей Софке, Софке, мори, ягне сугаре!

—

Вързи си глава, Софке, со ал-шамлія,
Вързи си глава, добро, со ал-шамлія;
Ей Софке, Софке, мори, битольско моме?
Ей Софке, Софке, мори, ягне сугаре!

—

Сум ти донесол, Софке, сладка понада!
Сладка понада, Софке, саан сутліач, и т. д.

Примѣч. Сугаре — тея ягне, що се обагнуватъ найдоцна сроти други яганца; ал или клосанъ — жълтоцрвена боя; саан—сосуд од бакар; сутліяч—оряс, варен со пресно млеко, во кого дур се варит, клават и малу мас и шеђер, и кога ђа се сварит, да не останетъ чорба.

12.

Извор вода извореше,
На ледино разлеваше;
На ледино разлеваше,
Мало моме налеваше;
Мало моме налеваше,
С раки—сапун се міеше;
С раки—сапун се міеше,
Со калемђар се бришеше;
Со калемђар се бришеше;
С огледало се гледаше.
«Как сум бело и црвено,
Уще да беф црно-око;
Уще да беф црно-око,
ђа ме земет царево-но;
ђà ме земет царево-но,
Царево-но азнатарче;
Царево-но азнатарче,
Деня й ноћа азно броит;
Деня й ноћа азно броит,
А на утро кафе піет;
А на утро кафе піет,
А на пладне вино піет;
А на пладне вино піет,
А на вечер книга пишет.

13.

Паднала-ли Шар-планино, Калино!
Каливори вито перо зелено.
Поклопила три овчари, Калино!
Пущи мене, Шар-планино!
Еденъ су си у майчица,

Ћа ме чекат стара майка.
Втори овчаръ се молеше:
Пущи мене, Шар-планино,
Да я су си завършено,
Ћа ме чекат девойка-та.
Трећи овчар се молеше:
Пущи мене, Шар-планино,
Старо су се оженато
Ћа ме чекат невеста-та.

14.

Со ноћ шетаф, нищо не уловиф,
Кад бы зора, слегоф край село-то.
Си украдоф едно мало моме,
Го украдоф татку од постельа,
Го украдоф майке од пазува,
Си го фрлиф зад себе на коня,
От си пойдоф горе во планина,
Врзаф коня за витана ефла;
А девойче фатиф за рочица.
Легнаф мрвп я да се предрема;
Кога станоф, девойче не найдоф,
Ни девойче, ни бърза—на коня.
Си отидох на нова—пазара;
Тамо найдоф девойче убаво:
Продаваше моя бърза коня,
Си го зедоф девойче убаво
И си зедоф своя бърза коня.

У Ястребова эта пѣсня нѣсколько иначе, приводится два раза въ свадебныхъ пѣсняхъ (стр. 340 и 375), а одинъ разъ въ обыденныхъ пѣсняхъ Призрѣнскаго округа (стр. 193); и она-же постоянно поется въ Черногоріи, тоже нѣсколько иначе.

15.

Легнало моме, преспало,
Пот тея дръво маслено.
Повея ветор отъ море,
Укръши ветка маслено,
Угоди моме по лико.
Льуто си моме проклина:
«Бог да убиет ветор-от;
Дал се га найде да веет,
Малку си лежах и заспах,
Голем си сончок сопевах;
Що помина до тримина:
Пръви-от беше свекор-от,
Втори-от беше мил девер,
Трети от беше сив сокол».

У Ястреб. нѣсколько иначе эта пѣсня два раза: въ юрьевскихъ (стр. 153) и въ свадебныхъ (стр. 365).

16.

Що си наплакана, бре, Анке?
Да-ли татка жалиш,
Да-ли майка плачеш?
«Нито майка жальа,
Нито татка плача;
Токо си го жальа мой-то мило брате,
Мой-то мило брате, горска арамія,
Мир ако го видиш, бре, горо,
Да му речеш, дома да си доет.
Майка ћа го скріет во шарени ковчег,
Татко ћа го скріет во десет џепови,
Сетры ћа го скріет во десни пазуи».
Мори да го вида, бре, Анке, не го позна.
«Само е позновито, бре горо, мое-то брате:
На сива коньа яват, на сино седло одит,
Зелен байрак държит.

(Лазорополе).

Послѣдніе 4 стиха напоминаютъ окончаніе въ сербской пѣснѣ: «Киша пада, трава расте, гора зелени...

17.

Не жалай, Стано мори, не плакай,
Не мачкай сайче шарено.
Не мачкай сайче, мори, шарено,
На Едрене ми е предено.
На Едрене ми, мори, е предено,
На град Стамбола е ткаено.
На град Стамбола е ткаено,
На стредно село е белено.
На стредно село е белено,
Во Московія е кровено.
Во Московія е, мори, кровено,
Во Мисир ми е шіено.
Во Мисир ми е, мори, шіено,
С триесетмина терзіи.
С триесетмина, мори, терзіи
И петнаесеть шегрти.
Дури се сайче, мори, сошило,
Двесте се игли, скършиле.
Двесте се игли, мори, скършиле,
Триста-се-мина убиле.

(Од Велина Тарунџія од село Вранешница, Кичоска околина; слушана на бачило).

18.

Що си глава, Ђиди Димо, превързало?
Да-ль ти коньи, Ђино, бутур удрил?
Да-ль ти овци, Ђино, метиль фатил?
«Нито коньи, мой дружино, бутур удрил,
Нито овци метиль пофатило.
Су свършено од далеку,
Кажувает, болничава,
Болничава, грозничава».
— Не-ль земи си, млади Димо, девет коньи,
Не-ль пойди ти во село-то,
Во село-то од моме-то.—
От си зеде Димо девет коньи,
От си пойде во село-то.
Си го виде малой моме
Со глава-та превързана.
Му изговори млади Димо,
Си го праша малой моме:
«Що си глава превързало?
Су свършено па далеку,
Кажувает, болничава».
Изговори Ћиди Димо;
«Ай ти тебе, бре девойко,
Я су ти тебе момче».
Се испознае . . . . .

(Лазорополе).

19.

Тембиф сторил войвода-та,
Петкано мори, Петкано!
Ерген—чалма да не носит
Петкано мори, Петкано!
Турчин вино да не пі'т,
Петкано мори, Петкано!
Турчинъ тембиф не да държи,
Петкано мори, Петкано!
Тек си пойде на меана,
Петкано мори, Петкано!
Пак си купи пара винце,
Петкано мори, Петкано!
Пара винце, пара лебец,
Петкано мори, Петкано!
Се наиде, си се напи,
Петкано мори, Петкано!
Си се напи, си се опи,
Петкано мори, Петкано!

20

Девойкиня, мори, гугувчиня,
Поть правите, мори, да помина (2).
Нищо завал, мори, не ви чина.
Како що сте, мори, суредени,
Тако сте ми, мори, соред мили.
За алтана, мори, алтан дава,
За невена, мори, невен дава,
За Марія, мори, душа дава.
Роцы ми се, мори, во џепови,
Пълни ми се, мори, леблебіи,
Негде—годе, мори, гурабіи (им.: суво гро

Есть конецъ и иначе:

Измешано, мори, суво гройзе,
Но где—годе, мори, бадем, шеЂер
Но где—годе, урубіи, чемберліи.

21

Расипи ми, Мендо-ле, моЂія-ва,
Расипи ми, доброле, моЂія-во,
Коня вода, Мендо-ли, пешяк 'ода,
Коня вода', добро-ле, пешяк 'ода

Первые два стиха повторяются; за т

Пушка носа', Мендо-ле, со страф ода,
Пушка носа', добро-ле, со страф
Леб си нося, Мендо-ле, гладен ода
Леб си нося, добро-ле, гладен ода
Вода газа, Мендо-ле, жеден стоя,
Вода газа, добро-ле, жеден стоя.

22.

Слнце но одит, заодит
Мирче-е войвода на поле;
Мирче войвода на поле,
Со самовила зборвеше.
Со самовила зборвеше:
«Самовилице, сестрице!
Самовилице сестрице:
Код-è-ћа ноћ ноћеваме?»
— По'оди Мирче войводо
До высоки-те ясики,
До высоки-те ясики,
Ту-е—ћа ноћ ноћеваме;
Туе ћа ноћ ноћеваме,
Ту-е'-ми одит Янкула.

23.

Млад ме питат (просит),
За старо ме дават;
Млад ме питат,
Старо аро, како я'ор дърво,
Старо аро;
Млад не женат—китка босилк-ò-
Млад не женат.

24.

Собралисе сите а и ти арамии;
Да ми одит, мори, тамо горе,
Тамо горе, мори, в Горничево;
Тамо горе, мори, в Горничево,
Да се мирит, да се токмит.
Що имаше мори, одно власе,
Ни со мирит, ни се токмит:
Ток се шетат горе и долу,
Ток се шетат, море, горе и долу;
Негде—годе, мори, посвирнуват
И се Богу помолуват,
И се Богу помолуват:
«Дай ми, Боже, мориръи (? sic) на пролет,
Стреде зима коложега!»
А си пойда дур во Влашко,
Да набере се Власина,
Що не гноет куршум рана.

25.

Добранче-то, чоляк Дойчин,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил побратим.
Чоляк Дойчин од Галичник,
Димо-ле, дели Дима,
Диме-ле мил побратим,
Од Галичник, од Мурговцы,
Димо-ле, дели Диме,
Димо-ле мил побратим.

26

Угур-ола, море, Шабан-аго,
Уюгур-ола, море, Шаябан-Гега,
Уюгур-ола, море Шоябан-ага!
— Угур-ола, море, Шабан-ага
Угур-ола, море, Шабан-Гега
Угур-ола, море, коде ћа одиш?
Я ћа си одам, море, дури на Скопъ,
Дури на Скопъ, море при Амзи-пашо.
Дури на Скопъ, море при Амзи-пашо.
Аманате, море Амзи-паша,
Чини ми конак, море, не остави ме на двор (2).
Чини ми конак, море, не оставай ме на двор;»
Вере сум удрен, море, рана ми болит (2).
Конак му стори, море, Амзи-паша,
Конак му стори, море, таин му пущи (2).
Конак му стори, море, таин му пущи,
Прати вулук-от, море, го кардисаје (2).
Кога си позна, море, Шабан-ага,
Тога се позна, море, Шабан-Гега,
Тога се позна, море, Шабан-ага.
Си изговори, море, Шабан-ага,
Си изговори, море, Шабан-Гега:
«Да ай ви вами, море, верна дружино.
Да ай ви вами, море, верна дружино,
Подседлайте ми, море, ата дория (2).
Подседлайте ми, море, ата дория,
Я да си пойдам, море, при Амзи-паша (2).
Му подседлаје, море, ата дория.
Оту си пойде, море, Шабан-ага,
Оту си пойде, море, Шабан-Гега;
Оту си пойде, море Шабан-ага,
Оту си пойде, море, Шабан-Гега,
Оту си пойде, море, при Амзи-паша.
Му изговори, море, Шабан-ага
Му изговори, море, Шабан-Гега.
Му изговори, море, Шабан-ага.
«Аманате, мори, Амзи-паша!
Пущи ме мене, море, во широко поле.
Пущи ме мене, море, во широко поле,
Коде ми играт, море, моздрак и сабя.
Коде ми играт, море, моздрак и сабя,
Коде ми играт, море, ата дория.
Коде ми играт, море, ата дория,
Пущи кулук-от, море, нека ме фтит.
Му одговори, море Амзи-паша:
— Я не те пущам, море, Шабан-ага,
Я не пущам море, Шабан-Гега;
Я не те пущам, море, во широко поле;
Ток ћа те пущам, море, во град. Битоля.
Так ће те пущам, море, во град Битоля,
Во град Битоля, море, при садразам-от.
Тамо те чекат, море, да два ченгели,
Тамо те чекат, море, да два ченгели *).

27.

Скарал се Стоян, скарал се со негова-та стара майка;
Побегнал Стоян, побегнал, токмо дванаесте години;
Казандисал що, казандисал токмо дванаесет хиляды;
Токмо дванаесет хиляды се руди-бели овцы, со руди-бели ягнянца;
Со руди-бели ягнянца, со дванаесет овчары.
Кинисал дома (да) дойдет, си дошол дури во село;
Си дошол дури во село, во село дури пред чешма;

---

*) Шабан-ага был голем арамія; той бил глава на 600 души араміи; правил зулум кон Серес. На враћање го удриле на ченгел, околу 1830 г. Крсте Чавея од с. Раосоки бил со него доброволец.

На чешма си я найде негова-та невеста, той си я позна, тая не го позна.
Спроговори млад Стоян: «Невесто, млада невесто!
Ал'имат конак у вас да дойда?»
Си пойде Стоян, си пойде, таман си легна да спиет,
Стана си майка му го отет...
(не оконч.).

28.

Кинисала моме на вода
Со два обрика во роцы.
Стемнило ми се, смоглило;
Загреши моме потица,
Отиде горе в планина,
На Димово-то бачило.
Овчари овце мълзеѣ,
Кога го моме видое,
Си-те на нози станое,
Си-те на нози станое,
И си ведра-та турие.
Димо ѣеая не стано,
И си ведро-то не тури.
Говорит Димо ѣеая:
«Овчари, верна дружино!
Уфатите го моме-но,
Доведите го при мене.
Пойдите дому во село,
Викайте попа и кума,
Да си го венчаме моме-во».
Пойдое долу во село,
Викнае попа и кума,
Да го венчает моме-то.
Кога ми в црков одое,
Крвава роса зароси;
Кога од црков одое,
Дробни каменя паѣае.
Говорит Димо ѣеая:
«Овчари, верна дружино!
Да го прашаме моме во,
Да ни я кажет рода-та,
Кои му е татко и майка,
Кой му се браѣа и сестры».
От го прашае моме-то,
Моме-то велит — говорит:
Мени е майка велела,
Једнего брата си имаш,
На десна нога мал пръс немат.
Говорит Димо ѣеая:
«Девойче лепо-убаво!
Тргни ми скорен од десна нога;
Погледай ми я нога-ва».
Му тргни скорен од нога,
Му тргни скорен од нога,
Му я погледа нога-та.
Кога му виде нога-та,
Се изнайдае братац и сестра.
Запишана от М. К. Ђиноска.

Послѣ 2-го ст. тою же рукой вычеркнутъ стихъ: И дукат алтин на чело, который дѣйствительно тутъ не умѣстенъ: кромѣ того, каждый стихъ повторяется, чего мы не исполняли и отъ чего происходитъ нѣкоторое несоотвѣтствіе въ расположеніи стиховъ. Тою-же рукою вычеркнуты слова, лишнія въ размѣрѣ, какъ мали (пърс), десна (нога); но мы ихъ оставили ради смысла, который въ нихъ заключается.

29.

Кавелска песна т. е. овчарска.

Засвирел ми челник Пейо,
Засвирел ми с писан кавел,
От утрина до вечера.
Изговори челник Пейо:
«Ай ви вами, бре, дружино!
Срце ми се распеяло,
Уста ми се расвирела,
Ил је на зле, ил на добре»?
Уще реч та не изрече,
Караман ми подлафнуват,
Дофтасале араміи,
Араміи злеђидіи,
Го фатіе челник Пейо,
Му врзае обе роцы,
Обе роцы наопаку.
Му забрале рудо стадо,
Го терае до река-та,
До река-то, до Ситница.
Рудо стадо не им врвит.
Тога рече челник Пейо:
«Ай ви вами, араміи,
Араміи злеђидіи!
Пущяте ми обе роцы,
Да посвира в писан кавел,
Да заврвит рудо стадо.
Рудо стадо је научено,
С писан кавел го потерува,
С писан кавел го повабува».
С' излогае араміи,
Араміи злеђеди,
Му пущије обе роцы.
Не засвире челник Пейо,
Да зав'рвит рудо стадо;
Ток засвире челник Пейо,

Да го чует Анђелина,
Ђиди росна детелина:
«Дал ме чуеш, Анђелино,
Ђиди росна детелино!
Ако спiеш, разбудисе,
Ак вечераш, освестисе»!
Дофтасае арамiи,
Арамiи злеђидiи;
Ми вързае обе роцы,
Обе роцы наопаку.
Ми забрае рудо стадо,
Ме тераје до река-та,
До река-та, до Ситница,
Ток да збереи беħари-те,
Беħари-те неженати,
Да трчает на потеро,
На реката, на Ситница.
Си го дочу Анђелина,
Ђиди росна детелина;
От си собра беħари-те,
Беħари-те неженати.
Излегое на потера,
На река-та, на Ситница;
Си отнае рудо стадо,
Го пущiе челник Пейо.

—

(Я. стр. 219 совсѣмъ иначе).
Примѣчанiе. Овея песна имать провлечен и жалостлив глас. од К. П. Ђиноски.

30.

Шетал – прошетал, мори, Митре делия,
Шетал—прошетая, мори, долу под село,
Долу под село, мори, долу в ливађе;
Видел—догледал, леори, Дунав девойка:
Коия сепенат, мори, с бела коприна,
Во лице светит, мори, как ясно слнце,
А бело гърло, мори, как месечина.
Оту си дойде, мори, Митре делия,
Оту си дойде, мори, дома на дворье.
Оту си викна, мори, постаро майко,
Лепо говорит, мори, Митре делия.
Що су догледал, мори, Дунав девойка,
Дунав—девойка, мори, долу под село,
Долу под село, мори, долу в ливадье;
Во лице светит, мори, какъ ясно слнце,
А бело гърло, мори, какъ месечина:
«Мила майко-ле, мори, опитай ми я,
Мила майко-ле, мори, со злум ħо пойде,
Со злум ħа пойда, зло ħа учина».
Тога говорит, мори, Митрова майка:
«Мили сынко-ле, мори, со злум не оди,
Со злум не оди, мори, злумъ не учини».
Митре делия, мори, майка не слушат;
Тако си собра, мори, си-те делiм,
Си-те делй, мори, 'се спроти него.
Оту је пойде, мори, Дуне на порты;
Дуне на порты, мори, ноħа на полноħ.
Порты си найде, мори, 'се затворены,
Порты ѝ втера, мори, в треħо маало,
Оту се качи, мори, горе на диван,
Тамо си найде, мори, Дунав-девойка,
Загушена је, мори, с брата Ђорђия.
Оту си зеде, мори, Дунав-девойка,
Си я донесе, мори, дома на дворье.
Се разбудила, мори, Дунав-девойка,
Се разбудила, мори, се распулила.
Кога видела, мори, Дунав-девойка,
Куħа не тая, мори, льюђе не тие.

—

Слушана од баба Петревица Ђиноска, коя умре на 1873 г. iунiя.

31.

Ми кинисале два брата роħена,
Ми кинисале по бели друмови.
Им ох излегое клети айдуци,
Ми го фатије сиромаф Стояно.
Го поведое да го продавает,
Го однесае на Нова-пазара.
Ми ѝ сустрети млада вдовичица,
Ми изговори млада вдовичица:
«Да ей ви вами, клети айдуци!
Кой го носите сиромаф Стояна!
Си го носиме, да го продаваме,
Цена-та му је три иляди гроша.
Оту си посегна млада вдовичица,
Оту си посегна во свилни цепови,
Оту си извади три иляди гроша.
Си го откупи сиромаф Стояна,
Си го однесе дома на дворови,
Оту му даде три дуħани стока.

—

Дервенски глас. Записана од татка. 1882 г.

32.

Стойке седеше в градина,
Стоян от овцы идеше;
Стоян от овцы идеше—леле;
Стойке е фрьли яблъко,
Стойке е фрьли яблъко—леле!
Со урубив на него.
Стояно го льуто вроклине—леле!
«Стояне, море, делиа!
Стояне, море делиа,—леле!
Не мой фрьлай ми яблъко

Не мой фрьлай ми яблъко,—леле!
Не сторевай ми ядови;
Не скоревай ми ядови,—леле!
Коде су само ядовно.
Каде сум мошне ядовно,—леле!
Дека сме пусте роднине.
Татк-от, татк-от, две (sic) брата—леле!
Ай ти два (sic) братучеди».

33.

Иличчице *), высока планино!
Од тебе се Сари-Шабан ** гледат;
Од тебе се Сари-Шабан гледат
И во Шабан шабански калдърми,
И во Шабан шабански калдърми,
По калдърми лепи Стоян шетат;
По калдърми лепи Стоян шетат,
Въ роци държит сребрна аршина.

34.

Излези, злато мори, излези—леле!
Излези, да видиш златно яблъко.
Що чудо идет, злато, оздола—леле!
Що чудо идет оздола:
Силно ми стадо, злато, без овчар—леле!
Силно ми стадо без овчар.
Толку пред стадо, злато, имаше—леле!
Толку пред стадо имаше
Едно малечко, злато, овчарче—леле.
Едно ми мало овчарче.
Списан ми кафел, злато, свиреше—леле!
Списан ми кафелъ свиреше.
Во кавелъ песна, злато, пееше—леле!
Во кавелъ песна пееше:
Дей Ђиди, село, злато, големо—леле!
Дей Ђиди, село големо.
Дей Ђиди, рамни, злато, ливагѣ—леле!
Дей Ђиди, рамни ливагѣ.
Дей Ђиди, поле, злато, широко—леле!
Дей Ђиди, поле широко,
Дей Ђиди, ягне, злато, сугаре—леле!
Дей Ђиди, ягне сугаре.
На мрамор-плоча, злато, заклано—леле!
На мрамор плоча заклано;
На чемерика, злато, одрано—леле!
На чемерика одрано.
На суви трески, злато, печено—леле!
На суви трески печено,
На студен извор, ядено—леле!
На студен извор ядено.

*) Илин-планина е меѓу Охрид и Битоль (на тая планина имать црквица - Илинска црковь).

**? Сари-Шабан-гр дче зад Драма.

35.

Секогашны

Майко, майко, пали свекя,
Парусия болно лежит (2).
Парусия болно лежит,
Са лудо се засакала (2).
На вечер се завршило,
На полнокь се разболело (2),
На полнокь се разболело.
На утрине душа дало(2).
На утрине душа дало
Проклетiи оставило (2):
«Молим ти се, моя майко,
Ти да ме закопаш,
Во наймало-то, во наймало-то
Бавчиче.
Молим ти се, мило сестро,
Сестро Анђелийо,
Да му речеш на лудот,
На вечер да дойдуват,
На вечер да дойдуват
Китки цвекѣ да остават.
Молим ви се, мои другачки,
Многу слъза не фрьляйте,
От слъза-та яз си умрех,
И от веков си загинах.»

36.

Ей Стано еднанъ (? sic),—Стано!
Качи се горе на диван,—Стано!
Да упали се стрьвница,—Стано,
Да упали се Струмница,—Стано!
Струмница—црьна темница,—Стано!
Ти ћа си видит брата ти,—Стано!
Како е руво променат:
На шиа-шиа синџир носеше,
На нози томрук имаше,
На роци белези имаше.

37.

«Калино моме калешо, добро ягне,
Що многу синоћ седафте?
Що многу синоћ седафте моме (добро),
Що мили гости имафте?»
— Дей Ђиди лудо, бре младо џанъм,
Майке је браћа дойдоје:—
Майке је браћа дойдоје, лудо (младо),
Мои-те мили вуйчеви.
«Калино моме калешо, добро,
Ложи, кого да изложеш;
Ложи, кого да изложеш, кальо (добро),
Мене не можеш да ложеш.

Мене не можеш да ложеш, моме (добро),
Я синоћ си беф зад врата;
Я синоћ си беф зад врата, моме (добро),
Кога ти прстен даваје,
Кога ти прстен даваје, моме (добро),
Ти им го прстен враћаше.
Кога го зеле майка ти, моме (добро),
Жалбы ми падна на срцо.
Жалбы ми падна на срце, моме (добро),
М'идеше да се убода.
М'идеше да се убода, каљо (добро),
Со цибрински-те ножеви.
Жалба ми падна за майка, каљо (добро),
Дека беф еден у майка,
Дека беф еден у майка, каљо (добро),
Да не останет без мене.

II. Пѣсны жалосны.

1.

Извикнал Стоян, мори, подвикнал,
Отоде, лелей, каламарія,
Зад пашино-то, лелей, корія:
«Жалвай ме, майко, мори, плакай ме,
Змія ме влезе в пазува,
Не можа̀, лелей, да я извад'а.
— Жалвам те, сынко Стояне, жалвам те,
Дур да се, лелей, море исушит,
Чаири, лелей, да се учинит.
Во чаир бостан да садя,
Я да си скина од бостан,
Устава да си олада.—
Извикнал Стоян, мори, подвикнал,
Отоде, лелей, каламарія,
Зад пашина-та, лелей, корія:
«Жалвай ме, сестро, мори, плакай ме,
Змія ми влезе в пазува,
Не можа' лелей, да я извада'».
— Жалвам тѐ, брате Стояне, жалвам те,
Дур да ми гламна разместит,
Трендафиль да се учинит,
Трендафиль да се учинит,
Я да си скина трендафиль,
На пояс да си го клада, на нояс.
Извикнал Стоян, море, подвикнал,
Жалай ме, љубо, мори, плакай ме...
— Жалам те, Стояне море, жалам те,
Дур да се врата од грабя,
Дур да си дойда до дома.
Дур да си влеза в градина,
Китка да цвећа набера,
Другего да си преложа.

У Ястребова въ пѣснѣ «Овчар свири у планини» (стр. 178) тотъ же самый фактъ, что овчару или Стояну влѣзла змѣя за пазуху, и онъ проситъ вынуть её поочередно мать, сестру и жену; но характ.ръ и заключенье другіе: у Ястребова конецъ такой:

Дође љуба, љуту змију
Да извади из недар.
Не видела верна љуба љуту змију,
Но видела ситан бисер у недрима.

2.

Зайде, зайде, с'лнце,
Лелей-лелей, майко-ле моя,
Зад зелена гора;
Ох лелей-си, майко-ле моя,
Зад зелена гора,
Зад зелена гора — лелей-лелей!..
Зад бело бигорье,—ох лелей-си...

—

Постой, постой с'лнце — леле!..
Да се изброиме — ох лелей-си...

—

Гри юнацы не мает—лелей!...
Три ми орли летает.—Ох лелей-си..

—

Три ми орли летает — Лелей...
Три нишани носее.—Ох лелей-си..

—

Први орел носит - Лелей...
Од юнака глава — Ох лелей-си...

—

Од юнака глава—Лелей...
Со се туно-фесе.—Ох лелей-си...

—

Втори орел носит — Лелей...
Од юнака рока —Ох лелей-си...

—

Од юнака рока—Лелей...
Со се бурма пърстен.—Ох лелей-си..
Со се бурма пърстен.
Трећи орел носит—Лелей!...
Од юнака нога.—Ох лелей-си..

—

Од юнака нога—Лелей...
Со се десе... скорен.—Ох лелей-си...
Со се десе.. скорен.
Овая е песна во песны Миладин. 245.

3.

Посакале се момче и мома;
Мома то лежет со бело лико,

Момчето ложет со цръно гройзе.
Си и доглeда кучка мошчеа,
А да сие пойде на Нова-аозар,
Да сие купи пара биляче,
Да си й отру момче и мома.
Мома-та умре сутру на утро;
Момче-то умре к вечер на вечер.
Мома закопа пот света цркква,
Момче закопа на света цркква.
Мома излезе винена лоза,
Момче излезе дафино дрво.
Расте си и спорастое,
Да се ставие врше и врше.
Си доглeда кучка мощеа,
Да сиа скина винена лоза,
Да си я фрли в огонь да гори,
Да си го собра бели-от пепелъ,
Да си врли горе на нива,
Да си излезе бела пченицо,
Да си я собра бела пченица,
Да си я сомле бело-но брашно,
Да си я меси бела няфара,
Си я однесе на света црковъ свети Георгиа.

4.

Пукна пушка пот Будина-града,
Тие бее деветина браћа;
Си те браћя пот байрак се скриле.
Алим бaрактарче в рамо го удрие,
В рамо го удрие, куршум не излезе;
Що ми стоя Алим три дни и три ноћи,
Кога фати Алим да умират,
Си и вика деветмина браћа:
«А ви вами, деветмина браћо,
Лел викните моя милна нана.
Да е реча на моя-та нана,
Да е даде три ћемери азно:
Еден ћемер жамиа да правит:
Други ћемер чешма да ми правит,
До чешма-та кона да ми вързет,
На кона-та байрак да ми запнет;
Да се знает, ал е Алим умрел.
Тређи ћемер нана да го яде.

5.

Разболел ми се левени Ђурђе,
Разболел се и ми умрело.
Да що ми Ђорђе и рода немаше;
Толко ми Ђорђе рода имаше,
Рода имаше една сестрица,
Една сестрица и бела Мария
И тая беше далек на далек,
Далек на далек, дур в Мориово.
Да ми пущие до два Анђола,
Да ми го викнет бело Марие;
Изговорие до два Анђела:
«Да ай ти тебе, бело Марие!
Лел промени се во бело руво,
Во бело руво, во невестиньско,
На главе кладе се девойчинско».
Пак ми киниса бела Марие,
Ми пооделе и що пооделе.
Си изговори бела Мария:
— Да ой ви вами, до два Анђела,
До два Анђела, два побратима.
Що ми мирисат темяновина,
Темяновина и восковина?—
«Да ой ти тебе, бело Марие:
Во гора имат секакви билки:
Едни мирисат како на темян,
Други мирисат на восковина».
Одое, що ми одое, ми изговори бела Марий:
«Да ой ви вами, до два Анђела!
Що ми се слушаг, како на тога,
Како на тога, како на песка?»
Изговорие до два Анђела:
В горо имает секакви пилицы;
Едно ми пеет, како на тога,
Други ми пеет, како на пѣсни.—
Кога ми пойдо, бело Мория,
Кога ми пойда дома на дворъ,
Туе ми найде девет попови,
Девет попови, десето ђаче,
Коде го пеет левени Ђурђе,
Коде го пеет, да го кревает
Тога ми писна бело Мария:
«Да ай ти тебе, левени Ђурђи!
Що не ми прати до два Анђела;
Но го ми легле, болно да ложа.
Еднуш со усто н'да проговора!»

III. Песни кардальски (или кардарьски)

1.

Мирко по двори шеташе, мори,
Русо си перче чешляше,
Со цьрно и криво гребенче
«Годай ме, маме, годай ме!»
— Годам те, сынко, годам те,
Годам ти Стойна попова,
«Нећум я Стойна попово:
Сакам я Мара Стойкова»
— Не ти я, синко, давает
«Сакам я, мамо, сос добро,
Зер ђа я земам сос лошо»

2.

Мори, я ћа одям на град Солун

Додо Алтано, мори милно ни бебе!

Порочай ми, що да ти купам.

«Мори, да ми купиш ал-шамія.

Бебе Божине, море милно ни дода!

Я да носа, ти ме гледаш»

Бебе Божине, море милно ни дода!

— Я ћа одам на град Негуш.

Додо Алтано, мори милно.. ни бебе!

— Порочай ми, що да ти купам.

Додо Алтано, мори милна ни бебе!

«Да ми купиш срма-колан.

Бебе Божине, море милно ни дода!

Я да носам, ти да ме гледаш.

Бебе Божине, море милно ни дода!

Я ћа одам на град Воден,

Додо Алтано, мори милно ни бебе!

Порочай ми, що да ти купам.

«Да ми купаш татар-бунда

Бебе Божине, мора милно ни додя!

Я да носам, ти да ме гледаш»,

Бебе Божине, мори милно ни дода!

IV. Песни за смеење (смешны).

1.

Мори жабо, меко меше,

Ак те фата, ћа те щипна.

Море раку, тв'рдо коре,

Ако скокна, ћа те мокна.

2.

Посакал ми рак-от

Жабина-та ћерка.

Му говарит раку

Жабина-та ћерка:

«Даљ те не знам, раку,

Да коя си стока?

Напрет, незат лазиш,

Во дупка си влазиш».

Нальути се рак-от,

Напрчи мустаћ-от,

Напрчи мустаћ-от,

Накриви колпак-от

— Даљ те не знам, жабо,

Да коя си стока?

Кога, жабо, крькаш,

Гуша-та напинаш:

Гуша-та напинаш,

Очи-те й пуплиш.

3.

Посеяла Мара до три ми просо,

Расте просо, расте, расте испорасте;

Расте, испорасте глувцу до колена,

Глувцу до колена, жабе до рамена.

Ток се чудит Мара, како ћа го берет.

Пособрала Мара од три села момцы,

Од три села момцы, од три села момы.

Ток се чудит Мара, с'още да й гостит:

Да заколет Мара мува яловица.

Страф я беше Мара, да не им не фтасат:

Пак си закла Мара бълва щираквица;

Си изгостит Мара од три села момцы,

Од три села момцы, од три села момы.

4.

Петел свадьба чинит:

Чудо за чудење,

Чудо да големо!

Врапцы — побратими,

Патки подкованы,

Петля подседлани,

Гуски зауздани.

Чудо за чудење,

Да големо чудо

5.

Цуцерве гойда пасеше — цупуле!

По край река Ситница,

Туй помина лисица:

«Помоги, Бог, цуцуле!»

— Дай Бог добро, лисице!

«Що е врева во село?»

— Комар свадьба чинеше;

Мушичка е невеста.

Комар вино точеше,

Мушичка му светеше,

Си ок'рши нога-та.

— Не дайте бре сельани,

Да не поеть м'ърцина;

Глава-та на старцы-те,

Да си правит мезенце:

Каки-те на момцы-те,

Да мачкает пусад-от;

Чрева-то на момы-те,

Да им растет косы-те;

Џигер-от на невесты,

Да ми быдет црвены.

6.

Ожениф се в собота,

За таткова срамота

Зедоф жена работна,
  Мошне куħа метеше,
Настред куħа бунище,
  На бунище мантарки (печурки).
От си набра мантарки,
  Меси зелник мантарник.
От го крена на глава,
  Да го носит на нива.
Кӑркна жаба в зелник-от;
  Си-те ми я дочуе,
Си-те рекое: «Чудо е!»
  Поп-от рече: «Чума е!»
Си-те фатіе ридища;
  Поп-от фати долища.
Си-те дойдое трети день;
  Поп-от дойде пети день;
Си-те дойдое со круши,
  Поп-от дойде без уши.

Та-же пѣсня иначе.

Оженифсе в собота,
  За таткова срамота.
Зедоф жена работна,
  Що немаше кошуља.
А я си беф подскоклив.
  Скокнаф горе и долу,
Си пронабраф протицы
  И габрови колицы.
Е суградиф кошуља,
  Я облекоф во нея.
Я подведоф по мене,
  Си-те ми я видое,
Си-те рекое: «Чудо е!» (конецъ одинаковъ).

7.

(За пресмеваньe на невеста).
Невестица-сиротица;—дос-дос *)
Момче беше малечкаво.
Си го прати на орање.
Фӑрцна вол-от с опашка-та'
Го запрета во бразда-та.
Врано гракна, нейзе текна.
Тӑрчаница тамо пойде,
Си го найде во бразда-та,
Си го зави в скутина-та,
Го донесе дури дома,
Си го кладе до мешарка.
Момче беше касканція;
Се раскара с кокоши-те,
Му искӑлвае очиня-та.
Невестица-сиротица
Си го кладе во ħоше—то.
Момче беше касканція:
Се раскара со глувцы-те,
Му изгрызае ушлиня-та.
Невестица-сиротица
Си го кладе по край огонь.
Момче беше завис'ливо,
Се раскара со петли-те.
Пӑрфна (пафна) петко со крилј-та
Го запрети во сила та (жар-от).

8.

(За пресмеваньe на старица-та).
Дей ђиди моме, моме седмаħинче!
Да кога си было од седомь годйны,
За що ти е чело, чело збӑрчкавено? (2).
«Дей ђиди лудо, дей ђиди младо!
Я вчера сум яло кисели ябӑлки;
За те ми е чело, чело збӑркавено.»
Вопрос повторяется,
За що ти се косы, косы побелены?
«Я вчера сум было долу в воденицы,
За те ми е косы, косы побелены».
— За що ти се плеħи, плеħи згӑрбавени?
«Я вчера сум было пѐнушки вежȁно;
Зате ми се плеħи плеħи згӑрбавени»
— За що ти се зоби, зоби попађани?
«Я вчера сум яла од вӑлно ядйна;
За те ми се зоби, зоби попађани».

9.

Цуцуль пасет говеда,
Цуцулица — тельцы-те,
По край река Ситница.
Туй помина лисица:
«Добро утро, цуцуле!»
— Дай Бог добро, лисице.
«Що е врево во село?»
— Комарец се женеше,
Мушичка се можеше,
Вошка куħа метеше,
Бӑлва вода носеше,
Мечка тесто ваљаше,
Глушац попан бiеше,
Вӑлчко сурла свиреше,
Лія сваħа месеше,
Гнида сваħа шареше,
Жаба комат месеше.

—

Пӑрда мува зад уво,
Дойда баба да тешит:

*) Такой припѣвъ повторяется въ каждомъ стихѣ.

«Мълчи ми, мълчи, мушичко!
Утре ћа пойда на пазар,
ћа ти купит симитче;
Ако мълчиш ћа ти дода,
Ак не мълчиш.—шљаканица.

—

Вошка куħа метеше,
Отколе я метеше,
Повеħе я расеше.

—

Бълва вода носеше,
Отколе я носеше,
Повеħе я пieше.

—

Мечка тесто вальаше,
Повеħе го лапаше.

—

Од глуше меше,
Пълно вино;
Од вошка кожа,
Пълна ракiя.

—

Жаба комат месеше,
Отколи го месеше,
Повеħе му зелѣ редеше;
Скокна жаба в зельник-от,
Клекна, мокна, наслочи.

цуцуль, цуцулица=чучук=ħуħуль.

10.

Собрале ми се, набрале до 70 юнаци,
До 70 юнаци и едно старо старчище,
Едно старо старчище от 70 години:
Кои ħе профрълит зелен бор,
Тои да си земет Янинка,
Янинка, бело-граħанка.
Си-те редом редие до седом,
Десет юнаци редие до седом;
Какои зелен бор ке прескочи.
Стана ми, стана старо старчище:
Запрегна поли рокави,
Си го прескочи зелен бор;
Си го прескочи зелен бор,
Да си я зеде Янинка,
Янинка бела-граħанка,
Кога си дочу Анинка,
Писна Анинка да плаче:
«Да ле-ле-ле до Бога!
Как ħа се любит старчище,
Старчище с бело брадище!
Со ноħ да го любам,
Ноħо-т да го губам!»
Седна ми старо да тешет:
«Млчи ми, млчи, Янинке,
Янинке, бела-грађанке!
Утре има собота,
Зад утре ми е недела;
Я ħа си пойда на пазар,
На пазар на бербер
Я се ħа си брада избрича,
ħа се стора млат юнак
От дванаест години.
Я ħа си купа в водица,
Да си истръгна жебурки.
Пак се Анинка не тешет:
«А можь, старо старчище,
Кога си имаш 70-години!»

У Ястребова гораздо короче (стр. 220).

11.

О, зададе се темен облак, Велiя море!
О, зададе се темен облак, Душманин море!
О не ми было темен облакъ, Велiя море!
О, не ми было темен облакъ, Душманин море!
О, так ми было ħор Матлiя,
О, ħор Матлiя со Матли
О, ħа се бiет со Прилепцы,
О, со Прилепцы тутунцiи.

Первые 4 стиха повторяются, а затѣмъ добавляется:

О, ħа се бiет со Кичевцы,
О, со Кичевцы, бостанцiи.
О, ђа са бiет с Гостиварцы,
О, с Гостиварцы, со тиквари.
О, ђа се бiет со Тетовцы,
О, со Тетовцы, со гушавцы.

—

Каждый стихъ повторяется и въ первомъ случаѣ заканчивается словами: «Велiя море», а во второмъ—«Душманин море».

Мат—нахiя изъ нѣсколькихъ селъ, расположенныхъ по другую сторону Арина и къ юго-западу отъ Горной Дебры: жители же его назыв. въ ед. ч. **Матлiя** или **Матлянец**, а во множ.—**Матлй** или **Матяни**.

(Примѣчанiе собирателя).

12.

(Секогашна).

Море лудо, бре будала!
Що не си се оженило,
Кога беше евтиния?
Пара и пол ведро вино, по три пари ракия-та,
Десет пари товар жито.

Весело стой, повесело, како пръва та година.
«А мори, малко свекръво, со що кя бида [весело?
Са още кя бида весело, ал со сини-ти будала?
Ако одиме на гости, си седит на чело, това [седит в дечишча».

V. Аргатски.

1.

Пособрала Неда до девет аргати,
Да ми я жнеет бела пченица.
Жнее, що пожнее и си собрае,
Си дойдое дома на вечера.
Си те вечерае, Теме не вечерат,
Е дадо е Теме свекя, да им светит.
На сите платие, Теме не платие,
Теме е дадое еден злат пръстен.
Се молеше Теме на нейзини дружки:
«Кя и знадет майка, за мене да прашат;
Майка да речете: з мия я изиде.
Змия я изиде за наймали-от пръс.

2.

Разигралося яблъко,
В цареви парти удрило.
Цар го яблъко праташе:
«Яблъко, пресно яблъко!
Що те аргати пущие?»
Ми изговари яблъко:
— Вечера да им готвите
Варено-то ягне, нечено.

3.

Порой потече, ниво голема, да те однесе;
Да те однесе, ниво голема, дур в Мирново.
По излегое, ни во голема, Мирновски-те,
Те пожнея е, ниво, бела пченица,
Те пожнея е и те собрае,
И те кладое в нови амбари.

4.

Ужина дойде леле до-Бога, а ручекъ немат;
Али заспа, леле до Бога, ратаица-та?
Нози-те клале, варай до Бога, во огнище-то,
Му изгорело, варай до Бога главенище-то.

VI. Пѣсни при играхъ и забавахъ.

1.

Берите се си девойки на собор, на собор;
Ил се собор без девойки не берет, не берет.
Берите се си невести на собор, на собор;
Ил се собор без невести не берет.

2.

Кога се туруват оро-то.
Вода водит мала моме во Царени порти; (2)
Сам Цар седит, сеир гледат, коде вода одит; (2)
А Царев син Бога молит: «Мое да-би било!» (2).

—

Въ друг. спискѣ:
Край царевы порты
Сам цар седит на порты-те, моме бо го гледат.
— Мое да е моме»
(и въ числѣ свадебныхъ).

3.

На расипување оро (Лазорополе).
Я си идех, моме, од орање,
Од орање, добро, од копање.
Я ти рекох, моме, добор вечер!
Ти никако, моме, не ми рече.
Глуво-ли си, моме, чуй ме мене;
Слепо-ли си, моме, опули се.
«Ни су глуво, лудо, ни су слепо;
Да беф брало, лудо, како тебе,
Градина бы, лудо, заградило,
Тебе подар, лудо, бы те клало,
Да ми браниш, лудо, босилек-от

4.

На два хора.

Позив:
Елато овамо, девойки море,
На наша страна:
Овамо греѣт, девойкы море,
Две ясни сълнца,
Две ясни сълнца, девойки море,
Две месечиње.

—

Одговор:
Ни ви идемо, девойки море,
Ни ве сакаме:
Овам' имаѣт, девойки море,
Лепи момчиње.

5.

На ншшалька.

Сведи се, сведи, ей миле връбо,
Долу, подолу.
Да си прикажа,
Зло и неволя:
Терзия има,
А елек нема.
Майстора има,
Одая нема.
Мѣхиня има,
Кожувче нема.

6.

На невеста, кога се нишот на нишалька.

Чія лелька на нишалька? Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Крстова е мила своя, Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Васиљкова е невеста, Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Василько е на потица, Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Утре вечер на потица, Лельо!
Ђурђе-ле, Лельо!
Василько е во град Солун, Лельо!
Ђурђе-ле, Лельо!
Ток се мешат на чаршія, Лельо!
Ђурђе-ле, Лельо!
И се чудит, що да купит:
Ђурђе-ле, Лельо!
Аљ да купит чиста фута,
Ђурђе-ле, Лельо!
Чиста фута с девет колца;
Ђурђе-ле, Лельо!
Аљ да купит чисти чегли,
Ђурђе-ле, Лельо!

7.

Кога се нишат момче.

Момче се љуљат, мома го гледатъ—
Брайно-ле!
— Саво-ле *) мила — сестро-ли!
Кротку нишай го лудо-то;
Кротку нишай го младо-то.
Или е гнило (цървливо) дърво-то,
Иль е юзливо юже-то;
Ђа паднет, ђа се отепат:
(Или: Дан' паднет, да се убіет).
Каждый стихъ повторяется.

8.

Море моми буковки, море буковки!
Какъ садите пипер-от, мори пипер-от?
Дупни дупче, клай коренче.
Го садиме петер-от, мори пепер-от.
Море моми буковки, мори буковки!
Как вадите пипер-от, мори пипер-от?
Така вака подклепки, море, подклепки.
Го вадиме пипер-от, море, пипер-от.
Море моми буковки, море буковки!
Как прашите пипер-от, море пипер-от?
Така вака с нокти-те, с ноктите?
Го прашиме пипер-от, море пипер-от.
Море моми буковки, море буковки!
Как берете пипер-от, море, пипер-от?
Така вака скани шушка, клай в кошнице.
Го береме пипер-от, море пипер-от.
Море моми буковки, море буковки!
Как тълчете пипер-от, море, пипер-от?
Кака вака с петица, море, с петица.
Го тълчеме пипер-от, море пипер-от.

VII. Пѣсни билярскія (билярски, билядречки).

1.

«А девойче, Задгоряиче!
Аль си было на Задгорѣ?»
— И су било, й су дошле.
«Аль имаше многу цвеђе?»
— Многу беше, дробно беше.
Само цвеђе нарочуват:
Како зноет момчиня-та,
Нека дает да ме берет,
Да ме носит под фесови.
Како зноет девойкы-те,
Нека доет да ме берет,
Да ме носит на пояси.
Како зноет невесты-те,
Нека доет, да ме берет
Да ме носит на сокай,
Да ме носит под гърла-та,
Под гърла-та окованы.
(Я. 148).

---

*) Се споменат име-то на нишачка-та-како що я викат, на прилика: Сава (Савета), или юнаку, Цвето-ле, Ружо-ле, Магдо-ле, Сирмо-ле, Маро-ле, Като-ле, Доро-ле, Невено-ле, Босилько-ле, Румено-ле.

2.

Де в село идет, Синжирой-моме, два коня вода.
Два коня вода, Синжирой-моме, еден за тебе,
Еден за тебе, Синжирой-моме, други за мене.
Той, шчо за мене, Синжирой-моме, от звезда узда;
Той, шчо за тебе, Синжирой-моме, от перо седло.

3.

Расипи оро, Радо невесто,
Пойди си дома!
Пойди си дома, Радо невѣсто,
Браћа ти дошле.
Браћа ти дошле: Радо невесто,
Пешкиш донесле.
Пешкиш донесле, Радо невесто,
Чиста-на фута.
Чиста-на фута, Раоо невесто,
Со девет кольца.
Доте ти плачет, Радо невесто,
Браћа ти дошле,

(Я. 148).

4.

Качумчице-сиротице!—биляро-биляро!
Що си излегло во стред зима?—биляро-биляро!
В стреде зима, въ коложега,—биляро-биляро!
Кога мързне дърво и камень?—биляро-биляро!
— Да я има зло мощеа,—биляро-биляро!
Ща ме рано скоревало;—биляро-биляро!
Да излега в стреде зима,—боляро-биляро!
В стреде зима, в коложега,—биляро-биляро!
И да плета, и да веза.—биляро-биляро! (Я. 148).

5.

Не оди в гора, Радо невесто, не бери билье,
Не бери билье, Радо невесто, под зелен йор:
На йор имать, Радо невесто, славейно пиле,
То-ва ми пеѣт, Радо невесто, славейно пиле:
Пойди си дома, Радо невесто, гости ти дошла;
Гости ти дошле, Радо невесто, татко и майка,
Татко и майко, Радо невесто, и деветь браћа;
И деветь браћа, Радо невесто, и осомь снои;
И осомь снои, Радо невесто, седом внучиня
Гости ти дошле, Радо невесто, пешкиш донесле:
По-стари братец, Радо невесто, пешкиш донесол.
Пешкиш донесол, Радо невесто, чиста-на фута:
По-средни братец, Радо невесто, пешкиш донесол,
Пешкиш донесол, Радо невесто, срмени колан;
По-мали братец, Радо невесто, пешкиш донесол,
Пешкиш донесол, Радо невесто, чисти-не чехли.

6.

Кинисала бела билька,—биляро!
Да ми одит на билячки:—биляро!
Ни лиѐно, ни чешлано,—биляро!
А от сите по убаво—биляро!

1899 г. 4-го іюля.

П. Равинскій.

По говору Любимскаго уѣзда.

Абызъ—чѣловѣкъ, имѣющій смѣшную наружность. «Зачѣмъ ты сбрилъ бороду? теперь абызъ какой то сталъ!.. Бабанѣжиться—долго потягиваться въ постели. Бяго—стулъ деревянный, вокругъ котораго загибается полозъ. Бѣль—льняная пряжа, выбѣленная на насту. Бредень—небольшой неводъ. Варево—жидкое, сваренное кушанье: уха, похлебка, щи. Холодное съ квасомъ или жареный картофель варевомъ уже не будутъ. Веретьо—лохмотье. Варя пива—количество пива, варимое за одинъ разъ. Вилòкъ—кочанъ капусты. Вѝцы—ивовые канаты и веревки, которыми деревья связываются въ плоты. Вклепаться—признать человѣка незнакомаго за знакомаго. «Я думалъ тогда тебя окликать, да побоялся не вклепаться бы»... Вымочка—низкое мѣсто на пашнѣ, гдѣ весной долго застаивается вода, отъ которой «вымокаетъ» посѣянное зерно и погибаетъ. Горбуша—коса на короткой палкѣ. Дылда—нескладной человѣкъ высокаго роста. «Экой ты дылда какой!» Дѣвача—дѣвушка.—«Ты, дѣвача, это не дѣло говоришь!» Жигàло или жгало—жало у пчелы. Длинный желѣзный прутъ, накаливая который провертываютъ дирочки въ разныхъ предметахъ: цѣвкахъ и т. п. Зàволока—при лѣченіи нѣкоторыхъ лошадиныхъ болѣзней, подъ кожей лошади на плечѣ пропускаютъ тонкую восковую свѣчку. Когда произойдетъ нагноеніе, то свѣчку передергиваютъ и способствуютъ лучшему выдѣленію гноя. Завòръ—ворота въ изгороди. При каждомъ проѣздѣ, жерди въ этихъ воротахъ выбираются, а затѣмъ по проѣздѣ вставляются вновь. Завянуть—подсохнуть. «Цвѣты завяли» Закрайна—кайма воды между берегомъ и льдомъ на рѣкѣ весною. Залавокъ—то же что и посудникъ. Залудѣетъ образуетъ кору послѣ дождя (про пашню). Зàриться—сильно желать пріобрѣсти себѣ какую нибудь вещь. «Онъ позарился больно на лошадь та, да и купилъ её». Зàстить—затѣнять. «Отойди—не застн». Зачичеревѣть—захудѣть. «Совсѣмъ темномъ то у насъ зачучеревѣлъ!)» Зыбка—люлька, но съ ободкомъ, сдѣланнымъ изъ луба. Изурочить—сглазить. Исправный—зажиточный. «Ипатъ мужикъ хорошій, исправный».. Кадь—кадка; мѣра старинная. «Возится, какъ съ говѣнной кадью».. Катанки, катаницы—валенки. Каталажиться—куражиться. Кунды-мунды—носильное имущество. «Собрала всѣ свои кунды-мунды». Квашённикъ—тряпка, которою завязывается сверху квашня. Коко—ласкательное названіе яица: «Васѣ коко нужно дать»... Комель—нижняя часть древеснаго ствола. Кортома—аренда· «Онъ свою землю ужь третій годъ, какъ въ кортому отдаетъ». Космачемъ—ходитъ т. е. безъ платка. Кры̀льца—лопатки рукъ. «Между крыльцами у меня чешется»... Курица—елка выкопанная съ корнемъ. Въ такихъ курицахъ утверждается пригнетникъ въ соломенной крышѣ крестьянской избы. Пригнетникъ—жерди. Курникъ—пирогъ съ курицей. «Рыбникъ»—пирогъ съ рыбой. Легчи—лечь. Легчить—кастрировать животныхъ. Лодырь—лѣнтяй, шалопай. Лопотинье—лохмотье одежи. Молòсный—скоромный. Молосный день—скоромный день. Мумлять—муслить, обмачивать смолою. Накòлна—старинный головной уборъ замужнихъ женщинъ. Намазýшка—пирогъ съ начинкою намазанною на него сверху. Навѣтки давать—дѣлать намеки. «Она навѣтки то мнѣ давно давала». Обѝчка—деревянный ободокъ у сита или рѣшета. Оболокиться—одѣваться. Окутываться—покрываться одѣяломъ. Скутывать печь, овинъ—закрывать печь или овинъ. Обсказывать—разсказывать все подробно. «Мнѣ все обсказали». Объячить, наячить—обмануть, надуть. «Меня наячили». Огорёваться—съ трудомъ пріобрѣсти какую нибудь вещь. «Бологo только разъ огореваться, да купить, а тамъ и лучше будетъ». Оклематься—оправиться (о больномъ). «Онъ оклемываться сталъ теперь понемножку». Осерды—часть внутренностей животныхъ: легкія, сердце и печень. Отàва—молодая зеленая трава, выростающая на лугу вторично послѣ уборки

сѣна. Очесливый—вѣжливый. Неочестливый—невѣжливый. Ошарашить—внезапно ударить кого нибудь напр. палкой, коломъ. Паўтъ—сводъ. Пялиться—наряжаться. «Для ча ты сегодня въ новую то кофту выпялилась?...» Переметъ—рыболовный снарядъ, состоящій изъ шнура съ прикрѣпленными къ нему крючьями. Печатная сажень - сажень, имѣющая ровно три аршина; въ отличіе отъ «маховой» сажени—(пространство между средними пальцами распростертыхъ рукъ взрослаго человѣка). Плаха—толстая доска. Плёсо—видимое пространство рѣки между двумя ея изгибами. Плесо Дрожжениковское напр.:—по имени берегового владѣльца.—Дрожжи и т. д. Полушалокъ—небольшой, теплый шерстяной платокъ. Понимать—топить, заливать. «Водой все поле поняло»... Поросъ—некладеный быкъ. Поскотина - мѣсто на которомъ пасется скотъ. Пошевни—санки, обдѣланныя лубьями или рогожею. Прокуратъ—насмѣшникъ, забавникъ. «Экой прокуратъ какой!..» Пургá—снѣжная мятель. Пята—нижняя часть двери; нижняя часть воротъ. Раструсить—разбросать по мелкимъ частямъ. «Раструсить навозъ». Рушникъ—полотенце. Рукотерникъ—тряпки для вытиранія рукъ. Садокъ—ящикъ съ дирами, который плаваетъ по водѣ и въ которомъ держится пойманная рыба. «Семишникъ», «семитка»—мѣдная монета въ 2 копѣйки. Сляшить, стибрить—украсть. Сбондить—тоже самое. Сумерничать—спать во время сумерекъ, пока не зажгутся огни. Сыромолотный—хлѣбъ, обмолоченный безъ предварительной сушки на овинѣ. Сѣра—древесная смола. Убродный снѣгъ—рыхлый, глубокій снѣгъ. Удушье—кашель. Умолотъ—количество зерна, намолачиваемое съ извѣстнаго количества грудъ или суслоновъ. Усолѣть—осолиться окончательно. Уторы - мѣсто соприкосновенія стѣнокъ кадочки съ ея дномъ. Хилый—слабый. Хайло—глотка. «Ты чего хайло то дерешь?» Хлипкій—нѣжный, чувствительный. Шалашъ—дѣлаютъ пастухи изъ прутьевъ, чтобы укрыться отъ дождя. Шаркунецъ—бубенчикъ. Шелóмя—верхняя часть соломенной крыши. Шепериться—топорщиться. Встрѣчаются при разговорѣ съ дѣтьми ласкательныя формы глаголовъ: «спатеньки» - спать, «питеньки»—пить и т. д. Какъ кличутъ и гоняютъ различныхъ животныхъ. Коровъ кличутъ: тпруко! тпруко! тпруко!.. Гоняютъ: ксы-ксы-ксы. Телятъ кличутъ: псе-псе-псе... псенюшка... Овецъ кличутъ; башъ, башъ, башъ!... Шишь шишь! шивара!... Свиней: рюхъ-рюхъ рюхъ!.. чушки-чушки! Курицъ: цыпъ-цыпъ-цыпъ!.. Собакъ—призывая мызгаютъ. Утокъ: ути-ути-ути!.. Кошекъ—кисъ, кисъ... Гоняютъ—брысь. Голубей: гули-гули-гули!... Индюшекъ: пырь-пырь-пырь! Гусей: тига-тига-тига!... Всѣхъ птицъ гоняютъ: шш... шишь! кш... шишъ!. Лошадей кличутъ; псо-псо-псо! О беременности животныхъ говорятъ такъ: «обошлась» т. е. забеременѣла. Беременная корова—«стельная», лошадь—«жеребая», свинья - «сўпороса». Овца—«суягна», кошка и собака—«сукошна». О рожденіи животныхъ говорятъ: о коровѣ—«отелилась», о лошади—«ожеребилась», о свиньѣ—«опоросилась», о кошкѣ—«окотилась», о собакѣ—«ощенилась», объ овцѣ—«объягнилась».

Періодъ, въ который корова передъ отеломъ не доитъ, называется «мешмолоки». Корова тотчасъ отелившаяся называется «новотельною». Корова отелившаяся въ первый разъ—«первотелокъ». Корова необходившаяся совсѣмъ—«яловою». Градаціи коровы по возрасту: теленокъ, на 2-й годъ поутёлокъ, и, затѣмъ тёлка, а потомъ уже корова. Быкъ «полуденникъ» называется бычекъ по второму году. «Порозъ»—быкъ не кастрированный. Градаціи лошади: «сосунъ», «стригунъ» и «учка» т. е. лошадь, которую уже начинаютъ пріучать къ работѣ.

Про курицу, когда она снесетъ первое яицо говорятъ: «обновилась». «Молодка» молодая курица. «Болтунъ»—яицо жировое безъ зародыша; изъ него цыплятъ не бываетъ. «Недоносокъ», «сносокъ»—яйцо безъ яичной скорлупы въ одной только пленкѣ. Крестьяне вѣрятъ, что курица носитъ такія яйца тогда, когда ушибется обо что нибудь.

«Двужелтяшное» яицо—яйцо съ двумя желтками. «Подкладень»—яйцо которое оставляется въ куриномъ гнѣздѣ для того, чтобы курицы не покидали его.

Клохта, клохтунья—насѣдка.

Сообщилъ *А. Баловъ.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Жреческая организація индогерманцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ).

I.

Извѣстный трудъ О. Шрадера: «Sprachvergleichung und Urgeschichte» (2 изд. 1890 г.) служитъ точкой отправленія въ новѣйщемъ изученіи индоевропейской (или индогерманской) культуры. Этимъ значеніемъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что, не порвавъ въ методологическомъ отношеніи связей съ прежнимъ направленіемъ этой науки, онъ соединилъ весь матеріалъ, который современная лингвистика считаетъ возможнымъ относить къ древней стадіи развитія индогерманскихъ языковъ. Поэтому онъ могъ считаться показателемъ того уровня нашихъ знаній о культурѣ гипотетическаго индогерманскаго народа, какого достигла наша наука. Если теперь, т. е. лѣтъ черезъ 9—10 послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги Шрадера, мы въ значительной степени измѣнили наши воззрѣнія на индогерманскую древность, то въ основѣ такого измѣненія все-же лежатъ тѣ данныя, которыя заключаются въ обстоятельномъ трудѣ Шрадера. Какъ всякое крупное явленіе, этотъ послѣдній вызвалъ рядъ отзывовъ и возраженій, отмѣтившихъ его достоинства и недостатки. Подъ вліяніемъ его появились книги Рейнака («L'origine des Aryens». Paris. 1892) и Зейлера («Die Heimath der Indogermanen». Hamburg. 1894), представляющія рефератъ новѣйшей литературы вопроса; страстная полемическая выходка П. ф.-Брадке: «Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumswissenschaft», который уже и раньше выступалъ противъ Шрадера съ брошюрой: «Beiträge zur Kenntniss der vorhistorischen Entwickelung unseres Sprachstammes» (1888), брошюрой, въ которой среди общихъ мало подходящихъ къ дѣлу разсужденій встрѣчается нѣсколько остроумныхъ мыслей о той средѣ завоеванныхъ и низшихъ, среди которой совершалось воспитаніе молодыхъ арійцевъ. Хотя мы не можемъ, конечно, вмѣстѣ съ ф.-Брадке бросить въ лицо Шрадеру упрекъ въ «безнадежномъ отсутствіи ясности и проницательности мысли», тѣмъ не менѣе въ книгѣ Шрадера не мало и методологическихъ погрѣшностей, въ виду которыхъ всѣмъ спеціалистамъ стало особенно ясно, въ какомъ направленіи должно было двинуться послѣдующее изученіе индогерманской культуры. Прежде всего, Шрадеръ обращался довольно неосторожно съ лингвистическимъ матеріаломъ, заключая отъ существованія слова въ разныхъ индогерманскихъ языкахъ къ присутствію его въ общемъ индогерманскомъ словарѣ, хотя на самомъ дѣлѣ слово могло распространиться впослѣдствіи путемъ культурныхъ заимствованій; во-вторыхъ, въ матеріалѣ Шрадера было такъ много прорѣхъ, что самъ же онъ почувствовалъ необходимость для дополненія картины оставить въ сторонѣ лингвистику и прибѣгнуть къ даннымъ археологіи, отожествляя съ культурой индогерманцевъ культуру свайныхъ построекъ Швейцаріи. Никогда еще, кажется, изученіе индогерманской цивилизаціи не пользовалось такимъ вниманіемъ, какъ теперь, послѣ Шрадера: за него берутся не только спеціалисты-лингвисты (Кречмеръ, Гиртъ и др.), но и юристы (Лейстъ, Іерингъ), и археологи (Мухъ), и съ особеннымъ рвеніемъ антропологи, въ числѣ которыхъ къ Пенкѣ, продолжающему свои фантастическія изслѣдованія въ старомъ духѣ,

присоединились Аммонъ, Лапужъ и др., отстаивающіе права долихокефаловъ (=«арійцевъ») на первенство въ исторіи человѣчества *).

Въ одинъ годъ съ книгой Шрадера появилось прекрасное изслѣдованіе Дельбрюка: «Die indogermanischen Verwandschaftsnamen», въ которой былъ сдѣланъ, между прочимъ, слѣдующій важный выводъ: существованіе въ общеиндогерманскомъ словарѣ двухъ формъ: *pòti (господинъ) и образованной отъ него *potnī (госпожа) указываетъ, по словамъ Дельбрюка, на такое состояніе общества, при которомъ домомъ управляетъ не жена воображаемой эпохи матріархата, но мужчина, мужъ. Другой весьма интересный фактъ, открытый изслѣдованіемъ Дельбрюка, заключается въ обиліи общихъ названій для родни по мужу (свекръ и свекры, дѣверь, снъха, зълъва, ѧтры), почему можно думать, что женщина въ общеиндогерманскую эпоху входила въ домъ мужа, который не имѣлъ сношеній съ домомъ жены. Обратно, общимъ является, по мнѣнію Дельбрюка, только слово зѧть, хотя опредѣлить первоначальное значеніе этого имени изслѣдователь отказывается. Однако, въ скоромъ времени было указано еще другое слово того же рода: это инд. ведійское (Rg.-Veda I, 109) syālás (братъ жены), сопоставленное Гофманомъ (Bezzenberger's Beiträge. XXI), со слав. шурь, шуринъ (инд. ā изъ au, какъ ās = уста), сопоставленіе, принятое Бругманомъ во второе изданіе его Grundriss'a.

Вопросъ, поднятый Дельбрюкомъ, настолько важенъ, что было необходимо выяснить съ методологической точки зрѣнія степень переживанія и условія новообразованія названій родни. Эту задачу взялъ на себя романистъ Э. Тапполетъ, которому наука обязана очень интереснымъ изслѣдованіемъ: «Die romanischen Verwandschaftsnamen» (1895). Оказывается, что въ этой области языковой жизни господствуетъ большое оживленіе: на 16 словъ, унаслѣдованныхъ отъ почтенной старины, приходится больше 100 романскихъ новообразованій, при чемъ развитіе языка въ этой области такъ же капризно, какъ и вездѣ. Такъ напр., рядомъ съ вульгарно-латинскимъ mamma, давшимъ множество рефлексовъ, слово tata осталось совершенно безплоднымъ (стр. 35), да и вообще, по какому-то странному закону, «иниціатива новообразованія возникаетъ почти всегда въ области названій мужской родни» (стр. 50).

Въ томъ же 1890 году, когда явились книги Шрадера и Дельбрюка, Фикъ подарилъ наукѣ новое, 4-е изданіе своего знаменитаго «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen», гдѣ словарю такъ наз. пра-языка (Grundsprache) посвящено болѣе полутораста страницъ. Изъ важныхъ культурныхъ словъ, которыхъ нѣтъ у Шрадера, здѣсь будетъ не лишнимъ упомянуть лат. erus, era (господинъ) = зенд. anhus, остроумное и многознаменательное сопоставленіе лат. cucurbita (дыня) съ санскр. carbhata (огурецъ), вед. haya съ армян. zi (конь) и т. д.

Въ настоящее время и словарь Фика уже устарѣлъ: для того, чтобы почерпнуть почти весь общеиндогерманскій словарь, надо обращаться и не къ Шрадеру, но ко второму изданію перваго тома Бругмановскаго: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen sprachen» (1897).

До сихъ поръ шла рѣчь о такихъ явленіяхъ науки, которыя остались внѣ сферы вліянія Шрадера. Теперь передъ нами нѣсколько трудовъ, которые такъ или иначе принимаютъ въ расчетъ взгляды этого ученаго и пытаются расширить или видоизмѣнить его выводы и методы.

Прежде всего слѣдуетъ назвать книгу М. Муха: «Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältnis zur Kultur der Indogermanen» (1885), вышедшую вторымъ (значительно дополненнымъ) изданіемъ въ 1893 году. Въ методологическомъ отношеніи мы встрѣчаемъ здѣсь ту же вѣру въ достовѣрность и полноту лингвистическихъ данныхъ, что и у Шрадера; то же стремленіе связать выводы лингвистической археологіи съ результатами раскопокъ. Какъ не спеціалистъ въ этой послѣдней, крайне темной, области, я

---

*) Для оріентировки въ этихъ вопросахъ я позволю себѣ сослаться на свои же статьи: «Новыя изслѣдованія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., № 2) и «Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ» (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1899 г., № 3 и 4).

могу сказать только съ большой осторожностью, что картина, нарисованная Мухомъ на основаніи доисторическихъ находокъ, представляется мнѣ заманчиво вѣрной; другой вопросъ, насколько она покрывается словарными данными. Дѣло въ томъ, что Мухъ пришелъ въ убѣжденію, что между эпохой шлифованнаго камня и бронзовымъ вѣкомъ лежитъ періодъ, характеризуемый предметами, сдѣланными изъ одной мѣди безъ примѣси цинка или олова. Такіе предметы раскинуты по всей Австро-Венгріи, Нѣмецкой имперіи, Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и Ирландіи, Швеціи и Норвегіи и восточной Россіи; они найдены на греческихъ островахъ и на Кипрѣ, встрѣчались въ Троѣ и въ Палестинѣ; всего такихъ мѣстъ теперь найдено свыше 400, въ громадномъ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ мѣдными попадались каменныя или бронзовыя издѣлія, и, что весьма важно, мѣдныя вещи изготовлялись не только на украшенія, но и на всякую потребу: тутъ есть и скиптры, и топоры, и застежки, и мечи, и кольца, но въ основѣ мѣдной промышленности, повидимому, лежало изготовленіе плоскихъ топоровъ, кинжаловъ и шилъ. Первый является замѣстителемъ каменныхъ топоровъ и имѣетъ ту же форму, что и они; кинжалъ выдѣлывался по образцу призматическаго трехъ-или четырехъ-граннаго кремневаго ножа; вообще же надо сказать, что сходство мѣдныхъ вещей очень велико повсюду, на какомъ бы разстояніи одна отъ другой онѣ ни были найдены. Поэтому вся масса находокъ представляется автору книги однимъ большимъ цѣлымъ, общимъ признакомъ котораго служитъ плохая обработка поверхности предметовъ и отсутствіе украшеній, происходившее отъ того, что плохими каменными и костяными орудіями было невозможно орнаментировать твердый металлъ.

Обработка мѣди, продолжавшаяся долгое время и оставившая наиболѣе слѣдовъ въ Венгріи, окончилась съ переходомъ человѣчества къ бронзѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Муха (стр. 234), мѣдь при своемъ появленіи въ Европѣ стоитъ еще въ тѣснѣйшей связи съ каменнымъ вѣкомъ, встрѣчается нечасто и носитъ слѣды рѣдкаго и бережливаго употребленія. Вскорѣ послѣ того, какъ она начинаетъ попадаться въ большемъ обиліи, является на сцену уже и бронза, скудная въ процентномъ отношеніи олова къ мѣди, и въ издѣліяхъ съ простѣйшими формами; при этомъ еще не исчезаютъ совершенно и каменныя орудія: «ихъ сохраняютъ бѣдные люди или старая традиція». Наконецъ, и мѣди и бронзы становится настолько достаточно, что даже бѣднякъ можетъ не отказывать себѣ въ металлическихъ вещахъ, и эти два металла начинаютъ попадаться рядомъ, тогда какъ камень уже окончательно выходитъ изъ употребленія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣдь еще сохраняетъ не надолго перевѣсъ надъ бронзой. Эта эволюція совершилась во всей Европѣ, но особенно ярка она въ юго-восточной части Испаніи, изслѣдованной братьями Сиретъ (Siret).

Далѣе, Мухъ ставитъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ изготовлялась мѣдь первобытными обитателями Европы, и къ какому времени восходитъ начало этого кузнечнаго ремесла? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ положительнымъ заявленіемъ, что мѣдь при появленіи ея въ находкахъ уже плавили, а не обколачивали молотомъ, какъ это извѣстно въ американскихъ древностяхъ. Это доказывается неоспоримо тѣмъ фактомъ, что уже въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (напр., въ Робенгаузенѣ, Турги и мн. др.), гдѣ нѣтъ еще слѣдовъ знакомства съ металлами, найдены въ большомъ числѣ тигели и литейныя ложки (Gusslöffel); перечисленію этихъ находокъ посвящена 5-ая глава книги Муха. Вслѣдъ за тѣмъ изслѣдователь старается опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ Европы происходила добыча мѣди. Въ результатѣ этого изысканія получаются слѣдующія три положенія: (стр. 277). На Альпахъ въ Бишофсгофенѣ и Китубюгелѣ мѣдныя копи занимали значительныя пространства; подъ землей онѣ доступны до сихъ поръ; здѣсь же добытая руда подвергалась полной обработкѣ посредствомъ плавки; найденные на этихъ пространствахъ остатки сосудовъ принадлежатъ по своимъ свойстамъ еще цѣликомъ каменному вѣку и представляютъ полную аналогію предметамъ, сохранившимся въ свайныхъ постройкахъ Австріи и Швейцаріи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще тотъ весьма важный фактъ, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бишофсгофеномъ въ Готченбергѣ каменныя издѣлія приготовлялись для сбыта, а глиняныя вещи были того же рода, какія употреблялись съ одной стороны въ мѣдныхъ копяхъ, съ другой, въ свайныхъ постройкахъ того же каменнаго вѣка. Оставляя въ сторонѣ перечисленіе мѣдныхъ

копей, отысканныхъ доселѣ въ Средней Европѣ (стр. 282—283), а перейду прямо къ вопросу о происхожденіи мѣдной плавки, вопросу, который разрѣшается Мухомъ въ томъ смыслѣ, что начало этого искусства восходитъ къ Европѣ, гдѣ при рытьѣ мѣдныхъ копей, достигавшихъ значительныхъ размѣровъ (50 и 60 футовъ глубины), люди имѣли не мало случаевъ познакомиться съ плавкостью этого металла, хотя первоначально имѣли въ виду обдѣлывать его при помощи мол›товъ. Такимъ образомъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, полная возможность (стр. 306) думать, что европейское населеніе неолитической эпохи дошло самостоятельно до открытія металла (мѣди). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что культура такъ называемый Kupferzeit совпадаетъ съ культурой каменнаго вѣка, а такъ какъ современные лингвисты рѣшительно переносятъ родину индогерманскаго племени въ Европу, то для Муха не представляетъ никакого затрудненія отождествить такъ называемую индогерманскую культуру съ цивилизаціей «мѣднаго вѣка» тѣмъ болѣе, что и въ опредѣленіи этой родины лингвисты сильно расходятся: одинъ переноситъ ее въ Скандинавію (Пенка), другой въ Германію (Л. Гейгеръ), а Шрадеръ помѣщаетъ ее поблизости отъ Швейцаріи, тогда какъ Томашекъ ищетъ родину индогерманцевъ на нижнемъ или среднемъ Дунаѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію книги Муха, я замѣчу, что и этотъ ученый отожествляетъ культуру съ расой и языковой группой, а потому я совсѣмъ не буду повторять его разсужденія о древнемъ орнаментѣ индогерманцевъ. Зато очень интересна и поучительна картина культуры свайныхъ построекъ, которую авторъ рисуетъ передъ нами въ 8-ой главѣ. Мы живо представляемъ промышленный и осѣдлый народъ, въ которомъ склонны вмѣстѣ съ авторомъ видѣть индогерманскія племена. Совсѣмъ другой вопросъ, слѣдуетъ-ли или, лучше сказать, стоитъ-ли отожествлять его съ еще нераздѣльнымъ индогерманскимъ племенемъ. Самое положеніе, съ котораго начинается 9-я глава, посвященная «провѣркѣ археологическихъ фактовъ по даннымъ сравнительнаго языкознанія», представляется мнѣ очень фальшивымъ. Оно гласитъ слѣдующимъ образомъ (стр. 348): «если выводы, сдѣланные на основаніи археологическаго матеріала (т. е. утвержденіе, что среднеевропейское населеніе неолитической эпохи узнало мѣдь и, кромѣ нея, знало хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, золото) справедливы, то подтвержденіе ихъ должно оказаться въ культурномъ состояніи и бытѣ арійцевъ, составлявшихъ еще о д и н ъ народъ и говорившихъ о д н и м ъ языкомъ». Точно эти два единства совпадаютъ, и точно раздробленіе народа всегда равносильно видоизмѣненію культуры!

Такимъ образомъ передъ нами провѣрка археологіи со стороны лингвистики. Представителемъ этой послѣдней для Муха служитъ Шрадеръ, который видитъ въ лат. a e s=гот. a i z=скрт. á y a s мѣдь и предполагаетъ, что только этотъ металлъ и былъ знакомъ индогерманцамъ. Рядомъ съ этимъ словомъ является другое древнее названіе металла: скрт. h i r a n y a=слав. з л а т о, которое Мухъ не рѣшается относить къ обще-индогерманской эпохѣ. Зато онъ рѣшительно отрицаетъ знакомство этой эпохи съ серебромъ, хотя общее названіе его (скрт. r a j a t á и т. д.) распространено по всему югу «арійскаго» міра. Аргументъ археолога въ этомъ случаѣ довольно произволенъ. «Если обратить вниманіе на то», говоритъ онъ (стр. 358): «что именно въ Индіи (Gungeria) и въ Испаніи серебро встрѣчается рядомъ съ мѣдными топорами, т. е. восходитъ къ праарійскому времени, то это предположеніе (о существованіи его въ обще-индогерманскую эпоху) получаетъ и археологическую основу; но было бы черезъ-чуръ рисковано ставить находки въ Gungeria въ связь съ индійцами, а находки испанскія съ арійцами». Такимъ образомъ вся теорія Муха, поскольку она касается данныхъ лингвистики, для нея въ сущности совсѣмъ не нужныхъ, основывается на предположеніи, что a e s означало мѣдь; но это-то и спорно. По крайней мѣрѣ, нѣмецкій археологъ Гостманъ (Ch. Hostman. Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie. 1890) съ жаромъ доказываетъ, что санскр. a y a s означаетъ не мѣдь, а желѣзо, безъ котораго, напримѣръ, немыслимо устроить такую повозку, существованіе которой приписывается индогерманской культурѣ. Онъ думаетъ, что первый металлъ, который знали наши предки, былъ желѣзо, а не мѣдь и не бронза. Мнѣ кажется, что прибѣгать къ лингвистическому матеріалу въ данномъ случаѣ совершенно безполезно: та интересная картина культуры, которую намъ далъ Мухъ въ своей книгѣ,

должна прояснять и наши воззрѣнія на древній бытъ индогерманцевъ, такъ какъ при однообразіи этой картины во всей Европѣ временъ свайныхъ построекъ мы не можемъ не думать, чтобы участниками ея не были и древнія индогерманскія племена, разъ доказано съ большей или меньшей вѣроятностью, что родину этихъ племенъ слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ Европѣ.

Такимъ образомъ уже Мухъ, въ сущности, порываетъ съ лингвистикой при изслѣдованіи древнѣйшей индогерманской культуры, и это отношеніе къ даннымъ языкознанія начинаетъ пріобрѣтать все больше и больше права гражданства въ современной наукѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этого направленія, я остановлюсь еще на одной книгѣ, гдѣ произведена новая попытка оцѣнить словарный матеріалъ и примѣнить къ нему иныя, болѣе строгія, требованія. Эта книга замѣчательный трудъ П. Кречмера: «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» (1896). Авторъ ея ставитъ своей задачей опредѣлить мѣсто греческаго языка въ семьѣ индогерманскихъ языковъ, указать его предковъ и сосѣдей. Поэтому онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ вопроса объ индогерманскомъ языкѣ, о прародинѣ гипотетическаго обладателя этого языка и объ относительной древности его пребыванія въ Европѣ. Далѣе Кречмеръ переходитъ къ опредѣленію первоначальныхъ, доисторическихъ сосѣдей грековъ, отъ нихъ—къ народностямъ, сосѣдившимъ съ этими послѣдними уже въ историческую эпоху, т. е. къ ѳракійцамъ и иллирійцамъ. Наконецъ, авторъ подробно останавливается на выясненіи до-эллинскаго населенія Греціи, остатки котораго онъ находитъ въ малоазіатскихъ неиндогерманскихъ народахъ, языки которыхъ характеризуются смѣной nt въ nd. Содержаніе этой интересной книги заканчивается на образованіи греческаго языка, какъ отдѣльной единицы. Я коснусь ее лишь постольку, поскольку Кречмеръ касается культуры индогерманцевъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ относится съ большимъ скептицизмомъ не только къ возможности возстановлять характеръ индогерманскихъ звуковъ (въ родѣ сонантовъ, качества долгаго *e* и т. д.), но и къ достовѣрности лингвистическихъ выводовъ о культурѣ этого народа. Свои взгляды онъ высказываетъ въ слѣдующемъ положеніи (стр. 65): «никоимъ образомъ нельзя оспаривать, что распространеніе индогерманцевъ основано на расхожденіи ихъ изъ одного центра, собственной пра-родины, равнымъ образомъ невозможно отрицать существованіе пра-народа, но все это теряется въ глубинѣ вѣковъ и недоступно изученію». Дѣло въ томъ, что, какъ бы далеко мы ни углублялись въ рядъ вѣковъ, повсюду мы встрѣчаемся со словами, которыя распространялись путемъ заимствованія отъ одного народа къ другому, отъ одного человѣка къ другому. Процессъ созданія новыхъ словъ и звуковыхъ измѣненій идетъ безостановочно, но такъ же непрерывно совершается и распространеніе ихъ, а потому говорить о единомъ «пра-народѣ», не знавшемъ діалектическихъ подраздѣленій, абсолютно невѣрно. Если мы встрѣчаемъ одно и то же слово во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ (что бываетъ крайне рѣдко), то и отсюда мы можемъ заключить вовсе не то, что это слово принадлежало уже «пра-языку», а лишь то, что оно вышло изъ одного центра и распространилось путемъ перехода отъ одного народа къ другому еще въ ту эпоху, когда эти послѣдніе были близкими сосѣдями между собой. Вотъ почему Кречмеръ со своей точки зрѣнія правъ, утверждая (стр. 97), что, «если подъ родственной системой нѣсколькихъ языковъ понимать сумму ихъ древнѣйшихъ культурныхъ сношеній, то вопросъ о родствѣ ихъ нельзя разрѣшить при помощи какой-нибудь одной теоріи: отвѣтомъ на него должна служить вся древнѣйшая исторія этихъ языковъ». При этомъ Кречмеръ (стр. 413) отмѣчаетъ слѣдующее заблужденіе, въ которое впадаютъ изслѣдователи этого пра-языка: они признаютъ словарныя совпаденія за древній элементъ языка, тѣ же слова, которыя извѣстны лишь въ одномъ—двухъ языкахъ, склонны считать новыми. Но вѣдь при допущеніи діалектическаго развитія пра-языка не мало старыхъ элементовъ должно было сойти со сцены, вслѣдствіе чего кое что не совпадающее можетъ относиться къ древнѣйшимъ временамъ языка: въ исторіи языковъ постоянно дѣйствуютъ два принципа, центробѣжный и центростремительный. Въ зависимости отъ того, который изъ нихъ одерживаетъ верхъ, изъ языка выдѣляются діалекты или же, наоборотъ, различные діалекты сливаются въ одно языковое цѣлое; въ результатѣ послѣдняго процесса явились языковыя и культурныя группы кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. Ассимили-

рующій принципъ создалъ въ извѣстной группѣ племенъ сходство языковъ, обычаевъ, вѣрованій и матеріальной культуры; это все болѣе обособляло эту группу отъ сосѣднихъ. Напротивъ, въ образованіи греческой, италійской и арійской націй Кречмеръ (стр. 413—414) склоненъ видѣть дѣйствіе географической изоляціи (географич. обособленія).

Итакъ, необходимо предположить существованіе «пра-народа», но невозможно (по даннымъ лексикальнымъ) говорить объ его культурѣ. Исторія должна начинать не съ него, а съ совмѣстной жизни цѣлой группы индогерманскихъ народовъ. «Любопытно», замѣчаетъ Кречмеръ (стр. 64): «что въ поискахъ за какимъ-нибудь уголкомъ Азіи или Европы, который могъ бы годиться въ смыслѣ пра-родины индогерманцевъ, совершенно проглядѣли тотъ фактъ, что лексикальныя отношенія индогерманскихъ народовъ, въ сущности, лучше всего подходятъ къ тѣмъ самымъ мѣстностямъ, какія они занимаютъ въ историческое время, такъ что нѣтъ ни малѣйшей необходимости предполагать очень значительную перемѣну ихъ мѣстожительствъ. Это особенно ясно въ названіяхъ животныхъ и растеній». На основаніи этого заключенія Кречмеръ высказываетъ мнѣніе, что семья индогерманскихъ народовъ въ началѣ своей исторіи занимала степныя пространства, которыя тянутся отъ Франціи черезъ всю Среднюю Европу и Киргизскія степи в Азіи до самаго Ирана *) (стр. 60). Тѣ возраженія, какія можетъ представить антропологія со своимъ измѣреніемъ череповъ и археологія со своей теоріей перерыва между палео- и неолитической культурами (послѣднюю Шрадеръ, какъ извѣстно, приписываетъ индогерманцамъ), — эти возраженія Кречмеръ отклоняетъ указаніемъ на полную недостовѣрность выводовъ изъ данныхъ краніометріи, признанную теперь самими антропологами, и на отсутствіе археологическаго перерыва, подтверждающееся новыми находками. Въ виду всего этого онъ предполагаетъ, что индогерманцы искони вѣковъ жили въ указанныхъ имъ границахъ, тѣмъ болѣе, что и въ историческое время перерыва между иранцами и западными индогерманскими народами еще не было: онъ былъ заполненъ скиѳами.

Какъ же вышеприведенныя умозаключенія подтверждаются языковыми данными? Для примѣра возьмемъ слово с о л ь, которое занимаетъ мѣсто въ словаряхъ всѣхъ западныхъ индогерманцевъ, но отсутствуетъ въ языкахъ восточныхъ; тѣмъ не менѣе, и эти послѣдніе не могли не знать соли, которая покрывала почву ихъ степей. По теоріи Кречмера, этотъ фактъ объясняется очень просто: западные народы получали соль изъ одного общаго источника, тогда какъ восточнымъ не для чего было привозить ее съ запада: у нихъ и на родинѣ соли было не мало; поэтому и названіе соли оказалось разнымъ у разныхъ народовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ взглядѣ не можетъ быть и рѣчи объ одномъ пранародѣ, который выдѣлилъ изъ себя нѣсколько племенъ, унаслѣдовавшихъ и развившихъ его культуру. Оперируя на данныхъ лингвистики, къ другому выводу нельзя было и придти, и потому позиція, занятая Кречмеромъ, мнѣ представляется вполнѣ возможной. Одно только возбуждаетъ мое недоумѣніе: можетъ-ли такой богатый и уже упорядоченный языкъ, какимъ оказывается общеиндогерманскій, принадлежать народу, о культурѣ котораго намъ нечего сказать. Напротивъ, мнѣ кажется, мы можемъ смѣло утверждать, что этотъ народъ стоитъ уже настолько высоко въ культурномъ отношеніи, что среди него есть люди, на попеченіи которыхъ лежитъ систематизація языка, т. е. жрецы, слагающіе гимны и ритуалъ. На основаніи этого взгляда, высказаннаго въ недавнее время М. Бреалемъ (въ книгѣ «Essais de Sémantiqne»), я склоненъ видѣть въ индогерманскихъ племенахъ потомковъ одного культурнаго племени, а въ ихъ культурѣ искать продолженіе и развитіе тѣхъ принциповъ, на которыхъ создавалась уже цивилизація пранарода. При тожествѣ культурныхъ принциповъ трудно видѣть одно заимствованіе, хотя это положеніе не надо понимать слишкомъ узко въ томъ смыслѣ, что и антропо-

---

*) Здѣсь же распространена особая форма пользованія рогатымъ скотомъ въ смыслѣ денежной единицы, на которую въ послѣднее время съ особенной силой указалъ Ridgeway въ книгѣ The origin of Metallic currency and weight standards. Cambridge. 1892. Дѣйствительно, на всемъ этомъ пространствѣ одна культура (см. книгу Муха); здѣсь же проходила уже въ неолитическую эпоху древнѣйшая торговая дорога (см. Ridgeway, стр. 105, 111).

логически всѣ индогерманскіе народы потомки одного предка. Здѣсь рѣчь идетъ только о языкѣ и культурѣ, принципы которыхъ являются наслѣдіемъ общаго (по культурѣ) предка. Несомнѣнно, и въ словарѣ сохранилось много стараго; но дать на основаніи его полную и вѣрную картину культуры этого пра-народа невозможно такъ же, какъ на основаніи романскихъ языковъ нельзя было бы возсоздать быть римскаго народа во всѣхъ его частностяхъ. У насъ есть другой матеріалъ для этой цѣли. На первомъ мѣстѣ ради удобства я поставлю матеріалъ историко-ботаническій и зоологическій, на второмъ юридическій. Первымъ я старался воспользоваться въ своей вышеназванной статьѣ, гдѣ ставилъ уровень матеріальной культуры пра-народа очень высоко. Къ тому же выводу приходитъ и нѣмецкій ученый Г. Гиртъ (Hirt), которому принадлежитъ рядъ статей о родинѣ и культурѣ индогерманцевъ, напечатанныхъ частью въ журналахъ: «Indogermanische Forschungen» (т. I и V) и «Geographische Zeitschrift» (т. I и IV), частью въ другихъ изданіяхъ. Гиртъ, какъ Кречмеръ и отчасти Брадке, является продолжателемъ метода Гена, который въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «О культурныхъ растеніяхъ и домашнихъ животныхъ въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу» (послѣднее изданіе 1894 года приготовлено Шрадеромъ, внесшимъ много новаго лингвистическаго матеріала) возсоздаетъ картину древней европейской культуры на основаніи исторіи растеній и животныхъ. Правда Генъ стоитъ на шаткой почвѣ излишняго довѣрія къ словарнымъ совпаденіямъ; правда, со времени его книги и по доисторической ботаникѣ (о ней см. книгу Бушана) и по доисторической фаунѣ (о ней книги Гана, Отто и др.) открыто много новаго;—тѣмъ не менѣе, поскольку методъ Гена состоитъ въ изученіи культуры по положительнымъ фактамъ исторіи флоры и фауны, а не по лингвистическимъ даннымъ, онъ оказывается въ высшей степени плодотворнымъ и точнымъ. И интересно отмѣтить, что Германъ Гиртъ въ послѣдней изъ (извѣстныхъ мнѣ) статей возсоздаетъ эту культуру почти совершенно независимо отъ словарныхъ данныхъ. Вопреки Шрадеру, приписывающему своимъ индогерманцамъ быть скотоводческій, онъ (въ V томѣ «Indog. Forsch») говоритъ объ ихъ земледѣліи, а теперь (въ 1898 г. въ IV т. «Geograph. Zeitschrift») перечисляетъ даже тѣ культурныя растенія, которыя они должны были знать. Работы Гирта по вопросу о родинѣ индогерманцевъ мнѣ представляются чрезвычайно тенденціозными и, поскольку рѣчь идетъ объ этимологическихъ выкладкахъ, малонадежными, но статьи объ ихъ культурѣ мнѣ очень нравятся. По мнѣнію Гирта, индогерманцы были земледѣльцами, знали собаку, овцу, рогатый скотъ, а, можетъ быть, и козу, свинью и лошадь, а изъ культурныхъ растеній жолудь, который шелъ, вѣроятно, въ пищу, ячмень и нѣкоторыя плодовыя деревья. Объясняя развитіе индогерманской культуры подчиненіемъ ея вавилонскому вліянію, Гиртъ находится подъ впечатлѣніемъ книги Іеринга: «Vorgeschichte des Indoeuropäer» (Leipzig. 1894). Эта послѣдняя принадлежитъ перу автора «Духа римскаго права», который далеко не былъ спеціалистомъ въ интересующей насъ области; поэтому, его книга носитъ духъ диллетантизма въ самой сильной степени. Она вся построена на предположеніи, что культура индогерманцевъ была исключительно деревянная, чуждая каменныхъ построекъ, тогда какъ выдѣлка кирпича, субститута камня тамъ, гдѣ его нѣтъ, предполагаетъ культуру высшую; родина этой послѣдней лежитъ въ Вавилоніи, откуда ведутъ свое происхожденіе постройка крупныхъ зданій, кораблестроеніе, времясчисленіе, дѣленіе дней на праздничные и будничные и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣчество обязано очень многимъ досемитической культурѣ Вавилоніи, но утверждать это голословно по отношенію ко всѣмъ культурнымъ завоеваніямъ мы не имѣемъ никакого права. Подобно нравственной философіи Ницше, историческая теорія Іеринга интересна, какъ попытка изложить развитіе души (у Ницше) и культуры (у Іеринга) съ двухъ рѣзко разграниченныхъ точекъ зрѣнія: только инстинктъ господства или инстинктъ смиренія у перваго, только камень или дерево у второго; внѣ времени и пространства, въ какой-нибудь странѣ Утопіи оба ученые совершенно правы, но горе въ томъ, что на землѣ абсолютныхъ границъ нѣтъ, и потому индогерманцы не должны были тщательно оберегаться отъ самостоятельнаго ознакомленія съ каменными постройками и т. д., а Вавилонянамъ нечего было брать на себя роль культуръ-трегеровъ индогерманцевъ и въ этомъ отношеніи; тѣмъ болѣе, что въ языкѣ послѣднихъ нѣтъ несомнѣнныхъ семитическихъ заимствованій, хотя съ предвзятой цѣлью

ихъ не разъ отыскивали и, конечно, находили (Іог. Шмидтъ, Гаммель, у Іеринга стр. 232). Такимъ образомъ, у Іеринга культура Вавилонянъ вышла черезчуръ высокой (уже въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. они знали мореплаваніе и доплывали до Индіи), а культура индогерманцевъ слишкомъ низкой. Совершенно смѣшавъ послѣднихъ съ индійцами, онъ смѣлой рукой рисуетъ намъ черты ихъ національнаго характера, и путемъ цѣлаго рода ложныхъ построеній *) приходитъ къ слѣдующей картинѣ индогерманскаго быта (стр. 103). Это былъ пастушескій народъ, крайне отсталый въ области внѣшней культуры. Онъ не зналъ ни земледѣлія, ни обработки металловъ; у него не было желѣзныхъ орудій или оружія, а были только каменные топоры и деревянные копья; металлическихъ денегъ у него также не было, а ихъ мѣсто заступалъ рогатый скотъ. Употребленіе камня для построекъ было ему чуждо; онъ не вѣдалъ каменныхъ домовъ, а зналъ только хижины изъ дерева, прутьевъ и соломы; онъ жилъ не въ городахъ, а въ деревняхъ съ отдѣльными домами. Не зналъ онъ и торговли съ чужеземными народами, чьи продукты онъ могъ получать въ обмѣнъ, то, а что онъ производилъ самъ, не выходило изъ самыхъ скромныхъ предѣловъ. Его право не вышло изъ зародыша (über die dürftigsten Ansätze), даже самое слово п р а в о въ отличіе отъ обычаевъ было ему неизвѣстно. И для того, чтобы достигнуть этого низкаго уровня культуры, ему потребовалось десять тысячелѣтій,—когда на это было бы совершенно достаточно и одного,—девять тысячелѣтій прошло въ полной культурной неподвижности.

Цивилизаторами явились финикійцы, усвоившіе себѣ культуру у Вавилонянъ и перенесшіе ее къ грекамъ и римлянамъ.

II.

Итакъ, все сдѣланное до сихъ поръ очень мало выяснило культуру того народа потомками котораго въ отношеніи языка и цивилизаціи явились такъ называемые индогерманскіе народы. Эти изслѣдованія нарисовали намъ картину жизни Европы въ древнія времена, но не научили насъ распоряжаться съ данными лингвистики и не показали намъ, какое мѣсто въ доисторической жизни Европы занимаютъ индогерманцы. Область, которую они пытались освѣтить, осталась въ сущности такою же темной, какой была и раньше. Единственнымъ ученымъ, которому удалось пролить на нее нѣкоторый свѣтъ, оказывается, по моему мнѣнію, Іенскій профессоръ В. Лейстъ, авторъ трехъ огромныхъ томовъ: «Alt-Arisches Jus Gentium» (1889) и «Alt-Arisches Jus Civile» (1892—1896, 2 тома). Успѣхъ, которымъ, по моему убѣжденію, увѣнчалась его попытка, зависѣлъ не столько отъ эрудиціи и остроумія автора, сколько отъ правильности пути, по которому онъ пошелъ, и который одинъ только, пожалуй, и могъ привести къ надежнымъ результатамъ. Сличеніе различныхъ «арійскихъ» (какъ называетъ индогерманцевъ Лейстъ) институцій должно привести къ раскрытію древнѣйшей организаціи той среды, которая ихъ породила. Это не случайное или очевидно заимствованное совпаденіе миѳологическихъ или quasi — миѳологическихъ воззрѣній, на которыхъ строили гордое зданіе индогерманской миѳологіи В. Шварцъ, Г. Мейеръ и др.; но совпаденіе такихъ институцій, которыя лежатъ въ основѣ жизни и эволюціи всѣхъ правовыхъ системъ Греціи, Рима и др. Даже Іерингъ при всемъ поверхностномъ отношеніи къ своей задачѣ не могъ не замѣтить нѣсколькихъ замѣчательныхъ совпаденій между римскимъ и индійскимъ правомъ: позорный столбъ для должниковъ, битье этихъ послѣднихъ палками и т. д. Однако эти совпаденія не помѣшали ему заявить (стр. 87), что у гипотетическаго пра-народа не было еще никакого права, что это былъ, однимъ словомъ, народъ «безъ всякой практической жилки», діаметральная противоположность римлянамъ.

---

*) Можно было бы привести множество образчиковъ ихъ; я этого не дѣлаю въ виду общаго характера моей статьи, но вотъ одинъ примѣръ: (стр. 48) германцы не знали п р и д а н а г о. Die Germanen, welche am längsten von allen Indoeuropäern in der zweiten Heimat verweilten, haben die Einrichtung des unterjochten Volkes angenommen». Укажу страницы съ такими же построеніями; стр. 21, 23, 26—27, 54, 58, 81, 119 и т. д.

наго сына. Всѣ принадлежащіе къ семьѣ составляютъ общину (койнонію) съ опредѣленными религіозными обязанностями. Для обезпеченія ей расположенія боговъ и душъ предковъ учрежденъ домашній культъ, въ которомъ собственными жрецами служатъ домохозяинъ и его жена, и изъ котораго впослѣдствіи развился болѣе тѣсный кругъ родни ближней, въ отличіе отъ дальней.

Рядомъ съ домашней общиной стоитъ широкій кругъ всей родни, которая выдѣлилась мало по малу изъ одного дома; это братство, которое заключаетъ въ себѣ спеціально арійскіе зачатки общественнаго строя, начинаетъ складываться въ монархическую форму быта и сохраняетъ право и обязанность кровавой мести. Далѣе, къ роду примыкаетъ племя: это древне-арійскій военный строй, военная организація родственныхъ братствъ. Племя тоже принимаетъ монархическую форму, и племенные pati (phylobasileis), власть которыхъ представляетъ подражаніе власти домохозяина, ложатся въ основаніе арійскаго царскаго достоинства. Далѣе этого арійская государственная организація не пошла. За предѣлами племени арійцы знаютъ сначала только слабыя, произвольныя, международныя сношенія (Leist. Altarisches Jus civile. II, 379—380).

Таковы тѣ результаты, къ которымъ пришелъ Лейстъ послѣ десятилѣтнихъ изслѣдованій. Картина, которую я начертилъ здѣсь въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, разработана имъ до мелочей, и мы не можемъ сомнѣваться, что большинство тѣхъ учрежденій, которыя онъ относитъ къ общеиндогерманской эпохѣ, дѣйствительно, къ ней и относятся. Отсылая читателей за подробностями къ подлиннику, я коснусь здѣсь только такихъ частностей, которыя показываютъ, что по учрежденіямъ индогерманцевъ прошла не разъ и не два чья-то опытная рука. Кому принадлежитъ эта рука, мы увидимъ ниже. Похоронный и свадебный ритуалъ древнихъ индійцевъ разработанъ до мелочей и представляетъ много совпаденій съ ритуалами древнихъ народовъ, такихъ совпаденій, которыя не могутъ быть случайными и настолько сложны, что должны были имѣть не народное, а индивидуальное происхожденіе. Изъ этихъ совпаденій отмѣчу нѣкоторыя. Послѣ рожденія ребенка и послѣ смерти родственника семья или роженица считаются нечистыми и должны очиститься путемъ особаго жертвоприношенія. Время, въ которое семья считается нечистою, у грековъ, римлянъ и индійцевъ одинаково продолжается девять дней, причемъ особенно нечистыми признаются первые три. Черезъ годъ послѣ смерти покойникъ изъ разряда ближайшихъ родственниковъ переходитъ въ группу предковъ, изъ которыхъ три первые (отецъ, дѣдъ и прадѣдъ) еще называются по именамъ. Перенося покойнаго отца въ разрядъ усопшихъ предковъ, индійцы тѣмъ самымъ вводили прадѣда въ группу уже безыменныхъ духовъ предковъ. Поэтому въ первую годовщину смерти отца вся родня собиралась на торжественный обѣдъ, на которомъ совершалась тризна по покойномъ. Этотъ обѣдъ извѣстенъ и грекамъ, и римлянамъ подъ названіемъ perideipnon и silicernium; греки, которые культъ предковъ не выработали до такой ясности, какъ индійцы, исходили однако въ этомъ случаѣ изъ убѣжденія, что до году покойникъ еще не совсѣмъ умеръ и нуждается въ успокоеніи; по словамъ Платона, который сохранилъ самый яркій образъ древне-греческаго θέμις, онъ только черезъ годъ достигаетъ своей цѣли; на этомъ пиру присутствуютъ у всѣхъ трехъ названныхъ народовъ лишь тѣ родственники, которые носятъ у нихъ особыя наименованія, т. е. дѣти, внуки и правнуки, и въ развитіи этого родственнаго начала опять нельзя не видѣть древне-арійскаго учрежденія.

Теперь я укажу на очень знаменательное совпаденіе въ области арійскаго счисленія времени. Въ отличіе отъ семитическаго 12-ричнаго счисленія арійцы уже въ древнѣйшую эпоху своего совмѣстнаго жительства выработали систему счета по десяткамъ и сотнямъ. Уже давно сдѣлалось, кромѣ того, ходячей истиной, что впервые начали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ жители Месопотаміи, откуда начатки астрономіи перешли въ Египетъ и другіе центры древней цивилизаціи. Насколько все это справедливо, я не спорю, но только я думаю, что и арійцы, для которыхъ рожденіе ребенка представлялось дѣломъ такой первой важности, не могли не обратить вниманія на связь, существующую между лунными фазисами и теченіемъ утробной жизни ребенка. И вотъ они пришли къ убѣжденію, что «годъ беременности» состоитъ изъ 10 лунныхъ мѣсяцевъ, а отсюда было не далеко до обобщенія, что годъ состоитъ всегда изъ 10 мѣ-

видно, и только тѣла у нихъ разныя. Тѣ сыновья, которые живутъ, умножаютъ, совершая обряды, изученные по ведамъ, славу и небесное блаженство своихъ почившихъ предковъ. Такимъ способомъ каждое послѣдующее поколѣніе умножаетъ славу и блаженство предковъ». Но можетъ случиться, что боги не наградили бракъ сыновьями или даже вовсе не дали ему дѣтей. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Для этого есть нѣсколько выходовъ: или усыновленіе, или продолженіе рода черезъ дочь, когда таковая есть на лицо, или соединеніе жены съ другимъ мужчиной, если отъ мужа у нея нѣтъ сына. Въ первомъ случаѣ сына даютъ отецъ и мать, почему усыновленный называется даннымъ (инд. datta, лат. datus) или, если родители покинули его, самоданнымъ (инд. svayamdatta, лат. a se ipso datus). То учрежденіе, по которому жена бездѣтнаго мужа должна сойтись съ другимъ мужчиной, основывается на убѣжденіи, что въ бракѣ жена становится собственностью не одного своего мужа, но всего рода; поэтому обязанность продолженія этого послѣдняго возлагается прежде всего на брата мужа. Продолженіе рода черезъ дочь, хорошо извѣстное въ древнеиндійскомъ и греческомъ правѣ и сохранившееся въ римскихъ легендарныхъ воспоминаніяхъ, является, по мнѣнію Лейста (Jus Gent. 108), однимъ изъ поразительныхъ явленій арійской родовой организаціи. По толкованіямъ браминовъ, отецъ, не имѣющій сыновей, можетъ сосватать свою дочь и, принесши жертвы Агни (т. е. богу домашняго очага) и Праджапати (богу произрастанія), обратиться къ жениху со словами: «пусть ради меня будетъ твое мужское потомство». Сынъ, родившійся отъ такого брака, считался не внукомъ, но сыномъ своего дѣда, прямымъ продолжателемъ его рода.

На основаніи этого развитія родовой организаціи арійцевъ нельзя сомнѣваться, что римская формула pater est quem nuptiae demonstrant восходитъ уже къ индогерманской эпохѣ, такъ какъ въ основѣ всего ея быта лежитъ бракъ, совершавшійся съ церемоніями такого же исконнаго происхожденія. Сидѣніе на шкурѣ, соединеніе aquae et ignis, произношеніе формулъ (quando tu Gaius, ego Gaia): все это ведетъ свое происхожденіе отъ того времени, когда арійскій народъ составлялъ еще одно цѣлое, цѣлое культурное. Завѣдываніе домомъ возлагало на домохозяина, старшаго въ семьѣ, цѣлый рядъ религіозно-нравственныхъ обязанностей, какъ исполненіе культовыхъ обрядовъ, такъ и сохраненіе заповѣдей, изложенныхъ въ краткой формѣ сжатыхъ требованій. Эти заповѣди, по мнѣнію Лейста, распадаются на двѣ группы: къ первой относятся слѣдующія четыре заповѣди, восходившія къ временамъ еще до арійскимъ (urarisch): чти боговъ, почитай родителей, почитай отчизну, почитай гостя; вторая группа охватываетъ требованія, которыя приписываются миѳическому основателю человѣческихъ законовъ, Ману, и изложены не въ положительной, но въ отрицательной формѣ: держись въ чистотѣ, не распускай чувствъ, не убивай, не кради, не лги. Лейстъ думаетъ, что вторая группа происхожденія болѣе поздняго, хотя нѣтъ сомнѣнія, что обѣ онѣ относятся ко временамъ общеиндогерманскимъ. Первая группа заповѣдей требуетъ почтенія къ богамъ, къ родителямъ (т. е. духамъ отца, дѣда и прадѣда) и болѣе древнимъ родственникамъ по прямой линіи, изъ чего развилось представленіе объ отчизнѣ, наконецъ ко всѣмъ нуждающимся въ защитѣ и помощи.

Такимъ образомъ домашній очагъ былъ окруженъ массой религіозныхъ (sacralrechtlich) институцій. Здѣсь уже успѣлъ развиться строгій распорядокъ стола (Speiseordnung), въ основѣ котораго лежала та мысль, что домохозяинъ обязанъ добывать пищу для всѣхъ своихъ, а хозяйка должна ее приготовлять. Право на полученіе пищи принадлежитъ всѣмъ членамъ семьи. Брачный союзъ хозяина и его жены представляется не ихъ личными отношеніями, но только средствомъ и предположеніемъ для сохраненія дома. Поэтому in domum deductio является настоящимъ исходнымъ пунктомъ семейной жизни, которому предшествуютъ, особенно въ бракѣ куплей (отъ котораго у арійцевъ сохранились только символы), двѣ подготовительныя ступени, заключеніе брака и вступленіе въ бракъ. Домъ въ полномъ смыслѣ этого слова переходитъ только къ сыновьямъ, и только эти послѣдніе могутъ быть наслѣдниками, между которыми дѣлится имущество отца; женщины сначала не имѣютъ выдѣленной собственности. У арійскихъ народовъ былъ въ большомъ ходу тотъ способъ возстановить угасающій родъ, о которомъ мы говорили выше, и который заключался въ признаніи сына дочери за собствен-

наго сына. Всѣ принадлежащіе къ семьѣ составляютъ общину (койнонію) съ опредѣленными религіозными обязанностями. Для обезпеченія ей расположенія боговъ и душъ предковъ учрежденъ домашній культъ, въ которомъ собственными жрецами служатъ домохозяинъ и его жена, и изъ котораго впослѣдствіи развился болѣе тѣсный кругъ родни ближней, въ отличіе отъ дальней.

Рядомъ съ домашней общиной стоитъ широкій кругъ всей родни, которая выдѣлилась мало по малу изъ одного дома; это братство, которое заключаетъ въ себѣ спеціально арійскіе зачатки общественнаго строя, начинаетъ складываться въ монархическую форму быта и сохраняетъ право и обязанность кровавой мести. Далѣе, къ роду примыкаетъ племя: это древне-арійскій военный строй, военная организація родственныхъ братствъ. Племя тоже принимаетъ монархическую форму, и племенные pati (phylobasileis), власть которыхъ представляетъ подражаніе власти домохозяина, ложатся въ основаніе арійскаго царскаго достоинства. Далѣе этого арійская государственная организація не пошла. За предѣлами племени арійцы знаютъ сначала только слабыя, произвольныя, международныя сношенія (Leist. Altarisches Jus civile. II, 379—380).

Таковы тѣ результаты, къ которымъ пришелъ Лейстъ послѣ десятилѣтнихъ изслѣдованій. Картина, которую я начертилъ здѣсь въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, разработана имъ до мелочей, и мы не можемъ сомнѣваться, что большинство тѣхъ учрежденій, которыя онъ относитъ къ общеиндогерманской эпохѣ, дѣйствительно, къ ней и относятся. Отсылая читателей за подробностями къ подлиннику, я коснусь здѣсь только такихъ частностей, которыя показываютъ, что по учрежденіямъ индогерманцевъ прошла не разъ и не два чья-то опытная рука. Кому принадлежитъ эта рука, мы увидимъ ниже. Похоронный и свадебный ритуалъ древнихъ индійцевъ разработанъ до мелочей и представляетъ много совпаденій съ ритуалами древнихъ народовъ, такихъ совпаденій, которыя не могутъ быть случайными и настолько сложны, что должны были имѣть не народное, а индивидуальное происхожденіе. Изъ этихъ совпаденій отмѣчу нѣкоторыя. Послѣ рожденія ребенка и послѣ смерти родственника семья или роженица считаются нечистыми и должны очиститься путемъ особаго жертвоприношенія. Время, въ которое семья считается нечистою, у грековъ, римлянъ и индійцевъ одинаково продолжается девять дней, причемъ особенно нечистыми признаются первые три. Черезъ годъ послѣ смерти покойникъ изъ разряда ближайшихъ родственниковъ переходитъ въ группу предковъ, изъ которыхъ три первые (отецъ, дѣдъ и прадѣдъ) еще называются по именамъ. Перенося покойнаго отца въ разрядъ усопшихъ предковъ, индійцы тѣмъ самымъ вводили прадѣда въ группу уже безыменныхъ духовъ предковъ. Поэтому въ первую годовщину смерти отца вся родня собиралась на торжественный обѣдъ, на которомъ совершалась тризна по покойномъ. Этотъ обѣдъ извѣстенъ и грекамъ, и римлянамъ подъ названіемъ perideipnon и silicernium; греки, которые культъ предковъ не выработали до такой ясности, какъ индійцы, исходили однако въ этомъ случаѣ изъ убѣжденія, что до году покойникъ еще не совсѣмъ умеръ и нуждается въ успокоеніи; по словамъ Платона, который сохранилъ самый яркій образъ древне-греческаго θέμις, онъ только черезъ годъ достигаетъ своей цѣли; на этомъ пиру присутствуютъ у всѣхъ трехъ названныхъ народовъ лишь тѣ родственники, которые носятъ у нихъ особыя наименованія, т. е. дѣти, внуки и правнуки, и въ развитіи этого родственнаго начала опять нельзя не видѣть древне-арійскаго учрежденія.

Теперь я укажу на очень знаменательное совпаденіе въ области арійскаго счисленія времени. Въ отличіе отъ семитическаго 12-ричнаго счисленія арійцы уже въ древнѣйшую эпоху своего совмѣстнаго жительства выработали систему счета по десяткамъ и сотнямъ. Уже давно сдѣлалось, кромѣ того, ходячей истиной, что впервые начали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ жители Месопотаміи, откуда начатки астрономіи перешли въ Египетъ и другіе центры древней цивилизаціи. Насколько все это справедливо, я не спорю, но только я думаю, что и арійцы, для которыхъ рожденіе ребенка представлялось дѣломъ такой первой важности, не могли не обратить вниманія на связь, существующую между лунными фазисами и теченіемъ утробной жизни ребенка. И вотъ они пришли къ убѣжденію, что «годъ беременности» состоитъ изъ 10 лунныхъ мѣсяцевъ, а отсюда было не далеко до обобщенія, что годъ состоитъ всегда изъ 10 мѣ-

сяцевъ. Слѣды этого лѣтосчисленія, уже очень вытѣсненнаго семитическими вліяніями, сохранились въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ не только въ Индіи, но и въ Греціи и въ Римѣ. (Altarisches Jus Gentium. 266—268). Объ этомъ есть прямыя свидѣтельства Овидія и Цицерона, а Авлъ-Геллій, черпавшій изъ старыхъ источниковъ, положительно утверждаетъ, что «во времена Гомера такъ-же, какъ въ эпоху Ромула, годъ состоялъ не изъ 12, но изъ 10 мѣсяцевъ». Въ брахманической литературѣ выраженія въ родѣ: «черезъ годъ родился ребенокъ» далеко не рѣдкость.

Слѣдующее совпаденіе, на которое я хочу указать, я беру изъ области нравственныхъ воззрѣній грековъ и индійцевъ. Платонъ передаетъ ученіе Мистерій, по которому убійцу постигаетъ въ аду возмездіе со стороны убивающаго его здѣсь своей рукой; это ученіе даже по выраженіямъ согласно съ древнеиндійской теоріей, высказанной въ одной изъ брахманическихъ книгъ. Обосновывая свою теорію о загробной жизни, Платонъ, этотъ вѣрный хранитель древне-арійскихъ жреческихъ традицій, восклицаетъ: «все, что имѣетъ душу, измѣняется, потому что заключаетъ въ себѣ самомъ причину измѣненія». Съ этимъ взглядомъ Лейстъ сопоставляетъ (ibd. 280), и мнѣ кажется, не безъ основанія, браминскіе догматы: «никакое дѣйствіе не пропадаетъ» и «преступленіе не можетъ оставить преступника».

Однимъ изъ способовъ взысканія долга въ Индіи былъ слѣдующій: кредиторъ въ случаѣ, если онъ принадлежитъ къ браминской кастѣ, усаживается передъ домомъ должника и, держа въ рукахъ ядъ и кинжалъ, угрожаетъ лишить себя жизни, если должникъ пройдетъ мимо него. Съ этой минуты онъ начинаетъ поститься, и обычай заставляетъ неисправнаго должника, сидящаго такимъ образомъ подъ домашнимъ арестомъ, продѣлывать тоже самое. Кто дольше выдержитъ этотъ добровольный постъ, тотъ и выходитъ побѣдителемъ изъ этой странной борьбы. Въ древне-арійскомъ правѣ существуетъ поразительное подобіе этому способу взысканія долга, состоящее въ такомъ же «перепощиваніи» лица, которое надо побудить къ тому или другому поступку (J. Gent. 475). Врядъ-ли здѣсь можетъ быть рѣчь о случайномъ совпаденіи.

Для того, чтобы дать образчикъ совпаденія между римскимъ и индійскимъ долговымъ правомъ, я приведу общеарійское учрежденіе, заставляющее должника, отрицающаго свои обязательства, уплатить двойную сумму долга. Браминское положеніе гласитъ такъ: «кто лжетъ и уличенъ, долженъ заплатить деньги, и столько же дать царю» или такъ: «кто приноситъ ложную жалобу, долженъ уплатить вдвое противъ требуемой суммы»; римскій законъ принялъ почти ту же форму.

Я могъ бы привести еще очень много совпаденій изъ различныхъ областей древнеарійскаго права, такъ какъ до сихъ поръ я бралъ примѣры лишь изъ первой, важнѣйшей книги Лейста, но, чтобы не утомлять вниманія читателей, я ограничусь однимъ, послѣднимъ замѣчаніемъ. Уголовное право грековъ, какъ и индійцевъ, развилось изъ того убѣжденія, что изъ всѣхъ преступленій непростительно лишь одно: отцеубійство. Къ нему мало по малу примкнули другія преступленія путемъ правоваго развитія, характернаго для обоихъ народовъ: въ Индіи на ровную ногу по своей преступности стало сначало убійство учителя, потомъ ученаго и брамина, а въ Греціи сначала убійство братьевъ и другихъ родныхъ, путемъ убійства сочлена той же филы и наконецъ убійство согражданина. (Leist. ibd. 443). Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ общеарійскую эпоху жрецъ еще не занималъ того положенія, до котораго онъ достигъ въ Индіи. Тѣмъ не менѣе, отрицать значеніе жрецовъ уже въ ту пору нѣтъ никакой возможности. Дѣйствительно, въ Индіи рядомъ съ жрецами стоятъ брамины, въ Римѣ flamines и pontifices, въ Греціи экзегеты и жрецы; и институтъ этихъ экзегетовъ, комментаторовъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести къ древнѣйшей эпохѣ исторіи индогерманцевъ. «Основные элементы права, особенно арійскаго», говоритъ Лейстъ (Jus Civile II, 398): «предшествуютъ возникновенію народа (sind vorvolkliche). Они существовали уже тогда, когда были еще только арійскія семьи, роды и племена, еще не доросшіе до народовъ qui s u i s legibis vel moribus reguntur. Право еще не есть фиксированное въ мѣстныхъ территоріальныхъ границахъ и находящееся подъ свѣтской опекой народное сознаніе, но есть господствующая въ арійскихъ племенахъ религіозно-нравственно-правовая вѣра въ то, что извѣстный строй вещей богамъ угоденъ, но добиваться его

каждому съ помощью боговъ предоставлено самому. Въ виду такого характера права было естественно, что первыми толкователями его были жрецы. Благодаря прежде всего имъ, нормы, сначала еще не установившіяся и не опредѣленныя, мало по малу пріобрѣли болѣе постоянную форму». Въ Греціи на экзегетахъ лежала прямая обязанность законодательства, въ Индіи браминамъ принадлежитъ огромная юридическая литература, въ Римѣ на pontifex'ахъ покоился pax deûm, обусловленный правильнымъ соблюденіемъ обрядовъ.

Въ виду того, что весь строй арійской жизни покоился на культѣ предковъ, а ему должна предшествовать теоретическая разработка ученія о загробномъ существованіи духа, разработка, связанная съ практической регламентаціей обрядовъ, я не колеблюсь приписать огромное значеніе въ дѣлѣ образованія общеиндогерманской культуры жрецамъ и говорить о жреческой организаціи индогерманцевъ.

Отдѣльные обряды и формулы могутъ заимствоваться и, дѣйствительно, переходятъ отъ народа къ народу, но если двѣ культуры построены на одномъ и томъ же принципѣ, здѣсь на одинаково развитомъ и систематически истолкованномъ культовъ предковъ,—то это можетъ объясняться двояко: или обѣ культуры являются наслѣдницами потомками третьей, или одна изъ нихъ принадлежитъ народу, совершенно усвоившему себѣ чужую культуру. Для насъ оба случая тождественны: въ обоихъ случаяхъ древность происхожденія того кульрурнаго строя, который изслѣдовалъ Лейстъ, отодвигаетъ очень далеко, къ той эпохѣ, когда такіе индогерманскія племена, какъ арійцы и италійцы, были еще сосѣдями.

Рамки своего изслѣдованія Лейстъ ограничилъ матеріаломъ древнеиндійскимъ и греко-италійскимъ, исключивъ изъ подробнаго разсмотрѣнія другія народности. Какое-же положеніе по отношенію къ древней культурѣ заняли кельтскія и германскія племена? На это мы находимъ у Лейста слѣдующій отвѣтъ (Jus. Civ. I, 476): «Ирійская фамилія знаетъ систему близкаго родства, которая въ своихъ основныхъ элементахъ является очевидно тождественою съ системою индійскаго sapinda, греческихъ и римскихъ propinqui. Ирійская организація рѣзко отличается отъ индогрекоиталійской только въ томъ отношеніи, что въ послѣдней выдвигается на первый планъ ея связь съ культомъ предковъ, тогда какъ въ первой ея нѣтъ вовсе или уже не осталось. Арійская фамилія обнимаетъ отношенія между живыми людьми и даетъ основанную на нихъ систему наслѣдственнаго права. Въ этомъ можно видѣть доказательство того, что при множествѣ фундаментальныхъ совпаденій между арійскимъ и индогрекоиталійскимъ строемъ они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разошлись такъ же далеко, какъ и ихъ языки. «Что касается германцевъ, то и въ отношеніи къ системѣ правового дѣленія на близкое и дальнее родство (ibd. 491), и въ другихъ отношеніяхъ германцы, равно какъ и славяне, стоятъ дальше отъ индійской культуры, чѣмъ кельты. Такимъ образомъ, по словамъ Лейста (492), «die indogräcoitalokeltische Institution der Nahverwandtschaft zu den Germanen nicht gelangt, oder bei ihnen wieder verschwunden ist». Нѣтъ сомнѣнія, что Лейстъ склоняется ко второй части дилеммы, и что въ германцахъ онъ видитъ одичалыхъ потомковъ культурныхъ предковъ. Такъ напр., «у германскихъ народовъ, у которыхъ вслѣдствіе суровости (Wildheit) времени на огромное большинство случаевъ убійства стали смотрѣть какъ на преступленія простительныя, вѣра достигла точно установленной системы» (Jus Gentium 294). Подобно этому Лейстъ думаетъ, что у германцевъ вся жреческая организація (das gesammte Priesterwesen) отошла на задній планъ (ibd. 349) [1]).

На славянскаго этнографа изслѣдованіе Лейста налагаетъ очень важныя задачи. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что ѳракійцы и геты, эти язычники древности держались культа предковъ, что при развитіи у нихъ жреческаго сословія и обиліи мистическихъ культовъ мы встрѣчаемся съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ формъ религіознаго строя. У одной изъ ѳракійскихъ народностей (у агаѳирсовъ) мы видимъ и старую форму этого религіознаго закона. Я приведу здѣсь замѣчательное сообщеніе

*) Здѣсь я напомню совпаденіе древне-индійскихъ и древне-германскихъ заговоровъ, давно уже отмѣченное поразительное сходство (въ родѣ запрещенія бобовъ, мистической символики чиселъ) пиѳагоровскаго (жреческаго?) ученія съ до будійской системой самикъ, о которой прекрасное изслѣдованіе принадлежитъ Гарбе и т. д.

Аристотеля (проблемы 28): «Почему нѣкоторыя пѣсни называются ѳ р і ы. Не потому—ли, что до изобрѣтенія письменности пѣли законы, чтобы не забыть ихъ, какъ это и теперь еще въ обычаѣ у агаѳирсовъ!»

Славяне издавна сосѣдили съ различными ѳракійскими племенами; явившись на балканскій полуостровъ они еще нашли тамъ остатки стараго ѳракійскаго населенія (бессовъ и др.) и заимствовали отъ нихъ мѣстныя названія, въ родѣ Эмона (Haemus), Осема (Atemus), Янтры (Iatrus) и др. (Jirecek. Fürstenthum Bulgarien. s. 4, 9). Да и не говоря объ этомъ сосѣдствѣ, и безъ того чрезвычайно любопытно прослѣдить принципы древне-славянской жизни, поскольку они выясняются изъ современной славянской этнографіи.

А. Погодинъ.

Румынскія сказанія о рахманахъ.

Собирая матеріалы для этнографіи бессарабскихъ румынъ, я часто встрѣчался съ румынскими разсказами и повѣрьями, въ которыхъ играетъ роль фантастическій народъ рахманы. Напечатаніе собранныхъ мною свѣдѣній о рахманахъ было пріостановлено появленіемъ въ журналѣ ясскаго профессора Аарона Денсутяну, Revista critica-literară, anulŭ IV, 1896 an., №№ 4—5, pp. 108—118, 129—139,—статьи извѣстнаго румынскаго этнографа, сочавскаго священника и профессора семинаріи S. Fl. Marianu подъ заглавіемъ Pascile Rocmanilor *), гдѣ изслѣдователь съ обычной ему тщательностью и особенною любовью къ румынскому народу приводитъ въ извѣстность обширный матеріалъ, сообщенный ему его бывшими учениками. О рахманахъ румынскихъ преданій онъ говоритъ:

«Рокманы, иначе называемые и рогманы, рахманы и роһманы и блаженные, по вѣрованію и сказаніямъ румынъ многихъ мѣстностей Буковины, это—христіане, живущіе въ далекой странѣ; что же касается названія страны и даже части свѣта, гдѣ она находятся, никто навѣрное не знаетъ.

Такъ, жители села возлѣ Хоморскаго монастыря (Homor) вѣрятъ и разсказываютъ что рокманы живутъ у великихъ водъ, въ которыя выливаются всѣ рѣки, рѣчки и ручьи; жители Бойана и Команештъ говорятъ, что рохманы живутъ въ огромныхъ пустыняхъ у края моря; жители Сучавы и Радауцъ—на морскихъ островахъ, жители Илишештъ—въ языческой странѣ, и что язычники не позволяютъ имъ разговляться до тѣхъ поръ, пока тѣ не получатъ скоромной пищи отъ другихъ христіанъ; жители с. Маржиня передаютъ, будто гдѣ-то въ какой-то весьма отдаленной странѣ на востокѣ, въ большихъ темницахъ заперты на всю жизнь христіане и будто въ этихъ темницахъ некому сказать, когда настанетъ Пасха, а узнаютъ они о наступленіи Пасхи только тогда, когда увидятъ изъ оконъ своихъ темницъ, что по водѣ плыветъ яичная скорлупа, брошенная въ рѣки и рѣчки другими христіанами. Жители с. Михальча говорятъ, что рахманы—это румыны, такіе же какъ и они, но даже лучше молдаванъ и что живутъ они далеко за морями, тамъ гдѣ жили евреи, гдѣ Іерусалимъ, немного только поближе; другіе жители того же села говорятъ, что рахманы живутъ на томъ свѣтѣ, подъ землей, гдѣ у нихъ есть и города и села, какъ и у насъ; жители с. Баешештъ

---

*) Множественная форма слова Pasti служитъ доказательствомъ для румынскихъ шовинистовъ латинскаго происхожденія этого слова и христіанства у румынъ. А. Д. Xenopol въ своей Istoria românilor ain Dacia traiana, ed pop. vol. II, pag. 86—87 говоритъ: Pasti—слово, употребляющееся только въ множественномъ числѣ. Происхожденіе его отъ еврейскаго pascha и находится и въ греческомъ πάσχα и латинскомъ pasha. Но доказательствомъ того, что румынское слово происходитъ отъ латинскаго, подобно и французскому Pâques, служитъ то, что въ обоихъ языкахъ это слово находимъ во множественномъ числѣ и римляне обыкновенно называли этотъ праздникъ Pasharum dies (Symmachus), тогда какъ въ греческомъ языкѣ это слово средняго рода и въ единственномъ числѣ τό πάσχα. Точно также и въ славянскомъ языкѣ эти слова всюду въ единственномъ числѣ». То же соображеніе высказываетъ и Lasar Saineanu въ статьѣ своей «Incercare asupra semasiologiei limbei române» in Revista p. istorie, archeologie si filologie. vol. VI, pag. 253—254.

вѣрятъ и разсказываютъ, что они живутъ рядомъ съ раемъ и что въ ихъ странѣ всегда тепло.

«Рахманы или же блаженные не живутъ какъ мы въ домахъ, такъ какъ домовъ у нихъ нѣтъ совсѣмъ, а живутъ подъ тѣнью виноградниковъ, ходятъ безъ одежды и питаются виноградомъ, растущимъ въ пустынѣ. Происходятъ они изъ сѣмени Сиѳова, сына Адама; они очень добры, благочестивы и блаженны,—за что они такъ и прозваны другими народами. У рахмановъ нѣтъ другихъ занятій кромѣ молитвъ, возносимыхъ къ Богу; единственный возгласъ ихъ въ молитвѣ: «Иди къ Богу и приди къ Богу!» Поэтому и считаютъ ихъ безъ всякаго грѣха, настоящими святыми, которые по смерти идутъ прямо въ рай, гдѣ живутъ вмѣстѣ со святыми. Затѣмъ, они и безгрѣшны, такъ какъ только разъ въ годъ встрѣчаются со своими женами и проводятъ съ ними нѣсколько дней, послѣ чего снова расходятся, а остальное время года проводятъ отдѣльно мущины и отдѣльно женщины. Время свиданія съ женами—ихъ Пасха, а срокъ свиданія точно опредѣлить нельзя. Такъ, жители с. Баешештъ говорятъ, что Рахманы живутъ со своими женами шесть недѣль т. е. отъ Великаго Четверга и до Вознесенія, а жители Баештъ указываютъ болѣе короткій срокъ а именно только тридцать дней... Въ эти промежутки они и женятся и выходятъ замужъ, а лишь только проходятъ опредѣленные для свиданія дни, они снова расходятся и не встрѣчаются до слѣдующаго года.

«Великій постъ у рахмановъ продолжается—по вѣрованіямъ и разсказамъ румынъ изъ с. Браештъ—десять недѣль. Но потомъ уже, видя, что очень много ихъ умираетъ отъ этого поста, Богъ сократилъ его до восьми недѣль... А иные говорятъ, что рохманы постятся круглый годъ и, если бы они не замѣчали на водѣ скорлупы отъ крашенныхъ и некрашенныхъ яицъ, бросаемыхъ другими христіанами въ Великую Субботу,—то они никогда бы и не праздновали Пасхи, потому-что у нихъ и нѣтъ другого способа узнать время Пасхи. Когда скорлупа доходитъ до ихъ страны, рахманы знаютъ, что другіе христіане уже отпраздновали Пасху и тогда и они празднуютъ ее и только тогда разговляются тѣмъ, что осталось отъ яицъ у скорлупы. Поэтому, буковинскія румынки обыкновенно каждый годъ собираютъ яичную скорлупу, какъ отъ яицъ обыкновенныхъ, идущихъ на приготовленіе разныхъ печеній, пирожныхъ и пасхальныхъ кушаньевъ, такъ въ особенности отъ крашенныхъ пасхальныхъ яицъ, почему нибудь разбившихся, и хранятъ до Великой субботы въ корытѣ, ситѣ или же корзинѣ, а когда всѣ приготовленія къ пасхѣ уже окончены, онѣ берутъ скорлупу, идутъ къ проточной водѣ и бросаютъ ее въ рѣки, рѣчки и ручейки для того, чтобы она—достигла страны рахмановъ или же блаженныхъ и, такимъ образомъ, возвѣстила бы имъ о наступленіи Пасхи. Если-же кто-нибудь изъ крестьянокъ не соберетъ скорлупу въ одно мѣсто и не броситъ ее въ проточную воду, то считается, что она сдѣлала великій грѣхъ. Скорлупа, брошенная въ проточную воду начинаетъ плыть по теченію и доходитъ до страны рахмановъ—по однимъ сказаніямъ — черезъ недѣлю послѣ Пасхи, по другимъ — только во вторникъ третьей недѣли по пасхѣ, а то и по позже — во время Русалій. Достигнувъ ихъ страны, скорлупа снова дѣлается цѣльной, какъ была и раньше, и однимъ яйцомъ разговляются двѣнадцать душъ. Тогда наступаетъ Пасха рахманъ. «Увидя плывущую по водѣ скорлупу, рахманы радуются и такъ какъ они не живутъ вмѣстѣ со своими женами или же съ чужими, то тогда они начинаютъ сходиться въ одно мѣсто и праздновать пасху. Но ввиду того, что со времени пусканія на воду скорлупы и до прибытія ея въ страну рахманъ проходитъ довольно большой промежутокъ времени, то рахманы празднуютъ свою Пасху гораздо позже, чѣмъ румыны. Вотъ почему нѣкоторые румыны изъ Буковины вѣрятъ и разсказываютъ, что Пасха рахмановъ или же Пасха блаженныхъ празднуется на четвертый день т. е. въ четвергъ пасхальной недѣли; иные говорятъ, что она празднуется черезъ недѣлю послѣ нашей Пасхи т. е. въ воскресенье Ѳомы и продолжается до вторника; иные—черезъ двѣ недѣли послѣ нашей и, наконецъ, нѣкоторые — черезъ три или же четыре недѣли и всегда Пасха приходится во вторникъ; большинство буковинскихъ румынъ того мнѣнія, что рохманы празднуютъ свои Пасху въ понедѣльникъ послѣ Ѳомина воскресенья. Тотъ день, на который падаетъ Пасха рахмановъ,—какой бы онъ ни пришелся—празднуется

и румынами, въ особенности женщинами... Въ этотъ день т. е. въ день рахманской Пасхи, который празднуется главнымъ образомъ для того чтобы не болѣли ноги и руки и чтобы посѣвы дали хорошій урожай, румыны—въ особенности женщины—выходятъ въ рощи и лѣса на поляны, покрытыя травой съ разнообразными кушаньями и напитками: куличами, красными яйцами, жаренными ягнятами, свининой, водкой, переваренной съ медомъ и виномъ. Тамъ они проводятъ цѣлый день, ѣдятъ, пьютъ и веселятся, болѣе богатыя женщины, а въ особенности горожанки, приглашаютъ съ собой и музыкантовъ. Что же касается остатковъ отъ трапезы, падающихъ на землю, и напитковъ, проливающихся на траву, то румыны вѣрятъ, что это не пропадаетъ, а души убитыхъ разбойниками, застрѣлившихся, повѣсившихся и утопленниковъ ѣдятъ и пьютъ эти остатки и хотя этимъ разговляются. Поэтому, чѣмъ больше крошекъ падаетъ и капель проливается, тѣмъ лучше и тѣмъ пріятнѣе Богу. Жители с. Бояна и Патрауцулъ празднуютъ рахманову Пасху всегда во вторникъ четвертой недѣли по Пасхѣ, такъ какъ—по ихъ вѣрованію—въ этотъ день празднуютъ и рахманы свою пасху; однако въ этихъ двухъ селахъ Пасха рахмановъ не празднуется, какъ въ выше упомянутыхъ селахъ, въ рощахъ и лѣсахъ, или же на кладбищахъ, какъ иногда празднуютъ сучавскія румынки,—но просто въ домахъ и только женщинами, которыя ходятъ въ гости другъ къ дружкѣ. И если случайно въ домѣ найдется какое нибудь питье, то онѣ угощаютъ гостей по стакапу въ память счастливыхъ блаженныхъ. Что же касается мужчинъ, то они не празднуютъ, а работаютъ и около избы и въ полѣ.

Мы нарочно привели въ русскомъ переводѣ все, что собралъ румынскій этнографъ относительно этого повѣрья; въ обширныхъ примѣчаніяхъ подъ текстомъ Маріану указываетъ при каждой фразѣ, въ какихъ именно селахъ существуетъ данная версія и упоминаетъ каждый разъ фамилію и родъ занятій или общественное положенія своего корреспондента. Послѣднее дѣлаетъ статью его весьма цѣнной и устраняетъ всякую мысль о его личномъ участіи въ «подбираніи» матеріала. Этого, между прочимъ, мы не можемъ сказать о другихъ трудахъ почтеннаго ученаго, гдѣ всякій читатель увидитъ его неуклонное стремленіе къ явной романизаціи самыхъ обычныхъ данныхъ этнографіи, общихъ и южнымъ славянамъ и малоруссамъ, народамъ съ которыми румыны жили въ сосѣдствѣ. Въ свое время мы укажемъ на нѣкоторыя изъ подобныхъ примѣровъ, теперь, же займемся вопросомъ: что до сихъ поръ было извѣстно изъ вѣрованій относительно рахманской Пасхи въ румынской литературѣ.

Елена Севастосъ, извѣстная собирательница сказокъ и авторъ капитальнаго изслѣдованія о народной румынской свадьбѣ, въ «Сельской Газетѣ» (Gazeta săteanului, an. VIII, 1891 an., p. 151) разсказываетъ объ предпасхальныхъ обычаяхъ слѣдующее: «Когда румынки разбиваютъ яйца для куличей и бабъ, скорлупу бросаютъ въ ручьи, которые ихъ отнесутъ въ страну блаженныхъ и дойдутъ туда только на второй день послѣ Ѳомина воскресенья; и только тогда узнаютъ блаженные о наступленіи пасхи. Тогда и они устраиваютъ пасху, дѣлаютъ куличи, крашенныя яйца и празднуютъ Пасху. А если бы женщины не бросали на воду скорлупу, то блаженные во вѣки не имѣли бы Пасхи, такъ какъ и не узнали бы, что Пасха пришла. Блаженные, это родъ людей очень добрыхъ; удаленные совершенно отъ другихъ народовъ, они никому не причиняютъ зла и никто не обижаетъ и ихъ. И даже ихъ собственныя жены живутъ отдѣльно отъ мужей и встрѣчаются только разъ въ годъ, когда родители женятъ своихъ дѣтей. Дѣвочекъ воспитываютъ женщины, а мальчиковъ—мужчины, отнимая отъ матерей дѣтей сейчасъ же, какъ только послѣднія начинаютъ ходить и сами ѣсть.

Другая румынская писательница г-жа Воронка описываетъ тѣ же повѣрья въ Молдавіи и Бессарабіи такимъ образомъ («Românul literar» журналъ, изд. въ Бухарештѣ, за 1891-й годъ, № 17-й, стр. 130): «Скорлупу отъ яицъ, которыя разбивали передъ пасхой, бросаютъ въ ручей, а кто не сдѣлаетъ этого, принимаетъ на душу большой грѣхъ. По рѣкѣ онѣ плывутъ внизъ, пока не дойдутъ по морямъ до блаженныхъ—такъ ихъ называютъ въ Молдавіи, а въ Буковинѣ—рохманами. Они въ далекѣ отъ свѣта не знаютъ когда бываетъ пасха и только, когда замѣтятъ скорлупу, доплывшую до нихъ, тогда узнаютъ о пасхѣ и только тѣмъ разговляются

что остается въ скорлупкѣ.. Въ Молдавіи и Бессарабіи говорятъ, что рохманская Пасха приходится въ понедѣльникъ послѣ Ѳомина воскресенія. Этотъ день благовѣйно празднуется въ Бессарабіи народомъ въ память блаженныхъ, а въ Молдавіи въ этотъ день наши бабушки собираютъ всѣ яйца, оставшіяся отъ Пасхи, и кладутъ на траву въ саду или во дворѣ; съ травы ихъ должны взять дѣти или женщины для поминанія. Это дѣлается ради блаженныхъ, такъ какъ бѣдные считаются принадлежащими къ ихъ роду.

Подобныя же вѣрованія существуютъ въ древнѣйшемъ гнѣздѣ румынскаго народа, въ легендарномъ Марамурешѣ, откуда вышли основатели молдавскаго княжества. Марамурешскій викарный епископъ Титъ Будъ въ томъ-же «Критико-литературномъ Обозрѣніи» (Revista criticaliterara ed. Ar. Densusianu, 94 an., pag. 407), задаетъ спеціалистамъ вопросъ о рохманахъ. «Пользуясь случаемъ—пишетъ онъ—я спросилъ бы тѣхъ, кто занимается народными обычаями, разъяснить: что такое такъ называемая рôгманская пасха? Много разъ меня спрашивалъ народъ, когда придетъ рôгманская пасха и я не зналъ, что имъ отвѣтить. Народъ говоритъ, что эта пасха наступаетъ послѣ нашей и продолжается до Вознесенія. Но что означаетъ эта пасха и когда она празднуется, я пока не могъ найти. Я былъ бы благодаренъ тому, кто меня этому научилъ бы».

Такимъ образомъ, этихъ повѣрій не существуетъ—по крайней мѣрѣ о нихъ ничего не говорится въ очеркѣ С. Фл. Маріану—въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, населенныхъ румынами: Валахіи, Трансильваніи, Банатѣ и Венгріи. Что же касается македонскихъ румынъ, то трудно сказать что-нибудь о существованіи у нихъ разсказовъ о рахманахъ, такъ-какъ Маріану этимъ не поинтересовался, мы же справлялись въ книгахъ Вейганда и Т. Бурада по этнографіи, такъ называемыхъ, цинцаровъ или куцовлаховъ, но ничего объ этомъ не нашли, литература же по этнографіи македонскихъ румынъ крайне скудна. Если же эти повѣрья и существуютъ у нихъ, то оно самаго поздняго происхожденія.

Пользуясь указаннымъ матеріаломъ, тщательно собраннымъ неутомимымъ изслѣдователемъ изъ огромнаго количества писемъ—отвѣтовъ на запросы его по поводу рохмановъ, С. Маріану пытается дать слѣдующее курьезное объясненіе, присоединяясь—такимъ образомъ къ мнѣнію г-жи Воронки: «Пожалуй, вотъ гдѣ истина. Рахманы будь-ли то румыны въ Азіи, живущіе ближе къ намъ чѣмъ евреи, поселившіеся тамъ до принятія христіанства, такъ-какъ у нихъ нѣтъ яицъ,—или же румыны «заморскіе» въ римской имперіи въ связи съ мыслью о христіанствѣ—хотя національность достаточно ясно раздѣлена отъ религіи,—говоря что рахманы это гораздо лучшіе румыны чѣмъ тѣ, которые населяютъ Молдавію. А римляне развѣ не были блаженные?!» Бѣдная румынская этнографія! Неужели же ни одинъ вопросъ не обойдется безъ римлянъ? Въ заключеніе почтенный ученый обращается къ румынскимъ историкамъ и филологамъ съ просьбой разрѣшить этотъ запутанный вопросъ: кто такіе были рахманы или блаженные и отъ кого румыны приняли культъ ихъ? Постараемся отвѣтить на оба эти вопроса.

Прежде всего обратимся къ тому изъ славянскихъ народовъ, который не только съ давнихъ поръ жилъ въ сосѣдствѣ съ румынами Молдавіи, Бессарабіи, Буковины и Марамуреша, но во многихъ мѣстностяхъ живетъ съ румынами смѣшанно. Вполнѣ ясно, что мы говоримъ о малоруссахъ, которые въ Буковинѣ извѣстны у румынъ подъ именемъ рутеновъ, хуцановъ, лемановъ и проч. Мы болѣе удивимся, когда узнаемъ, что румынскому этнографу хорошо извѣстно существованіе подобныхъ повѣрій и у малоруссовъ, но въ силу его національно-политическихъ идей у него даже не явилась мысль видѣть въ румынскихъ повѣрьяхъ отраженіе малорусскихъ преданій о Рохманьскомъ Велыкимъ Дни...

Извѣстный буковинскій ученый L. A. Staufe-Simiginowicz въ своей чрезвычайно интересной книгѣ «Volkssagen aus der Bukowina», Czernowitz, 1885, pag. 95 въ популярномъ изложеніи сравниваетъ румынъ съ малоруссами. «Румыны и рутены—одно и тоже!—говоритъ онъ—оба народа эти разсказываютъ о народѣ рохманахъ, живущемъ у устьевъ буковинскихъ рѣкъ. Рохманы отличаются благородствомъ и надѣлены

страшно есть, а на много лѣта продлѣемся... сынове Сифовы есмя сына Адамова... У насъ есть жены но не суть зде, но во иномъ островѣ противу намъ суть, на годъ единого сѣмо приходятъ къ намъ 30 день, паки возвращаются во свои островъ. Егда же кои родится дѣтищъ, не ктому отець его с женою сочтается. Аще мужъ сынъ породится, трехъ лѣтъ взимаемъ его, аще ли женскый полъ родится, с женами пребываютъ» (А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, Спб., 1886 г., стр. 267, 269—270). Нетрудно видѣть въ приведенныхъ словахъ оригиналъ румыно-малорусскихъ преданій о рахманахъ, ускользнувшій отъ С. Маріану, несмотря на нѣсколько изданій и изслѣдованій по румынской Александріи, существующихъ въ румынской ученой литературѣ. (См. dr. M. Gaster, Literatura populara romana Bucuresti 1883 an., pp. 7—31 и др.).

Сравнивая описаніе страны блаженныхъ въ Александріи и сказанія о рахманахъ (рехавитахъ) въ хожденіи Зосимы, академикъ А. Н. Веселовскій говоритъ о сходствѣ обоихъ сказаній, что вполнѣ справедливо. Нагой мужъ, котораго встрѣтилъ Зосима, говоритъ: «азъ единъ отъ блаженыхъ человѣкъ». Далѣе они говорятъ о своемъ житіи, что они не безсмертны, но безгрѣшны, питаются земными плодами и водой отъ корня дерева, молятся один днемъ и ночью, нѣтъ у нихъ никакого домашняго имущества, ни сокровищъ. «А иже поямаеть жену собѣ, дондеже будета у него двѣ чадѣ, и по двою детей разлучается другъ отъ друга и пребываеть оба въ чистотѣ, не вѣдущи, была ли коли въ совокупленіи, но яко же исперва чистоту хранящи... И нѣсть у насъ числа лѣтомъ, ни годомъ, ни мѣсяцемъ, ни днемъ, но якоже единъ день тако вси суть... Въ 3 часъ вкушаемъ по вся дни, исходитъ бо плодъ въ 3 часъ и ямы и піемъ отъ него, дондеже насыщемся». Другія параллели къ приведеннымъ румынскимъ сказаніямъ находимъ далѣе. Новому іерусалимскому царю донесли, что есть у него люди, которые не смѣшиваются съ женами. «Призванные царемъ, они ссылаются на завѣтъ Рехома, который не хотятъ переступить, почему и ввержены въ темницу...» блаженные говорятъ, что ангелы вѣщаютъ имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну года. Время своей смерти они провидятъ и подробно говорятъ о ней... (см. тамъ же, стр. 297—299). «Лѣта же житія нашего сту, иже отъ юности преставится, животъ его на семъ свѣтѣ лѣтъ 300 и 60; аще ль состарѣвся, отъидетъ свѣта сего, дние житія его лѣтъ 800 и 800. Дано же есть намъ отъ ангелъ день искончания нашего видѣти...» (Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреченной русской литературы, II, 88). Глубокая рѣка отдѣляетъ грѣшный міръ отъ страны блаженныхъ: «есть бо широта рѣкы тоя и облака того 30 верстъ, облакъ же есть отъ нея до небесе, глубина же рѣкы тоя есть до бѣздны» (тамъ же, стр. 83. Ср. въ I томѣ сочиненій Тихонравова, стр. 200 и дополненія М. Н. Сперанскаго, стр. 123—125). И въ этихъ отрывкахъ мы находимъ черты румынскихъ сказаній.

Вопросу о рахманахъ у малороссовъ посвящена 39-я статья интересной книги проф. Н. Ѳ. Сумцова, «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ». Кіевъ, 1888, стр. 137—139. «Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаній о раѣ и блаженныхъ людяхъ—говоритъ почтенный этнографъ—видное мѣсто занимаетъ сказаніе о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаніемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Нестору, лѣтописи, причемъ указанъ и византійскій источникъ сказанія, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи... законъ же Вактріянъ, глаголеми Врахмане и островницы, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ, благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, ни напося же злобы творяще, страха ради многа Божія» (Лавр. сп. стр. 14). Затѣмъ Н. Ѳ. Сумцовъ передаетъ вкратцѣ сказанія рахмановъ о своемъ образѣ жизни и переходитъ къ тѣмъ повѣрьямъ у малороссовъ, которыя можно считать отголосками книжныхъ сказаній о зосимовыхъ рахманахъ. «Сказанія о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почвѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что рахманы-христіане. Они не

имѣютъ собственнаго счисленія времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплываетъ къ нимъ скорлупа яицъ. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обычай выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ рахманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и рахмане тогда празднуютъ Пасху (Чубинскій, Труды этнограф. стат. экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что рахманы живутъ подъ землей. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплывъ въ рахманскую страну, обращаются въ яйца, и каждое яйцо идетъ на 12 рахмановъ, питающихся отъ него въ теченіе года. Пускаютъ скорлупу въ воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ «плыньте въ рахманьски край». На рахманскій велыкдень, бывающій въ среду на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Герасимовѣ, однажды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ въ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ погоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день рахманскаго свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики погонича о помощи. Въ селѣ Чертовцѣ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на рахманскій велыкдень, умерла на другой день (Kolberg Pokucie, t. I, отр. 199). На Украйнѣ на рахманскій велыкдень ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное значеніе («правитъ кости»); рахманскій велыкдень называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой средой».

Аѳанасьевъ въ своей книгѣ «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», т. I, стр. 578, говоритъ, что малороссы разсказываютъ, что гдѣ-то за моремъ живетъ блаженный народъ «навы»; чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, они бросаютъ въ рѣку скорлупы крашеныхъ яицъ, которыя приплываютъ къ навамъ въ зеленый четвергъ «Навскій великъ день». Слѣдуетъ еще прибавить, что сказанія о рахманахъ внесены въ древне-русскія Космографіи (см. Изборникъ къ хронографамъ А. Попова. Ср. Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. IV, стр. 466).

Въ Галиціи существуетъ поговорка: «постимо якъ рахмане», несомнѣнно взятая изъ извѣстныхъ сказаній, приведенныхъ у многихъ ученыхъ (Григорій Илькевичъ. Галицкіи приповѣдки и загадки, у Вѣдни, 1841 г.). Говоря о дакійскихъ отшельникахъ, называвшихся плистами, преосв. Порфирій Успенскій приводитъ галицкую поговорку и прибавляетъ: «Не даромъ костромичи, помнящіе, что Дунай есть сынъ Ивановичъ, говорятъ: она ходитъ какъ рахманная. Такія поговорки, составленныя людомъ не книжнымъ, старинныя испоконь вѣковыя, доказываютъ, что и у нашихъ прапращуровъ были строгопостные и тощіе отшельники, похожіе на индійскихъ рахмановъ, на дакскихъ плистовъ и на гетскихъ ктистовъ и капноватовъ» (Востокъ христіанскій. Исторія Аѳона, ч. III, стр. 307). Конечно, изслѣдователь упустилъ изъ виду исключительно книжное происхожденіе преданій о рахманахъ, но во всякомъ случаѣ важно то, что онъ указываетъ на параллель слова рахманинъ и браминъ. Насколько намъ извѣстно, первый указалъ на связь этихъ двухъ словъ Игнатій Ганушъ. Онъ говоритъ, что «скорлупу отъ красныхъ яицъ бросаютъ во многихъ селахъ Галиціи и теперь еще въ рѣку, вѣря, что только тогда, когда эта яичная скорлупа дойдетъ до рахманской страны, они (т. е. рахманы) празднуютъ свой праздникъ. Кто такіе эти рахманы, никто не можетъ сказать; быть можетъ это—искаженіе слова брахманы, брамины». Dr. Ignat. Iohann Hanusch, Die Wissenschaft des slawischen Mythus im weitesten, den altpreussisch Lithauischen Mythus mitumfassenden Sinne, Lemberg, 1842, p. 197.

Такимъ образомъ, происхожденіе сказанія о рахманахъ объяснено и акад. А. Н. Веселовскимъ и проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ; происхожденіе же обычая бросать скорлупу въ воду—несомнѣнно—должно поставить въ связь съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ хожденія трехъ иноковъ къ Макарію.

Паисіевскій сборникъ XIV вѣка:

да аще хоще кто мину се мѣсто. то на лѣво ідет. всѧ бо воды мира сего ѿ лѣвое страны приходѧ. да іже сѧ тѣхъ водъ надержи. то іде на свѣтъ и на деснуюю страну су горы великиѧ. і ѥзеро полно змиі...

(Тихонр., Памятн. II, 61).

Сборникъ А. Яцимирскаго 1448 г. л. 394 об.

сего ради иже хощетъ минѫти сіе мѣсто, то на десно да идет. зане бѡ видь мира сего ѿ десныѧ страны исхѡдѧ. да иже сѧ тѣхъ дръжит. на свѣтъ исходить. а на лѣвоѣ странѣ горы высокы сѫть и стръмнины и ѥзера плъна змїи...

(По инв. кат. № 11-й.

Моск. Синод. библіотеки XII—XIII в. № 3.

ὁ θέλων ἐνδότερον εἰσελθεῖν πάντα ἀριστερὰ περιπατείτω, πάντα γὰρ τὰ ὕδατα τοῦ κόσμου ἐκ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους ἐκπορεύονται. ὁ διερχόμενος τῇ φωνῇ τῶν ὑδάτων ἀκολουθείτω καὶ ἐξελεύσεται εἰς φῶς, τὰ δὲ δεξιὰ. μέρη ὄρη εἰσὶ πάντα καὶ κρημνοὶ καὶ λίμνη παμμαγέθης ὄφρων μεμεστωμένη...

Моск. Синод. библ—ки XV в., № 351.

ὁ θέλων οὖν ἐνδότερον εἰσελθεῖν εἰς τὰ ἀριστερὰ μέρη περιπατείτω, πάντα γὰρ τὰ ὕδατα τοῦ κόσμου ἐκ τοῦ ἀριστηροῦ μέρους ἐκπορεύονται· ὁ γοῦν διερχόμενος τὴν φωνὴν τῶν ὑδάτων ἀκολυθείτω καὶ εἰσελεύςεται εἰς φῶς, τὰ δὲ δεξιὰ μέρη ὄρη εἰσὶ καὶ κρημνοὶ καὶ λίμναι παμμεγέθεις ὄφρων καὶ σκορπίων μεμεστωμένα...

(A. Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pag. 142).

Если всѣ воды міра приходятъ слѣва, то для того, чтобы выйти изъ страны блаженныхъ надо идти на-лѣво; слѣдовательно, на-право нужно идти въ страну блаженныхъ. А такъ какъ всѣ рѣки текутъ слѣва, то въ страну блаженныхъ можно попасть слѣдуя внизъ по теченію рѣкъ. Вотъ почему и бросаютъ женщины скорлупу въ ручейки и рѣки. Въ какую бы рѣчку ни бросили скорлупу, она всегда дойдетъ до страны блаженныхъ и доставитъ имъ вѣсть о наступленіи пасхи, хотя въ это же время въ ихъ странѣ снова расцвѣтутъ деревья, не дававшія плода въ великомъ посту.

Укажемъ еще, что въ одной былинѣ Соловей-разбойникъ называется рахмановымъ (Рыбн. III, 14) или птицей рахманной (Гильф. 987). Это дало поводъ В. И. Ягичу видѣть въ Соловьѣ индійское его происхожденіе и сравнивать такія же показанія относительно царя Соломона (Лѣтопись Тихонравова, IV, отд. 2, стр. 120). Конечно, мнѣніе это ошибочное.

Наконецъ, для полноты очерка отмѣтимъ (у Маріану объ этомъ нѣтъ и намека), что въ Румыніи существуетъ цѣлый рядъ селъ и мѣстностей, въ названіи которыхъ можно видѣть корень слова блажин, а именно: Blaga, Blagea, Blajul, Blăgeasca, Blăgenĭ, Blăgesti, Blăjanca, Blăjani, Blejan, Blejani и др. Marele Dictionar geografic al Romăniei, vol. 1, Bucuresu, 1898 an., p.p. 467—473 или у D. Frundesĭci, Dictionaru topograficu si statisticŭ alu Român, p. 46, а также въ областныхъ словаряхъ, изданныхъ Румынскимъ Географическимъ Обществомъ. Несомнѣнно, подобныя же названія можно найти въ Галиціи, Буковинѣ, Бессарабіи и др. странахъ, населенныхъ румынами и малороссами. Слѣдуетъ еще прибавить, что русская фамилія Рахманиновы—чисто румынскаго происхожденія конца XV вѣка. См. наши замѣтки о книгѣ Василенка, Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Кіевъ. 1895 г., въ Русскомъ Архивѣ за 1896 г., кн. II и въ Revista critică-literară de Ar. Dencusianu, 1896 an, № 10, а уже отъ фамилій—мѣстныя названія, напримѣръ, Рахмановскій переулокъ въ Москвѣ.

А. И. Яцимирскій.

Psihologia penala a teranului de Dem. J. Dobresku. Bucurescĭ, 1899 an. 8⁰.

Просвѣщенный прокуроръ Букарештскаго трибунала г. Добреску въ вышедшей осенью брошюркѣ передаетъ свои наблюденія надъ оригинальными показаніями крестьянъ-свидѣтелей въ преступленіяхъ людей, заявившихъ себя отважными и ловкими разбойниками. Онъ удивляется, что въ большинствѣ случаетъ крестьяне показываютъ въ пользу преступника и разсказываютъ о необыкновенныхъ подвигахъ завѣдомо преступныхъ людей, подъ-часъ лишенныхъ въ своихъ поступкахъ всякой мысли. На допросахъ крестьяне иногда высказываютъ свои сомнѣнія, чтобы властямъ удалось поймать или не упустить изъ тюрьмы смѣлаго разбойника. Авторъ прежде всего раздѣляетъ крестьянина въ психологическомъ отношеніи на два разныхъ типа: насколько онъ теряется, когда видитъ, что другое лицо покушается на его имущество, настолько онъ иногда совершенно безразличенъ, когда дѣло идетъ о его собственной жизни или жизни ему подобныхъ, другими словами, его матерьяльные интересы превосходятъ нравственные и его симпатіи къ разбойнику-герою, который никогда не падаетъ духомъ, поистинѣ заставляютъ удивляться. Авторъ объясняетъ это низкой степенью состоянія чувства у крестьянина, его вѣчной нуждой и непосильной работой для достиженія самаго необходимаго для существованія. Изслѣдуя показанія свидѣтелей въ дѣлахъ знаменитыхъ атамановъ Жіану, Тунзы и Здрели, г. Добреску находитъ въ нихъ извѣстную дань удивленія предъ необъятной смѣлостью героевъ, находитъ въ нихъ намеки на то, что герои одарены сверхъестественной силой и что всѣ показанія проникнуты искренней симпатіей къ обвиняемому, сожалѣніемъ его дальнѣйшей судьбы. Крестьянинъ-свидѣтель всегда на сторонѣ обвиняемаго разбойника, всегда преувеличиваетъ преступленія исключительно для эстетическаго удовлетворенія и съ поэтическимъ, жаромъ описываетъ подъ-часъ самыя ординарныя продѣлки ихъ, въ особенности, когда разбойники глумятся надъ полиціей и не даются ей въ руки несмотря на усилія послѣдней.

Брошюра Д. Добреску одинъ изъ первыхъ вкладовъ въ область изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ румынъ и касается того же вопроса, которому мы посвятили одинъ изъ первыхъ своихъ печатныхъ трудовъ. Я говорю о статьѣ своей «Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ», помѣщенной въ Этнографическомъ Обозрѣніи за 1895 годъ, № 3-й. Пользуемся случаемъ, чтобы познакомить русскихъ этнографовъ съ нѣкоторыми отрывками изъ румынскихъ авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. Въ пятомъ томѣ своей «Исторіи Румыніи» проф. А. Д. Ксенополъ говоритъ о народномъ эпосѣ и разбойническихъ разсказахъ слѣдующее: Многія гайдуцкія пѣсни, какъ-то «Миху младенецъ», «Ѳома Алимошъ», «Выдра», «Румынъ Груя Грозованъ» и другія могли получить свое начало въ эпоху полную насилія и создать подобныхъ героевъ, пренебрегающихъ законами и живущихъ раздольной жизнью, защищаемую палашомъ и скрываемую въ тѣни лѣсовъ. Но въ виду того, что подобное положеніе переходитъ и въ слѣдующія эпохи, многія пѣсни получили болѣе новыя черты, которыя, умѣряя ихъ пылъ, приближаютъ героевъ ихъ къ разбойникамъ современнымъ (Istoria românilor din Dacia traiana, Vol. V ed. popularа, pag. 187). Въ сборникѣ народныхъ пѣсенъ Ярника-Бырсяну встрѣчаемъ нѣсколько гайдуцкихъ пѣсенъ; въ одной изъ нихъ гайдукъ обращается къ своему коню:

«Мургулъ, грива завитая, ну-ка вынеси меня еще разъ на гору, окину я взоромъ вокругъ и посмотрю на весь свѣтъ, гдѣ я когда то бродилъ, и вынеси меня до Тисы, такъ какъ тамъ расположенъ лагерь и тамъ подъ малыми буками—могилы усопшихъ витязей»!

Въ другой пѣснѣ гайдукъ говоритъ: «Матушка моя приказала мнѣ чрезъ птенца-ласточку придти къ ней, а я отвѣтилъ ей чрезъ птенца-кукушку, что—Ей-Богу—не могу пойти, такъ-какъ нахожусь подъ тѣнью сосны, подъ властью чужеземца. До ужина я ему служу подсвѣчникомъ, а когда ужинъ готовъ, я приготовляю ему постель, а когда онъ уже легъ, я поздно принимаюсь за ужинъ. Беру ножъ чтобы отрѣзать себѣ хлѣба, слёзы ручьемъ текутъ. Кто не вѣритъ моимъ словамъ, тому не поможетъ Пречистая». Въ преданіи о гайдукѣ Войку разсказывается, что женщины—жены

палачей и судей не могли смотрѣть на повѣшеннаго гайдука. Это мѣсто мнѣ напомнило одну изъ пушкинскихъ пѣсенъ западныхъ славянъ:

«Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями».

Румынскій писатель М. Ganea такъ художественно описываетъ покаяніе гайдука Кодряна: «Pocainta lui Codrénu».

«Испытавъ втеченіе жизни много душевныхъ страданій, Кодрянъ, атаманъ гайдуковъ пришелъ добровольно къ господарю страны.—«Здравствуйте, ваше высочество— сказалъ онъ, кланяясь до земли. Я—Кодрянъ атаманъ, за голову котораго ты назначилъ цѣну золотой казны»! Господарь испугался, услышавъ эти слова. «Не безпокойтесь, ваше высочество, я безъ оружія, а пришелъ съ повинной головой для того, чтобы принять наказаніе за содѣянныя мною злодѣянія. Дѣлай съ мной, что хочешь, такъ-какъ я пресытился и разбоями и жизнью». Господарь приказалъ заключить его въ тюрьму и собралъ бояръ на совѣтъ, чтобы опредѣлить соотвѣтствующее ему наказаніе. Одни говорили, что слѣдуетъ его повѣсить, другіе—посадить на колъ. Но господарь, знавшій тайну Кодряна, говоритъ такъ: Вотъ мое предложеніе!—ни вѣшать его, ни садить на колъ, но раскрыть двери темницы и выпустить на свободу»... Исполненные удивленія бояре пересматривались, не понимая думъ господаря.—«Да, прибавилъ онъ— смерть для него благо, такъ-какъ онъ желаетъ этого и самъ дался въ наши руки. Не слѣдуетъ наказывать его, какъ онъ самъ желаетъ, но лучше наказать его тѣмъ, чтобы онъ жилъ и чтобы, страдая вѣчно, ходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ смерть. Такое наказаніе для него самое большое, мы же не нарушимъ совѣта стариковъ, которые учатъ не рубить преклонной головы». «Вы правы, ваше высочество», отвѣчали бояре. Двери темницы раскрылись на обѣ половины, и Кодрянъ, гонимый смертью, какъ неуязвимый, вышелъ печальный съ поникшей головой съ руками на груди, тихо проходя между людей, которые сторонились съ его дороги. Онъ снова вошелъ въ лѣсъ, который самъ казалось не отвергалъ его отъ своего лона, тамъ усталый сѣлъ онъ на пень и долго просидѣлъ тамъ положивъ голову на руки въ состояніи замиранія, такъ что всякія думы его оставили. Но поздно уже онъ опомнился и, оглянувшись кругомъ, онъ замѣтилъ въ голубой дали вершины горъ. Тогда лицо его просіяло свѣтомъ радости. Онъ взялъ дорожный посохъ, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и отправился...

«Съ той поры имя Кодряна не слышалось болѣе въ странѣ... Тридцать лѣтъ спустя послѣ этихъ происшествій, въ пещерѣ на склонѣ горы Чахлэу скончался старый отшельникъ, котораго не могли перестать оплакивать сироты, вдовы и бѣдняки, такъ какъ тридцать лѣтъ подрядъ онъ былъ ихъ благодѣтелемъ. Этотъ отшельникъ достигъ глубокой старости, имѣлъ бороду до колѣнъ и такія длинныя брови, что поднималъ ихъ при помощи палки. Онъ всегда ходилъ босой и питался однимъ древеснымъ сокомъ. Откуда онъ пришелъ и кто былъ раньше—никто не зналъ, но также никто не могъ исчислить благодѣяній, содѣянныхъ имъ во всѣ дни. Имѣлъ ли кто дѣло съ противникомъ своимъ, у него находилъ правый судъ, которому подчинялись обѣ стороны; имѣлъ-ли кто горе, находилъ утѣшеніе; боленъ ли былъ, находилъ травы для лекарствъ. Поэтому всѣ горцы считали его святымъ. Питался онъ только кореньями и голова его не отдыхала на чемъ нибудь иномъ, какъ только на голомъ камнѣ. Каждое утро онъ молился, обращаясь къ востоку, но молитва его была короткая и такая горячая, что по ея окончаніи лицо его казалось принимало цвѣта солнечнаго восхода. За два часа до смерти онъ исповѣдалъ духовнику свою прошлую жизнь, какъ онъ разбойничалъ, какъ добровольно дался въ руки правосудія, которое его простило, и эта исповѣдь настолько облегчила его душу, что онъ принялъ смерть съ блаженной радостью, какъ прощеніе отъ Бога.

«Могила его покрылась цвѣтами, и горцы всякое утро молились за душу его, говоря: «Господь да ублажитъ его на томъ свѣтѣ, такъ-какъ много добра онъ здѣсь сдѣлалъ».

Въ своей «Исторіи румынской литературы», проф. Ааронъ Денсушяну причисляетъ гайдуцкія пѣсни къ разряду героическихъ, «но въ иномъ смыслѣ». Герой—говоритъ онъ—борется съ иноземцемъ-угнетателемъ, ненавидимымъ въ странѣ, съ чёкоемъ (=бариномъ), который не дерется съ оружіемъ открыто, но тайнымъ образомъ, угнетаетъ и дѣлаетъ невыносимою жизнь, какъ господинъ или чиновникъ, съ которымъ бѣдный румынъ «цѣлые года судился и не выигралъ ничего»; какъ помѣщикъ, какъ арендаторъ, какъ купецъ, какъ трактирщикъ». Затѣмъ онъ приводитъ слѣдующую гайдуцкую пѣсню «молодцовъ изъ зеленаго лѣса», прекрасно характеризующую смыслъ гайдучества:

«Нѣтъ у меня червонцевъ въ кошелькѣ, заплатить подати, за бумаги, за солдата и за проклятаго Іуду... Побей васъ крестъ, чёкои! вырваться бы мнѣ отъ васъ; и снова пойти въ лѣсъ, и дѣлать расправу въ странѣ! Когда я вижу бѣднаго человѣка, я опускаю руку въ кошелекъ и избавляю его отъ мукъ и страданій. Пойдемте-ка, ребята, къ тѣмъ дубамъ, отрѣжемъ себѣ нѣсколько дубинъ, и будемъ очищать страну и избавлять ее отъ чудовищъ».

Оттуда изъ лѣса они, какъ молнія, нападаютъ на чёкоевъ и держатъ въ страхѣ всѣхъ угнетателей меньшихъ братьевъ. «Вотъ каково происхожденіе гайдуцкихъ пѣсенъ, распространенныхъ среди всѣхъ румынъ, такъ какъ всѣ они страдали одинаковымъ образомъ. Эти пѣсни очень часто преисполнены силы и неподражаемой окраски, и въ нихъ находимъ не только чувства высшаго патріотизма, но и высшей человѣчности. Знаменитые гайдуки, обратившіеся въ легендарныхъ, слѣдующіе: Корбя, Винтя, Бужоръ Гипшей, Дагіе, и др. Типъ ужаснаго и удивительнаго гайдука по имени Бурлы конца XVII вѣка намъ описываетъ Кантемиръ: Istoria limbei si literaturei române Jasi 1894 an, pp. 163—164. Затѣмъ г. Денсушяну приводитъ списокъ сборниковъ разныхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ могутъ быть и гайдуцкія, но отдѣльно не указываетъ на сборники, содержащіе именно пѣсни гайдуцкія. Мы можемъ указать на 34 гайдуцкихъ небольшихъ пѣсенъ въ коллекціи Михаила Каніану. Poesii populare. Doine, cniese etc. de Mihail Canianu. Iasi, 1888 an., pp. 211—239; 23 пѣсни въ коллекціи Виктора Онишора. Doine si strigatur din Ardeal, culese de V. Onisor, Iasi p.p. 85—94 и др.

Для изслѣдованій о румынскихъ гайдукахъ слѣдуетъ собрать побольше документовъ, какъ напримѣръ сдѣлалъ проф. Gr. Tocilescu относительно гайдука Янку Жіану, подвизавшагося въ Олтеніи около Краіовы въ 1738 году; впослѣдствіи родственники умершаго уже гайдука жертвовали много денегъ для спасенія души гайдука, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ начала XIX вѣка. Revista p. istorie, archeologie si filologie an. II, vol. I, p.p. 236—240, vol. II, p.p. 411—414.

У румынъ нѣтъ другихъ народныхъ изданій кромѣ романовъ о приключеніяхъ гайдуковъ. Въ нашей коллекціи собраны слѣдующія книжки изданія для народа N. D. Popescu, Codreanu haiducu nuvela originala, ed. II. Bucuresci, 1892 an. p.p. 1—146 съ 4 иллюстраціями; Panait Macri, Bujor capitan de haiduci. Bucur. 1891an. p.p. 1—131, съ иллюстраціями; Alaxandru Munte Stäncanul, Fraur Vulpoiu, grosavul capiten de haiduci sau tainele pädurei, povestire dramatic-romanticä de mare sensatie. Craiova, 1893 an., p.p. 1—91; P. Macri, Mihu capitan de haiduci. Bucur, 1887 an., p.p. 1—112 съ иллюстраціями; Boerii gaiduci, Capitan Busdugan, Iancu Jianu Zapciu, Iancu Jianu Haiduc, Moartea lui Bujor, Basboiul dintre haiduci si rusi—всѣ изданія Букарештскія, нѣкоторыя съ иллюстраціями. Слѣдуетъ также отмѣтить сказки, гдѣ говорится о разбойникахъ; о Бужорѣ, объ умной дѣвушкѣ, жившей и гайдуковъ и проч., напримѣръ у Elena Sevastos, Povesti. Iasi. 1892 an., p.p. 37—45, 136—138; упоминанія о нападаніяхъ разбойниковъ у A. D. Xenopol'a Istoria românilor etc., vol. II 8, V 187, VI 28, 218, VII 253, IX 40, 184, 211, 242, Melchisedec episc.. Notite ictorice si archeologice, p.p. 120, 208. A. I. Filippide, Incercari asupra starei sociale poporului român in trecut, Iasi, 1881 an. p.p. 22—39 и др.

Румынскій историкъ V. Onit такъ объясняетъ причину появленія гайдуковъ въ XVII—XVIII вѣкахъ. «Эпоха нашей національной борьбы—говоритъ г. Оницъ—начи-

нается сейчасъ же послѣ основанія княжества, то есть въ XIV вѣкѣ. И Молдавія и Валахія были основаны колонистами, вышедшими изъ подъ гнёта венгерскихъ королей; поэтому имъ требовалось поддерживать свою самостоятельность предъ Венгріей. Молдавія имѣла еще противъ себя и польскихъ королей, которые претендовали на то же, на что и венгры. Поэтому еще въ XIV вѣкѣ начинаются волненія, дипломатическая борьба, чаще—войны, изъ которыхъ румыны не разъ выходили побѣдителями. Немного спустя турки наступаютъ изъ Азіи въ Восточную Европу; всѣ самостоятельныя государства балканскаго полуострова побѣждены и стерты съ карты Европы на многія столѣтія. Въ 1373—Сербія, въ 1369 болгарское царство, въ 1453 Византія—падаютъ разгромленныя къ ногамъ турокъ, въ 1392-мъ году подчиняется туркамъ Валахія. Съ этого времени начинается новая борьба, борьба отчаянная и неравная, такъ такъ силы врага были въ десять разъ больше. Эти сраженія съ турками и татарами продолжаются болѣе столѣтія, и Стефанъ Великій насъ трогаетъ своими нравственными высокими качествами своей любовью къ отечеству румынъ, вѣчная память о которой намъ осталась въ тѣхъ сорока монастыряхъ, основанныхъ львомъ Молдавіи, лучшемъ свидѣтельствѣ сорока пораженій враговъ нашего отечества. Какими средствами люди совершаютъ эту неимовѣрную и отчаянную защиту націи? Сраженіе ведется румынскими руками, а не чужеземными наемными. Главнокомандующій—господарь страны, а войско—румыны. Бояре тѣхъ временъ не были предателями, интересантами, какъ бояре XVII и XVIII вѣковъ, а воинами первыхъ рядовъ. Подъ державой Стефана оно иначе и не могло быть. А крестьянинъ, основа страны?—Онъ въ это время еще не былъ порабощенъ боярину. Большая часть ихъ была свободна, большинство ихъ были резеши (однодворцы, мелкіе владѣльцы), но и остальные не были настоящими рабами, такъ какъ они еще владѣли землей. Поэтому вполнѣ естественно, если въ бояринѣ крестьянинъ видитъ типъ героевъ и патріотовъ; онъ ихъ понимаетъ въ битвѣ за благо всей страны, а потому и крестьянинъ слѣдуетъ въ битву за бояриномъ съ любовью, поражается его храбростью, обожаетъ его. Лѣсные разбойники въ тѣ времена — всеобщіе враги и для боярина и для крестьянина. Вотъ почему и крестьянинъ ихъ ненавидитъ. Эта, и только эта эпоха можетъ быть исторической, къ которой относятся поэтическіе образы Миху, Груи, Алимоша. Герои—бояре, сражающіеся за отечество и любимые народомъ!...

«Въ срединѣ XIV вѣка румыны соединенными силами защищаются и физически и нравственно. Неравная борьба, продолжавшаяся столько времени, высосала всѣ ихъ силы. Всеобщая слабость настаетъ въ обоихъ государствахъ: блестящая эпоха подвиговъ за отечество переходитъ въ мрачную эпоху государственнаго ничтожества. Престолъ страны становится продажнымъ, бояре вмѣстѣ съ господаремъ—а этотъ вмѣстѣ съ турками и греками-боярами—терзаютъ страну и законнымъ образомъ. А терзаемые—крестьяне. О какой-нибудь національной защитѣ сраженіи за отечество нѣтъ теперь и рѣчи! Теперь бояринъ становится жестокимъ мучителемъ интересантомъ, такъ какъ онъ уже не румынъ, а грекъ! Немногочисленные румынскіе бояре не могутъ сдѣлать ничего... Эта эпоха обнимаетъ періодъ болѣе двухъ вѣковъ съ половиной, до наступленія XIX вѣка. Это—время, когда крестьяне—не имѣя уже, что терять,—соединяются въ шайки подъ начальствомъ извѣстныхъ храбрецовъ и мучатъ важныхъ бояръ, преимущественно грековъ, и дѣлаются такимъ образомъ орудіемъ мести отъ лица бѣдныхъ крестьянъ. Вѣка XVII и XVIII наполнены гайдуками. Народъ ихъ любитъ, какъ милыхъ сыновей своихъ, и память о нихъ сохраняетъ въ гайдуцкихъ пѣсняхъ.

«Вторая половина XVI, вѣка XVII и XVIII—это эпоха гайдуковъ въ нашей исторіи крестьянъ. Кодрянъ, такъ же недопустимъ во время Стефана Великаго, какъ и немыслимъ румынскій бояринъ Груя во время фанаріотовъ. Иныя времена, иныя государственныя положенія, другое отношеніе между боярами и крестьянами создали Грую, а иныя—Кодряна».

Такой блестящей и полной смысла и правды характеристикой кончаетъ свой очеркъ румынскій патріотъ В. Оницъ. Вотъ какими выводами долженъ былъ руководиться г. Добреску въ своей статьѣ и удивленіе предъ сочувствующими разбойнику-герою показаніями крестьянъ-свидѣтелей объяснять грустной исторической истиной румынскаго склада общественной жизни. Если въ Румыніи, въ «просвѣщенной» странѣ, которую

сами румыны называютъ «восточной Бельгией» могутъ и теперь появляться разбойники, о которыхъ народъ разсказываетъ чудеса и держитъ ихъ сторону, не вѣря даже, что администраціи удалось поймать то самое лицо *), а не другое, — то трудно говорить объ истинномъ просвѣщеніи страны и ея соціальномъ равновѣсіи... Во всякомъ случаѣ, трудъ почтеннаго этнографа-криминалиста можно привѣтствовать и пожелать побольше подобныхъ работъ, имѣя еще ввиду, что подобные вопросы въ румынской ученой литературѣ почти не затронуты (кромѣ статей Б. Хыждеу, Филиппиди, Сеулеску и немногихъ другихъ).

А. Яцимирскій.

П. Луппов̂ъ. «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». С.-Петербургъ. 1899 года. VIII+333 стр. 8°. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп. Трудъ г. Луппова заключаетъ въ себѣ 16 главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію вотяковъ, ихъ бытъ, занятія, промыслы, знакомитъ съ физическимъ типомъ и психическими особенностями этого племени, наконецъ, предлагаетъ свѣдѣнія о вотской языческой религіи. Главы эти, хотя и имѣютъ этнографическій интересъ, тѣмъ не менѣе, являясь для цѣлей автора побочными, не заключаютъ въ себѣ матерьяла совершенно новаго, который не былъ бы уже извѣстенъ въ этнографической литературѣ. Поэтому мы не будемъ подробно останавливаться на содержаніи этихъ главъ, а ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя частности, которыя являются въ печати впервые, или же заимствованы авторомъ изъ малодоступныхъ публикѣ земско-статистическихъ изслѣдованій. Такъ, едва-ли не въ первый разъ мы встрѣчаемся въ сочиненіи г. Луппова съ попыткой сдѣлать сводъ численности вотяковъ и географическаго распредѣленія ихъ въ Европейской Россіи въ настоящее время. Всѣхъ вотяковъ авторъ насчитываетъ болѣе 360 тысячъ. Въ трехъ губерніяхъ—Вятской, Казанской и Самарской, по даннымъ земскихъ подворныхъ описей послѣдняго 12-лѣтія (1883—1894 г.г.), они распредѣляются по этимъ губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

№ по порядку.	Названіе губерній и уѣздовъ.	Число волостей, въ которыхъ живутъ вотяки.	Общее число вотскаго населенія обоего пола.	Годъ, къ которому относятся свѣдѣнія.
	I. Вятская.			
1	Глазовскій	23	137.197	1890—91
2	Сарапульскій	22	91.290	1890
3	Малмыжскій	17	58.388	1884
4	Елабужскій	11	47.928	1887
5	Слободской	2	5684	1891
6	Уржумскій	1	626	1884
	Итого . . .	76	341.113	—

*) Лѣтомъ 1898 го года въ мѣстахъ, окружающихъ Нямецкій монастырь у подножія Карпатъ, скрывался гайдукъ въ полномъ смыслѣ этого слова, бѣжавшій съ каторжныхъ работъ (соляныя мины въ г. Тыргу-Окна), Іоанъ Флоря. Въ это время я занимался въ монастырской библіотекѣ и по цѣлымъ вечерамъ приходилось мнѣ слушать удивительные разсказы о похожденіяхъ Флори, которыя частью записаны и со временемъ будутъ напечатаны. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Флоря былъ убитъ жандармомъ Херцой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

	II. Казанская.			
7	Казанскій	1	296	1884
8	Мамадышскій	4	6.674	1887
	Итого . . .	5	6.970	—
	III. Самарская.			
9	Бугульминскій	3	1.740	1885—86
	Всего	84	349.823	1884—91

Кромѣ того есть вотяки въ Пермской и Уфимской губерніяхъ, но такъ какъ подворное изслѣдованіе въ этихъ губерніяхъ еще не закончено, то точныхъ цифровыхъ данныхъ о числѣ вотскаго населенія не имѣется. Въ Уфимской губ., по свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета, относящимся къ 1870 году, вотяковъ насчитывалось 12,521 чел., а въ Пермской, по Энциклопедическому словарю проф. Андреевскаго, приблизительно 3,000 *).

Чрезвычайно любопытны также данныя о колонизаціонномъ движеніи русскихъ въ среду вотскаго населенія. Слѣдя, вмѣстѣ съ Вятскимъ статистикомъ Романовымъ, за движеніемъ населенія въ нѣкоторыхъ вотскихъ районахъ Вятской губерніи, авторъ замѣчаетъ необыкновенно сильный приростъ жителей въ этихъ мѣстностяхъ и причину этого видитъ въ русской колонизаціи. Для примѣра авторъ беретъ три района Вятской губ., бывшихъ въ прошломъ столѣтіи почти исключительно вотскими: 1) область по лѣвую сторону р. Вятки въ Малмыжскомъ уѣздѣ, 2) 6 сѣверныхъ волостей Сарапульскаго уѣзда и 3) мѣстность по теченію р. Чепцы въ Глазовскомъ уѣздѣ. Сравнивая приростъ населенія въ этихъ мѣстностяхъ съ среднимъ поуѣзднымъ приростомъ за время съ 1795 г. по 1878 г., авторъ получаетъ слѣдующую любопытную табличку:

Годы ревизіи.	% увеличенія населенія.					
	Малмыжскій у.		Сарапульскій у.		Глазовскій у.	
	Въ вотской мѣстности по лѣвую сторону р. Вятки.	По всему уѣзду.	Въ 6 сѣверныхъ вотскихъ волостяхъ.	По всему уѣзду.	Въ вотской мѣстности по р. Чепцѣ.	По всему уѣзду
1795	15,1%	10,3	41,6	34,7	5,6	13.6
1811	21,7	15,7	41,6	34,7	18,6	26,1
1834	69,4	53,8	46,5	30,4	31,2	34, 9
1858	47,9	30,4	37,4	31,1	53,2	42,9
1878	54,6	39,2	72,8	49,5	51,5	37,4

монастыря, голова Флори была отослана въ Букарештъ, а тѣло похоронено въ лѣсу. Лѣтомъ 1899-го года я самъ видѣлъ могилу Флори, украшенную цвѣтами и вѣнками, которые приносятъ туда не только дѣти изъ окрестныхъ селъ, но и интеллигенція, живущая лѣтомъ въ монастырѣ на курортѣ.

*) Цифры эти, по мнѣнію автора, несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ. Такъ и Тезяковъ въ статьѣ «Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ язычниковъ» насчитываетъ въ семи деревняхъ Больше-Гондырской волости Осинскаго уѣзда Пермской губ. до 5.600 душъ («Новое Слово», 1896 г. Январь).

Изъ этой таблицы видно, что въ Малмыжскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ % увеличенія населенія въ вотскихъ мѣстностяхъ уже съ 1795 г. начинаетъ превышать такой же средній по каждому изъ этихъ уѣздовъ; въ Глазовскомъ уѣздѣ это замѣчается только послѣ переписи 1834 г.; съ 1858 г. разница между % увеличенія населенія всѣхъ трехъ вотскихъ мѣстностей и среднимъ по каждому изъ уѣздовъ становится особенно замѣтною. Причина этого явленія кроется въ русской колонизаціи вотскихъ мѣстностей. По послѣднимъ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается, что въ настоящее время въ Вятской губерніи нѣтъ уже ни одной волости съ исключительно вотскимъ населеніемъ. Этого мало: въ каждой волости съ вотскимъ населеніемъ русскіе расположились не отдѣльными поселками только, но главнымъ образомъ въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ живутъ и вотяки. Изъ 1704 вотскихъ селеній Вятской губерніи 806 или 47,3% имѣютъ уже русское населеніе, причемъ въ 168 селеніяхъ или почти въ 10% русскіе въ количественномъ отношеніи даже преобладаютъ надъ вотяками. Послѣдствія такого тѣснаго сожительства вотяковъ съ русскими не замедлили отразиться на всемъ строѣ жизни этого племени. Русскіе, какъ болѣе сильные въ культурномъ отношеніи, начали ассимилировать себѣ вотяковъ; въ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ вотякъ сталъ мало-по-малу усваивать русскій языкъ, перенимать у русскихъ различныя подробности житейскаго обихода, заимствовать понятія, началъ критически относиться къ своему прежнему почти языческому міросозерцанію, усваивать себѣ христіанскія религіозныя представленія. Въ послѣднее время выступилъ новый факторъ ассимиляціи—народная школа, къ которой вотяки обнаруживаютъ большую склонность. Въ результатѣ вліянія русскихъ на вотяковъ, по мнѣнію автора, должно явиться полное отождествленіе, сліяніе вотскаго населенія съ русскимъ.

Послѣ предварительныхъ общихъ свѣдѣній о вотякахъ, авторъ приступаетъ къ разрѣшенію прямой своей задачи—прослѣдить исторію распространенія среди вотяковъ и усвоенія ими христіанской религіи, причемъ изложенію предмета предпосылаетъ обозрѣніе источниковъ (глава III). Изъ этого обозрѣнія мы видимъ, что кромѣ печатной литературы по разсматриваемому вопросу, кстати сказать литературы весьма скудной, авторъ пользовался главнымъ образомъ архивнымъ матерьяломъ: неизданными дѣлами и документами архивовъ Св. Синода (47 дѣлъ), Вятской Духовной Консисторіи (229 дѣлъ) и бывшаго Елабужскаго Духовнаго Правленія (18 дѣлъ). Въ виду этого сочиненіе пріобрѣтаетъ особенный интересъ и научную цѣнность.

Въ дальнѣйшихъ восьми главахъ (IV—XII) излагается исторія распространенія христіанства среди вотяковъ. При этомъ вотяки раздѣлены на двѣ группы—вотяковъ сѣверныхъ, жившихъ по берегамъ р. Чепцы и верхняго теченія р. Вятки и тяготѣвшихъ къ г. Хлынову (Вяткѣ), и вотяковъ южныхъ, судьбы которыхъ въ XVI, XVII и частью въ XVIII вѣкахъ были тѣсно связаны съ судьбой г. Казани, бывшаго для нихъ гражданскимъ и церковнымъ центромъ. Мѣры къ распространенію христіанства среди вотяковъ на Вяткѣ и въ Казани принимались не одновременно и осуществлялись не всегда одинаковымъ способомъ.

Впервые христіанство занесено въ страну вятскихъ вотяковъ новгородскими ушкуйниками, начавшими съ XIII в. колонизовать Вятскія земли. Оттѣснивъ аборигеновъ и водворившись на новой землѣ, пришельцы поставили города и построили церкви и часовни. Такимъ образомъ вотяки получили возможность знакомиться съ христіанствомъ. Но, разумѣется, должны были пройти еще вѣка, чтобы вотяки стали принимать христіанство. Первое, исторически извѣстное обращеніе вотяковъ въ христіанство относится лишь къ 1557 году, когда вотякъ Сырьянской волости, Слободского уѣзда, Ожмекъ Черной билъ челомъ царю Іоанну Грозному отъ лица 17 вотскихъ семействъ, сообщая о намѣреніи «креститься и пріити въ православную христіанскую вѣру». Дальнѣйшіе случаи обращенія вотяковъ въ христіанство относятся уже къ началу XVIII в. и являются, какъ и первый случай, результатомъ сожительства вотяковъ съ русскими, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было миссіонерскихъ воздѣйствій. Какъ въ числѣ вотяковъ, крестившихся при Грозномъ, такъ и въ числѣ обратившихся въ началѣ XVIII столѣтія, въ числѣ 16 человѣкъ были лица, уже въ язычествѣ носившія христіанскія имена и отечества (Ортемовъ, Петровъ, Сенькинъ, Денисъ, Осипъ, Никита,

Михайло, Овдоть, т. е. Авдотья). Если мы примемъ во вниманіе существовавшій у вотяковъ-язычниковъ, а мѣстами и теперь еще существующій, обычай давать новорожденному имя того лица, которое первымъ встрѣтится отцу новорожденнаго на дорогѣ или войдетъ въ его избу, то для насъ станетъ яснымъ, что упомянутые новокрещенные вотяки имѣли тѣсныя сношенія съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ, жившимъ по сосѣдству. Очевидно первыхъ новокрещенныхъ дали деревни, въ которыхъ вотяки начали уже ассимилироваться съ русскимъ населеніемъ.

Съ 20-хъ годовъ XVIII ст. начинается уже миссіонерская дѣятельнесть правительства и духовенства. Первый возбудилъ предъ высшей духовной властью вопросъ объ обращеніи вотяковъ Вятскій епископъ Алексій. Любопытно, что, задумавъ заняться обращеніемъ въ христіанство вотяковъ, Алексій писалъ въ Кабинетъ Царскій, что «безъ указу приводить невѣрныхъ языковъ въ вѣру христіанскую не смѣетъ и для того проситъ, чтобъ о томъ прислать къ нему указъ». На этотъ запросъ Вятскому епископу была послана отъ св. Синода инструкція «для приведенія въ вѣру христіанскую невѣрныхъ языковъ и другихъ разныхъ народовъ и вѣръ, обрѣтающихся въ Вятской епархіи». При этомъ епископѣ крещено было 59 вотяковъ, составлявшихъ 8 отдѣльныхъ семей. При одномъ изъ преемниковъ Алексія, преосв. Веніаминѣ Сахновскомъ, миссіонерская дѣятетельность на Вяткѣ значительно оживилась; въ короткій срокъ (14 мѣсяцевъ) крещено было 168 вотяковъ (103 м. и 65 ж.) изъ 16 деревень, изъ коихъ въ 13 не было еще христіанъ; а вскорѣ послѣдовалъ и знаменитый указъ 11 Сентября 1740 года, изданный «для умноженія въ вѣрѣ новокрещенныхъ иновѣрцевъ» Волжско-Камскаго края. Характерную особенность этого указа представляли разнообразныя матеріальныя выгоды, которыми предполагалось привлекать въ христіанство инородцевъ. За новокрещенцыми утверждались льготы въ платежѣ податей и отбываніи рекрутской повинности, при чемъ уплата податей и поставка рекрутъ за новокрещенныхъ возлагалась на некрещенныхъ. Кромѣ того за воспріятіе крещенія инородцы награждались крестами, одеждою, обувью и деньгами. Затѣмъ указъ предписывалъ выселять новокрещенныхъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства, если тамъ находились некрещенные, и водворять ихъ на новыхъ мѣстахъ или отдѣльными поселеніями, или вмѣстѣ съ русскими. Мѣра эта, впрочемъ, скоро была замѣнена другой, болѣе рѣшительной—выселеніемъ всѣхъ некрещеныхъ изъ деревень, гдѣ есть новокрещенные. Податныя льготы и льготы по рекрутской повинности, а также денежныя награды сильно дѣйствовали на вотяковъ. Они, какъ въ Казани, гдѣ дѣйствовало особое учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ «Новокрещенской конторы», такъ и на Вяткѣ стали креститься тысячами. «Нерѣдко лакомые до денегъ раза по два и по три въ разныхъ мѣстахъ крестилися». Съ нежелавшими креститься, несмотря на льготы, впрочемъ, не особенно церемонились: ихъ крестили насильно. Вотяки сопротивлялись, били миссіонеровъ и сопровождавшихъ ихъ гражданскихъ чиновъ, но всетаки крестились.

Такъ продолжалось до 1764 года, когда наконецъ правительство убѣдилось, что принятыя имъ мѣры къ обращенію язычниковъ въ христіанство внесли страшную нравственную деморализацію въ инородческое населеніе и матеріально разорили его. Некрещеные инородцы обнаруживали сильную злобу на новокрещенныхъ, какъ непосредственныхъ виновниковъ ихъ податнаго обремененія и, пока новокрещенные уступали имъ въ числѣ, всячески старались выместить на нихъ свою злобу. А впослѣдствіи, когда число новокрещенныхъ увеличилось, положеніе некрещенныхъ стало весьма печально въ матеріальномъ отношеніи. Переложеніе податей съ новокрещенныхъ на некрещеныхъ скоро привело къ тому, что обычный годовой окладъ податей съ язычниковъ возросъ въ 2, 3 и болѣе разъ; равнымъ образомъ и рекрутъ требовали съ одного и того же общества некрещеныхъ инородцевъ по 2, 3 и даже по 4 раза въ одинъ наборъ. Злоупотребленія «команды» свѣтскихъ чиновниковъ, приставленныхъ къ миссіонерскому дѣлу, и самихъ членовъ Новокрещенской конторы и многочисленныхъ проповѣдниковъ довершали дѣло. Въ 1764 г. правительство вынуждено было отмѣнить законъ 1740 года. Количество обратившихся вотяковъ въ христіанство сразу замѣтно сократилось. Тѣмъ не менѣе, къ началу текущаго столѣтія, по приблизительному подсчету автора, число крещеныхъ вотяковъ въ Вятской губерніи достигло 98%.

Предметомъ слѣдующихъ трехъ (XIII—XV) главъ служитъ выясненіе дѣятельности правительства, а также различныхъ учрежденій и лицъ по утвержденію новокрещенныхъ вотяковъ въ христіанской вѣрѣ въ теченіе XVIII вѣка.

Переходимъ къ послѣдней (XVI) главѣ, представляющей наибольшій интересъ въ этнографическомъ отношеніи. Въ этой главѣ авторъ рисуетъ состояніе христіанства среди новокрещенныхъ вотяковъ въ XVIII в. Обращенные въ христіанство въ большинствѣ случаевъ подъ давленіемъ разнообразныхъ матеріальныхъ выгодъ, а частью даже насильно, вотяки первое время были христіанами только по имени, не проявляя почти никакихъ признаковъ своей принадлежности къ новой религіи и, напротивъ, всецѣло тяготѣя къ своимъ прежнимъ богамъ.

Изъ архивныхъ документовъ видно, что въ вотскихъ новокрещенскихъ селеніяхъ оставались языческіе молитвенные чумы или шалаши и послѣ обращенія вотяковъ въ христіанство. Помимо чумовъ новокрещенные устраивали моленія на открытыхъ мѣстахъ: на берегу рѣчекъ, ручейковъ, на лѣсныхъ полянахъ и т. д., куда собирались нѣсколькими семьями и даже цѣлыми селеніями. Священникъ Θедоръ Ившинъ доносилъ въ Консисторію: «приходу его дер. Лековаевской новокрещенъ изъ отяковъ Егоръ Ушаковъ съ товарищи, всего въ десяти семьяхъ, по ихъ прежнему вотяцкому суевѣрію общекупно отъ всей деревни іюля 31 дня, взявши быка и выведши въ поле, закололи и, сваривъ, съѣли, а остаточное на другой день уже, августа 1 числа, т. е. по начатіи поста въ первый день доѣдали... Деревни Убыцкой, которая отстоитъ отъ церкви въ 40 верстахъ, новокрещенные изъ отяковъ Сысой Трефиловъ съ товарищи, всего въ восьми семьяхъ, по прежнему суевѣрію отъ всей деревни кололи быка на улицѣ и, сваривъ, съѣли». Новокрещенный дер. Мутнинской, Волковъ, писалъ о жителяхъ своей деревни въ Консисторію: «1) въ 1751 г. въ іюлѣ Данилъ Степановъ Чирковъ по рѣчкѣ Мутницѣ по прежнему суевѣрію кололъ барана, помолясь, съ семействомъ своимъ, употребили; 2) въ 1752 г. въ февралѣ, въ чистый понедѣльникъ, жители Мутнинской деревни вмѣстѣ съ жителями Якшинской деревни въ Мутнинскомъ полѣ у рѣчки Мутны кололи жеребца по отяцкому суевѣрію, помолясь, употребили, а попомъ былъ новокрещенный Кузьма; а мнѣ, Волкову, за необъявленіе дано овса; 3) въ 1753 г. въ августѣ новокрещены въ дер. Пѣтуховской подъ рѣчкою Мутницею по обѣщанію—не ѣли-бъ черви озими—кололи быка, коего по своему суевѣрію послѣ моленія употребили; 4) въ 1753 г. предъ осеннимъ праздникомъ Іоанна Богослова дер. Мутнинской новокрещенный Иванъ Волковъ за скорбь семьи его глазами кололи нѣсколько утокъ и по ихъ злочестію молились и со всѣмъ семействомъ ѣли». Діаконъ с. Глазовскаго Іаковъ Невоструевъ въ 1754 г. доносилъ въ Консисторію, что 17 октября онъ засталъ въ полѣ подъ елками новокрещеннаго вотяка Абросима съ семьей и «видя, что у нихъ варится въ котлѣ гусь да утка, изъ которыхъ нутро и перье лежитъ близъ того огня подъ елками, спрашивалъ, для чего то они въ полѣ, а не въ домѣ варятъ, и притомъ объявилъ ему, дьякону, помянутый Абросимъ, что-де у брата моего Василія болитъ поясница и о выздоровленіи той болѣзни обѣщались по отяцкому суевѣрію молиться, для того-де нынѣ тое и варимъ».

Въ январѣ 1752 г. новокрещенные дер. Подборновской Романъ, Петръ и Димитрій Касаткины да дер. Чигиринской Иванъ Корепановъ собрались въ дер. Чигиринской и говорили: отъ дѣда его, Романа, бывшаго въ прежнемъ отяцкомъ суевѣріи, посулено отправить мольбище; по крещеніи въ христіанскую вѣру за неотправленіе того мольбища вымерло въ дер. Чигиринской мужск. и женск. пола 20 человѣкъ», и говорили Пиминову, чтобъ купить жеребца шерстью сиваго и, когда Пиминовъ сказалъ имъ, что у него такой жеребецъ есть, то они купили его за два рубля и сговорились учинить мольбище за недѣлю до заговѣнья. Въ назначенный день моленіе было совершено при рѣчкѣ Варышъ, съ принесеніемъ въ жертву жеребца; народу собралось не малое число. 19 января 1752 г. вотяки южной части Вятской провинціи, Игринскаго и Чутырскаго концовъ, въ немаломъ числѣ, при деревнѣ Потыръ-Кушьинской, за рѣчкою Лозою, въ лѣсу подъ елью молились надъ чалымъ жеребцомъ, бѣлымъ быкомъ, двумя черными баранами и двумя гусями: животныхъ закололи, мясо сварили и ѣли; кости, головы и

избытки сожгли, причемъ, по приказанію жреца, поснимали кресты, съ нѣкоторыхъ же онъ самъ срывалъ ихъ.

Жертвоприношенія совершались не только языческимъ богамъ, но и умершимъ родственникамъ (культъ предковъ).

Въ 1770 году на допросѣ въ Слободскомъ Духовномъ Правленіи новокрещенный села Глазовскаго Максимъ Ившинъ показалъ, что «когда онъ былъ боленъ, разсудилось ему помянуть по прежнему отцкому суевѣрію умершихъ своихъ родителей, чтобъ чрезъ то отъ болѣзни получить свободу, и, сваря въ домѣ своемъ каши, взявъ съ собою, отвезъ одинъ на кладбище, гдѣ они погребены, и расклавъ оную въ разныя мѣста на снѣгъ, просилъ при томъ умершихъ своихъ родителей, чтобъ они сдѣлали ему отъ той болѣзни свободу».

По пути авторъ касается вопроса и о существованіи у вотяковъ въ XVIII столѣтіи человѣческихъ жертвоприношеній, и рѣшаетъ его отрицательно на томъ основаніи, что ни въ ученыхъ запискахъ путешественниковъ того вѣка, ни въ архивныхъ документахъ синодальныхъ, консисторскихъ и Министерства Юстиціи, нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на существованіе подобныхъ жертвоприношеній, хотя по даннымъ архивовъ можетъ быть возстановлена довольно полно религіозная жизнь вотяка того времени.

Приверженность вотяковъ къ язычеству шла, однако, параллельно съ усвоеніемъ ими и христіанства. Вынужденные на первыхъ порахъ, хотя и внѣшними мѣрами, исполнять нѣкоторыя требованія христіанской религіи, вотяки начинаютъ привыкать къ внѣшнимъ христіанскимъ формамъ, сживаются съ ними и затѣмъ понемногу начинаютъ внѣшнимъ образомъ соединять черты язычества и христіанства. Въ результатѣ этого процесса является двоевѣріе. «Признавая единство невидимаго Бога,—пишетъ миссіонеръ Стефановъ, но не зная онаго истинно и не умѣя почитать его достойно, вотяки новокрещенные стараются воздавать подобающую ему честь подъ именемъ Инмара и въ лицѣ земнородныхъ угодниковъ его. Таковы суть: Вожшудъ, Инву, Илія Пророкъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Николай Чудотворецъ и Іисусъ Христосъ. Вожшудъ и Инву, богатые благодѣтели язычники, по смерти чудесно вышедшіе изъ воды; Илія — земной пророкъ, Му-Кылчинъ, будучи другъ Божій, чудесно вошелъ въ землю, гдѣ и живетъ не умирая; Николай Чудотворецъ, хотя и умеръ, однакожъ явился съ Великой Рѣки *) чудесно; Іисусъ Христосъ—пророкъ Кылчинъ, а по нѣкоторымъ—Единородный Сынъ Божій,—Кылдысинъ, хотя умеръ, но воскресъ». Сверхъ того, пишетъ миссіонеръ, воздаютъ божескую честь св. иконамъ, называя ихъ русскими богами—Дьзюцъ Инмаръ. На поляхъ своихъ селеній приносятъ въ жертву Иліи пророку хлѣбъ, пиво, кумысъ, иногда быка, жеребенка, барана и гуся, коихъ кости съ частью прочихъ жертвъ скрываютъ въ землю для употребленія пророкомъ въ пищу. Св. Пасху празднуютъ русскому Богу. Жители дер. Вотскій Порѣзъ празднуютъ день св. безсребренниковъ Косьмы и Даміана, св. ап. Петра и Павла, Богоявленія Господня, ибо эти дни — праздники приходской церкви». Итакъ, Іисусъ Христосъ и христіанскіе святые въ сознаніи вотяковъ стали дѣлаться такими же богами, какъ ихъ прежніе Инмаръ, Кылдысинъ; «русскимъ богамъ» вотяки начали покланяться также, какъ они поклонялись и своимъ вотскимъ. Въ вотскихъ шалашахъ (чумахъ) на полкахъ вмѣстѣ съ идоломъ хранились иногда христіанскія иконы или же онѣ приносились сюда изъ домовъ лишь на время моленій. Процессъ сліянія двухъ міросозерцаній—языческаго и христіанскаго начался и идетъ непрерывно до нашихъ дней. Сожительство съ русскими, смѣшанные браки, школа и книга сильно ускоряютъ его.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Луппова. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ предметомъ мы отсылаемъ къ самой книгѣ, написанной съ большимъ стараніемъ и любовью къ дѣлу. Къ книгѣ приложены цѣликомъ наиболѣе важные и интересные архивные документы, указатель именъ личныхъ и географическихъ и именъ авторовъ, упоминающихся въ сочиненіи, а также географическая карта

---

*) Село Вятской губерніи.

вотскаго района, съ нанесеніемъ на нее, по возможности, всѣхъ упоминаемыхъ въ книгѣ мѣстностей и селеній.

Послѣднія приложенія значительно облегчаютъ пользованіе книгой.

И. Сырневъ.

Nová mapa království českého Sestavil V. Kotyška, kreslil N. Hanf. Měřítko 1 : 200.000. Praha. 1897. 12 №№.

Недостатокъ въ подробныхъ географическихъ и этнографическихъ картахъ славянскаго племени представляетъ одно изъ осязательныхъ доказательствъ той низкой ступени, на которой находится развитіе вспомогательныхъ дисциплинъ славяновѣдѣнія. До сихъ поръ мы не только не имѣемъ общей научной карты географическаго и этнографическаго распространенія славянскаго племени, но даже при изученіи географическихъ и этнографическихъ границъ территоріи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ читателю приходится нерѣдко пользоваться совершенно случайнымъ и необъединеннымъ матерьяломъ. Послѣднее положеніе одинаково вѣрно какъ для такихъ разбросанныхъ по разнымъ государствамъ народовъ, какъ сербскій или польскій, такъ и для такого могущественнаго своимъ единствомъ племени, какъ русское, которое до сихъ поръ не знаетъ точно предѣловъ своего распространенія *). Неудивительно поэтому, что славянскому этнографу приходится преодолѣвать при разыскиваніи извѣстнаго населеннаго пункта массу совершенно внѣшнихъ трудностей, которыя были бы немыслимы при иномъ положеніи картографическаго дѣла въ славянскихъ земляхъ. Каждый, кто занимался, напр., чешской, польской и т. д. діалектологіей, знаетъ, какъ иногда бываетъ безнадежно трудно найти какое-нибудь село или деревню, хотя и маловажную въ административномъ отношеніи, но зато тѣмъ болѣе интересную въ лингвистическомъ.

При такомъ болѣе, чѣмъ печальномъ состояніи національной картографіи въ славянскихъ земляхъ, весьма полезно изданіе географическихъ картъ, хотя и касающихся одной какой нибуть славянской націи, то зато съ такимъ масштабомъ, какого требуютъ все увеличивающіяся нужды славяновѣдѣнія. Превосходный образецъ такого рода карты получили недавно чехи въ видѣ труда, заголовокъ котораго мы привели выше. Въ масштабѣ 1 : 200.000 (т. е. въ размѣрѣ 1 см.=1 км.) эта громадная карта отмѣчаетъ рѣшительно в с ѣ населенные пункты страны, не исключая одинокихъ усадебъ (т. н. samot'ъ), мельницъ, церквей и т. д. Тщательно нанесенныя на нее особенности орографическаго строенія Чехіи даютъ наглядное понятіе о рельефѣ страны, а столь же добросовѣстно начерченныя мелкія рѣчки и сухопутные пути—о ея коммуникаціонныхъ линіяхъ. Практическое пользованіе картой немало облегчается тѣмъ, что она раздѣлена на двѣнадцать тетрадокъ, изъ которыхъ: I-я—воспроизводитъ центральную Чехію, II-я—сѣверо-восточную (Крконоши), III-я—сѣверную, IV-я—юго-западную (Шумаву), V-я и VI-я—сѣверо-западную (Рудогорье), VII и IX-я—южную, VIII-я—восточную, и XI-я—юго-восточную, XII—заглавный листъ.

Остается пожелать, чтобы г.г. Котышка и Ганфъ вслѣдъ за географической картой своей родины издали такую же подробную карту этнографическую.

Г. Ильинскій.

Smíchovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva. Redaktor prof. Fr. H a n s l, c. k. okresní školní inspector. Se 362 vyobrazeními a 3 přílohami. Na Smíchově. 1899. 8°. 658 стр.

Пятидесятилѣтіе царствованія императора Франца Іосифа, въ продолженіи котораго чешскій народъ сдѣлалъ такіе гигантскіе шаги на пути къ экономической, прав-

---

*) Извѣстная этнографическая карта Россіи ген. Риттиха въ настоящее время не можетъ быть признана удовлетворительной ни въ какомъ отношеніи.

ственной и духовной эмансипаціи своей отчизны отъ чуженароднаго элемента, породило въ интеллигентныхъ кругахъ чешскаго общества счастливую мысль ознаменовать юбилейный годъ изданіемъ серіи всесторонних описаній отдѣльныхъ округовъ чешской земли. Читателямъ «Живой Старины» мы сообщали уже объ одной такой попыткѣ, сдѣланной для Новоичинскаго округа учителями этой провинціи *). Нынѣ мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе на другой подобный трудъ, посвященный одной изъ центральныхъ областей Чехіи—Смиховскому гетманству и исполненный также исключительно мѣстными педагогическими силами.

Смиховское гетманство лежитъ на лѣвомъ берегу Влтавы, непосредственно примыкая своимъ главнымъ городомъ, котораго носитъ названіе, къ Прагѣ: только небольшой холмъ Петрина отдѣляетъ г. Смиховъ отъ столицы Чехіи. Политически гетманство раздѣляется на два округа: Смиховскій и Збраславскій, границей которыхъ на востокѣ служатъ гетманства: Карлинское, Виноградское и Бенешовское, на западѣ—Кладенское и Горовицкое, на сѣверѣ—Сланское и на югѣ—Прибрамское.

Описаніе раздѣлено на семь частей.

Въ первой части (стр. 9—105) знакомимся съ естественными условіями края: съ его географическимъ положеніемъ, пространствомъ и границами (гл. I), устройствомъ поверхности (II и V), съ геологическимъ строеніемъ почвы (III), его минеральными, растительными и животными богатствами (IV, VII и VIII), наконецъ, съ его метереологическими условіями (VI).

Вторая часть (стр. 107—124) посвящена изложенію первобытной исторіи страны: здѣсь описаны, между прочимъ, всѣ важнѣйшія археологическія находки, сдѣланныя въ области: самыя древнія изъ нихъ относятся къ эпохѣ ледяного періода.

Предметомъ третьей части (стр. 125—162) служитъ краткій историческій очеркъ округа, составленный на основаніи сочиненій извѣстнѣйшихъ чешскихъ историковъ. Особенное вниманіе обращено въ немъ на исторію соціальныхъ классовъ населенія и отношеніе ихъ другъ къ другу.

Въ четвертой части (стр. 163—456) находимъ перечень всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ ихъ алфавитномъ порядкѣ. При каждомъ городѣ или мѣстечкѣ приводятся указанія на мѣстоположеніе, число жителей, достопримѣчательности и, въ заключеніе, сообщается его краткая исторія.

Пятая часть (стр. 457—486)—этнографическая. Здѣсь описаны главнѣйшіе обычаи населенія, его нравы, способъ постройки его домовъ, характеръ его одежды и т. под.

Въ шестой части (стр. 485—552) находимъ историческій очеркъ и современное состояніе школьнаго дѣла въ округѣ.

Наконецъ, въ седьмой (стр. 595—657) сообщаются статистическія свѣдѣнія относительно всевозможныхъ явленій экономической и промышленной жизни края.

Многочисленные художественно исполненные рисунки, діаграммы и статистическія таблицы, планы и двѣ (географическая и археологическая) карты служатъ такимъ же внѣшнимъ достоинствомъ книги, какимъ ея фактическая содержательность и объективность—внутреннимъ.

Г. Ильинскій.

Starožitnosti země české. Díl I. Čechy předhistorické. Na základě praehistorické sbírky Musea Král. Českého Sestavil Píč. Sv. I. V Praze 1899. Большое 4° 220 стр.+LXXXVII табл.+4 карты.

Эта книга представляетъ только первый выпускъ грандіознаго изданія, предпринятаго г. Пичемъ при ближайшемъ содѣйствіи Чешской Королевской Академіи и имѣющаго задачей описать бытъ и судьбы доисторическихъ обитателей Чехіи. Произведя подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ не мало археологическихъ раскопокъ въ разныхъ мѣ-

*) См. «Жив. Ст.», вып. III (1899 г.) отчетъ о кн. «Moravsko Kravařsko».

стахъ Чехіи, и состоя въ теченіе многихъ лѣтъ хранителемъ доисторическаго отдѣла въ Чешскомъ Музеѣ, сдѣлавшагося благодаря его непрестаннымъ заботамъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, г. Пичу пришлось пересмотрѣть на своемъ вѣку огромное количество предметовъ и остатковъ доисторической культуры своей родины. Не смотря на постоянное общеніе съ сырымъ матеріаломъ, г. Пичъ никогда не былъ простымъ систематизаторомъ фактовъ, но всегда оставался истиннымъ ученымъ, стремящимся связать груду разнородныхъ фактовъ идеей закономѣрности. Это качество его работъ дѣлаетъ ихъ интересными и важными не только въ описательномъ, но и принципіальномъ отношеніи.

Въ настоящей работѣ, составляющей итогъ всей научной дѣятельности чешскаго археолога, первая сторона выражается въ обстоятельныхъ строго фактическихъ характеристикахъ быта двухъ древнѣйшихъ народностей Чехіи, оставившихъ слѣды своей жизни на ея территоріи: безымяннаго народца диллювіальнаго періода и непосредственно смѣнившаго его «поколѣнія скорченныхъ скелетовъ» *). Глубокое изученіе предметовъ первобытной культуры дало возможность автору нарисовать очень рельефную картину личной и соціальной жизни автохтоновъ Чехіи, ихъ одежду, пищу, жилища, домашнюю утварь, оружіе, предметы торговли, способы погребенія ихъ покойниковъ и т. д. Наглядности описанія очень способствуетъ многочисленность иллюстрацій въ текстѣ, представляющихъ точные снимки съ археологическихъ сокровищъ Музея. Не удовольствовавшись такого рода украшеніемъ своего текста, г. Пичъ присоединилъ къ книгѣ 87 большихъ таблицъ, изображающихъ предметы доисторической культуры, извлеченные изъ мѣстъ какъ погребенія, такъ и «стоянокъ» туземцевъ. Изданныя отдѣльно, эти таблицы составили бы сами по себѣ очень цѣнный археологическій атласъ. Если прибавить, наконецъ, что къ книгѣ г. Пича приложены различные чертежи и карты, поясняющія расположеніе находокъ, то мы поймемъ, какой богатый кладъ всякаго рода матеріаловъ представляетъ книга г. Пича для археолога.

Но кромѣ этой описательной стороны въ книгѣ г. Пича, какъ мы сказали, есть и теоретическая, которая выражается въ стремленіи пролить свѣтъ на происхожденіе и историческія судьбы указанныхъ двухъ народцевъ. Правда, скудость археологическихъ находокъ относительно быта населенія диллювіальнаго періода Чехіи не позволяетъ ему сдѣлать никакихъ серьезныхъ выводовъ относительно происхожденія и времени прихода этого «безымяннаго» народа, но зато тѣмъ подробнѣе авторъ говоритъ о судьбахъ преемника этого народа—«поколѣнія скорченныхъ скелетовъ». Мы сообщимъ здѣсь только главный итогъ его изслѣдованія. Сравнивая предметы культуры, найденные въ гробахъ этого племени, съ подобными вещами, открытыми въ другихъ мѣстахъ Европы, г. Пичъ приходитъ къ выводу, что племя «скорченныхъ скелетовъ» пришло въ Чехію около 1500 л. до Р. Х. изъ Тюрингіи; переселеніе это произошло недобровольно, но подъ давленіемъ какого-то другого народа; укрѣпившись въ сѣверной и срединной части нынѣшней Чехіи, это племя достигло сравнительно высокой и притомъ самобытной культуры, въ матеріальномъ отношеніи представлявшей переходъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому; не смотря на своеобразіе своей культуры, «поколѣніе скорченныхъ скелетовъ» не жило замкнуто, но находилось въ довольно живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Италіей и восточноальпійскими странами; подпавъ подъ владычество кельтскихъ воинственныхъ ордъ, оно сохраняло свою индивидуальность и подъ ихъ господствомъ, пока не было поглощено этнографически и культурно какимъ-то другимъ племенемъ, жившимъ въ южной Чехіи и практиковавшимъ при погребеніи сожиганіе. Случилось это незадолго до Р. Хр.

Таковы только самые главные результаты трактата автора. Насколько они вѣрны, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія. Здѣсь мы замѣтимъ только, что если спеціалисты-археологи и сомнѣваются въ теоретическихъ конструкціяхъ г. Пича **), то при-

---

*) Названнаго такъ по тому способу, какимъ оно погребало своихъ покойниковъ.

**) См. подробный нѣмецкій разборъ этого труда г. Бухтели, приложенный къ III вып. «Věstnika Slov. Star.» Нидерле (стр. 1—42 стр.).

чина этого лежитъ не столько въ недостаткѣ критицизма у автора, сколько въ свойствахъ того матеріала, которымъ ему приходилось оперировать, а также вообще въ невыработанности метода подобнаго рода работъ. Во всякомъ случаѣ, какъ трудъ, подводящій итоги работѣ нѣсколькихъ поколѣній и пролагающій путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, книга г. Нича имѣетъ большое значеніе, и значеніе это будетъ все расти, по мѣрѣ того какъ содержаніе труда будетъ приближаться къ историческимъ временамъ.

Г. Ильинскій.

Rodinný nedíl čili zádruha v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastnim. V Praze. 1898. 8°. 136 стр.

Къ числу труднѣйшихъ задачъ славянской этнографической науки принадлежитъ объясненіе причинъ того необыкновеннаго разнообразія соціальныхъ формъ, которое такъ характеризуетъ современный бытъ славянскаго племени. Представляетъ-ли это разнообразіе явленіе исконное, или есть только результатъ естественной дифференціаціи одной первоначально общей всѣмъ славянамъ формы? Произошло-ли оно подъ вліяніемъ соціальныхъ учрежденій другихъ народовъ, или путемъ самобытнаго органическаго развитія? Какой народъ и въ какой степени сохранилъ первоначальный укладъ славянской жизни въ наибольшей чистотѣ? Вотъ вопросы, которые остаются столь же открытыми, какими были и пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда Шафарикъ клалъ первыя основанія наукѣ «славянскихъ древностей».

Правда, втеченіе этого времени въ славянскихъ литературахъ (въ особенности русской, польской и чешской) явилось не мало теорій, съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ пытавшихся проникнуть въ тайну вопроса, но всѣ эти теоріи (одно перечисленіе которыхъ заняло бы, можетъ быть, цѣлую страницу) имѣли тотъ капитальный недостатокъ, что своей положительной стороной исходили изъ особенностей общественнаго строя какого-нибудь одного славянскаго народа, совершенно игнорируя соціальный бытъ его ближайшихъ соплеменниковъ. Этимъ самымъ заранѣе обрекалась на неудачу и ихъ главная цѣль—реставрація праславянскаго строя, такъ какъ древнѣйшій бытъ одного народа далеко не всегда совпадаетъ съ древнѣйшей фазой соціальнаго развитія всего племени.

На совершенно иной и гораздо болѣе надежной почвѣ стоитъ молодой чешскій ученый г. Карлъ Кадлецъ, который въ своей работѣ «Семейная община*) въ славянскомъ правѣ» попытался едва-ли не впервые не только на словахъ, но и на дѣлѣ взглянуть на явленіе съ широкой общеславянской точки зрѣнія. Сравнивая правовое положеніе членовъ сербской задруги съ такимъ же положеніемъ русской крестьянской «большой семьи», авторъ пришелъ къ выводу, что въ основѣ и той и другой лежатъ однѣ и тѣ же нормы обычнаго права. Это заключеніе, сдѣланное на основаніи тщательнаго изслѣдованія лучшихъ сборниковъ обычнаго права (и главнымъ образомъ, Богишича и Якушкина) и подкрѣпленное анализомъ соотвѣтствующихъ историческихъ документовъ обѣихъ народностей, г. Кадлецу естественно пришлось распространить также на чешскую и польскую семью; но такъ какъ послѣдняя уже давно получила организацію римскаго положительнаго права, то доказать это ему удалось развѣ только въ отношеніи къ ея историческому прошлому. Установивъ такимъ образомъ фактъ существованія одного и того же общественнаго института у всѣхъ славянскихъ народовъ, г. Кадлецу оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы придти къ убѣжденію, что «нынѣшнія русскія и югославянскія учрежденія представляютъ продуктъ того глубоко древняго времени, когда всѣ славяне составляли единое племя». Юридическій характеръ этого учрежденія онъ опредѣляетъ понятіемъ «задруга», въ которой видитъ «извѣстную систему частнаго (soukromého) права, основанную съ одной стороны на

---

*) Такъ мы переводимъ крайне неудачный, но постоянно употребляемый г. Кадлецомъ терминъ nedíl, который, какъ отрицательный, слишкомъ широкъ для такого точнаго понятія, какъ «задруга».

началахъ семейнаго (rodinného) права, съ другой стороны на принципахъ всеобщаго (коллективнаго) имущественнаго права на недвижимости (věcného práva k nemovitostem)» (стр. 136).

Таковъ, говоря вкратцѣ, главный результатъ изслѣдованія г. Кадлеца. Хотя теорія чешскаго ученаго сама по себѣ и не нова—о задругѣ какъ учрежденіи праславянскомъ говорили еще Палацкій у чеховъ и Леонтовичъ у насъ—тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ ученыхъ, какъ первая попытка рѣшить вопросъ на основаніи сравненія обычныхъ учрежденій всѣхъ славянскихъ народовъ. Того же требуютъ и другія внутреннія достоинства труда г. Кадлеца: строго выдержанный сравнительный методъ изслѣдованія, объективность, выражающаяся въ стремленіи говорить не словами, а фактами, и стройная систематичность изложенія. Значеніе работы г. Кадлеца ослабляется правда такими крупными недостатками, какъ слишкомъ широкая и растяжимая юридическая терминологія автора, благодаря которой онъ нерѣдко соединяетъ явленія, имѣющія только отдаленное сходство, и довольно тѣсный кругъ историческихъ источниковъ автора: г. Кадлецъ пользуется только самыми извѣстными изъ нихъ, «классическими»; но вопросъ, затронутый г. Кадлецомъ, такъ сложенъ и запутанъ, что авторъ оказалъ бы услугу читателю даже въ томъ случаѣ, если бы его книга только оріентировала въ вопросѣ. Но она даетъ гораздо больше...

Г. Ильинскій.

Führer durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. Verfasst von R. E. Petermann. Wien. 1899. 8⁰. XV + 602 + LX стр.

Основанное въ 1894 году въ Вѣнѣ «Общество содѣйствія народно-хозяйственнымъ интересамъ Королевства Далмаціи» задумало издать такое цѣльное и систематическое описаніе Далмаціи, которое точныя данныя спеціальнаго географическаго сочиненія излагало бы въ порядкѣ и формѣ общедоступнаго путеводителя. Хотя совмѣщеніе въ одной книгѣ двухъ столь разнородныхъ задачъ теоретическаго и практическаго изученія и имѣетъ свои неудобства, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что лишь такимъ путемъ популяризація географіи извѣстной страны можетъ принести прочные результаты, въ особенности, когда она производится такимъ опытнымъ ученымъ, какъ г. Р. Петерманнъ.

Уже одна внѣшность книги производитъ на читателя самое благопріятное впечатлѣніе. Этотъ компактный томъ заключаетъ въ себѣ около 700 страницъ довольно мелкаго текста, на пространствѣ которыхъ помѣщено 165 художественно исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ то наиболѣе живописные ландшафты Далмаціи, то различные типы ея населенія, то виды ея городовъ, то снимки съ различныхъ историческихъ достопримѣчательностей; четыре географическихъ карты, съ славянскими названіями на первомъ мѣстѣ и итальянскими на второмъ, воспроизводятъ какъ общее мѣстоположеніе Далмаціи, такъ и окрестности городовъ Задра, Сплѣта, Дубровника и Боки Которской; четыре плана трехъ важнѣйшихъ населенныхъ центровъ Далмаціи: Задра, Сплѣта и Дубровника, а также исторической Солоны столь же изящны по своему исполненію, сколько подробны по своимъ указаніямъ; наконецъ, обиліе разнообразныхъ приложеній, между которыми обращаютъ особенно вниманіе статистическія таблицы распредѣленія населенія по различнымъ округамъ Далмаціи, увеличиваютъ уже не только внѣшнюю, но и внутреннюю цѣнность книги.

Что касается послѣдней, то она обусловливается главнымъ образомъ, свѣжестью и точностью сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній. Книга открывается введеніемъ, въ которомъ послѣ краткой характеристики Далмаціи какъ страны, и въ георафическомъ и въ культурномъ отношеніи составляющей переходъ отъ востока къ западу, г. Петерманнъ перечисляетъ важнѣйшія описанія Далмаціи, существующія въ литературѣ, и опредѣляетъ задачу своей книги. Послѣ практическихъ указаній относительно продолжительности путешествій по Далмаціи, средствъ ея сообщенія и т. д., слѣдуетъ общее описаніе Далмаціи,

гдѣ разсмотрѣны географическое положеніе и размѣръ площади страны, ея оро- и гидрографическое устройство, геологическое строеніе, климатическія условія, характеръ флоры и фауны, а также явленія экономической и промышленной жизни края, какъ-то состояніе земледѣлія, винодѣлія, лѣсного промысла, рыболовства, скотоводства и т. п. Перечислены также пути сообщенія края и приведены статистическія данныя относительно распространенія различныхъ народностей и религій. Особая глава посвящена очерку исторіи Далмаціи, съ эпохи заселенія края иллирійцами до присоединенія королевства къ Австріи. За этимъ обширнымъ общимъ описаніемъ Далмаціи слѣдуетъ болѣе спеціальное, причемъ различные пункты страны описываются по мѣрѣ ихъ удаленія отъ сѣвера на югъ. Такимъ образомъ, читатель объѣзжаетъ вмѣстѣ съ авторомъ всю Далмацію, начиная свой путь у Полы и кончая его Черногоріей и островомъ Корфу.

Г. Ильинскій.

Гуцульщина. Написав проф. Володимиръ Шухевич. У Львові, 1899 (Материяли до украïнсько-руськоï етнологіï, вид. етногр. комм., Т. II). 8°. 144 стр.

Отсутствіе всесторонняго этнографическаго и антропологическаго очерка гуцуловъ составляло до сихъ поръ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ пробѣловъ русской этнографіи. Кромѣ небольшихъ этюдовъ профессора Черновицкаго университета Кайндля, предметомъ которыхъ служили только буковинскіе гуцулы, въ литературѣ нельзя указать никакихъ систематическихъ руководствъ относительно быта гуцуловъ, такъ какъ отдѣльныя мелкія статьи и замѣтки, посвященныя этому загадочному народцу, или слишкомъ поверхностны и мало самостоятельны, или касаются только одной какой-нибудь стороны культуры гуцуловъ, напр. языка.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ мы должны привѣтствовать монографію проф. Шухевича, первый томъ которой вышелъ въ прошломъ году во Львовѣ. Основанная на свыше 20-ти-лѣтнихъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, она впервые даетъ намъ картину физической организаціи и быта всѣхъ галиційскихъ гуцуловъ, не вдаваясь въ описаніе частныхъ и единичныхъ особенностей этого быта.

Книга раздѣлена на восемь главъ. Первая (стр. 1—24), наименѣе самостоятельная, посвящена описанію естественныхъ условій края: его устройства поверхности, геологическаго строенія, климата, флоры, фауны, минеральныхъ богатствъ и т. д. Вторая (стр. 25—53) посвящена этнологическому очерку гуцуловъ: авторъ излагаетъ здѣсь исторію ихъ племеннаго названія, заимствованнаго вѣроятно отъ румыновъ (гоц—по румынски знач. разбойникъ, ул — уменьшит. суффиксъ), описываетъ особенности ихъ языка, мелодіи ихъ пѣсенъ, семейныя отношенія, занятія и промыслы, нравственныя и духовныя качества и въ заключеніе устанавливаетъ семь причинъ ихъ возрастающаго обѣдненія: 1) избытокъ населенія, 2) пьянство, 3) непосильныя подати и налоги, 4) чрезмѣрно легкій кредитъ, удѣляемый гуцуламъ множествомъ разсѣянныхъ по всему краю банковъ, 5) постоянные судебные процессы, которые гуцулы ведутъ между собой нерѣдко только изъ тщеславія, 6) еврейская эксплоатація и 7) недостатокъ просвѣщенія.—Въ третьей главѣ (стр. 54—73) сообщаетъ подробныя статистическія данныя распространенія гуцуловъ по тремъ повѣтамъ Галиціи: Коссовскому, Печенѣжскому и Надворнянскому, а также по ихъ отдѣльнымъ селамъ, причемъ оказывается, что общее число гуцуловъ не превышаетъ нынѣ 60 тысячъ. Цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ показываетъ распредѣленіе по общинамъ пашенъ и различныхъ угодій, относительное распредѣленіе домашнихъ животныхъ, подато- и налогоспособность громадъ и проч. Въ четвертой (стр. 74—85) и пятой (86—114) главахъ находимъ описаніе устройства гуцульскаго села и дома, а въ шестой (стр. 115—119)—церкви. Эти очерки носятъ чисто фактическій характеръ, также какъ и седьмая глава (стр. 120—139) и восьмая (стр. 140—144), посвященныя описанію одежды и пищи гуцуловъ.

Съ внѣшней стороны книга издана безукоризненно: кромѣ трехъ цвѣтныхъ иллюстрацій, изображающихъ мужской и женскій типы гуцуловъ и ихъ одежду, въ текстѣ

помѣщено множество разнообразныхъ рисунковъ, воспроизведенныхъ большею частью съ собственноручныхъ фотографическихъ снимковъ автора.

Г. Ильинскій.

Етнографічний збірник. Видає етноґрафічна комісия Науков. Тов. ім. Шевченка. Т. VI. Галицько-руськи анекдоти. Зібрав В. Гнатюк. У Львові. 1899. 8°. XII. стр. + 370.

Такъ-называемые «простонародные» юмористическіе разсказы и анекдоты до послѣдняго времени не пользовались особеннымъ расположеніемъ г.г. этнографовъ. Потому-ли, что не была сжата до сихъ поръ вполнѣ богатая нива пѣсенъ, сказокъ и легендъ, или потому, что этотъ «низшій» родъ литературы самъ по себѣ не могъ привлечь пытливаго ума изслѣдователя, но наблюдатели народнаго быта записывали ихъ до сихъ поръ только мимоходомъ и въ своихъ сборникахъ удѣляли имъ мѣсто лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. И если исключить старый сборникъ Врчевича *), въ славянской этнографической литературѣ до сихъ поръ не было ни одного сборника, посвященнаго спеціально произведеніямъ народнаго остроумія.

Этотъ крупный пробѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ области одной этнографической индивидуальности—малорусскаго народа, восполняетъ г. Гнатюкъ книгой, названіе которой мы выписали выше. И по обилію матерьяла, и по научности его изданія, послѣднее не заставляетъ желать ничего лучшаго. Въ сборникъ вошло 700 разсказовъ, записанныхъ исключительно въ Галицкой Руси и раздѣленныхъ на три отдѣла. Въ первомъ находимъ анекдоты, содержаніе которыхъ касается разныхъ слоевъ населенія вообще: крестьянъ (причемъ разсказы о «бабахъ» напечатаны отдѣльно отъ анекдотовъ о «мужикахъ»), слугъ, нищихъ, калѣкъ, преступниковъ, ремесленниковъ, школяровъ, духовныхъ лицъ и господъ. Это—самый богатый отдѣлъ, такъ какъ изъ общаго числа—700 въ его составъ вошло 355 №№. Второй отдѣлъ содержитъ (№№ 356—586) анекдоты, высмѣивающіе племенные недостатки различныхъ народностей: русиновъ (бойковъ и гуцуловъ), поляковъ, великороссовъ, чеховъ, нѣмцевъ, евреевъ и цыганъ. Наконецъ, третій отдѣлъ (№№ 586—700) посвященъ историческимъ анекдотамъ, между которыми первое мѣсто по числу занимаютъ разсказы о «Каневскомъ» или Ник. Потоцкомъ (1712—1782), польскомъ магнатѣ, перешедшемъ изъ католичества въ унію, и потому необыкновенно популярномъ въ сельскомъ населеніи Галичины. Въ третій же отдѣлъ включены и анекдоты о глупцахъ, а также разсказы, описывающіе приключенія малорусскихъ бароновъ Мингаузеновъ.

Всѣ анекдоты изданы фонетическимъ правописаніемъ, многіе съ обозначеніемъ удареній; при каждомъ точно указывается время, когда, и мѣсто, гдѣ былъ записанъ извѣстный разсказъ; приводятся также фамиліи лицъ, сообщившихъ и записавшихъ анекдотъ. Но что особенно намъ пріятно встрѣтить въ сборникѣ г. Гнатюка, — это обильныя библіографическія указанія на изданныя уже другими изслѣдователями параллели къ разсказамъ, напечатаннымъ малорусскимъ этнографомъ. Благодаря этому обстоятельству, въ значительной степени облегчается работа будущаго изслѣдователя литературной исторіи этихъ разсказовъ.

Г. Ильинскій.

Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX ст. Собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони. Вып. первый. I—II. Изд. Отд. р. я. и с. И. А. Н. Спб. 1899. 8°. XIX стр. + 216 + 8 + XII.

Настоящая книга — только первый выпускъ начатаго г. Симони восьмитомнаго

---

*) Српске народне приповиjетке. Беогр. 1868 г.

изданія памятниковъ народной словесности гномическаго содержанія. Важность такого изданія очевидна. Главный вопросъ, къ которому обыкновенно сводятся разысканія ученыхъ въ области произведеній народно-поэтическаго творчества, есть вопросъ о ихъ происхожденіи. Но опредѣлить (хотя бы только приблизительно) генетическую зависимость между десятками и сотнями варіантовъ одного и того же произведенія возможно лишь при наличности такого критерія ихъ древности, который бы, съ одной стороны, давалъ намъ средство сравнивать ранѣе записанныя и потому мало еще подвергнувшіяся трансформаціи произведенія съ такими же произведеніями позднихъ записей, съ другой стороны, устанавливалъ точки соприкосновенія съ литературой искусственной. Подобнымъ критеріемъ и могутъ служить разные старинные сборники пословицъ, поговорокъ и т. д., которые, давая готовый основной текстъ для пословицъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣнимое пособіе для будущаго критическаго изданія произведеній этого рода народной литературы.

Нельзя не быть глубоко благодарнымъ г. Симони, что онъ не побоялся предпринять многотрудное изданіе подобнаго рода сборниковъ, общее число которыхъ достигаетъ 30. Двѣ трети изъ нихъ (19 №№) до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, и если были извѣстны ученымъ, то лишь по названіямъ рукописей, въ которыхъ они сохранились. Хотя остальную часть составляютъ печатные сборники и хотя нѣкоторые изъ нихъ знакомы каждому занимающемуся русской литературой (сборникъ Чулкова, импер. Екатерины и др.), тѣмъ не менѣе переизданіе и этихъ сборниковъ въ высшей степени желательно уже потому, что они давно являются библіографической рѣдкостью. По времени только 3 сборника относятся къ началу нашего вѣка (2—рукоп., 1—печатн.), большая же часть принадлежитъ къ серединѣ или концу XVIII в., а именно къ годамъ: 1741 г. (ркп.), 1738—1743 (ркп.), 1753 (ркп.), 1754 (ркп.), 1755 (ркп.), 1758 (ркп.), 1769 (печ.), 1770 (печ.), 1770 (печ.), 1773 (печ.), 1781 (печ.), 1782 (печ.), 1785 (печ.), 1788—1795 (ркп.), 1790 (ркп.), 1790 (печ.), 1794 (печ.), 1798 (печ.).

Безъ опредѣленной даты къ тому же времени относится шесть рукописей. Кромѣ того, два рукописныхъ сборника восходятъ къ нач. XVIII в.,—одинъ къ 1714 г., другой—безъ даты, а одинъ—даже ко второй половинѣ XVII в.

Въ составъ настоящаго перваго выпуска этого собранія вошли только два послѣднихъ памятника. Изъ нихъ особенно интересенъ второй, который хранится въ очень разнообразномъ по своему содержанію сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Хотя на основаніи его бумажныхъ знаковъ время его написанія относятъ къ 1681—1694 г.г., содержаніе его можно бы признать, по крайней мѣрѣ, на цѣлый вѣкъ старше, если только вѣрить словамъ „предсловіїа до читателѧ“: „сиа же писана издревле, мню ıакѡ лѣт за стѡ или болше“. Изъ приложеннаго къ книгѣ этюда проф. Ѳ. Е. Корша о языкѣ этого сборника, видно, что сборникъ былъ составленъ гдѣ-нибудь въ области Московскаго говора. О личности составителя сборника ничего положительнаго неизвѣстно, но по догадкамъ издателя имъ могъ легко быть ближайшій сотрудникъ Епифанія Славинецкаго, монахъ Чудова монастыря Евѳимій (✝ 1705). Пословицы расположены въ алфавитномъ порядкѣ, также какъ и въ другомъ изданномъ здѣсь же сборникѣ. Этотъ послѣдній, составляющій нынѣ собственность Академіи Наукъ, относится уже къ Петровскому времени и представляетъ собой также только часть сборника смѣшаннаго содержанія. Языкъ его носитъ въ себѣ явныя черты сѣвернаго (вологодскаго) нарѣчія.

Къ изданію обоихъ этихъ памятниковъ народной мудрости г. Симони приложилъ строго-научные пріемы. Оба собранія напечатаны слово въ слово, буква въ букву, съ точнымъ сохраненіемъ ихъ правописанія и даже интерпункціи; единственныя отступленія отъ подлинника издатель позволяетъ себѣ въ печатаніи собственныхъ именъ съ прописной буквы и въ раздѣленіи словъ. Изданію обоихъ памятниковъ предшествуетъ очень подробное, переходящее иногда въ скрупулёзность, описаніе внѣшняго вида рукописей, а также обстоятельный обзоръ ихъ содержанія. При этомъ, авторъ не жалѣетъ мѣста на дословныя выписки изъ статей, представляющихъ какой-либо интересъ въ

литературномъ отношенiи; таково, напр., «Выданie о добронравiи», которое заключается въ указанномъ уже архивномъ сборникѣ, и которое г. Симони привелъ цѣликомъ въ сличенiи съ его польскимъ прототипомъ «Politica dworskie przez Jana Zabczyca» (по ркп. библ. гр. Замойскаго). Приложенныя къ книгѣ XIII таблицъ снимковъ прекрасно объясняютъ палеографическiя особенности рукописей.

Вообще прiемы изданiя памятниковъ такъ безукоризненны и такъ образцовы, что сказать что-нибудь противъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Мы можемъ выразить только сожалѣнiе, что авторъ не присоединилъ къ своей книгѣ примѣчанiй, въ которыхъ были бы приведены параллели печатаемыхъ здѣсь пословицъ, или, по крайней мѣрѣ, не отмѣтилъ звѣздочкой тѣхъ изъ нихъ, которыя являются въ научной литературѣ въ первый разъ.

Г. Ильинскiй.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Смерть, похороны и причитанія.

(Этнографическій матеріалъ Калужской губерніи).

Смерть, похороны, причитанія.

Умретъ человѣкъ. Умершему несутъ муки всѣ сосѣди ближніе и дальніе; кто принесетъ свѣчей, кто принесетъ денегъ. Деньги идутъ на панафидки.

Когда умретъ покойникъ, его обмываетъ особенная старушка, «наздѣваетъ» на него чистенькую рубашку, обуваетъ его въ «башмо̀чки», обкрываетъ всего саваномъ (саванъ дѣлается изъ полотна); накрываетъ покойнику глаза полотномъ.

Когда приходитъ священникъ, накрываетъ покойника ризою. Покойника подымаютъ въ церковь и несутъ по сторонѣ, и всякій около своего дома служитъ панафидку.

Когда покойника опускаютъ въ могилу, бросаютъ въ могилу деньги: каждый сколько можетъ—въ вѣковѣчный домъ.

«Хозяева̀» приглашаютъ батюшку на домъ, созываютъ родныхъ, сосѣдей, и всѣ служатъ панафидки по покойномъ. Потомъ хозяева приглашаютъ батюшку и всѣхъ присутствующихъ сѣсть за столъ и помянуть за трапезой покойнаго.

За похороны платятъ батюшкѣ рублей пять.

На похоронномъ обѣдѣ подается холодецъ, солонина, баранина, свѣжина.

На шестинедѣльномъ поминовеніи подается кисель съ медомъ.

Плачутъ женщины и причитываютъ, когда причищаютъ покойнаго, когда хоронятъ, когда поминаютъ.

Ежели ѣдетъ встрѣча, когда несутъ покойника, то ждутъ еще покойника въ скоромъ времени.

Когда покойникъ умретъ, и въ немъ до обѣда «крова̀» не захолодаютъ, то ожидаютъ въ скоромъ времени еще покойника.

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по матери.

Родная ты мая матушка, что-жъ ты мине, малую сиротинушку, покинула и съ малыми дѣтками своими?

Скажи, мая родная матушка, какъ мнѣ съ ними горя проводить? Какъ мнѣ ихъ узрастить?

Куды мнѣ маю нисчасную галовушку опридилить?

Скажи, родная матушка, хто мною будить клопота̀ть и пичалитца; хто мнѣ што пригадаить и хто мнѣ што придумаить?

Хто мине будить работушки привучать и хто мине будить на разумъ наставлять?

И кому я нада, и кому я жалка?

Правѣть, мая родная матушка, хуть единственная словичка какъ мнѣ съ малости лѣтъ горюшка гаривать и къ кому мнѣ пріютитца и къ кому мнѣ приклану̀тца.

Радимый жа мой батюшка нипастаянный жизни, и тожъ онъ самъ у дварѣ ни

живётъ. Одна жъ у мине родная тётушка—тая у бѣдности живётъ ничаво она мнѣ ни пумагѐть.

Дѣтки маи малыи, дѣтки маи дробныи, радимый мой братицъ, радимая мая сестрица, пойыйдитя къ сваей родный матушки и успрасйтя у сваей родный матушки, у бабушки, на каво ана надѣилась...

Ана жъ знаить наша радимая матушка, што у ей никаво радныхъ нѣтути.

Каба жъ намъ малымъ дѣткамъ и дробнымъ сиротамъ каба жъ была сродствія какàя!...

Какъ у прочихъ матакъ родный батюшка —онъ ба нашъ былъ родный дядюшка: каба жъ тибѣ, родная матушка, былъ родимый братчикъ, іонъ ба намъ былъ родный дядюшка: онъ ба насъ пріючалъ и онъ ба намъ горюшка разсказалъ.

(с. Пятницкое, Мосальскаго уѣзда).

Причитаніе „на дитья".

Дѣтки мяи малыи, дѣтки маи жалкаи, ня гнѣвайтись, маи дитя̀тушки, што я за вами плоха хадила—вѣрно, а васъ ни накармила и ни напоила!..

Когда вы наражались, я тольки Господа Бога и просила, каба васъ только у хрящёную вѣру увести, а пампрёшь—и Бохъ съ табою!...

Жизнь мая нипастаянная, судьба мая нисчасная!... И съ маласти лѣтъ я горя приняла и съ маладо̀сти я дабра ни видала и къ старости сибѣ дабра ни съ откѐда ни вижу: и ноженьки сваи я притаптала и ручиньки сваи я примахала—чужіи работушки работала...

Ну, вы, дѣтки маи милыи, пумалитя Господу Богу аба мнѣ, каба мнѣ Гаспотъ вѣку укаратилъ: я ажидаю таво! што къ старасти кармить—паить мнѣ некаму и печалитца мною некаму...

(с. Пятницкое, Мосальскаго уѣзда).

Причитаніе, какъ мужа въ солдаты провожала.

Друхъ жа ты мой, друхъ жа ты мой жалкый!

Ягада жъ ты мая ни саспѣлая, ягада жъ ты мая нисазрѣлая, твой жа родный батюшка и твая родная матушка и твае родныи братцы усё тибѣ гаварили «мы пайдемъ длинную дорогу мѣрить—ты атста̀нисься дома»...

А родная мать и скажить: «дурная галава добраю съѣсть да канца: пайдётъ мая дитя Аликсѣюшка, а ты атста̀нисься дома—такой нигадяй!»

Ни знала твая родная матушка, што ету тибѣ нужду снесть; не знала твая радимая, что ету тибѣ длинную дорогу мѣрить.

Ну, пращай, мой милый друхъ: атставилъ ты мине, милый друхъ съ младасти лѣтій горя горивать и чужія дворы мнѣ считать, чужимъ атцамъ съ матирими служить.

Прикажи, мой милый друхъ, свайму родныму батюшки, када я буду мима итить, и зайду къ имъ за госьтя, штоба ины мине пакармили и напаили, штоба добрымъ мине словамъ пріютили—и тымъ я буду давольна и благадарна.

(с. Пятницкое, Мосальскаго уѣзда).

Причитаніе по мужу.

Куда жъ ты, милый дружичка, и харашо ли тибе я, милый дружичка, вабра̀ла?!

Что же ты, милая дружичка, ты мине съ маладыхъ гадочкавъ бросилъ и съ малыми дѣтушками?!

Я за тобою, милый дружичка, пажила и въ волюшки и въ холюшки; была я адѣта и абута; была я и сыта, и давольна.

Ни дай мнѣ, милый дружичка, мнѣ, горькей, мучитца—и паложьтя вы, мине, горькію, къ сибѣ рядушкамъ и сваихъ дѣтушикъ милыхъ ни даращоныхъ.

Када падходимъ къ магилачки, просимъ:

— Разступись, матушка сыра зимля, раскалися, грабава доска! Распалыхнитись, бѣлы полатны! Развидй свои уста халодныи и прикажи мнѣ, милый дружичка, какъ мнѣ малалѣтныхъ возрастать будить. (с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Дочь причитываетъ:

Харашо ли тибе, матушка, харашо ли тибе, родная, я тибе сабрала?!

Куды жъ ты, матушка, скора паспишила?!

Въ какую ты дарожиньку ты атправляяшьси, въ дарожиньку нивазвратимую?

Ты, мая матушка родная, была привѹмница, придѹмщица... прійдимъ къ тибѣ, горькіи, въ гости мы съ сваимъ горимъ, а ты мине, матушка, всё взвисяляишь!...

Чаво мнѣ ни дастанить, чаво мнѣ ни прибритѣть мужъ съ плахою галовушкаю, ты мнѣ, бывала, всё всё дабавляишь.

Нахажусь разутая и раздѣтая—сжальтись да мине да горькій и ни дайте мнѣ на бѣламъ свѣти горюшка мыкать.

Подходя къ могилѣ вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго, дочь причитываетъ громко выкликивая:

«Разступись, матушка сыра зимля, и раскатись, грабава даска, и распалыхнитись, бѣлы полатны—развидйтя сваи уста халодныи, ускройтя сваи ясны очи, матушка, и скажите хуть одно мнѣ словичка—вы бъ умолили Господа Бога и положили бъ вы мине горькію съ малыми дѣтушками къ сибѣ рядушкамъ.

Причитаніе по ребенку.

Что жъ ты, дѣтычка милая, куды жъ ты сабралси? Или я, дѣтычка, за табою плоха хадила? Ни за чѣмъ, дѣтычка, я ни кидаласи, ни за какою работашкаю... я тибе наблюдала: я думала, што тибе узращу—всё на тибе радовалася—думалась вырастить къ старасти на пракармленіе. (с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по родителямъ.

Радимый батюшка, что же вы, родный батюшка, уздумали? Какую вы дарожинькю сабралися? И вы мине, радитили, бросили втакую горькую—ни дорастили вы мнѣ маихъ малалѣтныхъ!

И вы мине, горькію и нисчасную, вы бъ мине палажили бъ къ сибѣ падъ правая крылушка... И какъ вы, мои радители, очинь скора паспишили и аставили мине горькію нисчасную! Я, матушка гасударыня, ни магу безъ васъ сваихъ малалѣтныхъ возрастить—и находимся мы, радитили, и галодныи и халодныи!

Вы бъ, маи радитили Госпада Бога аба мнѣ абъ горькій, и палажили бъ маихъ малалѣтныхъ вы къ сабѣ подъ правыя крылушка, и ни дайтя вы имъ па чужимъ углушкамъ шататца!... (с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по отцу.

Радимый батюшка жаланный, што жъ ты мине горькую бросилъ биздачорную *)?
На каво жъ ты мине спакинулъ?
Асталась я горькія нисчастная круглая сирата!
Заставилъ ты мине, батюшка, кукушкай кукувать, горькый пташкай гаревать:...
Не съ кимъ мнѣ, батюшка, словичка сказать, негдѣ мнѣ, горькій, несчастный,

*) Въ словѣ «биздачорную» «*б*» произносится какъ «*п*».

глазачки простудить. Не съ кимъ мнѣ падумать, не съ кимъ мнѣ посавѣтыватца. А ты, батюшка, былъ мнѣ придумщикъ, былъ са мной савѣтщикъ. Када я ни пайду съ какимъ горюшкамъ, ты са мной падумаишь, ты са мной пасавѣтуишь. Отдумалъ *) радимый мой батюшка, отсовѣтывалъ! прашшай, мой родный батюшка, прашшай, жаланный! Ускрой свои ясны вочушки, прамолви, батюшка, хуть адно словичка! Кличу я тибе, батюшка родный, кличу, ни дакличуся!

Ничаво ты, батюшка родный, на эты славечушки, ничаво ты мнѣ ни атмолвилъ!

Пакланись ты, мой родный батюшка, маей родный матушки; разскажи ты родный матушки, какъ я горькая, несчасная, бизъ тибе горюшка мычу съ малалѣтными съ дѣтушками.

(с. Желѣзцево, Перемышл. уѣзда).

Тетка утѣшаетъ плачущую.

— Не плачъ, не плачъ, милая: какъ нибудь Гаспоть абдумаитъ! таперь сами стали матирьй!

— Какъ жа мнѣ, тетушка радимая, ни плакать, ни гаревать. Остались мы горькіи, нисчастныи, кругомъ горькіи безродныи...

Причитаніе по ребенку.

Охъ, ты, милый мой дитёначикъ, жаланный ты, мой дитенакъ, што ты уздумалъ, што ты загадалъ: либо ты галодёнъ былъ, либо ты халадёнъ былъ...

Куда жъ ты, мой дитёначикъ, куда жъ ты паспишаишь, у какую путь—дарожиньку? Аткуда намъ, дитёначикъ, тибе дажидатца?

Скажи, мой дитёначикъ, въ какой день иебе паджидать, въ какой празникъ.

Хадила я за табой хадила, ночки ни спала, все думала пиримѣнушки даждусь!

(с. Желѣзцево, Перемышл. уѣзда).

Сообщ. *В. Н. Добровольскій.*

О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо-тихо-океанской экспедиціи.

(Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества).

Пользуемся промежуткомъ свободнаго времени, чтобы сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ и задачахъ Сибирскаго Полярнаго Отдѣла Сѣверо-тихо-океанской Экспедиціи. Составъ экспедиціи въ настоящее время увеличился двумя новыми членами. Одинъ изъ нихъ Норманъ К. Бёкстонъ—американецъ, и прикомандированъ къ нашему отдѣлу Зоологическимъ Департаментомъ Музея въ качествѣ коллекціониста-зоолога и отчасти ботаника. Г. Бёкстонъ участвовалъ въ Экспедиціи, снаряженной въ 1896 г. Филадельфійской Академіей Наукъ къ мысу Барро для составленія этнографическихъ и зоологическихъ коллекцій, которыя въ настоящее время разработываются въ г. Филадельфіи, въ вышеназванной Академіи. Другой изъ новыхъ членовъ экспедиціи Александръ Аксельродъ—швейцарецъ, студентъ Цюрихскаго Политехникума и приглашенъ нами въ качествѣ помощника при производствѣ этнографическихъ и антропологическихъ работъ. Музей снабдилъ насъ также метеорологическими и геологическими инструментами, и, насколько позволитъ досугъ, мы будемъ собирать свѣдѣнія и по этимъ отдѣламъ. Г. Бёкстону инструкція зоологическаго департамента указываетъ обратить главное вниманіе на мелкихъ млекопитающихъ, затѣмъ также на крупныхъ млекопитающихъ,

*) *О* въ словѣ «отдумалъ» произносится съ большою выразительностію.

птицъ и рыбъ. Онъ будетъ также заниматься собиранiемъ растенiй для гербарiя и насѣкомыхъ.

Главной задачей экспедицiи является однако ея этнографическая часть, а именно подробное изученiе трехъ народностей сѣверо-востока Азiи: юкагировъ, коряковъ и чукочъ съ точки зрѣнiя этнологической, лингвистической и соматологической. Коллекцiи Экспедицiи должны охватить весь объемъ матерiальной и духовной жизни племенъ и, кромѣ различныхъ предметовъ туземнаго производства, будутъ заключать обширное собранiе антропологическихъ фотографiй, антропометрическихъ измѣренiй и гипсовыхъ масокъ. Для этой цѣли у насъ имѣется пять фотографическихъ аппаратовъ различной системы, 3.000 пластинокъ, два фонографа, два прибора антропометрическихъ инструментовъ системы проф. Бонза и проч. Изученiе другихъ племенъ той же области: ламутовъ, аратскихъ эскимосовъ (быть можетъ, даже камчадаловъ) тоже будетъ производиться, хотя по инструкцiи Музея оно имѣетъ только второстепенное значенiе. Впрочемъ, составленiе подробныхъ плановъ работы и распредѣленiе ея отдѣловъ предоставлено музеемъ на наше усмотрѣнiе, но съ тѣмъ, чтобы матерiалы, собранные нами во время нашей предыдущей Экспедицiи, послужили отправнымъ пунктомъ для новыхъ работъ.

Музей предоставилъ въ наше распоряженiе средства, вполнѣ достаточныя для успѣшнаго веденiя работъ, и общая сумма расходовъ по нашему Отдѣлу въ настоящее время достигаетъ 15.000 долларовъ.

Въ Нью-Iоркѣ мы провели три недѣли, занимаясь подготовленiемъ къ экспедицiи. Проф. Бонзомъ за это время былъ организованъ рядъ собранiй, гдѣ принимали участiе различные члены Сѣверо-тихо-океанской экспедицiи, находившiеся въ Нью-Iоркѣ (г.г. Бертольдъ Лауферъ, Гарланъ Смитъ, К. Фаррапъ и др.), а также и другiе заинтересованныя лица. На этихъ собранiяхъ происходилъ обмѣнъ мнѣнiй по различнымъ вопросамъ этнологiи народовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Тихаго Океана, и между прочимъ былъ прочитанъ рядъ рефератовъ профессоромъ Бонзомъ объ эскимосскомъ языкѣ, Богоразомъ о чукотскомъ языкѣ, Iохельсономъ о юкагирскомъ языкѣ и д. Б. Лауферомъ о языкѣ айновъ. Докторъ Лауферъ два мѣсяца тому назадъ вернулся изъ Азiи, гдѣ онъ провелъ вь качествѣ члена Сѣверо-тихо-океанской экспедицiи два года среди гиляковъ, гольдовъ и айновъ. Въ настоящее время, онъ находится въ Нью-Iоркѣ и намѣревается приступить къ обработкѣ своихъ матерiаловъ. Вскорѣ послѣ прiѣзда онъ прочелъ докладъ о своихъ работахъ въ Нью-Iоркскомъ этнологическомъ обществѣ.

Изъ С.-Франциско мы отправляемся завтра черезъ Гонолулу и Нагасаки во Владивостокъ, куда разсчитываемъ прибыть въ началѣ русскаго мая.

Во Владивостокѣ мы займемся окончательной организацiей экспедицiи, разборкой запасовъ, отправленныхъ нами туда изъ Одессы, С.-Петербурга, Москвы, Антверпена, Нью-Iорка и С.-Франциско. Общiй вѣсъ нашей клади вмѣстѣ съ тѣми запасами, которые будутъ прiобрѣтены во Владивостокѣ достигаетъ 1000 пудовъ. Во Владивостокѣ экспедицiя раздѣлится на двѣ партiи. Первая подъ руководствомъ Богораза отправится въ Анадырскiй край и къ Берингову морю. Другая подъ руководствомъ г. Iохельсона— въ Гижигинскiй округъ. Обѣ партiи имѣютъ съѣхаться зимою въ Гижигѣ, откуда Богоразъ возвратится на чукотскiй полуостровъ, и закончитъ полевыя работы осенью 1901 года; къ тому времени имѣетъ за нимъ прiѣхать спецiальный пароходъ. Г. Iохельсонъ имѣетъ окончить свои работы въ Гижигинскомъ округѣ лѣтомъ 1901 года, послѣ чего онъ долженъ черезъ Становой хребетъ перейти въ верховье Колымы для дополненiя своихъ матерiаловъ о юкагирахъ. Обратный путь въ Нью-Iоркъ онъ совершитъ черезъ Якутскъ, Иркутскъ и С.-Петербургъ. По дорогѣ г. Iохельсону поручено составить Якутскую коллекцiю, для которой ассигнована спецiальная сумма.

Таковы въ общемъ планы нашего отдѣла Сѣверо-Тихо-Океанской экспедицiи.

Предъ отъѣздомъ изъ Нью-Iорка мы просили проф. Бонза посылать Вамъ копiи нашихъ отчетовъ Музею о ходѣ нашихъ работъ.

Владимiръ Богоразъ. В. Iохельсонъ.

С.-Франциско.
16/3 Апрѣля 1900 г.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 3 р.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

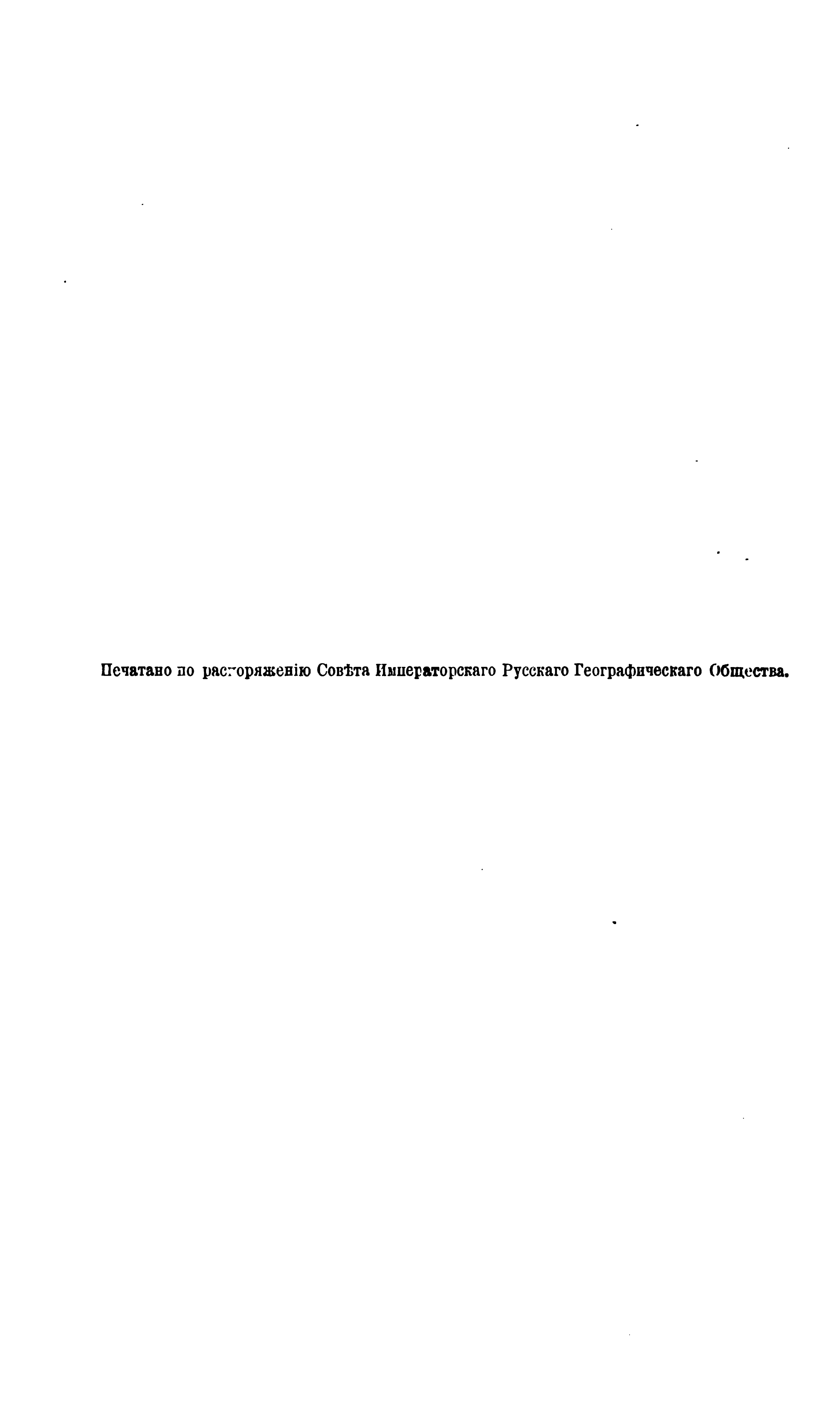
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900



Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Желаніе уяснить себѣ смыслъ и происхожденіе народныхъ миѳовъ, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ привело ученыхъ нашего времени къ необходимости сравнительнаго метода въ этнографіи, а сравнивая между собою записи этнографическаго матерьяла, добытаго отъ разныхъ народовъ земного шара, они неожиданно для себя натолкнулись на поразительное сходство всѣхъ сторонъ народной жизни не только у племенъ близкихъ между собою по языку, но и у такихъ, между которыми до тѣхъ поръ ничего общаго не предполагалось.

Оказалось, что многіе миѳы, вѣрованья, обряды и обычаи, которые прежде считались неотъемлемой принадлежностью какой-либо одной этнографической группы, имѣются въ такомъ же видѣ и у другихъ. Появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ международныхъ миѳовъ, международныхъ вѣрованій, международныхъ обычаевъ и т. д., число которыхъ чуть не съ каждымъ днемъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ этнографическія изслѣдованія становятся глубже и область ихъ вѣдѣнія расширяется. Дошло наконецъ до того, что въ настоящее время трудно указать какое-либо вѣрованье, какой-нибудь обрядъ, которые принадлежали бы исключительно одной этнографической группѣ и внѣ ея нигдѣ болѣе не встрѣчались.

Замѣчательно, что международная общность не ограничивается какой-либо одной стороной народной жизни, но охватываетъ положительно всѣ ея стороны, начиная съ религіозныхъ вѣрованій и миѳовъ и кончая костюмами и мельчайшими деталями домашняго хозяйства.

Каждому образованному человѣку хорошо извѣстно, напримѣръ, широкое распространеніе по земному шару культа огня, культа камня, культа деревьевъ, культа водяного божества, вѣры въ дурной глазъ, вѣры въ колдовство и проч. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи, приводимое у Тайлора, число народовъ земного шара, между которыми распространены малоизвѣстные и непонятные обычаи. Такъ напримѣръ обычай называть отца по имени сына

найденъ у 34 народовъ, обычай, въ силу котораго родственники мужа воздерживаются отъ разговоровъ съ родственниками жены—у 66 народовъ, обычай левирата—у 120 народовъ и т. д. (1).

Неоспоримый въ настоящее время для европейской науки фактъ существованія международныхъ вѣрованій, обычаевъ и проч. не могъ пройти незамѣченнымъ въ ученомъ мірѣ, ибо онъ до нѣкоторой степени противорѣчитъ установившимся въ цивилизованномъ обществѣ взглядамъ на историческое прошлое человѣчества, на происхожденіе его цивилизаціи, на прогрессивное развитіе человѣческихъ обществъ и пр. А потому очень естественно, что усилія этнографовъ нашего времени направлены, во-первыхъ, къ выдѣленію всѣхъ тѣхъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч., которые могутъ считаться международными, а во вторыхъ къ выясненію причины ихъ происхожденія.

Но этнографическій матерьялъ разбросанъ въ десяткахъ цивилизованныхъ городовъ, въ сотняхъ библіотекъ и музеевъ, въ тысячахъ книгъ, изданныхъ чуть ли не на всѣхъ языкахъ міра, имѣющихъ письменность. Поэтому подъискать весь собранный и изданный на земномъ шарѣ матерьялъ даже по одному какому нибудь самому ничтожному вопросу немыслимо для одного человѣка. Вотъ почему вопросы о международныхъ вѣрованьяхъ во всѣхъ цивилизованныхъ центрахъ Европы принято разрабатывать коллективно. Въ этнографическихъ журналахъ западной Европы въ настоящее время можно найти не мало такого рода изслѣдованій. Кто-либо изъ этнографовъ даетъ иниціативу къ разработкѣ того или другого международнаго вѣрованія или обычая, указывая на его широкую распространенность, и вслѣдъ затѣмъ появляется цѣлый рядъ работъ по тому же вопросу, подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, принадлежащихъ людямъ различныхъ національностей, незнакомымъ между собой, живущимъ въ различныхъ городахъ и ничѣмъ несвязаннымъ кромѣ сотрудничества въ одномъ и томъ же журналѣ и общей имъ всѣмъ любви къ знанію.

Въ нашихъ этнографическихъ журналахъ также попадаются подобнаго рода коллективныя работы, но онѣ не бросаются въ глаза потому, что сравнительно рѣдки и не получили еще такой правильной организаціи, какъ за границей.

Что касается причинъ происхожденія международныхъ вѣрованій, то онѣ неизвѣстны, и западные ученые расходятся по этому поводу во мнѣніяхъ. Одни думаютъ, что человѣчество, одаренное отъ природы однообразной тѣлесной и психической организаціей, проходя по одному и тому же пути развитія, могло придти совершенно независимо въ разныхъ мѣстностяхъ къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ и обычаямъ. Другіе, наоборотъ, принимая въ разсчетъ сложность психической жизни человѣка и безконечное разнообразіе природы

вообще, не допускаютъ мысли, чтобы одно и тоже весьма сложное вѣрованье могло быть воспроизведено въ мельчайшихъ подробностяхъ въ разныхъ концахъ земного шара совершенно независимо. Они допускаютъ передачу и распространеніе вѣрованій отъ народа къ народу и расходятся лишь въ указаніи путей, которыми такая передача могла совершиться. Одни ищутъ посредниковъ по передачѣ вѣрованій въ купцахъ, въ женахъ, похищавшихся изъ среды чуждыхъ племенъ, и наконецъ въ народностяхъ вродѣ цыганъ, ведущихъ бродячую жизнь. Другіе передачу вѣрованій стараются объяснить передвиженіемъ народовъ и колонизаціей въ доисторическія времена.

Такое разногласіе во мнѣніяхъ вполнѣ естественно, такъ какъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, еще очень мало изслѣдованъ. Чтобы прійти въ этомъ дѣлѣ къ какому-нибудь соглашенію нѣтъ другого средства какъ изучить спорный вопросъ въ его мельчайшихъ деталяхъ.

Вотъ одна изъ необходимостей, заставляющихъ этнографовъ собирать международныя вѣрованья, обряды, обычаи и пр. и изслѣдовать ихъ географическое распространеніе по земному шару. Но такихъ необходимостей можно было бы насчитать очень много. Достаточно лишь припомнить, что ни одинъ обычай, ни одно вѣрованье нельзя сколько нибудь удовлетворительно понять и объяснить, не прослѣдивши ихъ варіанты на возможно большемъ пространствѣ земного шара. Словомъ этнографической наукѣ предстоитъ рѣшить неизбѣжную и весьма трудную задачу: изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ международныя вѣрованья и объяснить ихъ происхожденіе. Не рѣшивши этой задачи, она не въ состояніи была бы продолжать свое движеніе впередъ.

Имѣя въ виду все сказанное, и мы, печатая настоящую статью, льстимъ себя надеждой, что она не будетъ лишнею въ ряду другихъ этнографическихъ изслѣдованій послѣдняго времени, несмотря на то, что вопросъ, нами взятый, „Труба въ народныхъ вѣрованьяхъ“, самъ по себѣ весьма маловаженъ. Мы собирали все, что только могли достать по этому вопросу, но отнюдь не имѣли въ виду его исчерпать. Какъ уже было говорено выше, такое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ трудолюбивъ и долговѣченъ. Съ насъ довольно и того, что вопросъ о трубѣ, незатронутый или почти незатронутый въ этнографической литературѣ, будетъ поднятъ, поставленъ на очередь и нѣсколько разъяснится темнота, его окружающая.

Трубою мы называемъ духовой музыкальный инструментъ, состоящій изъ полаго внутри цилиндрическаго или коническаго сосуда съ двумя отверстіями на двухъ концахъ его, однимъ широкимъ (раструбомъ), а другимъ малымъ, не превышающимъ площади рта (мундштучнымъ). Звукъ въ этомъ инструментѣ получается прохожденіемъ воздуха черезъ узкую щель

между двумя сближенными губами, плотно прижатыми къ малому, или мундштучному отверстію инструмента. Отъ инструментовъ изъ рода флейтъ труба отличается во-первыхъ способомъ выдуванія звука. Въ этихъ послѣднихъ губы музыканта не накрываютъ мундштучнаго отверстія и нота происходитъ отъ разсѣканія струи воздуха объ острый край отверстія. Во вторыхъ труба не имѣетъ какъ флейта дырочекъ для измѣненія тона перебираніемъ пальцевъ. Этимъ же послѣднимъ свойствомъ она отличается и отъ инструментовъ изъ рода гобоя и кларнета и сверхъ того отсутствіемъ вибрирующихъ тросточекъ и язычковъ, служащихъ для воспроизведенія звука въ этихъ двухъ послѣднихъ инструментахъ. Кромѣ того труба отличается отъ другихъ духовыхъ инструментовъ своимъ густымъ и сильнымъ звукомъ, слышимымъ съ далекаго разстоянія и тѣмъ еще, что она издаетъ очень мало звуковъ, раздѣленныхъ между собою интервалами, несравненно большими, чѣмъ въ остальныхъ духовныхъ инструментахъ. Это послѣднее свойство трубы до самыхъ новѣйшихъ временъ, когда она была усовершенствована, дѣлало ее непригодной къ воспроизведенію обыкновенныхъ мелодій, и потому труба не была инструментомъ музыкальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а преимущественно сигнальнымъ и религіознымъ, обстоятельство особенно увеличивающее интересъ къ этому инструменту съ точки зрѣнія этнографической.

Раковины трубы.

Самой первобытной трубой человѣка былъ, вѣроятно, его собственный кулакъ. Замѣтивши, что кулакъ, приложенный ко рту, усиливаетъ звукъ голоса и нуждаясь въ такомъ усиленіи для сношенія съ себѣ подобными, человѣкъ естественно ищетъ въ окружающей его природѣ трубообразные предметы, способные по своей формѣ съ выгодой замѣнить его кулакъ. Такой предметъ онъ находитъ между крупными морскими раковинами и рогами животныхъ, и, вѣроятно, употребляетъ ихъ первоначально въ формѣ рупора или говорной трубы. Упражненіе съ такимъ рупоромъ и свистъ губами въ его узенькое отверстіе приводятъ человѣка къ открытію трубнаго звука. Несомнѣнно, что простѣйшій и самый первобытный видъ трубы были именно морскія раковины и рога дикихъ или домашнихъ животныхъ, такъ какъ приготовить подобный инструментъ нѣтъ ничего легче, стоило только отбить тонкій конецъ раковины или отрѣзать тонкій конецъ рога. Очевидно, что раковины были приспособлены въ качествѣ инструментовъ впервые непремѣнно жителями странъ приморскихъ, тропическихъ или подтропическихъ, гдѣ встрѣчаются крупныя раковины, а рога могли быть приняты и жителями странъ сухопутныхъ. То и другое случилось конечно въ очень отдаленныя отъ насъ

доисторическія времена, но что было принято ранѣе, рогъ или раковина, рѣшить пока еще очень трудно. Намъ кажется, что вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, гдѣ была колыбель человѣческой цивилизаціи.

Изъ собраннаго нами здѣсь матерьяла видно, что центромъ распространенія по земному шару раковинъ—трубъ, повидимому, нужно считать переднюю Индію.

Въ комментаріяхъ къ Ведамъ или Эзуръ-Ведамъ браминовъ въ числѣ инструментовъ, извѣстныхъ древнимъ индусамъ, называется раковина—труба сонгъ (çankha), употреблявшаяся въ качествѣ музыкальнаго инструмента браминами (2). Въ болѣе позднія времена, въ 1792 году, англійскій историкъ Краффордъ сообщалъ, что въ береговой полосѣ Индостана трубятъ въ древнюю трубу изъ раковины (3). Инструментъ этотъ существуетъ въ Индіи и до настоящаго времени (4). Въ Лондонскомъ India Museum сохраняется очень дорогая и рѣдкая коллекція изъ пяти индійскихъ раковинъ-трубъ, принадлежавшихъ, по народному преданію, пяти братьямъ Пандава; каждая изъ нихъ носитъ свое названіе:

1) Ananda vijava (изъ рода Triton) съ бурыми и желтыми пятнами и полосками.

2) Paundra (родъ Turbo)—съ радужной жемчугообразной поверхностью,

3) Devadatta (родъ—Turbinella)—бѣлая съ розовыми жилками, съ вырѣзанными на ней цвѣткомъ и почкой лотоса (см. табл. II, № 22),

4) Sughosha (родъ—Rostellaria)—бурая съ бѣлой внутренней поверхностью.

и 5) Munipushpaka (родъ—Trochus)—съ радужной жемчугообразной наружной поверхностью.

Кромѣ этой коллекціи раковинъ—трубъ въ томъ же музеѣ есть и другія, также индійскія:

6) Ananta vijaya (родъ Turbinella) бѣлая съ вырѣзаннымъ на ней цвѣткомъ и почкой лотоса.

7) Gomukha (родъ Cassis) шероховатая съ неровной поверхностью, внутри желто-бурая.

8) Barataka (родъ Pterocera) тоже шероховатая съ пятью выдающимися желваками у края.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ раковинъ есть и въ Берлинскомъ музеѣ, но видомъ своимъ онѣ не всегда сходятся съ англійскими:

9) Sughosha—маленькая бѣлая (ср. съ № 4),

10) Ananta widschaja—желтая (ср. съ № 6),

11) Gomukha—совершенно одинаковая съ № 7,

12) Harataka—желтая (названіе сходно съ № 8),

13) Sankha—небольшая бѣлая.

Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet также выставлена одна совершенно бѣлая раковина—труба изъ Индіи, но безъ всякаго названія.

Мундштуки у всѣхъ этихъ раковинъ металлическіе и придѣланы къ отбитому острому концу ихъ. Ось мундштучной трубки совпадаетъ съ осью раковины.

Такія же раковины—трубы распространены во всѣхъ странахъ Азіи, гдѣ господствуетъ буддизмъ.

Въ Берлинскомъ музеѣ есть одна бѣлая раковина изъ Бутана въ Гималаяхъ и такая же изъ Тибета.

Въ Кенсингтонскомъ музеѣ сохраняются бѣлыя раковины изъ Китая. Есть онѣ, по словамъ нашего соотечественника, А. Позднѣева (5) и въ Монголіи въ буддійскихъ кумирняхъ подъ названіемъ дунъ-бурѣ или дунъ-гаръ (по монгольски лабай), а также у бурятъ въ Забайкальи въ ихъ дацанахъ (храмахъ) (6) и у калмыковъ Европейской Россіи въ ихъ хурулахъ (кумирняхъ) (7).

Докторъ Мартенсъ въ своей статьѣ о трубахъ—раковинахъ (8) говоритъ, между прочимъ, о японскихъ трубахъ; онъ опредѣляетъ даже видъ ихъ: Tritonis sauliae. Въ Гамбургскомъ музеѣ für Kunst und Gewerbe выставлена японская раковина—труба подъ названіемъ japanisches Hora (табл. II, № 25). Она относится къ 17 или 18 вѣку; длиною эта раковина до $^1/_2$ аршина, съ трубчатымъ серебрянымъ мундштукомъ, украшеннымъ художественной рѣзьбой. По углубленіямъ раковины, идущимъ по спирали, она перевита серебряной проволочной цѣпочкой. Вся раковина покрыта золотымъ лакомъ, а на широкой ея части врѣзаны въ видѣ инкрустаціи золотыя японскія письмена. Кромѣ того двѣ японскія раковины—трубы, снабженныя мѣдными посеребренными мунштуками, есть и въ Лейпцигскомъ музеѣ.

Изъ Лаоса (въ Индокитаѣ) бѣлая раковина—труба съ мѣднымъ мундштукомъ сохраняется въ Парижскомъ музеумѣ Guimet (табл. II, № 24).

Далѣе раковины—трубы распространяются на островахъ Индійскихъ:

Съ мелкихъ острововъ около Явы въ Берлинскомъ музеѣ есть три раковины съ такими же мундштуками, какъ и въ Индіи, но у раковинъ—трубъ (Тагоэри, тагури или тагуніа) въ томъ же музеѣ, принадлежащихъ племенамъ Альфуровъ, Сэрангъ, Горонгъ и туземцамъ острова Буру, мундштука уже не имѣется, а вмѣсто него устроено круглое мундштучное

отверстіе сбоку раковины. Туземцы острова Буру называютъ этотъ инструментъ huhut.

Въ Австраліи раковины—трубы есть въ Меланэзіи и Микронэзіи, на О-вѣ Новая Гвинея, на О-хъ Фиджи, Адмиралтейства, Гервей, Таити, Маркизовыхъ и Филиппинскихъ. Мѣстныхъ названій ихъ кромѣ будіонгъ (филиппинск. о-въ) намъ не удалось узнать.

Въ музеяхъ: Британскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ сохраняется 33 экземпляра Австралійскихъ трубъ—раковинъ, большинство которыхъ, также какъ и у Альфуровъ, имѣетъ мундштучное отверстіе сбоку и только у 8-ми (6 изъ Меланезіи, 1 съ О-въ Адмиралтейства и 1 съ О-въ Фиджи) отверстіе это въ самомъ тонкомъ концѣ, какъ въ Азіи. Діаметръ бокового мундштучнаго отверстія около 1-го дюйма. Трубящій въ раковину держитъ ее какъ флейту, т. е. раструбомъ въ бокъ. Губы свои, не смотря на то, что края мундштучнаго отверстія довольно остры, трубачъ прижимаетъ прямо къ поверхности раковины за исключеніемъ одного случая (съ О-въ Таити), гдѣ въ боковое отверстіе раковины вдѣланъ деревянный мундштукъ около 1 вершка длиной. Большинство Австралійскихъ раковинъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній за исключеніемъ двухъ, съ Маркизовыхъ островов, которыя украшены веревками изъ человѣческихъ волосъ.

Въ Америкѣ раковины—трубы существовали у воинственныхъ краснокожихъ племенъ Центральной Америки еще до прихода туда Европейцевъ. Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet есть Мексиканская труба—раковина, сдѣланная впрочемъ не изъ настоящей раковины, а изъ глины (terre cuitte) въ подражаніе виду раковины, причемъ съ тонкаго конца къ ней придѣланъ, какъ у Азіатскихъ трубъ, короткій трубчатый мундштукъ, а раструбу художникъ придалъ видъ раскрытой пасти какого-то звѣря (табл. I, № 2). По свидѣтельству миссіонеровъ 18-го столѣтія, труба изъ раковины Strombus gigas употреблялась въ старину и у негровъ на сахарныхъ плантаціяхъ Вестъ-индскихъ островов (9). Въ Южной Америкѣ въ настоящее время уже не находятъ болѣе трубъ—раковинъ, но, по свидѣтельству Георга Марсграфа, въ 1640 г. онѣ еще были извѣстны въ Бразиліи (10).

Въ Африкѣ труба—раковина извѣстна только на о-вѣ Мадагаскарѣ (11) на материкѣ же ея вовсе не знаютъ. Одинъ экземпляръ Мадагаскарской раковины съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Австраліи, мы находимъ въ Парижскомъ музеѣ Трокадеро (табл. I, № 29).

Въ Европѣ этотъ инструментъ существовалъ у древнихъ грековъ подъ названіемъ Lepadas (λεπάδας), о чемъ упоминается у Гомера и у грамматика Аристафана (12), а у древнихъ римлянъ его называли Buccina marina (13).

И до сихъ поръ еще трубы—раковины сохранились въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Есть онѣ у простонародья въ Кампаніи, у рыбаковъ на островахъ Эльба и Сицилія (14), у пастуховъ Португаліи, (15) въ южной Франціи (изъ провинціи Alpes Maritimes есть одна раковина въ музеумѣ Трокадеро въ Парижѣ) и наконецъ у чешскаго простонародья (16). Чешскія трубы—раковины были выставлены на Пражской этнографической выставкѣ 1895 года. По описанію Фр. Pareka (17) онѣ принадлежатъ къ роду Fussus Medius, бѣлыя съ свѣтло-красными пятнами. Мундштукъ у нихъ латунный вродѣ того, какъ у индійскихъ трубъ.

Трубы изъ роговъ животныхъ.

Распространеніе этихъ трубъ по земному шару нѣсколько шире, чѣмъ трубъ—раковинъ можетъ быть уже потому, что рога животныхъ матерьялъ болѣе доступный для человѣка, чѣмъ крупныя морскія раковины. Опредѣлить центръ ихъ распространенія представляется довольно затруднительнымъ, а потому мы начнемъ съ евреевъ, у которыхъ рогъ и по настоящее время считается священнымъ инструментомъ.

У древнихъ евреевъ еще въ книгахъ Моисея упоминаетъ рогъ шофаръ, который, по мнѣнію однихъ, приготовлялся изъ бараньяго или воловьяго рога, сильно изогнутаго, а, по мнѣнію другихъ, изъ мѣди и серебра. Другой сортъ рога—трубы, менѣе изогнутой, назывался керенъ (18). Этой послѣдней трубы современные евреи уже не знаютъ, но шофаръ, сдѣланный изъ бараньяго рога, имѣется въ настоящее время при каждой еврейской синагогѣ. У русскихъ евреевъ названіе его произносится въ разныхъ мѣстностяхъ различно: шоферъ, шойферъ, шофоръ, шуфаръ и т. д. Что касается способа его приготовленія, то онъ предусмотрѣнъ въ Талмудѣ до мельчайшихъ подробностей и, хотя правила эти первоначально имѣли въ виду чистоту звука инструмента и удобства игры на немъ, но составители Талмуда, по ихъ обыкновенію, пересолили. Минимальной длиной для шофера, по Талмуду, принимается средняя ширина ладони взрослаго человѣка. Натуральная форма рога не должна быть измѣнена, но дозволяется выбирать и прямые и изогнутые, послѣдніе впрочемъ считаются болѣе красивыми. Не дозволяется красить „шоферъ“ или разрисовывать его красками, но гравированные и рѣзные рисунки дозволяются. Оковывать рогъ серебромъ или золотомъ дозволяется, но по извѣстнымъ правиламъ, а именно: между губами трубача и рогомъ не должно быть никакого посторонняго тѣла, мѣсто, за которое рогъ держится при игрѣ, также не должно быть ничѣмъ покрыто. Что касается матерьяла для инструмента, то рекомендуется исключительно

бараній рогъ, воловій изгнанъ, потому что напоминаетъ „золотого тельца". Требуется кромѣ того, чтобы рогъ былъ цѣлый, безъ поврежденій, безъ трещинъ и не составленный изъ кусковъ (табл. III, лит. К).

Изъ другихъ азіатскихъ народовъ рога—трубы были у древнихъ Персовъ, (19) у древнихъ Армянъ подъ названіемъ pogh eghegnia (20) и у древнихъ жителей восточнаго Туркестана (по Китайскимъ лѣтописямъ) (21).

Въ Индостанѣ еще въ 18 столѣтіи рогами пользовались горные жители (22).

Въ настоящее время въ Индіи извѣстно нѣсколько родовъ роговыхъ трубъ.

1) Sringa—маленькій воловій рогъ. Подъ такимъ названіемъ два почти одинаковые инструменты есть въ India museum и въ берлинскомъ (табл. II, № 19).

2) Gangiaщ-Maa. Коротенькій коровій или бараній рогъ съ мундштукомъ на тонкомъ концѣ въ India museum (табл. II, № 20) и

3) Tuda—маленькій воловій рогъ, имѣющійся въ двухъ экземплярахъ въ Берлинскомъ музеѣ.

Всѣ эти три рога по наружному виду мало отличаются другъ отъ друга, а потому можно думать, что это три экземпляра одного и того же инструмента, носящаго въ разныхъ частяхъ Индіи различныя названія.

Нѣсколько отличается отъ нихъ рогъ Кондовъ изъ Ориссы (Khonds of Orissa) Британскаго музея, къ тонкому концу котораго придѣлана мѣдная трубочка (табл. II, № 21).

Въ Бутанѣ (въ Гималаяхъ) есть: 1) труба Гунка изъ рога какого-то мѣстнаго животнаго съ раструбомъ изъ желтой мѣди, а 2) Маунг—кандинъ—тоже рогъ, но съ раструбомъ изъ другого, болѣе широкаго рога, соединеннымъ съ первымъ кожаннымъ кольцомъ. Оба эти иструмента имѣются въ Берлинскомъ музеѣ.

Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet есть еще воловій рогъ съ точенымъ мундштукомъ изъ южнаго Китая (табл. II, № 30).

О существованіи роговъ въ Сіамѣ и Японіи мы находимъ краткія замѣтки въ нѣмецкой и французской литературѣ.

Далѣе въ Британскомъ музеѣ есть труба изъ буйволоваго рога съ О-въ Индійскаго архипелага, а въ Берлинскомъ двѣ трубы изъ воловьяго рога съ мелкихъ островов около Явы.

Въ Австраліи трубъ изъ роговъ нѣтъ по той простой причинѣ, что тамъ до пріѣзда Европейцевъ не было вовсе рогатаго скота.

Въ Америкѣ также не особенно сильно распространены такія трубы. Въ Лейпцигскомъ музеѣ есть труба изъ воловьяго рога, изъ Сѣверной Америки.

но мѣстность и народъ, откуда она взята, не названы. Кромѣ того въ Берлинскомъ музеѣ есть три рога изъ Юго-Западной Бразиліи и изъ мѣстности Бароро. Два изъ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ обыкновенныхъ охотничьихъ роговъ кромѣ того, что украшены птичьими перьями и пучками конскихъ волосъ, а у третьяго въ его тонкій срѣзанный конецъ вставлена трубочка длиною около 7 дюймовъ, замѣняющая мудштукъ. Что касается мундштучныхъ отверстій, то у всѣхъ 4-хъ роговъ они сдѣланы въ тонкомъ концѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Въ Африкѣ рогъ былъ у древнихъ Египтянъ подъ названіемъ хну но точная форма его неизвѣстна, такъ какъ ни на какихъ рисункахъ онъ не сохранился, мы знаемъ его только потому, что рогъ этотъ былъ извѣстенъ грекамъ подъ именемъ Египетскаго (23).

Рога изъ современнаго Египта есть въ Кенсингтонскомъ музеѣ: два воловьихъ, два изъ рога антилопы и одинъ сильно изогнутый изъ рога какого-то оленя.

Что касается остальной Африки, то въ музеяхъ Лейпцигскомъ, Берлинскомъ и Бременскомъ представлены 38 роговыхъ трубъ изъ всѣхъ концовъ Африки, а именно: 1) отъ Нильскихъ племенъ: Вакуафи, Масаевъ и Вандороббо, 2) изъ страны озеръ и государства Нямъ-Нямъ въ восточной Африкѣ, 3) отъ племенъ: Ваганда, Банту, Суагелли, зулусоподобныхъ народовъ: Багеге, Мафити, Маситу и Вайяо и племени Ushashi, изъ Центрально-Африки и 4) изъ западной, отъ народовъ: Того, Габунъ и туземцевъ Золотого Берега.

Любопытной особенностью всѣхъ Африканскихъ роговъ, отличающихъ ихъ отъ роговъ другихъ частей свѣта, является расположеніе ихъ мундштучнаго отверстія не въ концѣ рога, а сбоку, также какъ въ трубахъ—раковинахъ Австраліи. Такъ что музыкантъ держитъ здѣсь рогъ какъ наши флейтисты, т. е. раструбомъ въ бокъ. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами, Африканскихъ роговъ только одинъ (народовъ Банту) составляетъ исключеніе: у него тонкій конецъ рога срѣзанъ и туда вставленъ обыкновенный чашкообразный костяной мундштукъ. Матерьяломъ для трубъ этого рода служатъ рога всевозможныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ: коровъ, барановъ, козловъ, оленей, антилопъ и проч. Одни изъ нихъ совершенно прямые, другіе согнуты въ дугу, третьи свернуты въ спираль, наконецъ четвертые изогнуты неправильно или змѣйкой. Длина ихъ въ отдѣланномъ видѣ колеблется отъ 6 вершковъ до 1½ аршина.

Одна изъ этихъ трубъ (изъ Восточной Африки) съ очевиднымъ намѣреніемъ удлинить ее была составлена изъ двухъ роговъ, вставленныхъ одинъ

въ другой и соединенныхъ въ стыкѣ кожаннымъ кольцомъ совершенно такъ, какъ вышеупомянутый рогъ изъ Бутана (въ Гималаяхъ).

Украшенія на такихъ рогахъ встрѣчаются не часто. Они состоятъ иногда изъ рубцовъ, вырѣзанныхъ въ формѣ различныхъ фигуръ, въ другомъ случаѣ обтягиваются кожей съ шерстью или обматываются спирально узенькой полоской листовой мѣди или мѣдной проволокой.

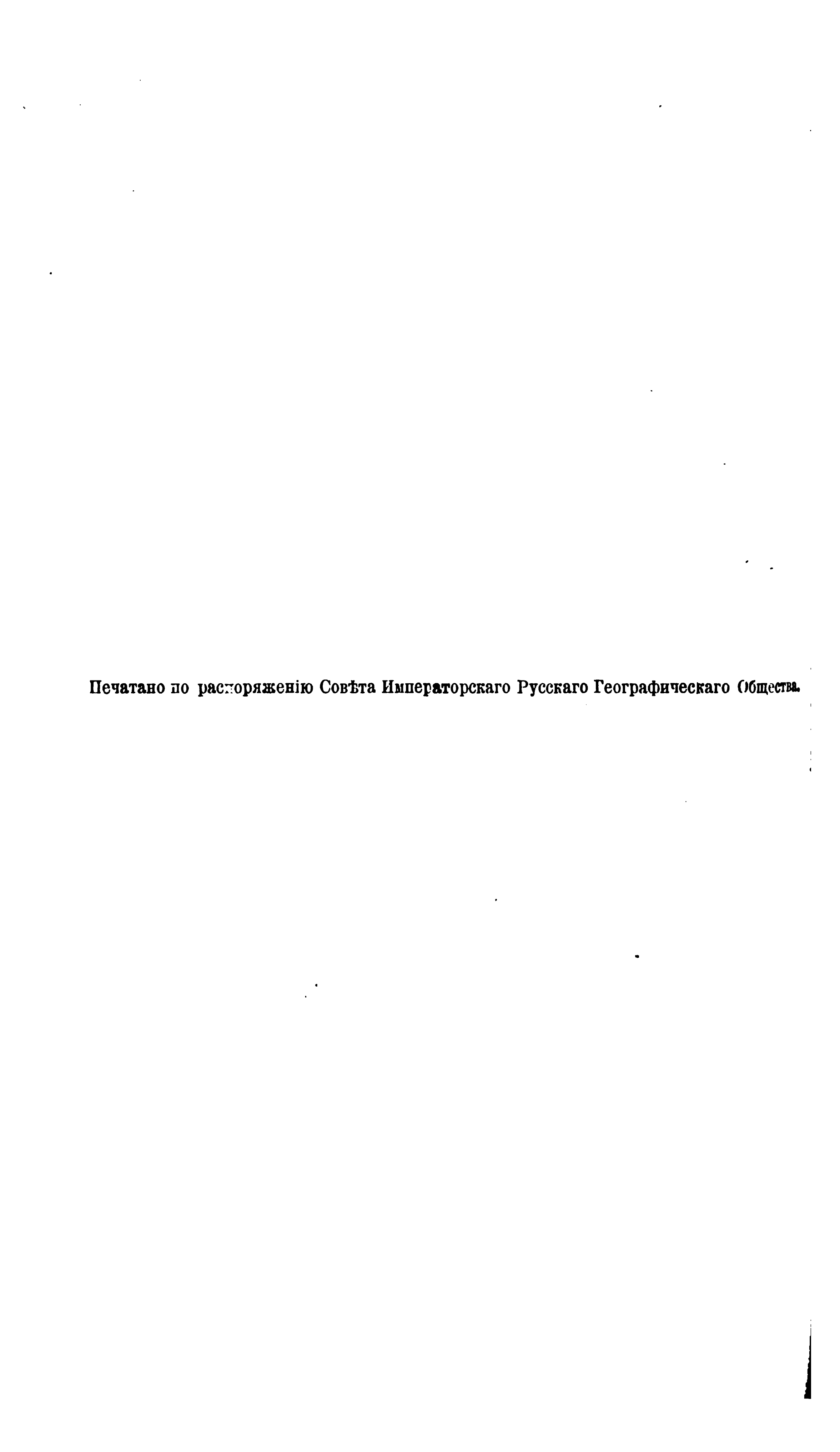
Что касается Европы, то въ ней рога—трубы были повсемѣстны, они существовали у древнихъ грековъ подъ названіемъ keras, у римлянъ cornu, у французовъ corne, у нѣмцевъ и англичанъ horn, у скандинавовъ lurd (24), у славянъ—**рогъ**. Въ этнографической литературѣ есть указанія, что кое-гдѣ во Франціи (напр. въ Пуату), еще до сихъ поръ сохранились трубы изъ козлиныхъ (25), а у англичанъ (26) и чеховъ (27) воловьихъ роговъ.

Въ Россіи намъ удалось узнать о существованіи до настоящаго времени трубъ изъ воловьихъ роговъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ. (въ волостяхъ Мѣдянской и Ратайчицкой) и въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ., бараньихъ—въ Брестскомъ уѣздѣ (въ вол. Мѣдянской) и козлиныхъ—въ Пинскомъ уѣздѣ (въ с. Столивѣ).

У литовцевъ рога-трубы существовали въ древности. Такъ въ 1809 г. крестьянинъ Маріампольскаго уѣзда въ полѣ, недалеко отъ лѣваго берега Нѣмана, нашелъ вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружіемъ мѣдный обручъ, которымъ былъ когда-то окованъ литовскій военный рогъ. Самый рогъ сгнилъ, но обручъ сохранился прекрасно. Судя по всѣмъ признакамъ, находка эта относится къ 13-му вѣку (28). Есть рогъ и у нашихъ латышей подъ названіемъ „**чах**", какъ это можно было видѣть на Рижской этнографической выставкѣ 1896 года. Наконецъ, трубы изъ воловьихъ роговъ есть и у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губ., какъ сообщилъ мнѣ братъ мой, Н. Мошковъ, служащій въ той мѣстности учителемъ. Въ тонкій конецъ черемисскаго рога вставляется оловянная трубочка вершка въ 3 длиною.

Рога изъ берцевой кости человѣка.

Эти рога существуютъ исключительно въ Азіи. Прежде всего мы встрѣчаемъ ихъ въ Индостанѣ. Для образованія канала берцовая кость человѣческой ноги разсверливается вдоль по оси, а такъ какъ она оканчивается двумя яблоками, раздѣленными между собою впадиной, то внутренній каналъ трубы также развѣтвляется на два, давая по одному выходному отверстію (раструбу) въ каждомъ яблокѣ. Иногда такая кость, ничѣмъ болѣе не укрѣпленная и неукрашенная, прямо поступаетъ въ пользованіе музыканта (India museum), а иногда мундштучное отверстіе укрѣпляется мѣдной оковкой.



Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Желаніе уяснить себѣ смыслъ и происхожденіе народныхъ миѳовъ, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ привело ученыхъ нашего времени къ необходимости сравнительнаго метода въ этнографіи, а сравнивая между собою записи этнографическаго матерьяла, добытаго отъ разныхъ народовъ земного шара, они неожиданно для себя натолкнулись на поразительное сходство всѣхъ сторонъ народной жизни не только у племенъ близкихъ между собою по языку, но и у такихъ, между которыми до тѣхъ поръ ничего общаго не предполагалось.

Оказалось, что многіе миѳы, вѣрованья, обряды и обычаи, которые прежде считались неотъемлемой принадлежностью какой-либо одной этнографической группы, имѣются въ такомъ же видѣ и у другихъ. Появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ международныхъ миѳовъ, международныхъ вѣрованій, международныхъ обычаевъ и т. д., число которыхъ чуть не съ каждымъ днемъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ этнографическія изслѣдованія становится глубже и область ихъ вѣдѣнія расширяется. Дошло наконецъ до того, что въ настоящее время трудно указать какое-либо вѣрованье, какой-нибудь обрядъ, которые принадлежали бы исключительно одной этнографической группѣ и внѣ ея нигдѣ болѣе не встрѣчались.

Замѣчательно, что международная общность не ограничивается какой-либо одной стороной народной жизни, но охватываетъ положительно всѣ ея стороны, начиная съ религіозныхъ вѣрованій и миѳовъ и кончая костюмами и мельчайшими деталями домашняго хозяйства.

Каждому образованному человѣку хорошо извѣстно, напримѣръ, широкое распространеніе по земному шару культа огня, культа камня, культа деревьевъ, культа водяного божества, вѣры въ дурной глазъ, вѣры въ колдовство и проч. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи, приводимое у Тайлора, число народовъ земного шара, между которыми распространены малоизвѣстные и непонятные обычаи. Такъ напримѣръ обычай называть отца по имени сына

Къ числу украшеній такихъ роговъ нужно отнести обтягиванье ихъ чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы. Кромѣ того они украшаются различными привѣсками. Такъ напримѣръ, одинъ рогъ изъ южнаго Конго украшенъ привѣской изъ нижнихъ челюстей человѣка.

Образцы Африканскихъ роговъ изъ слоновой кости есть въ музеяхъ Британскомъ, Кенсингтонскомъ, Парижскомъ (Трокадеро), Берлинскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Бременскомъ. Они собраны со всего Африканскаго материка: 1) въ современномъ Египтѣ, 2) у племенъ Сѣверо-восточной Африки: Момбутту, Уганда, Нямъ-Нямъ, Бубу и Ябиръ, 3) въ восточной Африкѣ у племенъ: Ваганда, Люнду, Ангола, Уссукума и на берегахъ рѣки Замбезе, 4) въ Центральной: у племенъ Судана, по верхнему Конго, у племени Арувими (по среднему Конго), по Южному Конго, у племенъ: Адамауа, Мури, Вукари и Видахъ (Whydah), 5) въ западной Африкѣ: въ Бафанѣ, по рѣкѣ Нигеру, у племени Вутэ и Янгуана, въ восточномъ Камерунѣ, у туземцевъ Золотого берега и 6) въ южной Африкѣ: у Бечуановъ.

Въ Европѣ рога изъ слоновой кости подъ названіемъ олифанта (oliphant) очень часто упоминаются въ историческихъ памятникахъ съ начала 12-го до конца 14-го вѣка. Названіе ихъ производятъ отъ слова l'elephant (слонъ). Въ отличіе отъ Африканскихъ, Европейскіе рога изъ слоновой кости были дорого стоившими, высоко художественными произведеніями, такъ какъ наружная поверхность ихъ покрывалась тончайшей рѣзьбой. Они въ свое время служили знакомъ отличія у коронованныхъ особъ, военноначальниковъ, рыцарей и вообще знатныхъ лицъ и носились на особой перевязи на шеѣ. Образчиковъ средневѣковаго олифанта не мало сохраняется въ храмахъ и музеяхъ западной Европы. Изъ нихъ особенно знамениты: 1) Олифантъ Тулузскаго музея, который, по преданію, принадлежалъ Роланду и употреблялся имъ въ битвѣ съ сарацинами при Ронсевалѣ (31 А), 2) Олифантъ Карла Великаго, хранящійся въ сокровищницѣ Аахенскаго собора, который, по преданію, былъ присланъ Императору Франковъ въ знакъ дружбы Гарунъ-аль-Рашидомъ и 3) Роскошный экземпляръ олифанта, сохраняющійся въ Вѣнской Императорской сокровищницѣ, въ который будто бы трубили въ сраженіи съ гуннами при Лехфельдѣ въ 955 году (32).

Деревянныя трубы, камышевыя и изъ березовой коры.

Трубы этого рода ведутъ свое происхожденіе отъ доисторическихъ временъ и распространены по всему земному шару. У евреевъ еще во времена библейскія была прямая труба Хазозра или Асосра (chatzotzeroth). приготовлявшаяся между прочимъ и изъ дерева. Изображеніе этой трубы

вообще, не допускаютъ мысли, чтобы одно и тоже весьма сложное вѣрованье могло быть воспроизведено въ мельчайшихъ подробностяхъ въ разныхъ концахъ земного шара совершенно независимо. Они допускаютъ передачу и распространеніе вѣрованій отъ народа къ народу и расходятся лишь въ указаніи путей, которыми такая передача могла совершиться. Одни ищутъ посредниковъ по передачѣ вѣрованій въ купцахъ, въ женахъ, похищавшихся изъ среды чуждыхъ племенъ, и наконецъ въ народностяхъ вродѣ цыганъ, ведущихъ бродячую жизнь. Другіе передачу вѣрованій стараются объяснить передвиженіемъ народовъ и колонизаціей въ доисторическія времена.

Такое разногласіе во мнѣніяхъ вполнѣ естественно, такъ какъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, еще очень мало изслѣдованъ. Чтобы прійти въ этомъ дѣлѣ къ какому-нибудь соглашенію нѣтъ другого средства какъ изучить спорный вопросъ въ его мельчайшихъ деталяхъ.

Вотъ одна изъ необходимостей, заставляющихъ этнографовъ собирать международныя вѣрованья, обряды, обычаи и пр. и изслѣдовать ихъ географическое распространеніе по земному шару. Но такихъ необходимостей можно было бы насчитать очень много. Достаточно лишь припомнить, что ни одинъ обычай, ни одно вѣрованье нельзя сколько нибудь удовлетворительно понять и объяснить, не прослѣдивши ихъ варіанты на возможно большемъ пространствѣ земного шара. Словомъ этнографической наукѣ предстоитъ рѣшить неизбѣжную и весьма трудную задачу: изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ международныя вѣрованья и объяснить ихъ происхожденіе. Не рѣшивши этой задачи, она не въ состояніи была бы продолжать свое движеніе впередъ.

Имѣя въ виду все сказанное, и мы, печатая настоящую статью, льстимъ себя надеждой, что она не будетъ лишнею въ ряду другихъ этнографическихъ изслѣдованій послѣдняго времени, несмотря на то, что вопросъ, нами взятый, „Труба въ народныхъ вѣрованьяхъ“, самъ по себѣ весьма маловаженъ. Мы собирали все, что только могли достать по этому вопросу, но отнюдь не имѣли въ виду его исчерпать. Какъ уже было говорено выше, такое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ трудолюбивъ и долговѣченъ. Съ насъ довольно и того, что вопросъ о трубѣ, незатронутый или почти незатронутый въ этнографической литературѣ, будетъ поднятъ, поставленъ на очередь и нѣсколько разъяснится темнота, его окружающая.

Трубою мы называемъ духовой музыкальный инструментъ, состоящій изъ полаго внутри цилиндрическаго или коническаго сосуда съ двумя отверстіями на двухъ концахъ его, однимъ широкимъ (раструбомъ), а другимъ малымъ, не превышающимъ площади рта (мундштучнымъ). Звукъ въ этомъ инструментѣ получается прохожденіемъ воздуха черезъ узкую щель

между двумя сближенными губами, плотно прижатыми къ малому, или мундштучному отверстію инструмента. Отъ инструментовъ изъ рода флейтъ труба отличается во-первыхъ способомъ выдуванія звука. Въ этихъ послѣднихъ губы музыканта не накрываютъ мундштучнаго отверстія и нота происходитъ отъ разсѣканія струи воздуха объ острый край отверстія. Во вторыхъ труба не имѣетъ какъ флейта дырочекъ для измѣненія тона перебираніемъ пальцевъ. Этимъ же послѣднимъ свойствомъ она отличается и отъ инструментовъ изъ рода гобоя и кларнета и сверхъ того отсутствіемъ вибрирующихъ тросточекъ и язычковъ, служащихъ для воспроизведенія звука въ этихъ двухъ послѣднихъ инструментахъ. Кромѣ того труба отличается отъ другихъ духовыхъ инструментовъ своимъ густымъ и сильнымъ звукомъ, слышимымъ съ далекаго разстоянія и тѣмъ еще, что она издаетъ очень мало звуковъ, раздѣленныхъ между собою интервалами, несравненно большими, чѣмъ въ остальныхъ духовныхъ инструментахъ. Это послѣднее свойство трубы до самыхъ новѣйшихъ временъ, когда она была усовершенствована, дѣлало ее непригодной къ воспроизведенію обыкновенныхъ мелодій, и потому труба не была инструментомъ музыкальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а преимущественно сигнальнымъ и религіознымъ, обстоятельство особенно увеличивающее интересъ къ этому инструменту съ точки зрѣнія этнографической.

Раковины трубы.

Самой первобытной трубой человѣка былъ, вѣроятно, его собственный кулакъ. Замѣтивши, что кулакъ, приложенный ко рту, усиливаетъ звукъ голоса и нуждаясь въ такомъ усиленіи для сношенія съ себѣ подобными, человѣкъ естественно ищетъ въ окружающей его природѣ трубообразные предметы, способные по своей формѣ съ выгодой замѣнить его кулакъ. Такой предметъ онъ находитъ между крупными морскими раковинами и рогами животныхъ, и, вѣроятно, употребляетъ ихъ первоначально въ формѣ рупора или говорной трубы. Упражненіе съ такимъ рупоромъ и свистъ губами въ его узенькое отверстіе приводятъ человѣка къ открытію трубнаго звука. Несомнѣнно, что простѣйшій и самый первобытный видъ трубы были именно морскія раковины и рога дикихъ или домашнихъ животныхъ, такъ какъ приготовить подобный инструментъ нѣтъ ничего легче, стоило только отбить тонкій конецъ раковины или отрѣзать тонкій конецъ рога. Очевидно, что раковины были приспособлены въ качествѣ инструментовъ впервые непремѣнно жителями странъ приморскихъ, тропическихъ или подтропическихъ, гдѣ встрѣчаются крупныя раковины, а рога могли быть приняты и жителями странъ сухопутныхъ. То и другое случилось конечно въ очень отдаленныя отъ насъ

доисторическія времена, но что было принято ранѣе, рогъ или раковина, рѣшить пока еще очень трудно. Намъ кажется, что вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, гдѣ была колыбель человѣческой цивилизаціи.

Изъ собраннаго нами здѣсь матерьяла видно, что центромъ распространенія по земному шару раковинъ—трубъ, повидимому, нужно считать переднюю Индію.

Въ комментаріяхъ къ Ведамъ или Эзуръ-Ведамъ браминовъ въ числѣ инструментовъ, извѣстныхъ древнимъ индусамъ, называется раковина—труба сонгъ (çankha), употреблявшаяся въ качествѣ музыкальнаго инструмента браминами (2). Въ болѣе позднія времена, въ 1792 году, англійскій историкъ Краффордъ сообщалъ, что въ береговой полосѣ Индостана трубятъ въ древнюю трубу изъ раковины (3). Инструментъ этотъ существуетъ въ Индіи и до настоящаго времени (4). Въ Лондонскомъ India Museum сохраняется очень дорогая и рѣдкая коллекція изъ пяти индійскихъ раковинъ-трубъ, принадлежавшихъ, по народному преданію, пяти братьямъ Пандава; каждая изъ нихъ носитъ свое названіе:

1) Ananda vijava (изъ рода Triton) съ бурыми и желтыми пятнами и полосками.

2) Paundra (родъ Turbo)—съ радужной жемчугообразной поверхностью,

3) Devadatta (родъ—Turbinella)—бѣлая съ розовыми жилками, съ вырѣзанными на ней цвѣткомъ и почкой лотоса (см. табл. II, № 22),

4) Sughosha (родъ—Rostellaria)—бурая съ бѣлой внутренней поверхностью.

и 5) Munipushpaka (родъ—Trochus)—съ радужной жемчугообразной наружной поверхностью.

Кромѣ этой коллекціи раковинъ—трубъ въ томъ же музеѣ есть и другія, также индійскія:

6) Ananta vijaya (родъ Turbinella) бѣлая съ вырѣзаннымъ на ней цвѣткомъ и почкой лотоса.

7) Gomukha (родъ Cassis) шероховатая съ неровной поверхностью, внутри желто-бурая.

8) Barataka (родъ Pterocera) тоже шероховатая съ пятью выдающимися желваками у края.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ раковинъ есть и въ Берлинскомъ музеѣ. но видомъ своимъ онѣ не всегда сходятся съ англійскими:

9) Sughosha—маленькая бѣлая (ср. съ № 4),

10) Ananta widschaja—желтая (ср. съ № 6),

11) Gomukha—совершенно одинаковая съ № 7,

12) Harataka—желтая (названіе сходно съ № 8),

13) Sankha—небольшая бѣлая.

Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet также выставлена одна совершенно бѣлая раковина—труба изъ Индіи, но безъ всякаго названія.

Мундштуки у всѣхъ этихъ раковинъ металлическіе и придѣланы къ отбитому острому концу ихъ. Ось мундштучной трубки совпадаетъ съ осью раковины.

Такія же раковины—трубы распространены во всѣхъ странахъ Азіи, гдѣ господствуетъ буддизмъ.

Въ Берлинскомъ музеѣ есть одна бѣлая раковина изъ Бутана въ Гималаяхъ и такая же изъ Тибета.

Въ Кенсингтонскомъ музеѣ сохраняются бѣлыя раковины изъ Китая. Есть онѣ, по словамъ нашего соотечественника, А. Поздѣева (5) и въ Монголіи въ буддійскихъ кумирняхъ подъ названіемъ дунъ-бурѣ или дунъ-гаръ (по монгольски лабай), а также у бурятъ въ Забайкальи въ ихъ дацанахъ (храмахъ) (6) и у калмыковъ Европейской Россіи въ ихъ хурулахъ (кумирняхъ) (7).

Докторъ Мартенсъ въ своей статьѣ о трубахъ—раковинахъ (8) говоритъ, между прочимъ, о японскихъ трубахъ; онъ опредѣляетъ даже видъ ихъ: Tritonis sauliae. Въ Гамбургскомъ музеѣ für Kunst und Gewerbe выставлена японская раковина—труба подъ названіемъ japanisches Hora (табл. II, № 25). Она относится къ 17 или 18 вѣку; длиною эта раковина до 1/2 аршина, съ трубчатымъ серебрянымъ мундштукомъ, украшеннымъ художественной рѣзьбой. По углубленіямъ раковины, идущимъ по спирали, она перевита серебряной проволочной цѣпочкой. Вся раковина покрыта золотымъ лакомъ, а на широкой ея части врѣзаны въ видѣ инкрустаціи золотыя японскія письмена. Кромѣ того двѣ японскія раковины—трубы, снабженныя мѣдными посеребренными мунштуками, есть и въ Лейпцигскомъ музеѣ.

Изъ Лаоса (въ Индокитаѣ) бѣлая раковина—труба съ мѣднымъ мундштукомъ сохраняется въ Парижскомъ музеумѣ Guimet (табл. II, № 24).

Далѣе раковины—трубы распространяются на островахъ Индійскихъ:

Съ мелкихъ островов около Явы въ Берлинскомъ музеѣ есть три раковины съ такими же мундштуками, какъ и въ Индіи, но у раковинъ—трубъ (Тагоэри, тагури или тагунія) въ томъ же музеѣ, принадлежащихъ племенамъ Альфуровъ, Сэрангъ, Горонгъ и туземцамъ острова Буру, мундштука уже не имѣется, а вмѣсто него устроено круглое мундштучное

10 верш., а другой около 3 арш. Онѣ еще только недавно сданы въ музей, а до тѣхъ поръ сохранялись въ городской ратушѣ и выносились оттуда въ особо-торжественныхъ случаяхъ для участія въ разнаго рода процессіяхъ.

У норвежскихъ крестьянъ также до сихъ поръ употребляются деревянныя ольховыя трубы (45).

Изъ числа славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ такія трубы у сербовъ-лужичанъ. Въ Пражскомъ этнографическомъ музеѣ сохраняется одинъ экземпляръ такой трубы длиною въ 14 верш. съ коническимъ раструбомъ, она совершенно прямая и снабжена мѣдной кольцеобразной оковкой по серединѣ длины. По словамъ надписи это послѣдній и единственный экземпляръ лужицкой трубы.

Есть деревянныя трубы и у Угорскихъ славянъ. Два экземпляра ихъ представлены въ Пражскомъ музеѣ Напрстка, обѣ прямыя въ $1^1/_2$ аршина и $1^3/_4$ арш. длиной. Одна изъ нихъ обмотана берестой.

У Гуцуловъ (русскихъ горцевъ Галиціи) существуетъ два вида деревянныхъ трубъ: одна пастушеская длиною около 7 вершковъ, изогнутая въ формѣ рога, а другая для обрядовъ прямая длинная около 4 аршинъ длины называется тромбета или трембита. Таковы образчики этихъ трубъ, выставленные въ Пражскомъ музеѣ Напрстка; трембита залита внутри смолой, а снаружи обмотана берестой.

У Поляковъ-горцевъ изъ Татровъ (Часть Карпатскихъ горъ) деревянная труба прямая около $1^1/_4$ арш. длины на деревянномъ каркасѣ сплетена изъ бересты (Пражскій музей Напрстка).

У Поляковъ Царства Польскаго, также какъ у Гуцуловъ, деревянныхъ трубъ различаютъ два сорта: 1) Тромба, пастушеская 2) Лигавка или Легавка, труба обрядовая. Послѣдняя отличается отъ первой своей большой длиной и вставнымъ мундштукомъ изъ твердаго дерева, котораго у тромбы вовсе не имѣется.

Слово trąba—общеевропейское, однозвучное съ русскимъ труба, чешскимъ trouba, нѣмецк. Trompette, французск. trompete и т. д. Что же касается слова ligawka или legawka, то происхожденіе его темно и потому даетъ поводъ ко многимъ толкованіямъ. Въ польскомъ словарѣ древностей (46) его производятъ отъ польск. leganie—лежаніе, такъ какъ при длинѣ легавки отъ 2 до 3 локтей она слишкомъ тяжела, чтобы можно было играть на ней безъ опоры, а потому при игрѣ ее обыкновенно кладутъ или опираютъ объ заборъ. Вотъ почему, думаетъ авторъ, это названіе и не придается обыкновеннымъ короткимъ пастушескимъ трубамъ.

Но это объясненіе кажется намъ маловѣроятнымъ: намъ удавалось видѣть много польскихъ легавокъ и всѣ онѣ не превосходили 4 футъ въ длину, а

И до сихъ поръ еще трубы—раковины сохранились въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Есть онѣ у простонародья въ Кампаніи, у рыбаковъ на островахъ Эльба и Сицилія (14), у пастуховъ Португаліи, (15) въ южной Франціи (изъ провинціи Alpes Maritimes есть одна раковина въ музеумѣ Трокадеро въ Парижѣ) и наконецъ у чешскаго простонародья (16). Чешскія трубы—раковины были выставлены на Пражской этнографической выставкѣ 1895 года. По описанію Фр. Pareka (17) онѣ принадлежатъ къ роду Fussus Medius, бѣлыя съ свѣтло-красными пятнами. Мундштукъ у нихъ латунный вродѣ того, какъ у индійскихъ трубъ.

Трубы изъ роговъ животныхъ.

Распространеніе этихъ трубъ по земному шару нѣсколько шире, чѣмъ трубъ—раковинъ может быть уже потому, что рога животныхъ матерьялъ болѣе доступный для человѣка, чѣмъ крупныя морскія раковины. Опредѣлить центръ ихъ распространенія представляется довольно затруднительнымъ, а потому мы начнемъ съ евреевъ, у которыхъ рогъ и по настоящее время считается священнымъ инструментомъ.

У древнихъ евреевъ еще въ книгахъ Моисея упоминаетъ рогъ шофаръ, который, по мнѣнію однихъ, приготовлялся изъ бараньяго или воловьяго рога, сильно изогнутаго, а, по мнѣнію другихъ, изъ мѣди и серебра. Другой сортъ рога—трубы, менѣе изогнутой, назывался керенъ (18). Этой послѣдней трубы современные евреи уже не знаютъ, но шофаръ, сдѣланный изъ бараньяго рога, имѣется въ настоящее время при каждой еврейской синагогѣ. У русскихъ евреевъ названіе его произносится въ разныхъ мѣстностяхъ различно: шоферъ, шойферъ, шефоръ, шуфаръ и т. д. Что касается способа его приготовленія, то онъ предусмотрѣнъ въ Талмудѣ до мельчайшихъ подробностей и, хотя правила эти первоначально имѣли въ виду чистоту звука инструмента и удобства игры на немъ, но составители Талмуда, по ихъ обыкновенію, пересолили. Минимальной длиной для шофера, по Талмуду, принимается средняя ширина ладони взрослаго человѣка. Натуральная форма рога не должна быть измѣнена, но дозволяется выбирать и прямые и изогнутые, послѣдніе впрочемъ считаются болѣе красивыми. Не дозволяется красить „шоферъ“ или разрисовывать его красками, но гравированные и рѣзные рисунки дозволяются. Оковывать рогъ серебромъ или золотомъ дозволяется, но по извѣстнымъ правиламъ, а именно: между губами трубача и рогомъ не должно быть никакого посторонняго тѣла, мѣсто, за которое рогъ держится при игрѣ, также не должно быть ничѣмъ покрыто. Что касается матерьяла для инструмента, то рекомендуется исключительно

бараній рогъ, воловій изгнанъ, потому что напоминаетъ „золотого тельца“. Требуется кромѣ того, чтобы рогъ былъ цѣлый, безъ поврежденій, безъ трещинъ и не составленный изъ кусковъ (табл. III, лит. К).

Изъ другихъ азіатскихъ народовъ рога—трубы были у древнихъ Персовъ, (19) у древнихъ Армянъ подъ названіемъ pogh eghegnia (20) и у древнихъ жителей восточнаго Туркестана (по Китайскимъ лѣтописямъ) (21).

Въ Индостанѣ еще въ 18 столѣтіи рогами пользовались горные жители (22).

Въ настоящее время въ Индіи извѣстно нѣсколько родовъ роговыхъ трубъ.

1) Sringa—маленькій воловій рогъ. Подъ такимъ названіемъ два почти одинаковые инструменты есть въ India museum и въ берлинскомъ (табл. II, № 19).

2) Gangiam-Maa. Коротенькій коровій или бараній рогъ съ мундштукомъ на тонкомъ концѣ въ India museum (табл. II, № 20) и

3) Tuda—маленькій воловій рогъ, имѣющійся въ двухъ экземплярахъ въ Берлинскомъ музеѣ.

Всѣ эти три рога по наружному виду мало отличаются другъ отъ друга, а потому можно думать, что это три экземпляра одного и того же инструмента, носящаго въ разныхъ частяхъ Индіи различныя названія.

Нѣсколько отличается отъ нихъ рогъ Кондовъ изъ Ориссы (Khonds of Orissa) Британскаго музея, къ тонкому концу котораго придѣлана мѣдная трубочка (табл. II, № 21).

Въ Бутанѣ (въ Гималаяхъ) есть: 1) труба Гунка изъ рога какого-то мѣстнаго животнаго съ раструбомъ изъ желтой мѣди, а 2) Маунг—кандинъ—тоже рогъ, но съ раструбомъ изъ другого, болѣе широкаго рога, соединеннымъ съ первымъ кожаннымъ кольцомъ. Оба эти иструмента имѣются въ Берлинскомъ музеѣ.

Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet есть еще воловій рогъ съ точенымъ мундштукомъ изъ южнаго Китая (табл. II, № 30).

О существованіи роговъ въ Сіамѣ и Японіи мы находимъ краткія замѣтки въ нѣмецкой и французской литературѣ.

Далѣе въ Британскомъ музеѣ есть труба изъ буйволоваго рога съ О-въ Индійскаго архипелага, а въ Берлинскомъ двѣ трубы изъ воловьяго рога съ мелкихъ островов около Явы.

Въ Австраліи трубъ изъ роговъ нѣтъ по той простой причинѣ, что тамъ до пріѣзда Европейцевъ не было вовсе рогатаго скота.

Въ Америкѣ также не особенно сильно распространены такія трубы. Въ Лейпцигскомъ музеѣ есть труба изъ воловьяго рога, изъ Сѣверной Америки.

но мѣстность и народъ, откуда она взята, не названы. Кромѣ того въ Берлинскомъ музеѣ есть три рога изъ Юго-Западной Бразиліи и изъ мѣстности Бароро. Два изъ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ обыкновенныхъ охотничьихъ роговъ кромѣ того, что украшены птичьими перьями и пучками конскихъ волосъ, а у третьяго въ его тонкій срѣзанный конецъ вставлена трубочка длиною около 7 дюймовъ, замѣняющая мудштукъ. Что касается мундштучныхъ отверстій, то у всѣхъ 4-хъ роговъ они сдѣланы въ тонкомъ концѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Въ Африкѣ рогъ былъ у древнихъ Египтянъ подъ названіемъ хну но точная форма его неизвѣстна, такъ какъ ни на какихъ рисункахъ онъ не сохранился, мы знаемъ его только потому, что рогъ этотъ былъ извѣстенъ грекамъ подъ именемъ Египетскаго (23).

Рога изъ современнаго Египта есть въ Кенсингтонскомъ музеѣ: два воловьихъ, два изъ рога антилопы и одинъ сильно изогнутый изъ рога какого-то оленя.

Что касается остальной Африки, то въ музеяхъ Лейпцигскомъ, Берлинскомъ и Бременскомъ представлены 38 роговыхъ трубъ изъ всѣхъ концовъ Африки, а именно: 1) отъ Нильскихъ племенъ: Вакуафи, Масаевъ и Вандороббо, 2) изъ страны озеръ и государства Нямъ-Нямъ въ восточной Африкѣ, 3) отъ племенъ: Ваганда, Банту, Суагелли, зулусоподобныхъ народовъ: Багеге, Мафити, Маситу и Вайяо и племени Ushashi, изъ Центрально-Африки и 4) изъ западной, отъ народовъ: Того, Габунъ и туземцевъ Золотого Берега.

Любопытной особенностью всѣхъ Африканскихъ роговъ, отличающихъ ихъ отъ роговъ другихъ частей свѣта, является расположеніе ихъ мундштучнаго отверстія не въ концѣ рога, а сбоку, также какъ въ трубахъ—раковинахъ Австраліи. Такъ что музыкантъ держитъ здѣсь рогъ какъ наши флейтисты, т. е. раструбомъ въ бокъ. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами, Африканскихъ роговъ только одинъ (народовъ Банту) составляетъ исключеніе: у него тонкій конецъ рога срѣзанъ и туда вставленъ обыкновенный чашкообразный костяной мундштукъ. Матерьяломъ для трубъ этого рода служатъ рога всевозможныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ: коровъ, барановъ, козловъ, оленей, антилопъ и проч. Одни изъ нихъ совершенно прямые, другіе согнуты въ дугу, третьи свернуты въ спираль, наконецъ четвертые изогнуты неправильно или змѣйкой. Длина ихъ въ обдѣланномъ видѣ колеблется отъ 6 вершковъ до 1½ аршина.

Одна изъ этихъ трубъ (изъ Восточной Африки) съ очевиднымъ намѣреніемъ удлинить ее была составлена изъ двухъ роговъ, вставленныхъ одинъ

сти, и тогда складываютъ въ трубу, представляющую изъ себя правильный прямой конусъ, который затѣмъ стягивается обручами (52). Но этотъ способъ самый трудный, такъ какъ требуетъ спеціальной работы, чисто бочарной, да еще притомъ тонкой и замысловатой.

Всякому, играющему на трубѣ, извѣстно, что стѣнки этого инструмента, чтобы выдутъ изъ него тонъ ясный, чистый и звонкій, должны быть вполнѣ непроницаемы для воздуха. Малѣйшая щель въ стѣнкахъ, даже незамѣтная для невооруженнаго глаза, дѣлаетъ звукъ трубы сиплымъ, неяснымъ и глухимъ и кромѣ того, требуетъ отъ игрока сильнаго напряженія легкихъ. Дерево же въ этомъ отношеніи самый неблагодарный матеріалъ, такъ какъ, высыхая, обязательно даетъ трещины, какъ бы ни было оно прочно. Чтобы устранить это важное неудобство, придумывались весьма различныя средства. Такъ, напримѣръ, въ южной Америкѣ, у насъ въ Сѣдлецкой губерніи и въ Полѣсьи трубу всякій разъ передъ игрой кладутъ въ воду и даютъ ея дереву набухнуть. При этомъ волокна расширяются въ поперечномъ направленіи и затягиваютъ всѣ мелкія щели. Во-вторыхъ, какъ это намъ приходилось лично наблюдать въ Ломжинской губерніи, трубятъ только зимой и преимущественно въ морозные дни. Трубачъ стоитъ возлѣ колодца, обмакнетъ трубу въ воду и даетъ ей замерзнуть, а потомъ трубитъ; когда же стѣнки трубы отогрѣются отъ теплаго воздуха, въ нее вдуваемаго, игра пріостанавливается, труба снова подвергается дѣйствію мороза и т. д. Съ той же цѣлью внутренность трубы заливаютъ расплавленной смолой или обтягиваютъ снаружи лыкомъ, гибкимъ тростникомъ, берестой, пергаментомъ или кожей. Но всѣ эти средства являются палліативами, такъ какъ устраняютъ трещины временно, окончательно же устраняетъ ихъ только замѣна дерева металломъ.

Получивъ возможность удлинять трубу по произволу, человѣкъ сталъ доводить ее до минимума, но при этомъ натолкнулся на новыя препятствія. Съ удлиненіемъ инструмента прежде всего увеличился вѣсъ его, что отнимало у трубы ея портативность, кромѣ того, въ прямыхъ и длинныхъ трубахъ получилось невыгодное распредѣленіе тяжести при игрѣ. Игра на очень длинныхъ трубахъ, какія мы видѣли въ Южной Америкѣ, невозможна безъ подпорокъ или безъ помощи другихъ людей. Эти неудобства должны были или остановить человѣка въ погонѣ за низкимъ звукомъ на извѣстныхъ очень небольшихъ предѣлахъ или подвинуть его къ новымъ усовершенствованіямъ въ области трубной техники. И дѣйствительно, одни уменьшали до минимума толщину стѣнъ трубы и ея діаметръ, другіе облегчали вѣсъ трубы, замѣняя дерево болѣе легкимъ матеріаломъ, какъ лыко, береста и кожа. Кожаныя трубы мы встрѣчаемъ, напримѣръ у древнихъ галловъ (53), а берестяныя— у галиційскихъ поляковъ, у латышей и великороссовъ. Третьи стали приго-

середина же кости, за которую инструментъ держится при игрѣ, чтобы она не пачкалась, обтягивается кожей. Такой индійскій костяной рогъ длиною въ 14 д. есть въ Кенсингтонскомъ музеѣ.

Совершенно такой же рогъ изъ Бутана (въ Гималаяхъ) подъ названіемъ Конгъ-тунъ выставленъ въ Берлинскомъ музеѣ.

Есть такія трубы и въ Тибетѣ, гдѣ онѣ называются Конъ-донъ. Два экземпляра ихъ безъ всякихъ украшеній можно видѣть въ Лейпцигскомъ музеѣ и одинъ въ Парижскомъ музеѣ Guimet, кромѣ того въ этомъ послѣднемъ есть одинъ такой же Тибетскій рогъ съ мѣдной оковкой посрединѣ и съ раструбомъ изъ листовой мѣди на концѣ.

Два экземпляра того же рога есть въ Берлинскомъ музеѣ съ мѣднымъ мундштукомъ безъ всякихъ другихъ оковокъ и два—въ Лейпцигскомъ, обточенные снаружи, съ серебрянымъ мундштукомъ и съ серебрянымъ раструбомъ въ видѣ открытой пасти дракона.

Такія же трубы существуютъ въ Монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ подъ названіемъ Ганъ-линъ. По описанію г. А. Поздѣева, трубы эти, также какъ и Тибетскія, окованы серебромъ. Два отверстія раструба называются у монголовъ „лошадиными ноздрями", а звукъ Ганъ-лина долженствуетъ напоминать собою ржаніе миѳическаго коня. „Ачжинай-моринъ" (29).

Трубы изъ слоновыхъ клыковъ.

Такія трубы мы чаще всего находимъ на Африканскомъ материкѣ, родинѣ слоновъ. А кромѣ того путемъ торговли слоновая кость занесена была въ западную Европу, гдѣ изъ нея въ старину также приготовляли рога.

Намъ пришлось видѣть въ разныхъ музеяхъ западной Европы Африканскіе рога изъ слоновой кости въ числѣ 81 штуки. Европеецъ, привыкшій съ понятіемъ о слоновой кости соединять представленіе о чемъ-то въ высшей степени изящномъ, былъ бы сильно разочарованъ, увидавъ рога, приготовленные изъ этого матерьяла Африканскими неграми. Начать съ того, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ не обыкновенный, желтовато-бѣлый цвѣтъ слоновой кости, а весьма некрасивый на видъ грязновато-красный цвѣтъ. Существуетъ ли въ Африкѣ особая порода слоновъ съ клыками такого цвѣта или ихъ такъ окрашиваютъ искусственно, намъ не удалось узнать.

Для приготовленія трубы берутъ или цѣлый клыкъ, длина котораго доходитъ до 2¼ арш., или отпиливаютъ отъ тонкаго его конца кусокъ не короче ¼ аршина. Наружная поверхность такого клыка чаще всего сохраняетъ свой природный видъ и форму, изрѣдка только украшается она первобытнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ рубцовъ или бороздъ прямыхъ и

кривыхъ, образующихъ очень незамысловатые узоры. Еще рѣже покрывается она грубыми рѣзными изображеніями людей и животныхъ. Внутренняя часть клыка съ большимъ трудомъ выдалбливается долотами, начиная съ толстаго его конца. Но даже въ короткихъ рогахъ внутренній каналъ рѣдко доходитъ до самой острой оконечности клыка, онъ кончается гораздо ранѣе и принимаетъ въ себя поперечный каналъ, ведущій въ мундштучное отверстіе. Въ рогахъ изъ цѣльнаго клыка или изъ большаго куска его (около 1 аршина длиной) такой каналъ, по трудности его обработки, обыкновенно даже не доходитъ далѣе половины длины всего клыка и здѣсь также заканчивается боковымъ мундштучнымъ отверстіемъ (табл. I, № 4).

Остальная часть клыка никакого канала внутри себя не имѣетъ и только придаетъ рогу излишнюю тяжесть.

Повидимому, работа съ выдалбливаньемъ канала внутри слоноваго клыка настолько груба и настолько трудна для африканскихъ негровъ, что клыкъ иногда не выдерживаетъ ея и раскалывается. Это видно по нѣкоторымъ экземплярамъ роговъ, у которыхъ толстый конецъ стянутъ грубымъ желѣзнымъ или мѣднымъ обручемъ или обшитъ кожей, чтобы закрыть трещины въ клыкѣ.

Грубо выдолбленный, не гладкій и неправильной формы внутренній каналъ рога вмѣстѣ съ боковымъ расположеніемъ мундштучнаго отверстія, заставляющимъ звуковыя волны изгибаться подъ прямымъ угломъ, совершенно измѣняетъ обыкновенный звукъ трубы и дѣлаетъ его глухимъ, грубымъ и потрясающимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ путешественники по Африкѣ (30).

Неумѣнье выдолбить каналъ рога и опасеніе, что стѣнки его при малой толщинѣ могутъ расколоться во время самой работы, заставляютъ африканскихъ трубныхъ мастеровъ оставлять эти стѣнки какъ можно толще, что также увеличиваетъ тяжесть рога. И дѣйствительно вѣсъ такого рога, по разсказамъ путешественниковъ, доходитъ иногда до 30 фунтовъ (31).

Чтобы облегчить вѣсъ инструмента мастера уменьшаютъ иногда толщину его стѣнокъ, состругивая кость по наружной поверхности, уже послѣ того какъ продолбленъ его внутренній каналъ, но при этомъ оставляютъ утолщеніе вокругъ мундштучнаго отверстія, придавая ему болѣе или менѣе правильную форму (табл. I, №№ 11 — 20). Самое отверстіе имѣетъ то форму круга, то овала, то ромба, то прямоугольнаго четыреугольника съ закругленными углами.

Къ раструбу рога изъ слоновой кости иногда придѣлываютъ деревянный резонаторъ, который въ мѣстѣ его соединенія съ рогомъ обтягиваютъ кожанымъ кольцомъ.

Къ числу украшеній такихъ роговъ нужно отнести обтягиванье ихъ чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы. Кромѣ того они украшаются различными привѣсками. Такъ напримѣръ, одинъ рогъ изъ южнаго Конго украшенъ привѣской изъ нижнихъ челюстей человѣка.

Образцы Африканскихъ роговъ изъ слоновой кости есть въ музеяхъ Британскомъ, Кенсингтонскомъ, Парижскомъ (Трокадеро), Берлинскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Бременскомъ. Они собраны со всего Африканскаго материка: 1) въ современномъ Египтѣ, 2) у племенъ Сѣверо-восточной Африки: Момбутту, Уганда, Нямъ-Нямъ, Бубу и Ябиръ, 3) въ восточной Африкѣ у племенъ: Ваганда, Люнду, Ангола, Уссукума и на берегахъ рѣки Замбезе, 4) въ Центральной: у племенъ Судана, по верхнему Конго, у племени Арувими (по среднему Конго), по Южному Конго, у племенъ: Адамауа, Мури, Вукари и Видахъ (Whydah), 5) въ западной Африкѣ: въ Бафанѣ, по рѣкѣ Нигеру, у племени Вутэ и Янгуана, въ восточномъ Камерунѣ, у туземцевъ Золотого берега и 6) въ южной Африкѣ: у Бечуановъ.

Въ Европѣ рога изъ слоновой кости подъ названіемъ олифанта (oliphant) очень часто упоминаются въ историческихъ памятникахъ съ начала 12-го до конца 14-го вѣка. Названіе ихъ производятъ отъ слова l'elephant (слонъ). Въ отличіе отъ Африканскихъ, Европейскіе рога изъ слоновой кости были дорого стоившими, высоко художественными произведеніями, такъ какъ наружная поверхность ихъ покрывалась тончайшей рѣзьбой. Они въ свое время служили знакомъ отличія у коронованныхъ особъ, военноначальниковъ, рыцарей и вообще знатныхъ лицъ и носились на особой перевязи на шеѣ. Образчиковъ средневѣковаго олифанта не мало сохраняется въ храмахъ и музеяхъ западной Европы. Изъ нихъ особенно знамениты: 1) Олифантъ Тулузскаго музея, который, по преданію, принадлежалъ Роланду и употреблялся имъ въ битвѣ съ сарацинами при Ронсевалѣ (31 А), 2) Олифантъ Карла Великаго, хранящійся въ сокровищницѣ Аахенскаго собора, который, по преданію, былъ присланъ Императору Франковъ въ знакъ дружбы Гарунъ-аль-Рашидомъ и 3) Роскошный экземпляръ олифанта, сохраняющійся въ Вѣнской Императорской сокровищницѣ, въ который будто бы трубили въ сраженіи съ гуннами при Лехфельдѣ въ 955 году (32).

Деревянныя трубы, камышевыя и изъ березовой коры.

Трубы этого рода ведутъ свое происхожденіе отъ доисторическихъ временъ и распространены по всему земному шару. У евреевъ еще во времена библейскія была прямая труба Хазозра или Асосра (chatzotzeroth), приготовлявшаяся между прочимъ и изъ дерева. Изображеніе этой трубы

сколько сплюснутый раструбъ. Затѣмъ слѣдуетъ Hwang teih длиною до 18 дюйм. съ раструбомъ въ видѣ разинутой пасти дракона (Кенсингтонск. муз.). Точно такого же вида два экземпляра трубъ около $^1/_2$ аршина длиной есть въ Лейпцигскомъ музеѣ. Онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ латуни. Труба музея Guimet имѣетъ до $1^1/_4$ аршина длины (табл. II, № 14). Труба Слагъ-дунъ Гамбургскаго музея изъ красной мѣди имѣетъ $2^1/_4$ арш. длины. Оковки у нея изъ желтой мѣди, мундштукъ тарелкообразный, діаметръ раструба 5 д. (табл. II. № 26). Точно такія же двѣ трубы есть въ Лейпцигскомъ музеѣ и двѣ въ Берлинскомъ. Еще болѣе длинныя трубы до 1 сажени въ длину изъ красной мѣди съ оковками изъ латуни можно видѣть въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ музеѣ. Наконецъ, самыя длинныя изъ Тибетскихъ трубъ до $2^1/_2$ саженъ длины при діаметрѣ раструба 10 дюйм. хранятся въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ и въ 4-хъ въ Берлинскомъ музеѣ. Всѣ онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ бѣлаго металла, украшенными тисненымъ орнаментомъ. Около раструба къ нимъ приклепаны бляшки съ кольцами для подвѣшиванія инструмента къ потолку храма.

Въ буддійскихъ кумирняхъ Монголіи, по описанію г. Поздѣева, есть также длинныя мѣдныя трубы бурѣ около 1 сажени длиною, т. е. такія же какъ и въ Тибетѣ (61).

Повидимому длинныя, прямыя, мѣдныя трубы составляютъ неизбѣжную принадлежность буддійскаго богослуженія, потому что онѣ есть и у калмыковъ въ Европейской Россіи (62).

Нашъ путешественникъ, г. Грумъ-Гржимайло, упоминаетъ про такія же трубы въ западномъ Китаѣ и называетъ ихъ за исполинскіе размѣры іерихонскими (63). Китайскихъ прямыхъ трубъ въ Европейскихъ музеяхъ представлено нѣсколько сортовъ; въ отличіе отъ Тибетскихъ онѣ дѣлаются преимущественно изъ желтой листовой мѣди (латуни) и имѣетъ очень тонкій, ровный по своей длинѣ, стволъ около $^1/_2$ или $^3/_4$ д. въ діаметрѣ. Такихъ трубъ есть одна въ Кенсингтонскомъ музеѣ, длиною 4 ф. 2 д. (табл. II, № 7), двѣ въ Луврскомъ и по одной въ музеяхъ Guimet, въ Лейпцигскомъ (табл. II, № 8) и въ Берлинскомъ ($1^1/_2$ аршина длины). Сюда же нужно отнести прямую, но болѣе короткую (2 фут.) трубу Кенсингтонскаго музея, названную однимъ именемъ съ Тибетской Hwang teih, а также трубу Берлинскаго музея Ля-па (около 1 арш. длин.).

Экземпляръ, похожій съ виду на китайскія прямыя трубы длиною въ $1^1/_2$ аршина подъ именемъ „Японской трубы", Раппа (Rappa), представленъ въ Берлинскомъ музеѣ.

У Таранчинцевъ въ восточномъ Туркестанѣ, по описанію Н. М. Пан-

представлены двѣ трубы индійскаго племени Мундруку съ нижняго теченія рѣки Амазонки, называющіяся на мѣстномъ нарѣчіи „Турэ“. Одна изъ нихъ длиною около 1-го, а другая около 2-хъ аршинъ, обѣ украшены перьями. Но это еще сравнительно короткія трубы, гораздо длиннѣе ихъ (около $3^1/_2$ арш. длины при діаметрѣ около 2 дюйм.) встрѣчаются въ Венецуэлѣ и Бразиліи. Эти послѣднія оканчиваются небольшимъ деревяннымъ раструбомъ. Венецуэльскихъ трубъ два экземпляра можно видѣть въ Лейпцигскомъ и въ Берлинскомъ музеяхъ, Бразилійскую же—только въ Лейпцигскомъ.

Такія же тонкія и прямыя, но еще болѣе длинныя трубы существуютъ въ Чили. Въ Лейпцигскомъ музеѣ есть двѣ Чилійскія трубы около 3 арш. длиной, двѣ около 4 арш. и одна, самая длинная,—до 2-хъ саженъ. Сдѣланы эти трубы изъ бамбука и обмотаны снаружи или тонкимъ и гибкимъ тростникомъ или, также какъ въ Новой Зеландіи, тоненькой веревочкой. Самая длинная кромѣ того обтянута чѣмъ то бѣлымъ прозрачнымъ вродѣ пергамента. Другая особенность Чилійскихъ трубъ—это ихъ раструбы или резонаторы изъ короткихъ воловьихъ роговъ, плотно прикрѣпленныхъ къ концу трубы. Мундштучныя отверстія этихъ трубъ сдѣланы, также какъ въ Европѣ и въ Азіи. Для этого тонкій ихъ конецъ срѣзывается перпендикулярно къ оси или, если нужно получить отверстіе побольше,—наискось.

Прямыя деревянныя трубы второго типа, т. е. съ утолщеніемъ въ передней части, встрѣчаются только въ Южной Америкѣ. Въ Британскомъ музеѣ есть труба съ сѣверо-восточнаго берега Южной Америки около $^3/_4$ арш. длины, обвитая въ двухъ мѣстахъ тростникомъ (табл. I, № 10). Такой же формы труба есть въ Вѣнскомъ музеѣ (Naturhistor. Hofmuseum) около $1^1/_2$ арш. длины изъ Банива, въ Бразильской Колумбіи (табл. I, № 1). Въ Пражскомъ музеѣ Напрстка есть такая же труба съ рѣки Атабапу отъ индійскихъ племенъ: Банива, Аранэри и Кароцана (табл. I, № 9). На мѣстномъ нарѣчіи она называется „Батуто“. Наружная поверхность ея украшена птичьими перьями, причемъ въ надписи сказано, что украшеніе это мѣняется всякій разъ, когда труба передъ ея употребленіемъ размачивается въ водѣ.

Кромѣ перечисленныхъ деревянныхъ трубъ, имѣющихъ мундштучное отверстіе такое же какъ въ Европѣ и Азіи, въ сѣверо-восточномъ углу Южной Америки мы находимъ деревянныя трубы съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Африкѣ. Сюда принадлежатъ двѣ трубы Пражскаго музея Напрстка (около $2^1/_2$ арш. длиной), которыя на мѣстномъ нарѣчіи называются „Япуруру“. Онѣ происходятъ изъ мѣстности Манаусъ на рѣкѣ Ореноко.

Первая изъ этихъ трубъ украшена перьями, а вторая множествомъ

№ 15). Отъ индійской китайская труба отличается тѣмъ, что у нея тонкая часть длиннѣе утолщенной.

Такія же трубы были въ средніе вѣка и въ Европѣ, судя по древнимъ рисункамъ и образцу, видѣнному нами въ Пражскомъ Національномъ музеѣ (табл. II, №№ 6 и 25).

Между прямыми и изогнутыми трубами переходную форму составляютъ такія, у которыхъ раструбъ отогнутъ въ сторону или назадъ; онѣ напоминаютъ собою курительную трубку. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, китайскія мѣдныя трубы, которыя значатся въ спискѣ древнихъ инструментовъ, составленномъ Китайскимъ императоромъ-меломаномъ, Кангъ-хи, жившимъ въ концѣ VII вѣка по Р. Хр. (75). Совершенно одинаковые экземпляры этого рода китайской трубы имѣются въ Луврскомъ музеѣ, въ музеѣ Guimet (въ Парижѣ), въ Британскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ (табл. II, № 9).

Такія же трубы существовали въ средніе вѣка въ западной Европѣ, какъ это видно изъ рисунковъ въ Кутногорской библіи 1489 года и изъ другихъ рисунковъ того же времени (табл. I, № 23) (76). Къ тому же типу трубъ принадлежалъ и римскій lituus, у котораго раструбъ отогнутъ въ сторону. Одинъ экземпляръ этой трубы былъ найденъ въ Англіи при очисткѣ рѣки Витамъ, около Таттерсгаля въ Минкольнширѣ. Онъ былъ мѣдный, но со слѣдами позолоты, длиною въ 4 фута, составной изъ 3 колѣнъ (табл. VI. №№ 3 и 4) (77).

Дальнѣйшій переходъ къ современнымъ европейскимъ, сильно изогнутымъ трубамъ, составляютъ трубы свернутыя по дугѣ круга, у которыхъ мундштукъ почти сходится съ раструбомъ. Изъ Индійскихъ трубъ сюда принадлежитъ, кромѣ вышеупомянутаго Kombu, двѣ трубы India museum:

1) Rana Sringa—изъ листовой мѣди, составленная изъ 5 колѣнъ, длиною въ 1 ф. 10 д., раскрашенная разными яркими красками (табл. II, № 18).

и 2) Труба безъ названія, составленная также изъ пяти колѣнъ и украшенная красными и желтыми рисунками.

Сюда же нужно отнести римскую металлическую трубу Cornu, которая первоначально приготовлялась изъ рога животныхъ, а позже изъ бронзы. Размѣры этой трубы были весьма значительны, а потому она укрѣплялась прямой металлической поперечиной, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и ручкой, за которую ее носилъ музыкантъ. Изображеніе ея можно видѣть на барельефахъ колонны Траяна (78). При дальнѣйшемъ сгибаніи такой трубы каналъ ея образуетъ болѣе чѣмъ полную окружность, раструбъ съ мундштукомъ разойдутся въ противоположныя направленія, а если при этомъ загибъ ея еще нѣсколько сплющенъ, то и получится современная европейская труба.

О трубахъ этой послѣдней формы въ Европѣ, образцомъ которыхъ можно

инструменты центральной Африки, въ Багирми, которыя по разсказамъ путешественниковъ, доходятъ до 8 фут. длиною (41).

Если отъ Африки мы обратимся къ Европѣ, то увидимъ, что у древнихъ грековъ и римлянъ въ ихъ цвѣтущія времена деревянныя трубы уже вышли изъ употребленія и были замѣнены металлическими. Правда, у грековъ была одна труба тростниковая, но самое названіе ея, „Мидійская" (42), говоритъ о чужеземномъ происхожденіи этой трубы.

Средневѣковая Европа наслѣдовала свои трубы отъ римлянъ; большинство ихъ были металлическія, кромѣ Buccin'ы одинаковаго названія съ римской, которая иногда приготовлялась изъ дерева, хотя чаще была металлической (43).

Что касается современной западной Европы, то въ ней инструментальная техника доведена до совершенства и нѣтъ въ настоящее время уголка, гдѣ бы не было оркестра, нѣтъ оркестра, въ которомъ бы не участвовала труба, и потому казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ жизни западнаго европейца нѣтъ уже болѣе мѣста для архаической деревянной трубы, а между тѣмъ она кое-гдѣ еще сохранилась. Такъ напримѣръ во Французской этнографической литературѣ упоминается деревянная труба бюрлюаръ (burloir) въ Бурбонэ (44). Одинъ экземпляръ ея хранится между прочимъ въ Парижскомъ музеѣ Трокадеро; она дѣлается изъ буковаго дерева и бываетъ длиною болѣе 1 фута, а толщиною въ руку.

Кромѣ того деревянныя трубы подъ названіемъ Alpenhorn сохранились еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, гдѣ онѣ приготовляются изъ еловаго дерева. Одну изъ такихъ трубъ намъ удалось видѣть въ Лаутербрунненѣ при подъемѣ на Венгернъ-Альпъ. Она была аршина 2 длиной, прямая, съ огромнымъ раструбомъ. Старикъ швейцарецъ построилъ себѣ будку на той дорогѣ, по которой проходили путешественники, и всякій разъ, какъ они показывались, выходилъ на встрѣчу и трубилъ. Путешественники слушали звуки, издаваемые трубой, осматривали ее и самого игрока въ его оригинальномъ старинномъ костюмѣ, давали ему мелкія монеты и шли далѣе. Въ Парижскомъ музеѣ Трокадеро есть одинъ экземпляръ Альпенгорна около 2 саженъ длиной, снаружи обмотанный спирально липовой корой. На самомъ концѣ, около раструба, онъ отогнутъ въ сторону (табл. I № 21), а въ другой конецъ его вставленъ мундштукъ изъ твердаго дерева.

Въ Германіи тоже кое-гдѣ сохранились длинныя деревянныя прямыя трубы. Такъ въ Нюренбергскомъ историческомъ музеѣ есть двѣ нѣмецкія трубы, сдѣланныя изъ лубка и оплетенныя снаружи берестой. Діаметръ ихъ у мундштука около 1 дюйма и нѣсколько увеличивается къ раструбу. Раструбъ сдѣланъ въ видѣ маленькой воронки и въ самой широкой части имѣетъ около 2 дюйм. въ поперечникѣ. Длина одной изъ этихъ трубъ 3 арш.

10 верш., а другой около 3 арш. Онѣ еще только недавно сданы въ музей, а до тѣхъ поръ сохранялись въ городской ратушѣ и выносились оттуда въ особо-торжественныхъ случаяхъ для участія въ разнаго рода процессіяхъ.

У норвежскихъ крестьянъ также до сихъ поръ употребляются деревянныя ольховыя трубы (45).

Изъ числа славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ такія трубы у сербовъ-лужичанъ. Въ Пражскомъ этнографическомъ музеѣ сохраняется одинъ экземпляръ такой трубы длиною въ 14 верш. съ коническимъ раструбомъ, она совершенно прямая и снабжена мѣдной кольцеобразной оковкой по серединѣ длины. По словамъ надписи это послѣдній и единственный экземпляръ лужицкой трубы.

Есть деревянныя трубы и у Угорскихъ славянъ. Два экземпляра ихъ представлены въ Пражскомъ музеѣ Напрстка, обѣ прямыя въ $1^1/_2$ аршина и $1^3/_4$ арш. длиной. Одна изъ нихъ обмотана берестой.

У Гуцуловъ (русскихъ горцевъ Галиціи) существуетъ два вида деревянныхъ трубъ: одна пастушеская длиною около 7 вершковъ, изогнутая въ формѣ рога, а другая для обрядовъ прямая длинная около 4 аршинъ длины называется тромбета или трембита. Таковы образчики этихъ трубъ, выставленные въ Пражскомъ музеѣ Напрстка; трембита залита внутри смолой, а снаружи обмотана берестой.

У Поляковъ-горцевъ изъ Татровъ (Часть Карпатскихъ горъ) деревянная труба прямая около $1^1/_4$ арш. длины на деревянномъ каркасѣ сплетена изъ бересты (Пражскій музей Напрстка).

У Поляковъ Царства Польскаго, также какъ у Гуцуловъ, деревянныхъ трубъ различаютъ два сорта: 1) Тромба, пастушеская 2) Лигавка или Легавка, труба обрядовая. Послѣдняя отличается отъ первой своей большой длиной и вставнымъ мундштукомъ изъ твердаго дерева, котораго у тромбы вовсе не имѣется.

Слово trąba—общеевропейское, однозвучное съ русскимъ труба, чешскимъ trouba, нѣмецк. Trompette, французск. trompete и т. д. Что же касается слова ligawka или legawka, то происхожденіе его темно и потому даетъ поводъ ко многимъ толкованіямъ. Въ польскомъ словарѣ древностей (46) его производятъ отъ польск. leganie—лежаніе, такъ какъ при длинѣ легавки отъ 2 до 3 локтей она слишкомъ тяжела, чтобы можно было играть на ней безъ опоры, а потому при игрѣ ее обыкновенно кладутъ или опираютъ объ заборъ. Вотъ почему, думаетъ авторъ, это названіе и не придается обыкновеннымъ короткимъ пастушескимъ трубамъ.

Но это объясненіе кажется намъ маловѣроятнымъ: намъ удавалось видѣть много польскихъ легавокъ и всѣ онѣ не превосходили 4 футъ въ длину, а

при такой длинѣ, какъ намъ приходилось также не разъ убѣждаться на опытѣ, трубы эти вовсе не нуждаются въ опорѣ. Длинныя же трубы, доходящія до 7 футъ и дѣйствительно нуждающіяся въ опорѣ, встрѣчаются не у поляковъ, а у малороссовъ Сѣдлецкой губ. и Полѣсья, гдѣ ихъ называютъ не легавками, а трубами.

Другое объясненіе того же слова далъ извѣстный знатокъ польской рѣчи и этнографъ г. І. Карловичъ. Первоначально онъ производилъ слово ligawka а отъ латинскаго liga—родъ шнура, такъ какъ труба эта связана вицами или шнурками (47). Но позже имъ было найдено другое, какъ намъ кажется, болѣе вѣроятное объясненіе того же слова отъ латинскаго ligula или lingula, уменьшит. отъ ligna (итальянск. lingua, lingnetta)—мундштукъ. И дѣйствительно шнурами или вицами стягивается не только лигавка, но и тромба, вставной же мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева считается у польскаго простонародья отличительной особенностью лигавки.

Лигавка, какъ мы увидимъ ниже, соединена у польскаго простонародья, съ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ вѣрованій и обычаевъ, а потому является настолько выдающимся явленіемъ въ польской народной жизни, что она не разъ уже была описываема въ польской литературѣ. Сюда относится прежде всего замѣтка въ польскомъ повременномъ изданіи, нынѣ уже не существующемъ, Kmiotek (48), въ которой описывается устройство лигавки и способъ ея приготовленія, принятаго въ Ломжинской губ. въ особенности въ Замбровскомъ приходѣ.

Другую замѣтку о лигавкѣ помѣстилъ въ этнографическомъ журналѣ Wisla (49) г. І. Карловичъ по поводу народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, экспонированныхъ на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Авторъ приложилъ къ своей замѣткѣ даже рисунокъ двухъ лигавокъ, представленныхъ на выставку, и краткое ихъ описаніе.

Наконецъ третья замѣтка есть въ словарѣ польскихъ древностей (50), о которомъ мы уже упоминали раньше. Здѣсь говорится, что естествоиспытатель 18-го вѣка, Клюкъ, въ своемъ сочиненіи о растеніяхъ упоминаетъ, что въ его время лигавки дѣлались изъ осины и вербы. Передается тамъ также, что лигавка издаетъ рядъ звуковъ: *g*, *c*, *e*, *g*, *c*, *a*, *g*, *c*, и т. д.

Два экземпляра этого инструмента, одинъ изъ дер. Дембовина Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губ. (табл. III, лит. Д) а другой изъ мѣст. Стэрдынь Соколовскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. (табл. III, лит. А), намъ удалось пріобрѣсти для этнографическаго музея Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ. Это—труба около 4 локтей въ длину слегка изогнутая; подъ названіемъ лигавки она извѣстна въ Ломжинской губерніи и въ

Польскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губ.: Венгровскомъ, Соколовскомъ, Гарволинскомъ и Сѣдлецкомъ. Въ Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, у русскаго населенія, труба совершенно такая же какъ въ Ломжинской губерніи (табл. IV, лит. А), но называется не легавкой, а трубой; названіе же легавка, хотя извѣстно здѣшнему народу, но считается „шляхетскимъ“. Въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. эта труба значительно измѣняется по своему внѣшнему виду и размѣрами много превосходитъ польскую трубу легавку (табл. V, лит. А, изъ Варшавскаго этнографическаго музея). Впрочемъ, такія трубы въ настоящее время становятся большою рѣдкостью и замѣняются жестяными. Во Влодавскомъ уѣздѣ трубы такія же какъ и въ Бѣльскомъ или же сплетенныя изъ бересты.

Въ Брестскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи деревянныя трубы совершенно прямыя, длиною до $1^1/_2$ саженъ; тоже самое и въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губ. Въ этомъ послѣднемъ мы пріобрѣли для этнографическаго музея Императорской Академіи двѣ деревянныя трубы: одну изъ села Козляковичи (табл. V, лит. Г), а другую изъ с. Бережное (табл. III, лит. В). Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ. трубы короче, мы пріобрѣли одну изъ нихъ въ с. Давидъ-Городокъ (табл. III, лит. Б).

Далѣе на востокъ длинныя трубы около сажени длиной, обмотанныя берестой, какъ мы узнали изъ распросовъ, встрѣчаются еще въ д. Зимница Быховскаго уѣзда Могилевской губ.

Въ Минскомъ уѣздѣ въ д. Цна (подъ Минскомъ) пастухи дѣлали прежде короткія деревянныя трубы, но теперь замѣнили ихъ жестянными.

Изъ Свѣнцянскаго уѣзда Виленской губ. есть деревянная труба въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ (табл. V, лит. Е). Деревянныя трубы латышей представлены были на Рижской этнографической выставкѣ. Здѣсь кромѣ обыкновенныхъ прямыхъ деревянныхъ трубъ, стянутыхъ обручами изъ вицъ или обвитыхъ берестой были еще трубы, сложенныя вдвое, на подобіе фагота. Всѣ такія трубы у латышей извѣстны подъ общимъ названіемъ taure.

О существованіи деревянныхъ трубъ въ Великороссіи мы собрали свѣдѣнія только изъ слѣдующихъ мѣстностей: Орловская губ., Сѣверная часть Черниговской губ., Тверская, Костромская, Владимірская, Московская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Олонецкая и Архангельская.

Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новогородской губ. деревянныя трубы дѣлаются такой же формы какъ въ Южной Америкѣ, т. е. въ видѣ бутылки, состоящей изъ двухъ трубъ: тонкой въ сторону мундштука и большаго діаметра въ сторону раструба.

Экземпляръ Олонецкой трубы мы представили въ музей Императорской

Академіи Наукъ: она изогнута на подобіе мѣдныхъ трубъ и оплетена берестой (табл. V, лит. I).

Если направиться еще далѣе на востокъ, то деревянныя трубы (палтемпут), аршина въ полтора, длиною мы найдемъ у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи. Такія же трубы (пуцо), длиною въ 2—3 аршина, есть и у черемисъ Казанской губ. Царево-кокшайскаго уѣзда (табл. IV, лит. Б).

Въ древнія, доисторическія времена труба была для человѣка первымъ телеграфомъ, устанавливавшимъ сношенія между людьми на такихъ разстояніяхъ, на которыхъ голосъ человѣческій не долеталъ. Отсюда понятно важное значеніе того разстоянія, съ котораго звукъ этого инструмента становился слышнымъ. Изъ практики же съ трубами—раковинами и рогами человѣку не трудно было убѣдиться, что разстояніе, съ котораго слышна труба, тѣмъ больше, чѣмъ звукъ ея ниже, а слѣдовательно, чѣмъ она длиннѣе. Но естественная длина роговъ и раковинъ имѣетъ свой предѣлъ. Было у человѣка одно средство удлинить рогъ, это—складывать по нѣсколько роговъ вмѣстѣ, надѣвая одинъ на конецъ другого, какъ это мы видѣли въ Бутанѣ и въ восточной Африкѣ. Но здѣсь являлось новое препятствіе: трудность плотнаго герметическаго соединенія между собою роговъ. Это-ли препятствіе или что-либо другое было тому причиной, но, за исключеніемъ немногихъ единичныхъ попытокъ, человѣкъ пренебрегъ вышеупомянутымъ средствомъ и рѣшилъ, оставивши рога животныхъ и раковины, обратиться къ другому матеріалу, бывшему у него подъ рукой, къ дереву, которое давало возможность дѣлать трубу несравненно болѣе длинной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при камышѣ или бамбукѣ, природа давала человѣку стволъ съ готовой трубообразной внутренней пустотой, оставалось только срѣзать такой стволъ и употреблять его какъ трубу. Но подобные пустые внутри стволы не вездѣ можно найти, а потому человѣку пришлось приготовлять ихъ искусственно. Операцію эту продѣлываютъ въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Такъ, напримѣръ, у французовъ сердцевину ствола выжигаютъ раскаленнымъ желѣзнымъ стержнемъ (51). Но этотъ способъ удобенъ только при короткихъ и тонкихъ трубахъ. Несравненно удобнѣе другой способъ, практикующійся въ Царствѣ Польскомъ и въ Полѣсьи. Стволъ дерева распиливаютъ въ длину на двѣ равныя половины, въ каждой половинѣ особымъ полукруглымъ стругомъ вырѣзаютъ полуцилиндрическій желобъ, затѣмъ обѣ половины ствола складываютъ вмѣстѣ и стягиваютъ обручами изъ вицъ, спиралью навернутымъ камышемъ, лыкомъ, берестой или желѣзными обручами. Наконецъ, третій способъ принятъ въ Швейцаріи: берутъ узенькія полосы такъ-называемаго бочечнаго, т. е. выструганнаго очень тонко, дерева, вымачиваютъ ихъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ пріобрѣтутъ надлежащую степень гибко-

пріемовъ игры на трубѣ, отъ котораго онъ не освобождается даже въ случаѣ тяжкой болѣзни. Тотъ, кто по болѣзни не въ состояніи прійти въ синагогу для присутствія при совершеніи обряда Текіотъ шоферъ (т. е. трубленія въ рогъ), обязуется пригласить трубача къ себѣ на домъ и тамъ его выслушать. Кромѣ того требуется, чтобы звукъ шофера шелъ отъ трубы прямо и непосредственно въ ухо слушателя, а не былъ бы отраженнымъ или преломленнымъ. Талмудъ перечисляетъ всевозможныя положенія, при которыхъ это можетъ случиться, вродѣ того, напримѣръ, что трубачъ находится на поверхности земли, а слушатель въ ямѣ и т. под. и прибавляетъ, что въ случаѣ сомнѣнія нужно начать выслушиванье съизнова. Женщинъ Талмудъ освобождаетъ отъ обязанности выслушиванья трубныхъ звуковъ, но обычай требуетъ его и вполнѣ приравниваетъ въ этомъ отношеніи женщинъ къ мужчинамъ.

Подобные же взгляды на трубу существовали и существуютъ и у другихъ народовъ, признающихъ трубленіе религіознымъ обрядомъ, обязательнымъ при богослуженіи. Что же касается такихъ народовъ, которые придерживаются обычая трубить въ извѣстные дни или времена года, но у которыхъ этотъ обычай вовсе не связанъ съ ихъ религіей, то въ большинствѣ случаевъ они трубятъ, не разсуждая, въ силу привычки и во исполненіе дѣдовскихъ преданій, а потому на вопросъ о цѣли трубленія не всегда могутъ дать опредѣленный отвѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и они назовутъ трубленіе „дѣломъ богоугоднымъ“ или скажутъ, что „не трубить-грѣшно“. Такъ, напримѣръ, намъ случилось толковать объ этомъ съ поляками Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи, которые считаютъ для себя обязательнымъ трубить ежегодно въ теченіе Рождественскаго поста. Они объяснили, что трубленіе дѣло очень „хорошее, богоугодное“. Но на вопросъ, для чего нужны Богу трубные звуки, большинство отвѣчало или, что это „имъ неизвѣстно“ или, что „такъ дѣлали ихъ отцы и дѣды“. Только нѣкоторые высказали робкое предположеніе, что трубный звукъ помогаетъ Богу разгонять нечистую силу или, что труба напоминаетъ людямъ о необходимости поститься. Когда мы пріобрѣли въ деревнѣ „лигавку“ для музея и возвращались на вокзалъ, въ полѣ попались намъ на встрѣчу два незнакомые парня, которые остановили экипажъ просьбой, дозволить имъ немножко потрубить на нашей „лигавкѣ“. Мы торопились на вокзалъ, а потому хотѣли имъ отказать, но возница изъ мѣстныхъ крестьянъ, объяснилъ, что „въ здѣшней мѣстности считается большимъ грѣхомъ не дать людямъ потрубить въ „лигавку“ во славу Божію“. Дѣлать нечего, пришлось согласиться, парни протрубили каждый по нѣскольку нотъ, похвалили покупку и съ благодарностью ее возвратили.

товлять кривыя трубы, выбирая для нихъ изогнутые куски дерева и тѣмъ уменьшали общую длину инструмента. Но дерево рѣдко даетъ очень крутые изгибы, да и приготовленіе трубы изъ такихъ сильно изогнутыхъ кусковъ становится затруднительнымъ. Если же взять дерево слегка изогнутое, какъ это дѣлаютъ поляки для своихъ „лигавокъ", то такая мѣра ощутительнаго удобства не принесетъ. Гораздо практичнѣе оказалось ломать деревянную трубу на куски и складывать ихъ такъ, какъ складываются въ настоящее время стволы фаготовъ и контръ-фаготовъ. Такія трубы, какъ было упомянуто выше, дѣлаютъ латыши. Однако, при складываніи колѣнъ трубы вѣроятно трудно было соединять концы ихъ, а потому такая труба, какую мы видимъ у латышей, представляетъ собою большую рѣдкость. Несравненно легче было изгибать мягкія трубы изъ кожи или бересты, какъ это мы видимъ у великороссовъ Олонецкой губерніи. Но такія трубы встрѣчаются тоже не особенно часто вѣроятно по трудности всегда имѣть подъ рукой изобиліе бересты. Словомъ и здѣсь полное устраненіе препятствій стало возможнымъ для человѣка только съ замѣною дерева, какъ матеріала для постройки трубы, металломъ.

Трубы металлическія.

Хотя металлическія трубы должны были явиться на свѣтъ какъ усовершенствованіе трубъ-раковинъ, роговъ и деревянныхъ и, слѣдовательно, позже всѣхъ другихъ трубъ, но начало этого инструмента уходитъ также въ доисторическія времена. Дѣйствительно, мѣдныя или бронзовыя трубы найдены въ раскопкахъ въ Европѣ, въ Азіи и въ Америкѣ. Въ Европѣ раньше всѣхъ была открыта знаменитая труба Копенгагенскаго музея, происхожденіе которой относятъ къ бронзовому періоду. Эта труба длиною въ 7 футъ, отлитая изъ двухъ кусковъ, была найдена въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія въ одномъ изъ могильныхъ холмовъ Шлезвига. Рядомъ съ нею помѣщалась низкая могила, обложенная плоскими камнями, съ остатками: одеждъ изъ шкуръ животныхъ, полотняной ткани, деревянныхъ сосудовъ, бычачьихъ роговъ и проч. Труба эта прекрасно отлита изъ сплава 0,9 мѣди съ 0,1 олова, звукъ ея низкій, ровный и звонкій, мундштукъ широкій, а раструбъ плоскій какъ тарелка. Сама она изогнута въ видѣ буквы S съ такимъ разсчетомъ, чтобы обвивала тѣло трубача и въ то время, когда мундштукъ приходился противъ его рта, раструбъ былъ обращенъ назадъ. Сначала, предполагали, что труба эта была привезена въ Данію съ востока въ готовомъ видѣ, но позже должны были признать, что она чисто мѣстнаго, датскаго происхожденія. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ трубой, въ томъ же курганѣ, были

найдены и другіе предметы, отлитые изъ одного съ нею металла, и остатки тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ производилась отливка. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Ютландіи и Шлезвига были найдены многіе предметы, отлитые подобнымъ же образомъ и изъ того же матеріала, вмѣстѣ съ формами, въ которыхъ производилась отливка и вмѣстѣ съ такими вещами, отливка которыхъ была неокончена (53). Позже такія же трубы много разъ находили въ Германской почвѣ, въ Мекленбургѣ и въ Швеціи; рисунокъ одной изъ нихъ, взятый у Вейса (54), мы помѣщаемъ на табл. VI № 1. Экземпляръ такой трубы есть между прочимъ, и въ Берлинскомъ музеѣ für Völkerkunde. Г. Мендель (55) въ своемъ музыкальномъ словарѣ говоритъ, что бронзовыя трубы встрѣчаются въ раскопкахъ кромѣ S-образной еще и въ формѣ, подражающей обыкновенному воловьему рогу. Эту послѣднюю трубу считаютъ даже древнѣе Копенгагенской. Тамъ же, гдѣ были найдены мѣдныя трубы, отрыта была каменная плита, на которой вырѣзана цѣлая сцена жертвоприношенія, сопровождаемаго танцами и игрой на трубахъ (56).

Кромѣ бронзовыхъ трубъ при раскопкахъ въ Шлезвигѣ былъ найденъ также „золотой рогъ“ съ фигурными украшеніями по наружной поверхности и съ руничеcкой надписью по краю раструба (57).

Въ Индо-Китаѣ, въ Бирмѣ, была также откопана бронзовая труба длиною въ 2 аршина, которая, подобно европейскимъ трубамъ, имѣетъ форму буквы S, но состоитъ не изъ двухъ кусковъ, какъ въ Европѣ, а изъ 4-хъ. Эта труба хранится въ Парижскомъ музеумѣ Gurmet (табл. II № 27). Мѣдныя трубы находили также и въ Америкѣ въ раскопкахъ по берегамъ рѣки Мисисипи (57 А).

Какого рода были древнія Американскія мѣдныя трубы, мы не знаемъ, но европейскія и бирманскія приготовлялись отливкой по кускамъ, затѣмъ куски складывались и спаивались. Такой способъ приготовленія металлическихъ трубъ принадлежитъ глубокой древности, въ наши времена онъ уже почти не практикуется, такъ какъ отливкой никогда нельзя получить такого легкаго инструмента съ такими тонкими и плотными стѣнками, какъ сгибаніемъ изъ листовой мѣди, полученной проковкой или прокаткой. Однако, металлическія трубы, приготовленныя отливкой, попадаются еще кое-гдѣ въ народномъ употребленіи и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, въ Индіи есть труба S-образной формы, сходная почти до полнаго тожества съ бирманской, она называется Kombee и экземпляръ ея можно видѣть въ Лондонскомъ India museum. Но такія трубы даже въ Индіи не часты. Такъ изъ множества Индійскихъ металлическихъ трубъ, сохраняющихся въ Европейскихъ музеяхъ, кромѣ вышеупомянутой Kombee, есть только одна въ томъ же India museum подъ названіемъ Kombu, которая изогнута по дугѣ вродѣ

нашей валторны и состоитъ изъ 12, отлитыхъ изъ бронзы, колѣнъ, спаянныхъ между собою (табл. II, № 29). Хотя форма ея отличается отъ Kombee, но близость названія даетъ право предполагать, что Kombu или Kombee въ Индіи называются вообще трубы отлитыя, въ отличіе отъ согнутыхъ изъ листовой мѣди.

Всѣ металлическія трубы по ихъ формѣ можно раздѣлить на прямыя и согнутыя. Между прямыми различаются два сорта: 1) трубы постепенно расширяющіяся отъ мундштука къ раструбу, 2) похожія формою на бутылку съ выбитымъ дномъ, т. е. состоящія изъ двухъ короткихъ прямыхъ трубъ различнаго діаметра, соединенныхъ между собою.

Начнемъ съ прямыхъ перваго сорта и обратимся прежде всего къ Индіи, отличающейся особеннымъ обиліемъ металлическихъ трубъ. Сюда относятся:

1) Nyasataranga—мѣдная труба длиною около 1 ф. 2 д., представленная въ двухъ экземплярахъ въ Гамбургскомъ музеѣ (табл. II, № 2). Она очень близка по своему названію виду и размѣрамъ къ:

2) Nyasataranga, серебряной трубѣ India museum, длина которой 1 ф. 3 д. (табл. II, № 6),

3) Habatcha—мѣдная труба въ формѣ рупора или говорной трубы длиною около 1 ф. 9 д. (Берлинск. муз.),

4) Tuttari—труба изъ Мадраса, представленная въ двухъ экземплярахъ въ India museum, одинъ — около 1 ф. 10 д. длиной, а другой—болѣе 2 ф. 4 д. (табл. II, № 5); эта труба упоминается въ словарѣ Менделя подъ именемъ Tutare (58),

5) Труба оттуда же безъ названія въ томъ же музеѣ длиною 2 ф. 4 д. (табл. II, № 6),

6) Труба изъ Непала той же длины и того же музея (табл. II, № 3),

7) Hong—съ широкимъ раструбомъ, длиною около 3 ф. въ Берлинскомъ музеѣ (табл. II, № 12),

8) Bonu—изъ Ориссы мѣдная труба съ деревяннымъ мундштукомъ, дл. 3 ф. 8 д. (India mus.),

9) Kaha—длина 4 ф. 6 д. (Берлинск. муз.)

и 10) Tarai—изъ Мадраса длиною 9 ф. 3½ д. Кенсингтон. муз. (табл. II, № 4).

Послѣдняя труба, какъ кажется, одно и тоже, что Tare или Ramsinga, упоминаемая въ музыкальномъ словарѣ Г. Менделя (59) и у Амброса (60), длину ея г. Мендель опредѣляетъ въ 2 метра.

Въ Тибетѣ нѣтъ никакихъ трубъ кромѣ прямыхъ; повидимому, изогнутыя трубы не дозволяются тамъ обычаемъ. Самая короткая изъ нихъ, сохраняющаяся въ Кенсингтонскомъ музеѣ, имѣетъ 6 вершковъ длины, у ней нѣ-

сколько сплюснутый раструбъ. Затѣмъ слѣдуетъ Hwang teih длиною до 18 дюйм. съ раструбомъ въ видѣ разинутой пасти дракона (Кенсингтонск. муз.). Точно такого же вида два экземпляра трубъ около $^{1}/_{2}$ аршина длиной есть въ Лейпцигскомъ музеѣ. Онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ латуни. Труба музея Guimet имѣетъ до $1^{1}/_{4}$ аршина длины (табл. II, № 14). Труба Слагъ-дунъ Гамбургскаго музея изъ красной мѣди имѣетъ $2^{1}/_{4}$ арш. длины. Оковки у нея изъ желтой мѣди, мундштукъ тарелкообразный, діаметръ раструба 5 д. (табл. II. № 26). Точно такія же двѣ трубы есть въ Лейпцигскомъ музеѣ и двѣ въ Берлинскомъ. Еще болѣе длинныя трубы до 1 сажени въ длину изъ красной мѣди съ оковками изъ латуни можно видѣть въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ музеѣ. Наконецъ, самыя длинныя изъ Тибетскихъ трубъ до $2^{1}/_{2}$ саженъ длины при діаметрѣ раструба 10 дюйм. хранятся въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ и въ 4-хъ въ Берлинскомъ музеѣ. Всѣ онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ бѣлаго металла, украшенными тисненымъ орнаментомъ. Около раструба къ нимъ приклепаны бляшки съ кольцами для подвѣшиванія инструмента къ потолку храма.

Въ буддійскихъ кумирняхъ Монголіи, по описанію г. Поздѣева, есть также длинныя мѣдныя трубы буръ около 1 сажени длиною, т. е. такія же какъ и въ Тибетѣ (61).

Повидимому длинныя, прямыя, мѣдныя трубы составляютъ неизбѣжную принадлежность буддійскаго богослуженія, потому что онѣ есть и у калмыковъ въ Европейской Россіи (62).

Нашъ путешественникъ, г. Грумъ-Гржимайло, упоминаетъ про такія же трубы въ западномъ Китаѣ и называетъ ихъ за исполинскіе размѣры іерихонскими (63). Китайскихъ прямыхъ трубъ въ Европейскихъ музеяхъ представлено нѣсколько сортовъ; въ отличіе отъ Тибетскихъ онѣ дѣлаются преимущественно изъ желтой листовой мѣди (латуни) и имѣетъ очень тонкій, ровный по своей длинѣ, стволъ около $^{1}/_{2}$ или $^{3}/_{4}$ д. въ діаметрѣ. Такихъ трубъ есть одна въ Кенсингтонскомъ музеѣ, длиною 4 ф. 2 д. (табл. II, № 7), двѣ въ Луврскомъ и по одной въ музеяхъ Guimet, въ Лейпцигскомъ (табл. II, № 8) и въ Берлинскомъ ($1^{1}/_{2}$ аршина длины). Сюда же нужно отнести прямую, но болѣе короткую (2 фут.) трубу Кенсингтонскаго музея, названную однимъ именемъ съ Тибетской Hwang teih, а также трубу Берлинскаго музея Ля-па (около 1 арш. длин.).

Экземпляръ, похожій съ виду на китайскія прямыя трубы длиною въ $1^{1}/_{2}$ аршина подъ именемъ „Японской трубы“, Раппа (Rappa), представленъ въ Берлинскомъ музеѣ.

У Таранчинцевъ въ восточномъ Туркестанѣ, по описанію Н. М. Пан-

тусова, есть прямая мѣдная труба, называемая Карнай, длиною 5 футъ, съ раструбомъ до 10 дюйм. въ діаметрѣ (64). У киргизовъ эта труба извѣстна подъ именемъ керней (65).

Кромѣ того, прямыя металлическія трубы были и у древнихъ Ассирійцевъ, какъ показываетъ рисунокъ на одномъ изъ древнимъ барельефовъ (66) и существуютъ по сіе время у современныхъ персовъ (длиною въ человѣческій ростъ) (67), у грузинъ подъ именемъ „буки" (68) и у сванетъ (69).

О прямыхъ древне-еврейскихъ трубахъ хазозра или асосра мы уже говорили при описаніи деревянныхъ трубъ, а потому здѣсь остается только напомнить, что трубы эти кромѣ дерева дѣлались изъ мѣди и серебра.

Къ еврейской хазозрѣ очень близка Египетская длинная труба; музыкальными историками она считается даже прародительницей еврейской трубы, аббиссинской, римской, этрусской и греческой (70). Справедливо-ли такое предположеніе, мы не знаемъ, да это для насъ и не важно, несомнѣнно только то, что всѣ шесть перечисленныхъ трубъ очень сходны между собою, иначе не было бы смысла искать для нихъ одну общую прародительницу. Кромѣ длинной трубы у Египтянъ существовала еще другая тоже прямая, но короткая, вродѣ нашего рупора.

Въ древней Европѣ прямая металлическая труба была у римлянъ подъ названіемъ Tuba, у грековъ подъ названіемъ Аргивской (71) и у кельтовъ подъ именемъ Karnix; у послѣдней раструбъ дѣлался въ видѣ раскрытой пасти животнаго (72). Въ средніе вѣка, какъ видно изъ историческихъ документовъ, хроникъ, древнихъ стихотвореній и рисунковъ тѣхъ временъ, въ западной Европѣ между множествомъ различныхъ трубъ встрѣчалась и римская tuba и, производная отъ нея, tubesta, но была тамъ и своя прямая очень длинная труба, извѣстная подъ именемъ Salphinx (73).

Въ восточной Европѣ прямыя и длинныя металлическія трубы, похожія на римскую, были также извѣстны съ незапамятныхъ временъ, онѣ изображены на фрескахъ катакомбъ, открытыхъ въ Керчи въ 1841 году. Фрески эти приписываются, какъ извѣстно, сарматамъ (74). Къ восточной же Европѣ нужно отнести турецкую и татарскую прямыя трубы, которыя были представлены на Парижской выставкѣ 1867 года (74 А). Польскія и русскія прямыя же, но не мѣдныя, а жестяныя трубы мы разсмотримъ отдѣльно.

Къ прямымъ бутылкообразнымъ трубамъ принадлежитъ Индійская труба Punchama Attu — изъ Мадраса (табл. II, № 11), тонкая и болѣе короткая ея часть имѣетъ 1 д. въ діаметрѣ, а толстая около 4 д. (въ Кенсингтонскомъ музеѣ), экземпляръ такой же трубы изъ Китая есть въ музеяхъ Луврскомъ (табл. II, № 10), Guimet (въ Парижѣ), Британскомъ, Берлинскомъ (длин. около 1 арш.) и Гамбургскомъ (1 арш. 2 вершк., табл. II,

экзамена, они принимались въ члены общества, то надъ ними совершался, какъ нѣкогда надъ рыцарями, обрядъ посвященія посредствомъ пощечины (119)

Какъ отдаленное эхо рыцарскаго обычая носить при себѣ рогъ, до недавнихъ поръ сохранялось обыкновеніе у знатныхъ польскихъ магнатовъ и у нашихъ русскихъ помѣщиковъ старыхъ временъ вмѣстѣ съ образцами оружія собирать у себя коллекцію охотничьихъ роговъ и развѣшивать ихъ по стѣнамъ своихъ кабинетовъ. Еще недавно намъ пришлось осматривать богатую коллекцію такихъ роговъ, между которыми были и трубы-раковины, въ „палацѣ“ князя Сангушко въ м. Славутѣ (Волынской губ.).

Что разсматриваемое нами почетное положеніе въ обществѣ трубачей не составляетъ исключительной принадлежности Европы и Азіи, видно изъ того, что разсказываютъ путешественники о султанствѣ Баггирми въ Центральной Африкѣ. Тамъ во время торжественныхъ выѣздовъ султана впереди процессіи идетъ отъ 8 до 12 человѣкъ музыкантовъ, играющихъ на длинныхъ деревянныхъ трубахъ. Трубы эти вмѣстѣ съ литаврами и барабанами принадлежатъ къ королевскимъ регаліямъ, а музыканты, на нихъ играющіе, ведутъ свой родъ отъ брата перваго баггирмійскаго короля, слѣдовательно, принадлежатъ къ королевскому роду. Благодаря своему высокому происхожденію, они пользуются даже особой привиллегіей, считающейся въ Баггирми весьма почетной, а именно: при входѣ во дворецъ султана всѣ подданные его должны снимать оружіе и обувь и обнажать свои плечи, тогда какъ трубачи, наравнѣ съ чужеземцами, имѣютъ право своихъ плечъ не обнажать (120). Здѣсь сходство съ Европой, кромѣ высокаго происхожденія трубачей, заключается также и въ томъ, что трубы принадлежатъ къ числу королевскихъ регалій и что въ торжественномъ выходѣ короля ему предшествуютъ трубачи. Другой примѣръ такого же обычая даетъ путешественникъ по Африкѣ, Швейнфуртъ, который разсказываетъ, что король народа Момбутту, въ восточномъ Суданѣ, появлялся на аудіенцію при звукѣ рожка (121). Наконецъ, въ южной Африкѣ у народа Мганге шаманы, соотвѣтствующіе сѣверно-Азіатскимъ и Американскимъ, имѣютъ при своихъ заклинаніяхъ не бубенъ и трещетку, какъ въ Азіи и Америкѣ, а волшебный рогъ или трубу. Тоже самое и у папуасовъ на Ново-Гебридскихъ островахъ. Шаманы здѣсь, какъ извѣстно, замѣняютъ жрецовъ (122).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы убѣждаемся, что игра на трубѣ считалась въ старину какъ бы привилегіей двухъ почетнѣйшихъ классовъ общества: духовенства и военнаго сословія. Имѣя это въ виду и обращаясь къ другимъ народамъ, у которыхъ еще сохранился обычай трубленія въ различные моменты ихъ жизни, но игра на трубѣ уже не составляетъ привилегіи духовнаго или военнаго сословія, мы найдемъ, однако, въ современныхъ обы-

считать нашъ современный военный рожокъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ выходитъ уже изъ области этнографіи и относится цѣликомъ къ исторіи Европейской музыки, но необходимо указать на трубы такого же вида у другихъ народовъ земного шара. Казалось бы, что перейти отъ формы римскаго cornu къ современному европейскому корнету не было ничего легче; оставался лишь одинъ ничтожный шагъ, но между тѣмъ этотъ шагъ не переступилъ ни одинъ изъ цивилизованныхъ народовъ древняго міра, ни Египтяне, ни Евреи, ни Ассирійцы, ни древніе Греки, ни даже Римляне. Кромѣ Европейцевъ XV-го вѣка его сдѣлали только Арабы и жители Индостана. Дѣйствительно арабская труба Нэфиръ оказалась настолько близка къ современной Европейской, что среди историковъ музыки возникъ даже вопросъ, не заимствововали ли Европейцы форму своей современной трубы отъ Арабовъ. Что касается Индіи, то тамъ есть нѣсколько сортовъ такихъ трубъ:

1) Двѣ трубы India museum изъ Мадраса одна около $^3/_4$ арш. длины изъ 4-хъ колѣнъ (табл. II, № 17), а другая около 1 аршина длиною изъ трехъ,

2) Vanga — такая же труба длиною около 1 арш. (тамъ же и оттуда же) (табл. II, № 23),

3) Turl — изъ 6 колѣнъ, разрисованная красной, желтой и черной красками, длиною 2 ф. $3^3/_4$ д. (тамъ же),

и 4) Carnal — труба Непала длин. около $1^1/_2$ арш. (Берлинскій музеумъ) (табл. II, № 13).

Чтобы закончить перечень всѣхъ сортовъ металлическихъ трубъ необходимо еще упомянуть о трубахъ изогнутыхъ волнообразно или въ видѣ змѣйки. Въ Индіи такихъ трубъ мы знаемъ только двѣ:

1) Труба изъ Непала въ India museum длиною около 1 арш. изогнутая только 2 раза (табл. II, № 16)

и 2) Nackbhina — въ Берлинскомъ музеѣ, изогнутая нѣсколько разъ (табл. II, № 28).

Въ Европѣ этимъ трубамъ соотвѣтствуетъ средневѣковый Серпентъ, названіе котораго происходитъ отъ „змѣи“. Намъ случилось видѣть три образчика этого инструмента: одинъ въ Нюренбергскомъ музеѣ, другой въ Чешскомъ Національномъ, а третій на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Онъ дѣлался и изъ металла и изъ дерева (табл. I, № 28).

Всѣ перечисленныя здѣсь металлическія трубы принадлежатъ исключительно Европѣ и Азіи, что же касается остальныхъ частей свѣта, то въ Америкѣ кромѣ замѣтки о мѣдныхъ трубахъ, отрытыхъ при раскопкахъ, мы не нашли никакихъ намековъ на металлическія трубы, ни въ литературѣ, ни въ

осмотрѣнныхъ нами, музеяхъ западной Европы. Въ Австраліи также не было металлическихъ трубъ до пріѣзда туда Европейцевъ. Что касается Африки, то, кромѣ металлическихъ трубъ древняго Египта, мы находимъ бронзовыя литыя трубы у негровъ Южнаго Конго; въ Берлинскомъ музеѣ ихъ есть 3 экземпляра. Всѣ онѣ короткія и приготовлены въ формѣ воловьихъ роговъ съ мундштучнымъ отверстіемъ сбоку. Наружная поверхность этихъ трубъ украшена орнаментомъ.

Надо замѣтить, что, приготовляя металлическія трубы, человѣкъ старался формой ихъ подражать болѣе раннимъ своимъ трубамъ изъ раковинъ, изъ роговъ или изъ дерева. Такъ, напримѣръ, у римлянъ была мѣдная прямая труба, подражавшая своимъ видомъ раковинѣ. Также, какъ эта послѣдняя, она называлась buccina (табл. VI, № 2). Другая римская труба, извѣстная подъ тѣмъ же названіемъ, была сильно изогнута и имѣла большой раструбъ (табл. VI, № 5). Римское cornu подражало рогу животныхъ, прямая Tuba—деревянной трубѣ, а lituus—деревянной трубѣ съ роговымъ раструбомъ (см. рисунокъ).

Этимъ же обстоятельствомъ, намъ кажется, возможно объяснить, почему буддисты въ Тибетѣ при своемъ богослуженіи держатся исключительно прямыхъ трубъ. Вѣроятно этимъ трубамъ предшествовали деревянныя, которыя почти не встрѣчаются другого вида, кромѣ прямыхъ, а современныя металлическія трубы Тибета очевидно подражаютъ своей формой деревяннымъ.

Трубы жестяныя.

Эти трубы мы помѣщаемъ отдѣльно отъ мѣдныхъ потому, что онѣ принадлежатъ новѣйшему времени, такъ какъ и самый матеріалъ для нихъ, жесть—произведеніе техники новѣйшихъ временъ. Несмотря на свою новизну, жестяныя трубы могутъ имѣть этнографическій интересъ; онѣ дѣлаются не для высшихъ классовъ народа, а исключительно для деревенской бѣдноты и появляются только тамъ, гдѣ уже и ранѣе ихъ существовали трубы или роговыя или деревянныя, взамѣнъ этихъ послѣднихъ. Жестяную трубу намъ приходилось встрѣчать только у славянъ. Чешскій экземпляръ такой трубы, сохранявшійся въ частной коллекціи профессора Варшавскаго университета, Ф. И. Іезберы, изъ Брезницы, Писецкаго округа, представленъ нами на фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. O). Сюда же относится труба русскихъ галичанъ изъ восточныхъ Карпатъ въ музеѣ Напрстка въ Прагѣ (табл. I, № 30). Въ Царствѣ Польскомъ намъ случилось видѣть жестяную трубу подъ названіемъ тромба у пастуховъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города Соколова, (въ дер. Воевудка) и въ окрестностяхъ города Плоцка, кромѣ того

она входитъ понемногу въ употребленіе взамѣнъ деревянной трубы въ уѣздахъ Радинскомъ и Влодавскомъ, Сѣдлецкой губ. Въ Россіи намъ извѣстно ея существованіе въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ гор. Рѣчицѣ Минской губ., въ ближайшихъ окрестностяхъ города Минска (табл. V, лит. M и N), въ м. Шкловѣ, Могилевской губ., въ окрестностяхъ города Брянска, Орловской губ., въ Череповецкомъ ѣздѣ, Новгородской губ. и въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губ.

Трубы стеклянныя.

Стеклянныя трубы представляютъ собою диковинку, которая впрочемъ не ограничивается какой-либо одной мѣстностью. Хотя по своей древности онѣ много уступаютъ трубамъ изъ раковинъ, роговъ и даже металлическимъ, но все-таки въ Европѣ онѣ далеко не новость. Такъ, въ Нюренбергскомъ историческомъ музеѣ выставлена старинная стеклянная труба, изогнутая какъ современный корнетъ-а-пистонъ съ воронкообразнымъ раструбомъ и съ металлическимъ мундштукомъ. Далѣе намъ удалось узнать о существованіи стеклянныхъ трубъ у крестьянъ Сѣдлецкой губ.: въ окрестностяхъ Лохова (станціи Варшавско-Петербургской желѣзной дороги), въ селѣ Стара Весь, Венгровскаго уѣзда, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Гарвалина и въ селѣ Долгоброды, Бѣльскаго уѣзда. Трубы эти, разумѣется, встрѣчаются только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ есть стеклянные заводы.

Вѣрованья, соединенныя съ трубами.

Труба—инструментъ священный.

Изъ числа историческихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о трубахъ, наиболѣе древними и полными нужно считать библейскія. Въ древней исторіи евреевъ труба играла весьма значительную роль, неразрывно связанную съ религіей. Такъ, напримѣръ, самый выдающійся моментъ религіозной жизни еврейскаго народа, законодательство на горѣ Синайской, сопровождалось трубными звуками: „на третій день при наступленіи утра были (на горѣ Синайской) громы и молніи и густое облако надъ горою и трубный звукъ весьма сильный... И вывелъ Моисей народъ изъ стана... и стали у подошвы горы... и вся гора сильно колебалась, и звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе„... (79). Восхожденіе на гору Синай также было связано со звукомъ трубы (80): „...всякій, кто прикоснется къ горѣ, преданъ будетъ смерти... скотъ ли то, или человѣкъ, да не останется въ живыхъ, во время

протяжнаго звука трубы (когда облако отойдетъ отъ горы), могутъ взойти на гору...“ Въ библіи есть кромѣ того много мѣстъ, гдѣ трубленіе предписывается отъ лица Божія, но мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи.

Не менѣе высокимъ уваженіемъ пользуется труба и у другихъ народовъ Стараго свѣта, такъ напр., въ Индіи маленькій воловій рогъ, Sringa, считается любимѣйшимъ инструментомъ божества Сивы (надпись Берлинскаго музея); раковина Dévadatta, по преданію, была подарена богами Арьюнѣ, третьему брату Пандава (India museum), а индійская труба изъ человѣческой берцовой кости считается инструментомъ священнымъ (Кенсингтон. муз.).

У буддистовъ въ Монголіи, по словамъ г. Поздѣева (81), о мѣдныхъ трубахъ существуетъ преданіе, что онѣ изобрѣтены въ угоду святому Падма Самбавѣ его индійскими поклонниками и звукомъ своимъ подражаютъ „реву небесныхъ слоновъ“. Употребленіе же раковины въ качествѣ богослужебнаго инструмента преданіе относитъ ко временамъ самого Будды. Одну изъ такихъ раковинъ, по преданію, Буддѣ преподнесъ царь драконовъ. Ученики Будды употребляли ее для призыва къ богослуженію, а потомъ Будда приказалъ спрятать эту раковину подъ горою Дурихту, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою (основателемъ одной изъ буддійскихъ сектъ), что дѣйствительно и случилось при постройкѣ монастыря Галданъ-Хита. Въ этомъ монастырѣ, упомянутая раковина хранится и до сихъ поръ какъ чудотворная святыня.

У Японцевъ пяти инструментамъ: флейтѣ-траверсу, флейтѣ Пана, литаврамъ, гонгу и морской раковинѣ приписываютъ священный характеръ. Въ былыя времена, какъ говоритъ народное преданіе, Великое Божество, освѣщающее міръ, не смогло выносить зрѣлища постояннаго безчеловѣчія людей и скрылось въ пещеры моря. Людямъ удалось выманить его оттуда игрою на пяти названныхъ инструментахъ; съ изобрѣтеніемъ музыки тьма исчезла съ лица земли (82).

По киргискому вѣрованію, солнце при восходѣ всегда упирается, а когда его заставляютъ восходить насильно, то „кричитъ пронзительнымъ голосомъ“. Если же люди не слышатъ этого крика, то это потому, что въ городѣ Джабулса, расположенномъ около того мѣста, гдѣ восходитъ солнце, трубятъ въ керней (трубу) и сурней (родъ гобоя) (83). Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ можно видѣть какъ-бы отголосокъ японскаго преданія.

У грековъ Плиній называетъ изобрѣтателемъ военной трубы Пизія изъ Тиррена, сына Геракла и Лиды, т. е. человѣка полубожественнаго происхожденія. По другому миѳу, изобрѣтеніе страшной военной трубы приписывается Пану (84).

По сказаніямъ Германской миѳологіи, дорога къ Асгарду, небесному жилищу Боговъ, вела черезъ многоцвѣтный мостъ изъ радуги. По ней могли проходить только боги и герои, для великановъ же она была закрыта. Дорогу эту оберегалъ стражъ Асгарда, Геймдаль, который могъ слышать, какъ растетъ трава на лугу и шерсть у овецъ. Если богамъ грозила опасность, то стражъ давалъ объ этомъ знать звуками своего могучаго рога (85).

У древнихъ Египтянъ изобрѣтеніе рога приписывали Озирису (86).

Абиссинцы ведутъ происхожденіе своей трубы отъ Іудейской и думаютъ, что она была подарена царицѣ Савской царемъ Соломономъ (87).

Современные христіане вѣрятъ, что въ день страшнаго суда Архангелъ Михаилъ затрубитъ въ трубу, и всѣ мертвые воскреснутъ.

Албанцы думаютъ, что на ихъ трубѣ когда-то игралъ самъ царь Давидъ (88).

Даже чехи своей трубѣ-раковинѣ придаютъ священное значеніе, говоря, что она была подарена имъ папой (89).

Изъ сопоставленія этихъ вѣрованій и миѳовъ видно, что звукъ трубы пріятенъ для божества или же оказываетъ ему услуги, что само божество изобрѣло этотъ инструментъ и даровало его людямъ, а слѣдовательно игра на трубѣ прямо богоугодное дѣло. Это вѣрованіе особенно ярко обрисовывается вѣроученіемъ древнихъ и современныхъ евреевъ. Вопервыхъ всѣ предписанія еврейскаго Закона, касающіяся употребленія трубы въ разные моменты жизни народа Божія, не исключая и военной сигнализаціи, исходятъ отъ самого Бога и передаются отъ его лица; „и въ день веселія вашего и въ праздники ваши и въ новомѣсячія ваши трубите трубами при всесожженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ вашихъ...“ (90), „и когда пойдете на войну въ землѣ вашей противъ врага, наступающаго на васъ, трубите тревогу трубами...“ (91). Одинъ день въ году у древнихъ евреевъ даже исключительно посвящался трубѣ, что уже прямо граничитъ съ культомъ этого инструмента: „и въ седьмой мѣсяцъ, въ первый (день) мѣсяца, да будетъ у васъ священное собраніе, никакой работы не работайте, пусть будетъ это у васъ день трубнаго звука“

У современныхъ евреевъ, какъ извѣстно, сохранился обрядъ трубленія въ бараній рогъ въ синагогахъ и вотъ Талмудъ внушаетъ тѣмъ лицамъ, которыя берутъ на себя исполненіе этого обряда, благоговѣйное отношеніе къ нему, рекомендуя проникнуться мыслію, что трубленіе совершается не ради наслажденія музыкою, а во исполненіе закона. По объясненію Талмуда, звуки шофера даютъ Ангеламъ силу и возможность плести изъ нихъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. При этомъ требуется отъ каждаго правовѣрнаго еврея обязательное ежегодное выслушиваніе по крайней мѣрѣ девяти

пріемовъ игры на трубѣ, отъ котораго онъ не освобождается даже въ случаѣ тяжкой болѣзни. Тотъ, кто по болѣзни не въ состояніи прійти въ синагогу для присутствія при совершеніи обряда Текіотъ шоферъ (т. е. трубленія въ рогъ), обязуется пригласить трубача къ себѣ на домъ и тамъ его выслушать. Кромѣ того требуется, чтобы звукъ шофера шелъ отъ трубы прямо и непосредственно въ ухо слушателя, а не былъ бы отраженнымъ или преломленнымъ. Талмудъ перечисляетъ всевозможныя положенія, при которыхъ это можетъ случиться, вродѣ того, напримѣръ, что трубачъ находится на поверхности земли, а слушатель въ ямѣ и т. под. и прибавляетъ, что въ случаѣ сомнѣнія нужно начать выслушиванье съизнова. Женщинъ Талмудъ освобождаетъ отъ обязанности выслушиванья трубныхъ звуковъ, но обычай требуетъ его и вполнѣ приравниваетъ въ этомъ отношеніи женщинъ къ мужчинамъ.

Подобные же взгляды на трубу существовали и существуютъ и у другихъ народовъ, признающихъ трубленіе религіознымъ обрядомъ, обязательнымъ при богослуженіи. Что же касается такихъ народовъ, которые придерживаются обычая трубить въ извѣстные дни или времена года, но у которыхъ этотъ обычай вовсе не связанъ съ ихъ религіей, то въ большинствѣ случаевъ они трубятъ, не разсуждая, въ силу привычки и во исполненіе дѣдовскихъ преданій, а потому на вопросъ о цѣли трубленія не всегда могутъ дать опредѣленный отвѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и они назовутъ трубленіе „дѣломъ богоугоднымъ“ или скажутъ, что „не трубить-грѣшно“. Такъ, напримѣръ, намъ случилось толковать объ этомъ съ поляками Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи, которые считаютъ для себя обязательнымъ трубить ежегодно въ теченіе Рождественскаго поста. Они объяснили, что трубленіе дѣло очень „хорошее, богоугодное“. Но на вопросъ, для чего нужны Богу трубные звуки, большинство отвѣчало или, что это „имъ неизвѣстно“ или, что „такъ дѣлали ихъ отцы и дѣды“. Только нѣкоторые высказали робкое предположеніе, что трубный звукъ помогаетъ Богу разгонять нечистую силу или, что труба напоминаетъ людямъ о необходимости поститься. Когда мы пріобрѣли въ деревнѣ „лигавку“ для музея и возвращались на вокзалъ, въ полѣ попались намъ на встрѣчу два незнакомые парня, которые остановили экипажъ просьбой, дозволить имъ немножко потрубить на нашей „лигавкѣ“. Мы торопились на вокзалъ, а потому хотѣли имъ отказать, но возница изъ мѣстныхъ крестьянъ, объяснилъ, что „въ здѣшней мѣстности считается большимъ грѣхомъ не дать людямъ потрубить въ „лигавку“ во славу Божію“. Дѣлать нечего, пришлось согласиться, парни протрубили каждый по нѣскольку нотъ, похвалили покупку и съ благодарностью ее возвратили.

Въ Гродненской губерніи, по разсказамъ тамошнихъ крестьянъ-малороссовъ, обычай трубить каждую осень поддерживается суевѣріемъ. Если въ какую-нибудь осень въ деревнѣ забросятъ трубу, то потомъ всякое деревенское несчастіе, какъ-то: неурожай, пожаръ, эпидемическую болѣзнь и проч. объясняютъ наказаніемъ Божіимъ за небреженіе къ дѣдовскому обычаю.

Труба въ качествѣ священнаго инструмента сохраняется въ храмѣ и употребляется при богослуженіи.

У древнихъ евреевъ трубы не только сохранялись въ преддверіи храма, но и работать ихъ можно было только въ храмѣ и притомъ не иначе, какъ на ступеняхъ алтаря. Работа эта лежала на обязанности священниковъ изъ колѣна Ааронова (93). По словамъ еврейскихъ историковъ, труба употреблялась при каждомъ богослуженіи въ храмѣ Іерусалимскомъ. Въ будничные дни трубили семь разъ въ день: одинъ разъ утромъ, три раза—во время утренняго богослуженія и три раза—во время вечерняго. Въ праздники трубили чаще, и число инструментовъ тогда увеличивалось. Если трубили во время богослуженія, послѣ какой-либо молитвы, то трубный звукъ считался признакомъ того, что молитва принята Богомъ (94). У современныхъ евреевъ бараній рогъ въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ обязательно хранится при каждой синогогѣ, но работаютъ его и продаютъ въ лавкахъ обыкновенные токари. Въ богослуженіи этотъ рогъ участвуетъ разъ въ годъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

О богослуженіи древнихъ Египтянъ и Ассирійцевъ до насъ не дошло такихъ полныхъ свѣдѣній, какъ о Іудейскихъ, но мы знаемъ однако, что у Египтянъ звукъ рога служилъ сигналомъ къ предстоящимъ жертвоприношеніямъ (95), а у Ассирійцевъ труба была необходимой принадлежностью храма, такъ какъ звукомъ своимъ собирала вѣрующихъ на богослуженіе (96).

Изъ комментарій къ Ведамъ мы узнаемъ, что и въ Индіи труба-раковина употреблялась браминами въ храмахъ, для призыванія вѣрующихъ на молитву (97). Тотъ же обычай сохраняется въ Индіи и до настоящаго времени (98).

О Сингалезахъ острова Цейлона говорятъ, что они страшно любятъ трубу и посвящаютъ ее своимъ храмамъ (90).

О Тибетѣ уже и говорить нечего, тамъ ни одно богослуженіе не обходится безъ трубъ. Въ Тибетскихъ храмахъ ламы (священники) поютъ съ акомпаниментомъ музыкальныхъ инструментовъ, между которыми самую видную роль играютъ трубы (100). Впрочемъ, тоже самое можно сказать и о всѣхъ буддистахъ. Г. Поздѣевъ подробно описываетъ обычаи съ трубами въ буддій-

скихъ монастыряхъ Монголіи. По его словамъ, между всѣми трубами первенствующую роль играетъ раковина. На жертвенникѣ буддійскихъ кумирнеъ, противъ главнаго бурхана (идола), въ числѣ „восьми жертвъ“ обыкновенно помѣщается „Д у н ъ-г а р ъ — символъ счастія... бѣлая раковина, издающая пріятные звуки на 10 странъ свѣта“. Кромѣ того, на жертвенный столъ ставятъ иногда особый приборъ, называемый „жертвою пяти чувствамъ“, на которомъ въ качествѣ „жертвы чувству слуха“ находится опять таки труба—раковина (101). Эта же труба употребляется въ качествѣ сигнальнаго инструмента и для призыва къ богослуженію. Въ каждомъ буддійскомъ монастырѣ имѣется б у р ѣ й н ъ ш а т а, т. е. деревянный помостъ на четырехъ столбахъ, вышиною сажени въ $1^1/_2$ или 2, замѣняющій наши колокольни. На такой помостъ по лѣстницѣ подымается лама съ раковиной и трубитъ. Мѣдными трубами, также призываютъ въ храмъ на богослуженіе, но только въ такомъ случаѣ, если жилища ламъ раскинуты на обширномъ пространствѣ. Звуками раковины извѣщаютъ также о наступленіи того или другого важнаго момента въ богослуженіи, о прибытіи х у б и л г а н а (буддійскаго святого) и т. п. (102).

Въ кумирняхъ нашихъ калмыковъ также сохраняется нѣсколько сортовъ музыкальныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ есть раковины, рога и очень длинныя трубы. Во время богослуженія жрецы поютъ иногда безъ акомпанимента, иногда же съ акомпаниментомъ оркестра (103).

У Бурятъ въ Забайкальи, въ Гусиноозерскомъ дацанѣ (храмѣ) въ богослуженіи участвуютъ также длинныя мѣдныя трубы и большія раковины. По разсказу очевидца, „чтеніе длится съ полчаса и прерывается безъ мѣры оглушительнымъ концертомъ: бой барабановъ и прямо ревъ въ громадныя трубы. Кончится концертъ и снова начинается протяжное чтеніе Ганьчжура ламами, затѣмъ опять музыка и т. д. безъ конца“ (104).

У Китайцевъ, какъ видно изъ надписи Кенсингтонскаго музея, большія раковины-трубы также употребляются при буддійскомъ богослуженіи.

Въ древнемъ Римѣ участіе трубачей при богослуженіи и при жертвоприношеніяхъ также считалось обязательнымъ.

У древнихъ Литовцевъ музыка, состоявшая изъ т р у б ъ, р о г о в ъ, бубновъ, котловъ и пищалокъ обязательно сопровождала обрядъ самой большой жертвы, приносившейся въ особо важныхъ случаяхъ главнымъ жрецомъ, Крэвэ-Крэвэйто, и вообще труба и бубенъ употреблялись при всѣхъ жертвенныхъ обрядахъ, когда ихъ совершали высшіе жрецы (105). У древнихъ поморскихъ славянъ въ ихъ Штетинскомъ храмѣ между прочими богатствами сохранялись рога, приспособленные къ музыкѣ (106).

Обычай сохранять трубы въ храмѣ и употреблять ихъ для благовѣста существовалъ въ старину и у христіанъ. Въ 9 вѣкѣ (107) онъ практи-

ковался между прочимъ въ Византіи. Что касается западной Европы, то тамъ и до сихъ поръ во многихъ христіанскихъ храмахъ сохраняются древніе рога. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы уже приводили съ олифантомъ Карла Великаго, сохраняемымъ въ сокровищницѣ Аахенскаго собора.

У французскихъ крестьянъ въ Пуату и Бурбонэ до настоящаго времени существуетъ, какъ остатокъ глубокой старины, обычай во время страстной недѣли, когда у католиковъ бываетъ такъ называемый „постъ колоколовъ", призывать народъ къ богослуженію игрой на деревянныхъ трубахъ. Молодые парни, на обязанности которыхъ лежитъ такой благовѣстъ, влѣзаютъ тогда на деревенскую колокольню (108). Такой же обычай сохранился и у христіанскаго народа Сванетъ на Кавказѣ. У нихъ въ числѣ древностей въ старыхъ церквахъ сохраняются мѣдныя трубы. Трубы эти, по преданію, замѣняли когда-то колокола и теперь еще по большимъ праздникамъ достаютъ эту традиціонную вещь и трубятъ въ нее, созывая народъ въ церковь, какъ это дѣлалось въ древности (109).

У Абиссинцевъ, сохранившихъ въ своихъ религіозныхъ обрядахъ много чертъ христіанства первыхъ вѣковъ, хотя нѣтъ обыкновенія употреблять трубу въ храмѣ при богослуженіи, но есть однако обычай трубленія, находящійся въ непосредственной связи съ храмовой службой. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ очевидцы:

„Кающіеся... не входятъ даже въ ограду храма, а молятся или у самой подошвы священнаго холма (на которомъ построена церковь) или далеко—далеко отъ него, въ какихъ нибудь уединенныхъ долинахъ... Клиры нѣкоторыхъ богатыхъ соборовъ, заботясь объ утѣшеніи всякаго рода плачущихъ, кающихся, подверженныхъ очищенію,—устраиваютъ для нихъ особую церковную музыку внѣ храма. Для этой цѣли употребляется труба „нагаритъ", необыкновенно дѣйствующая на чувство абиссинцевъ. Когда она издаетъ звуки церковной мелодіи, соотвѣтствующей той, которая одновременно съ этимъ раздается въ храмѣ,—стоящіе далеко отъ храма приходятъ въ молитвенный восторгъ" (109 А). А объ одномъ изъ абиссинскихъ народовъ, Галла, путешественники разсказываютъ, что у него „богослуженіе совершается подъ развѣсистымъ деревомъ. Молящіеся бьются головой объ стволъ дерева, поютъ и трубятъ въ бамбуковую трубу, называемую „fagga" и въ этомъ заключается весь богослужебный обрядъ" (110).

На трубахъ играютъ или духовныя лица или люди, занимающіе выдающееся положеніе въ обществѣ.

У древнихъ евреевъ игра на трубѣ была возложена на членовъ высшаго еврейскаго сословія, священниковъ. Въ библіи прямо говорится: „сыны

Аароновы, священники, должны трубить трубами, это будетъ вамъ постановленіемъ вѣчнымъ въ роды ваши" (111).

Въ Индія, какъ мы уже видѣли, трубленіемъ во время религіозныхъ торжествъ занимаются съ древнихъ временъ брамины, т. е. жрецы и въ тоже время люди, принадлежащіе къ высшей кастѣ. Кромѣ того, странствующіе дервиши, пользующіеся также высокимъ уваженіемъ въ Индійскомъ обществѣ, всегда имѣютъ при себѣ трубу-раковину и игрой на ней даютъ знать богомольцамъ о своемъ прибытіи въ городъ (112).

У Буддистовъ въ Тибетѣ, Монголіи и у бурятъ въ Забайкальи обязанность трубленія въ храмахъ возложена на буддійскихъ жрецовъ ламъ (113). По описанію г. Поздѣева, въ монгольскихъ монастыряхъ для игры на каждомъ инструментѣ есть лама—спеціалистъ, носящій особое названіе. Такъ называются дунчи или лабайчи, на мѣдныхъ трубахъ играютъ ламы бурѣчи, наконецъ благовѣстъ лежитъ на обязанности ламъ, мэдэчи (114).

Въ западномъ Китаѣ, у подножія Божьяго трона, по описанію Грумъ-Гржимайло, трубленіемъ во время богослуженія занимаются хошани т. е. жрецы (115).

Въ древне-римскомъ обществѣ трубачи также занимали почетное положеніе. Плутархъ разсказываетъ, что благочестивый Императоръ, Нума Помпилій, при распредѣленіи римскихъ гражданъ по профессіямъ и ремесламъ поставилъ трубачей на первое мѣсто, потому что они участвовали при богослуженіи. А изъ одного эпизода, разсказаннаго Ливіемъ изъ Самнитской войны, видно, что римскіе трубачи осмѣливались даже отказывать въ повиновеніи сенату, до такой степени высоко было ихъ общественное положеніе (116).

У древнихъ галловъ національная музыка стояла въ тѣсной связи съ ихъ религіозными обрядами, а потому находилась въ рукахъ друидовъ (жрецовъ), власть которыхъ была выше власти правительства. Музыкальными исполнителями являлись сами друиды и ихъ ближайшіе помощники, барды. Музыку этихъ послѣднихъ императоръ Юліанъ сравниваетъ съ воемъ дикихъ звѣрей и съ карканьемъ вороновъ, а Діодоръ разсказываетъ, что они производили страшный ревъ трубами (117). Позже, во времена процвѣтанія въ западной Европѣ рыцарства, рогъ, висящій на шеѣ (преимущественно олифантъ изъ слоновой кости), былъ однимъ изъ аттрибутовъ рыцаря, дворянина и военноначальника. Онъ служилъ для передачи приказаній на далекое разстояніе какъ въ бою, такъ и на охотѣ. У каждаго изъ насъ по романамъ и картинкамъ изъ средневѣковой жизни твердо запечатлѣлся въ памяти образъ рыцаря, подъѣзжающаго къ какому-нибуть замку и дающаго знать о своемъ прибытіи трубнымъ звукомъ. Подобныя картинки воспроизводили когда-то бывшую дѣйствительность. Вмѣстѣ съ паденіемъ рыцарства

новыхъ деталей. Такъ напримѣръ, у вотяковъ обрядъ, сопровождаемый тѣми же пріемами, что и у черемисъ, совершается чаще т. е. два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ (152). У зырянъ Архангельской губерніи онъ совершается на Богоявленіе, а къ черемискимъ пріемамъ прибавляется быстрое катанье на лошадяхъ и на оленяхъ вокругъ села и по улицамъ его, сопровождаемое криками (153). У чувашъ трубу замѣняютъ скрипкой, кнуты—прутьями вербы, а къ выколачиванью стѣнъ, заборовъ и проч. прибавляютъ хлестаніе вербой всѣхъ, попадающихъ навстрѣчу, прохожихъ (154).

Если мы теперь будемъ сличать одинъ и тотъ же обрядъ у всѣхъ упомянутыхъ инородцевъ во всѣхъ его деталяхъ, то убѣдимся, что однѣ изъ этихъ деталей измѣняются, другія остаются постоянными. Измѣняется время совершенія обряда и большая часть пріемовъ для изгнанія бѣсовъ, а неизмѣнными остаются: 1) идея обряда „изгнанія нечистой силы“, 2) его періодичность, 3) нѣкоторые изъ пріемовъ, какъ-то: шумъ всякаго рода и хлестаніе и 4) передвиженіе изгоняющихъ по улицамъ деревни.

Расширяя еще болѣе область нашихъ наблюденій и вводя въ сферу ихъ все новые и новые народы, мы увидимъ, что обрядъ, насъ интересующій, далеко не составляетъ исключительной принадлежности нашихъ восточныхъ инородцевъ, что онъ распространяется не только по всей Европѣ, но въ Азіи, въ Африкѣ и даже въ Америкѣ.

Возьмемъ первую и самую главную изъ найденныхъ нами, наиболѣе постоянныхъ деталей обряда, идею о возможности изгнанія изъ данной мѣстности нечистой силы и посмотримъ, у какихъ народовъ она существуетъ и какіе пріемы ими для этого употребляются. Мы найдемъ такимъ образомъ изгнаніе духовъ у нѣмцевъ при помощи шума (155), у лужичанъ-стрѣльбой изъ ружья и щелканьемъ хлыстами (156), у месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ)—прыганьемъ черезъ костры (157), въ Тибетѣ—трубленіемъ въ раковины, барабаннымъ боемъ и зажженными факелами (158) и, наконецъ у туземцевъ Никобарскихъ острововъ—шумомъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ у этихъ послѣднихъ такъ прекрасно иллюстрируетъ вѣрованье первобытнаго человѣка въ матерьяльность злыхъ духовъ и такъ поразительно близокъ къ черемисскому обряду, что мы позволимъ себѣ разсказъ о немъ передать здѣсь цѣликомъ:

„Одинъ разъ въ году...., они строятъ большой челнокъ; „минловенъ“, или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ челнокъ вплоть къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ челнокъ, при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобар-

экзамена, они принимались въ члены общества, то надъ ними совершался, какъ нѣкогда надъ рыцарями, обрядъ посвященія посредствомъ пощечины (119)

Какъ отдаленное эхо рыцарскаго обычая носить при себѣ рогъ, до недавнихъ поръ сохранялось обыкновеніе у знатныхъ польскихъ магнатовъ и у нашихъ русскихъ помѣщиковъ старыхъ временъ вмѣстѣ съ образцами оружія собирать у себя коллекцію охотничьихъ роговъ и развѣшивать ихъ по стѣнамъ своихъ кабинетовъ. Еще недавно намъ пришлось осматривать богатую коллекцію такихъ роговъ, между которыми были и трубы-раковины, въ „палацѣ“ князя Сангушко въ м. Славутѣ (Волынской губ.).

Что разсматриваемое нами почетное положеніе въ обществѣ трубачей не составляетъ исключительной принадлежности Европы и Азіи, видно изъ того, что разсказываютъ путешественники о султанствѣ Баггирми въ Центральной Африкѣ. Тамъ во время торжественныхъ выѣздовъ султана впереди процессіи идетъ отъ 8 до 12 человѣкъ музыкантовъ, играющихъ на длинныхъ деревянныхъ трубахъ. Трубы эти вмѣстѣ съ литаврами и барабанами принадлежатъ къ королевскимъ регаліямъ, а музыканты, на нихъ играющіе, ведутъ свой родъ отъ брата перваго баггирмійскаго короля, слѣдовательно, принадлежатъ къ королевскому роду. Благодаря своему высокому происхожденію, они пользуются даже особой привиллегіей, считающейся въ Баггирми весьма почетной, а именно: при входѣ во дворецъ султана всѣ подданные его должны снимать оружіе и обувь и обнажать свои плечи, тогда какъ трубачи, наравнѣ съ чужеземцами, имѣютъ право своихъ плечъ не обнажать (120). Здѣсь сходство съ Европой, кромѣ высокаго происхожденія трубачей, заключается также и въ томъ, что трубы принадлежатъ къ числу королевскихъ регалій и что въ торжественномъ выходѣ короля ему предшествуютъ трубачи. Другой примѣръ такого же обычая даетъ путешественникъ по Африкѣ, Швейнфуртъ, который разсказываетъ, что король народа Момбутту, въ восточномъ Суданѣ, появлялся на аудіенцію при звукѣ рожка (121). Наконецъ, въ южной Африкѣ у народа Мганге шаманы, соотвѣтствующіе сѣверно-Азіатскимъ и Американскимъ, имѣютъ при своихъ заклинаніяхъ не бубенъ и трещетку, какъ въ Азіи и Америкѣ, а волшебный рогъ или трубу. Тоже самое и у папуасовъ на Ново-Гебридскихъ островахъ. Шаманы здѣсь, какъ извѣстно, замѣняютъ жрецовъ (122).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы убѣждаемся, что игра на трубѣ считалась въ старину какъ бы привилегіей двухъ почетнѣйшихъ классовъ общества: духовенства и военнаго сословія. Имѣя это въ виду и обращаясь къ другимъ народамъ, у которыхъ еще сохранился обычай трубленія въ различные моменты ихъ жизни, но игра на трубѣ уже не составляетъ привилегіи духовнаго или военнаго сословія, мы найдемъ, однако, въ современныхъ обы-

чаяхъ этихъ народовъ много остатковъ того же общаго правила, которое мы подтверждали вышеприведенными примѣрами. Мы увидимъ, что лица, на которыхъ у разныхъ народовъ возлагаются обязанности трубачей, стоятъ въ наиболѣе близкомъ соотношеніи или къ военному или къ духовному сословію. Дѣйствительно, у громаднаго большинства народовъ, сохранившихъ у себя трубу, за небольшими исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже, трубленіемъ занимаются только мужчины, т. е. тотъ полъ, изъ котораго у большинства народовъ рекрутируется и духовное и военное сословія. Кромѣ того, у многихъ народовъ изъ числа мужчинъ трубятъ только взрослые неженатые юноши, т. е. люди въ возрастѣ, когда они наиболѣе способны сдѣлаться воинами. Это мы наблюдаемъ, напримѣръ, у поляковъ Ломжинской и Сѣдлецкой губерніи и у малороссовъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, существуетъ обычай для взрослыхъ юношей ежегодно осенью трубить въ трубу. Въ иныхъ мѣстахъ трубленіе является даже какъ бы внѣшнимъ признакомъ того, что юноша уже достигъ совершеннолѣтія. Такъ у латышей Добленскаго уѣзда Курляндской губерніи, если молодой парень собирается жениться, то въ лѣтніе вечера трубитъ въ свой рогъ (123). Нѣчто подобное существуетъ и въ Полинезіи. Тамъ юноша, желающій, чтобы его приняли въ общество взрослыхъ, и имѣющій на это право по своимъ годамъ, подкрадывается къ сосѣдней деревнѣ, поражаетъ кого-нибудь стрѣлой, отрѣзаетъ убитому голову и, возвращаясь домой, въ свою деревню, еще издали даетъ сигналъ о своемъ прибытіи игрою на бамбуковой трубѣ (124). Даже общеизвѣстный и распространенный во всей Европѣ обычай, по которому труба неразлучна съ должностью пастуха подтверждаетъ высказанное нами положеніе, такъ какъ должность пастуха, стоящая въ наше время очень низко на общественной лѣстницѣ, въ древности далеко не была такою. Это мы видимъ во-первыхъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы пастухи занимаются врачеваніемъ, т. е. исполняютъ функцію, принадлежавшую нѣкогда исключительно духовному сословію. Такого рода явленіе хорошо извѣстно, напримѣръ, въ Польшѣ, гдѣ даже въ настоящее время интеллигентные или полуинтеллигентные люди, извѣрившись въ докторахъ, прибѣгаютъ къ помощи пастуховъ. Сюда же относится обычай, въ силу котораго у нѣкоторыхъ народовъ къ доенію коровъ допускаются только мужчины. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ (125), въ Европѣ же онъ соблюдается только при доеніи овецъ у гагаузовъ, болгаръ, молдаванъ, гуцуловъ (въ Галиціи) и у крымскихъ татаръ. Все это, конечно, только остатки нѣкогда широко-распространеннаго культа быка, который едва-ли не въ наибольшей чистотѣ сохранился въ настоящее время у народа то-

довъ въ Остъ-Индіи. У этихъ послѣднихъ молоко-жидкость божественная, а доеніе—священнодѣйствіе. Доеніемъ занимается жрецъ изъ клана пейковъ (въ родѣ левитовъ), живущій въ безбрачіи, пока онъ доитъ; его помощникъ также обязуется соблюдать половое воздержаніе. Молочная—мѣсто святое, въ которое имѣютъ право входить одни только жрецы, другіе мужчины могутъ дотрагиваться до ея ограды, но женщинамъ нельзя приближаться къ частоколу ближе чѣмъ на 30—40 шаговъ... (126). У галицкихъ гуцуловъ на ихъ полонины (горныя пастбища) также не допускается ни одна женщина (127). Отсюда можно заключить, что и въ Европѣ пастухи нѣкогда были жрецами, а въ настоящее время удержали за собою трубленіе, какъ одну изъ древнихъ привилегій духовнаго класса.

Но есть, какъ мы говорили выше, мѣстности гдѣ трубятъ исключительно женщины или дѣвушки. Такой обычай, напримѣръ, наблюдается у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи по вечерамъ въ теченіе всей осени. Подобный же обычай существуетъ и у шведскихъ дѣвушекъ крестьянокъ: лѣтомъ на пастбищахъ (128). Кромѣ того, въ Парижскомъ музеѣ Guimet мы видѣли трубу-раковину изъ Лаоса (въ Индо-Китаѣ), принадлежащую племени Луангъ-Прабангъ, о которой въ надписи сказано, что въ нее трубятъ женщины при религіозныхъ профессіяхъ. Наконецъ, у военнаго отряда дагомейскихъ амазонокъ имѣется также женскій оркестръ, состоящій изъ трубъ (129). Эти четыре факта, повидимому, противорѣчатъ, высказанному нами выше, правилу о личностяхъ, на которыхъ возлагается трубленіе, но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Дѣйствительно, существованіе воинственныхъ женщинъ-амазонокъ, какова бы ни была причина появленія ихъ на свѣтъ, должно быть признано историческимъ или предъисторическимъ фактомъ, такъ какъ его подверждаетъ слишкомъ много данныхъ, историческихъ и этнографическихъ, чтобы можно было ими пренебречь. А въ такомъ случаѣ вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ функціей воина на женщинъ-амазонокъ переходили и другія права и привилегіи мужчинъ, а въ томъ числѣ и право трубленія. Интересно, что въ трехъ изъ упомянутыхъ нами мѣстностей, гдѣ трубятъ женщины, сохранились и другія данныя, если не доказывающія, то намекающія на пребываніе въ тѣхъ краяхъ амазонокъ. Про Дагомэ уже и говорить нечего, такъ какъ врядъ ли кто не знаетъ объ отрядѣ дагомейскихъ амазонокъ, доходившемъ численностью до 4000 и составлявшемъ гвардію дагомейскаго короля. Тоже самое, только въ меньшихъ размѣрахъ существуетъ и въ Сіамѣ, къ которому Лаосъ находится въ весьма близкихъ отношеніяхъ какъ политическихъ, такъ и этнографическихъ. При Сіамскомъ королѣ есть также батальонъ гвардіи изъ амазонокъ-дѣвушекъ, содержащій караулы при королевскомъ дворцѣ (130). У шведовъ, хотя не

существуетъ ничего подобнаго, но есть однако странный обычай въ провинціи Bleking, по которому новобрачной на другой день послѣ свадьбы дарятъ оружіе всѣхъ сортовъ (131). Очевидно, что это оружіе когда-то дѣйствительно нужно было тамошнимъ женщинамъ и обычай дарить его новобрачной сохранился до нашего времени только въ видѣ переживанія отдаленнаго прошлаго.

При богослуженіяхъ въ храмахъ изъ трубъ составляется оркестръ.

У древнихъ евреевъ по закону число трубачей въ храмѣ и внѣ его было не менѣе двухъ, хотя могло увеличиваться и до 120, но при этомъ всегда было четнымъ, т. е. трубачи считались не иначе, какъ парами (132). Правило это основывалось вѣроятно на слѣдующемъ мѣстѣ Библіи: „И сказалъ Господь Моисею: сдѣлай себѣ двѣ серебрянныя трубы... чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества... (133)“.

Любопытно, что подобное же правило наблюдается и у буддистовъ, когда они составляютъ свои храмовые оркестры. У г. Поздѣева о монгольскихъ монастыряхъ говорится, что ламъ, играющихъ на трубахъ-раковинахъ, въ самыхъ малыхъ монастыряхъ бываетъ не менѣе двухъ, а играющихъ на мѣдныхъ трубахъ никакъ не менѣе четырехъ, хотя въ большихъ монастыряхъ, при особо торжественныхъ богослуженіяхъ, г. Поздѣевъ насчитывалъ ихъ до 40 и болѣе.

Тоже самое видимъ мы и въ Тибетѣ: англійскій путешественникъ 18-го вѣка, капитанъ Турнеръ, описывая одну изъ религіозныхъ процессій, которую ему случилось наблюдать въ этой мѣстности, говоритъ, что ламъ, игравшихъ на большихъ трубахъ, было *10*, барабанщиковъ *20*, цимбалистовъ *20*, и *2* дули въ раковины (134).

Въ Берлинскомъ этнографическомъ музеѣ выставлена модель самыхъ пышныхъ китайскихъ похоронъ. Здѣсь участвуютъ 3 пары музыкантовъ трубачей, идущихъ одна за другой, причемъ каждая пара снабжена однимъ сортомъ трубъ, одна пара играетъ на прямыхъ трубахъ, другая—на согнутыхъ, а третья на прямыхъ, утолщенныхъ на концѣ.

Соотвѣтственно этимъ азіатскимъ оркестрамъ, въ Европѣ, какъ извѣстно, оркестры приняты въ церквахъ католическихъ.

Порядокъ трубленія предписывается религіозными законами.

У древнихъ евреевъ порядокъ трубленія предписывался отъ имени самого Бога. Въ библіи говорится: „и когда пойдете на войну... противъ врага, наступающаго

ской губ. въ ночь на Ивана Купала костровъ не жгутъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, но молодые парни бѣгаютъ по городу съ зажженными факелами и трубятъ въ деревянныя трубы.

Вотъ и все, что мы могли подыскать въ литературѣ и собрать записью отъ народа объ обычаѣ трубить ежегодно въ весеннее полугодіе.

Въ осеннее полугодіе этотъ обычай наблюдается также у многихъ европейскихъ народовъ.

Такъ у венгровъ есть вѣрованье, что въ день Св. Люціи, 13 декабря, колдуньи рыскаютъ повсюду, а потому во многихъ мѣстностяхъ Венгріи въ этотъ день пастухи ходятъ вокругъ деревень съ трубами въ увѣренности, что звуки этихъ инструментовъ разгоняютъ вѣдьмъ (174).

У чеховъ въ Брезницѣ Писецкаго округа, какъ намъ передавалъ профессоръ Варшавскаго Университета, Ѳ. И. Езбера, происходящій родомъ изъ названной мѣстности, пастухи, наканунѣ Рождества ходятъ подъ окнами домовъ и трубятъ въ трубы, за что получаютъ отъ хозяевъ мелкія деньги и vánocky (особаго рода булки).

Совершенно подобный же обычай существуетъ и у галицкихъ гуцуловъ; тамъ рождественскія коляды сопровождаются игрою на трубахъ (175).

Кромѣ того трубленіе въ осеннее полугодіе совершается у поляковъ Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, у русскихъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у литовцевъ, у современныхъ евреевъ, у черемисъ и у мингрельцевъ. Но мы имѣемъ относительно обычаевъ этихъ народовъ такой обильный матерьялъ, что помѣщаемъ его ниже, въ отдѣльной главѣ.

Въ Тибетѣ, кромѣ того, что трубленіемъ въ морскія раковины встрѣчаютъ Новый годъ, празднующійся въ зимнее время (176), существуетъ еще обычай ежемѣсячнаго изгнанія бѣсовъ. „Въ былое время, говорятъ тибетцы, „бѣсы часто появлялись въ нашей странѣ; люди и животныя отъ нихъ заболѣвали, коровы не давали молока; они пробирались даже въ кельи тамъ и нарушали храмовое пѣніе. Ночью они толпами собирались въ близкомъ оврагѣ, кричали и стонали не человѣческимъ голосомъ. Наконецъ, одинъ благочестивый монахъ придумалъ ночныя молитвы и съ тѣхъ поръ не стало болѣе злыхъ духовъ“. И вотъ такого рода молитвы повторяются въ Тибетѣ 28-го числа каждаго мѣсяца. На всѣхъ домахъ укрѣпляются на шестахъ красные фонари; ламы, одѣтые по праздничному, сидятъ на крышахъ домовъ и поютъ молитвы, а такъ какъ въ молебствіи непремѣнно должны участвовать всѣ ламы, то число ихъ иногда доходитъ до 4000 человѣкъ. Вдругъ пѣніе на крышахъ умолкаетъ и раздаются звуки трубъ, ударяютъ въ колокола, слышатся протяжные звуки морскихъ раковинъ, бьютъ въ барабаны,

Трубному звуку приписывается чудодѣйственная сила.

Вѣрованье въ чудодѣйственную силу трубныхъ звуковъ уже само собой вытекаетъ изъ убѣжденія, что труба—инструментъ священный и что изобрѣтеніе ея принадлежитъ божеству или совершено при участіи божества. Мы хотимъ здѣсь привести лишь иллюстраціи къ этому вѣрованью. Одну изъ такихъ иллюстрацій даетъ намъ вышеприведенное японское народное преданіе о томъ, какъ звуками музыки вызвано было само божество, но здѣсь труба не занимаетъ перзенствующаго положенія, она поставлена наряду съ другими инструментами.

Несравненно болѣе характернымъ является, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, эпизодъ съ Іерихонскими трубами. Вотъ какъ передается онъ въ библіи: „Тогда сказалъ Господь Іисусу (Навину): вотъ я предаю въ руки твои Іерихонъ—пойдите вокругъ города... и обходите городъ однажды (въ день)... и дѣлайте это 6 дней, и семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ (въ славянскомъ текстѣ сказано: „трубъ рожаныхъ" т. е. роговыхъ) передъ ковчегомъ, а въ седьмой день обойдите вокругъ города семь разъ и священники пусть трубятъ трубами, когда затрубитъ юбилейный рогъ, когда услышите звукъ трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія"... (138).

У буддистовъ, какъ мы уже приводили выше, раковина-труба, подаренная Буддѣ царемъ драконовъ, сохраняется въ монгольскомъ монастырѣ Галданъ-хита какъ чудотворная святыня (139).

Трубы участвуютъ въ религіозныхъ процессіяхъ.

О религіозныхъ процессіяхъ древнихъ евреевъ врядъ ли нужно много распространяться, такъ какъ у нихъ каждое торжество, каждое общественное собраніе сопровождалось трубными звуками, а прекрасный примѣръ религіозной процессіи съ трубами представляетъ семикратное обхожденіе Іерихонскихъ стѣнъ.

Объ употребленіи трубъ при религіозныхъ торжествахъ въ Индіи и Тибетѣ мы уже упоминали выше. Остается лишь добавить, что изъ числа трубъ, употребляемыхъ при религіозныхъ процессіяхъ въ Индіи, называютъ Rana Sringa (надпись India museum) и Nursingh (140).

О монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ г. Поздѣевъ пишетъ, что тамъ трубы кромѣ участія въ богослуженіи обязательно сопровождаютъ религіозныя процессіи, при чемъ каждый инструментъ носится въ двухъ экзем-

плярахъ двумя ламами. Всѣ ламы идутъ попарно, пара за парой и играютъ во все время движенія процессіи (141).

Объ игрѣ на трубахъ въ религіозныхъ процессіяхъ Китая и Лаоса мы уже упоминали ранѣе.

У буддистовъ—Калмыковъ на праздникъ Цоганъ-сара жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ выносятъ изъ „хурула" изображеніе божества Окунъ-тенгри, прикрѣпленное къ высокому шесту и обходятъ съ нимъ торжественно вокругъ палатокъ (142).

О японцахъ путешественникъ, Отто фонъ-Коцебу, разсказываетъ, что „когда они носятъ своихъ идоловъ въ процессіи вокругъ храма, то ихъ трубы и рога производятъ дьявольскую музыку" (143).

Далѣе у православныхъ грузинъ на праздникъ Нахицуроба, во время крестнаго хода вокругъ церкви, одинъ изъ участниковъ процессіи держитъ въ рукахъ трубу и трубитъ, что есть силы, по три раза у каждаго угла церкви (144).

Въ Европѣ, у католиковъ въ религіозныхъ процессіяхъ также очень часто участвуютъ оркестры изъ духовыхъ инструментовъ, у насъ въ Россіи это также иногда случается, но сравнительно очень рѣдко.

Мы здѣсь ведемъ рѣчь исключительно только о церковныхъ процессіяхъ, имѣющихъ чисто богослужебный характеръ и соотвѣтствующихъ нашимъ крестнымъ ходамъ, что же касается свадебныхъ и похоронныхъ процессій, то объ участіи въ нихъ трубъ будетъ сказано ниже.

Труба изгоняетъ бѣсовъ.

Есть много данныхъ полагать, что современному понятію народовъ о „нечистой силѣ", какъ о существѣ безплотномъ, предшествовало представленіе о ней вполнѣ матерьяльное. Такъ, напримѣръ, у вотяковъ мы находимъ разсказы о томъ, какъ человѣкъ убилъ изъ ружья Ву-Мурта (Водяного) или черта и о томъ, что Корка-Муртъ (домовой), также, какъ и великороссійскій Кикимора, имѣетъ способность уменьшаться до микроскопическихъ размѣровъ и прятаться въ щеляхъ дома. У мордвы Вирь-Ава (лѣшій), идя по лѣсу, выростаетъ вышиной съ дерево, а, идя по травѣ, уменьшается до высоты травы. Подобныхъ разсказовъ о „нечистой силѣ" можно было бы перечислить сотнями и не у однихъ только нашихъ восточныхъ инородцевъ, но достаточно и приведеннаго, чтобы согласиться съ ними, что подобныя вѣрованья могли образоваться только въ тѣ времена, когда „нечистая сила" представлялась существомъ совершенно матерьяльнымъ, подобнымъ человѣку или животнымъ, такъ какъ безплотному существу нѣтъ надобности сжиматься,

чтобы быть невидимымъ, и нельзя убить безплотное существо матерьяльной силой. Въ той же мысли убѣждаютъ насъ и пріемы, практикующіеся разными народами для „изгнанія бѣсовъ", которое во многихъ мѣстностяхъ совершается періодически. Всѣ они указываютъ на существующее или существовавшее понятіе о бѣсахъ какъ о какихъ-то мелкихъ животныхъ, вродѣ насѣкомыхъ, которые окружаютъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Иллюстраціей къ такому теоретическому представленію о „нечистой силѣ" можетъ служить вопервыхъ обычай месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ) изгонять тѣхъ бѣсовъ, которые „проникаютъ въ организмъ человѣческій „через ротъ"(145), а во вторыхъ вѣрованье закавказскихъ татаръ, очень напоминающее современное ученіе о бактеріяхъ. „Вся вселенная, по мнѣнію татаръ, наполнена злыми духами. Духи эти находятся въ каждомъ углу дома, въ каждой щели, въ колодцахъ, въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ лѣсу, дуплахъ деревьевъ и внутри животныхъ. Они всегда окружаютъ людей и даже норовятъ лѣзть имъ въ ротъ, въ носъ и т. д." (146). Впрочемъ, это вѣрованье отнюдь не составляетъ исключительной особенности закавказскихъ татаръ, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу международныхъ. Такъ, напримѣръ, малороссы о происхожденіи нечистой силы на землѣ разсказываютъ слѣдующую легенду:

„Однажды старый чертъ вздумалъ сравниться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертямъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда..., но Богъ разрушилъ это зданіе и черти летѣли оттуда (на землю) сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ, тамъ находится и до настоящаго времени. Который упалъ въ воду—„водяныкъ", въ лѣсъ—„лісовыкъ", въ болото—„болотяныкъ", на поле—„полевой", въ очеретъ—„очеретяныкъ" и т. д. (147). Австралійцы воображаютъ также, что „сверхъестественныя существа разсѣяны повсюду: все лицо земли кишитъ ими: лѣсныя чащи, берега водъ, скалы". Веддахи (на О-вѣ Цейлонѣ) убѣждены, что „воздухъ населенъ духами и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа". Тасманійцы въ своемъ воображеніи „населяли цѣлыми толпами злыхъ духовъ пещеры, лѣса, разсѣлины скалъ, вершины горъ". Карены въ Индо-Китаѣ говорятъ, что „міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми". Таитяне воображаютъ, что „живутъ въ мірѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и нощно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствіемъ". Арабы „считаютъ пустыню столь густо населенной духами, что когда они бросаютъ какую-нибудь вещь въ сторону, то просятъ извиненія у тѣхъ кого, быть можетъ, задѣли при этомъ" (148) и т. д. Мы говорили здѣсь объ „изгнаніи бѣсовъ" и о средствахъ, для этого употребляемыхъ, потому что къ числу этихъ средствъ между прочимъ принадлежатъ и трубные звуки.

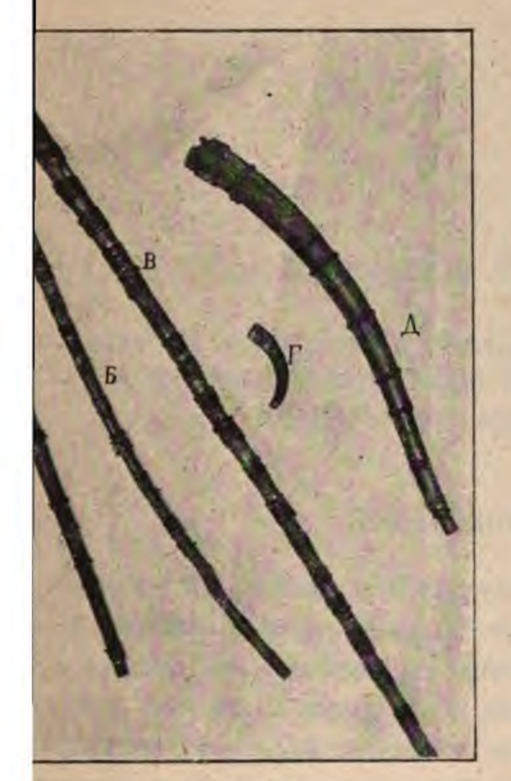


Таблица III.



Таблица IV.

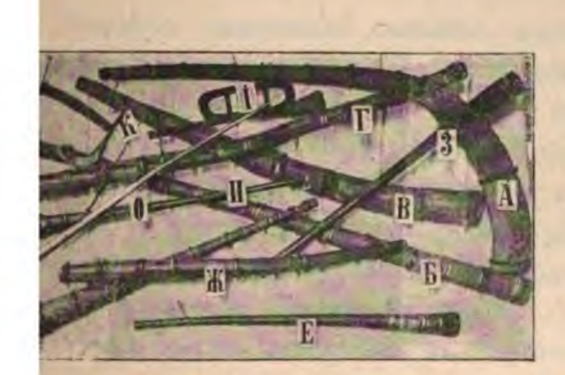


Таблица V.



Таблица VI.

новыхъ деталей. Такъ напримѣръ, у вотяковъ обрядъ, сопровождаемый тѣми же пріемами, что и у черемисъ, совершается чаще т. е. два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ (152). У зырянъ Архангельской губерніи онъ совершается на Богоявленіе, а къ черемискимъ пріемамъ прибавляется быстрое катанье на лошадяхъ и на оленяхъ вокругъ села и по улицамъ его, сопровождаемое криками (153). У чувашъ трубу замѣняютъ скрипкой, кнуты—прутьями вербы, а къ выколачиванью стѣнъ, заборовъ и проч. прибавляютъ хлестаніе вербой всѣхъ, попадающихъ навстрѣчу, прохожихъ (154).

Если мы теперь будемъ сличать одинъ и тотъ же обрядъ у всѣхъ упомянутыхъ инородцевъ во всѣхъ его деталяхъ, то убѣдимся, что однѣ изъ этихъ деталей измѣняются, другія остаются постоянными. Измѣняется время совершенія обряда и большая часть пріемовъ для изгнанія бѣсовъ, а неизмѣнными остаются: 1) идея обряда „изгнанія нечистой силы", 2) его періодичность, 3) нѣкоторые изъ пріемовъ, какъ-то: шумъ всякаго рода и хлестаніе и 4) передвиженіе изгоняющихъ по улицамъ деревни.

Расширяя еще болѣе область нашихъ наблюденій и вводя въ сферу ихъ все новые и новые народы, мы увидимъ, что обрядъ, насъ интересующій, далеко не составляетъ исключительной принадлежности нашихъ восточныхъ инородцевъ, что онъ распространяется не только по всей Европѣ, но въ Азіи, въ Африкѣ и даже въ Америкѣ.

Возьмемъ первую и самую главную изъ найденныхъ нами, наиболѣе постоянныхъ деталей обряда, идею о возможности изгнанія изъ данной мѣстности нечистой силы и посмотримъ, у какихъ народовъ она существуетъ и какіе пріемы ими для этого употребляются. Мы найдемъ такимъ образомъ изгнаніе духовъ у нѣмцевъ при помощи шума (155), у лужичанъ-стрѣльбой изъ ружья и щелканьемъ хлыстами (156), у месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ)—прыганьемъ черезъ костры (157), въ Тибетѣ—трубленіемъ въ раковины, барабаннымъ боемъ и зажженными факелами (158) и, наконецъ у туземцевъ Никобарскихъ острововъ—шумомъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ у этихъ послѣднихъ такъ прекрасно иллюстрируетъ вѣрованье первобытнаго человѣка въ матерьяльность злыхъ духовъ и такъ поразительно близокъ къ черемисскому обряду, что мы позволимъ себѣ разсказъ о немъ передать здѣсь цѣликомъ:

„Одинъ разъ въ году...., они строятъ большой челнокъ; „минловенъ", или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ челнокъ вплоть къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ челнокъ, при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобар-

скіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высотою), послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, челнокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей" (159).

Этотъ рядъ фактовъ доказываетъ намъ, что вѣра въ возможность изгнанія бѣсовъ пріемами, употребляющимися у нашихъ восточныхъ инородцевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Если затѣмъ мы обратимся къ этнографическому матерьялу другихъ народовъ земного шара, то найдемъ новый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что разные народы, продѣлывая періодически рядъ такихъ же пріемовъ, какъ черемисы, цѣль ихъ объясняютъ нѣсколько иначе. Такъ въ Голландіи и въ Германіи стрѣльбой прогоняютъ колдуній (160). Ломжинскіе поляки разведеніемъ костровъ предохраняютъ себя отъ чаръ колдуній (161). Тульскіе великороссы прыганьемъ черезъ огонь отгоняютъ болѣзни и призоры (162). Кашубы (славянское племя) адскимъ шумомъ прогоняютъ старый годъ (163), а калифорнскіе индѣйцы ежегодно изгоняютъ духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіе года (164) и т. д.

Можно было бы перечислить здѣсь цѣлый рядъ народовъ, сохранившихъ у себя такіе же обряды, какіе мы видѣли при „изгнаніи бѣсовъ", но цѣли, съ которыми совершаются эти обряды варьируются до безконечности. Одинъ народъ желаетъ предохранить себя отъ какого-либо особенно вреднаго, злого духа, другой думаетъ избавиться отъ какой-либо спеціальной болѣзни, третій-отъ дикихъ звѣрей, града, молніи или неурожая, одинъ совершаетъ обрядъ для того, чтобы земля была плодороднѣе или чтобы былъ урожай, другой чтобы у женщинъ были легкіе роды или чтобы вѣдьмы не отбирали молока и т. д. Но при всемъ разнообразіи этихъ цѣлей въ нихъ видна одна общая мысль, что совершеніе обряда избавляетъ человѣка отъ зла, а зло представляется какъ бы въ видѣ живаго существа, на которое дѣйствуютъ одни и тѣ же устрашающіе пріемы.

Наконецъ у многихъ народовъ цѣль періодическаго совершенія обряда уже давно забыта, а онъ все-таки повторяется изъ года въ годъ въ силу многовѣковой привычки, во исполненіе дѣдовскихъ преданій или просто для развлеченія.

Что касается пріемовъ, изъ которыхъ обрядъ состоитъ, то они также разнообразны до безконечности, но сводятся въ общемъ къ слѣдующимъ: 1) Огонь въ различныхъ видахъ, какъ-то: костры, пылающія деревья, зажженные факелы, смоляныя бочки, горящія колеса, тлѣющіяся головни, прыганье черезъ огонь, бѣганье вокругъ огня и т. д.; 2) вода, въ которой купаются, или которою обливаютъ и опрыскиваютъ; 3) травы и разныя растенія, издающія запахъ то въ свѣжемъ видѣ, то при сжиганіи на

огнѣ, то дѣйствующія своимъ прикосновеніемъ, то самымъ своимъ присутствіемъ; 4) шумы всякаго рода, крики, пѣніе, игра на всевозможныхъ музыкальныхъ инструментахъ, выстрѣлы, бряцаніе оружіемъ; 5) магическіе жесты, магическіе возгласы, магическія формулы, наговоры и молитвы; 6) быстрыя движенія всякаго рода: скаканіе на лошадяхъ, бѣганье, пляска; 7) обхаживанье вокругъ извѣстнаго мѣста, очерчиванье его заколдованнымъ кругомъ и 8) удары и маханія по воздуху, кнутами, бичами, прутьями, палками и всякаго рода оружіемъ, по землѣ, по постройкамъ и даже по людямъ. Количество такихъ пріемовъ въ обрядѣ и ихъ сочетанія между собой разнообразятся также до безконечности, начиная съ одного какого-либо изъ нихъ и кончая самой сложной комбинаціей всевозможныхъ пріемовъ.

Расширяя еще болѣе область нашихъ изслѣдованій, мы увидимъ, что интересующій насъ обрядъ совершается не только періодически, но даже и безъ всякой періодичности въ разные болѣе или менѣе важные моменты человѣческой жизни, при которыхъ предполагается или предполагалась прежде возможность вреда со стороны нечистой силы.

Къ періодическимъ обрядамъ относятся: кромѣ „изгнанія бѣсовъ" наше празднованіе Ивана Купала, польскія собутки, западно-европейскіе огни Ивановскіе, Петровскіе, Пасхальные, Рождественскіе и т. под.

Къ случайнымъ же или экстраординарнымъ принадлежатъ: такъ называемыя „опахиванья", совершаемыя для предохраненія людей или домашнихъ животныхъ отъ эпидемическихъ болѣзней, обряды для отогнанія грозовыхъ тучъ, обряды во время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, обряды, совершаемые для предохраненія отъ злыхъ духовъ роженицы и новорожденнаго, новобрачныхъ на свадьбѣ, больного во время его болѣзни, покойника во время похоронъ и т. п.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что перечисленными здѣсь пріемами, служащими для отогнанія нечистой силы, сопровождаются также всякаго рода богослуженія у всѣхъ народовъ земного шара, то увидимъ, что нѣтъ почти ни одного болѣе или менѣе важнаго момента въ жизни народной и въ жизни отдѣльнаго человѣка отъ его рожденія и до могилы, гдѣ бы не имѣли мѣста разсматриваемые нами обряды, имѣвшіе когда-то своей цѣлью „изгнаніе бѣсовъ".

Само собою разумѣется, что при своей обширной распространенности и при своей универсальности, какъ средство въ борьбѣ со всякаго рода зломъ, обрядъ „изгнанія бѣсовъ" сравнительно рѣдко встрѣчается въ томъ чистомъ видѣ, какъ мы его находимъ у нашихъ восточныхъ инородцевъ; обыкновенно онъ входитъ въ комбинаціи со всевозможными культами, когда либо бывшими у человѣчества, а въ огромной массѣ случаевъ является даже просто риту-

аломъ, которымъ человѣчество на каждомъ шагу сопровождаетъ всевозможныя свои дѣйствія, имѣющія отношенія къ религіи.

Отсюда ясно, что разсмотрѣть приводимый нами обрядъ въ настоящемъ очеркѣ, сколько нибудь обстоятельно нѣтъ никакой возможности. Если же мы здѣсь заговорили о немъ, то только для того, чтобы освѣтить рядъ обычаевъ съ трубами, которые мы намѣреваемся здѣсь привести, выяснить себѣ ихъ значеніе въ народной жизни и связь ихъ между собою, указывающую на общность ихъ происхожденія. Придерживаясь принятаго нами порядка, мы обратимся прежде всего къ обычаямъ, повторяющимся періодически; ихъ можно подраздѣлить: 1) на такіе, которые справлялись или справляются въ весеннее полугодіе, т. е. въ періодъ времени отъ зимняго солнцестоянія до лѣтняго и 2) такіе, которые приходятся на осеннее полугодіе отъ лѣтняго солнцестоянія до зимняго. Къ первымъ надо отнести слѣдующіе;

Въ древнемъ Римѣ 1-го Марта, въ день празднества Марсу, саліи (служители бога войны) въ полномъ вооруженіи танцовали подъ звуки трубы и при этомъ ударяли копьями по священнымъ щитамъ (165). Здѣсь пріемы, употребительные при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ", какъ-то: удары оружіемъ, шумъ, пляска и звуки трубы, повидимому, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а являются только въ видѣ ритуала къ культу бога войны.

Быть можетъ, подобное же значеніе имѣли они когда-нибудь и въ обычаѣ современныхъ французскихъ крестьянъ (въ провинціяхъ Артуа и Буленэ) разводить костры на горахъ въ первое воскресенье великаго поста (Careme), но въ этомъ послѣднемъ случаѣ не сохранилось слѣдовъ какого-либо культа, а потому обычай въ общемъ и въ деталяхъ весьма близокъ къ черемисскому обряду „изгнанія бѣсовъ". Праздникъ начинается съ того, что дѣти обоего пола сходятся въ назначенное мѣсто и оттуда отправляются по деревнѣ для сбора горючаго матерьяла, причемъ даютъ знать о своемъ прибытіи трубными звуками. Вечеромъ разводятся костры на горахъ, и всѣ, отъ мала до велика, собравшись около костровъ, пляшутъ, кричатъ, трубятъ въ трубы и стрѣляютъ изъ револьверовъ. Цѣль, для которой совершается этотъ обычай, уже забыта, но, повидимому, онъ принадлежитъ къ числу весьма древнихъ, такъ какъ о существованіи такого обычая въ Пикардіи и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи въ 13 и 14 столѣтіяхъ сохранились историческія свидѣтельства (166).

Въ Англіи есть такъ—называемый „праздникъ плуга", устраиваемый ежегодно въ первый понедѣльникъ послѣ Крещенія. Подробности этого праздника видоизмѣняются въ зависимости отъ мѣстности, но въ общихъ чертахъ онъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько молодыхъ людей, увѣшанныхъ

разноцвѣтными ленточками, волокутъ отъ дома до дома плугъ, сопровождаемые музыкой и толпой товарищей, одѣтыхъ молотильщиками, жнецами, кузнецами, мельниками, шутами и т. под. Эта веселая процессія, кромѣ музыки, сопровождается криками, щелканьемъ бичей и пронзительными звуками воловьихъ роговъ (167).

Здѣсь разнаго рода шумы, производимые процессіей, напоминаютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ", что же касается плуга, то по всей вѣроятности въ древнія времена его не волокли отъ дома къ дому, а опахивали имъ селеніе, какъ это дѣлается у насъ въ Россіи во время скотскихъ эпидемій, для изгнанія „коровьей смерти" съ той только разницей, что у насъ этимъ дѣломъ занимаются женщины.

Кромѣ того въ Англіи же въ Финистерѣ (Lands End) и въ Оксфордѣ, ежегодно, въ первые дни мая мѣсяца молодые люди трубятъ въ рогъ, а дѣвушки въ это время плетутъ себѣ вѣнки. Говорятъ, что это очень древній обычай въ честь Тарана или Таракно, бога лѣта у древнихъ британцевъ (169).

Въ Швеціи тотъ день, когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, съ незапамятныхъ временъ считается большимъ праздникомъ. Онъ приходится каждый годъ въ различныя числа, смотря по погодѣ, но чаще всего около половины мая. Празднество начинается еще наканунѣ тѣмъ, что повсюду зажигаютъ огни, надѣясь предохранить такимъ образомъ скотъ отъ дикихъ звѣрей. Въ тоже время деревенскіе парни всю ночь разъѣзжаютъ по лѣсу, стрѣляютъ изъ ружей, трубятъ въ рога и производятъ всевозможный шумъ (170). У древнихъ литовцевъ былъ также пастушескій праздникъ подъ названіемъ Sekmine, который приходился около половины мая и также сопровождался игрою на трубѣ (171).

У поляковъ галиційскихъ, въ окрестностяхъ города Кракова, справлялся прежде обычай, извѣстный подъ именемъ „Коника Звѣжинецкаго". Во второй четвергъ праздника „Божьяго тѣла" (въ іюнѣ мѣсяцѣ) человѣкъ, замаскированный всадникомъ, на конѣ, сдѣланномъ изъ палокъ и тряпокъ, и одѣтый по татарски въ желтыхъ сапогахъ и съ булавою, ѣздилъ подъ звуки музыки: трубъ и литавръ (172). Историческаго значенія этому обычаю нельзя придавать, такъ какъ безъ татарскаго костюма онъ соблюдается и у поляковъ Ропчицкаго уѣзда (въ Галиціи же) на остатки или бекусы (т. е. въ послѣдніе дни масляницы). Тамъ молодой человѣкъ, также замаскированный всадникомъ и также на искусственномъ конѣ, ѣдетъ улицей села и трубитъ, останавливаясь подъ окнами хозяевъ, чтобы получить отъ нихъ какой нибудь подарокъ (173).

Въ Царствѣ польскомъ въ городѣ Гродискѣ Блонскаго уѣзда Варшав-

ской губ. въ ночь на Ивана Купала костровъ не жгутъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, но молодые парни бѣгаютъ по городу съ зажженными факелами и трубятъ въ деревянныя трубы.

Вотъ и все, что мы могли подыскать въ литературѣ и собрать записью отъ народа объ обычаѣ трубить ежегодно въ весеннее полугодіе.

Въ осеннее полугодіе этотъ обычай наблюдается также у многихъ европейскихъ народовъ.

Такъ у венгровъ есть вѣрованье, что въ день Св. Люціи, 13 декабря, колдуньи рыскаютъ повсюду, а потому во многихъ мѣстностяхъ Венгріи въ этотъ день пастухи ходятъ вокругъ деревень съ трубами въ увѣренности, что звуки этихъ инструментовъ разгоняютъ вѣдьмъ (174).

У чеховъ въ Брезницѣ Писецкаго округа, какъ намъ передавалъ профессоръ Варшавскаго Университета, Ѳ. И. Езбера, происходящій родомъ изъ названной мѣстности, пастухи, наканунѣ Рождества ходятъ подъ окнами домовъ и трубятъ въ трубы, за что получаютъ отъ хозяевъ мелкія деньги и vánocky (особаго рода булки).

Совершенно подобный же обычай существуетъ и у галицкихъ гуцуловъ; тамъ рождественскія коляды сопровождаются игрою на трубахъ (175).

Кромѣ того трубленіе въ осеннее полугодіе совершается у поляковъ Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, у русскихъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у литовцевъ, у современныхъ евреевъ, у черемисъ и у мингрельцевъ. Но мы имѣемъ относительно обычаевъ этихъ народовъ такой обильный матерьялъ, что помѣщаемъ его ниже, въ отдѣльной главѣ.

Въ Тибетѣ, кромѣ того, что трубленіемъ въ морскія раковины встрѣчаютъ Новый годъ, празднующійся въ зимнее время (176), существуетъ еще обычай ежемѣсячнаго изгнанія бѣсовъ. „Въ былое время, говорятъ тибетцы, „бѣсы часто появлялись въ нашей странѣ; люди и животныя отъ нихъ заболѣвали, коровы не давали молока; они пробирались даже въ кельи тамъ и нарушали храмовое пѣніе. Ночью они толпами собирались въ близкомъ оврагѣ, кричали и стонали не человѣческимъ голосомъ. Наконецъ, одинъ благочестивый монахъ придумалъ ночныя молитвы и съ тѣхъ поръ не стало болѣе злыхъ духовъ“. И вотъ такого рода молитвы повторяются въ Тибетѣ 28-го числа каждаго мѣсяца. На всѣхъ домахъ укрѣпляются на шестахъ красные фонари; ламы, одѣтые по праздничному, сидятъ на крышахъ домовъ и поютъ молитвы, а такъ какъ въ молебствіи непремѣнно должны участвовать всѣ ламы, то число ихъ иногда доходитъ до 4000 человѣкъ. Вдругъ пѣніе на крышахъ умолкаетъ и раздаются звуки трубъ, ударяютъ въ колокола, слышатся протяжные звуки морскихъ раковинъ, бьютъ въ барабаны,

все это въ дикомъ безпорядкѣ и съ треия промежутками. Къ тому же всѣ ламы вдругъ начинаютъ ревѣть какъ дикіе звѣри и поднимаютъ несносный крикъ. Этимъ и кончается молебствіе; фонари тухнутъ, ламы возвращаются въ кельи и все опять успокаивается (177).

В. Мошковъ.

(Продолженіе будетъ).

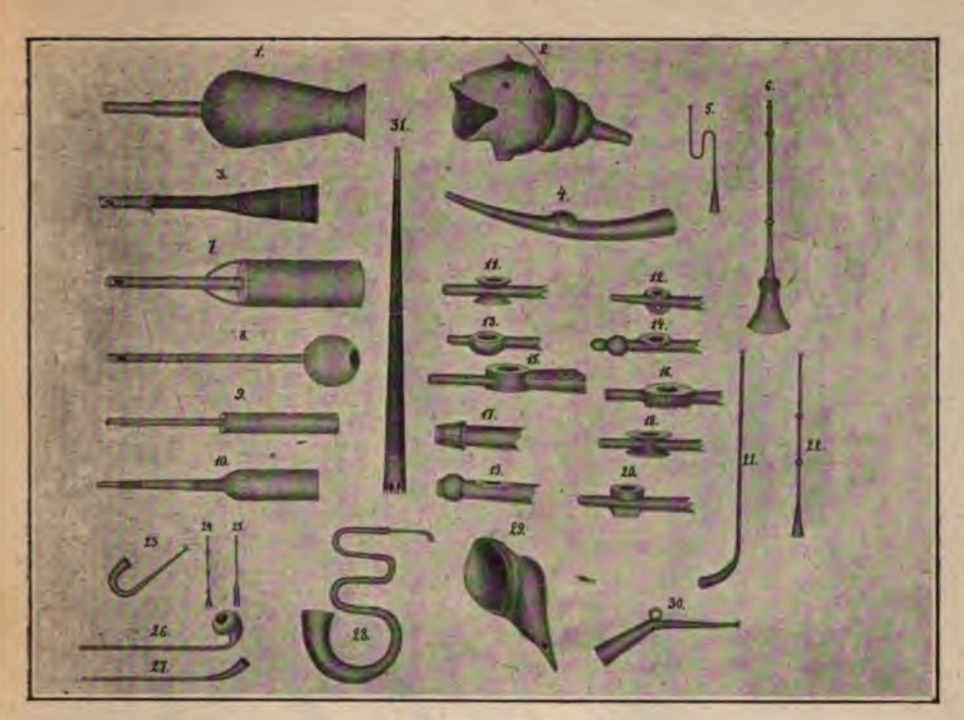


Таблица I.

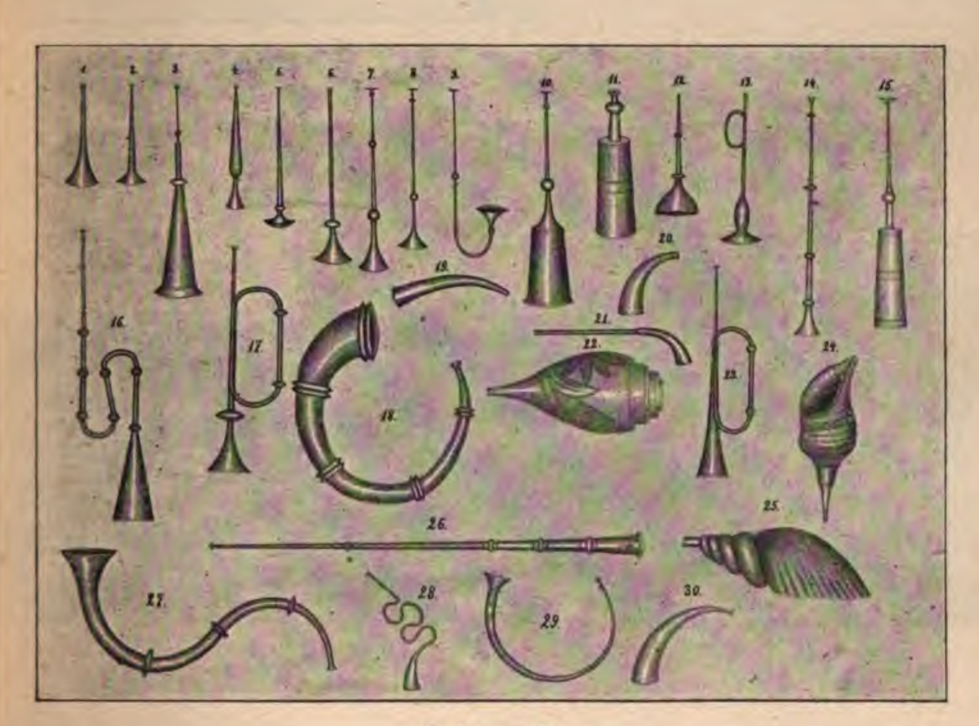


Таблица II.

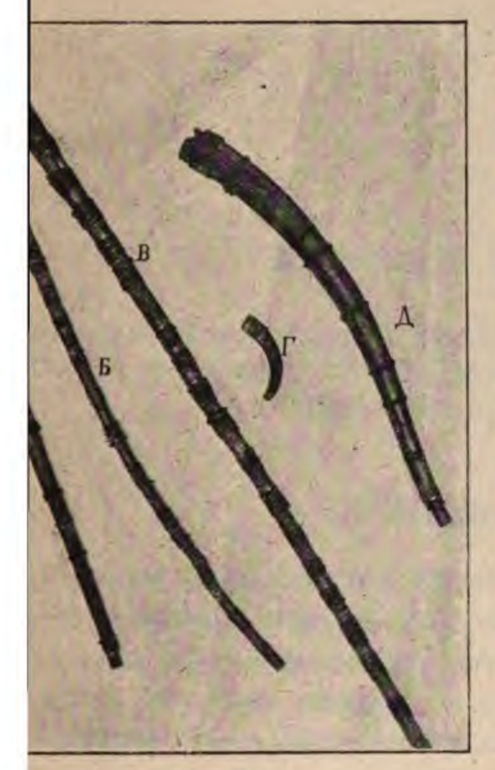


Таблица III.



Таблица IV.



Таблица V.



Таблица VI.

Хунъ-ну и Гунны.

(Библіографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе есть извлеченіе, съ нѣкоторыми дополненіями, изъ моей студенческой работы на ту-же тему. Сначала, за недостаткомъ времени, я предполагалъ напечатать эту работу черезъ нѣсколько лѣтъ; съ тѣхъ поръ однако мои занятія обратились въ область, имѣющую очень мало общаго съ древнѣйшей этнографіей средней и сѣверо-восточной Азіи, а появленіе изслѣдованій проф. Хирта почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ гунскій вопросъ обсуждался въ послѣдній разъ (извѣстной полемикой В. Г. Васильевскаго и Д. И. Иловайскаго въ 1882 г. и Хоуорсомъ на шестомъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Лейденѣ въ 1883 г.), послужило доказательствомъ того, что этотъ вопросъ все еще настойчиво требуетъ разъясненія.

Располагая сравнительно большимъ количествомъ собраннаго и даже систематизированнаго матеріала, я рѣшилъ дать „библіографическій обзоръ", основываясь на томъ соображеніи, что наука быстро идетъ впередъ и подобнаго рода обзоръ можетъ очень пригодиться будущимъ изслѣдователямъ. Въ наукѣ бываютъ иногда вопросы, литература о которыхъ настолько обширна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько запутана и разбросана, что является время отъ времени необходимость привести въ порядокъ всѣ высказанныя мнѣнія и оцѣнить ихъ значеніе. Такова моя задача.

Гунскій вопросъ, понимаемый въ широкомъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ какъ историко-этнографическую, такъ и чисто историческую сторону. Къ первой относится опредѣленіе этнографической принадлежности Хунъ-ну и Гунновъ, ко второй—взаимныя отношенія этихъ двухъ народовъ. Историко-этнографическая сторона вопроса распадается въ свою очередь на двѣ части:

опредѣленіе происхожденія Хунъ-ну и опредѣленіе происхожденія Гунновъ. Такимъ образомъ, гунскій вопросъ во всей совокупности распадается на слѣдующія три части: 1) выясненіе этнографической принадлежности Хунъ-ну, 2) выясненіе этнографической принадлежности Гунновъ и 3) взаимныя отношенія этихъ двухъ народовъ.

Какъ ни обширна литература по нашему вопросу, однако до сихъ поръ не было сдѣлано попытки дать по возможности полный и подробный обзоръ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ ему. Краткіе-же обзоры нѣкоторыхъ изслѣдователей отличаются, какъ увидимъ ниже, неполнотою, а иногда прямо таки ошибочностью. Часть вопроса, именно отношенія Хунъ-ну и Гунновъ, въ самое послѣднее время была подробно разобрана проф. Хиртомъ, однако безъ историческаго обзора литературы по этому предмету. Литература историко-этнографической стороны тоже не приведена въ порядокъ.

Въ подобнаго рода библіографическомъ обзорѣ играетъ громадное значеніе классификація. По мнѣнію большинства изслѣдователей, гунскій вопросъ (понимаемый въ широкомъ смыслѣ) разсматривался съ точки зрѣнія трехъ теорій: монголизма, турчизма, и финнизма. При ближайшемъ разборѣ матеріала я долженъ былъ уклониться отъ общаго мнѣнія. Такъ, я выдѣлилъ въ особую (первую) главу двухъ изслѣдователей, стоявшихъ на совершенно особой точкѣ зрѣнія и поэтому чуждой какой-либо изъ трехъ вышеупомянутыхъ теорій. Въ послѣднюю (пятую) главу я выдѣлилъ касающіяся только части вопроса теоріи славянства и турчизма Гунновъ. Сюда же я включилъ обзоръ изслѣдованій проф. Хирта объ отношеніяхъ Хунъ-ну и Гунновъ. Такимъ образомъ, эта послѣдняя глава не заключаетъ въ себѣ, подобно четыремъ предъидущимъ, обзора мнѣній представителей опредѣленной теоріи, а скорѣе обзоръ современнаго состоянія отдѣльныхъ частей вопроса.

I.

Ученые миссіонеры XVIII-го вѣка и значеніе ихъ изслѣдованій въ изучаемомъ нами вопросѣ.—Дегинь и его исторія Гунновъ.—Политическая классификація народовъ Средней Азіи.—Дегинь—не сторонникъ монголизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Мнѣніе Дегиня въ новѣйшее время: Каёнъ и его сочиненіе.

Исторія народа, извѣстнаго подъ именемъ Хунъ-ну, тѣсно связана съ событіями древней исторіи Китая и потому естественно, что въ первыхъ-же сочиненіяхъ объ исторіи этого государства, мы встрѣчаемся и съ кочевниками, жившими къ сѣверу отъ Срединной имперіи, съ Хунъ-ну. Первыми

работами о Китаѣ обязаны мы миссіонерамъ-іезуитамъ, преимущественно французамъ. Они открыли Европѣ цивилизацію далекаго Востока, они, не жалѣя силъ и трудовъ, отправлялись за тысячи миль и селились среди народа, до тѣхъ поръ почти совершенно неизвѣстнаго, они-же старались содѣйствовать распространенію христіанства, что составляло по самому ихъ званію главную задачу. Въ то время какъ одни, въ самомъ Китаѣ, составляли астрономическія таблицы и строили обсерваторіи, изучали китайскій языкъ и его письменность, собирали и переводили лѣтописи и другія сочиненія, ѣздили съ одного конца обширной имперіи до другого и т. д., оставшіеся на родинѣ собирали извѣстія, присылаемыя ихъ собратьями, и, издавая ихъ, знакомили европейцевъ съ далекимъ, невѣдомымъ міромъ. Такія имена, какъ Вербистъ, Шаль, Жербильонъ, съ одной стороны, и Дюгальдъ, съ другой—навсегда останутся памятными въ исторіи востоковѣдѣнія. Исторіи Китая они удѣляли много труда и можно сказать, что ихъ работы до сихъ поръ имѣютъ громадное значеніе. Мы должны назвать Мальи, Аміо, Біо, Сибо, Гобиля, Грозье и др., которые извѣстны всякому, даже немного знакомому научно съ Китаемъ. Первому напр. принадлежитъ лучшая до сихъ поръ въ европейской литературѣ исторія Китая *).

Разработывая исторію Китая, миссіонеры касались и исторіи нѣкоторыхъ другихъ народовъ, входившихъ въ различныя сношенія съ китайцами. Приходилось имъ касаться и Хунъ-ну. Но они занимались ими только попутно, въ связи съ исторіей Срединнаго царства, а не ради самихъ народовъ, не для выясненія ихъ происхожденія и исторіи. Этихъ Хунъ-ну они, не сомнѣваясь, считали Гуннами. Никакихъ доказательствъ они не приводили—отожествленіе было основано исключительно на сходствѣ именъ. Вотъ напр. какъ выразился патеръ Гобиль (Gaubil, Traité de la Chronologie Chinoise. éd. Sylvestre de Sacy, 1814, p. 58). „Эти Хунъ-ну безспорно тѣ, которыхъ европейская исторія называетъ Гуннами“.

Фактами, сообщенными этими учеными, съ добавленіемъ многихъ другихъ изъ китайскихъ лѣтописей, воспользовался французскій ученый, профессоръ Французской коллегіи Дегинь (Deguignes). Онъ задался цѣлью прослѣдить историческій ходъ переселеній народовъ съ Востока на Западъ, изъ Азіи въ Европу и дать полную исторію этихъ движеній. Сначала онъ напечаталъ „Mémoire sur l'origine des Huns et des Sures“ (Paris, 1748) **),

*) Въ данномъ случаѣ мы основываемся на мнѣніи нашего покойнаго историка—синолога проф. С. М. Георгіевскаго. См. его «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 185.

**) Мы, къ несчастью, не могли воспользоваться этой книгой, такъ какъ ея нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ, а выписать оказалось невозможнымъ, такъ какъ она - библіографическая рѣдкость.

а затѣмъ выпустилъ знаменитую четырехтомную „Histoire générale des Huns, des Turcs et des autres Tartares Occidentaux“ (Paris, 1756—8). Главная его заслуга состоитъ въ сопоставленіи китайскихъ извѣстій съ европейскими. Его отожествленіи народовъ, упоминаемыхъ въ китайскихъ лѣтописяхъ, съ народами такъ называемаго „великаго“ переселенія, за немногими исключеніями вполнѣ удачно и признается до сихъ поръ вѣрнымъ. Но Дегинь жилъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда не существовало многихъ наукъ, съ которыми въ настоящее время исторія должна считаться—въ его время не было ни науки о языкѣ, ни этнографіи, ни этнологіи. Ясно, что Дегинь не могъ рѣшать нѣкоторые историческіе вопросы такъ, какъ мы рѣшаемъ ихъ теперь.

Основой классификаціи народовъ Средней Азіи этотъ ученый беретъ не принадлежность народа къ извѣстной этнографической группѣ, а политическое раздѣленіе. Поэтому Дегинь и не дѣлаетъ существеннаго различія между Тюрками и Монголами. Всѣ обитатели этой части Азіи называются у него вообще Татарами (les Tartares) и раздѣляются на восточныхъ и западныхъ. Первые, по его мнѣнію, тожественны съ восточными варварами китайскихъ лѣтописей, а вторые съ западными. Восточные Татары, по Дегиню, тѣ народы, которыхъ мы теперь называемъ народами тунгузскаго и корейскаго племенъ, какъ то: То-ба (To-ba), Сянь-би (Sien-pi) и др. (T. I. P. I, pp. 179—212). За ними онъ признаетъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ за Татарами западными, которые и служатъ главнымъ предметомъ его сочиненія. Къ нимъ-то и относятся занимающіе насъ Хунъ-ну. Поэтому, мы остановимся на нихъ дольше и разсмотримъ то, что сообщилъ Дегинь.

„Римскіе историки“, говоритъ онъ: „знали ихъ (т. е. западныхъ Татаръ) подъ именемъ Гунновъ и разсказали много басенъ о происхожденіи этого народа, не говоря о томъ, откуда онъ пришелъ. Въ Татаріи они назывались Хунъ-ну (Hiong-nou) и основали бельшое государство, которое было разрушено китайцами. Тогда они разсѣялись. Одни пошли на западъ и впослѣдствіи вступили въ Римскую имперію. Всѣ знаютъ нашествіе знаменитаго Аттилы. Другіе остались на границахъ Китая и были разбиты только татарами Жу-жень (Gou-gen). Нѣкоторые поселились въ Китаѣ, гдѣ образовали много государствъ. Они были совершенно обезсилены или, по крайней мѣрѣ, не имѣли никакого значенія въ Татаріи, когда одинъ изъ вождей этого народа, по имени Ту-мынь (Tou-muen) сталъ во главѣ многихъ ордъ и образовалъ новое государство. Эти народы назывались тогда Турками. Они завладѣли всей Татаріей“. Далѣе онъ говоритъ, что „Чингизъ-ханъ происходилъ изъ монгольскаго народа, составлявшаго часть народа турецкаго“. Вышеприведенныя строки, взятыя нами изъ первой части перваго тома (pp. 213—215), которая посвящена генеалогическимъ таблицамъ государей,

правившихъ въ Азіи, выражаютъ, по нашему мнѣнію, достаточно ясно точку зрѣнія Дегиня. Мы видимъ, что онъ строго придерживался политической классификаціи. Разъ мы установимъ, что этотъ авторъ излагалъ только политическую исторію, очевидно, что онъ не былъ ни сторонникомъ монголизма, ни турчизма, ни финизма. Для него не существуетъ этнографическихъ различій, что можно видѣть изъ неоднократно высказываемыхъ имъ взглядовъ. Онъ признаетъ Хунъ-ну тожественными и съ Турками, и съ Монголами *).

Только одно мѣсто во всемъ сочиненіи могло-бы казалось дать поводъ думать, что Дегинь признавалъ нѣкоторое этнографическое различіе. Въ примѣчаніи на стр. 114 части II-й, тома I-го, онъ сказалъ слѣдующее: „Раздѣленіе имперіи Хунъ-ну на сѣверныхъ и южныхъ (48 г. по Р. Х.), кажется, имѣетъ большое отношеніе къ раздѣленію турецкаго государства на Монголовъ и Татаръ. Первые—Хунъ-ну сѣверные, вторые—южные“. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ авторъ старался примирить, вслѣдствіе обилія бывшихъ у него подъ руками источниковъ, тюркскія преданія мусульманской редакціи съ историческими фактами, сообщаемыми китайскими лѣтописями. Мы заключаемъ это изъ того, что раньше на стр. 5—12 II-й ч. I-го т., онъ изложилъ преданія, сообщенныя Абуль-Гази, въ одномъ изъ которыхъ говорится, что отъ общаго предка Тюрка произошли два брата, близнецы-ханы Татаръ и Монголъ. Весьма вѣроятно, что въ этомъ преданіи содержится какое-нибудь историческое воспоминаніе; какое—сказать трудно. Замѣтимъ, что у Дегиня замѣчается здѣсь нѣкоторая путаница. Взявъ извѣстіе Абуль-Гэза, что отъ Монголъ-хана происходятъ Монголы, а отъ Татаръ-хана-Татары, онъ не выяснилъ, кто такіе эти послѣдніе. Самъ онъ назвалъ Татарами всѣхъ жителей Средней Азіи—и тюрковъ, и монголовъ, и тунгузовъ и др. Судя-же по этому примѣчанію, Татары, по его мнѣнію, лишь часть тюрковъ. На стр. 368 II-й части I-го тома онъ, приступая къ изложенію исторіи восточныхъ тюрковъ, выводитъ ихъ, сообразуясь съ исторіей, изъ сѣверныхъ Хунъ-ну, которыхъ онъ въ вышеназванномъ примѣчаніи назвалъ Монголами. Поэтому, на одной и той-же страницѣ (368) онъ называетъ этихъ восточныхъ тюрковъ и тюрками, и монголами **).

---

*) Приведемъ нѣкоторые примѣры: «Гунны впослѣдствіи носили имя Турокъ» (Т. I p. I, p. V). «Турки Татаріи происходили отъ древнихъ Хунъ-ну» (Т. I, p. I, p. 225) «Исторія сохранила намъ только извѣстіе о времени нѣкоторыхъ вторженій этихъ народовъ (т. е. Гунновъ) или скорѣе Татаръ вообще» (Т. I, p. II, p. 16). «Монголы, по словамъ всѣхъ писателей, особая орда, происшедшая отъ турецкаго народа» (Т. I, p. I, p. 272) и т. д. см. Т. I, p. II, p. 13, т. I, p. II, p. 368, т. II, p. 2 и др.

**) При полномъ отсутствіи точныхъ данныхъ возникли различныя предположенія. О. Іакинѳъ Бичуринъ, также старавшійся согласовать эти извѣстія («Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи». Введеніе къ первой части, стр. I—II), думалъ, что отъ Монголъ-хана произошелъ домъ Хунъ-ну, а отъ Татаръ-хана—домъ Дунъ-ху. И тѣ, и другіе были,

Разсмотрѣвъ мнѣнія Дегиня относительно происхожденія народа Хунъ-ну, перейдемъ къ воззрѣніямъ его на отношенія Хунъ-ну къ европейскимъ Гуннамъ. Тожество этихъ двухъ народовъ кажется Дегиню, какъ и предшествовавшимъ ему миссіонерамъ, несомнѣннымъ. Къ этому отожествленію склонило его конечно сходство именъ. Вопросъ о происхожденіи имени Хунъ-ну, подавшій впослѣдствіи поводъ къ многочисленнымъ спорамъ, разрѣшается имъ очень просто. Сообщивъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ при императорѣ Яо, т. е. за 2000 лѣтъ до Р. Х., назывался Шань-іонъ (Chanyong т. е. Шань-жунъ), черные варвары, при Шанской династіи Гуй-фанъ (Kuci-fang), при Чжу Хянь-юнь (Hien-yun), при Ханяхъ Хунъ-ну (Hiong-nou), онъ прибавляетъ: „это слово (Hiong-nou) можетъ быть переведено по китайски—несчастные рабы; но я думаю, что это татарское слово, которое китайцы выражали двумя знаками, образующими тотъ-же звукъ. Это слово измѣнено, какъ всѣ иностранныя слова, которые они хотятъ выражать на своемъ языкѣ. Однако, оно можетъ быть китайское по происхожденію; нерѣдко въ татарскомъ языкѣ встрѣчаются подобнаго рода имена". (прим. T. I, p. II, p. 13). Онъ, повидимому, не думалъ, что Гунны образовались сразу, путемъ единичнаго случая раздѣленія хуннуской орды, будь то въ половинѣ I-го вѣка до Р. Х. (когда Чжи-чжи, отдѣлившись отъ Ху-хань-а, пошелъ на западъ), или въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. (изгнаніе сѣверныхъ Хунъ-ну). Изъ его словъ скорѣе можно заключить, что это переселеніе происходило въ теченіе большого промежутка времени, цѣлыми рядами движеній отдѣлявшихся отъ главной орды частей. Такъ, говоря, какъ Гунны въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. разбили у Яика (Урала) Алановъ, онъ замѣчаетъ, что эти послѣдніе не всегда жили тамъ, а тоже пришли съ востока и причину ихъ прихода видитъ въ смутахъ, происшедшихъ отъ расположенія Хунъ-ну около теперешняго Тобольска, во времена Чжи-чжи. Впрочемъ, главнымъ движеніемъ онъ кажется считалъ переходъ на Западъ части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ пораженія въ 93 г. по Р. Х., такъ какъ именно съ этого года онъ начинаетъ исторію западныхъ Гунновъ. Относительно тожества Хунъ-ну и Гунновъ онъ совершенно убѣжденъ; напр., говоря о раздѣленіи Хунъ-ну на южныхъ и сѣверныхъ и объ удаленіи послѣднихъ на Западъ, онъ говоритъ: „Это тѣ Гунны, которые перешли впослѣдствіи въ Европу, въ правленіе императора Валента". (T. I, p. I, p. 217).

по его мнѣнію, Монголы. Вотъ его слова: «Хунну, по азіатскимъ (онъ различаетъ китайскихъ и азіатскихъ историковъ, разумѣя подъ послѣдними мусульманскихъ) историкамъ Домъ Могулъ-хана... Дунъ-ну, по азіатскимъ историкамъ Домъ Татаръ-хана». Шмидтъ (Forschungen, стр. 11) не вѣрилъ въ возможность существованія этихъ хановъ.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу причисленія Дегиня къ представителямъ теоріи монголизма Хунъ-ну *). Нѣкоторые ученые считаютъ его даже создателемъ этой теоріи. По прочтеніи его сочиненія, мы сдѣлали тотъ выводъ, что въ отношеніи нашего вопроса онъ высказалъ слѣдующія два положенія: 1) Хунъ-ну было кочевое государство, изъ котораго впослѣдствіи возникло государство Тюрковъ, а затѣмъ и Монголовъ и 2) Гунны Аттилы—потомки части населенія хуннускаго государства, ушедшей на Западъ. Разсматривая вопросъ съ особой точки зрѣнія, считая Хунъ-ну не столько народомъ, сколько государствомъ, сторонники политической классификаціи должны, по нашему мнѣнію, стоять особнякомъ **).

Если Дегинь былъ сторонникомъ политической классификаціи народовъ Средней Азіи, то это объясняется тѣмъ, что въ его время не существовало никакой исторіи, кромѣ политической, не было, какъ мы уже сказали, ни этнографіи, ни лингвистики. Совсѣмъ иное отношеніе видимъ мы со стороны другого представителя этой-же классификаціи. Любопытно, что сторонникомъ ея, непосредственно за первымъ писавшимъ по нашему вопросу, нужно поставить современнаго намъ ученаго, сочиненіе котораго можетъ считаться какъ-бы послѣднимъ словомъ науки по древней исторіи Средней Азіи. Мы говоримъ о французскомъ изслѣдователѣ г. Каёнъ (L. Cahun). Свои взгляды на происхожденіе Хунъ-ну онъ высказалъ вкратцѣ въ XVI-й главѣ II-го тома Всеобщей исторіи подъ редакціей Лависса и Рамбо. Подробнѣе-же онъ говорилъ въ спеціальномъ сочиненіи „Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405" (Paris, 1895). Эта книга посвящена исторіи Средней Азіи съ древнѣйшихъ временъ до смерти Тимура. Въ ней, помимо фактовъ, изложены и собственныя воззрѣнія автора на нѣкоторые, не вполнѣ еще выясненные вопросы. Хотя въ нашу задачу входитъ только разсмотрѣніе мнѣнія Каёна о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, однако, для яснаго пониманія этого, мы должны ознакомиться и съ его классификаціей народовъ Средней Азіи.

Нашъ авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ политической классификаціи. Вотъ что онъ говоритъ, напримѣръ, о группировкѣ по племенамъ: „Въ этническомъ смыслѣ слова никогда не существовало ни расы, ни даже

---

*) Напр. П. П. Семеновъ на 400 стр. I-го тома русскаго перевода «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера (Спб. 1850) выразился такъ: «Дегинь, а въ настоящее время о. Іакинѳъ, считали Хунну за тождественное съ Гуннами Аттилы монгольское племя. Впрочемъ, высокоуважаемый географъ на стр. 630 того-же сочиненія нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе и считалъ Дегиня только сторонникомъ тожества Хунъ-ну и Гунновъ».

**) Мнѣнію Дегиня слѣдовали многіе историки XVIII-го вѣка, его современники. Таковы напр. Pray (Annales veteres Hunnorum, Vindobonae, 1761, стр. 1—60) и Гиббонъ (Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, русс. пер. ч. III).

племени гунскаго, мадьярскаго, тюркскаго, монгольскаго или маньчжурскаго, но существовали только политическія соединенія, носившія ихъ имена". Примѣръ этому авторъ видитъ въ потомкахъ монголовъ, завоевавшихъ Россію въ XIII-мъ вѣкѣ и говорящихъ, какъ и ихъ предки, на тюркскихъ діалектахъ. Можно распредѣлить", говоритъ онъ (р.р. 39—40): „по группамъ финно-угорскіе, тюркскіе, монгольскіе, маньчжурскіе языки, но нельзя распредѣлить по расамъ или естественнымъ видамъ (espèces naturelles); мы видимъ ихъ, насколько можемъ видѣть въ прошломъ, только какъ искусственныя соединенія, націи". Вопросъ о расѣ кажется г. Каёну не нужнымъ въ подобномъ случаѣ. Даже имена этихъ народовъ при филологическомъ разборѣ оказываются не этническими (?) именами, а опредѣляющими образъ жизни народа. Такъ у Абуль-Гази первые пять тюркскихъ народа называются: Кипчакъ, Уйгуръ, Канглы, Калачъ и Карлукъ. Кипчакъ значитъ степнякъ, Уйгуры—люди соединившіеся т. е. цивилизованные, Канглы—люди повозокъ и т. д. *).

Съ доводами этого ученаго мы, однако, не можемъ согласиться. Живущіе въ настоящее время въ Россіи народы, пришедшіе въ XIII-мъ вѣкѣ съ Монголами и говорящіе на тюркскихъ языкахъ, конечно, потомки тюрковъ, пришедшихъ подъ властью Монголовъ. Политически они были монголами, какъ теперь они русскіе, этнически-же они тюрки. Въ классификаціи по племенамъ съ насъ даже достаточно лингвистическихъ признаковъ. Мы называемъ тюрками народы, говорящіе по тюркски, а монголами — говорящіе по монгольски **). Мы согласны съ тѣмъ, что въ Средней Азіи болѣе частое, чѣмъ въ другихъ странахъ, измѣненіе политическихъ группъ способствовало измѣненію и скорѣйшему изчезновенію племенныхъ чертъ и ничего не имѣемъ противъ утвержденія нашего автора, что „взаимное проникновеніе народовъ, принадлежащихъ къ финно-угорской, тюркской, монгольской и маньчжурской группамъ, очень древне—и если не доказываетъ единства, то, по крайней мѣрѣ, остается свидѣтелемъ продолжительныхъ и часто повторявшихся сношеній", но не считаемъ возможнымъ отрицать распредѣленіе этихъ народовъ

*) Этотъ взглядъ г. Каёна, какъ и многіе другіе, былъ осужденъ критиками. Такъ В. В. Бартольдъ, въ рецензіи на это сочиненіе, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Прос. (1896, Іюль), сказалъ слѣдующее: «Непріятно поражаетъ пристрастіе автора къ этимологическимъ объясненіямъ личныхъ, географическихъ и этнографическихъ именъ», а г. Аристовъ (Замѣтка объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ, Живая Старина, 1896), прямо отказался, въ виду общаго признанія важности и возможности этнографической классификаціи, опровергать мнѣніе г. Каёна, что эта классификація невозможна. Вышеприведенныя словопроизводства В. В. Радловъ въ статьѣ «къ вопросу объ Уйгурахъ» (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 72, кн. I, Спб. 1893, стр. 2) назвалъ прямо «народными этимологіями».

**) Мы отлично знаемъ, что возможно усвоеніе народомъ чуждаго языка. Но это исключеніе, а мы говоримъ объ общемъ правилѣ.

по племенному происхожденію. Впрочемъ, г. Каёнъ признаетъ одно этническое имя; это имя—Тюркъ. Говоря объ этомъ, онъ касается вопроса относительно древнѣйшихъ обитателей Средней Азіи. „Древнее имя, которое китайцы давали предкамъ тюрковъ было Хунъ-ну. Это слово не имѣетъ ни этническаго, ни національнаго характера; оно ни тюркское, ни монгольское, а китайское и очень древнее“ (46).

А вотъ какъ нашъ авторъ говоритъ объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ: „Когда изслѣдовали происхожденіе Гунновъ, т. е. того народа, который пришелъ въ Европу подъ предводительствомъ Аттилы, тратили по-пусту время, чтобы доказать, что эти варвары были или не были то же самое, что Хунъ-ну, о которыхъ говорятъ китайцы; это напрасный споръ и поиски за рѣшеніемъ задачи, которая не имѣетъ рѣшенія. Мы можемъ сказать навѣрно, что всѣ тюрки были Хунъ-ну, но мы не можемъ сказать, чтобы всѣ Хунъ-ну были тюрки. Если давать Хунъ-ну общій смыслъ, который давали этому имени китайцы до II-го вѣка, то Гунны были Хунъ-ну, какъ тюрки, монголы и маньчжуры, но среди Гунновъ Аттилы были еще другіе этническіе элементы, какъ позже среди Монголовъ Чингизъ-хана“ (47). Вотъ мнѣніе г. Каёна о происхожденіи Хунъ-ну. Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ, почему этотъ изслѣдователь полагаетъ, что Хунъ-ну чисто китайское слово и не хочетъ считаться съ прежде высказаннымъ мнѣніемъ, что это слово китайская транскрипція туземнаго имени?

Многіе ученые, писавшіе до г. Каёна, придерживались этого взгляда на происхожденіе Хунъ-ну. Главная-же ошибка заключается въ томъ, что г. Каёнъ думаетъ, будто китайцы давали этому имени общій смыслъ. Достаточно прочитать даже тѣ отрывки изъ китайскихъ лѣтописей, которые приведены у о. Іакинѳа въ началѣ первой части „Собранія свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, чтобы увидѣть, что подъ Хунъ-ну китайцы разумѣли народъ, образовавшій обширное государство съ опредѣленными законами и единымъ государемъ, а не безпорядочную массу различныхъ племенъ и народцевъ, бродившихъ гдѣ-то на сѣверѣ. Они придавали этому имени совершенно особенный смыслъ и отличали ихъ отъ нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ границъ ихъ государства (напр., отъ Дунъ-ху). По мнѣнію г. Каёна, всѣ тюрки были Хунъ-ну—это вовсе не несомнѣнно. Мы слишкомъ плохо знаемъ древнюю этнографію сѣверо-восточной Азіи, чтобы имѣть право отрицать, что нѣкоторыя части тюркскаго племени даже въ ту отдаленную эпоху могли удалиться отъ границъ Китая и Монголіи, центра могущества Хунъ-ну. Г. Каёнъ утверждалъ, что среди Монголовъ Чингизъ-хана находились самые разнообразные этническіе эле-

менты; однако, онъ не будетъ отрицать, что во главѣ государства стоялъ народъ, говорившій монгольскимъ языкомъ. Для опредѣленія происхожденія Хунъ-ну нужно рѣшить вопросъ, какое племя играло у нихъ ту-же роль, что въ Монгольскомъ государствѣ Чингизъ-ханъ и его родичи, нужно выяснить, какое племя являлось господствующимъ въ этомъ государствѣ создателемъ его. Наконецъ, г. Каёнъ видимо не считаетъ Хунъ-ну праалтайцами, общимъ собраніемъ угро-финскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ и тунгузскихъ племенъ, еще не раздѣлившихся на отдѣльныя группы, такъ какъ титулъ хуннускаго государя „тенгри-кутъ" онъ называетъ тюркскимъ (88).

Итакъ, при строгомъ проведеніи политической классификаціи неизбѣжно надо придти къ нѣкоторымъ непримиримымъ недоразумѣніямъ. Только при признаніи вліянія политическаго положенія, но основываясь на этнографической классификаціи, можно рѣшать вопросы о происхожденіи народовъ.

II.

Теорія монголизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Раздѣленіе ея сторонниковъ на двѣ группы.—Мнѣнія Палласа и Бергмана, разборъ ихъ.—Своеобразное мнѣніе Амедея Тьерри. — Изслѣдованіе Шмидта и работы о. Іакинѳа Бичурина.— Разборъ ихъ. — Нейманъ и обобщеніе мнѣній сторонниковъ теоріи монголизма. — Разборъ его сочиненія. — Хоуорсъ и возобновленіе теоріи монголизма.—Значеніе этой теоріи.

Первая по времени теорія о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ была теорія монголизма. Она, въ мірѣ своихъ представителей, распадается на двѣ группы. Одни изслѣдовали вопросъ о Гуннахъ и о возможности ихъ азіатскаго происхожденія, считая этотъ народъ Монголами. Другіе занимались вопросомъ о Хунъ-ну, оставляя въ сторонѣ Гунновъ. Послѣ того, какъ представители обѣихъ группъ высказали свои взгляды, явилось стремленіе обобщить ихъ и такимъ образомъ свести къ общимъ выводамъ полученные въ частностяхъ результаты. Это обобщеніе особенно интересно своимъ взглядомъ на связь Гунновъ съ Хунъ-ну. Распадаясь на двѣ группы, теорія эта является, однако единой, проводящей мнѣніе, что и народъ, кочевавшій къ сѣверу отъ Китая, и орда „Бича Божія" принадлежали къ одному и тому-же племени, были близкими родственниками по крови. При нашемъ изложеніи мы будемъ придерживаться порядка этой группировки. Сначала изложимъ мнѣнія сторонниковъ монголизма Гунновъ и

разберемъ ихъ, затѣмъ доводы сторонниковъ монголизма Хунъ-ну съ ихъ разборомъ и, наконецъ, обобщенія съ указаніемъ на значеніе этой теоріи.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія сочиненія Дегиня, высказался по поводу происхожденія Гунновъ извѣстный естествоиспытатель Палласъ. Онъ совершенно не касался вопроса о китайскихъ Хунъ-ну и ихъ происхожденія. Его замѣчанія касаются почти исключительно европейскихъ Гунновъ; онъ первый высказалъ убѣжденіе въ ихъ монголизмѣ. Сочиненіе его, озаглавленное „Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften“ состоитъ изъ двухъ частей и посвящено исторіи и быту монгольской группы (собственно монголовъ, бурятъ и калмыковъ) такъ называемыхъ „алтайскихъ народовъ“. Въ началѣ первой части (появилась въ 1776 году), Палласъ, излагая древнѣйшую исторію Монголовъ, коснулся мимоходомъ вопроса о происхожденіи тѣхъ страшныхъ Гунновъ, которые грозили Западной Европѣ въ V-мъ вѣкѣ. Такъ какъ онъ высказался объ этомъ въ немногихъ словахъ, то мы и считаемъ возможнымъ привести буквально то, что онъ написалъ: „Ölöты, именно та вѣтвь монгольскаго народа, которая извѣстна въ Западной Азіи и Европѣ подъ именемъ Калмыковъ. По древнѣйшимъ сказаніямъ этого народа, самая большая и могущественная часть его, задолго до Чингизъ-хана, совершила походъ въ Малую Азію и исчезла тамъ близь Кавказа. Очень можетъ быть, что это сказаніе говоритъ о древнихъ Гуннахъ, безобразіе и отсутствіе бороды у которыхъ описанныя Амміаномъ Марцеллиномъ, равно какъ и указываемыя древнія ихъ мѣстопребыванія на сѣверѣ отъ Китая, не могутъ относиться ни къ какому другому народу въ Восточной Азіи, кромѣ какъ къ Монголамъ, ихъ братьямъ Бурятамъ и, пожалуй, къ Тунгузамъ; современные-же Калмыки имѣютъ болѣе богатую растительность, чѣмъ тѣ племена, живущія на Востокѣ“ (стр. 6). Далѣе онъ говоритъ, что оставшіеся на родинѣ Ölöты получили отъ своихъ сосѣдей Татаръ прозвище „Калимакъ (т. е. оставшіеся позади)“. Вышеприведенными извѣстіями исчерпывается все то, что Палласъ сообщилъ о Гуннахъ. То же самое повторилъ онъ въ своемъ „Reise in den Kaukasus und nach Georgien“, t. I, s. 162. Мнѣніе его высказано только въ видѣ догадки, а сочиненіе посвящено собственно совсѣмъ другимъ вопросамъ; однако, его предположеніе подверглось критикѣ, именно со стороны представителей теоріи турчизма. Объ этомъ разборѣ мы скажемъ нѣсколько дальше.

Почти одновременно или немного позже писали о Гуннахъ Тунманъ (Thunmann) въ „Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker, I“, Leipzig, 1774 *) и Энгель (Engel) въ „Ge-

*) Статья Тунмана «De Chunis, Cunis, Hunnis et Cumanis» (помѣщена въ Acta societatis jablonovianae, 1773) не только ничего не говоритъ о происхожденіи Гунновъ, но и исторіи ихъ касается очень мало.

schichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer", 1797. Но они занимались только политической исторіей Гунновъ и не говорили объ ихъ происхожденіи. Поэтому мы отъ Палласа переходимъ прямо къ Бергману.

Сочиненіе этого изслѣдователя „Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in den Jahren 1802 und 1803" вышло въ Ригѣ въ 1804 г. Оно состоитъ изъ ряда писемъ съ пути и отдѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ исторіи, этнографіи, религіи Калмыковъ. По занимающему насъ вопросу, Бергманъ высказался спеціально въ особомъ письмѣ (четырнадцатомъ)—поэтому мы и обратимъ исключительно на него наше вниманіе. Этотъ изслѣдователь занялся только вопросомъ о происхожденіи Гунновъ, а потому и долженъ быть отнесенъ къ той-же группѣ, что и Палласъ. Этого послѣдняго Бергманъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, считаетъ основателемъ теоріи монголизма. „Г. Палласъ", говоритъ онъ (t. I, s. 125): „насколько я знаю, впервые выставилъ остроумную гипотезу, что древніе Гунны, которые наводнили значительную часть Европы, были монгольскіе народы. Наружность Гунновъ, равно какъ и преданіе о бывшемъ дѣйствительно движеніи калмыцкихъ ордъ на Западъ, побудили къ этой гипотезѣ знаменитаго автора". Далѣе Бергманъ указалъ на источники о Гуннахъ, именно на извѣстія Амміана Марцеллина, Прокопія и Приска, оставившихъ описаніе жизни и обычаевъ этого народа и приведшихъ значительное число гунскихъ именъ. По его мнѣнію, Гунны имѣютъ много общаго съ Калмыками. Относительно и тѣхъ и другихъ были распространены тѣ-же заблужденія (напр., относительно и тѣхъ, и другихъ говорили, что они клали мясо, употребляемое ими въ пищу, подъ сѣдла, занимались людоѣдствомъ и т. д.). Наружность Гунновъ, описанная этими писателями (маленькій ростъ, широкая грудь, небольшіе глаза, тупой носъ и др.), сходна съ наружностью вообще монгольскихъ народовъ. Гунскія одежды, описанныя Прокопіемъ, обычаи при дворѣ Аттилы, описанные Прискомъ — тожественны съ одеждами и обычаями Калмыковъ. Бергманъ замѣчаетъ даже недостатки, общіе Гуннамъ и Калмыкамъ, напр., нерѣшительность. Самое-же очевидное и убѣдительное доказательство тожества Гунновъ и Монголовъ нашъ авторъ видитъ въ собственныхъ именахъ. Іорнандъ (такъ пишетъ Бергманъ какъ и всѣ почти изслѣдователи до послѣдняго времени, вмѣсто правильнаго Іорданъ) приводитъ имя отца Аттилы-Мунцакъ (Muntzak). Слово это составлено изъ му — дурной и цакъ—время. Не такъ давно, говоритъ онъ, жилъ на берегахъ Волги калмыцкій князь съ этимъ именемъ. Имя Аттила или Этцель тожественно, по мнѣнію Бергмана, съ Атель, что значитъ Волга. Денцикъ или Денцукъ (Dentsik, Dentsuk) тожественно съ именемъ божества у Монголовъ. Эмедзаръ (Emedsar) тоже самое, что виникцаръ, что значитъ по монгольски „дикій быкъ". Уто (Uto)—

длинный, высокій. Въ объясненіи слова Калимакъ Бергманъ не согласенъ съ Палласомъ. Этому слову онъ даетъ смыслъ „отступника", а не „оставшіеся позади". Онъ полагаетъ, что и Татары (Тюрки), и Монголы имѣли общую религію (подъ этой общей религіей онъ, вѣроятно, разумѣетъ шаманизмъ); когда Монголы приняли буддизмъ, то стали отступниками, т. е. калмыками. Тѣ-же Монголы, которые не приняли буддизмъ, и не назывались калмыками.

Приступая къ разбору теоріи монголизма Гунновъ, мы, прежде чѣмъ представить собственныя замѣчанія, считаемъ нужнымъ привести возраженія, сдѣланныя до насъ, лицомъ, съ мнѣніемъ котораго по этому поводу необходимо считаться. Извѣстный французскій монгологъ Абель Ремюза въ своей книгѣ „Recherches sur langues tartares" (Paris, 1820, p.p. 245—6), приведя гипотезу Палласа, выразился такъ: „Прежде чѣмъ принять это мнѣніе, мнѣ кажется необходимымъ разслѣдовать, какъ называются Малая Азія и Кавказъ въ монгольскихъ книгахъ, которыя могли быть написаны самое раннее при Чингизъ-ханѣ, черезъ много столѣтій послѣ экспедиціи, о которой идетъ рѣчь". Онъ считаетъ возможнымъ весьма раннія переселенія монгольскихъ народовъ на Западъ, но думаетъ, что трудно сказать, что съ ними сталось и какъ называются тѣ страны, куда они пришли. Относительно предполагаемаго тожества Гунновъ и Монголовъ, высказаннаго Палласомъ и Бергманомъ, онъ выражаетъ сомнѣніе на томъ основаніи, что собранныхъ до сихъ поръ матеріаловъ совершенно недостатачно и нужно еще изслѣдовать многія сочиненія, касающіяся происхожденія Гунновъ. Въ частности Абель Ремюза остановился на производствѣ слова Калимакъ. Относясь скептически ко всѣмъ словопроизводствамъ Абуль-Гази, онъ указалъ на то, что Калмыками называются Монголы, ушедшіе впередъ, а не оставшіеся назади.

Замѣтимъ отъ себя, что производство слова Калимакъ, столь различное у Палласа и Бергмана, точно не установлено, можно производить это слово и отъ монгольскихъ словъ голаимакъ или калмукъ *). Даже нѣкоторые сторонники монголизма не принимаютъ отожествленія Гунновъ съ Калмыками. Такъ Шмидтъ въ своихъ „Forschungen" на стр. 48 заявляетъ, что это слово татарское, самимъ монголамъ непонятное, а Нейманъ на стр. 16 своего сочиненія „Die Völker des südlichen Russlands" тоже высказывается противъ этого отожествленія. Приведя преданіе, сообщенное Палласомъ, онъ выражаетъ мнѣніе, что въ этомъ преданіи „очевидно смѣшаны" древнія переселенія Калмыковъ съ болѣе поздними Гунновъ **). Итакъ, мнѣніе Палласа

*) См. Пешель, Народовѣдѣніе (русск. пер. Спб. 1890, стр. 388). В. В. Радловъ производство именъ Калмыкъ отъ калмакъ отнесъ къ разряду народныхъ этимологій (см. Къ вопросу объ Уйгурахъ, стр. 8).

**) Нейманъ считалъ народъ «льноголовыхъ», упоминаемый у Геродота, за Калмыковъ, «вѣтвь далеко распространеннаго монгольскаго народа». Онъ привелъ извѣстіе о

высказано мимоходомъ, безъ приведенія источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты извѣстія о фактахъ, а потому не заслуживаетъ большаго вниманія. Теперь перейдемъ къ Бергману.

Прежде всего мы должны сказать, что общность обычаевъ Гунновъ и Калмыковъ, какъ доказательство ихъ тожества не можетъ быть принято. Вспомнимъ только, какъ не такъ давно нѣкоторые ученые, именно на основаніи сходства обычаевъ, считали Гунновъ славянами. Если уже между Славянами, которые являются въ исторіи осѣдлыми, и Гуннами находятъ общность въ обычаяхъ, то какъ же должны быть схожи обычаи двухъ кочевыхъ народовъ, жизнь которыхъ сложилась подъ всеуравняющимъ вліяніемъ степи? Неужели можно говорить, что Гунны и Калмыки одинъ и тотъ-же народъ, только потому, что относительно тѣхъ и другихъ были распространены тѣ-же самыя заблужденія? Впрочемъ, доводы на основаніи сходства обычаевъ не убѣдили многихъ, такъ какъ о нихъ больше и не говорили *). Указанное Бергманомъ сходство физическаго типа Гунновъ и Калмыковъ обратило на себя большее вниманіе. О немъ позже говорили и естествоиспытатели. Такъ, академикъ Бэръ, отрицавшій искусственное измѣненіе черепа у гунскихъ младенцевъ, о которомъ сообщилъ Аполлинарій Сидоній, а за нимъ и Ам. Тьерри, считалъ главное ядро этого народа—чистыми Монголами (см. стр. 45 статьи Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs § 6, Ob die verbildeten Köpfe von den Hunnen stammen? помѣщенной въ Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, VII série, II tome, № 6). Однако, въ настоящее время пришли къ убѣжденію, что такъ называемый монгольскій типъ у восточно-финскихъ племенъ выраженъ нисколько не менѣе рѣзко, чѣмъ у собственно Монголовъ **). Западные Финны и Тюрки Османы не особенно рѣзко выражаютъ монгольскій типъ, но если мы возьмемъ какого-нибудь Вогула (этотъ народъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ угро-финскому семейству) или Каракиргиза (тюрка), то они по физическому типу не будутъ особенно отличаться отъ Монголовъ. Потому-то, при пересмотрѣ вопроса о Гуннахъ, антропологъ проф. Анучинъ, возражая Д. И. Иловайскому, считалъ этотъ народъ не арійцами, а урало-алтайцами (см. Труды этнографическаго отдѣленія Московскаго Общества любителей естествознанія, 1887, VII, 37-е засѣданіе). Еще Клапротъ высказался по

томъ, что въ глубокой древности эти Калмыки перешли съ Востока на Западъ и расположились у Кавказа и въ Малой Азіи, т. е. то самое преданіе, которое привелъ Палласъ.

*) По поводу заключенія о родствѣ народовъ на основаніи сходства обычаевъ см. слова А. Гумбольдта, цитованныя въ Geschichte der Völkerwanderung Пальмана, стр. 88.

**) На близкую связь между монгольскими, финскими, тюркскими, самоѣдскими, тунгузскими, сѣверо-восточно-сибирскими и сѣверо-американскими племенами первый указалъ извѣстный датскій филологъ Раскъ. Многіе авторитетные ученые согласились съ этимъ: см. Кастрена, Reiseberichte und Briefe, стр. 10.

поводу отожествленія Гунновъ и Монголовъ на основаніи сходства физическаго типа. На стр. 239 своихъ „Tableaux historiques de l'Asie“ онъ писалъ слѣдующее: „Эти описанія могутъ быть примѣнены ко всѣмъ народамъ сѣверной Азіи, къ нимъ подходятъ какъ Вогулы, Самоѣды и Тунгузы, такъ и народы монгольскаго племени. Итакъ, сходства физическаго типа не достаточно для отожествленія Гунновъ съ Монголами. Совершенно оставляя въ сторонѣ такое бездоказательное мнѣніе, какъ заключеніе о тожествѣ Гунновъ и Калмыковъ изъ общаго имъ недостатка, переходимъ къ лингвистическимъ доводамъ Бергмана, которые самъ авторъ считалъ наиболѣе вѣскими. Однако, эти доводы были опровергнуты Клапротомъ (цитов. соч., стр. 241). Справедливо напавъ на произвольныя сопоставленія именъ и словъ, сохраненныхъ намъ древними авторами отъ языковъ исчезнувшихъ народовъ, со словами первыхъ попавшихся языковъ *), онъ считаетъ невозможнымъ производить имя Мунцакъ отъ м у и ц а к ъ, потому что оно пишется Mundiukhos и Omundios, изъ чего видно, что среднее „н“—коренное и его нельзя произвольно выбрасывать. Слово А т е л ь вовсе не значитъ В о л г а, а просто—б о л ь ш а я р ѣ к а (такое значеніе это слово имѣетъ у казанскихъ татаръ, киргизовъ, башкировъ и чувашей). Съ этими возраженіями Клапрота согласился позже и F. H. Müller (Der Ugrische Volksstamm, 1837, t. I, s. 88). Говоря о томъ, что имя Волги Итель или Итиль—тюркское, онъ считаетъ неосновательнымъ мнѣніе Бергмана и отвергаетъ его. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, возсталъ противъ доводовъ Бергмана и Венелинъ (Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I 1829, стр. 166). Онъ-же справедливо указывалъ и на несостоятельность доказательствъ этого ученаго, основанныхъ на сходствѣ обычаевъ и физическаго типа. Мы, со своей стороны, должны сказать, что считаемъ лингвистическія доказательства такого рода, какія приводилъ Бергманъ, только вспомогательными и совершенно недостаточными, какъ единственный доводъ въ пользу принадлежности народа къ тому или другому племени. Мы въ данномъ случаѣ не говоримъ, разумѣется, объ остаткахъ народной письменности (каковы напр. Орхонскія надписи)—ихъ значеніе для исторіи очень велико и, если мы будемъ имѣть что-нибудь подобное въ исторіи Гунновъ и Хунъ-ну, то вопросъ о происхожденіи этихъ народовъ будетъ рѣшенъ безповоротно. Недостаточными для рѣшенія мы считаемъ отдѣльныя слова и имена, дошедшія въ транскрипціи на языкахъ другихъ народовъ.

Разсмотрѣвъ гипотезу Палласа и доводы Бергмана въ пользу монгольскаго происхожденія Гунновъ и спеціально ихъ тожества съ Калмыками, мы пришли къ убѣжденію, что ихъ мнѣнія уже достаточно опровергнуты, такъ что тѣ, которые желаютъ видѣть въ Гуннахъ Монголовъ или Калмыковъ,

*) Отъ чего впрочемъ не свободенъ и самъ Клапротъ.

должны привести новыя доказательства, а не ссылаться на двухъ вышеприведенныхъ ученыхъ—ихъ взгляды и доказательства въ настоящее время не выдерживаютъ критики.

Нѣсколько другихъ, хотя и близкихъ къ двумъ вышеупомянутымъ ученымъ, воззрѣній придерживался извѣстный французскій историкъ Амедей Тьерри. Такъ какъ онъ писалъ значительно позже Палласа и Бергмана, тогда, когда появились и получили большое распространеніе другія теоріи о происхожденіи Гунновъ, то, высказывая взгляды, онъ долженъ былъ считаться съ воззрѣніями другихъ ученыхъ. Его своеобразное мнѣніе, хотя и не высказанное такъ положительно въ пользу монголизма, какъ мы видѣли это у Бергмана, все-таки должно быть причислено къ этой теоріи. Высказалъ онъ его въ своемъ двухтомномъ сочиненіи „Histoire d'Attila et de ses successeurs" (Paris, 1856). Излагая исторію великаго гунскаго завоевателя, онъ долженъ былъ коснуться вопроса о происхожденіи его народа. Этому онъ посвятилъ нѣсколько страницъ своего сочиненія (6—9, I-го тома), при чемъ высказалъ свое мнѣніе только, какъ предположеніе. Говоря о населеніи Восточной Европы во время появленія Гунновъ и спеціально о Финнахъ, онъ замѣтилъ слѣдующее: „На Востокѣ имя Финновъ исчезло передъ названіями союзовъ, которые, образовавшись около Урала, оказывали дѣйствіе то на Европу, то на Азію, чаще на послѣднюю. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ союзовъ былъ, кажется, союзъ Khounn, Hounn или Гунновъ, который покрывалъ своими ордами оба склона Уральскаго хребта и долину Волги. „Далѣе, сообщивъ извѣстія Птолемея и Діонисія Періегета объ этомъ народѣ, онъ передалъ то, что исторія сохранила намъ о внутреннемъ устройствѣ этого союза. Онъ раздѣлялся на двѣ большія группы, при чемъ принадлежащіе къ восточной или каспійской назывались Бѣлыми Гуннами, а къ западной—Черными. Тьерри, по этому случаю, высказалъ предположеніе, что „гунское владычество простиралось къ Востоку на народы тюркскаго племени, а къ Западу на финновъ и, по весьма вѣроятной гипотезѣ, господствующее племя было монгольское, болѣе рѣзко выражающее физическій типъ азіатовъ, чѣмъ финны. Дѣйствительно, исторія рисуетъ намъ Аттилу и часть гунскаго народа съ типичною калмыцкою наружностью". Наружность Аттилы онъ, судя по сохранившемуся описанію, признавалъ скорѣе монгольскою, чѣмъ восточно финскою. Далѣе, онъ привелъ извѣстіе Аполлинарія Сидонія о томъ, что Гунны искусственно безобразили своихъ дѣтей (вдавливали носъ, придавали черепу острую форму и т. д.). Объясненіе, которое даютъ этому древніе писатели, т. е. что Гунны дѣлаютъ это для того, чтобы шлемъ сидѣлъ на головѣ, Тьерри считалъ не заслуживающимъ вниманія. Онъ скорѣе думалъ, что, такъ какъ Монголы были господствующимъ племенемъ, то ихъ наруж-

ность считалась аристократической и потому подданные старались искусственно приблизиться внѣшнимъ видомъ къ господствующимъ — вотъ причина измѣненія ихъ наружности.

Итакъ, считая уральскихъ Гунновъ въ массѣ Финнами, Тьерри примкнулъ ко второй и третьей теоріямъ. Но господствующее племя онъ считалъ монгольскимъ, а такъ какъ въ нашемъ вопросѣ важно именно знать, каково было ядро народа, то мы и относимъ его къ теоріи монголизма.

Приступая къ разбору, мы прежде всего должны сказать, что очень трудно вообще критиковать мнѣнія, высказанныя въ видѣ предположеній или догадокъ; гдѣ нѣтъ доказательствъ, нѣтъ и критики. Тьерри высказался именно въ такой формѣ. Онъ, напр., утверждалъ, что Аттила имѣтъ чисто-монгольскую наружность и не походилъ на восточнаго финна. Мы сказали уже выше, что въ настоящее время считаютъ почти невозможнымъ указать на различія между типами монгольскимъ, восточно-тюркскимъ и восточно-финскимъ. Однако, на этомъ различіи Тьерри строитъ цѣлую гипотезу о верховномъ владычествѣ монгольскаго племени. Что касается до искусственнаго измѣненія Гуннами наружности своихъ дѣтей, то противъ предположеній Тьерри по этому поводу высказался еще Бэръ (въ названной выше статьѣ). Дѣло въ томъ, что единственный сообщавшій объ этомъ былъ Аполлинарій Сидоній, тогда какъ ни Амміанъ Марцеллинъ, ни Іорданъ, ни Прискъ — не говорятъ объ этомъ. Вотъ почему къ этому извѣстію надо относиться съ большой осторожностью и вполнѣ понятно задаться вопросомъ — не является-ли это сообщеніе попыткой объяснить до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстную западнымъ народамъ наружность Гунновъ. Вообще нужно сказать, что догадки этого ученаго, равно какъ и его воскрешеніе теоріи монголизма не основаны на точныхъ данныхъ, а потому какъ прежде, такъ и теперь не имѣли и не имѣютъ серьезнаго научнаго значенія, и если иногда встрѣчается въ литературѣ упоминаніе о его мнѣніи по данному вопросу, то это объясняется, думается намъ, доступностью и популярностью вышеупомянутаго сочиненія *).

Перейдемъ теперь ко второй группѣ сторонниковъ теоріи монголизма, именно къ тѣмъ, которые доказывали монголизмъ Хунъ-ну. Первымъ сторонникомъ монголизма Хунъ-ну явился монгологъ Шмидтъ въ своихъ „Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter, St. Pét. 1824". Это сочиненіе, какъ видно изъ заглавія,

*) Относя Тьерри къ сторонникамъ монголизма, мы не можемъ сдѣлать того-же въ отношеніи г. Уйфальви, хотя г. Сайу (Sayous «Les origines et l'époque payenne de l'histoire des Hongrois», p. 30) и считаетъ мнѣнія ихъ тожественными, потому что оба они считали Гунновъ «находившимся подъ монгольскимъ вліяніемъ». Однако, на это вліяніе они смотрѣли различно.

касается различныхъ вопросовъ исторіи Средней Азіи. Хунъ-ну и Гуннамъ посвящено около тридцати страницъ (39—67). Будучи оріенталистомъ, Шмидтъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Дегиня, съ критики котораго онъ и началъ свое изслѣдованіе о Хунъ-ну. Большимъ недостаткомъ этого ученаго считалъ Шмидтъ незнаніе имъ монгольскаго языка. „У Дегиня,“ говоритъ онъ, „Монголы являются тюркской ордой“. Не понимая системы классификаціи этого ученаго, Шмидтъ ближайшей причиной этого заблужденія считалъ мнѣніе, что Ту-гю (Tu-kiuei) были Тюрки. На основаніи китайскихъ лѣтописей заключали, что Хунну (Hiongnu) или Сунну (Siunnu) Ханьской династіи и Ту-гю Танской были одинъ и тотъ-же народъ. Изъ этого по мнѣнію Шмидта, и получилось, что „Ту-гю были Тюрки, болѣе ранніе Хунну—тоже Тюрки, а позднѣйшіе Монголы—тюркская орда“. Единственнымъ доводомъ въ пользу турчизма Ту-гю считаетъ Шмидтъ преданіе, по которому этотъ народъ получилъ свое имя отъ горы, имѣвшей форму шлема, слова, которое на ихъ языкѣ называется ту-гю (въ китайской транскрипціи). Въ османскомъ языкѣ шлемъ называется т а к ъ я—изъ этого заключили, что Ту-гю и Тюркъ одно и то-же. Но Шмидтъ задается вопросомъ (стр. 41): какимъ образомъ тюрки приняли китайскій выговоръ въ словѣ, бывшемъ ихъ народнымъ именемъ, и выпустили букву *р*. Онъ болѣе склоненъ видѣть въ транскрипціи Ту-гю монгольское слово т у л г а или д у л г а, которое тоже значитъ шлемъ. Если выпустить букву *л*, которая въ концѣ слога такъ-же трудна китайцамъ, какъ и буква *р*, то получится эта самая транскрипція. Поэтому Шмидтъ высказалъ убѣжденіе, что и Ту-гю, и Хунъ-ну вовсе не были Тюрки, а чистые Монголы. Еще болѣе его убѣждаетъ въ этомъ то, что изложеніе исторіи древнихъ Хунъ-ну у Дегиня вполнѣ тожественно съ древнѣйшей исторіей Монголовъ въ сочиненіи о. Іакинѳа. Кромѣ того, сходство видно и въ обычаяхъ—Хунъ-ну, какъ и современные Монголы, дѣлились на два крыла: правое и лѣвое. Извѣстно, что, по преданію Гуннамъ указала дорогу черезъ Меотійскія болота (Азовское море) лань. Шмидтъ указалъ на сходство имени этого животнаго съ именемъ жены миѳологическаго родоначальника Монголовъ Бюрте-Чино (Bürtä-Tschino) М а р а л ъ (лань) и еще съ тѣмъ, что по китайскимъ извѣстіямъ въ 967 г. до Р. Х. Чжоускій князь Му-вань отправился въ походъ противъ монгольскаго (?) племени Цюань-шунь и взялъ въ день 400 шкуръ бѣлыхъ волковъ и 400 шкуръ бѣлыхъ оленей. „Вездѣ здѣсь мы открываемъ Бюрте-Чино и Гоа-Маралъ въ монгольскомъ значеніи ихъ именъ“, добавляетъ Шмидтъ. Сдѣлавъ это неожиданное открытіе, онъ въ самомъ имени Хунъ-ну видитъ связь съ монгольскимъ миѳическимъ звѣремъ. Онъ указываетъ на то, что въ сѣверо-китайскомъ говорѣ гортанные звуки южнаго произношенія замѣняются

шипящими. Такъ сѣверное Ся (имя династіи) равно южному Хя, Бедзинъ-Пекинъ и т. д. Поэтому южное Хунну или Хюнну (Hiongnu, Hiungnu) равно сѣверному Сунну или Сюнну (Sionnu, Siunnu). По монгольски слово Чино (Tschino) выговаривается во всѣхъ діалектахъ Чюно (Tschiuno) или Чюнно (Tschiunno). Такимъ путемъ онъ сближаетъ китайское Сюнну съ монгольскимъ Чюнно. Самый титулъ хуннускихъ государей (по Дегиню Ценъ-ли-ко-то, Tseng-li-ko-to, по Абель Ремюза Тенгри-куту, (Tangri-kutu) онъ считаетъ тожественнымъ съ титуломъ Чингизъ-хана Суту-Богдо (Ssutu-Bokdo), такъ какъ по вышеуказанному правилу Суту равно Куту. Это слово, по мнѣнію Шмидта, ни въ монгольскомъ языкѣ, ни тѣмъ менѣе въ тюркскомъ, не значитъ сынъ. Суту по монгольски „правильное перо". Богдо-же и Тенгри (небо) почти одно и тоже; кромѣ того въ нѣкоторыхъ монгольскихъ книгахъ хаганы прямо называются тенгри. Перейдя затѣмъ къ европейскимъ Гуннамъ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые ученые (кто именно, онъ не говоритъ), сообразуясь съ описаніями наружности и обычаевъ Гунновъ, оставленными Аммiаномъ Марцеллиномъ, Іорданомъ и Прокопіемъ, признали въ нихъ Монголовъ, а Бергманъ пошелъ еще дальше и съ большимъ основаніемъ, по мнѣнію Шмидта, открылъ, что гунскія имена—монгольскія. Соглашаясь съ производствомъ имени Аттилы, онъ считаетъ ошибкой производство имени Мунцакъ отъ му и цакъ. Это слово, по его мнѣнію, то же, что и однозвучное съ нимъ и до сихъ поръ употребляющееся у Монголовъ и значащее: круглый, шарообразный предметъ, или-же это слово близко къ „мунца", которое значитъ: „клинъ". Онъ думаетъ, что и многія другія приводимыя древними авторами имена можно объяснить монгольскими словами. Такъ, Донатъ (Donat) равно Доной (Donoi), Каратонъ (Caraton)—Харату (Charatu), Бледа (Bleda) или Буда (Buda)—Бода (Boda), что значитъ личность или Будунъ (Budun), что значитъ туманъ, Баламиръ (Balamir)—Баламбаръ (Balambar), Эллакъ (Ellak)—Аллакъ (Allak), Субтаръ (Subthar)—Субударра (Subudarra) и т. д. Вообще Шмидтъ вполнѣ довольствуется тѣмъ, что говорилъ о происхожденіи Гунновъ Бергманъ, и считаетъ ихъ Монголами.

Сходныхъ со Шмидтомъ взглядовъ придерживался и извѣстный русскій синологъ о. Іакинѳъ Бичуринъ. Онъ писалъ по этому вопросу сначала въ „Запискахъ о Монголіи" (Спб. 1828), потомъ въ „Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена" (Спб. 1851). Этотъ ученый, знатокъ китайскаго языка, совершенно не имѣлъ подготовки къ занятіямъ исторіей. По его мнѣнію, Средняя Азія всегда была населена тѣми народами, которые населяютъ ее теперь. Переводя изъ китайскихъ лѣтописей извѣстія о кочевыхъ народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Китая, онъ довольствовался только переводами, не критикуя и не провѣряя данныхъ,

сообщаемыхъ этими лѣтописями. При такомъ способѣ работы, все написанное имъ по исторіи замѣчательно, главнымъ образомъ, какъ собраніе матеріаловъ, а не какъ научныя изслѣдованія. Мы начнемъ съ перваго изъ упомянутыхъ сочиненій, во-первыхъ потому, что оно появилось раньше, а во вторыхъ потому, что въ немъ о. Іакинѳъ сообщаетъ больше собственныхъ взглядовъ, чѣмъ во второмъ.

„Записки о Монголіи“ раздѣлены на четыре части. 1-я—дневникъ поѣздки автора отъ Пекина до русской границы, 2-ая—географическое и статистическое описаніе Монголіи, 3-ья—собраніе историческихъ свѣдѣній (въ пересказѣ по китайскимъ лѣтописямъ), 4-ая излагаетъ уложеніе, по которому китайцы управляютъ теперь Монголіей. По занимающему насъ вопросу болѣе всего данныхъ находится въ третьей части, хотя нѣкоторыя замѣчанія можно найти и во второй. Какъ синологъ и историкъ сѣверо-восточной части Азіи, о. Іакинѳъ касался только исторіи Хунъ-ну. „Болѣе нежели за двадцать вѣковъ до нашей эры скитался уже Монгольскій народъ со своими стадами по пустынямъ, сопредѣльнымъ сѣверному Китаю“, говоритъ онъ (т. II, стр. 1), вѣрный своимъ взглядамъ относительно неизмѣнности состава народовъ, населявшихъ Среднюю Азію *). Неизвѣстнымъ какъ предшественникамъ, такъ и нѣкоторымъ писавшимъ послѣ о. Іакинѳа, остался тотъ фактъ, что Хунъ-ну въ 15 г. по Р. X. получили отъ китайскаго императора Ванъ-мана предложеніе перемѣнить свое имя на Гунъ-ну. „Хунну, по китайски Хунъ-ну или Сюнъ-ну, значитъ: злой рабъ, а Гунну значитъ: почтительный рабъ. Итакъ Хунну съ 15 г. по Р. X. начали называться Гуннами“ (т. II, стр. 34, прим.). Слѣдовательно, по мнѣнію о. Іакинфа, отдѣленіе орды Чжичжи отъ Ху-хань-е, случившееся въ 51 г. до Р. X., произошло до этого переименованія, тогда какъ распаденіе на сѣверныхъ и южныхъ (43 г. по Р. X.) было уже позже. Что же касается до участи сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ по-

*) Замѣтимъ здѣсь, что о. Іакинѳу принадлежитъ мнѣніе, которое мы находимъ и у сторонниковъ политической классификаціи—Дегиня и Каёна, мнѣніе, что у кочевыхъ народовъ Средней Азіи племенное или родовое имя распространяется на цѣлый народъ, т. е. на совокупность племенъ и родовъ. Однако, мы видимъ, что это воззрѣніе нисколько не мѣшаетъ о. Іакинѳу придерживаться этнографической классификаціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Поколѣніямъ, т. е. владѣтельнымъ домамъ, занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе Монголовъ не потому, чтобы они происходили отъ дома Монголовъ, не потому что сей домъ, усилившись, наконецъ, всѣ прочія поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и составилъ какъ-бы новое государство, которое мало-по-малу привыкли называть Монголами-же, по прозванію господствующаго дома. Симъ образомъ, разныя Монгольскія (ошибка о. Іакинѳа въ томъ, что онъ думалъ, будто все населеніе теперешней Монголіи всегда принадлежало къ монгольскому племени) поколѣнія и прежде назывались общими именами: Татаньцевъ, Киданей, Хойхоровъ (Уйгуровъ), Тумасцевъ, Сяньбійцевъ, Хунновъ и т. д.» (т. I, стр. 157). «Цѣлое государство или народъ получаетъ у Монголовъ названіе отъ имени господствующаго дома, а каждый аймакъ отъ владѣтельнаго поколѣнія. Съ паденіемъ владѣтельныхъ домовъ народъ ихъ не теряетъ своего бытія, но съ перемѣною оныхъ получаетъ только новыя названія. Симъ образомъ одинъ и тотъ-же Монгольскій народъ существуетъ отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣ подъ разными только именами» (Т. II, стр. 2).

раженія Сяньбійцами (92 г. по Р. Х.), то часть ихъ, по мнѣнію о. Іакинѳа, подчинилась новымъ побѣдителямъ, а другая, сначала поселенная рядомъ съ южными Хунъ-ну по южную сторону Великой стѣны, ушла оттуда, и послѣ долгихъ странствованій и остановокъ у Урумцы, въ Тарбагатаѣ и Восточномъ Туркестанѣ, была разбита китайцами. „Послѣ сего сѣверные Гунны дѣйствовали слабо и, наконецъ, мало-по-малу и самое имя ихъ исчезло. Несмотря на сіе, нѣкоторыя поколѣнія Гунновъ долго еще существовали въ Тарбагатаѣ подъ другими именами и впослѣдствіи учинились извѣстными по своимъ военнымъ подвигамъ" (Т. II, стр. 52). Очевидно, что послѣднія слова указываютъ на европейскихъ Гунновъ. Итакъ, въ своемъ первомъ сочиненіи о. Іакинѳъ явился рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи монголизма. Перейдемъ теперь къ его второму сочиненію.

Какъ указываетъ заглавіе, въ немъ излагается исключительно исторія. Разница между нимъ и третьей частью „Записокъ о Монголіи" та, что въ немъ передается исторія не только кочевниковъ, жившихъ въ Монголіи, но и вообще народовъ Средней Азіи, а также и то, что въ первомъ сочиненіи ведется разсказъ по лѣтописямъ, а во второмъ только даны переводы съ примѣчаніями и добавленіями автора, такъ что оно уже вполнѣ носитъ характеръ сборника матеріаловъ; по собственному заявленію о. Іакинѳа это сочиненіе „есть точный, болѣе буквальный переводъ" (т. I, отд. I, стр. 2). Несмотря на то, что „Собраніе свѣдѣній" явилось на 23 года позже „Записокъ о Монголіи", взгляды автора совершенно не измѣнились. О. Іакинѳъ все такъ-же считаетъ, что Монголы издавна жили въ сосѣдствѣ съ Китаемъ. Такъ, онъ говоритъ: „Монголы съ незапамятныхъ временъ смѣшанно жили съ китайцами на сѣверныхъ предѣлахъ Китая" (Т. I, отд. I, стр. I) „Хуньній, Хань-юнь и Хунну суть три разныя названія одному и тому-же народу, извѣстному нынѣ подъ названіемъ Монголовъ" (Т. I, отд. I, стр. 2). „Почти за двадцать столѣтій до Р. Х. Монголы и Тунгузы въ китайской исторіи представляются какъ два самобытные народа. Одни Тюрки, по причинѣ отдаленности, нѣсколько позже ознакомились съ жителями Срединнаго государства" (Т. I, отд. II, стр. 477). О. Іакинѳъ прямо заявляетъ, что „на всей полосѣ Средней Азіи отъ Восточнаго океана до Каспійскаго моря искони обитали тѣ-же самые народы, которые и нынѣ населяютъ эту страну" (Т. I, отд. I, стр. VII). Исторію Хунъ-ну о. Іакинѳъ помѣщаетъ въ первую часть, въ которой говорится только о народахъ монгольскаго племени. Тутъ онъ касается вопроса объ имени этого народа, вопроса, о которомъ онъ ничего не говорилъ въ „Запискахъ о Монголіи", и замѣчаетъ слѣдующее: „Китайцы, при голосовомъ переложеніи сего слова на свой языкъ, употребили двѣ буквы: хунъ злой и ну невольникъ. Но монгольское слово Хунну есть

собственное имя и значенія китайскихъ буквъ не имѣетъ“ (Т. I, отд. I, стр. 1). Имя перваго славнаго шаньюя Хунну Мо-дэ онъ сближаетъ съ монгольскимъ словомъ м о д о, что значитъ „лѣсъ“ (тамъ-же, стр. 11). По поводу переименованія изъ Хунъ-ну въ Гунъ-ну онъ замѣчаетъ: „Здѣсь измѣнено не подлинное народное названіе Монголовъ, а голосовое переложеніе названія на китайскій языкъ“ (Т. I, отд. I, стр. 107). О. Іакинѳъ, писавшій уже послѣ выхода въ свѣтъ многихъ изслѣдованій касавшихся Хунъ-ну и считавшихъ ихъ не Монголами, высказалъ мимоходомъ свое мнѣніе о двухъ ученыхъ, особенно извѣстныхъ своими работами по этому вопросу, въ слѣдующей формѣ (Т. I, отд. I, стр. 10): „Дегинева исторія о Хуннахъ, Тюркахъ и Монголахъ и Клапротовы записки объ Азіи отъ начала до конца наполнены превратными понятіями о древнихъ народахъ монгольскаго племени, потому что ни Дегинь, ни Клапротъ не читали китайской исторіи во всей ея обширности, почему то, что читали безъ связи въ цѣломъ, не все ясно и правильно понимать могли“. По мнѣнію этого изслѣдователя ни многолѣтній, обширный трудъ Дегиня, ни работы Клапрота не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ съ начала до конца полны ошибками. Ту-гю о. Іакинѳъ, какъ и Шмидтъ, относилъ къ монгольскому племени. „Оріенталисты Западной Европы“, говоритъ онъ: „пренебрегли увѣреніемъ китайской исторіи, а обратили вниманіе на созвучность Ту-гю съ Тюрки и приняли въ основаніе, что Монголы, извѣстные подъ народнымъ названіемъ Дулга, были Тюрки, а какъ предки дулгасскаго дома происходили изъ дома Хунновъ, то и Хунны были народы тюркскаго-же племени. Сіе-то смѣшеніе Монголовъ съ Тюрками повело ученыхъ Западной Европы къ превратнымъ понятіямъ о народахъ монгольскаго племени, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“ (Т. I, отд. II, стр. 256). Здѣсь мы видимъ возраженіе противъ раздѣляемой многими учеными теоріи о турчизмѣ Хунъ-ну. Какъ убѣдительно возразилъ на нее о. Іакинѳъ, насколько доказательны его взгляды,—скажемъ далѣе, при разборѣ.

Начнемъ съ Шмидта, какъ высказавшаго первымъ мнѣніе о монголизмѣ Хунъ-ну. Клапротъ во второмъ томѣ (стр. 301—411) своихъ „Mémoires rélatifs à l'Asie“ (1826) написалъ критику на Forschungen Шмидта. Этотъ ученый, доказавшій, что Ту-гю были Тюрки (объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), особенно возсталъ противъ того, чтобы считать ихъ Монголами, какъ это сдѣлалъ Шмидтъ. Его возраженія не только опровергли доводы Шмидта, но и доказали противоположное. Впрочемъ распространяться по этому поводу не стоитъ, такъ какъ въ настоящее время Орханскія открытія сдѣлали несомнѣннымъ турчизмъ Ту-гю. Поэтому по нашему мнѣнію доводы Шмидта по вопросу о монголизмѣ Ту-гю могутъ остаться безъ возраженій. При изложеніи мнѣній этого изслѣдователя, мы видѣли, что

именно предположеніе монголизма Ту-гю содѣйствовало тому, что Шмидтъ принялъ Хунъ-ну тоже за Монголовъ—вѣдь по китайскимъ извѣстіямъ Ту-гю происходили отъ Хунъ-ну. Если опровергнутъ монголизмъ Ту-гю, то этимъ опровергнутъ и монголизмъ Хунъ-ну. Разсмотримъ теперь другіе доводы въ пользу монголизма этихъ послѣднихъ. Шмидтъ указалъ на сходство древней исторіи Хунъ-ну въ изложеніи Дегиня съ тѣмъ, что передалъ о. Іакинѳъ о древнѣйшей исторіи Монголовъ. Однако, о. Іакинѳъ самъ писалъ съ тенденціей, принимая Хунъ-ну за Монголовъ. Поэтому, вполнѣ понятно, что его исторія сходна съ тѣмъ, что сообщалъ Дегинь—оба они писали исторію одного и того-же народа, только называли его различными именами. Что касается до отожествленія Хунъ-ну и Монголовъ только потому, что и тѣ, и другіе дѣлились на два крыла или сопоставленія имени Маралъ съ преданіемъ о лани, указавшей Гуннамъ дорогу черезъ Меотійскія болота, то при критикѣ нельзя не сказать, что подобнаго рода мнѣнія совершенно не заслуживаютъ вниманія. Далѣе, по мнѣнію Шмидта, Хунъ-ну или Сюнъ-ну равно Чюнно. Если такъ, то конечно Сюнъ-ну ближе къ истинному имени этихъ кочевниковъ, чѣмъ Хунъ-ну. Однако же подданные Аттилы не назывались Сюннами и Чюннами, а Гуннами. Разъ истинное названіе этого народа Чюнно, то что-же общаго между этимъ именемъ и Гуннами? Шмидтъ этого не разъясняетъ. Относительно отожествленія Тенгри-куту и Сото-Бокда, мы приведемъ въ видѣ лучшаго опроверженія слова Клапрота (упом. статья стр. 394): „Хотя китайскіе историки вполнѣ ясно говорятъ, что Тенгри-куту (какъ и китайское Тянь-цзу, Thien-tsu) означаетъ „сынъ неба“, г. Шмидтъ желаетъ объяснять этотъ титулъ, какъ „небесное перо“... Кута значитъ родственникъ, двоюродный братъ въ тюркскихъ нарѣчіяхъ Сибири“. Титулъ „сынъ неба“ понятенъ, но что это за „небесное правильное перо“—мы совершенно не понимаемъ. Что побудило государя Хунъ-ну называться такъ? Относительно Гунновъ нашъ авторъ не высказалъ ничего особенно важнаго. Примкнувъ къ мнѣнію Бергмана, онъ только привелъ еще нѣсколько гунскихъ именъ и сопоставилъ ихъ съ монгольскими. Въ общемъ, доводы этого изслѣдователя совершенно не выдерживаютъ критики. Въ одномъ случаѣ онъ прямо таки ошибается (принимая Ту-гю за Монголовъ), въ другомъ видитъ отличительныя черты народа тамъ, гдѣ ихъ совершенно нѣтъ (сопоставленіе лани въ преданіи о переходѣ Гунновъ въ Европу—съ именемъ Маралъ), въ третьемъ даетъ такое объясненіе словамъ, что смыслъ ихъ остается совершенно непонятнымъ (Сото-Бокда). Мы можемъ смѣло сказать, что гипотеза Шмидта относительно происхожденія Гунновъ, опиравшаяся только на мнѣніе Бергмана, рушится, разъ отвергнуты доводы этого послѣдняго. Относительно Хунъ-ну онъ приводилъ такія доказательства, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи

не выдерживаютъ критики. О. Іакинѳъ, какъ мы уже говорили, доказывалъ очень мало; онъ довольствовался, главнымъ образомъ изложеніемъ историческихъ фактовъ. Мы привели выше его критику мнѣній Дегиня и Клапрота, двухъ ученыхъ, которые по нашему вопросу сдѣлали очень много. И что-же говоритъ о нихъ о. Іакинѳъ? Онъ совершенно отрицаетъ значеніе ихъ работъ, думая, что они только перепутали извѣстія. Относительно происхожденія Тугю онъ придерживался того-же мнѣнія, что и Шмидтъ—слѣдовательно ошибался, какъ и тотъ. Изученіе историческихъ фактовъ убѣдило его повидимому въ томъ, что откочевавшіе сѣверные Хунъ-ну могли быть предками Гунновъ. Полное отсутствіе какихъ-бы то нибыло доказательствъ лишаетъ насъ возможности разбирать подробно мнѣнія этого ученаго. Ему казались совершенно ясными такіе вопросы, которые требовали и даже теперь требуютъ рѣшенія.

Хотя оба изъ раннихъ сторонниковъ монголизма Хунъ-ну придерживались, думается намъ, по большей части недоказанныхъ мнѣній, мы все-же отдаемъ преимущество о. Іакинѳу. Онъ далъ намъ въ русскомъ переводѣ извѣстія о Хунъ-ну, существовавшія въ китайскихъ лѣтописяхъ. Относительно происхожденія Хунъ-ну онъ почти не приводилъ никакихъ собственныхъ доводовъ, а принялъ воззрѣнія другихъ. Шмидтъ-же принялся доказывать; какого рода эти доказательства—мы видѣли. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ (выраженнымъ правда въ рѣзкой формѣ) Клапрота въ упомянутой выше рецензіи. Шмидтъ и о. Іакинѳъ принесли гораздо больше пользы наукѣ, первый изданіемъ и переводомъ Cананъ-Сэцэна, второй китайской грамматикой или переводомъ китайскихъ лѣтописей, чѣмъ мнѣніями о происхожденіи и племенной принадлежности народа Хунъ-ну.

Если Палласъ, Бергманъ и Тьерри писали объ европейскихъ Гуннахъ, а Шмидтъ и о. Іакинѳъ о китайскихъ Хунъ-ну, причемъ и тѣ, и другіе, обративъ свое вниманіе на одинъ народъ, или совсѣмъ не касались другого, или говорили о немъ мимоходомъ, то Нейманъ (C. F. Neumann) можетъ считаться такимъ представителемъ этой теоріи, который писалъ и о тѣхъ, и о другихъ. Онъ считался какъ съ воззрѣніями другихъ сторонниковъ той-же теоріи, такъ и писавшихъ до него приверженцевъ прочихъ теорій. Еще въ 1837 году высказалъ онъ въ своихъ „Asiatische Studien“ (Leipzig, 1837, S. 126) слѣдующее: „Хунъ-ну мы вмѣстѣ съ Гобилемъ, Виделу и Дегинемъ считаемъ за западныхъ Гунновъ“. Гораздо подробнѣе коснулся онъ этого вопроса въ небольшомъ изслѣдованіи о переселеніяхъ народовъ, озаглавленномъ „Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung“ (Leipzig, 1847) и увѣнчанномъ наградой Французскимъ Институтомъ. По нашему мнѣнію въ вопросахъ, касающихся Хунъ-ну и Гунновъ, Нейманъ изложилъ въ сжатой, болѣе или менѣе науч-

ной формѣ взгляды вышеназванныхъ писателей, съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями. Поэтому, мы считаемъ его сказавшимъ какъ-бы послѣднее слово монгольской теоріи и остановимся нѣсколько подробнѣе на его взглядахъ. Сочиненіе это было отвѣтомъ на данную Французскимъ Институтомъ тему—дать исторію отношеній и странствованій всѣхъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей съ начала третьяго до конца одиннадцатаго вѣка. Съ этой исторіей связаны нѣкоторые другіе вопросы, касающіеся переселеній народовъ и ихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является нашъ вопросъ о происхожденіи Хунъ-ну и ихъ отношеніяхъ къ Гуннамъ. Какъ серьезный историкъ Нейманъ, разумѣется, не могъ оставить безъ вниманія событій, происшедшихъ въ глубинѣ Азіи, особенно движеній кочевыхъ народовъ на западъ и юго-западъ. Почти при каждомъ появленіи новаго народа въ исторіи южной Руси, онъ обращается къ далекому Востоку и старается выяснить причины движенія этого народа, а не то даже найти упоминаніе о немъ въ китайскихъ лѣтописяхъ.

Изложивъ въ первой главѣ своего изслѣдованія древнѣйшія извѣстія объ исторіи юга Россіи до второго вѣка и господства тамъ Готовъ, онъ во второй главѣ передалъ исторію Хунъ-ну и движеніе ихъ на западъ. Эта вторая глава, главнымъ образомъ, и интересуетъ насъ. Впрочемъ, относящіеся до нашего вопроса факты и соображенія находятся также въ первой, равно какъ и въ главахъ третьей (исторія государства Аттилы) и четвертой (паденіе гунскаго государства и изложеніе судебъ Средней Азіи при Сянь-би и То-по, а также появленіе Тюрковъ). Въ началѣ второй главы, прежде, чѣмъ излагать исторію, онъ вкратцѣ коснулся вопроса объ отношеніяхъ кочевниковъ къ Китаю, а затѣмъ мнѣнія китайцевъ относительно племенной принадлежности этихъ народовъ. Онъ указалъ на громадное значеніе этихъ кочевниковъ для сосѣднихъ, осѣдлыхъ народовъ и на стремленіе этихъ осѣдлыхъ народовъ ближе ознакомиться съ законами и обычаями, числомъ и мѣстами обитанія этихъ страшныхъ враговъ, чтобы легче бороться съ ними. Далѣе онъ сообщилъ, что, по воззрѣніямъ китайцевъ, всѣ эти народы принадлежали къ одному и тому-же племени и различались только мѣстами жительства. „Это одинъ и тотъ-же народъ, говорятъ китайцы, который при различныхъ династіяхъ назывался различными именами. Хунъ-ну (Hiong-nu), Ту-гю (Tu-kiuei), Монъ-гу (Mong-ku), Та-та (Ta-ta)“ (стр. 24). Авторъ вполнѣ согласенъ съ этимъ взглядомъ, говоря, что хотя и существуетъ различіе въ физическомъ типѣ между Тюрками, Монголами и Тунгузами и хотя это различіе даже указывается самими китайцами, языки этихъ народовъ указываютъ на ихъ первоначальное единство. Затѣмъ онъ переходитъ къ исторіи. „Кажется во времена древнѣйшей китайской династіи Хя (Hia) узнали впервые

собственное имя народа Хунь-ё, которое, вѣроятно, значитъ—люди, потому что народы и племена рѣдко даютъ себѣ собственныя имена; они обыкновенно называютъ себя только — народъ, люди“ (25). Итакъ, Нейманъ считаетъ именно Хунь-ё (Hun-io) именемъ народа, а всѣ остальныя, позднѣйшія имена только передѣлками этого. Оно совсѣмъ не значитъ „проданные рабы“, какъ перевелъ его Абель-Ремюза и не выговаривается Чонъ-ё (Tschong-io), какъ писалъ Дегинь, принявъ ошибочное наименованіе, сообщенное Ма-ту-ань-линемъ. Истинное значеніе этого слова, по мнѣнію Неймана, „лукоѣды“. Когда впослѣдствіи эти варвары вступили въ болѣе близкія и болѣе враждебныя отношенія къ китайцамъ, эти послѣдніе стали имъ давать разныя обидныя клички, напр. Хунъ-ну (Hiong-nu), что значитъ „поднимающіе шумъ рабы“ (lärmende Sclaven). „Эти оскорбительныя слова, только по звуку сходныя съ собственнымъ именемъ Хунь-ё, вытѣснили это и стали употребляться вмѣсто него“ (стр. 26). Объ обычаяхъ этого народа Нейманъ сообщаетъ какъ по китайскимъ, такъ и по византійскимъ источникамъ, замѣчая, что извѣстія Сы-ма-цяня и Ма-туань-линя настолько сходны съ тѣмъ, что сообщилъ Амміанъ Марцеллинъ, что кажется будто они списали другъ съ друга (стр. 29). Сообщая далѣе, что европейцевъ поражала наружность Гунновъ, тогда какъ китайцы ничего особеннаго въ ней не находили, онъ заключаетъ, что слѣдовательно и жители Срединнаго царства и эти варвары принадлежали къ одной расѣ. Имъ, напротивъ, казался страннымъ видъ народовъ кавказскаго племени — они разсказываютъ о Тюркахъ и о другихъ народахъ, принадлежащихъ къ этой-же расѣ, что у нихъ впалые глаза и выдающійся носъ. Этого достаточно для признанія, что Хунь-ё и Монголы одинъ и тотъ-же народъ. Если бы они были Тюрки, то китайцы отмѣтили-бы и у нихъ эти отличительныя черты“ (стр. 30). Описанія ихъ наружности убѣждаютъ Неймана въ ихъ несомнѣнной принадлежности къ монгольскому племени. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній Нейманъ восклицаетъ: „какой-же благоразумный историкъ можетъ послѣ этихъ, до мелочей сходныхъ, описаній Хунь-ё, Гунновъ и Монголовъ въ восточныхъ источникахъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и въ западныхъ IV, V, и XIII вѣковъ, сомнѣваться еще, что всѣ эти народы принадлежали къ монгольской расѣ?“ (стр. 31). Въ этихъ словахъ Нейманъ выразилъ свое убѣжденіе, что Хунъ-ну (по его мнѣнію скорѣе Хунь-ё) китайскихъ лѣтописей, европейскіе Гунны IV и V вѣковъ и Монголы Чингизъ-Хана—одинъ и тотъ-же народъ. Объясненіе гунскихъ именъ и словъ изъ тюркскихъ и финскихъ языковъ нисколько, думаетъ онъ, не противорѣчитъ монголизму этого народа. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу: „Мы знаемъ, что изъ одного татарскаго *) племени

*) Подъ татарскими въ его время подразумѣвали тюркскіе, монгольскіе и тунгузскіе языки; см. по этому поводу Абель Ремюза «Recherches sur les langues tartares».

языковъ, существовавшаго въ глубочайшей древности, съ теченіемъ времени развились три, различествующіе въ частностяхъ, въ общемъ-же обнаруживающіе одно происхожденіе языка, съ которыми финскіе болѣе или менѣе родственны. Однако, изъ арійскаго или индо-китайскаго племени вышли многіе своеобразные какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ языки. Не нужно никакихъ дальнѣйшихъ доводовъ для того, что, хотя и существуетъ соотношеніе между татарскими и финскими идіомами, заходящее далеко за границы всякой исторіи, оно не можетъ быть взято какъ доказательство общаго происхожденія или родства физически столь несходныхъ народовъ". Изъ этихъ словъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что Нейманъ придавалъ гораздо больше значенія физическому сходству или различію, чѣмъ лингвистическому; Монголы могутъ имѣть въ своемъ языкѣ тюркскія или финскія слова, но физически они всегда будутъ отличаться отъ тюрковъ и финновъ. Въ передачѣ историческихъ фактовъ Нейманъ строго слѣдуетъ за китайскими лѣтописями. Онъ, какъ и о. Іакинѳъ, признаетъ, что въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. сѣверные Хунъ-ну были разбиты. Одна часть ихъ подчинилась Китаю, другая Сянь-би, третья-же откочевала на западъ. Эти откочевавшіе Хунъ-ну заняли область Юе-бань. Нейманъ считаетъ вѣроятнымъ, что китайцы называли такъ всѣ области, лежавшія къ сѣверо-западу отъ Согдіаны до земель Римской имперіи. Можетъ быть, что Юе-бань Угорская земля (das Land der Jugri), и можетъ быть это слово есть измѣненное Eulysia, которое Прокопій даетъ всей степной области на Востокъ отъ Азовскаго моря. Что касается отношеній Хунъ-ну и Гунновъ, то Нейманъ признавалъ этихъ ушедшихъ въ Юебань Хунъ-ну Гуннами. Онъ указалъ на то, что извѣстія китайскихъ и европейскихъ писателей вполнѣ согласуются. „Какъ разъ около того времени", говоритъ онъ (стр. 38—39): „къ концу перваго вѣка нашего лѣтосчисленія, когда Гунны по китайскимъ извѣстіямъ расположились въ Юе-банѣ (Jue-pan) и завладѣли частью земли Аланъ, и западные писатели знаютъ о присутствіи ихъ въ этихъ мѣстахъ. Это—сходство, которое также должно убѣдить самую осторожную критику въ тожествѣ Хунь-ё, Хунь-ну и Гунновъ". Изъ этихъ западныхъ писателей онъ называетъ Діонисія, который говоритъ, что Гунны живутъ за Скиѳами, и Амміана, который знаетъ объ ихъ вторженіяхъ въ Арменію. Что касается до этническаго состава вторгнувшихся въ Европу Гунновъ, то Нейманъ, думая вполнѣ справедливо, что кочевые народы вообще немногочисленны, признавалъ, что они не могли быть чистыми Монголами. „Часто случается, что народы завоевывающіе страну, удерживаютъ имена коренныхъ жителей или жившихъ до нихъ. Поэтому Болгары, Авары, Мадьяры и Секлеры (Szekler), принадлежавшіе частью къ финскому, частью къ татарскому племени, позже Тюрки и даже Славяне у относившихся безъ кри-

тики писателей Запада и Востока назывались Гуннами (стр. 77). Что касается до производства слова тюркъ, то по этому поводу Нейманъ высказалъ своеобразное мнѣніе. Приведя извѣстія о происхожденіи этого имени отъ слова такъя, онъ прибавилъ (стр. 85): „Это, безъ сомнѣнія, одно изъ позже выдуманныхъ производствъ, которыхъ много въ восточныхъ и западныхъ сочиненіяхъ". Онъ думаетъ, что это имя происходитъ отъ слова Туранъ, означающаго страны, лежащія по ту сторону Окса и впервые названныя такъ Персами (стр. 11). Наконецъ, оригинальны его воззрѣнія и относительно происхожденія Ту-гю отъ Хунъ-ну. Онъ думаетъ, что эта орда была подчинена Гуннамъ и даже говорила на языкѣ этихъ послѣднихъ и только позже отдѣлилась отъ бывшихъ побѣдителей (стр. 85—86).

Приведя вкратцѣ мнѣнія Неймана, мы можемъ сказать, что онъ въ общемъ придерживался тѣхъ-же воззрѣній, что и его предшественники по теоріи монголизма. Хунъ-ну и Гунны, по его воззрѣніямъ, одинъ и тотъ же народъ и при томъ монгольскаго происхожденія. Его доводы должны обратить наше особенное вниманіе какъ потому, что онъ завершилъ и обобщилъ то, что было сдѣлано до него сторонниками монголизма, такъ и потому, что онъ обладалъ бо́льшимъ матеріаломъ и большей наукоспособностью, чѣмъ вышеупомянутые изслѣдователи. Согласіе Неймана съ тѣмъ мнѣніемъ китайцевъ, что всѣ названія народовъ Средней Азіи только названія династій, а не народовъ, не оправдывается по нашему мнѣнію его собственными словами, что Хунъ-ну были Монголы, а Ту-гю—Тюрки. Совершенно уже нельзя согласиться, если даже вопросъ о народности Хунъ-ну считать спорнымъ, съ тѣмъ, что Ту-гю и Минъ-гу т. е. Тюрки и Монголы одинъ и тотъ-же народъ. Можно сказать, что въ государство Ту-гю входило много монгольскихъ элементовъ, а въ Монъ-гу тюркскихъ, но необходимо признать, что въ одномъ случаѣ власть принадлежала Монголамъ, а въ другомъ—Тюркамъ. Мы вполнѣ согласны, что нѣкогда и Тюрки, и Монголы, и Тунгузы составляли одно цѣлое но это не значитъ, что они всегда оставались въ такихъ отношеніяхъ, что ихъ даже трудно отличить однихъ отъ другихъ. Очень возможно, что китайцы, знавшіе ихъ съ глубокой древности, продолжали считать ихъ за одинъ и тотъ же народъ, знакомясь-же ближе, стали отмѣчать отличительныя черты каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ и получилось, что кочевые народы на сѣверѣ Китая считались то однимъ народомъ, то разными. На первоначальное единство этихъ народовъ указываетъ не только сходство языковъ при „физическомъ различіи", но сходство и того, и другого. Излагая исторію Нейманъ высказался въ пользу того, что истинное имя страшныхъ кочевниковъ было Хунь-ё, всѣ-же прочія—передѣлки этого названія. Мы не понимаемъ какъ ругательное слово Хунъ-ну могло вытѣснить народное имя и пр

томъ, если оно дѣйствительно вытѣснило его, то у кого—у китайцевъ или у самихъ Хунь-ё? Что китайцы могли употреблять его вмѣсто настоящаго—съ этимъ мы можемъ согласиться, но принятіе его самими кочевниками отрицаемъ. Трудно опредѣлить, къ какому имени изъ сообщаемыхъ лѣтописями всего ближе истинное имя народа. Сходство гунскихъ и хунхускихъ обычаевъ въ описаніяхъ европейскихъ и китайскихъ авторовъ объясняется общими кочевыми условіями жизни. Это сходство не можетъ быть принято какъ доказательство тожества народовъ. Мы вполнѣ согласны, что китайцы были ближе къ этимъ народамъ по расѣ, чѣмъ жители Европы и что ихъ поражалъ видъ народовъ кавказской расы, но замѣтимъ, что Нейманъ очень ошибался, принимая Тюрковъ за представителей кавказской расы *). Извѣстія, которыя онъ приводитъ изъ китайскихъ лѣтописей о наружности Тюрковъ, относятся не къ нимъ. Очевидно Нейманъ имѣлъ въ виду сообщеніе „Исторіи сѣверныхъ дворовъ“ и Ма-ту-ан-линя, такъ какъ онъ и сослался на этого послѣдняго. Но въ этихъ извѣстіяхъ дѣло идетъ не о Тюркахъ, а объ Арійцахъ **). Мы не можемъ также согласиться съ этимъ ученымъ относительно предпочтенія классификаціи по физическому типу и такимъ образомъ поставить на второе мѣсто лингвистическую классификацію. Въ этнографіи въ настоящее время придается языку не менѣе, если даже не болѣе важное значеніе. Видимо знакомый съ доводами Клапрота, Нейманъ считалъ возможнымъ видѣть въ гунскомъ языкѣ финскія слова, но продолжалъ считать эти народы совершенно различными. Теперь, однако, Финны и лингвистически и физически причисляются къ тому-же племени, къ которому принадлежатъ Тюрки, Монголы и Тунгузы. Далѣе, трудно сказать откуда Нейманъ взялъ опредѣленіе мѣстоположенія страны Юе-бань. Относительно отожествленія ея съ Угорской землей Нейманъ высказалъ только предположеніе безъ всякихъ доказательствъ. Измѣненіемъ слова Eulysia Юе-бань не могло быть потому, что это греческое слово, котораго быть можетъ не знали даже туземцы, а если и знали, то оно было имъ совершенно чуждо. Только этотъ изслѣдователь и Дегинь думали, что страна Юе-бань находилась западнѣе Кангюя. Съ этимъ, однако, нельзя согласиться на томъ основаніи, что китайскія лѣтописи точно указываютъ мѣстоположеніе Юе-баня—страна эта лежала къ востоку отъ Кангюя (киргизскія степи) и къ западу отъ Усу-ня (Дзунгаріи). Поэтому Юе-бань скорѣе всего соотвѣтствуетъ Тарбагатайскому округу и областямъ къ югу отъ

---

*) Это заблужденіе было, впрочемъ, распространено и въ его время, и ранѣе. Напр. Абель Ремюза, державшійся совсѣмъ другихъ взглядовъ относительно происхожденія Хунъ-ну, считалъ Тюрковъ принадлежащими къ кавказской расѣ. См. его Recherches, стр. XXXVI.

**) См. В. В. Григорьевъ, выпускъ второй «Восточнаго Туркестана», (Землевѣдѣніе Азіи Риттера), стр. 10. Китайскій текстъ переведенъ у о. Іакинѳа. «Собраніе свѣдѣній», т. III, стр. 145; ср. тамъ-же, стр. 61.

него *). Если нельзя ничего сказать противъ мнѣнія Неймана относительно этническаго состава Гунновъ, какъ смѣси всевозможныхъ народовъ и племенъ, то нельзя согласиться съ производствомъ слова Тюркъ отъ слова Туранъ. Помимо бездоказательности этого словопроизводства, нужно сказать, что Туранцы были Арійцы, а вовсе не Тюрки. Своеобразно мнѣніе Неймана относительно происхожденія Ту-гю отъ Хунъ-ну. Не будучи уже въ состояніи раздѣлять воззрѣній Шмидта и о. Іакинѳа относительно монгольскаго происхожденія Ту-гю, онъ считалъ ихъ Тюрками и думалъ, что они не этнически, а политически произошли отъ Хунъ-ну т. е. что государство Ту-гю возникло на развалинахъ государства Хунъ-ну. Не признавая видимо существованія тюркскаго языка въ сѣверо-восточной Азіи до появленія Ту-гю, онъ выразилъ мнѣніе, что Тюрки, бывшіе подъ властью Хунъ-ну, даже говорили на языкѣ этихъ послѣднихъ. Доказательствъ какъ первому, такъ и второму изъ этихъ предположеній, мы, однако, нигдѣ не находимъ.

Изложивъ мнѣнія Неймана и разобравъ ихъ, я долженъ сказать, что въ причисленіи его къ теоріи монголизма не всѣ согласны. Именно, П. П. Семеновъ называетъ его однимъ изъ новѣйшихъ авторовъ, которые возвращаются мало по малу къ прежнему мнѣнію о тожествѣ Гунновъ и Хунъ-ну, не возобновляя конечно уже оставленной гипотезы о соплеменности Хунновъ съ Монголами (Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I, Спб., 1850, стр. 631). Въ опроверженіе этому можно привести слова самого Неймана на стр. 31 его сочиненія, въ которыхъ онъ рѣшительно высказался за монголизмъ Хунъ-ну и Гунновъ. Впрочемъ, изъ того, что П. П. Семеновъ ссылается тамъ-же въ подтвержденіе своихъ словъ на „Asiatische Studien“ (спеціально на стр. 132, гдѣ Нейманъ только мимоходомъ высказалъ мнѣніе о тожествѣ Гунновъ и Хунъ-ну), можно думать, что почтенный ученый считалъ это сочиненіе главнымъ или единственнымъ, касающимся вопроса о Хунъ-ну, тогда какъ другое, болѣе важное въ данномъ случаѣ, изслѣдованіе „Die Völker des südlichen Russlands“ осталось ему неизвѣстнымъ.

Съ Нейманомъ теорія монголизма сказала какъ бы свое послѣднее слово. Онъ поставилъ въ тѣсную связь извѣстія о Хунъ-ну и Гуннахъ; онъ уклонился отъ произвольныхъ сопоставленій словъ, что являлось отличительной чертой предшествовавшихъ ему сторонниковъ теоріи монголизма, равно какъ и другихъ теорій; онъ-же обратилъ вниманіе на отношенія кочевыхъ народовъ Средней Азіи къ Восточной Европѣ. Наиболѣе крупнымъ недостаткомъ его является не вполнѣ вѣрная группировка народовъ по ихъ про-

*) См. о. Іакинѳъ «Собраніе свѣдѣній», т. III, стр. 163 и географическій указатель тамъ-же, стр. 109; Аристовъ «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ», Живая Старина, 1896, выпуски II и III, стр. 293.

исхожденію и предпочтеніе классификаціи на основаніи физическаго сходства передъ классификаціей по языкамъ.

Однако теорія монголизма Хунъ-ну и Гунновъ вовсе не исчезла съ упомянутыми учеными. Правда, послѣ Неймана, т. е. съ 1847 г. мы не можемъ назвать ни одного ученаго, раздѣлявшаго воззрѣніи этой теоріи во всей ея полнотѣ, до 1883 г., когда извѣстный англійскій изслѣдователь, авторъ History of the Mongols Х. Хоуорсъ (H. Howorth) на шестомъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Лейденѣ сообщилъ свои взгляды на этотъ вопросъ. Его докладъ былъ напечатанъ въ изданной въ 1885 г. четвертой части трудовъ съѣзда (Actes du sixième congrès international des Orientalistes, tenu en 1883 à Leide. 1885 Leide, Brill) подъ заглавіемъ, Some notes on the Huns". Въ этой статьѣ онъ возобновилъ теорію монголизма, понимая ее въ томъ видѣ, какъ понималъ Нейманъ.

Хоуорсъ считаетъ вопросъ о происхожденіи Гунновъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ въ древней этнографіи Азіи, а результаты изслѣдованій признаетъ очень незначительными. Трудность окончательнаго рѣшенія зависитъ, по его мнѣнію, отъ многихъ причинъ: бѣдности матеріала для филологическихъ изысканій, неизвѣстности физическаго типа и т. д. Задача изслѣдователя заключается въ рѣшеніи вопроса — были ли Гунны тюркскаго, монгольскаго, финскаго происхожденія или они состояли изъ различныхъ элементовъ. У армянскихъ писателей Гунны упоминаются какъ жители областей къ сѣверу отъ Кавказа еще до II-го в. до Р. Х. Однако, отожествленію гунскихъ именъ съ именами кавказскихъ Аваровъ, изъ котораго слѣдуетъ по мнѣнію Хоуорса признаніе того, что Гунны и Авары были лезгинскаго племени, противорѣчатъ исторія, преданіе и физическій типъ. Нашъ изслѣдователь указываетъ на то, что нельзя опираться только на лингвистическія данныя, такъ какъ эти данныя измѣнчивы (онъ приводитъ въ примѣръ племя Хезаре въ Афганистанѣ, которое, хотя и говоритъ на персидскомъ языкѣ, однако принадлежитъ несомнѣнно къ монгольскому племени). Онъ находитъ, что лучше всего руководиться историческими фактами („установленіемъ исторической преемственности", какъ выражается онъ), дополняя ихъ лингвистическими и другими данными. Справедливо указавъ на отсутствіе этнографической классификаціи у Дегиня, Хоуорсъ считаетъ отожествленіе Хунъ-ну съ Ту-гю, сдѣланное Клапротомъ, смѣлымъ на томъ основаніи, что китайцы не дѣлали никакого различія въ этнографическомъ отношеніи между своими кочевыми сосѣдями и когда нападенія этихъ сосѣдей на ихъ страну возобновились, они назвали нападавшихъ потомками Хунъ-ну. Хоуорсъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что Хунъ-ну были Монголы. Этотъ выводъ дѣлаетъ онъ изъ слѣдующихъ соображеній. 1) Хунъ-

ну занимали страну Монголовъ. Что тюрки занимали южную часть этой страны въ VI-мъ вѣкѣ, не доказываетъ того, что они занимали ее раньше. Монголы-же, насколько мы знаемъ, были исконными обитателями этой страны. 2) Чингизъ-ханъ, въ разговорѣ съ даосскимъ монахомъ Чань-Чунемъ, называетъ шань-юя Хунъ-ну „нашимъ" шань-юемъ. Хоуорсъ принимаетъ и сдѣланное Шмидтомъ отожествленіе словъ Шань-юй съ Чи-во и Суту-Богда съ Тенгри-Куту. Въ подтвержденіе своему мнѣнію онъ приводитъ также и сходство нѣкоторыхъ обычаевъ (употребленіе извѣстнаго рода знамени и особаго рода костюмовъ при свадьбахъ). Жуань-жуань, ближайшіе преемники Хунъ-ну въ сѣверо-восточной Азіи, происходили, по словамъ Ма-ту-аньлиня отъ Хунъ-ну; это весьма вѣроятно, прибавляетъ Хоуорсъ, такъ какъ „они были дѣйствительно въ тѣсной связи между собою". Если мы обратимъ вниманіе на ожесточенную вражду Жуань-жуань съ Ту-гю, то можно опять таки думать, что первые были монголы, такъ какъ выдающуюся роль въ Средней Азіи могли играть только или тюрки, или монголы. Шмидтъ, основываясь на лингвистическихъ данныхъ, то-же пришелъ къ тому мнѣнію, что Жуань-жуань—монголы. Въ своихъ выводахъ Хоуорсъ идетъ еще дальше признанія монголизма этихъ двухъ народовъ и думаетъ, что Хунъ-ну были предками собственно Монголовъ, а Жуань-жуань были предками Ойратовъ. Онъ даже сближаетъ слово ойратъ со словомъ Аваръ, такъ какъ „ат" есть окончаніе множественнаго числа, а ойр-уар т. е. авар; въ этомъ онъ видитъ даже подтвержденіе гипотезы Дегиня, что Жуань-жуань и Авары одинъ и тотъ-же народъ. Признавая тожество Хунъ-ну и Гунновъ, Хоуорсъ однако указываетъ на то, что въ Средней Азіи часто династія была одного происхожденія, а масса народа—другого (напр. Золотая Орда, гдѣ династія была монгольская, а масса народа—тюрки). Затѣмъ, Хоуорсъ переходитъ къ монгольскому происхожденію династіи Гунновъ. Главное основаніе для этого отождествленія по мнѣнію Хоуорса,—сходство гунскихъ обычаевъ съ монгольскими (напр. одежда Аттилы сходна съ одеждой монгольскихъ князей; гунны, какъ и монголы, ѣли только мясо особымъ образомъ убитыхъ животныхъ и т. д.). Признавая тотъ фактъ, что среди Гунновъ были и германцы, и славяне, онъ, однако, считаетъ главнымъ составомъ народной массы—тюрковъ и финно-угровъ. Затѣмъ, Хоуорсъ останавливается на имени „Бѣлые Гунны", которое какъ-бы подразумѣваетъ другое, именно „Черные Гунны", подобно тому, какъ были Черные и Бѣлые Угры, Кара (черные) и Акъ (бѣлые) Хазары. „Бѣлые" Хазары, Угры и Гунны были вѣроятно Тюрки, а „Черные" Хазары, Угры и Гунны—Угры. Впрочемъ Хоуорсъ отказывается отъ окончательнаго рѣшенія вопроса; рѣшить его нельзя—можно лишь выставлять гипотезы.

Изъ вышеприведеннаго содержанія статьи Хоуорса можно, какъ намъ кажется, замѣтить, что онъ далъ очень мало новыхъ матеріаловъ по вопросу о монголизмѣ Хунъ-ну и Гунновъ сравнительно съ тѣмъ, что было уже сообщено сторонниками этой теоріи до него. Пріемы этого изслѣдователя тоже не особенно отличаются отъ пріемовъ другихъ сторонниковъ монголизма, не смотря на то, что историческая этнографія очень двинулась впередъ даже со временъ Неймана. Въ нѣкоторыхъ-же вопросахъ Хоуорсъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ такія голословныя сужденія, отъ которыхъ Нейманъ вѣроятно воздержался-бы. Передавая извѣстія о Гуннахъ у Армянъ, Хоуорсъ ошибся въ опредѣленіи времени ихъ пребыванія въ областяхъ къ сѣверу отъ Кавказа. Сенъ-Мартенъ, указавшій на эти извѣстныя у армянскихъ писателей (см. ниже главу IV) сообщилъ лишь то, что Гунны извѣстны армянамъ во второй половинѣ III-го вѣка по Р. Х. Хоуорсъ-же полагалъ, что упоминаніе о нихъ относится ко II-му вѣку до Р. Х. Разница во времени получается, какъ видно, значительная. Клапротъ, на котораго такъ нападаетъ Хоуорсъ, вовсе не думалъ, какъ увидимъ ниже, что Гунны и Авары были Лезгины—онъ прямо даже отрицалъ это. Признавая незначительность однихъ лингвистическихъ данныхъ въ нашемъ вопросѣ, нельзя однако согласиться съ примѣромъ, приведеннымъ Хоуорсомъ—племя Хезаре является несомнѣнно исключеніемъ и этнографическая классификація возможна въ настоящее время главнымъ образомъ по даннымъ лингвистическимъ. Въ признаніи Хунъ-ну Монголами, Хоуорсъ по нашему мнѣнію, опирается на недостаточныя основанія. Если мы не можемъ сказать, что Тюрки занимали Монголію до IV вѣка по Р. Х., то мы также не можемъ сказать, что Монголы — исконные обитатели этой страны; мимоходомъ-же сказанныя слова Чингизъ-хана могутъ еще менѣе служить доказательствомъ. Относительно доводовъ Шмидта, которымъ Хоуорсъ придаетъ такое значеніе, равно какъ и относительно отожествленія народовъ по сходству обычаевъ, мы уже говорили выше и поэтому не считаемъ нужнымъ вторично опровергать ихъ. Признавать Жуань-жуань монголами только потому, что они вели ожесточенную войну съ Ту-гю, мы не считаемъ возможнымъ на томъ основаніи, что ожесточенная борьба можетъ происходить и между народами одного происхожденія (вспомнимъ хотя-бы борьбу между тюркскими народами Ту-гю и Уйгурами въ началѣ VII-го вѣка). Въ опроверженіе того мнѣнія, что только Тюрки и Монголы играли выдающуюся роль въ исторіи Средней Азіи, мы укажемъ на народъ, игравшій нисколько не меньшую роль, чѣмъ Жуань-Жуань, именно на Сянь-би и который тѣмъ не менѣе былъ ни тюркскаго, ни монгольскаго, а либо тунгузскаго, либо корейскаго происхожденія. Что касается до вопроса о Гуннахъ, то тутъ Хоуорсъ вполнѣ сходится съ взглядами Тьерри, хотя и не говоритъ

объ этомъ изслѣдователѣ. Къ гипотезѣ о Черныхъ Гуннахъ, возникшихъ въ представленіи Хоуорса по аналогіи съ Черными Уграми и Хазарами, за отсутствіемъ историческихъ извѣстій, нельзя относиться съ довѣріемъ.

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго мы должны сказать, что возобновленіе теоріи монголизма не было вызвано открытіемъ новаго матеріала, а личными убѣжденіями одного ученаго. Въ небольшомъ докладѣ на съѣздѣ, въ общихъ чертахъ, онъ изложилъ то, что по большей части было извѣстно и до него.

Подводя итоги всей монгольской теоріи, нужно сказать, что ее никоимъ образомъ нельзя считать сданной въ архивъ. Это доказываетъ не только появленіе вышеприведенной статьи Хоуорса, но сравнительная распространенность ея среди не спеціалистовъ *). Ея вліяніе бываетъ замѣтно и въ строго научныхъ трудахъ и въ популярно научной литературѣ, и въ простыхъ учебникахъ. Эта теорія, первая въ хронологическомъ порядкѣ, въ вопросахъ о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ по большей части строго придерживалась этнографической классификаціи, а въ вопросахъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ считалась съ историческими фактами. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что для того, чтобы признать ее дѣйствительной, нужны новыя доказательства, новые матеріалы, а большинство изслѣдователей въ настоящее время не можетъ быть причислено къ сторонникамъ теоріи монголизма.

К. Иностранцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) См. напр. Реклю, «Земля и люди», т. VII, стр. 157 (изд. Ильина).

ОПЕЧАТКИ

траница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
355	15	Мальи	Малья
—	34	des Sures	des Turcs
356	4	отожествленіи	отожествленіе
—	31	Gou-gen	Geou-gen
358	9	Chanyong	Chan-yong
—	10	Kuci-fang	Kuei-fang
—	20	Ху-хань-а	Ху-хань-е
—	39	Дунъ-ну	Дунъ-ху
359	36	монгольское племя.	монгольское племя».
—	38	и Гунновъ».	и Гунновъ.
360	36	Замѣтка	Замѣтки
362	23	въ мірѣ	въ лицѣ
364	4	nnter	unter
—	39	виникцаръ	емникцаръ
365	2	отступника	отступники
—	11	sur langues	sur les langues
—	38	именъ	имени
—	40	льноголовыхъ	лысоголовыхъ
366	5	принято	принята
368	22	Волги. «Далѣе	Волги». Далѣе
369	11	имѣтъ	имѣлъ
370	8	Tn-kiuei	Tu-kiuei
—	34	въ день	въ дань
373	26	ній	юй
378	7	Ма-ту-ань-линемъ	Ма-туань-линемъ
—	41	зыки	языки
379	4	индо-китайскаго	индо-германскаго
—	30	Хунь-ну	Хунъ-ну
380	1	Гуннами	Гуннами»
—	24	Минъ-гу	Монъ-гу
381	5	хунхускихъ	хуннускихъ
—	14	Ма-ту-ан-линя	Ма-туань-линя
—	33	Усу-ня	Усуня
382	40	выпуски II и III.	выпуски III и IV.
383	11	teuu	tenu
384	10	Ма-ту-ань	Ма-туань
—	16	то-же	тоже
385	11	извѣстныя	извѣстія

ѣъ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ нарѣчій.

Употребленіе именительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ выраженіяхъ
бъі (прѣлюбъі) дѣяти, творити, сътворити (греч. μοιχευειν)
дставляетъ въ синтаксическомъ отношеніи явленіе крайне загадочное. Встрѣ-
сь только въ этомъ оборотѣ почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ
едоно-паннонской редакціи, оно находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ
ѣстной наклонностью славянскихъ языковъ замѣнять въ этой категоріи основъ
винительный пад. именительнымъ, а, наоборотъ, именительный—винитель-
іъ. Такъ, исключая случаи, гдѣ основы на согл.—v перешли въ склоненіе
овъ на а, въ русс. яз. мы постоянно имѣемъ въ именительномъ п. лю-
вь, церковь и т. п., въ польск. bukiew, cerkiew, въ верхнелуж. cyrkej,
j, въ нижнелуж. cerkvej, kšej, въ чешск. cirkev, krev, словенск. cîr-
, krv, сербо-хорв. љубав, кр̑в, болг. любо́въ, кръвь. Правда, въ нѣко-
ыхъ говорахъ русскаго языка встрѣчаются иногда старинныя образованія
ы, напр. свекры *), но это слово только повидимому принимаетъ функ-
винительнаго п., такъ какъ на самомъ дѣлѣ представляетъ одинъ изъ
гочисленныхъ примѣровъ т. н. nominativus cum infinitivo, извѣстнаго
древне-русскимъ памятникамъ. Нерѣдкая въ болгарскомъ и сербскомъ
ма винит. п. луби, љуби, обозначающая „возлюбленную", „любовницу", а
словенскомъ въ той же функціи kri (кровь) не противорѣчатъ указанной
денціи уже потому, что представляютъ несклоняемыя образованія.
лошичъ въ своей Vrgl. Gr. (B. III², S.243) цитируетъ напр. изъ
мана" Гундулича три примѣра употребленіе ljub въ знач. им. п. ед., три
мѣра—въ знач. род. ед., одинъ—въ знач. винит. ед., одинъ—въ знач.
тн. п. ед., два—въ творит. ед., два—въ знач. именит. множ. и два—
знач. винит. множ. Подобныя же несклоняемыя формы слова kri тотъ же
ный указалъ въ сочиненіяхъ Трубера и Богорича (ibid., S. 141), а г.
Курелацъ такую же форму kami въ стихотвореніяхъ хорватовъ Ветра-
а, Лучича, Налешковича, Дивковича, Пальмотича и Газаровича **).

*) Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Leipz. 1883. S. 67.
**) Stariji oblici samostavni (Rad, Knj. XX (1872), s. 145–146).

Итакъ, всѣ живыя славянскія нарѣчія замѣняютъ древній именительный падежъ основъ на—v винительнымъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ еще не исключаетъ возможности, чтобы старославянскій языкъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступалъ и обратно, если бы въ его памятникахъ не попадались совершенно аналогичные случаи. Уже въ древнѣйшихъ средне-болгарскихъ рукописяхъ, являющихся органическимъ продолженіемъ старославянскихъ, довольно часты формы именит. п. вродѣ любовъ въ Слѣпч. Ап. XII в., цръковь въ Струм. Окт. XIII в., любовь Мак. Ап. XIII., цръковь Берл. Сб. XIII в. и мн. др. (A. Kalina Studyja, t. II, str. 432). Подобныя же явленія извѣстны и старославянскимъ памятникамъ. Оставляя въ сторонѣ формы именит. п. основъ на —n— вродѣ камень, корень, встрѣчающіяся кромѣ Супрасльской рукописи рѣшительно во всѣхъ памятникахъ македоно - паннонской рецензіи *), яркимъ доказательствомъ исконнаго вліянія винит. п. на именительный въ категоріи основъ на —v— служитъ ф. кръвь, вытѣснившая форму именит. кры (о которой мы знаемъ только изъ польскаго и словенскаго языка) едва-ли не въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Правда, другихъ словъ той же категоріи процессъ вытѣсненія формы именит. п. винительнымъ въ старославянскихъ памятникахъ, повидимому, не коснулся; но что и здѣсь первый п. не остался совершенно безъ вліянія второго, доказываетъ такое образованіе, какъ смокви, встрѣчающееся въ Супрасльской рукописи и представляющее своеобразную контаминацію именит. п. съ винительнымъ **). Послѣдній фактъ особенно драгоцѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ ослабляетъ значеніе формъ именит. п. камы и пламы, тринадцать разъ употребленныхъ въ Супрасльск. ркп. въ функціи винительнаго п. ***). Такъ какъ во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ македоно-паннонскихъ памятникахъ именительный и винительный пп. именно этихъ словъ находятся какъ разъ въ обратномъ отношеніи, и такъ какъ съ другой стороны именно только Супрасльская рукопись не употребляетъ формы любы въ значеніи винительнаго п.,—то очевидно, что употребленіе камы и пламы въ функціи винительнаго обязано въ послѣднемъ памятникѣ какимъ-то особымъ діалектологическимъ условіямъ, анализъ которыхъ отвлекъ бы насъ здѣсь въ сторону.

---

*) Именно форма камень 7 разъ встрѣчается въ Зогр. Ев., 4—въ Ассем., 1—въ Маріинск., 1—въ Клоцов. Сб., 4—въ Супр. ркп. и 1—въ Савв. Кн.; слово корень 1 разъ употреблено въ Клоц. Сб. и 3 — въ Супрасл. ркп. (R. Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern der Altkirchenslovenischen, Arch., B. II, S. 521—522).

**) R. Scholvin, o. c., S. 514. Подобные же примѣры замѣчены Миклошичемъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ: любви Панегирикъ Михановича, цръкви Болонск. пс. и др. (Vergl. Gr. B. III S. 39).

***) R. Scholvin, o. c. S. 528. A. Leskien, Handbuch, S. 60.

Составляя странную аномалію вряду другихъ формъ винит. п. основъ на —v—, наша форма любъı противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общей тенденціи славянскихъ языковъ передавать синтаксическія функціи именительнаго падежа винительному, — тенденціи, весьма опредѣленно проявившейся (какъ показано Лескинымъ въ его знаменитомъ „Declination...“) еще въ эпоху общеславянскую.

Уже одного этого факта самого по себѣ вполнѣ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ правильности обычнаго объясненія формъ любы, прѣлюбъı въ нашемъ оборотѣ какъ именительныхъ пп. отъ основъ на согласную *). Сомнѣніе это перейдетъ въ увѣренность, какъ только мы примемъ во вниманіе еще слѣдующіе факты.

Кромѣ винит. п. на—ъвь и ъı (въ нашемъ случаѣ) основы на — v— употребляютъ иногда винит. п. на —ъве—**). Послѣдняя форма, довольно частая въ другихъ случаяхъ, никогда не встрѣчается въ оборотѣ прѣлюбъı дѣяти. Это явленіе нельзя не признать очень страннымъ, если форма любъı въ нашемъ выраженіи есть слово того же образованія, какъ и, напр., во фразѣ Богъ любъı есть.

Во вторыхъ, вступая въ соединеніе съ другими словами, любы всегда вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ въ категорію основъ на—o: ср. напр., любодѣяти, прѣлюбодѣяние, напротивъ, другія слова той же категоріи сохраняютъ въ этомъ случаѣ слѣды своего согласнаго происхожденія. Напр. отъ *кры мы имѣемъ множество словъ въ родѣ кръвосмѣшеніе, кръвопролитіе и пр. При предполагаемомъ единствѣ обоихъ образованій, это явленіе опять-таки въ высшей степени странно ***).

Въ третьихъ, въ Маріинскомъ ев. дважды (Марк. X, 19, Луки XVIII, 20) и Ассемановомъ однажды (Матѳ. XIX, 18) вмѣсто прѣлюбъı въ нашемъ оборотѣ употреблена форма прѣлюбъ ****). Такъ какъ эта форма встрѣчается въ двухъ совершенно разныхъ памятникахъ и притомъ на совершенно разныхъ мѣстахъ, то ее невозможно объяснить опиской, перешедшей изъ оригинала по традиціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она находится въ какой-то морфологической связи съ прѣлюбъı, но въ какой,—на этотъ вопросъ популярное объясненіе отвѣтъ не даетъ, да и дать не можетъ...

„Нарушеніе безъ всякой видимой причины строго соблюдаемой въ другихъ случаяхъ разницы между именительнымъ (любъı) и винительномъ (любъвь)“ заставило нѣкоторыхъ ученыхъ искать болѣе раціональнаго объясненія явленію. Такъ, ак. Ягичъ высказалъ мнѣніе, что любъı въ соеди-

*) Оно принято и Лескинымъ см. Handbuch³, S. 65.
**) R. Scholvin, o. c. s. 522—525, A. Leskien, Handbuch³. S. 65.
***) Указаніемъ на этотъ фактъ мы обязаны пр.-доц. И. Л. Лосю, за что и приносимъ ему здѣсь нашу глубокую благодарность.
****) A. Leskien, Handbuch³, S. 65.

ненія съ дѣяти не имѣетъ ничего общаго съ основами на —v—, но представляетъ или винительный п. мн. ч. или нарѣчіе отъ прилаг. любъ (ср. малы). Самый же оборотъ любы дѣяти знаменитый славистъ считаетъ аналогичнымъ съ извѣстнымъ выраженіемъ милъ ся дѣю *). Противъ такого объясненія, во-первыхъ, можно возразить, что если бы любъі представляло винит. п. мн. отъ прилаг., то это прилагательное, конечно, получило бы форму средняго р., а не мужескаго; во-вторыхъ, объясненіе любъі и какъ нарѣчія не объясняетъ указанной формы Мар.-Ассем. Евв. прѣлюбъ. Гораздо болѣе правдоподобное объясненіе предложилъ К. Бругманнъ, который въ ок.—ъі нашихъ словъ видитъ совершенно правильный рефлексъ индоевр. окончанія согл. основъ ūm **). Но и это объясненіе не проливаетъ свѣта на указанныя три особенности употребленія нашихъ формъ въ памятникахъ.

Но если любъі и прѣлюбъі въ соединеніи съ дѣяти не могутъ быть ни винит. п. отъ существительныхъ на согласн. основу, ни прилагательнымъ, ни нарѣчіемъ, то не могутъ-ли онѣ быть формами отъ основъ на —о—? Другими словами, не представляютъ-ли наши слова формъ винит. п. множ. ч. исчезавшихъ еще въ македоно-паннонскую эпоху существительныхъ муж. р. любъ, прѣлюбъ основы на—о?

Хотя въ старославянскихъ памятникахъ мы и напрасно стали бы искать даже признаковъ существованія такихъ словъ, тѣмъ не менѣе богатыя данныя лексическаго матерьяла живыхъ славянскихъ языковъ указываютъ на то, что эти существительныя нѣкогда были извѣстны и старославянскому языку.

Такъ, въ словенскомъ языкѣ довольно употребительно слово ljûb, i, f., означающее „любовь“. Творительный п. множ. ч. этого слова ljûbmi встрѣчается и въ формѣ нарѣчія въ значеніи freiwillig. О древности этого нарѣчія не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ оно встрѣчается еще въ Фрейсингенскихъ отрывкахъ (Vondrák, Index). Правда, слово ljûb принадлежитъ къ категоріи основъ на —i—, но что въ словенскомъ языкѣ могло существовать подобное же образованіе и на —о—, это доказываетъ слово poljub, a, м. р., „поцѣлуй“, der Kuss (Pleteršnik, см. это слово). Это существительное образовано отъ глагола poljubiti zu lieben anfangen, abstreicheln, einen Kuss geben (ibid). Слово poljûb въ свою очередь дало начало существительному poljûbek, a, который сходится отчасти по формѣ и всецѣло по значенію съ сербскимъ пољубац. Послѣднее имя предполагаетъ существованіе и въ сербск. слова пољуб, тѣмъ болѣе, что и здѣсь существуетъ глаголъ пољубити „цѣловать“. То же понятіе лежитъ и въ болгарскомъ глаголѣ полюбамъ.

*) Маріинское четвероевангеліе. Спб. 1883, стр. 438.
**) Grundriss, B. II, S. 550.

Такимъ образомъ, въ южнославянскихъ языкахъ находятся хотя и малочисленныя, но все-таки положительныя указанія на то, что въ нихъ нѣкогда существовало слово *lub, склонявшееся по темѣ на — о и обозначавшее вѣроятно „плотскую“ или „чувственную любовь“. Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что глаголъ любити, отъ котораго могло быть образовано существительное *lub, во всѣхъ трехъ языкахъ обозначаетъ, главнымъ образомъ, „цѣловать“, а въ словенскомъ „behagen“ т. е. „нравиться“.

Гораздо меньше указаній даютъ южнославянскіе языки относительно существованія имени *prelub. Косвеннымъ доказательствомъ возможности его существованія можетъ служить словенское прилагательное preljub, „zu lieb“ (см. Pleteršnik это слово), образованное отъ глагола preljûbiti, „vorziehen“, „zu viel lieben“. Послѣдній глаголъ извѣстенъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ обозначаетъ не только „чрезмѣрную любовь“, но и главнымъ образомъ „незаконную, преступную“. Нельзя не сознаться, что это послѣднее значеніе гораздо лучше подходитъ къ смыслу старославянскаго оборота прѣлюбъı творити, чѣмъ первое. Поэтому, Миклошичъ поступаетъ ошибочно,— видя въ прѣлюбъı вліяніе д. в. н. ubarhuor „adulterium“ при huor „scortatio“ (Vrgl. Gr. B. II. S. 363).

Весьма опредѣленныя указанія относительно былого существованія слова *lub даютъ и западно-славянскіе языки. Если въ словенскомъ и сербскомъ языкахъ это существительное сохранилось только въ сложеніи съ предлогомъ po, то въ чешскомъ языкѣ оно встрѣчается и въ видѣ чистой основы т. е. какъ въ старославянскомъ. Именно Kott въ своемъ Slovník'ѣ приводитъ драгоцѣнный для насъ примѣръ lib, u, м. р. (изъ lub, a, м. р.) извлеченный имъ изъ одной рукописи XIV в. и обозначающій milý předmět т. е. „пріятный, дорогой предметъ“. Правда, примѣръ, приведенный Коттомъ, единственный, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ выходомъ въ свѣтъ „Историческаго словаря чешскаго языка“ проф. Гебауэра число примѣровъ этого слова увеличится. Отголоскомъ его служитъ и современное чешское líbek-mílek.

Несравненно чаще употребляется въ чешскомъ языкѣ слово lib (т. е. lub) въ сочетаніи съ префиксами. Какъ и въ сербскомъ и словенскомъ, и въ чешскомъ существуетъ имена polib и polibek, образованныя отъ глагола polibiti, обозначающаго „цѣловать“. Но особенно часто оно встрѣчается въ видѣ слова slib, которое имѣетъ множество значеній при главномъ „votum“, das Gelübde. Какъ polib образовано отъ polibiti, такъ slib—отъ slibiti.

Въ тѣхъ же словахъ, что и въ чешскомъ, слово lub продолжаетъ жить и въ польскихъ polub и slub (при глаголахъ polubic' и slubic'). Мы не нашли только слова lub, что, впрочемъ, и неудивительно при крайней устарѣлости словаря Линде.

Особенно много словъ, образованныхъ отъ именной основы lub, имѣетъ верхне - лужицкій языкъ. Изъ нихъ мы приведемъ здѣсь по словарю Пфуля, только lubc, „Buhle“, lubčik, Liebstöckel, lubkar', „Liebstenjäger“ при глаголахъ lubkowac' Libsten haben, prelubkowac' mit Liebsten verbringen. Какъ въ польскомъ и чешскомъ, такъ и въ верхне-лужицкомъ яз. есть слово slub, происшедшее изъ *sъlubъ.

Меньше всего указаній относительно слова *lub даетъ, какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, русскій яз. Въ словарѣ Даля, мы могли найти только нарѣч. слюбомъ, которое тождественно по образов. съ чешск. slib и польск. slub.

Итакъ, во всѣхъ живыхъ славянскихъ языкахъ находятся болѣе или менѣе ясныя указанія на то, что въ общеславянскомъ языкѣ нѣкогда существовали имена lub, а и prelub, а. Весьма возможно, что именно эти слова и сохранились въ старославянскомъ оборотѣ любы (прѣлюбы) сътворити. Какъ формы винит. п. мн. ч., они имѣютъ поэтому лишь случайное сходство съ именит. п. слов. на согл. основу. Если это такъ, то намъ теперь сразу дѣлается ясной встрѣчающаяся въ Мар. и Ассем. Евв. форма прѣлюбъ, которая очевидно представляетъ здѣсь винит. ед. ч. отъ забытаго существит. *prelub.

Точно также теперь насъ не будетъ удивлять и тотъ фактъ, почему въ нашемъ оборотѣ любы никогда не замѣняется словомъ любъвь. Если обѣ эти формы были бы формами одного и того же слова, то было бы очень странно, что такіе тонкіе знатоки старославянскаго языка, какими были изобрѣтатели слав. азбуки, употребили одно и тоже слово и въ такомъ возвышенномъ значеніи, какъ Богъ любы есть и, напротивъ, въ такомъ пошломъ какъ любы сътворити. Напротивъ, ларчикъ открывается просто, если предположить, что въ первомъ случаѣ слово любы представляло образованіе на согласную и обозначало „идеальную любовь“, а во второмъ,— образованіе на гласную и значило любовь „чувственную“.

Г. Ильинскій.

ОТДѢЛЪ II.

Распредѣленіе жителей Солунскаго Виляета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя при семъ настоящій мой трудъ, считаю прежде всего долгомъ указать источники, коими я пользовался при составленіи статистическихъ таблицъ народонаселенія.

Главными источниками были Салнаме (ежегодная справочная книга) Солунскаго Виляета, списки доставленные Епархіями о числѣ входящихъ въ составъ ея христіанскихъ домовъ и, наконецъ, свѣдѣнія разныхъ частныхъ лицъ. Но при всемъ стараніи собрать точныя цифры населенія, я не могу ручаться за безусловную точность моихъ свѣдѣній и допускаю, что онѣ уклоняются отъ истины процентовъ на 15.

Хотя турецкія оффиціальныя данныя, заключающіяся въ издаваемомъ ежегодно Салнаме, не всегда отличаются вѣрностью, тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ драгоцѣнный матеріалъ, такъ какъ служатъ единственнымъ источникомъ для подсчета мусульманскаго населенія. Вслѣдствіе сего я не могу согласиться съ мнѣніемъ Г. Теплова, высказаннымъ въ его «Матеріалахъ для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи», что при составленіи числовыхъ данныхъ Салнаме большую роль играетъ собственное вдохновеніе властей. Можетъ быть, это такъ было въ 1877 году, когда Г. Тепловъ печаталъ свое сочиненіе, но не теперь, такъ какъ лѣтъ 15 тому назадъ Турецкое Правительство ввело систему «нуфузъ-тескере» (видъ на жительство), которыми всѣ турецкіе подданные обязательно снабжены. Эти нуфузъ-тескере должны всегда находиться при собственникѣ для удостовѣренія его личности. О каждомъ рожденіи приходскій священникъ у христіанъ и имамъ у мусульманъ обязанъ донести компетентнымъ властямъ и получить для новорожденнаго мальчика или дѣвочки нуфузъ-тескере, за который уплачивается піастръ ($8^1/_2$ коп.). Такимъ же образомъ вышеупомянутые лица сообщаютъ и о случаяхъ смерти, для исключенія умершихъ изъ списка жителей, такъ какъ въ противномъ случаѣ семейство покойнаго будетъ продолжать уплачивать подати за умершаго. Единственное, въ чемъ можно упрекнуть Салнаме, это то, что, печатая число жителей даннаго села или города, доставленное управленіемъ, нуфузъ-тескере не принимаетъ во вниманіе, что многіе, родившись въ одномъ мѣстѣ и будучи тамъ записаны, проводятъ всю свою жизнь въ другомъ мѣстѣ, числясь оффиціально въ спискахъ по мѣсту рожденія. Вслѣдствіе сего населеніе городовъ, притягивающихъ къ себѣ на заработки жителей селъ, всегда показано въ Салнаме ниже дѣйствительности. Но если нельзя основываться на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ для счета христіанъ, отличаю-

щихся большею предпріимчивостью и потому переселяющихся въ торговые и промышленные центры, то для мусульманъ, остающихся большею частью на родинѣ, свѣдѣнія Салнаме почти вѣрны.

Что же касается получаемыхъ отъ епархіальныхъ властей свѣдѣній о числѣ христіанскихъ домовъ въ епархіи, то ихъ слѣдуетъ различать по источнику полученія. Цифры, доставляемыя болгарскими митрополитами, достовѣрнѣе цифръ греческихъ архіереевъ, такъ какъ первые, будучи поставлены во главѣ школьнаго дѣла, получаютъ свѣдѣнія и отъ учителей и отъ священниковъ, которые не имѣютъ надобности скрывать истину отъ архіерея, получающаго годовой окладъ жалованія отъ Екзархіи и потому не требующаго въ свою пользу съ паствы налога въ 12 піастровъ (1 р. 2 коп.) въ годъ съ каждаго семейства.

Греческіе митрополиты фактически отстранены отъ завѣдыванія школами и потому не имѣютъ для провѣрки свѣдѣній отъ учителей, а довольствуются только цифрами приходскихъ священниковъ, старающихся всегда скрыть истину изъ опасенія, во первыхъ, что архіерей наложитъ больше ежегоднаго налога на прихожанъ, а во вторыхъ что при посвященіи сына и дачи ему отцовскаго прихода придется заплатить болѣе архіерею. Но кромѣ того греческіе митрополиты и слышать не хотятъ о различіи по національности жителей, а называютъ ихъ просто православными, считая таковыхъ исключительно греческимъ достояніемъ. Тогда какъ болгарскіе строго придерживаются національности и не стараются даже распространять своего вліянія на не славянъ.

Чтобы покончить съ источниками, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ, въ особенности Г. Шопову, болгарскому торговому агенту въ Солуни, доставившему мнѣ богатый матеріалъ.

Относительно этнографическаго распредѣленія народностей необходимо замѣтить, что настоящіе греки, эллины, живутъ болѣе или менѣе компактной массой только въ приморскихъ частяхъ Вилаета, въ другихъ же мѣстахъ они группируются въ нѣсколькихъ торговыхъ городахъ какъ-то Мельникъ, Сересъ, Драма и т. д. Эти греческія колоніи, благодаря своей сплоченности, а также богатству и большему развитію, сильно вліяютъ на окрестное населеніе какъ городское, такъ и сельское. Первое греки успѣваютъ даже эллинизировать, а второе, находящееся часто въ матеріальной зависимости отъ нихъ, удерживаютъ отъ перехода въ вѣдомство болгарскаго Экзарха.

Влахи разбросаны небольшими колоніями по всему Вилаету и большею частью настолько эллинизированы, что оскорбляются, если ихъ назвать влахами. Исключеніе составляютъ влахи, живущіе въ казѣ Гевгели, въ мѣстности такъ называемой Могленъ (по турецки Караджово), изъ коихъ жители села Ноите въ числѣ около 4000 человѣкъ приняли въ концѣ 18-го столѣтія мусульманство (единственный примѣръ принятія влахами мусульманства), а жители другихъ селъ по свидѣтельству Вейганда болгарятся (Vlacho-Meglen. стр. XXVIII).

За исключеніемъ приморскихъ частей, въ коихъ, какъ было сказано выше, живутъ греки, весь Солунскій Вилаетъ занятъ турками османлисами и славянами.

Въ числѣ турокъ я помѣстилъ также жителей Долно-Яболчища и Горно-Яболчища казы Велесъ, всего 737 человѣкъ албанцевъ, а также небольшія поселенія черкесовъ и цыганъ-мусульманъ. Сдѣлалъ это, чтобы не заводить отдѣльныхъ графъ для ничтожнаго количества, не мѣшающаго моей задачѣ выяснить процентное отношеніе и распредѣленіе по мѣсту жительства различныхъ народностей въ Солунскомъ Генералъ-Губернаторствѣ. Руководствуясь такими же соображеніями, я причислялъ въ казѣ Зихна къ грекамъ часть жителей селъ Зиляхово, Нуска, Еровище, Зихна и Порна, въ числѣ 3000 человѣкъ, христіанъ, употребляющихъ въ домашнемъ обиходѣ исключительно турецкій языкъ. Кто они такіе? я не берусь судить.

Такого большаго числа турокъ османлисовъ, какъ въ Солунскомъ Вилаетѣ, не встрѣчается нигдѣ болѣе въ Македоніи. Объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что Солунскій Вилаетъ былъ сразу завоеванъ турками, тогда какъ въ другихъ частяхъ Македоніи еще долго существовали вассальныя и даже почти независимыя княжества, куда туркамъ доступъ былъ закрытъ, а во вторыхъ тѣмъ, что, благодаря плодородію почвы, завоеватели добивались получать тамъ отъ Султановъ тимары и сіаметы (земли, раздаваемыя

турецкимъ воинамъ въ качествѣ леновъ), причемъ христіанскіе земле
на своей землѣ (Иречекъ. Исторія Болгаръ стр. 416). Это же плод
влекло также изъ Азіи турокъ-земледѣльцевъ, занявшихъ деревни,
ранѣе предшествовавшими безконечными войнами Византіи съ Сербіе

Благодаря розданнымъ тимарамъ и сіаметамъ, въ Македоніи п
зываемые чифлики т. е. помѣстья, въ коихъ земля принадлежитъ соб
а жители обработываютъ землю съ половины, при чемъ хозяинъ чи
дома съ необходимыми пристройками, а жители обзавестись рабочим
дѣльческими орудіями. Хотя законъ и разрѣшаетъ чифчіямъ (полов
дить отъ одного хозяина къ другому, въ случаѣ, если они прежнему
но это почти никогда не практикуется, такъ какъ всѣ чифчіи
оплатныхъ долгахъ хозяевамъ, у которыхъ они заняли деньги дл
обзаведенія необходимымъ инвентаремъ, за каковой заемъ они съ тр
проценты только. Такимъ образомъ чифчіи какъ бы прикрѣплены
дятъ только въ случаѣ, если хозяинъ другаго чифлика заплатитъ их
другими словами просто купитъ, такъ что, избавившись отъ одной
въ другую.

Деревни же, въ коихъ земля принадлежитъ самимъ жителям
Македоніи селами.

Въ Солунскомъ Вилаетѣ большинство христіанскихъ деревень
коихъ изъ собственной выгоды стараются имѣть чифчіевъ, обладаю
ными семействами, могущими обработывать и лучше и больше зе
примемъ во вниманіе, что священники уменьшаютъ нарочно число
изъ опасенія увеличенія архіереемъ налога, (я лично убѣдился, что
ныхъ селахъ священники скрыли отъ архіерея до 1/10 домовъ),
моему, считать, что въ каждомъ христіанскомъ домѣ живетъ около
я принялъ для исчисленія числа жителей христіанъ, такъ какъ е
сообщали мнѣ только число домовъ, и я скорѣе допускаю, что полу
скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительности. Что же касается мусульм
въ виду того, что семейства ихъ малочисленнѣе христіанскихъ, я
систему подсчета населенія, что въ каждомъ домѣ живетъ въ ср
Этотъ способъ считать, что въ христіанскомъ 8 а въ мусульманском
примѣнялъ въ селахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, а въ чисто
мусульманскихъ руководствовался данными Салнаме, не раздѣляю
жителей ни по религіи, ни по національности.

До появленія болгарскаго національнаго движенія только
Тиквешъ и Гевгели было славянское богослуженіе, во всѣхъ же
Вилаета со славянскимъ населеніемъ въ церквахъ и школахъ упо
тельно греческій языкъ, удержавшійся еще и до сихъ поръ среди
стовъ, за исключеніемъ перешедшихъ отъ болгаръ на сторону серб

Въ виду все болѣе и болѣе разгорающейся борьбы между бо
а также безпрестанныхъ переходовъ съ одной стороны на другую,
нымъ дѣлить славянъ на сербовъ и болгаръ, а внесъ ихъ въ общу
раздѣливъ ихъ только на экзархистовъ, уніатовъ и мусульманъ.

Что касается славянъ уніатовъ, то они, принявъ въ большо
самомъ началѣ болгарскаго національнаго движенія, теперь постепе
нея, и можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ унія сов
Македоніи.

А. Т

й.	
Евреевъ.	Всего.
—	226
—	800
—	47057
—	7500
—	355
—	627
—	227
—	451
—	536
—	577
—	993
—	154
—	254
—	90
—	82
—	163
—	258
—	68
—	255
—	263
—	109
—	23
—	132
—	85
—	185
—	13
—	144
—	270
—	276
—	975
—	149
—	253
—	186
—	164
—	1238
—	1003
—	824
—	584
—	424
—	760
—	1393
—	728
—	607
—	796

…лунь.

Грековъ мусульманъ	Грековъ христіанъ	Грековъ мусульманъ	Влаховъ христіанъ	Влаховъ мусульманъ	Евреевъ	Всего
	—	—	—	—	—	163
	—	—	—	—	—	95
	—	—	—	—	—	198
—	—	—	—	—	—	162
—	—	—	—	—	—	124
—	—	—	—	—	—	147
—	—	—	—	—	—	336
—	—	—	—	—	—	152
—	—	—	—	—	—	183
—	—	—	—	—	—	376
—	—	—	—	—	—	733
—	—	—	—	—	—	548
—	—	—	—	—	—	334
—	—	—	—	—	—	86
—	—	—	—	—	—	42
—	—	—	—	—	—	111
—	—	—	—	—	—	946
—	—	—	—	—	—	1693
—	—	—	—	—	—	121
—	—	—	—	—	—	693
—	—	—	—	—	—	524
—	—	—	—	—	—	1237
—	—	—	—	—	—	203
—	—	—	—	—	—	101
—	—	—	—	—	—	571
—	—	—	—	—	—	326
—	—	—	—	—	—	464
—	—	—	—	—	—	521
—	—	—	—	—	—	500
—	—	—	—	—	—	815
—	—	—	—	—	—	50
—	1	—	—	—	—	257
—	1	—	—	—	—	56
—	1	—	—	—	—	263
—	—	—	—	—	—	183
—	—	—	—	—	—	510
—	—	—	—	—	—	125
—	—	—	—	—	—	90
—	—	—	—	—	—	200
—	—	—	—	—	—	189
—	—	—	—	—	—	41500
—	—	—	—	—	—	5870
—	—	—	—	—	—	1140
—	—	—	—	—	—	419
—	—	—	—	—	—	377
—	—	—	326		—	326
—	—	—	—	—	—	2920

…	Евреевъ	Всего
—	—	482
—	—	1443
—	—	25
—	—	104
—	—	719
—	—	950
—	—	377
—	—	378
—	—	197
—	—	267
—	—	350
—	—	72
—	—	182
—	—	226
—	—	130
—	—	1786
—	—	521
—	—	197
—	—	515
—	—	521
—	—	446
—	—	2041
—	—	1224
—	—	686
—	—	1141
—	—	3924
—	—	119
—	—	600
—	—	373
—	—	409
17	—	483
—	—	3917
—	—	897
—	—	1000
—	—	77
—	—	230
—	—	411
—	—	226
—	—	252
—	—	489
—	—	365
—	—	350
—	—	371
—	—	461
—	—	219
—	—	35
—	—	1478
—	—	778
—	—	61
—	—	561
—	—	624
—	—	282
—	—	347

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Гевгели.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Бубрекъ	39	—	—	226	—	—	—	—	—	—	—	226
Черна рѣка	80	—	—	—	—	—	—	—	800	—	—	800
Всего въ Казѣ Гевгели	7977	14844	11137	8961	580	—	—	—	7618	3917	—	47057
Каза Водена.												
Нахія Водена.												
Водена	1200	2500	900	4100	—	—	—	—	—	—	—	7500
Мечкили (св. Илія) . . .	114	155	—	200	—	—	—	—	—	—	—	355
Бихаръ	118	300	—	327	—	—	—	—	—	—	—	627
Вещица	43	—	—	227	—	—	—	—	—	—	—	227
Арсенъ	89	—	—	451	—	—	—	—	—	—	—	451
Вечени	23	350	—	186	—	—	—	—	—	—	—	536
Коршноръ	112	—	—	577	—	—	—	—	—	—	—	577
Владово	150	—	—	993	—	—	—	—	—	—	—	993
Оризари (Челтикъ) . . .	35	70	—	84	—	—	—	—	—	—	—	154
Вертекопъ	51	—	—	254	—	—	—	—	—	—	—	254
Треболицъ	16	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—	90
Браняне	16	—	—	82	—	—	—	—	—	—	—	82
Камнекъ	37	—	—	163	—	—	—	—	—	—	—	163
Пископія	56	—	—	258	—	—	—	—	—	—	—	258
Голимани	10	—	—	68	—	—	—	—	—	—	—	68
Нія	61	—	—	255	—	—	—	—	—	—	—	255
Потъ	55	—	—	263	—	—	—	—	—	—	—	263
Ошляни	19	—	—	109	—	—	—	—	—	—	—	109
Яворани	6	—	—	23	—	—	—	—	—	—	—	23
Кутучери	10	—	—	132	—	—	—	—	—	—	—	132
Баня	14	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85
Черноморпково	41	—	—	185	—	—	—	—	—	—	—	185
Орманъ чифликъ	2	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	13
Ризово	36	—	—	144	—	—	—	—	—	—	—	144
Церковени	56	—	—	270	—	—	—	—	—	—	—	270
Голема рѣка	50	—	—	—	—	—	—	—	276	—	—	276
Месимеръ	152	—	500	475	—	—	—	—	—	—	—	975
Самаръ	34	—	—	149	—	—	—	—	—	—	—	149
Велкояново	46	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Почемъ	37	—	186	—	—	—	—	—	—	—	—	186
Луковецъ	35	—	—	164	—	—	—	—	—	—	—	164
Суботско	160	—	488	—	—	750	—	—	—	—	—	1238
Прибудище	205	—	—	500	—	503	—	—	—	—	—	1003
Сарнешово	145	—	—	400	—	424	—	—	—	—	—	824
Струпено	70	—	300	—	—	284	—	—	—	—	—	584
Монастирджикъ	85	—	—	—	—	424	—	—	—	—	—	424
Бизево	137	—	260	—	—	500	—	—	—	—	—	760
Поляни	210	—	—	—	—	1393	—	—	—	—	—	1393
Тресино	119	—	—	528	—	200	—	—	—	—	—	728
Цакони	95	—	—	607		—	—	—	—	—	—	607
Биджево	135	—	—	—	—	796	—	—	—	—	—	796

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Водена. / Нахія Водена.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Джедидъ	18	—	—	—	—	99	—	—	—	—	—	99
Торманли	45	—	—	—	—	275	—	—	—	—	—	275
Костурени	100	—	—	350	—	196	—	—	—	—	—	546
Рудино	106	—	—	—	—	542	—	—	—	—	—	542
Карладово	36	—	—	—	—	232	—	—	—	—	—	232
Драгоманци	203	—	—	274	—	900	—	—	—	—	—	1174
Сборско	120	—	977	—	—	—	—	—	—	—	—	977
Бахово	85	—	680	—	—	—	—	—	—	—	—	680
Пожарско	170	—	1280	—	—	—	—	—	—	—	—	1280
Серакиново	75	—	453	—	—	—	—	—	—	—	—	453
Цакопска махала	35	—	—	—	—	259	—	—	—	—	—	259
Горно Радево	22	—	227	—	—	—	—	—	—	—	—	227
Долно Радево	23	—	235	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Итого въ Нахіи Водена	5193	3375	6739	12986	—	7677	—	—	276	—	—	31053
Нахія Острово.												
Острово	205	345	—	600	—	—	—	—	—	—	—	945
Ослуй	267	—	—	—	—	1205	—	—	—	—	—	1205
Кронцелево	16	—	57	—	—	50	—	—	—	—	—	107
Русплово	46	—	—	224	—	—	—	—	—	—	—	224
Друшка	8	—	—	42	—	—	—	—	—	—	—	42
Гугово	37	—	252	—	—	—	—	—	—	—	—	252
Чеганъ	96	—	—	724	—	—	—	—	—	—	—	724
Жерви	40	—	155	—	—	—	—	—	—	—	—	155
Панточинъ	6	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	40
Теово	84	—	—	476	—	—	—	—	—	—	—	476
Янакиво	28	—	—	123	—	—	—	—	—	—	—	123
Фетица	6	—	—	—	—	—	—	—	63	—	—	63
Итого въ Нахіи Острово	839	345	464	2229	—	1255	—	—	63	—	—	4293
Всего въ Казѣ Водена	6132	3720	7203	15215	—	8932	—	—	276	—	—	35346
Каза Енидже Вардаръ.												
Нахія Енидже Вардаръ.												
Енидже (Яница)	1616	5400	1000	1700	190	—	—	—	—	—	—	8290
Сари Кади (Выдрица)	118	—	—	664	—	—	—	—	—	—	—	664
Ескидже (Ветхи Базаръ)	25	—	—	140	—	—	—	—	—	—	—	140
Паликастра	8	20	—	26	—	—	—	—	—	—	—	46
Дермендикъ (Оборъ)	1	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	6

Мутесарифликъ Солунъ.

Енидже Вардаръ. / Енидже Вардаръ.	Число домовъ.	Число жителей: Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
ь	13	—	—	61	—	—	—	—	—	—	—	61
а	14	—	—	67	—	—	—	—	—	—	—	67
зъ	63	—	—	314	—	—	—	—	—	—	—	314
ри	64	150	—	170	—	—	—	—	—	—	—	320
ново	19	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	120
чи (Лыжичаръ)	11	—	—	73	—	—	—	—	—	—	—	73
ии	37	349	—	—	—	—	—	—	—	—	—	349
ръ	20	—	—	103	—	—	—	—	—	—	—	103
ъ	29	—	—	163	—	—	—	—	—	—	—	163
	23	—	—	115	—	—	—	—	—	—	—	115
къ	27	—	—	189	—	—	—	—	—	—	—	189
й	29	—	—	132	—	—	—	—	—	—	—	132
ово	8	—	—	38	—	—	—	—	—	—	—	38
во	18	—	—	106	—	—	—	—	—	—	—	106
ъ	48	—	—	320	—	—	—	—	—	—	—	320
поръ	50	—	—	478	—	—	—	—	—	—	—	478
	193	—	—	1011	—	—	—	—	—	—	—	1011
ща	125	—	—	913	—	—	—	—	—	—	—	913
рѣка	85	—	—	527	—	—	—	—	—	—	—	527
джа	495	—	—	2833	—	—	—	—	—	—	—	2833
ново	33	—	—	219	—	—	—	—	—	—	—	219
нисе	82	—	—	477	—	—	—	—	—	—	—	477
джи	41	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
ъ	37	—	—	201	—	—	—	—	—	—	—	201
щи	56	—	—	321	—	—	—	—	—	—	—	321
ово	18	—	—	178	—	—	—	—	—	—	—	178
и	6	—	—	29	—	—	—	—	—	—	—	29
ъ	25	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—	161
ишово	19	—	—	114	—	—	—	—	—	—	—	114
аръ	131	—	—	—	—	779	—	—	—	—	—	779
ово	18	106	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106
	81	—	590	—	—	—	—	—	—	—	—	590
лово	32	—	—	235	—	—	—	—	—	—	—	235
ъ	23	—	—	125	—	—	—	—	—	—	—	125
оци (Челтикъ)	41	—	333	—	—	—	—	—	—	—	—	333
кіой	68	—	466	—	—	—	—	—	—	—	—	466
ъ	95	—	—	709	—	—	—	—	—	—	—	709
во.	116	—	—	840	—	—	—	—	—	—	—	840
іой	10	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	55
ъ Кіой	9	—	—	52	—	—	—	—	—	—	—	52
ица	41	—	—	—	—	—	—	—	220	—	—	220
отица	66	—	—	365	—	—	—	—	—	—	—	365
ца	16	—	—	84	—	—	—	—	—	—	—	84
тъ	63	—	—	364	—	—	—	—	—	—	—	364
	65	150	—	198	—	—	—	—	—	—	—	348
село	63	166	—	150	—	—	—	—	—	—	—	316
ичево	40	100	—	124	—	—	—	—	—	—	—	224
но	34	—	—	175	—	—	—	—	—	—	—	175
елеръ	8	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Армудъ	12	—	—	75	—	—	—	—	—	—	—	75
сли	52	—	—	273	—	—	—	—	—	—	—	273
нъ	42	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
льчево	45	158	—	80	—	—	—	—	—	—	—	238
зино.	54	180	—	104	—	—	—	—	—	—	—	284

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Енидже-Вардаръ.	Число домовъ.	Число жителей.										
Нахія Енидже Вардаръ.		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Сенделчово	20	—	—	83	—	—	—	—	—	—	—	83
Ячкіой	155	402	—	400	—	—	—	—	—	—	—	802
Недирчово	57	324	—	—	—	—	—	—	—	—	—	324
Хасаръ-бей	70	—	—	350	—	—	—	—	—	—	—	350
Яувчи	24	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
Мандалево	15	—	—	78	—	—	—	—	—	—	—	78
Мавроянъ	7	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	50
Бабяни	28	—	—	160	—	—	—	—	—	—	—	160
Стирлитъ	78	452	—	—	—	—	—	—	—	—	—	452
Кяшларъ	94	463	—	—	—	—	—	—	—	—	—	463
Призна	18	54	—	50	—	—	—	—	—	—	—	104
Сулукли	13	—	—	61	—	—	—	—	—	—	—	61
Итого въ Нахіи Енидже Вардаръ	5250	8522	2589	17621	190	779	—	—	220	—	—	29921
Нахія Караджe Абатъ.												
Фущани	401	1200	—	789	—	—	—	—	—	—	—	1989
Терстеникъ	200	820	—	200	—	—	—	—	—	—	—	1020
Кужумани	245	—	—	661	—	500	—	—	—	—	—	1161
Карладово	130	—	—	396	—	300	—	—	—	—	—	696
Истранще	61	—	—	336	—	—	—	—	—	—	—	336
Новосельци	100	—	—	—	—	511	—	—	—	—	—	511
Продромъ	85	—	—	—	—	412	—	—	—	—	—	412
Гостолюби	257	—	—	—	—	1240	—	—	—	—	—	1240
Слатино	108	—	—	300	—	351	—	—	—	—	—	651
Кара дере	46	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Габровци	129	—	—	367	—	300	—	—	—	—	—	667
Раниславци	71	—	—	—	—	338	—	—	—	—	—	338
Севирли	260	1412	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1412
Неворъ	126	704	—	—	—	—	—	—	—	—	—	704
Ружино	71	—	—	200	—	173	—	—	—	—	—	373
Каппняни	305	—	—	700	—	701	—	—	—	—	—	1401
Изворъ	11	—	—	51	—	—	—	—	—	—	—	51
Тудурча	52	—	—	280	—	—	—	—	—	—	—	280
Плугаръ	16	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—	90
Итого въ Нахіи Карадже-Абатъ	2664	4330	—	4370	—	3826	—	—	—	—	—	13526
Всего въ Казѣ Енидже Вардаръ	7924	12852	2589	21991	190	5605	—	—	220	—	—	43447
Каза Дойранъ.												
Дойранъ	1237	4000	1200	1000	—	—	—	—	—	—	250	6450
Адже-огулари	16	81	—	—	—	—	—	—	—	—	—	81
Горно-Горбасово	122	—	—	—	—	526	—	—	—	—	—	526

Мутесарифликъ Солунъ.

аза Дойранъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Горбасово	132	—	—	—	—	712	—	—	—	—	—	712
али	42	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170
жи	120	400	260	—	—	—	—	—	—	—	—	660
Сборе	37	162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	162
Сборе	19	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85
и	73	390	—	—	—	—	—	—	—	—	—	390
	41	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
-махале	23	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
мъ Обаси	95	524	—	—	—	—	—	—	—	—	—	524
али	110	575	—	—	—	—	—	—	—	—	—	575
Геокчали	41	213	—	—	—	—	—	—	—	—	—	213
ици	25	—	130	—	—	—	—	—	—	—	—	130
ли	67	308	—	—	—	—	—	—	—	—	—	308
и	53	255	—	—	—	—	—	—	—	—	—	255
овица	32	—	160	—	—	—	—	—	—	—	—	160
ли	117	665	—	—	—	—	—	—	—	—	—	665
ъ	38	80	—	110	—	—	—	—	—	—	—	190
ачли	29	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	134
тули	61	310	—	—	—	—	—	—	—	—	—	310
ии	30	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	173
дово	202	900	—	325	—	—	—	—	—	—	—	1225
ли	71	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350
я	22	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
ецъ	68	—	—	327	—	—	—	—	—	—	—	327
кли	33	65	—	100	—	—	—	—	—	—	—	165
и	24	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
и	130	639	—	—	—	—	—	—	—	—	—	639
шли	21	202	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202
-Обаси	17	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84
ици	16	30	—	56	—	—	—	—	—	—	—	86
ели	19	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97
вци	9	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	55
ли	28	—	145	—	—	—	—	—	—	—	—	145
баси	125	645	—	—	—	—	—	—	—	—	—	645
гли	12	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
ии	44	235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	235
ли	17	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
ь Долный	188	903	—	—	—	—	—	—	—	—	—	903
во	124	600	80	—	—	—	—	—	—	—	—	680
ово	146	812	—	—	—	—	—	—	—	—	—	812
жели	13	85	—	—	—	—	—	—	—	—	—	85
и	58	248	—	—	—	—	—	—	—	—	—	248
лари	63	297	—	—	—	—	—	—	—	—	—	297
азарли	38	144	—	—	—	—	—	—	—	—	—	144
-Обаси	33	157	—	—	—	—	—	—	—	—	—	157
	55	260	—	—	—	—	—	—	—	—	—	260
и	24	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
ли	81	396	—	—	—	—	—	—	—	—	—	396
мзали	54	276	—	—	—	—	—	—	—	—	—	276
еменли	55	280	—	—	—	—	—	—	—	—	—	280
шли	41	210	—	—	—	—	—	—	—	—	—	210
ли	6	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33
ици	32	—	160	—	—	—	—	—	—	—	—	160
ичъ	33	—	165	—	—	—	—	—	—	—	—	165

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Дойранъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	В с е г о.
Органджели	101	505	—	—	—	—	—	—	—	—	—	505
Ормакли	113	560	—	—	—	—	—	—	—	—	—	560
Пазарли	45	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Парава	157	425	420	75	—	—	—	—	—	—	—	920
Патаросъ	45	—	—	225	—	—	—	—	—	—	—	225
Плавутъ	184	930	—	—	—	—	—	—	—	—	—	930
Попово	67	75	300	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Перстань	22	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110
Раброво	67	362	—	—	—	—	—	—	—	—	—	362
Раторицы	16	—	87	—	—	—	—	—	—	—	—	87
Робово	41	100	120	—	—	—	—	—	—	—	—	220
Саваджали	42	210	—	—	—	—	—	—	—	—	—	210
Сеневдекли	81	463	—	—	—	—	—	—	—	—	—	463
Сульово	150	500	290	—	—	—	—	—	—	—	—	790
Татарли	62	313	—	—	—	—	—	—	—	—	—	313
Терзели	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Фурка	72	—	—	420	—	—	—	—	—	—	—	420
Хакимдже	6	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Хаганли	62	200	—	120	—	—	—	—	—	—	—	320
Худово	92	523	—	—	—	—	—	—	—	—	—	523
Церничани	33	165	—	—	—	—	—	—	—	—	—	165
Чаушли	46	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Чалакли	75	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Чаушли	36	172	—	—	—	—	—	—	—	—	—	172
Честево	66	—	—	313	—	—	—	—	—	—	—	313
Чили	20	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102
Шаншали	21	105	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105
Всего въ Казѣ Дойранъ	6089	23804	3642	3231	—	1238	—	—	—	—	250	3214[illegible]
Каза Авретъ-Хисаръ (Кукушъ).												
Нахія Кукушъ.												
Кукушъ	1550	1000	6900	—	200	—	—	—	—	—	—	8100
Сари-гьолъ	55	337	—	—	—	—	—	—	—	—	—	337
Хасанъ Обаси	64	326	—	—	—	—	—	—	—	—	—	326
Кавакли	10	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Салманли	29	70	84	—	—	—	—	—	—	—	—	154
Ягджиларъ	82	95	—	387	—	—	—	—	—	—	—	482
Кара-бунаръ	54	259	—	—	—	—	—	—	—	—	—	259
Авретъ Хисаръ	54	—	249	—	—	—	—	—	—	—	—	249
Дурусанли	41	100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	210
Ашикли	26	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Арапи	27	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Калиново	78	—	300	—	178	—	—	—	—	—	—	47[illegible]
Хаджи Юнусъ	54	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2[illegible]
Армудчи	77	372	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3[illegible]
Ирпклія	74	—	385	—	—	—	—	—	—	—	—	3[illegible]

Мутесарифликъ Солунь.

…Авретъ-Хисаръ. / …ахія Кукушъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
…ашъ	34	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200
…ли	107	543	—	—	—	—	—	—	—	—	—	543
…лли	47	239	—	—	—	—	—	—	—	—	—	239
…гово	193	870	—	—	—	—	—	—	—	—	—	870
…тъ	145	300	406	—	—	—	—	—	—	—	—	706
…ци (Чомлекчи)	49	—	218	—	—	—	—	—	—	—	—	218
…нъ	122	584	—	—	—	—	—	—	—	—	—	584
…Кіой	34	189	—	—	—	—	—	—	—	—	—	189
…оваси	33	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—	163
…Коджа	54	—	289	—	—	—	—	—	—	—	—	289
…ларъ	56	—	238	—	—	—	—	—	—	—	—	238
…Базаръ	18	—	92	—	—	—	—	—	—	—	—	92
…рли	17	30	56	—	—	—	—	—	—	—	—	86
…а	15	—	68	—	—	—	—	—	—	—	—	68
…жа Хадярля	36	—	183	—	—	—	—	—	—	—	—	183
…ово	55	—	—	302	—	—	—	—	—	—	—	302
…шелъ	30	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—	163
…сво	25	—	—	—	132	—	—	—	—	—	—	132
…ци	38	—	176	—	—	—	—	—	—	—	—	176
…диръ	39	—	—	172	—	—	—	—	—	—	—	172
…Кіой	22	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	99
…ово	26	—	115	—	—	—	—	—	—	—	—	115
…рли	12	—	—	—	65	—	—	—	—	—	—	95
Итого въ Нахіи Кукушъ	3382	6052	10294	861	575	—	—	—	—	—	—	17782
…ахія Карадагъ.												
…во	176	285	566	—	150	—	—	—	—	—	—	901
…лли	75	370	—	—	—	—	—	—	—	—	—	370
…во	166	813	—	—	—	—	—	—	—	—	—	813
…кли	58	293	—	—	—	—	—	—	—	—	—	293
…а	73	274	—	—	—	—	—	—	—	—	—	274
…и	13	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73
…жели	16	72	—	—	—	—	—	—	—	—	—	72
…лли	19	49	52	—	—	—	—	—	—	—	—	92
…и	25	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	126
…ово	68	—	160	—	166	—	—	—	—	—	—	326
…ъ-Кли	6	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—	27
…гово	24	—	—	115	—	—	—	—	—	—	—	115
…ъ Кіой	75	—	180	183	—	—	—	—	—	—	—	363
…лу	67	304	—	—	—	—	—	—	—	—	—	304
…ли	37	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
…ъ	138	638	—	—	—	—	—	—	—	—	—	638
…Огулари	3	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
…Огулари	59	263	—	—	—	—	—	—	—	—	—	263
…Махмудли	16	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
…-башли	52	231	—	—	—	—	—	—	—	—	—	231
…ри	19	—	—	—	119	—	—	—	—	—	—	119

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Карадагъ Аретъ-Хисаръ. Нахія Карадагъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Баязъ Едили	17	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ваисли	8	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вардаровци	37	—	—	178	—	—	—	—	—	—	—
Враги-Турги	18	—	83	—	—	—	—	—	—	—	—
Гаваляици	26	—	126	—	—	—	—	—	—	—	—
Гола	15	—	74	—	—	—	—	—	—	—	—
Горно Махмудли	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Горно Тодарасъ	164	—	400	375	—	—	—	—	—	—	—
Грамада	102	—	558	—	—	—	—	—	—	—	—
Гюченли	4	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Джами-Бахчели	17	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Доганджи	78	155	200	—	—	—	—	—	—	—	—
Долно Тодоранъ	59	—	155	100	—	—	—	—	—	—	—
Догушли	36	145	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Драгоміръ	120	—	632	—	—	—	—	—	—	—	—
Дурмушли	10	59	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ейбелеръ	7	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Елезли	13	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ени Махале	16	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инджекли	6	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Исманли	35	185	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Казаново	30	—	186	—	—	—	—	—	—	—	—
Камберли	45	219	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кара-Амарли	13	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кара Ахматли	17	79	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кара Махмудли	39	174	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кара-Муто-Огуларъ	9	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кара-Чаля	5	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Касамли	17	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кенджели	16	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коджа Амарли	45	—	247	—	—	—	—	—	—	—	—
Козъ-башли	52	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Козъ-Ходжа-махала	35	156	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кочо-огулари	35	180	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Крецово	79	—	483	—	—	—	—	—	—	—	—
Кушово	106	191	383	—	—	—	—	—	—	—	—
Кійлимепли	24	122	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кіосе-Мурджали	13	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кіойрчалякларъ	11	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кулали	104	549	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лелово	125	200	291	—	100	—	—	—	—	—	—
Маловци	5	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—
Маршали	11	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Междерехъ	83	—	422	—	—	—	—	—	—	—	—
Мирово	76	—	341	—	—	—	—	—	—	—	—
Мозгали	88	471	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Муравци	183	—	800	—	125	—	—	—	—	—	—
Мурджали	23	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мурсали	53	248	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мутулово	146	—	956	—	—	—	—	—	—	—	—
Олашли	22	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Отманли	13	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Папгразли	22	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Порчали	12	52	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Мутесарифликъ Солунъ.

а Авретъ-Хисаръ. / Нахія Карадагъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
нница	150	400	572	—	—	—	—	—	—	—	—	972
а	49	150	152	—	—	—	—	—	—	—	—	302
и Оглуларъ	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
ли	18	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
ли	12	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51
Доганджи	30	154	—	—	—	—	—	—	—	—	—	154
во	41	—	72	100	—	—	—	—	—	—	—	172
е	145	200	494	—	—	—	—	—	—	—	—	694
ли	13	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	66
ево	42	—	254	—	—	—	—	—	—	—	—	254
-Махале	38	164	—	—	—	—	—	—	—	—	—	164
-Овали	11	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46
ли Хаджи Елесъ	27	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Аселеръ	25	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
ли	15	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
джали	21	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
ли	39	184	—	—	—	—	—	—	—	—	—	184
Башли	59	284	—	—	—	—	—	—	—	—	—	284
ли	13	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
во	67	—	318	—	—	—	—	—	—	—	—	318
щ	6	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Кыяли	13	77	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77
къ башли	29	123	—	—	—	—	—	—	—	—	—	123
нджикъ	21	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
ево	60	322	—	—	—	—	—	—	—	—	—	322
лъ-Махале	138	740	—	—	—	—	—	—	—	—	—	740
ли	14	94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94
леръ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
етли	27	—	65	50	—	—	—	—	—	—	—	115
и	8	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41
ли	19	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Мурванли	51	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	221
того въ Нахіи Карадагъ	4756	13164	9276	1101	660	—	—	—	—	—	—	—
его въ Казѣ Авретъ-Хисаръ (Кукушъ)	8138	19216	19570	1962	1235	—	—	—	—	—	—	—
аза Караферія.												
ерія	2000	4000	—	—	—	—	2100	2700	—	—	—	8800
ни	39	—	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280
ръ	37	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
ахоръ	23	—	—	240	—	—	—	—	—	—	—	240
та	40	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
шъ	7	—	—	—	—	—	75	—	—	—	—	75
атъ	8	—	—	30	—	—	—	—	—	—	—	30
да	84	—	—	—	—	—	495	—	—	—	—	495
	51	—	—	—	—	—	345	—	—	—	—	345

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Караферія.	Число домов.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Вучища	7	—	—	—	—	—	61	—	—	—	—
Меле Айляси	452	—	—	—	—	—	—	—	3425	—	—
Алаборъ	20	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—
Горно Купаново	29	—	—	170	—	—	—	—	—	—	—
Дирачко	66	—	—	—	—	—	380	—	—	—	—
Долно Купаново	40	—	—	277	—	—	—	—	—	—	—
Дрихалево	7	—	—	—	—	—	41	—	—	—	—
Ераки	7	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—
Кавача	14	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—
Гида Капсохаръ	40	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—
Кара Чали	5	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—
Катафя	15	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—
Кастаня	12	—	—	—	—	—	70	—	—	—	—
Кохура	50	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—
Костемаръ	11	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—
Кухово	60	—	—	—	—	—	355	—	—	—	—
Кумощица	16	—	—	—	—	—	75	—	—	—	—
Кутишъ	12	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—
Курджалъ	57	—	—	—	—	—	—	402	—	—	—
Лидатосъ	47	—	—	—	—	—	240	—	—	—	—
Лонджакосъ	2	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—
Луковица	28	—	—	135	—	—	—	—	—	—	—
Лутросъ	58	—	—	—	—	—	489	—	—	—	—
Макросъ	73	—	—	—	—	—	385	—	—	—	—
Алаборъ	40	—	—	—	—	—	170	—	—	—	—
Микро Аги Яни	167	—	—	—	—	—	—	—	1000	—	—
Межъ	26	—	—	—	—	—	126	—	—	—	—
Мейликъ	79	—	—	—	—	—	550	—	—	—	—
Милово	27	—	—	—	—	—	285	—	—	—	—
Минощица	30	—	—	190	—	—	—	—	—	—	—
Ніауста (Агустосъ)	1030	—	—	—	—	—	3390	—	2000	—	—
Нео Кастро	19	—	—	—	—	—	71	—	—	—	—
Несель	13	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—
Нишп	53	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—
Ени Кіой	18	—	—	110	—	—	—	—	—	—	—
Палатисъ	29	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—
Пископи	42	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—
Пожаришъ	42	—	—	—	—	—	210	—	—	—	—
Продромъ	38	—	—	—	—	—	235	—	—	—	—
Райко	30	—	—	—	—	—	150	—	—	—	—
Рапсиманикъ	26	—	—	—	—	—	125	—	—	—	—
Ретинаки	96	—	—	—	—	—	660	—	—	—	—
Решина	32	—	—	—	—	—	210	—	—	—	—
Рашинъ	9	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—
Решяни	9	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—
Садина	14	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—
Сели	77	—	—	—	—	—	—	—	450	—	—
Свинче	11	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—
Св. Марина	31	—	—	—	—	—	180	—	—	—	—
Скиличъ	15	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—
Спопта	29	—	—	—	—	—	245	—	—	—	—
Ставросъ	24	—	—	—	—	—	115	—	—	—	—
Тавромунъ	11	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—
Триховиста	40	—	—	—	—	—	170	—	—	—	—

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Караферія.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
охоръ	30	—	—	150	—	—	—	—	—	—	—	150
опа	13	—	—	84	—	—	—	—	—	—	—	84
охаръ	40	—	—	—	—	—	200	—	—	—	—	200
ново.	48	—	—	285	—	—	—	—	—	—	—	285
азлинъ	40	—	—	—	—	—	265	—	—	—	—	265
оница	12	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	60
ища	54	—	—	370	—	—	—	—	—	—	—	370
Всего въ Казѣ Караферія	5761	4000	—	2301	—	—	15185	3127	6875	—	—	31488
Каза Катерина.												
Нахія Катерина.												
рина	989	1500	—	—	—	—	2369	—	1000	—	—	4869
пери	28	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
упи	37	—	—	—	—	—	213	—	—	—	—	213
юсъ	16	—	—	—	—	—	88	—	—	—	—	88
юсъ	34	—	—	—	—	—	229	—	—	—	—	229
во	236	953	—	—	—	—	—	—	—	—	—	953
ерина	36	—	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280
а	19	—	—	—	—	—	106	—	—	—	—	196
	103	—	—	—	—	—	554	—	—	—	—	554
исъ	7	—	—	—	—	—	37	—	—	—	—	37
ако	51	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—	270
тосъ	59	—	—	—	—	—	379	—	—	—	—	379
орюца	45	—	—	—	—	—	279	—	—	—	—	279
норъ	30	—	—	—	—	—	136	—	—	—	—	136
митъ	22	—	—	—	—	—	126	—	—	—	—	126
ища	151	—	—	—	—	—	897	—	—	—	—	897
хія	12	—	—	—	—	—	69	—	—	—	—	69
ини	31	—	—	—	—	—	215	—	—	—	—	215
Итого въ Нахіи Катерина	1906	2453	—	—	—	—	6450	—	1000	—	—	9913
Нахія Колиндро.												
ндро	393	—	—	—	—	—	1669	—	—	—	—	1669
ерохоръ	16	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—	76
а	31	—	—	—	—	—	190	—	—	—	—	190
нещени	30	—	—	—	—	—	190	—	—	—	—	190
къ-Мили	31	—	—	—	—	—	180	—	—	—	—	180
ово	141	350	—	—	—	—	360	—	—	—	—	710
Итого въ Нахіи Колиндро	642	350	—	—	—	—	2665	—	—	—	—	3015

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Катерина. / Нахія Литохоръ.	Число домовъ.	Число жителей.									
		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Литохоръ	602	—	—	—	—	—	3641	—	—	—	—
Лефтокарія	108	—	—	—	—	—	619	—	—	—	—
Скотина	70	—	—	—	—	—	330	—	—	—	—
Пантелеймонъ	91	—	—	—	—	—	422	—	—	—	—
Турли	28	—	—	—	—	—	123	—	—	—	—
Авраница	11	—	—	—	—	—	45	—	—	—	—
Фикри и Карица	127	—	—	—	—	—	—	—	566	—	—
Карица Саракачянъ	6	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—
Малатрія	11	—	—	—	—	—	71	—	—	—	—
Малатрія Саракачанъ	32	—	—	—	—	—	164	—	—	—	—
Коряносъ	53	200	—	—	—	—	184	—	—	—	—
Брахина	13	—	—	—	—	—	62	—	—	—	—
Итого въ Нахіи Литохоръ	1152	200	—	—	—	—	5703	—	566	—	—
Всего въ Казѣ Катерина	3700	3003	—	—	—	—	14818	—	1566	—	—
Каза Лангаза.											
Лангаза	350	1300	—	200	—	—	250	—	—	—	—
Адемъ-Кіой	188	—	—	—	—	—	775	—	—	—	—
Андули	39	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ашаръ	36	182	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Джами	97	460	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Караджали	36	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Румели	40	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Анвасилъ	51	—	—	—	—	—	204	—	—	—	—
Анджиларъ	24	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Айси Оваси	24	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Акъ-Топракъ	35	148	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Алайли	80	378	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Алчели	22	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Аракля	22	—	—	109	—	—	—	—	—	—	—
Аспровалта	38	—	—	—	—	—	183	—	—	—	—
Инджакли	39	186	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Индахилеръ	19	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Курджали	34	162	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хайдерларъ	14	78	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чеваблп.	25	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шахинли	12	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Балавча	96	—	—	481	—	—	—	—	—	—	—
Башъ-Кіой	17	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Берво	174	—	—	—	—	—	803	—	—	—	—
Богородица	34	—	—	154	—	—	—	—	—	—	—
Булайли	68	382	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Закуфъ Ени-Кіой	15	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—
Вереносъ	116	—	—	—	—	—	512	—	—	—	—
Вереносъ	36	—	—	—	—	—	169	—	—	—	—
Висока	238	—	—	1478	—	—	—	—	—	—	—

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Лангаза.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Гиренъ	45	—	—	—	—	—	218	—	—	—	—	218
Гнойна	18	—	—	78	—	—	—	—	—	—	—	78
Говашъ	202	—	—	—	—	—	970	—	—	—	—	970
Буюкъ Бешикъ	47	94	—	—	—	—	100	—	—	—	—	194
Гермичъ	181	933	—	—	—	—	—	—	—	—	—	933
Гбоменичъ	35	—	—	—	—	—	155	—	—	—	—	155
Гболбаши	10	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	50
Джерна	23	—	—	—	—	—	121	—	—	—	—	121
Доганджи	64	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—	260
Доганджи	24	—	—	—	—	—	122	—	—	—	—	122
Дермилъ	96	—	—	—	—	—	433	—	—	—	—	433
Ени-Махале	52	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300
Загливеръ	167	508	—	—	—	—	500	—	—	—	—	1008
Зарево	217	—	979	—	—	—	—	—	—	—	—	979
Ибрахимли	38	167	—	—	—	—	—	—	—	—	—	167
Игрибуджакъ	163	802	—	—	—	—	—	—	—	—	—	802
Каваларци	120	248	—	300	—	—	—	—	—	—	—	548
Кавакъ	45	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	207
Караамарля	179	917	—	—	—	—	—	—	—	—	—	917
Караджа Кіой	203	965	—	—	—	—	—	—	—	—	—	965
Карчи Кіой	69	308	—	—	—	—	—	—	—	—	—	308
Клепеле	202	965	—	—	—	—	—	—	—	—	—	965
Клисели	83	—	—	386	—	—	—	—	—	—	—	386
Кокала	52	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
Курфали	71	357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	357
Кочкаръ	15	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Кулакджели	22	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110
Кіолели	45	193	—	—	—	—	—	—	—	—	—	193
Кіолче	62	278	—	—	—	—	—	—	—	—	—	278
Кузели	65	349	—	—	—	—	—	—	—	—	—	349
Ланговикъ	44	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170
Ланджа	34	167	—	—	—	—	—	—	—	—	—	167
Лахана	154	723	—	—	—	—	—	—	—	—	—	723
Левенъ	18	—	—	—	—	—	84	—	—	—	—	84
Лезикъ	86	150	—	—	—	—	216	—	—	—	—	366
Ливадичъ	283	700	—	—	—	—	644	—	—	—	—	1344
Ахутли	26	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—	109
Дундарли	48	216	—	—	—	—	—	—	—	—	—	216
Огурли	43	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Пазарли	56	273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	273
Рамазанли	38	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
Техиме	28	140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Маврово	47	189	—	—	—	—	—	—	—	—	—	189
Кучукъ Башикъ	69	130	—	—	—	—	160	—	—	—	—	290
Масларъ	159	300	—	—	—	—	463	—	—	—	—	763
Медемахале	30	148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Модя	41	—	—	—	—	—	177	—	—	—	—	177
Неби Даутли макале	14	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Негованъ	305	400	600	560	—	—	—	—	—	—	—	1560
Нуда	56	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—	277
Орехъ	80	373	—	—	—	—	—	—	—	—	—	373
Остролонга	8	—	—	—	—	—	43	—	—	—	—	43
Караджали	35	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Каракорджали	31	118	—	—	—	—	—	—	—	—	—	118

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Лангаза.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	
Киратъ	46	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Отманли	68	292	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Пазарлякъ	78	120	—	—	—	—	270	—	—	—	—	
Памиксъ	2	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	
Пещера	99	—	—	—	—	—	500	—	—	—	—	
Равна	122	604	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Салтакля махале	51	273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сарай	51	256	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сарачово	39	—	—	205	—	—	—	—	—	—	—	
Сариджели	24	136	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сарнярь	139	678	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Селе Неби Даутли	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Севри	34	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Севри-махале	26	138	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Слатина	19	40	—	56	—	—	—	—	—	—	—	
Софуларъ	39	178	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сохо	572	—	—	2885	—	—	—	—	—	—	—	
Ставросъ	40	—	—	—	—	—	200	—	—	—	—	
Стефана	111	—	—	—	—	—	567	—	—	—	—	
Стефана	139	611	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Сулово	58	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Тегри-Вирлишили	18	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Тумба	5	—	—	—	—	—	30	—	—	—	—	
Хаджи Байрамли	186	886	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Хаджиларъ	54	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Хаслиджекли	27	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Хламуръ	306	1659	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Чали-махале	71	324	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Дере	22	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Джами	16	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Коджа-Алилеръ	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Марешлеръ	20	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Чешме	16	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Чокали	44	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Джами-махале	22	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Караба	35	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Карга	28	129	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Котокчи	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Хаджи	30	153	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Ярамазли	36	140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Дере	19	93	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Джали	25	127	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кабулу	38	261	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кара мали	60	275	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Мумели	24	118	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Пурнаръ-баши	35	206	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Чили	18	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Всего въ Казѣ Лангаза	9391	27400	1579	6977	—	—	9390	—	—	—	—	45

Мутесарифликъ Солунъ.

аза Касандра.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
тиросъ	400	—	—	—	—	—	2134	—	—	—	—	2134
ли-махале	61	352	—	—	—	—	—	—	—	—	—	352
ма	89	—	—	—	—	—	423	—	—	—	—	423
ларъ	31	135	—	—	—	—	—	—	—	—	—	135
тасъ	7	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—	42
джели	33	304	—	—	—	—	—	—	—	—	—	304
кли	32	146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
анъ	47	223	—	—	—	—	—	—	—	—	—	223
ръ	5	—	—	39	—	—	—	—	—	—	—	39
	252	—	—	—	—	—	1350	—	—	—	—	1350
	155	—	—	—	—	—	774	—	—	—	—	774
ра	111	—	—	—	—	—	590	—	—	—	—	590
та	277	—	—	—	—	—	1170	—	—	—	—	1170
но	25	—	—	—	—	—	174	—	—	—	—	174
а	398	—	—	—	—	—	1839	—	—	—	—	1839
ъ	100	—	—	—	—	—	518	—	—	—	—	518
джиларъ	9	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
ли	39	185	—	—	—	—	—	—	—	—	—	185
лу	18	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
джели	19	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108
Кіой	85	—	—	—	—	—	569	—	—	—	—	569
ъ	106	—	—	—	—	—	496	—	—	—	—	496
	281	—	—	—	—	—	1422	—	—	—	—	1422
дра	74	—	—	—	—	—	409	—	—	—	—	409
узли	7	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
	6	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—	51
хора	64	—	—	—	—	—	278	—	—	—	—	278
тепе	23	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Юсуфларъ	10	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
ра	99	522	—	—	—	—	—	—	—	—	—	522
драно	27	—	—	—	—	—	184	—	—	—	—	184
кикъ	34	—	—	—	—	—	225	—	—	—	—	225
енъ	29	—	—	—	—	—	173	—	—	—	—	173
	3	—	—	—	—	—	20	—	—	—	—	20
а	4	—	—	—	—	—	24	—	—	—	—	24
е	42	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	173
хли	7	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	35
кли	38	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
анджи	42	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175
тово	318	—	—	—	—	—	1558	—	—	—	—	1558
во	132	—	—	—	—	—	831	—	—	—	—	831
ана	8	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	37
-чифликъ	7	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	35
нгичъ	61	—	—	—	—	—	297	—	—	—	—	297
офито	34	—	—	—	—	—	156	—	—	—	—	156
та	180	—	—	—	—	—	977	—	—	—	—	977
раки	28	—	—	—	—	—	174	—	—	—	—	174
рли	25	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108
охоръ	114	—	—	—	—	—	566	—	—	—	—	566
охоръ	60	—	—	—	—	—	426	—	—	—	—	426
ръ	63	—	—	—	—	—	350	—	—	—	—	350
я	3	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	16
еніона	67	—	—	—	—	—	340	—	—	—	—	340
хронъ	29	—	—	—	—	—	194	—	—	—	—	194

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Касандра.	Число домовъ.	Число жителей: Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Портарія	81	—	—	—	—	—	346	—	—	—	—
Правита.	2	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—
Равна	85	—	—	—	—	—	562	—	—	—	—
Ревежикъ	173	—	—	—	—	—	1120	—	—	—	—
Решетникъ	96	—	—	—	—	—	549	—	—	—	—
Св. Никола	170	—	—	—	—	—	955	—	—	—	—
Св. Параскева	71	—	—	—	—	—	384	—	—	—	—
Сенджели	10	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Селели	23	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сопотникъ.	60	—	—	—	—	—	318	—	—	—	—
Сохуларъ	42	—	—	—	—	—	233	—	—	—	—
Сохуларъ махале . . .	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стано	100	—	—	—	—	—	547	—	—	—	—
Таганджи	10	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Телкели	101	528	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тумба	42	—	—	—	—	—	204	—	—	—	—
Туплинъ	40	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—
Урумиля	232	—	—	—	—	—	1833	—	—	—	—
Урумъ-Сыртъ	20	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фурка	81	—	—	—	—	—	413	—	—	—	—
Ханіотъ	12	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—
Хасана	68	—	—	—	—	—	393	—	—	—	—
Хатита	93	—	—	—	—	—	482	—	—	—	—
Чапрапъ	12	—	—	—	—	—	64	—	—	—	—
Ченгели	29	182	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чепешли	8	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чилли	19	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чобанли	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шикя	318	—	—	—	—	—	1597	—	—	—	—
Кромѣ того имѣются еще метохи (хутора), принадлежащіе Аѳонскимъ монастырямъ, гдѣ живутъ монахи.											
Всего въ Казѣ Касандра	6222	4239	—	39	—	—	29165	—	—	—	—
Каза Аѳонъ.											
Обитаема исключительно монахами.											
Во всемъ Солунскомъ Мутесарифликѣ . .	101467	186735	116814	87340	2160	33497	101276	3204	17105	3917	47850

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько духовныхъ стиховъ

(по записямъ В. Чернышева).

Стихъ объ Алексѣ человѣкѣ Божьемъ записанъ, съ большими пропусками (такъ мнѣ кажется), со словъ слѣпого нищаго изъ Юхновскаго у. Смоленской губ. На вопросъ, отъ кого онъ научился стихамъ, онъ отвѣтилъ, что «отъ царя Давыда, отъ него это пошло». Народное произношеніе при записываніи имѣлось въ виду передать въ точности. Время записи—лѣто 1898 года.

Въ говорѣ разсказчика сильное аканье: не только *я*мỳ, *я*вò, *ш*астòй, з*я*мный и др., н*я*слй, *ж*анйхъ, исц*а*лѣнья. Иногда вмѣсто *а* видимъ *ы*—это въ слогѣ передъ удареніемъ передъ слѣдующимъ *а*: пр*ы*ст*ы*йли (2 раза), раст*ы*чàютъ, м*ы*щàмъ; въ соотвѣтствіе этому находимъ: нар*и*кàли, сл*и*зàми, справ*и*дàла. *У* на мѣстѣ *о* только въ словѣ Б*у*г*у*рòдица.

Е замѣняется *и*: *и*мỳ, узн*а*итъ, кỳшань*и*мъ, также: св*и*щѐнными; въ словѣ ищ*е* (еще) на концѣ *е* не *ё*. *Г* произносится какъ латинское *h*; есть *у* или *ў* на мѣстѣ *в*: *у*тàй, *ў*мѣсти, *ў* Божію и обратно; замѣтимъ также произношеніе: кристіянами, *г* гробу (собственно: *h* hробу). На концѣ словъ можно услышать твердый губной: семъ. Окончаніе 3-го лица то мягко: приним*а*ить, ид*ё*ть, плàч*ить*—то твердо: хòд*ю*тъ, плач*итъ*; также ться (жениться)—не тца или цца; возврат. залогъ то на ся: пакланйся, праслезйлся—то на са: занялса, молйлса *). Въ удареніи нужно указать: саздàлъ, занялся, начàлъ. Вмѣсто онъ говорятъ ёнъ. Въ склоненіи словъ нужно указать: на сырой землй (на правой рукй, можетъ быть, по вліянію подобныхъ склоненій); въ склоненіи прилагательныхъ видимъ формы: Бòжай (им. п. е. ч. м. р.), Бòжава (р. п.), Бóжиму (д. п.), въ жен. родѣ: на Бòжай, Бòжей церкви; также: турèцк*аю* землю, всàк*аю*; скóрнамъ, болѣзн*амъ* (скорбнымъ, болѣзнымъ), гòрьк*ами* слезами.

Вмѣсто гдѣ—игдѣ, вмѣсто пòясъ—пóястъ (какъ мостъ при мосъ). *Ц*ару вмѣсто *ч*ару, я думаю, не даетъ права заключить о цоканьѣ. Запись сдѣлана очень спѣшно и, вѣроятно, содержитъ не мало неточностей.

Въ скобкахъ поставлены слова и произношенія, которыя слышались при повтореніи.

Алексѣй Божій человѣкъ.

Ва славнамъ ва горади ва въ Рими
При томъ царỳ при Янорью,
При виликаму князю Афимьяну (Ахимьяну),
И въ нихъ жа дйтишша не была ни единава,
Саздàлъ имъ Гасподь дйтишшу единава,

*) Эти слѣпые обыкновенно ходятъ подъ Москвою, откуда тъ, са и др.

При младасти есть на паглядѣнія,
При старасти на сбереженіе,
Паслѣднимъ канцу̀ на паминъ души,
Па Божьяму павилѣнію,
Па ихъ па усердному прашенію.
Хадилъ князь па гораду па Вриму,
Сабиралъ онъ папофъ, многа священства,
Папы къ яму въ домъ прихадили,
На имя младенца нарикали,
Нарикли (нарякли) иму имя звать Аликсѣямъ (Ликсѣямъ),
Божьява свѣта чилавѣку будитъ Аликсѣю ему семъ лѣтъ—
Атда̀лъ яво батюшка ва школу
Святой Божій грамати абучитца.
Грамати (грама̀ты) святой абучился (абучилса),
Выучился скораму писанью (зана̀лса).
Младъ Алексѣй сталъ на возро̀сьи лѣтъ семнатцать—
Паневолилъ ево батюшка жени*ться*—
Жени*ться* Алексѣю ни хатѣлася—
Принималъ онъ къ яму мла̀дую княгиню.
На Божію (у̀ Божію) церкавъ призвадили (привадили),
Подъ златыми вѣнцами (винцами) прыстыйли (прастыяли),
Залатыми перснями обручались,
Перяпо̀йную цару *) испивали.
Пашолъ Аликсѣй изъ Божей церкви къ сваимъ каминнымъ бѣлымъ палатам
Садился Алексѣй за трапезу;
Онъ хлѣба и соли не скушаитъ.
Ва втаромъ часу была ночи—
Павели Алексѣя пачивати,
Ва шастомъ часу была ночи—
Увставалъ Алексѣй съ упакдя,
Снималъ (сонималъ) Алексѣй свой шелковый поя*стъ*,
Са правой руки златой перстинь.
«Малися ты Госпаду, трудися
За Алексѣя (Лексѣя) Божава чилавѣка».
Самъ пашолъ ва йишую землю,
Ка гораду ка Іудѣсту;
Прихадилъ ка Божай святой цѐркв*ы* (церкв*и*),
Сталъ Алексѣй на папѐрьти,
На правай рук*ѝ* на притвори,
Молитца Богу са слизами
(Клалъ поклоны-та зямныи).
Ва то время славинъ Афимьянъ князь
Хватилса любимава сваво сына.
По̀слы ево люди пахадили,
Турецкаю землю исхадили,
Ка граду Іудѐсту (Юдесту) прихадили,
Ва Божіи ва церкви прыстыйли,
Тамъ Алексѣя ни признали,
Миластйну яму саздавали.
Семнатцать лѣтъ Госпаду малилсса,
Всякаю нидѣлю спавѣда̀лся,
Шастую суботу причащался (причашшался),
Скушалъ на недѣлю па адной (падной) крошки,

*) Въ записи такъ; вѣроятно, по ошибкѣ?

Испивалъ (спивалъ) вадицы па адной чарки.
Ричетъ иму Мать присвятая Бугуродица,
Аликсѣю Божиму чилавѣку:
Пади-ка ты ва свой ва славенъ Римъ гратъ,
Ка великаму князю Аѳимьяну:
Атецъ тибя съ матерью ни узнаитъ,
Ни узнаитъ твоя абрўчивная княгиня.
На то время славенъ Ахимьянъ князь
Выхадилъ изъ Божей церкви.
Аликсѣй атцу пакланился:
«Здраствуй ты, нашъ батюшка славинъ Ахимьянъ князь,
Любишь ли ты насъ, нищую братью,
Сдѣла̀ишь (сасдѣляишь) ли ты убогимъ миластѝну?
Пастрой-ка ты мнѣ (страннику) келью,
Не ради минѐ, а ради Бога,
Ради сваво сына Аликсѣя Божава чилавѣка».
(Стоючи князь праслезился,
Горь*ками* слезами заливался):
Пастроилъ ёнъ келью не такую
Ищѐ (е не ё) ни въ этакамъ мѣсти;
Пазатъ сваихъ ка́минныхъ палатъ,
*И*гдѣ рабы слуги ход*ять*, соръ и памои вазливаютъ,
На то бы Аликсѣй ни прагнѣвался.
Съ радост*юй* нужды принимаитъ.
Малился онъ Госпаду трудылся тритцать лѣтъ и читыри (чатыри).
Ва славнамъ ва гаради ва Врими
Святымъ духамъ—ладанамъ запахла.
Слуги ка князю прихадили,
Великаму князю атвѣщали:
«Въ нашамъ во гради свѣтъ перествился,
Пазадъ вашай бѣлай каминнай палаты,
Гдѣ рабы слуги ход*ютъ*, соръ и памои выливаютъ.
Царь Янорій падымаитца
Са всѣми священными (свищенными) соборами,
Съ праваславными царь кристіянами—
Царю рука̀письма ни сдалося:
Сдалось руко̀письма патріярху.
Нача̀лъ патріярхъ письмо читать:
Дачю̀лся *) князь сваво сына,
Аликсѣя Божава чилавѣка.
«Чада ты маё нараждѐнная,
Алексѣй ты Божій чилавѣкъ,
Чаво ты жилъ—былъ ни сказался,
Съ какой бы ты славой набъявлялся,
Пастроилъ бы тибѣ келью ни такую,
Ище (не ё; вар. *в*ще) бы ни въ эдакамъ мѣсти!
Справида̀ла ево мать радная,
Идеть ка святому сама слезна плачитъ,
Ка грбу (вар. безъ предлога: гробу) святому упадала,
Грабницу слизами заливала.
«Свѣтъ маё любимая чада,

*) У Безсонова въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: дочёлся (патріархъ), вып. 1, с. 108, [с]тихъ 387, дочелся (князь), вып. 1, ср. 141, стихъ 246, но въ томъ и другомъ случаѣ [с]лово относится къ читателю.

Аликсѣй ты Божій чилавѣкъ,
Ты для чиво жилъ-былъ ни сказалса,
Съ какой бы ты славай нибъявлялса,
Кармила бъ папла бъ сваимъ кушаньимъ,
Надзирала бъ сваимъ вѣрнымъ глазамъ.
(Насилъ бы ты ризы ни такіи,
Насилъ бы ты ризы залатыи)».
Справидала ево младая княгиня,
Идёть ка святому сама плачить,
Гг гробу святому припадала,
Грабницу слезами заливала.
«Свѣтъ мой жанихъ былъ обручевный,
Преславнай мой князь вазлюбленнай,
Аликсѣй Божай (Божій) чилавѣкъ.
Утай бы я въ келью прихадила,
Свѣчи бы ладанъ принасила,
Умѣсти бы съ табой Богу малились,
Промежъ бы насъ воздухъ былъ святой (былъ святой воздухъ),
Гарѣла *) бы свѣча ниугасимая.
Аликсѣя Божава чилавѣка
Нясли (несли) иво (яво) (мощи пагребати).
Три дня и три ночи за народамъ князя ни допускали (допустили).
Князь казну рассыпаитъ
(Князь казну растычаитъ,
Па сырой земли рассыпаить)—
А міръ атъ казны прочь атшатнулса,
Ка святымъ мащамъ (мыщамъ) прилажилса:
Атъ святыхъ машшей была пращшенья,
Сляпымъ давалъ Гасподь праузрѣнья,
Глухимъ давалъ Гасподь праслушѣнья,
Скорнамъ, балѣзнамъ Гасподь давалъ исцалѣнья.
Са славаю мощи пагрибали
Ва славнамъ ва гаради ва въ Рими.
Яму жа славу паёмъ ва вѣки вѣковъ, аминь.

Слѣдующіе стихи записаны отъ молодого слѣпца Клинскаго уѣзда. Изъ нихъ виденъ обыкновенный московскій умѣренно акающій народный говоръ. Произношеніе, вѣроятно, передается точнѣе, чѣмъ въ предыдущей записи, такъ какъ она сдѣлана менѣе спѣшно.

Лексѣй Божій чилавѣкъ.

Ва славнамъ ва гради и ва Римѣ (гаради ва Римѣ),
При томъ царѣ была при Андрьи (Анурьи),
У ве"ликава князя *Ифимьяна* (*Афимьяна*),
У нихъ не была дѣтища ни единава;
То вели*ті*и (*и* или *й* неясно) славенъ Афимьянъ князь
Ходитъ ва Божію ва церкафь (ръ или рь неясно),
Молитца Богу са слезами
И са праведными Богу са трудами,
У Госпада миласти упрашаитъ:
«О свѣтъ Присвятая (*и* неясно) Мать Багародица,

---

*) Въ Записи: гарѣ.

А ты вѡзри на наша умалѐнья
И на наши гарю̀чи слёзы,
Саздай намъ Бож*ъ* *д*ѣтищю (*д* съ слабымъ оттѣнкомъ?) единава,
При (*и* неясно) младасти князю на патѣху,
При старасти князю на призрѣнія,
Паслѣднимъ канцѣ на паминъ души (душѣ).
По ве"ликава князя Афимьяна
Малитва да Госпада дахадила,
Кня"иня *) панѡсъ скора панасила,
Панасёмши ана чяду парадила,
Парадила се"бѣ сына вазлюблиннава.
То великій нашъ славинъ Афимьянъ князь
Па гораду Рыму (па Рымскаму граду) пахаждаитъ,
Свищенникафъ въ домъ къ се"бѣ призываитъ;
Маладенцу святоя имя нарекаютъ,
Наре"кли е"му имя звать Лексѣямъ.
То будитъ Алексѣй Божій на вазрѡсти (*а* неясно)
И на вѡзрасти лѣтъ семи гадофъ—
Атдавалъ ево грамати князь учити.
Алексѣй Божій грамати скора абучился,
Онъ выучился скора сталъ писати.
(То) будитъ Алексѣй Божій на вазрѡсти (*а* неясно)
И на вѡзрасти лѣтъ семна̀тцати—
Паизволилъ ево князь мла̀да же"нити,
Принималъ къ не"му мла̀даю кни"ню (князи"ню).
Ва Бож*ую* ва церкву (*ръ* или *рь* неясно) призвадѝли,
Падъ златыми в*и*нцами (и неясно) придстаяли,
Залатыми перьснѧ̀ми абручялись
И на весь тутъ Законъ Божій принимали.
Пашолъ Ликсѣй изъ Божій церкви (*ръ* или *рь* неясно)
(Божій вонъ исъ церкви)
Въ бѣлы каминны палаты,
Садился Але"ксѣй (Божій) за трапѐзу—
Онъ хлѣба и соли ни вкушаитъ,
На Спаситиля образ*а* взираитъ.
«О свѣтъ Пре"святая Мать Багародица,
Ты не дай жа мнѣ Госпади праг̃рѣшыти
Са сваею са мла̀даю са княг̃иняй!»
Ва шестымъ чя"су была на рассвѣти—
Вставалъ Алексѣй са пастели,
(Онъ) снималъ шолкавай поясъ
И съ сваей (са правай) ру*т*ѝ залатѡй пѐрьстинь
И даруитъ абру̀чнаю княиню.
«Ты вазьми съ миня шѡлкавай нѡвай пѡясъ (пѡесъ)
И са правай рути златой перьстинь
И мал*ися* Госпаду труд*ися*
(О Лексѣѣ Божьева (такъ!) чилавѣ*ти*),
А я самъ пайду ва ѝнші земли (иншую землю).
Патходитъ ка гораду къ Іюдѐйству
И ка той ка святой саборнай церкви (*ръ* или *рь* неясно),
Станавил*са* Лексѣй (Аликсѣй) на папѐрьти,
На правой рутѣ возли притвору.
Въ эфта время славинъ Афимьянъ князь

*) Въ Записи: княиня.

Хватилса любезнава сваво сына.
Онъ нача"лъ пасланникафъ рассыляти.
Паслы ево люди пахаждàли,
Всіё иншую землю исхаждали,
Алексѣя Божьява чилавѣка ево ни признали
(За убогава старца ево почитали),
Ему миластыню принимаитъ,
Па нищай па братіи раздѣляитъ.
Се"мнатцать лѣтъ Господу малилса.
Речѐтъ (не ё) ему Мать Пре"святая Багарòдица:
«Спасетъ тебя Господи, трудникъ Божій,
Што пришолъ ты на мнѣ Богу памалитца,
За млàдаи годы патрудѝтца;
Гля"ди жа (такъ!) таперь ва свой (ва славинъ) Римъ-гратъ
Ка великаму князю Афиньяну)—
Те"бя мать съ атцомъ ни признаютъ,
Ни твая абречѐвная кня"иня.
Пашолъ Алексѣй ва свой Римъ-гратъ.
Литўрдію Божію прачитали,
Ве"ликій славинъ Афимьянъ князь
Выхадилъ изъ Божій святой церкви (*ръ* или *рь* неясно)—
Алексѣй сваму атцу пакланился:
«Любишъ ли ты насъ, нища"ю брàтію
(Здѣляишъ ли ты намъ святую мѝластину)
Ты здѣили мнѣ убогаму старцѣ *т*елью,
Ты не ради меня, ради Бога,
Ради сына Алексѣя».
Какъ ст*а*ялъ (а неясно) князь предъ нимъ—праслезилса.
«Спасетъ жа тебя Госпади, трўдникъ Божій,
Што ты радашнаю вѣсь мнѣ вазвѣщаишъ
Пра маво пра любезнава сына.
Гля"ди жа, убогай рапъ, за мною
(Къ маѐмъ (*е* неясно) бѣлымъ каминнымъ палатамъ),
Пастрою те"бѣ *т*елью пазàть сваихъ каминныхъ палатафъ,
Дѣ вногіи (г сбивается на д) слуди (д неясно) прислаждàютъ,
Дѣ памои сорнаи вазливаютъ».
Але"ксѣй (жа) на эта ни прагнѣвалса;
Онъ съ радасью нўжды принимаитъ.
Малилса онъ Господу тритцать че"тыри года,
Онъ свѣдалъ сваю смерть, часъ канычины,
Папрасилъ онъ лисъ (почти такъ) бумàзи и черьнила.
Онъ пишытъ свае р*а*капѝсані*я* (р*у*капѝсані*я*) и святоя пахажденія,
Ва славнамъ ва гради перестàвилса.
Са славай тѣ мощи пагребàли
Свищѐннай саборнай церквы (*ръ* или *рь* неясно, *и* неясно; вар. церкви).
Енму жа слава ни минуптца
И ва вѣки вѣкофъ, аминь.

О пьяницѣ.

Малилса Василій къ ка Госпаду Богу отъ желанія
Съ сваѐмъ пламенемъ (пламеньемъ съ серьдечàми) и съ гарючими слезами.
Былъ ему гласъ атъ святой атъ чеснòй атъ иконѣ

И атъ Матери присвятой (пресвятой) Багародицы:
«Па*т*инь, Василій, хмель
Навапптія *) испивать —
То будитъ тебя
Мать пресвятая Багародица сахранять.
Дватцать пять лѣтъ
У Василія хмелю въ рȍти ни бывала.
Однажд*и* Василій хмельнава спилъ.
Самъ не свѣдалъ (вѣдалъ).
Тритцать пять лѣтъ
Злыи (а злыи) каренья съ галавы далой не сȍйдутъ.
Горя всякаму чилавѣку
Хмель наваппттія испивать,
Ни падабаетъ (падабаитъ) ни женскаму полу ни мускому,
Ни свищенн*аи*мъ (священнаимъ) атцамъ іереямъ.
Падабаетъ (падабаитъ) свищеннику
Ва Божью ва церкву (*ръ* или *рь* неясно) прихаждȁть,
Съ вѣраю бажественнай литу̑р*д*ію (литур*д*ію) савершать,
Пьянава въ Божью церкву (*ръ* или *рь* неясно) ни пущать.
Пьянай ȉдетъ ва Божію церкафь нибихȍденъ
(Малитвы сибѣ ни сатваряетъ),
Онъ креста вапалнѣ ни васкладаетъ
(Пьянъ у страху стаитъ—
Страху Божьява ни убаитца),
(Пьянъ) атца духовнава за престоламъ осуждаетъ.
Гляд*я* чилавѣкъ (и неясно) на пьянава
Удивȁтца, рассмѣю̑тца,
Ноипаче пьянава согрѣшаютъ,
Грѣхъ себѣ на душу принимаютъ.
Поуказана всякаму чилавѣку
Прочь атъ пьянава атхадити (атхадить).
Хто матирнымъ словамъ скверни̑тца, бранитца?—Пьяница.
Онъ ни мать сваю скверниттъ бранитъ и ругаитъ—
Мать присвятую Б*у*гарȍдицу (*у* очень слабо) съ престолу патранȁитъ.
Какъ единъ чилавѣкъ матирнымъ словамъ аднавȁжды избранѐтца,
То сатворшая неба и земля мать патрясётца,
Мать пресвятая Багародица
Съ престолу патранётца.
Хто вичерню (*ръ* или *рь* неясно) скачитъ и пляшитъ?—Пьяница.
И заутриню прасыпаитъ?—Пьяница.
Хто васкреснаю (васкресну) абѣдню бесѣду бесѣдаваитъ?—Пьяница.
Ни умытыми руками ѣсть рана садитца?—Пьяница.
Абажрȁлся и аблевȁл*са*?—Пьяница.
Ни падабаитъ у пьянава бл*е*вȍтину (е сбиваетъ на ё) псамъ излахтȁть.
Хто на баю на др*ȁти*?—Пьяница.
Хто ва грязи валяитца?—Пьяница.
На каво плюютъ хȁркаютъ?—На пьянава.
Каво абсуждаютъ и пересмѣхаютъ?—Пьянава.
Гор*я* таму чилавѣку, хто пьянава абсуждаитъ!
Грѣхъ себѣ нȁ душу принмаитъ.
Пауказана всякаму чилавѣку
Прочь атъ пьянава атхадить,
И ни падабаитъ съ пьян*аи*мъ на встрѣчу вастрѣвать,

*) Читай: хмельнава питія.

Рѣчи гаварить, на дабро єво учить.
Пьянава ни научишь на добрая,
А больши разврàтишь;
Пьянай злой абсерьгитца,
Древамъ зашибётъ или ножикамъ зарѣжытъ.
Пьяница злой убйвицъ,
Пьяница злой канышникъ *),
Пьяница самъ себѣ живой прадàвецъ.
Пьянай видитъ волны марс*тiи* (марстія і сбивается на е).
На судна садйлса (садйтца)—патапаитъ,
Валны ни убаитца,
Самъ сенбѣ скораю смерть получаитъ.
Когда ходитъ свѣтъ Василій
Да Божей да церквы (*ръ* или *рь* неясно),
Онъ и рỳ*ти* и нȍ*ди* объ камѣньи абишбаитъ,
И бȍйнаю гȍлаву да крȍви праламàитъ;
На папѐрти стаитъ, малитву тваритъ,
Яко громъ (h) гремитъ (h),
Мать присвятую Багародицу изъ усъ ни выпущаитъ:
«(Прасти ты миня, Мать присвятая Багародица, раба памилуй),
Если ты миня ни прастишъ,
То я жифъ, Василій, съ пàперти далой не сȍйду,
Убъюсь я, Василій, абъ каминь да смѐрти.
Былъ ему гласъ атъ святой атъ чеснȍй атъ икбнѣ
(Атъ матери присвятой Багародицы):
«Ни беиса, Василій, апъ каминь да смѐрти,
Даходна твая малитва,
Да Гóспада (h) Бога (h) даступила
Н*о*ипаче **) всѣхъ свя"тыхъ (святыхъ) чюдатвȍрн*аи*хъ иконафъ.
Въ сатвȍрш*аи* Госпадамъ—Богамъ
Въ Давйдавамъ (Давыдавымъ) доми
Тамъ єсь три вилйкія (первое *и* неясно) упакȍя
Первай упакóй—висятъ-висятъ чѐръва лю̀тая—ѣ̀ды
Ради *в*нога душъ грѣшныхъ.
Втарой упакȍй—тичётъ (*и* неясно) рѣка агненнàя
Ради хмельнава чилавѣка.
Третій упакȍй—рай растворѐннай (послѣ *в о* или *а* неясно), царскія (цавс*т*ія) двери.
Какая душа сама умалйля
И да Госпада Бога даступила—
Ана будитъ царствавàть и викавать и ва царствіи (*ръ* или *рь* неясно) ва небеснамъ).
Паѐмъ (не ё) славу Василію великаму Кисаринскому ч*и*датвȍрцу (*и* слабо; при повтореніи сказано ясно *ч*ю)
Е"му (яму) ***) же (жа) слава (славу) ва вѣки вѣкофъ, аминь.

---

*) Разсказчикъ не понимаетъ этого слова, сказалъ, что «къ стиху выходитъ складно», а объяснить не можетъ.

**) Очевидно, для разсказчика это слово является въ видѣ двухъ: *но* иначе; отсюда и *о* при его аканьѣ.

***) Это произношеніе не обычное для разсказчика.

О голубиной книгѣ.

Окалъ гороu Ирусалимскава (Еⁿрусалимскава)
Сабиралиса и заѣзжялиса
Соракъ царей са царевичами,
Соракъ княⁿзѐй са князѐвичами;
Единъ Валадимиръ (*и* послѣ *м* неясно) князь прагȯварилъ:
«Ой инъ еси, сударь (перемȳдрай царь),
Перемȳдрай царь, Давидъ (Давыдъ; *ы* слабо) Евсѣевичъ,
Ты скажи-ка намъ и прапавѣдавай,
Атъ чеⁿво у насъ начȳлся бѣлай свѣтъ,
Атъ чеⁿво начȧлась сонца, красная,
Заря ясная, звѣзды чȧст*аи*?
Атъ чеⁿво начȧлисъ дажьжи част*аи*,
Атъ чеⁿво у насъ начȧлся младъ мѣсицъ (мѣсяцъ),
Атъ чеⁿво начȧлись вѣтры (вѣтры̆) буйн*аи*, ночи тёмнаи?»
(Перемудрай царь Давитъ Евсѣевичъ)
Вотъ я вамъ скажу и прапавѣдаю:
«Начиналса бѣлай свѣтъ
Атъ духȧ Божьива самаво (сам*а*во, *а* послѣ *м* неясно) Христа, царя неⁿбеснава,
Сонца красная атъ ачей Божьихъ (лица Божьява),
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Заря ясная атъ ачей Божьихъ
Самаво Христа, Царя Небеснава;
(Дажьжи частаи атъ слеⁿзы Божiй
Самаво Христа, Царя Небеснава),
Звѣзды частаи атъ рицы̆ *) (такъ!) Божiй
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Млатъ мѣсицъ атъ грудей Божьихъ
Самаво Христа, Царя Небѐснава;
Начиналисъ вѣтры бȳйнаи атъ валосъ Божьихъ
Самаво Христа, Царя Небѐснава;
Ночи тёмнаи атъ думы̆ Бож*iй*
Самавȯ (а передъ удареніемъ неясно) Христа Царя Небѐснава».
Ище (не *ё*) Валадимиръ князь прагȯварилъ:
«Ой инъ еси, сударь,
Перемудрай царь, Давидъ Евсѣевичъ,
Ты скажи-ка намъ и прапавѣдавай:
Какой жа у насъ царь надъ царями царь,
Какой жа горатъ всѣмъ гарадамъ мати,
Какая шъ цѐрква (*ръ* или *рь* неясно) всѣмъ церквамъ (*ръ* или *рь* неясно) мати.
Какое шъ моря всѣмъ марямъ мати,
Какая шъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Какая рыба всѣмъ рыбȧмъ (ры̆бамъ) мати,
Какоя древа всѣмъ древамъ мати,
Какая трава всѣмъ травамъ мати,

*) Никакого опредѣленнаго понятія съ такимъ произношеніемъ разсказчикъ не соединяетъ.

Какая гара (һ) всѣмъ гарамъ мати,
Какая птица всѣмъ птицамъ мати,
Какой жа звѣрь всѣмъ звѣрьа̀мъ мати?»
— «Вотъ я вамъ скажу и прапавѣ̀даю:
(У насъ бѣлай царь натъ царями царь),
Старай Русалимъ (Ерусалимъ: е слабо) горатъ
Всѣмъ гарадамъ мати.
Какая шъ церква (*ръ* или *рь* неясн) всѣмъ церквамъ (*ръ* или *рь* неясно) мати?
Фъ старомъ Ерусалими церква (*ръ* или *рь* неясно) всѣмъ церквамъ (*ръ* или *рь* неясно) мати.
Кіянъ-моря всѣмъ марямъ мати,
Ердàнь рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Китъ рыба всѣмъ ры̀бамъ мати,
Кипарисъ древа всѣмъ древамъ мати,
Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати,
Сіонъ гара всѣмъ гарамъ мати,
Страфѝнъ птица всѣмъ птицамъ мати,
Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрьямъ мати».
Выпадала книга галубиная,
Въ далину книга сарака саженъ,
Въ ширину (*и* послѣ *ш* сбиваетъ на *е*) книга двадцати саженъ,
Въ вышину̀ (*ы* сбиваетъ на *а*) книга дисети саженъ.
Нихто эту книгу ни магли распечятати—
Сама книга распечяталась,
И всѣ листа̀ сами разстила̀лиса,
И всѣ слава Божьи сами прачита̀лиса.
Мы славимъ Тибѐ мать Христе Боже насъ.

„Падаконнаи стишки“.

I.

О человѣче, внимай,
А смѐртнай (не *ё*) часъ никагда не забывай.
Аще да хто смерьти ни памятўетъ,
Таво мука ни минуитъ.
Есь житія̀ великава Пимена (Пимина),
Три гла̀внаи дабрадѣтели
Патребна имя че ͤ лавѣку.
Первая: бойса Бога,
Вторая: малиса (малисъ) чяста,
Третья: дабрò твари ближняму.

II.

Аще пъ я зналъ канчину дней маихъ,
Зашелъ бы я на̀ гору высòкаю,
Зглинулъ бы безну глубокаю (*у* неясное),
Увидилъ бы я гропъ свой.
Гробикъ (һ) ты мой гробикъ,
Предвѣчнай мой домикъ,
Сколька мы здѣсь ни викуимъ,
Те ͤ бя гробія ни минуимъ!

Писокъ (*и* неясное) тȍчитца—
То есь пастѐля мая,
Кȁмени—тѣ есь сусѣди маи (маѐ)
(Черьви—тѣ есь друзья маѐ),
Сырая зимля—мати мая,
И пакрой мя ва вѣки вѣкофъ, аминь.

III.

О Госпади, Боже мой миласерднай (*р* почти не слышится),
Какой я, Госпади, сталъ рапъ твой ниваздѐржнай,
Сталъ на миня очинна сильна вракъ нападать.
Гаспотъ сказалъ: «Ни унывай,
Ни унывай, душа грѣшная;
Упавай, душа, на Госпада
И на всю силу небѐснаю,
На Владычицу пречистаю
Преисвятую мать Багародицу)»,
Хто Госпада Бога любитъ,
Тотъ и въ раю будитъ,
А хто за нечистымъ врагамъ идётъ,
Тотъ и давно въ аду живетъ.
И ва вѣки вѣкофъ, аминь.

При пѣніи произношеніе этого слѣпца значительно измѣняется: Рымъ, *Я*нȗрьи, п*ири*мȗдрай, сахран*яти*, князейчями...

Тогда какъ на нашихъ глазахъ угасаетъ не только былина, но и старая народная пѣсня, духовные стихи еще держатся и должны держаться, потому что они служатъ средствомъ къ существованію для тѣхъ людей, которые распѣваютъ ихъ, ходя по деревнямъ и пробираясь на большія ярмарки или на монастырскіе праздники. Если бы погоняться за этими людьми, разыскивая ихъ по ярмаркамъ и по монастырямъ въ тѣ дни, когда въ нихъ собирается много народу на богомолье, то, вѣроятно, можно бы было найти у нихъ нѣчто и новое и интересное, что послужило бы дополненіемъ и поясненіемъ къ богатымъ старымъ записямъ, вообще неточно передававшимъ мѣстныя произношенія.

В. Чернышевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Die Slowinzen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. Von Dr. F. Tetzner. Berl. 1899. 8°. VIII + 242.

Въ послѣднее время въ славянской этнографической наукѣ наблюдается замѣчательное оживленіе интереса къ кашубамъ—небольшому славянскому народцу, населяющему границы Поморской (Померанской) и Западно-прусской провинцій Германской имперіи: почти каждый годъ послѣдняго десятилѣтія ознаменованъ появленіемъ болѣе или менѣе подробныхъ изслѣдованій языка, быта или историческихъ судебъ этого угасающаго нынѣ славянскаго народца. Оставляя въ сторонѣ сдѣлавшіе эпоху труды Ст. Рамулта [1]), достаточно напомнить здѣсь работы Л. Бискупскаго-Берки [2]), Надморскаго [3]), А. Калины [4]), Г. Брониша [5]), Парчевскаго [6]), А. Степовича [7]), Зоммерфельда [8]), І. Микколы [9]) И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ [10]), Я. Карловича [11]), Ф. Лоренца [12]) и нѣк. др.

Не послѣднее мѣсто между указанными трудами займетъ и настоящая работа г. Тетцнера. Правда, предметъ ея составляетъ не весь кашубскій народъ какъ одно цѣлое, и даже не всѣ п о м о р с к і е кашубы, но только часть ихъ, именно та, которая, населяя безплодные берега Лебскаго озера, извѣстна болѣе подъ названіемъ словинцевъ или кабатковъ; но съ одной стороны, будучи основана на самостоятельныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ во время его путешествія въ Поморье въ 1896 г., а съ другой стороны, представляя сводъ матеріала, погребеннаго въ разныхъ изданіяхъ нѣмецкой провинціальной прессы, книга г. Тетцнера заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны славянскаго этнографа.

Книга распадается на четыре главы.

Первая глава, посвященная общему описанію кашубской земли, открывается маленькимъ этюдомъ о племенныхъ названіяхъ кашубовъ. Авторъ, къ сожалѣнію, не до-

---

[1]) Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego W Krakowie 1895 и «Statystyka ludu Kazsubskiego», тамъ-же, 1899.

[2]) Słownik kaszubski porównawczy Warszawa, 1891 (Prace filolog. T. III).

[3]) Kaszuby i Kociewie Poznan, 1892.

[4]) Mowa Kaszubska jak narzecze języka polskiego. Prace filolog. IV (1893).

[5]) Kaszubische Dialektstudien I. Leipz. 1896. II 1898.

[6]) Szczątki Kaszubskie w prowincyi pomorskiej. Poznan 1896.

[7]) Изъ семазіологическихъ наблюденій надъ словаремъ кашубскаго нарѣчія (Кіевск. Унив. Изв. 1896).

[8]) v. Sommerfeldt, Geschichte der Germanisierung des Herzogthums Pommern Leipz. 1896.

[9]) Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи (Изв. отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. II, 1897).

[10]) Кашубскій «языкъ», кашубскій народъ и «кашубскій вопросъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1897).

[11]) O mowie Kaszubskiej Wisła. 1898.

[12]) Zur älteren Kaszubischen Litteratur. Arch. f. Sl. Ph. B. XX (1899).

статочно знакомъ съ славянскими языками, какъ это видно изъ его сопоставленія названія «кашубъ» съ польскимъ словомъ kozub и литовскимъ kuzabas, а названіе «словинецъ» — съ «слава» (§ 1). Сравнивъ современное національное названіе кашубовъ съ тѣми названіями, о которыхъ сообщаютъ намъ историческіе источники, г. Тетцнеръ приходитъ къ выводу, что нынѣшніе кашубы суть прямые потомки древнихъ поморянъ (§ 2). Особый параграфъ (2) посвященъ опредѣленію границъ этнографической территоріи кашубскаго народа. Авторъ указываетъ на постепенное уменьшеніе этой территоріи, заливаемой безпощадными волнами нѣмецкаго моря, причемъ, излагая, въ хронологическомъ порядкѣ, показанія разныхъ путешественниковъ, особенно долго останавливается на извѣстной книгѣ Гильфердинга. Въ заключеніе этого мартиролога кашубскаго населенія, г. Тетцнеръ утверждаетъ, что во время своего путешествія по краю онъ встрѣтилъ кашубовъ только въ трехъ деревняхъ, расположенныхъ по юго-западному берегу Лебскаго озера: Чарновской, Гизебицѣ и Клукахъ. Приведя въ 3 § нѣсколько статистическихъ данныхъ о численности кашубскаго народа, уже не имѣющихъ для насъ значенія послѣ извѣстной работы Рамулта, г. Тетцнеръ въ 4 § дѣлаетъ бѣглый обзоръ путешествій, совершенныхъ въ страну кашубовъ, начиная съ конца XVIII в. (поѣздка Бернулли въ 1748 г.) и кончая нашимъ временемъ. Наиболѣе мѣста посвящено опять-таки описанію путешествія Гильфердинга.

Вторая глава представляетъ этнографическій (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) очеркъ кашубовъ. Авторъ описываетъ здѣсь прежде всего внѣшній типъ (Aussehen) и характеръ кашубовъ, причемъ ставитъ и тотъ и другой по серединѣ между нижненѣмецкимъ и польскимъ (§ 1); далѣе авторъ выясняетъ условія постепеннаго искаженія кашубскаго языка, во многихъ мѣстахъ насыщеннаго до nec plus ultra нижненѣмецкими варваризмами (§ 2). Слѣдующіе §§ (3 и 4) посвящены описанію внѣшняго и внутренняго устройства дома кашубовъ, а также ихъ одежды, національный типъ которой находится нынѣ въ состояніи почти полнаго исчезновенія. Въ 5 § г. Тетцнеръ изучаетъ экономическія условія быта населенія, принужденнаго вслѣдствіе крайняго безплодія почвы заниматься почти исключительно рыбною ловлею, которая доставляетъ ему и его почти единственной пищевой продуктъ (§ 6). Все это заключается довольно подробнымъ описаніемъ праздниковъ и обычаевъ кашубскаго народа, въ особенности же главнѣйшихъ событій его жизни: обрученія и свадьбы, рожденія и крещенія дѣтей и погребенія. Не оставлены безъ вниманія и праздники труда (Arbeitsfeste) (§ 6).

Въ третьей главѣ,—«Aus der Geschichte und Kulturgeschichte»,—авторъ, напомнивъ нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ изъ политической исторіи кашубскаго народа, рисуетъ неприглядную картину современнаго культурнаго состоянія трехъ кашубскихъ округовъ: Бытовскаго, Слупскаго и Лемборскаго вообще, и отдѣльныхъ ихъ населенныхъ пунктовъ въ частности. Такъ какъ въ основу этого описанія положены почти исключительно личныя наблюденія и впечатлѣнія автора, то эту часть книги и слѣдуетъ признать наиболѣе самостоятельной.

Послѣдняя IV-ая глава «Словинская и Лебокашубская литература» имѣетъ довольно пестрый характеръ; она содержитъ: 1) этюдъ о Симонѣ Крофѣ, бытовскомъ священникѣ, издавшемъ на словинскомъ языкѣ въ 1586 г. переводъ «Духовныхъ пѣсенъ» Лютера; 2) этюдъ о Мельхіорѣ Понтанѣ, издавшемъ на кашубскомъ діалектѣ «Катихизисъ» въ 1643 г.; 3) нѣсколько образцовъ говоровъ поморскихъ кашубовъ, извлеченныхъ изъ книги Гильфердинга; 4) довольно подробное описаніе трехъ рукописей XVII и XVIII, сохранившихся на кашубскомъ языкѣ: а) Шмользинской книги серикопъ, б) Шмользинскаго молитвенника и г) Виржензинской присяги; 5) образцы пѣсенъ, сказокъ, и разнаго рода произведеній гномическаго содержанія на кашубскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и 6) составленное по Гильфердингу и Лоренцу краткое описаніе говора словинцевъ и лебскихъ кашубовъ.

Г. Ильинскій.

Ор. Шкапскій. Аму-Дарьинскіе очерки. Ташкентъ. 1900.

Въ высокой степени интересная и поучительная книга, заглавіе которой мы выше выписали, принадлежитъ отличному спеціалисту и давнему работнику по изученію современнаго Туркестана (см. статьи Ор. Шкапскаго въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, Окраинѣ, Русскомъ Туркестанѣ, Сборникахъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области, Русской мысли 1898 г.). Ея интересъ заключается не только въ трактуемыхъ вопросахъ, но и въ томъ свѣжемъ матеріалѣ, который она даетъ, благодаря личнымъ наблюденіямъ автора, разспросамъ его у туземцевъ, наконецъ, работамъ, которыя авторъ поручалъ низшимъ чинамъ мѣстной администраціи *). Поучительность книги заключается въ указаніи того, что русскіе могли бы сдѣлать для дальнѣйшаго процвѣтанія своихъ азіатскихъ владѣній.

Не останавливаясь на вопросахъ экономическаго характера, которыхъ мы коснемся въ другомъ мѣстѣ, укажемъ здѣсь лишь на то, что можетъ быть интересно для читателей «Живой Старины».

Въ I главѣ авторъ даетъ физико-географическій очеркъ Шураханскаго участка, составляющаго часть Аму-Дарьинскаго отдѣла. Огромная площадь въ 54400 кв. вер. и ничтожное сравнительно населеніе 67436 человѣкъ (по 1,2 человѣка на квадратную версту)! Объясняется это тѣмъ, что Шураханскій участокъ почти весь лежитъ въ Кизылъ Кумахъ, среди безотрадной песчаной пустыни, на безплодномъ солончакѣ, при тяжеломъ климатѣ (суровыя зимы, жаркое лѣто, малое количество осадковъ, постоянные вѣтры). Лишь неуклонная энергія неприхотливаго киргиза, да помощь рѣки поддерживаютъ здѣсь нѣкоторую культуру.

Во II главѣ характеризуется рѣка Аму-Дарья съ точки зрѣнія ея значенія для мѣстной сельско-хозяйственной культуры; отмѣчается ея большая скорость теченія, мутность воды, образованіе мелей, баровъ, полуострововъ и острововъ. Ея разрушительные разливы причиняютъ много хлопотъ населенію, которое поэтому селится и обрабатываетъ земли возможно дальше отъ Аму-Дарьи; кромѣ того населеніе устраиваетъ береговыя дамбы, отбивныя полуплотины (соны) и пр. Но эта же рѣка является и благодѣтельницей населенія, какъ видно изъ III главы (Ирригація). Какъ Нилъ для Египта, такъ и Аму-Дарья для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній имѣетъ первостепенное значеніе въ борьбѣ населенія съ песками.

Авторъ подробно останавливается на ирригаціонной системѣ и описываетъ своеобразное устройство арыковъ, водопріемниковъ (баши), а также способы пользованія водою (тукуртка, чигирь, торнау), распредѣленія работъ и завѣдываніе ирригаціей. Не смотря на слабую администрацію—заключаетъ авторъ III главу—система орошенія Шураханскаго участка находится въ хорошемъ состояніи, что зависитъ въ значительной степени отъ сознанія народомъ важности соблюденія тѣхъ обычаевъ, которые выработаны народомъ же.

Глава IV (Земледѣліе) больше, чѣмъ всѣ другія главы, показываетъ, какъ много труда приходится употреблять аму-дарьинскому пахарю на то, чтобы привести въ годное состояніе глинисто-солонцоватую почву оазиса, на которой пришлось ему поселиться. Характеризовавъ почву, прослѣдя съ самаго начала ея меліорацію (обработка, удобреніе, выщелачиваніе), авторъ обстоятельно описываетъ самыя орудія обработки (кунде, мала, мала-дандани и др.) и даетъ статистическія данныя о культивируемыхъ растеніяхъ.

Слѣдующія три главы говорятъ о землевладѣніи и землепользованіи въ Шураханскомъ участкѣ. Авторъ разсматриваетъ этотъ важный вопросъ исторически, причемъ во многихъ случаяхъ ему приходится быть первымъ изслѣдователемъ, привлекать новые матеріалы (ярлыки) или по-новому ихъ освѣщать. До присоединенія къ Россіи праваго берега Аму-Дарьи (1873), юридическія отношенія земледѣльческаго населенія къ землѣ регулировались мѣстнымъ закономъ и обычаемъ, по которому собственность исходитъ отъ верховной власти и сохраняется при условіи постояннаго труда. Авторъ приводитъ не мало основательныхъ аналогій съ европейскимъ землевладѣніемъ и излагаетъ эволюцію земельной собственности въ Хивинскомъ ханствѣ, которую можно резюмировать

*) Въ 1894 г. авторъ былъ и. д. завѣдующаго Шураханскимъ участкомъ.

слѣдующимъ образомъ. Изъ первоначальной формы пользованія государственною землею, съ уплатой въ казну хана за право пользованія должной подати натурою, выросло право частной собственности на землю путемъ укрѣпленія земли за лицами, обрабатывающими ее, и путемъ пожалованія служащимъ хану лицамъ ненаселенныхъ крупныхъ земельныхъ владѣній съ обложеніемъ ихъ салгытной податью и, наконецъ, почти полное освобожденіе крупныхъ собственниковъ земли отъ платежа податей (113 стр.).

К. П. фонъ-Кауфманъ, истинный устроитель Туркестанскаго края, при организаціи землевладѣнія въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, исходилъ изъ правильнаго принципа необходимости дѣлать уступки прошедшему «и въ особенности понятіямъ, сложившимся на основаніи этого прошедшаго въ средѣ общества». Поэтому послѣдовавшія реформы 1877, 1886 годовъ не внесли коренныхъ перемѣнъ въ жизнь населенія: земли были признаны государственными, въ виду особой необходимости поддерживать постоянную культуру земли въ краѣ; опредѣлены подати и постепенно стали укрѣпляться за населеніемъ земли, на правахъ полной собственности, причемъ узаконены существовавшія и раньше договоры о землепользованіи (ярымчи).

Въ послѣдней главѣ авторъ приводитъ гипотетическія соображенія о доходности земли и балансъ средняго хозяйства. Особенно важными намъ кажутся послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ дробленія земли, и тѣ отношенія, которыя складываются между крупными землевладѣльцами и наемными рабочими (дихканы); послѣднія прямо напоминаютъ рабство или кабалу. Изъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ на 193 стр. и особенно въ статьѣ, служащей приложеніемъ къ книгѣ (Аму-Дарьинскіе кулаки передъ судомъ Шаріата и Казіевъ 223—283), укажу на два случая. Въ 1893 году былъ данъ въ долгъ 91 рубль, за каковую сумму два сына должника обязывались служить у своего кредитора въ работникахъ и, по окончаніи службы, срокъ которой не указанъ, должны обратно уплатить взятую сумму денегъ. Другой примѣръ. Дихканъ одного узбека, пробывъ въ работникахъ нѣсколько лѣтъ, пожелалъ жениться и просилъ хозяина ссудить его на это деньгами. Хозяинъ помогъ, но взялъ съ работника обязательство вмѣстѣ съ женою служить у него безъ срока. Масса подобныхъ фактовъ удостовѣряется судебными процессами.

Въ заключеніи, написанномъ съ лирическимъ воодушевленіемъ, авторъ указываетъ, чѣмъ бы мы могли помочь населенію, не только въ замѣнѣ его примитивныхъ орудій болѣе совершенными (землечерпательныя машины, самодѣйствующій насосъ, плугъ и др. сельско-хозяйственныя машины), проведеніи рельсоваго пути отъ нижней Аму-Дарьи къ Европейской Россіи (къ Красноводску или Уральску), но и лучшемъ устройствѣ соціальномъ (земледѣльческія артели), развитіи школъ и распространеніи знаній въ народѣ, наконецъ, организаціи суда на основѣ общихъ законовъ Имперіи.

Желаемъ, чтобы книгу Ор. Шкапскаго прочли не только любители просвѣщенія, но и власть имущіе привести въ исполненіе то, что просвѣщенными людьми сознано за важное и неотложное.

А. Липовскій.

П. Н. Милюковъ: 5 этнографическихъ картъ Македоніи—съ текстомъ. Спб. 1900 г.

І. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики. Казань 1900 г.

Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1899 г.

Съ 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Македонія служитъ предметомъ притязаній мелкихъ націй Балканскаго полуострова и является въ силу этого яблокомъ раздора между ними. На нее предъявляли свои права болгаре, сербы, греки, албанцы, а владѣютъ и вліяютъ по-нынѣ турки. Вопросъ объ обладаніи Македоніей особенно обострился въ послѣднее десятилѣтіе между сербами и болгарами. Появилась у нихъ цѣлая литература по этому вопросу, не щадящая красокъ: литература эта должна быть

подведена подъ рубрику шовинистической. Мы, разумѣется, исключаемъ отсюда тѣ немногія серьезныя работы, которыя обладаютъ чисто научнымъ аппаратомъ и политическихъ цѣлей не преслѣдуютъ. Македонскій вопросъ заинтересовалъ въ наши дни и нѣкоторыхъ изъ русскихъ ученыхъ. П. Н. Милюковъ, пропутешествовавъ по Македоніи и Старой Сербіи, напечаталъ рядъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы» и въ «извѣстіяхъ Археологическаго Института въ Константинополѣ». Статьи эти должны скоро появиться отдѣльной книжкой.

Нынѣшнимъ лѣтомъ снаряжена научная экспедиція въ Македонію, состоящая изъ нѣсколькихъ русскихъ профессоровъ, представителей различныхъ отраслей науки: археологіи, исторіи и языкознанія. Мы не сомнѣваемся въ компетентности и правдивости тѣхъ свѣдѣній, которыя далъ въ своихъ статьяхъ П. Н. Милюковъ (онъ стоитъ за преобладаніе болгаръ въ Македоніи), но, допуская, что одинъ человѣкъ могъ иногда и ошибаться, желаемъ скорѣйшаго обнародованія результатовъ экспедиціи. Мы ждемъ отъ нея окончательнаго разрѣшенія интереснаго вопроса, тѣмъ болѣе, что члены ея будутъ смотрѣть на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Для ознакомленія русской публики съ македонскимъ вопросомъ П. Н. Милюковъ издалъ пять прекрасно выполненныхъ этнографическихъ картъ Македоніи.

1-ая карта составлена по даннымъ, собраннымъ въ тридцатыхъ годахъ путешественникомъ Ami Boué. Это первыя по времени свѣдѣнія о Македоніи: они появились задолго до возникновенія тенденціозныхъ споровъ. Славянское населеніе Македоніи Ami Boué причисляетъ къ болгарамъ.

2-ая карта составлена по Киперту, тридцать лѣтъ спустя послѣ путешествія Boué. Карта имѣетъ то значеніе, что на основаніи ея установлены границы Болгаріи по Санъ-Стефанскому договору. И по этой картѣ (1876 г.) славянское населеніе Македоніи—болгаре.

3-ья карта, появившаяся передъ Берлинскимъ Конгрессомъ, характеризуетъ греческія притязанія на Македонію. По этой картѣ, все славянское населеніе Македоніи—«греки, говорящіе по-болгарски» (ромеи-вульгарофоны). Въ этой картѣ мало реальныхъ чертъ.

4-ая карта характеризуетъ фантастическія притязанія сербовъ на Македонію. Составлена она въ 1891 г. «Обществомъ сербской университетской молодежи». По этой картѣ все славянское населеніе Македоніи—сербы. Въ ней тоже мало правды, и въ нынѣшнее время даже ярые сербскіе патріоты отказываются отъ нея.

Такимъ образомъ первыя четыре карты представляютъ какъ бы исторію македонскаго вопроса со времени его возникновенія до нашихъ дней.

Болѣе другихъ интересна 5-ая карта. Составлена она по только-что собраннымъ и еще не обнародованнымъ матеріаламъ лучшаго знатока Македоніи болгарина Кънчева. Любопытна она особенно въ томъ отношеніи, что показываетъ, на что должны обратить все свое вниманіе болгаре и сербы, сплотившись въ общихъ интересахъ и бросивъ свой споръ. Съ двухъ сторонъ въ Македонію вплываетъ враждебный славянамъ элементъ, съ юго-востока (и юга)—турки, а навстрѣчу имъ, съ сѣверо-запада—албанцы. Характерны отмѣченные на картѣ внутри страны въ разныхъ мѣстахъ оазисы потурченныхъ славянъ (помаки). Славянскому населенію Македоніи грозитъ серьезная опасность отъ надвигающагося отовсюду ислама. Вмѣсто того, чтобы попусту спорить, тратить деньги и энергію, болгаре и сербы должны обратить все свое вниманіе на грозящую имъ опасность съ этой стороны.

Поименованныя выше книги г. Рогановича и г. Гопчевича представляютъ образецъ беззастѣнчивой шовинистической литературы сербовъ по Македонскому вопросу.

Первый изъ нихъ—русскій воспитанникъ безъ нужды кадитъ ѳиміамъ передъ Россіей; попутно онъ сообщаетъ русской публикѣ свои біографическія данныя и въ концѣ концовъ разрѣшаетъ долго волновавшій вопросъ о Македоніи весьма оригинально. «Турціи слѣдовало бы лично, безъ чужого вмѣшательства, примириться съ сербскимъ народомъ передачей Старосербіи и Македоніи въ руки Черногоріи» (65 стр.). А если Турція sua sponte этого не сдѣлаетъ, то, конечно, Россія должна у нея отнять Македонію и подарить ее Черногорскому княжичу Мирко (sic.).

Въ томъ же родѣ, хвастливо и беззастѣнчиво, написана и книга Сп. Гопчевича, вышедшая одновременно на сербскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и уже оцѣненная въ свое время по достоинству на страницахъ «Живой Старины» Т. Д. Флоринскимъ. Плохой переводъ съ нѣмецкаго или б. м. съ сербскаго сдѣланъ сербомъ, русскимъ воспитанникомъ. Любопытно, какой изъ русскихъ издателей такъ легко попался на удочку? (Книга напечатана въ типографіи В. В. Комарова).

Мы здѣсь не рѣшаемъ вопроса, имѣютъ ли Сербы хоть какое-нибудь право на Македонію, но должны замѣтить, что книги, въ родѣ только что названныхъ, вредятъ самимъ же Сербамъ.

Русскимъ читателямъ мы рекомендуемъ атласъ П. Н. Милюкова: онъ поможетъ имъ пока оріентироваться въ Македонскомъ вопросѣ. Но предостерегаемъ ихъ отъ «изслѣдованій» господъ Рогановичей, Гопчевичей и К°.

В. Кораблевъ.

Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ.

Главная цѣль устройства въ сентябрѣ 1899 г. выставки въ гор. Хабаровскѣ заключалась въ томъ, чтобы дать наглядное и точное представленіе о производительныхъ силахъ края предъ вступленіемъ его, съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, въ новую эру экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужить дальнѣйшему развитію мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности. Г. Смирновъ въ своей книгѣ не ограничился описаніемъ только одной выставки; онъ старался сдѣлать ее первою попыткою болѣе или менѣе систематической сводки современныхъ свѣдѣній о нашемъ Далекомъ Востокѣ. Конечно, выставка представляла прекрасный матеріалъ для всесторонняго описанія Приамурскаго Края, который и донынѣ слишкомъ мало знакомъ русской интеллигенціи. Но прекрасная задача, поставленная г. Смирновымъ, выполнена имъ очень плохо: достаточно сказать, что его книга подробностью описанія уступаетъ далеко статьямъ «Приамурскихъ Вѣдомостей», посвященнымъ описанію выставки. Даже г. Смирновъ ссылается на указанный оффиціальный органъ, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній. О неполнотѣ исторической части и говорить нечего. Рядъ мѣропріятій въ сферѣ административной не освѣщенъ имъ достаточно ярко, что лучше всего видно будетъ, если читатель сравнитъ книгу г. Смирнова съ недавно появившимся въ свѣтѣ трудомъ г. Унтербергера «Приморская Область 1858—1896 гг.» Вообще, книга составлена очень спѣшно и неряшливо, да и г. Смирновъ оказался не на высотѣ своей задачи: онъ, очевидно, мало знаетъ край, новичекъ въ немъ.

Выставка, между прочимъ, представляла прекрасный этнографическій матеріалъ, преимущественно касающійся быта инородцевъ. Въ отдѣлѣ рыболовства экспонированы— снасти, коими орочоны, гольды, гиляки и др. племена ловятъ рыбу. Здѣсь даже имѣлись невода и ловушки японцевъ. Модели лодокъ инородцевъ, равно китайскихъ и японцевъ подобраны очень хорошо. Еще болѣе интереса представляли модели ловушекъ на всевозможнаго звѣря въ «Охотничьемъ отдѣлѣ» выставки. Кромѣ орудій охоты и рыболовства, на выставкѣ экспонировались подѣлки инородцевъ изъ рыбьей кожи и шкуры и мѣховъ звѣрей. Особенно интересны подѣлки орочонъ и гольдовъ.

Меньше было данныхъ изъ жизни инородцевъ Камчатки, хотя интересующіеся обозрѣватели выставки могли дополнить свѣдѣнія обозрѣніемъ коллекцій изъ быта чукчей, камчадаловъ и коряковъ, хранящихся въ Хабаровскомъ музеѣ.

Въ заключеніе долженъ упомянуть, что на выставкѣ имѣлись модели жилищъ инородцевъ; много бытовыхъ предметовъ корельскихъ. Но въ отдѣлѣ охотничьемъ не было представлено ни одного чучела звѣровой и ѣздовой собаки, которыя являются важнымъ факторомъ въ быту инородцевъ Приамурья.

Повторяю, если бы г. Смирновъ, не мудрствуя лукаво, описалъ подробно данныя выставки, то его книга имѣла бы больше цѣны, чѣмъ теперь, когда онъ наполнилъ ее разнаго рода скороспѣлыми и подчасъ нелѣпыми выводами собственнаго издѣлія.

Приложенія къ книгѣ имѣютъ значеніе и въ этнографическомъ отношеніи: они даютъ свѣдѣнія о жизни и бытѣ нашего крестьянства въ краю, о которомъ нѣкогда мечтали, какъ о странѣ обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ.

С. Брайловскій.

Кубанскій сборникъ. «Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціей С. В. Гуденко. Томъ VI. Екатеринодаръ. 1900.

Въ составъ настоящаго тома вошли статьи:

Н. Кириченка. Годъ у нѣмецкихъ колонистовъ. Описаніе колоніи Эйгенфельдъ Кавказскаго отдѣла Кубанской области.

Записка, составленная канцеляріей наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска о состояніи сего войска съ 1 января 1825 по 1 января 1850 г. Сообщеніе П. П. Короленка.

А. М. Мельникова: Иногородніе въ Кубанской области.

Рядъ статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ и обработанныхъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ: 1) Статистическія данныя о пространствѣ, составѣ населенія, формахъ землевладѣнія, урожаѣ и др. въ поселеніяхъ, расположенныхъ въ районѣ, ограниченномъ среднимъ и нижнимъ теченіями р. Урупа и Бѣлой и Верхнимъ р. Кубани; вѣдомость о числѣ родившихся въ Кубанской области мужескаго пола войсковаго сословія съ 1879 по 1898 г. и числѣ умершихъ за тотъ же періодъ; 3) Свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ станичныхъ, хуторскихъ и сельскихъ обществъ Кубанской области за 1897 и 1898 гг.

Большую цѣнность настоящему тому придаетъ помѣщенный въ немъ второй отдѣлъ «Библіографическаго указателя литературы о Кубанской области, Кубанскомъ казачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи, составленный Е. Д. Фелицынымъ при участіи В. С. Шашрая. Второй отдѣлъ посвященъ географіи, этнографіи, статистикѣ, естествознанію и медицинѣ. Въ этомъ II отдѣлѣ перечислено 1168 названій статей, книгъ, брошюръ, картъ. Неудобство указателя состоитъ въ томъ, что статьи распредѣлены не по отдѣламъ, а по алфавиту авторовъ; поэтому за небольшой справкой, напримѣръ, по отдѣлу этнографическому, читатель вынужденъ внимательно пересмотрѣть весь указатель. — Первая часть труда г. Фелицына (археологія, нумизматика, исторія, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія) помѣщена въ V томѣ «Кубанскаго Сборника».

А. Лященко.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Въ отвѣтъ на вопросъ мой о происхожденіи румынско-литовскаго doina (см. Ж. Ст. 2. V. 1895. Отд. IV, стр. 119) получилъ я отъ студента Лѣсного Института Николая Дмитріевича Кожухарова изъ Кишинева слѣдующія свѣдѣнія:

1. Приблизительное объясненіе слова Doina.

Дойна—названіе румынской пѣсни, означающее сказаніе, вродѣ русскихъ балладъ (приблизительно). Дойна состоитъ изъ двухъ частей:

I) По мотиву и содержанію—очень грустная, такъ какъ пастухъ ищетъ пропавшую овцу.

II) По мотиву и содержанію словъ разгульно—веселая, такъ какъ этотъ же пастухъ нашелъ свою потерю—овцу.

Сообщилъ г. Кожухаровъ мнѣ 26 дек. 1898 г.

Э. Вольтеръ.

2) Эта дойна Румынская очень длинная, мелодія грустная. Существуетъ разсказъ о чортѣ и Румынѣ, который сумѣлъ безконечными повтореніями одной дойны надоѣсть чорту въ осеннюю пору непролазной грязи Бессарабской. Текстъ и подробности содержанія разсказчику неизвѣстны. (Сообщ. осенью 1899 года).

Желательно получить запись мелодіи, тексты дойны, равно какъ и другія извѣстія о дойнахъ въ Молдавіи и Румыніи.

Спб. 1900 г. 10 авг.

Э. Вольтеръ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Отрывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляменгскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Предлагаемые здѣсь образцы свадебныхъ причитаній представляютъ лишь одну незначительную часть всѣхъ многочисленныхъ причитаній или плачекъ, коими сопровождается крестьянская свадьба. Изъ нихъ мнѣ пришлось записать только слѣдующія.

При «сго́ворахъ» или при такъ-называемыхъ «пропивкахъ» невѣсты, когда сваты окончательно условятся съ родителями невѣсты о предстоящей свадьбѣ, невѣста, вызванная въ избу, гдѣ происходятъ «сго̀воры», уходитъ въ «кутьній» уголъ (противъ печки) и здѣсь причитаетъ съ подругами:

Я живу, молодешенька,
У схожа̀-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
Я была невольна вольница,
Невольная самовольница:
Не спросясь не ухо̀дила
Я схожа̀-красна солнышка,
Я родимаго тятеньки,
Не ухо̀дила дѣвица
Изъ высокаго терема.
Видно, осердился—гнѣвался
Схо̀жо—красное солнышко:
Полы я испрото̀птала,
Середы̀ [1]) испроно̀шала;
Я бѣло умывалася,
Хорошо наряжалася...
Сидѣла̀ я, тятенька,
У красна̀го окошечка,
Глѣдѣла̀ я, тятенька,
Сквозь стекло сквозь нѣмецкое»...
Какъ на то-то тятенька
Осердился—гнѣвался,
На меня молодешеньку...
Такъ запоручивай, тятенька,
Ты мою буйну голову
Въ три поруки великія,
Въ три поруки крѣпкія!
Ты сходи-ка, тятенька,
Къ кузнецамъ да во кузницу,
Къ хитрымъ, мудрымъ мастерамъ,
Скуй мнѣ-ка, тятенька,
Трои желѣза̀ нѣмецкія!
Что сковалъ мнѣ-ка тятенька
Трои желѣза̀ нѣмецкія:
Первыя̀ желѣза̀ сковалъ—
Онъ на поженьки рѣзвыя,
Другі̀я желѣза̀ сковалъ—
Онъ на рученьки бѣлыя,
Треті̀я желѣза̀ сковалъ—
На уста на сахарны̀я,—
Для-ради того сковалъ,
Чтобы съ людямъ не ѣлося,
Съ людя̀мъ не говорилося.
Какъ у меня, молодешеньки,
Болитъ сердечко злыдовское,
Болитъ сердечко несчастное:
Отдаетъ меня тятенька
На чужу-дальну сторону,
Сгубляѐтъ да погу̀бляетъ
Мою буйную голову!...

[1]) Собственно, по буквальному значенію, середина избы, но такъ какъ она приходится приблизительно около того мѣста, гдѣ при входѣ въ подполье помѣщается рукомойникъ, то отсюда и послѣдній получилъ названіе «середы».

Чужая сторона и богоданые отецъ съ матерью рисуются въ причетахъ «дѣвишника» такими красками.

«На чужой на сторонушкѣ
Тамъ добро да добро житье:
Тамъ полюшка чистыя,
Сахарамъ изнасѣяны,
Меда-меды поливаны,
Горюшкомъ изнасѣяны,
Слезамй да поливаны,
Вѣшаньемъ огорожены...
Мнѣ не гляда [1]) да кажется,
Что чужой-отъ отецъ, мати
Идутъ ко постеленькѣ,
Что и громко-то говорятъ,
Все и честно-то говорятъ;
Стелятъ постеленьку
Мнѣ мягкимъ мягкошеньку
Для меня молодешеньки.
Богоданая матушка
Идетъ ко постеленькѣ,
Она громко-то говоритъ:
«Ты вставай, мое дитятко,
Ты, дитя нерожоное,
Ты, дитя не сердечное!»

Въ банѣ, т. е. въ отдѣльной избѣ или въ другой комнатѣ, гдѣ для невѣсты и жениха приготовляется особенный столъ и особое отъ прочихъ гостей, бывающихъ на «дѣвишникѣ», угощеніе, невѣста проситъ своихъ подругъ:

Господаревы вы мои,
Вы любыя подруженьки!
Не сдавайте, голубушки,
Меня-красную дѣвицу—
Вы родимому тятенькѣ
На безчестье великое!
Сократите, голубушки,
Вы схожа-красна солнышка,
Родимаго-то тятеньку,
Состоялъ бы тятенька
Горою да высокою,
Стѣною бѣлокаменной.
Отдаетъ меня тятенька
На чужую сторонушку
Не за пѣнью [2]), не за винушку:
Была я, молодешенька,
Зродная да изродная,
На бесѣды веселыя
Не спросясь не уходила
Я схожа-красна солнышка,
Я родимаго тятиньки,
И бѣлыя лебедушки,
Я родимыя матушки.
Часъ [3]) потеряла я—дѣвица
Чес(т)ную дивью красоту
Во темныхъ во заулочкахъ;
Потеряла я—дѣвица
Чес(т)ный дивьи красоты,
Золотыя поталинки,
Бисерные грибочики.
Часъ у меня молодешеньки,
У меня, красны дѣвицы.
Это все да рѣшилося,
Это все повершилося.
Видно, съѣла—погубила
Я себя молодешеньку,
Я душу—красну дѣвицу,
Запоручную голову...

При извѣстіи о приближеніи поѣзда жениха къ дому невѣсты, послѣдняя причитаетъ.

Я учула—услышала,
Это я молодешенька,
Я душа—красна дѣвица:
Что не подломилися,
Что не покорилися,
Что не лѣсы темные,
Перелѣски зеленые...
Вьются, развиваются,
Да не къ намъ разстилаются,—
Ко высокому терему.
Что не синь да синѣется,
Не краса-то красѣется
И не чернь-то чернѣется:
Это синь-то синѣется
Да краса-то красѣется—
Такъ чужіе люди добрые;

---

[1]) Гляда равносильно: кажется.
[2]) Пеня.
[3]) Теперь, сейчасъ.

Это чернь-то чернѣется—
Такъ чужи люди вороги.
У схожа-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
На широкой на улочкѣ
У меня—молодешеньки,
У души красны дѣвицы,
Вышли голубушки
На широкую улицу.
На широкой на улицѣ
Чужіе люди добрые,
Добрые да гордые [1]),
Стукнулись, колонулися
У высокаго терема [2]).
Терема пошатилися,
Двери отворилися,
Чужи люди добрые
Въ терему появилися.
Тамъ у схожа-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
Отдаютъ молодешеньку
На чужую сторонушку,
Ко чужимъ да добрымъ людямъ,
Къ богоданому батюшку,
Къ богоданой матушкѣ...

Подруги, окружающія невѣсту, бранятъ свата и сватью—

Чтобы свату-то большому
На печѣ заблудитися,
На палатяхъ дверей искать,
Въ печурку [3]) с . . . ь ходить.
Три чирья [4]) въ бороду,
Четвертый подъ пяту,
Пятый подъ горлышко
Вмѣсто краснаго запонка.
Тысяцкой садитъ,
Ровно угольный пестерь;
Чужая сваха княжая
Она сопли развѣсила,
Вмѣсто поцѣпки серебряной,—
Зубы оскалила...

При дареньи родныхъ съ жениховой стороны невѣста говоритъ:

Вы примите-ка здарвице,
Почитайте за большое!
Не осудьте, не дивте:
Я не тонко выпряла,
Не чисто я выклала,
Не бѣло да выбѣлила,
Не красно да вышивала...

Въ «дѣвишникъ», когда приходятъ въ домъ родителей невѣсты жениха и гости съ его стороны, невѣста обращается къ нимъ со словами:

Хотя видъ-отъ не вижу [5]),
Я по голосу слышу:
Появились во теремѣ
Гости званые—жданые,
Гостеньки небывалые,—
Дорогой небывалой гость,
Мой родимой дядюшка
И родимая тетушка...
Не осудьте, не дивте: [6])
Я не вышла, не встрѣтила,
Не взяла во бѣлы руки,
Въ мѣсто я не посадила,
Челомъ я не ударила,
Низко я не поклонилась,
Ужъ я низко-то до полу,
До полу перебранаго
И до шелкова пояса,
О перстеньё злаченоё,
О руку да о правую:
Въ горюшкѣ не услышала,
Во слезахъ не увидѣла..

(Записано въ селѣ Ляменьгѣ, въ Августѣ 1898 г.).

Михаилъ Пшеницынъ.

Ноября 24, 1898 г.

---

[1]) Гордые.

[2]) Здѣсь указывается на обычай запирать предъ поѣзжанами двери дома родителей невѣсты.

[3]) Печурка—углубленіе въ лицевой части печи. Сюда кладутъ спички, сырыя рукавицы для просушки и т. п.

[4]) Вередъ.

[5]) Она сидитъ въ это время въ «кутѣ», завѣшанная большимъ платкомъ.

[6]) Не удивляйтесь, что «не вышла, не встрѣтила»..., потому что—«въ горюшкѣ не услышала, во слезахъ не увидѣла».

Изъ старыхъ журналовъ.

Въ журналахъ прошлаго вѣка попадаются, хотя и рѣдко, интересные этногра-ическіе матеріалы. Особенно богаты этими матеріалами «Новыя Ежемѣсячныя Сочине-ія», издававшіяся при Академіи Наукъ. Первыми нашими этнографами были большею астью чиновники; одновременно и особенно позднѣе выступали любители; наконецъ, тнографическія изученія получили болѣе серьезное научное направленіе. Одна изъ пер-ыхъ программъ для собиранія свѣдѣній объ обитателяхъ нашего отечества была со-авлена въ 1785 г. и касалась быта самоѣдовъ. Отвѣтомъ на нее явился рядъ ста-й въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1786 («Вопросы и отвѣты о вѣрѣ са-ѣдской», «О состояніи земли, обитаемой самоѣдами», «О правахъ самоѣдовъ», «О хо-йствѣ», «О россійскихъ селеніяхъ въ Самоѣдской землѣ»). Эти статьи плодъ тру-въ чиновниковъ, сдѣлавшихся этнографами по приказанію начальства. «Съ сими во-росами—читаемъ въ редакціонной замѣткѣ съ первой статьи—посланы были въ 1785 г. ъ города Архангельскаго въ Самоѣдскую землю ассесоръ Андрей Тряпицынъ и реги-раторъ Степанъ Зуевъ, которые отбирали отъ малоземельныхъ самоѣдовъ прилагаемые дѣсь отвѣты, сообщенныя намъ отъ г. Крестинина, здѣшней Императорской Академіи аукъ корреспондента, засѣдателя Совѣстнаго суда въ городѣ Архангельскомъ». Въ об-емъ, отвѣты даны довольно толковые и обстоятельные.

Придавая значеніе первымъ матеріаламъ для изученія Россіи, мы рѣшаемся пред-жить читателямъ «Живой Старины» извлеченіе или перепечатку нѣкоторыхъ изъ нихъ, хранившихъ извѣстную научную цѣнность доселѣ. На первый разъ помѣщаемъ:) Древнія россійскія простонародныя загадки, напечатанныя въ «Парнасскомъ Ще-тильникѣ» 1770 г. 2) небольшой Двинскій словарикъ, составленный извѣстнымъ въ ое время любителемъ мѣстной старины и быта архангельскимъ купцомъ Александромъ вановичемъ Ѳоминымъ (1713—1802). Словарикъ перепечатывается вполнѣ. Нѣкото-ыя неправильныя объясненія, въ немъ встрѣчающіяся, видны съ перваго раза.

А. Лященко.

I.

Древнія русскія простонародныя загадки.

1. Два царя въ золотыхъ вѣнцахъ, люди имъ покланяются, а они людямъ по-ряются.
2. Летитъ птица орелъ, несетъ въ носу огонь, по конецъ хвоста человѣчья смерть
3. Велико поле Романаво; много скота рогатаго, а одинъ пастухъ Полуяшечко.
4. Породила меня каменна гора, принимала меня огненна рѣка, кости мои рас-дущи и въ гробъ не кладущи.
5. Лежитъ лось протеня носъ, а какъ встанетъ, такъ до неба достанетъ.
6. Родится отъ воды, ростетъ отъ огня, и отъ воды умираетъ.
7. Богъ не видитъ, цари видятъ рѣдко, а мы завсегда.
8. Боярыня княгиня весь миръ нарядила, а сама нагая ходитъ.
9. Кругленько, маленько, всему миру миленько.
10. Летаетъ птица долгоносая, носитъ платье рудожолтое, а кто ее убьетъ, тотъ вь свою прольетъ.
11. Выше лѣсу, ниже травы, съ лѣсомъ ровно, а не видно ево.
12. Мать толста, дочь красна, сынъ хороберъ подъ небесы пошелъ.
13. Тоненько, маленько, по всему миру скачетъ, весь миръ наряжаетъ.

14. По утру на четырехъ, въ полдень на двухъ, а въ вечеру на трехъ.
15. Черненько, маленько, въ палату вскочило, царя разбудило.

(«Парнасскій Щепитильникъ» 1770, май стр. 46—43).

II.

Роспись словъ и рѣченій, изъ остатковъ древняго россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ.

Бажоный, бажоный то же значило, что милiонный. Ибо божить и молить глаголы дѣйствительнаго залога неопредѣленнаго наклоненія прежде одно имѣли знаменованіе; то есть умаливать Бога. Нынѣ первый глаголъ въ страдательномъ залогѣ принимается въ разумѣ клясться. Божоный и милiонный означали прежде вымоленнаго отъ Бога; примѣръ: нѣжная мать, лелѣя свою дочку, говоритъ: милая ты моя, божоная моя.

Говѣть: принималось въ испорченномъ смыслѣ, поститься. Оттуда произошло говѣнье—постъ; заговѣнье—послѣдній предъ постомъ день; разговѣнье—первый послѣ поста день. Прямой древній смыслъ сего глагола быть почтительну. Оттуда говѣйнъ или говѣйный,—почтительный, учтивый; благоговѣть, высокопочитать, набожность наблюдать.

Ино: да, такъ; примѣръ: ино божоный—такъ, сударь.

Истый: подобный, точный. Примѣръ: истый во отца: точно подобенъ отцу.

Конъ: рядъ, порядокъ, загражденіе, связь, мѣсто неперемѣняемое, постоянное. Конъ, по ребяческому умоначертанію, въ играхъ ихъ означалъ: 1) мѣсто, гдѣ обыкновенно собирались они играть говяжьими медыгами или бабками, 2) Конъ означалъ рядъ бабокъ, поставленныхъ въ прямую линію гнѣздами или четами, составляющій равночленную цѣпь. Сіи гнѣзда выбивали они таковыми-жъ бабками или каменными плятками, бросая оныя изъ дали въ поперешникъ сея ладѣжныя линіи, изъ коей коль скоро выбьютъ одно, два или болѣе гнѣздъ, то сей проломъ застанавливали взятыми съ концовъ кона гнѣздами.

Прилѣжнѣйшіе охотники, собирающіеся завсегда для игры на сіе коновое мѣсто или конъ, назывались коновыми:

Изъ сего имени проистекли и въ употребленіи были слѣдующія реченія:

Нàконъ: разъ. Прим.: Я уже два накона былъ (sic).

Пòконъ: обыкновеніе всегдашнее, оброкъ, или зборъ обыкновенный, прим.: у нихъ уже тотъ поконъ, т. е. таковый обычай. Поконъ вирный: зборъ, оброкъ веревочный, на веревочную землянную мѣру, располагаемый.

Кòнаться, поконаться: настоять въ прозбѣ, повторить прозбу. Прим.: поконайся братъ хорошенько, т. е. подокучь, попроси братъ прилежнѣе.

Одноконно, неотмѣнно. Прим.: онъ мнѣ еще лòни конался, что бы я одноконно къ нему приворотилъ, т. е. онъ минувшаго еще годъ меня убѣждалъ, чтобъ я къ нему неотмѣнно заѣхалъ, или зашелъ.

Изконный: изъ вѣковъ бывшій.

Законъ: правило, порядокъ, учрежденіе. Имя сіе введено въ нашъ языкъ, кажется, послѣ временъ Владимировыхъ и Ярославовыхъ, которые законодательства свои называли правдою, наприм.: правда Русская, правда Ярославля. Мы не имѣемъ начальныхъ библейныхъ русскихъ переводовъ, которые были писменные; а первонапечатанная Острогожская (sic) содержитъ уже второзаконіе и пр.; но она напечатана въ концѣ шестнатцаго столѣтія.

Конецъ: край кона.

Крòшни: сума берестяная, носимая крестьянами за плечами, для поклажи лѣсныхъ пріобрѣтеній. Прим.: доторговался изъ корабля въ крошни.

Лони: минувшаго послѣдняго года. Сіе нарѣчіе въ польскомъ языкѣ въ томъ же смыслѣ употребляется.

Миляшъ: любовникъ, украдкою любимый.

Наводи̂ть: въ дѣтскихъ играхъ очередь, или службу отправлять.

Наво̂локъ; между окружающею рѣкою высунувшійся мысъ, чрезъ который переходъ въ прямую линію называется наволокъ.

Опричный: опредѣленный, приставленный къ какому-либо дѣлу.

Опру̂жить: опрокинуть, вывалить.

Повѣ̂ть: большія надъ скотскимъ дворомъ сѣни, въ кои кладется сѣно.

Пора̂: время, сила, мощь, могущество.

Пора̂то: очень сильно.

По̂ренъ: силенъ, усилокъ.

Поро̂зно: праздно, прим.: порозной карманъ.

Па̂дѣра: мокрый снѣгъ.

Патрать: непорядочно, худо писать, марать.

Паха̂ть: вести вѣникомъ или метлою.

Прилупъ: вогнувшаяся кривизна рѣчнаго берега, которому противной называется мысъ, или наволокъ.

Ра̂да: лѣсистое, мокрое мѣсто.

Ро̂вдуга: на замшаной видъ выдѣланная кожа.

Ро̂зно: дировато.

Ры̂нутыя. Броситься вдругъ. Оттуда риновеніе, такъ-же ребячьи спросы: рынь или не рынь, т. е. бѣжать или нѣтъ.

Споже̂: сокращенное имя звательнаго падежа, госпоже!

Ту̂ясъ: берестяной, изъ береста сдѣланный цилиндрическій сосудъ, съ деревяннымъ дномъ и крышкою; буракъ.

Тока̂: ежели, буде.

Торчи̂ло: выдавшееся что-нибудь изъ широкаго узкое и острое, на прим.: у галеры носъ, кареты дышло.

Ша̂лга! глубокій, отдаленный отъ селенія лѣсъ.

Купецъ Архангелогородскій *А. Ѳоминъ*.

(«Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», 1787 г. XI, май, стр. 83—84).

„ЖИВАЯ СТАРИНА"

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

и въ десятомъ году своего существованія будетъ выходить 4-мя выпусками, по 8—10 листовъ выпускъ. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ 5 р. съ доставкою, въ Имперіи—5 р. 50 к. за границу—6 р.

Книжки „Живой Старины" съ 1891 по 96 г. включительно продаются въ Географическомъ Обществѣ по пониженной цѣнѣ: за годъ—3 р. въ Петербургѣ, 3 р. 50 к. въ Имперіи и 4 р. за границу.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

Годъ десятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Оглавленіе.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе 40 выпусковъ «Живой Старины» за десять лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ VI.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Стр

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ОПЕЧАТКИ:

Къ ст. К. А. Иностранцева о Гуннахъ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
528	33	могли быть	не могли быть
530	5	рушивщееся	рушившееся
531	20	о Гуннахъ	о Тюркахъ
544	11	сыну неба.	сыну неба».
549	39	Sprachengeschlechte	Sprachengeschlecht
553	32	къ слѣдующимъ	къ слѣдующему

Къ статьѣ В. Мошкова: «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ».

(«Живая Старина» вып. III и IV, 1900 г.).

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
304	7 сверху	Pareka	Рачека
—	17 »	Упоминаетъ	Упоминается
307	14 снизу	чах	гах
308	19 сверху	коня. «Ачжинай»	коня «Ачжинай»
318	4 »	палтомпут	палтем пут
319	6 »	выдутъ	выдуть
—	13 снизу	минимума,	максимума,
321	18 »	Gurmet	Guimet
323	19 сверху	бурѣ	бӱрѣ
324	5 снизу	Pnuchama	Puuchama
325	19 сверху	Минкольнширѣ	Линкольнширѣ
333	2 »	Кумирнеъ	Кумиренъ
335	12 »	Такъ называются дунчи	Такъ напримѣръ ламы, трубящіе въ раковину называются дунчи
—	1 »	когда одною трубою затрубятъ поднимутся	когда одною трубою затрубятъ, соберутся князья и тысяченачальники Израилевы: когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ востоку; когда во второй разъ затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ югу; когда затрубите въ третій разъ тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ морю, когда въ четвертый разъ затрубите тревогу поднимутся
342	5 »	привости	привести
351	16 »	vánocky	vánočky
—	10 снизу	тамъ	ламъ
453	19 »	Phounda	Phounga
455	8 »	прыгали стучали ногами	прыгали, стучали ногами
456	3 сверху	колдовство мы находимъ	колдовство, мы находимъ
—	13 »	по близости находится кто нибудь	по близости кто-нибудь
459	8 снизу	дли	для
—	4 »	примѣненіемъ почти	примѣненіемъ трубы почти
—	3 »	пользованіе трубою	пользованіе ею
460	6 сверху	ужасъ въ особенности	ужасъ, въ особенности
465	» »	самы	самый
460	» »	пословица.	пословица:
460	» »	Дадинскомъ	Радинскомъ
467	18 »	а въ случаѣ	въ случаѣ
467	» »	въ случаѣ непослушанія	въ случаѣ же непослушанія
—	22 »	клубка,	лубка,
—	3 снизу	здѣшіе	здѣшніе
468	5 сверху	Владавскомъ	Влодавскомъ
469	4 »	Хоромановскій	Хороманьскій
—	6 »	Заборахъ	Замборахъ
471	8 снизу	Градиска	Гродиска.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
471	6 снизу	«Светэго Яна».	«Свентэго Яна».
—	5 »	Гарвелина.	Гарволина,
—	4 »	Вуковскомъ	Луковскомъ
472	2 сверху	Сокалова,	Соколова,
473	8 снизу	Ziemienika	Ziemienika
476	8 сверху	въ колдовствѣ считается	въ колдовствѣ, считается
480	12 снизу	въ мѣстѣ	вмѣстѣ
—	8 »	габая	габаа
481	1 сверху	8)	3)
482	20 »	онъ	отъ
483	» »	Алоніями	Адоніями
—	» »	свищеннаго	священнаго
484	» »	вамъ	намъ
485	10 »	духовные	духовые
—	10 »	вредѣ	вродѣ
487	2 »	Родинскаго	Радинскаго
488	6 »	ототнать	отогнать
—	18 снизу	Талтшинцы	Тальшинцы
—	17 »	Шемаханскаго	Шемахинскаго
—	11 »	Африкѣ	Америкѣ
—	2 »	которые не были бы	которые были бы
489	13 »	мудштукомъ	мундштукомъ
480	» »	Sine	Sinc
490	8 »	busaune,	posaune,
491	7 »	спектики	скептики
496	20 сверху	4 платки	4) платки
497	16 »	«Менахотъ» 44)	«Менахотъ» (44
—	17 »	«алузэнъ».	«халузэнъ».
497a	15 »	Шиминна).	Шуминна).
—	19 »	Каннежуровской	Камнежуровской
—	11 снизу	Радиканскомъ	Радинскомъ
—	19 »	н	и
498a	16 »	канатами	кантами
499	4 сверху	болѣ,	болѣе,
—	10 »	какъ кажется, что мы	какъ кажется, мы
—	8 снизу	полосатымя	полосатыми
—	1 »	Веляки,	Вельки,
501	11 сверху	тебетцахъ	тибетцахъ
502	7 »	множно	можно
513	4 »	мати	Мати,
—	6 »	свѣтъ истинный	Свѣтъ истинный,
514	6 »	я проговорю	и проговорю
—	7 снизу	мѣдные	мѣдныя
516	1-я графа, 4 снизу	Весь	Весь,
—	1-я графа, 2 »	Бендажэ	Беднажэ
517	1-я графа, 10 »	ки	ки,
518	1-я графа, 2 свер.	Бокинка,	Бокинка
—	1-я графа, 3 »	Панская, докудовъ.	панская, Докудовъ,
—	2-я графа, 5 снизу	Камижуровская	Камнежуровская
—	3-я графа, 12 свер.	ДуМица	Дубица.
519	1-я графа, 8 снизу	Олизоровъ	Олизаровъ
—	2-я графа, 8 свер.	коростичи.	Коростичи.
—	2-я графа, 19 »	зановинъ,	Зановинъ, [1])

---

[1]) Въ слѣдствіе лѣтняго пребыванія редактора за границею, оплошности его замѣстителя и поспѣшности типографіи въ III вып. и въ началѣ IV вып. Ж. Ст. вкралось мно[illegible] опечатокъ, особенно въ ст. В. А. Мошкова. На бѣду къ пріѣзду редактора въ Петербур[illegible] статья В. А. Мошкова уже была отпечатана и оригиналъ ея былъ уничтоженъ. Пришло[illegible] безпокоить живущаго въ Варшавѣ автора просьбою о возстановленіи значительныхъ пропусковъ (см. стр. 72 и пр.) и исправленіи разныхъ ошибокъ. Доброе намѣренье замѣстите[illegible] помочь Живой Старинѣ выходить безъ запозданія къ сожалѣнью привело лишь къ тому, ч[illegible] запоздали выходомъ въ свѣтъ и IV вып. 1900 г. и I вып. 1901 г. Благодаря за благія же[illegible]нія и услуги, Ред. Ж. Ст. проситъ извиненія у подписчиковъ въ запозданіи книжекъ, [illegible] прибавляетъ, что это изданіе, не посвященное ни политикѣ, ни модамъ, отъ поспѣшности [illegible] своевременности выхода, ничего не выигрываетъ. Имѣя на рукахъ и другія дѣла, редактор[illegible] прежде всего заботится о внутреннемъ содержаніи книжекъ и ихъ исправности.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(Окончаніе).

Трубы при рожденіи ребенка.

По вѣрованью, чрезвычайно широко распространенному въ старомъ свѣтѣ, человѣку съ перваго же дня его жизни грозитъ серьезная опасность со стороны нечистой силы. Средства, которыми въ это время стараются устранить отъ роженицы и новорожденнаго опасность, отгоняя нечистую силу, повторяются повсюду почти тѣже самыя, которыя употребительны при періодическомъ изгнаніи бѣсовъ, т. е. бьютъ палкой или кнутомъ по стѣнамъ дома, кладутъ подъ голову роженицѣ оружіе, употребляютъ сильно пахучія растенія, вродѣ чеснока, стрѣляютъ изъ ружей, жгутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней неугасаемый огонь, ставятъ около роженицы воду, обводятъ ее очарованнымъ кругомъ и т. под. Но случаи, когда при родахъ обращаются къ помощи трубы, повидимому, очень рѣдки. Намъ удалось найти въ этнографической литературѣ только одинъ такой случай у кавказскихъ евреевъ въ С. Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елизаветпольской губ. Но и тамъ къ трубленію въ рогъ и стрѣльбѣ изъ ружей прибѣгаютъ не при каждомъ рожденіи, а только въ случаѣ трудныхъ родовъ (178).

Труба на свадьбахъ.

Вѣрованье, что на свадьбѣ надо ожидать вредъ для новобрачныхъ со стороны нечистой силы, также весьма широко распространено по земному шару и опасность въ этомъ случаѣ опять-таки устраняется тѣми же излюбленными средствами: заставляютъ свадебный поѣздъ переѣзжать черезъ огонь, разливаютъ передъ нимъ воду, кричатъ, шумятъ, поютъ, сопровождаютъ свадьбу музыкой и стрѣльбой, ходятъ съ обнаженнымъ оружіемъ, съ бичами или кнутами, устраиваютъ пляски, бѣга или скачки на лошадяхъ, причемъ

обходятъ или объѣзжаютъ вокругъ молодыхъ съ разными священными предметами или же заставляютъ ихъ самихъ обходить вокругъ чего либо, считающагося священнымъ и т. д.

Объ участіи музыки на свадьбахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, но на свадьбахъ современныхъ евреевъ оркестръ, а въ особенности духовой, такая необходимая принадлежность, что безъ него не обойдется ни одинъ самый бѣдный еврей и, насколько намъ приходилось наблюдать, собирая матерьялы объ еврейской свадьбѣ въ г. Варшавѣ и въ мѣстечкахъ Волынской губерніи, еврейскій свадебный оркестръ никогда не обходится безъ какой-либо трубы; по общественнымъ понятіямъ, такой оркестръ непремѣнно долженъ быть громокъ и оглушителенъ.

Въ книгѣ г. Расинэ (Costume historique) приведена копія съ оригинальнаго индійскаго рисунка, относящагося къ началу текущаго столѣтія, на которомъ изображена свадебная процессія. Во главѣ этой процессіи идутъ трубачи, играющіе на своихъ инструментахъ. Кромѣ того въ Бременскомъ музеѣ есть огромная модель базара въ Остъ-Индскомъ городѣ Агра, гдѣ изображены различныя уличныя сцены и, между прочимъ, индійская свадебная процессія, впереди которой идутъ трубачи съ ихъ инструментами у рта.

У Абисинцевъ во главѣ свадебной процессіи шествуютъ музыканты съ трубами, флейтами и бубнами (179).

У хорватъ въ Муракёзѣ (въ Венгріи), когда свадебная процессія направляется въ церковь, то впереди ея выступаютъ два музыканта, играющіе на трубѣ и на гармоникѣ (180).

У русскаго народа въ старину свадьбы также сопровождались трубами, по крайней мѣрѣ у богатыхъ людей, что видно изъ великороссійской пословицы: „съ трубами—свадьба и безъ трубъ—свадьба", приводимой у Даля (181).

У жителей г. Борну (въ Суданѣ), по разсказу извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Эдуарда Фогеля, въ день свадьбы женихъ совершаетъ торжественное шествіе черезъ весь городъ, а затѣмъ усаживается на возвышенномъ сѣдалищѣ передъ своимъ домомъ, причемъ публика тѣснится около него, барабанитъ, дудитъ въ рога и кричитъ: „вѣчно вамъ жить. Аллахъ благослови васъ. Дожить бы вамъ до сѣдыхъ волосъ" (182).

Труба на похоронахъ.

По вѣрованью Китайцевъ, есть злые духи Фунгъ-шуэ, которые бродятъ вокругъ гроба и мучатъ покойника во время похоронъ, а потому обрядъ этотъ сопровождается у нихъ куреніемъ пахучихъ травъ, а также игрой

на трубахъ и другихъ духовыхъ и ударныхъ инструментахъ, наполняющихъ воздухъ оглушительнымъ шумомъ. Думаютъ, что такими пріемами можно отогнать отъ покойника злыхъ духовъ (183). Повидимому, вѣрованье китайцевъ принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ у иныхъ народовъ практикуются на похоронахъ тѣже и многіе другіе пріемы, употребляемые при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ", какъ то: огни, которые жгутъ вокругъ покойника, вода, которая ставится возлѣ умирающаго и та, которой его обмываютъ, музыка, сопровождающая похороны, стрѣльба изъ ружей и пушекъ, куреніе душистыми травами, конскія скачки и т. д. Къ числу этихъ пріемовъ у многихъ народовъ земного шара принадлежитъ, также, какъ у Китайцевъ, и игра на трубахъ.

Объ участіи трубы въ похоронахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но у современныхъ этотъ обычай еще кое-гдѣ сохранился. Такъ у кавказскихъ евреевъ села Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ., если умираетъ очень почетный и уважаемый человѣкъ, то его несутъ во дворъ синагоги, читаютъ тамъ молитвы и играютъ въ рожокъ (шуфаръ), а затѣмъ уже несутъ на кладбище (184).

На рисункѣ, приводимомъ у Расинэ, взятомъ изъ Пондишери, можно видѣть похороны брамина на югѣ Остъ-Индіи, также сопровождаемыя трубачами. Въ объясненіи къ рисунку сказано, что два человѣка обыкновенно играютъ на длинныхъ мѣдныхъ прямыхъ трубахъ (Phounda или Tare) съ акомпаниментомъ другихъ, болѣе короткихъ трубъ.

У буддистовъ, въ Монголіи, звуками музыкальныхъ инструментовъ, съ преобладаніемъ трубъ, также сопровождаются похороны, но только не простыхъ смертныхъ, а князей (185).

Обычай хоронить покойника съ трубными звуками практиковался также у древнихъ обитателей Таврическаго полуострова. Въ катакомбѣ, отрытой въ Керчи въ 1841 году, фрески изображаютъ похоронную процессію, во главѣ которой выступаютъ трубачи съ длинными прямыми трубами (186).

У древнихъ Римлянъ при похоронахъ во главѣ процессіи шли музыканты (tibicines), число которыхъ по закону было ограничено десятью, съ трубами, кларнетами и рожками (tubae, tibiae, cornua). Отсюда произошло латинское выраженіе „ad tubicines mittere", что значитъ въ переносномъ смыслѣ „приготовлять къ смерти" (187).

Въ настоящее время, во всей западной Европѣ съ духовымъ оркестромъ, состоящимъ изъ трубъ, хоронятъ лицъ военнаго сословія и особъ, пользующихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, но кое-гдѣ похороны съ трубами сохранились и въ низшемъ классѣ, какъ напримѣръ: у Итальянцевъ (188), у баварскихъ нѣмцевъ (189) и у гуцуловъ (въ Галиціи). У этихъ

послѣднихъ кромѣ того, что провожаютъ умершаго съ трубнымъ звукомъ до самаго кладбища, передъ опусканіемъ гроба въ могилу, приподнимаютъ крышку его и трижды трубятъ надъ головой покойника (190).

Подобный этому обычай существуетъ и въ Полинезіи на островахъ Тонга. Тамъ при похоронахъ Туи-Тонга (короля островъ), когда покойникъ уже зарытъ въ землю, два воина трубятъ надъ его могилой въ военныя трубы-раковины (191).

Обычай трубить надъ могилой покойника былъ въ старину также и у Литовцевъ (191).

Сюда же нужно отнести употребленіе трубы на такъ называемомъ „праздникѣ мертвыхъ", т. е. на годовыхъ общественныхъ поминкахъ покойника. Такой обычай существуетъ до настоящаго времени въ Остъ-Индіи (193). Кромѣ того рогъ употребляется у африканскаго народа Латуковъ (въ верховьяхъ Нила) при плясках, совершаемыхъ въ честь каждаго покойника (194). Наконецъ, извѣстный обычай Остъ-Индіи сожиганіе вдовъ, который близокъ по своему смыслу къ похоронамъ, также сопровождался трубами (195).

Трубнымъ звукомъ встрѣчаютъ восходъ солнца и провожаютъ солнце при закатѣ.

Такой обычай есть у русскихъ горцевъ, гуцуловъ, въ Галиціи и соблюдается лѣтомъ на полонинахъ (на пастбищахъ). Пастухи ежедневно встаютъ передъ зарей, а когда солнце покажется на горизонтѣ, то читаютъ молитву, оборотясь лицомъ къ востоку и 3 раза трубятъ въ трубу. Исполнивши обрядъ, они снова ложатся спать.

Очень близко къ этому обычаю стоитъ вѣрованье албанцевъ, которые думаютъ, что ночью на трубѣ играть грѣшно, такъ какъ это значитъ только тѣшить черта, который подъ звуки трубы танцуетъ (196).

Нѣчто подобное было у древнихъ Персовъ, а именно трубою изъ палатки царя подавался сигналъ къ выступленію и къ битвѣ, но, вслѣдствіе религіознаго вѣрованья, такой сигналъ не могъ быть поданъ передъ восходомъ солнца (197). Въ современной Персіи также соблюдается до настоящаго времени древній обычай звуками трубы и барабана ежедневно оповѣщать народъ о восходѣ и заходѣ солнца. Исполняется этотъ обычай тремя музыкантами на самой возвышенной террасѣ дворца (198).

Профессоръ Варшавскаго Университета Ѳ. И. Езбера, родомъ чехъ, разсказывалъ намъ, что въ старину, за его память, лѣтъ 40 тому назадъ во

многихъ городахъ Чехіи придерживались обычая, чтобы ночные сторожа, влѣзая на башни, ежедневно въ 11 часовъ вечера играли на трубѣ, давая тѣмъ знать жителямъ города о наступленіи времени для сна. Въ настоящее время этотъ обычай уже совершенно исчезъ.

Въ древнемъ Римѣ ночные сторожа (vigiliae) и слуги при римскихъ магистратахъ трубными звуками оповѣщали народъ о каждомъ часѣ дня и ночи (199).

Хотя въ приводимыхъ нами примѣрахъ трубные сигналы имѣютъ скорѣе практическое, чѣмъ религіозное значеніе, но, судя по тому, что съ трубленіемъ при восходѣ солнца кое-гдѣ соединены и вѣрованья, можно думать, что разсматриваемый нами обычай въ древніе времена имѣлъ какое-то религіозное основаніе, которое съ теченіемъ времени было забыто.

Труба при лунныхъ затменіяхъ.

Вѣрованье, что солнце и луну во время ихъ затменія поглощаютъ, сосутъ или ѣдятъ демоны, змѣи, драконы или другія миѳическія чудовища, распространено во всѣхъ частяхъ свѣта, а вмѣстѣ съ нимъ распространенъ и способъ прогонять этихъ чудовищъ различнаго рода шумами. Изъ обычаевъ, основанныхъ на такомъ вѣрованіи, мы приведемъ только одинъ, въ которомъ участвуетъ труба.

Англійскіе путешественники, братья Ляндеръ, во время своего пребыванія въ Африкѣ на берегахъ Нигера, въ гор. Бусса, были свидѣтелями луннаго затменія. Описывая ужасъ, который вызываетъ это явленіе среди дикарей, они передаютъ слѣдующее: „Дикари собрались на огромной площади города, забравъ съ собою все необходимое для воспроизведенія звука, шума и треска. Взрослые образовали большой тройной кругъ, бѣгали то туда, то сюда со скоростью волчка, съ криками, воемъ и стонами, издававшимися изо всей силы африканскихъ легкихъ, бросались во всѣ стороны, какъ бѣшеные, изгибались корпусомъ и крутили руками и ногами, производя тысячи судорожныхъ движеній, скакали, прыгали стучали ногами объ землю и поднимали руки къ небу. Внѣ круга бѣгали въ полномъ отчаяніи маленькія дѣти, ударяя другъ о друга пустыми тыквами и горько плача. Группы мужчинъ дули до полнаго изнеможенія въ огромныя трубы, другіе въ воловьи рога съ хриплыми нестройными звуками, иные со страшными усиліями били въ старые надтреснутые барабаны, тогда какъ отъ желѣзныхъ прутьевъ и цѣпей, сталкивающихся между собою, неслись ноты самыя зловѣщія въ этомъ дьявольскомъ концертѣ“ (200).

Труба отвращаетъ чары.

Вѣрованье, что труба можетъ отогнать отъ человѣка направленное на него колдовство мы находимъ не только въ Старомъ Свѣтѣ, есть оно и въ Новомъ, но только нѣсколько въ иномъ видѣ.

На Ново-Гебридскихъ островахъ (въ Полинезіи), какъ извѣстно, существуютъ шаманы, почти такіе же, какъ, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Шаманы эти, по вѣрованію туземцевъ, если пожелаютъ, могутъ вызвать болѣзнь или смерть человѣка, раздобывши отъ него нагакъ. Нагакомъ называются здѣсь брошенные кѣмъ-нибудь остатки пищи, которые бросать отнюдь не слѣдуетъ, а нужно тайно сжечь или закопать. Если какой-нибудь полинезійскій шаманъ найдетъ чьи-нибудь остатки пищи, то онъ завертываетъ ихъ въ древесную кору, а когда наступитъ ночь, то садится при огнѣ и понемногу сжигаетъ нагакъ. Если по близости находится кто-нибудь боленъ, то онъ проситъ кого-либо изъ своихъ домашнихъ заиграть на трубѣ-раковинѣ для того, чтобы шаманъ оставилъ свое вредное дѣло. На утро шаману приносятъ выкупъ за возвращеніе „нагака“. Такой же обычай лишь съ малыми измѣненіями существуетъ кромѣ того на Маркизовыхъ островахъ и на островахъ Фижди (201).

Труба излечиваетъ болѣзни.

Особенно любопытно соединенное съ трубою вѣрованіе Семиградскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Образованіе гнойнаго нарыва они приписываютъ тому, что злой духъ, по имени Омъ (Ohm), входитъ въ человѣческое тѣло. Противъ него употребляютъ слѣдующее оригинальное средство: держатъ надъ нарывомъ трубу и просятъ кого-нибудь на ней поиграть. Во время этой игры больной долженъ приговаривать: „Heilige Blazius (отъ слова blazen- дуть, трубить), du frommer Knecht, thu mir recht, erhör' mein Gebet, treib' in den Wald meinen Ohm“ (т. е. Святой Блязіусъ, ты благочестивый слуга, окажи мнѣ справедливость, исполни мою молитву, выгони въ лѣсъ моего Ома). При этомъ наблюдается, чтобы надъ больнымъ мужчиной трубила женщина и наоборотъ. Послѣ произнесенія наговора приглашенная особа (а отнюдь не самъ больной) должна выдуть на трубѣ еще нѣсколько звуковъ, обращая раструбъ инструмента въ сторону лѣса (202).

У монгольскихъ буддистовъ, по разсказу французскихъ миссіонеровъ Гюка и Габэ, вѣрятъ, что причиною болѣзни всегда бываетъ Чутгуръ, т. е. бѣсъ, а потому леченіе больного заключается въ изгнаніи этого бѣса. Вышеупомянутые миссіонеры были свидѣтелями излеченія одной жен-

щины отъ лихорадки; по ихъ описанію, въ шатеръ, гдѣ была больная, собралось не менѣе восьми ламъ съ цимбалами, морскими раковинами, барабанами и колокольчиками. Изъ сушеныхъ кореньевъ они сдѣлали большую куклу, которую назвали „бѣсомъ лихорадки“ и больную посадили противъ этой куклы. Передъ докторомъ-ламой стоялъ большой мѣдный тазъ; въ немъ было пшено и разныя фигуры изъ тѣста. По извѣстному знаку раздалась музыка, которая могла бы перепугать самаго неустрашимаго и упорнаго чорта. Когда музыка прекратилась, лама открылъ книгу заклинаній и сталъ пѣть томнымъ, унылымъ голосомъ и при этомъ выбиралъ изъ таза по нѣскольку пшенныхъ зернушковъ и бросалъ ихъ кругомъ. Кончивъ заклинанія, лама подалъ знакъ остальнымъ своимъ товарищамъ, чтобы они начали „свою страшную музыку“. Монголы быстро вскочили, бѣгали другъ за другомъ вокругъ шатра и такъ при этомъ кричали, что у слушающаго „волосы могли бы стать дыбомъ на головѣ“. Сдѣлавши такимъ образомъ три тура вокругъ шатра, который они обсыпали палочными ударами, они опять вошли внутрь и сѣли на прежнія мѣста. Затѣмъ кукла была сожжена и всѣ присутствовавшіе процессіей вышли изъ шатра, неся въ рукахъ горящія головни. Шествіе открывали лица недуховныя, за ними больная, и въ концѣ ламы, снова затянувшіе свою „адскую музыку“. Этимъ былъ законченъ обрядъ леченія (203).

Труба сопровождаетъ главнѣйшія занятія человѣка: скотоводство и земледѣліе.

Свѣдѣнія объ употребленіи трубы у пастуховъ мы имѣемъ только изъ Европы. Обычай этотъ несомнѣнно принадлежитъ къ глубокой древности, но намъ удалось найти самое раннее свидѣтельство о немъ только въ исторіи древняго Рима. Тамъ мѣдная труба buccina, подражавшая своей формой морской раковинѣ, употреблялась пастухами для собиранія скота и для вызыванія его изъ лѣсу (204).

Въ настоящее время пастухи вооружены трубами въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Европы: во Франціи (205), въ Швейцаріи, въ Швеціи и Норвегіи (207), въ Венгріи (208), у Чеховъ (209), у Гуцуловъ (въ Галиціи) (210), у Литовцевъ и Латышей, у Поляковъ въ губерніяхъ: Ломжинской, Сувалкской, Плоцкой и Сѣдлецкой, у малороссовъ въ губ. Сѣдлецкой и Гродненской, у Бѣлоруссовъ и Полѣшуковъ въ губ. Минской, Виленской, Витебской, Могилевской, Смоленской и Черниговской, у Великороссовъ въ губ. Псковской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Тверской, Костромской, Московской, Орловской и Владимірской.

Употребленіе трубы пастухами въ большей части Европы въ настоящее время почти утратило свой смыслъ вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ и дикихъ звѣрей, но на сѣверѣ ея, въ Швеціи и въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, и лѣсовъ и дикихъ звѣрей еще очень много, а потому тамъ трубы служатъ кромѣ созыванія скота еще и для отпугиванія звѣрей. У Шведовъ, какъ мы уже видѣли, до сихъ поръ сохранился праздникъ пастуховъ, справляющійся при первомъ выгонѣ скота въ поле. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ день этотъ празднуется почти также, какъ въ Швеціи. Надъ скотомъ служится молебенъ, его опрыскиваютъ святой водой и иногда перегоняютъ черезъ огонь, обходятъ вокругъ него съ образомъ и т. под., но вмѣсто трубныхъ звуковъ дѣлаютъ наговоры надъ трубами, сопровождая ихъ разными обрядами. Обряды эти въ с. Уница Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи, по записи нашего знакомаго, доктора С. В. Тучемскаго, состоятъ въ слѣдующемъ:

Пастухъ, нанимающійся пасти деревенскій скотъ въ теченіи наступающаго лѣта, беретъ воскъ отъ свѣчи, горѣвшей сперва передъ плащаницей, а потомъ во время Христовской (Пасхальной) заутрени. Съ этимъ воскомъ онъ приходитъ къ своему стаду, беретъ по волосинкѣ отъ каждаго животнаго и закатываетъ ихъ въ воскъ. Надъ воскомъ онъ говоритъ такъ называемый отпускъ или наговоръ. Такихъ отпусковъ въ С. Уницахъ три: Майскій, Іюльскій и Сентябрскій. Изъ нихъ пастухъ въ началѣ лѣта произноситъ только первый и при этомъ трижды обходитъ вокругъ стада по солнцу. Наговоренный воскъ раздѣляется на двѣ половины; одну половину пастухъ носитъ при себѣ, т. е. кладетъ ее подъ берестяную обкладку трубы, а другую въ какое-либо мокрое мѣсто, гдѣ бы ее никто не тронулъ. Такой же самый обрядъ повторяется потомъ въ Іюлѣ и въ Сентябрѣ. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ, мы печатаемъ три названные отпуска цѣликомъ, а здѣсь приведемъ только слова ихъ, относящіяся къ трубѣ. Вотъ что говорится въ Іюльскомъ отпускѣ: „заиграю я, рабъ Божій, пастырь (Им. р.), въ свой рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малыя телята, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся и свиваются къ своему царю, большому муравью и какъ шаетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ шаяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божіемъ, пастырѣ (Им. р.) по моемъ трубномъ голосѣ“....

Кромѣ приводимыхъ нами Олонецкихъ отпусковъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, въ нашей этнографической литературѣ, есть еще нѣсколько ихъ

записанныхъ: 1) въ Олонецкой же губерніи, но въ Пудожскомъ уѣздѣ (211), 2) въ Новгородской (212) и 3) въ Архангельской (213). Въ Новгородскомъ отпускѣ про воскъ (съ закатанной въ него шерстью) сказано: „одну часть положи пастухъ въ свою трубу подъ берестку или въ рогъ, а другую часть воска съ шерстью положи въ замокъ и тотъ замокъ замкни"... А про трубный звукъ говорится. „И какъ сходится народъ Божій, крещеный по колокольному звону и приходило бы мое счетное стадо коровье, конное и овечье на мой голосъ и трубу". Въ другомъ мѣстѣ: „и затрублю въ свою трубу или въ рогъ заиграю тогда бы на голосъ трубы мой скотъ, Власьевъ родъ, со всѣхъ сторонъ всѣ скоплялись"... Въ Архангельскомъ отпускѣ про воскъ сказано: „положи треть въ дерево, другую треть— въ замокъ, третію треть заверти въ рогъ, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замкни и ключъ утопи въ воду"...

Что касается земледѣлія, то наиболѣе интересный обычай связанный съ этимъ родомъ занятій существуетъ у чеховъ. Ихъ раковины-трубы называются trouby proti mračnům (т. трубы противъ грозовыхъ тучъ). Г. Рачекъ, описывая эти трубы, говоритъ, что въ Кучерѣ съ незапамятныхъ временъ онѣ употреблялись для отогнанія грозовыхъ тучъ. Полевой сторожъ (Glidač polný) постоянно носитъ такую трубу при себѣ въ полотняномъ чехлѣ, чтобы отогнать тучу, пока она еще въ зародышѣ. Такой трубачъ, если только гдѣ нибудь завидитъ зловѣщую тучу, становится противъ нея, поднимаетъ свою трубу вверхъ и не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока туча не разойдется, хотя бы около него ударяла молнія и самъ бы онъ промокъ до костей. Когда такой трубачъ въ первый разъ съ весны выходитъ въ поле, онъ долженъ выполоскать свою трубу свяченой водой и обтереть свяченой солью. Онъ трубитъ все лѣто, пока не начнется жатва. Народъ вѣритъ въ силу этой трубы и никакимъ образомъ нельзя его въ этомъ разубѣдить (215).

Къ этому можно еще прибавить, что малороссы Ковельскаго уѣзда трубятъ по окончаніи жатвы, во время посѣва озимаго хлѣба, для того, чтобы, по ихъ выраженію, „жито крутилося въ трубу", а въ Тибетѣ ламы выходятъ въ полѣ и трубятъ передъ началомъ жатвы (216).

Труба, какъ боевой инструментъ.

Едва ли не самымъ важнымъ практическимъ примѣненіемъ почти у всѣхъ народовъ земного шара было пользованіе трубою на войнѣ. Изъ перечисленныхъ нами народовъ, у которыхъ принята труба, едвали найдутся такіе, которые бы не примѣняли этого инструмента въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ

болѣе, что даже въ европейскихъ арміяхъ онъ не утратилъ еще до сихъ поръ нѣкоторой доли своего значенія.

Труба оказывала людямъ на войнѣ услугу троякаго рода: во первыхъ, какъ сигнальный инструментъ, облегчавшій сношеніе между людьми на большихъ разстояніяхъ, во вторыхъ, какъ инструментъ громкій, наводившій на враговъ ужасъ въ особенности, когда игроки на немъ соединялись въ массы, и въ третьихъ, какъ такой инструментъ, который мощнымъ звукомъ своимъ въ состояніи былъ вызвать энтузіазмъ въ рядахъ воюющихъ.

Мы видѣли уже, что въ Библіи труба, какъ сигнальный инструментъ, рекомендовалась евреямъ отъ имени самого Бога, и тогда же опредѣлено было значеніе каждаго отдѣльнаго трубнаго сигнала. Изъ Библіи же мы узнаемъ, что евреи пользовались на войнѣ огромными военными оркестрами или лучше сказать скопленіями музыкантовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря трубачамъ, Гедеонъ при одномъ изъ столкновеній съ мадіанитянами обратилъ въ бѣгство своего многочисленнаго непріятеля. Въ его распоряженіи было только 300 человѣкъ солдатъ, а мадіанитянъ было, по словамъ Библіи, такъ много, „какъ саранчи". Гедеонъ, по приказанію Божію, вооружилъ свою маленькую армію вмѣсто оружія трубами и кувшинами, скрывавшими въ себѣ зажженные факелы. Эти триста Израильтянъ ночью окружили лагерь непріятеля и своей игрой на трубахъ вмѣстѣ со свѣтомъ факеловъ навели такой ужасъ на мадіанитянъ, что тѣ обратили свое оружіе другъ противъ друга и бѣжали въ полномъ безпорядкѣ (217).

Въ другой разъ Авія, царь Іудейскій, съ войскомъ своимъ былъ окруженъ превышавшимъ его силы войскомъ невѣрнаго царя Израильскаго, Іеровоама. Не потерявши присутствія духа, Авія приказалъ священникамъ затрубить въ трубы. Музыка эта возбудила такой энтузіазмъ въ его солдатахъ, что они, бросившись на своего многочисленнаго противника, не только избѣжали опасности, но еще и заставили войска Іеровоама обратиться въ бѣгство (218).

Въ древности, кромѣ евреевъ, труба употреблялась въ Азіи въ качествѣ военно-сигнальнаго инструмента еще у Ассирійцевъ (219), у Персовъ (220), у Мидійцевъ (221), и у Армянъ (222), въ Африкѣ—у Египтянъ (223), а въ Европѣ—у Римлянъ (224), Этрусковъ (225), Грековъ (226), Өракійцевъ (227), Германцевъ (228), Галловъ (229), Бриттовъ (230), Скандинавовъ (231), Литовцевъ (232) и Славянъ (233).

Кромѣ краткихъ замѣтокъ и данныхъ, добытыхъ раскопками, о военной трубѣ у всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ, мы имѣемъ о томъ же предметѣ еще кое-какія историческія свидѣтельства. Такъ о древнихъ Персахъ говорятъ, что у нихъ труба считалась „національнымъ" инструментомъ. О другихъ народахъ древности, какъ о Өракійцахъ, Галлахъ и Сла-

внахъ, передаютъ, что у нихъ сигналъ къ началу боя подавался страшнымъ или ужаснымъ ревомъ трубъ. Наконецъ, о Грекахъ историки думаютъ, что у нихъ труба, какъ военный инструментъ, вошла въ употребленіе только въ историческія времена, т. е. сравнительно позже, чѣмъ у другихъ народовъ, которые употребляли на войнѣ трубу съ незапамятныхъ временъ. Гомеръ, хотя и знаетъ трубу, но еще не упоминаетъ о ней какъ о военномъ инструментѣ, впервые она является таковымъ у Эсхила (234).

У насъ на Руси начало употребленія трубы въ качествѣ военнаго инструмента также теряется въ глубокой древности. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" говорится: „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ". Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ древней Руси трубили всякій разъ при выступленіи въ походъ, и что въ 12 столѣтіи русскія военныя трубы были совершенно прямыя, вродѣ нынѣшнихъ пастушьихъ рожковъ (235).

Въ настоящее время труба, какъ военный инструментъ, распространена повсюду, гдѣ только армія устроена на европейскій ладъ. А потому мы не будемъ ничего говоритъ о современной Европѣ, гдѣ арміи во всѣхъ ея государствахъ болѣе или менѣе одинаковы.

Объ Азіи можно сказать, что тамъ труба, какъ военный инструментъ, независимо отъ Европейскаго вліянія существовала кромѣ евреевъ, ассирійцевъ, персовъ, мидійцевъ и армянъ еще у арабовъ, у нѣкоторыхъ изъ тюркскихъ народовъ и у китайцевъ. Такъ извѣстно, что она была принята въ Ново-Персидской монархіи временъ Сассанидовъ (отъ 3 до 7 вѣка по Р. Х.) (236), извѣстно также, что у турокъ-османъ была своя собственная военная труба подъ названіемъ кабуцурна (237) и что по образцу „турецкой или янычарской" музыки были сформированы европейскіе военные оркестры (238). Есть также военныя трубы у Коканцевъ, хотя войска ихъ устроены вовсе не по Европейскому образцу (239). Что касается китайцевъ, то въ ихъ войскѣ, которое менѣе всего можно упрекнуть въ заимствованіяхъ изъ Европы, для военныхъ сигналовъ употребляется двоякаго рода трубы: 1) длинныя, прямыя, металлическія и 2) раковины (240).

Въ Африкѣ военныя трубы имѣютъ весьма важное значеніе въ Абиссиніи. Тамошняя труба издаетъ только одинъ звукъ громкій, грубый и внушающій страхъ. Въ походахъ, когда еще не видно непріятеля, она звучитъ умѣренно, но во время атаки въ нее дуютъ такъ сильно и бурно, что звукъ ея приводитъ абиссинскихъ солдатъ въ ярость и бѣшенство. Не заботясь о своей жизни, они съ жаромъ бросаются тогда на непріятеля. Даже въ мирное время, по словамъ англійскаго путешественника Брюса, пока эта труба зву-

чить, никто не оставался сидѣть, всѣ вскакивали и испытывали необходимость двигаться (241).

Въ другихъ мѣстностяхъ Африки труба также является военнымъ инструментомъ у негритянскихъ племенъ: Вакуафи (въ Нубіи) (242), Вагого (во внутренней Африкѣ) (243), Дагомейцевъ (въ западной Африкѣ), Говасовъ Мадагаскара (244) и у негровъ Самори (245).

Въ Австраліи, на о-хъ Тонга, военной трубой считается раковина, а на Новой Зеландіи деревянная труба (Британскій музей).

Въ Америкѣ еще до прихода туда европейцевъ воинственныя краснокожія племена, жившія въ Центральной Америкѣ, по берегамъ Мексиканскаго залива, производили дикую военную музыку раковинами — трубами, дудками и барабанами (246).

Въ прямомъ отношеніи къ военному дѣлу въ древности стояли всевозможныя состязанія въ физической силѣ и ловкости, какъ то: скачки, борьба, рыцарскіе турниры и проч., а потому во многихъ мѣстахъ земного шара принято было начинать ихъ непремѣнно по сигналу трубы. Такъ, въ древнемъ Римѣ трубою сопровождались игрища (247), въ средніе вѣка въ западной Европѣ buccina обязательно присутствовала на всѣхъ турнирахъ, ею подавали сигналъ къ началу и окончанію боя (248). Кое-гдѣ въ видѣ переживанія обычай начинать состязанія звуками трубы сохранился и до нашего времени. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи трубою подается сигналъ къ началу боя быковъ (249), а на островѣ Корфу — къ началу скачекъ, бывающихъ во время карнавала (250). У Имеретинъ трубою подается сигналъ къ началу полурелигіозной игры „въ мячъ“ (251).

Трубами позорятъ людей, совершившихъ безнравственный поступокъ.

Изъ предъидущаго мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ человѣкъ считалъ трубные звуки однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ нечистой силы, а трубу — инструментомъ священнымъ. Вѣра эта была въ древнія времена настолько искреннею, что человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы злоупотреблять трубой и не могъ бы допустить пользованія ею въ случаяхъ, несоотвѣтствующихъ тому высокому положенію, которое инструметъ этотъ занималъ въ его религіи. Съ этой точки зрѣнія, если мы видимъ въ настоящее время какой-либо обычай, злоупотребляющій трубой, напримѣръ направляющій звуки ея вмѣсто нечистой силы противъ самаго человѣка, то мы вправѣ сдѣлать заключеніе двоякаго рода: или, что обычай, нами взятый, относится не къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда труба высоко стояла въ глазахъ человѣка, а къ болѣе позднимъ, когда этотъ инструментъ

ужъ успѣлъ потерять свое религіозное значеніе, или же въ нашемъ обычаѣ есть какой-либо элементъ, незамѣтный съ перваго взгляда, который ставитъ его наравнѣ съ другими древними обычаями и примиряетъ кажущуюся его нелогичность и противорѣчіе съ общимъ порядкомъ вещей.

Если, исходя изъ сказаннаго, мы обратимся къ обычаю пользоваться трубою на войнѣ, гдѣ предполагаемая сила трубы направлена не противъ злого духа, а противъ человѣка, то не можемъ прійти къ первому изъ нашихъ двухъ заключеній, потому что употребленіе трубы на войнѣ относится къ самой глубокой древности. Слѣдовательно остается заключить, что человѣчество приравнивало своего непріятеля на войнѣ къ злому духу. И дѣйствительно мы знаемъ не мало фактовъ изъ исторіи войнъ, когда, по древнимъ вѣрованьямъ, войска обѣихъ враждующихъ сторонъ направлялись другъ на друга не самопроизвольно, а по внушенію божества. Множество примѣровъ такого вѣрованья мы находимъ между прочимъ въ исторіи Троянской войны. Слѣдовательно, если признано, что нашу армію ведетъ на войну доброе божество, то нашихъ непріятелей направляетъ на насъ божество злое, нечистая сила, противъ которой употребленіе трубы одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и самыхъ законныхъ средствъ.

Гораздо труднѣе доказать древность обычая, поставленнаго въ заголовкѣ настоящей главы, который у французовъ называется шаривари и направляется противъ вдовца или вдовы, вступающихъ во второй бракъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ доказательству, необходимо познакомить читателей съ деталями обычая, какъ онѣ передаются во французскихъ этнографическихъ журналахъ.

Французскіе простолюдины различаютъ шаривари малое и большое. Какъ то, такъ и другое по своей идеѣ выражаютъ протестъ деревенскаго общества противъ безнравственнаго поступка кого-либо изъ его членовъ. Шаривари малое состоитъ въ томъ, что крестьяне собираются въ свободное отъ работы время, т. е. по вечерамъ или по ночамъ подъ окнами того изъ своихъ членовъ, которому устраивается шаривари. Всѣ собравшіеся вооружены деревянными и роговыми трубами и различными домашними ударными инструментами въ родѣ котловъ, кастрюль, сковородокъ, горшковъ, щипцовъ и т. под. При помощи всѣхъ этихъ инструментовъ, на которыхъ играютъ одновременно, при помощи криковъ и пѣсенъ, сочиненныхъ на этотъ случай, иногда неприличныхъ, получается невыносимая, оглушительная какофонія, продолжающаяся иногда цѣлые часы въ теченіи многихъ дней. Всякіе протесты противъ подобнаго нарушенія спокойствія со стороны, страдающей отъ него, въ большинствѣ случаевъ оказываются безполезными. Полиція въ малыхъ деревняхъ или очень слаба, чтобы помѣшать подобнымъ концертамъ, или же, что̀ бываетъ чаще, смотритъ на нихъ сквозь пальцы. Если страдающее лицо попытается своими собственными силами возстановить свои нарушенныя права, или

выразить свое неудовольствіе бранью, то устроители концерта переходятъ ко второй степени малаго шаривари: призывными звуками трубы собираютъ они своихъ друзей и пріятелей и увеличиваютъ число концертантовъ въ нѣсколько разъ. Шаривари малое устраивается преимущественно тогда, когда происходитъ свадьба между вдовцами или когда одинъ изъ брачующихся вдовецъ. Въ большинствѣ случаевъ въ такомъ шаривари нѣтъ даже никакого протеста, такъ какъ бракъ вдовца, по современнымъ понятіямъ, не предосудителенъ. Вѣроятно оно совершается просто въ силу обычая, какъ переживаніе прошлаго. Что касается шаривари большого, то оно очень часто выражаетъ дѣйствительный протестъ деревенскаго общества, такъ какъ практикуется въ томъ случаѣ, если брачующіеся извѣстны въ деревнѣ своей безнравственностью. Въ такомъ случаѣ вмѣсто концерта устраивается настоящее драматическое представленіе. Какого-либо изъ сосѣдей того лица, которому хотятъ устроить шаривари, одѣваютъ и гримируютъ такъ, чтобы онъ по возможности походилъ на виновника торжества, затѣмъ ему придаютъ каррикатурный видъ, сажаютъ на осла лицомъ къ хвосту и возятъ по деревнѣ съ трубнымъ звукомъ, съ барабаннымъ боемъ, съ криками и пѣснями. Шаривари большіе и малые практикуются въ настоящее время во Франціи: въ Пуату, Бурбонэ, въ департаментѣ Шаранты, въ Анжу, въ Котъ-дэ Нордъ, а кромѣ того на о-вѣ Корсикѣ и въ Бельгіи (252).

Такой же самый обычай есть и въ Германіи, онъ очень древній и назывался прежде „Тиръягдъ“ (Tierjagd). Въ настоящее время онъ почти исчезъ и сохранился только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной Баваріи подъ названіемъ Haberfeldtreiben. Народъ прибѣгаетъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ собственнымъ самосудомъ покарать кого-либо изъ своихъ согражданъ за обманъ, ростовщичество, мошенничество, кутежъ, не имѣющій границъ, и, такъ же какъ во Франціи, за нарушеніе общепринятаго кодекса нравственности. Въ общихъ чертахъ нѣмецкій Тиръягдъ напоминаетъ французское „шаривари“: также собирается народъ со всевозможными инструментами, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ труба, дѣлаемая нарочно для этого случая изъ древесной коры. Также производится адскій шумъ вокругъ дома виновнаго. Но все это дѣлается болѣе неожиданно, чѣмъ у французовъ, непремѣнно ночью, при свѣтѣ факеловъ и людьми, одѣтыми въ маски. Въ отличіе отъ „шаривари“, Тиръягдъ обставляется особенной таинственностью, такъ какъ результаты его бываютъ менѣе невинны, чѣмъ во Франціи: виновнаго не только подвергаютъ публичному посрамленію, но кромѣ того и побоямъ, которые, въ случаѣ активнаго сопротивленія жертвы самосуда, не всегда кончаются благополучно (253).

Въ Кампаньи, въ Италіи, труба изъ морской раковины и воловій рогъ обязательно участвуютъ при воспроизведеніи той страшной какофоніи,

которою тамошніе крестьяне угощаютъ новобрачныхъ въ первые три вечера послѣ свадьбы въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ вдовецъ. Антоніо Дэ Нино разсказываетъ, что ему довелось быть свидѣтелемъ подобной же сцены въ Монтреалѣ на свадьбѣ стараго вдовца. „Свадебный поѣздъ весело двигался по улицѣ, сопровождаемый большою толпой зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, бренчанье связками ключей, ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Спеціалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна веселая компанія отвязала на колокольнѣ колоколъ и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ“ (254).

Несомнѣнно, что этотъ обычай принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его не въ одной западной Европѣ. Въ с. Косковѣ, Свіяжскаго уѣзда (у великороссовъ) ко дню бракосочетанія вдовца мальчики и взрослые парни заготовляютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей, въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилыя лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку повѣсить новобрачному на шею. Бросанье лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ, или выѣзда за полевыя ворота (255).

У Уфимскихъ черемисъ, гдѣ жители села строго наблюдаютъ за нравственностью другъ друга, въ случаѣ замѣченныхъ близкихъ внѣбрачныхъ отношеній между холостымъ парнемъ и дѣвушкой, заставляютъ ихъ вѣнчаться; въ случаѣ же если въ томъ же попадется вдова съ парнемъ или женатымъ, выводятъ виновныхъ на улицу, привязываютъ другъ къ другу шнурками отъ штановъ, обвѣшиваютъ обоихъ старыми метлами, вѣниками, лаптями и т. под. и водятъ по улицамъ села, при чемъ одинъ изъ сопутствующихъ десятскихъ бьетъ въ барабанъ (256).

Нѣчто подобное французскому большому шаривари въ старину устраивалось у гагаузовъ Бендерскаго уѣзда, гдѣ замѣченныхъ въ незаконной связи сажали, такъ же, какъ у французовъ, на осла и съ крикомъ возили по улицамъ села. Тоже самое дѣлается и до настоящаго времени у имеретинъ (257).

Видоизмѣненіемъ того же обычая можно считать практикующіеся въ разныхъ мѣстахъ Россіи способы публичнаго посрамленія воровъ, которыхъ водятъ по улицамъ, обвѣшивая украденными вещами, или родителей и родственниковъ дѣвушки, несоблюшей невинности на которыхъ надѣваютъ хомуты и т. под. Сюда же надо отнести обычай студентовъ всего цивилизованнаго міра устраивать передъ окнами неугодившаго имъ профессора кошачьи серенады и т. п.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно въ обычаѣ, нами разсматриваемомъ, то, что во Франціи, Германіи и Италіи онъ сопровождается трубами или рогами. Если ихъ нѣтъ въ данной мѣстности въ то время, когда нужно устроить шаривари, то ихъ нарочно заказываютъ „саботьерамъ" (мастерамъ деревянной обуви), какъ это дѣлается въ Бельгіи, или берутъ у жнецовъ, какъ въ Пуату. Отсюда самый обычай шаривари въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Бельгіи, называется cornage, т. е. трубленіе, отъ слова corne—рогъ. Отсюда же и русское фигуральное выраженіе трубить, протрубить, въ смыслѣ разнести какую либо вѣсть въ обществѣ (258), у французовъ—corner, у нѣмцевъ—ausposaunen, у англичанъ—to trumpet и т. д.

Итакъ, изъ прилагаемыхъ примѣровъ видно, что народъ въ разныхъ мѣстахъ Европы приравниваетъ бракъ между вдовыми къ мошенничеству, ростовщичеству, кутежу, незаконному сожительству и другимъ несомнѣнно безнравственнымъ поступкамъ. А такъ какъ въ наше время бракъ вдовцовъ вовсе не считается безнравственнымъ, то значитъ, что онъ когда-то считался таковымъ, но взгляды народа на нравственность перемѣнились, а способъ карать лицъ безнравственнаго поведенія пережилъ свое время.

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, доказываетъ древность обычая шаривари, что́ подтверждаетъ также и его широкое распространеніе. Какимъ бы способомъ это распространеніе не совершилось, оно несомнѣнно требовало большой промежутокъ времени для своего осуществленія. Если же обычай шаривари принадлежитъ къ числу древнихъ, т. е. относится къ тѣмъ временамъ, когда на трубу смотрѣли съ уваженіемъ и не стали бы ею злоупотреблять, то значитъ, что въ старину на преступленія противъ общественной нравственности смотрѣли, какъ на дѣйствіе злого духа, и трубой старались отогнать его отъ преступника.

Обычай трубить періодически во второе (осеннее) полугодіе въ теченіи извѣстнаго промежутка времени.

Хотя обычай періодическаго трубленія въ осеннее полугодіе нами уже разсматривался выше, но мы выдѣлили здѣсь частный случай этого обычая въ отдѣльную главу и главнымъ образомъ, потому что ради него собственно собранъ нами весь этнографическій матерьялъ, вошедшій въ настоящую статью.

Записывая вѣрованья, обряды и обычаи отъ малороссовъ, бывшихъ уніатовъ, въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, мы натолкнулись на обычай, поставленный въ заголовкѣ настоящей главы, который поразилъ насъ своею странностью, какъ по его внутреннему содержанію, такъ и потому, что въ матерьялахъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, собранныхъ раньше, мы не нашли ничего къ нему подходящаго. Такъ какъ

обычай этотъ и его, повидимому, нерусское происхожденіе насъ заинтересовали, то намъ и пришлось обратиться за разъясненіемъ сначала къ этнографическому матерьялу ближайшихъ сосѣдей: поляковъ и литовцевъ, а потомъ, расширяя все болѣе и болѣе область изслѣдованія, собрать всѣ тѣ данныя, изъ которыхъ составилась настоящая статья. Часть ихъ мы почерпнули изъ этнографической литературы, а часть собрали сами записываньемъ отъ народа. Надо добавить, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ самаго обычая, нашъ интересъ возбуждали и другіе вопросы: во-первыхъ, общій вопросъ о томъ, какъ распространяются одни и тѣже вѣрованья среди различныхъ народныхъ группъ, а во-вторыхъ смутная надежда на то, что факты, нами собранные и еще неизвѣстные наукѣ, могутъ пролить свѣтъ на историческія судьбы заинтересовавшаго насъ русскаго Забужья, или же укажутъ правильный путь къ такого рода изслѣдованіямъ. Насколько оправдались наши надежды, читатель увидитъ изъ послѣдующаго.

Начавши съ Радинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., мы прослѣдили районъ распространенія интересовавшаго насъ обычая во всѣ стороны и старались по возможности опредѣлить его границы, чего намъ удалось достигнуть только отчасти, такъ какъ районъ этотъ оказался слишкомъ великъ для его полнаго изслѣдованія силами одного человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы не упускали ни малѣйшаго случая отмѣчать въ записную книжку: 1) тѣ села и деревни, въ которыхъ нашъ обычай существуетъ по настоящее время, 2) тѣ, въ которыхъ онъ былъ прежде, но уже оставленъ и 3) тѣ, въ которыхъ онъ вовсе неизвѣстенъ.

Во многихъ изъ этихъ мѣстностей мы побывали сами, о другихъ расспрашивали людей, тамъ живущихъ, живавшихъ прежде или только что оттуда пріѣхавшихъ, изъ духовенства, помѣщиковъ и сельскихъ учителей, а, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ, собиравшихся на базарахъ, ярмаркахъ и въ мѣстахъ богомолья. Кромѣ того намъ помогали въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ мѣстныхъ крестьянъ, не на шутку заинтересовавшихся нашимъ изслѣдованіемъ. И вотъ въ результатѣ всего этого у насъ накопилось столько данныхъ, что оказалось возможнымъ составить карту, если не всего, интересовавшаго насъ района, то его центральной, наиболѣе извѣстной намъ части. Карту эту и списокъ населенныхъ мѣстъ, о которыхъ были получены свѣдѣнія, мы прилагаемъ къ настоящей статьѣ.

Центръ нашего обычая находится приблизительно въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи около рѣки Буга и распространяется отсюда узкой полосой на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ Гродненской губ. мы нашли его въ уѣздахъ: Брестскомъ, Бѣльскомъ, Пружанскомъ, Кобринскомъ и Слонимскомъ. Самый обычай заключается здѣсь въ томъ, что молодежь мужскаго пола въ свободное время, чаще всего вечеромъ или ночью, трубитъ въ очень

длинную трубу въ теченіи всей осени, начиная съ того времени, когда окончена жатва и вывезенъ съ поля послѣдній снопъ и вплоть до наступленія зимы, т. е. до появленія перваго снѣгу. При этомъ строго наблюдается, чтобы кто-нибудь, сохрани Богъ, не началъ трубить раньше времени, что считается большимъ грѣхомъ. Если нетерпѣливая молодежь раньше опредѣленнаго срока издастъ хоть одинъ звукъ на трубѣ, то старшіе отбираютъ трубу и ломаютъ, иначе той деревнѣ, гдѣ это случилось, по ихъ мнѣнію, грозитъ неминуемое наказаніе отъ Бога. Исключеніе составляетъ только сѣверо-западный уголокъ Брестскаго уѣзда (Ратайчитцкая волость), гдѣ начинаютъ трубить, не справляясь съ состояніемъ жатвы, а съ Ильина дня (20 Іюля), и продолжаютъ трубленіе, какъ и въ иныхъ мѣстахъ Гродненской губ., до наступленія холодовъ, по поводу чего въ этой мѣстности есть даже пословица: „Одъ Ильи берыся до трубы“. О цѣли, съ которой производится трубленіе, большинство крестьянъ отзывается незнаніемъ, иначе прибавляютъ, что такъ ведется изстари, что обычай унаслѣдованъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а что онъ дѣйствительно угоденъ Богу, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали его „скасовать“ (уничтожить), но потомъ всегда за этимъ слѣдовали наказанія въ видѣ эпидемій, пожаровъ, неурожаевъ и проч.

На востокъ отъ Гродненской губ. тотъ же обычай намъ удалось прослѣдить въ уѣздахъ Пинскомъ и Мозырскомъ Минской губ. Онъ тамъ совершенно одинаковъ съ обычаемъ Гродненской губ., но причину, почему нельзя начинать трубленіе раньше окончанія жатвы, здѣсь объясняютъ тѣмъ, что труба „призываетъ зиму“, а потому, если приняться за нее раньше времени, то зима наступитъ раньше обыкновеннаго и будетъ суровая.

Въ с. Давыдъ—городкѣ Мозырскаго уѣзда, составляющемъ по всѣмъ признакамъ крайній восточный пунктъ распространенія нашего обычая, трубы тоньше и короче, чѣмъ въ Пинскомъ уѣздѣ и трубятъ на нихъ не взрослые парни, а ребятишки-подростки, осенью, когда пасутъ коней и ночуютъ въ полѣ.

Въ Волынской губерніи обычай нашъ заходитъ въ сѣверную часть уѣздовъ: Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго. Здѣсь трубятъ въ такія же длинныя трубы, какъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ, но для трубленія не ждутъ окончанія жатвы, а сопровождаютъ имъ посѣвъ озимаго хлѣба для того, какъ выражаются здѣшніе крестьяне (с. Самари и Кортылисы Ковельскаго уѣзда), „шобы жито крутылося въ трубу“.

На западъ отъ Гродненской губерніи тотъ же обычай продолжается за рѣку Бугъ въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Бѣльскомъ, Влодавскомъ, Константиновскомъ и Радинскомъ, среди русскаго населенія такъ-называемаго Подляшья.

Въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ нашъ обычай совершенно одинаковъ съ гродненскимъ. Трубятъ здѣсь преимущественно по вечерамъ и по ночамъ, но особаго какого-либо порядка въ этомъ трубленіи не существуетъ.

Кто-нибудь изъ парней передъ окончаніемъ жатвы смастеритъ себѣ трубу и, когда жатва уже окончена, выйдетъ вечеркомъ на улицу, чтобы позабавиться трубой. На звукъ его инструмента выходятъ на улицу другіе парни и каждый изъ нихъ попроситъ у своего товарища поиграть на его трубѣ, чтобы показать или испытать свое искусство. Трубленіе не считается здѣсь богоугоднымъ дѣломъ и не имѣетъ ничего общаго съ религіей, сохраняется же просто въ силу привычки, а также потому, что игра на трубѣ при однообразіи деревенской жизни представляетъ собою очень веселое развлеченіе. Для молодыхъ деревенскихъ хлопцевъ всегда доставляетъ большое удовольствіе пользоваться трубою по ночамъ, какъ телеграфомъ: они перекликаются со своими знакомыми или пріятелями изъ сосѣднихъ деревень и по манерѣ трубить стараются узнать, кто именно изъ ихъ пріятелей трубитъ въ настоящую минуту. Начинаются объ этомъ разговоры, споры и т. д., что наполняетъ вечеръ вмѣстѣ съ соревнованіемъ въ музыкальномъ искуствѣ. Если же все это дѣлается, также какъ въ Гродненской губерніи, только въ урочное время отъ окончанія жатвы до начала зимы, то не изъ страха передъ Божьимъ наказаніемъ, а потому, что только въ это время старики дозволяютъ играть, а въ остальное низачто не позволятъ трубить, а въ случаѣ непослушанія сломаютъ трубу. Словомъ, здѣсь трубятъ, потому что наступилъ для этого сезонъ, также какъ въ другихъ мѣстахъ маскируются исключительно во время святокъ.

Въ Радинскомъ уѣздѣ въ прежнія времена приготовляли на осень оригинальныя трубы гигантскихъ размѣровъ, изогнутыя и склееныя изъ клубка, какъ швейцарскій Alpenhorn, но теперь такія трубы стали большою рѣдкостью, онѣ замѣнились „бляшаными“ (жестяными) покупными, жидовскаго издѣлія. Одна изъ такихъ старинныхъ трубъ, привезенная изъ села Береза, сохраняется въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ и представлена нами въ фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. A). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ употребляются трубы, отличающіяся отъ Гродненскихъ, Минскихъ и Волынскихъ тѣмъ, что онѣ короче и слегка согнуты, а кромѣ того имѣютъ вставной мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева, чѣмъ сама труба, т. е. это совершенно тоже самое, что польская л и г а в к а, (смотр. табл. IV, лит. A); различается эта труба отъ польской лигавки только своимъ русскимъ названіемъ т р у б а. Польское названіе трубы лигавка, хотя извѣстно здѣшнимъ крестьянамъ, но считается „шляхетскимъ“. Трубятъ здѣсь не такъ, какъ настоящіе европейскіе трубачи, т. е. не серединой губъ, а ихъ углами, передъ игрой непремѣнно размачиваютъ трубу въ водѣ, чтобы она набухла и чтобы слѣдовательно легче выдувались изъ нея звуки. Здѣшіе старики, которые какъ и вездѣ ревниво соблюдаютъ ненарушимость дѣдовскихъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, вовсе не требуютъ отъ молодежи, чтобы она непремѣнно трубила, но строго наблю-

даютъ, чтобы не было трубленія несвоевременнаго, т. е. до окончанія жатвы. Интересно при этомъ замѣтить, что картофель, какъ растеніе чужеземное, хлѣбомъ не считается и до окончанія его уборки трубить разрѣшается безпрепятственно.

Обычай трубленія во Владавскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, на границахъ съ Бѣльскимъ нѣсколько отличается отъ Бѣльскаго и Радинскаго, а именно, здѣсь не ждутъ полнаго окончанія жатвы и начинаютъ трубить, какъ только на полѣ появятся первыя копны сжатаго хлѣба или какъ только убрана гречиха. Въ селѣ Любень и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, т. е. въ самомъ центрѣ Влодавскаго уѣзда начинаютъ трубить не осенью, какъ въ другихъ селахъ уѣзда, а съ 20 Іюля (въ Ильинъ день), также какъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ., и продолжаютъ до 1-го Октября (до Покрова). Трубы во Влодавскомъ уѣздѣ дѣлаются такія же какъ въ Бѣльскомъ, или же свертываются изъ бересты. Но мѣстами, такъ же, какъ и въ Радинскомъ уѣздѣ самодѣльныя трубы уже замѣняются покупными изъ жести. Смыслъ періодическаго трубленія здѣшніе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что звуки трубы разгоняютъ волковъ.

Въ Константиновскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи только въ южной его части обычай трубленія такой же какъ въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ, но уже въ селѣ Гуслевѣ русскій обычай смѣшанъ съ польскимъ, т. е. трубятъ осенью по окончаніи жатвы по русски, а кромѣ того трубятъ еще въ теченіи всего Филиповскаго поста (Адвента) по польски. Въ селѣ Журавлевка (гмины Гуслевъ) и далѣе на сѣверъ обычай уже исключительно польскій, хотя населеніе въ этихъ мѣстахъ еще русское (бывшіе уніаты). Труба здѣсь остается таже самая, что и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но тамъ, гдѣ соблюдается обычай трубленія польскій, принято и трубу называть по польски, т. е. лигавкой.

Если въ вышеперечисленныхъ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, какъ было уже говорено, обычай трубленія сохраняется, какъ переживаніе отдаленнаго прошлаго и неимѣетъ почти никакого отношенія къ современной христіанской религіи, то нельзя этого же сказать и о мѣстностяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской и Варшавской губ., въ которыхъ сохранился обычай ежегоднаго періодическаго трубленія. Повидимому, въ дѣлѣ соблюденія сказаннаго обычая у поляковъ потрудилось польское духовенство. Прежде всего хотя у поляковъ и сохранился обычай періодическаго трубленія осенью, но сроки его начала и окончанія вполнѣ согласованы съ католическимъ календаремъ: трубятъ въ продолженіи всего Рождественскаго поста и кончаютъ въ Рождественскій сочельникъ (по польски „Вилія“) передъ началомъ обѣдни, которая у поляковъ называется „Пастэркой“ (пастушеской). Кромѣ того, какъ намъ при-

ходилось наблюдать, польское духовенство вообще поддерживаетъ этотъ обычай между крестьянами, ибо находитъ его вполнѣ совмѣстимымъ съ католичествомъ. Такъ, въ словарѣ польскихъ древностей мы находимъ замѣтку по поводу лигавки, что „Варшавскій архіепископъ Хоромановскій, умершій въ 1838-мъ году, былъ большимъ любителемъ поэтическаго обычая трубить въ лигавку. Когда онъ былъ еще приходскимъ священникомъ въ с. Заборахъ (около г. Ломжи), то во время „Пастерки“ (обѣдни въ канунъ Рождества) вся приходская молодежь собиралась на кладбище и трубила въ „лигавки“.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селахъ съ польскимъ населеніемъ въ Сѣдлецкой губ., на нашъ вопросъ: трубятъ ли здѣсь въ „лигавку“? мы получали отъ деревенской молодежи отвѣтъ, что обычай этотъ былъ здѣсь уже оставленъ: но мѣстный приходскій ксендзъ потребовалъ отъ прихожанъ, чтобы они трубили въ Рождественскомъ посту, какъ это было въ старину. Передавшіе намъ этотъ фактъ, повидимому, были очень недовольны на своего ксендза за то, что онъ искусственно возобновляетъ обычай, отжившій свой вѣкъ и въ настоящее время неимѣющій никакого смысла. Одинъ изъ нихъ обратился даже къ намъ съ вопросомъ: не грозитъ ли имъ опасность со стороны гражданскаго начальства, если они не исполнятъ требованіе ксендза и не станутъ трубить?

Въ этомъ сближеніи польскаго обычая трубленія съ современной религіей, какъ намъ кажется, и заключается главное его отличіе отъ русскаго, если не считать того, что у поляковъ, также какъ и у галицкихъ гуцуловъ, различаются двѣ трубы: одна — назначаемая только для обрядоваго трубленія—„лигавка“, а другая „тромба“—пастушеская иного устройства, чего мы не встрѣчали у русскихъ. Во всемъ остальномъ польскій обычай такъ близокъ къ русскому, что въ происхожденіи ихъ обоихъ изъ одного источника не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Начинаясь въ Константиновскомъ уѣздѣ, нашъ обычай переходитъ затѣмъ въ уѣзды Соколовскій и Венгровскій Сѣдлецкой губерніи. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ населеніе состоитъ изъ бывшихъ уніатовъ, говорящихъ между собою по польски, а слѣдовательно бывшее когда-то русскимъ, но ополячившееся, а во второмъ — чисто польское. Далѣе, по направленію на сѣверо-западъ, тотъ же обычай переходитъ черезъ р. Бугъ въ Ломжинскую губернію, въ уѣзды Мазовецкій, Островскій, Ломжинскій и Остроленскій. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ Венгровскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. и въ уѣздахъ Ломжинской губ. обычай трубленія въ „лигавку“ мы встрѣчали исключительно только у шляхты (мелкаго дворянства), живущей въ этихъ мѣстностяхъ въ деревняхъ сплошною массой. Впрочемъ, мы не можемъ все-

таки поручиться, что гдѣ-нибудь въ тѣхъ же мѣстностяхъ нельзя его найти и у простыхъ крестьянъ.

Изъ Ломжинской губ. обычай съ „лигавками" распространяется еще далѣе на западъ въ Пултусскій уѣздъ Варшавской губерніи, гдѣ и кончается. Но если отъ прослѣженной нами полосы подвинуться на югъ, то мы увидимъ, что здѣсь среди чисто польскаго населенія нашъ обычай снова подвергается измѣненію. Въ сѣверной и въ средней части Сѣдлецкаго уѣзда „лигавокъ" вовсе не знаютъ, въ южной же части послѣ перерыва въ нѣсколько десятковъ верстъ, начиная съ села Мрочна, мы снова встрѣчаемъ „лигавки" и обычай трубленія въ нихъ, но только уже не въ Рождественскомъ посту, а раньше, отъ 7-го сентября, т. е. съ кануна Рождества Богородицы (по польски праздника „Матки Боски сѣвной") и до кануна Рождества Христова. Этотъ обычай представляетъ собой какъ-бы переходъ отъ русскаго обычая къ чисто польскому, вопервыхъ потому, что онъ, также какъ и русскій, имѣетъ связь съ жатвой и посѣвомъ, чего обычай Ломжинской губерніи вовсе не имѣетъ, а вовторыхъ, онъ начинается раньше, чѣмъ въ Ломжинской губ., т. е. почти въ тоже время, какъ и русскій. Такой обычай соблюдается въ юго-западномъ углу Сѣдлецкаго уѣзда, въ сѣверной части Луковскаго и въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губ.

Наконецъ въ восточной части Гарволинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. обычай трубленія снова измѣняется: здѣсь трубятъ въ теченіе всего Рождественскаго поста, какъ въ Ломжинской губ., но на Рождествѣ не кончаютъ трубить, а продолжаютъ во весь такъ называемый „карнавалъ", т. е. вплоть до начала Великаго поста. Самая труба, служащая въ этой мѣстности при исполненіи обычая, совершенно такая же какъ въ Ломжинской губ., но названіе ея произносится не л и г а в к а, а л е г а в к а.

Вотъ и вся область распространенія нашего обычая. Намъ остается только болѣе подробно прослѣдить ея границы. Пройти эти границы, мы не имѣли возможности, а потому намѣтили лишь нѣсколько граничныхъ пунктовъ и собрали свѣдѣнія о томъ, гдѣ изслѣдуемый нами обычай вовсе неизвѣстенъ. Разумѣется, при такомъ способѣ изслѣдованія у насъ получилось множество пробѣловъ и данныя, нами собранныя, конечно далеко не исчерпали вопроса.

И такъ начнемъ съ восточной границы. Здѣсь мы уже намѣтили конечный пунктъ распространенія нашего обычая, с. Давыдъ-Городокъ Мозырскаго уѣзда (на р. Горыни, близь впаденія ея въ Припеть). На востокъ отъ этого пункта въ с. Туровѣ и въ г. Мозырѣ съ ихъ ближайшими окрестностями не только не знаютъ обычая трубить, но даже вовсе не имѣютъ деревянныхъ трубъ. Трубы изъ воловьихъ роговъ употребительны въ этихъ мѣстностяхъ только у пастуховъ и только тамъ, гдѣ сохранялись больші

лѣса, т. е. далеко въ сторону отъ береговъ Припети. Еще далѣе на востокъ, въ гор. Рѣчицѣ Минской губ. (на р. Днѣпрѣ), о трубѣ слышно еще менѣе, чѣмъ въ г. Мозырѣ. Въ самой Рѣчицѣ въ „бляшàную“ (жестяную) трубу трубятъ, по словамъ городскихъ мѣщанъ, только „панскіе“, т. е. помѣщичьи пастухи, „а нашъ и жидовскій скотъ“, добавляли разсказчики, „пасется безъ всякихъ трубъ“. Трубы у пастуховъ они приписывали какой-то блажи или капризу помѣщиковъ.

Отъ с. Давыдъ-Городокъ на сѣверо-востокъ до уѣзднаго города Волковысска Гродненской губ. границу обычая съ трубами намъ не удалось прослѣдить. Мы знаемъ только, что въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ Минской губ. нашего обычая нѣтъ. Въ г. Волковысскѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ намъ приходилось бывать, употребленіе трубы вовсе неизвѣстно; какъ на ближайшіе отсюда пункты, въ которыхъ труба принята, намъ указывали съ одной стороны на Слонимскій уѣздъ, а съ другой на Бѣлостокскій уѣздъ Гродненской губ.

Еще далѣе на западъ мы прослѣдили границы обычая только до р. Буга, но есть ли онъ за р. Бугомъ и далеко ли тамъ продолжается къ сѣверу мы не знаемъ. Точно также мы не знаемъ гдѣ онъ кончается на сѣверъ отъ Ломжинской губ. Только въ одномъ мѣстѣ намъ удалось совершенно точно намѣтить граничный пунктъ нашего обычая, — это на р. Наревъ возлѣ г. Остроленки Ломжинской губ. Здѣсь на лѣвой сторонѣ рѣки живетъ шляхта, у которой есть лигавки, а на правой — курпи-крестьяне, у которыхъ труба (trąba) употребляется только пастухами.

Въ Пултусскомъ уѣздѣ Варшавской губ. мы не знаемъ точной границы, но если направляться отсюда на юго-востокъ, то увидимъ, что здѣсь обычай нашъ захватываетъ только восточный край Радзиминскаго уѣзда Варшавской губ.; въ деревняхъ Рувнэ, Страхувка и Боруча, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Радзимина уже лигавокъ не знаютъ. Далѣе граница направляется на деревни Ариновъ и Цыганка Новоминскаго уѣзда, а отсюда къ ближайшимъ окрестностямъ гор. Гарволина Сѣдлецкой губ. Здѣсь намъ удалось даже прослѣдить, что западнѣе Варшавско-Люблинскаго шоссе обычай не переходитъ, за исключеніемъ развѣ городка Градиска, о которомъ мы говорили выше, и въ которомъ крестьяне трубятъ только одинъ вечеръ въ году въ канунъ Ивана Купала, или по здѣшнему „Светэго Яна“.

Гдѣ кончается этотъ обычай на югъ отъ г. Гарволина, мы не знаемъ, не знаемъ также ничего о Вуковскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ., за исключеніемъ сѣверной его части, т. е. деревень: Ягодна, Ружа, Вулька и Правда, въ которыхъ лигавки извѣстны. Сѣдлецкій уѣздъ, такимъ образомъ, въ отношеніи нашего обычая представляетъ какъ-бы оазисъ, внутри котораго лигавки не-

извѣстны. Граничные пункты этого оазиса намъ удалось прослѣдить 1) въ деревнѣ Воевудка въ окрестностяхъ гор. Сокалова, 2) въ дер. Суходолъ Венгровскаго уѣзда (по шоссе изъ г. Венгрова въ гор. Сѣдлецъ) и 3) въ дер. Олесница по Сѣдлецко-Гарволинскому шоссе.

Что касается мѣстностей южнѣе Радинскаго и Влодавскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губ., то по словамъ нѣкоторыхъ учителей, тамъ служившихъ, нашъ обычай не переходитъ южной границы названныхъ уѣздовъ, а по словамъ другихъ, заходитъ даже въ сѣверную часть Холмскаго уѣзда Люблинской губ., но распространяется не сплошь, а спорадически и почему-то только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пашутъ землю не на лошадяхъ а на волахъ. Но мы знаемъ навѣрное, что въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Холма, обычай трубить неизвѣстенъ вплоть до самой Австрiйской границы, но, какъ намъ случилось записать отъ крестьянъ села Туромля Грубешовскаго уѣзда, тамъ есть вѣрованье, весьма близкое къ Гродненскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ во все время отъ начала посѣва яровыхъ хлѣбовъ до окончанiя уборки всего хлѣба съ поля“.

На востокъ отъ гор. Холма и до Луцкаго уѣзда Волынской губ. граница обычая намъ неизвѣстна, но въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ мы намѣтили два пункта: 1) село Полицы (возлѣ Колокъ), гдѣ обычай такой же какъ въ Гродненской губ. и 2) с. Борохово, въ которомъ обычай съ трубой неизвѣстенъ, но существуетъ вѣрованье, подобное Грубешовскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ отъ того времени, когда хлѣбъ въ полѣ уже созрѣлъ, и до тѣхъ поръ, пока не закончится его уборка“.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губ. намъ случилось быть въ селѣ Заболотьи. Здѣсь трубъ вовсе не употребляютъ, но указываютъ на двѣ ближайшiя мѣстности, гдѣ существуетъ обычай каждую осень трубить въ длинныя деревянныя трубы, это—1) село Ляховцы Брестскаго уѣзда Гродненской губ. и 2) мѣстность, извѣстная здѣсь подъ названiемъ „Ветельщины“, къ которой принадлежатъ села: Самары и Кортылисы, расположенныя всего только въ 3-хъ верстахъ отъ границы Гродненской губ.

Такимъ образомъ южная граница нашего обычая, повидимому, начиная отъ рѣки Буга, вдается угломъ въ Луцкiй уѣздъ, а далѣе на востокъ почти совпадаетъ съ границей Волынской губ. Въ уѣздахъ: Острожскомъ, Заславльскомъ и Новоградъ-Волынскомъ Волынской губ., гдѣ намъ случилось бывать во многихъ деревняхъ и селахъ и собирать этнографическiй матерьялъ, не только не знаютъ трубы, но даже и не слыхали, гдѣ существуютъ трубы. Но въ Ровенскомъ уѣздѣ, гдѣ многiе крестьяне ходятъ на заработки по сплаву лѣса рѣками Горынью и Случемъ, рѣдкiй не видалъ длинныхъ трубъ Полѣсья и не слыхалъ игры на нихъ во время своихъ поѣздокъ на плотахъ,

но всѣ они указываютъ на обычай трубить какъ на признакъ Полѣшука. Ровенскій уѣздъ мы проѣхали на лошадяхъ отъ с. Нѣмовичи и до м. Высоцка и нигдѣ интересующаго насъ обычая съ трубами не нашли. Только отъ Высоцкаго помѣщика мы слыхали, что труба въ этихъ мѣстностяхъ считается самымъ вѣрнымъ признакомъ, по которому можно отличить полѣшука отъ малоросса и что въ селѣ Гупковѣ, около м. Людвиполя (гдѣ намъ самимъ не случилось побывать) существуетъ рѣзкая граница между полѣшуками и малороссами, которая обнаруживается въ различіи построекъ, костюма и обычаевъ, а между прочимъ и въ обычаѣ трубить осенью въ длинныя трубы, какого нѣтъ у малороссовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ передъ собой обычай весьма древній, который неизвѣстенъ ни малороссамъ-украинцамъ, ни бѣлоруссамъ, ни великороссамъ, но въ которомъ, разсматриваемая нами отрасль русскаго народа сходится съ поляками. Первое, что можетъ придти въ голову при разсматриваніи очерченнаго нами района, это то, что онъ входилъ когда-то въ составъ бывшаго литовско–русскаго государства и что въ Сѣдлецкой губерніи кромѣ того историки указываютъ на слѣды нынѣ исчезнувшаго литовскаго племени ятвяговъ. А потому мы и обратились къ литовскому этнографическому матерьялу. И дѣйствительно у литовцевъ-язычниковъ мы находимъ нѣчто подобное: во время ежегодно совершавшагося общественнаго жертвоприношенія, которое бывало въ концѣ года (т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ), собирались 4—6 деревень и на общій счетъ покупали быка или козла; жрецъ читалъ надъ жертвеннымъ животнымъ молитвы, затѣмъ животное закалывали, варили и ѣли вмѣстѣ съ лепешками, изготовленными изъ общественной муки. Пиръ продолжался цѣлую ночь и сопровождался пѣснями и игрой на длинныхъ трубахъ (259). Уже и здѣсь замѣтно нѣкоторое сходство литовскихъ обычаевъ съ обычаемъ, нами только - что разсмотрѣннымъ, но еще болѣе и несомнѣннѣе замѣчается такое сходство, если мы приведемъ описаніе языческаго торжества древнихъ литовцевъ въ такъ называемый Великій праздникъ. Торжество это справлялось ежегодно непремѣнно осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по окончаніи жатвы, въ честь бога земли и земледѣлія „Земеника“ (Ziemienika или kurko, kurchus). Отъ воли этого божества, по вѣрованью литовцевъ, зависѣли урожаи, оно считалось защитникомъ домовъ и всего края и олицетворялось въ видѣ ужа или какого-нибудь другого фетиша. Въ день его празднества, считавшагося самымъ главнымъ въ году, народъ собирался въ какую-нибудь одну деревню съ цѣлой округи, причемъ каждый несъ съ собою все, что могъ, чтобы принести въ жертву божеству. Въ самой обширной изъ деревенскихъ построекъ, посрединѣ ея, помѣщался большой столъ, накрытый скатертями. По четыремъ угламъ стола ставили

большіе открытые сосуды съ пивомъ. Затѣмъ приводили жертвы, состоявшія изъ первыхъ плодовъ текущаго года: теленка съ телкой, барана съ овцой, гуся съ гусыней и т. д. Жрецъ совершалъ тѣ моленія, которыя слѣдовали по обычаю, послѣ чего связанныхъ животныхъ избивали палками, чтобы не пролить капли крови. При этомъ всѣ присутствующіе выкрикивали: „Земеникъ богъ нашъ. Приносимъ тебѣ жертву и благодаримъ за то, что въ прошлые годы ты давалъ намъ здоровье и въ изобиліи всякаго добра, хлѣба и имущества, охранялъ насъ отъ огня, желѣза, мороваго повѣтрія и отъ всѣхъ бѣдъ нашихъ“. Послѣ того убитыхъ животныхъ варили, жарили и приготовляли изъ нихъ разныя кушанья. Усѣвшись за столъ, жрецъ бралъ частичку каждаго блюда и бросалъ въ разные углы дома, приговаривая: „это тебѣ, Земеникъ, богъ нашъ. Соблаговоли принять наши жертвы и милостиво отвѣдать нашихъ кушаній“. Тоже самое повторялось и съ напитками. Въ теченіи цѣлаго торжества пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ, что продолжалось непрерывно цѣлую ночь (260). Впрочемъ божеству, въ честь котораго справлялся такой праздникъ, поклонялись не одни литовцы, у латышей оно было извѣстно подъ именемъ Zeemneeks. Онъ также считался защитникомъ дома и всякаго имущества, его называли Mahjac kungs, т. е. господинъ дома, хозяинъ. Праздникъ его справлялся также осенью, причемъ ему приносилась жертва изъ первыхъ плодовъ хозяйства. У литовскаго племени Пруссовъ онъ также былъ однимъ изъ главныхъ боговъ. Ему былъ построенъ знаменитый въ свое время храмъ, въ которомъ горѣлъ неугасимый огонь и стояла статуя божества. Статую эту ежегодно подъ праздникъ (осенній) разбивали и затѣмъ воздвигали взамѣнъ ея новую (261).

Эти данныя изъ этнографическаго матерьяла литовскаго народа указываютъ прежде всего, что странный обычай западной отрасли русскаго племени, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, ведетъ свое происхожденіе отъ язычества; во вторыхъ, онѣ свидѣтельствуютъ о близости языческихъ вѣрованій у древнихъ литовцевъ и той части русскаго народа, которая входила когда-то въ составъ бывшаго литовскаго княжества или жила съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Дѣйствительно: тѣ и другіе имѣли обычай трубить въ длинныя деревянныя трубы, тѣ и другіе трубили осенью, у тѣхъ и другихъ обычай трубленія имѣлъ отношеніе къ земледѣлію. Все это при близкомъ сосѣдствѣ и при несомнѣнно существовавшихъ сношеніяхъ русскаго народа съ литовскимъ съ самыхъ древнихъ временъ совершенно естественно, въ особенности, если принять во вниманіе, что часть литовскаго племени слилась, какъ полагаютъ, съ предками нынѣшнихъ малороссовъ Сѣдлецкой губерніи.

Но оказывается, что близкій къ русскому и литовскому обычаямъ съ трубой сохранился до настоящаго времени не только у литовцевъ, но и у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Такая близость уже гораздо болѣе трудно объяснима съ исторической точки зрѣнія.

Задолго до того времени, какъ мы узнали о существованіи обычая трубить у русскихъ и поляковъ, лѣтъ 8 тому назадъ намъ случилось записать отъ солдата изъ черемисовъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи Караксалинской волости дер. Нижняго Кижляя, что у нихъ въ деревнѣ существуетъ деревянная труба аршина въ 1½ длиною, называемая „пӓлтэм пут“, на которой черемисскія дѣвушки играютъ осенью по вечерамъ, перекликаясь съ сосѣдними деревнями. Солдатъ, отъ котораго мы записали это свѣдѣніе, прибавилъ тогда, что играть на трубѣ у нихъ не дозволяется до тѣхъ поръ, пока весь хлѣбъ не убранъ съ поля, а иначе, какъ они думаютъ, зима будетъ очень холодная. Въ то время мы не придали сообщенію черемиса никакой важности, такъ какъ насъ интересовали не обычаи съ трубой, а вообще народные музыкальные инструменты. Но теперь, когда такой же обычай оказался и у русскаго народа и притомъ у той его части, которая живетъ далеко не въ сосѣдствѣ съ черемисами, разсказъ черемиса получилъ для насъ большой интересъ. Позже мы узнали, что Нижній Кижляй вовсе не составляетъ исключенія въ ряду другихъ черемисскихъ селъ и деревень: нами былъ уже описанъ обрядъ изгнанія бѣсовъ, практикующійся во время празднованія „Сюрэма“ у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда. Здѣсь остается еще добавить свѣдѣнія объ обрядахъ съ трубой у черемисовъ того же уѣзда, присланныя мнѣ моимъ братомъ, живущимъ въ той мѣстности.

„Здѣсь, пишетъ мнѣ братъ, трубятъ исключительно мужчины и преимущественно пожилые. Трубы имѣются двухъ сортовъ: однѣ для исполненія обрядности, другія—пастушескія (совершенно какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, прибавимъ мы отъ себя, которые имѣютъ лигавки — трубы для обрядностей и тромбы—трубы пастушескія). Въ первыя изъ нихъ трубятъ для изгнанія такъ называемыхъ „кореметей“ (бѣсовъ, которые, по вѣрованію черемисовъ, заносятъ изъ деревни въ деревню различныя болѣзни). Предполагается, что „кереметь“, заслышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже никогда болѣе не возвращается. Во вторыхъ, черемисы думаютъ, что трубными звуками они приносятъ благодарность Богу за помощь во время лѣтнихъ работъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ трубою по черемисски называется: „пуцом пуалташъ цэр толмолец“ т. е. „трубить въ трубу отъ нашествія нечистаго духа“. Трубленіе начинается послѣ заката солнца и продолжается только до полуночи, до первыхъ пѣтуховъ. Кереметн, по вѣрованью черемисовъ, могутъ причинять имъ вредъ только въ это время. Въ

трубы трубятъ осенью, начиная съ 16-го Августа и до Филиппова поста, трубить же въ остальное время считается величайшимъ грѣхомъ, за который Богъ непремѣнно покараетъ или смертью или ударомъ молніи, бездождіемъ, голодомъ или сильнымъ вѣтромъ въ лѣтнее время. Для трубленія выходятъ на улицу, ибо въ избѣ отнюдь трубить не дозволяется. Труба по черемисски называется „пуцо", надъ нею дѣлаются наговоры, а потому давать потрубить въ нее человѣку постороннему, а въ особенности подозрѣваемому въ колдовствѣ считается очень опаснымъ. Трубленіе осенью передъ посѣвомъ производится обыкновенно въ роговую трубу и практикуется на чердакѣ или сѣновалѣ. Трубятъ тогда цѣлую ночь, выдѣлывая на трубѣ различныя рулады, причемъ для измѣненія тоновъ вкладываютъ два пальца въ раструбъ рожка и перебираютъ ими. Трубить въ такой рожокъ очень трудно, а потому, протрубивши цѣлую ночь, черемисинъ слѣзаетъ съ сѣновала въ полномъ изнеможеніи, какъ будто разбитый".

Въ заключеніе о черемисахъ намъ необходимо передать о томъ, какъ справляется у нихъ самый важный въ году праздникъ ихъ „Сюрэм". Праздникъ этотъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ справляется или въ самый Петровъ день или въ одинъ изъ ближайшихъ, за нимъ слѣдующихъ дней, преимущественно въ понедѣльникъ. По описанію священника О. Яковлева, послѣ полудня въ назначенное мѣсто въ полѣ съѣзжаются черемисы со всего околотка и привозятъ съ собой узелки съ кушаньями, а жители ближайшихъ деревень выносятъ туда же столы. Кушанья разставляются по столамъ и начинается моленіе надъ ними. Молящіеся призываютъ имена боговъ, причемъ снимаютъ шапки и прикладываютъ ихъ три раза къ груди, кланяются и три раза приподнимаютъ со стола чашки съ ѣдой. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, а по окончаніи его благодарственная молитва. Во все время моленія и пира играютъ на трубахъ, а молодежь, пріѣхавшая верхомъ, устраиваетъ состязательныя скачки и въ заключеніе три раза объѣзжаетъ вокругъ молящейся толпы. Этимъ заканчивается моленіе и всѣ разъѣзжаются по домамъ (262).

Если сравнивать черемисскіе обряды и обычаи, соединенные съ трубой, съ обычаями литовцевъ, поляковъ и русскихъ въ вышеописанномъ районѣ, то сходство тѣхъ и другихъ окажется поразительнымъ. Здѣсь, также, какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, различаютъ трубу для обрядностей отъ пастушеской, также, какъ у русскихъ нельзя трубить, пока хлѣбъ не убранъ съ поля и несвоевременное трубленіе, по вѣрованью народа, должно отразиться на наступающей зимѣ. Также какъ у русскихъ, поляковъ и литовцевъ главнѣйшіе обряды съ трубой совершаются осенью или вообще во второе (осеннее) полугодіе. Также какъ у поляковъ трубленіе разгоняетъ злыхъ духовъ и является богоугоднымъ дѣломъ, также какъ у русскихъ и у литовцевъ труб-

леніе производится ночью и продолжается въ теченіе довольно длиннаго промежутка времени (2 мѣсяца). Кромѣ того общественное празднованіе черемисскаго „Сюрема" очень напоминаетъ празднованіе литовцами ихъ „Великаго праздника": онъ также приходится въ осеннее полугодіе, также устраивается на общій счетъ, изъ припасовъ, приносимыхъ каждымъ изъ молящихся, также сопровождается игрою на прямыхъ деревянныхъ трубахъ.

Объясненіе такой общности въ обрядахъ и обычаяхъ между народами, не живущими между собою въ ближайшемъ сосѣдствѣ, какъ мы сказали раньше, представляется довольно труднымъ съ исторической точки зрѣнія. Но хотя мы не имѣемъ историческихъ фактовъ о непосредственномъ сосѣдствѣ, когда то бывшемъ между литовцами и черемисами, однако оно не можетъ представляться для насъ слишкомъ неожиданнымъ и поразительнымъ, такъ какъ въ нашей этнографической литературѣ уже не разъ высказывалось предположеніе, что черемисы, мордва, вотяки и другіе наши восточные инородцы финскаго племени передъ началомъ русской исторіи жили гораздо западнѣе теперешняго своего мѣстожительства и были отсюда вытѣснены русскимъ народомъ, подвигавшимся при своей колонизаціи съ юга на сѣверъ. Къ такого рода предположеніямъ, насколько намъ помнится, было немало поводовъ: 1) остатки финскихъ племенъ въ Тверской губерніи, 2) финскія названія мѣстностей въ Московской губерніи, 3) нѣмецкія слова въ языкѣ восточныхъ финновъ (черемисское „тейтерь"—дочь, пермяцкое „зон", „зонка"—сынъ) и т. под. Словомъ этнографическая близость между восточными финнами и литовцами не можетъ представляться для насъ ни неожиданной, ни особенно поразительной. Несравненно поразительнѣе сходство въ тѣхъ же интересующихъ насъ обрядахъ между литовцами и евреями. Заимствованіе чего либо литовцами отъ евреевъ мы легко могли бы допустить и объяснить себѣ, еслибы дѣло касалось какихъ - нибудь христіанскихъ обрядовъ или обычаевъ, но когда, какъ здѣсь, рѣчь идетъ объ обычаяхъ очевидно относящихся ко временамъ дохристіанскимъ, приходится отказаться отъ какихъ-либо историческихъ объясненій фактовъ.

Данныя объ обычаяхъ съ трубою у евреевъ мы собрали сами распросами у нашихъ знакомыхъ евреевъ, знающихъ обычаи своего народа, въ Варшавѣ и въ Волынской губерніи, а также воспользовались этнографическимъ матерьяломъ о русскихъ евреяхъ, собраннымъ у Чубинскаго („Труды экспедиціи... т. 7). Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Трубленіе въ „шоферъ" (бараній рогъ) у современныхъ евреевъ совершается только разъ въ году осенью. Библія предписывала древнимъ евреямъ трубить въ первое число 8-го мѣсяца въ воспоминаніе объ ангелахъ, трубившихъ на горѣ Синай. Начало седьмаго мѣсяца приходится около нашего 5-го Сен-

тября. Въ этотъ день современные евреи празднуютъ свой Новый годъ (Рошъ Гашана, по Чубинскому, или Рошъ Ашуна по произношенію Варшавскихъ евреевъ), хотя у древнихъ евреевъ Новый годъ долженъ былъ справляться въ началѣ не седьмого, а перваго мѣсяца, т. е. въ Мартѣ. Праздникъ продолжается 10 дней и заканчивается „Суднымъ днемъ (Іомъ-Кипуръ) (263).

Г. Брафманъ въ своей „книгѣ кагала“ такъ описываетъ празднованіе современными евреями Новаго года:

„Во время существованія іудейскаго царствованія храмъ, оглушенный гимнами левитовъ и радостными звуками священныхъ трубъ, открывалъ днемъ Рошъ-Гашана 10-ти дневный періодъ, въ которомъ народъ, духовенство и даже самая святыня очищались и приготовлялись къ великому народному торжеству, къ тому именно моменту, когда въ послѣдній и самый важный день этого праздника, Іомъ-Кипуръ, разверзались передъ первосвященникомъ, недоступныя для него въ теченіе всего года, двери Святая Святыхъ, и онъ, войдя туда съ искупительными дарами приносилъ оттуда народу прощеніе и благоволеніе Іеговы... Въ настоящее время, также по закону Моисееву, внѣ Іерусалима и внѣ стѣнъ храма, должное служеніе не можетъ быть совершаемо, а потому представители народа еврейскаго ввели такъ называемую мусафъ, синагольное служеніе, открываемое обрядомъ Текіотъ-Шоферъ—трубленіемъ въ рогъ... Согласно народному вѣрованію, въ этотъ день Іегова подтверждаетъ все то, что было предначертано каждому еврею въ Рошъ-Гашанъ. Если человѣкъ, которому былъ предначертанъ горькій жребій на будущій годъ, не успѣлъ во время періода покаянія исправить приговоръ, то по прошествіи Іомъ-Кипура уже поздно“.

Трубленіе въ шоферъ у современныхъ, покрайней мѣрѣ у русскихъ евреевъ, начинается ежегодно съ 1-го числа мѣсяца Элюля, предшествующаго Новому году. Оно совершается въ синагогѣ ежедневно, за исключеніемъ субботъ, при началѣ утренней молитвы. Трубачъ выдуваетъ при этомъ только одну Тэкію (объясненіе смотр. выше). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что ежедневнаго трубленія въ теченіе цѣлаго мѣсяца требуетъ отъ евреевъ не Библія и не Талмудъ, а народный неписанный обычай. Только, начиная съ перваго дня Новаго года трубятъ согласно предписанію Талмуда. Вышеописанный порядокъ трубленія, кромѣ мѣсяца Элюля, продолжается и въ началѣ мѣсяца Тишри, за исключеніемъ самаго кануна Новаго года, въ который трубленія вовсе не бываетъ. Первый день Новаго года можетъ иногда прійтись въ субботу и тогда трубить тоже нельзя. Но второй день никогда въ субботу не приходится, а потому всегда сопровождается трубнымъ звукомъ. Въ первые

два дня Новаго года трубленіе совершается всегда въ строго опредѣленномъ порядкѣ, выражаемомъ слѣдующей схемой:

Отдѣленіе первое:

1) Одна Тэкія
2) Одна Тэруа
3) Одна Тэкія

Все отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $3 \times 3 = 9$ пріемовъ.

Отдѣленіе второе:

1) Одна Тэкія
2) Одинъ Шэварымъ
3) Одна Тэкія

Отдѣленіе повторяется 3 раза, $3 \times 3 = 9$ пріемовъ.

Отдѣленіе третье:

1) Одна Тэкія
2) Одинъ Шэварымъ
3) Одна Тэру́а
4) Одна Тэкія.

Отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $4 \times 3 = 12$ пріемовъ.

И того во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ—10 пріемовъ безъ повтореній, а съ повтореніями—30 пріемовъ. Полученная, такимъ образомъ, цифра пріемовъ съ повтореніями—30 считается минимальной. Ея придерживаются между прочимъ въ Варшавской самой большой синагогѣ (на Тлумацкой), принадлежащей евреямъ талмудистамъ, которыхъ Хасиды называютъ нѣмцами. Но въ иныхъ еврейскихъ общинахъ, какъ напримѣръ въ городахъ Минской губерніи цифра эта доводится до максимума, состоящаго изъ 100 пріемовъ. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ 30 пріемовъ повторяютъ 3 раза, получается: $30 \times 3 = 90$ пріемовъ и кромѣ того всѣ три отдѣленія исполняются одинъ разъ безъ повтореній, получится: $3 + 3 + 4 = 10$ пріемовъ, а всего выходитъ 100 пріемовъ.

Такъ какъ трубачемъ на шоферѣ можетъ быть всякій, а слѣдовательно и человѣкъ, не вполнѣ знакомый съ порядкомъ богослуженія, и такъ какъ кромѣ того вышеописанная схема трубныхъ звуковъ перемежается молитвами, то при каждомъ трубачѣ имѣется ассистентъ изъ людей, свѣдущихъ „въ законѣ“, который громко произноситъ названіе пріема, когда трубачу приходитъ очередь исполнять тотъ или другой номеръ изъ приведенной нами схемы. Читая свои молитвы, онъ вскрикиваетъ: „тэкія“ и трубачъ исполняетъ одну

„тэкію", „шэварымъ" и трубачъ играетъ шеварымъ. Если трубачъ неправильно исполнитъ какой-либо изъ своихъ пріемовъ, то ассистентъ заставляетъ его повторить во второй и въ третій разъ, пока трубный пріемъ не будетъ исполненъ вполнѣ безукоризненно.

Такъ какъ еврейскій народъ вѣритъ, что во время праздника Рошъ-Гашана на небѣ совершается судъ надъ дѣйствіями людей въ прошломъ и рѣшается судьба ихъ въ будущемъ году, то соотвѣтственно съ этимъ вѣрованьемъ объясняется талмудистами обрядъ трубленія. По ихъ объясненію, обрядъ этотъ имѣетъ значеніе воззванія къ роду человѣческому, чтобы онъ оглянулся на свои суетныя дѣла и поступки и возвратился на путь истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ звукомъ рога еврейскій народъ напоминаетъ о себѣ предъ престоломъ Всевышняго. Каждый звукъ шофера, по мнѣнію талмудистовъ, громитъ цѣлыя полчища злыхъ духовъ и даетъ силу и возможность ангеламъ плести изъ этихъ звуковъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. Трубленіе совѣтуютъ сопровождать разными нашептываньями, часть которыхъ возлагается на самаго трубача, а часть на остальныхъ молящихся.

Обряду Тэкіотъ-Шоферъ суевѣрное еврейское общество придаетъ особенно важное значеніе, и потому во время его исполненія въ синагогѣ водворяется необычная въ этомъ мѣстѣ глубокая благоговѣйная тишина: всѣ молящіеся отъ мала до велика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за трубными звуками, стараясь не проронить ни одного изъ нихъ, такъ какъ по звукамъ этимъ гадаютъ о событіяхъ наступающаго года. Малѣйшая оплошность трубача, малѣйшая его неудача, какой-либо слабый или нечистый звукъ предвѣщаютъ въ наступающемъ году крупное несчастіе для общины, а потому тотчасъ же повергаютъ всѣхъ присутствующихъ въ уныніе. Наоборотъ, безукоризненная игра на рожкѣ предвѣщаетъ счастіе, а потому вызываетъ всеобщее ликованіе.

Послѣдній день праздниковъ, судный день (Іомъ-Кипуръ) и въ мѣстѣ съ нимъ десятидневный періодъ покаянія заканчивается тѣмъ же, чѣмъ начался въ Рошъ-Гашанъ: послѣ почти безпрерывной молитвы въ теченіе цѣлаго дня подъ вечеръ раздается въ синагогѣ трубный звукъ, сопровождаемый кликами всего молящагося народа: „л е ш а н а г а б а я б и р у ш а л е и м ъ", т. е. „на будущій годъ въ Іерусалимѣ". Этотъ послѣдній трубный пріемъ состоитъ только изъ одной, очень протяжной Т э к і я, послѣ которой рогъ болѣе уже не трогается до слѣдующаго Новаго года.

Мы видимъ изъ этого описанія еврейскаго Тэкіотъ-Шофера, что въ немъ повторяются всѣ элементы обычая съ трубой, существующаго у литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисовъ: 1) благоговѣйное отношеніе къ трубнымъ звукамъ, 2) исполненіе обряда осенью — въ теченіи довольно продол-

жительнаго промежутка времени, 3) вѣра въ способность трубныхъ звуковъ разгонять нечистую силу и 4) трубленіе въ самый важный годовой праздникъ, соотвѣтствующій литовскому „Великому празднику“ и черемисскому „Сюрэму“. Что касается жертвоприношенія, совершавшагося въ этотъ день литовцами и черемисами, то его мы находимъ почти въ томъ же видѣ у древнихъ евреевъ.

Предполагать, что евреи заимствовали свои вышеприведенные обычаи у литовцевъ или у черемисъ было бы разумѣется слишкомъ неправдоподобно, зная древность еврейскихъ вѣрованій и упорство, съ которымъ этотъ народъ держится за всякую мелочь, изъ того, что онъ считаетъ закономъ Божіимъ.

Довольно близко къ вышеописаннымъ обычаямъ стоятъ также обычаи Мингрельцевъ. У этого народа подъ именемъ „Чечетоба“ извѣстны кануны праздниковъ Св. Ильи Пророка (20 іюля) и Успенія Богоматери (15 августа). Въ ночь „Чечетоба“, по повѣрью Мингрельцевъ, злые духи летаютъ по землѣ и стараются дѣлать людямъ зло. Въ эти ночи никто не долженъ спать, иначе злой духъ войдетъ въ спящаго и причинитъ ему болѣзнь, отъ которой ужъ никто его не вылечитъ. Въ сумеркахъ молодежь обоего пола собирается гдѣ-либо на холмѣ вблизи деревни и здѣсь при кострахъ предается шумному веселью до самой зари. Оставшіеся въ деревнѣ тоже не спятъ: отовсюду слышатся выстрѣлы, крики, звуки деревянныхъ трубъ... Все это дѣлается для того, чтобы напугать и прогнать нечистую силу.

Мужчины и женщины „съ недобрымъ глазомъ“, т. е. замѣченные въ сношеніяхъ съ нечистою силою, отправляются въ эту ночь на уединенную возвышенность, ближайшую къ селу, и оттуда подслушиваютъ, что дѣлается въ обывательскихъ домахъ. Стукъ топора, напримѣръ, знаменуетъ, что въ этомъ домѣ умретъ кто-либо изъ мужчинъ въ теченіи года... и т. под. На утро подслушиватели объявляютъ по деревнѣ, что и гдѣ они слышали. Народъ вѣритъ въ неизбѣжность угаданной колдунами судьбы (264).

Мингрельская „Чечетоба“ походитъ на литовскій „Великій праздникъ“ и еврейскій „Іомъ-Кипуръ“, а въ особенности на этотъ послѣдній, такъ какъ въ теченіе его рѣшается судьба людей на наступающій годъ. Гаданье о будущей судьбѣ по звуку также напоминаетъ еврейское гаданіе, о которомъ мы только что сообщали. Изъ приведенной нами замѣтки не видно, существуетъ ли у Мингрельцевъ обычай трубить въ промежуткѣ между двумя „Чечетобами“, но если его и нѣтъ, то можно думать, что онъ утратился, оставивъ послѣ себя трубленіе въ началѣ урочнаго времени и въ его концѣ.

Далѣе сходство Мингрельскаго обычая съ предъидущими заключается въ томъ, что время трубленія приходится также во второе (осеннее) полугодіе и въ томъ, что Мингрельцы считаютъ необходимымъ бодрствовать въ

теченіи цѣлой ночи, какъ это дѣлали и литовцы въ ихъ „Великій праздникъ“. Наконецъ Мингрельцы подобно черемисамъ вѣрятъ, что въ извѣстное время года, осенью, нечистая сила становится особенно опасной для человѣка и употребляютъ для ея изгнанія такіе же пріемы, какъ и черемисы.

Ко всему этому нужно добавить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тибета передъ жатвой ламы собираются на вершинѣ холма, невдалекѣ отъ селенія и также трубятъ въ трубы въ знакъ благодарности за урожай, а затѣмъ при звонѣ колокола имъ приносятъ первые плоды, и работы по уборкѣ хлѣба начинаются (265). Кромѣ того, у Тибетцевъ существуетъ обычай встрѣчать Новый годъ трубленіемъ въ трубы (266).

Тибетскій обычай трубленіемъ встрѣчать Новый годъ сходится съ еврейскимъ; обычай трубить передъ жатвой напоминаетъ обычаи русскихъ и черемисъ, а обычай приносить ламамъ свои первые плоды, напоминаетъ жертвоприношеніе древнихъ литовцевъ.

Если сходство еврейскихъ обычаевъ съ обычаями литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисъ исключало возможность для его объясненія прибѣгать къ помощи исторіи, то тѣмъ болѣе неумѣстны были бы историческія объясненія загадочной общности въ обычаяхъ между вышеупомянутыми народами съ одной стороны, и Мингрельцами и Тибетцами съ другой. Очевидно, что факты подобнаго рода ведутъ свое происхожденіе онъ временъ доисторическихъ, когда международныя отношенія могли быть совершенно иными, чѣмъ во времена историческія.

Что касается смысла интересующаго насъ обычая, то изъ всѣхъ приведенныхъ нами примѣровъ проглядываетъ довольно ясно, что онъ не имѣлъ другой цѣли, какъ только изгнаніе бѣсовъ, могущихъ повредить урожаю хлѣба и его жатвѣ. А связь того же обычая съ земледѣліемъ указываетъ, что вѣрованье, послужившее ему основой, должно было первоначально принадлежать народу земледѣльческому. Хотя этому послѣднему заключенію, повидимому, не соотвѣтствуютъ обряды евреевъ и мингрельцевъ, которые ничего общаго съ земледѣліемъ какъ-будто бы не имѣютъ, но мы настаиваемъ на немъ вопервыхъ потому, что на немъ сходятся пять народовъ (поляки, литовцы, русскіе, черемисы и тибетцы), а во вторыхъ, что съ вѣрованіемъ этихъ народовъ сходится еще вѣрованье суданскихъ негровъ, сохранившееся въ своей первобытной чистотѣ. Путешественникъ по западному Судану, французскій капитанъ Binger описываетъ, что въ Котэдугу ему пришлось быть свидѣтелемъ одного обычая, сильно напоминающаго, замѣтимъ мы отъ себя, черемисское изгнаніе бѣсовъ и находящагося также въ связи съ земледѣліемъ. Субъекты мужскаго пола, называемые на мѣстномъ языкѣ “Ду“, наряжаются въ странный костюмъ: вся ихъ одежда обшивается волокнами туземной

конопли и листьями пальмы, такъ что видомъ своимъ напоминаетъ длинную густую шерсть. Изъ такой же матеріи дѣлается и шапка, закрывающая всю голову до шеи только съ отверстіями для глазъ. Въ такомъ нарядѣ „Ду" бѣгаютъ, вооруженные палками, по деревнѣ и по полямъ, сопровождаемые толпой, поющей пѣсни, которыя по временамъ прерываются дикими выкриками. Если кто-либо изъ встрѣтившихся съ маскированными дѣтей или взрослыхъ испугается ихъ, то они колотятъ его не на шутку. Подобный обрядъ продолжается день и ночь; онъ совершается только во время осенняго посѣва и по словамъ г. Binger'а имѣетъ своею цѣлью выгнать злыхъ духовъ, могущихъ помѣшать посѣву. У Тоновъ, одного изъ негритянскихъ племенъ западнаго Судана, сходство того же обряда съ черемисскимъ увеличивается еще тѣмъ, что ихъ „ду", называющіеся на мѣстномъ нарѣчіи „субакха" (хозяева ночи), сопровождаютъ свои манипуляціи игрой на трубѣ изъ роговъ дикаго быка (267).

Въ одной старой французской книгѣ (Océanie ou cinquième partie du monde . . . . . par M. G. L. Domeny de Rienzi. Paris 1855, стр. 49 и 85) описаніе религіозной церемоніи, совершающейся подъ названіемъ „Начі" ежегодно, разъ въ годъ, у дикарей на островахъ Тонга въ Австраліи. Празднество это, какъ увидитъ читатель, имѣетъ поразительно много общаго съ „Великимъ праздникомъ" древнихъ литовцевъ и съ „Сюрэмомъ" черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда, а потому мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести его описанія, сдѣланнаго путешественниками.

Церемонія, о которой мы говоримъ, въ первый разъ наблюдалась и была описана знаменитымъ мореплавателемъ, Кукомъ, въ одно изъ его путешествій по Океаніи. Торжество это у жителей Острововъ Тонга считается настолько важнымъ и, священнымъ, что не смотря на уваженіе, которымъ пользовался среди нихъ Кукъ, ему, какъ иностранцу, долго не разрѣшали оставаться въ качествѣ зрителя при совершеніи религіозныхъ церемоній. А когда любознательному англичанину удалось таки настоять на своемъ, разрѣшеніе остаться было получено имъ только послѣ того, какъ онъ согласился вмѣстѣ со своими спутниками раздѣться до гола и спрятаться за высокимъ полисадомъ, да и то еще въ самые важные моменты торжества туземцы умышленно закрыли отъ него зрѣлище своими спинами.

„Начі" (въ буквальномъ переводѣ—часть или доля) состоитъ въ жертвѣ богамъ въ лицѣ божественнаго владыки, первосвященника островъ, „Туи-Тонга", первыхъ плодовъ земли текущаго года. Она, какъ было уже сказано, совершается только разъ въ году (въ іюлѣ мѣсяцѣ) и имѣетъ цѣлью призвать покровительство боговъ на народъ и на произведенія земли, изъ числа которыхъ самымъ драгоцѣннѣйшимъ считается „Ямсъ" или „Иньямъ". Сборъ ямса совершается обыкновенно въ концѣ Іюля, а одна изъ его разновидностей, „Kaĥokaĥo", поспѣваетъ въ началѣ того же мѣсяца. Вотъ это-то послѣднее растеніе и употребляютъ при религіозной церемоніи. Какъ только оно созрѣетъ, король („Hou") извѣщаетъ о томъ Туи-Тонга и проситъ его назначить день для совершенія обряда. Такимъ днемъ назначается обыкновенно десятый, считая съ того дня, когда первосвященникомъ получено извѣщеніе короля. Въ продолженіе девяти сутокъ, предшествующихъ этому дню,

по цѣлымъ ночамъ бываютъ слышны звуки трубы—раковины, раздающіеся съ разныхъ концовъ острова. На девятый день вырываютъ изъ земли ямсъ и украшаютъ его красными лентами. Торжество совершается обыкновенно на томъ островѣ, который Туи-Тонга выбираетъ резиденціей, а потому жители отдаленныхъ острововъ начинаютъ свои приготовленія къ совершенію обряда нѣсколькими днями раньше. Въ канунъ празднества, тотчасъ по закатѣ солнца, по всему острову раздаются звуки раковинъ и все усиливаются по мѣрѣ приближенія ночи, въ тоже время на всѣхъ плантаціяхъ поютъ что-то въ родѣ молитвы, называемой „Нофо“. Такъ продолжается всю ночь и только затихаетъ за 3—4 часа до восхода солнца, послѣ чего шумъ разгорается съ новой силой.

Около 8-ми часовъ утра на кладбище, огороженное палисадомъ, начинаютъ сходиться жители того острова, гдѣ совершается обрядъ, а въ тоже время подъѣзжаютъ на лодкахъ съ пѣснями и при звукахъ раковинъ жители сосѣднихъ острововъ. Всѣ прибывшіе входятъ въ ограду торжественной процессіей, мужчины, вооруженные палицами и копьями, а женщины въ новыхъ „гнату“ (куски матеріи изъ волоконъ тутоваго дерева), украшенныя красными лентами и гирляндами цвѣтовъ. Мужчины навѣшиваютъ ямсъ на длинныя толстыя жерди, кладутъ концы жердей на плечи двухъ человѣкъ и въ торжественной процессіи направляются къ могилѣ послѣдняго Туи-Тонга: они умышленно выступаютъ медленными шагами, дѣлая видъ, что ноша ихъ очень тяжела, чтобы показать, какъ милостивы боги, давшіе имъ такой обильный урожай и такой крупный и тяжеловѣсный ямсъ. Впереди процессіи идутъ два молодыхъ человѣка, трубящихъ въ раковины, а двое другихъ, также съ раковинами, замыкаютъ шествіе. Около могилы полукругомъ усаживаются начальники съ ихъ помощниками; головы ихъ наклонены, а руки сложены на груди. Процессія дефилируетъ между ними и могилой и описываетъ три или четыре круга, послѣ чего складываютъ передъ могилой ямсъ и усаживаются на землю. Тогда поднимается съ своего мѣста одинъ изъ „матабулей“ (помощниковъ) Туи-Тонга, выходитъ впередъ, садится противъ могилы и говоритъ молитву, въ которой онъ обращается сначала ко всѣмъ богамъ, потомъ къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности и наконецъ къ покойному Туи-Тонга. Затѣмъ встаютъ снова всѣ присутствующіе, берутъ свой ямсъ, снова обходятъ нѣсколько разъ процессіей около могилы и наконецъ снимаютъ ямсъ съ жердей. Послѣ того приносятся всѣ остальныя жертвы, состоящія изъ двухъ плодовъ земли, сушеной рыбы, кусковъ матеріи, цыновокъ и проч. Одинъ изъ „матабулей“ Туи-Тонга производитъ тогда дѣлежъ всего пожертвованнаго: четвертую часть онъ отдаетъ жрецамъ, а остальное дѣлитъ поровну между королемъ и Туи-Тонга. Затѣмъ начинается приготовленіе и питье любимаго, національнаго напитка, „кава“, а въ это время одинъ изъ „матабулей“ обращается къ народу съ рѣчью, въ которой онъ говоритъ, что, исполнивши свою священную обязанность, народъ можетъ разсчитывать на защиту и покровительство боговъ и на долгую жизнь.

Празднество заканчивается танцами, борьбой и кулачными боями.

Сходство этого обряда съ описанными нами обрядами евреевъ, литовцевъ, черемисъ и другихъ выше перечисленныхъ народовъ заключается 1) въ

томъ, что обрядъ приходится на вторую половину года, 2) онъ пріуроченъ ко времени созрѣванія и уборки плодовъ земныхъ, 3) совершенію обряда предшествуетъ еженощное трубленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней, 4) трубленіемъ же сопровождается самый обрядъ, 5) празднество имѣетъ національный характеръ, такъ какъ на него съѣзжаются люди съ далекихъ окрестностей, 6) жертва богамъ приносится изъ первыхъ плодовъ текущаго года, 7) торжество совершается только одинъ разъ въ годъ, 8) въ ряду другихъ торжествъ оно считается самымъ важнымъ или однимъ изъ самыхъ важныхъ, какъ „Великій“ праздникъ у литовцевъ, 9) цѣль жертвы—испросить у боговъ покровительство земледѣлію, 10) кромѣ покровительства земледѣлію жертвователями ожидается въ видѣ награды за жертву долгая жизнь, о которой во время своихъ, соотвѣтствующихъ Полинезійскому „Начи“, торжествъ гадаютъ евреи и мингрельцы и 11) празднество, также какъ черемисскій „сюрэмъ“, заканчивается состязаніями въ силѣ и въ ловкости.

По времени своего совершенія (осеннее полугодіе), разбираемый нами обрядъ напоминаетъ кромѣ того Сиро-Финикійскій культъ Адониса, извѣстный также и грекамъ и олицетворявшій собою ежегодное умираніе и возрожденіе растительной силы на землѣ. Согласно греческому миѳу, Адонисъ, по волѣ Зевса, отъ весенняго до осенняго равноденствія живетъ въ высшихъ небесныхъ сферахъ съ богиней Афродитой и ежегодно умираетъ отъ вепря, высылаемаго его противникомъ, богомъ Аресомъ. На второе же осеннее полугодіе онъ переходитъ въ подземныя сферы, гдѣ живетъ съ богиней Прозерпиной, пока на весну снова не возвратится въ небесныя сферы. Празднества въ честь Адониса, называвшіяся у грековъ Адоніями, происходили въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи не одновременно, то въ началѣ лѣта, то во время жатвы, то наконецъ поздней осенью во время уборки плодовъ и винограда (268). Культъ этотъ, вѣроятно, былъ не безъизвѣстенъ и древнимъ евреямъ, судя по одному изъ титуловъ, которымъ они называли Бога: „Адонаи“. А на знакомство съ тѣмъ же культомъ литовскаго народа намекаетъ приведенный нами выше обычай древнихъ Пруссовъ (народа литовскаго племени) ежегодно осенью разбивать статую своего божества Земеника и замѣнять ее новою.

Труба можетъ считаться этнографическимъ признакомъ, характернымъ для нѣкоторыхъ народныхъ группъ.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла мы видимъ, какую важную роль играла труба въ жизни человѣчества. Ей приписываютъ божественное происхожденіе, ее сохраняютъ въ качествѣ реликвіи или священнаго предмета въ хра-

махъ, звукъ ея считаютъ чудотворнымъ, имъ призываютъ въ храмъ. Трубою сопровождаются богослуженія, жертвоприношенія и религіозныя процессіи, восходъ и закатъ солнца, религіозныя празднества, приходящіяся на всѣ времена года и на всѣ мѣсяцы въ году, рожденіе ребенка, свадьбу, похороны и наконецъ главнѣйшія занятія человѣка, какъ скотоводство и земледѣліе. Словомъ, почти нѣтъ ни одного важнаго момента въ человѣческой жизни, который бы не сопровождался трубнымъ звукомъ. Причиной такого высокаго значенія трубы въ глазахъ человѣка были, конечно, ея мощные звуки, способные внушать страхъ живымъ существамъ, а слѣдовательно придавать извѣстную силу ея обладателю. Сила же во всѣхъ ея видахъ и во всѣ времена была предметомъ человѣческихъ желаній, стремленій и надеждъ. И такъ въ трубѣ и ея звукахъ человѣкъ высоко чтилъ ту силу, которую она ему давала. Но кто же были тѣ враги человѣчества, противъ которыхъ помогала ему эта сила? Были-ли то существа равныя ему въ умственномъ отношеніи или низшія, чѣмъ онъ? Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе. Дѣйствительно о многихъ народахъ древности намъ передаютъ, что ихъ нападенія сопровождались „ужаснымъ“ ревомъ трубъ, изъ примѣра Гедеона и Авіи мы видѣли, что благодаря трубамъ иногда выигрывались сраженія. Но дѣйствовалъ-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ устрашающимъ образомъ самый звукъ трубъ? Разумѣется нѣтъ: труба была страшна только потому, что извѣщала о нападеніи многочисленнаго и грознаго противника. Можетъ быть, и было когда-нибудь такое время, впервые послѣ изобрѣтенія трубы, когда народъ, сдѣлавшій это изобрѣтеніе, пользовался преимуществами надъ своими противниками, которымъ трубы еще не были извѣстны, но во всякомъ случаѣ время это не могло быть продолжительнымъ, каждый народъ могъ воспользоваться очевидными преимуществами, дававшимися трубой, такъ какъ матерьяла для постройки этого инструмента вездѣ много, а сдѣлать его себѣ по готовому образцу не особенно трудно. Слѣдовательно военныя свойства трубы, намъ кажется, были бы недостаточны для того, чтобы она пріобрѣла такое, какъ мы видѣли, высокое значеніе у человѣчества, близкое къ ея культу. Вѣрнѣе всего допустить, что труба въ самыя первобытныя времена оказала огромную помощь человѣку въ его борьбѣ съ хищниками животнаго царства, которые въ началѣ были опасны для самого человѣка, а позже для его домашнихъ животныхъ.

Какъ бы ни было, но сознавая извѣстную силу, пріобрѣтенную при помощи трубы, человѣкъ естественно стремился примѣнить этотъ инструментъ всюду, гдѣ только видѣлъ для себя враговъ. Испытавши могущество трубнаго звука надъ звѣрями и людьми, онъ думалъ устрашить тѣмъ же и своихъ невидимыхъ враговъ, бѣсовъ, которые въ первоначальномъ представленіи человѣка не были могучими безплотными духами, какъ мы знаемъ ихъ теперь.

а существами, одаренными плотью и кровью, но невидимыми по ихъ малой величинѣ, чѣмъ то вродѣ мелкихъ насѣкомыхъ.

Позже взглядъ на бѣсовъ измѣнился, ихъ стали считать духами безплотными, но обряды для ихъ изгнанія остались все тѣ-же. Трубный звукъ продолжаетъ считаться страшнымъ для всей нечистой силы, а игра на трубѣ дѣломъ богоугоднымъ.

И такъ въ трубѣ человѣкъ цѣнилъ ея мощный звукъ, но вѣдь извѣстны еще и другіе музыкальные инструменты, которые даютъ звукъ не менѣе сильный и далеко слышный, какъ напр. барабанъ, тарелки, тамъ-тамъ и колоколъ, или духовные инструменты вредѣ флейты и гобоя, звуки которыхъ хотя и уступаютъ трубѣ на далекомъ разстояніи, но на близкомъ чуть-ли не превосходятъ ее своей пронзительностью. Было бы интересно въ высшей степени прослѣдить сравнительное значеніе всѣхъ этихъ инструментовъ въ жизни человѣчества, но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета настоящей статьи, такъ какъ вопросъ этотъ весьма обширенъ, а потому мы ограничимся на этотъ разъ лишь нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

Металлическія ударные инструменты какъ тарелки, тамъ-тамъ и колоколъ по всей вѣроятности болѣе новаго происхожденія, чѣмъ труба, такъ какъ для ихъ производства нужны были металлы, а труба могла быть извѣстна человѣку еще въ каменный періодъ, когда металлы не были извѣстны. Слѣдовательно, инструменты эти, какъ болѣе новые, не могли отнять отъ трубы всей ея славы, укрѣпленной вѣками, также какъ не можетъ этого сдѣлать ни ружейный или пушечный выстрѣлъ, ни свистки локомотива, дающіе несравненно болѣе сильные звуки. Но все-таки значительную долю этой славы металлическіе ударные инструменты, какъ будетъ описано ниже, уже отняли, а мѣстами быть можетъ и совершенно вытѣснили трубу, занявши ея мѣсто, Что касается барабана, то онъ по своей древности врядъ ли уступаетъ трубѣ, а потому сплошь и рядомъ фигурируетъ вмѣстѣ съ нею и очень часто ее замѣняетъ. Кромѣ того, есть случаи, въ которыхъ съ трубою очень успѣшно конкурируютъ такіе же древніе, какъ труба, деревянные инструменты изъ рода флейтъ и гобоевъ и даже волынка. Такимъ образомъ, есть народы, которые въ своей религіозной жизни не пользуются иными инструментами кромѣ трубы, есть такіе, которые кромѣ трубы имѣютъ и другіе инструменты: ударные и духовые и, наконецъ, есть такіе, которые вовсе не признаютъ значенія трубы, но выше всего ставятъ барабаны, флейты или гобои. Если мы теперь обратимся къ тѣмъ моментамъ изъ жизни народовъ и къ тѣмъ приведеннымъ выше обрядамъ и обычаямъ, которые сопровождаются трубными звуками, то увидимъ, что въ массѣ случаевъ они вовсе не связаны съ трубами нераз-

рывно, такъ какъ трубные звуки замѣняются сплошь и рядомъ звуками другихъ инструментовъ или же просто шумомъ и криками.

Изъ всего собраннаго здѣсь матерьяла видно, что наибольшее распространеніе по земному шару труба имѣла въ качествѣ инструмента военнаго и сигнальнаго. На войнѣ ея громкіе звуки, повидимому, болѣе всего были необходимы для человѣка, а потому эта необходимость скорѣй всего могла вызвать заимствованіе и передачу трубы отъ народа къ народу. Но при всемъ томъ мы находимъ историческія свидѣтельства, что древніе греки, напримѣръ, заимствовали свою военную трубу сравнительно въ очень позднія историческія времена, а до тѣхъ поръ довольствовались на войнѣ киѳарами и флейтами. Кромѣ того, есть свидѣтельства о древнихъ Парѳянахъ, что у нихъ барабанъ былъ такимъ же національнымъ военнымъ инструментомъ, какъ у персовъ труба. Далѣе у арабовъ, у османовъ, у киргизъ и въ старинныхъ польскихъ войскахъ дудки изъ рода гобоевъ считаются военными инструментами наравнѣ съ трубами. У китайцевъ съ трубою въ качествѣ военнаго инструмента соперничаетъ гонъ-конгъ, а у австралійскихъ дикарей тамъ-тамъ. Да наконецъ и въ наше время въ европейскихъ войскахъ барабанъ пользуется совершенно одинаковыми правами гражданства съ трубой. Такимъ образомъ въ военномъ дѣлѣ труба не представляетъ собою единственнаго и неизбѣжнаго инструмента.

Но еще рѣже встрѣчается она въ качествѣ инструмента религіознаго. Даже у евреевъ, гдѣ уваженіе къ трубѣ граничило съ ея культомъ, рядомъ съ нею были употребляемы при богослуженіяхъ арфы или гусли. Тоже самое мы видимъ въ Индіи, гдѣ брамины пользуются трубой при своихъ религіозныхъ обрядахъ вмѣстѣ съ колокольчикомъ и у буддистовъ, гдѣ кромѣ трубы при храмахъ существуетъ много другихъ музыкальныхъ инструментовъ духовыхъ и ударныхъ. У древнихъ литовцевъ при жертвоприношеніяхъ кромѣ трубъ и роговъ употреблялись бубны, котлы и пищалки. У черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда при ихъ жертвоприношеніяхъ кромѣ трубы мы находимъ гусли и „пузырь" (родъ волынки). Послѣдній инструментъ считается у нихъ даже священнымъ. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ, у лопарей, самоѣдовъ и другихъ арктическихъ народовъ сѣвернаго полушарія трубы вовсе нѣтъ, а роль священнаго инструмента играетъ знаменитый бубенъ шамановъ и т. д.

Какъ инструментъ для храмового благовѣста въ Европѣ и во многихъ странахъ Азіи, труба замѣняется колоколами, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, колотушками и трещетками. Тѣ же самые инструменты замѣняютъ колокола и во время такъ называемаго „поста колоколовъ", какъ это при-

ходится наблюдать у поляковъ католиковъ Ломжинской губерніи Островскаго уѣзда и у бывшихъ уніатовъ Сѣдлецкой губерніи Родинскаго уѣзда.

Для ежедневнаго оповѣщанія жителей о восходѣ и закатѣ солнца у персіянъ, до сихъ поръ соблюдающихъ этотъ обычай, кромѣ трубы, употребляется еще барабанъ.

Выше мы приводили рядъ ежегодно совершаемыхъ и сопровождающихся трубой обрядовъ или прямо называемыхъ „изгнаніемъ бѣсовъ", или хотя не называемыхъ такъ, но вполнѣ имъ соотвѣтствующихъ. И вотъ у французовъ во время совершенія обряда „огней", кромѣ трубныхъ звуковъ, раздаются еще выстрѣлы, а у черемисовъ при „изгнаніи бѣсовъ" стрѣляютъ и шумятъ трещетками. Въ иныхъ мѣстностяхъ труба въ такихъ же случаяхъ даже вовсе отсутствуетъ и замѣняется: стрѣльбой и щелканьемъ бича — въ Эльзасѣ (269), игрой на дудкахъ — у малороссовъ (270), игрой на бубнахъ, сопѣляхъ и издѣліяхъ струнныхъ—въ старину у великороссовъ (271), трещеткой и скрипкой—у современныхъ чувашъ (272) и т. под.

Обрядъ трубленія въ Новый годъ, соблюдаемый у современныхъ евреевъ, имѣетъ также свои варіанты, въ которыхъ труба или отсутствуетъ или замѣняется другими музыкальными инструментами.

Такъ, въ Германіи въ Новый годъ стрѣляютъ изъ ружей и щелкаютъ хлыстомъ, чтобы отогнать злого духа; на Гарцѣ обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ „Новогодней стрѣльбы" (273). Кашубы въ Помераніи поднимаютъ адскій шумъ, чтобы прогнать старый годъ изъ своихъ деревень и съ полей (274).

У имеретинъ (275), грузинъ (276) и гурійцевъ (277) Новый годъ встрѣчаютъ стрѣльбой.

Въ Тибетѣ въ полночь послѣдняго дня стараго года молодые люди съ барабаннымъ боемъ выходятъ въ поля (278).

У Молдаванъ наканунѣ Новаго года молодежь ходитъ отъ дома къ дому со звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей и дружными криками (279).

Тоже самое можно сказать объ обычаѣ саксонскихъ нѣмцевъ и Тибетцевъ изгонять трубнымъ звукомъ злого духа, производящаго болѣзни. Идея изгнанія болѣзни шумомъ, повидимому, широко распространена по земному шару. Такъ на о-вѣ Мадагаскарѣ, по словамъ очевидца, для излеченія болѣзни считаютъ необходимымъ изгнать изъ заболѣвшаго злого духа ангатру, для чего бьютъ, что есть мочи, надъ ухомъ больного топорикомъ по клину, подвѣшенному на струнѣ (280). Въ западной Австраліи на обя-

занности лекаря лежитъ бѣгать кругомъ паціента и, уходя отъ него, стрѣлять, чтобы отпугнуть злыхъ духовъ (281) и т. под.

Вѣрованье чеховъ, что труба отгоняетъ грозовыя тучи, также не можетъ считаться оригинальнымъ, потому что существуетъ у многихъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, поляки думаютъ, что грозовыя облака тянутъ особые духи, называемые планетниками и что ихъ можно отогнать звономъ колоколовъ (282). Съ тою же цѣлью звонятъ въ колокола въ бельгійскомъ Люксембургѣ (283) и въ Эльзасѣ (284). У одного изъ южноамериканскихъ племенъ гуайкурусовъ, предвидя бурю, мужчины вооружаются своими манканами и выходятъ изъ деревень, а женщины и дѣти, слѣдуя за ними, кричатъ изъ всѣхъ силъ, думая такимъ образомъ прогнать демона, который причиняетъ бурю (285).

Еще больше варіантовъ имѣетъ приведенный нами выше обычай негровъ съ береговъ Нигера отгонять съ трубою демоновъ или драконовъ, проглатывающихъ, по народному вѣрованью, луну во время ея затмѣнія. Такъ, напримѣръ, вангуаны восточной Африки въ томъ же случаѣ колотятъ въ металлическую посуду (286). Въ Константинополѣ производятъ шумъ при помощи чугуновъ, кострюль, котловъ и т. под. звонкой посуды (287). У Бессарабскихъ Гагаузовъ стрѣляютъ изъ ружей, стучатъ въ мѣдную посуду и всячески шумятъ. У Грузинъ—подымаютъ крикъ и стрѣляютъ изъ ружей (288). У Армянъ стрѣляютъ изъ ружей, звонятъ въ колокола, поднимаютъ шумъ и гамъ (289). Мусульмане Талтшинцы Ленкоранскаго уѣзда стучатъ въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей (290). У татаръ Шемаханскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ палкой въ мѣдные тазы и вообще поднимаютъ шумъ и гвалтъ (291). Удины православные и грегоріане с. Варташена Нухинскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей и шумятъ (292). У тюркскаго племени карагасовъ (въ Сибири) стрѣляютъ изъ ружей (293). Въ Китаѣ самъ императоръ бьетъ въ барабанъ. У Стіеновъ въ Камбоджѣ издаютъ дикіе крики. На о-вѣ Суматрѣ производятъ сильныя шумъ съ помощью различныхъ инструментовъ. Ирокезы въ Африкѣ кричатъ, шумятъ, стучатъ, бьютъ въ барабаны и стрѣляютъ изъ ружей. Караибы—кричатъ и шумятъ въ священную трещетку. Индѣйцы Чикитосы пускаютъ въ небо тучи стрѣлъ, сопровождая все это громкими криками. Нѣкоторыя племена сѣверной Мексики и полуострова Юкатана били своихъ собакъ и производили шумъ всякаго рода. Древніе Перуанцы также били своихъ собакъ, чтобы заставить ихъ выть. Гренландцы колотятъ въ котлы (294) и т. д.

Словомъ, повидимому, нѣтъ или почти нѣтъ такихъ обрядовъ, которые не были бы неразлучны съ трубою.

Вотъ почему мы думаемъ, что особое пристрастіе къ трубѣ и употребленіе

ея при тѣхъ или другихъ обрядахъ у какой-либо этнографической группы можетъ служить для нея характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ однѣхъ группъ и сближающимъ съ другими.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла видно, что труба широко распространена по земному шару за исключеніемъ развѣ сѣверной Сибири (295) и всѣхъ арктическихъ странъ. Однако, можно думать, судя по примѣру Польши, въ доброй половинѣ которой нѣтъ трубы въ народномъ употребленіи, всей Малороссіи, Гагаузовъ, у которыхъ на языкѣ нѣтъ даже слова для понятія труба, молдаванъ, болгаръ, древней Греціи, въ которой труба введена была въ историческія времена и проч., что труба распространяется по земному шару далеко не сплошь, а спорадически. Причемъ въ этомъ отношеніи сходны между собою такіе отдаленные народы какъ австралійцы съ литовцами, негры Гвинеи съ бурятами, американскіе индѣйцы съ французами и т. под., а въ тоже время отличаются такія близкія племена, какъ малороссы украинскіе и галиційскіе или поляки Ломжинской губ. и поляки же Петроковской губерніи.

Есть въ этомъ распространеніи трубы что-то какъ бы нанесенное извнѣ, неимѣющее ничего общаго съ родствомъ людей по цвѣту кожи, по строенію тѣла, по языку, по исторической судьбѣ и т. д.

Первое, что можетъ прійти въ голову при разсмотрѣніи, собраннаго нами матерьяла—это то, что труба могла быть изобрѣтена самостоятельно у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ она существовала или существуетъ. Но такому предположенію противорѣчатъ факты изъ области трубной техники. Такъ напримѣръ одинъ и тотъ же инструментъ, одинаковаго устройства, можно найти на огромныхъ пространствахъ. Трубы изъ слоновыхъ клыковъ съ мундштукомъ на боковой поверхности встрѣчаются на всемъ Африканскомъ материкѣ отъ Египта до мыса Доброй Надежды и отъ Занзибара до Гвинейскаго залива.

Раковины-трубы съ мундштукомъ на боковой поверхности можно найти по всей Полинезіи отъ Индійскаго Архипелага до Маркизовыхъ острововъ. Трубы съ мундштукомъ на концѣ распространяются по всей Европѣ, Азіи и Америкѣ. Прямую и длинную деревянную трубу въ Южной Америкѣ можно встрѣтить отъ Венецуелы черезъ всю Бразилію до Чили.

Мало того, если приглядѣться поближе къ собранному нами здѣсь матерьялу, то можно даже построить нѣсколько догадокъ о томъ, какими путями и въ какомъ направленіи одна часть свѣта вліяла на другую. Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ трубы-раковины, то ихъ центромъ была, повидимому, Индія, откуда онѣ распространились на востокъ въ Полинезію, но въ этой послѣдней съ Азіатскимъ вліяніемъ столкнулось Африканское, такъ какъ раковины имѣютъ здѣсь боковое мундштучное отверстіе, составляющее характерную особенность трубъ Африканскаго материка. Обратнаго же вліянія со сто-

роны Полинезіи въ сторону Африки незамѣтно, такъ какъ трубы-раковины дальше о-ва Мадагаскара въ Африкѣ не распространяются. Что касается южной Европы, то общность ея съ Индіей въ этомъ отношеніи очевидна, хотя эти мѣстности раздѣлены между собой передней Азіей, въ которой раковинъ-трубъ не было.

Наконецъ, центральная Америка, къ немалому нашему удивленію, въ отношеніи трубъ обнаруживаетъ близость не съ Австраліей, какъ-бы того слѣдовало ожидать, а со старымъ свѣтомъ, такъ какъ расположеніе мундштучнаго отверстія во всей Америкѣ одинаково съ Европейскимъ и Азіатскимъ, за исключеніемъ Сѣверо-восточнаго угла южной Америки, которая по своему боковому мундштучному отверстію сходна съ Африканскимъ материкомъ (табл. I №№ 3, 7 и 8).

Такъ что, если труба возникла самостоятельно въ нѣсколькихъ пунктахъ земного шара, то пунктовъ этихъ могло быть сравнительно очень немного.

Въ томъ же убѣждаетъ насъ сравненіе между собою названій для трубъ, встрѣчающихся на разныхъ концахъ земного шара. Повидимому большинство этихъ названій происходятъ изъ нѣсколькихъ звукоподражательныхъ корней:

Такъ напримѣръ цѣлый рядъ названій для трубы происходитъ отъ корня кр.: у древнихъ евреевъ и абисинцевъ: керенъ, греч. keras, кельтск. karnix, латинск. cornu, итальян. corno, француз. corne, нѣмец. и англійск. horn, таранчинск. карнай, киргизское керней, османское цурна, индійск. carnal, японск. hora.

Отъ другого корня *тр:* итал. tromba, франц. trompette, нѣм. Trompette, англ. trumpet, чешск. trouba, русск. труба, польск. trąba, галиц. трембита или трубета, средневѣков. европ. taurea, латыш. taure, остъ-индск. tare, tutare, turl, tarai, южно-америк. ture.

Отъ корня *бр:* инд. buri, bhere, bherubuathi, монгольское бурѣ.

Отъ корня *рг*, *рк*: русск. рогъ, латышск. rax.

Отъ корня *tud:* индійск. tuda, русск. туда, чувашск. тудутъ.

Отъ корня бук, буц, пуц: латин. buccina, франц. busine, buisine, испан. bozina, старонѣмец. pusine, новонѣмец. busaune, черемиск. пуцо, путъ, Филип. островъ. budiong, южн. Америк. batuto, греч. βυκανη, грузинск. и имерет. буки, армянс. pogh peghenstia, индійск. punga.

Отъ корня *кб*: индійск. kombee, kombu, осман. кабу-цурна и т. д.

Но что труба переносилась по земному шару съ мѣста на мѣсто, болѣе всего убѣждаетъ насъ сравненіе между собою обычаевъ и обрядовъ, соединенныхъ съ ея употребленіемъ, изложенное въ началѣ настоящей главы.

И такъ невозможно отрицать, что между народами земного шара относительно трубы и, связанныхъ съ нею, обычаевъ существуетъ нѣкоторая общность. Вопросъ только въ томъ, какъ себѣ ее объяснить. У насъ для такого рода фактовъ есть только два объясненія: 1) прямое заимствованіе отъ сосѣдей и 2) заимствованіе черезъ купцовъ. Объяснить такимъ образомъ передачу самого инструмента еще кое-какъ возможно, но понять распространеніе тѣмъ же путемъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ уже гораздо труднѣе, зная какъ всѣ народы консервативны и какъ цѣпко они держатся за свою родную старину. Однако, дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе сложныя и запутанныя явленія, понять которыя при вышеизложенномъ способѣ объясненія уже совершенно невозможно. Какъ, напримѣръ, объяснить распространеніе одинаковыхъ обычаевъ не между сосѣдними народами, а между такими, которые говорятъ совершенно на различныхъ языкахъ, отдѣлены между собою тысячами верстъ и живой стѣной изъ другихъ народовъ, такихъ обычаевъ неимѣющихъ. Или какъ объяснить заимствованіе тѣмъ же путемъ и при такихъ же условіяхъ обычаевъ не одного какого-либо рода, а цѣлаго ряда обычаевъ самыхъ разнородныхъ, цѣлой комбинаціи ихъ, составленной какъ бы совершенно случайно. Рядъ такого рода трудно объяснимыхъ фактовъ мы и намѣреваемся привести въ слѣдующей главѣ.

Загадочныя параллели.

Есть не мало скептиковъ, даже среди людей, занимающихся этнографіей, которые не ждутъ большой пользы отъ сравнительнаго изслѣдованія такъ называемыхъ международныхъ сказочныхъ темъ, вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч. Для нихъ вовсе не кажется страннымъ, совпаденіе хотя бы даже въ мельчайшихъ подробностяхъ вѣрованій, обычаевъ и темъ у народовъ самыхъ отдаленныхъ между собою по языку и раздѣленныхъ морями и океанами. Человѣчество въ ихъ глазахъ представляется настолько однообразнымъ психически, что отдѣльные его народы и племена должны были совершенно независимо, безъ всякихъ международныхъ сношеній прійти къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ, обрядамъ и обычаямъ. Но есть однако случаи, въ которыхъ даже эти спектики не могутъ объяснить международную общность только однообразной организаціей психической природы человѣка. Сюда относится вопросъ о человѣческихъ языкахъ. Ни одинъ самый отчаянный приверженецъ теоріи машинообразнаго дѣйствія человѣческой психики не могъ бы допустить, напримѣръ, что такіе, близкіе между собой языки, какъ русскій и польскій, нѣмецкій и голландскій, французскій и итальянскій могли возникнуть совершенно самостоятельно, независимо другъ отъ друга и только слу-

чайно сойтись между собою на однихъ и тѣхъ же корняхъ и грамматическихъ формахъ. Спрашивается: что же именно въ этомъ случаѣ заставляетъ принимать за неоспоримый фактъ общее происхожденіе изъ одного источника такихъ близкихъ между собою языковъ? Отчего, принимая у всего человѣчества однообразную психическую организацію, мы неможемъ однако ни на минуту допустить, чтобы два народа, живя совершенно отдѣльно другъ отъ друга и вырабатывая самостоятельно свои языки, могли бы сойтись на ихъ корняхъ и формахъ такъ близко, какъ сходится напримѣръ русскій народъ съ польскимъ? Ясно, что здѣсь играетъ роль прежде всего огромная сложность такого психическаго явленія какъ народный языкъ. А слѣдовательно, если мы находимъ у двухъ или нѣсколькихъ народовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ ихъ историческихъ судьбахъ, общія вѣрованья, обряды и обычаи, то мы до тѣхъ только поръ можемъ сомнѣваться въ доисторической общности этихъ народовъ, пока ихъ общія вѣрованья, обряды и обычаи не очень сложны, но какъ только сложность этихъ этнографическихъ признаковъ увеличится, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и вѣроятность ихъ общаго происхожденія.

Вотъ этотъ-то законъ и даетъ въ руки этнографа изслѣдователя ключъ къ мысленному проникновенію въ такія отдаленныя эпохи изъ минувшей жизни народовъ, о которыхъ исторія не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Путей къ такого рода изслѣдованіямъ можетъ быть очень много, но мы хотимъ указать здѣсь на одинъ изъ нихъ, который, какъ намъ кажется можетъ привести къ очень плодотворнымъ результатамъ. Изслѣдователи должны прежде всего собрать свѣдѣнія о какомъ-либо международномъ вѣрованьи подобно тому, какъ мы собрали здѣсь свѣдѣнія о трубахъ. При этомъ по отношенію къ данному вѣрованью человѣчество раздѣлится на двѣ части: одна — несомнѣнно имѣющая у себя искомое вѣрованье, а другая — его не имѣющая. Вотъ—первый шагъ по пути подобнаго рода изслѣдованій.

Если обратиться къ трубѣ и обычаямъ, съ нею соединеннымъ, то при помощи собранныхъ здѣсь свѣдѣній мы можемъ раздѣлить все человѣчество на двѣ большія группы: 1) народы, имѣющіе у себя трубу и пользующіеся ею для разныхъ своихъ цѣлей и 2) на народы, неимѣющіе трубы и не пользующіеся ею. Назовемъ первую изъ этихъ группъ—А.

Сдѣлать предположеніе, что у всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ группы А, труба могла быть изобрѣтена самостоятельно еще до нѣкоторой степени возможно, хотя не безъ натяжки, но при дальнѣйшемъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ собраннымъ нами матерьяломъ такое предположеніе, какъ мы увидимъ, становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ.

Если мы сличимъ между собою вѣрованья, соединенныя съ трубой, у

народовъ, входящихъ въ группу А, то увидимъ что эти народы можно снова подраздѣлить на двѣ группы по сходству въ деталяхъ ихъ вѣрованій и обычаевъ. Напримѣръ, мы получимъ: 1) такіе народы, у которыхъ есть религіозное уваженіе къ трубѣ и 2) такіе, у которыхъ никакого религіознаго уваженія къ этому инструменту не имѣется.

Если мы назовемъ первую изъ этихъ новыхъ группъ черезъ В, то увидимъ вопервыхъ, что группа В меньше группы А, а во вторыхъ, что вѣроятность доисторической общности между народами, входящими въ группу В стала больше, чѣмъ она была для народовъ группы А, такъ какъ между народами группы А общею была только одна черта: пользованіе трубою, тогда какъ между народами группы В есть уже двѣ общія черты: 1) пользованіе трубою и 2) религіозное уваженіе къ трубѣ.

Если мы тѣмъ же порядкомъ снова подраздѣлимъ группу В на двѣ новыя группы напримѣръ на такую, въ которой приняты исключительно прямыя трубы и такую, въ которой имѣются кромѣ прямыхъ еще и изогнутыя, то получимъ еще новую группу С, которая будетъ менѣе В, но у которой вѣроятность доисторическаго общенія народовъ, входящихъ въ группу, еще болѣе увеличится и т. д.

Слѣдовательно, если мы для сравненія между собою народовъ по отношенію ихъ къ какому-либо общему обычаю будемъ вводить одну общую черту за другой, то будутъ получаться все меньшія и меньшія группы, а вѣроятность до историческаго общенія между народами въ этихъ группахъ будетъ становиться все болѣе и болѣе и изъ области предположеній будетъ все болѣе и болѣе передвигаться въ область неоспоримыхъ фактовъ.

Разсуждая подобнымъ же образомъ, мы могли бы дойти въ концѣ концовъ и до той небольшой группы народовъ, между обычаями которыхъ, связанныхъ съ трубой, сравненіе было сдѣлано нами выше, мы говоримъ: о евреяхъ, литовцахъ, полякахъ (губерній: Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой), русскихъ (губерн. Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской), черемисахъ, мингрельцахъ и тибетцахъ. Между народами этой группы сходство по отношенію къ вѣрованьямъ, соединеннымъ съ трубой, оказалось такъ велико, что мы считаемъ себя въ правѣ искать между ними и другія сходственныя черты, ничего общаго съ трубой не имѣющія. И дѣйствительно, ниже мы увидимъ нѣсколько поистинѣ странныхъ загадочныхъ паралелей въ числѣ этнографическихъ признаковъ этихъ народовъ.

Легко понять, что если бы мы подобнымъ же образомъ изслѣдовали и другія международныя вѣрованья, то получили бы рядъ народныхъ группъ, между которыми были несомнѣнныя близкія сношенія въ доисторическія вре-

мена, а это открыло бы передъ нами широкую картину доисторической жизни народовъ.

Переходя затѣмъ къ параллелямъ между обычаями евреевъ, литовцевъ, поляковъ (Плоцкой, Варшавской, Ломжинской и Сѣдлецкой губ.), русскихъ (Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ.), черемисъ, мингрельцевъ и тибетцевъ, мы должны предупредить читателей, что мы не занимались подробнымъ сравнительнымъ изученіемъ этнографическаго матерьяла всѣхъ перечисленныхъ здѣсь народовъ и взяли для сравненія только такія общія имъ черты, которыя такъ сказать слишкомъ бросались въ глаза, а потому и подборъ такихъ чертъ получился совершенно случайный. Кромѣ чертъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ взятымъ нами здѣсь народамъ, мы между прочимъ обратили вниманіе и на такія, которыя общи только двумъ или тремъ изъ нихъ.

У большинства народовъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторые излюбленные цвѣта въ одеждѣ или въ украшеніяхъ, у одного—бѣлый, у другого красный, у третьяго—синій, зеленый, желтый и т. д. У европейскихъ народовъ нашего времени цвѣтъ одежды и украшеній сдѣлался предметомъ моды. Измѣнчивая мода не только выдвигаетъ по произволу то тотъ, то другой цвѣтъ, отдавая ему временное преимущество надъ другими и называя его моднымъ, но даже отъ времени до времени придумываетъ новые цвѣта или лучше сказать оттѣнки цвѣтовъ. А потому мы уже привыкли смотрѣть на цвѣтъ одежды только съ точки зрѣнія его красоты. Но есть и въ нашей жизни такіе случаи, когда всесильная мода принуждена бываетъ сообразоваться съ народными вѣрованьями. Такъ, напримѣръ, никакая мода не въ состояніи была бы измѣнить цвѣтъ нашихъ траурныхъ костюмовъ, хотя цвѣтъ траура вещь совершенно условная: мы знаемъ что у нѣкоторыхъ народовъ траурнымъ цвѣтомъ считается бѣлый, а у другихъ синій и даже желтый. Точно также мода не пытается измѣнить цвѣта свадебнаго костюма невѣсты, всегда бѣлаго, хотя привычка къ употребленію этого цвѣта на свадьбѣ не имѣетъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ какихъ-то древнихъ, совершенно забытыхъ вѣрованій. Если же отъ европейскаго интеллигентнаго общества обратиться къ простолюдинамъ, то тамъ мы найдемъ несравненно болѣе подобныхъ привычекъ къ извѣстнымъ цвѣтамъ, сдѣлавшихся для народа второй натурой. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ цвѣту народнаго костюма, то мы найдемъ огромныя области, гдѣ преобладаетъ красный цвѣтъ и другія, гдѣ преобладающимъ цвѣтомъ является черный, бѣлый или синій. Отсюда берутъ свое начало такъ называемые національные цвѣта. Но кромѣ національныхъ цвѣтовъ есть еще цвѣта религіозные, составляющіе отличительный признакъ, какъ бы знамя, для людей, принадлежащихъ къ одной религіи или же считающихся любимымъ цвѣтомъ того или другого божества. Очень понятно, что привычка къ

такому цвѣту, предписываемому религіей, укрѣпляясь въ народѣ цѣлыми столѣтіями, впослѣдствіи дѣлалась для него второй натурой и не легко было народу отдѣлаться отъ нея даже и въ томъ случаѣ, если онъ перемѣнялъ свою религію. Вотъ почему намъ кажется, что предпочтеніе, отдаваемое народомъ той или другой мѣстности какому-либо цвѣту должно быть интересно для этнографа, такъ какъ происхожденіе его въ большинствѣ случаевъ беретъ свое начало изъ глубочайшей древности.

Шарль Летурно (297) говоритъ, что „во всѣхъ мѣстахъ земного шара человѣкъ для украшенія себя употреблялъ яркіе цвѣта. Въ этомъ отношеніи всѣмъ человѣчествомъ единогласно отдается предпочтеніе красному цвѣту. Однако, прибавляетъ тотъ же авторъ, существуютъ и исключенія“... Далѣе онъ перечисляетъ народы, у которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Къ такимъ народамъ принадлежатъ между прочимъ и евреи, хотя г. Летурно о нихъ вовсе не упоминаетъ. Особенно уважался голубой цвѣтъ у древнихъ евреевъ, какъ это видно изъ книги исхода (гл. 25). Передъ постройкой скиніи Богъ приказалъ Моисею принимать отъ сыновъ Израилевыхъ разный матерьялъ для нея и между прочимъ „шерсть голубую, пурпуровую и червленную“. Говоря объ этихъ трехъ родахъ шерсти и перечисляя разныя составныя части и принадлежности скиніи, которыя должны быть изъ нихъ сдѣланы, Библія, отличающаяся точностью своихъ выраженій, на первомъ планѣ вездѣ ставитъ шерсть голубую. Такимъ образомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ шерсти были сдѣланы (гл. 26): 1) 10 покрывалъ, составляющихъ скинію, 2) два завѣса у входа въ скинію, 3) Эфодъ (часть одежды Аарона), 4) Поясъ Эфода и 5) Наперсникъ (нагрудникъ) судный, а изъ одной голубой: 1) Петли къ покрываламъ, изъ которыхъ была составлена скинія (гл. 26), 2) Шнуръ, прикрѣпляющій наперсникъ къ кольцамъ Эфода (гл. 28), 3) Верхняя риза къ Эфоду (гл. 28) и 4) Шнуръ, прикрѣпляющій золотую дощечку съ надписью: „Святыня Господня“ къ Кидару (головному убору первосвященника) (гл. 28). Кромѣ того верхній покровъ скиніи былъ сдѣланъ изъ синихъ кожъ (гл. 26).

Что касается одежды древнихъ евреевъ, не священниковъ, то каждый изъ мужчинъ къ четыремъ концамъ своего плаща долженъ былъ пришивать кисти (цыцэс) обязательно голубаго цвѣта („схелес“), которыя назывались „кистями видѣнія“ и служили какъ бы національнымъ отличительнымъ признакомъ еврея. Впослѣдствіи этотъ плащъ (онъ называется Талэс) сталъ носиться евреями только во время молитвы, а кисти были перенесены съ него на такъ называемый Талэс Кутонъ, т. е, Малый Талэсъ, съ которымъ еврей почти не долженъ разставаться (благочестивые евреи даже спятъ въ немъ). Въ настоящее время 4 кисти Талэсъ Кутона, изъ 7-ми нитей каждая, стали

дѣлаться уже не голубаго, а бѣлаго цвѣта, но авторы Талмуда знаютъ ихъ еще голубыми. Такъ, напримѣръ, въ Талмудѣ поднимался вопросъ о томъ, избавляетъ ли плащъ, окрашенный цѣликомъ въ голубой цвѣтъ, отъ необходимости имѣть кисти на немъ непремѣнно голубыя и былъ рѣшенъ отрицательно.

Въ жизни современныхъ евреевъ въ особенности русскихъ голубой и синій цвѣта, повидимому, не играютъ никакой или почти никакой роли, по крайней мѣрѣ, они не являются преобладающими. Такъ у А. С. Дембовецкаго (298), описавшаго бытъ Могилевскихъ евреевъ, мы находимъ объ этомъ вопросѣ краткія замѣтки, которыя, впрочемъ, ничего не говорятъ о преобладаніи синяго или голубого цвѣтовъ. Мы узнаемъ здѣсь, что до 1845-го года евреи въ Россіи носили бѣлые или синіе чулки, что пуховыя перины и подушки у современныхъ Могилевскихъ евреевъ дѣлаются изъ синяго ситца, а ихъ бѣлое молитвенное покрывало (Талэсъ) обшивается по краямъ тремя полосами синяго цвѣта. Наконецъ, сами мы, наблюдая домашній и общественный бытъ евреевъ преимущественно въ Волынской губерніи, встрѣчали синяго или голубого цвѣта: 1) тѣ полосы по краямъ „Талэса", о которыхъ говоритъ г. Дембовецкій; 2) занавѣсъ кивота, въ которомъ хранятся свитки Торы; 3) такъ-называемыя „рубашечки" или чехлы, въ которыхъ сохраняются самые свитки и 4 платки, обыкновенно составляющіе собственность синагоги, которыми женихи на еврейскихъ свадьбахъ накрываютъ, по обряду, голову своихъ невѣстъ. Но всѣ эти предметы намъ приходилось встрѣчать и другихъ цвѣтовъ; занавѣси и „рубашечки" Торы—темно-коричневаго цвѣта, полосы на краяхъ Талэса—чернаго, а свадебные платки бѣлаго цвѣта. Знатоки еврейскихъ законовъ и обычаевъ, спрошенные нами по этому поводу, дали слѣдующія небезъинтересныя свѣдѣнія: „дѣйствительно, говорили они, у древнихъ евреевъ голубой цвѣтъ, называвшійся по древне-еврейски „Схелесъ" (что по научному словарю Штетберга значитъ: „конецъ видимаго міра, туманная даль, глубь небеснаго свода, синева, лазурь небесная, а отсюда пряжа синяго цвѣта"), игралъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь у насъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библіи слово „схелесъ" передано словомъ „желтый", но это совершенно невѣрно: въ Талмудѣ (трактатъ Babamezia 61) разсказывается, что фарисеи, чтобы показать народу свое благочестіе, носили въ изобиліи части одежды синяго цвѣта, но при этомъ фальсифицировали очень дорогую краску цвѣта „схелесъ", предписанную закономъ, при помощи индиго. Кромѣ того, въ сборникѣ легендъ, изданномъ на древне-еврейскомъ языкѣ Шульманомъ, приводится на этотъ счетъ очень интересная легенда, такого содержанія:

„Дѣло происходило въ Іерусалимѣ. Одинъ весьма ученый раввинъ си-

дѣлъ въ синагогѣ, углубившись въ свои ученыя занятія, какъ вдругъ является туда же его знакомый и сообщаетъ раввину, что въ его домѣ случилось какое-то несчастіе (по однимъ варіантамъ заболѣла жена раввина, по другимъ— его ребенокъ). Пораженный извѣстіемъ, раввинъ стремительно побѣжалъ домой, не успѣвъ даже въ попыхахъ снять надѣтаго на него въ эту минуту Талэса. По дорогѣ встрѣтилъ его арабъ духовнаго званія и, замѣтивъ на раввинѣ плащъ синяго цвѣта, счелъ свою религію оскорбленной, такъ какъ синій цвѣтъ составляетъ исключительную принадлежность потомковъ Магомета. Арабъ выхватилъ ножъ и съ яростью бросился на разсѣяннаго и глубоко опечаленнаго раввина. Холодная сталь уже готова была вонзиться въ сердце несчастнаго, но по волѣ Провиденія, рука убійцы мгновенно парализировалась, и благочестивый раввинъ былъ спасенъ чудомъ отъ неминуемой смерти".

Въ Талмудѣ же мы находимъ объясненіе, почему у современныхъ евреевъ голубой цвѣтъ пересталъ играть выдающееся значеніе, а именно въ трактатѣ „Менахотъ" 44) говорится, что голубой цвѣтъ (схелесъ) приготовлялся изъ крови рыбы, извѣстной подъ именемъ „алузэнъ". Рыба эта будто бы появлялась въ 70 лѣтъ разъ и составляла потому большую рѣдкость; это обстоятельство, будто бы и заставило позднѣйшихъ законодателей еврейскаго народа освободить его отъ обязательнаго ношенія „цыцэсъ" синяго цвѣта и разрѣшить для ношенія кисти изъ бѣлой пряжи. Интересно, что нѣкій цадикъ (благочестивый), по имени Гершонъ Генохъ, недавно умершій, родомъ изъ гор. Радзина, Сѣдлецкой губ., утверждалъ, что ему удалось найти въ одномъ акваріумѣ въ Италіи рыбу „халузэнъ". По возвращеніи домой онъ сталъ приготовлять на продажу эту краску, чѣмъ занимаются и до настоящаго времени наслѣдники и приверженцы этого цадика (цѣлая секта) и носятъ „цыцэсъ" не бѣлаго, а голубого цвѣта. Весьма вѣроятно, что со стороны цадика вся эта выдумка была чистой мистификаціей, сочиненной лишь для „хорошаго гешефта", но она характеризуетъ благоговѣйное отношеніе религіозныхъ евреевъ къ голубому цвѣту".

Если у русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ голубой цвѣтъ въ одеждѣ встрѣчается, сравнительно, рѣдко, то у ихъ азіатскихъ и африканскихъ единовѣрцевъ, повидимому, кое-что сохранилось по этой части отъ библейскихъ временъ. Такъ, напримѣръ, китайскіе евреи, живущіе въ городѣ Койфынъ (главномъ въ провинціи Хэ-нань) извѣстны китайцамъ подъ именемъ синихъ мусульманъ по цвѣту шапокъ ихъ раввиновъ (300). А Алжирскіе и Тунисскіе евреи зимою носятъ „длинный круглый плащъ синяго цвѣта" (301).

О синемъ цвѣтѣ у литовцевъ мы узнали кое-что отъ латышскаго этно-

графа, г. Новицкаго, который на латышской этнографической выставкѣ, бывшей въ г. Ригѣ въ 1896-мъ году, состоялъ однимъ изъ главныхъ ея распорядителей, а въ настоящее время завѣдуетъ латышскимъ этнографическимъ музеемъ въ томъ же городѣ. Показывая намъ на выставкѣ тканкія издѣлія своего народа, въ которыхъ преобладали красный и зеленый цвѣта, г. Новицкій замѣтилъ, что эти два цвѣта настолько же характерны для латышей, какъ синій для ихъ ближайшихъ сосѣдей литовцевъ, а потому латыши считаютъ этотъ послѣдній цвѣтъ отличительнымъ признакомъ для литовца. Кромѣ того, у Д. Афанасьева (302) мы находимъ сообщеніе, что „обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты (у литовцевъ) составляетъ синій суконный кафтанъ, что богатыя женщины литовки въ уѣздахъ Вилькомірскомъ и Новоалександровскомъ „даже и въ будни носятъ юбки изъ тонкой голубаго цвѣта шерстяной матеріи, а мужчины литовцы носятъ кафтанъ, называемый кумала изъ льняной, смѣшанной съ шерстью ткани, подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ“.

Въ Забужской Руси, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ, какъ было описано выше, сохранился обычай трубить въ трубу, намъ приходилось бывать лично во многихъ селахъ и деревняхъ для собиранія этнографическаго матерьяла, а потому мы можемъ привести здѣсь наши личныя наблюденія. Въ этой мѣстности старинные народные костюмы крестьянъ исчезаютъ можно сказать съ каждымъ днемъ, замѣняясь полугородскимъ костюмомъ, общимъ почти всему Царству Польскому. Но намъ удалось кое-гдѣ оазисами встрѣчать здѣшній старинный костюмъ во всѣхъ четырехъ русскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскомъ, Радинскомъ, Бѣльскомъ и Влодавскомъ. Мѣстами онъ сохранился еще и у молодежи, какъ напримѣръ во Влодавскомъ уѣздѣ, а чаще носится людьми пожилыми или стариками (въ остальныхъ трехъ уѣздахъ). Костюмъ этотъ, впрочемъ, распространяется отсюда далеко во всѣ стороны, на востокъ въ Гродненскую, Минскую и Витебскую губернію, на югъ въ сѣверную часть Волынской губерніи, въ Люблинскую и Кѣлецкую и, наконецъ, на западъ въ другіе уѣзды Сѣдлецкой губерніи: Луковскій и Сѣдлецкій. О распространеніи этого костюма въ западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и о различныхъ его видоизмѣненіяхъ по мѣстностямъ мы имѣемъ довольно обширный матерьялъ и намѣреваемся напечатать его въ отдѣльной статьѣ, теперь же опишемъ его лишь въ общихъ чертахъ. Мужчины носятъ сверхъ сорочки короткіе полукафтаны (съ рукавами) изъ бураго или чернаго сукна, по здѣшнему „кабаты“, а сверхъ нихъ надѣваютъ длинные кафтаны такого же сукна, носящіе различные названія по мѣстностямъ, какъ-то: сукманы, свиты, кафтаны и проч. На головѣ шапка съ барашковымъ околышемъ (чернымъ) и съ верхомъ о четырехъ углахъ,

какъ у польской конфедератки или у нашей кучерской шапки. У женщинъ „кабаты“ замѣняются кофтами изъ чернаго же сукна, а верхняя одежда (сукманъ) совершенно такая же, какъ у мужчинъ. Характерной особенностью такого костюма для насъ являются его украшенія: онъ обшивается по всѣмъ швамъ, по борту, по воротнику, по рукавамъ и по обшлагамъ голубыми шерстяными шнурками, а иногда кромѣ того украшаются на груди шнурками того же цвѣта, идущими поперекъ груди (какъ у гусаръ). Верхъ шапки дѣлается изъ голубого сукна. Такой костюмъ намъ приходилось, напримѣръ, встрѣчать на праздникѣ въ Лѣсненскомъ монастырѣ Константиновскаго уѣзда на крестьянахъ того же уѣзда, приходившихъ въ монастырь на богомолье. Въ Радинскомъ уѣздѣ онъ сохранился уже только у стариковъ, мы видѣли его въ селахъ: Дрелевѣ, Рудно, Радче, Гусѣ, Яблонѣ, Давидахъ и Оссовѣ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ онъ существуетъ въ с. Кіёвцѣ, въ Межилѣсьи, Долгобродахъ, Ганнѣ и Кузовкѣ, а во Влодавскомъ въ селахъ: Орховекъ, Оконники и Вырыки (гмины Шиминна). Такой же костюмъ за исключеніемъ шапокъ съ голубымъ верхомъ мы видѣли на крестьянахъ Гродненской губ. Брестскаго уѣзда, бывшихъ на богомольи въ Лѣсненскомъ монастырѣ, они были изъ слѣдующихъ волостей: Мотыкальской (Чилѣево и Тюхеничи), Каннежуровской (Пугачово), Половецкой (Бобровка и Ставище), Лыщицкой (Лыщицы, Яцковичи и Подгубятичи), Мѣдянской, Домачевской, Приборовской и Ольшанской. Такіе же голубые канты (по здѣшнему „ку́снычки“) съ прибавкою красныхъ есть въ Волчанской волости (Гожевичи) и въ Лыщицкой (Кустынъ).

Кромѣ того въ селахъ Ганна и Долгоброды Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. молодые парни свои соломенныя шляпы украшаютъ по тульѣ непремѣнно голубой лентой, концы которой свѣшиваются на спину. Далѣе въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. въ селахъ: Руднѣ, Радчѣ, Дрелевѣ и Оссовѣ всѣ мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти носятъ штаны изъ домотканной матеріи ярко-голубого цвѣта. Тамъ же, въ Радинскомъ уѣздѣ, а кромѣ того въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ мы собирали для Петербургскаго этнографическаго музея (при Академіи Наукъ) образцы домотканныхъ матерій и въ нихъ преобладающимъ былъ синій цвѣтъ. Но особенно сильнымъ пристрастіемъ къ синему и голубому цвѣту въ разсматриваемой нами мѣстности отличаются села Сѣдлецкой и Гродненской губерній, прилегающія къ рѣкѣ Бугу, выше города Брестъ-Литовска. Здѣсь существуетъ обычай подсинивать все бѣлье какъ мужское, такъ и женское, носимое и постельное и даже полотняные мѣшки, употребляемые въ хозяйствѣ; синятъ все это такъ сильно, что полотно представляется не бѣлаго, а голубого цвѣта. Въ особенности цвѣтъ этого бѣлья бросается въ глаза на праздникѣ въ гор. Холмѣ

(8-го Сентября), гдѣ Бѣльскіе и Влодавскіе крестьяне изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Бугу, рѣзко выдѣляются изъ остальной толпы богомольцевъ голубымъ цвѣтомъ своего бѣлья. Здѣсь же кромѣ того принято вышивать мужскія и женскія рубашки на груди на плечахъ и на рукавахъ, и вышивки эти дѣлаются исключительно нитками голубаго и чернаго цвѣта. Но любовь здѣшнихъ крестьянъ къ синему цвѣту не ограничивается одной одеждой: если кто нибудь изъ болѣе состоятельныхъ жителей села надумаетъ покрасить косяки и рамы своихъ оконъ и ихъ ставни, то краситъ ихъ не иначе, какъ въ голубой цвѣтъ. Послѣднее явленіе кромѣ мѣстностей, прилегающихъ къ р. Бугу съ обѣихъ сторонъ, мы встрѣчали еще и въ Радинскомъ уѣздѣ. Любопытно, что даже при раскопкахъ въ селѣ Чекановѣ Сѣдлецкой губерніи были найдены въ могилахъ бусы бѣлаго, синяго и близкаго къ синему фіолетоваго цвѣта (303). Быть можетъ, что такіе бусы служили въ древности амулетомъ, такъ какъ и теперь еще евреи, греки, армяне и мусульмане въ Турціи вѣшаютъ на шею своихъ новорожденныхъ и пришиваютъ на ихъ колпачки разныя мелкія изображенія изъ голубого стекла какъ предохранительное средство отъ „дурного глаза" (304).

Что касается синяго цвѣта въ одеждѣ Волынской губерніи, то мы, собирая этнографическій матерьялъ въ этой губерніи, находили тамъ синій цвѣтъ только въ сѣверо-западномъ ея углу, въ уѣздахъ: Владиміро-Волынскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ и отчасти въ Кременецкомъ. Въ Луцкомъ и Кременецкомъ уѣздахъ встрѣчаются такія же какъ въ Гродненской и Сѣдлецкой губерніяхъ черныя „світы" съ голубыми кантами, а въ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—бѣлыя „світы" тоже съ голубыми кантами, но только преимущественно у женщинъ, тогда какъ у мужчинъ встрѣчаются и бурыя „світы" съ красными кантами и сѣрыя съ черными. Кромѣ того въ Ковельскомъ уѣздѣ намъ случалось видѣть у крестьянъ зимнія черныя барашковыя шапки („кучмы"), съ ярко-голубымъ суконнымъ верхомъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, также какъ и вездѣ въ Малороссіи, излюбленнымъ цвѣтомъ, какъ для украшенія одежды, такъ и жилища, является красный.

Чтобы закончить съ излюбленными цвѣтами для украшенія одежды въ разсматриваемомъ нами районѣ западной Россіи, гдѣ существуетъ обычай трубить осенью, необходимо коснуться еще одного весьма интереснаго факта, нами замѣченнаго. Дѣло въ томъ, что́ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, тамъ же, гдѣ мы указали рядъ селъ, имѣющихъ черныя или бурыя свиты съ голубыми кантами, въ перемѣшку съ этими послѣдними, есть другія села, которые также имѣютъ обычай трубить осенью, но въ которыхъ носятъ бурыя или черныя свиты съ зелеными кантами. Этотъ цвѣтъ кан-

товъ, какъ намъ приходилось наблюдать, не распространяется отсюда ни на западъ въ Польшу, ни на востокъ въ Бѣлоруссію, и только на югъ въ Ковельскій и Владиміро-Волынскій уѣзды Волынской губерніи. Надо замѣтить, что зеленый цвѣтъ кантиковъ нигдѣ болѣ, кромѣ упомянутой мѣстности, ни въ Польшѣ, ни въ западной Россіи, мы не встрѣчали, что и даетъ намъ поводъ предполагать, что народъ, придерживаясь обычая своихъ предковъ, украшать свою одежду матеріей извѣстнаго цвѣта не такъ чувствителенъ, какъ мы, въ дѣлѣ разбора цвѣтовъ, а потому смѣшиваетъ между собою такіе близкіе цвѣта, какъ синій и зеленый, какъ синій и фіолетовый, какъ красный и оранжевый и т. под. Поэтому, какъ кажется, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если мѣстности съ излюбленнымъ зеленымъ цвѣтомъ будемъ считать весьма близкими или даже одинаковыми въ этнографическомъ отношеніи съ такими, въ которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Вотъ списокъ деревень Брестскаго уѣзда Гродненской губ., въ которыхъ свиты украшаются кантами зеленаго цвѣта: Песчатка, Волька, Хлѣвище, Тулинъ и Клюковичи (Половецкой волости), Миневичи, Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подбурье, Березовка, Радѣевичи и Ясиновка (Верховичской волости). Сюда же надо отнести деревню Чернево Высоколитовской волости, гдѣ канты зеленые съ краснымъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ польской мелкой шляхтѣ Сѣдлецкой, Варшавской, Ломжинской и Плоцкой губерній, среди которой распространенъ обычай трубить въ осеннее полугодіе, то увидимъ, что здѣсь старинный костюмъ уже исчезъ, вытѣсненный новѣйшимъ, полугородскимъ, однако коегдѣ, какъ напримѣръ, въ дер. Воевудкѣ Соколовскаго уѣзда (Сѣдлецкой губ.) старики разсказывали намъ, что прежде у нихъ также носили черную свиту съ голубыми кантами.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время у шляхты перечисленныхъ нами 4-хъ губерній свитъ съ голубыми кантами уже не носятъ, но голубой цвѣтъ намъ приходилось наблюдать въ Соколовскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи и въ Островскомъ Ломжинской у мужчинъ—въ будничныхъ рабочихъ шароварахъ голубого цвѣта, а у женщинъ — на передникахъ, которые почти исключительно ткутся полосатыми синими, или голубыми полосами попеременно съ бѣлыми. Кромѣ того въ домотканныхъ матеріяхъ, изготовляемыхъ здѣшней шляхтой, также какъ и у русскихъ Сѣдлецкой губ., преобладаетъ синій цвѣтъ. Косяки оконъ и дверей, а также ставни здѣшняя шляхта, если окрашиваетъ, то непремѣнно въ голубой цвѣтъ, чѣмъ отличается отъ крестьянъ, живущихъ рядомъ и красящихъ тѣ же части своего жилища въ желтый и красный цвѣтъ. Живя два года на дачѣ въ домахъ мелкой шляхты, въ деревнѣ Ростки Веляки, близь мѣстечка Малкина (Ост-

ровскаго уѣзда), мы просто поражались, какъ сильно въѣлась въ нашихъ хозяевахъ быть можетъ многовѣковая привычка къ синему и голубому цвѣту. Такъ напримѣръ, бывая въ хатахъ нашихъ сосѣдей, мы всюду находили на ихъ столахъ миніатюрные крестики, замѣняющіе распятія, непремѣнно голубого цвѣта, а на нихъ были повѣшаны четки тоже голубого цвѣта.

Въ Варшавской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ лигавки и въ Плоцкой губерніи такихъ подробныхъ наблюденій надъ внѣшнимъ бытомъ крестьянъ намъ дѣлать не приходилось, но близко отъ этихъ мѣстъ, въ самомъ городѣ Варшавѣ, у здѣшнихъ мѣщанъ, голубой цвѣтъ считается любимымъ цвѣтомъ Божьей матери, а потому на здѣшнихъ католическихъ процессіяхъ у всѣхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, участвующихъ въ несеніи разныхъ реликвій, ихъ бѣлыя платья украшены непремѣнно голубыми лентами и подпоясаны голубыми кушаками, голубыя же ленты употребляются и для украшенія образовъ, носимыхъ въ процессіи. Наконецъ, любопытнѣе всего обычай, существующій среди здѣшнихъ мѣщанъ католиковъ, это посвящать по обѣту своихъ дѣтей Божьей матери. Въ этомъ обѣтѣ для насъ всего интереснѣе то, что дѣвочекъ, посвященныхъ Божьей матери, до семи лѣтъ одѣваютъ въ платья исключительно голубого цвѣта.

О голубомъ цвѣтѣ въ одеждѣ черемисовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Въ книгѣ профессора Казанскаго университета, И. Н. Смирнова, „Черемисы" (стр. 78) сообщается, что праздничные кафтаны тамошнихъ женщинъ шьются изъ синяго или зеленаго сукна. Кромѣ того изъ полнаго женскаго черемисскаго костюма этой мѣстности и модели мужского въ маломъ видѣ, пріобрѣтенныхъ нами для музея Императорской Академіи Наукъ, видно, что мужчины здѣсь носятъ бѣлыя свиты съ голубыми кантами, какъ у женщинъ малороссіянокъ во Владиміро-Волынскомъ и Ковельскомъ уѣздахъ Волынской губ., а женщины при лѣтнемъ костюмѣ сверхъ халатообразной бѣлой рубахи подпоясываются широкимъ и длиннымъ синимъ кушакомъ.

О синемъ цвѣтѣ у мингрельцевъ мы имѣемъ лишь только двѣ краткія замѣтки: во-первыхъ, что богатые изъ нихъ носятъ темно-синюю „чуху" (верхнее платье), а подъ нею блѣдно-голубой „архалукъ" (305). Кромѣ того мингрельскія женщины покрываютъ или покрывали до недавняго времени свое лицо голубыми и черными полосками (родъ татуировки) (306).

Чтобы покончить съ голубымъ цвѣтомъ, мы приведемъ въ заключеніе свидѣтельство путешественниковъ, изъ котораго можно заключить, что и для жителей Тибета голубой цвѣтъ имѣетъ, если не вполнѣ религіозное, то полу-религіозное значеніе.

Главной чертой Тибетскаго этикета служитъ поднесеніе „шарфовъ счас-

тія", маленькихъ шелковыхъ лоскутковъ блѣдно-голубого цвѣта въ три раза длиннѣе собственной ширины, обыкновенно съ бахромой на обоихъ концахъ, называемыхъ „кхату". Они всевозможныхъ видовъ и цѣнъ; никто не путешествуетъ, не запасшись ими. Приходя къ человѣку или къ божеству, прося какой-нибудь милости, каждый начинаетъ съ того, что беретъ „кхату" и подноситъ его. Если два друга встрѣтятся послѣ долгой разлуки, ихъ первое дѣло обмѣняться „кхатами", что имѣетъ еще большее значеніе, нежели рукопожатіе у европейцевъ. Если тибетцы пишутъ письмо, то вкладываютъ въ него „кхату"; самый низкій поклонъ или величайшій подарокъ считается за ничто, если не сопровождается „кхатой" (307). Кромѣ того о тебетцахъ побогаче пишутъ, что они, не довольствуясь обыкновеннымъ платьемъ желто-бѣлаго цвѣта, покупаютъ себѣ еще платье изъ синяго ситца (308) *).

*) Вышеприведенными примѣрами пристрастія разныхъ народовъ къ голубому цвѣту мы отнюдь не желали доказать, что цвѣтъ этотъ пользуется уваженіемъ, только у тѣхъ народовъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто. Есть кромѣ нихъ и другіе народы, объ обычаяхъ которыхъ съ трубой мы ничего или почти ничего не знаемъ, но которые также проявляютъ несомнѣнное пристрастіе къ голубому цвѣту. Такъ Ш. Летурно передаетъ, что древніе Кельты и Иллирійцы татуировались въ голубой цвѣтъ, а Германцы, Бритты и Пикты раскрашивали свое тѣло голубой краской. Пристрастіемъ къ голубому цвѣту отличаются также Персіяне и азіатскіе арабы. Первые (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ) окрашиваютъ себѣ бороду въ индиго, а щеголихи у Багдатскчхъ арабовъ окрашивали себѣ губы лазурью, на колѣнахъ рисовали лазуревые кружки, вокругъ таліи голубой поясъ, а вокругъ каждой груди голубые цвѣты. Тоже видимъ мы и въ Суданѣ, въ Африкѣ. Здѣсь въ области Нигера, около озера Чадъ, путешественники видѣли султана съ бородою, окрашенною въ голубой цвѣтъ (309). Тамъ же въ городѣ Кукѣ знаменитый путешественникъ, Д-ръ Эдуардъ Фогель видѣлъ женщинъ, которые мазали себѣ лицо и руки краскою индиго (310). Наконецъ, у народа Гауза въ Среднемъ Суданѣ, женщины окрашиваютъ въ голубую краску свои волосы, руки, ноги, бедра и брови (311). О феллахахъ въ средней Африкѣ разсказываютъ также, что они красятъ свои волосы краской индиго (312).

Въ западной Индіи у женщинъ голубой цвѣтъ остался до настоящаго времени любимѣйшимъ цвѣтомъ для одежды. На памятникахъ индусской живописи, найденныхъ въ Аятской пещерѣ, женщины одѣты въ платье голубого цвѣта. Древніе индусскіе поэты постоянно воспѣваютъ женщину, одѣтую въ платье голубого цвѣта и сравниваютъ ее съ грозовой тучей, освѣщенной блескомъ молніи. Даже палачи одѣваютъ тамъ платье не краснаго цвѣта, какъ у насъ въ Европѣ, а голубого (313). Но что далеко не вся Индія раздѣляетъ пристрастіе къ голубому цвѣту, видно изъ того, что лица, принадлежащія къ сектѣ Вишну, не могутъ имѣть въ своей одеждѣ ничего синяго (314).

Синій цвѣтъ принадлежитъ также къ числу весьма уважаемыхъ цвѣтовъ въ Китаѣ, въ особенности у простонародья. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, передавая свои впечатлѣнія, вывезенныя изъ Китая, говоритъ: «Монотонность во всемъ: синія громадныя матовыя («Мата»—очень грубая мѣстная бумажная матерія) вывѣски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ..» (315). У Расинэ (316) говорится, что хотя въ костюмѣ китайской императорской фамиліи есть голубой цвѣтъ, но въ ряду другихъ цвѣтовъ онъ второстепенный, онъ цвѣтъ низшихъ классовъ народонаселенія. Желтый цвѣтъ принадлежитъ только императору, принцамъ крови и тѣмъ, кому государь дозволитъ его носить, красный цвѣтъ принадлежитъ мандаринамъ, а черный, синій и фіолетовый—всѣмъ. Обычный траурный цвѣтъ у китайцевъ составляютъ бѣлые и темносѣрые цвѣта, для глубокаго же траура служитъ синій цвѣтъ (317).

Голубой цвѣтъ въ одеждѣ интересующей насъ мѣстности западной Россіи, какъ мы видѣли выше, принятъ только какъ украшеніе, самая же одежда дѣлается изъ черного сукна. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи вездѣ, гдѣ сохранились голубые канты въ костюмѣ крестьянъ, самое платье ихъ, т. е. нижнія куртки („кабаты") и сукманы непремѣнно чернаго цвѣта, и наоборотъ: гдѣ исчезли голубые канты, костюмъ изъ чернаго дѣлается преимущественно сѣрымъ. Тоже самое можно сказать объ уѣздахъ Радинскомъ, Константиновскомъ и Влодавскомъ, а еще того болѣе о Гродненской губерніи, гдѣ старинный костюмъ сохранился въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ Сѣдлецкой.

Въ костюмѣ польской мелкой шляхты Сѣдлецкой и Ломжинской губерній въ настоящее время почти ничего не сохранилось чернаго цвѣта, такъ какъ черное сукно у простонародья вездѣ замѣняется сѣрымъ по его большей практичности. Но мѣстами сохранились на сѣрыхъ сукманахъ обшивки изъ чернаго сукна, а мѣстами, гдѣ и такой остатокъ старины уже исчезъ, между стариками сохранилось воспоминаніе о прежнихъ сѣрыхъ сукманахъ съ черной обшивкой. Если черный цвѣтъ еще въ чемъ здѣсь и сохранился, такъ это въ домотканныхъ матеріяхъ, въ которыхъ преобладаютъ черный и синій цвѣтъ. Черный цвѣтъ верхней одежды хотя безъ голубыхъ кантовъ, удержался сравнительно болѣе въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи.

О черномъ цвѣтѣ одежды у литовцевъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только краткія свѣдѣнія изъ Сувалкской губерніи. „Одежду мужчинъ составляетъ жилетъ обыкновенно темный и кафтанъ изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти — чернаго цвѣта)" (318).

Объ одеждѣ предполагаемыхъ остатковъ ятвяговъ, нынѣ исчезнувшаго народа литовскаго племени, одинъ изъ лучшихъ историковъ литвы, г. Нарбутъ (319), передаетъ, что восточнѣе Гродна въ Скадельской волости Гродненскаго уѣзда по берегамъ рѣкъ Котры и Пелассы остались слѣды ятвяговъ. Населеніе этихъ мѣстностей сосѣдніе литовцы называютъ jodwezai, что значитъ по литовски „черные рога". О другихъ также предполагаемыхъ потомкахъ ятвяговъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи въ волостяхъ Шкурецкой и Гродзиской въ нѣсколькихъ деревняхъ по рѣкѣ Нурцу говорятъ, что они отличаются своими нравами, преданіями и внѣшностью отъ сосѣднихъ жителей. Они высокаго роста, имѣютъ смуглый цвѣтъ

Что касается Европы вообще и Россіи въ особенности, то тамъ пристрастіе къ синему и красному цвѣту распространяется на значительныя области, но идетъ постоянно перемежаясь: то одолѣваетъ синій, то красный цвѣтъ, причемъ какъ во всей Европѣ, такъ и у отдѣльныхъ ея народовъ красный цвѣтъ, какъ кажется, преобладаетъ преимущественно на югѣ, а синій—на сѣверѣ. Но къ этому предмету мы еще вернемся въ отдѣльной статьѣ.

ица и въ одеждахъ предпочитаютъ темные цвѣта. Поэтому предпола-ютъ, что мѣстныя названія съ прилагательными черный указываютъ ино-а на то, что здѣсь жили ятвяги, отличавшіеся чернымъ цвѣтомъ тѣла одежды. Таковы напримѣръ деревни: Черная Весь, Черный Стокъ т. под. „Не можетъ, говоритъ г. Янчукъ, отъ котораго мы это заимствуемъ, броситься въ глаза тотъ фактъ, что по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Со-лку нѣсколько деревень рядомъ носятъ названіе Черная Весь“.

О черномъ цвѣтѣ одежды у древнихъ евреевъ мы ничего не знаемъ, у современныхъ евреевъ нашего западнаго края, какъ извѣстно, преобла-етъ особенно въ мужскомъ костюмѣ черный цвѣтъ: достаточно припом-ть ихъ длиннополые сюртуки и пальто и бархатные картузы исключительно рнаго цвѣта. А. С. Дембовецкій (321), разсказывая о прежнемъ еврей-омъ костюмѣ, который этотъ народъ носилъ до 1845 г., въ Польшѣ и падной Россіи, говоритъ, что балахонъ ихъ, шапка и поясъ были чер-ые. Про Алжирскихъ и Тунисскихъ современныхъ евреевъ говорятъ тоже, о старые и правовѣрные изъ нихъ никакихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ чер-го, не носятъ (322).

О черномъ цвѣтѣ у мингрельскаго народа мы можемъ здѣсь только вторить слова Ш. Летурно, приведенныя нами выше, что женщины этого рода раскрашиваютъ свои лица не только голубыми, но и черными чер-ками (323).

О цвѣтѣ одежды у тибетцевъ путешественники сообщаютъ, что она ыкновенно темныхъ цвѣтовъ, за исключеніемъ Кашмирской окраины, ѣ мужчины одѣваются въ бѣлое, а женщины въ черное (324) *).

---

*) Нужно замѣтить, что пристрастіе къ черНаго цвѣта одеждамъ далеко не предста-етъ собою рѣдкости. Уже не говоря о пристрастіи къ этому цвѣту западныхъ европей-ъ, у которыхъ наиболѣе приличнымъ костюмомъ мужчины считается черный, и кромѣ) цвѣтъ этотъ составляетъ принадлежность глубокаго траура, мы знаемъ, что въ Византіи былъ принятъ, какъ цвѣтъ монашеской одежды, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію. числа прочихъ европейскихъ народовъ мы можемъ указать на уваженіе къ черному ту нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народцевъ, какъ грузинъ (325), осетинъ (346) и осо-но тушинъ (327). У кавказскихъ армянъ при выборѣ матерій на разныя части муж-го костюма преимущество также отдается черному цвѣту (Сбор. свѣд. для опис. мѣст. л. кавк. вып. 13, 1892, стр. 75). Изъ числа азіатскихъ народовъ у Индусовъ ихъ богъ мени (соотвѣтствующій Сатурну) изображался въ платьѣ чернаго цвѣта (Истор. внѣшн. ьт. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 148). У Арабовъ въ 16 столѣтіи національная жда былъ бурнусъ, сдѣланный преимущественно изъ черной шерсти (Ibid. стр. 161). ъ же цвѣтъ пользовался уваженіемъ у древнихъ китайцевъ до завоеванія ихъ манджу-и, какъ это видно изъ словъ нашего путешественника г. Грумъ-Гржимайло. Онъ гово-ь, что видѣнные имъ (въ западномъ Китаѣ) китайскіе жрецы, хотя были въ поношен-ъ, но національныхъ черныхъ костюмахъ, и добавляетъ въ примѣчаніи: современ- цвѣтъ китайскаго костюма «навязанъ имъ (китайцамъ) ихъ побѣдителями манчжурами, іональный же (т. е. черный) сохранился только у жрецовъ и при совершеніи нѣкото-ъ религіозныхъ обрядовъ» (328). У китайскихъ татарокъ въ прежнія столѣтія одежда а исключительно чернаго цвѣта (Истор. внѣшн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. ьфа, стр. 185). Наконецъ у древнихъ Мексиканцевъ мальчики, воспитывавшіеся въ лахъ монастырскаго характера, одѣвались въ черное платье (Ш. Летурно. Эволюція итанія. Спб., 1900, стр. 144).

дѣлаться уже не голубаго, а бѣлаго цвѣта, но авторы Талмуда знаютъ ихъ еще голубыми. Такъ, напримѣръ, въ Талмудѣ поднимался вопросъ о томъ, избавляетъ ли плащъ, окрашенный цѣликомъ въ голубой цвѣтъ, отъ необходимости имѣть кисти на немъ непремѣнно голубыя и былъ рѣшенъ отрицательно.

Въ жизни современныхъ евреевъ въ особенности русскихъ голубой и синій цвѣта, повидимому, не играютъ никакой или почти никакой роли, по крайней мѣрѣ, они не являются преобладающими. Такъ у А. С. Дембовецкаго (298), описавшаго бытъ Могилевскихъ евреевъ, мы находимъ объ этомъ вопросѣ краткія замѣтки, которыя, впрочемъ, ничего не говорятъ о преобладаніи синяго или голубого цвѣтовъ. Мы узнаемъ здѣсь, что до 1845-го года евреи въ Россіи носили бѣлые или синіе чулки, что пуховыя перины и подушки у современныхъ Могилевскихъ евреевъ дѣлаются изъ синяго ситца, а ихъ бѣлое молитвенное покрывало (Талэсъ) обшивается по краямъ тремя полосами синяго цвѣта. Наконецъ, сами мы, наблюдая домашній и общественный бытъ евреевъ преимущественно въ Волынской губерніи, встрѣчали синяго или голубого цвѣта: 1) тѣ полосы по краямъ „Талэса", о которыхъ говоритъ г. Дембовецкій; 2) занавѣсъ кивота, въ которомъ хранятся свитки Торы; 3) такъ-называемыя „рубашечки" или чехлы, въ которыхъ сохраняются самые свитки и 4 платки, обыкновенно составляющіе собственность синагоги, которыми женихи на еврейскихъ свадьбахъ накрываютъ, по обряду, голову своихъ невѣстъ. Но всѣ эти предметы намъ приходилось встрѣчать и другихъ цвѣтовъ; занавѣси и „рубашечки" Торы—темно-коричневаго цвѣта, полосы на краяхъ Талэса—чернаго, а свадебные платки бѣлаго цвѣта. Знатоки еврейскихъ законовъ и обычаевъ, спрошенные нами по этому поводу, дали слѣдующія небезъинтересныя свѣдѣнія: „дѣйствительно, говорили они, у древнихъ евреевъ голубой цвѣтъ, называвшійся по древне-еврейски „Схелесъ" (что по научному словарю Штетберга значитъ: „конецъ видимаго міра, туманная даль, глубь небеснаго свода, синева, лазурь небесная, а отсюда пряжа синяго цвѣта"), игралъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь у насъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библіи слово „схелесъ" передано словомъ „желтый", но это совершенно невѣрно: въ Талмудѣ (трактатъ Babamezia 61) разсказывается, что фарисеи, чтобы показать народу свое благочестіе, носили въ изобиліи части одежды синяго цвѣта, но при этомъ фальсифицировали очень дорогую краску цвѣта „схелесъ", предписанную закономъ, при помощи индиго. Кромѣ того, въ сборникѣ легендъ, изданномъ на древне-еврейскомъ языкѣ Шульманомъ, приводится на этотъ счетъ очень интересная легенда, такого содержанія:

„Дѣло происходило въ Іерусалимѣ. Одинъ весьма ученый раввинъ си-

дѣлъ въ синагогѣ, углубившись въ свои ученыя занятія, какъ вдругъ является туда же его знакомый и сообщаетъ раввину, что въ его домѣ случилось какое-то несчастіе (по однимъ варіантамъ заболѣла жена раввина, по другимъ— его ребенокъ). Пораженный извѣстіемъ, раввинъ стремительно побѣжалъ домой, не успѣвъ даже въ попыхахъ снять надѣтаго на него въ эту минуту Талэса. По дорогѣ встрѣтилъ его арабъ духовнаго званія и, замѣтивъ на раввинѣ плащъ синяго цвѣта, счелъ свою религію оскорбленной, такъ какъ синій цвѣтъ составляетъ исключительную принадлежность потомковъ Магомета. Арабъ выхватилъ ножъ и съ яростью бросился на разсѣяннаго и глубоко опечаленнаго раввина. Холодная сталь уже готова была вонзиться въ сердце несчастнаго, но по волѣ Провидѣнія, рука убійцы мгновенно парализировалась, и благочестивый раввинъ былъ спасенъ чудомъ отъ неминуемой смерти".

Въ Талмудѣ же мы находимъ объясненіе, почему у современныхъ евреевъ голубой цвѣтъ пересталъ играть выдающееся значеніе, а именно въ трактатѣ „Менахотъ" 44) говорится, что голубой цвѣтъ (схелесъ) приготовлялся изъ крови рыбы, извѣстной подъ именемъ „алузэнъ". Рыба эта будто бы появлялась въ 70 лѣтъ разъ и составляла потому большую рѣдкость; это обстоятельство, будто бы и заставило позднѣйшихъ законодателей еврейскаго народа освободить его отъ обязательнаго ношенія „цыцэсъ" синяго цвѣта и разрѣшить для ношенія кисти изъ бѣлой пряжи. Интересно, что нѣкій цадикъ (благочестивый), по имени Гершонъ Генохъ, недавно умершій, родомъ изъ гор. Радзина, Сѣдлецкой губ., утверждалъ, что ему удалось найти въ одномъ акваріумѣ въ Италіи рыбу „халузэнъ". По возвращеніи домой онъ сталъ приготовлять на продажу эту краску, чѣмъ занимаются и до настоящаго времени наслѣдники и приверженцы этого цадика (цѣлая секта) и носятъ „цыцэсъ" не бѣлаго, а голубого цвѣта. Весьма вѣроятно, что со стороны цадика вся эта выдумка была чистой мистификаціей, сочиненной лишь для „хорошаго гешефта", но она характеризуетъ благоговѣйное отношеніе религіозныхъ евреевъ къ голубому цвѣту".

Если у русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ голубой цвѣтъ въ одеждѣ встрѣчается, сравнительно, рѣдко, то у ихъ азіатскихъ и африканскихъ единовѣрцевъ, повидимому, кое-что сохранилось по этой части отъ библейскихъ временъ. Такъ, напримѣръ, китайскіе евреи, живущіе въ городѣ Койфынъ (главномъ въ провинціи Хэ-нань) извѣстны китайцамъ подъ именемъ синихъ мусульманъ по цвѣту шапокъ ихъ раввиновъ (300). А Алжирскіе и Тунисскіе евреи зимою носятъ „длинный круглый плащъ синяго цвѣта" (301).

О синемъ цвѣтѣ у литовцевъ мы узнали кое-что отъ латышскаго этно-

графа, г. Новицкаго, который на латышской этнографической выставкѣ, бывшей въ г. Ригѣ въ 1896-мъ году, состоялъ однимъ изъ главныхъ ея распорядителей, а въ настоящее время завѣдуетъ латышскимъ этнографическимъ музеемъ въ томъ же городѣ. Показывая намъ на выставкѣ ткацкія издѣлія своего народа, въ которыхъ преобладали красный и зеленый цвѣта, г. Новицкій замѣтилъ, что эти два цвѣта настолько же характерны для латышей, какъ синій для ихъ ближайшихъ сосѣдей литовцевъ, а потому латыши считаютъ этотъ послѣдній цвѣтъ отличительнымъ признакомъ для литовца. Кромѣ того, у Д. Афанасьева (302) мы находимъ сообщеніе, что „обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты (у литовцевъ) составляетъ синій суконный кафтанъ, что богатыя женщины литовки въ уѣздахъ Вилькомирскомъ и Новоалександровскомъ „даже и въ будни носятъ юбки изъ тонкой голубаго цвѣта шерстяной матеріи, а мужчины литовцы носятъ кафтанъ, называемый кумала изъ льняной, смѣшанной съ шерстью ткани, подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ“.

Въ Забужской Руси, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ, какъ было описано выше, сохранился обычай трубить въ трубу, намъ приходилось бывать лично во многихъ селахъ и деревняхъ для собиранія этнографическаго матерьяла, а потому мы можемъ привести здѣсь наши личныя наблюденія. Въ этой мѣстности старинные народные костюмы крестьянъ исчезаютъ можно сказать съ каждымъ днемъ, замѣняясь полугородскимъ костюмомъ, общимъ почти всему Царству Польскому. Но намъ удалось кое-гдѣ оазисами встрѣчать здѣшній старинный костюмъ во всѣхъ четырехъ русскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскомъ, Радинскомъ, Бѣльскомъ и Влодавскомъ. Мѣстами онъ сохранился еще и у молодежи, какъ напримѣръ во Влодавскомъ уѣздѣ, а чаще носится людьми пожилыми или стариками (въ остальныхъ трехъ уѣздахъ). Костюмъ этотъ, впрочемъ, распространяется отсюда далеко во всѣ стороны, на востокъ въ Гродненскую, Минскую и Витебскую губернію, на югъ въ сѣверную часть Волынской губерніи, въ Люблинскую и Кѣлецкую и, наконецъ, на западъ въ другіе уѣзды Сѣдлецкой губерніи: Луковскій и Сѣдлецкій. О распространеніи этого костюма въ западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и о различныхъ его видоизмѣненіяхъ по мѣстностямъ мы имѣемъ довольно обширный матерьялъ и намѣреваемся напечатать его въ отдѣльной статьѣ, теперь же опишемъ его лишь въ общихъ чертахъ. Мужчины носятъ сверхъ сорочки короткіе полукафтаны (съ рукавами) изъ бураго или чернаго сукна, по здѣшнему „кàбаты“, а сверхъ нихъ надѣваютъ длинные кафтаны такого же сукна, носящіе различные названія по мѣстностямъ, какъ-то: сукманы, свиты, кафтаны и проч. На головѣ шапка съ барашковымъ околышемъ (чернымъ) и съ верхомъ о четырехъ углахъ,

какъ у польской конфедератки или у нашей кучерской шапки. У женщинъ „кабаты“ замѣняются кофтами изъ чернаго же сукна, а верхняя одежда (сукманъ) совершенно такая же, какъ у мужчинъ. Характерной особенностью такого костюма для насъ являются его украшенія: онъ обшивается по всѣмъ швамъ, по борту, по воротнику, по рукавамъ и по обшлагамъ голубыми шерстяными шнурками, а иногда кромѣ того украшаются на груди шнурками того же цвѣта, идущими поперекъ груди (какъ у гусаръ). Верхъ шапки дѣлается изъ голубого сукна. Такой костюмъ намъ приходилось, напримѣръ, встрѣчать на праздникѣ въ Лѣсненскомъ монастырѣ Константиновскаго уѣзда на крестьянахъ того же уѣзда, приходившихъ въ монастырь на богомолье. Въ Радинскомъ уѣздѣ онъ сохранился уже только у стариковъ, мы видѣли его въ селахъ: Дрелевѣ, Рудно, Радче, Гусѣ, Яблонѣ, Давидахъ и Оссовѣ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ онъ существуетъ въ с. Кіёвцѣ, въ Межилѣсьи, Долгобродахъ, Ганнѣ и Кузовкѣ, а во Влодавскомъ въ селахъ: Орховекъ, Оконники и Вырыки (гмины Шиминна). Такой же костюмъ за исключеніемъ шапокъ съ голубымъ верхомъ мы видѣли на крестьянахъ Гродненской губ. Брестскаго уѣзда, бывшихъ на богомольи въ Лѣсненскомъ монастырѣ, они были изъ слѣдующихъ волостей: Мотыкальской (Чилѣево и Тюхеничи), Каннежуровской (Пугачово), Половецкой (Бобровка и Ставище), Лыщицкой (Лыщицы, Яцковичи и Подгубятичи), Мѣдянской, Домачевской, Приборовской и Ольшанской. Такіе же голубые канты (по здѣшнему „ку́снычки“) съ прибавкою красныхъ есть въ Волчанской волости (Гожевичи) и въ Лыщицкой (Кустынъ).

Кромѣ того въ селахъ Ганна и Долгоброды Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. молодые парни свои соломенныя шляпы украшаютъ по тульѣ непремѣнно голубой лентой, концы которой свѣшиваются на спину. Далѣе въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. въ селахъ: Руднѣ, Радчѣ, Дрелевѣ и Оссовѣ всѣ мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти носятъ штаны изъ домотканной матеріи ярко-голубого цвѣта. Тамъ же, въ Радиканскомъ уѣздѣ, а кромѣ того въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ мы собирали для Петербургскаго этнографическаго музея (при Академіи Наукъ) образцы домотканныхъ матерій и въ нихъ преобладающимъ былъ синій цвѣтъ. Но особенно сильнымъ пристрастіемъ къ синему и голубому цвѣту въ разсматриваемой нами мѣстности отличаются села Сѣдлецкой и Гродненской губерній, прилегающія къ рѣкѣ Бугу, выше города Брестъ-Литовска. Здѣсь существуетъ обычай подсинивать все бѣлье какъ мужское, такъ и женское, носимое и постельное и даже полотняные мѣшки, употребляемые въ хозяйствѣ; синятъ все это такъ сильно, что полотно представляется не бѣлаго, а голубого цвѣта. Въ особенности цвѣтъ этого бѣлья бросается въ глаза на праздникѣ въ гор. Холмѣ

(8-го Сентября), гдѣ Бѣльскіе и Влодавскіе крестьяне изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Бугу, рѣзко выдѣляются изъ остальной толпы богомольцевъ голубымъ цвѣтомъ своего бѣлья. Здѣсь же кромѣ того принято вышивать мужскія и женскія рубашки на груди на плечахъ и на рукавахъ, и вышивки эти дѣлаются исключительно нитками голубаго и черного цвѣта. Но любовь здѣшнихъ крестьянъ къ синему цвѣту не ограничивается одной одеждой: если кто нибудь изъ болѣе состоятельныхъ жителей села надумаетъ покрасить косяки и рамы своихъ оконъ и ихъ ставни, то краситъ ихъ не иначе, какъ въ голубой цвѣтъ. Послѣднее явленіе кромѣ мѣстностей, прилегающихъ къ р. Бугу съ обѣихъ сторонъ, мы встрѣчали еще и въ Радинскомъ уѣздѣ. Любопытно, что даже при раскопкахъ въ селѣ Чекановѣ Сѣдлецкой губерніи были найдены въ могилахъ бусы бѣлаго, синяго и близкаго къ синему фіолетоваго цвѣта (303). Быть можетъ, что такіе бусы служили въ древности амулетомъ, такъ какъ и теперь еще евреи, греки, армяне и мусульмане въ Турціи вѣшаютъ на шею своихъ новорожденныхъ и пришиваютъ на ихъ колпачки разныя мелкія изображенія изъ голубого стекла какъ предохранительное средство отъ „дурного глаза“ (304).

Что касается синяго цвѣта въ одеждѣ Волынской губерніи, то мы, собирая этнографическій матерьялъ въ этой губерніи, находили тамъ синій цвѣтъ только въ сѣверо-западномъ ея углу, въ уѣздахъ: Владиміро-Волынскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ и отчасти въ Кременецкомъ. Въ Луцкомъ и Кременецкомъ уѣздахъ встрѣчаются такія же какъ въ Гродненской и Сѣдлецкой губерніяхъ черныя „світы“ съ голубыми кантами, а въ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—бѣлыя „світы“ тоже съ голубыми кантами, но только преимущественно у женщинъ, тогда какъ у мужчинъ встрѣчаются и бурыя „світы“ съ красными кантами и сѣрыя съ черными. Кромѣ того въ Ковельскомъ уѣздѣ намъ случалось видѣть у крестьянъ зимнія черныя барашковыя шапки („кучмы“), съ ярко-голубымъ суконнымъ верхомъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, также какъ и вездѣ въ Малороссіи, излюбленнымъ цвѣтомъ, какъ для украшенія одежды, такъ и жилища, является красный.

Чтобы закончить съ излюбленными цвѣтами для украшенія одежды въ разсматриваемомъ нами районѣ западной Россіи, гдѣ существуетъ обычай трубить осенью, необходимо коснуться еще одного весьма интереснаго факта, нами замѣченнаго. Дѣло въ томъ, что въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, тамъ же, гдѣ мы указали рядъ селъ, имѣющихъ черныя или бурыя свиты съ голубыми кантами, въ перемѣшку съ этими послѣдними, есть другія села, которые также имѣютъ обычай трубить осенью, но въ которыхъ носятъ бурыя или черныя свиты съ зелеными кантами. Этотъ цвѣтъ кан-

товъ, какъ намъ приходилось наблюдать, не распространяется отсюда ни на западъ въ Польшу, ни на востокъ въ Бѣлоруссію, и только на югъ въ Ковельскій и Владиміро-Волынскій уѣзды Волынской губерніи. Надо замѣтить, что зеленый цвѣтъ кантиковъ нигдѣ болѣ, кромѣ упомянутой мѣстности, ни въ Польшѣ, ни въ западной Россіи, мы не встрѣчали, что и даетъ намъ поводъ предполагать, что народъ, придерживаясь обычая своихъ предковъ, украшать свою одежду матеріей извѣстнаго цвѣта не такъ чувствителенъ, какъ мы, въ дѣлѣ разбора цвѣтовъ, а потому смѣшиваетъ между собою такіе близкіе цвѣта, какъ синій и зеленый, какъ синій и фіолетовый, какъ красный и оранжевый и т. под. Поэтому, какъ кажется, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если мѣстности съ излюбленнымъ зеленымъ цвѣтомъ будемъ считать весьма близкими или даже одинаковыми въ этнографическомъ отношеніи съ такими, въ которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Вотъ списокъ деревень Брестскаго уѣзда Гродненской губ., въ которыхъ свиты украшаются кантами зеленаго цвѣта: Песчатка, Волька, Хлѣвище, Тулинъ и Клюковичи (Половецкой волости), Миневичи, Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подбурье, Березовка, Радѣевичи и Ясиновка (Верховичской волости). Сюда же надо отнести деревню Чернево Высоколитовской волости, гдѣ канты зеленые съ краснымъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ польской мелкой шляхтѣ Сѣдлецкой, Варшавской, Ломжинской и Плоцкой губерній, среди которой распространенъ обычай трубить въ осеннее полугодіе, то увидимъ, что здѣсь старинный костюмъ уже исчезъ, вытѣсненный новѣйшимъ, полугородскимъ, однако коегдѣ, какъ напримѣръ, въ дер. Воевудкѣ Соколовскаго уѣзда (Сѣдлецкой губ.) старики разсказывали намъ, что прежде у нихъ также носили черную свиту съ голубыми кантами.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время у шляхты перечисленныхъ нами 4-хъ губерній свитъ съ голубыми кантами уже не носятъ, но голубой цвѣтъ намъ приходилось наблюдать въ Соколовскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи и въ Островскомъ Ломжинской у мужчинъ — въ будничныхъ рабочихъ шароварахъ голубого цвѣта, а у женщинъ — на передникахъ, которые почти исключительно ткутся полосатыми синими, или голубыми полосами попеременно съ бѣлыми. Кромѣ того въ домотканныхъ матеріяхъ, изготовляемыхъ здѣшней шляхтой, также какъ и у русскихъ Сѣдлецкой губ., преобладаетъ синій цвѣтъ. Косяки оконъ и дверей, а также ставни здѣшняя шляхта, если окрашиваетъ, то непремѣнно въ голубой цвѣтъ, чѣмъ отличается отъ крестьянъ, живущихъ рядомъ и красящихъ тѣ же части своего жилища въ желтый и красный цвѣтъ. Живя два года на дачѣ въ домахъ мелкой шляхты, въ деревнѣ Ростки Веляки, близь мѣстечка Малкина (Ост-

ровскаго уѣзда), мы просто поражались, какъ сильно въѣлась въ нашихъ хозяевахъ быть можетъ многовѣковая привычка къ синему и голубому цвѣту. Такъ напримѣръ, бывая въ хатахъ нашихъ сосѣдей, мы всюду находили на ихъ столахъ миніатюрные крестики, замѣняющіе распятія, непремѣнно голубого цвѣта, а на нихъ были повѣшаны четки тоже голубого цвѣта.

Въ Варшавской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ лигавки и въ Плоцкой губерніи такихъ подробныхъ наблюденій надъ внѣшнимъ бытомъ крестьянъ намъ дѣлать не приходилось, но близко отъ этихъ мѣстъ, въ самомъ городѣ Варшавѣ, у здѣшнихъ мѣщанъ, голубой цвѣтъ считается любимымъ цвѣтомъ Божьей матери, а потому на здѣшнихъ католическихъ процессіяхъ у всѣхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, участвующихъ въ несеніи разныхъ реликвій, ихъ бѣлыя платья украшены непремѣнно голубыми лентами и подпоясаны голубыми кушаками, голубыя же ленты употребляются и для украшенія образовъ, носимыхъ въ процессіи. Наконецъ, любопытнѣе всего обычай, существующій среди здѣшнихъ мѣщанъ католиковъ, это посвящать по обѣту своихъ дѣтей Божьей матери. Въ этомъ обѣтѣ для насъ всего интереснѣе то, что дѣвочекъ, посвященныхъ Божьей матери, до семи лѣтъ одѣваютъ въ платья исключительно голубого цвѣта.

О голубомъ цвѣтѣ въ одеждѣ черемисовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Въ книгѣ профессора Казанскаго университета, И. Н. Смирнова, „Черемисы" (стр. 78) сообщается, что праздничные кафтаны тамошнихъ женщинъ шьются изъ синяго или зеленаго сукна. Кромѣ того изъ полнаго женскаго черемисскаго костюма этой мѣстности и модели мужского въ маломъ видѣ, пріобрѣтенныхъ нами для музея Императорской Академіи Наукъ, видно, что мужчины здѣсь носятъ бѣлыя свиты съ голубыми кантами, какъ у женщинъ малороссіянокъ во Владиміро-Волынскомъ и Ковельскомъ уѣздахъ Волынской губ., а женщины при лѣтнемъ костюмѣ сверхъ халатообразной бѣлой рубахи подпоясываются широкимъ и длиннымъ синимъ кушакомъ.

О синемъ цвѣтѣ у мингрельцевъ мы имѣемъ лишь только двѣ краткія замѣтки: во-первыхъ, что богатые изъ нихъ носятъ темно-синюю „чуху" (верхнее платье), а подъ нею блѣдно-голубой „архалукъ" (305). Кромѣ того мингрельскія женщины покрываютъ или покрывали до недавняго времени свое лицо голубыми и черными полосками (родъ татуировки) (306).

Чтобы покончить съ голубымъ цвѣтомъ, мы приведемъ въ заключеніе свидѣтельство путешественниковъ, изъ котораго можно заключить, что и для жителей Тибета голубой цвѣтъ имѣетъ, если не вполнѣ религіозное, то полу-религіозное значеніе.

Главной чертой Тибетскаго этикета служитъ поднесеніе „шарфовъ счас-

тія", маленькихъ шелковыхъ лоскутковъ блѣдно-голубого цвѣта въ три раза длиннѣе собственной ширины, обыкновенно съ бахромой на обоихъ концахъ, называемыхъ „кхату". Они всевозможныхъ видовъ и цѣнъ; никто не путешествуетъ, не запасшись ими. Приходя къ человѣку или къ божеству, прося какой-нибудь милости, каждый начинаетъ съ того, что беретъ „кхату" и подноситъ его. Если два друга встрѣтятся послѣ долгой разлуки, ихъ первое дѣло обмѣняться „кхатами", что имѣетъ еще большее значеніе, нежели рукопожатіе у европейцевъ. Если тибетцы пишутъ письмо, то вкладываютъ въ него „кхату"; самый низкій поклонъ или величайшій подарокъ считается за ничто, если не сопровождается „кхатой" (307). Кромѣ того о тебетцахъ побогаче пишутъ, что они, не довольствуясь обыкновеннымъ платьемъ желто-бѣлаго цвѣта, покупаютъ себѣ еще платье изъ синяго ситца (308) *).

---

*) Вышеприведенными примѣрами пристрастія разныхъ народовъ къ голубому цвѣту мы отнюдь не желали доказать, что цвѣтъ этотъ пользуется уваженіемъ, только у тѣхъ народовъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто. Есть кромѣ нихъ и другіе народы, объ обычаяхъ которыхъ съ трубой мы ничего или почти ничего не знаемъ, но которые также проявляютъ несомнѣнное пристрастіе къ голубому цвѣту. Такъ Ш. Летурно передаетъ, что древніе Кельты и Иллирійцы татуировались въ голубой цвѣтъ, а Германцы, Бритты и Пикты раскрашивали свое тѣло голубой краской. Пристрастіемъ къ голубому цвѣту отличаются также Персіяне и азіатскіе арабы. Первые (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ) окрашиваютъ себѣ бороду въ индиго, а щеголихи у Багдатскчхъ арабовъ окрашивали себѣ губы лазурью, на колѣнахъ рисовали лазуревые кружки, вокругъ таліи голубой поясъ, а вокругъ каждой груди голубые цвѣты. Тоже видимъ мы и въ Суданѣ, въ Африкѣ. Здѣсь въ области Нигера, около озера Чадъ, путешественники видѣли султана съ бородою, окрашенною въ голубой цвѣтъ (309). Тамъ же въ городѣ Кукѣ знаменитый путешественникъ, Д-ръ Эдуардъ Фогель видѣлъ женщинъ, которые мазали себѣ лицо и руки краскою индиго (310). Наконецъ, у народа Гауза въ Среднемъ Суданѣ, женщины окрашиваютъ въ голубую краску свои волосы, руки, ноги, бедра и брови (311). О феллахахъ въ средней Африкѣ разсказываютъ также, что они красятъ свои волосы краской индиго (312).

Въ западной Индіи у женщинъ голубой цвѣтъ остался до настоящаго времени любимѣйшимъ цвѣтомъ для одежды. На памятникахъ индусской живописи, найденныхъ въ Аятской пещерѣ, женщины одѣты въ платье голубого цвѣта. Древніе индусскіе поэты постоянно воспѣваютъ женщину, одѣтую въ платье голубого цвѣта и сравниваютъ ее съ грозовой тучей, освѣщенной блескомъ молніи. Даже палачи одѣваютъ тамъ платье не краснаго цвѣта, какъ у насъ въ Европѣ, а голубого (313). Но что далеко не вся Индія раздѣляетъ пристрастіе къ голубому цвѣту, видно изъ того, что лица, принадлежащія къ сектѣ Вишну, не могутъ имѣть въ своей одеждѣ ничего синяго (314).

Синій цвѣтъ принадлежитъ также къ числу весьма уважаемыхъ цвѣтовъ въ Китаѣ, въ особенности у простонародья. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, передавая свои впечатлѣнія, вывезенныя изъ Китая, говоритъ: «Монотонность во всемъ: синія громадныя матовыя («Мата»—очень грубая мѣстная бумажная матерія) вывѣски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ...» (315). У Расинэ (316) говорится, что хотя въ костюмѣ китайской императорской фамиліи есть голубой цвѣтъ, но въ ряду другихъ цвѣтовъ онъ второстепенный, онъ цвѣтъ низшихъ классовъ народонаселенія. Желтый цвѣтъ принадлежитъ только императору, принцамъ крови и тѣмъ, кому государь дозволитъ его носить, красный цвѣтъ принадлежитъ мандаринамъ, а черный, синій и фіолетовый—всѣмъ. Обычный траурный цвѣтъ у китайцевъ составляютъ бѣлые и темносѣрые цвѣта, для глубокаго же траура служитъ синій цвѣтъ (317).

Голубой цвѣтъ въ одеждѣ интересующей насъ мѣстности западной Россіи, какъ мы видѣли выше, принятъ только какъ украшеніе, самая же одежда дѣлается изъ черпаго сукна. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи вездѣ, гдѣ сохранились голубые канты въ костюмѣ крестьянъ, самое платье ихъ, т. е. нижнія куртки („кабаты") и сукманы непремѣнно черного цвѣта, и наоборотъ: гдѣ исчезли голубые канты, костюмъ изъ черного дѣлается преимущественно сѣрымъ. Тоже самое можно сказать объ уѣздахъ Радинскомъ, Константиновскомъ и Влодавскомъ, а еще того болѣе о Гродненской губерніи, гдѣ старинный костюмъ сохранился въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ Сѣдлецкой.

Въ костюмѣ польской мелкой шляхты Сѣдлецкой и Ломжинской губерній въ настоящее время почти ничего не сохранилось черного цвѣта, такъ какъ черное сукно у простонародья вездѣ замѣняется сѣрымъ по его большей практичности. Но мѣстами сохранились на сѣрыхъ сукманахъ обшивки изъ черного сукна, а мѣстами, гдѣ и такой остатокъ старины уже исчезъ, между стариками сохранилось воспоминаніе о прежнихъ сѣрыхъ сукманахъ съ черной обшивкой. Если черный цвѣтъ еще въ чемъ здѣсь и сохранился, такъ это въ домотканныхъ матеріяхъ, въ которыхъ преобладаютъ черный и синій цвѣтъ. Черный цвѣтъ верхней одежды хотя безъ голубыхъ кантовъ, удержался сравнительно болѣе въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи.

О черномъ цвѣтѣ одежды у литовцевъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только краткія свѣдѣнія изъ Сувалкской губерніи. „Одежду мужчинъ составляетъ жилетъ обыкновенно темный и кафтанъ изъ черного сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти — черного цвѣта)" (318).

Объ одеждѣ предполагаемыхъ остатковъ ятвяговъ, нынѣ исчезнувшаго народа литовскаго племени, одинъ изъ лучшихъ историковъ литвы, г. Нарбутъ (319), передаетъ, что восточнѣе Гродна въ Скадельской волости Гродненскаго уѣзда по берегамъ рѣкъ Котры и Пелассы остались слѣды ятвяговъ. Населеніе этихъ мѣстностей сосѣдніе литовцы называютъ jodwezai, что значитъ по литовски „черные рога". О другихъ также предполагаемыхъ потомкахъ ятвяговъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи въ волостяхъ Шкурецкой и Гродзиской въ нѣсколькихъ деревняхъ по рѣкѣ Нурцу говорятъ, что они отличаются своими нравами, преданіями и внѣшностью отъ сосѣднихъ жителей. Они высокаго роста, имѣютъ смуглый цвѣтъ

Что касается Европы вообще и Россіи въ особенности, то тамъ пристрастіе къ синему и красному цвѣту распространяется на значительныя области, но идетъ постоянно перемежаясь: то одолѣваетъ синій, то красный цвѣтъ, причемъ какъ во всей Европѣ, такъ и у отдѣльныхъ ея народовъ красный цвѣтъ, какъ кажется, преобладаетъ преимущественно на югѣ, а синій—на сѣверѣ. Но къ этому предмету мы еще вернемся въ отдѣльной статьѣ.

лица и въ одеждахъ предпочитаютъ темные цвѣта. Поэтому предполагаютъ, что мѣстныя названія съ прилагательными черный указываютъ иногда на то, что здѣсь жили ятвяги, отличавшіеся чернымъ цвѣтомъ тѣла и одежды. Таковы напримѣръ деревни: Черная Весь, Черный Стокъ и т. под. „Не можетъ, говоритъ г. Янчукъ, отъ котораго мы это заимствуемъ, не броситься въ глаза тотъ фактъ, что по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Соколку нѣсколько деревень рядомъ носятъ названіе Черная Весь".

О черномъ цвѣтѣ одежды у древнихъ евреевъ мы ничего не знаемъ, но у современныхъ евреевъ нашего западнаго края, какъ извѣстно, преобладаетъ особенно въ мужскомъ костюмѣ черный цвѣтъ: достаточно припомнить ихъ длиннополые сюртуки и пальто и бархатные картузы исключительно чернаго цвѣта. А. С. Дембовецкій (321), разсказывая о прежнемъ еврейскомъ костюмѣ, который этотъ народъ носилъ до 1845 г., въ Польшѣ и западной Россіи, говоритъ, что балахонъ ихъ, шапка и поясъ были черные. Про Алжирскихъ и Тунисскихъ современныхъ евреевъ говорятъ тоже, что старые и правовѣрные изъ нихъ никакихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго, не носятъ (322).

О черномъ цвѣтѣ у мингрельскаго народа мы можемъ здѣсь только повторить слова Ш. Летурно, приведенныя нами выше, что женщины этого народа раскрашиваютъ свои лица не только голубыми, но и черными черточками (323).

О цвѣтѣ одежды у тибетцевъ путешественники сообщаютъ, что она обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, за исключеніемъ Кашмирской окраины, гдѣ мужчины одѣваются въ бѣлое, а женщины въ черное (324) *).

---

*) Нужно замѣтить, что пристрастіе къ чернаго цвѣта одеждамъ далеко не представляетъ собою рѣдкости. Уже не говоря о пристрастіи къ этому цвѣту западныхъ европейцевъ, у которыхъ наиболѣе приличнымъ костюмомъ мужчины считается черный, и кромѣ того цвѣтъ этотъ составляетъ принадлежность глубокаго траура, мы знаемъ, что въ Византіи онъ былъ принятъ, какъ цвѣтъ монашеской одежды, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію. Изъ числа прочихъ европейскихъ народовъ мы можемъ указать на уваженіе къ черному цвѣту нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народцевъ, какъ грузинъ (325), осетинъ (346) и особенно тушинъ (327). У кавказскихъ армянъ при выборѣ матерій на разныя части мужского костюма преимущество также отдается черному цвѣту (Сбор. свѣд. для опис. мѣст. и пл. кавк. вып. 13, 1892, стр. 75). Изъ числа азіатскихъ народовъ у Индусовъ ихъ богъ времени (соотвѣтствующій Сатурну) изображался въ платьѣ чернаго цвѣта (Истор. внѣшн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 148). У Арабовъ въ 16 столѣтіи національная одежда былъ бурнусъ, сдѣланный преимущественно изъ черной шерсти (Ibid. стр. 161). Тотъ же цвѣтъ пользовался уваженіемъ у древнихъ китайцевъ до завоеванія ихъ манджурами, какъ это видно изъ словъ нашего путешественника г. Грумъ-Гржимайло. Онъ говоритъ, что видѣнные имъ (въ западномъ Китаѣ) китайскіе жрецы, хотя были въ поношенныхъ, но національныхъ черныхъ костюмахъ, и добавляетъ въ примѣчаніи: современный цвѣтъ китайскаго костюма «навязанъ имъ (китайцамъ) ихъ побѣдителями манчжурами, національный же (т. е. черный) сохранился только у жрецовъ и при совершеніи нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ» (328). У китайскихъ татарокъ въ прежнія столѣтія одежда была исключительно чернаго цвѣта (Истор. внѣшн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 185). Наконецъ у древнихъ Мексиканцевъ мальчики, воспитывавшіеся въ школахъ монастырскаго характера, одѣвались въ черное платье (Ш. Летурно. Эволюція воспитанія. Спб., 1900, стр. 144).

Если отъ чертъ, общихъ всѣмъ разсматриваемымъ нами здѣсь народамъ, мы перейдемъ къ чертамъ общимъ между двумя или тремя изъ нихъ, то особенно любопытные признаки національнаго сходства мы найдемъ между Полѣшуками Минской губерніи съ одной стороны и черемисами съ другой. Интересно, что оригинальнѣйшіе головные уборы женщинъ Минскаго Полѣсья, которые носятъ названія: „пухо̆ука“ (Мозырскаго уѣзда), „голова“ (того же уѣзда) и „лямецъ“ (Пинскаго уѣзда) чрезвычайно сходны по своему виду и устройству съ женскимъ же головнымъ уборомъ у черемисъ, называемымъ „Сорокой“. Образцы всѣхъ этихъ четырехъ головныхъ уборовъ были нами пріобрѣтены для музея Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ, а потому мы имѣли возможность познакомиться съ ними во всѣхъ ихъ мельчайшихъ деталяхъ.

Пухоўку мы нашли въ с. Давыдъ-Городокъ, въ дер. Хорскъ, въ с. Ольшанкѣ и въ с. Хоромномъ (Мозырскаго уѣзда). Она состоитъ изъ повязки въ формѣ кокошника высотою около 2 вершковъ, сдѣланной изъ грубой бѣлой холстинки. Между двумя рядами этой холстинки набивается пакля и прошивается нитками, такъ что повязка эта остается на головѣ въ стоячемъ положеніи. На затылкѣ она натуго стягивается и завязывается. Къ передней части повязки, приходящейся на лбу, пришивается наглухо въ стоячемъ положеніи четыреугольная пластинка или дощечка, называемая подушечкой; она дѣлается или изъ лубка, или, для легкости, изъ перекрещивающихся лучинокъ, обшитыхъ снаружи холстинкой. Подушечка изгибается соотвѣтственно округлости лба и передней части повязки и составляетъ съ этой послѣдней одно цѣлое, высоко поднимаясь надъ головой. Форма и величина „подушечки“ въ разныхъ селахъ дѣлается различная: въ с. Давыдъ-Городокъ она достигаетъ самыхъ большихъ размѣровъ (до 6 вершк. въ вышину и до 7 верш. въ ширину) и имѣетъ боковыя стороны, если смотрѣть на нее спереди, выгнутыми въ наружу. Въ с. Хоромномъ и въ д. Хорскѣ „подушечка“ высокая, но болѣе узкая, чѣмъ предъидущая, въ формѣ правильнаго прямоугольника. Въ с. Ольшанкѣ она съуживается кверху.

Вся „пухоўка“, т. е. повязка и „подушечка“ обматываются толстымъ шнуркомъ изъ черной или бѣлой шерсти, назначеніе котораго непонятно не только для насъ, но и для самихъ хозяекъ „пухоўки“. Шнурокъ этотъ ничего не привязываетъ и не прикрѣпляетъ, украшеніемъ „пухоўкѣ“ онъ также служить не можетъ, потому что поверхъ его „подушечка“ накрывается холщевымъ мѣшкомъ или чехломъ, съ нашитымъ на него четыреугольнымъ кускомъ бѣлаго коленкору, вышитаго разноцвѣтными шерстями;

чехолъ этотъ называется чипецъ. Кромѣ того поверхъ чипца весь головной уборъ причудливо обматывается наметкой (родъ полотенца) изъ сѣрой прозрачной или полупрозрачной кисеи домашняго приготовленія, середина которой обхватываетъ подбородокъ женщины, а концы свѣшиваются по спинѣ, достигая вплоть до тальи. Такимъ образомъ, назначеніе шнурка становится совершенно непонятнымъ. За разъясненіемъ этого вопроса мы обратились къ хозяйкамъ головного убора. Но и онѣ, согласившись съ нами въ безполезности шерстяного шнурка, могли доказать его необходимость только тѣмъ, что „такъ носили бабушки и прабабушки". Отсюда было ясно, что когда-то шнуръ былъ для „пухоўки" необходимъ, но съ теченіемъ времени устройство этого головного убора вѣроятно измѣнилось, и шнуръ, переставъ быть необходимымъ, сохранился только какъ переживаніе прошлаго.

Уборъ этотъ весьма неудобенъ въ носкѣ: во-первыхъ, онъ очень тяжелъ для головы, а во-вторыхъ, если идти въ немъ противъ вѣтра, онъ сильно парусить и потому отгибаетъ голову женщины назадъ. Но женщины, носящія „пухоўку", надѣваютъ ее вовсе не для красоты. онѣ относятся къ ней съ религіознымъ уваженіемъ. Во-первыхъ, ея вовсе не носятъ въ будни, а надѣваютъ только по праздникамъ и только для того, чтобы сходить въ ней въ церковь, а во-вторыхъ, она носится только старухами. На наше замѣчаніе о неудобствѣ „пухоўки" женщины дер. Хорскъ вполнѣ соглашались, но прибавляли при этомъ: „что же дѣлать? Божья Матерь безропотно носила свою „коруну" и намъ велѣла носить".

Уборъ, называемый „головой", мы нашли въ селѣ Туровѣ Мозырскаго уѣзда. Отъ „пухоўки" онъ отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что повязка, составляющая основаніе убора, имѣетъ форму не кокошника, т. е. не открыта сверху, а сдѣлана въ видѣ круглой шапочки въ родѣ еврейской или татарской ермолки, плотно облегающей голову. А во-вторыхъ, передняя дощечка или „подушечка" имѣетъ совершенно иную форму, чѣмъ у „пухоўки", а именно: она меньше этой послѣдней и имѣетъ внизу лишь около 1 вершка шириною, но наверху расширяется въ формѣ ласточьяго хвоста. Шнура у „головы" никакого не имѣется. „Подушечка" также покрывается вышитымъ шерстями чепцомъ, а сверху обматывается „наметкой", которая здѣсь также кисейная, но не сѣрая, а бѣлая.

„Лàмецъ" мы привезли или с. Бережнаго Пинскаго уѣзда.

Отъ „пухоўки" и „головы" онъ отличается прежде всего формой своей „подушечки": эта послѣдняя при сравнительно большой ширинѣ (во весь лобъ) вдвое ниже, чѣмъ въ Давыдъ-Городкѣ, верхніе углы ея закруглены. Кромѣ того, „подушечки" у предыдущихъ уборовъ наклонены впередъ, а здѣсь она наклоняется назадъ. Наконецъ, лямецъ не имѣетъ „чипца", а

только обтянутъ бѣлымъ ситцемъ непремѣнно съ черными горошинками. „Намётка“ здѣсь также есть, но она дѣлается изъ обыкновеннаго полотенца („рушныка“) бѣлаго и непрозрачнаго.

Что касается черемисской сороки, то основаніе у этого головного убора такое же, какъ у „головы“, т. е. холстинная ермолка, плотно обхватывающая голову, но „подушечка“ здѣсь не изгибается по формѣ головы, а остается совершенно плоской, такъ что къ ермолкѣ она прикрѣпляется на лбу только серединой. Форма „подушечки“—совершенно правильный прямоугольный четыреугольникъ въ 3 вершка вышиною и въ 5 вершк. шириною, на головѣ она держится вполнѣ вертикально, не нагибаясь ни впередъ, ни назадъ. Весь головной уборъ, также какъ и полѣсская „пухоўка“, накрытъ сверху чехломъ, вышитымъ шерстями, въ родѣ „чипца“, но никакой „намётки“ сверхъ него не носятъ, а вмѣсто того поверхъ „сороки“ накладываютъ ситцевый платокъ, завязываемый подъ подбородкомъ. Отъ такихъ же вышеописанныхъ, полѣсскихъ головныхъ уборовъ „сорока“ отличается еще тѣмъ, что нижній край ея „подушечки“ располагается наравнѣ съ нижнимъ краемъ самаго головного убора и приходится на лбу, тогда какъ въ полѣсскихъ головныхъ уборахъ нижній ея край приходится выше лба, почти на темени, и вся „подушечка“ больше отнесена назадъ.

Какъ въ Полѣсьи, такъ и у черемисъ, описанные нами головные уборы носятся исключительно замужними женщинами, что̀ придаетъ двумъ сравниваемымъ народамъ еще одну лишнюю сходственную черту. Если мы теперь сравнимъ между собою всѣ четыре головныхъ убора, то увидимъ, что черемисская „сорока“ наиболѣе соотвѣтствуетъ идеѣ всѣхъ этихъ уборовъ или тому первоисточнику, отъ котораго всѣ они произошли. Эта идея, какъ мы думаемъ, заключается въ мягкой низенькой шапочкѣ, плотно обтягивающей голову и въ четыреугольной дощечкѣ, прикрѣпленной къ ней на лбу. Но такому опредѣленію головного убора, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ головной уборъ Іудейскаго первосвященника, Кидаръ, насколько мы можемъ судить объ устройствѣ этого убора изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Въ книгахъ Моисея, гдѣ такъ подробно описывается всякая мелочь въ одеждѣ Аарона, Кидаръ, къ сожалѣнію, остался безъ всякаго описанія, вѣроятно, потому, что авторъ считалъ совершенно излишнимъ знакомить своихъ читателей съ головнымъ уборомъ, всѣмъ и каждому въ его время хорошо знакомымъ. Однако, по нѣкоторымъ намекамъ священнаго писанія можно догадываться, что это былъ за уборъ. По мнѣнію одного изъ главныхъ комментаторовъ Библіи, Раши (жилъ отъ 1030 по 1105 годъ), „Кидаръ“ Первосвященника былъ низкій головной уборъ, такъ какъ въ Библіи (Исходъ гл. 28, ст. 40) сказано, что дѣти

Аарона должны были носить „высокій“ уборъ, тогда какъ слово, которымъ названъ головной уборъ самого Аарона (Исходъ гл. 28, ст. 39) значитъ „мягкій“. Такимъ образомъ, если соображенія Раши справедливы, то основаніемъ „Кидара“ была мягкая и низкая шапочка вродѣ еврейской ермолки или вродѣ мягкой полотняной шапочки, составляющей основаніе черемисской „сороки“.

Далѣе въ Библіи же (Исходъ гл. 28, ст. 36) сказано:

36) И сдѣлай дощечку изъ чистаго золота и выгравируй на ней: „Свято для Бога“.

37) И прикрѣпи ее (дощечку) синимъ шнуркомъ къ Кидару и чтобы шнурокъ былъ на уборѣ.

38) И чтобы она была на лбу у Аарона.

По поводу этихъ словъ Библіи, у различныхъ комментаторовъ ея возникаютъ споры: одни говорятъ, что дощечка должна быть спереди на самомъ головномъ уборѣ, а другіе, что она только подвѣшена была къ головному убору, но должна была быть непремѣнно на самомъ лбу. Судя по словамъ Библіи, можно думать, что вѣрнѣе первое изъ этихъ мнѣній. Если представлять себѣ „кидаръ“ въ видѣ обыкновеннаго головного убора, какой бы формы онъ ни былъ, въ такомъ случаѣ передняя его часть должна закрывать около половины лба, а въ такомъ случаѣ золотая дощечка была бы ужъ слишкомъ узка, чтобы занимать только остающуюся часть лба, неприкрытую головнымъ уборомъ. Если же дощечка была шириною не менѣе 2-хъ дюймовъ, то верхняя ея половина должна непремѣнно лежать на головномъ уборѣ. Во-вторыхъ, въ стихѣ 37 ясно сказано: „и прикрѣпи ее къ Кидару“, т. е. именно прикрѣпи, а не подвѣсь, такъ какъ въ стихѣ 37-мъ не было договорено, гдѣ именно нужно прикрѣпить дощечку къ головному убору: на затылкѣ, на одномъ изъ боковъ головы или на лбу, то во избѣжаніе недоразумѣній авторъ и прибавилъ еще лишній 38-й стихъ: „и чтобы она была на лбу у Аарона“.

Какъ бы то ни было, но тѣ соображенія, которыя мы здѣсь привели, на основаніи русскаго перевода Библіи, конечно, слишкомъ недостаточны, чтобы считать вопросъ о кидарѣ рѣшеннымъ. Высказавши свои предположенія, мы оставляемъ всетаки вопросъ объ устройствѣ кидара открытымъ, предоставляя его рѣшеніе спеціалистамъ.

Если принять, что кидаръ былъ устроенъ такъ, какъ предполагаемъ мы, то тогда онъ сходенъ съ описанными нами полѣсскими головными уборами и черемисской „сорокой“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ стало бы ясно, для чего у полѣсской „пухоўки“ существуетъ шнуръ, не имѣющій никакого назначенія. Ясно, что „подушечка“ когда-то не была такъ плотно скрѣплена

съ „пухоўкой“, какъ теперь, и что онѣ были соединены между собою шерстянымъ шнуромъ. Когда же „подушечку“ сшили съ „пухоўкой“, то шнуръ сталъ излишнимъ, но хозяева „пухоўки“ изъ консерватизма всетаки не считали удобнымъ уничтожить шнуръ, который много вѣковъ быть можетъ носили ихъ бабушки и прабабушки.

То обстоятельство, что въ Полѣсьи и у черемисъ описанный нами головной уборъ носятъ женщины, тогда какъ у евреевъ онъ былъ исключительно мужскимъ, не должно насъ удивлять, такъ какъ сравнительная этнографія даетъ подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Смѣло можно сказать, что нѣтъ той части мужского костюма, которую нельзя было-бы найти гдѣ-нибудь у женщинъ. А что и въ древности это не было рѣдкостью, видно изъ слѣдующихъ словъ Библіи (Второзаконіе гл. 22, ст. 5): „На женщинахъ не должно быть мужской одежды... ибо мерзокъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ всякій дѣлающій сіе“.

Интересно, что у черемисскихъ женщинъ можно найти еще и другую принадлежность одежды Іудейскаго Первосвященника.

Изъ Исходѣ (гл. 28) мы читаемъ:

15) Сдѣлай наперсникъ судный искусною работой... изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленной шерсти и изъ крученаго виссона сдѣлай его.

16) Онъ долженъ быть четыреугольный, двойной въ пядень длиною и въ пядень шириною.

17) И вставь въ него оправленные камни въ четыре ряда...

20) ... въ золотыхъ гнѣздахъ должны быть вставлены они.

21) Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу (двѣнадцати именъ сыновъ Израилевыхъ...).

22) Къ наперснику сдѣлай цѣпочки, витыя плетеною работою изъ чистаго золота...

Извѣстно, что у черемисскихъ женщинъ также носится на груди твердый четыреугольникъ, который повѣшенъ на шею на ремнѣ, а вмѣсто драгоцѣнныхъ камней унизанъ бисеромъ или монетами. У Racinet (Costume historique) есть рисунокъ черемисскихъ женщинъ съ четыреугольниками на груди, но изъ Симбирской губ. (т. 6, рисун. 495). Въ объясненіи къ рисунку сказано, что нагрудникъ этотъ дѣлается на жести и украшается монетами и мѣдными кружками. И. Н. Смирновъ въ своей книгѣ „Черемисы“ (стр. 77) говоритъ, что такой четыреугольный нагрудникъ у черемисскихъ женщинъ дѣлается изъ кожи и украшается монетами, что мѣстное названіе его ширкама или пычкама.

Что касается современныхъ евреевъ, то у нихъ фигура прямоугольнаго четыреугольника или квадрата считается священной, въ родѣ того, какъ крестъ

у христіанъ. Во-первыхъ, малый плащъ или Талэсъ-Кутонъ, который носитъ на себѣ каждый еврей мужчина (подъ жилетомъ, поверхъ рубахи, а если еврей щеголяетъ бѣльемъ, то подъ рубахой) имѣетъ форму прямоугольнаго четыреугольника съ вырѣзкой въ серединѣ его для продѣванія головы. На четырехъ углахъ этой части одежды, какъ мы уже говорили выше, пришиваются „кисти видѣнія“ (329). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Россіи (намъ случилось это видѣть въ мѣст. Славутѣ Волынской губ.) старыя еврейки въ особо торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ на грудь поверхъ платья такъ называемый Brusttuch, т. е. нагрудникъ изъ парчи или изъ шелковой матеріи съ вышивками, имѣющій непремѣнно четыреугольную форму. Такъ же, какъ и у черемисскихъ женщинъ, онъ вѣшается на шею, но отличается отъ такого же черемисскаго нагрудника тѣмъ, что длина его направлена вдоль роста, а не поперекъ, какъ у черемисскихъ женщинъ. Что фигура прямоугольнаго четыреугольника или квадрата имѣетъ для евреевъ священное значеніе, доказываетъ еще слѣдующій фактъ:

Нѣкоторые благочестивые евреи въ нашемъ юго-западномъ краѣ при выбѣлкѣ и покраскѣ ихъ дома оставляютъ на стѣнѣ дома небѣленое и некрашенное квадратное поле въ 1 аршинъ и говорятъ, что они это дѣлаютъ въ воспоминаніе о разрушеніи Іерусалима (330). О литовскихъ женщинахъ мы нашли также бѣглую замѣтку, что онѣ въ древности „носили металлическія квадратныя бляшки“, но, къ сожалѣнію, ни о видѣ этихъ бляшекъ, ни о ихъ размѣрахъ, ни о способѣ ихъ ношенія никакихъ свѣдѣній мы не нашли (330 А) *).

---

*) Четыреугольный нагрудникъ принадлежитъ, какъ оказывается, далеко не однимъ евреямъ и черемисамъ, онъ принятъ и у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у Расинэ (Costume historique т. 2 рисун. 1) приводится рисунокъ нагрудника, совершенно такой, какъ у Іудейскаго Первосвященника, но найденный на изображеніи Египетскаго фараона Рамзеса. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что главный египетскій судья носилъ на груди четыреугольную пластинку, украшенную драгоцѣнными камнями, и что въ витринахъ Египетской галлереи на Парижской всемірной выставкѣ 1867-го года можно было видѣть такой же четыреугольникъ, украшенный эмалями и драгоцѣнными камнями, относящійся къ болѣе древнему времени, чѣмъ времена Моисея, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу сокровищъ египетской царицы Аа-Готэпъ, матери Амазиса. Разница между Египетскими и Іудейскими нагрудниками, по словамъ того же автора, заключалась только въ томъ, что у первыхъ драгоцѣнные камни укрѣплялись на золотой металлической пластинкѣ, а у послѣднихъ на фонѣ тканной матеріи. Кромѣ того такой же четыреугольный нагрудникъ былъ у древнихъ этрусковъ. Въ Ватиканѣ сохраняются этрусскія вещи, добытыя при раскопкѣ близъ Кяре (Cäre), между которыми есть золотая нагрудная пластинка, совершенно такая, какая была изображена на могилахъ египетскихъ жрецовъ (331).

Изъ числа современныхъ народовъ четыреугольные нагрудники встрѣчаются у китайцевъ, гдѣ они даются въ видѣ отличія мандаринамъ. Два такихъ четыреугольника, вырѣзанные изъ матеріи, пришиваются къ ихъ одеждѣ на груди и на спинѣ, причемъ у мандариновъ военныхъ на нихъ изображаются четвероногія животныя, а у статскихъ—

Про украшенія ризы Іудейскаго Первосвященника въ Исходѣ (гл. 28, ст. 33) сказано: „по подолу ея (ризы) сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго, пурпуроваго и червленнаго цвѣта (и изъ крученаго виссона), вокругъ по подолу ея (такого вида яблоки) и позвонки золотые между ними кругомъ“.

Подобные же позвонки отъ пояса до колѣнъ, привѣшенные на шнуркахъ, носили въ древности литовскія дѣвушки (335) *).

Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще одну черту, общую литовцамъ съ древними евреями. Нарбутъ въ своей „Исторіи народа литовскаго“ (Вильно т. I, стр. 282) слѣдующимъ образомъ передаетъ разсказъ Грунау въ хроникѣ 1520-го года о жертвоприношеніи у древнихъ пруссовъ (литовскаго племени): „Вайдэлотъ (жрецъ) говорилъ передъ собравшимся народомъ о заповѣдяхъ боговъ и о томъ, что они требуютъ отъ людей, потомъ наступало накладываніе рукъ на голову козла, причемъ народъ громко каялся въ своихъ грѣхахъ...

А въ Библіи говорится слѣдующее: „возложитъ Ааронъ обѣ руки свои на голову козла и исповѣдаетъ надъ нимъ беззаконія сыновъ Израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, возложитъ ихъ на голову козла.. и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“... **).

Словомъ, передъ нами здѣсь проходитъ цѣлый рядъ загадочныхъ этнографическихъ параллелей между перечисленными нами народами, которыя нельзя объяснить общепринятымъ у насъ способомъ. Такъ какъ работы по

птицы (332). У чувашскихъ женщинъ есть такіе же четыреугольные нагрудники, какъ и у черемисскихъ, подъ названіемъ близкимъ къ черемисскому—Шульгама (И. Н. Смирновъ. Черемисы стр. 77). У Казанскихъ вотяковъ такой же нагрудникъ называется муреажъ и украшается монетами и позументомъ (333). Такой же четыреугольный нагрудникъ носятъ и башкирскія женщины, онъ называется сельдарь или идывшикъ, дѣлается изъ кораллов и украшается монетами и оловянными кружечками (334). У швейцарскихъ женщинъ есть также нагрудное украшеніе въ формѣ прямоугольнаго четыреугольника или квадрата. У Расинэ изображены двѣ швейцарскія женщины съ такими украшеніями изъ Бернскаго кантона. У тѣхъ же швейцарскихъ женщинъ, какъ необходимая принадлежность костюма, есть серебряныя цѣпи, неимѣющія въ настоящее время никакого практическаго значенія и свѣшивающіяся спереди отъ плечъ къ поясу. Онѣ напоминаютъ тѣ золотыя цѣпи, на которыхъ у Іудейскаго Первосвященника былъ подвѣшенъ къ плечамъ четыреугольный нагрудникъ.

*) Ф. Готтенротъ говоритъ, что въ Россіи при раскопкахъ найдено безчисленное множество побрякушекъ, которыя еще и теперь употребляются между латышами въ Гольдингенѣ, гдѣ онѣ служатъ украшеніями для кафтана и плаща. Авторъ предполагаетъ, что и русскія женщины высшихъ классовъ въ древности носили юбку, украшенную по подолу позвонками (336).

**) Тотъ же обычай былъ въ древности въ Египтѣ и въ Индіи: «всѣ племена, собравшись вмѣстѣ, обременяли своими дурными дѣлами и словами очистительную жертву и потомъ изгоняли ее въ пустыню». У египтянъ козла замѣняла телка, а у индійцевъ—лошадь (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XXXVI, II, стр. 87—88).

отысканію подобныхъ параллелей еще только что начинаются и потому составляютъ сравнительную новость въ нашей этнографической литературѣ, то мы воздержимся отъ какихъ-либо выводовъ, во ожиданіи того времени, пока фактовъ такого рода накопится болѣе. А теперь сопоставимъ только приведенныя нами параллели съ близкими къ нимъ и не менѣе загадочными параллелями, найденными нашимъ почтеннымъ ученымъ А. Фаминцынымъ между древними Прибалтійскими славянами и древними семитами (337).

В. Мошковъ.

Гор. Варшава.
26-го Января 1900-го года.

Три отпуска (наговора), произносимыхъ пастухами надъ скотомъ въ с. Уницѣ Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

(Записаны докторомъ С. В. Тучемскимъ).

1) Майскій отпускъ.

Господи и Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Святая и нераздѣльная Троица, пособи и помоги на доброе дѣло. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Боже, помози мнѣ. Сталъ я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверями и изъ двора воротами и изыду я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) въ чистое поле со своимъ скотомъ на утренней зарѣ, стану на востокъ лицомъ. Помолюсь я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному и Пресвятой Богородицѣ, Матери Божіей, Царицѣ Небесной, и всѣмъ небеснымъ и безплотнымъ силамъ, Ангеламъ и Архангеламъ, Михаилу Архангелу, Гавріилу Архангелу, Іоанну Предтечѣ, Крестителю Господню, и четыремъ Евангелистамъ: Іоанну Богослову, Матѳею, Марку, Лукѣ, Петру и Павлу, верховнымъ Апостоламъ, вселенскимъ учителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, Николаю Чудотворцу, святителю Господню, Георгію Храброму, Флору и Лавру, Власію и Медосію (?), Косьмѣ и Даміану. Отцомъ прощенъ, матерью благословенъ и беру я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) на свои руки на все лѣто красное до поздней осени крестьянскій скотъ, милый животъ, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Ходятъ въ моей любимой поскотинѣ въ день при солнцѣ, въ ночь при младомъ мѣсяцѣ, при утренней зарѣ и при вечерней, при частыхъ звѣздахъ, при буйномъ вѣтрѣ, при дождливой каплѣ. Сохрани, Господи, и соблюди отъ чернаго звѣря, медвѣдя съ медвѣдицею, отъ широкополаго, отъ напастнаго, отъ насланнаго, отъ прохожаго и отъ жирового и отъ пакостника и опрокидня, отъ сѣдого, рыскучаго волка и отъ волчихи и отъ чернаго звѣря, отъ росомахи и отъ ползучаго гада змія и отъ лютой зміи — скорпіи и отъ моего недруга и супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ шелудива и отъ киловата, отъ двоезуба и двоеволоса, отъ дѣвки—простоволоски, отъ старца и отъ старицы, отъ своей и отъ чужой лихой думы. Симъ моимъ добрымъ словомъ наставляется первая Майская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

1) Іюльскій отпускъ.

Господи, благослови меня, раба Божія, пастыря (Имр.) на доброе дѣло, на утренней зарѣ идти въ чистое поле со своимъ скотомъ, съ крестьянскимъ

животомъ, съ рогатымъ и двоекопытнымъ, съ разношерстнымъ, со стадомъ быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Стоитъ въ чистомъ полѣ святая земля, златая лѣстница, и опускаются на святой, златой лѣстницѣ Свѣтъ истинный, Христосъ, Царь Небесный, и съ нимъ опускается мати Его Пресвятая Госпожа, Богородица, Царица Небесная, вся небесная бесплотная сила, Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы. И держитъ свѣтъ истинный Христосъ въ своихъ пречистыхъ рукахъ крестъ животворящій. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (имр.), ко Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, со своимъ скотомъ и наклоняю главу свою. Благославляетъ Свѣтъ истинный, Христосъ, Царь Небесный, своимъ крестомъ животворящимъ меня, раба Божія, пастыря (имр.) и мой милый скотъ и речетъ: „сохраню и сберегу я твой милый скотъ на все лѣто красное до самой поздней осени". И поклонюсь я, рабъ Божій, Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, до самой сырой земли и пойду изъ чистаго поля въ темные лѣса, ажно и печетъ, свѣтитъ красное солнце. На встрѣчу идутъ ко мнѣ, рабу Божію, пастырю (Имр.), святые угодники: Іоаннъ Предтеча, Креститель Господень и четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Матѳей, Маркъ, Лука, Петръ и Павелъ, верховные Апостолы,—вселенскіе учители, святители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ, святитель Христовъ, Георгій Храбрый, Флоръ и Лавръ, святой Власій и Медосій. Идутъ святые Косьма и Даміанъ, своими луками подпираются, а каменными стрѣлами росу стряхиваютъ и мнѣ, рабу Божію, пастырю (Имр.), путь очищаютъ. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), со своимъ скотомъ къ угодникамъ Божіимъ съ быками и съ коровами, съ нетелями и съ малыми телятами и наклоняю главу свою. Благославляютъ всѣ угодники Божіи меня, раба Божія, пастыря (Имр.), и мой милый скотъ и рекутъ: „сохранимъ и сбережемъ мы тебя, раба Божія, и твой скотъ милый, животъ крестьянскій, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ отъ всѣхъ лютыхъ звѣрей, когтей и зубовъ ихъ и отъ злыхъ человѣкъ, отъ чернаго звѣря, медвѣдя съ медвѣдицей, отъ широколапаго, насланнаго и отъ жироваго, отъ пакостника и опрокидня и отъ сѣраго волка съ волчихой и отъ чернаго звѣря, росомахи, и отъ ползучаго гада змія и отъ лютой зміи—скорпіи и отъ моего недруга и супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ шелудива и отъ киловата и отъ двоезуба и отъ двоеволоса, отъ дѣвки — простоволоски, отъ старца и отъ старицы, отъ свой и отъ чужой лихой думы". И поклонюся я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), всѣмъ угодникамъ Божіимъ до сырой земли и пойду со своимъ скотомъ въ темные лѣса и распущу скотъ по разнымъ мѣстамъ и проговорю: „Ходи мой милый скотъ, крестьянскій животъ, рогатое, двое-

копытное, разношерстное стадо, быки, коровы, нетели и малые телята въ осѣку и за осѣкомъ, въ полѣ и за полемъ, въ лугу и за лугомъ, въ шаграхъ, въ темныхъ лѣсахъ, и кажись мой милый скотъ всѣмъ лютымъ звѣрямъ пеньемъ и колодьемъ, при травѣ—травой, при водѣ—водой, при камняхъ—каменьями, при лѣсѣ—лѣсомъ. И какъ придетъ вечерняя заря, и заиграю я, рабъ Божій, пастырь (имр.) въ рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся, мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малые телята, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается, и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся къ своему царю, большому муравью, и какъ таетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ таяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божіемъ, пастырю (имр.), по моемъ трубномъ голосѣ". И пойду я рабъ Божій (имр.) къ синему морю и возмутится море и выходятъ изъ моря тридцать красныхъ дѣвицъ съ булатными замками и замыкаютъ тѣ дѣвицы всѣмъ лютымъ звѣрямъ губы и зубы и бьютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей по глазамъ и зубамъ и по всѣмъ ихъ суставамъ и заклинаютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей: „и чтобы вамъ околѣть и одеревенѣть, ослѣпнуть и не увидѣть бы сего крестьянскаго скота во все лѣто красное до самой поздней осени". И еще я же, рабъ Божій, пастырь (имр.), поклонюсь небеснымъ Ангеламъ, и сходятъ небесные Ангелы съ небеснымъ огнемъ неугасаемымъ и зажигаютъ у моего скота поръ и сердце, чтобы всякая скотина горѣла бы и тосковала сердцемъ и по своемъ домѣ и по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабу Божію, пастырю (имр.), и моемъ голосѣ. Самъ моимъ добрымъ и вѣрнымъ словомъ, небо—ключь, земля—замокъ и милость Божія буди. И поставляется вторая іюльская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

а) Сентябрскій отпускъ.

Постави Господи и утверди Господи около моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго, и двоекопытнаго, разношерстнаго стада быковъ, и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ желѣзный тынъ, былатныя (sic) вереи, мѣдные ворота, златое кольцо со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ неба и до земли, отъ земли до неба, отъ востока и до запада, отъ юга и отъ сѣвера. Сквозь тотъ тынъ желѣзный не опещи солнцу красному, сквозь тотъ тынъ не повѣяти вѣтру буйному, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройти черному звѣрю, медвѣдю со медвѣдицею, широколапому, насланному и прохожему, жировому, пакостнику и опрокидню, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройти ни колдуну

ни колдуньи, ни киловату, ни шелудиву, ни двоезубу, ни двоеволосу, ни дѣвкѣ-простоволоскѣ, ни старцу, ни старицѣ, ни своей, ни чужой лихой думѣ. Какъ сѣрому артаку (?) рыскучему волку и волчихѣ не перескать (?) имъ будетъ около синяго моря и не перезобать со всѣхъ береговъ морскихъ песку, чтобы всѣмъ лютымъ звѣрямъ не догнать моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго... и проч. черному звѣрю медвѣдю... и проч... у того бы языкъ теменемъ вытянуло.

Всемилостивѣйшая Пресвятая Госпожа, Владычица, Богородица, Мати Божія, Царица Небесная, закрой меня, раба Божія (Имр.), своею нетлѣнною ризою и мой милый скотъ, крестьнскій животъ рогатое двоекопытое... и проч. на все лѣто красное до самой до поздней осени отъ всѣхъ звѣрей лютыхъ, ногтей ихъ и злыхъ человѣкъ. Буди милость Божія на мнѣ и на моемъ миломъ скотѣ, на быковъ, коровъ, на нетелей и малыхъ телятъ. Симъ моимъ добрымъ, крѣпкимъ и вѣрнымъ словомъ, небо — ключь, земля — замокъ и милость Божія буди. И поставляется третья, сентябрская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Списокъ населенныхъ мѣстъ царства Польскаго и западной Россі[и], въ которыхъ принятъ обычай обязательнаго трубленія въ осенне[е] полугодіе.

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
	Плоцкая губернія.	
	Пултусскій уѣздъ.	
Заторы и Барсуки (на лѣвомъ берегу р. Нарева).	—	—
	Ломжинская губернія.	
	Ломжинскій уѣздъ.	
С. Замброво.	—	—
	Мазовецкій уѣздъ.	
С. Дембовина (около ст. Лапы), стан. Шепетово.	—	—
	Островскій уѣздъ.	
Мѣст. Малкинъ, дер. Зависты, Ростки, Гонсіорово, Зузель, Зарембы косьцельнэ, Суммэнзно, Качково, Брокъ.	—	—
	Остроленскій уѣздъ.	
У шляхты на лѣвомъ берегу р. Нарева.	—	У крестьянъ на правомъ берегу Нарева.
	Варшавская губернія.	
	Радзиминскій уѣздъ.	
Д. Мадесинъ (гм. Страхувка).	—	Страхувка, Боруча, Рувнэ.
	Новоминскій уѣздъ.	
Ариновъ, Цыганка, мѣс. Станиславовъ, Ивовэ, Лялины, Рэдзиньскэ, Хроминъ, Ольшанка, Страхоминъ, Вэльголясъ, Сѣнница, Уляновъ, Рудно (около м. Колбель) и Кшивица.	—	—
	Сѣдлецкая губернія.	
	Венгровскій уѣздъ.	
Д. Суходолъ, Карчевицэ, м. Ливъ, Людвиновъ, Стара Весь Баржихи, Паплинъ, Вулька Паплинска, Тварoги, Каменна д. Бендажэ (гм. Корытница).	—	—

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
	Соколовскій уѣздъ.	
Рытэле Свэнскэ, Рытэле Сухэ, Рытэле Олехны, Длугэ Вшеборы, Длугэ Гжимки, Длугэ Каминске, м. Коссовъ, и Стэрдынь.	д. Пшевузка.	д. Пшедзятки, Воевудка.
	Сѣдлецкій уѣздъ.	
Олесница, Водыне и Серочинъ.	—	—
	Луковскій уѣздъ.	
д. Ягодна, Ружа, Вулька, и Правда.	—	—
	Гарволинскій уѣздъ.	
Юзя, Униковъ, Ягодна, Выгода, Жабенецъ, Нецеплинъ и Пузновъ.	—	—
	Константиновскій уѣздъ.	
Шидловка, Ольшанка, Корчовка, Мшанка, Гуслевъ, Кривосниты, Прохенки, Луги, Зачопки, Пратулинъ, Корница, Рудка, Рокитно, Дзятковэкъ, Силивонка, Копцэ, Вороблинъ, Дерло, Витулинъ, Богукалы, Кричевъ, Колчинъ, Мокраны, Непле и Бузовка.	—	Грудь, Целесница, Голодница, Михалки, Ольшино.
	Радинскій уѣздъ.	
Кожушки, Луговиско, Засядки, Кошелики, Мане, Рогожница, Долга, Шахи, Стольно, Жероцинъ, Загайки, Бероза, Преходиско, Дрелевъ, Квасовка, Виторожъ, Шостка, Лужки, Желѣзна, Коленбродъ, Валинна, Прогалины, Островки Осова, Деревична, Виски, Воронецъ, Березовый Контъ, Безволя, Рудно, Радче, Давиды, Яблонь, Пашенки, Коляно, Гусь, Чебераки и Миляновъ.	—	Русская Воля.
	Бѣльскій уѣздъ.	
Самовиче, Добрынь, Малашевице, Кобыляны, Кожановка, Добринка, Копытовъ, Колоски, Загоровъ,	Муравецъ, Хорощинка, Огродники, Дубовъ, Дубовская Воля, Красовка, Корчовка, Ломазы, Любенка,	Полятыче, Михалковъ, Лебедевъ, Добратыче, Вулька Добринская, Корощинъ, Горбовъ, Кіевецъ,

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Великая Дубровица, Малая Дубровица, Бокинка, Панская, докудовъ, Гуща (польская колонія), Копытникъ, Стасювка, Жуки, Межилѣсь, Ленюшки, Лишна, Заболотье, Волька Заболоцка, Ляцкъ, Кузовка, Ганна, Долгоброды, Костомлоты, Россошъ и Славатыче.	Костеневиче, Вулька Костеневицкая, Янувка, Ортель Королевскій, Колода и Яблочна.	Деречанка, Залѣсе, Гусинка, Кучуковка, Воскреница, Цициборъ, Чоснувка, Сидорки, Ортель Княжескій, Волька Бѣльская, Ситникъ, Пищацъ, Кошолы, Виски, Кодень, Ольшанка, Саювка, Крива Волька, Матушовка, Добромысль.
	Влодавскій уѣздъ.	
Любень, Любичень, Коденецъ, Хмѣлевъ, Калинка, Лыневъ, Полубиче, Вишницы, Жещинка, Переходъ, Липники, Сосновка, Развадовка, Мутвица, Чепутка, Выгнанка, Романовъ, Хоростыта, Красовка. Константинъ, Ставки, Рожанка, Шуминна.		Грабовка, Липовка, Горки, Долголиско и Думипа.
	Гродненская губернія.	
	Бѣльскій уѣздъ.	
	Сѣмятицкая волость.	
Крупица, Огородники, Чисели, Роговка.		Клюково.
	Александровская волость.	
Шершени и Мацьковичи.	—	—
	Дубяжская волость.	
—	—	Суховольцы, Мокрое и Дидули.
	Орлянская волость.	
—	—	Спички.
	Новоберезовская волость.	
Истоки.	—	—
	Райская волость.	
—	—	Плески.
	Брестскій уѣздъ.	
	Волчинская волость.	
—	Чижевичи.	—
	Мотыкальская волость.	
—	—	Чилеево, Тюхеничи и Ковердяки.
	Камижуровская волость.	
—	Пугачова.	—
	Мѣдянская волость.	
Дуричи, Збунинъ, Отоки, Дубица и Лоплавцы.	Страдэчъ.	—
	Домачевская волость.	
Домачево, Липинка, Харсы.	—	Новоселки.

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Пещатка, Бобровка, Волька, Туменъ, Хлѣвище и Клюковичи.	Половецкая волость. Ставищи.	—
	Высоколитовская волость.	
Добнево и Чернево.	—	Волковичи.
	Лыщицкая волость.	
Подгубятичи.	Лыщицы.	Яцковичи и Кустынъ.
	Турневская волость.	
—	Турна и коростичи.	—
	Верховичская волость.	
Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подборье, Радовичи и Ясиновка.	—	—
	Ратайчицкая волость.	
Бучимля.	—	Церковники и Хотыново.
	Войсковская волость.	
—	—	Городище и Моньчаки.
	Каменецкая волость.	
—	Липна и Угляны.	Шербово.
	Дмитровичская волость.	
—	Рожковка.	—
	Пружанскій уѣздъ.	
	Бѣловѣжская - Александровская волость.	
—	Урочискъ, зановинъ, Чвирки.	—
	Шерешовская волость.	
—	Мыльниски.	—
	Кобринскій уѣздъ.	
	Збираговская волость.	
Мальки.	Рудки.	—
	Сехновецкая волость.	
Олизоровъ Кутъ.	—	—
	Дружиловичская волость.	
Трилистная.	—	—
	Слонимскій уѣздъ.	
	Песковская волость.	
Споровъ.	—	—
	Волынская губернія.	
	Луцкій уѣздъ.	
Полицы.	—	Борохово.
	Ковельскій уѣздъ.	
Кортылисы и Самары.	—	Заболотье.
	Минская губернія.	
	Минскій уѣздъ.	
Козляковичи, Столинъ, Бережное.	—	—
	Мозырскій уѣздъ.	
Давыдъ-Городокъ.	—	с. Турово.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1)—Этнограф. Обозр. 1890 г. № 2 стр. 5 и 12. 2) и 3)—A. W. Ambros Geschichte der Musik I стр. 508. 4)—Musikalisch. Conversat. Lexik. v. H. Mendel 10 стр. 31. 5)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 6)—Газета «Новое Время» 1897 г. № 7593. 7)—Народы Россіи Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 8)—Zeitschrift für Ethnologie. 4. 1872 стр. 33. 9)—Ibid. 10)—Ibid. 11)—Mélusine (Франц. этногр. журн.) ч. 3 1886—87 г. стр. 460. 12)—Zeitschrift für Ethnologie 1872 т. 4 стр. 33. 13)—Ibid. и Musik. Convers. Lexik. v. H. Mendel т. 2 стр. 207. 14)—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейск. народ. ч. 1 стр. 320. 15)—Ibid. стр. 404. 16)—Českŷ Lid Čislo I Roěn. 5 стр. 39. 17)—Ibid. 18)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 420; Musik. Convers. Lexik. von H. Mendel т. 9 стр. 150; Kaz. Łada Hystorja muzyki Warsz. 1861 стр. 8; 19)—Kostümkunde von Hermann Weiss. Stutgart 1860 ч. 4 стр. 255: 20)—Revue des traditions populaires т. II № 1 1896 стр. 7, статья Лалаянца. 21)—Матерьялы для антропологіи Таранчей. Диссертація В. Э. Пайселя Спб. 1897 стр. 21. 22)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 508. 23)—Ibid. стр. 356. 24)—Kostümkunde von Hermann Weiss Stutgart 1864, 1 стр. 431. 25)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 658. 26)—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народ. Спб. 1878 т. 2 стр. 108. 27)—Ceskŷ Lid Čislo I Ročnik 5 стр. 14. 28)—Dzieje starożytne narodu Litewskiego przez Teodora Narbutta Wilno 1835 стр. 13 т. 1. 29)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 30)—Kostümkunde von Hermann Weiss Stutgart 1860 т. 4 стр. 17; A. W. Ambros Geschichte der Musik Leipzig 1887 стр. 547. 31)—Ibid. 31 A)—O. Comettant. La musique et les instrum. de musique chez les differ. peuples du monde... Paris 1869 стр. 596; 32)—Kulturgeschichte des deutscheu Volkes von D-r Otto Henne... Berlin 1886 т. 1 стр. 95. 33)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 422. 34)—Musikalisches Conversations Lexikon H. Mendel т. 2 стр. 380. 35)—Musikal Conversations Lexikon ven Herm. Mendel IX ст. 33; 36)—Вѣстникъ Европы. Іюль 1874 стр. 703. 37)—L. Krzywicki. Zarys antropolog. etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. 38)—O. Comettant (смотр. примѣч. 31 A). 39)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 552. 40)—O. Comettant стр. 575. 41)—«Всемірный путешественникъ». Январь 1874 стр. 16—17. 42)—Musik. Conv. Lexik. v. H. Mendel т. 9 стр. 33. 43)—Kostümk. v. H. Weiss т. 5 стр. 851. 46)—Revue des trad. pop. ч. 6 № 11 стр. 685. 45) — O. Comettant стр. 590. 46)—Słownik rzeczy starożytnych opracował G... Krakow 1896 слово ligawka. 47)—Wisła. 1888 стр. 432. 48)—Kmiotek. Warszawa 1849 стр. 207. 49)—Wisla 1888 стр. 432. 50)—Смотр. примѣч. 44 и 52)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 1 стр. 169. 53)—O. Comettant стр. 586, 588 и 589. 54)—Kost. H. Weiss т. 5 стр. 432. 55)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel. т. 5 стр. 290 и т. 2 стр. 32—33. 56)—Ibid. 57 —Kulturgeschichte des deutschen Volkes von D-r Otto Henne am Rhyn Berlin 1886 т. 1 стр. 38. 57 A)—Ш. Летурно Эволюція торговли. Изд. Поповой Спб. 1889 стр. 109. 58)—Mus. Conv. Lex. H. Mend. т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 59)—Ibid. 60)—A. W. Ambros стр. 508. 61)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 62)—Народы Россіи Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 63)—«Новое Время» 1897 № 7593. 64)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этн. 17 в. т. стр. 8. 65)—Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив. т. 14 в. 3 стр. 375 66)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 1 стр. 324. 67)—M. A. Racinet. Le costume historique. Paris 1888 т. 3 рисун. № 141. 68)—Сборн. матер. для описан. мѣстност. и пле-

менъ Кавказа в. 19 стр. 126—127. 69)—Ibid. в. 10 стр. 47. 70)—A. W. Ambros стр. 375; Kostk. Weiss т. 4 стр. 60 и 111; Neu eröffneter Magasin musikalisscher Tonwerkzeuge. Bearb. von Heinrich Welker von Gontershausen Frankfurt am Main 1855 стр. 15. 71)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 72)—Ibid. 73)—Kostk. Weiss т. 5 стр. 851. 74)—Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. Граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ Спб. 1889. в. 2 стр. 69. 74 А) O. Commetant 75)—A. W. Ambros стр. 524. 76)—D-r Č. Žibrt. «Jak se kdy v Čechách tancovalo» v Praze 1895. 77)—Illustrirtes Wörterbuch der Römischen Alterthümer Antony Rich. Paris & Leipzig 1862. 78) ibid. 79)—Исходъ Глава 19. 80)—Ibid. 81)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 82)—Эме Гюмберъ Живописная Японія. Спб. 1870 стр. 3. 83)—Извѣст. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 14 в. 3 стр. 375. Народы Россіи Изд. об. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 202. 84)—Ambros стр. 375. 85)—Der Olymp... A. H. Petiscus. Leipzig 1890 стр. 305—306. 86)—Смотр. примѣч. 70). 87)—A. W. Ambros стр. 551. 88)—Hahn. Albanesische Studien стр. 160. 89)—Česky Lid Čislo 1 Roĕn. 3 стр. 39. 90)—Книга числъ. Глава 10. 91)—Ibid. 92)—Ibid. Глава 29 ст. 1. 93)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 2. стр. 380. 94)—Ibid. 95)—Смотр. примѣч. 70). 96)—Kostk. Weiss т. 4 стр. 255. 97)—A. W. Ambros. стр. 508. 98)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 10 стр. 31. 99)—Ibid. т. 10 слово tuba. 100)—Bibl. der neuest. und wichtigst. Reisebeschr. Sprengel. Weimar 1801 т. 4; Путешествіе въ Тибетъ г. Турнера. 101 и 102)—З. И. Р. Г. О. по отдѣл. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 103)—Народы Россіи Спб. в. 2 стр. 455—457. 104)—«Новое время» 1897 № 7593. 105)—Dzieje starożytne narodu L. przez Teodora Narbutta. Wilno. стр. 284. 106)—Этнограф. Обозр. 1895 № 3 стр. 35. 107)—Kostümk. Weiss т. 1 стр. 161. 108)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 685. 109)—Сборн. матер. для мѣстн. и плем. Кавказа в. 10 стр. 47. 109 А)—Страна эфіоповъ (Абиссинія) Е. Е. Долганева. Спб. 1896 стр. 116. 110)—D-r A. Petermanns Mitteilungen. Gotha. т. 37. 1891. т. стр. 235. 111)—Книга числъ. Глава 10. 112)—Hystorja muzyki K. Łada стр. 9. 113)—Журн. «Естествозн. и Географія» 1896 Апрѣль стр. 42—43; З. И. Р. Г. О. по. отд. этногр. т. 16 стр. 84—390. 117)—«Новое время» 1897 № 7593. 116)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 8 стр. 382. 117)—H. Welcker. Neu eröffnetes Magazin muzikalischer Tonwerkzeuge Frankf. am Main 1855 стр. 33. 118)—Hyst. muz. K. Łada. Wasrzawa 1861 стр. 175. 119)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel. 120)—«Всеміpн. путешествен.». Янв. 1874 стр. 1874 стр. 16—17. 121)—Естест. ист. плем. и нар. Фр. Гельвальдъ. Изд. Суворина. Спб. 1885 т. 2 стр. 285. 122)—Пешель. Народовѣдѣніе. (Въ польскомъ переводѣ). Варшава 1876 стр. 259. 123)—Э. А. Вольтеръ т. 1 стр. 202. 124)—L. Krzywicki Zarys antropolog etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. (Изъ Пешеля. Народов.) 125)—Ibid. стр. 121. «Міръ Божій», ст. III. Летурно стр. 159. 126)—L. Krzywicki. Zar. antrop. etn. стр. 127)—Головацкій. Галиц. Пѣсни ч. 1 стр. 706. 128)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. ч. 2 стр. 492—493. 129)—Д-ръ Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи перев. подъ редак. Д-ра В. И. Рамма. Спб. 1899 стр. 409. 130)—Henri Mouhot. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos. Paris 1872 стр. 31. 131)—Le Costume historique... M. A. Racinet Paris 1888 т. 4. 132)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 133)—Книга числъ. Глав. 10. 134)—Bibl. d. neuest. u. wicht. Reisebeschr... Weimar 1801 т. 4 стр. 130. 135)—Книга числъ. Глава 10. 136)—Mus. C. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 137)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 137 А)—Журн. Минис. Народ. Просв. ч. XLII, 11 стр. 43. 138)—Книга Іисуса Навина. Гл. 6. 139)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 140)—Musik Con. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 141)—Смотр. примѣч. 193). 142)—Нар. Россіи. Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 143)—A. W. Ambros. стр. 530—532. 144)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 19 стр. 126—127. 145)—Этногр. Обозр. 1891 в. 10 стр. 7 и 12. 146)—Сборн. Матер. для оп. Кавк. мѣст. и плем. Кавказа в. 20 1894 стр. 154. 147)—Чубинск. Труды т. 1 стр. 191. 148) Герб. Спенсеръ «Таинственный міръ» Спб. 1899, стр. 8—10. 149)—«Религіозные обряды черемисъ» свящ. Яковлева Изд. Миссіонерск. Общ. Казань 1887. 150)—Сообщ. моего брата,

Н. А. Мошкова. 151)—И. Н. Смирновъ. «Черемисы» стр. 165. 152)—Гр. Верещагинъ. Вотяки стр. 61—62. 153)—Максимовъ. Годъ на сѣверѣ. Спб. 1859. стр. 154. 154)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 17 в. 2 стр. 92. 155)—La Tradition годъ 3 № 86—87 стр. 109. 156)—Ibid. стр. 105. 157)—Этногр. Обозр. 1891 в. 10 ст. 7 и 12. 158)—«Естествозн. и Геогр.». 1891 май стр. 43. 159)—Герб. Спенсеръ «Таинств. міръ». Спб. 1899 стр. 9. 160)—La Traditiou 1895 № 86—87 стр. 105. 161)—O. Kolberg Mazowsze. т. 4 стр. 134 162)—И. П. Сахаровъ. Сказ. р. нар. Спб. 1885 стр. 4. 163) La Tradition 1895 № 86—87 стр. 105. 164)—Г. Спенсеръ. «Таинст. міръ». Спб. 1889 ст. 2. 9. 165)—Бытъ грековъ и римлянъ. Ф. Ф. Велишскаго. Прага 1878. 166)—Revue des Traditions populares годъ 6 т. 6 № 7 стр. 429. 167)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. Спб. 1878 ч. 2 стр. 108. 169)—Rev. d. tradit. pop. т. 2 1887. 170)—Водовозова. Жизнь евр. нар. ч. 2 стр. 492—493. 171)—Dzieje staroż. nar. Lit. Narbuttó Wilno 1835 стр. 172)—O. Kolberg. Lud Ser. 5 стр. 303. 173)—Zbiór Wiadom. do Antropol. т. 14 стр. 67. 174)—Zeitschr. d. Ver. für Volksk. Berlin 1894 Heft. 3 стр. 309. 175)—Gregorowicz. Pamiętnik Towarz. Tatrzanskiego 1880. 176)—Путеш. чер. Монголію въ Тибетъ Гюка и Габэ. Москва 1866 стр. 278. 177)—Ibid. стр. 198. 178)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 18 стр. 130. 179) - Ест. ист. плем. и нар. Гельвальда. т. 2 стр. 325. 180)—Ethn. Mitteil. aus Ungarn. 1895 т. 4 Heft. 4—6 стр. 169. 181)—Толков. слов. русск. языка. Даля. Слово «труба». 182)—Путешествія и открытія д-ра Эдуарда Фогеля въ Африкѣ, преимущественно въ Суданѣ. На русск. языкѣ. 183)—Racinet. Le costume historique т. 2 рисун. лит. GE. 184)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 18 стр. 135. 185)—З. И. Р. Г. О. по отд Этногр. т. 16 стр. 84—390. 186)—Р. др. въ памятн. иск. Толстаго и Кондакова. в. 2 стр. 69. 187)—Ill. Wört. b. d. Röm. Alterth. A Rich. Paris & Leipzig 1862 слово «tuba». 188)—La Tradition т. 12. Decembre 1893. стр. 328. 189)—Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 3 стр. 165. 190)—Kłosy 17 № 429. стр. 185. 191)—Острова Тихаго океана. Соч. Ф. Кристмана и Р. Оберлэндера. Спб. 1875 т. 2 стр. 336. 192)—Dzieje staroż. nar. Lit. Narbutt. Wilno 1835 стр. 352 и Ж. Мин. Нар. Пр. ч. XLII, II стр. 35. 193)— Racinet. Cost. hist. 194)—Путеш. къ верх. Нила и изсл. его источн. С. Уайтъ Бекера. Москва. 1868 стр. 145 и 147. 195)—Плоссъ. Женщ. Спб. 1899 т. 2. стр. 417. 196)—Hahn. Alb. St. стр. 160. 197)—Kostümk. Weiss т. 4 стр. 255. 198)—Racinet. Le Cost. т. 3 рисун. № 141. 199)—Ill. Wörtb. Rich. Paris 1862. 200)—La Tradition. Année 8—9 Juillet-Decembre. 1895 c. 209. 201)—Пешель Народ. (польск. пер.). Варшава 1876 стр. 260. 202)—Ethn. Mitteil. aus Ung. Іюнь 1893 стр. 27. 203)—Пут. Гюка и Габэ. 1866 стр. 54. 204)—Ill. W. d. R. A. Rich. Paris 1862. 205)—R. d. trad. pop. 6. № 11 стр. 685. 207)—Mus. Lex. Mendel 1 стр. 169. 208)—Zeitschr. d. Ver. f. Vlksk. 1894 H. 3 стр. 309. 209)—Český Lid Čislo 1 Ročnik. 5. стр. 14. 210)—Головацкій. Галицк. пѣсни ч. 1 стр. 706. 211)—Труды этногр. отд. Об. Люб. Ест. кн. 9 в. 1 1889 стр. 127. 212)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 2 стр. 530. 213)—Памятн. кн. Арханг. губ. 1865 ст. 2 стр. 24—26. 215)—Český Lid. Čislo 1 Ročn. 3 стр. 39. 216)—«Естествозн. и геогр.». 1896 апрѣль стр. 42—43. 217)—Книга судей. Гл. 7. 218)—Паралипоменонъ кн. 2 гл. 13. 219)—Musik. Con. Lex. Mendel 1 стр. 220)—Kostümk. Weiss т. 4 стр. 255. 221)—Musik. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 222)—Н. О. Эминъ. Излѣд. и ст. по армянск. миѳолог., арх. Москва 1896 в. 2 стр. 57. 223)—Ambros стр. 356 и 375. 224)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 225)—A. W. Ambros стр. 375. 226)—Ibid. 227)—Чтен. Имп. Об. Ист. и Древн. Росс. 1846 № 1 стр. 35. 228),—229) и 230)—Ibid. стр. 39. 231)—Kostümk. Weiss т. 1 стр. 431. 232)—Narbutt. Wilno 1835 стр. 13. 233)—Чтен. въ И. О. Ист. и Др. Рос. 1 ст. Изслѣд. начала народ. слав. стр. 71. 234)—A. W. Ambros стр. 375. 235)—Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 149. 236)—Ф. Готтенротъ. Ист. внѣшней культуры. Спб. 1885 ч. 9 стр. 136 237)—Mus. Lex. Mendel т. 10 стр. 345. 238)—A. W. Ambros стр. 464. 239)— И. Казанцевъ. Опис. киргизъ-кайсакъ. Спб. 1887. стр. 130. 240)—Д. В. Путята. Китай Спб. 1895 стр. 176; И. Я. Пясецкій. Путешествіе по Китаю. Спб. 1880. т. 1 стр. 49. 241)—

A. W. Ambros стр. 552. 242)—Fridr. Müller Allgem. Ethnografie. Wien. 1879. стр. 489. 243)—Стенли. «Какъ я отыскалъ Ливингстона». Спб. 1874 стр. 202. 244)—Mélusine т. 3 1886—87 стр. 460. 245)—Du Niger au Golfe de Guinée par les pays de Kong et le Mossi. Par le capit. Binger. Paris 1892 т. 1 стр. 104. 246)—A. W. Ambros стр. 541. 247)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 248)—Racinet. Cost. Слово «Busine» 249)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 1 стр. 393 и 404. 250)—Bibl. der neuesten u. wichtigsten Reisebeschreibungen... Weimar 1801 т. 3 стр. 126. 251)—Народы Россіи. Этногр. оч. Изд. ред. журн. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 311. 252)—Rev. des trad. pop. 1886 т. 1 стр. 318. Ibid. т. 5 стр. 183; Ibid. т. 4 стр, 289; 253)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. III стр. 165. 254)—Ibid. I стр. 120; Истор. вѣстн. 1881 т. 4 стр. 646. 255)—Этногр. Обозр. 1891 № 2 стр. 6. 256)—Ibid. 1894 № 3 стр. 42. 257)—Народы Росс. т. 2 стр. 302. 258)—Слов. Даля. 259)—Narbutt. Wilno. 1835. стр. 281. 260)—Ibid. стр. 311. 261)—Ibid. 262)—Религіозн. обряды черемисъ Свящ. Яковлева. Казань 1887. 263)—Чубинск. Труды т. 7 стр. 61—62 и 64—66; А. С. Дембовецкій описан. Могилев. губ. 1882 т. 1 стр. 755—756. 264)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 18 стр. 4. 265)—«Естествозн. и геогр.» 1896 апрѣль стр. 42—43. 266)—Путеш. Гюка и Габэ. Москва 1866. стр. 278. 267)—Смотр. примѣч. 245) т. 1 стр. 378, т. 2 стр. 184. 268) Movers Die Phönizier Bonn. 1841 т. 1 стр. 205 и 207. 269)—La Tradition № 3 Année 5 стр. 92. 270)—Zbiór Wiad. do Antr. т. 11 стр. 176. 271)—Сахаровъ Ск. р. нар. Спб. 1885 стр. 86—90. 272)—См. прим. 154. 273)—La Tradition Année 3—9 (№ 86—87) 1895 стр. 105 и 109. 274)—Ibid. 275)—Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа в. 8 стр. 6. 276)—Ibid. в. 19 стр. 83. 277)—Народы Россіи. т. 2 стр. 311. 278)—«Естест. и Георг.» 1896 май стр. 43. 279)—Народы Росс. Спб. 1878 т. 1 стр. 447. 280)—Начало цивилиз. Леббока Втор. изд. редак. Д. А. Коропчевск. стр. 25. 281)—Ibid. стр. 22. 282)—Zbiór Wiadom. do Antr. т. 9 стр. 60; O. Kolberg Kraków. ser 7 стр. 50. 283)—La Tradition Année 9 № 86—87 стр. 140; Ibid. Année 8—9 № 88—93. стр. 231, 284)—Ibid. Année 7 № 78—80 стр. 317. 285)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ. 161. 286)—Ibid. 287)—La Tradition. Année № 72—73 стр. 24. 288)—Сбор. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 17 стр. 147 и в. 19 стр. 79. 289)—Ibid. стр. 194. 290)—Ibid. стр. 202. 291)—Ibid. стр. 207. 292)—Ibid. в. 14 стр. 255. 293)—З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 17 в. 2 стр. 223. 294)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ стр. 160—161. 295)—Такъ о якутахъ пишутъ, что у нихъ «единственный» инструментъ—«хамысъ». Изв. Вост. Сибирск. отд. И. Р. Г. О. т. 13 1882 № 3 стр. 39. 297)—Ш. Летурно. Соціологія, основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 298)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1892 ч. 1 стр. 740, 749 и 751. 300)—Р. энц. словарь Брокгауза. Слово «Китайцы». 301)—Ф. Готтенротъ. Истор. внѣшн. культ. стр. 155. 302)—Матер. для географіи и стат. Россіи, собр. оф. генер. шт. въ Ковенской губ. Д. Афанасьева. Спб. 1861 стр. 571. 303)—Памятн. книж. Сѣдлецк. губ. 1891 стр. 250—251 стат. Г. Янчука; Pamiętnik fizyjograficzny т. 4 стр. 377—379. 305)—Народы Россіи т. 2 стр. 306. 306)—Ш. Летурно Соц. основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 92. 307)—«Естеств. и Георг» мартъ 1896 стр. 23; Путеш. Гюкъ и Габэ. стр. 177. 308)—«Ест. и Георг.» март. 1896 стр. 20. 309)—Ш. Летурно. Соц., основ. на этногр. в. 1 стр. 92. 310)—Смотри прмѣч. 182. 311)—Ест. ист. плем. и народ. Ф. Гельвальда Спб. 1885 т. 2 стр. 227. 312)—С. Дж. Леббокъ. Нач. цив. 2-е изд. стр. 44. 313)—Ф. Готтенротъ стр. 161. 314)—Folk-Lore. (Англ. этногр. журн.) London т. 6 № 1895 стр. 96. 315)—Путешеств. въ зап. Китай. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Спб. 1896 т. 1 стр. 144. 316)—Racinet. Costume т. 2 рисун. СС. 317)—Ф. Готтенротъ. стр. 191. 318)—«Живая старина» 1894 в. 2 стр. 134. 319)—Пам. кн. Сѣдл. губ. 1891 стр. 235. 321)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1882 т. 1 стр. 749. 322)—Ф. Готтенротъ. Ист. вн. культ. стр. 155. 323)—Ш. Летурно. Соц. осн. на этногр. в. 1 стр. 92. 324)—«Естест. и Георг.» мартъ 1896 стр. 20. 325)—«Истор. вѣст.» 1895 мартъ стр. 554. 326)—Народы Россіи т. 2 стр. 347. 327)—Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. 11 в. 2 стр. 113, 131 и 132. 328)—Пут. въ зап. Китай Г. Е. Грумъ-Гржимайло

т. 1 стр. 144. 329)—З. И. Р. Г. О. т. 3 1873 стр. 267 и Чубинск. т. 7 1872 стр. 25. 330)—Чубинск. т. 7 стр. 23 331)—A. W. Ambros стр. 375; 332)—M. A. Racinet. т. 2 къ рисун. подъ знакомъ «коса» (земледѣльч. орудіе); П. Я. Пясецкій Путеш. по Китаю Спб. 1880. т. 2 стр. 884. 333)—Этногр. Обозр. 1897. № 2 стр. 72. 334)—Этногр. Обозр. 1889 кн. 4 стр. 182. 335)—Narbutt. Wilno. 1835. т. 1 стр. 335. и Журн. Минис. Нар. Прос. ч. XLII. II стр. 49. 336)—Ф. Готтенротъ. Истор. вн. культ. 337)—Этногр. Обозр. 1895 № 3 стр. 14. Статья А. Фаминцына. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованьяхъ и культахъ славянъ.



• мѣстечки, гдѣ обычая этого неизвѣстно.

Хунъ-ну и Гунны.

(Библіографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ).

(Окончаніе).

III.

Теорія турчизма Хунъ-ну и финнизма Гунновъ. Абель Ремюза, какъ сторонникъ первой части этой теоріи и разборъ его доводовъ. Клапротъ— главный представитель этой теоріи. Его изслѣдованія и разборъ ихъ. Другіе послѣдователи этой теоріи. Ея общее значеніе.

Слѣдующая по времени за теоріей монголизма была теорія, отличавшая Хунъ-ну отъ Гунновъ и считавшая первыхъ тюрками, а вторыхъ финнами. Особенно проводилъ ее извѣстный полиглотъ Клапротъ, неоднократно писавшій по этому вопросу. Этотъ ученый справедливо считается главнымъ представителемъ теоріи. Болѣе того, онъ, собственно говоря, создалъ ее, онъ-же развилъ и распространилъ ее въ наукѣ. Если теорія монголизма образовалась постепенно, слагалась изъ мнѣній различныхъ ученыхъ и нуждалась въ окончательномъ обобщеніи, то теорія финнизма Гунновъ и турчизма Хунъ-ну сложилась, можно сказать, почти сразу. Такимъ образомъ, если она должна была быть цѣльнѣе первой, то въ ней однако болѣе допустимы недосмотры. Трудность усложнялась еще тѣмъ, что предлагавшему ее нужно было не только доказывать вѣрность своего взгляда, но и отрицать другіе, предшествовавшіе доводы. Изъ всего этого видно, что взявшій на себя такой трудъ долженъ былъ явиться настоящимъ реформаторомъ въ изучаемомъ нами вопросѣ, и такимъ дѣйствительно нужно назвать Клапрота.

Однако, признавая все значеніе этого ученаго, мы должны сказать, что еще до него высказался по поводу происхожденія Хунъ-ну, придерживаясь уже мнѣнія о турчизмѣ этого народа, извѣстный французскій монгологъ Абель Ремюза въ своемъ сочиненіи „Recherches sur les langues tartares“ (Paris, 1820). Въ этомъ изслѣдованіи, какъ уже видно изъ самаго заглавія, не историческомъ, онъ однако коснулся нѣкоторыхъ историческихъ во-

просовъ. Къ нимъ принадлежитъ и вопросъ о происхожденіи Хунъ-ну. О Гуннахъ онъ почти ничего не говорилъ. Поэтому мы и можемъ считать его первымъ, высказавшимся по поводу новой теоріи, но только относительно одной ея части, именно происхожденія Хунъ-ну. Вышеназванное сочиненіе имѣетъ цѣли филологическія. Кромѣ небольшого предисловія, введенія и небольшого-же заключенія, сочиненіе это дѣлится на семь главъ. Первая говоритъ объ этихъ народахъ вообще. Вторая касается несторіанско-татарскаго алфавита. Третья—древняго письма Татаръ. Четвертая—орѳографіи и грамматики Маньчжуровъ. Пятая—монгольскаго языка и его діалектовъ. Шестая—восточно-тюркскаго или уйгурскаго языка. Наконецъ, седьмая—тибетскаго языка. Интересующаго насъ вопроса Абель Ремюза коснулся въ первой, пятой и шестой главахъ. Сообразно съ этимъ начнемъ и мы обозрѣніе его мнѣній и доказательствъ.

Говоря о различныхъ именахъ татарскихъ народовъ, этотъ ученый долженъ былъ сказать и о происхожденіи имени Хунъ-ну. Онъ вообще придерживался того взгляда, что почти всѣ варіанты имени этихъ кочевниковъ, приводимые въ китайскихъ лѣтописяхъ—тенденціозныя передѣлки съ оскорбительнымъ значеніемъ. Такъ „Хунь-ё (Hiun-io) можетъ значить проданные рабы; Гуй-фанъ (Kouei-fang)—дьявольскіе, Хянь-юнь (Hian-yun)—канальи, Хунъ-ну (Hiong-nou)—дурные рабы, Ту-гю (Thou-kiouei)—наглыя собаки и т. д. Это—воспоминанія о ненависти и презрѣніи, которыя китайцы всегда имѣли къ Татарамъ вслѣдствіе ихъ невѣжества, разбоевъ и набѣговъ, которые они постоянно совершали на землю имперіи" (pp. 8—9). Однако, онъ думаетъ, что китайцы не произвольно выдумывали эти выраженія, а обращали вниманіе на имена, которыя татары сами себѣ давали. Онъ склоненъ видѣть въ нихъ татарскія имена, только транскрибированныя по китайски, съ измѣненіями, свойственными китайскому языку. Онъ думалъ, что китайцы старались, чтобы соединеніе знаковъ, передававшихъ эти имена, имѣло бы сатирическій или презрительный смыслъ. При этомъ Абель-Ремюза указалъ на слово Ту-гю, которое, будучи вѣрной передачей слова тюркъ на китайскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ ругательный смыслъ (p. 9). Подтвержденіе этому онъ видитъ еще въ томъ, что у китайскихъ авторовъ иногда имя одного и того-же народа измѣняется по эпохамъ, но эти измѣненія никогда не бываютъ очень значительны и безъ всякаго труда можно замѣтить ихъ общее происхожденіе. Такъ, одинъ и тотъ-же народъ носитъ то имя Хунь-ё, то Хянь-юнь, то Хунъ-ну (p. 10). Очень трудно, по его мнѣнію, найти настоящее имя народа, имѣя только китайскую транскрипцію. Причиной этого бываетъ часто незнаніе языка народа. Этотъ случай мы имѣемъ и въ отношеніи Хунъ-ну. Тутъ Абель-Ремюза высказалъ свое мнѣніе

о тожествѣ Хунъ-ну и Гунновъ и указалъ на Дегиня, какъ на главнаго представителя этого отожествленія. „Однако нужно сказать по правдѣ", замѣчаетъ онъ: „что Дегинь не достаточно доказалъ это тожество, которое, хотя и имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, представляетъ и большія трудности". (p. 11 и Introduction, p. XLVI). Въ совершенную противоположность Нейману, Абель Ремюза придерживался того мнѣнія, что „историки и географы китайскіе, говоря о татарскомъ народѣ, всегда стараются указать группу, къ которой онъ принадлежитъ, относится-ли это напр. къ Хунъ-ну т. е. къ Тюркамъ или къ Дунъ-ху т. е. къ Восточнымъ варварамъ". (p. 23). Итакъ, хотя въ вопросѣ о происхожденіи имени этихъ кочевниковъ, Абель Ремюза и придерживался мнѣній, не отличавшихся отъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ ему писателей (вспомнимъ мнѣніе Дегиня), но онъ развилъ ихъ и даже привелъ въ систему, распространивъ эти измѣненія не только на данный случай, но и на другіе. Нѣкоторые сторонники монгольской теоріи, напр. Нейманъ и о. Іакинѳъ, придерживались этого-же мнѣнія относительно измѣненія имени, и вообще нужно сказать, что оно можетъ считаться наиболѣе распространеннымъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся нашего вопроса.

Говоря о Монголахъ, Ремюза въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ отношеніе ихъ къ Хунъ-ну и позднѣйшимъ кочевымъ государствамъ: „Монголы навѣрно часто входили, по крайней мѣрѣ въ качествѣ вассаловъ или подданныхъ, въ составъ тѣхъ страшныхъ союзовъ, которые образовывались къ сѣверу отъ Китая и угрожали цѣлой Азіи, подъ именемъ Хой-хэ (Hoeï-ke), Ту-гю (Thou-kiouei), Жуань-жуань (Jouan-jouan), а въ еще болѣе древнее время Хунъ-ну (Hiong-nu), Хянь-юнь (Hian-yun) и др." (p. 242). Отыскивая древнѣйшія извѣстія о Монголахъ, онъ даже высказалъ предположеніе, что Хунъ-ну, раздѣлившись на сѣверныхъ и южныхъ, слѣдовали „естественному раздѣленію двухъ народовъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, но до тѣхъ поръ соединенныхъ" т. е. что Хунъ-ну раздѣлились на два, составлявшихъ ихъ элемента—на Тюрковъ и Монголовъ (p. 243) *). Въ этомъ предположеніи, кажется намъ, можно слышать отголосокъ сообщеній Абуль-Гази и мнѣнія Дегиня. Однако, трудно опредѣлить какихъ Хунъ-ну онъ считалъ отдѣлившимися Тюрками и какихъ Монголами. Если судить по порядку, въ которомъ онъ упомянулъ о нихъ, то можно думать, что сѣверные Хунъ-ну были, по его мнѣнію, Тюрки, а южные Хунъ-ну Монголы. Впрочемъ онъ высказался мимоходомъ, такъ что его воззрѣнію, какъ и мнѣнію по этому поводу Дегиня, нельзя придавать большого значенія.

Болѣе всего онъ сказалъ о Хунъ-ну въ главѣ, посвященной тюркскимъ

*) Хотя роль Монголовъ до раздѣленія онъ, видимо, считалъ совершенно назначительной, такъ какъ Хунъ-ну (до раздѣленія) онъ называлъ Тюрками.

народамъ (р.р. 249—330). Тюркское племя считаетъ онъ, какъ и большинство изслѣдователей, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Средней Азіи, самымъ большимъ по числу принадлежавшихъ къ нему народовъ, наконецъ имѣвшимъ болѣе всѣхъ другихъ сношеній съ Западомъ. Онъ замѣчаетъ, что, когда китайцы говорятъ о народахъ, принадлежащихъ къ тунгузскому племени, то только сообщаютъ, что они потомки Дунъ-ху, когда-же говорятъ о народахъ тюркскихъ, то называютъ ихъ потомками Хунъ-ну. Сохраненныя китайскими лѣтописями слова языка Хунъ-ну онъ считаетъ тюркскими; страна, изъ которой вышли Хунъ-ну, та самая, которую всѣ извѣстные намъ тюркскіе народы называютъ своей родиной: „Если вѣроятно, что имперія Хунъ-ну, разсматриваемая на всемъ ея большомъ протяженіи, заключала въ себѣ многія тунгузскія, монгольскія, сибирскія, готскія и, можетъ быть, финскія племена, тѣмъ не менѣе можно сказать навѣрняка, что главное ядро и господствующій народъ были тюрки“ (р.р. 326—327). Изслѣдуя границы распространенія Хуннускаго владычества, онъ думаетъ получить правильное понятіе о распространеніи тюркскаго племени, „если не въ его первобытномъ состояніи, то по крайней мѣрѣ, въ самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ намъ по исторіи“. (327).

Сравнительно очень мало сказалъ онъ объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Мелькомъ онъ замѣтилъ только, что не могутъ касаться его сочиненія событія, „которыя распространили имя Хунъ-ну на Гунновъ, если только это имя есть то же самое, что имя гуннъ“. (р. 328). Тутъ-же онъ добавилъ, что хотя Дегинь и считалъ это тожество несомнѣннымъ, однако оно представляетъ довольно много затрудненій (какихъ именно онъ не сказалъ) и нуждается въ новыхъ доказательствахъ (р. 328, n. 3).

Изъ этого обзора мнѣній Абель Ремюза мы можемъ заключить, что онъ главнымъ образомъ говорилъ о происхожденіи Хунъ-ну, причемъ считалъ какъ этотъ народъ, такъ и его потомковъ Ту-гю Тюрками, допуская впрочемъ, что въ ихъ составъ входили и другіе элементы, но только въ видѣ подданныхъ или вассаловъ. Гунновъ-же онъ считалъ финнами. Этого послѣдняго положенія онъ не доказывалъ или считая аксіомой, или думая, что этотъ вопросъ не относится къ области его знаній, и потому опираясь на мнѣнія другихъ. Изъ этой разноплеменности Хунъ-ну и Гунновъ естественно слѣдовалъ выводъ, что они могли быть однимъ и тѣмъ-же народомъ. Могла быть только передача имени, о которой, впрочемъ, какъ мы уже видѣли, Абель Ремюза не распространялся.

Этому изслѣдователю принадлежитъ та заслуга, что онъ первый указалъ на созвучіе именъ Хунь-ё, Хянь-юнь и Хунъ-ну. Нейманъ принялъ его воззрѣніе, не соглашаясь однако съ переводами нѣкоторыхъ именъ *).

*) Напр. Абель Ремюза переводитъ Хунь-ё—проданные рабы, а Нейманъ—лукоѣды.

Говоря неоднократно о бездоказательности мнѣнія Дегиня относительно тожества Хунъ-ну и Гунновъ, Абель Ремюза нигдѣ не приводитъ доводовъ въ пользу принятія выставленнаго имъ мнѣнія. Воззрѣніе его на раздѣленіе южныхъ и сѣверныхъ Хунъ-ну, какъ на естественное раздѣленіе этого народа на Монголовъ и Тюрковъ, не было проведено съ послѣдовательностью, да при томъ оно и не имѣетъ большого отношенія къ нашему вопросу, такъ какъ Абель Ремюза, какъ мы уже сказали, считаетъ монголами скорѣе южныхъ Хунъ-ну, а для насъ именно важенъ вопросъ о племени древнихъ Хунъ-ну и ихъ сѣверныхъ потомковъ, какъ возможныхъ соплеменниковъ Гунновъ Запада. Этихъ древнихъ Хунъ-ну Абель Ремюза, не сомнѣваясь, считалъ Тюрками, хотя и не привелъ много доказательствъ. Такъ напр. не мѣшало-бы указать тѣ хуннускія слова, которыя онъ считалъ несомнѣнно тюркскими. Вообще нужно сказать, что этотъ ученый высказался по нашему вопросу мимоходомъ, что̀ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что онъ въ этомъ сочиненіи не могъ говорить подробно о племенной принадлежности и происхожденіи народовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уклонился-бы отъ основной, филологической задачи своихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ его нужно считать первымъ высказавшимся въ пользу турчизма Хунъ-ну.

Главнымъ представителемъ этой теоріи, какъ мы уже сказали, долженъ считаться Клапротъ, который нѣсколько разъ писалъ по этому вопросу и не мимоходомъ, а посвящая спеціальныя изслѣдованія. Его мнѣнія далеко не всегда были основательны и безошибочны, однако съ многимъ изъ того, что онъ писалъ, надо считаться. Впервые высказался онъ по этому поводу въ „Asia polyglotta“ (Paris, 1823). Выступая тутъ съ новыми взглядами, онъ видимо, руководился сообщеніями Абель Ремюза. Такъ, начиная изложеніе о Тюркахъ, онъ сказалъ слѣдующее: „китайскія лѣтописи называютъ ихъ Chiun-jü *) при династіи Шанъ (1766 г.—1134 г. до Р. Х.); при Чжеу (1134 г.—256 г. до Р. Х.) они назывались Chian-jün, а при Цинь и Хань (256 г. до Р. Х.—263 по Р. Х.) Chiun-nu. Видно, что это одно и то-же имя съ незначительнымъ измѣненіемъ въ выговорѣ“ (p. 210). Далѣе онъ сообщилъ о древнемъ китайскомъ извѣстіи, что князья этого народа происходили отъ Шün-wy или Chiun-jü (обѣ транскрипціи Клапрота), сына послѣдняго императора династіи Хя (Hia), который, послѣ смерти отца, бѣжалъ съ 500 человѣкъ въ землю этого кочевого народа и сдѣлался чень-ю (шань-юй) или царемъ. Оттого и весь народъ сталъ называться Chiun-jü. Такимъ образомъ, Клапротъ привелъ новое объясненіе происхожденію имени этого народа. Своеобразно толкованіе имъ нѣкоторыхъ историческихъ

*) Транскрипція Клапрота, какъ и всѣ слѣдующія транскрипціи этого имени въ данномъ отрывкѣ.

фактовъ. Движенiе сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ считаетъ онъ первымъ толчкомъ къ переселенiю среднеазiатскихъ народовъ. Въ оставленныхъ ими странахъ между истоками Амура и Селенги съ одной стороны и Алтайскими горами съ другой, появились монгольскiя и тунгузскiя племена, которыя, усиливаясь, привели къ погибели царство южныхъ Хунъ-ну, рушившееся въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ Клапротъ видѣлъ причину „второго разсѣянiя и странствованiя большей части народа Хунъ-ну на Западъ". Ихъ бывшая страна была окончательно заселена народами другого племени. Изъ части этихъ Хунъ-ну, ушедшей на Сѣверъ, вышли впослѣдствiи Ту-гю (р.р. 211—212). Въ этомъ же сочиненiи онъ выразилъ ту мысль, что какъ западные финны были германизованы, такъ восточные отуречены (р. 183).

Въ 1825 году Клапротъ напечаталъ въ Journal Asiatique (Novembre) статью „Mémoire sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-nou avec les Turcs". И въ этой статьѣ Клапротъ еще слѣдовалъ воззрѣнiямъ Абель Ремюза, дополняя и доказывая ихъ. Редакцiя этого журнала сочла даже нужнымъ замѣтить при напечатанiи этой статьи, что „неоспоримое тожество Ту-гю и Хунъ-ну съ Тюрками также подтверждается и доказывается въ сочиненiи Абель Ремюза". Какъ показываетъ заглавiе, авторъ задался цѣлью доказать турчизмъ Ту-гю. Родство-же этихъ послѣднихъ и Хунъ-ну „ихъ предковъ", онъ считаетъ доказаннымъ *). Прежде всего Клапротъ привелъ доказательства изъ языка. Выше мы приводили возраженiя Шмидта относительно производства слова тюркъ отъ такья. Клапротъ однако предложилъ и другое толкованiе. Онъ указалъ именно на близость слова теркъ, которое значитъ шлемъ, къ слову тюркъ **). Кромѣ того онъ привелъ до 20 тугюйскихъ словъ, сохраненныхъ намъ китайскими лѣтописями, доказывая ихъ несомнѣнное тюркское происхожденiе и отличiе отъ монгольскихъ словъ. Къ этимъ лингвистическимъ доказательствамъ примыкаютъ, по его мнѣнiю, и историческiя. Онъ указалъ на одновременное появленiе въ византiйскихъ лѣтописяхъ извѣстiй о Тюркахъ и въ китайскихъ о Ту-гю, на сходство нѣкоторыхъ обычаевъ того и другого народа и т. д. Мы не будемъ долго оста-

---

*) Въ настоящее время, какъ видимъ, получается обратное. Турчизмъ Ту-гю, благодаря открытiю Орхонскихъ надписей, несомнѣненъ, тогда какъ тожество ихъ съ Хунъ-ну требуетъ доказательствъ.

**) Замѣтимъ, что проф. Шоттъ (Ueber das Altaische oder Finnisch—Tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandlungen Berliner Academie, 1847) указалъ на то, что слово дулга употребляется и въ тюркскихъ языкахъ. Въ монгольскомъ языкѣ онъ указалъ на формы dughulga или dûlgha, а въ тюркскихъ на thughulgan, tughulga, tulgha, daghulghan, daulghan, daulgha, talgha, dalgha. Слово-же теркъ онъ считалъ не тюркскимъ, а арабскимъ или персидскимъ. Въ Турецко-Татарскомъ словарѣ Будагова теркъ и терке считаются словами персидскимъ и арабскимъ, см. стр. 351. Въ этомъ-же словарѣ на стр. 404 указаны татарскiя, османскiя и джагайскiя формы слова тулга. Итакъ, во всякомъ случаѣ турчизмъ Ту-гю несомнѣненъ.

навливаться на этой статьѣ, такъ какъ во первыхъ тожество это еще было повторено Клапротомъ въ его главномъ сочиненіи по этому вопросу, во вторыхъ родство Ту-гю и Тюрковъ не относится непосредственно къ нашей работѣ и въ третьихъ, послѣ открытія Орхонскихъ памятниковъ, тожество это болѣе не нуждается въ доказательствахъ.

Вышеприведенные доводы относительно происхожденія Ту-гю, равно какъ и нѣкоторыя другія соображенія, Клапротъ повторилъ еще и въ „Mémoires relatifs à l'Asie", книгѣ извѣстной уже намъ по критикѣ мнѣній Шмидта.

Всѣ эти изслѣдованія и статьи были подготовительными работами для обобщеній и заключеній, которыя Клапротъ представилъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826). Оно заключаетъ въ себѣ историческій атласъ и историко-этнографическія разысканія. Эти разысканія представляютъ собственно историческое и этнографическое объясненіе къ атласу. Конечно, не все, заключающееся въ нихъ, должно относиться къ нашему вопросу. Хунъ-ну посвящены стр. 101—121 (Aperçu historique et éthnographique des peuples de l'Asie moyenne; peuples de la race turque), а Гуннамъ стр. 234 — 260 (Recherches sur la grande migration des peuples de la race finnoise orientale; Huns et les tribus hunniques). Начнемъ по порядку съ его изслѣдованія о Гуннахъ.

Разбирая извѣстія о народахъ тюркскаго происхожденія, онъ конечно долженъ былъ начать съ Хунъ-ну. Описавъ обычаи этого народа и передавъ китайскія извѣстія объ ихъ именахъ въ разныя времена (Хунь-юй, Хяньюнь и т. д.), онъ высказалъ о происхожденіи этихъ именъ то же мнѣніе, какого ранѣе держался Абель Ремюза и онъ самъ въ Asia polyglotta. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію исторіи этого народа. Для пониманія взаимныхъ отношеній Хунъ-ну и Гунновъ чрезвычайно важно правильное отношеніе къ фактамъ, сообщаемымъ китайскими лѣтописями. Въ этомъ отношеніи Клапротъ далеко не безупреченъ. Передавая о неурядицахъ, происшедшихъ въ государствѣ Хунъ-ну въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. и о подчиненіи Китаю шань-юя Ху-хань-е (Hou-han-sie), онъ совершенно не упомянулъ о томъ, что случилось съ частью Хунъ-ну, откочевавшей подъ предводительствомъ Чжи-чжи на Западъ. Болѣе того—онъ даже совершенно не сообщилъ объ этомъ фактѣ, чрезвычайно важномъ въ нашемъ вопросѣ и которому придаютъ большое значеніе два другихъ изслѣдователя исторіи Хунъ-ну *). Признавая, что сѣверные Хунъ-ну откочевали въ 91—92 г.г. на Западъ, вотъ что онъ сказалъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ: „Остатки

*) См. Дегинь, t. I, p. I, pp. 90—95 и о. Іакинѳъ, т. I, ч. I, стр. 76—80.

сѣверныхъ Хунъ-ну перешли въ своемъ бѣгствѣ въ Кинь-вей (Kin-wei) и направились на Западъ къ Канъ-гюю (Khang-khiu) или Согдіанѣ . . . (затѣмъ) они были принуждены остановиться къ сѣверу отъ Гуй-цзу (Khuei-thsu) или нынѣшняго Куча, въ странѣ, имѣвшей нѣсколько ли протяженія и въ которой они пребывали нѣкоторое время подъ именемъ Юе-бо или Юе-бань (Jue-po или Jue-pan). Позже они пошли на сѣверо-западъ и жили подъ тѣмъ-же именемъ въ странѣ, расположенной по обѣ стороны горъ Улутау (Oulou-tau) и Алгинъ-тау (Alghin-tau), которыя служили южной границей Ишимской степи. Затѣмъ эти Юе-бо заключили союзъ съ Жуань-жуань но въ концѣ концовъ поссорились, и эта ссора была поводомъ для многихъ сраженій. Въ 448-мъ году они отправили посольство къ Вэй (Goei), чтобы предложить имъ напасть на Жуань-Жуань съ Востока въ то время, какъ они сами нападутъ съ Запада. Послѣ этого исторія не упоминаетъ объ этихъ Хунъ-ну, которые вѣроятно смѣшались съ другими тюркскими народами" (pp. 109—111). Вотъ и все, что сообщилъ Клапротъ о выселеніи сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ. Оставшіеся послѣ такихъ пораженій немногочисленные сѣверные Хунъ-ну вполнѣ подчинились усилившимся Сянь-би и такимъ образомъ совершенно утратили какъ имя, такъ и политическое существованіе. Ту-гю или Тюрки, по его мнѣнію, потомки Хунъ-ну. Тутъ онъ передалъ сообщенное китайскими лѣтописями преданіе объ удаленіи части Хунъ-ну къ Си-хаю или Западному морю и объ ихъ усиленіи тамъ. Сходство-же преданія о происхожденіи Тюрковъ съ тѣмъ, что Сананъ-Сэцэнъ сообщилъ о происхожденіи Монголовъ, Клапротъ объяснялъ заимствованіемъ послѣдними у первыхъ.

Перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о Гуннахъ. Первымъ сообщившимъ о нихъ Клапротъ считалъ Діонисія Періегета (писалъ около 160 г. по Р. Х.), упомянувшаго о слѣдующихъ четырехъ народахъ, жившихъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, по порядку ихъ расположенія съ сѣвера на югъ: Скиѳы, Гунны (Οὖννοι), Каспіи и Албаны. Это извѣстіе нашъ изслѣдователь привелъ въ связь съ тѣмъ, что сообщилъ Эратосѳенъ (ум. въ 194 г. до Р. Х.), извѣстіе котораго дошло до насъ лишь въ цитатѣ у Страбона. Онъ называетъ тѣ-же народы, живущіе къ Западу отъ Каспійскаго моря и въ томъ-же совершенно порядкѣ, только вмѣсто Гунновъ у него стоятъ Унтіи (Οὔιτιοι) „которые", прибавляетъ Клапротъ: „были вѣроятно гунскимъ племенемъ, наиболѣе выдвинувшимся на Западъ". Птолемей *) упомянулъ о Гуннахъ, которые, по его словамъ, жили между Бастарнами и Роксоланами т. е. на берегахъ Борисѳена (Днѣпра). Армянскіе историки тоже знаютъ

*) Замѣтимъ, что Клапротъ ошибочно думалъ, будто Птолемей жилъ въ половинѣ третьяго вѣка по Р. Х. (Tab. hist., p. 532), тогда какъ онъ жилъ въ половинѣ втораго вѣка

этотъ народъ, который они называютъ Хункъ. По ихъ сообщеніямъ онъ жилъ между Волгой и Дономъ. Зонара передаетъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, императоръ Каръ былъ убитъ во время похода на Гунновъ. Основываясь на всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, Клапротъ думалъ, что Гунны были извѣстны еще до своего вторженія, и если Аммiанъ Марцеллинъ замѣтилъ, что они мало были извѣстны древнимъ, то этимъ онъ вовсе не хотѣлъ сказать, что древній міръ ровно ничего не слыхалъ о нихъ. Затѣмъ Клапротъ привелъ извѣствія современныя и послѣдовавшія за гунскимъ вторженіемъ. Это—извѣстія Аммiана Марцеллина, Зосимы, Іорнанда и Аполлинарія Сидонія. Признавая, что ужасъ, внушаемый этими варварами всѣмъ народамъ Европы, содѣйствовалъ возникновенію извѣстій объ ихъ отталкивающей внѣшности, онъ однако не считалъ ихъ арійцами. Различные варварскіе народы, напр. Лангобарды, Готы, Вандалы и др., которые раньше Гунновъ вторгались въ земли Римской имперіи, не отличались по внѣшнему виду отъ европейскихъ народовъ, до тѣхъ поръ извѣстныхъ, равно какъ и отъ самихъ Грековъ и Римлянъ. Гунны-же поражали и удивляли какъ несдерживаемымъ нападеніемъ, такъ и наружностью, безобразною и отъ того, что принадлежали къ чуждой, до тѣхъ поръ неизвѣстной расѣ, и, быть можетъ, отъ искусственнаго измѣненія ея.

Отдавая должное знанію и трудолюбію Дегиня, Клапротъ считалъ несновательнымъ отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ. Онъ особенно указывалъ на то, что въ эпоху переселеній этотъ народъ не назывался Хунъ-ну, а Юе-бо или Юе-бань. Это-же имя ничего общаго съ именемъ Гуннъ (Хуннъ) не имѣетъ. Болѣе того, гунское племя, упомянутое Эратосѳеномъ, жило за 200 лѣтъ до нашей эры къ Западу отъ Каспійскаго моря, тогда какъ Юе-бо не пришли еще тогда къ истокамъ Ишима, а жили вмѣстѣ съ другими Хунъ-ну въ областяхъ къ сѣверу отъ Китая.

Раньше мы привели возраженія Клапрота противъ объясненій гунскихъ именъ изъ монгольскаго языка, предложенныхъ Бергманомъ. Однако, онъ не только отрицалъ, онъ привелъ также и свое мнѣніе. Онъ указалъ на нѣкоторыя гунскія имена, которыя не могутъ быть ни тюркскими, ни монгольскими вслѣдствіе скопленія согласныхъ, напр., Бледа, Глонесъ, Боарексъ, Сираксъ Скотта и др. Тутъ Клапротъ задался вопросомъ къ какому племени могли принадлежать Гунны и отвѣтилъ, что византійскіе историки оставили намъ подробныя разъясненія по этому поводу. „Никита, Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ сообщаютъ намъ, что Венгры то-же, что гунны“. „Древнія венгерскія хроники говорятъ то-же самое“. „Киннамъ называетъ Венгровъ западными Гуннами (Οὖννοι ἑσπέριοι)“. Онъ видѣлъ сходство даже въ именахъ Гунновъ и Венгровъ (Oungri). Въ именахъ многихъ гунскихъ пле-

менъ встрѣчается имя Oungri или Ougri (Венгры). напр. Огоръ (Ogor), Унигуръ (Ounigour), Утигуръ (Outigour), Кутригуръ (Koutrigour), Сарогуръ (Sarogour) и др. Основываясь на словахъ Ѳеофилакта Симокатты, что „Авары по происхожденію Гунны“, Менандра, который назвалъ переводчика участвовавшаго въ переговорахъ византійцевъ съ хаканомъ аварскимъ — „переводчикомъ съ гунскаго“, Кедрина, который сообщилъ, что Хозрой желалъ заключить противъ византійцевъ договоръ съ „западными Гуннами, которыхъ также называютъ Аварами“,—Клапротъ призналъ, что Гунны и Авары одно и то-же племя. Онъ пытался объяснить гунскія имена при помощи венгерскаго и лезгино-аварскаго языковъ. Такъ, слова Ἀττίλας или Etsel онъ сближалъ съ венгерскимъ Atzel, „сталь“ и съ очень распространеннымъ у лезгино-аваровъ именемъ, Adilla, Μουνδιουχος или Μουνζαχ (имя отца Аттиллы)—съ венгерскимъ словомъ Mentseg, которое значитъ „покровительство“, Ηρναχ (имя сына Аттилы) съ венгерскимъ же словомъ Hir-nagy „большая слава“, Δεγγισιχ (имя сына Аттилы) съ венгер. Tenyészes, „плодородіе“, съ лезгино-аварскимъ Dingatsik, собственнымъ именемъ семейства и т. д. Нарицательныя гунскія слова онъ также старался объяснить при помощи этихъ языковъ. Рѣка по лезгино-аварски „оръ“ (or, hor, ouor), а по гунски „варъ“. Впрочемъ Клапротъ заявлялъ, что не считаетъ Гунновъ и Лезги-Аваровъ за одинъ и тотъ-же народъ. Онъ думалъ, что послѣ разрушенія аварскаго царства часть народа могла удалиться на Кавказъ и основать тамъ новое государство. Авары смѣшались съ древними обитателями этой страны, лезгинами, языкъ которыхъ они и приняли, сохранивъ лишь нѣкоторыя свои слова и имена.

Что касается до физическаго типа, то, какъ мы уже говорили, онъ не указываетъ, по мнѣнію нашего изслѣдователя, исключительно на монгольское происхожденіе этого народа. Клапротъ счелъ возможнымъ найти сходство въ наружности Гунновъ и наружности Вогуловъ, которые по описаніямъ „очень походятъ на Калмыковъ“. Къ этому сходству онъ присоединилъ еще то доказательство, что „во многихъ діалектахъ вогульскаго языка houm, khoum и koum означаетъ—человѣкъ“, а это слово есть то-же самое, что Гуннъ (правильнѣе Хуннъ). Вогулы живутъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которые прежде назывались Великой Гунніей или Великой Угріей. По словамъ Рюисбрёка „изъ страны Паскатировъ (т. е. Башкировъ) вышли нѣкогда Гунны, которые потомъ были названы Венграми“. Однако и въ данномъ случаѣ Клапротъ не утверждалъ, что Гунны и Венгры вполнѣ тожественны. Въ составъ послѣднихъ вошли еще тюркскіе, славянскіе и германскіе элементы, такъ что совершенно измѣнили наружность Венгровъ, но ядро народа было финское и даже спеціально гунское. Онъ считалъ „характернымъ различіемъ“

то, что, по разсказамъ китайскихъ лѣтописей, Хунъ-ну жили въ войлочныхъ палаткахъ, тогда какъ Гунны, по извѣстіямъ западныхъ писателей, ѣздили въ повозкахъ, запряженныхъ волами.

Итакъ, по мнѣнію Клапрота, Хунъ-ну были Тюрки, не имѣвшіе ничего общаго съ Гуннами. Эти же послѣдніе были Финны, предки теперешнихъ Венгровъ.

По поводу теоріи Клапрота высказался довольно подробно П. П. Семеновъ (631—634 стр. I-го тома „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера въ русскомъ переводѣ, Спб. 1850). Одновременно съ этимъ онъ изложилъ и свои взгляды. Такъ какъ этого изслѣдователя нужно отнести къ третьей теоріи, то мы и приведемъ его разысканія въ слѣдующей главѣ; тутъ-же ограничимся его разборомъ доказательствъ Клапрота. Всю его теорію г. Семеновъ раздѣляетъ на три части: въ первой доказывается соплеменность Гунновъ и Финновъ, во второй—тожество Ту-гю и Тюрковъ, въ третьей соплеменность Хунъ-ну и Ту-гю. Изложивъ вышеприведенные доводы Клапрота, г. Семеновъ вполнѣ согласился съ тѣмъ, что Гунны были, по всей вѣроятности, финскаго происхожденія. Онъ также не считаетъ возможнымъ возразить что-нибудь противъ тожества Ту-гю и Тюрковъ. Это, по его мнѣнію, „самая несомнѣнная часть цѣлой теоріи Клапрота“. Но третья часть, тожество Хунъ-ну и Ту-гю, встрѣчаетъ съ его стороны опроверженіе. Считая единственными доказательствами въ пользу этого полную замѣну Хунъ-ну Тугюйцами или тюркскими племенами на сѣверо-западныхъ предѣлахъ Китая (въ Иньшаньской альпійской странѣ) и показанія китайскихъ лѣтописей относительно того, что Ту-гю произошли отъ Хунъ-ну, г. Семеновъ признаетъ ихъ совершенно недостаточными. Тожество двухъ народовъ, по его мнѣнію, нельзя доказать такимъ путемъ. Происхожденіе Ту-гю отъ Хунъ-ну могло быть не этнографическое, а политическое; если-же дѣло обстояло такъ, то конечно Тюрки могли произойти отъ Финновъ.

Прежде чѣмъ представить разборъ главнаго сочиненія Клапрота, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о его мнѣніяхъ, выраженныхъ ранѣе въ „Asia polyglotta“. Мы уже говорили о разныхъ именахъ Хунъ-ну при изложеніи и разборѣ мнѣній Абель Ремюза. Мнѣніе о происхожденіи имени народа Хунь-ю отъ имени основателя царствующаго дома не подтверждается другими изслѣдователями. Никто не говоритъ, что Шунь-вей (Schün-wy у Клапрота) иначе назывался-бы еще Хунь-ю и что народъ получилъ названіе отъ его имени, самъ-же Клапротъ не указалъ источника, изъ котораго почерпнулъ это извѣстіе и ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ сочиненій не упомянулъ о немъ. Тутъ-же онъ видѣлъ причину движенія Хунъ-ну на западъ, во первыхъ, въ паденіи сѣверныхъ Хунъ-ну (конецъ I-го вѣка по Р. Х.)

и во вторыхъ въ разрушеніи государства южныхъ Хунъ-ну (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.). Однако о переходѣ Хунъ-ну на западъ въ III-мъ вѣкѣ ничего не сообщается у китайскихъ историковъ. О тожествѣ Ту-гю и Тюрковъ, равно какъ и о возраженіяхъ противъ теоріи Шмидта, мы уже говорили. Поэтому обратимся теперь къ его главному изслѣдованію.

Клапротъ не точно изложилъ исторію Хунъ-ну. Онъ совершенно не упомянулъ объ откочеваніи шаньюя Чжи-чжи. Какое-бы значеніе ни придавать этому движенію, о немъ необходимо упомянуть. При изложеніи исторіи части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ откочеванія на Западъ, онъ сообщилъ, что этотъ народъ остановился въ области къ сѣверу отъ Куча, гдѣ и жилъ подъ именемъ Юе-бо или Юе-бань *). Здѣсь мы встрѣчаемся съ какимъ-то недоразумѣніемъ, которое склонны приписать просто ошибкѣ Клапрота. Выше мы говорили, что Нейманъ предполагалъ видѣть въ странѣ Юе-бань или Юе-бо Eulysia древнихъ или Угорскій край. Дегинь (t. I, p. II, p. 278) тоже сообщилъ по китайскимъ извѣстіямъ, что шань-юй (или какъ онъ называлъ танжу, tanjou) сѣверныхъ Хунъ-ну, перейдя страну Кань-гюй прибылъ въ страну, называемую Юе-бань (по мнѣнію этого ученаго, область, соотвѣтствующая нынѣшней Уфимской губерніи). О. Іакинѳъ высказалъ то мнѣніе, что страна Юе-бань была вѣроятно расположена по бассейну Зайсана и занята Хунъ-ну на ихъ пути въ Канъ-гюй. Часть ихъ тамъ и осталась. Слово Юе-бань, по его мнѣнію, названіе династіи, правившей надъ этими отсталыми **). Въ настоящее время проф. Хиртъ тоже указываетъ на то, что часть Хунъ-ну пошла въ Канъ-гюй т. е. въ области къ западу отъ Юе-бани (см. Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu). Такимъ образомъ, всѣ эти ученые утверждаютъ, вопреки мнѣнію Клапрота, что Юе-бань имя страны, причемъ одинъ высказываетъ мнѣніе, что страна получила имя отъ династіи, оставшейся тамъ послѣ ухода Хунъ-ну далѣе на Западъ. Что касается до извѣстія, сообщеннаго Клапротомъ, объ отправленіи посольства отъ народа Юе-бань

---

*) По мнѣнію Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, высказанному въ статьѣ «Sur les Huns Blancs ou Ephtalites (въ Nouveles annalles des voyages, t. III, 1849, p. 39, n. 4), при Ханяхъ Канъ-гюемъ называлась не Согдіана, а киргизъ—казацкая степь, вопреки мнѣніямъ Клапрота и Абель Ремюза (Nouveaux mélanges asiatiques, p. 225).

**) Вотъ текстъ перевода съ китайскаго: «Владѣніе Юебань лежитъ отъ Усуня на сѣверозападъ... Это есть аймакъ, прежде принадлежавшій сѣверному хуннускому шаньюю, прогнанному китайскимъ полководцемъ Дэу-хянь. Сѣворный шаньюй, перешедъ черезъ хребетъ Гинь-вэй-шань (Тарбагатай) ушелъ на Западъ, въ Кангюй; а малосильные, которые не въ состояніи были слѣдовать за нимъ, остались по сѣверную сторону Кучи» (Собр. свѣд. о народахъ Средней Азіи, т. III, стр. 163—165); а вотъ собственное мнѣніе о. Іакинѳа: «Юебань есть названіе владѣнія, занимавшаго земли отъ Усуня на сѣверо-западъ. Это былъ одинъ изъ аймаковъ, принадлежавшихъ сѣверному хуннускому шаньюю... Слабосильные заняли нынѣшній Тарбагатайскій округъ подъ названіемъ дома Юебань» (тамъ же, указатель именъ географическихъ, стр. 109).

въ Китай, то объ этомъ подробнѣе сообщилъ Дегинь (t. I, p. II, p. 342). Основываясь на извѣстіяхъ сообщенныхъ въ Гань-мо (Kam-mo), Лѣ-дай-ги-су (Lie-tai-ki-su) и Вень-сянь-дунъ-гао (Ven-hian-tung-kao), онъ заявилъ слѣдующее: „Болѣе всего безпокоило жужанскаго Чу-ло-хана посольство, которое Гунны, жившіе въ Юе-банѣ или странѣ Башкировъ, отправили къ императору Вэй, чтобы предложить ему заключить договоръ, по которому они обязывались напасть на Жу-жань съ Запада, тогда какъ Вэй сдѣлалъ-бы то же самое съ другой стороны Азіи: кажется, это посольство было отправлено Аттилой, который только что подчинилъ всѣ народы сѣверной Европы и государство, примыкавшее къ Жужанамъ". Дегинь, какъ и Клапротъ, относилъ это событіе къ 448 г. по Р. Х. Такимъ образомъ, этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ существованію Гунновъ въ Юе-банѣ. Такъ какъ Гунны въ 448 г. т. е. за три года до Каталаунской битвы подвинулись на Западъ очень далеко отъ предѣловъ Восточной Европы, то, быть можетъ, посольство не было снаряжено самимъ Аттилой, а какой-нибудь оставшейся позади ордой, которая и вступила въ сношенія съ далекимъ Востокомъ. Можетъ быть также, что, когда Гунны ушли изъ Юе-баня, имя ихъ осталось тамъ памятнымъ и перешло на другой народъ, ничего общаго съ ними не имѣвшій. Наконецъ, если принять мнѣніе о Іакинѳа, то и въ такомъ случаѣ ничто не будетъ противорѣчить тожеству Хунъ-ну и Гунновъ—вѣдь тогда Юе-бань являются отсталыми Хунъ-ну, далѣе на Западъ не пошедшими.

Клапротъ привелъ не много доказательствъ въ пользу турчизма Хунъ-ну. Это вѣроятно объясняется тѣмъ, что онъ уже не первый писалъ объ этомъ, а только повторялъ и распространялъ то, что до него сказалъ Абель Ремюза.

Такое-же недоразумѣніе, какъ и съ Юе-бань, мы встрѣчаемъ у Клапрота и въ другой разъ, именно въ изложеніи исторіи Гунновъ. Сообщивъ, что первыми извѣстіями объ этомъ народѣ мы обязаны Діонисію Періегету, онъ старался сопоставить эти сообщенія съ тѣмъ, что передалъ намъ Эратосѳенъ (по Страбону). Нужно сказать, что это сопоставленіе первый сдѣлалъ не Клапротъ, а гораздо раньше его Тунманъ (Untersuchungen über die Geschichte der östlichen, europäischen Völker, 1774, Erster Theil). Приведемъ его слова: „Діонисій Періегетъ располагаетъ Гунновъ у Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ впадаетъ въ него Волга... Уже по словамъ Страбона сидѣлъ здѣсь, у Каспійскаго моря, народъ Уитіевъ, къ сѣверу отъ Каспіевъ, тогда какъ эти послѣдніе жили къ сѣверу отъ Албановъ. Въ такомъ-же порядкѣ помѣстилъ Діонисій Гунновъ, всего далѣе на сѣверъ, потомъ къ югу Каспіевъ и Албановъ". (ss. 24—25). Въ данномъ случаѣ Клапротъ повторилъ то, что̀ сказали уже до него. Посмотримъ теперь насколько возможно подобное

отожествленіе. Противъ него возсталъ уже Нейманъ (см. стр. 39 его изслѣдованія). Дѣйствительно, неужели достаточно одного этого порядка для того, чтобы утверждать, что два народа, неимѣющіе никакого сходства въ имени, какъ Гунны и Унтіи (Οὐίτιοι или Κουίτιοι) одно и то же? Разстояніе во времени между извѣстіями Діонисія Періегета и Эратосѳена тоже слишкомъ значительно, чтобы предполагать ошибочную постановку одного имени вмѣсто другого. Принимая отожествленіе Гунновъ съ Унтіями совершенно произвольнымъ, мы считаемъ Птолемея и Діонисія Періегета сохранившими намъ древнѣйшія извѣстія о Гуннахъ. Прочія извѣстія древнихъ писателей объ этомъ народѣ, по нашему мнѣнію, переданы у Клапрота правильно.

Вполнѣ вѣрно сообщеніе, что византійскіе писатели производили Мадьяръ отъ Гунновъ. Въ данномъ случаѣ нельзя конечно серьезно относиться къ мнѣнію византійцевъ. Дѣло въ томъ, что страшные набѣги кочевниковъ не скоро забывались, и долго еще народы, приходившіе изъ тѣхъ-же мѣстъ, откуда пришли нѣкогда грабители и враги культуры и осѣдлости, назывались тѣми же именами. Вспомнимъ только какъ долго держалось имя Скиѳъ. Большинство ученыхъ не согласно съ производствомъ Мадьяръ отъ Гунновъ. Нѣкоторые видятъ причину существованія у Венгровъ преданій о происхожденіи ихъ отъ Гунновъ просто въ томъ, что они поселились тамъ-же, гдѣ нѣкогда жили Гунны т. е. въ Паннонія и въ силу этого унаслѣдовали мѣстныя преданія. Таковы напр. мнѣнія г. Уйфальви (Migrations des peuples touraniens, p. 85) и Ам. Тьерри (Histoire d'Attila, t. II, p. 360). S. Cassel, изслѣдователь древнѣйшей исторіи Мадьяръ, тоже не соглашался съ этимъ отожествленіемъ (Magyarische Alterthümer, Berlin, 1848, s. 1—70 *).

Хотя Клапротъ не утверждалъ, что Мадьяры чистые потомки Гунновъ, а думалъ, что ядро этого народа т. е. правители и окружавшая ихъ дружина были Гунны, однако мы именно это и считаемъ сомнительнымъ.

Не существуетъ конечно особеннаго „характернаго различія“ въ томъ, что одинъ народъ жилъ въ войлочныхъ палаткахъ, а другой ѣздилъ въ повозкахъ, запряженныхъ быками. Въ одномъ случаѣ византійцы могли говорить о способахъ передвиженія Гунновъ, а въ другомъ китайцы могли разсказывать о жизни Хунъ-ну во время стоянки.

*) Французскій угрологъ г. Сайу (Sayous) въ своей небольшой, но очень полезной, какъ обобщеніе всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій въ этой области, книжкѣ «Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois» (Paris, 1874), считалъ однако возможнымъ установить черезъ Секлеровъ связь Мадьяръ съ Гуннами, «въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что переселенія Гунновъ, Аваровъ и Венгровъ—три результата аналогичныхъ движеній народовъ одной и той же расы» (p. 29). Впрочемъ отожествленіе подобнаго рода устанавливаетъ лишь очень отдаленную связь между двумя народами.

За Абель Ремюза и Клапротомъ послѣдовали многіе ученые. Подъ явнымъ вліяніемъ послѣдняго находился А. Жардо въ сочиненіи „Révolutions des peuples de l'Asie moyenne“ (Paris, 1839). Хунъ-ну у него Тюрки (t. I, pp. 175—6), Гунны-же Финны (t.I, p. 139), и при томъ Финны восточные (t.I, pp. 166—168; см. также приложенныя ко II-му тому таблицы). Отожествлять Хунъ-ну и Гунновъ онъ не считаетъ возможнымъ. Возраженія его противъ Дегиня и теоріи монголизма есть повтореніе возраженій Клапрота (особенно ясно вліяніе Клапрота въ томъ, что онъ считалъ Юе-бань именемъ Хунъ-ну, ушедшихъ на Западъ).

Знаменитый географъ Карлъ Риттеръ въ первомъ томѣ своего „Землевѣдѣнія Азіи“ (русскій переводъ, Спб. 1850), говоря объ Инь-шанѣ коснулся и Хунъ-ну. Тутъ онъ выставилъ тотъ взглядъ, что „они принадлежали къ родамъ многочисленнаго туркскаго племени“ и что имя ихъ есть „обращеніе въ дурной смыслъ неимѣвшаго такого смысла созвучнаго туземнаго имени“ (стр. 625). Мы не будемъ долго останавливаться на томъ, что сообщилъ Риттеръ, такъ какъ въ его сочиненіи повторены мнѣнія Абель Ремюза и Клапрота *). Къ этому взгляду на происхожденіе Хунъ-ну присоединился и другой извѣстный географъ Рихтхофенъ (China, t. I, s. 49). Въ пользу турчизма Хунъ-ну высказались еще: извѣстный этнографъ Ф. Мюллеръ (Allgemeine Ethnographie, Wien, 1873, sr. 347—348), французскій этнографъ Жираръ де Ріаль (Mémoire sur l'Aise centrale, Paris, 1875, p. 37), В. В. Радловъ (Къ вопросу объ Уйгурахъ, LXXII т. Записокъ Академіи Наукъ, прилож. № 2), Н. В. Аристовъ (Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ въ Живой Старинѣ за 1896 г.), и др. Въ пользу финнизма Гунновъ высказались финскіе ученые Кастренъ и Коскиненъ. Первый въ своихъ „Reiseberichte und Briefe“ (herausgegeb. von A. Schiefner, 1856) на стр. 9 высказалъ мнѣніе, что „Гунны были по всей вѣроятности предками Финновъ“, а въ „Ethnologische Vorlesungen“ (Спб. 1857) повторилъ то, что̀ сообщилъ Клапротъ (ss. 55—58), хотя тутъ, признавая Гунновъ алтайцами, сомнѣвался къ какой группѣ ихъ отнести (s. 71) **). Коскиненъ въ своей „Finnische Geschichte“ (Leipzig,

---

*) Замѣтимъ что Риттеръ, слѣдуя за Лассеномъ (Die altpersischen Keilinschriften von Persepolis) призналъ въ десятомъ народѣ персепольской гвоздеобразной надписи Hunâ, Hunas—Гунновъ (см. стр. 106 русскаго перевода Землевѣдѣнія Азіи, Иранъ, 1864). Однако это имя надо читать Яўна и разумѣть подъ нимъ Іонянъ или вообще Грековъ (см. тамъ-же, статью Шпигеля, стр. 166). Витерсхеймъ повторилъ однако то, что сообщилъ Лассенъ. Баронъ П. К. Усларъ (Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Географ. Общ., XII, стр. 535) тоже принялъ это мнѣніе (слѣдуя уже не Лассену, а Риттеру). Д. И. Иловайскій повторилъ сообщенное Усларомъ (Поборники норманизма и туранизма въ Русской Старинѣ, 1882, т. XXXVI, стр. 612).

**) Вотъ почему мы и не можемъ считать Кастрена опредѣленно высказавшимся за мнѣніе Клапрота, какъ то думалъ П. П. Семеновъ на 632 стр. I го тома «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера.

1874) на стр. 4 причислилъ Гунновъ къ угорской вѣтви финскаго племени. Историкъ Пальманъ высказался за финнизмъ Гунновъ (Geschichte der Völkerwanderung, 1863, s. 91). Въ „Geschichte von Ungarn“ Фесслера (второе изданіе, обработанное Клейномъ, Leipzig, 1867, Erster Band, 11), хотя ничего не сказано опредѣленнаго относительно того, къ какой этнографической группѣ надо отнести Гунновъ, однако принято то мнѣніе Клапрота, что они и Хунъ-ну не тожественны. Ф. Мюллеръ въ „Der Ugrische Volksstamm“ (Berlin, 1837) въ I-омъ томѣ сказалъ слѣдующее по поводу происхожденія этого народа. „Мы понимаемъ подъ именемъ гунскихъ народовъ тѣхъ, которые обыкновенно называются финскими и которые русскими называются чудскими, также угорскими народами, но лучше всего могли-бы вообще назваться уральскими, хотя это наименованіе имѣетъ болѣе географическій, чѣмъ историко-этнографическій характеръ“ (s. 2). Шафарикъ въ „Славянскихъ древностяхъ“ (перев. Бодянскаго, 1847, т. I, кн. II, стр. 87—88) повторилъ выводы Клапрота и отрицалъ словопроизводства, предложенныя сторонниками монголизма. Къ его мнѣнію относительно несостоятельности этихъ словопроизводствъ присоединился венгерскій ученый П. Хунфальви въ „Ethnographie von Ungarn“ (Budapest, 1877) на стр. 77 и 252 –255. Гунны, какъ и ихъ потомки Болгары, принадлежали, по его мнѣнію, къ Угро-Финнамъ; къ какому отдѣлу этого племени— сказать трудно. Изъ русскихъ ученыхъ сторонникомъ теоріи финнизма Гунновъ явился этнографъ Риттихъ (Матеріалы для этнографіи Россіи, Казань, 1870, т. I, стр. 25), который даже склоненъ прямо считать ихъ за Остяковъ, смѣшанныхъ съ Вогулами, Вотяками и Башкирами. (Впрочемъ позже, въ изданныхъ этимъ изслѣдователемъ „Четырехъ лекціяхъ по русской этнографіи“, говоря мимоходомъ о Гуннахъ, онъ назвалъ ихъ тюркскимъ народомъ, въ войскахъ котораго были угры, финны и славяне. См. стр. 36 этого изслѣдованія).

Найдутся конечно и еще многіе другіе сторонники этой теоріи—мы старались указать главнымъ образомъ наиболѣе авторитетныхъ. Одни изъ нихъ просто высказывались за принадлежность Гунновъ къ обширной финской группѣ урало-алтайскихъ народовъ, другіе даже считали ихъ спеціально уграми и предками Мадьяръ.

Разсмотрѣвъ взгляды ученыхъ сторонниковъ этой теоріи и представивъ разборъ ихъ, мы должны сказать, что она совершенно противоположна теоріи монголизма. Она отрицаетъ всѣ три положенія этой послѣдней: и монголизмъ Хунъ-ну, и монголизмъ Гунновъ, и тожество этихъ двухъ народовъ. Что касается до ея общаго значенія, то нужно сказать, что, хотя нѣкоторыя ея положенія мы и считаемъ смѣлыми и недоказанными, однако большой за-

слугой ея является то, что ея послѣдователи, излагая ходъ переселенiй народовъ изъ Средней Азiи въ Европу, внесли въ свою работу больше порядка, больше системы, чѣмъ сторонники первой теорiи.

IV.

Теорiя финнизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Сенъ-Мартенъ, его общiе взгляды и мнѣнiя относительно отдѣльныхъ частей этого вопроса.—Сторонники финнизма Хунъ-ну. Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ и разборъ его доводовъ.—Семеновъ, его доказательства въ пользу финнизма Хунъ-ну и ихъ критика.—Мнѣнiе Уйфальви.—Общее значенiе этой теорiи.

Третья теорiя не произвела такого переворота во взглядахъ на происхожденiе Хунъ-ну и Гунновъ, какъ вторая. Въ то время, какъ эта последняя отвергала все предложенное сторонниками монголизма, третья теорiя отчасти примкнула къ воззрѣнiямъ второй. По скольку представители этой теорiи являются сторонниками финнизма Гунновъ, по стольку же они могутъ быть причислены и ко второй теорiи. Различiе состоитъ въ томъ, что, думая видѣть въ Гуннахъ и Хунъ-ну одинъ и тотъ же народъ, они считаютъ и китайскихъ Хунъ-ну Финнами. Такимъ образомъ, съ одной стороны защищая финнизмъ Гунновъ, выставленный второй теорiей, съ другой же стороны соглашаясь съ тожествомъ Хунъ-ну и Гунновъ, которое предложилъ Дегинь, а за нимъ сторонники монголизма, эта третья теорiя является какъ-бы „примирительницей" различныхъ воззрѣнiй.

Первымъ, предложившимъ ее, былъ извѣстный французскiй арменистъ Сенъ-Мартенъ (Saint-Martin). Не написавъ по этому вопросу отдѣльнаго изслѣдованiя, онъ говорилъ о немъ въ своихъ важныхъ примѣчанiяхъ къ „Histoire du Bas-Empire" Лёбо (Lebeau), главнымъ образомъ въ IV-мъ томѣ (Paris, 1824). Къ сообщенiямъ Лёбо о происхожденiи и исторiи Гунновъ, основаннымъ исключительно на сочиненiи Дегиня, Сенъ-Мартенъ прибавилъ свои соображенiя (см. прим. 2 на стр. 60 IV-го тома). Началъ онъ, какъ почти всѣ изслѣдователи этого вопроса, съ критики взглядовъ Дегиня. Придавая очень большое значенiе задачѣ этого ученаго—посредствомъ восточныхъ и западныхъ источниковъ прослѣдить исторiю переселенiя народовъ, Сенъ-Мартенъ однако думалъ, что Дегинь преувеличилъ послѣдствiя сличенiя этихъ извѣстiй. „Одно изъ первыхъ неудобствъ этой системы—распространенiе имени Хунъ-ну или Гунновъ на всѣ варварскiя племена Средней Азiи. Соединяя ихъ такъ, подъ общимъ наименованiемъ, которое могло относиться къ нимъ въ извѣстныя только эпохи и въ извѣстныхъ условiяхъ, онъ значительно ослабилъ свою гипотезу. Дѣйствительно, трудно узнать изъ

его сочиненія, кому на самомъ дѣлѣ принадлежало имя Гунновъ, которое онъ даетъ Тюркамъ, Монголамъ, Маньчжурамъ и многимъ другимъ народамъ, разница въ происхожденіи которыхъ доказывается языками, на которыхъ они говорятъ. Къ какой вѣтви этихъ народовъ нужно отнести спеціально имя, о которомъ идетъ рѣчь? Дегинь не рѣшаетъ этого"... Далѣе Сенъ-Мартенъ взялся за опредѣленіе племенной принадлежности Гунновъ. По извѣстіямъ древнихъ писателей, Гунны жили на пространствѣ теперешней Европейской Россіи. Языки, на которыхъ говорятъ ихъ потомки, доказываютъ намъ, что Гунны были народъ, совершенно отличный отъ Тюрковъ, но имя, власть и языкъ ихъ, по мнѣнію Сенъ-Мартена, распространялись нѣкогда на страны, теперь занимаемыя вышеупомянутыми народами. Всѣ потомки древнихъ Гунновъ теперь называются Финнами. Какъ на ясный примѣръ, подтверждающій это, онъ указываетъ на Мадьяръ или Венгровъ. „Ихъ историческія воспоминанія связываются съ древними Гуннами, а языкъ доказываетъ, что они Финны". Сенъ-Мартенъ старался сблизить два имени: Гуннъ и Финнъ. Онъ замѣтилъ, что буквы „Х" и „Ф" очень часто замѣняютъ другъ друга. Поэтому онъ и думалъ, что Хуннъ (Гуннъ) и Финнъ—одно и то-же слово. Возможности этой гипотезы содѣйствуютъ, по его мнѣнію, и историческія доказательства. Всѣ извѣстія, идущія по Черному и Каспійскому морямъ т. е. южнымъ путемъ, сообщаютъ о народѣ Гуннахъ, а идущія по Балтійскому морю т. е. сѣвернымъ путемъ, о Финнахъ. Тацитъ получилъ извѣстія черезъ Германію и потому зналъ Финновъ. Значитъ, уже тогда этотъ народъ жилъ въ Восточной Европѣ, будучи ея первымъ насельникомъ, пока не пришли другіе народы, какъ-то Готы и Славяне. Кромѣ того, Сенъ-Мартенъ вполнѣ допускалъ тотъ взглядъ, что Гунны или Финны распространяли свое владычество гораздо далѣе на Востокъ и доходили даже до границъ Китая, подчинивъ себѣ тюркскія, монгольскія и маньчжурскія племена, которыя, дѣлаясь ихъ подданными, получали ихъ имя. Этимъ путемъ и древніе Тюрки получили имя Гунновъ. Изъ того, что всѣ хуннускія слова, сохраненныя китайскими лѣтописями, объясняются изъ тюркскихъ языковъ, заключили, по мнѣнію Сенъ-Мартена, что и сами Хунъ-ну были Тюрки, что въ свою очередь повело къ сомнѣнію въ тожествѣ Гунновъ или Финновъ и Хунъ-ну. Это противорѣчіе легко устранить, если допустить, что оба имени (все равно „обязаны ли они возникновеніемъ тюркскому или финскому племени" прибавляетъ Сенъ-Мартенъ) тожественны и относятся къ одному какому-нибудь племени, которое путемъ завоеванія распространило свое имя на другія племена. Примѣры подобнаго рода распространенія имени встрѣчаются очень часто въ исторіи. Такъ, Сенъ-Мартенъ передаетъ извѣстіе Өеофилакта Симокатты о томъ, что Персы на-

зываютъ Турками Гунновъ, живущихъ на сѣверо-востокѣ отъ нихъ. Мадьяры, располагавшіеся въ IX-мъ вѣкѣ на берегахъ Дуная, назывались современными византійскими писателями Турками, а страна ихъ Турціей. Наконецъ, въ XIII-мъ вѣкѣ всѣ воины Чингизъ-хана назывались Монголами, хотя только военачальники и небольшая часть простыхъ воиновъ были монгольскаго происхожденія. Впрочемъ, Сенъ-Мартенъ допускалъ и другой возможный случай перенесенія этого имени. Онъ считалъ возможнымъ, что имя Хунъ-ну или Гуннъ сначала носилось тюркскимъ народомъ, а позже, но все же „въ очень отдаленное время“ было перенесено на Финновъ, которые только одни и сохранили его.

Что касается до сообщенія историческихъ фактовъ, то Сенъ-Мартенъ первый указалъ на извѣстія о Гуннахъ, встрѣчающіяся у армянскихъ писателей (см. Lebeau, t. III, p. 277, n. 3). Въ нихъ сообщалось какъ царь Тиридатъ Великій велъ войны съ Гуннами (Хункъ). Царь этотъ правилъ съ 259 по 312 г. по Р. Х. *). Основываясь на этихъ армянскихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на сообщеніяхъ Птолемея и Діонисія Періегета, Сенъ-Мартенъ вывелъ заключеніе (Lebeau, t. IV, p. 63, note), что до начала второго вѣка по Р. Х. Гунны жили на берегахъ Каспійскаго моря, Волги, Танаиса (Дона) и даже Борисѳена (Днѣпра). Считая же Гунновъ тожественными съ Финнами, онъ нашелъ упоминаніе о нихъ у Тацита. На основаніи словъ этого автора и предполагаемаго тожества онъ считалъ, что этотъ народъ жилъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, даже до Ледовитаго океана.

Весьма замѣчательно для того времени, по нашему мнѣнію, то, что сказалъ Сенъ-Мартенъ о переходѣ имени съ одного народа на другой (t. IV, p. 65, n. 1). „Нужно обратить вниманіе на то, что сходство между двумя древними народами, указываемое греческими и римскими писателями, не всегда служитъ доказательствомъ того, что эти два народа принадлежатъ къ одному и тому-же племени; это только значитъ, что они наслѣдовали другъ другу въ одной и той-же области. Потому-то Гунны носятъ часто имя Скиѳовъ...“ Сенъ-Мартенъ коснулся также и вопроса о монгольскомъ типѣ Гунновъ. Онъ думалъ, что все то, что передаютъ объ ихъ наружности, очень хорошо объясняется обычаями этого народа. Изъ этого можно, намъ думается, заклю-

*) Замѣтимъ, что Сенъ-Мартенъ первый указалъ на вѣроятность того, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ-же народъ. Лебо (t. II, p. 177) сообщилъ, что персидскій царь Шапуръ вступилъ въ 357 году въ войну съ Хіонитами и другими народами. Въ примѣчаніи Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ же народъ. Поэтому г. Витерсхеймъ (Geschichte der Völkerwanderung, Leipzig, 1881, Zweiter Band, Ueber den Ursprung der Hunnen, ss. 16—17) неправъ въ томъ, что приписалъ себѣ и проф. Шотту открытіе тожества Гунновъ и Хіонитовъ.

чить, что этотъ ученый признавалъ возможнымъ то, что сообщилъ Аполлинарій Сидоній объ искусственномъ измѣненіи Гуннами наружности. Говорилъ Сенъ-Мартенъ и о китайскихъ извѣстіяхъ о Хунъ-ну, но только мимоходомъ и при томъ основываясь на сообщеніяхъ Абель Ремюза (см. Lebeau, t. IV, p. 74, n. 2). Онъ критиковалъ также и предположенія Дегиня о титулѣ хуннускаго государя. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу (t. IV, p. 75, n. I): „Національный титулъ повелителей Хунъ-ну былъ не Тань-жу (Tan-jou), какъ писалъ Дегинь, а Чань-ю (Tchhen-ju); историкъ Гунновъ плохо прочелъ два китайскихъ знака, образующихъ это имя. Имя Чань-ю не значитъ „сынъ неба“, какъ думалъ Дегинъ, но этотъ титулъ, значеніе котораго неизвѣстно, прибавляли къ Тенгри-куту т. е. сыну неба. Что касается до отношенія Гунновъ и сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ 93 г. по Р. Х., то Сенъ-Мартенъ думалъ, что „изъ разсказовъ китайскихъ историковъ видно, что остатки этого народа (т. е. сѣверныхъ Хунъ-ну) и царскаго племени (race royale) удалились къ Уральскимъ горамъ, но нельзя точно установить ихъ тожества съ Гуннами, которые позже управлялись Аттилой. Можно думать, что Финны, имя которыхъ тожественно имени Гунновъ, уже жили въ странахъ, гдѣ мы застаемъ ихъ теперь“. Итакъ, по мнѣнію Сенъ-Мартена, Гунны и Хунъ-ну были Финны и, вслѣдствіе этого общаго происхожденія, они тожественны.

Какъ видно изъ изложеннаго нами, мнѣнія Сенъ-Мартена можно раздѣлить на двѣ части: первая касается общихъ соображеній относительно происхожденія Хунъ-ну и Гунновъ, вторая-частныхъ историческихъ фактовъ и ихъ объясненій. Сообразуясь съ порядкомъ его изложенія, мы сначала представимъ критику его общихъ воззрѣній, а затѣмъ мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ.

Принимая тожество Гунновъ и Финновъ, Сенъ-Мартенъ считалъ основнымъ доказательствомъ для этого то, что всѣ народы, живущіе теперь на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили Гунны и по преданіямъ происходящіе отъ нихъ, говорятъ на финскихъ языкахъ. Это утвержденіе не выдерживаетъ критики уже потому, что недостаточно еще жить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жилъ когда-то народъ, чтобы быть его потомками. Всѣ, входившіе въ составъ гунскаго государства назывались Гуннами, но не были ими по происхожденію. Народныя преданія Мадьяръ хотя и связываются съ именемъ и исторіей Гунновъ, однако эти преданія, какъ мы уже говорили, считаются лицами весьма компетентными въ этомъ вопросѣ не отвѣчающими исторической дѣйствительности. Еще Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ высказался противъ отожествленія именъ Гуннъ и Финнъ. Онъ называлъ его „болѣе чѣмъ случайнымъ“. О немъ-же писали и нѣкоторые другіе ученые. Такъ, Нейманъ (цит. соч.,

стр. 15) указалъ на то, что сами Финны называютъ себя Суоми или Саме, слово-же Финнъ есть нѣмецкій переводъ этого слова, которое значитъ „болотный житель“. Тацитъ, думалъ Нейманъ, только потому и назвалъ этотъ народъ Финнами, что извѣстіе о нихъ пришло къ нему черезъ Германію. Уйфальви (цит. соч., стр. 98) и Тьерри (цит. соч., т. 2, стр. 5) тоже утверждали, что самъ народъ называетъ себя Суоми. Этого-же взгляда придерживался и Цейссъ (Zeuss) (Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837, s. 272, an. 2). Насколько шатки подобнаго рода словопроизводства можно видѣть изъ того, что Венелинъ, совершенно отрицавшій тожество Гунновъ не только съ Финнами, но и съ какимъ бы то ни было изъ урало-алтайскихъ племенъ и старавшійся доказать славянство Гунновъ, находилъ сходство между словами Гуннъ и Вендъ (Древніе и нынѣшніе Болгаре, I, стр. 173). Не считая себя достаточно компетентнымъ въ вопросѣ о происхожденіи финскаго народнаго имени, я скажу только, что подобное, основанное только на созвучіи, отожествленіе совершенно не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ науки. Разъ мы примемъ мнѣніе Сенъ-Мартена, что Гуннъ-Финнъ, то не меньшаго довѣрія будетъ заслуживать и предположеніе Венелина, что Гуннъ-Вендъ *). Мы не можемъ также согласиться и съ тѣмъ, что сѣверныя извѣстія говорятъ о Финнахъ, а южныя о Гуннахъ. Тацитъ писалъ тогда, когда южнымъ путемъ не шло ровно никакихъ извѣстій о Гуннахъ. Кромѣ того, сѣверныя извѣстія говорятъ о нихъ: скандинавскія саги знаютъ страну Chunigard или Hunaland. Другое дѣло въ какомъ значеніи употребляли онѣ это слово; однако оно было имъ извѣстно, и онѣ не замѣняли слова Chun или Hun словомъ Finn. Въ вопросѣ о возможности перенесенія имени съ одного народа на другой, Сенъ-Мартенъ явился послѣдователемъ Абель Ремюза. Не имѣя предвзятыхъ мнѣній относительно нашего вопроса, этотъ изслѣдователь началъ изложеніе извѣстій о Гуннахъ съ Пто-

---

*) Мы однако считаемъ необходимымъ привести мнѣніе покойнаго А. А. Куника относительно происхожденія имени Финнъ (стр. 80—81 «Извѣстій Аль-Бекри и т. д.»): «Прежде предполагали, что Финны получили свое названіе отъ финскаго слова kainu (низменность), но теперь это словопроизводство считается столь-же ненаучнымъ, какъ и производство названія народа Суоми (Финны, по эст. Sôm—Финляндія) отъ слова suo (болото), тогда какъ оно происходитъ отъ общераспространенной формы названія племени Sam, въ которомъ «m» не окончаніе, а входитъ въ составъ корня. Также оказывается и общераспространенное производство слова Fenni отъ древне-норманскаго fen (болото), готскаго fani (грязь, пометъ) чисто абстрактнымъ словопроизводствомъ. Но изъ какой-же грамматики въ такомъ случаѣ вычитали, что форма этого народнаго названія именно германскаго происхожденія»? Специалистъ-финнологъ д-ръ Келлгренъ (Les Finnois et la race ouralo-altaïque въ Nouvelles annales des voyages, année 1848, t. III), утверждая, что слово Финнъ есть только нѣмецкій переводъ, приводилъ въ доказательство то, что буквы «ф» даже нѣтъ въ языкѣ этого народа. Въ такомъ случаѣ можно задаться вопросомъ: какъ это слово можетъ быть финскимъ разъ въ этомъ языкѣ нѣтъ буквы «ф»?.

лемея и Діонисія Періегета, ни слова не говоря о мнимыхъ извѣстіяхъ Эратосѳена. Вполнѣ правъ былъ онъ и въ приговорѣ относительно родства различныхъ народовъ, указываемаго различными писателями древняго міра. Напротивъ, трудно согласиться съ тѣмъ его мнѣніемъ, что Финны и Тюрки рѣзко отличаются физическимъ типомъ отъ Монголовъ. Что касается до его разбора мнѣнія Дегиня о титулѣ хуннускихъ государей, то необходимо указать, что никто изъ писавшихъ по этому вопросу не упомянулъ объ этомъ титулѣ въ такой формѣ. Впрочемъ, на 25-й стр. II-ой части I-го тома Дегинь далъ другое чтеніе. Онъ сказалъ, что хуннускіе государи носили титулъ „тань-жу или шань-ю (Chen-ju), который есть сокращеніе Цень-лико-то-тань-жу (Tcem-li-ko-to-tan-jou) т. е. сынъ неба на языкѣ Хунъ-ну“. Но тутъ же въ примѣчаніи онъ заявилъ, что въ этомъ выраженіи Цень-ли значитъ небо, а ко-то-тань-жу сынъ, по объясненію Ма-туань-линя, а по словамъ историка Ханьскаго дома цень-ли значитъ небо, ко-то сынъ, тань-жу высокій и плотный человѣкъ (grande et large figure?). Поэтому, Дегинь не утверждалъ, что шань-ю значитъ сынъ неба, а полагалъ, что все выраженіе имѣетъ такое значеніе, оговариваясь въ примѣчаніи, что существуютъ другія объясненія. Признавая слова Гуннъ и Финнъ за слова тожественныя, Сенъ-Мартенъ конечно долженъ былъ счесть уходъ сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ, какъ вообще всѣ ихъ переселенія, неважнымъ. Въ заключеніе нашего разбора нужно сказать, что Сенъ-Мартенъ, не будучи спеціалистомъ по исторіи Средней Азіи, очень мало касался вопроса о происхожденіи Хунъ-ну и вообще ихъ исторіи. Онъ въ этомъ случаѣ основывался на доводахъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей. Болѣе занялся онъ вопросомъ о происхожденіи Гунновъ; по этому вопросу онъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ (напр. армянскіе источники).

Пополненіе теоріи финнизма доводами въ пользу финскаго происхожденія Хунъ-ну принадлежитъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартену. Этотъ изслѣдователь спеціально занимался исторической этнографіей, этнологіей и географіей. Въ издаваемомъ имъ журналѣ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques“ онъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Etudes éthnographiques et historiques sur les peuples nomades, qui se sont succédé au nord du Caucase dans les dix premiers siècles de notre ère“. Одна изъ этихъ статей посвящена вопросу о Гуннахъ (онъ назвалъ ихъ уральскими, какъ бы въ отличіе отъ Эфталитовъ, о которыхъ онъ написалъ особую статью въ этихъ-же этюдахъ). Статья эта напечатана въ четвертомъ томѣ журнала за 1848 г. (Декабрь, стр. 257—306).

Въ этомъ рядѣ статей предшествовавшая разбираемой нами была посвящена Аланамъ. Поэтому Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, въ началѣ статьи,

указалъ на отличіе Гунновъ отъ этого народа. Признавая, что Аланы и обычаями, и религіознымъ культомъ, и физическимъ типомъ были вполнѣ сходны съ предшествовавшими имъ сарматскими и готскими племенами, онъ замѣтилъ, что Гунны уже совершенно не походили на нихъ. Наружность ихъ, описанная Аммiаномъ Марцеллиномъ и Іорнандомъ дала поводъ, по его мнѣнію, весьма основательный, думать, что Гунны были Монголы. Однако, серьезныя препятствія для сближенія Гунновъ съ Монголами представили доводы Клапрота, который, основываясь на китайскихъ лѣтописяхъ, высказалъ мнѣніе, что Монголы въ эпоху вторженія Гунновъ жили еще далеко на Востокѣ, въ восточной Сибири, къ сѣверу отъ теперешней Монголіи и что громадныя пространства между землею ихъ и Гунновъ были населены народами тюркскими и готскими. Это, по мнѣнію Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, представляетъ большое затрудненіе для отожествленія Гунновъ и Монголовъ. Кромѣ этого, нашъ изслѣдователь считалъ очень важнымъ и то, что Сенъ-Мартенъ, одинъ изъ лучшихъ, по его мнѣнію, знатоковъ этнографическихъ вопросовъ востоковѣдѣнія, отличалъ Гунновъ отъ Монголовъ. Воззрѣніе этого ученаго онъ считалъ настолько важнымъ, что привелъ буквально то мѣсто изъ замѣчаній Сенъ-Мартена, гдѣ изслѣдователь говорилъ объ исторіи нашего вопроса и происхожденіи Гунновъ. Въ подтвержденіе дѣйствительности финнизма Гунновъ, Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ указалъ на то, что и Клапротъ, и Мюллеръ (Der Ugrische Volksstamm) признавали за Гуннами финское происхожденіе. Это тожество, по его мнѣнію, одинъ изъ основныхъ фактовъ этнографіи Азіи. Относительно наружности Гунновъ онъ принялъ взглядъ Клапрота и утверждалъ, что восточные Финны и Монголы весьма сходны между собою. Однако вмѣстѣ съ Дегинемъ и Сенъ-Мартеномъ, онъ считалъ вполнѣ возможнымъ отожествлять Хунъ-ну и Гунновъ, вопреки доводамъ Клапрота. Извѣстія о нихъ можно, по его словамъ, прослѣдить до глубокой древности. Всѣ ихъ имена онъ считалъ несомнѣнными передѣлками собственнаго имени народа. При этомъ онъ указалъ на аналогичные факты у другихъ народовъ. Германцы, напр., передѣлали имя тѣхъ-же Гунновъ въ hund. Слово-же Хуннъ есть финское и встрѣчается въ этомъ языкѣ въ формѣ хумъ, что значитъ человѣкъ. Что касается до тожества Хунъ-ну и Гунновъ, то онъ, помимо историческихъ извѣстій, указалъ на сходство именъ. Онъ думалъ, что причина, побудившая Клапрота отказаться отъ отожествленія Гунновъ и Хунъ-ну, легко устранима. „Это затрудненіе исчезнетъ", говоритъ онъ: „если признать, что первобытные Тюрки и Уральскіе Финны суть двѣ вѣтви одного ствола, первоначально бывшаго единымъ". Относительно титула шань-юй онъ высказалъ довольно своеобразное мнѣніе, именно, что оно могло быть „транскрипціей монгольскаго слова нойянъ, которые значитъ

государь или вождь". При изложенiи исторiи Хунъ-ну онъ считалъ временемъ главнаго ихъ переселенiя конецъ I-го вѣка по Р. Х. Причину монгольскаго типа Гунновъ онъ видѣлъ въ томъ, что часть ихъ смѣшалась съ Сянь-би, монгольскимъ племенемъ. Усиленiе монгольскихъ-же племенъ То-ба и Жуань-Жуань въ IV-мъ вѣкѣ было причиной движенiя на Западъ этихъ омонголившихся Хунъ-ну. Эти новые пришельцы и придали монгольскiй видъ Гуннамъ. Извѣстiя Птолемея, Дiонисiя Перiегета и Моисея Хоренскаго онъ относилъ не къ тѣмъ Гуннамъ, которые вторглись въ Европу въ IV-мъ вѣкѣ, а только къ отдѣльнымъ ордамъ ихъ. Особенно же настаивалъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ на томъ, что „калмыцкiй типъ былъ данъ восточнымъ Хунъ-ну смѣсью ихъ съ монгольскимъ народомъ Сянь-би послѣ разрушенiя имперiи Хунъ-ну въ 93 г. Мы настаиваемъ на этомъ различiи, потому что оно кажется намъ основнымъ". Что нѣкоторые византiйскiе писатели (напр., Өеофанъ въ IX-мъ вѣкѣ) называютъ Гунновъ Турками, означаетъ только то, что эти писатели привыкли называть всѣ народы, приходившiе изъ странъ лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, Турками, какъ раньше они всѣмъ имъ давали имя Гунновъ или Скиөовъ. Наконецъ, что Ту-гю или Тюрки произошли, по китайскимъ извѣстiямъ, отъ Хунъ-ну, онъ приписывалъ общему происхожденiю Финновъ и Тюрковъ. Таковы вкратцѣ воззрѣнiя этого изслѣдователя.

Мнѣнiе Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена относительно физическаго типа Гунновъ, хотя онъ собственно только повторилъ высказанное Клапротомъ, гораздо удачнѣе, чѣмъ Сенъ-Мартена. Изъ его словъ относительно древнихъ Хунъ-ну явствуетъ, по нашему мнѣнiю, то, что онъ считалъ ихъ за нераздѣлившихся еще Тюрковъ и Финновъ. Предположенiе это ничѣмъ не доказано и не является вѣроятнымъ вслѣдствiе характера историческихъ извѣстiй объ этомъ народѣ. Совершенно непонятнымъ является для насъ объясненiе этимъ изслѣдователемъ имени шань-юй. Какимъ образомъ оно могло быть монгольскимъ, если самъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣнiе, что монгольскiй элементъ не входилъ въ первоначальный составъ Хунъ-ну (не говоря уже о сопоставленiи неимѣющихъ ничего общаго между собою словъ нойянъ и шань-юй)? Вполнѣ своеобразно мнѣнiе этого изслѣдователя по поводу монгольскаго типа Гунновъ. Прежде всего нужно сказать, что позднѣйшiя (послѣ конца перваго вѣка по Р. Х.) движенiя могли быть, такъ какъ народныя переселенiя, и во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ и позже, часто происходили въ Средней Азiи, но несомнѣнныхъ фактовъ не существуетъ. Сянь-би, по мнѣнiю большинства ученыхъ, принадлежали не къ монгольской, а къ тунгузской или корейской группамъ *). Поэтому, если и было высе-

*) См. Клапрота «Tableaux historiques», р. 93; Григорьева «Объ отношенiяхъ между

леніе, то оно не могло внести новые, монгольскіе элементы; потому-же этотъ вопросъ не можетъ считаться „основнымъ“.

Мнѣній двухъ вышеназванныхъ ученыхъ придерживался и русскій изслѣдователь П. П. Семеновъ. Онъ, какъ и Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, спеціально занялся вопросомъ о происхожденіи Хунъ-ну. Замѣчанія его по этому поводу находятся въ приложеніи къ I-му тому „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера (Спб. 1850 г.) на стр. 630—637. При разборѣ теоріи Клапрота, мы уже говорили, что ее до насъ разбиралъ П. П. Семеновъ, который подраздѣлилъ ее на три части и, соглашаясь съ финнизмомъ Гунновъ и турчизмомъ Ту-гю, отрицалъ тожество Хунъ-ну и Ту-гю. Указавъ на поразительное сходство именъ Хунъ-ну и Хуннъ, онъ привелъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ пришелъ съ Алтая. Оттуда-же пришли и Гунны. Слѣдовательно, существуетъ не только общность имени, но и мѣстопребыванія. Происхожденіе Ту-гю (или, какъ онъ говоритъ, Ту-кюэ) отъ Хунъ-ну ровно ничего не доказываетъ. Хунъ-ну были пришельцами въ земляхъ къ сѣверу отъ Китая, туземцами-же тамъ были тюркскія племена, которыя, будучи покорены Хунъ-ну, приняли ихъ имя. Что касается до хуннускихъ словъ, сообщаемыхъ китайскими лѣтописями, то одно изъ нихъ цилянь (или килянь), которое значитъ небо, П. П. Семеновъ считалъ возможнымъ сблизить съ лат. coelum, греч. κοῖλον, франц. ciel, итальян. cielo, латыш. zeltees, т. е. онъ думалъ, что это слово индо-европейскаго языка и поэтому принадлежало одному изъ покоренныхъ Хунъ-ну народовъ. Среди этихъ подданныхъ находились въ большомъ количествѣ тюрки, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли Ту-гю. „Шань-юй“, говоритъ онъ далѣе: „иначе Танъ-ли-куту, что значило сынъ неба, былъ титулъ хуннскихъ царей“. Не допуская, чтобы одно понятіе выражалось на одномъ и томъ-же языкѣ двумя словами, этотъ изслѣдователь полагаетъ, что шань-юй значило на настоящемъ хуннскомъ языкѣ „сынъ неба“, а танъ-ли-куту былъ переводъ этого слова на языкъ подвластныхъ народовъ. Слово тенгри значитъ по тюркски небо, слова-же куту нѣтъ въ языкахъ тюркскихъ и монгольскихъ народовъ. По маньчжурски „гуто“ значитъ сынъ. Другимъ словамъ, какъ-то: лу-ли, ту-ки, тей-ло онъ не находилъ аналоговъ въ тюркскихъ языкахъ *). Итакъ, по воззрѣнію

кочевыми народами и осѣдлыми государствами» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 года. Мартъ, стр. 11; П. П. Семенова у Риттера «Землевѣдѣніе Азіи», т. I (Спб. 1850 года), стр. 401.

*) П. П. Семеновъ приводилъ и объяснялъ упомянутыя въ китайскихъ лѣтописяхъ хуннускія слова по статьѣ синолога проф. Шотта (Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlechte, Abhandlungen Berl. Academie, 1847). Этотъ ученый сближалъ вышеупомянутое Лу-ли съ тюркскимъ ulu; съ этимъ-же словомъ сближалъ онъ и слово U-lui. Tu-ngu-sse можетъ быть тожественно, по его мнѣнію, съ тюркскимъ словомъ тунгузъ. Вообще проф. Шоттъ никакъ не можетъ считаться сторонникомъ финнизма Хунъ-ну, такъ

П. П. Семенова, Гунны и Хунъ-ну тожественны и принадлежатъ къ финскому племени.

Приступая къ разбору мнѣній этого изслѣдователя, укажемъ на сопоставленіе общей родины и сходства имени для отожествленія. Изслѣдованіе географическаго положенія дѣйствительно очень важно для правильнаго сужденія объ этомъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется то обстоятельство, что остальные изслѣдователи совершенно не обратили вниманія на общую родину того и другого народа *). Хунъ-ну были, по мнѣнію П. П. Семенова, пришельцами въ Инь—шанѣ; однако, они пришли туда „послѣ послѣдняго великаго потопа“, какъ сказано у Риттера на 622 стр., на которую ссылается нашъ изслѣдователь. Насколько можемъ мы судить по древнѣйшимъ извѣстіямъ объ этомъ народѣ въ китайскихъ лѣтописяхъ, Хунъ-ну съ глубочайшей древности жили въ этихъ мѣстахъ. Мы держимся того взгляда, что до насъ не дошло ни одного точнаго извѣстія о приходѣ Хунъ-ну въ ту страну, гдѣ застаютъ ихъ китайскія лѣтописи. Что касается того объясненія, что слово шань-юй есть переводъ на настоящій хуннускій языкъ слова, принадлежащаго языку подчиненнаго тюркскаго народа, то это объясненіе совершенно не удовлетворяетъ насъ. Дегинь (t. I, p. II, p. 25) уже приводилъ объясненіе историка Ханьской династіи, что шань-юй или таньжу значитъ „grande et large figure“. О. Іакинѳъ въ „Собраніи свѣдѣній“ въ примѣчаніи на стр. 10-й I-й части I-го тома, говоритъ: „Въ Хань-шу-инь-и (т. е. въ томъ-же сочиненіи, про которое говорилъ Дегинь) сказано: шань-юй значитъ величайшій, на кит. Сянъ-тьхань“ и на стр. 110: „Въ исторіи старшей династіи Хань сказано: шаньюй значитъ величайшій, т. е. въ великости подобный небу“. Этотъ-же ученый далѣе указалъ на то, что древнее шаньюй и болѣе новое ханъ-два слова по смыслу совершенно тожественныя (см. тамъ-же, т. I, ч. II, стр. 267). Наконецъ, г. Каёнъ сообщилъ слѣдующее (прим. на стр. 88 цитов. соч.): „Шань-юй не понятно, но переводъ этого слова можно возстановить. Китайскія лѣтописи го-

---

какъ онъ, хотя и не считалъ возможнымъ точно выяснить племенную принадлежность Хунъ-ну, однако думалъ, что они были «восточно-алтайскаго или татарскаго происхожденія». Слѣдовательно, онъ считалъ ихъ или Тюрками, или Монголами, или Тунгусами (см. ss. 290—291).

*) Особенно долженъ относиться этотъ упрекъ къ Клапроту, который издалъ даже атласъ. Въ этомъ атласѣ съ первой до седьмой картъ указано, что по восточную сторону Алтая жили тюрки Хянь-юнь и Хунъ-ну, а по западную—народы гунскіе и восточно-финскіе. На седьмой картѣ (116 г. по Р. Х.) на Алтаѣ и къ востоку отъ него указаны остатки сѣверныхъ Хунъ-ну, къ западу отъ этихъ горъ, въ теперешнихъ киргизскихъ степяхъ до Урала, расположены «Хунъ-ну, изгнанные на Западъ», а на Уралѣ, рѣзко отдѣленные отъ отъ этихъ Хунъ-ну, живутъ «гунскіе или восточно-финскіе» народы. Это сосѣдство продолжается и на картахъ восьмой, девятой и десятой (съ девятой Хунъ-ну называются уже Юе-бо).

ворятъ при 552 г.—Тумынь (вождь Ту-гю или Тюрковъ) принялъ титулъ И-ли-ханъ, слово, имѣющее тотъ-же смыслъ, что нѣкогда шань-юй. И-ли по тюркски въ IV-мъ вѣкѣ значило—знаменитый, блестящій, чѣмъ объясняется блестящее лицо, которое китайцы приписывали шань-юю". Такимъ образомъ, выясняется, что шань-юй и тань-ли-ко-то слова, совершенно различныя.

Къ этой-же теоріи должны мы отнести и финнолога г. Уйфальви-де-Мезо-Кёвешдъ. Онъ коснулся этого вопроса въ „Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens" (Paris, 1873). По его мнѣнію Гунны. принадлежащіе къ финскому племени, одно время владычествовали въ странахъ къ сѣверо-востоку отъ Китая. Онъ считаетъ вполнѣ допустимымъ мнѣніе Тьерри, что они очень смѣшались съ Монголами. Вслѣдствіе переворотовъ въ Средней Азіи, они были отброшены въ Европу и тутъ смѣшались съ разными другими народами, какъ то славянскими, готскими и др. (см. р.р. 80—85 и 126—127). Хотя этотъ ученый и стоитъ въ своихъ воззрѣніяхъ довольно близко къ мнѣніямъ Тьерри, однако онъ долженъ быть отнесенъ къ теоріи финнизма, потому что признаетъ Гунновъ Финнами, хотя и смѣшанными съ Монголами. Любопытно, что г. Уйфальви, финнологъ и природный венгерецъ назвалъ мнѣніе Клапрота относительно тожества Гунновъ и Мадьяръ „опирающимся на отдѣльныхъ и смѣлыхъ этимологіяхъ".

Къ этой-же теоріи долженъ быть скорѣе всего отнесенъ и бар. П. К. Усларъ, который мимоходомъ высказался по нашему вопросу въ „Древнѣйшихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ" (записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, Тифлисъ, 1881; помѣщено также въ „Собраніи свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ", X). Считая Гунновъ Финнами (стр. 161), онъ назвалъ Хунъ-ну смѣсью „нѣсколькихъ кочевыхъ племенъ тюрко-финскаго происхожденія" (стр. 164—165).

Въ заключеніе разбора мнѣній представителей третьей теоріи, мы должны сказать, что ее, по справедливости, можно назвать теоріей „примиренія". Одной-же изъ главныхъ ея заслугъ явилось указаніе на тожество Хунъ-ну и Гунновъ и стараніе доказать это.

V.

Теоріи относительно отдѣльныхъ частей вопроса.—Теорія славянства Гунновъ (Венелинъ, Вельтманъ, Забѣлинъ, Иловайскій, В. Флоринскій).—Теорія турчизма Гунновъ (Цейссъ, Куникъ, Ф. Мюллеръ, Томашекъ, Соколовъ, Ф. Коршъ, В. Миллеръ, Васильевскій, Витерсхеймъ, Вамбери, Радловъ, Аристовъ).—Новѣйшія изслѣдованія проф. Хирта.

Приведенныя и разобранныя нами въ предъидущихъ главахъ теоріи касались гунскаго вопроса въ широкомъ смыслѣ, т. е. разсматривали всѣ три

части, на которыя онъ распадается. Въ настоящей главѣ мы дадимъ краткій обзоръ теорій и изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ частямъ этого вопроса.

Европейскіе Гунны обращали на себя до сихъ поръ большее вниманіе, чѣмъ родственные имъ китайскіе Хунъ-ну. Это объясняется конечно тѣмъ, что исторія Европы разработана лучше, чѣмъ исторія сѣверо-восточной Азіи. Относительно европейскихъ Гунновъ возникли почти одновременно двѣ теоріи: славянства и турчизма.

Создателемъ теоріи славянства этого народа можно назвать Венелина („Древніе и нынѣшніе Болгаре", т. I, 1829). Главныя доказательства этого ученаго основывались на томъ, что гунскія имена сходны со славянскими (стр. 94). Каратонъ (Καρατον) сходно съ именемъ болгарскаго царя Кардама (Болгары были, по его мнѣнію, чистые славяне), Баламберъ-Владиміръ, Аттила-Тиланъ (болгарскій царь), Бледа-Владъ и т. д. Отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ онъ считалъ ошибкой. Хунъ-ну были, думалъ онъ, монголы, которые кочуютъ теперь, какъ и во времена древности, на сѣверныхъ границахъ Китая (стр. 157 — 158). Изъ сочиненій оріенталистовъ онъ ознакомился видимо только съ „Записками о Монголіи" о. Іакинѳа, при чемъ однако, упустивъ изъ вида замѣчаніе, что имя Хунъ-ну было лишь транскрипціей туземнаго имена на китайскій языкъ, возражалъ противъ приписываемаго имъ этому синологу мнѣнія, что монголы называли себя китайскимъ браннымъ именемъ (стр. 160 и далѣе). Онъ доказывалъ, что по гречески Гунны всегда назывались Οὖννοι, Οὐέννοι, Венны и только уже въ латинскомъ языкѣ появилась форма Hunni, отсюда и имя Гунны. Имя Гуннъ или Веннъ (что̀ по его мнѣнію одно и тоже) Венелинъ сближалъ съ именемъ Вендъ и признавалъ такимъ образомъ Гунновъ тожественными Славянамъ.

Еще дальше въ такъ называемыхъ „дикихъ" этимологіяхъ, пошелъ послѣдователь Венелина въ теоріи славянства Гунновъ Вельтманъ. Онъ отожествилъ въ сочиненіи „Аттила и Русь въ IV—V вѣкахъ" (Москва, 1858) имя Hunni черезъ Kwäne съ Кыяне т. е. Кіевлянами, назвалъ Аттилу „всея Руси самодержцемъ" и т. д. Даже сторонникъ славянства Гунновъ Д. И. Иловайскій назвалъ это сочиненіе „мистическимъ сумбуромъ".

Въ пользу этой теоріи высказался и И. Е. Забѣлинъ на стр. 218—360 первой части „Исторіи русской жизни" (Москва, 1876). Считая сдѣланное Дегинемъ отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ основаннымъ лишь на сходствѣ именъ, онъ указываетъ на противорѣчіе этому свидѣтельствъ исторіи и географіи. По мнѣнію этого ученаго, „надо только удивляться какимъ образомъ несообразная догадка Дегиня утвердилась въ наукѣ, какъ непреложная истина. Съ его легкой руки всѣ стали твердить что Унны были истинные Калмыки и всѣ старались при всякомъ случаѣ только доказывать и распространять это

поверхностное заключенiе. Затѣмъ Клапротъ доказалъ, а Шафарикъ подтвердилъ, что Унны были Уральскаго происхожденiя, родственники Башкировъ и предки Венгровъ. Теперь этой новой истинѣ уже никто не противорѣчитъ". (331—332). Переходя къ разбору источниковъ, И. Е. Забѣлинъ считаетъ портретъ Гунновъ, описанный Аммiаномъ Марцеллиномъ, продуктомъ воображенiя, возникшимъ изъ сказанiй о бытѣ кочевыхъ народовъ. Гунны пришли не съ Востока т. е. не изъ за Волги, а отъ Ледовитаго моря. Лежащими за Меотiйскими болотами назывались страны не къ Востоку, а къ Сѣверу отъ нихъ. Уннами, по его мнѣнiю, стала называться дружина сѣверныхъ славянскихъ племенъ, призванная южными на помощь противъ Готовъ. Таковы въ краткихъ словахъ мнѣнiя этого ученаго.

Самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ теорiи славянства Гунновъ является безспорно Д. И. Иловайскiй. Какъ извѣстно, этотъ ученый одинъ изъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ норманизма Руси. Отъ славянства Руси онъ перешелъ къ славянству Болгаръ, а отъ этого къ славянству и Гунновъ. Его доказательства и возраженiя на нихъ составляютъ несомнѣнно своеобразное явленiе въ исторiи нашего вопроса. Напечатавъ въ майской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенiя за 1881 г. статью подъ заглавiемъ „Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ", Д. И. Иловайскiй повторилъ въ сентябрѣ 1881 г. на V-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этой статьѣ (см. Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Россiи, изд. подъ редакцiей гр. Уваровой, Москва, 1887, стр. LIX—LXIII). Уже здѣсь мнѣнiя раздѣлились: часть приняла воззрѣнiя докладчика (Н. И. Костомаровъ, проф. Иконниковъ), часть высказалась противъ нихъ (Загурскiй, Гаркави, проф. Анучинъ). 31-го декабря 1881 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго Общества Любителей Естествознанiя состоялся предложенный Д. И. Ильвайскимъ диспутъ по вопросу о народности Гунновъ, а въ 1882 г. этотъ же изслѣдователь напечаталъ статью „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ" (Русская Старина, 1882, февраль) и второе изданiе „Разысканiй о началѣ Руси", къ которому приложилъ и изслѣдованiе по вопросу о Гуннахъ. Выводы этого изслѣдователя сводятся къ слѣдующимъ. Теорiя туранства *) Гунновъ основывается, по его мнѣнiю, только на описанiи ихъ наружности и образа жизни Аммiаномъ Марцеллиномъ и Iорнандомъ. Описанiю перваго нельзя придавать значенiя потому, что онъ никогда въ своей жизни не видѣлъ Гунновъ, а писалъ съ чужихъ словъ,

*) Д. И. Иловайскiй предпочитаетъ терминъ «туранскiй» термину «урало-алтайскiй», потому что онъ распространяется яко-бы и на монгольскiе народы, на которые терминъ «урало-алтайскiй» не распространяется (см. Русская Старина, 1882, декабрь, стр. 609)—это конечно совершенно не вѣрно и противорѣчитъ современной этнографической классификацiи.

описаніе-же Іорнанда „плодъ тенденціозно настроеннаго воображенія". Кромѣ того, въ оставленныхъ описаніяхъ наружности Гунновъ не видно чертъ, свойственныхъ монгольскому племени. Гунскія слова, дошедшія до насъ—славянскаго происхожденія: медосъ—медъ, камосъ—квасъ, страва-тризна. На Хунъ-ну Д. И. Иловайскій не счелъ нужнымъ обратить вниманіе. Мимоходомъ говоритъ онъ, что Гунновъ старались связать „съ монгольскимъ народомъ Хіонгну" и заставили этихъ послѣднихъ переселиться въ IV-мъ вѣкѣ на Западъ. Все это Д. И. Иловайскій считалъ не основаннымъ на положительныхъ свидѣтельствахъ источниковъ.

Эта славянская теорія прежде всего встрѣтила много возраженій въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго общества Любителей Естествознанія (см. труды этого отдѣла за 1886 г. VIII). Сначала возражалъ проф. Н. А. Поповъ, который, какъ историкъ, особенно возставалъ противъ мнѣнія Д. И. Иловайскаго, что Славяне не извѣстны исторіи до Гунновъ, тогда какъ Анты и Венды были безъ сомнѣнія Славяне. Далѣе выступилъ противъ этой теоріи проф. В. Ф. Миллеръ, приведшій возраженія съ точки зрѣнія лингвистики и этнографіи. Сопоставленіе словъ камъ и квасъ онъ считалъ безусловно произвольнымъ; при томъ слова камъ и медъ принадлежали по его мнѣнію языку деревенскаго населенія Панноніи, которое не было гунскаго происхожденія; собственныя имена—не славянскія (о томъ къ какому языку нужно отнести ихъ, по мнѣнію В. Ф. Миллера, мы скажемъ дальше); между Славянами и Гуннами существенное различіе и въ наружности (Славяне бѣлокуры и высоки ростомъ, Гунны-черноволосы и маленькаго роста), и въ бытѣ (Славяне-осѣдлые, Гунны-кочевники). Затѣмъ говорили противъ этой теоріи проф. Ф. Е. Коршъ (по поводу различія физическаго и лингвистическаго), и проф. Д. Н. Анучинъ (съ точки зрѣнія антрополога). Впрочемъ всѣ эти ученые высказались устно и объ ихъ воззрѣніяхъ можно судить только по протоколамъ засѣданій вышеупомянутаго отдѣла. Въ печати выступилъ противъ теоріи Д. И. Иловайскаго проф. В. Г. Васильевскій въ статьѣ „о мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ" (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882 г., іюль). Онъ указалъ на то, что древніе писатели, какъ-то Іорданъ, Прокопій, Маврикій отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ (стр. 145); по даннымъ языка, Славяне еще до раздѣленія индо-европейцевъ были земледѣльцами, а не кочевниками, какъ Гунны (146—149); камъ не квасъ, а особый паннонскій напитокъ, издавна извѣстный греческимъ писателямъ (150—151). Общій выводъ этого ученаго тотъ, что если и можно спорить о томъ, къ какой группѣ урало-алтайскихъ народовъ принадлежали Гунны: финно-угорской, турецко-татарской или монгольской, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно неславянское происхожденіе ихъ. Доводы Д. И. Иловайскаго встрѣ-

тили опроверженіе и со стороны оріенталистовъ. Проф. Н. И. Веселовскій въ статьѣ „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь) указалъ на необходимость обратиться къ восточнымъ источникамъ. Д. И. Иловайскій въ статьѣ „Поборники норманизма и туранизма“ (Русская Старина, 1882, декабрь) высказался по поводу вышеупомянутыхъ критическихъ статей. В. Г. Васильевскій написалъ по этому поводу „Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1883, апрѣль). Эти чисто полемическія статьи хотя несомнѣнно выясняютъ степень подготовки каждой изъ спорящихъ сторонъ къ занятіямъ историко-этнографическими вопросами вообще и вопросомъ о Гуннахъ въ частности, не даютъ какихъ либо новыхъ фактовъ. Отмѣтимъ только мнѣнія, высказанныя по поводу Гунновъ, упомянутыхъ у Птолемея. Д. И. Иловайскій, настойчиво отрицавшій азіатское происхожденіе Гунновъ, видѣлъ противорѣчіе этому въ упоминаніи о нихъ еще во II-мъ вѣкѣ, тогда какъ Гунны пришли, какъ думаютъ, въ Европу въ IV-мъ. В. Г. Васильевскій возражалъ, что этотъ фактъ равно какъ и упоминаніе о Гуннахъ у Плинія Старшаго, въ клинообразныхъ надписяхъ (какъ мы уже видѣли въ клинообразной надписи вмѣсто Хуна надо читать Яўна) и т. д., есть фактъ единичный и сближеніе Гунновъ Птолемея съ Гуннами Марцеллина безплодно, если нельзя заполнить хронологическій, географическій и филологическій промежутокъ между этими двумя народами. Замѣтимъ, что подобное-же отрицательное отношеніе къ Гуннамъ Птолемея было высказано и Цейссомъ въ „Die Deutschen und die Nachbarstämme (München. 1837, s. 727, b. 1). Кромѣ того, упоминаніе о Гуннахъ во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. не противорѣчитъ ихъ азіатскому происхожденію и тожеству съ Хунъну уже потому, что эти послѣдніе совершили два извѣстныхъ китайцамъ движенія на Западъ: въ половинѣ I-го в. до Р. Х. и въ концѣ I-го в. по Р. Х. Откочевавшая въ половинѣ I-го в. до Р. Х. часть могла быть уже извѣстна Птолемею.

Наконецъ, послѣднимъ продставителемъ теоріи славянства мы должны назвать В. М. Флоринскаго (Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни въ Изв. Томскаго Унив. книга VII, 1895). Взгляды этого изслѣдователя на гунскій вопросъ сходятся преимущественно со взглядами И. Е. Забѣлина (см. стр. 53—54 и 350—354 его сочиненія). По его мнѣнію, перевороты въ Европѣ „сдѣлали не тѣ полудикіе, бездомные зауральскіе выходцы, какіе описываются подъ именемъ Гунновъ въ извѣстіяхъ Іорнанда и Амміана Марцеллина“. Имя Гуннъ онъ склоненъ производить отъ слова гунявый. Онъ вполнѣ соглашается съ объясненіями гунскихъ именъ, предложенными Венелинымъ, Забѣлинымъ, Иловайскимъ. Вопросъ, по его мнѣнію,

не въ имени Гунновъ, а въ силѣ, которою Славяне оттѣснили Готовъ, сплотившись въ одно политическое тѣло, а сплачивающимъ элементомъ не могла быть финская или монголо-татарская орда.

Такова въ общихъ чертахъ эта теорія славянства Гунновъ, встрѣченная цѣлымъ рядомъ существенныхъ возраженій со стороны ученыхъ самыхъ различныхъ спеціальностей. Мы, со своей стороны, разсматривая вопросъ о Гуннахъ въ широкомъ смыслѣ, должны указать на тотъ наиболѣе существенный недостатокъ представителей этой теоріи, что они совершенно не считались съ исторіей Востока. Голословно обвиняя Дегиня въ произвольномъ отожествленіи Гунновъ съ Хунъ-ну, ученые сторонники этой теоріи совершенно игнорируютъ историческіе факты, касающіеся переселеній Хунъ-ну на западъ *). Высказывая сужденія крайне категорично, придавая своимъ взглядамъ видъ неопровержимыхъ истинъ, призывая даже къ суду грядущее поколѣніе—сторонники этой теоріи не обратили вниманія на необходимыя условія при изслѣдованіи научнаго вопроса, именно на тщательное знакомство съ литературой предмета **).

Почти одновременно съ теоріей славянства Гунновъ возникла и теорія турчизма этого народа. Первымъ предложилъ ее еще Цейссъ (Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837). Статью, озаглавленную Hunni, онъ посвятилъ исключительно исторіи этого народа (ss. 706—710), тогда какъ о происхожденіи ихъ говорилъ въ статьѣ, посвященной Булгарамъ (ss. 710—727). Въ этомъ послѣднемъ народѣ онъ призналъ ушедшихъ на Востокъ Гунновъ. На Волгѣ, гдѣ удержались остатки Булгаръ, можно ожидать въ ту эпоху только либо Финновъ, либо Тюрковъ; такъ какъ Финны раньше (ss. 272—275) признаны имъ исключитетьно лѣснымъ народомъ, занимающимся охотой и рыболовствомъ, то Болгары и ихъ предки Гунны, народы кочевые, степные и конные должны быть отнесены къ Тюркамъ. По его мнѣнію, Гунны были первые Тюрки, пришедшіе изъ сѣверо-западной Азіи и пробившіе путь въ степную полосу Европы. Отожествленіе Гунновъ съ Хунъ-ну принято имъ.

Настойчиво придерживался теоріи турчизма Гунновъ и лучшій знатокъ исторической этнографіи Россіи А. А. Куникъ. Изъ его статей по этому во-

---

*) Замѣчательно, что Фейеръ (Fejér, Aborigenes et incunabula Magyarorum), тщательно собравшій извѣстія о Гуннахъ у древнихъ писателей, совершенно упустилъ изъ вида китайскія извѣстія о Хунъ-ну. Къ заслугѣ этого изслѣдователя надо отнести то, то онъ съ большимъ терпѣніемъ привелъ имена авторовъ и мѣста въ ихъ сочиненіяхъ, гдѣ встрѣчается какая-нибудь изъ формъ имени Гунновъ (см. стр. 44—46 его сочиненія).

**) Къ изданію 1882 г. «Разысканій о началѣ Руси» Д. И. Иловайскій приложилъ, какъ мы уже говорили, изслѣдованіе о Гуннахъ и отчетъ о диспутѣ съ возраженіями оппонентамъ. Онъ самъ признается тутъ въ незнакомствѣ съ литературой—онъ говоритъ, что «услыхалъ съ удивленіемъ» о существованіи обширной литературы о гуннахъ. Ему, по собственнымъ словамъ, были лишь извѣстны два сочиненія: Ам. Тьерри и Бера.

просу мы прежде всего должны назвать „О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (помѣщена въ Запискахъ Академіи Наукъ за 1855, т. III). Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказалъ здѣсь, что „тюркскій элементъ совершенно ясно выступаетъ (въ южной Руси) лишь со времени гунскаго нашествія, когда Алтай, это первоначальное гнѣздо тюркскихъ племенъ, сталъ высылать орду за ордой на западную Азію и Черноморье“ (715). На этомъ основаніи онъ и призналъ нашествіе Гунновъ основнымъ пунктомъ въ исторіи тюркскихъ народовъ. Среди гунскаго войска находились, по его мнѣнію, многіе изъ тѣхъ тюркскихъ народовъ, которые позже другъ за другомъ явились въ исторіи южной Руси. Считая Финновъ совершенно неспособными соединяться въ государства, онъ даже полагалъ, что первобытные Магары (Мадьяры) были Тюрки, обратившіе своихъ подданныхъ Финновъ въ конный народъ и съ теченіемъ времени замѣнившіе свой языкъ языкомъ многочисленныхъ подданныхъ (какъ примѣръ возможности подобной замѣны онъ привелъ Франковъ въ Галліи). Причисленіе Гунновъ къ Тюркамъ замѣтно и въ написанномъ этимъ ученымъ совмѣстно съ бар. В. Р. Розеномъ изслѣдованіи „Извѣстія Аль-Бекри“ (ч. I, Спб. 1878). Въ написанной А. А. Куникомъ съ В. В. Радловымъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“, авторы высказались въ пользу турчизма Гунновъ и осудили теорію, признававшую Финнами нѣкоторые полукочевые народы южной и юговосточной Руси. Печенѣги имѣли, по ихъ мнѣнію, въ южной Россіи предшественниковъ тюркскаго происхожденія—именно Аваровъ. Тюрки были главнымъ племенемъ въ Хазаріи. Болгары были тоже Тюрки. Финскій элементъ въ исторіи юга и юго-востока Россіи явился впервые съ Мадьярами, да и то подъ предводительствомъ тюркскаго рода. Гунны были несомнѣнно Тюрки.

Ф. Мюллеръ, признавшій, какъ мы уже говорили, Хунъ-ну за Тюрковъ, Гунновъ тоже назвалъ племенемъ татарскимъ (т. е. по его классификаціи тюркскимъ), хотя и призналъ ихъ сильно смѣшанными съ Финнами (см. его Allgemeine Ethnographie).

Къ теоріи турчизма Гунновъ примкнулъ и Томашекъ, который въ рецензіи на книгу Иречека „Исторія Болгаръ“ (помѣщена была въ Zeitschrift für Oester. Gymnasium за 1877 г., ss. 674—686) на основаніи и историческихъ преданій и тожества собственныхъ именъ доказывалъ, что Болгары и ихъ предки Гунны были Тюрки.

Къ авторитетнымъ мнѣніямъ Куника и Томашека присоединился и М. Соколовъ въ изслѣдованіи „Изъ древней исторіи Болгаръ“ (Спб., 1879).

Выше мы упомянули о замѣчаніяхъ и возраженіяхъ проф. В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша по поводу славянства Гунновъ. Отрицая возможность

этого, они предложили свои объясненія гунскихъ собственныхъ именъ. Ф. Е. Коршъ призналъ напр. собственное имя Ойбарсъ за тюркское. Подробнѣе говорилъ по этому поводу В. Ф. Миллеръ. Слова, имѣющія въ латинской или греческой транскрипціи окончаніе на „gan“ или „kan“, по его мнѣнію, несомнѣнно тюркскія, при чемъ это „gan“ есть тюркское ханъ (Zaber-gan= Забаръ-ханъ). Въ имени Денгизикъ онъ считаетъ корнемъ тюркское слово денгизъ. Ойбарсъ сравнивается имъ съ половецкимъ (а Половцы были несомнѣнно Тюрки) Багубарсъ, гунское имя Куридахъ=полов. Куртокъ и т. д.

Проф. В. Г. Васильевскій въ цитированной нами статьѣ, направленной противъ теоріи Иловайскаго, высказалъ (см. „О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“) „что преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашека, Соколова)“.

Въ послѣднемъ сочиненіи по общей исторіи великаго переселенія народовъ, которое въ силу популярнаго характера должно было придерживаться наиболѣе распространенныхъ взглядовъ, было высказано мнѣніе въ пользу турчизма Гунновъ. Мы разумѣемъ „Geschichte der Völkerwanderung“ Витерсхейма. Здѣсь (Zweiter Band, 24—25) Гунны считаются Тюрками, среди которыхъ находились многочисленные финскіе и тунгузскіе (?) элементы.

Венгерскій тюркологъ А. Вамбери въ изслѣдованіи „Ursprung der Magyaren“ (Leipzig, 1882) посвятилъ вопросу о Гуннахъ три главы (вторая, третья и четвертая). Онъ, какъ Ф. Е. Коршъ и В. Ф. Миллеръ, особенно указывалъ на сходство гунскихъ именъ съ тюркскими, хотя и признавалъ ихъ сильно измѣненными греческой и латинской транскрипціей. Цѣлая глава (ss. 40—50) посвящена у него этимъ гунскимъ именамъ. Мунзукъ, Ирнакъ, Атакамъ, Баянъ—все это, по его мнѣнію, тюркскія имена. Считая этотъ народъ тюркскимъ, А. Вамбери тоже на основаніи лингвистическихъ данныхъ шелъ еще дальше и пытался опредѣлить къ какой группѣ изъ тюркскихъ племенъ слѣдуетъ отнести ихъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что они должны были быть ближайшей родней Уйгуровъ. Этотъ изслѣдователь привелъ также нѣкоторые историческіе факты, говорящіе въ пользу турчизма Гунновъ. Онъ указалъ напр. на то, что черезъ сто лѣтъ послѣ паденія гунскаго государства, Земархъ засталъ все пространство, занятое нѣкогда этимъ народомъ, населеннымъ сплошь Тюрками. Онъ допускаетъ, что среди нихъ были финно-угорскіе элементы, но не думаетъ, чтобы эти послѣдніе, состоящіе главнымъ образомъ изъ „рыбаковъ и жителей лѣсовъ“ когда нибудь выступали въ качествѣ грозныхъ завоевателей. Опредѣляя съ точностью происхожденіе Гунновъ, Вамбери ни слова не сказалъ объ ихъ отношеніяхъ къ Хунъ-ну; это тѣмъ болѣе странно, что онъ оріенталистъ по спеціальности.

Придерживаясь того-же взгляда на происхожденіе Гунновъ, Вамбери касался этого вопроса и въ „Das-Turkenvolk“ (Leipzig, 1885).

В. В. Радловъ высказался въ пользу турчизма Гунновъ какъ въ вышеупомянутой, написанной вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго, такъ и въ изслѣдованіи „Къ вопросу объ Уйгурахъ“ (2-ое приложеніе къ LXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, Спб. 1893). Этотъ изслѣдователь, основываясь на извѣстіяхъ Діонисія Періегета считаетъ вполнѣ возможнымъ отожествить Гунновъ и Хунъ-ну (стр. 103). Извѣстіе Моисея Хоренскаго служитъ ему доказательствомъ, что Гунны въ III-мъ вѣкѣ продвинулись еще болѣе на Западъ. Составъ этого народа опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: „собственно гунны (восточные тюрки, уйгуры) составляли несомнѣнно лишь часть нахлынувшихъ въ Европу полчищъ; очевидно самыя различныя племена (западные тюрки, угры и пр.) двигались впередъ, имѣя въ гуннахъ предводительствующее племя и наростая, подобно лавинѣ, во время движенія“. (стр. 103). Описанія наружности Гунновъ у Амміана Марцеллина, Іорнанда и др. вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ описаніемъ Хунъ-ну, которое мы находимъ у китайцевъ. Типъ Гунновъ есть типъ либо Тюрковъ, либо Монголовъ, либо Тунгузовъ. Изъ исторіи мы знаемъ, что сначала направлялись на Западъ Тюрки, при чемъ занятыя ими области заходили на Западъ за Аральское море уже до Р. Х. Въ III—X вѣкахъ стали пробиваться Тунгузы, не дошедшіе однако дальше центра Средней Азіи, а съ XIII-го вѣка появляются Монголы. „Если бы монгольскія племена уже раньше когда-нибудь проникли на западъ, то гдѣ нибудь тамъ остались бы осадки этого народа“. (стр. 106). Таковы вкратцѣ мнѣнія этого ученаго.

За признаніе Гунновъ Тюрками, тожественными Хунъ-ну, высказался и Н. В. Аристовъ („Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“, въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV).

Теорія турчизма Гунновъ несомнѣнно одна изъ наиболѣе распространенныхъ въ настоящее время. Ея сторонники, какъ можно видѣть по вышеизложенному, исходятъ изъ нѣсколько иныхъ взглядовъ, чѣмъ представители другихъ теорій. Они основываютъ свои выводы не столько на отдѣльныхъ фактахъ, на толкованіи собственныхъ именъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу историческаго хода событій и группировки племенъ. Такая точка зрѣнія имѣетъ многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Однако, если и можно сказать, что во главѣ Гунновъ стояли Тюрки, вопросъ о томъ изъ кого состояла масса народа, изъ Финновъ или изъ Тюрковъ, еще не рѣшенъ окончательно *).

*) Необходимо сказать нѣсколько словъ объ изслѣдователѣ, писавшемъ о занимающемъ насъ вопросѣ и котораго, вслѣдствіе своеобразнаго характера его статьи, нельзя

Въ послѣднее время нашимъ вопросомъ занялся одинъ изъ лучшихъ европейскихъ синологовъ проф. Хиртъ. Это, помимо всего остального, можетъ служить доказательствомъ, что гунскій вопросъ заслуживаетъ вниманія изслѣдователей и не можетъ считаться сданнымъ въ архивъ. Статья этого ученаго, озаглавленная „Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu", (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss., 1899, Bd. II, Heft. II, 245—278, München, 1900) касается исключительно вопроса объ отношеніяхъ двухъ вышеупомянутыхъ народовъ. Только изъ одного мѣста его изслѣдованія (прим. на стр. 269) можно заключить, что Хунъ-ну (а слѣдовательно и Гунны, такъ какъ эти два народа тожественны) были, по мнѣнію проф. Хирта, Тюрки: имя хуннускаго шаньюя Ху-хань-е онъ старается объяснить при помощи тюркскаго языка. Справедливо считая необходимымъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса обратиться къ первоисточникамъ, т. е. къ извѣстіямъ китайскихъ лѣтописей, этотъ изслѣдователь особенно остановился на томъ мѣстѣ изъ историческаго сочиненія Вэй-шу, въ которомъ сообщается объ области Сукъ—такъ, прежде называвшейся Янь-цай и лежавшей къ сѣверо-западу отъ Кангюя, о ея завоеваніи Хунъ-ну и о томъ, что правитель этой области Хутъ-ай-сы или Ху-ни-сы (Hut-ngai-ssi, alte Aussprache Hu-ni-ssi), современный извѣстію, принадлежитъ уже четвертому поколѣнію со времени завоеванія (ср. у о. Іакинѳа, Собраніе свѣдѣній, III, 166, гдѣ вмѣсто Сукъ—такъ страна называется Су-дэ). По разсчету разстояній, о которыхъ сообщаютъ китайскія извѣстія, Янь-цай (слово, которое есть передѣлка „Ἄορσοι или Alan-orsi") соотвѣтствуетъ областямъ у Аральскаго моря. Оставляя въ сто-

причислить ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ теорій. Это г. Боура (Bowra) и его статья «The Χοῦνοι and the Hsiung-nu» (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennys volume I, January—December, 1867, Hongkong). Тожества Монголовъ и Гунновъ онъ не признавалъ на томъ основаніи, что первые не только не сохранили никакихъ воспоминаній и преданій о побѣдахъ и выселеніяхъ, но должны были впасть въ непонятную «летаргію» и пробудиться лишь черезъ нѣсколько столѣтій—что̀ кажется ему невозможнымъ. Сходство тугюйскихъ словъ съ тюркскими кажется ему недостаточнымъ для заключенія о турчизмѣ Ту-гю, а слѣдовательно и Хунъ-ну. Финно-угорское происхожденіе Гунновъ тоже кажется ему мало вѣроятнымъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что исторія тюркскихъ народовъ тѣсно связана съ исторіей славянъ и германцевъ и допуская, что разсѣяніе сѣверныхъ Хунъ-ну могло оказать вліяніе на движеніе народовъ, пограничныхъ съ Европой, онъ однако высказалъ мнѣніе, что «очень мало возможности доказать тожество Хунъ-ну и Гунновъ на основаніи китайскихъ лѣтописей. Мало точекъ соглашенія между исторіей Китая и исторіей Европы и мало сдѣлано для ихъ разъясненія». Тутъ-же онъ назвалъ вопросъ о тожествѣ Хунъ-ну и Гунновъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ. Въ концѣ статьи г. Боура заявилъ, что собирается извлечь изъ китайскихъ лѣтописей извѣстія о Хунъ-ну. Насколько ему удалось привести въ исполненіе это обѣщаніе, мы не знаемъ: ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, равно какъ и въ библіографическихъ сборникахъ, мы не нашли упоминанія о его дальнѣйшихъ работахъ въ этой области. Упомянутая же статья не вноситъ въ литературу по гунскому вопросу ничего новаго.

ронѣ нѣсколько смѣлое отожествленіе „да-цэ“ т. е. „большаго моря“ съ Чернымъ только потому, что извѣстіе о немъ относится къ половинѣ V-го вѣка т. е. ко времени смерти Аттилы, переходимъ къ интересному толкованію имени правителя Сукъ-така. По разсчетамъ проф. Хирта, время завоеванія этой области Хунъ-ну совпадаетъ со временемъ появленія Гунновъ (ср. Аристовъ въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV, 293), а имя Хутъ-айсы есть китайская транскрипція имени Ирнакъ, одного изъ сыновей Аттилы. Что касается до его мнѣнія о странѣ Юе-бань, о которой такъ много писали изслѣдователи нашего вопроса, то о ней проф. Хиртъ сообщилъ тотъ же текстъ, что и о. Іакинѳъ (III, 163); изъ него же ясно, что значительная часть народа пошла оттуда на западъ. Далѣе авторъ даетъ историческій обзоръ хуннускихъ переселеній, начиная съ откочеванія Чжи-чжи въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х. до извѣстія объ уходѣ части сѣверныхъ Хунъ-ну въ Кангюй въ концѣ I-го вѣка по Р. Х.

Такимъ образомъ эта статья представляетъ полный сводъ извѣстій объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ китайскихъ источниковъ, можетъ быть, откроется еще что-нибудь по исторіи переселеній Хунъ-ну и ихъ отношеній къ Гуннамъ. Пока, по нашему мнѣнію, можно довольствоваться и вышеприведенными фактами—ихъ не мало, и они имѣютъ несомнѣнную достовѣрность.

УКАЗАТЕЛЬ

главнѣйшихъ изслѣдованій по гунскому вопросу.

Аристовъ, Н. В., Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей (Живая Старина, 1896, III—IV).

Бичуринъ, о. Іакинѳъ, Записки о Монголіи (Спб., 1828). Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена (Спб., 1851).

Васильевскій, В. Г., О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, іюль). Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ (тамъ-же, 1883, апрѣль).

Веселовскій, Н. И., Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь).

Венелинъ, Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I (1829).

Гиббонъ, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. III (русс. пер., Москва, 1883—1886).

Забѣлинъ, И. Е., Исторія русской жизни, I (Москва, 1876).

Иловайскій, Д. И., Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1881, май). См. Труды V-го Археологическаго съѣзда. Пересмотръ вопроса о Гуннахъ (Русская Старина, 1882, февраль). Разысканія о началѣ Руси (2-е изд., 1882, Москва). Поборники норманизма и туранизма (Русская Старина, 1882, декабрь).

Каёнъ, Л., XVI-я глава II-го тома во Всеобщей Исторіи Лависса и Рамбо (русс. пер.).

Куникъ, А. А., О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (Зап. Ак. Наукъ, 1885, т. III). Рецензія на соч. Голубовскаго о Печенѣгахъ, Торкахъ и Половцахъ (вмѣстѣ съ В. В. Радловымъ).

Радловъ, В. В., Рецензія на соч. Голубовскаго (вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ). Къ вопросу объ Уйгурахъ (2-е приложеніе къ LXXII тому Зап. Акад. Наукъ, 1893).

Риттеръ, Карлъ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I (русс. пер. съ дополненіями П. П. Семенова, Спб., 1850).

Риттихъ, А. Ф., Матеріалы для этнографіи Россіи, I (Казань, 1870).

Семеновъ, П. П., см. Риттеръ.
Соколовъ, М., Изъ древней исторіи Болгаръ (Спб. 1879).
Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, изд. подъ редакціей гр. Уваровой, (Москва, 1887).
Труды этнографическаго отдѣла Московскаго Общества Любителей естествознанія за 1886 г., VII (Поповъ, Миллеръ, Коршъ, Анучинъ).
Усларъ, П. К., бар., Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ (Записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, 1881 и Собраніе свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, X).
Флоринскій, В. М., Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни (въ Изв. Томскаго Унив., VII, 1895).
Шафарикъ, Славянскія древности, I (пер. Бодянскаго, 1847).

Ber, Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs (Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pét., VII serie, II tome, № 6).
Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803 (Riga, 1804).
Bowra, The Χοῦνοι and the Hsiung-nu (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennys, vol. I, January-December, 1867, Hongkong).
Cahun, L., Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405 (Paris, 1895).
Castren, Reiseberichte und Briefe (herausgeg. von A. Shiefner, 1856).
Deguignes, Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs, (Paris, 1748 *). Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux (Paris, 1756—8).
Fejer, Aborigenes et incunabula Magyarorum, (Budae, 1840).
Hirth, F., Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu, (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und der histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1899. Bd. II, Heft II, München, 1900).
Howorth. H., Some notes on the Huns (Actes du VI congrès intern. des orientalistes en 1883 à Leide, IV partie, Leide, 1885).
Hunfalvy, P., Ethnographie von Ungarn (Budapest, 1877).
Jardot, Révolutions des peuples de l'Asie moyenne (Paris, 1839).
Klaproth, J., Asia polyglotta, (Paris, 1823). Sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-nou avec les Turcs (Journal Asiatique, 1825, Novembre). Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826).
Koskinen, Finnische Geschichte, (Leipzig, 1874).
Müller, F., Allgemeine Ethnogaphie, (Wien, 1873).
Müller F. H., Der Ugrische Volksstamm, (Berlin, 1837).

*) Монографія эта оказалась для насъ недоступной.

Neumann, Asiatische Studien, (Leipzig, 1837). Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung, (Leipzig, 1847).

Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I (1776).

Pallmann, Geschichte der Völkerwanderung, (1863).

Pray, Annales veteres Hunnorum (Vindobonae, 1761).

Richthofen, China, I (Berlin, 1877).

Saint-Martin, Примѣчанія у Lebeau, Histoire du Bas-Empire, томы II, III, IV.

Schmidt, Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens (St. Pet., 1824).

Schott, Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandlungen Berliner Academie, 1847.

Thierry, A., Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris, 1856).

Tomaschek, Рецензія на соч. Иречека, Исторія Болгаръ (Zeitschrift für österreich. Gymnasium, 1877).

Ujfalvy, Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens (Paris, 1873).

Vambery, A., Ursprung der Magyaren, (Leipzig, 1882).

Vivien-de-Saint-Martin, Sur les Huns ouraliens (Nouvelles annales des voyages, t. III, 1848, Decembre).

Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, Zweiter Band (Leipzig, 1881).

Wylie, History of the Heung-nu in their relations with China (Shan. Budget, 1873 *).

---

*) Эта статья г. Уайлея, которая, насколько я могъ заключить по упоминаніямъ ней въ другихъ изслѣдованіяхъ, представляетъ собою переводъ китайскихъ извѣстоій. Хунъ-ну, оказалась для меня недоступной за неимѣніемъ въ Петербургскихъ библіотекахъ

ОТДѢЛЪ II.

аспредѣленіе жителей Солунскаго Виляета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году.

(Окончаніе).

Мутесарифликъ Сересъ.

аза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
. . . .	6544	12500	—	2000	—	—	13500	—	—	—	—	28000
ахале	12	—	—	69	—	—	—	—	—	—	—	89
тъ	124	120	—	—	—	—	459	—	—	—	—	579
. . . .	59	336	—	—	—	—	—	—	—	—	—	336
але	39	—	—	215	—	—	—	—	—	—	—	215
фликъ.	30	—	—	165	—	—	—	—	—	—	—	165
. . . .	50	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
ъ Махале . . .	57	231	—	—	—	—	—	—	—	—	—	231
і	117	563	—	—	—	—	—	—	—	—	—	563
ша.	60	—	—	320	—	—	—	—	—	—	—	320
ь Махале . . .	10	—	—	56	—	—	—	—	—	—	—	56
іой.	284	400	—	1190	—	—	—	—	—	—	—	1590
тарь махале . .	9	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
. . . .	6	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31
Джумая	873	1100	1200	1700	—	—	—	—	477	—	—	4477
ъ махале . . .	46	—	—	279	—	—	—	—	—	—	—	279
махале. . . .	76	—	—	397	—	—	—	—	—	—	—	397
араджа Кіой . .	73	—	365	—	—	—	—	—	—	—	—	365
. . . .	52	255	—	—	—	—	—	—	—	—	—	255
. . . .	137	—	682	—	—	—	—	—	—	—	—	682
. . . .	51	—	—	256	—	—	—	—	—	—	—	256
. . . .	268	600	—	707	—	—	—	—	—	—	—	1307
махале	86	—	—	448	—	—	—	—	—	—	—	448
. . . .	251	—	—	—	—	—	1374	—	—	—	—	1374
ни	73	—	—	365	—	—	—	—	—	—	—	365
ь	25	—	—	—	—	—	124	—	—	—	—	124
. . . .	34	—	—	141	—	—	1597	—	—	—	—	141
ахаръ	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1597
а	36	70	—	97	—	—	375	—	—	—	—	167
. . . .	75	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—	375
Крушево	60	—	—	—	—	—	362	—	—	—	—	260
Крушево	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	362
Фращанъ . . .	91	—	589	—	—	—	—	—	—	—	—	589
Фращанъ . . .	30	—	150	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Христіанъ Камила.	35	—	—	293	—	—	—	—	—	—	—	293
Христіанъ Камила.	30	—	—	150	—	—	—	—	—	—	—	150
ли	27	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
а	23	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112
. . . .	18	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
асанъ.	78	70	—	269	—	—	—	—	—	—	—	339
Ханларъ . . .	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
ланъ	8	—	—	—	—	—	44	—	—	—	—	44
ахале	54	253	—	—	—	—	—	—	—	—	—	253
. . . .	67	200	—	152	—	—	—	—	—	—	—	352
ть	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Джинджосъ	149	—	—	—	—	—	752	—	—	—	—
Джума махале	115	250	—	300	—	—	—	—	—	—	—
Димитричъ	179	480	—	—	—	—	338	—	—	—	—
Динкечли	11	64	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Довиста	330	—	—	—	—	—	1691	—	—	—	—
Догларъ	20	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Долапъ чифликъ	9	—	—	35	—	—	—	—	—	—	—
Драгошъ	78	300	—	120	—	—	—	—	—	—	—
Джема махале	59	130	—	170	—	—	—	—	—	—	—
Дряново	67	—	—	317	—	—	—	—	—	—	—
Дутли	71	—	350	—	—	—	—	—	—	—	—
Егнели	75	345	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Еди-Дериенъ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ежова	170	310	—	—	—	—	470	—	—	—	—
Елшанъ	234	—	—	1224	—	—	—	—	—	—	—
Емирде-Делеръ	10	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ени Кіой	124	160	—	486	—	—	—	—	—	—	—
Ени Махале	33	—	—	254	—	—	—	—	—	—	—
Ени Махале Томатико	41	—	—	169	—	—	—	—	—	—	—
Ени Чифликъ	36	—	—	—	—	—	158	—	—	—	—
Ески Али бей	23	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Зели	25	—	—	—	—	—	110	—	—	—	—
Зарвохаръ	32	—	—	—	—	—	149	—	—	—	—
Изва	216	—	—	—	—	—	1045	—	—	—	—
Исманли	19	131	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кавакли	41	—	—	216	—	—	—	—	—	—	—
Кадріе	46	306	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Какараска	57	—	—	280	—	—	—	—	—	—	—
Какара	12	—	—	—	—	—	62	—	—	—	—
Календра	109	—	—	544	—	—	—	—	—	—	—
Камила Мислимъ	130	—	—	609	—	—	—	—	—	—	—
Кара Сули	16	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—
Карли Кіой	96	—	—	563	—	—	—	—	—	—	—
Карли	50	274	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карши-Яка	34	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—
Касри	35	—	—	—	—	—	136	—	—	—	—
Камарянъ	132	528	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Копачъ	103	80	—	—	—	—	400	—	—	—	—
Копачъ Дере	26	127	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коприва	110	310	—	253	—	—	—	—	—	—	—
Кочанъ	122	665	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кранъ махале	38	176	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кула Топольница	82	—	—	421	—	—	—	—	—	—	—
Кулакъ махале	11	—	—	53	—	—	—	—	—	—	—
Кула	30	—	—	—	—	—	158	—	—	—	—
Курфали	15	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кучусъ	117	—	—	—	—	—	552	—	—	—	—
Кіорлемели	42	186	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кіосели	34	156	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кузъ-бей	73	—	—	368	—	—	—	—	—	—	—
Куршейтанъ	135	682	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Куяли	66	384	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лакосъ	76	—	—	410	—	—	—	—	—	—	—
Левшина	66	337	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османлiевъ.	Славянъ акзархистовъ.	Славянъ патрiархистовъ.	Славянъ унiатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христiанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христiанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
-дере.	61	310	—	—	—	—	—	—	—	—	—	310
ръ-махале.	51	—	—	327	—	—	—	—	—	—	—	327
удли	66	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	316
пъ	68	—	—	328	—	—	—	—	—	—	—	328
икичъ	99	—	—	494	—	—	—	—	—	—	—	494
тъ	84	—	—	462	—	—	—	—	—	—	—	462
ъ	61	—	—	364	—	—	—	—	—	—	—	364
ъ	32	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—	161
ъ	85	—	—	—	—	—	471	—	—	—	—	471
оръ	73	352	—	—	—	—	—	—	—	—	—	352
въ	60	—	—	318	—	—	—	—	—	—	—	318
а	110	—	—	548	—	—	—	—	—	—	—	548
осъ	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	61
янъ	109	210	—	315	—	—	61	—	—	—	—	525
лавъ	119	—	—	250	—	—	—	—	—	—	—	541
та	393	—	—	—	—	—	291	—	—	—	—	1978
ъ-чифликъ	46	—	—	249	—	—	1978	—	—	—	—	249
	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
	47	209	—	—	—	—	124	—	—	—	—	209
ъ	181	210	—	724	—	—	—	—	—	—	—	934
ли	190	400	—	568	—	—	—	—	—	—	—	968
Махале	40	199	—	—	—	—	—	—	—	—	—	199
тросъ	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	283
къ	6	—	—	—	—	—	283	—	—	—	—	29
кли	46	230	—	—	—	—	29	—	—	—	—	230
да	13	—	—	73	—	—	—	—	—	—	—	73
некъ	160	—	—	853	—	—	—	—	—	—	—	853
	244	500	—	630	—	—	—	—	—	—	—	1130
нли	49	245	—	—	—	—	—	—	—	—	—	245
	763	—	3613	—	—	—	—	—	—	—	—	3613
ица Тахтали кiой	72	—	338	—	—	—	—	—	—	—	—	338
че	85	149	—	300	—	—	—	—	—	—	—	449
махале	34	—	—	177	—	—	—	—	—	—	—	177
	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	220
сакли	236	—	—	—	—	—	220	—	—	—	—	1356
ни	12	66	—	—	—	—	1356	—	—	—	—	66
ь	51	252	—	—	—	—	—	—	—	—	—	252
шъ	69	86	—	290	—	—	—	—	—	—	—	376
ни	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1082
Баня	111	200	—	318	—	—	1082	—	—	—	—	518
осъ	183	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	997
ь-ова	41	81	—	132	—	—	997	—	—	—	—	213
енъ	208	—	—	—	—	—	1060	—	—	—	—	1060
а	68	100	—	218	—	—	—	—	—	—	—	318
и	119	612	—	—	—	—	—	—	—	—	—	612
ца	39	—	—	216	—	—	—	—	—	—	—	216
шъ	12	—	—	63	—	—	—	—	—	—	—	63
бегъ	124	300	—	—	—	—	362	—	—	—	—	662
и	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
ни	11	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54
царъ махале	64	—	—	355	—	—	—	—	—	—	—	355
досъ	150	180	—	—	—	—	590	—	—	—	—	770
осъ	41	—	108	100	—	—	—	—	—	—	—	208
съ	152	—	—	—	—	—	790	—	—	—	—	790

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей									
		Турокъ османлiевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патрiархистовъ.	Славянъ унiатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христiанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христiанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Чавдарларъ	41	72	—	127	—	—	—	—	—	—	—
Чаиръ махале	48	—	—	297	—	—	—	—	—	—	—
Чакаларъ	32	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чакырли	23	121	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чали Махале	18	40	—	50	—	—	—	—	—	—	—
Чалякъ Махале	78	363	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черкесъ Махулеси	4	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черписта	202	300	—	—	—	—	783	—	—	—	—
Чешмели	37	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чугулигово	74	—	214	210	—	—	—	—	—	—	—
Шабанларъ	32	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ Казѣ Сересъ	20566	31033	7609	25819	—	—	34593	—	447	—	—
Каза Горная Джума.											
Горная Джума	1500	3000	4292	—	—	—	—	—	300	—	—
Аргачъ	70	—	200	—	—	—	—	—	150	—	—
Баирлеръ	60	—	366	—	—	—	—	—	—	—	—
Бариково	61	150	217	—	—	—	—	—	—	—	—
Бистрица	188	—	1211	—	—	—	—	—	—	—	—
Вилямзино	34	—	201	—	—	—	—	—	—	—	—
Габрово	95	—	479	—	—	—	—	—	—	—	—
Градово	236	—	1415	—	—	—	—	—	—	—	—
Дибучица	66	—	371	—	—	—	—	—	—	—	—
Дреново	104	—	616	—	—	—	—	—	—	—	—
Дукатичъ	13	—	67	—	—	—	—	—	—	—	—
Желѣзница	171	—	880	—	—	—	—	—	—	—	—
Клисура	51	—	277	—	—	—	—	—	—	—	—
Крупникъ	166	400	425	—	—	—	—	—	—	—	—
Курджево	53	—	240	—	—	—	—	—	—	—	—
Лешко	215	—	1165	—	—	—	—	—	—	—	—
Лисiя	100	—	559	—	—	—	—	—	—	—	—
Логодимъ	121	—	584	—	—	—	—	—	—	—	—
Марулево	67	—	397	—	—	—	—	—	—	—	—
Мущанца	36	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—
Ораново	101	—	645	—	—	—	—	—	—	—	—
Осеново	304	800	1041	—	—	—	—	—	—	—	—
Падешъ	222	—	1274	—	—	—	—	—	—	—	—
Покровникъ	100	—	561	—	—	—	—	—	—	—	—
Русово	51	—	124	—	—	—	—	—	100	—	—
Сепеще	107	—	591	—	—	—	—	—	—	—	—
Силистли	174	886	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Смитли	43	206	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сербиново	321	—	1556	—	—	—	—	—	—	—	—
Троско́во	99	—	677	—	—	—	—	—	—	—	—
Черчево	135	—	831	—	—	—	—	—	—	—	—
Шущица	95	—	486	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ Казѣ Горная-Джума	5159	5442	17646	—	—	—	—	—	550	—	—

Мутесарифликъ Середъ.

за Разлогъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлiевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патрiархистовъ	Славянъ унiатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христiанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христiанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
	943	—	2428	—	—	2150	—	—	150	—	—	4728
	747	—	—	—	—	5124	—	—	—	—	—	5124
	996	—	4942	—	—	—	—	—	—	—	—	4942
	300	—	750	—	—	750	—	—	—	—	—	1500
	250	—	812	—	—	400	—	—	200	—	—	1412
	467	—	2026	—	—	900	—	—	—	—	—	2926
	237	—	1180	—	—	—	—	—	—	—	—	1180
...рагмица.	250	—	1247	—	—	—	—	—	—	—	—	1247
...ца	304	—	1589	—	—	—	—	—	—	—	—	1589
...ско	142	—	659	—	—	—	—	—	—	—	—	659
	609	—	2087	—	—	1900	—	—	—	—	—	3987
...шта	342	—	1000	—	—	683	—	—	—	—	—	1683
...рагмица.	146	—	669	—	—	—	—	—	—	—	—	669
...го въ Казѣ Разлогъ.	5733	—	19389	—	—	11907	—	—	350	—	—	31646
...за Мелникъ.												
...ъ	900	1500	500	—	—	—	2000	—	50	—	—	4550
	11	—	58	—	—	—	—	—	—	—	—	58
...).	128	—	210	—	—	—	—	—	400	—	—	400
...ево	70	—	318	—	—	—	—	—	—	—	—	318
	248	1200	366	—	—	—	—	—	—	—	—	1566
	35	—	198	—	—	—	—	—	—	—	—	198
...-Чалемъ	33	—	194	—	—	—	—	—	—	—	—	194
	229	—	1549	—	—	—	—	—	—	—	—	1549
	75	—	373	—	—	—	—	—	—	—	—	373
...Сушница	60	—	359	—	—	—	—	—	—	—	—	359
...неца	217	—	—	—	1322	—	—	—	—	—	—	1322
...ъ	50	270	—	—	—	—	—	—	—	—	—	270
...анчо	52	—	269	—	—	—	—	—	—	—	—	269
...ислимъ	32	—	148	—	—	—	—	—	—	—	—	148
...н.	106	—	509	—	—	—	—	—	—	—	—	509
...сушица	75	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—	375
	17	—	117	—	—	—	—	—	—	—	—	117
...ово.	30	—	158	—	—	—	—	—	—	—	—	158
...ифликъ.	14	—	64	—	—	—	—	—	—	—	—	64
...ево	144	500	227	—	—	—	—	—	—	—	—	727
	24	77	70	—	—	—	—	—	—	—	—	147
...нци.	110	—	593	—	—	—	—	—	—	—	—	593
...во	31	—	174	—	—	—	—	—	—	—	—	174
	110	—	526	—	—	—	—	—	—	—	—	526
	115	—	616	—	—	—	—	—	—	—	—	616
...ово	10	—	91	—	—	—	—	—	—	—	—	91
...во	47	—	341	—	—	—	—	—	—	—	—	341
...ево	27	—	127	—	—	—	—	—	—	—	—	127
...ца.	30	—	143	—	—	—	—	—	—	—	—	143
...во	120	458	220	—	—	—	—	—	—	—	—	678
	10	—	63	—	—	—	—	—	—	—	—	63

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Мелникъ	Число домовъ.	Число жителей.									
		Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Лешница	11	25	40	—	—	—	—	—	—	—	—
Либовка.	87	—	486	—	—	—	—	—	—	—	—
Ливадица	34	150	30	—	—	—	—	—	—	—	—
Лиляново	47	—	203	—	—	—	—	—	—	—	—
Мечкулъ	110	—	588	—	—	—	—	—	—	—	—
Ново Село.	34	—	—	—	191	—	—	—	—	—	—
Орманъ.	18	—	133	—	—	—	—	—	—	—	—
Плоски.	230	878	450	—	—	—	—	—	—	—	—
Поляница.	100	451	130	—	—	—	—	—	—	—	—
Припеченъ.	54	100	150	—	—	—	—	—	—	—	—
Св. Врачъ.	170	348	700	—	—	—	—	—	—	—	—
Склави	135	442	200	—	—	—	—	—	—	—	—
Смилево.	10	20	40	—	—	—	—	—	—	—	—
Спатево..	29	—	158	—	—	—	—	—	—	—	—
Сугарево	30	—	194	—	—	—	—	—	—	—	—
Тимаръ-Чалемъ	34	—	164	—	—	—	—	—	—	—	—
Хотово	48	—	255	—	—	—	—	—	—	—	—
Хощава.	185	—	1193	—	—	—	—	—	—	—	—
Херсово.	99	—	534	—	—	—	—	—	—	—	—
Шатрово	45	—	—	—	—	—	—	—	275	—	—
Стозелеръ	19	—	109	—	—	—	—	—	—	—	—
Бербина.	18	—	84	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ Казѣ Мелникъ.	4507	6419	14797	500	1513	—	2000	—	725	—	—
Каза Петричъ.											
Петричъ	1400	5000	2351	—	—	—	100	—	200	—	—
Бадиленъ	98	—	644	—	—	—	—	—	—	—	—
Байково.	28	—	143	—	—	—	—	—	—	—	—
Богородица.	92	—	560	—	—	—	—	—	—	—	—
Боровичъ	14	—	98	—	—	—	—	—	—	—	—
Брезница.	175	—	175	—	—	700	—	—	—	—	—
Будинца.	48	—	—	—	—	250	—	—	—	—	—
Велюшецъ	61	—	387	—	—	—	—	—	—	—	—
Вишне	65	302	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вракуповци	25	—	161	—	—	—	—	—	—	—	—
Вексонъ.	48	—	245	—	—	—	—	—	—	—	—
Габрене.	55	—	286	—	—	—	—	—	—	—	—
Гореме	104	—	551	—	—	—	—	—	—	—	—
Ріоргіево	100	552	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тополникъ	308	1495	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Димидово	110	537	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Добри-Лаки	69	—	491	—	—	—	—	—	—	—	—
Долене	84	—	436	—	—	—	—	—	—	—	—
Драгушъ	12	—	96	—	—	—	—	—	—	—	—
Дрожово	148	727	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дреновци	28	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дреново.	21	—	160	—	—	—	—	—	—	—	—

Муте

Каза Зихна.	Число домовъ.
Горенци	75
Граменце	68
Грачанъ	65
Джаносъ	42
Доксатъ	35
Драчево	55
Здравикъ	50
Зихна	43
Игри Дере	180
Калапотъ	350
Карлуково	380
Клепутна	150
Кормица	198
Кбочекъ	62
Кюпъ-Кіой	390
Леквица	303
Мандилово	62
Нуска	75
Еровище	50
Петелиносъ	32
Порна	90
Правища	200
Першево	18
Радоліево	650
Ряхово	120
Скрижево	260
Толонъ	32
Трестеница	50
Тумба	23
Ханджиста	95
Чеково Зихненское . . .	62
Чеково Среднее	23
Чеково Серское . . .	27
Чепелдже	25
Череплеңъ	80
Шелиносъ	120
Шемалтосъ	250
Всего въ казѣ Зихна.	6427
Во всемъ мутесарифликѣ Сересъ .	72761

Каза
Драма . . . .
Чаталджа. . . . . . .
Доксадо . . . . . .
Махлятъ Курларъ. .
Бучакъ. . . . .
Дебезмекли. . . . . .
Арапли . . . . . .
Касапли . . . .
Чалъ. . . . .
Пазарларъ . . . . . .
Яси-Авренъ . . . . .
Бунуаръ-баши
Демрджи-Авренъ. .
Кавакли . . . .
Поргеджилеръ. . . .
Боргенъ . . . . . .
Каланбакъ . . . . .
Ода чешме . . . . .
Меджелеръ . . . .
Еди-Пере . . . . . .
Кара Кавакъ . . . .
Султаніе . . . .
Ески-Кіой . . . . . .
Кюркъ-гелеръ. . . .
Телерохоръ. . . . .
Итого въ Нахіи Дра
Нахія Пресечене,
Пресечене. . . . .
Азисъ-Беглинъ . . .
Али . . . .
Бахова . . . .
Балабанъ . . . . . .
Бастрево . . . . . .
Бабичево . . . . . .
Башиносъ . . . . . .
Бубличъ. . . . . . .
Букъ. . . . .
Бюреклеръ. . . . . .
Височанъ. . . . . . .
Волакъ . . . .
Горнево. . . . . . .
Османджи . . . . . .
Лачица . . . .
Гіореджикъ . . . . .
Доброчица . . . . .
Джирновица . . . .
Допресима. . . . .

Каз
Нах
Петрак
Самоко
Беве-К
Толенъ.
Чіота.
Мурсал
Фтеръ.
Мешел
Палеох
Гойрант
Никкша
Османл
Еледжи
Иремли
Авли.
Цитакл
Кулали
Исирли
Ахатла
Чифлик
Сарли
Мусици
Бедебал
Бранли
Орфанъ
Веледж
Бибекл
Все в
Ка
Кавала
Ески-К
Кіосе
Оренъ
Хореш
Корита
Кизили
Найпли
Куртлу
Сукюди
Мохалъ
Кокала
Курудж
Цигоше
Селіант
Рахга
Береке
Кинали

Мутесарифликъ Вересъ.

Каза Неврокопъ. Нахія Неврокопъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Неврокопъ	1613	7440	815	125	—	—	75	—	200	—	200
Орманъ.	18	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—
Чаркіевъ.	12	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—
Дагъ-Чифликъ	115	—	535	—	—	—	—	—	—	—	—
Средна.	26	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—
Халимъ-Ата.	11	—	69	—	—	—	—	—	—	—	—
Учъ-Дурукъ.	86	—	555	—	—	—	—	—	—	—	—
Папасъ-Чаиръ	59	—	—	—	—	—	—	—	455	—	—
Копривленъ	65	340	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Либяхово.	265	—	1140	—	—	—	—	—	—	—	—
Лаки.	62	—	456	—	—	—	—	—	—	—	—
Лѣски	83	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—
Гайтаниново	180	—	849	—	—	—	—	—	—	—	—
Ловча	183	—	895	—	—	—	—	—	—	—	—
Зернево	362	170	1252	—	—	—	400	—	—	—	—
Волково.	101	589	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Веземъ.	208	500	525	—	—	—	—	—	10	—	—
Кара-Кіой	245	—	1240	—	—	—	—	—	—	—	—
Лялъово	119	—	—	—	—	—	—	590	—	—	—
Тешове.	224	220	900	—	—	—	—	—	—	—	—
Месомица.	137	260	475	—	—	—	75	—	—	—	—
Броди	278	350	610	—	—	—	450	—	—	—	—
Липе.	197	800	210	—	—	—	—	—	—	—	—
Куманичъ	128	400	244	—	—	—	—	—	—	—	—
Новый Чифликъ.	30	—	140	—	—	—	—	—	—	—	—
Парилъ	52	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого въ Нахіи Неврокопъ	5859	11069	11750	125	—	—	1000	590	665	—	200
Нахія Старица.											
Старица	407	580	1300	—	—	—	—	—	100	—	—
Тепленъ	66	—	—	—	—	370	—	—	—	—	—
Петралитъ	58	—	—	—	—	370	—	—	—	—	—
Бесленъ	57	—	—	—	—	307	—	—	—	—	—
Ракищенъ	177	—	—	—	—	1121	—	—	—	—	—
Дебренджикъ	33	—	—	—	—	200	—	—	—	—	—
Лозна	50	—	—	—	—	219	—	—	—	—	—
Горно-Луковица.	88	—	—	—	—	599	—	—	—	—	—
Страня.	55	—	—	—	—	284	—	—	—	—	—
Перухъ.	58	—	—	—	—	350	—	—	—	—	—
Виршанъ	31	—	—	—	—	184	—	—	—	—	—
Садово	65	—	—	—	—	371	—	—	—	—	—
Блатенъ	56	—	—	—	—	324	—	—	—	—	—
Горно-Сангартія.	37	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—
Долно-Сангартія	160	465	400	—	—	—	—	—	—	—	—
Бѣлотинци	322	—	1653	—	—	—	—	—	20	—	—
Махаледжикъ.	36	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бутимъ.	62	200	166	—	—	—	—	—	—	—	—

Мутесарифликъ Сересъ.

...а Неврокопъ. / ...ахія Старища.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
...ица.	66	—	407	—	—	—	—	—	—	—	—	407
...екъ.	66	—	—	—	—	365	—	—	—	—	—	365
...а.	69	—	—	—	—	340	—	—	—	—	—	340
...ово.	185	—	800	—	—	170	—	—	—	—	—	970
...а.	66	—	—	—	—	429	—	—	—	—	—	429
...ца.	111	—	—	—	—	757	—	—	—	—	—	757
...ица.	109	—	—	—	—	821	—	—	—	—	—	821
...гъ	177	—	1097	—	—	—	—	—	—	—	—	1097
...ъ	220	—	1235	—	—	—	—	—	—	—	—	1235
...ъ	100	—	560	—	—	—	—	—	—	—	—	560
...ово.	81	—	60	—	—	357	—	—	—	—	—	417
...	25	—	—	—	—	144	—	—	—	—	—	144
...	105	—	—	—	—	625	—	—	—	—	—	625
...ю	110	—	480	—	—	200	—	—	—	—	—	680
...тно	176	—	700	—	—	287	—	—	—	—	—	987
...о (горно).	75	—	—	—	—	311	—	—	—	—	—	311
...ица.	135	—	417	—	—	220	—	—	—	—	—	637
...о	55	—	257	—	—	—	—	—	—	—	—	257
...оль.	49	—	—	—	—	285	—	—	—	—	—	285
...анъ.	69	—	340	—	—	—	—	—	—	—	—	340
...ого въ Нахіи Старища.	3857	1408	10175	—	—	10010	—	—	120	—	—	21713
...ахія Терлисъ.												
...ъ	263	800	911	—	—	—	—	—	—	—	—	1711
...о	92	—	520	—	—	—	—	—	—	—	—	520
...ъ	75	—	425	—	—	—	—	—	—	—	—	425
...вица.	235	—	1135	—	—	—	—	—	—	—	—	1135
...ица	280	—	1281	—	—	—	—	—	—	—	—	1281
...а	77	355	—	—	—	—	—	—	—	—	—	355
...е	39	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
...а	33	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	215
...ица.	185	—	—	—	—	1030	—	—	—	—	—	1030
...ъ	27	—	—	—	—	158	—	—	—	—	—	158
...елъ	167	—	—	—	—	940	—	—	—	—	—	940
...ъ	143	—	—	—	—	794	—	—	—	—	—	794
...во.	84	—	—	—	—	590	—	—	—	—	—	590
...о (долно).	64	—	—	—	—	287	—	—	—	—	—	287
...ица.	122	—	—	—	—	569	—	—	—	—	—	569
...	93	—	—	—	—	526	—	—	—	—	—	526
...	96	—	—	—	—	544	—	—	—	—	—	544
...а	148	—	—	—	—	757	—	—	—	—	—	757
...ца.	262	—	—	—	—	1247	—	—	—	—	—	1247
...	258	—	750	—	—	334	—	—	—	—	—	1084
...	66	—	—	—	—	351	—	—	—	—	—	351
...	43	—	—	—	—	282	—	—	—	—	—	282
...ъ	55	—	—	—	—	350	—	—	—	—	—	350
...во.	57	—	—	—	—	395	—	—	—	—	—	395

Мутесарификъ Драма.

Каза Демиръ-

Нахія Демиръ-

Спатово . . .
Тартата . . .
Тодорикъ . .
Хаджи-Бейликъ
Харкъ . . .
Ходжа . . . .
Храсна . . .
Чавдарли . .
Червица . .
Черешница .
Чешке . . .
Чефирли . .
Чифитчикъ . .
Чифликъ . .
Янова . . .

Итого въ Н
мирь Хис

Нахія Горно

Горно Порой .
Глабочица . .
Дере Тополникъ
Долно Порой .
Долно Тополник
Кеседжи чифлик
Матница . . .
Палмешъ . . .
Св. Петка . .
Срѣдне Тополни
Шуково . . . .

Итого въ На
но-Порої

Всего въ І
миръ-Хі

Каза Зих

Зиляхово . .
Алистратикъ .
Амфирополи .
Анастасія . .
Витачище . .
Волчища . . .
Василово . . .

	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
. .	317	1162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
. .	8	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	13	86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	94	—	—	—	—	546	—	—	—	—	—	
. .	72	390	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	57	243	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Пре- . .	6 203	23350	3198	2613	—	2528	880	—	—	—	—	325
рама.	10153	39686	3198	2782	—	2528	4611	—	—	—	—	52
нъ.												
. .	50	200	—	—	—	—	50	—	—	—	—	
. .	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	43	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	45	225	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	46	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	200	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
. .	26	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	32	160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	43	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	56	280	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	16	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	20	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
. .	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Мутесарификъ Сересъ.

емиръ Хисаръ. емиръ Хисаръ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлиевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Хисаръ	800	2500	1750	1000	—	—	—	—	550	—	—	5800
	57	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
махале	20	146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
	14	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
и	113	280	—	400	—	—	—	—	—	—	—	680
Джумая	250	900	250	—	—	—	—	—	—	—	—	1250
	113	—	732	—	—	—	—	—	100	—	—	732
Авренъ	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Махале	32	211	—	—	—	—	—	—	—	—	—	211
	324	1640	—	250	—	—	—	—	—	—	—	1890
ифликъ	81	—	472	—	—	—	—	—	—	—	—	472
	93	—	522	—	—	—	—	—	—	—	—	522
икъ	44	—	—	268	—	—	—	—	—	—	—	268
	195	—	973	—	—	—	—	—	—	—	—	973
панчево	65	—	—	284	—	—	—	—	—	—	—	284
	50	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
	28	—	—	122	—	—	—	—	—	—	—	122
Спанчево.	59	200	—	126	—	—	—	—	—	—	—	326
нъ	23	—	—	146	—	—	—	—	—	—	—	146
	24	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
ликъ	9	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43
е	19	180	—	—	—	—	—	—	—	—	—	180
я	45	235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	235
ъ чифликъ	29	—	—	149	—	—	—	—	—	—	—	149
	30	—	—	164	—	—	—	—	—	—	—	164
пъ	42	240	—	—	—	—	—	—	—	—	—	240
	40	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	253
ю	65	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	303
	190	—	915	—	—	—	—	—	—	—	—	915
ово	53	109	160	—	—	—	—	—	—	—	—	269
о	384	60	2073	—	—	—	—	—	100	—	—	2233
ифликъ	21	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	120
	137	350	—	473	—	—	—	—	—	—	—	823
Авренъ	36	169	—	—	—	—	—	—	—	—	—	169
	222	—	—	1060	—	—	—	—	—	—	—	1060
а	45	—	288	—	—	—	—	—	—	—	—	288
	47	50	—	252	—	—	—	—	—	—	—	302
	14	—	—	101	—	—	—	—	—	—	—	101
джикъ	28	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
стина	66	—	447	—	—	—	—	—	—	—	—	447
-поле	12	—	61	—	—	—	—	—	—	—	—	61
ли	102	432	—	—	—	—	—	—	—	—	—	531
чали	37	202	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202
	83	409	—	—	—	—	—	—	—	—	—	409
и	46	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
	233	200	919	—	—	—	—	—	100	—	—	1219
	134	—	972	—	—	—	—	—	—	—	—	972
	12	—	—	112	—	—	—	—	—	—	—	112
	38	—	—	—	—	156	—	—	—	—	—	156
	53	—	—	360	—	—	—	—	—	—	—	360
ци	72	—	353	—	—	—	—	—	—	—	—	353
	84	—	—	—	—	—	—	—	432	—	—	432
	215	—	—	1256	—	—	—	—	—	—	—	1156
	253	200	1067	—	—	—	—	—	60	—	—	1327

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Демиръ-Хисаръ. / Нахiя Демиръ-Хисаръ.	Число домовъ.	Число жителей.									
		Турокъ османлiевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патрiархистовъ.	Славянъ унiатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христiанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христiанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.
Спатово	201	200	842	—	—	—	—	—	—	—	—
Тартата	22	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тодорикъ	83	300	—	72	—	—	—	—	—	—	—
Хаджи-Бейликъ	97	—	523	—	—	—	—	—	—	—	—
Харкъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ходжа	24	147	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Храсна	76	—	245	—	—	—	—	—	—	—	—
Чавдарли	31	135	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Червица	100	200	263	—	—	—	—	—	60	—	—
Черешница	79	—	307	—	—	—	—	—	—	—	—
Чешке	34	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чефирли	16	—	—	66	—	—	—	—	—	—	—
Чифитчикъ	48	—	—	251	—	—	—	—	—	—	—
Чифликъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Янова	56	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—
Итого въ Нахiи Демиръ Хисаръ	6213	10945	14690	7438	—	156	—	—	1402	—	—
Нахiя Горно Порой.											
Горно Порой	559	300	1969	—	—	—	—	—	—	—	—
Глабочица	41	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—
Дере Тополникъ	103	414	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Долно Порой	320	1000	688	—	—	—	—	—	—	—	—
Долно Тополникъ	91	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—
Кеседжи чифликъ	34	—	—	255	—	—	—	—	—	—	—
Матница	303	1206	400	—	—	—	—	—	—	—	—
Палмешъ	207	—	—	—	—	1031	—	—	—	—	—
Св. Петка	165	350	—	440	—	—	—	—	—	—	—
Срѣдне Тополникъ	122	689	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шуково	255	600	697	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого въ Нахiи Горно-Порой	2000	4559	4129	895	—	1031	—	—	750	—	—
Всего въ Казѣ Демиръ-Хисаръ	8413	15504	18819	8333	—	1187	—	—	2152	—	—
Каза Зихна.											
Зиляхово	640	800	—	—	—	—	1624	—	—	—	—
Алистратикъ	600	500	—	1665	—	—	—	—	400	—	—
Амфирополи	18	—	—	—	—	—	90	—	—	—	—
Анастасiя	25	—	—	142	—	—	—	—	—	—	—
Витачище	181	200	—	—	—	—	773	—	—	—	—
Волчища	48	75	—	—	—	—	175	—	—	—	—
Восилово	135	300	—	—	—	—	381	—	—	—	—

Муте

Каза Зихна.	Число домовъ.
Горенци	75
Граменце	68
Грачанъ	65
Джаносъ	42
Доксатъ	35
Драчево	55
Здравикъ	50
Зихна	43
Игри Дере	180
Калапотъ	350
Карлуково	380
Клепутна	150
Кормица	198
Кбочекъ	62
Кюпъ-Кіой	390
Леквица	303
Мандилово	62
Нуска	75
Еровище	50
Петелиносъ	32
Порна	90
Правища	200
Першево	18
Радоліево	650
Ряхово	120
Скрижево	260
Толонъ	32
Трестеница	50
Тумба	23
Ханджиста	95
Чеково Зихненское	62
Чеково Среднее	23
Чеково Серское	27
Чепелдже	25
Череплепъ	80
Шелиносъ	120
Шемалтосъ	250
Всего въ казѣ Зихна.	6427
Во всемъ мутесарифликѣ Соресъ	72761

Каза
Драма
Чаталджа
Доксадо
Махлятъ Курларъ
Бучакъ
Дебезмекли
Арапли
Касапли
Чалъ
Пазарларъ
Яси-Авренъ
Бунуаръ-баши
Демрджи-Авренъ
Кавакли
Поргеджилеръ
Боргенъ
Каланбакъ
Ода чешме
Меджелеръ
Еди-Пере
Кара Кавакъ
Султаніе
Ески-Кіой
Кюркъ-гелеръ
Телерохоръ
Итого въ Нахіи Др
Нахія Пресечене
Пресечене
Азисъ-Беглинъ
Али
Бахова
Балабанъ
Бастрево
Бабичево
Башиносъ
Бубличъ
Букъ
Бюреклеръ
Височанъ
Волакъ
Горнево
Османджи
Лачица
Гіореджикъ
Доброчица
Джирновица
Допресима

Каз
Нах
Петрак
Самоко
Беве-К
Толенъ
Чіота
Мурсал
Фтеръ
Мешел
Палеох
Гойран
Никкш
Осман
Еледжи
Иремли
Авли
Цитакл
Кулали
Исирли
Ахатла
Чифлик
Сарли
Мусици
Бедебал
Бранли
Орфанъ
Веледж
Бибекл
Все в
Ка
Кавала
Ески-К
Кіосе І
Оренъ
Хореш
Корита
Кизили
Найпли
Куртлу
Сукюдж
Мохалъ
Кокала
Куруд
Цигоше
Селіан
Рахга
Береке
Кинали

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

[…]ествіе антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ […] XVII вѣка. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. […] X + 156 и вып. V. М. 1900 г. V + 245, съ приложеніями.

[…]оящей замѣтки мы нарочно выбрали первый и пятый выпуски интерес[…]анію путешествія патр. Макарія, потому что въ обоихъ этихъ выпускахъ […]твія, архидьяконъ Павелъ описываетъ Молдавію и Валахію, и своимъ […]огорѣчивымъ описаніемъ оказываетъ большую услугу для румынской […]ографіи. Въ остальныхъ выпускахъ архид. говоритъ о Россіи, и, не[…]оказанія будутъ провѣрены другими рецензентами и указанъ ихъ инте[…]и и этнографіи Россіи.

[…]путешествія любознательнаго и наблюдательнаго архид. Павла предста[…]тельное явленіе въ ряду остальныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ […]мли, такъ-какъ авторъ описанія былъ поставленъ въ условія, весьма […]ля наблюденій и изученій: высокаго путешественника, т. е. патр. Ма[…]го свитой всюду принимали, все показывали и, навѣрное, при этомъ […]одробныя объясненія, такъ-что Павлу оставалось только записывать все […]данное, снабжать свои наблюденія остроумными замѣчаніями или-же […]ніе лирическими восклицаніями, такъ характерными для его живой и […]ѣчи. Архид. Павлу не разъ приходилось описывать такія зданія и пред[…]ычаи, которыхъ теперь не существуетъ; одновременно съ этимъ онъ […]ъ и такія явленія въ жизни румынскаго народа, существованіе кото[…]ины XVII вѣка очень важно въ дѣлахъ этнографическихъ изученій. […]что можетъ быть интересно въ описаніи этого путешествія, едва-ли […]этимъ только то, что болѣе бросается въ глаза при чтеніи путешествія: […] и одежды молдованъ (гл. II), пріемовъ при дворѣ Василія воеводы […]овъ (гл. VIII и др.), погребальныхъ обычаевъ (гл. XIII), характеристика […]страны (кн. III, гл. I), описаніе свадьбы (гл. V) и похоронныхъ обря[…]исаніе чина поставленія новаго господаря (гл. IX), рудниковъ и работъ […]), цыганъ золотопромышленниковъ (кн. XIII, гл. VII), другое описаніе […]онъ (гл. XII), о румынскихъ евреяхъ (гл. XIV), описаніе мельницы […]ое другое.

[…] его разсказы о греческой рукописи толкованій на Псалтырь «изъ цар[…]илища св. Софіи» (вып. V, стр. 27), принадлежавшей постельнику […]такузену, получившему между прочимъ образованіе въ Кіевской ака[…]извѣстныхъ виршей въ честь Богоматери. Это извѣстіе архид. Павла […] отвѣтовъ на тотъ вопросъ проф. А. И. Соболевскаго объ исчез-

нувшей или нынѣ разрозненной Константинопольской царской библіотекѣ, который почтенный ученый сдѣлалъ на страницахъ «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ».

Въ IV главѣ XIII книги (стр. 22 и 23-я). Архид. Павелъ разсказываетъ о томъ, что однажды венгры обидѣли на базарѣ въ г. Тырговищѣ одного румелійскаго бѣднаго епископа и отняли у него единственную его лошадь, которую тотъ вывелъ на базаръ для продажи. Семеро венгровъ ложно поклялись, что эта самая лошадь принадлежитъ одному изъ нихъ, несмотря на то, что и у епископа нашлось-бы до сорока свидѣтелей, которые тоже могли бы засвидѣтельствовать, что лошадь принадлежитъ ему, самъ господарь долженъ былъ уступить венгерскому капитану и оставить лошадь за нимъ. Здѣсь Павелъ, очевидно, говоритъ о томъ институтѣ «соклятвенниковъ», который румыны заимствовали съ давнихъ временъ. по мнѣнію проф. И. Богдана, у сосѣдей славянъ (см. его конференцію Cultura veche romîna, pag. 56—57), а по мало-основательнымъ увѣреніямъ проф. А. Ксенопола у нѣмцевъ или даже у римлянъ (Istoria romanilor. etc. ed. populară, vol. VII, pag. 93).

Въ I главѣ XIV книги архид. Павелъ говоритъ о народныхъ метеорологическихъ примѣтахъ (стр. 67), въ главѣ VII о коронованіи новаго валашскаго господаря, и въ послѣдней главѣ той же книги о рыбныхъ ловляхъ на Дунаѣ. Но самыя важныя изъ этнографическихъ его замѣтокъ выпадаютъ на долю румынскихъ словъ и названій, а также ихъ объясненій и отдѣльныхъ наблюденій въ описаніи монастырей съ ихъ сокровищами и монашеской жизнью, торжественныхъ процессій, служеній, господарскихъ пріемовъ и безконечныхъ переѣздовъ по равнинамъ Валахіи въ разное время года и при разныхъ обстоятельствахъ. Насколько все это важно и интересно для исторіи и этнографіи Румыніи, показываетъ списокъ — далеко впрочемъ не полный тѣхъ изслѣдованій на румынскомъ языкѣ, въ которыхъ мы нашли ссылки на Путешествіе Павла. Около этого же времени, нѣсколько раньше, по Румыніи путешествовалъ католическій епископъ Бандиній, который оставилъ описаніе путешествія своего на латинскомъ языкѣ. (Codex Bandinius). Но всѣ его разсказы—въ сравненіи съ занимательными описаніями архид. Павла поражаютъ своею сухостью и краткостью. Это скорѣе журналъ путешествія католическаго ревизора, обозрѣвавшаго церкви католическихъ эпархій въ Румыніи и Бессарабіи, чѣмъ чисто-литературное или научное описаніе малоизвѣстныхъ и оригинальныхъ, по условіямъ жизни, странъ.

Просматривая пятый выпускъ Путешествія, мы были пріятно поражены небольшой замѣткой въ самомъ концѣ книги, гдѣ переводчикъ говоритъ, что «исправленіемъ именъ монастырей и селеній румынскихъ въ этомъ выпускѣ мы обязаны А. И. Яцимирскому, которому приносимъ нашу благодарность». Къ сожалѣнію, почтенный арабистъ забылъ, что намъ принадлежитъ и большая часть примѣчаній къ тексту, касающихся не только исторіи монастырей, но подчасъ и филологическихъ справокъ. Поэтому считаемъ пріятнымъ долгомъ напомнить объ этомъ многоуважаемому Георгію Абрамовичу.

Теперь перейдемъ къ указанію тѣхъ пробѣловъ, которые мы замѣтили въ настоящемъ переводѣ и библіографическихъ справкахъ въ предисловіяхъ переводчика къ обоимъ выпускамъ. Оказывается, переводчику неизвѣстно существованіе румынскаго перевода, какъ съ подлиннаго арабскаго текста, такъ и съ англійскаго, вышедшаго въ Румыніи еще въ шестидесятыхъ годахъ. Пространный переводъ по тексту Бельфура былъ сдѣланъ академикомъ Барбу Петричейку Хыждеу и напечатанъ въ его капитальномъ изданіи Archiva istorică a Romăniei vol. I, 2, p.p. 59—111. Въ предисловіи къ этому переводу г. Hăjdeu (pag. 68), отмѣчая трудность перевода съ искаженнаго уже англійскаго переводчика, не понимавшаго многихъ техническихъ названій въ описаніи церквей и ихъ сокровищъ, обѣщалъ дать «переводъ непосредственно съ арабскаго языка». Но до сихъ поръ подобнаго перевода не вышло, и румынскіе ученые должны были довольствоваться далеко не исправнымъ румынскимъ переводомъ въ названномъ историческомъ сборникѣ.

Гораздо большее значеніе имѣютъ статьи извѣстнаго фольклориста и восточника д-ра М. Гастера, который перевелъ три отрывка изъ Путешествія Павла непосредственно съ арабскаго языка. Первый изъ нихъ представляетъ «Описаніе церкви трехъ святителей въ г. Яссахъ», напечатанное во второмъ томѣ изданія проф. Григорія

Точилеску. Revista pentru istorie, archeologie și filologie, an. I, vol. II, p.p. 415—417, съ приложеніемъ подлиннаго арабскаго текста, воспроизведеннаго на отдѣльномъ листѣ (fig. 11). Этотъ отрывокъ остался непереведеннымъ и у Бельфура. М. Гастеръ указываетъ на трудность перевода этого текста, (въ переводѣ ему помогалъ доцентъ Бреславскаго университета д-ръ Френкель), полнаго греко-арабскихъ техническихъ выраженій; и дѣйствительно, г. Гастеръ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ: пропускаетъ слова «Всякое дыханіе», оставляетъ безъ перевода выраженіе абисишарь т. е. Επὶ σοὶ χαίρει, не понимаетъ слова tarianhas (triannas)?—люстра, kirait—κυριεντής переводитъ словомъ стасидія = strană вм. аналой или книжный шкафъ (?) и т. д. Второй отрывокъ послужилъ ему матерьяломъ для статьи «Grosveniile cosacilor sub Hmelnitzchi in anii 1648—58» т. е. «Звѣрства казаковъ Хмельницкаго въ 1648—58 гг.», помѣщенной въ букарештскомъ изданіи румынскаго сіониста д-ра М. Шварцфельда Anuar pentru israeliti vol. XVI, an. 1895, p.p. 1—15. Въ предисловіи онъ касается вопроса о преслѣдованіяхъ и истязаніяхъ евреевъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, главнымъ образомъ, въ Польшѣ и придунайскихъ княжествахъ въ XVI и XVII вв. Наконецъ, третій отрывокъ подъ заглавіемъ «Евреи въ Крайовѣ и Тырговищѣ въ 1657-мъ году» (изъ сообщеній въ историческомъ Обществѣ Юлія Бараша) касается разсказа архид. Павла о крещенномъ хахамѣ еврейскомъ Аѳанасіи и его дѣятельности на почвѣ крещенія другихъ евреевъ, и напечатанъ почтеннымъ гебраистомъ въ томъ-же «Ежегодникѣ для евреевъ» д-ра M. Schwarzfeld'а на 1887—88 г., an. X-ва, p.p. 199—202 (соотвѣтствующій переводъ Г. Муркоса въ V выпускѣ на стр. 54—56), также съ нѣсколькими неточными выраженіями и даже пропусками.

Кромѣ того, переводомъ г. Хыждеу румынскіе ученые пользовались очень часто такъ-какъ описанія архидіакона Павла-какъ мы сказали выше—имѣютъ большое значеніе для археологіи и этнографіи румынъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій. Федоръ Бурада въ «Описаніи церкви св. Архангеловъ въ с. Скынтеѣ, основанной по преданію Стефаномъ Великимъ, приводитъ слова архид. Павла, относящіяся къ этой церкви, причемъ дѣлаетъ заключеніе, что Павелъ не преминулъ бы замѣтить объ основателѣ ея, воеводѣ Стефанѣ, если-бы послѣдній на самомъ дѣлѣ ее основалъ; поэтому, скорѣе она построена Василіемъ Лупу (Revista p. istorie, archeologie etc., vol. IV, pp. 717—719).

Тотъ же ученый, приводя славянскую надпись на каменномъ мостѣ 1636-го года въ Васлуйскомъ уѣздѣ, говоритъ что въ началѣ своего путешествія архид. Павелъ говоритъ объ этомъ именно мостѣ (см. его замѣтку въ томъ же изданіи Fr. Tocilescu, vol. II, an. I, pp. 428—430). Преосв. Мелхеседекъ еписк. Романскій († 1892 г.) очень часто пользуется свидѣтельствами архид. Павла въ своемъ капитальномъ изданіи «Notițe istorice si archeologice, adunate de pe la multe monastirĭ, ii bisericĭ, antice din Moldova», Bucur. 95 an., pp. 21, 134, 181 и слѣд., 191, 198, 208, 214, 216, 218, 222, 236, 247, 311, 315 и др, напримѣръ, о времени оставленія каѳедры митр. Варлаамомъ, описаніе Васлуйской церкви, объясненіе слова simbolŭ, templŭ, analoiul, объ училищахъ Василія воеводы въ Яссахъ, описаніе монастырей Голіи и св. Саввы, монастыря Пречистой въ Галацахъ и др. У того же автора въ I томѣ его монографіи Chronica Romanului și a episcopieĭ de Romanŭ, pag. 268 приведено описаніе романской митрополичьей церкви и ея святынь; причемъ въ 3 примѣчаніи еписк. Мельхиседекъ исправляетъ ошибку Павла или же переводчика его, Бельфура, о томъ, когда именно начался рождественскій постъ въ 1653-мъ году (соотвѣтствующее мѣсто у Г. Муркоса въ I вып. на стр. 111-й и раньше). Но конечно, больше всего ссылокъ на Путешествія Павла находимъ у проф. Ясскаго университета Александра Ксенопола, Istoria romanilor din Dacia Traĭana ed. populară, vol. III, p. 148, vol. VII, pp. 8, 10, 11. 41, 42, 58, 61, 128—135, 198, 290, vol. VIII, pp. 160, 161, 164—166, vol. IX, p. 93 и др. Показанія архид. Павла не только даютъ историку Ксенополу любопытныя указанія на бытъ и нравы при молдавскомъ и валашскомъ дворахъ въ половинѣ XVII вѣка, но часто исправляютъ хронологическія неточности, свидѣтельствуютъ о древности нѣкоторыхъ учрежденій, памятниковъ, даютъ живыя характеристики историческихъ дѣятелей и т. д. Къ сожалѣнію, впрочемъ, г. Ксенополъ относится къ разсказамъ архид. Павла

не всегда достаточно критически, въ особенности, когда послѣдній приводитъ цифры. Нѣсколько ссылокъ мы нашли также въ недавно вышедшемъ изданіи Букарештскаго Географическаго Общества «Marele Dicționar Geografic al României» vol. I, pp. 117, 723 и др. Особенно драгоцѣнныя свѣдѣнія оставилъ архид. Павелъ для исторіи букарештскихъ церквей и монастырей, собранныя въ капитальномъ трудѣ академика D. Ionescu-Gion, Istoria Bucureștilor, 1899 an., въ особенности главы III, VI, VII, VIII и IX. На русскій переводъ Путешествія архид. Павла ссылается и Алексѣй Панно въ своей Исторіи Бессарабіи, ч. II, въ очеркѣ быта румынской жизни XVII вѣка. M. Schwarzfeld приводитъ слова Павла о положеніи евреевъ во время нашествія казаковъ Хмельницкаго въ 1653-мъ г-ду, въ статьѣ «Ochire asupra istoriei evreilor in România» Anuar. p. israeliți, an. X, pag. 27 и мн. др. Однимъ словомъ, едва-ли можно найти какое нибудь серьезное изслѣдованіе по исторіи Румыніи безъ ссылокъ на путешествіе архид. Павла.

При видимой тщательности перевода и безукоризненномъ и легкомъ для чтенія русскомъ языкѣ, въ переводѣ есть нѣсколько неточностей главнымъ образомъ реальнаго характера, на которыя мы и укажемъ.

Описывая церковь въ г. Васлуѣ, архид. Павелъ подробно останавливается на картинѣ страшнаго суда надъ вратами церкви. Во главѣ турокъ, изображенныхъ—повидимому въ аду или предъ Судьею, «идетъ кашидбари въ шапкѣ, и одинъ изъ злыхъ чертей карабкается къ нему на плечи и срываетъ съ него шапку» (вып. I, стр. 47). Въ другомъ мѣстѣ, передавая слова бывшаго еврейскаго хахама, архидьяконъ говоритъ, что «законъ кашидьяри и его послѣдователей по еврейски именуются «габель». (вып. V, стр. 55). Это слово въ одинаковой, приблизительно, передачѣ понимается съ большимъ трудомъ и переводчиками оставлено безъ всякихъ объясненій. Мы склонны видѣть здѣсь еврейскія названія Дьявола—Hasidim или правильнѣе Schedim. Кромѣ того можно предложить другое объясненіе. Павелъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что «въ монастырѣ Житьянь мы видѣли сатану нарисованнымъ въ образѣ чернаго пляшущаго медвѣдя» (вып. V, стр. 56-я). Поэтому, если слово «кашидьяръ» написанное по румынски т. е. casidiari разложить на три разныхъ слова cas,idiari (или dearea), то можно перевести «какъ будто барабанщикъ при ученомъ медвѣдѣ» (Bärentrommel). Возможно, что любознательный архидьяконъ запомнилъ это румынское, очень меткое въ данномъ случаѣ, выраженіе и употребляетъ его, какъ цѣльное слово. Подобные примѣры мы отмѣтимъ и далѣе въ настоящей замѣткѣ.

Въ примѣчаніи къ румынскому слову heleșteu (у Павла халистау) г. Муркосъ говоритъ, что «авторъ, повидимому, принимаетъ это слово за собственное имя (вып. I, стр. 48). Но это предположеніе не вѣрно, потому-что Павелъ прямо говоритъ: «пруда называемаго на ихъ языкѣ халистау» (стр. 48), на берегу большого пруда, то-есть халестау или садка для рыбъ» (стр. 65), «близь хелештеу монастыря Бырновскаго т. е. великаго пруда близъ Яссъ» (стр. 153), «огромнаго озера, называемаго халистау» (стр. 153), «подойдя къ хелештеу имъ устроенному, онъ сѣлъ обѣдать (вып. V, стр. 76). Отъ этого слова получили названія нѣкоторыя села въ Молдавіи, напримѣръ Helestenii въ округѣ Романа и др. (Melchisedek, Not. istorice etc., pag. 141).

Слово «хоросъ» по недосмотру объяснено одинаково на двухъ почти сосѣднихъ страницахъ (I стр. 48 и 51); излишнимъ является объясненіе слова «Синаксарь» (I, стр. 53), которое лучше-бы передать совершенно понятнымъ и общеупотребительнымъ «Прологъ»; румынское слово curte=дворецъ передано чрезъ корту (I, стр. 54, 59 и 122), причемъ въ V выпускѣ оно нѣсколько разъ передано уже вполнѣ исправно; слово «драбантъ» взято румынами у нѣмцевъ вмѣстѣ съ введеніемъ института наемниковъ, несомнѣнно, съ древнихъ временъ, и «персидское его происхожденіе ни причемъ (вып. I, стр. 54 прим.); названіе господарыни во всемъ первомъ выпускѣ передается чрезъ «домина» (вѣроятно подъ вліяніемъ латинской формы domina вм. домна; арабское слово kirait и вся эта фраза передана неточно у М. Гастера in fie-care chor se află cîte o strană=въ каждомъ хоросѣ находится по стасидіи (Revista p. istorie etc. vol. II, pag. 416) и у Г. Муркоса «на каждой сторонѣ хороса есть книжный шкафъ (вып. I, стр. 64); это мѣсто мы предлагаемъ перевести такъ:

«при каждой стасіи находится аналой» (въ которомъ, конечно хранятся и богослужебныя книги). Архид. Павелъ между прочимъ говоритъ, что подъ управленіемъ молдавскаго митрополита находятся «три епископа, изъ коихъ одинъ—упомянутый епископъ Романа, второй—епископъ округа Хушъ, третій—епископъ Орхани и его округа (I, стр. 111). Переводчикъ видитъ въ послѣднемъ изъ нихъ названіе нынѣшняго г. Оргѣева, Бессарабской губ.; и дѣйствительно архид. Павелъ въ другомъ мѣстѣ, называя его Орхай, указываетъ, что и здѣсь епископская каѳедра, какъ мы о томъ упоминали» (вып. I, стр. 153). Но съ этимъ согласиться трудно, и скорѣе всего у Павла какая нибудь путаница, потому—что этому противорѣчитъ слѣдующая за тѣмъ фраза «подъ вѣдѣніемъ послѣдняго—два другихъ епископа въ странѣ унгровъ т. е. мадьяръ» (вып. I, стр. 111). Это скорѣе всего городъ гдѣ нибудь въ Трансильваніи; быть можетъ ему говорили о городѣ Oraștie, гдѣ въ XVI вѣкѣ печатались славяно-румынскія книги; тѣмъ болѣе что въ Оргѣевѣ никогда не было епископской каѳедры. Монастырь Домны, о которомъ говоритъ Павелъ въ I главѣ, XIII книги, это—Ясскій монастырь Голія, не разъ упоминаемый въ I выпускѣ, напримѣръ въ главѣ VIII и стр. 64 и др., а не тотъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ цитируемой переводчикомъ книгѣ (вып. V стр. 2, прим. 2). Нѣкоторыя названія переданы не вполнѣ точно: вмѣсто Тратушъ должно быть Тотрушъ (вып. V, стр. 3). и др.

Считаемъ также необходимымъ разъяснить недоумѣніе переводчика по поводу значенія должности великаго дворника и логоѳета у Палаузова и Накко (вып. V прим. 1 къ стр. 5-й и слѣд.). По объясненію молдавскаго лѣтописца Урѣке, великій дворникъ былъ «главнымъ судьей въ округѣ—judecător mare în acele părţi». A. D. Xenopol прибавляетъ, что дворникъ вѣдалъ и дѣла чисто административныя (atributţie de ocîrmuire), причемъ судилъ онъ при господарскомъ дворѣ—judecastorul curţei (Istoria romanilor etc. ed. popular, vol. III, pag. 163). Великій же логоѳетъ вѣдалъ и скрѣплялъ исключительно грамоты, выходившія изъ господарской канцеляріи и хранилъ господарскую печать (ibidem). Петръ II Хромой не былъ въ 1567 году изгнанъ въ Малую Азію. Изъ Павла же Алеппскаго узнаемъ теперь, что онъ былъ сосланъ въ Алеппо, въ верхней Сиріи» (вып. V, стр. 5 прим. 3). Во-первыхъ, это не второй по счету Петръ, а пятый, правившій въ 1574—1579 гг. Онъ былъ сосланъ турками въ концѣ 1579 года, какъ пишетъ австрійскій посолъ въ Константинополѣ Zinzendorff 15-го января 1580-го года: «Петръ свергнутъ съ престола турками за его двуличіе, арестованъ и сосланъ въ Алеппо. Но его жена и дѣти надѣются на то, что онъ будетъ снова посаженъ на престолъ (ibidem. vol. V, pag 97). Слѣдовательно, о ссылкѣ Петра въ Алеппо мы знаемъ не изъ Павла Алеппскаго, а изъ современнаго донесенія австрійскому двору.—Слово крендели (вып. V, стр. 7) мы находимъ лучше замѣнить болѣе точнымъ «калачи» рум. colaci. Глосса къ слову «качифалосъ» (куповлаховъ?) ничего не имѣетъ общаго съ объясненіемъ самого автора «т. е. цыганъ, монастырскихъ рабовъ» (V, стр. 9). Это, по всей вѣроятности, тотъ же оборотъ, который мы предложили въ объясненіе слова «кашидіари», т. е. качифалосъ состоитъ изъ cași falos = какъ будто презрѣнный, обычное прозвище цыганъ. На такія объясненія насъ еще наталкиваетъ толкованіе самимъ Павломъ названія одного монастыря въ Валахіи Камшура, т. е. «убогій домъ» (вып. V, стр. 20). Опять, разложивъ на составныя части, получимъ чисто румынское выраженіе cam șura, т. е. какъ будто овинъ, сарай для зерна. Очень возможно, что путники ему сдѣлали подобное замѣчаніе, а Павелъ его записалъ, принявъ за собственное имя. Даты правленія Раду Негру, приводимыя переводчикомъ—«около 1241 г. 1264 г., совершенно не вѣрны (вып V, 44 прим.), а должны быть: 1292-го года (по Ал. Ксенополу). Вмѣсто Белаша (стр. 17) должно быть Балаша, вм. Ольтъ должно быть Олтъ (стр. 24), вм. Поливрасъ (у Павла «Бульфаражъ» V, стр. 35) должно быть Половрачь и др.). Глосса переводчика къ названію рѣки Жіу (Шиль) (стр. 44, прим. 1) основана на произвольномъ толкованіи архид. Павла названія города Тыргушора (у него—Тыргошиль) отъ словъ «тырго означаетъ базаръ, а шиль названіе рѣки» (стр. 35), въ то же время когда суффиксъ șor означаетъ уменьшительное имя, т. е. Tărgu-șor = городокъ, а такой рѣки съ названіемъ Șil совсѣмъ нѣтъ.

Во всемъ первомъ выпускѣ, который мы не имѣли возможности просмотрѣть раньше его напечатанья, собственныя названія и имена передаются очень непослѣдовательно: на ряду съ точной русской транскрипціей арабскихъ начертаній согласно рукописи, иногда мы находимъ современныя нѣмецко-русскія названія, которыхъ не уразумѣлъ-бы ни одинъ румынъ: иногда болѣе правильное названіе выведено въ скобки или наоборотъ, иногда въ примѣчаніи и т. д. Дѣло въ томъ, что у архид. Павла на ряду съ фонетически точными названіями, записанными имъ согласно румынскому произношенію, встрѣчаются названія, по которымъ можно только догадываться: о какомъ именно мѣстѣ онъ говоритъ. Послѣднее, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ того, что автору въ большинствѣ случаевъ передавали эти названія его спутники и переводчики греки, которые всегда искажали твердые румынскіе звуки. Выпишемъ, напримѣръ, такія же греческія по окончаніямъ или формамъ названія: Василури вм. Васлуй (I, стр. 47), баркаламъ вм. пырколабъ (I, стр. 45), бостеникосъ вм. постельникъ (I, стр. 51), менимча или бениса вм. рум. beciu = погребъ (I, стр. 72) или пивница (V, стр. 37, 48 и др.), названіе сорта яблокъ василико вм. рум. domnes,ti = царскіе, господскіе (I, стр. 78), сатража вм. стража (I, стр. 92), сотникосъ вм. сотникъ (I, стр. 93), Нистросъ вм. Nistru или Днѣстръ (I, стр. 104), грамматикосъ вм. грамматикъ т. е. секретарь (I, стр. 140), пастрофосъ вм. пъстръв (V, стр. 26) и мн. др. Въ то же время г. Яссы называются чрезвычайно правильно по-румынски Яшъ (I, стр 49). Иногда переводчикомъ сдѣланы исправленія, напримѣръ, г. Васлуй, а въ подлинникѣ стоитъ Fasiludi (Rezista p. istorie etc., vol. II, pag. 416), Тырговище — Доргашту (I, стр. 97), Сучава — Сатжао (I, стр. 98), Цецора—Татцура (I, 153), Жижіу—Зиза (ibid.), Бузео на стр. 152, а на 113-й—Бутза, Рымникъ на стр. 152, а на 113-й—Римнико и т. д. Трансильванскій банъ Ракоци всюду называется Ракочи (I, 87 и мн. др.).

Такимъ образомъ, остается пожелать, чтобы скорѣе былъ изданъ арабскій текстъ и привлечена къ изученію лондонская рукопись. Тогда многія сомнѣнія разъяснятся. Жаль также, что въ концѣ послѣдняго выпуска не приложена карта съ означеніемъ пути слѣдованія патр. Макарія. Не менѣе интереснымъ былъ бы очеркъ сношеній антіохійской патріархіи съ румынскими монастырями и іерархами, подобно тому, какъ въ приложеніи къ послѣднему выпуску находимъ очеркъ, касающійся такихъ же сношеній съ московскимъ дворомъ. Матерьялы для него нашлись бы въ слѣдующихъ книгахъ: Papadopulo-Calimach, Un episod din istoria tipografiei în Rumânia. (Analele Academiei Române); A. Xenopol, Istoria românilor etc., vol. VII, pag. 264, vol. IX, pag. 196; Melchisedec episc., Notit,ie istorice etc., pag. 286 и мн. др.

А. И. Яцимирскій.

Д-ръ I. Поливка. Магьосникътъ и неговиятъ ученикъ. Сравнителна фолклорна студия. София, 1898. Стр. 56.

Еще очень недавно приходилось слышать со стороны многихъ изслѣдователей народной словесности частыя жалобы на недостаточность и отрывочность сырого матеріала, предлагаемаго имъ для сравнительнаго удостовѣренія и изученія. Нынѣ приходится сѣтовать скорѣе на огромное накопленіе этого сырого матеріала, выпускаемаго собирателями разныхъ странъ и народовъ, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ наобумъ, безъ всякаго критическаго разбора. Тутъ является очень кстати сравнительная библіографія отдѣльныхъ сюжетовъ и мотивовъ народной словесности, вносящая порядокъ и свѣтъ въ черную работу собирателей и составляющая поэтому первое и необходимое условіе цѣлесообразнаго изученія фольклора.

Въ области библіографіи славянскаго фольклора стяжалъ себя въ послѣднее время почетную извѣстность профессоръ чешскаго университета Ю. И. Поливка, снабжающій уже нѣсколько лѣтъ почти каждый новый сборникъ славянскихъ сказокъ многочисленными библіографическими справками и примѣчаніями. Его полезную дѣятельность въ этомъ направленіи можно сравнить съ дѣятельностью покойнаго нѣмецкаго ученаго

Рейнгольда Кёлера, съ той развѣ оговоркой, что послѣдній обладалъ, кажется, болѣе широкимъ и полнымъ сравнительно-литературнымъ апаратомъ.

Кромѣ этихъ библіографическихъ росписей сказочныхъ параллелей, появляющихся постоянно въ разныхъ славянскихъ этнографическихъ изданіяхъ, г. Поливка издалъ также нѣсколько болѣе цѣльныхъ очерковъ по исторіи отдѣльныхъ сказочныхъ сюжетовъ, какъ-то: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, Докторъ Всезнайко, Мидасовы уши, Отчего стариковъ убивать перестали, О двухъ мальчикахъ и чудесной птичкѣ и др. Не желая нисколько умалять значеніе этихъ интересныхъ очерковъ почтеннаго пражскаго профессора, мы должны, однако, замѣтить, что они имѣютъ преимущественно тотъ-же библіографическій характеръ, только въ шире изложенномъ и обставленномъ видѣ. Это тѣ-же библіографическіе своды наличныхъ параллелей сказки, иногда далеко не полные, съ той только разницей, что вмѣсто однихъ заглавій, здѣсь приводятся самые тексты сказокъ, полностью или въ извлеченіи, съ попутными литературными спайками и примѣчаніями автора. Однако, исторіи сказки, ея происхожденія и броженія, ея измѣненій и наслоеній, эти очерки, въ большинствѣ случаевъ, не даютъ и, можетъ быть, даже ни могутъ дать. Есть-же такіе упорные сюжеты, съ которыми иногда ничего подѣлать не можно. «Уловить пути распространенія устной сказки, за многіе вѣка ея блужданія, по словамъ В. Ѳ. Миллера, все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ». Только зачѣмъ-же тогда гоняться напрасно за неуловимымъ призракомъ?

Типичнымъ выразителемъ этого рода разысканій г-на Поливки является новѣйшій его очеркъ, появившійся недавно въ XV томѣ болгарскаго министерскаго «Сборника» и вышедшій затѣмъ отдѣльной брошюрою. Онъ посвященъ разбору широко распространенной сказки о колдунѣ (Охѣ) и его ученикѣ, превзошедшемъ своего учителя въ колдовскомъ искусствѣ, бѣжавшемъ отъ него и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда обоюдныхъ превращеній, убивающемъ его въ ожесточенной борьбѣ. Авторъ сводитъ по очереди цѣлый рядъ славянскихъ и иноплеменныхъ варіантовъ сказки, отъ современныхъ болгарскихъ до древне-индійскихъ записей. Къ сожалѣнію, однако, даже этотъ сводъ варіантовъ не имѣетъ желательной полноты. Въ немъ пропущены такіе важные для исторіи сказки варіанты, какъ напр. малорусскіе Драгоманова (Преданія. с. 326—328), и Яворскаго (Живая Старина, 1897, 443—445), мадьярскій (Штиръ, Ungarische Sagen und Märchen, 102), Кавказскіе (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, VI, отд. 2, 197—200, VII, о. 1, 125—128 и о. 2, 110—117, X, о. 2, 322—324, XVIII, о. 3, 23—26), монгольскіе (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 198—199, 531—533), бурятскій (Этнографическое Обозрѣніе, XXVIII, 131), якутскій (Этногр. Обозр., XXXIV, 167—168), буддійско-китайскій (Orient und Occident, III, 374—375), и др. Въ послѣднее время, уже послѣ выхода въ свѣтъ статьи г-на Поливки, появились еще два интересные варіанта, именно, чешскій Český Lid, IX, 91—94), и качинскій (Живая Старина, 1899, 140—143).

Незнакомство съ вышеуказанными варіантами сказки не могло, конечно, не повліять въ значительной степени какъ на общее изложеніе ея исторіи, такъ и на критическую разработку ея составныхъ частей. Итакъ, хотя авторъ, по слѣдамъ Бенфея, относитъ происхожденіе сказки къ азіатскому Востоку, именно, къ индійскимъ и буддійскимъ источникамъ, однако, съ своей стороны ничѣмъ не обосновываетъ этого положенія и въ результатѣ даже не опредѣляетъ ближе этихъ источниковъ. Мнѣ кажется, что корень зла въ настоящемъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ фальшивомъ предположеніи автора, будто основу сказки составляетъ ея первая часть, т. е. разсказъ о колдовской школѣ и возникшихъ на этой почвѣ враждебныхъ взаимоотношеніяхъ между колдуномъ и его ученикомъ. Поэтому, отвергая, какъ нѣчто неважное и постороннее, вторую часть сказки, т. е. исторію борьбы и превращеній двухъ, обладающихъ сверхъестественной силою, соперниковъ, тамъ, гдѣ она является отдѣльно и самостоятельно, авторъ останавливается только на полныхъ редакціяхъ сказки и только для нихъ ищетъ и, конечно, не находитъ такого-же полнаго первообраза. Между тѣмъ стоитъ только отнестись къ этой второй части съ надлежащимъ вниманіемъ и уваженіемъ, и сложный вопросъ о происхожденіи сказки разрѣшился-бы, можетъ быть, гораздо легче. Она не

только по существу своему имѣетъ несомнѣнно древне-буддійскій характеръ, но важна также по сравнительно наибольшему количеству восточныхъ, особенно монголо-тюркскихъ варіантовъ. Въ пользу выдающагося и самостоятельнаго значенія этого мотива говоритъ также его широкое примѣненіе, какъ вставного эпизода, во многихъ другихъ сказкахъ, напр.: Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, III, 119, IV, 114; Манжура, Сказки, 27; Трейландъ, Латышскія сказки, 50; Радловъ, Proben, IV, 33; Пыпинъ Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей и сказокъ, 294—295, и мн. др. Еще болѣе подтверждаютъ это народныя, преимущественно славянскія и романскія пѣсни о дѣвушкѣ и преслѣдующемъ ее женихѣ-нелюбѣ, зависимость которыхъ отъ второй части нашей сказки не подлежитъ сомнѣнью (Ср. Петричейку-Хиждеу, Cărtile poporane ale Romanilor in sec. XVI, 501—566, 694—705).

На все это, однако, авторъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, такъ что въ опредѣленіи основного мотива сказки по неволѣ долженъ былъ отдать предпочтеніе первой ея части, подкупающей на первый взглядъ своимъ большимъ распространеніемъ въ народныхъ литературахъ современной Европы. Впрочемъ, даже внимательный разборъ самаго разсказа о колдовской школѣ долженъ-бы возбудить нѣкоторыя сомнѣнія относительно его основоположнаго значенія. Представленіе о чертовской, «черной» школѣ было распространено особенно въ средніе вѣка въ западно-южной Европѣ и возникло вѣроятно подъ вліяніемъ таинственной обстановки средневѣковыхъ ученыхъ, астрологовъ и алхимиковъ, окруженныхъ такими-же таинственными учениками. (Ср. Графъ, Naturgeschichte des Teufels, 249—250). Чертовская школа извѣстна хорошо также южнымъ славянамъ, румынамъ и мадьярамъ. (Ср. Archiv für slavische Philologie, II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; Маріану, Albina Carpatilor, III, 54; Шайнену, Basmele române, 871). Не естественно-ли предположить, что эти именно средневѣковыя представленія о чертовской школѣ легли въ основаніе нашей сказки о школѣ Оха, а затѣмъ въ ней-же перешли на Востокъ и слились тамъ съ существовавшимъ уже самостоятельно мотивомъ о чудесной борьбѣ двухъ могучихъ соперниковъ? Въ этомъ новомъ и сложномъ видѣ сказка могла впослѣдствіи возвратиться назадъ въ Европу, хотя параллельно съ нею могъ проникнуть сюда и самый разсказъ о борьбѣ и превращеніяхъ двухъ враговъ также отдѣльно и самостоятельно. Не открывается-ли ларчикъ, такимъ образомъ, совсѣмъ просто?

Другой вопросъ, тоже только поставленный, но не разрѣшенный авторомъ, состоитъ въ томъ, какими путями совершился этотъ переходъ сказки, какія постороннія наслоенія восприняла она во время своихъ блужданій и какіе слѣды оставила она на своемъ пути? Авторъ самъ сознаетъ и подчеркиваетъ выдающійся историко-литературный интересъ разбираемой сказки, но, къ сожалѣнію, ни одного изъ упомянутыхъ интересныхъ вопросовъ онъ не разбираетъ и не разъясняетъ нисколько, ограничиваясь только сухой схематической таблицей, испещренной неудобопонятными іероглифами и только еще болѣе осложняющей и запутывающей дѣло.

Вообще, на всемъ протяженіи своихъ разысканій авторъ поражаетъ какой-то странной безпомощностью, доходящей до той степени, что въ концѣ-концовъ онъ даже вовсе отказывается отъ какихъ-бы то ни было предположеній, предпочитая дожидаться «новыхъ открытій въ области древне-восточныхъ литературъ» (стр. 49). Только-же, если-бы даже въ самомъ дѣлѣ нужно было въ настоящемъ случаѣ дожидаться какихъ-то «новыхъ открытій», такъ почему-же авторъ такъ поторопился съ публикаціей своего «сравнительно-фольклорнаго изслѣдованія», почему еще не подождалъ малость? Зачѣмъ-же преждевременно ловить вѣтеръ въ полѣ?

Ю. Яворскій.

Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. Von L. Scherman und F. S. Krauss. Erlangen, 1899. Стр. 134, 8°.

Первое заглавіе этой полезной книги, кажется, слишкомъ громко. Вѣдь пока—

что едва-ли можетъ быть рѣчь о «всеобщей методикѣ» этнографіи, какъ науки, если, до сихъ поръ не только ея мелкіе практическіе пріемы, но даже общіе принципы ея изслѣдованія не установлены въ ней нисколько, не сведены хоть въ мало-мальски цѣльную систему. Всякій изслѣдователь долженъ все еще искать собственныхъ средствъ и идти своей собственной дорогой, если не хочетъ попасть, по слѣдамъ перваго—лучшаго фантазера, въ какую-нибудь непроходимую трясину.

Впрочемъ, даже самое, такъ сказать, правовое положенія этнографіи, ея роль въ ряду другихъ наукъ, ея отношеніе къ нимъ, даже имя ея, наконецъ,—все это до сихъ поръ не уяснено, не установлено на столько, чтобы можно было говорить о какомъ-либо научномъ порядкѣ или методѣ. Этого въ ней пока-еще нѣтъ и до поры до времени даже быть не можетъ.

Доказываетъ это особенно наглядно первая часть «Всеобщей методики» (стр. 21), составленная извѣстнымъ оріенталистомъ Л. Шерманомъ и посвященная разбору теоретическихъ словопреній англійскихъ и американскихъ фольклористовъ за 1890 годъ. Сколько тутъ разныхъ мыслей и взглядовъ, въ большинствѣ случаевъ неуловимыхъ и непримиримыхъ! Какой хаосъ направленій и методовъ, рѣзко оспаривающихъ, взаимно исключающихъ другъ друга! И это всего только за одинъ годъ, въ одной только семьѣ англо-саксонскихъ ученыхъ. Чего-же, послѣ этого, можно ожидать дальше?

И другой изъ авторовъ книги, сербо-хорватскій этнографъ Ф. С. Крауссъ, повидимому не слишкомъ увлекся преувеличенной задачей, сгоряча намѣченною въ заглавіи книги. Очевидно, при ближайшемъ соприкосновеніи съ наличнымъ матеріаломъ, вся предполагаемая «методика» автора разлѣзлась у него между пальцами. Поэтому авторъ ограничился въ концѣ-концовъ болѣе скромной задачей и сдѣлалъ только то, что въ данныхъ условіяхъ онъ сдѣлать могъ: далъ сжатый обзоръ важнѣйшихъ явленій этнографической литературы за семь лѣтъ 1891—1897. Къ сожалѣнію, однако, этотъ обзоръ далеко не полный, такъ какъ авторъ почему-то руководствовался своеобразнымъ протекціонизмомъ и удостоилъ своего вниманія только тѣ сочиненія, которыя были ему какъ редактору журнала «Der Urquell» доставлены непосредственно ихъ авторами и издателями. Вслѣдствіи этого библіографическій обзоръ г-на Краусса получилъ нѣсколько случайный и неровный характеръ, особенно-же блѣдно представлена въ немъ славянская и въ частности русская этнографическая литература. За послѣднюю въ данномъ случаѣ даже весьма обидно: авторъ отмѣтилъ только нѣсколько и то далеко не первостепенныхъ сочиненій русскихъ авторовъ, а такимъ важнымъ изданіямъ, какъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обозрѣніе», посвятилъ всего нѣсколько ничего не значущихъ строкъ.

Тѣмъ не менѣе «Всеобщая методика» можетъ сослужить научному изученію этнографіи, особенно-же нѣкоторыхъ сторонъ ея нынѣшняго состоянія, преимущественно въ западной Европѣ, хорошую службу, а помѣщенныя въ концѣ ея «наставленія фольклористамъ» слѣдовало-бы дѣйствительно изучать и помнить наизусть. Въ этомъ смыслѣ она заслуживаетъ полной признательности, тѣмъ болѣе, что это, насколько намъ извѣстно, первая осмысленная попытка нѣкоторой систематизаціи богатой этнографической литературы, растущей и развивающейся не по днямъ, а по часамъ.

Ю. Яворскій.

Караџић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање. Издаје и уређује Тих. Р. Ђорђевић. Година I. № 1—12. Алексинац, 1899. Стр. 280 + 26, 8°.

Какъ это ни странно, но сербская литература, давшая Славянству отца сербской этнографіи Вука Стефановича Караджича, не имѣла до сихъ поръ своего спеціально-этнографическаго изданія, а ея богатое «народно благо» ютилось и, конечно, пропадало въ разныхъ календаряхъ, журналикахъ и брошюрахъ, никому не извѣстныхъ и недоступныхъ. Только, въ самое послѣднее время возникли сразу два академическія изданія, посвященныя сербской этнографіи, но одно изъ нихъ, «Српски Етнографски Зборник» Бѣлградской Академіи Наукъ, посвящено только большимъ монографіямъ и сырымъ,

мелкимъ матеріаломъ не интересуется вовсе, другое-же, именно «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», издаваемый Южно-славянской Академіей въ Загребѣ, какъ по своимъ узко-хорватскимъ рамкамъ, какъ и вслѣдствіе своей непрактичной и неумѣлой редакціи, никакого значенія для сербской этнографіи, въ тѣснѣйшемъ этого слова значеніи, имѣть не можетъ [1]).

Поэтому можно только съ радостью и удовлетвореніемъ привѣтствовать новый, собственно-же первый сербскій этнографическій журналъ, начавшій выходить въ прошломъ году въ Алексинцѣ (въ Сербіи) и принявшій дорогое имя отца сербской этнографіи «Караџић». И имя это, въ настоящемъ примѣненіи, не пустой звукъ. Редакція, повидимому, относится къ дѣлу съ пониманіемъ и любовью, которыхъ сербская этнографія, послѣ Караджича и, пожалуй, еще Врчевича, не испытала, кажется, нисколько. Кромѣ этого журналъ не признаетъ никакой племенной розни между отдѣльными сербо-хорватскими областями и относится ко всѣмъ имъ, безъ различія вѣроисповѣданія и азбуки, съ одинаковымъ доброжелательствомъ и вниманіемъ.

Содержаніе журнала за первый годъ его изданія отличается прежде всего замѣчательнымъ разнообразіемъ и безпосредственной свѣжестью охваченнаго имъ сырого матеріала. Этотъ сырой матеріалъ и есть самое цѣнное и интересное въ журналѣ. Тутъ мы находимъ и цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, преданій и сказокъ, большинство которыхъ пріурочено къ разнымъ мѣстностямъ и зданіямъ или-же къ Кралевичу Марку и богатые своды загадокъ, пословицъ, прибаутокъ и повѣрій, и интересные матеріалы для исторіи юридическихъ, музыкальныхъ и техническихъ народныхъ обычаевъ и пріемовъ — вообще въ тѣсныхъ рамкахъ журнала охвачена, можно сказать, вся народная жизнь и словесность почти въ полномъ, хотя только въ миніатюрномъ, видѣ. И какъ съ одной стороны нельзя не порадоваться такой всесторонности журнала, то, съ другой, слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что его маленькій объемъ вслѣдствіе этой именно всесторонности матеріала, чувствительно стѣсняетъ послѣдній, ограничивая его только небольшими замѣтками и отрывками. Изъ болѣе цѣльныхъ статей журнала отмѣтимъ особенно интересныя этнографическія замѣтки заслуженнаго В. В. Вукасовича («Народни везови у Далмацији», «Покон код Срба у Лици», «Стока у Харцег-Босни»), очеркъ похоронныхъ обычаевъ въ Мостарѣ Л. Г. Бѣлокосича, воспоминанія г. Миличевича изъ временъ смѣшной борьбы сербскаго правительства противъ Вуковой правописной реформы и др.

Наконецъ въ каждомъ выпускѣ журнала имѣется рядъ мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, а также краткіе библіографическіе обзоры новыхъ явленій этнографической литературы. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что желательна была-бы въ нихъ бо̀льшая полнота именно сербскихъ библіографическихъ сообщеній, между тѣмъ какъ редакція, повидимому, болѣе интересуется «высокой», нѣмецкой и французской литературой. Эту роскошь, однако, могутъ позволять себѣ только совсѣмъ ужъ установившіяся развитыя изданія.

Какъ бы тамъ ни было, однако, можно только порадоваться, что сербское «народно благо», пренебрегаемое академическими изданіями, нашло, наконецъ, благодаря появленію «Караџића», свою надежную, хотя, впрочемъ, пока еще даже весьма скромную и невзрачную сокровищницу, спасающую его отъ преждевременной порчи и гибели.

Ю. Яворскій.

---

[1]) Съ этимъ рѣзкимъ отзывомъ ред. согласиться не можетъ. Въ различныхъ книжкахъ этого Сборн. заключается не мало важныхъ данныхъ, наблюденій о сербо-хорватской народности и ея живой старинѣ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

I.

Румынская «дойна».

(Къ квестіонарію Э. А. Вольтера).

Объясненіе румынской «дойны», сдѣланное г. Кожухаровымъ («Жив. Старина», 1900, III, 443), не вполнѣ правильно. «Дойна» дѣйствительно означаетъ пѣсню, но не одну какую-нибудь, съ опредѣленнымъ, хотя неизвѣстнымъ г. Кожухарову текстомъ и напѣвомъ. «Дойна», подобно малорусской думкѣ, составляетъ цѣлый отдѣлъ въ народно-пѣсенномъ репертуарѣ румынъ и имѣетъ, конечно, очень много разнообразныхъ текстовъ и мелодій, преимущественно грустныхъ и заунывно-протяжныхъ. Такое значеніе имѣетъ это слово въ Буковинѣ и Румыніи. Недавно вышелъ въ Букарештѣ даже цѣлый большой сборникъ такихъ народныхъ «дойнъ».

Ю. Яворскій.

II.

Считаю своимъ долгомъ представить весь разсказъ о чортѣ и Румынѣ, такъ какъ вкралась маленькая ошибка.

Существуетъ у насъ въ Бессарабіи разсказъ о чортѣ и Румынѣ, которые, встрѣтившись, шли въ ненастную погоду. Грязь была непролазная и мужикъ предложилъ чорту везти по очереди другъ

друга на себѣ до тѣхъ поръ, пока сѣдокъ (или сидящій на спинѣ) не окончитъ произвольно избранной пѣсенки.

Бросили жребій, и мужикъ долженъ былъ первый везти чорта. Чортъ, сидя на спинѣ мужика, скоро спѣлъ свою пѣсенку и долженъ былъ слѣзть со спины мужика и предоставить послѣднему свою спину. Мужикъ, усѣвшись поудобнѣе на чортѣ, запѣлъ излюбленную «дойну». Потѣетъ чортъ подъ мужикомъ и ждетъ конца пѣсни, но не тутъ то было—пѣсня была безконечна, и чортъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ довезти мужика домой.

Очень сожалѣю, что письменно не представилъ Вамъ этого разсказа раньше, такъ какъ теперь прійдется ввести поправку.

Н. Кожухаровъ.

26 Сентября 1900 г.

III.

Получивъ отъ г. Н. В. Томаса изъ Лондонскаго Антропологическаго Института 3 Hanover Sq. слѣдующіе вопросы по части народныхъ суевѣрій относительно животныхъ, Редакторъ «Ж. Стар.» проситъ покорнѣйше редакціи «Губернск. и Епар. Вѣдомостей» перепечатать эти вопросы съ просьбою къ мѣстнымъ знатокамъ присылать отвѣты на тѣ или другіе изъ этихъ вопросовъ, если не на всѣ, редактору «Жив. Стар.» (Петербургъ, Звенигородская, 32).

Отвѣты по мѣрѣ полученія будетъ печататься въ «Жив. Стар.» (въ Отд. вопросы и отвѣты), и отдѣльными оттисками отсылаемы въ Лондонскій Антропологическій Институтъ.

1. Какія животныя (птицы, рыбы, насѣкомыя и т. д.) означаютъ счастье или несчастье тому, кто ихъ видитъ?

2. Какія животныя приносятъ дому, гдѣ живутъ, счастье или несчастье?

3. Какія животныя предсказываютъ смерть?

4. Какія животныя предсказываютъ цѣну хлѣба, обильную жатву?

5. Дается ли послѣднимъ хлѣбнымъ колосьямъ имя животнаго, и какого? Говорятъ ли, что то или другое животное пробѣжало по полю, когда хлѣбъ наклонило вѣтромъ?

6. Держатъ ли животныхъ (птицъ и т. д.) въ домахъ, дабы удержать благополучіе, охранить себя отъ болѣзней и т. д.? Нужно ли первое замѣченное весною какое-либо животное поймать, привѣтствовать и т. д.? Есть ли животныя (птицы, яйца и т. д.), коихъ нельзя брать къ себѣ домой?

7. Какое значеніе имѣетъ въ народномъ суевѣріи масть, цвѣтъ, краска того или другого животнаго? Оказывается ли предпочтеніе бѣлымъ животнымъ?

8. Какія животныя въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ считаются какъ бы священными, коихъ нельзя убивать, употреблять въ пищу, на коихъ неохотно смотрятъ, къ тѣламъ и гнѣздамъ коихъ неохотно прикасаются и коихъ даже не называютъ обыкновенными именами?

9. Есть ли животныя, мясо коихъ ѣдятъ лишь разъ въ годъ и даже разъ въ годъ съ особенными обрядами?

10. Есть ли животныя, за коими охотятся разъ въ годъ или коихъ убиваютъ при народныхъ увеселеніяхъ? или сбрасываютъ съ извѣстной высоты, или по доброй волѣ отпускаютъ ихъ на свободу? Или такія, коихъ преслѣдуютъ, колотятъ и бьютъ?

11. Обносятъ ли въ Святое Воскресенье или вообще на Святой недѣлѣ какихъ-нибудь животныхъ или ихъ чучела или изображенія, и бросаютъ ли ихъ въ огонь? и т. д. Продаются ли единожды въ годъ какія-нибудь животныя или насѣкомыя? Покупаютъ ли ихъ, дабы отпустить на Божью волю?

12. Есть ли повѣрье, что можно получить цѣлебную или волшебную силу отъ употребленія въ пищу мяса извѣстныхъ животныхъ, или отъ прикосновенія къ нимъ, или когда онѣ гибнутъ въ рукѣ у человѣка? Людямъ какого возраста, какихъ лѣтъ должно это предпринимать?

13. Какихъ животныхъ употребляютъ при колдовствѣ или въ народной медицинѣ и съ какими цѣлями? Какъ нужно убивать такихъ животныхъ?

14. Изготовляются ли калачи, булки, пироги съ видомъ животныхъ или съ разными ихъ изображеніями, или такіе, коимъ придаются названія животныхъ?

15. Есть ли повѣрье, что покойники являются въ видѣ животныхъ?

16. Есть ли повѣрье, что вѣдьмы принимаютъ видъ животныхъ?

17. Какія животныя понимаютъ человѣческую рѣчь?

18. Какія животныя въ чужихъ странахъ принимаютъ видъ человѣческій или по собственному желанію появляются въ этомъ видѣ? Какія животныя считаются проклятыми людьми?

19. Какія животныя приносятъ маленькихъ дѣтей и откуда?

20. Есть ли сказки или преданія о лебедяхъ - дѣвахъ и юношахъ? Или преданія о предкахъ звѣрообразныхъ или съ звѣриными частями тѣла, о рожденіи животныхъ и т. д.?

21. Имѣютъ ли какое значеніе животныя при обрядахъ родильныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ?

22. Кладутся ли головы животныхъ или ихъ черепа на домовыхъ крышахъ или на поляхъ?

23. Какія животныя обыкновенно изображаются на вывѣскахъ (гостинницъ и пр.) и на флюгерахъ или флюгаркахъ (вѣтреницахъ)?

24. Есть ли дѣтскія игры съ именами или съ представленіями животныхъ (кошка и мышка, гуси - лебеди и т. д.)? Бываютъ ли на Свѣтлой недѣлѣ катанье яицъ, бѣга и пр.?

25. Хоронятъ ли по суевѣрнымъ основаніямъ найденныхъ мертвыми животныхъ, погребаютъ ли въ заговѣнье? и т. д.

При этомъ просятъ при каждомъ отвѣтѣ:

1. Всегда обозначать мѣсто наблюденій.

2. Сообщать народныя (мѣстныя) названія животныхъ.

3. При отвѣтахъ на вопросъ 14 приложить самые калачи или булки или по крайности ихъ рисунки, изображенія. Для объясненія отвѣтовъ на вопросъ 22 желательны также рисунки.

Н. В. Томасъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Переступень.

Перестỳпень (Bryobia alba L.) ростэ̀, якъ сы полюбытъ мѝсце, за углòмъ за хàтовъ або въ горòди, съ-пивъ мэтра у землы̀. Лыстье маѥ таке, якъ на хмэлю, скризь обсыпане чорными ягодами. Маѥ такы̀й кòринь, акурàтъ такый, якъ малà дитына, маѥ гóлову, руки, ногы. Вонъ винъ ѥ зъ тыхъ дитэй-потырычать, перекидàѥся зъ ныхъ.

Хто не знаѥ, а ёгò урвэ̀ або перѐтне, то винъ зàразъ пошкòдытъ, пораны̀тъ на цилѝмъ тѝли, ажь кровь течѐ, видòйме руки, ногы, або й рòзумъ. А зъ корѝння ёго тече бѝла кровь. Тогды той хрестьяны̀нъ лежы̀тъ хòрый и може лежаты й кѝлька рòкивъ. Ажь якъ-бы ся довѝдавъ, що то видъ перестỳпня ёму такъ ѥ, то тогды берѐ цилỳшку хлѝба и мàсла свячѐного и крѐйцарь, кладэ̀ тотò кòло тòго перестỳпня. прытỳлытъ до тòго мѝсця, дэ го утявъ, помасты̀тъ и перепрòсытъ ёго. И тогды прыгòрне землэ̀въ и вже му тогды зàразъ полэ̀кшытъ.

Часòмъ дэ якъ горòдятъ плитъ и натрàфытъ хто колòмъ на нэ̀го, то мỳсытъ розибрàты плитъ и навкòло нэ̀го обкопаты зэ̀млю.

Перестỳпень часòмъ перекѐдуѥся въ дитыну. Вы̀скочытъ зъ землѝ и сàда собѝ на плòти або на якѝмъ слỳпи, поднэ̀се однỳ руку и ногу до горы̀ и сыды̀тъ. А потòму счѐзне—не знàты дэ.

Дэ винъ ростэ̀, то прынòсытъ счѝстье и маѥ̀токъ. Але якъ му ся мѝсце змерзы̀тъ, або щò, то забѐреся и перѐйде на ѥ̀нче мѝсце. Люде го дуже шанỳютъ и не рỳшаютъ го. Хто знае видмòвыты, той го може вы̀рваты и ницъ му ся не стàне. То ѥ дуже дорогэ̀ корѝнье, нàвить го до апты̀ки продаю̀тъ и вже тамъ въ апты̀ци знаютъ, до чòго онò ѥ налэ̀жне.

(Записана отъ Сеня Вереса изъ с. Русятычи. Бобрецкаго у.).

Срвн. мою статью «Die Mandragora im südrussischen Volksglauben» въ «Zeitschrift für österreichische Volkskunde», 1896, вып. 12, стр. 353—361; J. L. Holuby, «O Mandragore», въ «Slovenské Pohlady» 1883, стр. 183—191; «Zeitschrift für Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1891, т. XXIII, стр. 726—746, 890—892; P. I. Veth, «De leer der signatuur. Met een naschrift: de mandragora». Лейденъ, 1894, стр. 9—16, 54—60, и др.

2. Богыня.

Богы̀ня—то така̀ нечы̀ста кобы̀та, що жые в лѝси; она хо̀дыть го̀ла, а цыцькы̀ мàє такѝ до̀вги, що може ихъ перевѝсыты чѐрезъ плэ̀чи, гыбы ко̀сы.

То она ссэ люды̀й, цы диво̀къ цы хло̀пцивъ, кого-бу̀дь. Такъ усыпляє чоловѝка, же му ся такъ ду̀же спаты хо̀че, гы̀бы му очы зашы̀въ. Тай за̀разъ кладэ̀сьи ко̀ло нэ̀го и ссэ и ссэ, якъ дитына маму. То пото̀му такы̀й хло̀пець мàє такѝ цыцькы̀ велы̀ки, якъ кобѝта, що має дитыну.

А она ще минѧ̀є въ ноцы̀ дѝты; якъ ино не хрещѐне, то за̀разъ пидминѧ̀є: во̀зьме лю̀дьску дитыну, а лышàє свою, таку̀ суху̀ а паску̀дну, же сьи мэ̀рзко подывы̀ты. То є видмѝна. (Записано отъ Каськи Загальской, изъ с. Стольска, Жидачевскаго уѣзда).

Срвн. Н. Сумцова «Boginki-Mamuny» въ варшавской «Вислѣ» 1893 г. и мою ст. «Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ» въ «Живой Старинѣ». 1897, вып. III—IV, стр. 439—441.

Ю. Яворскій.

Примѣты и разсказы.

Примѣты, разсказанныя учениками 1-го класса Боровскаго уѣзднаго училища.

Глазъ правый чешется къ лучшему—къ радости, а лѣвый—плакать.

Рука чешется—деньги получать, которая нибудь все равно.

Воронъ кричитъ на крышѣ—къ упокойнику.

Носъ чешется—къ упокойнику.

А то носъ чешется—вино пить.

Собака воетъ къ верху—къ пожару, а къ низу—къ покойнику.

Курица запоетъ—къ покойнику, тогда ей голову нужно отрубить, не будетъ покойника? Небудетъ другой: нѣтъ, это невѣрно: будетъ покойникъ.

Кукушка близко кукуетъ—къ покойнику.

Зеркало лопнетъ—къ упокойнику, къ несчастью.

Когда ледъ на рѣкѣ не растаялъ, чернава въ пролуби каково-то увидалъ, выбѣжалъ черный изъ рѣки прямо побѣжалъ къ больницы—это къ упокойнику: у насъ мамаша померла.

Палѣно упадетъ съ дровъ,—кто нибудь женится или замужъ выйдетъ. Кто видѣлъ: одинъ мальчикъ шутливо: я сколько разъ видѣлъ.

Горшокъ въ печкѣ шибко шипитъ—значитъ къ упокойнику. У насъ такъ братъ померъ.

Самоваръ какъ гудитъ: если печально, къ упокойнику, если весело вонъ какъ пароходы гудятъ, къ новостямъ, или уѣзжать кому нибудь.

Еще чаю напьесься, а сомоваръ будетъ шумѣть, гости прiѣдутъ.

Еще когда чашку накроешь, чаю напьешься, она загремитъ—тогда вѣсти слышать.

Чугунъ гудитъ въ печкѣ—кто нибудь помретъ.

Кошка когда играетъ, да когтями когда скребетъ—къ морозу.

Если голубь на окнѣ сидитъ одинъ да что нибудь клюетъ—письмо получать.

Когда чайникъ обольешь, не усмотришь—какой нибудь человѣкъ придетъ.

Кошка на полу растянется, ноги протянетъ—къ теплу.

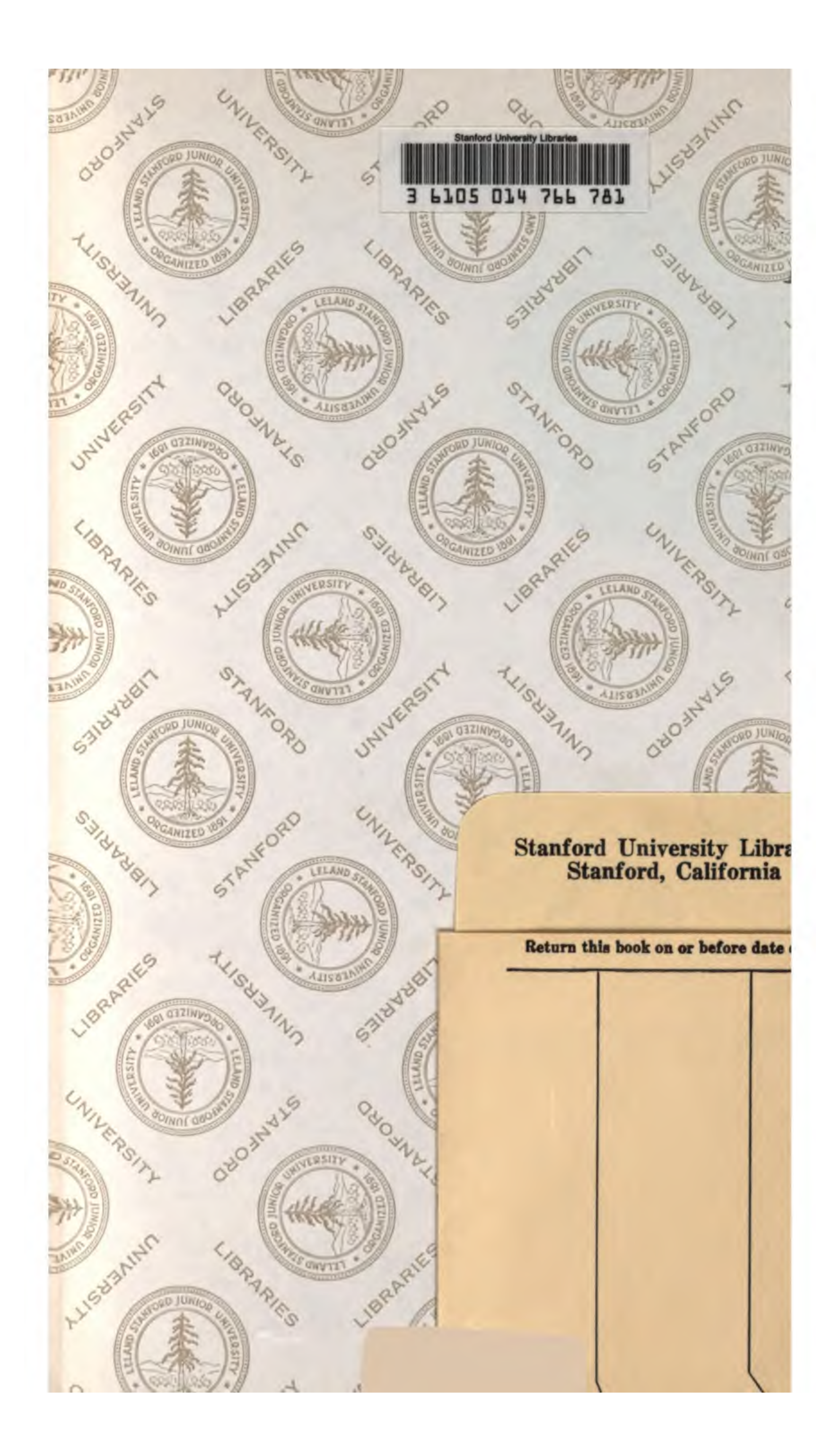
Голубь когда въ окно влетитъ—кто нибудь умретъ.

Сова на крестѣ—къ сильному пожару.

Сорока щебечетъ близко, на дворѣ—къ новостямъ.

Уши
Лице
Столбы
Кругъ окол усск.


STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891


Stanford University Libraries
3 6105 014 766 781
Stanford University Libra
Stanford, California
Return this book on or before date

